Г. М. Кржижановский

Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР[1]

План ГОЭЛРО и пятилетка

Товарищи, если просмотреть мировую литературу о плане, о плановом строительстве хозяйства, о том или ином подходе к построению социализма, то вы увидите, что написаны целые горы. Но есть, товарищи, литература и литература. Лига Наций по поводу разоружения написала 14.000 листов, но эти листы, эта литература подвергнется только грызущей критике мышей. А есть такие творения лучших человеческих умов, есть работы коллективов, которые вырублены из жизни, которые двигают и толкают жизнь. Так вот, товарищи, то, что сейчас демонстрируется перед вами, не относится к простой литературе. Это создано громадным коллективом, это выросло на почве работы лучших умов человечества, восприняло в себя руководящие идеи творцов коммунизма, марксизма, выросло на громадном хозяйственном опыте нашей страны, на совершенно своеобразном опыте, в котором нет для нас препятствий для использования работников любых квалификаций, для использования самого многостороннего опыта практического строительства, в громадном, неслыханном для истории масштабе.

Мы только что выпустили из печати полторы тысячи страниц нашего коллективного труда. А мы уже чувствуем, что основные ставки того строительства, которое мы развертываем на страницах этих трактатов, уже широко известны стране. Пройдет еще короткий срок и каждый рабочий, каждый крестьянин будут знать, что означают эти ставки нашего строительства. Эти основные цифры будут стоять твердо в памяти, как основные вехи, на которых должно быть сосредоточено все внимание нашего актива, потому что от выполнения этих ставок зависит все наше грядущее.

Рабочие и крестьяне будут твердо помнить, что, исполняя заветы Ленина, мы хотим нашу страну сделать электрической, что 22 миллиарда киловатт-часов производства электроэнергии к 1932/33 г., это—основная ставка нашего пятилетнего плана и что ее нужно во чтобы то ни стало выполнить. Рабочие и крестьяне будут знать, что мы даем громадный под'ем тому, что мы называем хлебом про-

[1] Полный текст доклада на V с'езде советов СССР.

мышленности — топливу; они будут помнить, что мы хотим поднять продукцию нашего каменного угля с 35 млн. тонн до 75 млн. тонн ежегодной продукции. Отчетливо будут знать рабочие и крестьяне, что нефть, то, что называется черным золотом, не забыта нами, что мы хотим поднять продукцию этой нефти с нынешних 11—12 млн. тонн почти вдвое — на 22 млн. тонн. Также отчетливо будут они помнить и знать, что в одной из самых сложных производственных задач — в черном металле — продукция должна быть поднята не менее, чем до 10 млн. тонн.

С такой же отчетливостью страна будет знать, что мы идем навстречу нуждам химизации, что мы поднимаемся от ничтожного уровня — 500 тыс. тонн разнообразных химических туковых удобрений до 8 и более млн. тонн. Также отчетливо и твердо будет знать страна, что для того, чтобы освободиться от кабальной зависимости от опередивших нас индустриальных стран, мы будем создавать собственные машины и поднимем продукцию общего машиностроения до стоимости в 2 миллиарда рублей. Одно из крыльев этого машиностроения, быть может решающее, — производство сельскохозяйственных машин, будет поднято до годичной продукции, по стоимости равной 610 млн. руб., т.-е. будет почти утроена современная продукция.

И по другой линии, не менее важной, товарное производство хлебов, дающее ныне всего около 8 млн. тонн, будет поднято не менее, как до 20 млн. тонн.

Рабочие и крестьяне уже знают громадность задуманного хозяйственного строительства; цемент — основа строительства. Его производство будет доведено до 40 млн. бочек в год.

Наконец, по линии транспорта мы пойдем с такой постройкой новых железных дорог, которая, примерно, равна созданной за все революционное прошлое; мы дадим нашей сети еще около 18—20 тыс. *км* новой железнодорожной сети. Эти основные ставки и цифры должны быть и скоро будут крепким достоянием сознания каждого активного работника нашей страны.

Товарищи, заранее можно знать, что многие, особенно за нашим рубежем, об'явят эти ставки неслыханными, будут говорить, что это фантазия, измышление. По масштабу буржуазных государств, по всему их прошлому, по всему тому, что знала человеческая история в области хозяйственного строительства, таких темпов, такого движения, такого броска вперед никто не делал, никто им и не задавался.

Но, товарищи, нам не привыкать-стать к насмешкам, к недоверию тех, которые не видят нашей действительности, не желают видеть ее, для которых вся наша действительность представляется фантастикой. Мне вспоминается такое же недоверие 8 лет тому назад, когда мне пришлось впервые выступать здесь же, с этой трибуны с планом электрификации страны, планом государственной комиссии по электрификации (сокращенно — планом ГОЭЛРО). Вы помните, какое это было время. Страна еще находилась под военной грозой, мы еще продолжали скатываться вниз, в бездну глубочайшей экономической разрухи. И вот, по директивам партии, был составлен первый перспективный хозяйственный план. Мы собрали тогда горстку лиц, научно-технических работников, и под непосредственным руководством Владимира Ильича, по прямым директивам нашей партии попробовали разобраться в том хозяйственном хаосе, который нас окружал, попробовали апеллировать к завоеваниям науки и техники и к тому рабоче-крестьянскому активу, созидательную силу которого мы, вопреки разрухе и войне, видели и ощущали. В этом плане мы смело набросали очерк нашего будущего, рисунок того строительства, которое мы, с нашей точки зрения, могли и должны были осуществить. И немедленно раздались насмешки: говорили, что это не план электрификации, а план „электрофикции", говорили, что это поэзия, творчество, далекое от действительности.

21 декабря 1921 г. этот план ГОЭЛРО был утвержден Совнаркомом. Минимальный срок его выполнения был намечен в 10 лет. Теперь, говоря вам о пятилетке, я подвожу итоги возможного по нашим новым нынешним расчетам строительства, как-раз к тому же сроку, к которому, как и минимальному, был приурочен весь план ГОЭЛРО. И вот посмотрите, как теперь, умудренные опытом, с большими фактическими достижениями, опираясь не только на творчество группы научных работников, не только на работу „сверху", но опираясь на действительный опыт жизни, на работу многомиллионного „низового" коллектива, мы в целом ряде решающих направлений в сущности только воспроизводим ставки того же плана ГОЭЛРО. Мы это сейчас подтвердим.

Прежде всего, пару слов, чтобы об'яснить смелость ставок плана, больших цифр его строительной программы. Мы держим в своих руках хозяйственный механизм, исполненный таких сил, которых человеческое общество не знало. Мы живем в стране, которою, впервые в мире, управляет диктатура пролетариата. Мы живем в стране, в которой не имеется никаких препятствий для того, чтобы воплощать в жизнь наиболее развернутый фронт знания, не считаясь ни с какими перегородками, которые может ставить частная собственность или корысть капиталиста.

Что показывают нам простые, точные, научные расчеты? Уже один факт перехода в общественную собственность орудий и средств производства дает нам громадную экономию. Простые и многоговорящие цифры: крестьянство в ипотечных платежах, арендных и банковских, вследствие устранения помещиков и землевладельцев, экономит из года в год свыше 300 млн. руб. Устранение непроизводительного потребления верхней части общества, буржуазной верхушки тузов-капиталистов, по самым осторожным подсчетам, дает не менее

600 млн. руб. годичной экономии. Освободившись от грандиозной зависимости по уплате военных и всяческих других иностранных долгов, в которых запуталось царское правительство, мы будем иметь из года в год экономию не менее 500 млн. руб. Уничтожив огромную пиявку военного хозяйства царской России, где хищения господствовали как ни в одной другой хозяйственной области, поставив нашу оборону на совершенно иные рельсы, мы экономим не менее 500 млн. руб. из года в год. Подсчитайте общую сумму — это не менее двух миллиардов рублей в год, это—около одной седьмой части всего годичного довоенного народного дохода. Вот что дала нам Октябрьская революция, вот, какие огромные материальные средства мы получили, как добавочные средства для развертывания хозяйства, при чем для развертывания на новой более совершенной основе, на основе планового режима.

И вот, товарищи, действительность показала, что вопреки трудностям налаживания планового хозяйства, ибо оно не дается сверху, а завоевывается всем нашим трудовым коллективом в процессе непрестанной борьбы за план, эти огромные завоевания, которые возможны лишь при победе диктатуры пролетариата, мощно дали себя знать. Действительный ход хозяйственных событий показал, что эти плюсы, при наличности встрепенувшейся воли к труду у рабочих и крестьян, дают возможность ставить такие большие ставки в наших перспективных хозяйственных планах. Вспомним эти основные ставки. План ГОЭЛРО был планом электрификации. Тов. Рыков приводил уже справку, что по этому плану намечалось построить 30 районных электростанций общей мощностью в 1.750 тыс. киловатт. В пятилетке мы идем уже не с 30 электрическими станциями, а с 40. Мощность их значительно превосходит мощность, намеченную раньше (от 2.500 до 3.000 тыс. киловатт).

Что это означает?

Действительность показала, что нажим ГОЭЛРО на электрификацию был правилен, что он не только не был преувеличен, а как-раз наоборот. Не рассуждения, а прямые ответы на запросы по электроснабжению мест, важнейших районов, важнейших отраслей народного хозяйства вынуждают нас теперь итти в этом деле далее и решительней. В общем и целом, однако, мы идем по строительству районных станций как-раз в тех местах, которые были намечены по плану ГОЭЛРО. Новые станции пятилетки лишь уточняют этот проект, ограничиваясь в большинстве случаев лишь увеличением первоначально намеченных мощностей.

А вот другая важнейшая строительная хозяйственная линия — металл. Я прямо прочту вам, каким образом мы рассматривали программу черного металла в плане ГОЭЛРО. Вы увидите, как сейчас новая проработка вопроса поразительно близко подвела нас к тем же величинам, какие мы намечали в 1920 г.: „В программу производительности ближайшего десятилетия должно быть поставлено увеличение выплавки Южного района до 5 млн. тонн. Это увеличение может быть достигнуто полным использованием оборудования существующих заводов, расширением таковых (между прочим Керченского) и устройством нового крупного завода на 670—750 тыс. тонн около Александровска. Урал может дать при добавочном снабжении донецким и кузнецким углем до 25 млн. тонн, Центральный район— до 417 тыс. тонн и Северный такое же количество. Для обслуживания Сибири следовало бы развить металлургическую промышленность в Кузнецком бассейне. В сумме выплавка чугуна должна быть доведена в ближайший срок до 8.400 тыс. тонн в год, при чем придется прилагать все усилия для дальнейшего увеличения этой нормы".

Десять миллионов тонн чугуна пятилетки — это 600 млн. пудов. Вы видите полное совпадение ставки нашей пятилетки с планом ГОЭЛРО, ибо в ГОЭЛРО говорилось, что 8.400 тыс. тонн чугуна будет мало. По пятилетке Украина должна дать 6 млн. тонн чугуна, и сличая разверстку по местам и по характеру строительства в обоих планах, вы увидите полное совпадение.

Посмотрим дальше, что мы говорили о топливном центре — Донецком бассейне. Мы говорили в 1920 году, что надо довести добычу Донбасса с опорой на крупные шахты до 47—50 млн. тонн. Посмотрите, как сейчас намечаем: 54 млн. тонн угледобычи Донбасса по пятилетке — это в переводе на пуды соответствует задаче поднять угледобычу Донецкого бассейна — до 3 миллиардов пудов.

По добыче торфа намечалось получить не менее 1 миллиарда пудов (около 17 млн. тонн). Мы делаем в нашей пятилетке ставку на 16—18 млн. тонн торфа. Также поразительно совпадение и по черной руде — в обоих планах 20 млн. тонн. Уже эти справки показывают, что ставки нашей пятилетки в общем и целом близки к наметкам плана ГОЭЛРО. А их можно было бы значительно продолжить.

По плану ГОЭЛРО предвиделось громаднейшее расширение туковой удобрительной промышленности, фосфоритной муки, фосфоритных и азотистых удобрений. Там говорилось о большом строительстве государственных совхозов, при чем предвиделся длительный путь для выправки их хозяйства. О чем это говорит? Над этим следует задуматься. Это говорит о том, что мы имеем поразительное совпадение научного анализа, того анализа, который был нашим преимущественным средством в ту пору, когда мы писали план ГОЭЛРО с данными тех больших и сложных расчетов, которые мы могли пустить в ход при выработке пятилетки. Изучая ее полторы тысячи страниц, вы увидите, какая работа на этот раз проделывалась, работа по преимуществу учета фактического хозяйственного опыта, учета дискуссий с работниками мест, опиравшимися прежде всего на то, что свидетельствует им сама их хозяйственная деятельность.

Ставки пятилетки вырублены из самой жизни. Поразительное совпадение творчества научной мысли, ее предвидения, с тем опытом, который фактически проделывался нами за эти поучительные великие годы нашей хозяйственной жизни! Пусть маловеры призадумаются над этим обстоятельством. Оно должно показать им, что мы были правы, когда были уверены, что сможем, опираясь на особые условия нашей страны, создать такую необычайную спайку между работой теоретической научной мысли и фактической хозяйственной работой на местах, которой еще мир не знал и не мог знать,— мир, живший в условиях противоположения труда и капитала, мир, знавший науку, направленную на служение интересам лишь горстки верхов, — мир капиталистический. Все это вселяет в нас бодрую уверенность, что мы идем по правильному пути.

Товарищи, Владимир Ильич назвал план ГОЭЛРО второй программой партии. Это мы с еще большим правом можем сказать относительно пятилетки. Здесь еще более достоверности в прощупывании, в опытной проверке строительства хозяйственных основ социалистического общества.

Совпадение пятилетки по основным решающим вехам с планом ГОЭЛРО, который не без основания назывался планом Ленина, говорит, что в хозяйственном разрезе мы идем по ленинским вехам. На ряду с этим как зеницу ока мы будем блюсти основную программу партии, партии, созданной тем же Лениным. Мы идем по пути, который как бы с двух сторон огражден вехами, поставленными гениальной и твердой рукой Владимира Ильича. С тем большей уверенностью мы пойдем по этому пути в дальнейшем, какие бы трудности и препятствия нам не встретились, какие бы насмешки на нас не сыпались. Мы знаем, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мы все твердо будем стоять у хозяйственного руля и великим показом докажем, что в нашей стране впервые строится не теоретический, а подлинный социализм— строится действительное господство трудящихся над всеми стихиями, обеспеченное мощным материальным базисом.

Энергетические ресурсы

Товарищи, по соглашению с тов. Куйбышевым, наши доклады распадаются на две части. На мою долю из области промышленной приходится и энергетика, т.-е. топливо и электрическая энергия, иными словами все то, что обеспечивает работоспособность промышленности. Энергетика, сказать попросту, это — работоспособность. Громаднейший раздел промышленности будет докладывать тов. Куйбышев, и мне надо быть очень осторожным, чтобы не затронуть его темы. Все остальные части хозяйства по условиям времени мною должны быть доложены в самой краткой форме.

Итак, позвольте мне начать прежде всего с основного, с хлеба промышленности — топлива.

Товарищи, если мы посмотрим, как развивалась наша промышленность то мы, прежде всего, увидим, что пути ее развития шли как бы по линиям топливных ресурсов, в меру того, как мы могли развивать использование природных ресурсов топлива. Первая промышленность нашей страны была развита в Центрально-Промышленном районе и на Урале потому, что здесь были огромные лесные богатства.

Громадное развитие нефтедобычи в период конца 80-х и начала 90-х годов повлекло развитие промышленности на Волге до ее верховьев. Ленинград шел на иностранном импортном угле. Нечего говорить, что вся промышленность нашего Юга базировалась на громадной базе Донецкого бассейна.

Не надо забывать, что в грядущее пятилетие как-раз в этой области наступают решительные сдвиги. Теперь, более, чем когда либо, для того, чтобы проследить судьбы индустриализации, мы должны отдавать себе ясный отчет в развитии базы индустриализации, в производстве хлеба для промышленности — топлива. Какие же это сдвиги? Прежде всего широкое получение импортного угля для нас исключается, по понятным для вас соображениям. Леса наши для дровяного использования мы должны щадить. У нас огромная строительная программа, и требования деловой древесины громадны. Мы должны поднять годичную продукцию одной деловой древесины с 60 млн. куб. метров вдвое, а лесные районы, находящиеся вблизи, сильно вырублены. Мы должны найти специальные транспортные средства для развертывания новых лесных районов, крайне необходимых не только для внутренних строительных надобностей, но и для мощного под'ема лесного экспорта.

Я еще не сказал, что теперь мы идем в наши леса с задачами крупной, специально лесной, химической и механической промышленностями. Должен еще подчеркнуть, что движение современной технологии показывает нам, что древесина и в дальнейшем будет играть главную роль не как топливо, а как предмет самой разнообразной, многообещающей механической и химической переработки.

Наконец, нефть. Мы должны всячески беречь ее от грубого топливного использования, как продукт, необходимый для разнообразных переработок, как основу экспортных товаров величайшей важности. Донецкий бассейн со своим углем уже 4—5 лет находится в таком напряжении, когда мы с величайшей осторожностью должны намечать этапы его дальнейшего развития, чтобы это напряжение не перешло в перенапряжение.

Как видите, товарищи, топливные предпосылки у нас другие, чем были прежде. Вопросы топлива приобретают колоссальную, быть может решающую, роль для успехов всей задуманной нами хозяйственной программы.

Можно ли вообще считать, что эта программа реалистична в том смысле, что наши основные топливные ресурсы обеспечат на-

меченные темпы индустриализации. Имейте в виду, что мы сравниваем одно топливо с другим по его теплотворным способностям. Мы переводим одно топливо в другое, приравнивая его примерно к среднему донецкому углю. Донецкий уголь определяется в 7.000 теплотворных (калорий) в килограмме. Этими условными единицами мы измеряем мощность всех наших топливных ресурсов, переводя их в одно измерение.

Каков же наш природный запас всего топлива в этих условных единицах? Он определяется огромной цифрой в 600 мрд. тонн. Мы подходим с такими скромными по отношению к этому запасу потребностями топлива из года в год, что страховка и перестраховка здесь колоссальные.

По пятилетке, к концу ее, мы будем расходовать в год для всех производственных надобностей всего около 100 млн. тонн условного топлива.

Но как распределяются по родам топлива наши природные ресурсы? Почти 90% приходится на разные каменные угли, 8% падает на торф, 1% падает на нефть и немногим более 1,5% приходится на дрова. Таким образом, решающее значение имеют угли: 90% всего природного топливного запаса. Но когда мы переходим от общей разведки природных ресурсов к таким ресурсам, которые мы уже нащупали более основательно, которые мы можем назвать промышленными ресурсами,— потому что по расчетам наших техников и экономистов наличность их прочно установлена и они расположены выгодно для промышленного использования,— то тут перед нами развертывается поразительная картина. Оказывается, что как каменный уголь, так и торф, так и нефть — эти основные части нашего топливного баланса,— мы знаем по промышленно разведанным ресурсам только в трех процентах их естественных богатств. Только леса — наше старейшее топливо — разведано промышленно в одну треть, а во всех остальных частях промышленная разведка охватывает только 3%. Это сразу показывает, где самое слабое место на топливном фронте. Это говорит о том, что одна из важнейших задач предстоящего пятилетия — закрыть эти „ножницы" между общей и промышленной разведкой, броситься с величайшей энергией на такую разведку, которая бы нам позволила проектировать развитие топливной промышленности, постановку наших фабрик и заводов в расчете на твердые источники топлива, их хлеба, их основного хлеба. Оказывается, например, что в Донецком бассейне, который, казалось бы, должен быть хорошо разведан, что в этом Донецком бассейне мы сейчас еще принуждены ставить шахты не так, как этого требует горнозаводское дело, не с такой степенью достоверности в смысле разведанности каменноугольных пластов, как этого требуют наука и практика. А что же сказать про нефть? При ставке на 22 млн. тонн ежегодной добычи мы для 6 млн. тонн должны будем искать новых месторождений.

Сейчас я попрошу на карте осветить топливодобычу.[1] Зеленым светом здесь освещено то, что связано с торфом. Особенно ясно вы видите эти большие белые блестки угольных шахт. В Европейской части это — Донецкий бассейн, в Сибири — Кузнецкий бассейн. Внизу в трех черных квадратах изображена относительная мощность трех главных по мощности угольных бассейнов. Первый в 64 миллиарда тонн (а некоторые утверждают в 66 мрд. тонн). Это — наш Донбасс. Второй громадный квадрат графически сопоставляет 400 мрд. тонн угля Кузнецкого бассейна. И третий квадрат — это Прибайкальский Иркутский угольный район, который определяется по мощности ресурсов в 50 мрд. тонн.

Я останавливаюсь сразу на угле, ибо, как я уже об'яснял, уголь составляет 90% всех наших топливных ресурсов. На что же мы здесь должны обратить особое внимание? Вы видите, что соотношение сил по природным ресурсам Кузнецкого и Донецкого бассейнов таково, что Донецкий бассейн, примерно, в 6—7 раз меньше, чем Кузнецкий бассейн. Тем не менее всесоюзной кочегаркой и на это пятилетие остается Донецкий бассейн, ибо это бассейн освоенный, стоит на прочных рельсах, тогда как Кузнецкий бассейн, этот молодой мощный гигант, мы вновь должны развертывать, раскрывать. Вы видите, что этими сигналами с особенной яркостью освещается Донецкий бассейн.

Какова же программа работ в Донецком бассейне? Я в беглых чертах остановлюсь на ней, чтобы вы представили себе размеры наших строительных работ здесь, в этом важнейшем индустриальном пункте.

Нынешняя продукция Донбасса — 27 млн. тонн, а нам нужно для того, чтобы свести концы с концами, при 30-процентной экономии топлива, отсюда получить не менее 53 млн. тонн — почти удвоение. Что это значит? Капиталисты строили старый Донбасс в течение 40 лет. Ныне мы уже превзошли довоенную угледобычу Донбасса. Теперь мы хотим ее удвоить. Стало быть, в течение 5 лет мы хотим здесь сделать то, что капиталисты сделали в течение 40 лет. Это огромнейшее, напряженное задание. Вы знаете, как напряженно работает наша всесоюзная кочегарка теперь, как трудно дается ей осуществление очередной строительной программы, по которой мы за последние 3 года вложили здесь около 300 млн. руб. Мы должны были по Донуглю построить 13 новых крупных шахт, 4 крупнейших шахты сильно переоборудовать. Пока что мы еще не развернулись здесь с крупной реконструкцией. Нам трудно было развернуть неокрепшим индустриальным механизмом ту строительную программу, которую мы разработали, как вы слышали, уже 8 лет тому назад.

В это пятилетие мы должны будем так развернуть программу нового крупного шахтного строительства, чтобы поднять угледобычу,

[1] См. прилагаемую карту.

обеспеченную прежней программой работ лишь до уровня в 41 млн. тонн, — до 53—54 млн. тонн. Каждый год нам нужно закладывать от 10 до 12 новых крупных шахт. Мы одновременно должны будем приступить к программе большой реконструкции существующих шахт, по крайней мере, 40—50 крупнейших шахт. А ведь крупная шахта строится $3^1/_2$ —5 лет, переоборудуется —2—3 года. Вот какое крупное шахтное строительство необходимо здесь. На одни жилища придется израсходовать около 300 млн.— вы знаете, как остра здесь жилищная нужда. Нам нужно покончить также с электрическим голодом в Донбассе — до сих пор электрическое снабжение здесь находится в тисках. По-новому, крупнейшим строительством, придется разрешить и водный вопрос, от которого задыхается все хозяйство и все население Донбасса. Программа строительных работ потребует от нас свыше одного миллиарда рублей. Но не в этом миллиарде дело. Дело в том, что до сих пор мы еще никогда на столь ограниченной территории не развертывали такого грандиозного строительства с таким срочным и ответственным заданием. Труженики Донбасса должны помнить, что от их работы в это пятилетие буквально зависят судьбы основных индустриальных центров. Донбасс по прежнему останется главным питающим топливным центром. Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы облегчить нагрузку Донбасса, развивая местное топливо, рационализируя потребление топлива. Однако, если мы и сведем Донбасс по процентной доле среди угольных районов на 7 пунктов ниже, то тем не менее для Центрального и Ленинградского районов много больше половины промышленного топлива попрежнему будет углем Донбасса.

Вы должны знать, что природные условия залегания угольных пластов Донецкого бассейна неблагоприятны. Отношение породы пустой к угольным пластам плохое:—0,13% угленосности. В бассейне— 200 угольных пластов и „пропласток“, но пласты тонкие, часто выклиниваются (там мы считаем промышленными пластами полуметровые пласты).

Казалось бы, что легче всего, скорее всего разгрузиться переходом на Кузнецкий бассейн. В нем громадные природные преимущества: сумма угленосных пластов Донбасса —28 метров, сумма угленосных пластов Кузбасса — 100 метров. В 10 раз больше угленосность (1,3%), значительная часть пластов имеет среднюю мощность 2 метра с колебанием от половины до 16 метров, залегания пологие, ближе к поверхности земли. Калорийность 8.000 против 7.000 Донбасса. Угли, приближающиеся к лучшему английскому углю „кардиф“, чистые, не выветриваются. Есть замечательнейшие угли в Кузнецком бассейне — „томиты“. Это почти концентрированная нефть, такое огромнейшее богатство в них летучих веществ. Есть великолепные коксующиеся угли.

И, тем не менее, мы не можем рискнуть довести за пять лет угледобычу Кузнецкого бассейна до размеров, превышающих

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН
НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
С. С. С. Р.

(ВАЖНЕЙШИЕ ОБЪЕКТЫ КРУПНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ С. С. С. Р.

Масштаб
100 0 100 200 300 км.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Электростанции

- существующие и расширяющиеся
- вновь строящиеся

красный цвет — теплоэлектроцентрали
желтый — на угле и др. топливе
зеленый — на торфе
голубой — гидростанции

Металлопромышленность

- Заводы черной металлургии
- -„-„- цветной -„-„-
- -„-„- общего машиностроения
- -„-„- сель-хоз. машиностроения
- Химические комбинаты и разн. химзаводы
- Разные заводы

Топливо

- Районы постройки каменноугольн. шахт
- Нефтеперегонные заводы
- Торфобрикетные заводы
- Заводы текстильной промышленности
- -„-„- строительных материалов
- -„-„- бумажн. промышленности
- -„-„- лесопильные и деревообделочн
- Районы расположения совхозов
- Новые жел.-дорожн. линии
- Нефтепроводы

ЗАПАСЫ УГЛЯ (В МИЛЛИАРДАХ ТОНН)

ДОНБАСС	КУЗБАСС	ЛЕНСКО-БАЙКАЛЬСКИЙ БАСС.
64,6	408,3	45,5

АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ С. С. С. Р.

МАСШТАБ
300 0 300 600 900 км.

Главлит № А-40538. Тираж 35.000

ГОСПЛАН СССР ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО"

„ГЕОКАРТПРОМ" Типо-Литография им. т. Д. УНАЕВА Москва, Б. Полянка 9.

утроение нынешнего уровня, равного 2,5 млн. тонн. Мы наметили здесь угледобычу всего в 8 млн. тонн. К этой цифре мы пришли при некотором сопротивлении практических работников, которые утверждали, что и это невозможно. Только тогда, когда мы их убедили в том, что Кузнецкий бассейн при своем развертывании будет центром внимания всего Союза, что сам Донбасс об'явит свое шефство над этим своим растущим преемником, только тогда работники мест и эксперты согласились, что эта программа в 8 млн. необходима и возможна.

На третье место надо поставить не Иркутский район, а то, что сверкает сейчас на карте в центре под Москвой — это так называемый Подмосковный бассейн. Этот Подмосковный бассейн испытывал странные судьбы. Расположение его, как вы видите, в смысле близости к основному индустриальному центру идеально — он в непосредственной близости к красной пролетарской столице Союза. Разведки его, которые охватывают ничтожную долю бассейна (из 25.000 *км* всего только 500 *км*) показывает, что хотя залегание подмосковного угля не является сплошным (он лежит гнездами) тем не менее, есть и большие гнезда. Общая мощность его определяется, примерно, в 8 мрд. тонн. Но свойства угля таковы, т.-е. считались при прежней технике таковыми, что этот уголь относился к породам самого дурного угля — калорийность в 3.200 калорий, он выветривается на воздухе, сернист. Техники не умели подойти к его использованию так, как подходили к благонадежным сортам донецкого топлива. Однако, современная техника, работы Теплотехнического института и Каширской станции показали, что мы должны по иному расценивать достоинства и возможности использования этого подмосковного угля. Мы научились его прекрасно сжигать, и те исследования, которые мы сделали в заграничных лабораториях, в заграничных производственных центрах, показали, что с этим углем мы пойдем той же дорогой, какой Германия идет с бурым углем. Мы располагаем теперь возможностью для раскрытия Подмосковного бассейна действовать и рычагом электрификации и рычагом химии. Огромнейшее значение Подмосковного бассейна вырастает сейчас особенно потому, что навстречу идут те современные завоевания науки и техники, которые и вообще, по всему хозяйственному строительству, чрезвычайно облегчают наше положение, создают, если можно так выразиться, нам попутный ветер. Подмосковный бассейн — великая страховка на случай всяких осложнений. Отдаленность Кузбасса, напряженность транспортных условий для вывоза из Донбасса угля всякий раз, в случае каких-либо внешних осложнений, заставляют нас особо ценить это огромное страхующее значение Подмосковного бассейна, расположенного вблизи основного политического и экономического центра Союза.

На Урале явственно выделяется Кизел на севере и Челябинский бурый уголь — на юге. Кизеловские угли идут узкой 100-километро-

вой лентой по западному склону Урала. Угли коксующиеся; они, повидимому, имеют неразведанную площадь залегания в ширь своей ленты.

На развитие Подмосковного бассейна раза в 4—5, на переход к крупным шахтам от теперешних кустарных мы должны будем затратить свыше 50 млн. руб. Под'ем уральской угледобычи до 6—7 млн. тонн потребует закладки новых 20 шахт и расходов около 100 млн. руб. Общие вложения в каменноугольное дело за пять лет — 1.300—1.400 млн. руб.

Я не останавливаюсь на других, менее важных угольных бассейнах. Время, возможное для доклада, не позволяет мне развертывать полную картину строительства, и поэтому я останавливаюсь только на самом основном и существенном.

Перехожу от углей к другим видам топлива, но отмечу одно обстоятельство. Мы знаем, что территория нашего Союза превосходит территорию Соед. Штатов не менее, чем в три раза; в геологическом отношении она близка к Соед. Штатам; а между тем оказывается, что мы обладаем 7% мировых запасов угля, а Соед. Штаты обладают 50%. О чем это говорит? Если вы вспомните, что наши угольные богатства, промышленно разведаны только на 3%, то дело становится ясным. Дело в том, что мы просто не знаем наших угольных сокровищ. И действительно, в нашей памяти проходит ряд событий за эти годы, когда мы неожиданно натыкались на новые угольные бассейны (Печора, Минуса), когда мы должны были заново расценивать известные залежи, поднимать их значение. Это говорит о том, что мы должны будем очень сильно спешить с угольной геологической и промышленной разведкой и если мы израсходуем за пять лет на эту надобность около 100 млн. руб., то этой суммы жалеть не приходится. Надо только, чтобы она с толком и во-время пошла на это важное дело.

Что же может притти нам на помощь для того, чтобы по возможности скорее избавиться от напряжения и перенапряжения Донбасса? Конечно, рост Кузнецкого бассейна, особенно в грядущем, даст громадное облегчение. Если мы сумеем подмосковный уголь вскрыть по другому, чем это делалось до сих пор, то мы также получим большую помощь.

Но есть еще, товарищи, огромные топливные богатства,— богатства торфа. Вы слышали, что он занимает после угля второе место среди наших природных топливных ресурсов. Мы — первая страна в мире по нашим торфяным богатствам. Мы считаем, при грубой прикидке, что наш Союз обладает в его европейской части, примерно, 20 мрд. тонн торфа—в переводе на условное топливо, а в части азиатской — еще 30 мрд. тонн. В сумме около 50 мрд. тонн в условных единицах. Вот какую мощь представляет наши торфяные ресурсы.

Что это означает? Это означает, что если бы мы все наше промышленное хозяйство перевели на торф, то мы в течение 350 лет

могли бы питаться этими богатствами. Вся Европа и вся Америка определяют мощность своих торфов всего в 30 мрд. тонн. Отсюда мы видим, какое значение может иметь надлежащее использование наших торфяных богатств.

За это время мы прошли по торфодобыче очень значительный путь, мы упятерили добычу сравнительно с довоенным временем. Ныне мы хотим еще утроить ее. Мы сейчас, следовательно, делаем ставку на увеличение в 15 раз того, что мы добывали в довоенное время. Такую же, примерно, ставку мы ставим и на подмосковный уголь, т.-е. увеличиваем его добычу минимум в 15 раз.

Итак, если кто-нибудь скажет, что в плане у нас есть просчет в основном пункте, что мы слишком налегаем на Донецкий бассейн, не считаясь с тем, что по линии перевозок мы должны будем еще вложить миллионы для того, чтобы уголь из Донецкого бассейна доставить в центр, то это будет не верно. Мы все сделали для того, чтобы послать на подмогу и торф и подмосковный уголь и другие местные угли. Большего сдвига мы сделать пока не можем. Однако, в виду того, что по дровам, по тем соображениям, о которых я говорил выше, мы даем малое движение вперед, создается такое положение, при котором Донбасс продолжает оставаться основным центром топливоснабжения, решающим судьбы всей индустриализации.

На следующее место надо поставить в этом беглом обзоре нефть. Обратите внимание, прежде всего, на своеобразие судьбы нашей нефтедобычи. Было время, когда мы были первой страной мира по нефтедобыче. Сейчас Америка перегнала нас в 10 раз: 125 млн. тонн против наших 12 млн. тонн. В последние годы нас быстро перегнала Венецуэла, которая имеет сейчас уже 14 млн. тонн. Но чаша весов колеблется. Мы считаем наше нефтяное хозяйство наиболее благоустроенным в нашей индустрии. Этим оно обязано тому, что почти все перешло на электрические „рельсы". В 1921 г. мы были в 10 раз более отсталыми по отношению к Мексике: она была над нами, ныне мы сильно перегнали Мексику. Сейчас перед нами серьезной силой стоит только такой мировой гигант, как Соед. Штаты. И вот является вопрос: каковы же судьбы дальнейшей конкуренции двух основных властителей нефтяных ресурсов: нас и Соед. Штатов?

Отметим прежде всего, что промышленно разведанные ресурсы нефти у нас весьма не велики: 145 млн. тонн в переводе на условное топливо. Это не устраивает нас даже на ближайшее пятилетие. А по геологическим предположениям — каковы эти богатства. Свыше $4^1/_2$ мрд. тонн. Где можно искать нефть? Нефть можно искать везде, где нет отказа в известных осадочных залеганиях, где мы не натыкаемся прямо на кристаллические породы, где есть подходящие изгибы земной поверхности. Наша территория по этим условиям чрезвычайно близка к Соед. Штатам. А между тем, мы сейчас имеем всего 25 хороших нефтяных месторождений, из которых только 10

являются благонадежными. Америка за это время, за время конкуренции с нами, открыла тысячу месторождений. Америка движется с бешеным темпом, с бешеной энергией в области разведок. Скважины нефти используются там в 5—8 лет. Наши старые районы нефтедобычи, как, например, Балахно-Сабунчино-Романинская площадь Баку, работают более полувека. Американцы идут с бурением на глубину до 2 километров, наши скважины в среднем около 400 метров. Следовательно, мы и на старых площадях имеем некоторые резервы на больших глубинах. Убежденность в том, что у нас должны быть громаднейшие, еще неизвестные запасы нефти, заставила наметить в нашей пятилетке громадную нефтяную разведку. Мы наметили в пятилетие — 200 новых геологических структур для исследования. И вот сейчас то, что вы слышали об уральской нефти, это как раз подтверждает одну из важнейших наметок пятилетнего плана; подтверждает соображения, что на всем протяжении от западного Урала до Средней Волги мы должны искать нефть. Открытие проф. Преображенским нефти в 40 *км* от Перми свидетельствует о том, что эта наметка была правильной. Если будет так, что при этих разведках, как в довоенное время, будет 5% удачи, то мы дадим в это пятилетие уже 10 новых благонадежных нефтяных районов. Здесь не следует бояться риска. Американцы щедро бросают громадные деньги и не смущаются малым процентом удачных скважин. Риск неизбежен, но нефть удачных скважин, столь необходимая нам и для экспорта и для внутреннего использования (а мы хотим удвоить мощность нефтеперегонных заводов, довести их до 19 млн. тонн продукции, соорудить свыше 60 штук американских, так называемых „крэкингов", превращающих тяжелый мазут в легкие погоны бензинов), с лихвой вознаградит все потери.

Вот справка, которая ярко иллюстрирует, как смело идут американцы на разведку. В Калифорнии в 1925/26 г. было пробурено 390 разведочных скважин. Обошлось это в 35 млн. долларов, т.-е. 70 млн. руб., а в результате было открыто только два нефтяных района и один из них оказался неважным. Это показывает, что и нам нужно всю обстановку разведок поставить на новые рельсы, для того, чтобы здесь работники не боялись попасть в какую-нибудь переделку, если процент удачи небольшой, не тот, который могут ожидать люди, недостаточно осведомленные в этой специальной области.

Мы идем дальше, товарищи, для того, чтобы облегчить транспорт нефти с громадным строительством нефтепроводов. Мы сейчас уже осуществили огромный нефтепровод Грозный — Туапсе. Он здесь изображен на карте. Затем, строим нефтепровод Баку — Батум. Есть предположение пойти с нефтепроводом от Каспия к Москве. Показательно, что, например, Венецуэла обогнала нас после того, как она для облегчения транспорта нефти пошла по пути огромного строительства нефтепроводов. Итак, шансы догона Америки у нас большие и верные. Бешеная погоня за нефтью в С.-А.С.-Ш. привела к значительному истощению тех скважин, которые там эксплоатируют. В то время как там наблюдается падающая линия на целом ряде недавно благонадежных мест, когда разведка там напряжена до отказа, мы только подходим к новым разведочным и производственным возможностям. Есть все шансы считать, что успешность в разведках будет не 5% а все 10—12%. Если это оправдается, то уже в это пятилетие мы более чем вдвое уменьшим нашу отсталость от С.-А.С.Ш., а в следующее пятилетие начнем борьбу за мировое первенство. На все нефтяное дело мы намечаем по пятилетке около 1½ мрд. руб.

В двух словах о дровоснабжении. Наш топливный баланс рассчитывает сохранить на все пятилетие, примерно, 50—60 млн. куб. метров дров годичной продукции для промышленного использования Здесь особенно трудная задача падает на Урал, на который накладывается большая нагрузка по производству древесно-угольного чугуна, дающего особо высококачественный металл. Поэтому уральские дровозаготовки надо поднять с 11 млн. до 15 млн. куб. метров. Здесь большие трудности. Чрезвычайно важно для Урала развитие его собственных местных углей и, конечно, особо необходима связь уральской металлургии с Кузнецким бассейном, мощная „минерализация" кузнецким углем топливного баланса Урала. Во всяком случае, на ряду с огромной задачей по программе дровоснабжения на Урал падает чрезвычайно важная задача — поскорее связать свою массовую выплавку чугуна с каменным углем, с топливом, которое именуется минеральным топливом.

Мы видели, что несмотря на большую программу топливодобычи, от напряжения в Донбассе не уйти, разные виды местных топлив на смену ему быстро не придут. А ведь в общей сложности мы затратим в пятилетие на топливное дело до 3 мрд. руб. Это заставляет думать и о других источниках энергии и, в первую очередь, о водной энергии. Здесь — та же, знакомая нам картина. Мы не знаем своих собственных водных богатств. В то время как писался план ГОЭЛРО мы считали природную мощность наших водных сил, таких, которые давали бы возможность делать в одном месте гидравлические установки величиной в 10.000 лош. сил,— всего в 20 млн. лош. сил. За эти годы, на наших глазах, эта оценка поднялась до 40 млн. лош. сил. Теперь есть возможность говорить, что на самом деле ресурсы нашей водной энергии превосходят 60 млн. лош. сил. Конкурировать с нами, вероятно, может лишь одна Америка, со своими 128 млн. лош. сил. Сейчас во всем мире энергично строятся гидравлические станции, т.-е. электростанции, использующие водную энергию. Целый ряд таких стран, как Швеция, Норвегия, Италия, все свое хозяйство базируют на использовании водной энергии. Это использование у нас сейчас, если взять его по отношению к природным ресурсам — ничтожно: едва 1,5%. Но мы разви-

ваем большую программу постройки гидравлических станций, которые более чем в 3 раза повышают процент этого использования. Когда я буду говорить о программе электрификации, я вернусь к этому вопросу.

Пару слов еще об одном источнике энергии, который мы не должны упускать из вида и который в будущем будет играть колоссальнейшую роль; это — энергия ветра. Следует отметить, что в довоенное время было вложено 140 млн. руб. на различные ветровые установки. Главный недуг этой энергии — это ее непостоянство. Сейчас старые ветродвигатели находятся в плохом состоянии. Только 35—40% из них действуют, а между тем, силы новой техники и здесь далеко ушли вперед. Новый ветродвигатель нашего института ЦАГИ дает возможность при любом ветре получать практически постоянное количество оборотов. Его число оборотов меняется лишь на 3 с небольшим процента. Это — подлинная техническая революция в этом деле. Двигатель ЦАГИ может при любом ветре параллельно работать с любой электростанцией. Есть различные способы использовать эти возможности параллельной работы. Ветровой двигатель может сопрягаться с самыми различными тепловыми установками постоянного действия. Ветровой двигатель может качать во время ветров воду на некоторую возвышенность, а в безветрие использовать эту воду для вспомогательной гидравлической установки. Но самое благонадежное решение вопроса — иметь развитую сеть электропередач, прямо включая в нее разнообразные ветровые установки. Получается как бы огромный собиратель (аккумулятор) ветровой энергии, который в виде электрической энергии то получает, то отдает энергию, покрывая своим постоянством изменчивость стихии — ветра. Грубые прикидки наших ученых говорят, что мы можем с одной поверхности Европейской части СССР получить в течение года 3.000 мрд. квтч. т.-е. мощность, далеко превосходящую все мыслимые мировые потребности в энергии. Предстоит вплотную подойти к этому великому источнику, и пятилетка ВСНХ правильно намечает поднять установленную мощность ветродвигателей до 500 тыс. лош. сил. Мы должны пойти с ветровыми двигателями технически совершенной конструкции в деревню на смену старых ветряков, которые, как они ни были плохи, давали общую мощность до 800 тыс. лош. сил. Эти ветряки могут быть и пионерами сельской электрификации, могут служить и для мельничных и для других механических приводов, для качки воды в оросительных целях и т. д., и т. п. А со временем мы их включим в сеть электропередач и они заживут новой жизнью.

Каковы же общие итоги нашего топливного очерка? Напряженнейшая программа работ, которую мы ставим перед Кузнецким бассейном, перед Уралом, перед Донецким бассейном, перед другими местными топливными ресурсами показывает, что топливное положение в ближайшие годы будет очень трудным, что четыре истекшие года напряженной работы в Донецком бассейне сменятся для него не менее напряженным пятилетием. Свести концы с концами в топливном балансе возможно будет лишь при величайшей экономии в расходах топлива. Поэтому мы и ставим перед промышленностью жесткое требование отказаться от неряшливого потребления топлива, сэкономить его расходы по меньшей мере на 30%. Другой пожиратель топлива — транспорт — должен сэкономить не менее 12—13% потребления топлива. Это — одно из важнейших требований всего нашего хозяйственного плана. Рабочие и технические работники должны смотреть зорко за этим делом. Иначе мы будем иметь перебои и срывы на важнейшем участке индустриального строительства. Если эта экономия будет проведена, мы сможем подкрепить на будущее наши топливные резервы. Будем помнить, что резервы топлива, которые мы должны довести до установленных многолетней практикой норм, следует считать не менее важными, чем хлебные запасы, как для нужд мирного времени, так и в особенности для оборонных надобностей. Не имея резервов топлива и хлеба, мы не сможем обеспечить доброкачественного планового хозяйства.

Электрификация

Подходим ли мы к Донбассу, подходим ли мы к Кузбассу, подходим ли мы к торфу или к подмосковному углю, везде и всюду строительство топливодобычи будет опираться на более совершенные технические процессы, более совершенное оборудование. А каковы те решающие рельсы, которые наиболее прочно обеспечивают нам благоустроенную техническую работу? Эти рельсы — электрификация. Мы не могли бы подойти к торфу, если бы пионером раскрытия торфа не была торфяная районная электростанция. Мы не могли бы раскрыть подмосковного угля, если бы мы не шли туда с испытанным орудием в руках — с устройством соответствующей электростанции. Мы не могли бы использовать запасов Донбасса, если бы не рассчитывали быстро покончить там с теми терзаниями, которые испытывает все хозяйство Донбасса из-за недостатка электроэнергии. В Кузнецком бассейне мы будем итти тем же путем: мы начнем с того, что построим там 2 мощных электростанции, опираясь на которые мы сможем строить и здесь те гиганты — шахты, хорошо электрооборудованные, которые раскроют перед нами громаднейшие богатства этого, в будущем решающего, угольного района.

Поэтому так естественен теперь переход к плану электрификации в предстоящем пятилетии.

Прошу осветить на карте станции как существующие, так и те, которые уже находятся в постройке.

Вы видите, на карте зажглись огоньки существующих и строящихся электростанций. Их пока немного, это только пионеры нашей будущей огромной работы в этой области. Вы видите, около Ленин-

града освещается голубым светом известный вам Волховстрой (гидроэлектростанции освещены на карте голубым светом). Вы видите как далеко, далеко на юге осветилась голубым светом Земо-Авчальская электростанция. Только две больших гидростанции пока у нас в ходу. Вы видите как горят белые огоньки в центре — в Москве и Ленинграде. Что мы сделали здесь за это время? Здесь проделана огромная работа, может быть не бросающаяся сразу в глаза, но весьма существенная. В плане электрификации, в плане ГОЭЛРО мы говорили, что нам в ближайшее время придется начинать работу по электрификации с того, чтобы подкрепить существующие большие электростанции, связать их сетями с другими станциями. Мы знали, как истрепаны станции наших центров — Москвы и Ленинграда, как быстро надо их переоборудовать. Здесь как раз светятся четыре белых огонька, четыре городских электростанции Ленинграда. В Москве выделяются две электростанции: бывш. трамвайная и I МОГЭС, а рядом с ними зеленым светом горит наша первая торфяная станция — бывшая „Электропередача", а теперь — станция имени инж. Классона. На юге, в Баку, светятся две городские электростанции. Все эти станции не только переоборудованы нами заново, не только увеличены по мощности, но и превращены в подлинные станции районного значения. Мы связали их сетями электропередач, развили эти сети за городской чертой, связали их с районными станциями. „Красный Октябрь", Торфоцентраль Ленинграда и Волховстрой работают в одну сеть с бывшими городскими здешними станциями. Еще мощнее об'единение МОГЭСа. Это — работа крупнейшего хозяйственного значения. Но не менее большое начало мы имеем и в работе тех немногих районных станций, которые сейчас уже идут полным ходом. Вот около Москвы вы видите светится поодаль Каширская станция. Она разрешила огромной трудности задачу и сейчас быстрейшим образом перестраивается так, чтобы мощность ее была увеличена многократно. Она превосходно разрешила задачу — использования подмосковного угля, дала нам возможность считать этот уголь хорошим топливом электростанций. Не менее большую работу сделала Шатурская торфостанция. Эта станция дала нам на топке инженера Макарьева мировой рекорд в использовании торфа для целей непосредственного сжигания. Штеровская станция, в Донбассе, несмотря на то, что она имела большие детские болезни в строительстве, также разрешила громадной важности задачу. Нигде еще в мире антрацитовый штыб чистоганом не сжигался на таких огромных районных централях. Штеровская станция разрешила эту задачу. Антрацитовый штыб накапливается при добыче антрацита в громаднейших количествах и прежде пропадал даром. Он теперь взят нами в руки и мы знаем, как надо его сжигать. Вот известная торфоцентраль на Волге — Балахна — около Нижнего Новгорода. Но для того чтобы можно было очертить всю работу в области электростроительства, я попрошу включить все станции, намеченные к постройке в это пятилетие (карта освещается; бурные аплодисменты).

Товарищи, те станции, которые я указывал вначале, были только пионерами. Вы видите наглядно, сколькими единицами они пополняются. Мы должны были прожить некоторый испытательный период, наши строительные кадры еще не испытаны, строительные ресурсы — не накоплены. Вы знаете, какие на этом пути были трудности. Вспомните про Волховстрой. Вспомните, сколько клевет сыпалось по адресу этой станции. А что оказывается теперь? Сейчас Волховстрой несет на своих плечах половину нагрузки Ленинграда. Сейчас он дает энергию себестоимостью в $3^1/_2$ коп. против 5 коп. себестоимости ленинградской энергии на других станциях. Вы знаете, что эта станция является такой, что мы с гордостью ее показываем иностранцам, что она экономит в год 200 тыс. тонн привозного угля. Ее строительный опыт — школа для наших строителей гидроцентралей, — уже сильно помогающий нам в новом строительстве этого рода.

Здесь, на Днепре, вы видите, освещается голубым светом будущий мировой гигант — Днепрострой. Товарищи, которые там работают, прошли школу Волховстроя, и имея их опыт и опыт тов. Винтера, строителя Шатурской станции, мы можем быть уверены, что постройка этой громадной станции будет на должной высоте. Нет никакого сомнения, что иностранные эксперты, которых мы пригласили, будут использованы при таком руководстве надлежащим образом. Но кое-что свое новое и полезное мы дадим здесь и мировой технике.

Товарищи, вы видите, как силен на юге, на Кавказе, этот голубой свет гидростанции. И это вполне понятно. Здесь как раз мы имеем громадный запас высоконапорной горной водной энергии, которая в дальнейшем будет конкурировать с энергией наших равнинных рек. К ним, кстати сказать, мы могли подойти также в силу только последних завоеваний техники, потому что раньше использование таких равнинных потоков было весьма затруднительным. Гораздо дешевле и проще использовать высоконапорную энергию горных водопадов и рек. Такова энергия целого ряда кавказских рек. Недавно считали, что Земо-Авчальская станция построена преждевременно и будет долго работать с малой нагрузкой. Опыт показал как не надо торопиться с оценкой значения таких станций-пионеров. Спрос на электрическую энергию так быстро опережает наши предположения, что ни в одном разрезе хозяйства не сказывается так ярко закон, что в наши времена предложение создает спрос, а не спрос предложение. Эта станция уже скоро не будет справляться со всерастущей нагрузкой, придется ее расширять, что, по счастью, и было предусмотрено.

Не буду перечислять вам всех станций, остановлюсь только на самых важнейших. Конечно, на первое место нужно поставить Дне-

прострой. Чем особенно поучительно это строительство? Тем, что сейчас на Днепрострое мы имеем подтверждение того основного закона крупного строительства, который нигде не имеет такой благоприятной арены для развертывания, как у нас, в нашей социалистической стране. Технико-экономический расчет показывает, что при постройке крупнейших предприятий их не должно рассматривать обособленно: нужно думать не об отдельном предприятии, а о целом комбинате предприятий. Все промышленное строительство надо собирать в определенные узлы и рассчитывать, как можно комбинировать различные производства, создавая их внутреннюю увязку таким образом, чтобы отбросы одного производства служили питательной пищей другому, чтобы суммарная работоспособность (энергетика) таких предприятий была максимальной. Днепрострой как-раз служит примером такого комбината. Это не просто громадная гидроэлектрическая станция, которая по величине будет конкурировать с мировыми гигантами. Мы хотим там строить тот самый металлургический завод, который мы предвидели по плану ГОЭЛРО, большой Александровский металлургический завод, товарищ Криворожского завода по мощности — с 660 до 750 тыс. тонн продукции черного металла. Там мы имеем в виду поставить, кроме того, завод различных сплавов металлов и завод электростали. Мы рассчитываем поставить здесь же целый ряд химических производств, при чем особенно большую нагрузку мы имеем в виду дать заводу по получению алюминия. Мы рассчитываем, что вероятно товарищи—украинцы и работники Днепростроя озаботятся быстро включить в свой электро-металлургическо-химический комбинат и значительную нагрузку сел.-хоз. характера. Было бы неправильно не воспользоваться 40-метровым под'емом Днепра, не оросить окружающий засушливый район. Надо использовать наличность громадной механической энергии, благоустроенных мастерских, наличие техников, чтобы поставить здесь гигантский образцово-показательный совхоз, опирающийся и на мелиорацию, и на тракторы, и на электрический привод. В итоге здесь мы имеем превосходное поле грандиозных работ, на котором наши лучшие работники держат экзамен зрелости на службу социалистической стране. Нам ничто не препятствует так рассчитать этот комбинат заводов, чтобы получить максимальную его выгодность. Никакая группа капиталистов не может своекорыстно тормозить это великое строительство, которое мы можем развивать по последнему слову техники и экономики. За границей нет таких предпосылок полного успеха, потому что на пути там могут встать корыстные интересы владельцев различных предприятий, жестокая конкурентная борьба с ее игрой случайностей.

Товарищи—украинцы очень обеспокоились, когда мы заявили, что в ближайшее время нам придется сочетать работу Днепростроя с работой тех электрических станций, которые будут в Донецком бассейне. Они думали, что мы таким образом сильно сократим строительство электрических станций самого Донбасса. Они могут быть совершенно спокойны: мы идем здесь с твердой программой. Будут построены кроме мощной Штеровской станции и Зуевской станции — соседки Штеровской — станция Тошковская, которая соответствует Лисичанской станции по плану ГОЭЛРО. Мы достроим Чугуевскую станцию близ Харькова и будем строить, кроме станции Донсоды, еще целый ряд заводских электроустановок. Однако, все они будут работать в общую сеть. По всей вероятности, однако, в это же пятилетие придется связать электрическую сеть станций Донбасса с Днепростроем. Расположение нагрузки чрезвычайно выгодно для этого: весной при многоводье Днепра на всех угольных шахтах начинается большая работа по водоотливу. Днепрострой как-раз поможет в это время своей избыточной весенней энергией. Связь с Днепростроем облегчит переоборудование устаревших электроустановок заводов и шахт Донбасса. Наконец, на случай опозданий строительства Днепровского комбината выручит нагрузка самого Донбасса. Мы уже не говорим об общей выгодности самой широкой связи гидравлических и тепловых станций.

Затем, из крупных станций я бы хотел отметить в Подмосковном районе Бобриковскую станцию. Эта станция мощная—мы предполагаем развить ее до 300 тыс. киловатт. Она будет отличаться той особенностью, что здесь мы впервые подведем под одну крышу два рода использования подмосковного угля: тепловое и химическое. Мы одновременно будем стараться всячески преобразовать этот уголь в такое топливо, которое выдерживал бы транспорт, будем его газифицировать, получая остатки, которые тоже будут употреблены в дело. Газ мы поведем в Москву. Памятуя, что Подмосковный бассейн включает Егорьевские и Брянские фосфориты, мы приложим все усилия к тому, чтобы получить такие химические продукты, которые необходимы для фосфорно-кислых и азотно-кислых удобрений. Программа такого комбината потребует большого искусства, больших вложений, но эта программа по новому вскрывает богатства Подмосковного бассейна и поможет нам в дальнейшем сильно облегчить нагрузку Донбасса. Поэтому значение Бобриковского комбината огромно.

Дальше вы видите освещенную ярким светом Шатурскую станцию, а вот здесь, рядом, освещенный зеленым светом торфобрикетный завод. Такой же завод светится и под Ленинградом. Это свидетельствует о новых попытках подойти к торфу. На торфе мы строим в Московском и Ленинградском районах целый ряд станций, но сейчас мы ставим по отношению к торфу новые задачи. Нужно такое использование торфа, чтобы он не только грубо сжигался в топке, но чтобы он „облагораживался“, превращался в транспортабельное топливо. Торфобрикетные заводы будут, с одной стороны, посылать газ для тепловых надобностей, а с другой — давать удобный для перевозок торфяной брикет. Есть целый ряд возможностей

получать разнообразные продукты смол торфа и подмосковного угля, создавать комбинированные производства, в которых электрическая энергия будет получаться почти как побочный продукт. Наконец, большая будущность предстоит тем теплоэлектроцентралям, которые вишневым цветом горят на карте в Москве и Ленинграде. Они посылают одновременно электричество по проводам и насыщенный пар по длинным трубопроводам для экономного отопления. Здесь громадные перспективы самой большой экономии в привозном топливе для этих центров.

На Урале вы видите свой яркий букет станций. Челябинская строящаяся станция, Кизеловская станция. А рядом — голубая точка на севере и зеленая в центре говорят о новых постройках на Урале весьма большого значения. На севере голубым светом зажглась гидростанция на канале Кама-Печора. Здесь есть все шансы получить свыше 100 тыс. квт. энергии, при устройстве этого водного пути, столь необходимого для развития уральского транспорта, для лесного хозяйства Урала и для его химических продуктов. Зеленая точка — это электростанция центрального Урала (мы еще не решили, где она будет построена; есть два конкурента — Нижне-Салдинский и Егоршинский заводы). Весь Урал будет снабжен, как мы видим, опорными пунктами электростанций. Электропередача, связывающая эти станции, рядом с магистралью железных дорог, проходящих в меридианальном направлении,—эти два огромных энергетических хребта — создадут для Урала могучую опору его индустриализации. А на выручку и подмогу подойдет еще и уральская нефть.

Дальше, товарищи, вы видите по линии Волги протянулись те станции, которые намечались еще по плану ГОЭЛРО. Вот Сталинградская станция, значение которой, в виду развития Сталинграда, как громадного индустриального центра, ясно. Саратовская станция, и, наконец, Самарская—Средне-Волжская.

В Центрально-Промышленном районе мы имеем Иваново-Вознесенскую станцию, Балахну, Каширскую и Бобриковскую, Ляпинскую и Ярославскую станции — самый большой букет станций.

На западе Бугская станция, а на юге большой букет кавказских станций, на которых я, за неимением времени, не буду останавливаться, но которые в общем и целом сделают Закавказье наиболее богато электрифицированным районом.

Добыча всей электроэнергии в стране по своим источникам распределится следующим образом: до 25% будут давать вода и торф, от 12 до 15% даст подмосковный уголь и антрацитный штыб, уральский и кузнецкий угли дадут 5%, привозной донецкий уголь — 4,4%, а на отбросы нефти — на парафинистый мазут—падают 12%. Из 22 мрд квтч. 14 будут итти с районных станций. Удельный вес их чрезвычайно возрастет; они будут составлять больше половины всех электрических станций, а сейчас они составляют приблизительно одну четверть.

Мы должны будем всячески блюсти такой закон, по которому вся выработка электрической энергии, все энергетическое хозяйство должно считаться единым. Будем развивать электрическую сеть, включая, как правило, в нее установку отдельных фабрик и заводов. Только таким путем, собирая под одну крышу все энергетическое хозяйство, мы сможем обеспечить наиболее высокий технико-экономический показатель работы промышленности, что даст возможность быстро догнать и перегнать опередившие нас индустриально страны.

Когда мы писали план ГОЭЛРО, электротехника не развернула еще тех возможностей, которые мы имеем ныне. Мы тогда говорили о 100 тыс. вольт напряжения, как о максимальном. Теперь мы уже проектируем по Днепрострою двойное напряжение —200 тыс. вольт. А что это означает? С под'емом напряжения нам легче перекрывать пространства. Это означает, что станции, находящиеся на расстоянии 500 *км* друг от друга, легко протягивают руки одна другой. Электрическая сеть за пятилетие проектируется с под'емом от 3 до 12 тыс. *км* протяжения. Она имеет у нас все шансы также богато развиться, как и в Америке. В Америке сеть электропередач конкурирует с сетью железных дорог; 400 тыс. *км* электрической сети конкурируют с 440 тыс. *км* железнодорожной сети. Все это обеспечит такие экономические возможности, которые трудно оценить.

Если бы мы оставили все наше теплосиловое хозяйство на уровне 1925/26 г., не имея возможности его электрифицировать по нашей программе, то мы из года в год тратили бы лишних 500 млн. руб. Мы сэкономим, благодаря развитию энергетической сети, не менее 500 млн. руб. в год, если, конечно, одновременно и другая сторона энергетики — освежение и упорядочение машин-двигателей—будет итти нога в ногу с работами по общей электрификации. Энерговооруженность труда тех 4 млн. рабочих, которые будут работать в цензовой промышленности, возрастет за пятилетие более чем вдвое. Подсчеты показывают, что те 4.600 квтч. механической энергии в год, которые придутся в конце пятилетия на каждого работника, означают то же самое, как если бы около него стояло более 60 механических рабочих. Это означает, что в комбинате Днепростроя, где на 15 тыс. рабочих в общей сложности будет приходиться огромная мощность в 300 тыс. квт., каждый работник будет работать так, как будто бы около него стояло 700 чел. с дружной помощью. Это громадное вооружение труда, которое мы можем обеспечить исполнением программы электрификации, является основной предпосылкой для того, чтобы нам не сдрейфить во всем нашем строительстве. Будем крепко держаться за электровооруженность, о которой старик Энгельс говорил с такой удивительной прозорливостью, что она как бы замыкает круг полезных превращений энергий, что она в единое целое соединяет все виды энергий и дает

возможность так комбинировать производительные силы, что они неслыханно разрастутся и перерастут рамки буржуазного общества. Это она—электрическая энергия, переброска и передача ее на расстояние, радикально разрешит, по его словам, противоречия между городом и деревней. Таким образом, в электричестве мы действительно имеем красное орудие социализма. Зарево огней, которое горит на карте, говорит не просто о технической работе, а о работе глубоко социалистической. В грядущие 5 лет мы должны будем зорко следить за тем, чтобы эти ленинские электрические вехи строительства не были нарушены. Тогда мы имеем много шансов, что мы всю нашу строительную хозяйственную программу поставим на такие пути, которые неведомы по масштабам возможной успешности другим странам.

Сельское хозяйство

Товарищи, мы только что говорили о хлебе для промышленности. Но кроме материальных ресурсов, решающих судьбы нашего производства, есть еще другой важнейший ресурс, стоящий над этими материальными ресурсами, это живая сила людей. И мы не разрешим правильно строительства нашего хозяйства, если не разрешим другого громадной важности энергетического вопроса, вопроса о питании живой энергетики, хлебного вопроса. Вы уже слышали здесь от тов. Рыкова целый ряд указаний относительно того пути, по которому мы пойдем в развитии нашего сельского хозяйства. Вы услышите еще специальный доклад тов. Калинина, так что разрешите мне при обрисовке этого вопроса остановиться только на немногих решающих пунктах.

Товарищи, чтобы вы сказали о предприятии крупного масштаба, которое решило бы устраиваться так, что стало бы разбиваться на ряд мелких кустарных небольших ячеек, поставило бы эти маленькие кустарные ячейки отвратительно в смысле техники, без всякого опытного технического руководства, снабдило бы их скверным обслуживанием транспорта? Каковы были бы судьбы такого предприятия? Эти судьбы были бы плачевными. Между тем, преобладающая масса нашего крестьянского хозяйства находится именно в таких условиях. Она раздроблена на 25—27 млн. мелких и мельчайших единиц, находящихся по уровню своей техники далеко ниже того технического уровня, который известен в настоящее время мировой сельскохозяйственной технике, она находится в отвратительных транспортных условиях. Следовательно, не приходится удивляться, что темп роста такого производства не удовлетворяет бурному развитию нашей промышленности, что сейчас важнейшим заданием всего нашего народнохозяйственного плана является — покончить с этим разрывом в темпах и создать новые рельсы для всего сельского хозяйства.

Каковы же эти рельсы? Они станут особенно ясными, если мы подойдем в социальном разрезе к проблеме нашего сельского хозяйства.

В самом деле, вспомните, что в 1927/28 г. мы имели зерновую продукцию в 73 млн. тонн против 81 млн. тонн 1913 г. Восстановительный процесс по валовой продукции дошел до 90%, а между тем, в 1913 г. товарная продукция была 20 млн. тонн, а в 1927/28 г. всего только 8 млн., т.-е. по товарной продукции мы имеем всего 40% довоенного уровня. Вот где основная беда. В самом деле, даже при этой продукции в $4^1/_2$ мрд. тонн, если бы товарность зернового хозяйства была довоенной, то не было бы тех гигантских затруднений в продовольственном вопросе, которые мы испытываем в настоящее время. В чем же здесь дело? При всем несовершенстве нашей статистики мы знаем, что, например, в таких решающих продовольственных районах, как Сев. Кавказ и Украина, 10% верхушечной группы крестьянства (из которой 4% можно отнести к кулакам, а остальные—тяготеющая к ним группа подкулачников и зажиточных слоев) держит в своих руках почти $^1/_3$ инвентаря и земли, тогда как 20% имущественных низов деревни держит в своих руках 5—7% инвентаря и является, в большинстве случаев, безлошадной. Вот эти 40% товарного хлеба, которые держит зажиточная верхушка в решающих наших районах, дают возможность для тех контр революционных маневров этой зажиточной верхушки, которые срывают государственные цены на сельскохозяйственные продукты и подрывают всю нашу работу в области хлебозаготовок. Отсюда ясная и простая задача: противопоставить этой части крестьянства, кулацкой и подкулацкой, наш социалистический сектор, противопоставить так, чтобы к концу пятилетия иметь 40% товарного зерна от нашей опоры на селе, от той бедняцко-середняцкой массы, которую мы вовлечем в наши колхозы и совхозы. Интересы этой бедняцко-середняцкой массы совпадают с интересами всего трудящегося населения, живущего покупным хлебом.

Это основная, генеральная линия и если мы ее проведем, мы положим конец маневрированию кулацкой верхушки на рынке и будем иметь тот хлебный резерв, который позволит нам упорядочить все хлебозаготовительное дело и быть господами на всем огромном хлебном рынке. Но для того чтобы это сделать, надо иметь, повидимому, какие то особые средства. В самом деле, разве эта идея строительства совхозов и колхозов совершенно новая идея? Нет она развита еще в плане ГОЭЛРО. Почему же мы рассчитываем, что мы именно за это пятилетие эту программу осуществим? А потому, что 1927/28 г. является, в известном смысле, переломным годом. В каком смысле? В том смысле, что впервые в этом году, на плечах окрепшей индустрии, наше крестьянство свой общий сел.-хоз. инвентарь подняло до довоенного уровня. Сельскохозяйственный инвентарь по стоимости превосходит теперь уже цифру в 1 мрд. руб., т.-е. то, что соответствует стоимости сельскохозяйственного инвентаря в довоен-

ное время. Правда, на 350 млн. руб. этот инвентарь находится в руках деревенской верхушки, но, тем не менее, ныне мы уже смогли бросить для бедняцко-середняцкой массы значительное количество сельскохозяйственных орудий, а в будущем сделаем это еще основательней. Есть еще другой момент, который предрешает события на великом поле сел.-хоз. труда. Мы имеем свыше 350 тыс. *га* механизированных хозяйств. Мы уже не теоретически, а практически взвешиваем силу трактора, силу нового энергетического опорного орудия деревни, скажем, универсального 3-корпусного трактора типа „Интернационал". Мы знаем, по опыту, а не по расчету, что такой трактор заменяет 20—30 лошадей. Мы знаем, что наш сел.-хоз. инвентарь один, без двигателя поможет мало под'ему крестьянского хозяйства. Почему? Потому, что есть большой разрыв между возможностью использования вот этого инвентаря и той силой рабочего скота, которой наша деревня располагает.

Мы не можем рабочий скот поднять по нашему произволу. Наши специалисты говорят, что мы сможем увеличить за 5 лет численность рабочего скота всего на 20%. Вот здесь-то и придут на помощь тракторы. Наш фактический опыт показывает, что, если трактор оперирует на достаточно сплошном массиве, он увеличивает чрезвычайно выгодность хозяйства. Зернотрест, который имеет огромнейшее задание добиться за пятилетие 16 млн. центн. продукции зерна, говорит, что по первым шагам видно, что цена отборного зерна пшеницы будет стоить не более чем 5—6 руб. за центнер. Это уже значительно дешевле по сравнению с теми ценами, которые мы имеем в настоящее время в наших хлебозаготовках.

Но, товарищи, есть один момент, который вы должны твердо подчеркнуть в вашем сознании. Какой это момент? Для того чтобы развернуть наши государственные совхозы по тем прикидкам, которые мы сделали, выходит, что расходы должны быть сделаны в расчете 150 руб. на один гектар посева. Это — огромная сумма. Мы бросаем сотни миллионов для того, чтобы создать наши совхозы и естественно наталкиваемся на известный предел такого строительства по ограниченности наших денежных ресурсов. Нельзя ли, опираясь на наши совхозы, на опыт механизированных хозяйств, привлечь к этому огромному строительству само крестьянство? Вот, товарищи, сейчас на карте освещаются совхозы, с которыми мы пойдем в эту пятилетку. Вы видите, как мощно они идут усиливающейся на восток лентой. Вы видите, как красной звездой отмечен, около Одессы, особый пункт. Что это такое? Это межселенно-машинотракторная станция совхоза имени Шевченко, которая при героических усилиях тов. Маркевича показала нам ту дорогу, по которой мы пойдем для того, чтобы с помощью нового энергетического двигателя охватить громадные массы крестьянства и преодолеть те затруднения, которые мы встретили бы на пути, если бы ограничились одними государственными совхозами.

В чем дело, товарищи? А дело в том, что не по книжным расчетам, а действительным опытом, в горниле труда, тов. Маркевич вместе со своими соработниками разрешил величайшую, исторической важности задачу. Он показал, что такая межселенно-тракторная станция в условиях юга, в условиях Одессы, может разворачивать свое действие на десяток и десятки деревень, охватывая 40 и 50 тыс. *га*. Он нам показал, как постепенно правильным подходом к нуждам трудового крестьянства, учитывая всю естественную инерцию прошлого, то недоверие, которое еще есть в крестьянстве к решительному переходу на позиции обобществленного, технически благоустроенного хозяйства, к новому строю, как можно практически с боя брать эти позиции. Как вести войну против засилия кулака, в корне подрывая значение его инвентаря, при помощи которого он накидывает петлю эксплоатации на окружающее крестьянство; как можно постепенно втягивать крестьянство в такие формы об'единения, которые будут иметь завершением более глубокое об'единение всего крестьянского хозяйства в целом. Мы рассчитываем в это пятилетие проектировать эти тракторные станции совершенно так же, как мы проектируем электростанции. Основываясь на опыте Маркевича, основываясь на том богатом уже опыте, который имеет сейчас другой, чрезвычайно эффективно работающий центр — наш Хлебоцентр со своими тракторными колоннами, мы думаем, что мы охватим межселенными тракторными станциями в это пятилетие от 2 до 3 млн. *га*. А если мы дальше разовьем производство тракторов, то в следующем пятилетии дело это пойдет еще шире.

В пятилетке мы наметили, кроме Сталинградского завода на 40—50 тыс. тракторов в год, еще один новый завод в одном из наиболее удобных экономических центров, о котором мы будем еще много толковать, ибо каждый район хочет иметь его у себя: и украинцы, и уральцы, и ленинградцы. Мы рассчитываем, что поднимем производство Харьковского завода и так разовьем это дело, чтобы к концу пятилетия на наших полях было не менее 150 тыс. тракторов в ходу, из которых свыше 80 тыс. будет собственного производства. Мы рассчитываем, что к концу пятилетки мы будем иметь такую продукцию тракторов, что в каждый год следующего пятилетия мы сможем механизировать до 10 млн. *га*. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что, начав программу строительства межселенных тракторных станций с охватом 3 млн. *га*, в следующее пятилетие мы войдем с программой охвата уже 20 млн. *га*. И тогда следов от старого крестьянского быта, от отдельных крестьянских разрозненных единиц, следов от отсталой примитивной техники, от подчинения стихиям природы не останется, и крестьянство наше вздохнет облегченно. А вместе с ним вздохнет свободно и вся наша страна, которая и на этом поприще труда — в сельском хозяйстве — подчинит стихию воле (аплодисменты).

Товарищи, за неимением времени я не могу дольше останавливаться на этой теме и отсылаю вас к книге Маркевича „Межселенные тракторные станции", которая вся проникнута энтузиазмом социалистического строительства и вся дышет плотью и кровью самой жизни. Там вы увидите богатые страницы, которые лучше моих слов покажут вам, в каких условиях, при какой отчаянной борьбе, при каком сопротивлении кулацкой верхушки осуществляется программа строительства социалистического сектора.

Как мы рассчитываем поднять продукцию наших совхозов и колхозов? Вы видите на этой карте, что они идут на восток. Они разрешают хлебный вопрос, самый основной вопрос зернового хозяйства. Ясно, что только разрешив хлебный вопрос, мы сможем подойти к разрешению других вопросов сельского хозяйства. Вы знаете, как на вопросы зерна натыкается наше животноводство, наши технические культуры и т. д. Вы знаете, что происходит, какие скачки, какие колебания наблюдаются в производстве льна, хлопка и других технических культур. Специальные районы наши, в которых должно преобладать животноводство или технические культуры, могут развиваться только тогда, когда они будут уверены в том, что за ними стоит прочная хлебная основа, когда они будут уверены, что будут удовлетворены их потребности в зерне.

Ясно, что мы можем проектировать такую сеть совхозов, которая охватывает 5 млн. *га* в это пятилетие, только опираясь на силы поднявшейся индустрии.

Механический рычаг, который необходим нам в виде тракторного производства, в виде сел.-хоз. машин, которые мы будем вырабатывать в год на 610 млн. руб., является решающим для успеха этого великого похода. Товарищи, но здесь, на наших глазах развернется весьма любопытная картина некоторой борьбы между двумя могучими силами, которые мы бросаем в наше сельское хозяйство, на наши сельскохозяйственные угодья за пятилетие — б о р ь б ы х и м и и и м е х а н и к и. Если это движение зерновых совхозов в восточном направлении предрешается развитием механизации, то, не забывайте, что в центре, как-раз в районах индустриальных, потребляющих, мы имеем до 3 млн. *га* бросовых земель. В чем дело? Ведь здесь, в этих районах почва такая же, как и в Германии, не хуже. Они находятся бок о бок с важнейшими индустриальными центрами, а мы продолжаем иметь рост этих бросовых земель. Как покончить с этим? Наши химики, наши агрономы показывают нам ясную дорогу, по которой можем мы здесь пойти. Они говорят о том, что мы можем здесь путем сравнительно элементарных мер, путем употребления фосфорной муки, известкования и т. д. создать ту европейскую обстановку и н т е н с и в н о г о сельского хозяйства, которая соответствует важности этих центров по их политическому и географическому положению, создать на манер Германии интенсивное хозяйство путем применения усиленного удобрения, правильного многополья и т. п. Отсюда важность этой программы — 8 млн. тонн удобрительных туков, отсюда важность всей той химической промышленности, о которой вам будет подробно докладывать тов. Куйбышев. Этим путем разрешается не менее важный вопрос для сельского хозяйства, вопрос об интенсивном сельском хозяйстве, вопрос о правильном использовании земель потребляющих районов.

Только теперь создались условия, когда силы подрастающей индустрии, механической и химической, дадут возможность правильного подхода к нуждам сельского хозяйства и только теперь огромная масса трудящегося крестьянства ясно увидит, что их товарищи рабочие, там, в своих индустриальных центрах, действительно за это время сделали величайшую работу и могут ныне бросить на поле их крестьянского труда все, что нужно как по линии химии, так и по линии механики.

Как только мы нашупали возможность работы с тракторами, как только мы наметили первые вехи обобществленного сел.-хоз. сектора, так сейчас же поднялась такая волна крестьянского движения в колхозы, которая обеспечивает нам встречный поток живой энергии, небывалый, невозможный прежде, который в соединении с материальными силами индустриального государства поможет нам реализовать сел.-хоз. программу в целом. Отсюда создалась у нас такая уверенность, что это — реальная программа, что она ныне отвечает самой нашей живой действительности. Наблюдения показывают, что колхозное движение, как бы еще много ни было в нем отрицательного, сколько бы ни было в нем недостатков в смысле глубины обобществления, в смысле вредной мелкости колхозных единиц, что оно период детских болезней пережило, что оно быстро изживет все недостатки, если мы сумеем правильно наладить государственные организационные приводы, чтобы помочь встать ему быстрей на рациональные рельсы. Нет сомнений, что эта гигантская программа строительства сел.-хоз. социалистического сектора — не менее 27 млн. *га* [1] — будет выполнена. Имейте в виду, товарищи, что и Германия и Франция имеют посевной площади все по 20 млн. *га*. Это одно уже свидетельствует о громадности программы 27 млн. *га* обобществленного сектора. Мы будем поддерживать его и впредь всей мощью индустриального организма страны, оживим его надлежаще подготовленными силами, которые создаются из людей, по классовому своему признаку склонных к боевому союзу с городским пролетариатом. Эти силы выросли из нашего прошлого, благодаря правильно намеченным нашей партией вехам, учету всех действующих в экономике и технике сел.-хоз. труда сил и средств.

Что же нам в конце пятилетия дадут эти 27 млн. *га* земли? Они дадут нам свыше 43% всей товарной продукции хлеба, т.-е. как-

[1] Из них 22 млн. *га* приходится на колхозы и 5 млн. *га*, как минимум, на совхозы.

раз будут противостоять теперешним 40%, находящимся во враждебных руках. Они сделают нас в это же пятилетие господами положения на хлебном рынке. Они не допустят на нем контр-революционных маневров враждебных нам сил.

Но, товарищи, если взять всю сельскохозяйственную продукцию, то все-таки свыше 70% в это пятилетие останется в руках индивидуальных крестьянских хозяйств. Но и эти индивидуальные хозяйства к концу пятилетия не будут уже такими, как сейчас. Вспомните только один момент, который стоит подчеркнуть, чтобы вам было ясно то изменение, которое произойдет в обстановке и жизни индивидуальных крестьянских хозяйств. Вспомните то, что мы называем контрактацией. Это, в последнем счете, заключение генерального договора с крестьянами, с целыми районами, по которому кооперация получает в свои руки возможность производственного воздействия на целые сельскохозяйственные массивы, при котором мы гарантированы в приобретении хлеба от всяких случайностей рынка. А крестьянство гарантировано необходимыми денежными и материальными авансами, в своевременном удовлетворении своих производственных нужд. Вы знаете, что Хлебоцентр уже в нынешнем году празднует большую победу. При нынешних, крайне трудных условиях, когда далеко не налажен аппарат Хлебоцентра и когда наши возможности пойти навстречу крестьянству в его производственной работе не так широки, как нам хотелось бы, тем не менее, по справке от 1 января 1929 г. мы имеем следующие данные. По плану всего предполагалось заарендовать по яровым посевам в весенней посевной кампании 4.630 тыс. *га*, а фактически первоначальная программа уже превзойдена почти втрое. Что это показывает? Это показывает, что здесь перед нами новый огромный рычаг, который мы только что пускаем в ход и который, конечно, в системе этих генеральных договоров, в системе новой производственной спайки пролетариата и крестьянства по линии сел.-хоз. кооперации даст возможность исключительно мощного воздействия на огромный индивидуальный крестьянский сектор. Если мы еще вспомним про те 20 млн. населения, которые будут сконцентрированы к концу пятилетия в колхозах и совхозах, то придем к заключению, что рост крестьянских индивидуальных хозяйств, крестьянских дворов, не только не увеличится, а сократится на 1 млн. с лишним. Таким образом, вы видите, что впредь это противопоставление частного сектора и сектора обобществленного совершенно изменится и в смысле численности, а ведь тут важна не только численность. Тут важно то, что от этого обобществленного сектора идет, помимо непосредственного втягивания в свою собственную округу, целый ряд воздействий, при которых в глазах самых широких масс крестьянства померкнут надежды жить по старинке, устраивать свое благополучие так, как устраивают его кулаки. Заметьте, что постановление Центрального исполнительного комитета, где намечается огромный сдвиг урожайности путем простейших агрономических мероприятий, в значительной степени рассчитано на эти новые растущие силы в сельском хозяйстве, в его социалистическом секторе. Для того чтобы обеспечить программу этого декрета относительно чистосортных семян, нужно не больше, не меньше, как 120 млн. центн. А где могли бы мы заготовить эти чистосортные семена, если бы не росло хозяйство совхозов и колхозов, если бы не были в будущем развернуты огромные операции строительства Зернотреста, если бы мы не знали, что по следам Зернотреста идет Сахаротрест, если бы мы не были уверены, что крестьянство вблизи наших совхозов и колхозов, даже не будучи втянуто в непосредственную их работу, будет получать от них огромную материальную и агрономическую помощь. В последнем счете, товарищи, мы рассчитываем, что всеми этими мероприятиями как по технике, так и по социальному строительству, мы проведем всю нашу сел.-хоз. программу в жизнь. Мы надеемся, что увеличим нашу посевную площадь на 22%, что сумеем за пять лет увеличить урожайность не менее чем на 35%. Это означает, что к концу пятилетия, в последние годы его, мы будем иметь не только большой хлебный резерв в руках государства, но сможем восстановить и наш сел.-хоз. экспорт, что он будет определяться весьма приличной цифрой от 8 до 5 млн. тонн возможного к вывозу хлеба. Для того чтобы осуществить эту программу, мы намечаем неукоснительно следовать тем кооперативным вехам, о значении которых так прекрасно сказал в свое время тов. Ленин, развивая свой великий кооперативный план.

Трудно переоценить значение сел.-хоз. кооперации, на которую как-раз обрушатся главные заботы не только по линии контрактации, но и вообще по линии широчайшего производственного воздействия на крестьянское хозяйство. Мы поднимаем промышленность по переработке сел.-хоз. сырья так, что к концу пятилетки ее продукция будет свыше 3,5 млн. руб. Если мы прикинем стоимость нужного для этого сел.-хоз. сырья, то окажется, что это даст около двух миллиардов рублей. Такая переработка в значительной степени пойдет по ячейкам первичных заводов сел.-хоз. кооперации. Эти два миллиарда рублей составляют 40% всей товарной продукции сельского хозяйства. Так мощно скажется работа сахарных заводов, всевозможных предприятий по переработке текстильного сырья — льна, хлопка и т. д. Здесь новые рычаги, для того, чтобы индивидуальное крестьянство почувствовало всю мощь, все значение развития индустриализации для непосредственного решения его собственных хозяйственных судеб.

Эта сел.-хоз. программа в общем потребует 23 миллиарда рублей. Из них около 7 мрд. пойдут на жилищное строительство, а из остальных 16 мрд.— 9 мрд. находятся как-раз в таком обороте, на который государство, кооперация или хозорганы так или иначе воздействуют, так или иначе его регулируют. Таким образом, и с этой

стороны видна мощная спайка сельского хозяйства с индустриальным и государственным или, вообще говоря, советским социалистическим приводом.

Разрешите мне не останавливаться на том громадном сдвиге, который мы намечаем по техническим культурам: хлопководству, свекловодству и льну. Здесь мы рассчитываем обеспечить высокие темпы легкой промышленности и свести зависимость от иностранного хлопка к минимальным размерам. Таким образом, товарищи, в сумме этих мероприятий пятилетие покажет воочию, не словами, а делом, как в единственной свободной от капитализма рабоче-крестьянской стране мира, смело, четко, безбоязненно подходят к решению такого вопроса, решить который не дерзала ни одна власть в мире. Ленин говорил, что это выведение многих и многих миллионов трудящихся из деревенского тупика под силу только диктатуре пролетариата. Посмотрите на опыт Северного Кавказа. Уже сейчас этот опыт показывает нам — через море производственных совещаний, через быструю стройку обобществленного сектора, через совхозы типа „Гигант", через борьбу за агроминимум, — как быстро этот уголок, который недавно еще был опорой контр-революции, который был казацкой Вандеей, как он делается все более мощным соратником пролетариата, как пролетариат, пришедший туда на великую работу, быстро становится умелым руководителем огромных масс крестьянства, проснувшихся к новой жизни (аплодисменты).

Товарищи, я должен очень сокращать свое изложение, потому что программа пятилетнего плана, даже в таких условиях, когда промышленность будет излагать другой товарищ, настолько велика, что можно, только отчасти пройдясь по ней, уложиться в часы, допустимые для устного доклада.

Транспорт

Мы говорили об энергетике, о топливе, об электрической энергии, говорили о разрешении хлебного вопроса. Но есть еще великая задача, не разрешив которую мы в этой огромной стране, занимающей одну седьмую часть поверхности земной суши, будем беспомощны. Это — транспортный вопрос. Вот вам на карте сеть железных дорог, которые мы будем строить в это пятилетие (аплодисменты). Карта говорит без моих слов. Дело в том, что работа тружеников транспорта за прошлое пятилетие показала нам, какой мощный отряд имеем мы в их лице. Вспомните, как враги наши надеялись, что рядом с топливной и хлебной разрухой транспортная разруха сорвет наше хозяйство. Вспомните, как многие ученые работники сомневались в том, чтобы можно было быстро поставить на рельсы, быстро поставить в нормальные условия разрушенный после войны транспортный механизм. И, однако, уже сейчас мы можем сказать, что за истекшее время мы не только восстановили нашу железнодорожную сеть — этот важнейший член транспортной

семьи, — но увеличили ее мощность на 18 тыс. *км*. Задачи строительства таковы, что мы должны в это пятилетие дать новых железных дорог не менее 18—20 тыс. *км*. Вы видите, как расположены эти дороги, какие задачи они разрешают. Я бегло вам их охарактеризую.

Здесь, прежде всего, обращают на себя внимание лесовозные и, частично, колонизационные дороги; их будет около 3 тыс. *км*. Наиболее крупная лесовозная дорога соединяет ЦПО с Печорским краем. Средний участок ее (Усть-Сысольск — Котласская дорога) должен быть закончен в течение пятилетия. Должны быть закончены также отдельные участки лесовозной магистрали Сорока—Котлас. В Сибири преимущественное значение будет иметь дорога Томск — Енисейск. На Урале две лесовозных магистрали: Тавда — Тобольск и Надеждинский завод — Ивдель.

Сельскохозяйственные и частично линии переселенческого значения намечены протяжением около 7.800 *км*. Наибольшее развитие получает Казакстан, где, кроме Туркестано-Сибирской магистрали, намечены железные дороги: Боровое — Акмолинск, Орск—Актюбинск, Кустанай — Акмолинск и ветви. Далее следует юго-восток: линии Троицк—Орск, Оренбург — Уральск и Саратов—Миллерово. Крупное сельскохозяйственное значение будет иметь большая магистраль западного Урала на участках Пермь — Уфа и Уфа — Оренбург. На Украине строительство линий сельскохозяйственного значения развивается довольно широко: Федоровка — Скадовск, Армянск — Херсон. Большая часть проектируемых в Закавказьи линий, на ряду с другими задачами, имеет и сельскохозяйственное значение. Таковы: Черноморская, Баку — Джульфа, Евлах — Нуха.

В Средней Азии линии: Чарджуй — Нов. Ургенч (б. Хива), Термез — Дюшамбе.

Горнопромышленные и промышленные дороги: около — 2.000 *км*. Сюда, прежде всего, приходится отнести ж.-д. строительство в Донбассе, обслуживание Ткварчельских копей на Кавказе, сооружение Магнитогорской линии, сооружение линии Рубцовка — Риддер, линии от станции Яр, Пермской дороги, к вятским фосфоритам.

Наконец, 3.000 *км* составят так называемые разгружающие и спрямляющие линии. Из них 1.000 *км* мы будем держать в беститульном резерве, чтобы бросить их по определенному назначению в случае дальнейших конкретных нужд железнодорожного строительства.

Основная и величайшая транспортная проблема, которую мы должны будем решительно пройти, — это проблема сверхмагистрализации Великого Сибирского пути. Осуществление нашей сельскохозяйственной программы приведет к значительному изменению нынешнего удельного веса сельскохозяйственных районов. Для снабжения потребляющих районов особое значение приобретут хлеба Сибири и Казакстана, тогда как хлеба Украины и Северного Кавказа будут иметь, по преимуществу, экспортное назначение. Таким

образом, важнейшие хлебные грузы требуют дальнейшего упорядочения Великого Сибирского пути. Ни одна дорога не растет так быстро по своей нагрузке, как Сибирская магистраль. Сравнительно элементарными средствами мы можем так изменить тип этой дороги, чтобы себестоимость перевозок по ней уменьшить в 2—2½ раза. Это означает, что мы приблизим к себе Сибирь с ее новыми развертывающимися великими хозяйственными возможностями экономически в 2½—3 раза. Это означает, что мы попутно разрешим не только проблему подачи кузнецкого угля на Урал, но и сможем сделать его конкурентоспособным с донецким углем в подходах к железнодорожному московскому узлу. Это гигантский шаг вперед для будущей разгрузки Донбасса от непосильной работы.

Исследования хлебного производства в Сибири показывают, что быстрый сельскохозяйственный под'ем ее об'ясняется благоприятными условиями себестоимости хлебопродукции. Проведением великой Сибирской сверхмагистрали мы произведем новую сельскохозяйственную революцию в Сибири. Осуществление этого грандиозного строительного задания пойдет осторожными, последовательными этапами. В течение первых трех лет должна быть закончена постройка новой дороги Курган—Свердловск с переустройством существующего участка Синарская—Шадринск. Это новое направление проводится с пологими уклонами, каковая работа производится и на участке Сибирской магистрали Курган—Новосибирск. К западу от Урала, на Казанской дороге, строится второй путь от Свердловска до Шемардана и новая линия от Шемардана до Нижнего Новгорода с двухпутным мостом через Волгу.

Общая стоимость работ по осуществлению Сибирской сверхмагистрали определяется суммой порядка 220 млн. рублей.

Значение этой работы для всего нашего хозяйства трудно переоценить, и мы должны это великое дело дело во что бы то ни стало осуществить (аплодисменты).

Товарищи, другая задача большой важности — это упорядочение транспорта донецкого угля. Пока что мы спасаемся от перегрузки дорог этим угольным потоком, направляя его веерно по четырем дорогам. Вместе с работниками НКПС нам предстоит разрешить задачу удешевления углеперевозок из Донбасса и обеспечения их бесперебойности. Здесь перед нами тот же вопрос о сверхмагистрализации, при чем много шансов за ту электрификацию Московско-Курской железной дороги, которой, по плану ГОЭЛРО, обеспечивалась связь Донбасса с северными индустриальными центрами.

Пару слов о речном транспорте. На карте освещается синяя линия Волго-Донского канала. Проекты этого сооружения, детальные и тщательные, мы уже выработали и даже демонстрировали их в Берлине и Париже. Вспомните, что Владимир Ильич говорил о Волго-Донском канале, называя его таким транспортным рычагом, который перевернет всю энергетику юго-востока. Сейчас мы

с особой ясностью видим, насколько он был прав. Подсчеты показывают, что при осуществлении Волго-Донского соединения водный транспорт донецкого угля по Волге на расстоянии около 2.500 *км* от Сталинграда будет обходиться столько же, сколько будет стоить перевозка по железной дороге на 250 *км*. Это значит, что мы таким путем включаем все Поволжье в непосредственную округу Донбасса. Это значит, что мы подойдем к волжскому хозяйству с новым решающим орудием его под'ема. Таким путем мы быстро излечим основной недуг Поволжья — бедность собственными энергетическими ресурсами. Таким образом, великая крестьянская река прошлого превратится в могучий индустриальный хребет. Вот когда волжская промышленность сможет расцвести и наше индустриальное движение на восток сделает громадный шаг вперед. Не забудьте, что запасы топлива и хлеба на этой артерии имеют, кроме того, и особое оборонное значение.

Если сравнивать наши расходы на новое железнодорожное строительство с расходами на преобразование и улучшение существующей железнодорожной сети, то мы увидим, что последние расходы значительно выше и составляют более 3 мрд. руб. за пятилетие. Разрешите мне не останавливаться подробно на работах этого рода. Реконструкция железнодорожного транспорта в намеченном нами масштабе возможна только потому, что мы предварительно уже подправили нашу тяжелую индустрию и так развиваем ее дальнейший темп, что она, по нашим расчетам, полностью может удовлетворить все нужды транспорта в паровозах, вагонах, рельсах и вообще по металлу. Тов. Куйбышев подробно расскажет вам о транспортных работах в промышленности. Отмечу кратко, что реконструкция транспорта, между прочим, основана на введении тяжелых паровозов серии „Э“ (80-тонных), большегрузных вагонов, автоматической блокировки железнодорожных постов, автоторможении товарных поездов и т. д. Мы рассчитываем, что в результате себестоимость транспортных услуг понизится на 30%, расходы топлива упадут на 13%, а производительность труда транспортников возрастет на 60%.

Следует с особой силой подчеркнуть громадное значение в предстоящем пятилетии упорядочения местного безрельсового транспорта. Увеличение грузооборота железных дорог вдвое дает огромную сумму тоннажа перевозок, но еще больше возрастет грузооборот безрельсового транспорта, который, по нашим расчетам, должен превзойти 1 мрд. тонн.

Если в довоенное время наше бездорожье причиняло нам ежегодно убытки, оценивавшиеся примерно в 400 млн. руб., то в грядущее пятилетие, при нашем нынешнем безрельсовом транспорте, эти убытки возросли бы многократно. Отсюда задача — дать решительный сдвиг в строительстве и эксплоатации наших дорог с земельным полотном. Пятилетка предвидит расходы для этой цели в сумме свыше

1 мрд. рублей. Однако, это — лишь скромное начало. Америка нам показывает, как в настоящее время автотранспорт борется с паровым транспортом. Постройка автозавода в 100 тысяч машин в Нижнем Новгороде, усиление работы других наших автозаводов, намеченное по пятилетке, все это еще в далекой степени не позволяет нам догонять столь опередивший нас в этом отношении Запад. К пересмотру этих программ, к новой организации наблюдения за всеми безрельсовыми путяти, привлечению в это дело материальных и трудовых ресурсов самого населения нам, очевидно, предстоит еще не раз возвращаться.

Столь же важно дать надлежащий сдвиг нашему речному хозяйству, которое даже не прошло всех стадий восстановительного периода. А между тем, наша богатая речная сеть по своей будущей роли в нашем хозяйстве заслуживает сугубого внимания.

За ограниченностью времени я не могу входить в дальнейшую характеристику наших транспортных задач.

Вопросы социально-экономические

Перейдем теперь к вопросам социально-экономического порядка. Отметим, прежде всего, что страна наша имеет такие приросты народонаселения, каких не знает капиталистический Запад. При населении в 150 млн. душ наш ежегодный прирост исчисляется в $3^1/_2$ млн., тогда как все население Европы в 370 млн. душ дает годичный прирост всего в $2^1/_2$ млн. душ. Уже этот гигантский рост населения затрудняет реализацию основного права советских граждан—права на производительный труд. Вспомним, что неиспользованный резерв сельской рабочей силы определяется нашими статистиками в 9 млн. человек. Число работоспособных возрастет за пятилетие также на 9 млн., да, кроме того, число безработных в настоящее время надо считать свыше 1 млн. Итак, пятилетний план, прежде всего, должен посчитаться с необходимостью дать этой огромной массе трудящихся постоянное занятие.

Чтобы правильно подойти к решению вопросов борьбы с безработицей, надо, прежде всего, тщательно исследовать ее корни. Сейчас же станет видно, что эти корни, прежде всего, связаны с вековой отсталостью нашего сельского хозяйства, порождающей так называемое аграрное перенаселение. Оно чрезвычайно своеобразно. В страдную пору деревне нехватает рабочих рук, там вынуждены пускать в ход работу стариков и детей, а в обычное время—миллионы незанятых людей. Механизация земледелия, прежде всего, позволяет смягчить эти скачки по сезонам сельскохозяйственной работы, более равномерно распределить ее на длительные сроки. А затем, с помощью механизации, мы, как это мы видели выше, расширяем самое поле сельскохозяйственного труда и изменяем самое техническое лицо нашего сельского хозяйства, интенсифицируя земледелие, вводя переработку сельскохозяйственных культур

и целый ряд новых агрономических работ самых разнообразных разделов сельского хозяйства. Среди них под'ем зернового хозяйства облегчает специализацию районов, дает возможность усиленного развертывания животноводства и сосредоточения усилий на возделывании трудоемких технических культур.

Мы подвели некоторые балансы тех общих результатов по использованию деревенской рабочей силы, которые в цифровом выражении показывают нам хотя и с грубой приближенностью, но достаточно отчетливо, что получится в результате. В результате мы дадим за пятилетие таким путем добавочную работу более чем 8 млн. полновозрастных работников. Тем самым мы нанесем решительный удар самым корням нашей безработицы, ее деревенским истокам. Затем тот под'ем в промышленности, в городах, который намечается в нашей пятилетке, дает возможность использовать в разных областях приложения наемного труда еще до $2^1/_2$ млн. работников. В последнем счете мы рассчитываем, таким образом, уменьшить нашу армию городских безработных почти вдвое, снижая ее к концу пятилетки до наличности всего около 500 тыс. человек.

Не так дело идет на капиталистическом Западе. Здесь безработица на наших глазах растет из года в год. Заметьте, что в Соед. Штатах число безработных в определенные периоды доходит до 4 млн. и более. В Германии число безработных насчитывается до 2 млн. и т. д.

В передовых индустриальных странах, товарищи, бешеная конкуренция приводит к необходимости сильнейшей технической реконструкции в промышленности. С трудящимися там при этом не считаются. Быть может, вы читали о тех автоматах, механических людях, которыми тамошние конструкторы думают нажать на живых людей. Такой автомат может стоять у распределительного щита на электрической станции и по словесному приказу производить те или иные операции на этом щите. Таков идеал современной капиталистической цивилизации,— куклой заменить человека.

Мы тоже решительно улучшаем техническое оборудование нашей промышленности, вооружаем наших рабочих новыми машинами, новым энергетическим вооружением. Но одновременно мы намечаем увеличение за пятилетие армии наших индустриальных рабочих на целых 38%. Социалистическая реконструкция промышленности, как видим, не похожа на капиталистическую ее реконструкцию.

Наши подсчеты показывают, что в то время как население страны возрастет на 11,8%, численность лиц наемного труда возрастет на 21%.

Большую роль в борьбе с безработицей будет играть перевод в это пятилетие всех рабочих на 7-часовой рабочий день. Сокращение годичного срока работы на 159 часов, получающееся от этого перевода, уже одно даст нам возможность дать работу новым 300 тыс. рабочих фабрик и заводов. Следует подчеркнуть, что в то

время как продолжительность нашей рабочей недели в настоящее время 44,6 часа и будет доведена до 40,2 часа, за границей она колеблется от 47 до 49½ час.

Интересно проследить, как будет обстоять за пятилетку дело с нашим народным доходом, основным источником нашего накопления. Ведь мы, товарищи, живем и будем жить не за счет американских дядюшек. По расчетам пятилетки, народный доход дойдет до 170 мрд. руб., т.-е. примерно удвоится. Чтобы получить такой неслыханный в истории капиталистических государств результат, нам нужно только сохранить тот прирост душевого дохода, который мы имеем за последнее трехлетие. А ведь мы имеем шансы значительно поднять его вверх, ибо сильно поднимаем производительность труда во всех отраслях нашего народного хозяйства. Какова будет структура этого народного дохода? Вследствие сильного под'ема промышленности доля в нем сельского хозяйства падет с 46% до 39%. Роль частного сектора снизится с 47% до 33%. Продукция цензовой промышленности уже в 1927/28 г. была обобществлена на 98,3%. Частный сектор падает в ней за 5 лет с 1,7% всего до 1%. Паровой транспорт обобществлен уже на все 100%. Частный торговый оборот в рознице падает с 25% до 9%. Весь частный товарооборот в опте и рознице падал с 14% до 3,2%. Социалистический сектор сельского хозяйства за пять лет возрастет в 8 раз: с 1,8% до 15%.

Не менее интересно распределение дохода по социальным классам. Средний темп роста доходов для всех групп населения — 62%. Доход пролетариата возрастает вдвое. Прирост реального душевого дохода в городе 66%, в деревне 67%, т.-е. примерно эти приросты одинаковы. Однако, как в городе, так и в деревне пролетарские и бедняцкие группы будут иметь особо высокий процент прироста душевого дохода. Беднота, об'единенная в колхозы, повысит свой душевой доход на целых 79%.

В пятилетке мы проследили, как пойдут по разным группам деревенского населения из'ятия из деревни налогами и займами и поступления от бюджета и кредита. Затем мы учли то, что эти группы населения выиграют на изменении цен городских и сельских товаров. В последнем счете оказывается, что деревенская верхушка приплатит из своих средств государству около 1,5 мрд., тогда как бедняцко-середняцкая масса получит на 2 мрд. больше, чем отдаст.

Отдельно мы сделали расчет в изменениях того, что мы называем основными фондами страны. Это все ее капитальное имущество, весь ее производственный инвентарь. Теперь в этих фондах средства наполовину принадлежат частному сектору — так дает себя знать громадная наличность у нас индивидуального крестьянского хозяйства. Однако, к концу пятилетки социалистический сектор будет уже составлять две трети этих основных фондов.

Как будет у нас обстоять дело с заработной платой? Номинальная заработная плата индустриального рабочего возрастет примерно на 47%. Но так как одновременно падет цена товаров, необходимых для содержания рабочего, или, как мы говорим, понизится бюджетный индекс, то реальная заработная плата возрастет не менее чем на 70%. Повышенный заработок рабочего, с нашей точки зрения, основа производительности его труда. Пятилетка предусматривает под'ем производительности индустриального труда на целых 110%. Только такой под'ем производительности труда сможет оправдать те наши расчеты, которые позволили нам сделать такие крупные ставки фактического под'ема заработных плат.

Как изменится рыночная обстановка к концу пятилетки? Те главные трудности, которые мы наблюдаем ныне в обороте сельскохозяйственных продуктов, очевидно, могут быть изжиты проведением той сельскохозяйственной программы, которую мы обрисовывали раньше. Мы показывали, каким путем мы устраним прорывы спекулятивных цен на сельскохозяйственные продукты. Это задача нелегкая, и мы сможем ее осуществить лишь напряжнейшей работой ряда лет. С другой стороны, надо учесть, что предложение промышленных товаров, при увеличении всей продукции промышленности более чем в 2½ раза, будет чрезвычайно мощно подкреплено. Учет соотношения спроса и предложения, конечно, весьма сложная задача. Чашки весов будут колебаться и от политики цен, и от роста заработков и доходов, и от всей суммы тех мероприятий, которыми советская власть воздействует на товарный и денежный рынок. Однако, не подлежит сомнению, что под'ем всех наших производственных отраслей дает нам в руки громадные средства для необходимого урегулирования рынка. Чтобы не быть голословным, приведу несколько цифр: предложение сахара на рынке к концу пятилетки примерно удвоится; по сукну и шерстяным товарам увеличение примерно в 2½ раза, по выработке подсолнечного масла в 2½ раза, снабжение чаем намечается поднять в 4 раза. Особые усилия, как это мы видели раньше, мы будем прилагать для удовлетворения производственного спроса крестьянства: предложение сельскохозяйственных машин возрастет в 4 раза, химических удобрений в 30 раз.

Подчеркнем, кстати, еще раз, что жилищное положение индустриальных рабочих резко изменится к лучшему: ведь мы вкладываем в это дело за пятилетие около 5 мрд. рублей.

Ограничусь этим беглым очерком основных социально-экономических сдвигов в пятилетие.

Кадры и культура

Спросим себя, какой дальнейший вопрос является для нас решающим для стопроцентного выполнения заданий нашей пятилетки? Это, товарищи, несомненно, вопрос о кадрах живой силы, о подготовке ее в различных по квалификации разрядах, о подготовке для нее над-

лежащей расширенной смены. При проработке пятилетки в разных коллективах и в разных органах везде эти вопросы выдвигались, как важнейшие. Кто и как будет работать? Подготовлен ли наш живой труд к той сложной машинной технике, которой мы его окружаем, к тем огромным задачам как строительного, так и эксплоатационного порядка, которые стоят перед нами во всех хозяйственных областях? Вы знаете, как много детских болезней во всем нашем капитальном строительстве. Только вооружившись везде и всюду наллежащими кадрами, можем мы быстро справиться с нашей неопытностью в предстоящих задачах огромного строительства и преобразования хозяйства.

Но вопрос о кадрах теснейшим образом сплетается с вопросами всей нашей культурной работы. Владимир Ильич не даром говорил: „Победить с народом темным, неграмотным нельзя", и поэтому, прежде всего, приходится себе задать вопрос: как мы поведем в это пятилетие борьбу за грамотность и за элементарное обучение.

В тех томах пятилетки, которые вам розданы, намечено ассигнование на дело просвещения целых 15 мрд. Но когда мы вновь начали прощупывать вопрос всеобщего обучения, ликвидации неграмотности, вопросы о школах I ступени, об их педагогическом персонале, вопросы использования новых гигантских рычагов современной культуры — кино и радио, могущие дать нам исключительные средства для культурного общения с широчайшими массами трудящихся, когда еще и еще раз продумали необходимость быстрейшего сжатия культурных „ножниц" между нами и Западом, то мы пришли к выводу о необходимости добавочной ассигновки на дело просвещения дополнительно 1 мрд. руб.

Как же расширена наша строительная культурная программа? Мы хотим добиться, чтобы к концу пятилетия в активном рабочем возрасте не осталось ни одного неграмотного в нашей стране (аплодисменты). Мы хотим, начиная с 1929/30 г., приступить к введению всеобщего обязательного начального обучения, охватить школой всех детей в возрасте от 8 до 11 лет, пропуская через особые школы всех переростков в количестве 3 млн. человек (12—15 лет). Мы хотим ликвидировать неграмотность среди всего городского и сельского мужского и женского населения в возрасте до 40 лет, а среди рабочих — в возрасте до 50 лет. Отступления могут быть только для особо отсталых районов при особо неблагоприятных обстоятельствах. Контингент начальных школ придется поднять до 16 млн. человек. Ликвидацию неграмотности придется связать в селах с обучением известному минимуму сельскохозяйственных знаний, а в городах — с некоторым техническим обучением. Через школы ликбеза мы предполагаем за пятилетие провести 18 или 19 млн. человек. При таких условиях процент грамотности по всему Союзу к 1932/33 г. поднимется выше 80%.

Придется широко развить сеть изб-читален, народных домов и клубов. Надо поставить дело так, чтобы среди широких кругов рабочих и крестьян создалась большая тяга к этим учреждениям. В частности, я думаю, что пропаганда нашего пятилетнего плана должна также найти себе место и во всей школьной сети и в главнейших просветительных учреждениях. Мы предполагаем громадный под'ем тиража наших газет, более чем удвоение этого тиража, и мощный под'ем всей нашей печати, который потребует заново пересмотреть и ставки нашего полиграфического дела и всего писчебумажного производства. Учебники, популярные технические книги — вот что должно быть выдвинуто на первый план. Число киноустановок должно быть поднято с нынешних 8 тысяч по всему Союзу до 50 с лишним тысяч к концу пятилетки. Число кинопосещений должно перевалить за 1,5 мрд.

В этом деле мы должны поставить перед собой определенную задачу: изжить за пятилетие иностранные отравляющие трудящихся кинофильмы, дать им такие картины, которые поднимали бы их культурно и воспитывали бы их в нашем социалистическом духе (аплодисменты).

Один из главнейших вопросов—это вопрос о школьных учителях. Армия наших учителей составляет в настоящее время свыше 200 тыс., к концу пятилетия она более чем удвоится. Будем помнить все то, что говорил Владимир Ильич о значении для нас школьного учителя. Доведем его заработок до заработка квалифицированного рабочего. В городах это будет составлять около 100 рублей. Будем помнить, что в селах нам необходим учитель, как первый помощник агронома и всего производственного актива деревни.

Мы более, чем удваиваем бюджет здравоохранения, изменяя его первоначальные цифры и ставя перед собой задачу увеличить в $1^1/_2$ раза нынешнее количество врачей. Их заработок должен быть доведен до довоенного уровня. Более всего придется обратить внимание на отсталость медицинского обслуживания нашей деревни.

Вопрос особой важности — вопрос о выработке новых инженеров, техников и агрономов. Нам требуется совсем иной тип этих работников, чем тот, которым довольствовались в довоенное время. Вы знаете, что мы намечаем для студентов наших вузов работу на фабриках и заводах еще в период обучения. Надо, чтобы наша техническая молодежь варилась в самом фабричном котле, чтобы она дышала его воздухом. Придется организовать широкую переквалификацию действующих кадров индустриальных рабочих. Здесь задача двойного порядка: современная техника чревата быстрыми изменениями обстановки труда. Необходимо поэтому поднять общие политехнические навыки рабочих, их предварительное общее обучение. Но одновременно приходится думать и о быстрых технических навыках определенного профессионального характера. Потребуются боль-

шие средства и большое организационное педагогическое искусство, чтобы с толком переквалифицировать свыше 1 млн. индустриальных рабочих на фабриках и заводах и создать огромнейший пятимиллионный крестьянский актив обученных таким образом, чтобы не растеряться при трудностях строительства социалистического сектора деревни. Должна быть пущена в ход система всевозможных краткосрочных курсов, система заочного обучения живой и разнообразной практики. Сеть радио предполагается мощно развить. Радио должно быть доступно 50% рабочих квартир. Надо стремиться к тому, чтобы по крайней мере треть крестьянских дворов имела возможность слушать радио. (Аплодисменты.) Это—огромная программа. Но если вспомнить, какие надежды Владимир Ильич возлагал на радио, то жалеть здесь средств не приходится.

Я позволю себе прервать на этом мою краткою информацию по культурно-социальному строительству.

Финансовый план

Товарищи, подводя общие итоги, вы, наверное, задаете себе вопрос, откуда же возьмутся средства для осуществления этого громадного хозяйственного плана, продумана ли финансовая сторона дела в пятилетке?

Не так давно Госплан посетил один американский исследователь. Он собрал большую литературу по нашему бюджету, засел за ее изучение, но вынужден был сознаться, что он ничего не может понять в наших бюджетных расчетах. По форме наш бюджет как-будто бы такой, как в иностранных государствах, но связать в нем концы с концами по тем приемам, как это делается за границей, он никак не мог. Это вполне понятно. Наш бюджет только по форме походит на бюджет капиталистических государств, по существу же он не имеет с ним ничего общего. У нас нет такой пропасти между ресурсами государства и его хозяйственным и общественным окружением, какая неизбежна при частной собственности на средства и орудия производства. Наши соцстрах, профсоюзы и кооперация совершенно своеобразно смыкаются с нашей финансовой системой и в последнем счете наш бюджет может быть расшифрован лишь, как часть гораздо более широкого финансового плана.

В нашей пятилетке вы найдете достаточно материалов, могущих вам осветить характер того финансового плана, который учитывается нами во всем нашем хозяйственном плане. Вы увидите, что мы были достаточно осторожны с подсчетом наших финансовых ресурсов и весьма считались со всей нашей предшествовавшей в этом отношении практикой. За пятилетие нам приходится мобилизовать 86 мрд. руб. денежных ресурсов. Эти средства мы можем почерпнуть только из нашего собственного народного дохода. Этот народный доход исчисляется нами в 170 мрд. руб. Таким образом, мы хотим мобилизовать 50% всего дохода. Такая мобилизация средств обычно

наблюдается в условиях военного времени. Но в таком случае эти средства бросаются в жерло войны, в результате чего всегда наступает послевоенное хозяйственное расстройство. Мы же мобилизуем их прежде всего для подкрепления действующего производственного механизма. Они идут на оплодотворение нашего производственного труда, и мы настолько уверены в положительных качествах нашей хозяйственной программы, что к концу пятилетия ожидаем не падения, а повышения покупательной способности труда. В пользу этого говорит также уже практика нашего прошлого. Уже в 1928/29 г. нам удалось мобилизовать 38% народного дохода. Остается пройти только 12 точек в испытанном направлении. Рост бюджета намечен гораздо более медленный, он охватит только 30% народного дохода. Это потому, что заметно растут и крепнут средства самих наших производственных организаций. Главные составные части нашего финансового плана таковы, что свыше половины приходится на бюджетную систему, около пятой доли — на собственные средства хозяйственных организаций, десятую часть составляет соцстрах, а остальное приходится на кредитную систему и прочие источники.

Наша уверенность в доходных статьях финансового плана такова, что мы идем почти на стабилизацию сел. хоз. налога и теряем целые миллиарды на снижение выработки водочных напитков. Если теперь на душу населения приходится 5,9 литра, — а это в два раза меньше, чем было в довоенное время, то к концу пятилетия мы сокращаем потребление хлебного вина в городах на 70% и значительно сокращаем его потребление в деревне. Общее потребление хлебного вина падает до 2,04 литра на душу. Если же удастся удачно повести борьбу с самогоном, опираясь на новые силы культурного под'ема масс, то мы пойдем в этом отношении и далее.

Какова структура расходов по финансовому плану? Примерно две трети мобилизуемых средств идут на финансирование народного хозяйства. Резко выдвигается вперед расход на социально-культурные потребности. Они составят огромную сумму свыше 23 мрд. руб.— более одной четверти всех мобилизуемых нами средств. Зато с величайшей осторожностью намечены расходы по содержанию административно-государственного аппарата. Не приходится сомневаться, что финансовый план сведет концы с концами, если будет выполнена вся основная производственная программа пятилетки. В ней, несомненно, центр тяжести. Вот иллюстрация. Мы намечаем снизить себестоимость промышленной продукции на 35%, а отпускные цены товаров — на 24%. Что дает этот разрыв в 11 точек? Он дает в финансовом плане огромную сумму свыше 7 мрд. руб. Каждый процент снижения себестоимости промышленной продукции в разрезе пятилетки выражается в сумме 600 млн. руб. Каждый процент снижения себестоимости строительства в финансовом плане составляет 400 млн. руб. Здесь должен быть центр вашего внимания. Грудью боритесь за эти достижения! Не менее 35% снижения промышленной

себестоимости! Не менее 50% снижения стоимости строительства, не менее 20% снижения себестоимости транспортных услуг! Вот что должно быть перед вашими глазами. Этим мы покажем, что мы — страна, рассчитывающая на силу своих собственных мышц. В нашем финансовом плане иностранные займы дают прирост на сумму меньше 1 мрд. руб., а наша кооперативная система, только что выпрямляющаяся во весь свой могучий рост, учитывает в финансовом плане паевые взносы на целых 3 мрд.

Этот финансовый план показывает, что, обращаясь к зарубежному миру с некоторыми кредитными запросами, мы идем к нему не как нищие, а в твердой уверенности, что эти кредиты обоюдовыгодны (аплодисменты).

Я должен оговориться, товарищи, что при обрисовке наших культурных задач я не коснулся нужд, громадных нужд нашего научно-исследовательского фронта. Я говорил вам, как нуждаемся мы в разнообразных геологических разведках. Так же велика наша нужда и по самым разнообразным направлениям научно-исследовательских работ. Грубые подсчеты показывают, что за это пятилетие мы должны будем здесь вложить целых 2 мрд. руб. Уже неразбериха с нашими экспедициями показывает нам, каким рассыпным является весь наш научно-исследовательский фронт. Нет никакого сомнения, что плановые рельсы здесь необходимы столь же остро, как и в самых ответственных областях нашего хозяйства.

Вехи пятилетнего плана должны помочь нам и в этом отношении.

Заключение

Товарищи, нет никакой возможности даже и в таком длинном докладе с достаточной полнотой исчерпать основные темы нашей пятилетки. Вам придется самим затратить огромный труд для того, чтобы по ее подлиннику продумать основные наметки. Здесь на помощь нам должна прийти мощная сила печати. Уже сейчас наша экономическая печать наполнена темами пятилетки. Не подлежит сомнению, что этот пятилетний план по другому будет принят страной, чем план ГОЭЛРО. Вы помните, как Владимир Ильич был озабочен, чтобы этот план по возможности скорее довести до сознания широких масс трудящихся. Как он мечтал о том, чтобы каждая школа, каждая электрическая станция были орудиями его пропаганды. Так, товарищи, не вышло. Тому же Владимиру Ильичу пришлось указать мне, когда я при первом открытии работ Госплана в 1921 году хотел центральным сделать вопрос о дальнейшей разработке и уточнении плана, что по обстоятельствам того времени, прежде всего, приходится вступать в непосредственную борьбу с надвигающейся разрухой. Конечно, план ГОЭЛРО был настоящей путеводной звездой для наших хозяйственных работников. Но для какой их части? Для их штаба. А вот теперь, товарищи, когда мы кончали пятилетку, мы все были поражены новым обстоятельством:

мы чувствовали, что материалы пятилетки уже рвут из наших рук, что страна, как будто вся мобилизована для восприятия и выполнения этого плана. На последнем V плановом с'езде я отмечал, что то воодушевление, которое нас всех охватывает, идет к нам от тех колонн трудящихся, железная поступь которых нам слышна. Они идут сейчас на хозяйственном поле на свой последний и решительный бой (аплодисменты). (Голоса: правильно!)

Товарищи, газеты со всех сторон сейчас сообщают о великой волне социалистического соревнования трудящихся. Когда пробегаешь эти предложения рабочих—жертвовать своим заработком, своим праздничным досугом для того, чтобы быстрее осуществить грандиознейшую задачу создания нового строя промышленности и сельского хозяйства, то проникаешься горячей уверенностью в благоприятных судьбах настоящего плана.

В предисловии к плану ГОЭЛРО я писал: „Наша работа только началась. Она может служить лишь материалом для составления нового плана народного хозяйства, который необходим трудящимся, чтобы великие жертвы, понесенные ими на военном фронте, поскорее оправдались на фронте экономическом. Но мы спокойны за наше строительство. Оно находится в крепких руках истинных строителей жизни, в стране освобожденного от корыстной эксплоатации труда".

Эти слова сбылись. Такой план хозяйства находится в распоряжении актива нашей страны, актива крепких мозолистых рук. Я надеюсь, что вы утвердите его в основном и целом, как мощное орудие нашей дальнейшей борьбы. Вы вместе со мной скажете, что уже сейчас действительность говорит за то, что он подхвачен мощными руками истинных строителей новой жизни.

Конечно, мы не должны самообольщаться. Конечно, перед нами большие трудности. Мы знаем, что параллельно росту наших хозяйственных достижений мы самим нашим успехом обличаем неправду старого мира, ясно показываем, что он костлявыми пальцами полумертвеца впивается в горло новой жизни.

Антагонизм капиталистического мира к нам неизбежно растет. Это создает в рядах наших попутчиков шатания, доходящие до измены. Шахтинские события имеют большое охвостье. Вы знаете, какие вероломные удары направлялись против нас нашими врагами. Но сами же шахтинцы должны были признать, что что-то перекрывало коварные замыслы. Откуда-то шла гигантская сила, которая делала тщетными все их усилия. Где эта сила? Эта сила в уверенной поступи пролетарских колонн, которые уже видят лицо новой жизни, которые уже знают, что они борются за великое мировое дело, которые не боятся никаких измен и мощно их преодолевают (аплодисменты).

Там, где великие достижения, там не может не быть великих трудностей. Те, кто боится этих трудностей, кто чрезмерно опасается

перебоев, те за деревьями не видят леса. Мы растем и крепнем. Передовые работники всего хозяйственного фронта уже убеждены в том, что старые довоенные масштабы нам не подходят. Мы уже с пристальным вниманием смотрим на рекорды передовых индустриальных стран, на рекорды Америки и Германии, мы видим, что с каждым годом крепнем для борьбы на мировом рынке.

Мы убеждены в том, что и другая надежда шахтинцев — надежда посеять разрыв между пролетариатом и крестьянством — иллюзорная надежда. С каждым последующим годом широкие крестьянские массы все отчетливее будут видеть, что им нет выхода в формах кулацкого благополучия, что единственный решающий выход — это спайка с пролетарским государством, скорейшее осуществление огромных работ по строительству социалистического сектора в деревне.

Накануне составления плана ГОЭЛРО Владимир Ильич писал мне:

„Нельзя ли добавить план не технический (это, конечно, дело многих и не скоропалительное), а политический или государственный, т.-е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20—30 (30—50?) станций чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (примерно перебрать Россию всю, с грубым приближением). Начнем-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию „электрической".

Я думаю, подобный „план" — повторяю, не технический, а государственный — проект плана, вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической. Доработаемся до стольких-то (тыс. или миллионов лош. сил или к. у.?? чорт его знает) машинных рабов и проч.

Если бы еще примерную карту России с центрами и кругами, или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных великой программой на 10—20 лет.

Поговорим по телефону. Ваш Ленин.

Красин говорит, что электрификация желдорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то может быть будет возможна через 5—10 лет? Может быть, на Урале возможна?

Не сделать ли особой статьи о „государственном плане", сети электрических станций, с картой или с примерным их перечнем (числом), с перспективами, способными централизовать энергию всей страны?

Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо и мы поговорим".

Как ни несовершенно изложение мною плана, думаю, что я все же показал вам, что такой политический план, о котором говорил Владимир Ильич и который действительно может мобилизовать около себя миллионы, вы теперь имеете в своих руках. Прошу осветить карту. Дайте электростроительство, дайте топливо, транспорт, металл, текстиль, химию, дайте всю строительную программу пятилетия. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, работая большим коллективом, памятуя те указания, которые делал нам наш великий вождь, руководствуясь прямыми директивами нашей партии, обращаясь ко всем доступным нам достояниям научной мысли, мы старались честно исполнить задачи разработки пятилетнего плана. Мы думаем, что в нем мы идем по ленинским вехам, что мы помогаем, таким образом, разуму и воле рабочих и крестьян подняться до высот строительной мысли их великого вождя. Владимир Ильич говорил, что только одно условие необходимо для полной победы на экономическом фронте. Он говорил, что для этого нужно создать здесь такое же единство мысли и воли, какое создавалось у нас во время войны. Мы надеемся, что этот план поможет создать такое единство воли. Творческая мысль рабочих и крестьян поднимется по ленинским вехам на огромную высоту, и оттуда, как могучий энергетический поток, она будет мчаться на гигантское поле нашего труда, на подобие великой энергетической установки, своей организованной работой сокрушающей все препятствия.

Она доведет дело строительства социализма до победоносного конца! (Бурные аплодисменты. С'езд поет „Интернационал".)

А. Мендельсон

Кон'юнктура народного хозяйства СССР в первой половине 1928|29 г.

1. Предварительные замечания

Истекшее полугодие является первым полугодием принятого и в настоящее время осуществляемого пятилетнего плана хозяйственного развития СССР. В хозяйственном плане на 1928/29 г. конкретизирован первый год пятилетки. Анализ истекшего полугодия должен дать ответ на вопрос о том, как развертывался процесс воспроизводства на протяжении первой половины первого годового отрезка пятилетки.

Критерием для оценки кон'юнктуры в условиях СССР является реализация социалистического строительства. Поскольку решение задач социалистического строительства находит свое конкретное выражение в планах, в частности, годовых, постольку оценка кон'юнктуры за тот или иной период должна строиться на сопоставлении фактического развертывания хозяйственного процесса с плановыми заданиями — проектировками.

В зависимости от того, имеем ли мы совпадение по всей линии с планом, полное ли расхождение, либо — что всего вероятнее — частичное расхождение, анализ должен дать об'яснение этим явлениям: должны быть вскрыты причины, вызвавшие ускорение либо замедление темпов развертывания тех или иных элементов народнохозяйственного целого; с точки зрения пропорций частей системы — так называемого принципа равновесия — должны быть проверены складывающиеся — в рассматриваемый период времени — отношения элементов народного хозяйства. Кон'юнктурный анализ, являясь проверкой выполнения плана, в то же время есть способ проверки и критической оценки самого плана.

При тесном переплетении экономических и социальных процессов в условиях переходного периода, когда проблемам социальной реконструкции должно быть отведено центральное место на ряду с реконструкцией технической и экономической, оценка кон'юнктуры за более или менее длительный период должна включать также и оценку социальных сдвигов, находящих свое отражение во взаимоотношениях классов, в расстановке их и в соотношении классовых сил.

2. Основные моменты кон'юнктуры в I полугодии 1928/29 г.

Развертывание народного хозяйства на протяжении истекшего полугодия носило различный характер по линии обобществленного сектора и частно-капиталистических элементов необобществленного сектора. Работа промышленности — продукция — и транспорта в общем шла в рамках, намеченных планом. Намечавшиеся при составлении контрольных цифр затруднения по линии сельского хозяйства по своей интенсивности оказались значительнее, чем предполагалось.

В дальнейшем мы остановимся на основных моментах, которыми характеризуется хозяйственный процесс за рассматриваемый период.

1. Основные фонды. С точки зрения процесса воспроизводства существеннейшее значение имеет рост и реконструкция так называемых основных фондов народного хозяйства. Процесс увеличения и технической реконструкции производственного аппарата продолжался и на протяжении истекшего полугодия как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

По данным ВСНХ на протяжении I квартала текущего года пущено в дополнение к действовавшим еще 12 домен; в среднем за полугодие текущего года число работавших домен на 12% выше, чем в I полугодии прошлого года. Число мартенов на 5,1% больше, чем в первой половине 1927/28 г. Число врубовых машин в каменноугольной промышленности поднялось с 680 на 1/X 1928 г. до 757 на 1/I 1929 г. и доля угля, добываемого механическим способом, достигла к концу полугодия 29%. За I квартал число прядильных веретен в хлопчатобумажной промышленности превосходит число их за I квартал прошлого года на 8%; число ткацких станков соответственно больше на 8,8%. Число действующих рам в лесопильном производстве увеличилось на 5%; количество самочерпок в бумажной промышленности достигло 122 против 110 прошлого года и т. д.

На ряду с вводом в действие новых производственных единиц и реконструкцией старых, улучшается использование оборудования: на протяжении первого полугодия текущего года производительность домны возросла на 8,0% по сравнению с первым полугодием прошлого года и на 7,0% — по сравнению с средне-годовой. Производительность тяжелой врубовой машины за 1927/28 г. составляла 1.052 тонны; производительность той же машины в I квартале текущего года ориентировочно достигла 1.240 тонн, что составляет +7,6%.

Вместе с тем, растущие потребности народного хозяйства диктуют — на ряду с вводом в действие новых предприятий — пуск старых, с изношенным оборудованием. В результате — при напряженной работе производственного аппарата — имели место в ряде предприятий аварии.

Первое полугодие текущего года отмечено также значительным шагом вперед в области расширения и реконструкции производственного аппарата в сельском хозяйстве. Сельское хозяйство

получило значительно больше сел.-хоз. машин и тракторов, чем в прошлом году. Увеличение рабочего скота, по данным ЦСУ СССР, к началу текущего года составило +3%. Насыщение сельского хозяйства машинами и тракторами идет в первую очередь по линии обобществленного сектора. Рост количества рабочего скота при одновременном сокращении продуктивного сопровождается перераспределением его между группами крестьянских хозяйств: по данным осенней кон'юнктурной анкеты ЦСУ, при снижении количества рабочего скота во всех группах, начиная с тех, которые имели 2 и больше единиц, количество рабочего скота возросло в группе с одной головой [и он появился в группе первой — без рабочего скота. Нужно отметить, что темп прироста рабочего скота к началу текущего года по Союзу в целом (+3%) в 1½—2 раза ниже, чем в предыдущие годы.

Перераспределение скота между группами индивидуальных крестьянских хозяйств дано в следующей таблице:

Распределение скота по группам крестьянских хозяйств осенью 1928 г. в %% к итогам осени 1927 г.

Наименование	Без раб. скота	С 1 гол. раб. скота	С 2 гол. раб. скота	С 3 гол. раб. скота	С 4 и более гол. раб. скота
Лошадей	145,7	108,0	98,7	97,9	93,4
В том числе раб.	(282,8)	105,5	94,3	92,3	88,7
Крупн. рог. скота	101,3	98,3	92,8	89,5	84,8
В том числе коров	(104,0)	98,5	91,7	89,1	86,0
Овец и коз . . .	89,4	91,5	89,4	87,6	83,0
Свиней	101,0	100,1	95,9	97,4	88,0
Единиц раб. скота	(300,4)	103,5	93,5	90,2	86,1

2. Промышленность. Работа промышленности за полугодие дала в итоге по валовой продукции +19,7% по сравнению с первым полугодием 1927/28 г.; соответственно средства производства +22,9%, предметы потребления +17,3%. Валовая продукция по довоенным ценам в аккумулированных итогах за полугодие из расчета на 1 календарный день дает прирост на 23,90%. При этом март дал прирост валовой продукции на 1 календарный рабочий день по сравнению с февралем на 4,6%, по средствам производства +5,7%, по предметам потребления +4%; месячная продукция в марте соответственно поднялась на 6,9%, 10,4% и 4,0%.

Число рабочих увеличилось за полугодие на 8,8% по сравнению с I полугодием прошлого года и на 6,5% по сравнению с среднегодовым числом их в 1927/28 г. При чем март впервые за последние 1½ года дал некоторое снижение занятой рабочей силы — на 0,7%, вследствие выполнения, вернее, начала выполнения директивы о приведении в соответствие количества рабочих с потребностью предприятий.

Выработка на 1 человеко-день — по аккумулированным итогам, за полугодие — на 11,7% выше соответственного итога в 1927/28 г. и на 10,9% выше средне-годового итога. Средне-месячная номинальная заработная плата за шесть месяцев текущего года превышает на 7,1% заработную плату за соответствующий период прошлого года и дает +4,6% по отношению к средне-годовому итогу 1927/28 г. Дневная номинальная зарплата на те же сроки соответственно +9,1% и +5,9%. Месячная реальная зарплата за полугодие текущего года — в аккумулированных итогах — по отношению к первому полугодию прошлого года почти стабилька; дневная реальная зарплата выше на 1,4%. Себестоимость снизилась за I квартал — по расчетам ВСНХ — на 1,6%; итоги за II квартал и полугодие в целом пока не выяснены. На протяжении всего полугодия ощущались затруднения в снабжении сырьем отдельных отраслей промышленности.

Второй квартал прошел под знаком подготовки к строительному сезону. При значительных достижениях в этой области по сравнению с прошлым годом имеется все же ряд дефектов как в области подготовки проектов, так и обеспечения стройматериалами. На протяжении полугодия усилились жалобы на качество продукции как предметов широкого потребления (галоши, спички и т. д.), так и, в отдельных случаях, на сел.-хоз. сырье (лен), промышленное сырье и полуфабрикаты. Должно быть отмечено, в частности, крайне низкое качество продукции кустарной промышленности вследствие низкого качества сырья и полуфабрикатов, отпускаемых для кустарной промышленности.

Финансовое положение обнаруживает к концу полугодия некоторое нарастание напряжения в связи с недостаточным снижением себестоимости.

3. Труд. В области труда — в дополнение к приведенным в предыдущем пункте данным — нужно отметить на 1/IV 1929 г. увеличение числа безработных, работавших ранее по найму, на 52,8%. В прошлом году рост числа безработных на тот же период выразился в +57,1%; число безработных, не работавших ранее по найму, увеличилось за полугодие на 17,9%; в прошлом году это увеличение составило 31,4%. Продолжался перевод ряда предприятий на 7-часовой рабочий день. К настоящему моменту имеются сведения о переводе ¾ числа рабочих из 191,6 тыс. намеченных к переводу на сокращенный рабочий день в рассматриваемом полугодии. Общее число рабочих, переведенных на 7-часовой рабочий день, составило к концу полугодия 278 тыс. человек. Имеющиеся сведения о трудовой дисциплине говорят о некотором улучшении в этой области. В этом же полугодии, к концу его, началось и развертывается в широком масштабе социалистическое соревнование, захватывая широкие круги рабочих и перебрасываясь с предприятия на предприятие.

4. Сельское хозяйство. На протяжении рассматриваемого полугодия уточнены были итоги производства 1928 г. По расче-

там Экспертного совета ЦСУ, общий сбор зерновых составляет 7.332.000 декатонн.

Посевная площадь в озимую кампанию дала в целом по Союзу снижение около 3%, в том числе по индивидуальному сектору снижение на 4,5% и удвоение по обобществленному сектору. Причины снижения посевных площадей: недостаток семян, особенно в пострадавших в прошлом году районах, плохие метеорологические условия и экономическая реакция верхушечной части деревни на мероприятия социального характера.

По данным осенней кон'юнктурной анкеты, произведенной ЦСУ, положение скотоводства к моменту постановки скота в стойло осенью 1928 г. изменилось по сравнению с осенью 1927 г. следующим образом (%%):

Весь рабочий скот	+ 3
Крупный рог. скот	— 4,4
Овцы и козы	—10,3
Свиньи	— 1,5

Сокращение крупного рогатого скота, более значительное в районах рыночного молочного хозяйства, и сокращение свиного стада должно быть учтено, как неблагоприятный момент для заготовок масла и мясозаготовок. Положение с последними осложняется, кроме того, волной эпизоотий в восточных районах и весьма напряженным состоянием кормовых ресурсов в ряде районов Европейской части Союза.

Итоги рассматриваемого периода в области взимания сел.-хоз. налога — в связи с влиянием на производство — сводятся к превышению намеченной суммы (вместо намеченных к сбору около 400 млн. руб. фактически собрано около 430 млн.); к некоторому переобложению в отдельных районах маломощных и к уже отмечавшимся в печати перегибам при индивидуальном обложении. Все это в связи с необходимостью стимулировать продукцию зерновых учтено декретом о сельхозналоге на предстоящий период.

Итог реализации сел.-хоз. продукции плановыми заготовителями с начала кампании по сравнению с прошлым годом представляется в следующем виде (см. табл. на след. странице).

Первое полугодие — особенно второй квартал — прошло под знаком подготовки к весенней кампании. И по линии материального содействия деревне машинами, тракторами, посевным материалом и по линии общественного содействия мобилизацией внимания широких кругов к посевной кампании — к расширению площади и повышению урожайности, — сделан большой шаг вперед. Большие массивы бедняцко-середняцких слоев вовлечены в производственные совещания, создан и получил широкое распространение институт агроуполномоченных. Посевные планы прорабатываются сельсоветами, принимается значительным числом селений агроминимум. Недостаточно интенсивно проводился ремонт сел.-хоз. инвентаря.

Общий размер плановых заготовок в довоенных и современных ценах
(В млн. руб.)

Товарные группы	По довоен. ценам (млн. руб.)				По соврем. ценам (млн. руб.)	
	1927/28 г.		1928/29 г.		1927/28 г.	
	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III
Хлебопродукты . . .	473,7	333,8	365,6	264,6	559,5	377,0
Технич. культуры . . .	279,7	268,7	301,7	295,6	381,5	366,3
Маслосемена	75,0	50,4	82,1	64,0	85,4	57,8
Прод. животнов.	176,6	116,2	259,4	166,0	307,5	202,2
Итого сел. хозяйства . .	1005,0	769,1	1008,8	790,2	1313,9	1003,3

Товарные группы	По соврем. ценам (млн. руб.)		В %% соотв. период. прошл. года			
	1928/29 г.		Довоен. оценка		Соврем. оценка	
			1928/29г. к 1927/28 г.		1928/29г. к 1927/28 г.	
	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III
Хлебопродукты	489,1	346,9	77,2	78,6	90,6	92,0
Технич. культуры . . .	427,1	417,6	107,9	110,0	111,9	113,9
Маслосемена	105,9	80,9	109,5	127,0	121,5	140,0
Прод. животнов.	488,3	288,8	146,9	146,7	145,8	142,8
Итого сел. хозяйства . .	1468,4	1134,2	100,4	102,8	111,7	113,0

В количественном выражении подготовка к весенней кампании выразилась в следующем: план снабжения рядовыми семенами выполнен почти на 100%, сортовыми семенами — с превышением на 15%, в яровых посевах удельный вес сортовых семян должен возрасти с 4,2% в прошлом году до 8,3% в текущем году, интенсивно прошла мобилизация местных семян — 2,3 млн. центн.; слабее с семенами трав. По зерноочистке выполнено на 1/IV около 72% плана — 11,7 млн. центнеров.

По данным „Сельмашконвенции", производственная программа на 1928/29 г. определена в 208,6 млн. руб., в том числе — почвообрабатывающих машин на 51 млн. руб., посевных на 15 млн. руб., уборочных — на 47,5 млн. руб., зерноочистительных — на 13,8 млн. руб., молотилок на 21 млн. руб. Производство запасных частей намечено на 6,5 млн. руб. Исполнение производственной программы за первое

полугодие дает, примерно, 47 — 49% годового задания. С некоторым запозданием выполняется программа производства зерноочистительных машин, особенно производства запасных частей.

Трактороснабжение на год определено в размере 7.250 тракторов. На весеннюю посевную кампанию по данным отдела машиноснабжения НКЗ РСФСР назначено 3.200 штук тракторов (6,4 млн. руб.). Машиноснабжение на весеннюю посевную кампанию, по данным НКЗ РСФСР, определенно в 28 млн. руб. Завоз сел.-хоз. машин идет в рамках плана, по плугам — с превышением.

Минеральных удобрений отгружено 84 тыс.

Контрактация в весеннюю посевную кампанию, по данным НКТорга СССР на 15/IV', охватила 11,8 млн. *га*, в том числе сортовая контрактация 2,7 млн. *га*, авансовая рядовая 4,8 млн. *га*, безавансовая 4,3 млн. *га*. По зерновым культурам имеет место превышение плановых заданий, по техническим культурам — отставание от плана.

Значительно расширилось колхозное движение при совершенно ясно выявленном противодействии кулацких элементов, пытающихся сорвать и планы коллективизации и подготовку к весенней кампании. За этот период вновь организовано — по неполным данным — около 8 тыс. колхозов. Новыми моментами в колхозном движении являются: переход на коллективные формы хозяйствования целых селений и об'единение крупных земельных массивов. Земельная площадь колхозов возрастает с 1,9 до 4 млн. *га*.

Наступление весны запоздало в сел.-хоз. производстве недели на три, что будет иметь ряд неблагоприятных последствий и в частности: а) увеличение расхода зерновых продуктов на стойловое кормление скота в виду более позднего выпуска его в поле, б) сокращение периода сева зерновых культур, что в наибольшей степени может отразиться на ранних яровых — пшенице и ячмене и в) возможное дальнейшее сокращение скота благодаря бескормице.

Для обеспечения развертывания сел.-хоз. производства на будущий год необходимо обеспечить контрактацию озимых посевов денежными средствами и принять меры к сосредоточению в руках государства максимального количества зимостойких сортов озимой пшеницы урожая 1929 г. Особого внимания требует вопрос об увеличении мясной и молочной продукции.

Особо должен быть поставлен вопрос о мероприятиях по быстрейшему под'ему сельского хозяйства в степной части УССР и Северо-Западной области, пострадавших от неурожая 1928 г.

Финансирование сельского хозяйства, в частности, по системе сел.-хоз. кредита, в первом полугодии протекало соответственно плану, и виды на второе полугодие пока тоже благоприятны для выполнения плана, но затруднения могут быть в связи с выполнением новых заданий сверх плана, в частности, по старым совхозам.

5. Хлебозаготовки. В связи с производственными итогами прошлого года в области зерновых и обострившимися классовыми

отношениями рассматриваемый период отмечен значительными затруднениями в области хлебозаготовок. После значительного под'ема в сентябре и октябре заготовки дали резкое снижение в ноябре и все остальное время держатся на пониженном уровне.

Основные причины слабого хода заготовок сводятся к следующему: сниженный сбор зерновых при пестроте урожая; нехватки в силу этого хлеба, особенно в потребляющих районах; мешечничество; рост цен на хлеб, спекуляция на этом кулацких элементов деревни; сдерживающе также действовало перенасыщение деревни деньгами, как следствие повышенных заготовительных и вольных цен (в частности, в восточных районах), при продолжающейся нехватке промышленных товаров. Именно отсюда — из сельского хозяйства, из его зернового сектора, исходит толчок, положивший начало целому ряду неблагоприятных моментов в других областях народного хозяйства.

Напряженное положение, создавшееся с хлебозаготовками, привело к необходимости применения общественных методов воздействия для извлечения хлеба. Комплекс мер общественного воздействия на держателей хлеба — кулацкую верхушку и наиболее сильную середняцкую часть — был совершенно необходим в условиях отказа от применения чрезвычайных мер и нежелания зажиточных слоев продавать хлеб по заготовительным ценам. При некоторых отрицательных моментах (перегибы) в практике применения общественных методов воздействия, положительной стороной их является активное выступление широких масс бедняцко-середняцкой общественности: в борьбе за хлеб заострились и отчетливее откристаллизовались классовые взаимоотношения.

6. Продовольственное снабжение. Положение, создавшееся с хлебозаготовками, поставило вопрос о регулировании потребления. Начавшись в декабре, оно получило широкое распространение в последующие месяцы.

Регулирование применяется в городах; снабжается также бедняцкое население потребляющей полосы. Нормы — в небольших пределах — варьируют по районам. На ряду с хлебом нормируется также продажа ряда других продовольственных продуктов.

Недостаточность снабжения, особенно сельского населения потребляющей полосы, хлебом привела к закупкам хлеба на вольном рынке, к значительному мешечничеству и росту цен.

7. Цены. Явления в области сел.-хоз. сектора обусловили рост цен на вольном рынке на хлеб, в первую очередь, а затем на продовольственные товары вообще, особенно в частной торговле. Базарные цены на ржаную муку на 1/IV 1929 г. составляют в процентах к той же цене на 1/IV 1928 г. в среднем по Европейской части СССР 324,4%; цены на рожь соответственно 330%. За один только март цены на пшеницу в среднем по Европейской части СССР выросли на 23,6%. [1]

[1] Во второй половине мая в движении цен начался перелом. Снижение в отдельных районах достигает значительных размеров.

Оптовый индекс дает на 1/IV 1929 г. по отношению к среднегодовому уровню 1927/28 г. рост на 4,1%, в том числе по сел.-хоз. товарам + 8,5%, по промтоварам — 0,1%. Розничный общеторговый соответственно + 12,7%, в том числе по сел.-хоз. товарам + 25%, по промтоварам + 4,9%, при этом обобществленная торговля повысила на 4,3%, по сел.-хоз. товарам на 7,9%, по промтоварам на 2,1%; частная торговля на 28,3%, в том числе сел.-хоз. товары 53,6%, промтовары 10,7%.

Изменение индексов на протяжении полугодия выразилось в таких величинах:

Изменение индексов за I полугодие 1928/29 хоз. года в %% (по крайним точкам)

	Оптовый индекс ЦСУ	Всесоюзный розничный индекс Кон'юнктурного института			Бюджетный
		Частн. торг.	Обобществ. торг.	Общеторг.	
Общий индекс . .	101,4	118,9	103,6	108,9	107,9
Сел.-хоз. „ . .	102,7	133,6	106,5	117,0	111,9
Пром. „ . .	100,2	108,7	102,0	104,3	102,4

Рост цен в частном секторе вызвал значительный рост накидки, а также был причиной резкого разрыва между заготовительными и вольными ценами. Значительный разрыв образовался между ценами на одни и те же товары в разных районах.

Интенсивный рост цен сказался на повышении бюджетного индекса, давшего на 1/IV 1929 г. годовой прирост по 39 товарам на 7,7%, в том числе по сел.-хоз. товарам на 10,6%, по промтоварам на 3,1%. Результатом этого была отмеченная выше стабильность реальной заработной платы и систематическое снижение покупательной силы рубля, выразившееся за год в 8% по общеторговому розничному индексу и в 1,4% по оптовому.

Анализ движения цен ясно показывает источник повышения их и огромную сдерживающую и регулирующую роль обобществленного сектора, который все же оказался задетым повышательной тенденцией.

8. Товарооборот. В связи с ростом производства в народном хозяйстве растет и товарооборот, отражая в структуре своей и специфическую структуру производства (недостаточную продукцию зерновых) и социальные сдвиги последнего периода. Фактический отпуск промтоваров за полугодие на 19,3% превысил отпуск за тот же период в прошлом году, в том числе по предметам производственно-технического назначения на 20,2%, по предметам непосредственного потребления на 18,9%. Индекс розничных продаж (промышленных и сел.-хоз. товаров) на соответственные сроки

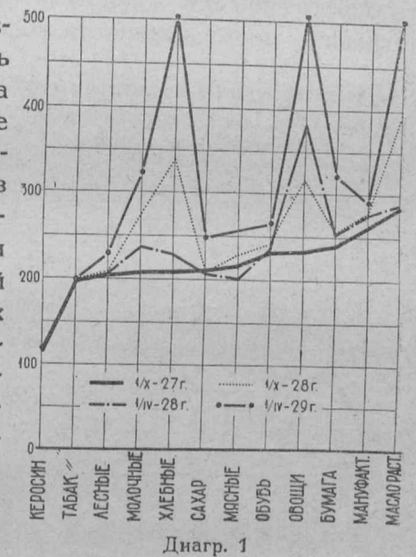
дал + 16,7%, при повышении индекса продаж по государственной и кооперативной торговле на 19,1%, в том числе городской на 17%, сельской на 21,8% и при снижении индекса продаж частной — на 16,1%. Если учесть весьма значительный рост цен в частной торговле, то сокращение ее оборотов фактически окажется еще больше — до 30%.

Хотя на протяжении года и намечается смягчение товарного голода, но в течение истекшего полугодия не произошло сколько-нибудь существенного смягчения его.

В связи с необходимостью насытить деревню промтоварами на протяжении истекшего полугодия, распределение между городом и деревней основных 6 промтоваров производилось таким образом, что на долю города приходится около 30%; остальное же шло в деревню. При значительно большем темпе роста денежных доходов деревни, чем города, и это распределение оказалось недостаточным. При порайонном рассмотрении явлений товарного голода в отдельных районах выступают в качестве моментов, влиявших в сторону усиления его нарастание спроса на предметы продовольствия и несоответствие структуры предложения структуре спроса.

Явления раздвоения рынка, отмечавшиеся при анализе кон'юнктуры за I квартал, на протяжении II квартала не обозначились сколько-нибудь заметно, во всяком случае не дали дальнейшего усиления.

Расположение уровней индексов по уровню на 1/X 1927 г. (огива) (по розничным индексам в частной торговле)



Диагр. 1

Товарные остатки в верхнем звене (синдикаты) имеют тенденцию к снижению; в низовой кооперативной сети они возросли к концу полугодия как по сравнению с началом полугодия, так и с соответствующим полугодием прошлого года. Полугодие к полугодию дает рост остатков по сельпо + 39,3%, по горпо + 27%. Причины роста остатков: интенсивное продвижение товаров на низы, ограничение в отпуске товаров, рост цен и отвлечение средств на покупку продовольствия на вольном рынке. Сравнительно слабо протекал процесс паенакопления в кооперации.

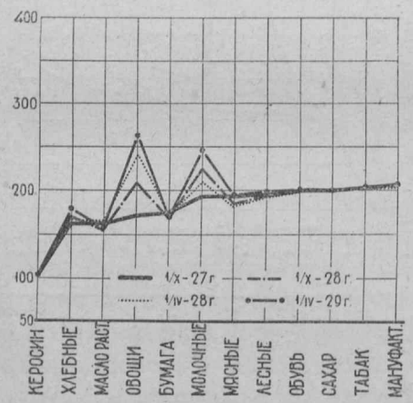
9. Грузооборот. Динамика грузооборота дает рост на 10,3% за первое полугодие текущего года по отношению к первому полугодию прошлого года, в том числе прочие грузы + 15,4%, руда, металлы, лесостроительные материалы + 14,0%, топливо + 9,7% и хлебные грузы со жмыхами — 0,4%. Структура товарной продукции

нашла свое отражение в структуре грузооборота. Работа транспорта на протяжении всего полугодия оказалась вполне удовлетворительной, несмотря на сложные задачи, поставленные перед ним специфической географией урожая прошлого года.

10. Бюджет. В ходе исполнения бюджета на протяжении полугодия — при сравнительно высоких темпах роста и доходов и расходов — обнаружилось недовыполнение по некоторым статьям доходов и необходимость увеличения расходной части

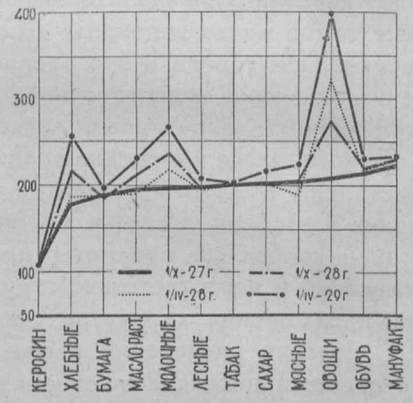
Недопоступления в I полугодии имели место по промналогу и подоходному (свертывание частного сектора), по акцизам (затруднения с сырьем и тяжелое финансовое положение Центроспирта в связи с новыми заданиями — контрактация), по отчислениям от прибылей промышленности. Финансовые затруднения промышленности в связи с недовыполнением директивы о снижении себестоимости и недостатком оборотных средств привели к недовыполнению некоторыми отраслями их обязательств по отношению к бюджету (взносы отчислений от прибылей). Одновременно имело место усиленное финансирование народного хозяйства.

Расположение уровней индексов по уровню на 1/X 1927 г. (огива). (Розничный индекс в обобществленной торговле)



Диагр. 2

Расположение уровней индексов по уровню на 1/X 1927 г. (огива). (По общеторговому розничному индексу)



Диагр. 3

11. Кредит и денежное обращение. Кредитные операции за первое полугодие текущего года дают следующие темпы роста по отношению к соответствующему периоду прошлого года: вклады и текущие счета +18,9%, учетно-ссудные операции +36,6%.

Все расчеты кредитной системы с народным хозяйством сложились значительно благоприятнее, чем это было в прошлом году и чем ожидалось по плану. Сальдо текущих счетов и краткосрочного кредита по 6 банкам дало в этом году в пользу банков 43,9, млн. руб., тогда как в прошлом году оно было в пользу клиентуры банков в размере 204,9 млн. руб. Размеры денежного обращения и значительное недоиз'ятие денег из обращения в этих условиях об'ясняется невыполнением обязательств бюджета к Госбанку.

Пред'явленные народным хозяйством требования финансирования к бюджету и кредиту за первое полугодие превысили эти требования в прошлом году. Совокупность этих обстоятельств привела к невыполнению плана из'ятия, и денежная масса вместо снижения (в 1926/27 г. на 7 млн. руб., в 1927/28 г. на 110 млн. руб.) повысилась на 26,3 млн. руб., составив в среднем за полугодие 1.990,7 млн. руб. и превысив в среднем денежную массу за первое полугодие 1927/28 г. на 23,1%. В связи со снижением покупательной силы рубля при номинальном росте денежной массы ее реальная величина снизилась (по обще-торговому розничному индексу).

Расположение уровней индексов по уровню на март 1928 г. (огива). (Заготовительный индекс

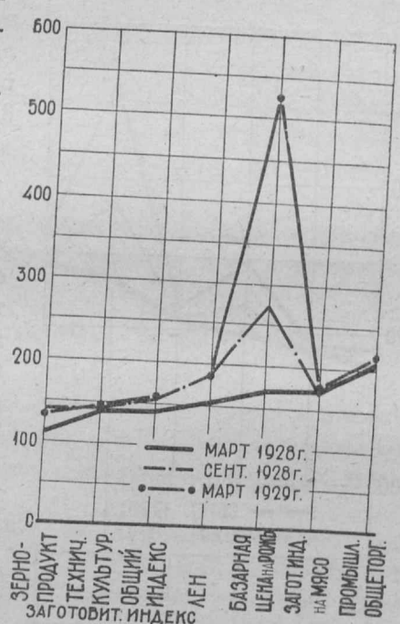


Диаграмма № 4

В области фондовых операций должно быть отмечено выполнение плана реализации II займа индустриализации при довольно интенсивной сброске I займа индустриализации. Сброска займов имела место и со стороны обобществленного сектора — со стороны банков и кооперации.

По линии сберкасс должно быть отмечено увеличение числа вкладчиков на 1,995 тыс., в том числе городских +1.006 тыс., сельских +929 тыс. Остатки вкладов за полугодие возросли на 104,1 млн. руб., в том числе в городских сберкассах на 56,8 млн. руб., в сельских — на 47,3 млн. руб.

12. Внешняя торговля. Итог внешней торговли за полугодие дал положительное сальдо около 30 млн. руб. против отрицательного сальдо в 51 млн. руб. в прошлом году, при превышении по экспорту первого полугодия прошлого года на 13,4% и недостижение величины прошлогоднего импорта на 11,9%. Изменение структуры экспорта выражается в повышении доли промэкспорта с 38,8%

в прошлом году до 44,4% в текущем при снижении доли сел.-хоз. экспорта с 66,2% до 56,6%. В структуре импорта произошло изменение в сторону повышения доли всего производственного импорта за счет, главным образом, сокращения доли потребительского импорта и импорта сырья. Удельный вес сел.-хоз. оборудования в общем импорте поднялся с 5,4% во II полугодии прошлого года до 9,6% в I полугодии текущего года, при чем число импортированных тракторов за этот же период соответственно увеличилось с 4.786 тыс. руб. до 11.525 тыс. руб.

Расположение уровней индексов по уровню на март 1928 г. (огива). Розничный индекс (частный, обобществленный, общеторговый)

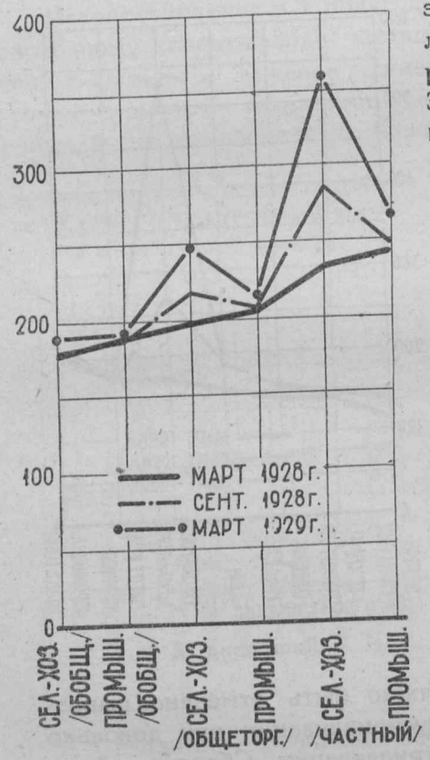


Диаграмма № 5

3. Итоги полугодия с точки зрения пропорционального развития элементов народного хозяйства

До сих пор мы рассматривали итоги первого полугодия, главным образом, под углом зрения достигнутых темпов в развертывании отдельных элементов народного хозяйства. Оценка кон'юнктуры должна опираться на анализе этих темпов в контексте комплексного рассмотрения элементов, как частей единой сложной народнохозяйственной системы. При отсутствии народнохозяйственного баланса соотношения элементов приходится анализировать на основе имеющихся частных балансов.

Универсальной формой, в которой происходит движение товаров и весь экономический процесс, и в наших условиях является ценностная форма. Отсюда то большое значение, которое приобретают изменения цен и ценностных соотношений при анализе процесса воспроизводства.

Если за основу взять систему цен, как она сложилась к апрелю прошлого года, то к началу текущего хозяйственного года и на протяжении полугодия помимо повышения общего уровня имели место весьма существенные изменения. Благодаря резкому росту цен на сел.-хоз. товары, особенно в частном секторе, при небольшом сравнительно повышении в обобществленном, даже при учете удельного веса частного сектора качественное значение сдвигов велико — и в области влияния на заработную плату и тем самым в области перераспределения национального дохода. Эти моменты наглядно представлены в диаграммах 1—5.

По оптовому индексу происходит сближение уровней цен промышленных и сел.-хоз. товаров: при снижении на протяжении года — от апреля 1928 г. к апрелю 1929 г. — индекса оптово-промышленных цен на 0,1% индекс сел.-хоз. цен дал повышение на 8,5%. По линии розничных цен мы имеем однотипное движение в сторону повышения как по основным группам товаров, так и по обоим секторам — обобществленному и частному, но интенсивность процессов разная: как отмечалось, индекс промтоваров по общеторговому розничному индексу дал за год повышение на 4,9%, индекс сел.-хоз. товаров + 25,0% в обобществленной торговле соответственно + 2,1% и + 7,9%; в частной + 10,7% и + 53,6%. „Кон'юнктура" первого полугодия текущего хозяйственного года активно используется частным сектором: средние надбавки в частной розничной торговле в Москве составляли в 1927/28 г. 73,9%, в том числе по промтоварам — 67,8%, по сел.-хоз. товарам — 85,7%; в текущем полугодии соответственно 111,8%, 74,9% и 175,4%.

В связи с этими явлениями имеет место сжатие раствора „ножниц" между индексом заготовительных сел.-хоз. цен и розничным индексом промцен.

	I полугодие		
	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
„Ножницы" (среднее за полугод.) . . .	162	145	137

Отрицательное значение имеет форма, в которой сближение осуществляется: вместо общего снижения цен с более интенсивным снижением промцен — повышение их с более интенсивным повышением сел.-хоз. цен.

При всех этих смещениях ценностных соотношений особое внимание должно привлечь изменение соотношений цен на продукцию внутри сельского хозяйства — ухудшение эквивалентов технических культур.

Отношение индексов льноволокна, льносемени и свеклы к индексу всех производимых сел.-хоз. товаров

	Лен-волокно в льноводн. районе	Льносемя в льноводн. районе	Свекла в Курской губернии	Свекла в Правобережной Украине
I полугодие 1927/28 г.	0,71	0,81	0,72	0,72
I „ 1928/29 г.	0,55	0,59	0,51	0,47

Изменение соотношений цен нашло свое отражение в соотношении платежеспособного спроса и предложения. Запроектированный в контрольных цифрах баланс спроса и предложения намечает смягчение товарного голода в годовом разрезе. Благодаря ценностным сдвигам, значительно изменившим систему цен по сравнению с тем, что было намечено в контрольных цифрах и в связи с порайонным перераспределением ресурсов, на протяжении истекшего полугодия

не произошло сколько-нибудь существенного смягчения товарного голода. В том же направлении будет действовать недовыполнение программ — в связи с нехваткой сырья — по некоторым отраслям легкой индустрии (сахарной, хлопчатобумажной, жировой).

Ряд соотношений запроектирован в контрольных цифрах в натуральном выражении. На протяжении полугодия внесены уточнения в первоначальные расчеты. В итоге: балансовые расчеты в области продовольственных продуктов свидетельствуют о напряженности в этой области в связи с итогами хлебозаготовок и перспективами в области снабжения мясом. По линии сырьевых ресурсов недовыполнение планов имеет место в области свеклы, хлопка. По линии баланса стройматериалов наибольший дефицит имеет место по лесу, металлу и цементу. При обеспеченности строительства промышленности — угроза строительству в других отраслях. Топливный баланс сверстан с большим напряжением. Для смягчения его намечено было усиление дровозаготовок. Ход дровозаготовок и выполнение программы по каменноугольной промышленности ставит большие задачи в области сведения топливного баланса во II полугодии.

О соотношениях элементов в нашей финансовой системе, поскольку они находят свое отражение в бюджете и кредите, было сказано выше.

Движение системы народного хозяйства предполагает определенные пропорции в соотношении элементов для того, чтобы развертывание носило бескризисный характер. В условиях капиталистического хозяйства эти соотношения устанавливаются и нарушаются стихийно на основе действия закона стоимости. В условиях планового хозяйства задача планирования—заранее намечать, в каких пропорциях должны развиваться отдельные части системы — с учетом социальной сущности экономических категорий—для скорейшего достижения основной цели. Сложившиеся в итоге полугодового развития соотношения ставят вопрос о мероприятиях в разных областях для недопущения усиления, либо смягчения уже выявившихся диспропорций частей.

4. Итоги полугодия и контрольные цифры

Сопоставление контрольных цифр и итогов развертывания хозяйственного процесса на протяжении рассматриваемого полугодия дано в приложениях I — IV.

Полугодие по итогам работы в разных областях характеризуется следующими чертами.

Промышленность. Удельный вес итогов I полугодия по валовой продукции в годовом плане составляет 48,9%; в прошлом году — 49,9%. Работа промышленности развертывается, примерно, в рамках плана, с некоторым, весьма незначительным отставанием. Значительное отставание наметилось по суперфосфату — доля продукции за полугодие в годовом плане составила 30% к годовому

плану. Отставание вызвано было нехваткой серной кислоты; в настоящее время этот дефект устранен и есть возможность пополнить недовыработку I полугодия. С хорошим выполнением плановых заданий развертываются шерстяная (55,3%) и резиновая (по галошам) (53,5%). Показатели по числу рабочих и по номинальной заработной плате несколько превышают плановые задания; по выработке на 1 рабочего не достигают их.

Сельское хозяйство. При недовыполнении плана хлебозаготовок и сравнительно удовлетворительном выполнении плана подготовки к весенней посевной кампании (некоторые итоги в этой области см. выше), по линии сырьевых культур и продуктов животноводства мы имеем некоторое отставание — при сниженных по сравнению с прошлым годом планах — по табаку, махорке, маслу коровьему; недостаточное выполнение — при увеличенных по сравнению с прошлым годом планах — отмечается по пеньке, яйцам. Определилось недовыполнение плана по хлопку и свекле. В пределах плана и с превышением идут заготовки льна—волокна, мяса, кож — крупных и мелких.

Товарооборот. Весь торгово-посреднический оборот дал рост в %% к I кварталу прошлого года на 16—17%, при наметке контрольных цифр на год + 25%. Причины: уменьшение против плана хлебооборота, снижение некоторых видов сырья, значительное сжатие частной торговли.

По кооперативной торговле план выполнен с превышением:

	Райсоюзы	Горпо	Сельпо
План на I полугодие . . .	118,9	112,6	124,7
Фактически	127,4	125,0	127,2

По паенакоплению: по числу пайщиков план выполнен на 77%, по сумме вкладов — на 51%, при задании выполнить в первом полугодии план по вкладам на 65%.

Грузооборот. По перевозкам полугодовой план превышен на 0,4%, по выручке — на 9,6% в связи с увеличением пробегов, в частности, хлебных грузов.

Бюджет. По доходам план за полугодие выполнен в размере 47,8%, примерно так же как и в прошлом году; по расходам — 48,7%, несколько выше, чем в прошлом году (47,3%).

Из показателей заданий, не приведенных в таблицах, должны быть отмечены: задание снизить по промышленности себестоимость на 7% и фактическое снижение в пределах 2—2½%; задание расширить посевные площади за год на 7%, необходимость в связи с этим добиться стабильности посевных площадей в озимую кампанию 1928 г. и фактическое снижение посевных площадей на 3%, что значительно увеличивает плановые задания для весенней кампании, и, наконец, установка на стабильность цен либо некоторое их повышение и фактически значительное превышение этой установки, особенно, по ценам на сел.-хоз. продукцию со всеми вытекающими

отсюда следствиями для других установок контрольных цифр (бюджетный индекс, реальная заработная плата, покупательная сила рубля).

5. Выводы

Анализ развертывания народного хозяйства на протяжении истекшего полугодия на фоне предшествующего периода приводит к следующим выводам.

1. Рассмотрение контрольных цифр и их выполнения говорит о том, что на протяжении истекшего полугодия, примерно, в рамках плана протекало развертывание производства промышленностн и выполнение бюджета. Превышала план работа транспорта. Недовыполнение плановых заданий должно быть отмечено по качественным заданиям в области промышленности, по ряду наметок в области сельского хозяйства и связанных с промышленностью и сельским хозяйством областях.

Конкретный анализ в каждом отдельном случае, по отдельным показателям вскрывает непосредственные причины, обусловившие расхождение между плановыми проектировками и фактически создавшимся положением вещей.

Наиболее общие основные причины выявившихся в первом полугодии расхождений между плановыми наметками и их выполнением сводятся к следующему:

а) Неблагоприятные итоги производства зерновых.

б) Более сильная, чем учитывалась в контрольных цифрах реакция частно-капиталистических элементов на плановые мероприятия — контр-наступление кулацких элементов деревни, выразившееся в задержке сдачи хлеба, более значительное свертывание частного капитала.

в) Недостаточно энергичное осуществление в промышленности заданий в области достижения качественных показателей.

Анализ контрольных цифр и их выполнения свидетельствует о том, что генеральные, основные установки плана — индустриализация и мероприятия по подтягиванию сельского хозяйства — осуществляются. Расхождения между заданиями контрольных цифр и их выполнением в различных случаях имеют разное значение для развертывания народного хозяйства: расхождения эти в одном случае создают значительные трудности для осуществления народнохозяйственного плана (хлебозаготовки) и требуют большого напряжения сил для преодоления возникающих затруднений; имеют место такие расхождения, которые могут быть изжиты, либо значительно смягчены во II полугодии; недовыработка по некоторым отраслям промышленности, недовыполнение по некоторым статьям бюджета; наконец, некоторые расхождения имеются по таким элементам, удельный вес которых в системе народного хозяйства не таков, чтобы они (эти расхождения) в данной обстановке могли привести к срыву основных установок (цены).

2. Мы можем констатировать дальнейшее укрепление обобществленного сектора, напряженную, интенсивную работу его, достижение ряда показателей, заданных проектировками годового плана, при недовыполнении некоторых заданий качественного порядка (промышленностью).

3. На протяжении рассматриваемого полугодия имело место обострение ряда затруднений, лежащих по линии работы необобществленного сектора, в первую очередь, сельского хозяйства.

При быстром развертывании промышленности уже в предшествующие годы наметилось недостаточное развертывание сельского хозяйства. На протяжении 1928 г. это осложнилось гибелью озимых. В 1928/29 г. мы вошли с ограниченной продукцией зерновых.

В этих условиях проблема хлеба, проблема продовольствия в целом выдвинулась на первый план. Задача обеспечения хлебом продиктовала усиленное внимание к хлебозаготовкам и применение ряда мер общественного воздействия для получения его. На почве опасений за будущий урожай имело место сдержанное предложение хлеба: обычное в такой обстановке создание страховых запасов в индивидуальном порядке и в деревне и в городе способствовало дальнейшему сокращению предложения хлеба и, наконец, кулацкая, верхушечная часть крестьянства совершенно сознательно задерживала хлеб в порядке наступления на обобществленный сектор, в порядке использования — в классовых интересах — создавшегося положения.

4. Целый ряд отрицательных явлений — с точки зрения поставленных в плане на 1928/29 г. задач — причиной своей имеет положение, создавшееся с хлебом, с продовольствием в целом: рост цен, в первую очередь, на сельскохозяйственную продукцию, обратная сторона этого — падение покупательной силы рубля — угроза денежному обращению, недостижение намеченного уровня реальной заработной платы и т. п.

5. Для того чтобы парализовать, ослабить действие создавшихся отрицательных условий, пришлось прибегнуть к классовому регулированию потребления, к плановому распределению заготовляемого хлеба (и других продовольственных продуктов).

На ряду с плановыми мероприятиями по непосредственному смягчению трудностей текущего момента первое полугодие характеризуется передвижкой значительных материальных ресурсов в сельское хозяйство, сосредоточением огромных сил и общественного внимания на вопросах реконструкции — производственной и социальной — этого сектора.

Дифференцированная политика в отношении разных групп крестьянства при применении общественных методов воздействия при заготовках хлеба, дифференцированная классовая политика в области продовольственного снабжения, построенный на том же принципе декрет о сел.-хоз. налоге, систематически осуществляемая коллективизация сельского хозяйства, создание огромного актива вокруг

проведения мероприятий по поднятию сельского хозяйства,— все это должно обеспечить значительный шаг вперед в этой области уже в ближайшее время.

6. Обострение классовых противоречий усиливало на протяжении истекшего полугодия хозяйственные затруднения; с другой стороны, благодаря хозяйственным затруднениям яснее обозначался водораздел между классами. Столкновение противоречивых интересов явственно обнаружилось по линии распределения национального дохода. На спекулятивном повышении цен на сел.-хоз. продукты верхушечная часть деревни, на уклонении от налогового обложения, частники урвали из национального дохода известную долю при систематической борьбе обобществленного сектора за улучшение условий жизни трудящихся и в первую очередь рабочего класса.

7. Наиболее общая формула, которой можно было бы характеризовать первое полугодие, сводится к следующему: обострение классовых противоречий в условиях укрепления обобществленного сектора и нарастающего сопротивления капиталистических элементов; некоторое обострение хозяйственных затруднений в связи с усилением классовых противоречий и неблагоприятными метеорологическими условиями, сократившими продукцию сельского хозяйства; осуществление центральной идеи контрольных цифр на 1928/29 г.— развертывание индустриализации с подтягиванием сельского хозяйства на путях производственной и социальной реконструкции его.

8. К рассматриваемому полугодию — к концу его — относится начало социалистического соревнования. Результаты соревнования не могли еще сказаться в рассматриваемом полугодии, но их влияние уже заметно в области трудовой дисциплины — ее улучшении. По характеру и размаху, которые приняло социалистическое соревнование, уже сейчас можно сказать, что мы получили новый источник исключительных возможностей в области социалистического строительства.

В связи с условиями, сложившимися к концу первого полугодия, выполнение контрольных цифр на 1928/29 г. требует особенного внимания к следующим вопросам на протяжении второго полугодия как с точки зрения выполнения плана текущего года, так и с точки зрения подготовки к 1929/30 г.— второму году пятилетки: выполнение, заданий в области капитального строительства, организация продовольственного снабжения, подготовка к следующей озимой кампании, снижение себестоимости промышленной продукции.

Крупная госпромышленность *Приложение 1*[1].

Удельные веса аккумулятивных итогов в годовом итоге соответствующего года
(Для отчетного года в плане)

Показатели	Годы	X (1 мес.)	X—XI (2 мес.)	X—XII (3 мес.)	X—I (4 мес.)	X—II (5 мес.)	X—III (6 мес.)	X—IV (7 мес.)	X—V (8 мес.)	X—VI (9 мес.)	X—VII (10 мес.)	X—VIII (11 мес.)	X—IX (12 мес.)
Валовая продукция по довоен. ценам	1924/25	7,4	14,4	22,1	30,2	38,4	47,1	53,5	64,1	73,0	80,8	89,6	100,0
	1925/26	7,9	15,6	24,1	32,2	40,7	49,6	58,6	66,2	74,4	81,8	90,3	100,0
	1926/27	8,1	16,5	25,4	33,7	42,1	50,8	59,1	67,7	75,5	82,3	90,5	100,0
Итого	1927/28	7,7	15,4	33,8	32,4	40,8	49,9	58,0	66,7	74,9	82,2	90,7	100,0
	1928/29	8,0	15,7	23,8	32,3	40,3	48,9	—	—	—	—	—	—
Валовая продукция по довоен. ценам	1924/25	7,2	14,2	21,7	29,4	37,4	46,0	54,1	62,7	71,8	80,4	89,5	100,0
	1925/26	7,6	14,9	22,8	30,5	38,4	47,0	55,8	64,0	72,6	81,0	89,9	100,0
	1926/27	7,8	15,8	24,2	32,1	40,2	49,0	57,2	66,0	74,1	81,8	90,3	100,0
	1927/28	7,6	15,0	23,1	31,3	39,4	48,2	56,2	64,7	73,3	81,3	90,1	100,0
	1928/29	7,7	15,1	23,1	31,7	38,7	47,2	—	—	—	—	—	—
Средства производ.	1924/25	7,5	14,5	22,5	30,8	39,2	47,9	56.6	65,2	73,9	81,2	89,8	100,0
	1925/26	8,1	16,1	25,0	33,6	42,5	51,6	60,8	68,2	75,9	82,4	90,6	100.0
Валовая продукция по довоен. ценам	1926/27	8,2	17,1	26,3	34,9	43,6	52,4	60,6	69,1	76,6	82,8	90,6	100.0
	1927/28	7,9	15,7	24,4	33,3	42,0	51,4	59,4	68,4	76,2	82.8	91,2	100,0
	1928/29	8,3	16,2	24,5	33,1	41,6	50,5	—	—	—	—	—	—
Предм. шир. потреб.	1924/25	7,9	15,7	23,6	31,6	39,7	47,9	55,1	64,4	72,9	81,7	90,7	100,0
	1925/26	7,8	15,8	24,1	32,5	40,9	49,5	58,0	66,4	74,7	83,1	91,5	100.0
Число рабочих (число человеко-месяцев)	1926/27	8,1	16,3	24,6	32,9	41,4	49,8	58,1	66 4	74,8	83,2	91,5	100,0
	1927/28	8,0	16,1	24,2	32,3	40,6	48,9	57,2	65,6	74,2	82,5	91,3	100,0
	1928/29	8,4	16,8	25,3	33,8	42,4	51,0	—	—	—	—	—	—
Месячная выраб. 1 рабоч. по довоен. ценам	1924/25	7,8	15,2	23,5	31,9	40,4	49,1	57,7	66,4	75.1	82,5	90,6	100,0
	1925/26	8,4	16,4	25,0	33,1	41,4	50,1	58,9	66,6	74,7	81,9	90,4	100,0
	1926/27	8,3	16,9	25,8	34,1	42,4	51,1	59,3	67,9	75,7	82,5	90,6	100,0
	1927/28	8,0	16,1	24,6	33,3	41,9	51,0	59,1	67,8	75,7	82,8	91,0	100,0
	1928/29	8,0	15,6	23,6	31,7	39,5	48,0	—	—	—	—	—	—
Месячн. зарплата 1 рабочего	1924/25	8,1	15,5	23,1	30,8	38,4	46,4	54,4	62,7	71,4	81,0	90,2	100,0
	1925/26	8 3	16,0	24,1	31,9	39,7	47,9	56,7	64,7	73,1	88,2	90,9	100,0
	1926/27	8,1	16,1	24,2	32,0	39,9	48.8	56,4	65,0	73,4	88,3	91,0	100,0
	1927/28	8,1	15,8	24,0	32,2	40,2	48,8	56,6	65,1	73,7	82,5	91,4	100,0
	1928/29	8,6	16,5	24,5	32,8	40,8	48,9	—	—	—	—	—	—
Номинальная	1924/25	8,5	16,0	23,8	31,6	39,1	46,8	54,1	62,2	70,5	80,2	89,9	100,0
	1925/26	9,0	17,2	25,7	33,6	41,4	49,4	57,6	65,3	73,5	82,2	90,8	100,0
Месячн. зарплата рабочего	1926/27	8,0	15,9	23,9	31,4	39,2	47,4	55,5	64,3	72,9	82,8	90,8	100.0
	1927/28	8,3	16,1	24,3	32,6	40,7	49,1	57,3	65,9	74,2	82,9	91,6	100,0
	1928/29	8,4	16,0	23,5	31,4	38,9	—	—	—	—	—	—	—
Реальная	1924/25	6,8	14,2	21,7	30,4	38,9	47,5	56,5	65,4	74,1	81,5	90,3	100.0
	1925/26	7,4	15,6	24,1	32,5	41,4	50,3	59,0	75,4	75,4	82,0	90,5	100,0
Продукция на 1 календарный день	1926/27	7,8	16,1	24,7	33,3	42,2	51,2	59,9	76,3	76,3	82,9	91,0	100,0
	1927/28	7,5	15,4	23,5	31,8	40,3	49,2	58,6	75,5	75,5	82,4	90,6	100,0
	1928/29	7,7	15,2	23,4	31,7	40,0	48,8	—	—	—	—	—	—

[1] Одной из основных задач кон'юнктурной работы в СССР является анализ выполнения народнохозяйственного плана. Тем самым ставятся вопросы о сопоставимости показателей плана и кон'юнктуры, о развертывании годового плана во времени — в полугодовом, квартальном разрезе и т. д. Достаточно совершенные методы пока еще не выработаны в этой области. Для сопоставления плана и его выполнения в Секции внутренней кон'юнктуры Госплана СССР — по предложению тов. Р. Я. Брайтмана — применяется метод расчета доли выполнения плана за рассматриваемый период в отношении к годовому заданию и сопоставление получаемых результатов с долей фактического выполнения за тот же период в предшествующие годы. При всей относительности этих расчетов они все же дают некоторую точку опоры для оценки показателей народнохозяйственного процесса под углом зрения плановых заданий.

Крупная госпромышленность *Приложение II*

Удельный вес 6 мес. (X—III) в годовом итоге
(Для 1928/29 г. в годовом плане)

Показатели \ Годы	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Каменный уголь	53,5	50,5	51,9	54,2	50,1
Нефть	46,7	46,1	48,8	46,9	48,1
Железная руда	36,8	45,6	44,4	46,9	45,3
Чугун	40,5	46,1	49,3	49,5	49,0
Мартен	45,2	47,8	49,9	50,8	49,2
Прокат	44,7	47,8	50,9	50,8	51,7
Суперфосфат	48,5	56,0	48,0	50,5	30,0
Цемент	33,6	39,4	45,2	45,4	44,4
Хлоп.-бум. пряжа	46,4	51,6	50,0	50,7	50,0
„ „ ткани	47,4	50,2	51,3	51,5	50,9
Шерстяные „	47,7	48,9	49,6	49,7	55,3
Льняные „	50,5	48,3	56,5	57,7	51,1
Галоши	41,8	50,8	50,8	51,7	53,5
Спички	51,5	52,0	55,1	49,7	49,7
Валовая прод. (по довоенным ценам)	47,1	49,6	50,8	49,9	48,9
Валовая прод. средств произв.	46,9	47,0	49,0	48,2	47,2
„ „ предметов широк. потребл.	47,9	51,6	52,4	51,4	50,5
Число рабочих	47,9	49,5	49,8	48,9	51,0
Мес. выработка 1 рабоч.	49,1	50,1	51,1	51,0	48,0
„ зарпл. 1 рабоч. реальн.	—	—	—	—	—
„ „ 1 „ номин.	46,4	47,9	48,3	48,8	48,9
Продукция на 1 календарный день	47,5	50,3	51,2	49,2	48,8

Приложение III

Плановые заготовки технических культур и продуктов животноводства в сопоставлении с годовыми планами

За 1926/27, 1927/28 и 1928/29 гг. (за 1 полугодие)

Наименование товаров	Единица измерения	Годы	Годовой план	Заготов. за I полугодие X—III	Заготовка в % к предыд. периоду прош. года	Заготовка в % к соответствующ. годов. плану
Лен — волокно	декатонн	1926/27	13.930	10.108	67,5	72,6
		1927/28	13.500	11.028	109,1	81,6
Пенька	„	1926/27	5.410	1.016	90,9	18,8
		1927/28	6.000	1.514	154,9	26,2
		1928/29	7.240	1.519	96,5	21,0
Хлопок	„	1926/27	53.960	48.829	97,1	90,5
		1927/28	63.280	63.092	129,2	99,7
		1928/29	84.200	75.001	118,9	89,2
Маслосемена [1]	„	1926/27	81.970	64.257	65,0	78,4
		1927/28	122.960	111.844	174,1	91,0
		1928/29	144.650	102.494	91,6	70,8
Табак	„	1926/27	3.024	2.086	132,0	69,0
		1927/28	3.740	2.998	143,7	80,2
		1928/29	2.648	2.110	70,4	79,8
Махорка	„	1926/27	11.180	9.552	141,7	85,4
		1927/28	9.150	7.483	78,3	81,8
		1928/29	8.845	7.480	100,0	84,6
Сахарная свекла	„	1926/27	764.170	603.298	81,2	78,9
		1927/28	1.055.000	986.988	163,6	93,6
		1928/29	1.090.000	947.172	96 0	86,9
Масло коровье	„	1926/27	7.270	1.736	138,9	23,9
		1927/28	9.100	2.013	115,9	22,2
Яйца	тыс. ящ.	1926/27	1.100	196	89,4	17,8
		1927/28	1.832	263	134,2	14,4
Мясо	декатонн	1926/27	9.610	4.261	148,1	44,3
		1927/28	21.730	12.411	291,3	57,0
		1928/29	47.630	22.174	178,7	46,5
Кожи крупные	тыс. штук	1926/27	6.000	4.669	128,9	77,8
		1927/28	8.450	5.781	123,8	68,4
Кожи мелкие	„	1926/27	17.280	8.070	102,8	46,7
		1927/28	21.420	11.128	137,9	51,9
Шерсть весен.	декатонн	1926/27	2.459	—	—	—
		1927/28	3.934	—	—	—
		1928/29	—	—	—	—
Шерсть осен.	„	1926/27	475	424	—	89,4
		1927/28	598	613	144,4	102,6
		1928/29	868	797	130,1	91,9

[1] Все данные по маслосеменам исчислены за сельскохозяйственный год (VII—III).

Приложение IV

Исполнение единого госбюджета за I полугодие
(В %% к годовому итогу)

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	В %% к годовому назначен. 1928/29 г.
Доходы					
1. Прямые налоги	74,3	58,0	60,3	46,0	46,9
В том числе:					
Сельхозналог	94,0	76,1	83,4	70,0	78,4
Промналог	47,1	43,4	44,1	39,8	32,8
Подоходн. налог	52,6	51,6	50,1	51,1	54,9
2. Косвенные налоги	39,5	45,4	48,2	46,7	47,0
В том числе акцизы	38,7	44,7	50,4	46,4	47,0
3. Таможен. доход	44,0	51,5	35,4	48,6	47,1
4. Пошлины	44,9	50,1	50,2	43,2	52,7
5. Все налоговые доходы	55,8	50,3	52,9	46,2	47,2
6. Все неналоговые доходы	42,5	33,0	39,8	40,9	39,3
7. Займы	45,4	36,2	39,6	52,0	56,8
8. Итого доходов	52,7	45,7	49,1	46,3	47,3
9. Доходы от НКПС	46,1	48,6	47,8	50,9	52,1
10. „ „ НКПиТ	45,8	49,4	49,6	50,6	48,6
11. Всего доходов	50,4	46,7	48,7	47,5	47,8
Расходы					
1. Финансирование народного хозяйства	—	48,1	47,7	40,6	48,5
В том числе:					
Промышленность	—	50,1	50,2	41,2	49,1
Сельское хозяйство	—	40,2	44,1	46,8	60,4
2. Все прочие расходы без финансирования	—	45,6	48,0	48,0	46,4
В том числе займы	—	28,5	37,5	59,8	34,0
3. Итого расходов	—	46,1	47,8	44,4	47,5
4. Расходы НКПС	—	48,6	49,2	51,6	52,5
5. „ НКПиТ	—	49,6	47,9	51,2	49,0
6. Всего расходов	—	47,1	48,3	46,9	48,7
Чистый доход от займов	—	44,9	40,8	46,2	70,0

Д. Лежнин

За революцию в переселенческом деле

Машинотракторные станции — основной метод в советском переселении [1]

То, что происходит в настоящее время с переселением в Дальне-Восточный край, заслуживает самого серьезного внимания.

Учитывая острый недостаток рабочих рук, значительные площади земель, возможных для сельскохозяйственного освоения в ДВК, необходимость разгрузки излишнего населения аграрно-переселенных районов Европейской части Союза было намечено, как минимум, водворение в край в течение пятилетия 1928/29—1932/33 гг. 687 тыс. переселенцев, с распределением этого водворения по годам пятилетки 63 тыс., 109 тыс., 146 тыс., 171 тыс. и 198 тыс. чел.

Водворение за 1925/26 г. составило 10.484, за 1926/27 г.—25.389, за 1927/28 г.—28.872 чел.

Так как водворение требует по прибытии переселенца в край оформления, занимающего от 1 до 3 месяцев, то наилучшим показателем движения переселенцев в ДВК надо считать переход переселенцами г. Иркутска, где все переселенцы, как идущие в край, так и возвращающиеся обратно, регистрируются.

Так вот, обращаясь к данным Иркутского регистрационного пункта, мы получаем за последние три года следующие цифры прямого и обратного движения переселенцев, результат (прямое минус обратное движение) и процент обратничества (все движение, включая переселенцев и ходоков, плановых и неплановых): (см. табл. на следующ. стр.)

Как мы видим из таблицы, движение переселенцев через Иркутский пункт в прямом направлении за первое полугодие 1928/29 г. меньше, чем за два предыдущих года, а обратное движение почти вдвое больше чем за 1927/28 г., количество же оставшихся в 1928/29 г. в ДВК переселенцев составляет всего 3,5% к годовому плану против 21,2% в отчетном году, т.-е. в семь раз менее.

---

[1] Ставя на очередь дня этот важнейший вопрос в деле освоения новых территорий и разгрузки старых, аграрно-перенаселенных, редакция призывает к всестороннему обсуждению его на страницах журнала „Плановое Хозяйство".

Редакция считает, что назрела необходимость в коренной ломке переселенческого дела. Коллективная мысль страны должна найти для него новые стороны, отвечающие периоду социалистического похода в деревню.

Ред.

Движение переселенцев через Иркутский регистрационный пункт

Годы		Прошло в ДВК	Вернулось обратно	% обратничества	Осталось в ДВК: переселенцев	Осталось в ДВК: % к годовому итогу
1926/27	I квартал	2.276	1.019	44,5	1.257	4,2
1927/28	I квартал	5.312	2.512	47,3	2.800	7,6
1928/29	I квартал	4.302	4.335	100,5	33	—
1926/27	II квартал	5.493	1.445	26,4	4.048	13,5
1927/28	II квартал	7.237	2.257	31,2	4.980	13,6
1928/29	II квартал	3.101	2.804	91,7	297	3,9
1926/27	I полугодие	7.769	2.464	31,7	5.305	17,7
1927/28	I полугодие	12.549	4.769	38,2	7.780	21,2
1928/29	I полугодие	7.403	7.139	96,5	264	3,5
1926/27	апрель	16.831	1.136	6,8	15.695	52,4
1927/28	апрель	14.215	1.177	8,3	13.038	35,5
1928/29	апрель	11.393	2.006	17,6	9.487	12,5
1926/27	за год	41.619	11.532	27,7	30.087	100,0
1927/28	за год	50.590	13.866	27,4	36.724	100,0
1928/29	за год	?	?	?	план 76.000	100,0

Решающий годовое переселение апрель дал в 1926/27 г. 52,4% всех оставшихся в крае переселенцев и 35,5% — в прошлом 1927/28 г.; в нынешнем же году апрель дал только 12,5%, т.-е. в четыре раза менее 1926/27 г. Между тем, только прошедшие Иркутский пункт до 1 мая могут заняться посевом в том же году, а переселенцы, прошедшие Иркутский пункт после 1 мая, являются для края только лишними ртами.

Если движение переселенцев и далее так пойдет, то вместо намеченных к водворению в 1928/29 г. 63 тыс. переселенцев (при остающихся в ДВК по Иркутскому пункту 76.000 переселенцев) мы будем иметь в ДВК водворение около 15—20 тыс. переселенцев за год. Ряд обстоятельств — передвижение промысловых переселенцев, водворение переселенцев, об'единенных в колхозы, и другие — увеличит приведенную цифру до 30—35 тыс. переселенцев, но не более. Таким образом, план 1928/29 г. по водворению будет выполнен примерно на 40—50%, а абсолютно будет даже менее предыдущих двух лет.

Процент обратничества за первое полугодие 1928/29 г. достиг, как мы видим из таблицы, дикой цифры, составляющей

92—100%, т.-е. неслыханного процента за весь период переселенческого дела. Если комиссия НК РКИ СССР, обследовавшая переселенческое дело в 1927/28 г., когда не было таких „диких“ цифр, признала, что переселенческое дело в ДВК поставлено неудовлетворительно, то что можно будет сказать в 1928/29 г.

Но нас, в конечном счете, в настоящей статье интересует не то, что мы имеем недовыполнение плана за первое полугодие 1928/29 г., не то, что процент обратничества „дикий“. Нас интересует другой вопрос — мы беспомощны и не можем хотя бы приблизительно сказать, сколько же придет переселенцев в 1928/29 г. Может быть, вопреки всем нашим выводам, хлынет стихийная волна в конце апреля, в мае, в августе, сентябре. Но даже независимо от стихийной волны мы не знаем, сколько из плановых (т.-е. предварительно зачислившихся уже в прошлом 1927/28 г. на переселенческие участки 108.296 переселенцев) переселенцев прибудет и водворится в 1928/29 г. Ориентировочно нами намечено водворение 63 тыс. переселенцев, т.-е. около 60% от зачислившихся. Но опыт предыдущих лет дает нам водворение зачислившихся переселенцев 19—29%. Получается колоссальный — в 70—80% разрыв между зачислением и водворением. Между тем, для всех зачислившихся должны подготовляться переселенческие участки (производится отграничение, строятся дороги, колодцы). Составленные нами планы по водворению переселенцев выполнялись за предыдущие годы всего на 24—53% и то отчасти за счет неплановых переселенцев, число которых из общего числа водворенных составляет около четверти всех водворенных переселенцев.

Дальше мы не знаем, когда придут в ДВК переселенцы, в каком месяце, в какой округ, в какой район, сколько прибудет. Это не дает нам возможности рассчитывать вместимость переселенческих пунктов, особенно высадочных.

Мы ничего не можем сказать о количестве переселенцев, которые водворятся на том или другом переселенческом участке вплоть до окончания года. Между тем, мы твердим, что надо дать каждому переселенцу распаханную землю в год его прибытия в ДВК, делаем ставку на товарность переселенческого хозяйства, если не в первый, то обязательно на второй год. А где пахать, а главное, сколько пахать на каждом переселенческом участке — не знаем, так как неизвестно, сколько переселенцев осядет на данном участке. Кроме того, неизвестность времени прибытия переселенцев может повести к тому, что вновь прибывший переселенец не сможет посеять хлеба даже при наличии распашек, если переселенец прибудет после весенней посевной кампании, так как посевы озимых хлебов в ДВК составляют всего 5% общей посевной площади.

Благодаря тому, что водворение составляет всего 19—29% от зачисления, переселенцы раскидываются по всему краю на пространстве четырех тысяч километров. Количество участков, на кото-

рые водворились переселенцы в 1926/27 г., составило 772, в 1927/28г.— 892 участка, разбросанных маленькими клочками на всем указанном протяжении. Ко всем этим участкам надо строить дороги, а между тем, как мы видим из приведенных цифр, на каждый участок падает в среднем водворение 30—35 едоков или 5—7 семей (хозяйств). Поэтому ассигнований на дороги нехватает даже для постройки каких-либо дорог, тогда как для создания товарных хозяйств надо, прежде всего, обеспечить переселенческие участки хорошими дорогами.

При такой раскиданности участков распашка на одном переселенческом участке по 10—15 *га* и перебросках трактора на 30—60 *км* от участка к участку помимо того, что удорожает стоимость гектара распашки, еще снижает до ничтожных размеров производительность трактора, что при нашей бедности на них является недопустимой роскошью.

Кроме того, около 50% переселенцев приходит после весенней посевной кампании и полтора года являются лишними ртами для края, вместо того чтобы стать производителями.

Можно бесконечно перечислять недостатки переселенческого дела в ДВК (хотя указанные недостатки общие и одни почти для всех заселяемых районов), но и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод: мы не руководим переселенческим делом — в переселенческом деле господствует стихия.

Эта стихия бьет нас в крае, который нуждается в людях— в новых переселенцах.

Но пока в переселенческом деле господствует стихия, говорить о широких перспективах заселения края не приходится. За все последние четыре года, т.-е. с начала послереволюционной колонизации, наши планы заселения края выполняются на 25—50%.

Может ли так продолжаться далее? Нет, конечно, не может! Есть ли выход из положения? Да, выход есть и он заключается в изменении в корне старой дореволюционной системы переселенческого дела, которая фактически существует и в настоящее время.

Что же для этого нужно сделать в первую очередь? В статье конечно, немыслимо подробно осветить этот вопрос. Поэтому мы по возможности кратко остановимся на основных мероприятиях.

В чем заключается основная причина недостатков переселенческого дела? В разрыве водворения и зачисления переселенцев, в неорганизованности основного и главнейшего момента — передвижения переселенцев с места выхода, нахождения в пути и полной беспомощности первых шагов устройства переселенцев на местах водворения в ДВК.

Коллективизация переселенцев, намечаемая для ДВК в размере 15% от всей массы водворяемых в 1928/29 г., разрешает вопрос только частично. Во-первых, часть коллективов организуется уже по приходе в ДВК, и момент организованного передвижения и подбора на месте выхода переселенцев выпадает. Кроме того, остается 85% индивидуальных переселенцев, которые благодаря своей неорганизованности и создают хаос, тормозящий все дело переселения.

Как же подойти к упорядочению дела, с чего начать?

Приходящие в край ходоки для зачисления земли в ДВК за своими доверителями имеют право выбрать участок в любой местности края.

Какие у ходока предпосылки для выбора подходящего участка?

Как общее правило, ходок края не знает, как не знает и особенностей его отдельных районов. Край громаден и даже для приехавших работников советского аппарата требует полтора—два года для ознакомления. Поэтому ходок выбирает в первую очередь старожильческий поселок, где можно иметь готовые пашни или же участок, на который ходок случайно (не может же он осматривать весь край) наткнется и он ему „понравится“: „веселое место“ — река, бор и т. д.

А в результате мытарства и обратничество, и выживание переселенцев, лишь осевших на готовых пашнях в старожильческих селениях и на небольшом числе новых участков, где также случайно сложились весьма благоприятные условия. Этой случайности выбора участков по всему краю надо положить конец.

Точно определенные группы переселенческих участков в ДВК должны быть прикреплены, в зависимости от климатических, почвенных и других условий, к определенным районам (губерниям, округам) Европейской части Союза. Емкость обособленной группы переселенческих участков должна составлять примерно десять тысяч долей, общей площадью около 100 тыс. *га* (часть переселенческих участков предполагается занятой прежде пришедшими переселенцами, часть площади — занятой старожильческими селениями и часть — неудобных земель) или чистой пахотной площади до 35—40 тыс. *га*.

В районе выхода (прикрепленном к данной группе переселенческих участков в ДВК) организуется одно переселенческое товарищество, в задачу которого входит: 1) персональный подбор переселенцев на местах выхода с учетом особенностей района водворения (в определенном проценте землеробы, кустари, ремесленники, строители—(плотники, столяры, каменщики),—трактористы и т. д.); 2) подготовка фонда, заготовка леса и возведение построек на предназначенных для водворения участках в ДВК; 3) заготовка скота, семян для членов товарищества к моменту водворения в ДВК; 4) организованная перевозка членов товарищества с мест выхода до предназначенных для водворения переселенческих участков в ДВК и 5) в течение трех лет обязательная распашка не менее 15 *га* в среднем

на хозяйство и засев на второй год пребывания в крае не менее 10 *га* на хозяйство путем перехода этого товарищества на общественную обработку земли.

Товариществу предоставляется Дальне-восточным переселенческим управлением выдаваемая и в настоящее время колхозам ссуда, из расчета 660 руб. на семью, и, кроме того, предоставляется краткосрочный (на 3 года) банковский кредит в размере 340 руб. на хозяйство.

В районе водворения переселенцев в ДВК на эти средства организуется на одно товарищество одна машинотракторная станция с одной центральной мастерской, складом сельскохозяйственных машин и орудий, складом промтоваров потребительского и производственного (для кустарей и ремесленников и пр.) значения, базой для снабжения лошадьми, рогатым скотом, временной лесопилки для подготовки лесного строительного материала и склада других строительных материалов, соответствующим штатом агрономического, ветеринарного персонала, механиков и трактористов. Основной задачей машинотракторной станции является распашка переселенческих земель тракторами, подготовка трактористов из среды переселенцев, организация переселенческого хозяйства на территории района, снятие урожая и обмолот его, снабжение мелким сельскохозяйственным инвентарем (продажа и прокат) и ремонт его, улучшение породы скота (случные пункты, снабжение племенным скотом и т. д.), снабжение переселенцев в первые два года (или впредь до создания кооперативных организаций из переселенцев) товарами потребительского и производственного значения, организация переработки сел.-хоз. продуктов. В этих целях при МТС создаются продовольственные лавки, склады, организуется развоз товаров по переселенческим участкам.

Реализация продукции отдельных членов товарищества производится правлением товарищества, с которым, в порядке контрактации, заключаются договоры заготовителями сельскохозяйственных продуктов. Кроме того, в возмещение расходов машинотракторной станции, амортизации сел.-хоз. инвентаря и построек МТС за предоставление в пользование переселенцев машин и орудий и руководство организацией хозяйства взимается $^1/_4$ часть валового сбора.

В виду того что при раззертывании переселения в ДВК в размерах, намеченных пятилеткой, при отводе мелких земельных участков потребуется большое количество землемеров, нужда в которых вряд ли будет удовлетворена, земельная площадь для товарищества отводится в одном участке. При этом, в порядке межселенного землеустройства, выделяются существующие селения по установленной нарме с разбивкой на месте для членов товарищества лишь усадебных участков, с расчетом на максимальное приближение распашек к усадебным участкам. Все товарищество рассматривается как одно земельное общество, независимо от того, что в него войдут крестьяне,

об'единенные в несколько сельсоветов, так как земельный кодекс не ограничивает числа сельсоветов, входящих в земельное общество. Упрощение землеотводных работ должно итти еще далее. Необходимо отказаться от детальной обязательной с'емки, а там где это возможно, использовать существующую с'емку, дореволюционных лет, при чем в случае необходимости ограничиться упрощенной с'емкой (параллельные хода, укрупнение масштаба с'емки и т. д.). Это упрощение землеотводных работ диктуется не только недостатком землемерно-технического персонала, но и необходимостью снижения колоссальных расходов, которые потребуются при развертывании заселения ДВК в указанных выше размерах.

Если землеотводные работы, таким образом, упрощаются, то, наоборот, район должен быть обеспечен наилучшей связью с рынками сбыта и снабжения, а внутри района должны быть проведены дороги, допускающие легкость снабжения поселков между собою, а также с МТС. Колодцы строятся при каждом поселке в обычных принятых в настоящее время нормах. Раскорчевка проводится лишь после использования всех удобных для распашек земель и едва ли будет применяться в первые три года, за исключением расчисток площадей, поросших кустарником и мелким редким лесом, силами самих переселенцев.

Представителем Краевого переселенческого управления в районе водворения товарищества является заведующий переселенческим районом. Границы района определяются границами административного района (рик), в котором разместилось товарищество. Заведующий районом является представителем ДВКПУ при рике, увязывая с ним работу.

Заведующий районом имеет трех помощников: 1) заведующего передвижением, осуществляющим все вопросы приема прибывающих переселенцев, подготовки для них помещения, организации питания и распределения переселенцев по усадебным участкам; 2) заведующего машинотракторной станцией и 3) производителя дорожно-мелиоративных и землеотводных работ, осуществляющего через специально подобранный техперсонал, при посредстве переселенцев данного товарищества в качестве рабочей силы, все работы по подготовке колонизационного фонда.

Заведующий районом является ответственным перед Краевым переселенческим управлением за все дело подготовки фонда и хозяйственного устройства переселенцев, об'единенных в товарищество.

Число машинотракторных станций и количество производителей работ в административном районе может быть несколько, подчиненные одному заведующему районом.

Самая техника дела переселения товарищества мыслится следующим образом.

На ряду с тем, как Краевым переселенческим управлением будут намечены районы водворения товариществ в ДВК, им же прораба-

тывается вопрос о районах выхода этих товариществ, с точки зрения однородности (или близости) климатических, почвенных, экономических условий района водворения с районом выхода.

Районом выхода для одного товарищества устанавливается одна губерния (по РСФСР) или округ (в Украине и Белоруссии). Состав товарищества в 8—10 тыс. едоков для отдельных округов районов выхода определяется 1—1,5% всего наличного сельского населения, что при избыточном труде перенаселенных районов выхода в 30—60% хотя и не является большой величиной, но все же при применении гнездового метода при выселении будет весьма ощутителен для мест выхода и для наиболее перенаселенных районов округа дает возможность значительного расширения распашек оставшимся населением.

В настоящее время вопросы реконструкции хозяйства отдельных районов Европейской части Союза почти ни в какой мере не увязывались с вопросами переселения, хотя даже при том минимальном темпе водворения, какой был за последние четыре года (1924/25—1927/28 гг.) переселилось 350 тыс. человек. При намеченном же темпе заселения в течение ближайших пяти лет, когда переселение достигает двух миллионов человек, значение его для районов выхода будет уже весьма существенным стимулом для рассасывания аграрного перенаселения Европейской части Союза.

Если будет продолжаться та же система организации выхода переселенцев, какая существовала и существует до самого последнего времени — ни к чему не обязывающая разнорядка контингента переселенцев по губерниям и округам выхода индивидуальных переселенцев с небольшим вкрапливанием коллективов, или даже значительного числа, но карликовых колхозов, — говорить о включении в план реорганизации хозяйств районов выхода вопросов переселения и ориентировки на него, как на нечто устойчивое, конечно, не приходится. Индивидуальные хозяйства (хотя бы и зачислившиеся в районах водворения) в любой момент могут отказаться от переселения и все намеченные планы рухнут. В 1928/29 г. были случаи ухода обратно из Иркутска целых коллективов, не захотевших даже посмотреть предназначенные им участки в ДВК. Это приходится об'яснить лишь карликовыми размерами колхозов, которые, как и индивидуальные переселенцы, предоставлены сами себе.

Поэтому только путем об'единения в крупные товарищества (колхозы) желающих переселиться в районах выхода возможно добиться плановости в разрешении аграрно-перенаселенных районов и форсирования заселения ДВК нуждающегося как в воздухе, в добавочных для промышленности ДВК рабочих и создания в крае товарных хозяйств.

Это об'единение переселенцев в местах выхода происходит уже (правда, только с 1928/29 г. вопрос как будто упорядочивается в районах выхода) в виде об'единения переселенцев в колхозы. Но разрастающееся движение в районах выхода, вызванное ростом коллективизации, не может не отразиться на переселенческом деле. Оно, это движение, не может не вызвать стремления к переселению, к выходу из районов, где коллективизация не может быть проведена в силу малоземелья, в районы, где она может быть проведена в широких масштабах.

мах этого об'единения пока недостаточен (10—15%), а размер колхозов (в среднем 7 семей) прямо недопустим. Массовый переход к сложным колхозам (собственно колхозам — коммунам, артелям, товариществам по совместной обработке земли с полным проведением устава) представляет еще значительные трудности. Машинные, мелиоративные и прочие простейшие об'единения, создающиеся за последнее время, мелки, быстро хиреют и распадаются.

Поэтому предлагаемые нами товарищества — назовем их „переселенческими товариществами" (приближающиеся к товариществу по совместной обработке земли), цель которых, как мы уже ранее указывали, персональный подбор переселенцев на местах выхода в соответствии с потребностью будущей деятельности в районах водворения (земледельцы, ремесленники, кустари, лесорубы, плотники, столяры, каменщики, землекопы, механики, трактористы и т. д.), организованное переселение, совместное хозяйственное устройство в районах водворения (включая и подготовку фонда) и взаимная помощь в организации хозяйства на первые три года по водворении, с обязательством распашки в товарно-зерновых районах 15 *га* и посева на второй год 10 *га* на семью — дали бы возможность бедняцкому и середняцкому хозяйству достигнуть на местах водворения лучшего существования и явиться производителями товарного хлеба, а на местах выхода дать возможность улучшения положения оставшихся крестьян. Надо сказать, что в условиях Дальне-Восточного края, при обширности его территории, переселенческие хозяйства, намечаемые нами к организации в переселенческие товарищества должны будут первые годы вести экстенсивное хозяйство, которое на целинных землях будет давать значительные урожаи в течение первых 10—15 лет.

Эти переселенческие товарищества во главе с машинотракторной станцией, вместе с мелкими колхозами (путь к организации которых мы не собираемся закрывать, лишь ограничив снабжение их сложными сельскохозяйственными машинами и тракторами), смогли бы охватить на сто процентов всю переселенческую массу, что позволило бы уничтожить разрывы между водворением и зачислением, в настоящее время гибельно отражающихся на всех сторонах переселенческого дела и вносящих в него хаос.

Переселенческим товариществам отводятся участки новой и прежней дореволюционной заготовки и свободный госфонд по возможности в одном сплошном массиве, при чем в первую очередь земля отпускается в наиболее товарных районах края — общей емкостью до 400—500 тысяч долей, т.-е. для 30—40 переселенческих товариществ. Ханкайский, Черниговский, Спасский, Шмаковский районы Владивостокского округа и Иманский район Хабаровского округа используются для совхозов, коллективов и индивидуальных хозяйств в порядке особого подбора. Екатерино-Никольский и Михайло-Семеновский районы идут под переселение трудящихся

евреев. Все остальные районы ДВК (за исключением Забайкалья—Читинского и Сретенского округов, которые мы пока не затрагиваем) заселяются в порядке промышленно-промысловой колонизации путем организации промышленно-транспортно-торгово-переселенческих комбинатов.

Таким образом, переселенческие товарищества в общем контингенте примерно в 600 тысяч переселенцев, намеченных к переселению в течение пятилетия займут более двух третей.

Территории, на которых намечается организация переселенческих товариществ, открывают возможность водворения на них по естественно-историческим и экономическим признакам выходцев почти из всех аграрно-переселенческих районов. Но для этого должен быть составлен единый пятилетний план колонизации ДВК, в котором необходимо точно установить очередность заселения территорий, предназначенных в ДВК для переселенческих товариществ, районы выхода и очередность переселения из них, увязанная с очередностью водворения. Это, повторяем, необходимо потому, что переселенческое товарищество состоит из переселенцев только одного округа или губернии Европейской части Союза (может быть два и более переселенческих товарищества из одного округа или губернии, но не наоборот). Кроме того, на основе этого плана должна быть составлена смета, предусматривающая на все пятилетие в целом и на отдельные годы расходы, необходимые для переселения и хозяйственного устройства переселенцев. План переселения в районах выхода увязывается с общим планом реконструкции сельского хозяйства районов выхода.

Средства ассигнуются на все пятилетие и выдаются по мере расходования Дальне-Восточному краевому переселенческому управлению, так как все устройство переселенческих товариществ составляет единое мероприятие, длящееся несколько лет, и по аналогии должно быть приравнено к строительству какого-либо крупного завода, предприятия, но только гораздо более сложного, так как ставится на карту участь 500—600 тыс. чел. и дальнейшее развитие или задержка роста богатейшего в Союзе Дальне-Восточного края.

На места выхода товарищества выезжают представители Дальне-Восточного краевого переселенческого управления (ДВКПУ), по два человека на каждое товарищество, со всеми материалами по району водворения товарищества (карты, планы, описание, образцы растений, почва, фотоснимки, киноленты и т. п.). По приезде на места представители ДВКПУ связываются с местными земельными и кооперативными организациями и создают инициативную группу из крестьян для сформирования товарищества и затем при посредстве этих местных организаций виков, риков и сельсоветов—персонально подбирают членов товарищества, выбирая в каждом селении или на ряд селений одного уполномоченного.

Этот подбор заканчивается к 1 января следующего года, после чего переселенческое товарищество регистрируется, созывает губернский (окружной) с'езд уполномоченных товарищества, на котором составляются списки и выбираются уполномоченные для заготовки леса для построек временных бараков и машинотракторной станции, в количестве 100 человек. В начале лета, до от'езда уполномоченных, ДВКПУ намечаются камерально границы участков для переселенческих товариществ, предназначенных к переселению в первую очередь, с проектированием места для машинотракторной станции и ориентировочной наметки поселков для товарищества. В течение полевого периода производится специальное обследование намеченных участков для товариществ в целях установления емкости участка, производства упрощенных изысканий и обследований на воду, на строительство и ремонт дорог, наметки площадей для под'ема целины и выявляются наличные мягкие пашни, возможные к засеву с весны будущего года, распланирования поселков и установления в натуре проектных границ участка; кроме того, производится выбор места для машинотракторной станции.

В течение зимнего периода производится составление проектов и смет на дорожное строительство, постройку колодцев, постройку машинотракторной станции и под'ема целины. Заготовляется нужное количество сел.-хоз. машин и транспортного инвентаря. К 1 апреля следующего года прибывает на участок рабочая дружина от товарищества с закупленными по дороге (в Сибири) лошадьми. Рабочая дружина по прибытии в край будет занята частью на строительстве дорог и колодцев, частью на строительстве зданий для машинотракторной станции. Другая группа будет занята распашкой и посевом на имеющихся мягких пашнях участка, строительством временных жилищ для себя. Машинотракторная станция к моменту начала работ на участке строит временные помещения для машин и жилья служащих и с началом полевого периода ставит распашку целинных земель, имеющимися в ее распоряжении тракторами. Землеустроителями производится отвод усадебных участков в натуре. Количество рабочей дружины определяется из расчета один человек в рабочем возрасте от каждых трех семей.

Еще с первой партией переселенцев (в 100 человек) прибывает в ДВК председатель правления переселенческого товарищества и товарищ председателя. На местах выхода остается заместитель председателя правления и остальные члены правления.

Вопросы мест под'ема целины, отвода усадебных участков и другие согласуются с правлением товарищества и последнее заключает договор с машинотракторной станцией.

Вся рабочая сила на участках, отведенных для переселенческого товарищества, для подготовки фонда и всех строительных работ комплектуется, как общее правило, из числа членов товарищества (за исключением специалистов, отсутствующих в товариществе).

Все работы по подготовке фонда, в которых принимают участие члены товарищества, оплачиваются по ставкам не ниже ставок, существующих на других работах ДВКПУ. Выплата денег за работы производится правлению товарищества, которое устанавливает порядок расходования этих денег (оплата участников, отчисление на общие нужды товарищества и т. д.). Распределение членов рабочей дружины на работы по подготовке фонда, посев, постройку жилищ для себя и другие работы производится распоряжением правления товарищества.

При вступлении в члены товарищества каждый член товарищества (один от семьи) вносит пай в размере 50 руб. и стоимость льготного билета на свой и членов семьи проезд. Взносы пая и стоимость проезда могут, в особо уважительных случаях быть рассрочены на сроки, определяемые правлением товарищества. В случае выбытия из членов товарищества выбывающие получают обратно только стоимость проезда, а внесенный пай не возвращается.

Остальные члены товарищества и семьи членов товарищества приезжают (после постройки на участках жилищ рабочими дружинами) в сроки, точно установленные в договоре с ДВКПУ.

Один из представителей ДВКПУ, находящийся в районе выхода переселенцев, возвращается обратно вместе с рабочей дружиной. Второй представитель приезжает с остальными переселенцами при выезде семей. Выезд того и другого представителя производится с последними эшелонами первой и второй части, организовав предварительно выход из районов и посадку в эшелоны всей партии переселенцев.

Отвод участков для переселенческого товарищества производится в таких районах, где имеются свободные, не занятые никем переселенческие участки прежней дореволюционной заготовки или вновь отводимые из свободного госфонда. Переселенческие участки, занятые не более чем на 25% их емкости, включаются в территорию переселенческого товарищества и входят автоматически в его члены. Участки, занятые более 25% их емкости, выделяются и на них производится дополнительное из других групп переселенцев в размере до 100% их емкости.

Что же даст государству организация таких переселенческих товариществ?

Во-первых, так необходимый ДВК хлеб. Ведь дикое обратничество переселенцев в нынешнем году и отсутствие большого наплыва переселенцев в ДВК вообще и за предыдущие три года в частности,—вызвано, главным образом, хроническим хлебным дефицитом края, особенно усилившимся в нынешнем 1928/29 г.

Между тем, при переселенческих мероприятиях в настоящее время расчет на продукцию индивидуальных хозяйств ведется таким образом, что к концу пятого года по водворении переселенец

будет иметь до 5 *га* посева. Для колхозов ведется расчет к концу пятилетия, исходя из посева, примерно, в восемь гектаров на семью. Да и эти цифры при существующих методах обслуживания переселенцев и дальнейшем массовом их вселении должны быть поставлены под сомнение. Результаты обследования переселенческих хозяйств в декабре 1927 г., давшие по Амурскому округу на второй год водворения переселенца свыше 4 *га* посева на 1 хозяйство, ни в каком случае нельзя учитывать в дальнейшем как правило, так как такой посев получен в результате отбора переселенцами только лучших земель (как водворение 15—20% от зачисливших за собой участки).

Следовательно, при выдвигаемой нами системе „переселенческих товариществ" мы будем иметь уже на второй год по водворении вдвое больший посев, чем при водворении индивидуальных хозяйств к концу пятого года и также вдвое более, чем у теперешних колхозов на третий год по водворении. Это одно уже имеет колоссальное значение для края.

Но с организацией машинотракторных станций при переселенческих товариществах открывается другая, еще более важная перспектива.

Переселенческое дело требует весьма значительных затрат, из которых примерно 60% безвозвратных и 40% возвратных (ссуды). Но возврат ссуд производится переселенцем после пяти льготных лет с шестого года в течение пятнадцати лет, т.-е. фактически окончательно ссуда погашается через двадцать лет.

При организации переселенческих товариществ, возглавляемых машинотракторными станциями, ссуда должна выдаваться только на постройки жилищ (покупку гвоздей, дверной, печной арматуры, стекла и прочих строительных материалов, при бесплатном отпуске леса на корню и строительстве жилищ силами и средствами самих переселенцев) в 150 руб. и на скот (лошадей и коров, которых потребуется менее чем в настоящее время для колхозов) в 100 руб. Вся остальная госбюджетная ссуда и банковский кредит выдается машинотракторной станции на приобретение сельскозяйственных машин, тракторов, строительство и прочие капитальные затраты, что при 1.000 руб. общей суммы ссуды и кредита и 750 рублях на долю машинотракторной станции дало бы при 10.000 долях на МТС—1.500.000 руб., т.-е. столько, сколько нужно для организации полутора—двух машинотракторных станций. При первых шагах организации МТС в ДВК стоимость затрат на одну станцию можно было бы снизить до 500.000 руб., так как уже одно наличие при переселенческом товариществе МТС, вне зависимости от наличия ее оборудования, сыграло бы громадную роль в смысле организации хозяйств переселенцев и усиления посевной площади товарищества.

Таким образом, на те же средства, которые фактически расходуются в настоящее время на карликовые колхозы с весьма

малым производственным эффектом, мы могли бы иметь при машинотракторных станциях в три раза большее число переселенцев, обеспеченных при этом в общем подборе машинами и инструментами в два—три раза лучше чем теперешние колхозы и вдобавок снабженные прекрасной ремонтной мастерской. Это — во-первых.

Во-вторых, при амортизации и операционных расходах на каждой станции на второй год в 200 тыс. руб. и третий год в 300 тыс. руб., даже одна четверть урожая, получаемого машинотракторной станцией дало бы 450 тыс. руб. в первый год и 700 тыс. руб. во второй год, а при наличии при машинотракторной станции мельницы — 700 тыс. и 1.000 тыс. руб. (при увеличении амортизации и операционных расходов на 70—100 тыс. руб.).

Таким образом, каждая машинотракторная станция дала бы чистого дохода в год — 250—430 тыс. руб. во второй год и 400—600 тыс. руб.— в третий год. При наличии десяти станций (100 тыс. едоков) это составило бы 3.400 тыс. руб. во второй год и 5.000 тыс. руб. в третий год, т.-е. обеспечило бы организацию новых десяти машинотракторных станций, без копейки затрат со стороны государства. Кроме того, контрактация зерна у десяти переселенческих товариществ (в количестве до 80 тыс. тонн), проводимая машинотракторной станцией, дала бы до одного миллиона рублей дохода для станции — деньги, которые также могут быть обращены на переселенческое дело. Затем вместо весьма проблематичной в настоящее время надежды на возврат ссуды переселенцами через пять льготных лет, в течение пятнадцати следующих лет государство со второго года существования машинотракторной станции в течение десяти лет было бы обеспечено возвратом затрат на станцию в виде аккуратных амортизационных отчислений.

Но самое главное это то, что деньги на организацию машинотракторных станций у нас имеются в виде ссуд, которые мы сейчас выдаем переселенцам без всякой почти надежды на возврат и ничтожной эффективности этих средств с точки зрения продукции переселенческих хозяйств.

Машинотракторные станции в переселенческом деле открывают колоссальные перспективы.

И мы зовем к этим станциям руководителей переселенческого дела, требуем, наконец, на двенадцатом году революции перехода от архаических — дореволюционных форм „зачисления“ и „водворения“ — к социалистическому переселению.

Клич „к машинотракторным станциям“ не голый лозунг — это простой хозяйственный расчет. Не воспользоваться этим призывом было бы преступлением.

Л. Кессель

Пути производственного кооперирования крестьянских хозяйств

Сельскохозяйственная кооперация, до последнего времени замкнутая в пределах товарного и денежного оборота крестьянского хозяйства, уже переросла себя. Перед ней встала новая задача неизмеримо более сложная и трудная—задача непосредственного воздействия на производственные процессы крестьянского хозяйства и его реконструкции на основе производственного кооперирования. От организации оборота к организации производства, „от амбара к полю" — таково направление сдвига в работе хлебной кооперации.

Задача переключения работы хлебной кооперации в сторону массовой реорганизации крестьянского зернового производства была властно продиктована напряженным состоянием хлебозаготовительного фронта и необходимостью найти наиболее быстрые и в то же время наиболее доступные для крестьянских масс пути преодоления основных причин отставания зернового хозяйства и сомкнуть разрыв между промышленностью и его продовольственной базой.

Оформить самодеятельность крестьянства, ввести ее в организационные рамки, внести в нее начала плановости — задача сел.-хоз. кооперации как единственной массовой общественной организации в деревне, выросшей из самых недр крестьянства и своими щупальцами проникающей во все поры его хозяйственной жизни.

Наиболее эффективным и вместе с тем наиболее доступным и приемлемым для масс методом кооперативно-производственного воздействия на крестьянское хозяйство является контрактация посевов.

Контрактация в практике хлебной кооперации приобретает содержание, глубоко отличное от того, какое вкладывалось в нее в прежние годы. От контрактации, носившей характер коммерческой договорной заготовки сел.-хоз. продукции, к контрактации, превращающейся в могучий фактор организации сел.-хоз. производства и сбыта, в фактор регулирования баланса между промышленностью и сельским хозяйством, — такова эволюция, произошедшая в этой форме производственных взаимотношений между городом и деревней.

Производственное значение контрактации посевов сводится к двум основным моментам: во-первых, договор на контрактацию

выдвигает перед посевщиком условие обязательного проведения определенного цикла агротехнических мероприятий (проведение зяблевой вспашки, культурная подготовка пашни, поднятие раннего пара, применение рядового посева, посев отсортированными семенами, протравливание семян, мотыжение, полка и проч.); во-вторых, хлебная кооперация решительно проводит курс на заключение договоров по контрактации посевов не с отдельными хозяйствами, а с об'единениями их, и преимущественно с такими, которые охватывают целые земельные общества.

Массовая контрактация зерновых посевов, на которой построена вся производственная работа хлебной системы сел.-хоз. кооперации, была впервые предпринята весной 1928 г. Первые две кампании по контрактации в ее новом, производственном содержании выявили огромное значение ее, как способа преодоления дробности крестьянского хозяйства и сведения разрозненных наделов в гигантские массивы на основе производственного кооперирования целых земельных обществ, селений и групп селений. В массовой контрактации посевов нащупаны совершенно новые возможности производственного охвата широчайших крестьянских масс в форме простейших производственных об'единений посевных товариществ. Производственные об'единения этого вида при минимальном пае и минимальных обязанностях, возлагаемых на их членов, являются наиболее приемлемыми для крестьянства формами производственного кооперирования, допускающими, вместе с тем, постепенный переход их к сложным коллективным формам хозяйства. Этим обеспечивается массовый характер контрактации. Даже при создании крупных кооперативных зерновых хозяйств, строящихся на основе долголетней контрактации, сел.-хоз. кооперация не стремится к немедленному стопроцентному обобществлению всех производственных процессов и ограничивается на первых порах некоторым обязательным минимумом: обобществлением пахотной земли и сложных сел.-хоз. орудий.

Кооперативная практика с непреложной ясностью доказывает каждым шагом своей повседневной работы, что в наших условиях именно этим путем быстрей и верней достижимо массовое производственное кооперирование крестьянских хозяйств, вторжение кооперации в стихию крестьянского производства, создание огромных производственных об'единений, постепенно накапливающих элементы подлинно крупного и устойчивого коллективного зернового хозяйства. В наших условиях нет более доступного и надежного способа организации хозяйственной среды, которая исключает распыляемость средств сел.-хоз. производства и обеспечивает наиболее эффективное их использование. В этом сочетании технического и социального начала переустройства крестьянского хозяйства весь смысл, вся ценность метода контрактации посевов.

Итоги первых двух кампаний по заключению договоров с посевщиками на контрактацию зерновых посевов, несомненно, значительны. Но мы не получим достаточно полного представления о достигнутых результатах, если не учтем, что контрактация зерновых посевов до сих пор протекала в условиях организационных перестроек, запаздывания правительственных директив по ряду основных вопросов практики хлебной кооперации, несвоевременного перевода на места необходимых кредитов для контрактации и вызванной этим обстоятельством многократной перекройки первоначальных планов, несомненно оказавшей свое дезорганизующее влияние. Следует также принять во внимание неопытность и крайнюю скудость материальных и технических средств, имевшихся в распоряжении хлебной системы сел.-хоз. кооперации к началу ее производственной деятельности. Достаточно отметить, что хлебная кооперация весной 1928 г. насчитывала всего лишь пару десятков специалистов и почти не имела своего агроперсонала. В озимой кампании 1928 г. ко всем этим трудностям присоединились общие неблагоприятные атмосферические условия прошлого года.

* * *

В яровую кампанию 1928 г. хлебная кооперация проводила контрактацию посевов чистосортными семенами, контрактацию посевов рядовыми крестьянскими семенами в районах недовосстановленных посевных площадей, затем контрактацию посевов технических культур для промышленности и, наконец, контрактацию посевов бобовых культур для экспорта.

План весенней контрактации чистосортных посевов был намечен в 1928 г. в 600 тыс. *га*, рядовых в 600 тыс. *га*, промышленных культур в 309 тыс. *га* и бобовых в 18,5 тыс. *га*. Весь план контрактации должен был, следовательно, охватить посевную площадь в 1.527 тыс. *га*. Фактически же план был выполнен с огромным превышением. Сортовых посевов было законтрактовано 619 тыс. *га*, рядовых 1.072,3 тыс. *га*, промышленных культур 827 тыс. *га* и бобовых 42,1 тыс. *га*. Законтрактованная площадь в общей сложности составила 2.323,6 тыс. *га*. План, следовательно, был выполнен по контрактации сортовых посевов на 103,2%, рядовых на 178,7%, промышленных культур на 267,5% и бобовых на 227,6%. Выполнение в общем превысило план больше, чем на 52%.

По категориям посевщиков выполнение плана контрактации чистосортных посевов распределилось следующим образом.

В колхозах было законтрактовано 116.397 *га* (21,0%), в зерновых (посевных) товариществах—61.034 *га* (11,0%), в прочих кооперативных организациях (машинные и другие товарищества)—188.002 *га* (33,9%), через договорные об'единения—130.885 *га* (23,6%), в неорганизованных крестьянских хозяйствах законтрактовано 57.593 *га*, т.-е. 10,5%.

Контрактация чистосортных посевов преследовала цель создания сплошных массивов односортного и высококачественного зерна.

Поэтому контрактация проводилась так называемым гнездовым методом путем сплошного охвата целых земельных обществ, а там, где это представлялось возможным, групп смежных земельных обществ. Контрактация чистосортных посевов в яровую кампанию 1928 г. создала ряд сплошных массивов односортного высококачественного зерна: в Немреспублике — 34.000 *га*; в Тульской губ.— 45.000 *га*; в Орловской — 82.000 *га*; Сев. Кавказ: в Армавирском округе — 27.000 *га*; Кубанском — 36.000 *га*. Терский округ почти сплошь обсеменен сортовыми семенами подсолнуха. Договоры на контрактацию сортовых посевов, заключавшиеся обычно лишь с производственными об'единениями, обусловливали обязательное со стороны посевщиков проведение посева сплошным массивом, посев по зяблевой вспашке, уничтожение межников, отсортирование и протравливание семян, посев рядовой сеялкой и выполнение ряда условий, гарантирующих сохранение сортовой чистоты. Посевщики снабжались сортовыми семенами, а бедняцким хозяйствам выдавались помимо семян еще денежные авансы. Договор устанавливал надбавку к обычной заготовительной цене в размере 10—15% за сдачу зерна, соответствующего определенным нормам чистосортности.

При контрактации рядовых посевов также предусматривался обязательный минимум агрикультурных мероприятий: посев по зяблевой вспашке, отсортировка и протравливание семян, посев рядовой сеялкой, борьба с сорняками и т. д. Посевщикам выдавался при заключении договора на контрактацию аванс, в среднем достигавший суммы в 9—10 руб. на гектар и увеличивавшийся на 50% для бедняцких хозяйств. В отношении распределения законтрактованных рядовых посевов по категориям посевщиков картина несколько разнится от предыдущей: удельный вес посевных товариществ здесь значительно выше.

В колхозах законтрактовано 146.342 *га* (20%), в зерновых товариществах — 124.022 *га* (17%), в прочих кооперативных организациях — 153.588 *га* (21%) и в неорганизованных крестьянских хозяйствах — 309.743 *га* (42%).

Первая кампания по контрактации посевов вызвала к жизни 4.000 новых колхозов и около 5.000 зерновых товариществ, из которых 170 организованы целыми земельными обществами, и 1.400 машинных товариществ. В эти об'единения было вовлечено около одного миллиона крестьянских хозяйств.

Таковы суммарные итоги контрактации, проведенной системой Хлебоцентра весной 1928 г.

* * *

В озимую кампанию 1928 г. контрактация приняла более широкий размах. Общий план контрактации был определен в 3.489.700 *га*, из которых сортовой — 317.200 *га* и рядовой — 3.172.500 *га*. В отличие от весенней кампании план не был полностью осуществлен. Законтрактовано было 3.304.984 *га*, из которых сортовых посевов — 378.755 *га* и рядовых — 2.926.229 *га*. План контрактации сортовых посевов был выполнен, как видно из этих цифр, на 119,4%, план рядовой контрактации, наоборот, дал всего лишь 92,2% выполнения. Весь же план оказался выполненным на 94,7%.

Некоторое недовыполнение общего плана осенней контрактации в значительной мере об'ясняется запозданием в разрешении правительственными органами основных вопросов этой кампании, несвоевременным переводом на места кредитов по контрактации и, наконец, метеорологическими условиями кампании. И все же производственный эффект несомненен.

В озимую кампанию 46,7% всей контрактации рядовых и 46,5% сортовых посевов падают на целые земельные общества, сплошь охваченные контрактационными договорами. Это — несомненные показатели углубления практики производственного кооперирования. Число посевных товариществ достигло 8.000, при чем число целых земельных обществ, перешедших на устав зерновых товариществ, повысилось до 3.800. В производственные об'единения было вовлечено 2,7 миллиона крестьянских хозяйств, т.-е. в два с половиной раза большее число, чем в весенней кампании.

Свыше 14.000 селений целиком, всеми дворами, подписали договоры на контрактацию посевов в озимую кампанию. Весьма характерно изменилось и распределение законтрактованной площади по категориям посевщиков. По сортовой контрактации на долю колхозов пришлось 33,9%, а по посевным товариществам, включая сюда земельные общества, целиком законтрактовавшие свои посевы, но еще не перешедшие в уставное об'единение, мы имеем уже больше половины всей контрактуемой площади — 51,7%. По рядовой контрактации удельный вес колхозов равен 13,1%, посевных товариществ и целых земельных обществ — 53,1% и неорганизованного крестьянского населения — 14,4%. Хлебная кооперация в озимую кампанию 1928 г. большую половину своей производственной работы строила на об'единениях, организуемых в связи с контрактацией.

Одно из важнейших достижений минувших двух кампаний по контрактации зерновых посевов заключалось в том, что контрактация охватывала, главным образом, середняцкие и бедняцкие слои крестьянства. В виду того что для бедноты были установлены при контрактации специальные денежные авансы на чистосортные посевы (из собственных средств Хлебоцентра по 5 рублей на гектар) и повышенные авансы по рядовым посевам, эти слои крестьянства получили возможность самостоятельно обработать и засеять свои поля, освободившись от кулацкой эксплоатации на почве проката и арендных отношений. Этим путем были созданы условия для под'ема и кооперативного охвата маломощных групп крестьянства, т.-е. тех слоев его, которые должны служить опорной базой в деле кооперирования крестьянских хозяйств.

У нас нет еще достаточно полных и разработанных статистических данных по всем районам о влиянии контрактации на расширение посевов. Но уже собранные материалы дают все основания признать за контрактацией огромную роль в деле расширения посевных площадей. Особенно показательны в этом отношении материалы НК РКИ по обследованию районов контрактации и посева на Сев. Кавказе. В яровую кампанию 1928 г. законтрактованная площадь составляла по Сев. Кавказу 15,2% всей посевной площади яровых; в озимую же площадь озимого клина достигла уже 39,8% всей посевной площади.

Расширение зерновых посевов в результате контрактации имеет место как в колхозах, так и в индивидуальных хозяйствах.

В яровую и озимую кампанию 1928 г. помощь посевщикам, содержащаяся в методе контрактации, позволила бедняцким элементам и слабым колхозам не сдавать в аренду своих земель и засеять их собственными средствами.

Пять с половиной миллионов гектаров законтрактованных посевов зерна; создание на основе контрактации сплошных массивов чистосортного зерна в десятки тысяч гектаров, в общей сложности охвативших площадь в миллион гектаров; образование десятка тысяч новых колхозов и посевных товариществ; сплошной охват контрактацией 14 тысяч селений,— таков внушительный баланс первого года проводимой хлебной кооперацией контрактации зерновых посевов.

* * *

Наиболее мощное развитие контрактационных посевов получило в яровой кампании 1929 г. По плану в яровую кампанию должна была быть законтрактована площадь в 4.645 тыс. *га*. Фактически же контрактация охватила площадь в 12.212 тыс. *га*, т.-е. почти в три раза превысила первоначальный план.

В яровой кампании текущего года хлебная кооперация впервые применила новую форму контрактации, так называемую, безавансовую контрактацию. Предыдущие две кампании по контрактации зерновых посевов, проводились почти исключительно на основе выдачи авансов хозяйствам, законтрактовавших свои посевы. Авансы являлись главным устоем, на котором держалась контрактация. Но опыт двух первых кампаний показал, что авансы не могут обеспечить контрактации необходимый размах. Во-первых, авансы сами по себе были невелики и не могли иметь большого значения для контрактующего хозяйства. Во-вторых, авансы создавали для хлебной кооперации постоянные трудности, вытекающие из необходимости переброски на места значительных сумм сверх общего государственного плана финансирования сельского хозяйства. В этом и таился постоянный источник финансового затруднения, который сел.-хоз. кооперации приходилось испытывать при развертывании контрактации. Именно поэтому хлебная кооперация в истекшую

яровую кампанию должна была сократить свой первоначальный план контрактации, который был определен в $5^1/_2$ млн. *га* до 4,6 млн. *га*.

Перед хлебной кооперацией встала вследствие этого задача расширить план контрактации, заменив денежные авансы другими, более вескими выгодами для посевщиков. Эти выгоды были прежде всего даны в виде особых надбавок к государственной заготовительной цене, которые хлебный кооператор обязывался уплатить контрактующим хозяйствам за сдачу их продукции. Надбавки были определены в размере 30 коп. на центнер за сдачу законтрактованного зерна в обусловленный договором срок, затем в 18—24 коп. за центнер за сдачу зерна крупными партиями (80—160 центн.) и, наконец, особая надбавка установлена за сортность сданного зерна в размере 10—15% с рядового зерна. Вся сумма надбавок, при чистосортных посевах достигает 1 р. 50 к. сверх цены рядового незаконтрактованного зерна.

К этим выгодам присоединялась еще целая система льгот и преимуществ, которые предоставлялись контрактующим хозяйствам по сельхозналогу, по кредитованию, снабжению семенами и машинами и по агропомощи. На основе всех этих выгод и надбавок к цене строилась так называемая безавансовая контрактация.

Этот новый вид контрактации сыграл решающую роль в настоящей кампании. За счет развертывания безавансовой контрактации удалось весьма значительно превзойти правительственный план.

Можно совершенно определенно сказать, что все огромное превышение плана контрактации зерновых посевов должно быть отнесено за счет успехов безавансовой контрактации. В этом основной успех яровой контрактации этого года. И это определяет то направление, по которому в дальнейшем должна развиваться контрактация. Контрактация авансовая должна постепенно уступать место контрактации безавансовой. Авансовая контрактация проводится только в бедняцких хозяйствах. Авансы по контрактации используются исключительно для производственной помощи бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам.

Озимая контрактация 1928 г. и яровая контрактация 1929 г. охватит в общей сложности по РСФСР свыше 15,5 млн. *га* зерновых посевов. В результате обеих этих кампаний в распоряжении государства поступит по контрактации 37,5 млн. центн. зерна, из которых около 14 млн. чистосортного зерна.

* * *

В сложной системе агромероприятий, которыми хлебная кооперация обставила контрактацию посевов, первое место занимают тракторные колонны. В тракторной колонне найден один из наиболее мощных факторов социально-технического переустройства крестьянского хозяйства. Нигде сочетание обоих начал реконструкции — технического и социального — не сказалось с такой полнотой и с такой

эффективностью, как в практике тракторных колонн. Тракторные колонны захлестывают индивидуальные межи, устраняют мелкополосицу, чересполосицу, охватывая гигантские массивы, на которых расположены целые земельные общества, целые селения. Молодая практика работы тракторных колонн в сочетании с контрактацией показала, что здесь заложен наиболее доступный и наиболее эффективный путь постепенной коллективизации крестьянского хозяйства. Живые примеры опыта учат, что посредством тракторных колонн переход к общественной обработке земли на сплошной территории в несколько тысяч гектаров в настоящих условиях более реален и приносит большой хозяйственный эффект, чем создание обычных колхозов. Что отличает этот путь коллективизации от того колхозного движения, которое мы знали до сих пор? В практике тракторных колонн мы идем от техники к организации хозяйства. В создании же колхозов не новая или более высокая техника предопределяла чаще всего структуру хозяйства. Об'единялись в колхозы в большинстве случаев хозяйства безынвентарные, маломощные, лишенные необходимой технической базы. В этом основная причина того, что практика колхозного строительства в последнее время дарит нам такие красоты, как карликовые колхозы в 45—50 *га*. Гигантское революцинизирующее значение тракторных колонн в том и состоит, что они создают охватом крупнейших массивов необходимую социальную среду и питаются силами этой среды. Массовый характер производственного кооперирования, который достигается на практике тракторных колонн, позволяет, с одной стороны, мобилизовать силы и средства широчайших слоев крестьянства, а с другой — создает условия для наиболее рациональной нагрузки машинно-тракторной базы. Развитие этой последней в свою очередь способствует дальнейшему расширению производственных об'единений, вырастающих на основе контрактации. Именно в этом теснейшем, органическом сочетании технической базы с соответствующей хозяйственной конфигурацией и заключается вся ценность тракторных колонн и их революционное будущее.

Тракторные колонны в практике хлебной кооперации были сначала созданы по образу и подобию ставшего ныне знаменитым совхоза Тараса Шевченко и опыта работ Одесской сел.-хоз. кооперации. Однако, опыт Украины подвергся существенным изменениям, которые в основном сводятся к следующему. Обслуживаемые колонной земельные общества организуются в производственные об'единения — посевные товарищества, товарищества по общественной обработке земли и пр. Взаимоотношения между производственными зерновыми об'единениями и тракторными колоннами, организуемыми при районных об'единениях хлебной кооперации (Коопхлеб), определяются договорами и долголетней контрактацией посевов. Договор о долголетней контрактации обусловливает: уничтожение межей и об'единение крестьянских наделов в один сплошной массив; введение многополья и правильного севооборота; переход к чистосортным посевам; применение улучшенных агротехнических приемов (зяблевая вспашка, очистка семян, протравливание семян и т. д.); обобществление всех процессов производства, выполняемых тракторной колонной; организованный сбыт через хлебную систему сел.-хоз. кооперации всех товарных излишков зерновой продукции; отчисление в натуре определенного процента от валового урожая (обычно 25—30%) на покрытие расходов тракторных колонн и на образование общественных капиталов; вовлечение сил и средств населения и местных органов в работу колонн.

Система хлебной сел.-хоз. кооперации насчитывает в настоящее время 45 тракторных колонн с 1.182 тракторами. Эти 1.182 трактора обслуживают площадь в 300.660 *га*. В районе действия этих тракторных колонн расположены 219 земельных обществ. В процессе организации тракторных колонн созданы 193 зерновых товарищества и товарищества по общественной обработке земли, об'единивших 16.037 крестьянских хозяйств. По районам тракторные колонны распределяются следующим образом: на Северном Кавказе—8, в Средне-Волжском районе—7, в ЦЧО—12, в Нижне-Волжском—8, в Крыму—2, в Центр.-Пром. районе—1, в Сибири—3, в Татреспублике—1 и в Казакстане—3 тракторных колонны. Практика кооперативных тракторных колонн, развернутая на основе долголетней контрактации зерновых посевов, имела своим непосредственным следствием перевод целых деревень, целых районов в 10—15 и больше земельных обществ (Ахтырская колонна об'единила даже 23 земельных общества) на общественную обработку земли, ликвидацию трехполья, введение рационального севооборота, сведение всей обслуживаемой земельной площади в сплошной крупный массив, создание базы для построения подлинно крупного коллективного зернового хозяйства. О мощном влиянии тракторных колонн на расширение посевной площади можно судить по тому факту, что даже в Козловском округе, в котором совершенно нет свободных земель, распашка колонной межников обещает расширение ярового клина в 1929 г. на 10%. Выбор массивов для тракторной обработки определялся процентом безлошадных и безынвентарных хозяйств, степенью распространенности кулацкой аренды и размером неосвоенных земель.

В среднем на каждый массив приходится около 5.000 *га* земли, а на каждое земельное общество (отдельный севооборот) 1.060 *га*. Минимальный размер массивов 2.500 *га*, максимальный—8.024 *га*.

Нагрузка на 1 трактор составляет около 200 *га*.

По предварительным данным себестоимость вспашки одного гектара колеблется по району от 7 до 9 рублей.

Договоры о долголетней контрактации с тракторной обработкой земли заключались, обычно на срок полного севооборота (от 4 до 12 лет).

Согласно договорам, рабочая сила для всех видов работ предоставляется населением. Одной из важнейших проблем тракторных колонн является использование освобождающихся в связи с переходом на тракторную обработку тягловой силы и рабочих рук. Эта проблема должна найти свое разрешение в введении технических и пропашных культур, увеличивающих трудоемкость хозяйств, затем в насаждении подсобных отраслей хозяйства (молочное хозяйство, садоводство) и, наконец, в организации перерабатывающих предприятий: маслодельных заводов, крахмало-паточных предприятий, фосфоритных мельниц, кирпичных и черепичных заводов и ряда кустарных промыслов. Совершенно очевидно, что разрешение этой сложной проблемы, требующее огромной организации работы и активного участия обслуживаемого населения, по плечу лишь кооперации. Это лишний довод в пользу сосредоточения машинно-тракторной наличности в ведении сел.-хоз. кооперации.

Появление тракторных колонн на первых порах естественно вызовет ожесточенное сопротивление капиталистической верхушки деревни. Но огромные хозяйственные выгоды, связанные с переходом к тракторной обработке земли, в сочетании с налоговыми льготами и прочими преимуществами, предоставляемыми об'единениям контрактантов, раньше или позже сломят сопротивление кулаков. Этот новый метод производственной работы, направленный на охват всех слоев крестьянства, приобретает не только огромное производственное значение, но и призван занять крупнейшее место в системе нашей борьбы с кулацкими элементами крестьянства. Подводя под основную массу крестьянства высокотехническую базу, поднимая их на высшую форму коллективизации, мы тем самым организуем их для борьбы с кулачеством, вырываем корни капиталистической эксплоатации в деревне и подчиняем кулацкую верхушку государственному контролю и регулированию.

Но интересы создания массового обобществленного хозяйства в границах целого селения могут иногда, при наличии злостного сопротивления кулака, вызывать необходимость выделения его за пределы земельного общества.

* * *

Задачу социально-технической реконструкции крестьянского хозяйства тракторные колонны смогут выполнить лишь на основе охвата обслуживаемого населения договорами на долголетнюю контрактацию.

Применявшаяся до последнего времени форма однолетней контрактации явно не соответствует тому об'ему и характеру работ, которые встали перед хлебной системой сел.-хоз. кооперации. Контрактация в своем новом производственном содержании требует более длительной и прочной связи с посевщиком. Нет ни одного более или менее крупного агрикультурного мероприятия, действие

которого целиком сказалось бы на урожае данного года. Ценность всякой агротехнической меры не только в ее непосредственном действии, а в тех „последействиях", которые она оказывает на последующие урожаи. Но эти „последействия" только тогда смогут полностью проявиться, когда агрикультурные меры укоренятся в результате последовательного, в течение ряда лет, применения их на одной и той же территории. Уже один этот момент настойчиво говорит о нерациональности метода однолетней контрактации. Необходимость беспрерывного, из сезона в сезон, возобновления контрактации в одних и тех же хозяйствах осознана хлебной кооперацией, и практика ее фактически идет по этому пути. Но ведь это только лишний раз подчеркивает недостаточность метода однолетней контрактации.

Эти соображения приложимы в отношении даже сравнительно простых технических улучшений и еще больше верны в отношении хозяйственно-организационных мероприятий, проведение которых рассчитано на ряд лет. Основная задача хлебной кооперации сводится к поднятию зерновой продукции путем реконструкции хозяйства, перевода его на рациональную систему севооборота и создания тех социальных форм хозяйства, которые, с одной стороны, обеспечили бы эффективное использование средств производства и, с другой, плановую организацию производства и сбыта.

Излишне доказывать, что четкое проведение сложного организационно-производственного плана хозяйства нельзя обеспечить договором с посевщиками на один лишь сезон, что налагать на контрактантов в порядке одногоднего договора обязательства на выполнение мероприятий, требующих целого ряда лет, является хозяйственной и юридической бессмыслицей. Контрактационные договоры должны заключаться по меньшей мере на срок, равный длительности севооборота.

Долголетняя контрактация строится на следующих принципах. Посевщики обязуются организовать производственный коллектив, который берет на себя задачу планового перехода к общественной обработке земли и общественной уборке урожая; введения севооборота с наибольшей площадью засева зерновых культур за счет сокращения парового клина и травопольного севооборота; применения агрикультурных приемов обработки пашни, улучшения семенного материала (сортирование, протравливание семян и пр.), введения рядовых посевов и, наконец, машинизации основных производственных процессов. Весь товарный остаток зерновой продукции подлежит обязательной сдаче через систему хлебной сел.-хоз. кооперации.

Хлебная кооперация с своей стороны снабжает законтрактованные хозяйства инвентарем, чистосортными семенами, искусственными удобрениями и другими средствами производства, оказывает агропомощь, содействует их землеустройству; обслуживает их тракторными колоннами; там, где хозяйства входят в район их действия

гарантирует надбавки к заготовительным ценам за сортность, партионность и срочность сдачи законтрактованного зерна и открывает посевщикам долгосрочный кредит сел.-хоз. инвентарем и деньгами.

Комплекс обусловленных договором на долголетнюю контрактацию обязательных для посевщиков агрикультурных и хозяйственно-организационных мероприятий предопределяет характер об'ектов, т.-е. размер и род тех посевных об'единений, которые были бы в состоянии провести договор в жизнь.

Система хлебной кооперации уже при однолетней контрактации решила отказаться от заключения договоров с индивидуальными хозяйствами. При долголетней контрактации эта линия должна быть еще более жесткой. Договоры о долголетней контрактации должны заключаться исключительно с крупными производственными об'единениями, с земельными обществами, селениями обладающими площадью в размере, обеспечивающем полную нагрузку сложных машин. Минимальный размер этих об'единений определен в 2.000 *га* пахотной земли.

Дело реконструкции крестьянского хозяйства методом долголетней контрактации само по себе требует солидных капиталовложений. Средства на проведение долголетней контрактации в основной своей массе должны быть почерпнуты из общих кредитов, направляемых государством по различным каналам в сельское хозяйство и, кроме того, при помощи вовлечения средств самого населения. Больше того, сел.-хоз. кооперация должна получить уверенность, что все эти кредиты пойдут прежде всего туда, где проводится долголетняя контрактация.

* * *

Метод долголетней контрактации положен хлебной кооперацией в основу строительства крупных зерновых хозяйств. Это строительство идет тремя путями: по линии укрупнения мелких коллективных хозяйств, по линии об'единения окрепших коммун и колхозов со смежными колхозами и вовлечения в них окрестного населения и, наконец, по линии использования новых крестьянских земель и переселенческих фондов.

Во всех этих трех видах организации крупных зерновых хозяйств хлебная кооперация отнюдь не стремится к одинаковой уставной форме. Нам выше уже пришлось отметить, что на первых порах хлебная кооперация не ставит себе цели полного обобществления всех производственных процессов, допуская сохранение внутри каждого об'единения их прежних уставных форм. Из об'единений с различными элементами обобществления нельзя сразу же построить одно целостное крупное зерновое хозяйство с заранее данным уставом. Но постепенно создаваемые технические предпосылки, перестраивающие хозяйственный быт, позволят в течение ряда ближайших лет превратить простейший вид коллективного зернового хозяйства

в более совершенный колхоз с полным обобществлением всех элементов хозяйства. И это, несомненно, наиболее приемлемый для масс путь коллективизации сельского хозяйства.

Но на ряду с этой основной предпосылкой хлебная кооперация вводит для организуемых этим методом крупных хозяйств обязательный минимум обобществления, состоящий из следующих трех элементов: обязательного обобществления пахотной земли, обязательного обобществления машин и орудий и обязательного совместного сбыта товарной продукции сел.-хоз. кооперации.

Организуемое на базе долголетней контрактации крупное хозяйство имеет в основном зерновое направление. Это, конечно, не исключает возможности развития внутри крупного зернового хозяйства других отраслей хозяйства — животноводческой, маслодельной, птицеводной и др. Для обслуживания этих отраслей сел.-хоз. производства могут привлекаться другие системы сел.-хоз. кооперации, напр., Маслоцентр, животноводческая или птицеводная кооперация и т. д.

С другой стороны, строительство крупных хозяйств хлебная кооперация должна производит совместно с Колхозцентром на основе определенного разграничения функций, обеспечивающего за хлебной кооперацией руководство организацией зернового производства. Таковы общие принципы строительства крупных коллективных зерновых хозяйств.

В 1929 г. хлебная кооперация поставила себе задачей провести строительство крупных зерновых хозяйств на общей площади в 1 млн. *га*.

* * *

В системе агромероприятий, проводимых хлебной кооперацией, особое место отведено задаче организации показательных районов.

Цель показательных районов—поставить осуществление основных агромероприятий, проводимых на основе контрактации посевов, как подлинно массовую работу. В разрешении этой задачи должна участвовать вся партийная, советская и кооперативная общественность.

В этих районах все средства, отпускаемые на дело поднятия сельского хозяйства, вся материальная помощь, идущая в деревню, сливается в одно русло и направляется на осуществление комплексного минимума агротехнических мероприятий на посевных площадях целого административного района.

В показательном районе дается сгусток всех мероприятий по переустройству сельского хозяйства. Здесь одновременно проводится сплошное землеустройство, многополье, засев посевной площади района чистосортными семенами, очистка и протравливание семян, зяблевая вспашка, плужная обработка и т. д.

В селениях, входящих в показательные районы проводится сплошная контрактация посевов и максимальное производственное кооперирование крестьянских хозяйств.

Комбинированные усилия, концентрированное использование всех наличных средств преследуют двоякую цель: с одной стороны, выявить методом комплексного воздействия фактические возможности в области переустройства крестьянского хозяйства, а с другой — дать наглядный пример эффективности проводимых мероприятий, направляющий хозяйственную инициативу широких крестьянских масс к переустройству своего хозяйства на более высокой технической основе в коллективных формах. Организация показательных районов поэтому совершенно правильно оценивается хлебной кооперацией, как подготовительная ступень к организации крупных коллективных зерновых хозяйств.

В 1928 г. хлебная кооперация организовала шесть показательных районов: в ЦЧО — Ржаксинский и Инжавинский районы Тамбовского округа; по Средне-Волжской области — Кинельский район Самарского округа; по Нижне-Волжской области — Краснокутский район Немреспублики; в Тульской губернии — Воловский район; по Северн. Кавказу — Кущевский район.

В настоящее время в системе хлебной кооперации имеется уже 19 показательных районов, следующим образом распределяемых по районам: Северный Кавказ — 6, ЦЧО — 4, Крым — 2, Урал — 1, Татреспублика — 1, Башреспублика — 1, Средне-Волжский район — 1, Нижне-Волжский район — 3 показательных района.

В настоящее время выделены, по соглашению с местными органами, в качестве показательных следующие районы:

1) По ЦЧО — Ржаксинский и Инжавинский районы Тамбовского округа.

2) По Средне-Волжской области — Кинельский район Самарского округа.

3) По Нижне-Волжской области — Краснокутский район Немреспублики.

4) По Северному Кавказу — Воловский район.

В двух районах Тамбовского округа, которые были выделены, в первую очередь осенью прошлого года зяблевая вспашка была проведена почти на 90%, также заканчивается поселенное и внутри хозяйственное землеустройство.

* * *

Результаты трех первых кампаний по контрактации зерновых посевов, несомненно, огромны. В последней яровой кампании в районах контрактации хлебная кооперация охватили от 40 до 50 проц., а в некоторых районах даже до 90% всего ярового клина под хлебами. Но можно с полной ответственностью утверждать, что итоги были бы гораздо значительнее, если б было

усвоено, наконец, что контрактацию нельзя проводить, не распоряжаясь кредитом и снабжением крестьянских хозяйств, что контрактация только тогда сможет принять подлинно производственный и подлинно массовый характер, когда она будет опираться на всю массу материальных средств, направляемых в деревню.

Мы выше уже показали, что авансы становятся слишком шаткой базой для здорового развития контрактации. Контрактация, построенная на одном лишь принципе авансирования может превратиться в колосс на глиняных ногах.

Принцип специального авансирования уже превзойден в процессе развития контрактации, он уже не соответствует той огромной роли, которую контрактация призвана сыграть в развитии нашего сельского хозяйства. Необходимы иные хозяйственные стимулы, способные побудить крестьянство контрактовать свои посевы и оставить авансы, главным образом, для помощи, наиболее неимущим, безынвентарным, бедняцким хозяйствам.

Вместе с тем чисто рыночный стимул, содержащийся в надбавках к заготовительной цене и легший в основу безавансовой контрактации, несмотря на всю свою ценность, в настоящих условиях разрыва между заготовительными и рыночными ценами уже может оказаться недостаточным. Необходимо изыскать более веские, более действенные побудительные моменты.

В резерве хлебной кооперации частично имеется другой источник средств для развертывания контрактации, источник, мощность которого трудно определить, но который, несомненно, призван сыграть решающую роль в дальнейшем развитии контрактации. Это — область производственного кредитования и снабжения, открывающая богатейший арсенал средств хозяйственного стимулирования контрактации зерновых посевов. Этот источник должен быть целиком в ее распоряжении, за исключением той части, которая идет в распоряжение совхозов.

Вряд ли придется долго доказывать, что одним из наиболее вопиющих дефектов нашей работы в деревне до сих пор заключался в том, что мы не задавались целью все производственные кредиты, все машиноснабжение, агрообслуживание, снабжение чистосортными семенами и проч. теснейшим образом увязать с плановым воздействием на производственные процессы крестьянских хозяйств, что мы оставляли совершенно неиспользованным этот могучий рычаг производственного воздействия на крестьянское хозяйство.

Кроме обычных 6—7% годовых, отпуск производственных кредитов, по существу говоря, не обусловливался ничем. Снабжение средствами сел.-хоз. производства в подавляющем большинстве случаев не обставлялось никакими обязательствами рационального использования их посевщиками. Кредиты и средства пускались в море

крестьянских хозяйств „без руля и без ветрил". Это — темнейшая сторона финансирования и машиноснабжения нашего сельского хозяйства. На это зло нельзя переставать указывать, ибо здесь коренится одна из важнейших причин того хаотического и расточительного использования средств сел.-хоз. производства, о котором так ярко говорят недавно опубликованные материалы НК РКИ по обследованию советских органов, работающих в деревне.

По этим материалам не менее $^2/_3$ чистосортного семенного материала в 1927 г. уходило или на продовольственные нужды или же распылялось по случайным индивидуальным хозяйствам и, таким образом, теряло свои селекционные достоинства и обесценивались.

В высокой степени характерны цифры о степени нагрузки сел.-хоз. машин и орудий. По этим же данным земельных органов у нас на один триер приходится 250 центн. зерна в год, между тем как при надлежащем использовании машины за то же время можно пропустить до 2.500 центн. Иными словами, имеющиеся в настоящее время в сельском хозяйстве 30.000 триеров производят у нас ту же работу, какую могли бы выполнить 3.000 триеров. Та же картина в отношении тракторов. Опыт тракторных колонн показал, что один трактор в переводе на пахоту может обработать в среднем до 200 центн. Наши же тракторы, вследствие их распыленности и неполной нагрузки (нагрузка в 30—35%) едва выполняют $^1/_3$ нормальной производственной работы. В результате наши наличные тракторы (около 30.000 штук) достигают того же производственного эффекта, какой могла бы при правильном использовании достигнуть треть этого числа. „Иначе говоря,—читаем мы в материалах НК РКИ,—мы можем втрое против нынешнего увеличить значение тракторов и впятеро увеличить значение триеров, совершенно не увеличивая даже количества тракторов и триеров, а только полностью их нагружая". Не менее скверно используются и наши прокатные пункты.

Вот несколько поистине скандальных фактов.

По материалам обследования 32 прокатных пунктов в Саратовской губ. орудия по под'ему почвы работали в среднем 4 дня в году, сеялки—6 дней, уборочные машины—4 дня, молотилки—23 дня, зерноочистительные машины—6 дней. По Белоруссии на проверенном инспектором РКИ прокатном пункте сеялки были использованы на территории 9 *га* в 1926 г. и на 7 – в 1927 г. В Воронежской губ. одна сеялка прокатного пункта работала в среднем 3 дня, уборочная машина—4 дня, пахотное орудие – 1,8 дня (Бобровский уезд) и т. д.

Нужны ли более яркие доказательства нашей расточительности в использовании тех скудных средств сел.-хоз. производства, которые у нас имеются, расточительности, вызываемой полнейшим отсутствием плана расходования и распределения наличных средств.

Бесплановости в финансировании и снабжении крестьянских хозяйств средствами производства нужно решительно положить конец. Этот вопрос со всей остротой ставится ныне сел.-хоз. кооперацией.

Создание солидного специального фонда контрактации было бы и чрезвычайно затруднительным и нецелесообразным. Это означало бы разбить всю массу средств, направляемых в деревню, на два русла и тем ослабить силу каждого из них в отдельности. Это значило бы заранее сузить размах контрактации очертить вокруг нее предел, кои не преидеши, обречь контрактацию на роль островка в безбрежной стихии крестьянских хозяйств.

Огромное революционизирующее значение контрактации, долженствующей стать основным стержнем нашей работы в деревне, требует большего. Постепенно „вгрызаясь" в толщу крестьянства, охватывая массив за массивом, об'единяя на почве производственного кооперирования миллионы индивидуальных крестьянских хозяйств, контрактация должна стать главнейшей организующей силой сельского хозяйства. И это обязывает подчинить весь план производственного кредитования сельского хозяйства плану контрактации, весь поток производственной помощи крестьянству, направляемый по всем основным каналам—по линии землеустройства, мелиорации, в фонд реконструкции ЦЧО, в фонд бедноты, все машинное и семенное снабжение и пр., пустить, прежде всего, в районы контрактуемых хозяйств. И, наоборот, нужно проводить массовую контрактацию в тех районах, куда эта помощь земорганами направляется. Каждая копейка, направляемая нами в деревню, должна быть обставлена обязательством со стороны посевщика вступить в производственное об'единение (посевное товарищество, товарищество по совместной обработке земли и др.), проводить строго определенный минимум агротехнических улучшений и сдавать определенную часть товарного зерна в кооперацию. Разумеется, это ни в коей мере не должно внести какого-либо изменения в нашу классовую политику распределения производственных кредитов и средств производства. Все кредиты и машины должны направляться исключительно в бедняцко-середняцкие хозяйства.

Все производственное кредитование и снабжение, идущее в деревню, должно рассматриваться как своего рода „аванс" под обязательство посевщика выполнить договор на контрактацию посевов. И только тогда контрактация станет подлинным орудием переустройства деревни, только тогда она превратится в надежное средство развития зернового хозяйства на социалистических началах.

В контрактации посевов должны быть живейшим образом заинтересованы и наши кредитующие и снабженческие организации. Элементарная хозяйственная целесообразность должна диктовать

им необходимость теснейшим образом увязывать все машиноснабжение и кредитование сельского хозяйства с контрактацией. Пора перейти к расчетливому использованию наших скудных технических средств, к сосредоточению их, главным образом, на тех участках сельскохозяйственного фронта, которые обеспечивают им наибольшую эффективность. На развернутом фронте борьбы с отсталостью нашего зернового хозяйства самые надежные в этом отношении позиции находятся в руках хлебной кооперации, строящей всю свою работу на контрактации посевов.

Вопрос об увязке производственного кредитования и снабжения с планом контрактации, несмотря на его совершенную ясность, до сих пор еще полностью не разрешен. До сих пор хлебная кооперация все еще гоняется за ясным и безоговорочным ответом и не получает его. А всякое колебание, всякая половинчатость в этом основном, кардинальном вопросе хлебной кооперации грозит свести на-нет значение контрактации, сломать это ценнейшее орудие реконструкции крестьянского хозяйства. К этому вопросу сводятся все больные вопросы хлебной кооперации. Всякие иные меры, кроме указанных, были бы лишь паллиативами и отдалили бы цель, к которой идет сел.-хоз. кооперация,— к последовательно социалистическому переустройству деревни на основе производственного кооперирования крестьянских хозяйств.

М. Аронович

Задачи стандартизации в реконструкции промышленности

В разрешении проблем реконструкции промышленности, поднятия ее на более высокую техническую базу чрезвычайно важно правильно выбрать основные факторы, которые приводят кратчайшим путем к решению этих проблем. По пятилетнему плану развития промышленности общая сумма капитальных вложений в промышленность на протяжении пятилетия должна составить около 18 миллиардов рублей (в ценах 1927 г.), которые в значительной степени должны быть взяты из накоплений самой промышленности за счет ее рационализации. Достаточно сказать, что директивное снижение себестоимости на пятилетие составляет 35% (37,5% по группе *А* и 32% по группе *Б*), по строительству же — 47%. Выполнение этих задач, от которых зависит успех всего нашего социалистического строительства, возможно только при максимальном использовании в промышленности последних идей и достижений в области науки, техники и организации, которые должны изменить полностью физиономию промышленности, поставив ее на ряду с наиболее передовыми капиталистическими странами. В частности, для ближайших лет образцовыми для нас должны быть методы и, в особенности, организация производства С.-А.С.Ш.

Характерной чертой современной американской промышленности, выдвигающей ее по количеству и по дешевизне продукции на первое место, несомненно является массовость производства стандартных изделий. Стоимость автомобиля на предприятиях Форда и Дженераль Моторс, при выпуске тысяч штук в день, составляет 300 долл., на европейских заводах при выпуске сотен автомобилей они в 5 раз дороже, на нашем заводе „АМО“ при выпуске единиц — в 10 раз дороже. Постановление III пленума ЦКК о рационализации производства прямо указывает, что „необходимо поставить главной задачей для всех отраслей промышленности переход от универсального производства к массовому обеспечивающему повышенный выпуск продукции, на базе пониженной себестоимости и повышенного качества изделий“. Обязательным условием для проведения массового производства является предварительная стандартизация и в этом смысле роль последней в реконструкции является исключительной.

Реконструкция нашей промышленности в основном протекает в двух направлениях: 1) по линии рационализации, представляющей собой перестройку технико-производственного и организационного аппарата в пределах существующего основного капитала и 2) по линии реконструкции, не ограничиваемой прежними рамками, а проводимой на основе максимального и наиболее эффективного использования наших производственных преимуществ (естественных богатств СССР, возможностей заимствования мировых технических достижений нашего планового хозяйства и т. д.).

Каковы задачи и возможности стандартизации при ее проведении на существующих предприятиях? Устанавливая ассортиментные и типовые стандарты изделий, мы облегчаем возможность проведения всех рационализаторских мероприятий, сопутствующих массовому производству. При наличии стандарта изделия, раньше всего становится возможной специализация предприятия. При этом, даже при отсутствии какого-либо переоборудования, возрастают все технические и экономические показатели производства. При наличии стандарта продукции становится возможной полная стандартизация всего производства, наблюдаемая сейчас на многих американских предприятиях[1] (стандартизация сырья, поступающего на завод, полуфабрикатов при их переходе из цеха в цех, многих технологических процессов, методов контроля и учета и т. д.). Таким образом, стандартизация продукции облегчает возможности нормализации всего производства, изучение его, нахождение наиболее рациональных методов, устранение всех потерь в производстве, во времени, в материале, в человеческом труде. В этом направлении в нашей промышленности, как известно, имеются громадные резервы как по поднятию производительности труда, так и по удешевлению продукции.

Стандартизация дает возможность провести и более широкие мероприятия по рационализации. При наличии стандарта оправдывается установка специальных автоматов, приспособленных только для данного изделия, что несет с собою громадное повышение производительности труда. Только при наличии специализированного массового производства становится возможной поточная система, представляющая собой жестоко стандартизованное во времени и пространстве, да и во всех остальных деталях, производство. При наличии стандарта изделий облегчается кооперирование нескольких предприятий, где каждое изготовляет детали изделия, подлежащие сборке на специальных сборочных заводах.

В мировой рационализаторской практике имеется не мало примеров, служащих подтверждением сказанному. Американская автомобильная промышленность идет именно по пути предварительной

[1] Такую работу уже производят и некоторые наши наиболее передовые заводы — Харьковский электр.-механ. завод, завод „Динамо“ в Москве, некоторые ленинградские металлозаводы и др.

стандартизации, что и привело ее к значительным достижениям в области себестоимости. Здесь речь идет не об общеамериканских стандартах, которых очень немного и которые охватывают только некоторые общие детали машин, а о стандартах отдельных фирм.

Преимущества нашего планового хозяйства, позволяющие устанавливать обязательные стандарты, дают также и большие возможности по повышению эффективности стандартизации. Необходимо только, чтобы вслед за установлением стандартов в промышленности действительно проводились бы те рационализаторские мероприятия, которые стандартизация вызывает, иначе все ее значение будет сведено к нулю. Так, например, в ближайшее время вводится единая система допусков, дающая громадные возможности по кооперированию предприятий машиностроения. Но если мероприятия по специализации и кооперированию не будут осуществляться, значение нашего нового стандарта будет значительно снижено. В этом отношении у нас наравне с благоприятными фактами имеются также и весьма неблагоприятные. Так, на наших заводах имеются чрезвычайно широкие ассортименты болтовых изделий и инструментов, далеко не соответствующие установленным стандартами сокращенным сортаментам (в частности, на некоторых заводах применяются наборы сверл с изменениями через 0,1 *мм*). В результате излишне больших и произвольных ассортиментов почти все заводы сами заготовляют для себя болтовые изделия и инструмент. Проведение установленных стандартов в жизнь, централизация производства на специальных заводах, что вполне возможно благодаря стандартизации, могли бы сэкономить металло- и электропромышленности большие средства. То же можно сказать и в отношении стандартизуемых чистых резьбовых изделий, валиков, шпонок и т. п., которые в настоящее время изготовляются для собственных надобностей всеми нашими заводами совершенно кустарными способами. Необходимо централизовать изготовление чистых изделий и снабжение ими заводов, что может быть осуществлено только при выпуске чисто-тянутых металлов, которые, однако, теперь почти не производятся.

На ряду с этим мы имели случаи очень эффективного проведения стандартов в промышленности. Так, при сокращении ассортимента хлопчато.-бумажн. тканей, произведенном ВСНХ, из 2.626 сортов тканей, производившихся в 1924 г., к 1927 г. оставлено в производстве лишь 187. В дальнейшем текстильными трестами была проведена специализация фабрик по немногим сортам этих тканей; на ф-ке „Пролетарская“ в Твери число сортов готового товара снижено с 500 до 42, Саввинская мануфактура в количестве 538 станков вырабатывает только один сорт товара; ее прядильная фабрика заготовляет только два номера пряжи. Точно также после сокращения сортамента черных прокатных изделий ряд металлургических заводов специализировал свои цеха. На завое им. Дзержинского число прокатываемых размеров в 1927/28 г. составляло только 4% от числа их в

1913 г. (56 размеров вместо 1.312); на завод им. Томского соответственно 6% (93 и 1.592 размера). По некоторым прокатным цехам удалось достигнуть того, что прокатка идет по 10 дней и более без перерыва, тогда как раньше перевалка производилась почти ежедневно. По мелкосортному стану № 6 завода им. Петровского в результате сокращения ассортимента и специализации цеха среднемесячная производительность с 1.745 тонн в 1924/25 г. возросла до 3.360 тонн в 1927/28 г., что составляет 192% от первоначальной цифры.

Имеющиеся немногие примеры выявленной эффективности наших стандартов указывают на большие возможности в этом направлении. Так, по данным Ленинградского спичечного треста экономия от введения нового стандарта спичек дала снижение себестоимости ящика спичек на 20 коп. При выпуске годовой продукции свыше 5 млн. ящиков экономия должна составить около одного миллиона рублей. Введение стандарта на гильзы и упаковку папирос по одному только Ленинградскому тресту уже дало около 600 тыс. экономии. По всем фабрикам экономия от этого стандарта (несмотря на то что он еще не подлежит проведению полностью) должна составить в текущем году свыше 5 млн. руб. По линии маслобойной промышленности введение стандартной нормы содержания масла в жмыхах увеличило выход масла, годовая стоимость которого оценивается в сумме около 800 тыс. руб. (к сожалению, на практике мелкой промышленности имеются отступления от этого стандарта). В результате введения нового стандарта кирпича стоимость кирпичных зданий должна снизиться не меньше чем на 2%.

Подсчеты эффективности стандартов очень трудны, но многие факты позволяют утверждать о громадном рационализирующем влиянии, какое имеют наши стандарты в существующей промышленности. Еще большую значимость приобретают задачи, которые стоят перед стандартизацией при реконструкции промышленности, в смысле обновления ее основного капитала.

При постройке новых предприятий, при коренной перестройке старых (как это намечается, например, по заводам Гомзы и Югостали) мы уже должны обязательно ориентироваться на массовые способы производства, на обязательную стандартизацию продукции. Для машиностроительных заводов это, в частности, обозначает выбор определенного типа изделий с минимальными вариациями, ибо в современном машиностроении вся техническая и организационная структура предприятия, расположение его зданий, специальное оборудование и т. д.,—все должно быть рассчитано только на этот единый тип, выбранный еще до составления проекта. Только при выполнении этих условий можно рассчитывать на постройку современного предприятия массового и дешевого производства. В настоящее время это уже осознано, и для вновь строящегося автомобильного завода во всех инстанциях совершенно правильно ведется спор

о типе машин. В недавнее же время, при постройке сталинградского тракторного завода, этот вопрос не был обсужден с достаточной полнотой и в тип трактора были внесены изменения тогда, когда строительство уже началось. Несомненно, что изменение обойдется в значительную сумму, и единственным утешением здесь может быть только то, что вновь выбранный тип будет действительно отвечать нуждам сельского хозяйства и основным линиям политики в данном вопросе.

Но вот пример, который относится к более ранним временам (1926 г.). При постройке Ростовского комбината сел.-хоз. машин, который должен обойтись в 45 млн. руб., не были твердо установлены типы машин подлежащих изготовлению на заводе. Производственные программы и типы менялись уже в момент постройки, и можно заранее сказать, что, в результате, технико-экономические показатели вновь строящегося завода далеко не достигнут тех цифр, какие можно было бы ожидать при рациональном выборе типов машин до проектирования завода.

При имеющихся тяжелых уроках тем более недопустимым является отсутствие до последнего времени окончательного типа большегрузного вагона, который должен быть предложен нашими транспортными органами. Несомненно, строительство новых заводов большегрузных вагонов при отсутствии типа этих вагонов — недопустимо.

В одинаковой мере все сказанное о предварительном выборе типа продукции, который должен служить основой массового производства, может быть отнесено к реконструкции любого производства. Стандарт изделия представляет в настоящее время для каждого вновь строящегося предприятия генеральное задание, по технико-экономическим показателям которого должно вестись проектирование.

Установление до начала проектирования научно-обоснованного стандарта могло бы избавить нас от многих из тех ошибок, какие имеются в нашем капитальном строительстве. Так, тщательная проработка вопроса о стандарте продукции для реконструируемого Керченского металлургического завода не могла бы быть произведена без стандартизации сырья — руды, флюсов и т. д. При этом стало бы ясно, что керченская руда не может быть пущена в доменное производство без предварительной агломерации в специальных печах; точно также выяснилось бы высокое содержание кремния, что требует дополнительного устройства так называемых форфришеров. Но эти обстоятельства были почему-то выяснены уже после пуска завода в ход. В результате всех недосмотров Керченский завод обойдется во много раз дороже первоначально намеченной цифры, пуск его может быть произведен только при условии прибавки к керченской руде 50% дефицитной криворожской руды и временном пропуске всего чугуна перед томасов-

скими конвертерами через вагранки. Чтобы устранить все эти ненормальности, понадобятся специальные устройства и, несомненно, стоимость керченского чугуна в ближайшие годы будет выше, нежели на старых предприятиях Югостали. Пример керченского завода является отличным показателем того, как не надо проектировать при капитальном строительстве. Точно так же, как в свое время понадобилось специальное постановление правительственных органов о воспрещении строительства без наличия проекта, теперь назрела необходимость издания нового постановления, воспрещающего проектирование без наличия стандарта продукции.

Все сказанное о значении стандартизации в капитальном строительстве далеко не исчерпывает всех задач в реконструкции промышленности, ибо они значительно шире. Стандартизация должна вмешаться в самую глубь реконструктивных процессов, поставить вехи для этих процессов в виде стандартов, при чем самое главное—заблаговременно расставить их в перспективных планах промышленности. Эта задача определяет и очередность работ по стандартизации, ибо если мы, например, принимаем, что в основу всей реконструкции промышленности ставится электрификация, то необходима, в первую очередь, разработка стандартов в этой области. И в самом деле, о каком широком плане электрификации можно говорить не имея стандартов напряжений для электропередач или основных стандартов для электромашин и трансформаторов, для сельских агрегатов и т. п.?

Связываясь с проблемой реконструкции, стандартизация не может пройти, например, мимо проблемы сырья, которая в продолжение всего ближайшего пятилетия будет стоять весьма остро. Проблема использования новых видов сырья, увеличения процента суррогатов, замена органических видов сырья неорганическими, над чем работает вся современная техника, должна получить свое отражение в стандартизации. Замена нефти продуктами каменноугольной перегонки, натурального шелка, шерсти, каучука, кожи — искусственными продуктами, замена дефицитных цветных металлов другими,— все эти вопросы должны войти в программы нашей стандартизации.

Еще пример. Реконструкция горнорудного дела и металлургии для ближайшего времени будет протекать под знаком широкого применения обогатительных устройств всякого рода — аггломерационных, флотационных и т. д. Стандартизация должна обслужить эти новые устройства. Точно также, учитывая постройку новых тракторного и автомобильного заводов, необходимо в первую очередь разработать стандарты для специальных сталей, крайне важных для этих машин.

В связи с задачами, стоящими перед стандартизацией при реконструкции промышленности, понадобится изменение всей методики работ. В настоящее время наши стандарты, созданные

для текущих потребностей народного хозяйства, как и в заграничной практике стандартизации, отражают производственные возможности существующих предприятий и настоящего дня. Для нужд же реконструируемой промышленности нам нужны другие стандарты, соответствующие основным задачам реконструкции в данной отрасли.

Если в настоящее время нами установлен стандарт суперфосфата, соответствующий возможностям наших суперфосфатных заводов, то для реконструируемой на новых принципах фосфоритной промышленности нужны особые стандарты. Эти стандарты должны служить как бы заданием при проектировании новых предприятий. То же в области нефтепродуктов, где нужны специальные исследования по свойствам наших нефтей и их использованию, благодаря появлению в последнее время новых факторов — тракторных потребителей, газовых и крэкинговых бензинов и т. д. То же для многих химических продуктов, для которых уже нами установлены технические стандарты; однако, для нужд реконструирующейся промышленности, возможно, понадобятся иные стандарты, так называемые „рациональные". В этом смысле необходима теснейшая увязка стандартизации с нашими научно-исследовательскими институтами. Последние должны получать задание по обследованию разных вопросов, относящихся к стандартизации, и наоборот—достижения научно-технических институтов, проверенные на практике, должны вводиться в стандарты и, таким образом, передаваться в промышленность. Это в равной степени относится к стандартам машин, орудий и двигателей, улучшенные типы которых должны изыскиваться в особых научно-исследовательских институтах, еще отсутствующих в настоящее время.

Таковы те огромные задачи, которые стоят перед стандартизацией при рационализации нашей промышленности и всей ее реконструкции. Для правильного решения этих задач, для достижения той эффективности, которую мы в праве ожидать в обстановке нашего планового хозяйства, необходимо проведение стандартизации по определенному плану. Проблема плановости и очередности, проблема увязки с перспективными планами промышленности становится основной.

Известное постановление ЦКК ВКП(б) о рационализации, отмечая наличие определенных достижений в области стандартизации, указывает в то же время, как на основной дефект, на отсутствие достаточной плановости работ по стандартизации и связи их с перспективными планами развития промышленности. Постановление ЦКК дает определенные директивы к составлению этих планов стандартизации.

Необходимость и важность составления такого перспективного плана чувствуется всеми участниками работ по стандартизации. Работы эти получили в последнее время значительное развитие, количество стандартов, утвержденных к обязательному применению уже

достигает 560, количество проектов находящихся в разработке превышает 1.000. Но, несомненно, благодаря отсутствию плановости в этих работах, а главное отсутствию достаточной увязки с планами промышленности, эффективность этих больших работ значительно снижается.

В работах по промышленной стандартизации до последнего времени этого общего плана не было. Работы производились по годичным программам, стремившимся удовлетворить текущие и срочные нужды народного хозяйства по сокращению безобразно больших ассортиментов (текстиль, прокат), по установлению качественных стандартов на наиболее употребительные материалы и изделия. В число первых об'ектов стандартизации попали все, имеющие наибольший рыночный удельный вес, и вот почему при наличии 560 стандартов стоимость стандартизованной продукции составляет не менее 40% всей продукции промышленности. Подобное направление работ на первых порах было вполне естественно, но в настоящее время оно уже не удовлетворяет запросам народного хозяйства, основным задачам той технической революции, которая происходит в промышленности на наших глазах. С удовлетворением первых нужд (а в настоящее время можно говорить о значительном удовлетворении стандартами целых отраслей, в первую очередь, химической, пищевкусовой, топливной, частично текстильной и металлической), необходима разработка общего плана дальнейших работ по стандартизации. Этот план должен быть теснейшим образом увязан с пятилетним планом самой промышленности, ибо как самостоятельный план он не имеет никакого значения и смысла. План стандартизации, наравне с остальными мероприятиями по рационализации, должен входить в планы промышленности, находя отражение в элементах себестоимости, качества, характера производства (специализация, кооперирование предприятий).

Основной проблемой в нашем плане стандартизации является проблема об'ема и темпа работ. В настоящее время работы в ВСНХ СССР производятся в 120 комиссиях и все же имеются еще отрасли промышленности, до сих пор не охваченные работой по стандартизации. Из таких отраслей можно назвать прежде всего горнорудную со многими ее разделами, как железорудную, золото и серебро-рудную, азбестовую, графитную, озокеритовую и многие другие. Стандартизация во всех этих областях крайне важна. Так, обследование доменного хозяйства Югостали показало, что отсутствие стандарта железных руд отрицательно отзывается на качестве и себестоимости металла; по нашему азбесту, несмотря на его высокое качество, мы в результате отсутствия стандарта при экспорте недовыручаем большие суммы. В области металлопромышленности некоторые значительные отрасли, как, например, производство металлотоваров для широкого рынка — скобяных, железной, посуды и т. д., также остаются вне стандартизации. По всем этим отставшим отраслям работы должны быть начаты уже в ближайшее время.

Что касается общего темпа работ, то он несомненно может быть значительно усилен. Если количество стандартных листов, выпускаемых в Германии в настоящее время, превышает 500—600 в год, то в наших, исключительно благоприятных условиях имеются все данные за то, чтобы это число превысить уже в ближайшие годы. До настоящего времени количество утверждаемых у нас стандартов ежегодно составляло: в 1925/26 г.—30; в 1926/27—100; в 1927/28—220. По расчетам число утверждаемых стандартов в годы ближайшего пятилетия должно составить: в 1928/29 г.—350; в 1929/30 г.—500; в 1930/31 г.—700; в 1931/32 г.—900 и в 1932/33 г.—1.300. Таким образом, к концу пятилетия общее количество стандартов должно составить не менее 4.000.

Проблема темпа в нашей работе по стандартизации остается основной и она должна найти свое отражение в пятилетнем плане, как минимум в приведенных цифрах.

Намечая для промышленной стандартизации „контрольные" цифры такого порядка, мы должны при этом правильно разрешить проблему последовательности и первоочередности, чтобы итти вровень с запросами реконструирующейся промышленности. Раньше всего здесь возникает проблема капитального строительства и новых производств, о которой мы уже говорили выше. Соответственно планам нового строительства, планы стандартизации должны быть построены таким образом, что бы ни одно предприятие не приступало к постройке и проектированию, не имея необходимого стандарта. Введение новых методов в производство на основе как иностранной практики, так и достижений наших научно-технических институтов, должны быть равно учтены при составлении планов стандартизации. Последнее обстоятельство требует поэтому тесной увязки не только с пятилетними планами промышленного развития, но и с пятилетками научно-исследовательской работы в Союзе.

Установление стандартов для новых производств, повидимому, не только потребует составления новых стандартов, но и пересмотра старых, что обязательно должно быть учтено при составлении плана. Можно приблизительно считать, что все стандарты должны обязательно пересматриваться один раз в 4—5 лет и, следовательно, в ближайшем пятилетии должно быть пересмотрено не менее 25% всех стандартов от намечаемых нашими „контрольными" цифрами.

Наравне с проблемой новых производств очередность в выборе об'ектов должна решаться соображениями экспорта и импорта. Развитие народного хозяйства Союза в сильнейшей степени зависит от развития промышленного экспорта, поэтому удовлетворение экспорта стандартами является неотложной задачей.

У нас есть не мало примеров убыточности наших выступлений на заграничных рынках без товарных стандартов, как это было при экспорте щетины, костяного клея и др. Что касается импорта, то здесь важна стандартизация ввозимого оборудования, дабы не засорять попрежнему рынка разнородными и неподходящими типами, как это сейчас происходит. В той же степени важны технические условия приема импортных материалов и оборудования, которые должны служить для защиты потребителей СССР от возможности ввоза недоброкачественных товаров.

Максимальное отражение в перспективном плане работ по стандартизации должна найти проблема энергетики, поскольку последняя представляет базу для всей работы по реконструкции промышленности. Необходима выработка стандарта для основных видов топлива, что могло бы разрешить важнейшую задачу по правильному районированию топлива и топливоиспользования.

Необходима также выработка стандарта для предметов оборудования энергохозяйства — паровых котлов, двигателей и т. д.

К приведенным основным задачам построения пятилетних планов по своей важности примыкает проблема стандарта машиностроения и оборудования для всех отраслей промышленности. Можно считать несомненным, что основным показателем индустриализации всякой страны в настоящее время надо считать степень развития в ней машиностроения. Это легко видеть на примерах Соед. Штатов и Германии и, в особенности, Франции, чрезвычайно развившей в последние годы свою промышленность, именно на почве собственного машиностроения. Проблема машиностроения важна для нас и потому, что она решает также проблему независимости в развитии всех отраслей промышленности.

До настоящего времени работы по стандартизации оборудования развивались у нас сравнительно слабо, — кроме небольшого числа рабочих по текстильному и нефтяному оборудованию, а также известных работ, проделанных машиностроительными трестами (Гомзы, Ленмаштреста, Укрсельмаш, ГЭТ) в порядке специализации своих предприятий, у нас ничего не сделано. Между тем, здесь возможны особенно большие достижения, которые должны иметь исключительное значение как для потребителей оборудования, обеспечивая получение массовой, дешевой и испытанной машины, так и в особенности облегчить постановку машиностроения по целому ряду отраслей, оборудование для которых у нас в прошлом не производилось, как-то для химической, пищевкусовой, текстильной, кожевенной, бумажной, для строительства и других отраслей. Работа по стандартизации оборудования слишком велика, чтобы ее можно было выполнить в центре; повидимому, задачей центральных органов стандартизации должно быть установление типовых машин, разработка же нормализованных деталей должна быть всецело работой соответствующих заводов. Так или иначе, работа по стандартизации

оборудования должна обязательно войти в планы всех отраслей промышленности и притом в планы ближайших лет, тем более, что по целому ряду отраслей стандартизация продукции закончена. Первая работа ВСНХ в области текстильного и нефтяного оборудования указывает на широкие возможности в этом направлении.

Работа по стандартизации машиностроения должна войти в планы всех отраслей, но все же имеется ряд отраслей, в которых эти работы особенно важны и должны получить особое место в общем плане стандартизации промышленности. Сюда относится в первую очередь сел.-хоз. машиностроение всю важность которого для реконструкции сельского хозяйства трудно переоценить. Далее особое внимание в пятилетнем плане должно быть уделено проблеме, станкостроения, являющегося основой всего машиностроения. Кроме того, авто-и авиостроение по своему особому значению для нашей страны должны также найти специальное отражение в пятилетнем плане. Как общая проблема для всего машиностроения, стоит проблема введения в практику нашего машиностроения производства по калибрам, что только и может обеспечить переход на систему массового производства. Последнее требует скорейшего введения в практику единообразной системы допусков.

Вопрос о стандартизации в области строительства, в частности промышленного, необычайно актуален. Стандартизация в строительстве должна и может, в наших условиях, охватить не только строительные детали — окна, двери, лестницы, перекрытия и др., которые могут в дальнейшем заготовляться массовым путем на специальных заводах. Несомненно, введение в практику жилищного и промышленного строительства жестко нормализованных деталей будет служить источником значительной экономии. Стандартизация в наших условиях может быть распространена на огромную массу подсобных зданий и сооружений для промышленности — склады, кочегарки, баки и т. п., которые проектируются и строятся при каждом тресте и предприятии. Наконец, в последнее время становится ясным, что задачи стандартизации в новом строительстве еще шире и могут быть распространены на целые цеха и предприятия промышленности.

Внимание советской общественности обращено большей частью на строительство гигантов нашей индустрии—Днепрострой, Магнитострой и т. п. Значительно меньше внимания обращено на громадное строительство в промышленности среднего и мелкого масштаба, проходящего, главным образом, по легкой индустрии (группе *Б*) в отраслях пищевкусовой промышленности — консервной. маслобойной, крахмало-паточной и т. п., в кожевенной, швейной, льно- и хлопкообрабатывающей, деревообрабатывающей, спичечной и т. д. Частично это мелкое строительство захватывает и промышленность строительных материалов — заводы (кирпичные, черепичные и т. п.). Новые

предприятия в этих отраслях строятся по индивидуальным проектам, изготовлямым каждый раз для данного случая, проектируются во многих случаях нерационально, дорого, с ошибками и опозданием. Между тем, здесь в огромном большинстве случаев может быть проведено типовое проектирование, где в центре разрабатываются совершенно рациональные типовые проекты кирпичных, консервных и т. п. заводов, которые в дальнейшем аппробируются нашими научно-техническими организациями и издаются в виде стандартов. Типовое проектирование уже давно существует на железных дорогах, где типовые здания, мосты, мастерские и т. д. стали обычным делом.

При ознакомлении с возможностями типового проектирования можно было убедиться, что здесь заложены источники громадной экономии, до сих пор еще мало использованные в нашем строительстве. На последней сессии Гипромеза было обращено внимание что в капитальном строительстве такой отрасли, как тяжелая металлургия, вполне возможно типовое проектирование и строительство домен и их деталей, мартеновских и генераторных печей и т. д. То же можно сказать и о строительстве шахтном, нефтеперерабатывающих заводах и т. д.

Практика нашего капитального строительства и проектирования указывает, кроме того, на значительную разницу в технико-экономических коэфициентах, существующую в различных проектах. Так, на той же сессии Гипромеза выяснилось, что при проектировании двух мартеновских устройств в почти одинаковых условиях взяты были различные расчетные коэфициенты, что и привело к значительной разнице в стоимости сооружения и себестоимости продукции. В другом случае по одному проекту кирпичного завода, рассчитанного для производства в год от $3^1/_2$ до 4 млн. штук кирпича (Чувашская АССР), стоимость завода исчислена в 342 тыс. руб. и эффективность капитальных затрат на 1.000 штук кирпича определяется суммой 90 руб. По другому проекту кирпичного завода, с производством 3 млн. штук кирпича в год (Марийская автономная область), стоимость завода исчислена в 212 тыс. руб. и эффективность затрат на 1.000 штук кирпича в 70 руб. По третьему же проекту кирпичного завода для производства 2,7 млн. штук кирпича в год (Северо-Двинский ГСНХ), стоимость завода исчислена в 263 тыс. руб., а эффективность затрат в 97 руб.

Мы видим, таким образом, что первый проект превышает по производственной мощности второй на 25%, по стоимости же он оказывается дороже второго на 60%. Что же касается третьего проекта, то он по своей мощности меньше второго проекта на 10%, а по стоимости превышает на 24%.

Такую разницу можно было бы еще понять, если бы проектирование этих заводов осуществлялось разными организациями. Но все дело в том, что названные три проекта разработаны одной и той же проектной конторой „Стромстрой".

Необходима работа по стандартизации методов проектирования, установлению стандартных расчетных формул и коэфициентов. Все указанные мероприятия должны иметь своим следствием жесткую нормализацию всего процесса нашего капитального строительства от начала проектирования до конца постройки, короче, нормализацию всего дела технической реконструкции промышленности.

Можно думать, что с проведением этих мероприятий мы вернее всего приблизимся к разрешению труднейшей задачи, поставленной перед строительством — снизить стоимость к концу пятилетия на 47% (по отношению к 1927 г.).

В области стандартизации сырья, — сел.-хоз. и промышленного, — мы имеем уже некоторое достижение, но все же мы еще далеки от завершения этих работ. Правильная стандартизация сырья должна иметь не малое значение в вопросе его заготовки и эффективного использования, почему стандартизация сырья, увязанная с соответствующими стандартами продукции, должна найти свое место в перспективных планах стандартизации.

Наконец, соответствующее место в планах стандартизации должен занять вопрос о таре и упаковке товаров. Внимание наших хозорганов и советской общественности в последнее время привлечено к вопросу о крупных потерях, которые несет наша промышленность в связи с отсутствием рациональных стандартов упаковки, первые же работы, проведенные в этой области, указывают на их значительную эффективность. Вот почему вопросы стандартизации тары и упаковки должны получить свое отражение в планах стандартизации на протяжении всех лет ближайшего пятилетия.

Основные направления стандартизации в пятилетнем плане, которые мы приводили до сих пор, определяют очередность работ по соображениям, главным образом, экономического порядка. Наряду с этим, с так называемой размерной стандартизацией существует еще проблема технического внутреннего порядка, которая в значительной мере обусловливает порядок работ и влияет на принципы составления плана; это — внутренняя зависимость между стандартами, которая в интересах эффективности всей работы обязательно должна приниматься во внимание. В металлопромышленности, например, этой зависимостью определяется порядок, по которому в первую очередь должны быть выработаны так называемые основные стандарты (таблицы предпочтительных чисел, нормальные диаметры, измерительные стандарты, системы резьб и т. д.), затем основные стандарты обработанных полуфабрикатов (прокатные и тянутые изделия), нормы основных деталей (болтовые, заклепочные изделия), нормы инструментов (сверла, шпонки и т. п.) и более сложных изделий. При стандартизации обширной группы труб всякого рода — арматуры, котлов, парового оборудования и т. п., необходимо предварительное установление основной классификации давлений. В электротехнике немыслим приступ

к стандартизации машин, проводов и т. д., не имея основного стандарта напряжений; в строительстве нельзя начать стандартизацию строений, не имея основных норм освещенности нормальной кубатуры и т. п., в дальнейшем здесь должны итти общие детали — окна, двери, лестницы и т. д.

Внутренняя зависимость существует не только между стандартами в одной области, но и разных отраслей. Так, размеры окон зависят от размеров оконного стекла, от размеров лесоматериалов (и обратно) и т. д. Особенно значительна эта зависимость между стандартами металло-и электропромышленности, ибо нельзя установить стандартов моторов, не имея стандартов болтов, проводов, валов, подшипников, режущего инструмента и т. д. Основные размеры генераторов не могут быть установлены без основных размеров двигателей и обратно и т. д. Задача составителей сводного плана стандартизации — увязать все эти зависящие друг от друга стандарты с тем, чтобы работа нигде не тормозилась.

Наконец, основная организационная проблема, которая должна найти свое обязательное отражение в плане, это — проблема контроля выполнения стандартов. Вся работа по стандартизации может повиснуть в воздухе, если за стандартами, имеющими в условиях СССР характер обязательных законов, не будет установлен постоянный контроль.

Вопрос об установлении стандартов для реконструируемой промышленности затрагивает крупную проблему, которой в общем, уделяется немного внимания, а именно, проблему качества. Надо сказать, что еще в кампании 1925 г. по поднятию качества продукции чувствовалась неопределенность самого понятия о качестве, ибо о нем нельзя говорить, не имея мерила — качественного стандарта. Несомненно, проблемы качества как таковой не существует, она может быть заменена проблемой правильного („диалектического") установления качественных стандартов. Для поддержания определенного качества продукции, для устранения недоразумений между потребителями и производственниками нам необходимы стандарты, содержащие цифровые нормы и рационально соответствующие интересам потребителей и производства. В виду того, что в условиях Советского Союза нельзя противопоставлять и считать разнородными интересы потребителей и советской промышленности, необходимо правильное разрешение задачи о нормах качества.

В настоящее время, в начале выполнения широкого плана реконструкции, необходимо разрешить довольно сложную проблему — на какой уровень качества или на какие стандарты держать равнение? В этом смысле возможны два пути: путь английской промышленности, производящей дорогие изделия особенно высокого качества и путь американской промышленности, равняющейся на упрощенную продукцию массового потребления. Председатель Автотреста, тов. Сорокин, знакомившийся с американской промышленностью

считает наиболее характерным в ней массовое изготовление стандартных изделий не особенно высокого качества, но зато очень низкой цены; в частности, успехи автомобильной промышленности и массового распространения автомобилей в Соед. Штатах надо именно отнести за счет производства дешевого массового автомобиля, в противоположность европейской промышленности, поставившей производство дорогих машин. То же в отношении других американских изделий (часы, обувь, текстильные изделия и т. д.).

Решение задачи о надлежащем выборе норм в качественном стандарте для советского народного хозяйства возможно только при условии общего подсчета в каждом отдельном случае стоимости изделия в производстве и потреблении. Однако, учитывая общие задачи индустриализации страны, недостаток капиталов и необходимость максимальной экономии средств, а также быстрый темп технического прогресса, при котором срок моральный износа вещей крайне непродолжителен, можно считать, что в данном вопросе нам необходимо избрать именно американскую линию. В настоящее время мы имеем много случаев крайнего потребительского консерватизма, который, к сожалению, наблюдается и в обобществленном секторе; технические условия, пред'являемые некоторыми ведомствами к продукции, несообразно высоки и, главное, не соответствуют действительной необходимости. Так, НКПС пред'являет слишком высокие требования к качеству дефицитных в настоящее время лесоматериалов: для транспортного строительства наравне с вагоностроением НКПС требует лесоматериалов не рыночного, а специального качества, для шпал он не допускает приема ели, требуя дефицитную сосну, в то время как применение еловых шпал в размере до 50% не отзывается на качествах ж.-д. полотна. Интересно отметить, что когда несколько лет тому назад Научно-технический комитет НКПС'а принял процент допускаемых еловых шпал в 20 вместо 10, то это постановление не было утверждено высшими органами НКПС'а. То же в отношении телеграфных столбов, многих металлоизделий, в частности — рельс, где процент брака при приеме в результате излишних строгостей достигает 20 и т. д. Можно также указать на случаи стандартизации топочного мазута, где одно ведомство отказывалось от внесения в стандарт 0,3% примеси серы, требуя не более 0,2%, в то время как соответствующие американские стандарты допускают норму в 1,5% серы.

Многие ведомственные технические условия, часто довоенного происхождения, устарели и требуют своего пересмотра Весь же вопрос об уровне качества в наших стандартах должен каждый раз разрешаться не путем слепого и неограниченного поднятия его, а путем приведения его в соответствие с действительными потребностями. В этом смысле задачи стандартизации при реконструкции промышленности очень велики и призваны во многом произвести реконструкцию и рационализацию всего потребления. Здесь придется

преодолеть значительную косность и консерватизм наших потребительских организаций, во многих случаях и наших специалистов, с их российскими традициями высоких коэфициентов при расчетах, чрезмерных запасов прочности и монументальности, которых нигде на Западе нет.

Мы изложили в основном те огромные задачи, которые стоят перед стандартизацией при осуществлении планов реконструкции промышленности. Несомненно, однако, то, что несмотря на некоторые достижения в области стандартизации мы при всех усилиях не можем, да и не сумеем впредь удовлетворить полностью запросов нашей промышленности, находящейся в полосе рационализации. Поэтому на ряду с работой по внедрению в производство общесоюзных стандартов, перед промышленностью стоит задача максимально развить работу по стандартизации внутри себя. Необходимо сокращать ассортименты продукции, изгоняя малоупотребительное и неходкое. Подобную работу, широко пропагандируемую в Соед. Штатах как метод „упрощения практики“ и как верный способ борьбы с потерями в производстве, надлежит всемерно рекомендовать промышленности. Кроме того, в промышленности должна протекать работа по нормализации производства, о котором говорилось выше. Наличие на наших заводах и фабриках специальных органов стандартизации, обычных на всех западно-европейских предприятиях, будет иметь огромное значение в деле рационализации нашей промышленности.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что стандартизация, как и все наши мероприятия по реконструкции, будет успешно осуществляться лишь тогда, когда в ее проведении примут участие широчайшие массы участников нашего производства. Для этого задачи стандартизации и ее значение надо сделать понятными для всей рабочей массы; для этого же необходимо всемерное усиление работы по популяризации стандартизации, в области чего до последнего времени сделано еще очень мало.

Ц. М. Крон

К итогам рационализации товаропроводящего аппарата

I

Последние $2^1/_2$ года, протекшие с начала работ Комиссии СТО по рационализации товаропроводящего аппарата, внесли в организацию товарооборота, под непосредственным руководством и воздействием самой комиссии, решительные изменения. Почти полный охват обобществленным сектором оптового оборота, 80% охвата розничного оборота, 72,2% сбыта через синдикаты охваченной ими (по 21 отрасли) товарной продукции госпромышленности,[1] 71,1% охвата генеральными и типовыми договорами розничного оборота промтоваров в потребительской кооперации,[2] 67,6% охвата сел. хоз. рынка плановыми заготовками (по 14 основным сел.-хоз. продуктам)[1], — такими данными по контрольным цифрам характеризуются на 1928/29 г. достижения обобществленного сектора товарооборота.

Эти достижения говорят о новой стадии товарооборота, о росте и укреплении базы для превращения аппарата обмена в аппарат распределения. Вместо стихийных разрозненных взаимоотношений между промышленностью и кооперацией, вместо взаимной их борьбы на рынке, что имело место еще два—три года тому назад, мы имеем сейчас твердую систему взаимоотношений, построенную на учете наличного предложения, на максимальной нагрузке торгового аппарата, на размежевании функций между ним и промышленностью и, вместе с тем, систему, дающую возможность целеустремленного распределения товарных масс по стране, в соответствии с потребностями отдельных районов и кварталов. В условиях товарного голода эти успехи нельзя не рассматривать, как особенно положительные, и нет нужды подробней развивать доводы в пользу этого утверждения.

При наличии этих достижений нельзя все же считать современную систему организации товаропродвижения вполне удовлетворительной. Если даже отрешиться от всех моментов конъюнктурного порядка, нервирующих рынок, создающих резкие переброски товаров, нарушающих обычные договорные отношения, нельзя все же не

---

[1] По контр. цифрам НКТорга СССР на 1928/29 г.

[2] По контр. цифрам Центросоюза на 1928/29 г.

констатировать некоторых более глубоких организационных дефектов.

Рассматривая только рынок промышленных товаров личного потребления,—а мы только им здесь и ограничимся,—мы наблюдаем такие дефекты товароснабжения, такое состояние ассортимента на рынке, которое заставляет искать более глубоких корней. Приходится констатировать какое-то несоответствие между концентрируемым и регулируемым предложением в истоках промтоваров и состоянием ассортимента в торговой сети. Перебои в снабжении избыточными товарами, затруднения в проведении достаточных товаров при явно ненасыщенном рынке, — все это говорит о том, что количественными результатами концентрации удовлетвориться мы не можем, что надо глубже взглянуть в организацию рынка.

Современная организация рынка промышленных товаров сложилась под влиянием ряда мероприятий, которые строились, исходя из недопустимости параллельного существования ряда перекрещивавшихся торговых систем (синдикаты, торговый аппарат трестов, потребкооперация, торги), при недостаточности самой товарной массы и необеспеченности их достаточной нагрузкой; эти мероприятия выдвинуты были еще из-за необходимости решительного преодоления опасных тенденций осложнения товаропродвижения, роста звенности и издержек обращения. Перед народным хозяйством стояла задача решения ряда торгово-технических проблем, вытекавших из этих установок. Отсюда — размежевание функций между госпромышленностью и торговлей (потребкооперацией и торгами), введение транзита, задачи реорганизации системы потребкооперации и т. д. Эти мероприятия и дали те количественные результаты, которые мы отмечали в самом начале.

Все ли задачи товаропродвижения были, однако, при этом разрешены? Товаропроводящий аппарат, в неизжитых условиях товарно-денежного хозяйства, есть не только технический аппарат по продвижению товаров; он выполняет одновременно и ряд народнохозяйственных функций экономического порядка; связывая производство и потребление, он в процессе самого товарного обращения воздействует, с одной стороны, на направление производства не только сельскохозяйственного, но и промышленного, и, с другой стороны, на народнохозяйственное потребление. И при товарном голоде, когда не приходится заботиться об изыскании путей сбыта, не ослабляется значение товаропроводящего аппарата, как орудия взаимодействия между производством и потреблением. Прежде всего, следует напомнить, что круг остро-дефицитных товаров в общем ограничен и, как показывает опыт каждого года, задача проведения не только избыточных, но и достаточных товаров далеко еще не разрешена. Аппарат обращения должен быть активным проводником этих товаров, должен уметь и в наших условиях быть не менее, если не более, действенным орудием влияния промышленности на потребление, чем в капиталистических странах; с другой стороны, в условиях советского планового хозяйства он должен ставить себе задачу такого учета потребительского спроса, который дал бы возможность „планомерного покрытия этого спроса путем своевременного предъявления промышленности заявок через систему заказов“ (резолюция XV с'езда партии. В условиях товарного голода, с тем большей ответственностью приходится следить за осуществлением этих народнохозяйственных задач, которые лежат на аппарате обращения.

Вот под каким углом зрения следует, прежде всего, рассматривать современную систему организации товаропродвижения и итоги ее рационализации. Как же обстоит в этом отношении дело на рынке промтоваров?

Приходится констатировать, что как синдикаты, так и потребительская кооперация не добились в этом отношении необходимых успехов, несмотря на почти полную концентрацию продукции у синдикатов и на их возросшее влияние на производство, также на рост гендоговоров. Чрезвычайно характерен пример с фарфоро-фаянсовой промышленностью, где под воздействием требований кооперации и благодаря давлению Продасиликата, промышленность резко перестроила свой ассортимент, увеличив выработку хозяйственного фаянса, дешевых сортов хозяйственного фарфора и сортовой посуды (при стабильности производства фарфоровой посуды рост фаянсового производства за вычетом экспорта: с 10,6 млн. в 1926/27 г до 16,3 млн. в 1927/28 г. и 17,5 млн. в 1928/29 г.). Между тем, спрос кооперации при заключении гендоговоров на 1928/29 г. оказался далеко не в соответствии с возросшей дешевой продукцией: из продукции сортовой посуды на 20 млн. договор заключен всего на 10 млн. руб. Материалы обследований торготделов почти по всем районам РСФСР говорят о совершенно недостаточном внимании потребкооперации к силикатным товарам (Ленинградский облторготдел: „значительная часть кооперативов вовсе не торгует силикатными товарами“, Севкавкрайторготдел: „Крайрабсекция даже уменьшила оборот по сравнению с 1926/27 г.“, Облторготдел ЦЧО: „деревенская торговля силикатными изделиями поставлена из рук вон плохо; значительная часть ЕПО этим товаром не уделяет никакого внимания“ и т. д.; особенно оголена Сибирь). Незнание рынка отмечается по всем отраслям промышленности. Если учесть, кроме того, перебои в снабжении достаточными товарами и очень ограниченный ассортимент в отношении неснабжаемых по гендоговорам товаров, то станут ясными недостатки аппарата потребкооперации как с точки зрения обслуживания потребителя, так и с точки зрения смычки между промышленностью и рынком.

В условиях товарного голода и государственного регулирования рынка дефицитных промтоваров чрезвычайно трудно и опасно возлагать непосредственную ответственность за указанные недостатки рынка на одну какую-либо торговую систему. Вот пример: ВТС дол-

жен был перейти на эту систему с 1 января 1928 г. на 50%, с 1 июля 1928 г.—на все 100%. „Однако, это постановление синдикату выполнить не удалось,— сообщает НКТорг СССР в докладе правительству,— так как в связи с замедлением хлебозаготовок в кампанию 1927/28 г. на синдикат была возложена обязанность производить усиленную отгрузку товаров в хлебозаготовительные районы вне зависимости от данных ранее занарядок по системе заказов. Поэтому к выполнению системы предварительных заказов было приступлено лишь с 1/III 1928 г. Полного перехода на эту систему не достигнуто до настоящего времени, так как наличие голода на текстильном рынке и вытекающая отсюда необходимость создания маневренных фондов в период развертывания хлебозаготовок исключают возможность стопроцентного ее осуществления. В настоящее время системой предварительных заказов охвачено около 70% сбыта по гендоговорам". Но даже и в этих пределах осуществление системы предварительных заказов носит скорее формальный характер, чем решение проблемы по существу.

В чем же причины такого состояния товаропроведения? Мы укажем несколько важнейших причин: 1) неудовлетворительность качества работы системы потребительской кооперации по учету спроса, 2) дефекты организации и регулирования хозяйственной работы системы товаропроводящей сети, 3) дефекты во взаимоотношениях госпромышленности и потребкооперации.

Последние годы были периодом решительного перехода торгово-технических функций по сбыту промтоваров от синдикатов к кооперации. Решая эту задачу, притом в условиях товарного голода, и регулирующие органы и сам торговый аппарат недостаточно учли тот факт, что при почти монопольном положении потребкооперации на рынке вопросы качества ее работы в области учета спроса окажут серьезнейшее влияние на все состояние рынка. На потребительскую кооперацию пала огромная задача народнохозяйственного значения: стать единственным аппаратом смычки между производством и потреблением. Между тем, внутренняя сторона работы по учету и организации спроса, по передаче заявок и заказов, по всему тому сложному процессу, который носит название—организация рынка—осталась на крайне низком уровне. Обследование НК РКИ СССР с большой убедительностью показало, как бюрократически ведется учет спроса, как механически двигаются снизу вверх заявки и заказы, как их составляют — правление ЕПО — без опроса работников ЕПО (завмагов, работников прилавка, заведующих складами и т. д.), не говоря уже о самом активе общества; аппарат райсоюзов — без учета заявок низовой сети и т. д. Торговая работа заменяется официальной перепиской; гендоговоры обеспечивают — сверху вниз — нагрузку торговой сети при любом качестве этой работы; обстановка товарного голода обеспечивает сбыт любого дефицитного товара. Вышеприведенный пример с стекольно-фарфоровой промышленностью, когда при далеко ненасыщенном спросе создаются значительные затруднения в сбыте, является достаточной иллюстрацией положения вещей.

Было бы, однако, большой несправедливостью и ошибкой все беды приписывать „суб'ективным" недостаткам работы потребкооперации. Недостатки самой работы по подбору ассортимента, по учету спроса, многочисленные факты неравномерного распределения ассортимента по районам, перебоев в снабжении и т. д. имеют одну из существенных причин несоответствие системы фактически децентрализованного, распыленного финансового хозяйства и капиталоуправления потребкооперации сложившейся системе централизованного товарного снабжения.

Вся система гендоговоров имеет своей задачей плановое маневрирование товарными массами. Между тем, создалось следующее положение: в то время как в отношении товарных масс система потребительской кооперации рассматривается, как единое целое, и распределение товаров и их переброска производится как будто в пределах единого хозяйственного организма, на деле, однако, каждая торговая единица (райсоюз, ЕПО) в своем основном хозяйственном нерве — финансах—остается совершенно самостоятельной величиной. Происходит резкий разрыв между формами товарной и финансовой работы, между единством товарного снабжения и распыленностью финансового хозяйства. 41 собрание уполномоченных Центросоюза совершенно правильно формулировало, „что необходимо создать такие условия, при наличии которых вся сумма средств, находящихся в товарообороте, поддавалась бы более легкому маневрированию, чем это имеет место в настоящее время. Необходимо, чтобы сумма всех ресурсов могла быть в каждое данное время направлена по системе в полном соответствии с направляемыми в отдельные участки системы товарными массами".

Не останавливаясь на формах необходимой централизации финансового хозяйства и капиталоуправления,— этот вопрос, поднятый по инициативе Центросоюза, накануне своего окончательного решения,—мы должны лишь отметить, что здесь один из основных узлов действительной рационализации товаропроводящего аппарата, открывающий широкие горизонты и в дальнейшем. Решение задачи должно лежать по линии действительного укрепления единства системы потребительской кооперации в ее наиболее существенном участке— финансах; гендоговора же сами по себе являются лишь первым шагом, притом взятым изолированно, в отношении лишь товарных масс — недостаточно эффективным.

Мы здесь подходим к третьему вопросу — к взаимоотношениям госпромышленности и кооперации. Мы считаем, что основная установка, взятая комиссией СТО и легшая в основу всех дальнейших решений — установка на передачу торгово-технических функций по-

требкооперации—была совершенно правильна и не требует пересмотра. И если правильны жалобы на отрыв промышленности и рынка, то не потому, что была допущена ошибка в ликвидации синдикатских филиалов, а потому—как это ясно из всего вышеизложенного,—что ни система организации, ни об'ем и качество работы потребкооперации по учету спроса не находились в соответствии с новыми задачами, возложенными на кооперацию. С этой точки зрения недостатком нынешней системы организации товаропродвижения следует признать то обстоятельство, что при отсутствии достаточного руководства центрами потребительской кооперации своей периферией, в силу децентрализации системы регулирования финансовым хозяйством, сложившиеся отношения не могли не страдать излишней бюрократизацией, формалистикой. Отсюда те острые споры, которые имеют место снова между госпромышленностью и кооперацией. Вновь раздаются голоса о дефективности самой системы гендоговоров, о необходимости перехода на непосредственные связи синдикатской периферии с низовой сетью на основе генеральных (типовых) соглашений в центре и т. д. Совершенно очевидно, как неправильна эта установка. Нельзя дефектами торгово-технического порядка (техника собирания заказов, расчетов и т. д.) опровергать основы планового построения товаропродвижения, пытаться такими доводами опрокинуть ту генеральную линию взаимоотношений между госпромышленностью и кооперацией, которая единственно ведет к плановому разрешению проблем товарооборота.

Такова современная стадия взаимоотношений госпромышленности и кооперации, ее болезни и достижения.

II

Как же обстоит дело с другой важнейшей качественной задачей—сокращением издержек обращения? Ответ на этот вопрос должен быть связан с другим вопросом — о качестве обслуживания потребителя, ибо народнохозяйственное разрешение должно лежать по линии двух задач — удешевления товарооборота при одновременном улучшении качества обслуживания. Важнейшей проблемой является вопрос о том, совместимы ли обе задачи в нашей конкретной обстановке, ибо решение одной задачи за счет другой означает недостижение (с народнохозяйственной точки зрения) реального сокращения издержек обращения.

Приходится признать, что реальное снижение издержек обращения (даже не касаясь вопроса о частно-торговом секторе и возросшем за последнее время спекулятивном рынке), если и имело место, то в недостаточной степени и происходило за счет переложения части издержек на потребителя.

Ухудшение обслуживания имело место, во-первых, в виде сокращения и ухудшения ассортимента, предлагаемого потребителю, и,

во-вторых, в виде невнимательного отношения к покупателю в розничном магазине (режим экономии на количестве продавцов за счет „неэкономии“ в отношении времени потребителя). Необходимо отметить, что одной из форм такого „режима экономии“ явилась и нынешняя практика транзита, которая, будучи применена без достаточной подготовки экспедиционного аппарата промышленности, приводила нередко к ухудшению ассортимента в розничном звене и к непроизводительному накоплению запасов в нем и мелкооптовом звене. Это подтверждается рядом фактов (6-месячные запасы посуды в райсоюзах и т. д.).

Несомненно, однако, что нынешняя система концентрации предложения и спроса, приводит, на ряду с отмеченными только что дефектами, к сокращению издержек внутри обобществленного сектора, освобождая производство от несения функций обращения. Дело здесь не в самом факте даже абсолютного (а не только относительного) сокращения торговых (а тем более накладных) расходов у синдикатов,— так как часть уходящих из синдикатов расходов (в связи с транзитом) переносится на плечи покупателей—торговых организаций,— дело здесь в сокращении расходов у самой промышленности, в связи с отмежеванием торговых функций.

Подсчет всех элементов (сокращение издержек в сфере промышленности, общий подсчет учитываемых издержек во всем товаропроводящем аппарате, показывающий несомненное снижение, и, наконец, рост „невидимых“ издержек покупателя) не может быть, по состоянию материалов, проделан; экспертная оценка, однако, такова, что народнохозяйственная экономия, если и была, то незначительная.

Два обстоятельства способствовали указанному неудовлетворительному положению вещей: во-первых, недостаточный темп рационализации товаропроводящего аппарата и, во-вторых, низкий уровень накопления в розничных звеньях потребкооперации. Материалы НКТорга СССР[1] с достаточной полнотой характеризуют неудовлетворительное проведение потребительской кооперацией директив КомСТО по реорганизации системы. Верхушечные органы потребительской кооперации отстают от движения, растущего снизу, в частности, в отношении многолавки. Рост не просто многолавок, а крупных многолавок (по данным Центросоюза по всем районам РСФСР, кроме Сев. Кавказа, с 1/X 1927 г. по 1/VII 1928 г. количество многолавок с 2 и 3 лавками сократилось на 32%, с 4 лавками показало рост на 35% и свыше 4 лавок — на 200%), наличие последних с миллионными оборотами, организация пристанционных многолавок в Сибири, цитадели однолавки; директива о доведении транзита на селе в Сибири на 1928/29 г. до 25% (циркулярное письмо Сибкрайсоюза),— все это делает лозунг укрупнения райсоюзов уже отжившим. Жизнь

[1] См. доклад НКТорга СССР, Совет Труда и Обороны („Сов. Торг.“, № 7 за 1928 г.).

перешагнула через решения КомСТО. С этой точки зрения можно признать несколько ошибочными нормы КомСТО, установившие для райсоюзов слишком высокие нормы наложения (5,32% против фактических, за первое полугодие 1927/28 г., 4,82%) при повышенной прибыли (фактически 1,6% против нормы в 1,32%), что стимулировало сохранение складских операций райсоюзов, а не рост транзита. КомСТО не предусмотрела возможного эффекта в рационализации оптовых звеньев даже в темпе, имевшем фактически место, и тем более в темпе, который мог бы быть при более активном проведении директив.

Отсюда должен быть сделан вывод, что КомСТО не совсем правильно распределила издержки между оптовыми и розничными звеньями; так как в рабочей кооперации проведение предложенных норм действительно встретило затруднения, то это, несомненно, повлияло на ухудшение обслуживания потребителей.

Однако, не в этом одном лежит причина ухудшения обслуживания потребителя. Одной своевременной рационализацией оптовых звеньев нельзя было бы преодолеть те факторы, которые действуют на розничном рынке. И, прежде всего, здесь надо констатировать необычайно быстро растущий темп как количественных, так и качественных требований, пред'являемых обобществленному сектору в связи с резким выпадением частной торговли. Из года в год наблюдается одна и та же картина: регулирующие органы в контрольных цифрах устанавливают стабильность оборотов частной торговли и соответственно строят рост оборотов обобществленного сектора; на деле частник не слушается разумных советов контрольных цифр и стремительно свертывается (за первые месяцы 1928/29 гг. на 40 %), а обобществленный сектор вынужден за ним спешить в развертывании своей работы, но явно отстает от требований жизни. Здесь — добавочные затруднения, которые испытывает обобществленная розничная торговля, в частности, потребительская кооперация. Перед лицом новых заданий ей не до „качества"; растущая волна требований перехлестывает ее качественные возможности.

И, вместе с тем, приходится признать, что сделано слишком мало даже в пределах тех возможностей, которые имели место. Проблема замещения частно-торговой сети всерьез не поставлена; типы розничной сети,—а вопрос о замещении частника есть прежде всего вопрос не количественный, а именно типа сети,—до сих пор окончательно еще не намечены; с большим запозданием приняты элементарные меры по улучшению техники розничной торговли,—а опыт показал, как много здесь можно сделать; отношения между продавцами и покупателями стали новым фронтом бытовой борьбы, при совершенно недостаточном внимании кооперативной сети к нуждам и интересам обслуживаемых ею потребителей. Несомненно, что в последнее время начата уже большая работа по улучшению качества работы низовой сети, и, надо надеяться, многое будет сделано, но много времени уже зря потеряно.

Потребительская кооперация обычно всю вину сваливает на низкую рентабельность системы и ищет разрешения вопроса в увеличении наценки, в специальном начислении на капитальное строительство и т. д. Но это — путь наименьшего сопротивления, отвлекающий от активной борьбы с действительными недостатками системы. Все же следует указать, что норма рентабельности, установленная НКТоргом СССР на 1928/29 г., особенно для рабочей кооперации, является очень низкой (0,95% против 1,8% за I половину 1927/28 г. и 1,9%—по нормам КомСТО), почти приближающейся к положению в 1926/27 г. (0,7%). В чем причины этой низкой рентабельности?

Калькуляция НКТорга СССР показывает следующую картину (по горпо, в %% к обороту):

	I пол. 1927/28 г.	Нормы на 1928/29 г.
Все торгов.-орг. расходы	9,58	11,50
В том числе:		
а) налоги	2,63	4,03
б) содержание персонала	3,22	3,50
в) прочие расходы	3,73	3,52
Прибыль	1,80	0,95
Все наложение	11,38	12,00

Если исключить рост налогов, то расходы покажут рост всего на 0,07% (9,65% против 9,58%), т.-е. даже при понижении нагрузки на одного продавца, вызвавшем рост доли зарплаты, что само по себе является вполне целесообразным,—налицо стабильность расходов. Таким образом, сокращение нормы прибыли установлено НКТоргом вследствие роста налогового обложения в целях недопущения дальнейшего повышения цен; некоторое повышение против норм КомСТО (1,1%) НКТоргом было допущено путем сокращения числа регулируемых товаров.

Вопросы рационализации товаропроводящего аппарата, таким образом, переходят в новую стадию, когда качество работы становится одним из основных элементов самой рационализации. Рационализация товаропроводящего аппарата, это — вопрос не только удешевления работы, уменьшения издержек и ускорения оборачиваемости, не только путей товаропродвижения, но и вопрос о состоянии ассортимента, об обслуживании потребителя и т. д. В частности, проблема розничной сети становится сейчас одной из центральных.

Здесь, прежде всего, приходится снова ставить вопрос о госрознице. Нет нужды повторять, что решение проблемы розничной торговли лежит только в организации розницы потребительской кооперации, что всякое иное решение вопроса было бы неправильным и с точки зрения социальной и с точки зрения хозяйственной. Но при том темпе выпадения частника, при тех пустотах, которые имеются,

[1] См. „Сов. Торг.", № 7 за 1929 г., стр. 19 (из матер. к докл. в СТО).

было бы странным доктринерством отказывать госторговле в праве развертывать свою сеть в дополнение, в помощь кооперации. Места очень живо реагируют на эту потребность; НКТорг РСФСР дал директиву об усилении госрозницы, и ее следует только приветствовать.

Из других вопросов розничной торговли мы хотели бы остановиться лишь на вопросе о типе розничной сети; выше мы уже говорили о большом значении этого вопроса с точки зрения замещения частника. Не только наша, но и заграничная практика учат, что принцип сочетания крупных закупок и мелких продаж дает максимальный эффект в розничном сбыте, обеспечивая все преимущества крупного хозяйства при одновременном приближении сети к населению. Исходя не только из этого, но и из максимальной дешевизны в развертывании сети и использования наличного лавочного фонда, следует стремиться к созданию в основном мелкого и среднего типа лавок. Само собою разумеется, что здесь требуется дифференциация. Розничная сеть имеет свои закономерности размещения, свой „штандорт". Товары ежедневного частого спроса, товары быстрого оборота, требуют близости к потребителю, к месту его жительства, к месту службы; это — „соседская", по американскому выражению, лавка. Отделение многолавки, продуктовый магазин в городе, — вот тот тип, который требует своего развития. Наоборот, товары „выбора" ищут концентрации, они группируются в центральном магазине многолавки, в универмаге нашего типа в центре городского района. Особого поощрения заслуживают специальные магазины, торгующие товарами „выбора" (хозяйственной посудой и т. д.) и не столько по товарному признаку, сколько по признаку обслуживания (магазины матери и ребенка, спорта, культурного обихода и т. д.). Придавая огромное значение вопросам техники розничной торговли — выбору помещения, расположению отделов и товаров, технике отпуска и т. д., — мы все же хотели бы основное внимание сосредоточить именно на этом вопросе о типе лавки.

III

Весь предыдущий анализ показал, что за огромными количественными достижениями в области обобществления и концентрации товаропродвижения на рынке промышленных товаров скрываются значительные дефекты, препятствующие осуществлению народнохозяйственных задач, лежащих на аппарате обращения, в отношении воздействия на производство и потребление, качества обслуживания промышленности и индивидуального потребителя, дешевизны (с народнохозяйственной точки зрения) процесса обращения. Каковы же пути дальнейшей рационализации товаропроводящего аппарата в целях устранения отмеченных дефектов? И возможно ли решение указанных задач при одновременном удешевлении товаропродвижения?

Как вытекает из изложенного выше, дальнейшая работа по рационализации продвижения промышленных товаров личного потребления (а лишь в плоскости последних шла все время речь) должна лежать по линии: а) реорганизации системы регулирования и управления финансами потребительской кооперации в целях создания единого гибкого маневренноспособного хозяйственного организма, б) активизации работы торгового аппарата по учету и организации потребительского спроса, в) дальнейшей рационализации системы путей товаропродвижения и торгового аппарата, в частности оптовых звеньев, г) рационализации размещения торгового аппарата и техники торговой работы, в частности, розничной сети и увеличения накопления в розничной торговле.

Решение этих проблем является задачей пятилетнего плана реконструкции товаропроводящего аппарата, и мы на них в развернутом виде здесь останавливаться не будем. Укажем лишь, что возможности решения формулированной не раз выше двойной задачи в области издержек обращения лежат не только в реконструкции оптовых звеньев. Точнее говоря, сама реконструкция оптовых звеньев не может быть произведена и не может быть эффективной без решения другой задачи: использования всех возможностей планового советского хозяйства в деле взаимного приспособления производства, торгового аппарата (с его техническим костяком — складским хозяйством) и транспорта. Рациональное использование транспорта (планы перевозок, маршрутные отправки), решение проблемы комбинирования транзита и полногрузных вагонных отправок (решение, найденное в форме „веерных" отправок), создание системы (точнее систем) концентрированного складского хозяйства, дающее экономию в самом складском деле, рационализирующее потребление (нормы запасов) и дающее возможность построить технически цельный по всей линии товаропродвижения (чего лишено капиталистическое хозяйство) порядок составления торгового ассортимента, вытекающее отсюда размежевание торговых и транспортно-складских функций, размещение сети на началах торгового районирования, — все те проблемы, которые могут быть разрешены только в плановом хозяйстве, открывают новые, доселе совершенно неиспользованные возможности удешевления и ускорения товарооборота при одновременном разрешении ряда качественных задач (ассортимента, рационализации потребления и т. д.); сокращая издержки обращения здесь, эта система дает возможность улучшить качество работы без повышения и даже, наоборот, со снижением конечной цены в розничном звене.

С этой точки зрения актуальное значение имеет вопрос об ассортировочных базах промышленности. Районирование и специализация производства все острее ставят вопрос о концентрации экспедиционного дела в промышленности с одновременным составлением на базах торгового ассортимента. Не для всех отраслей возможны

эти базы в районах производства (напр., стекольно-фарфоровая промышленность). Выбор местонахождения базы является сложным практическим вопросом рационализации товаропродвижения, при котором должны быть учтены многосторонние интересы (промышленности, транспорта, торговли, потребителя). Решение этого вопроса, являющегося одним из существенных элементов планирования торговой сети, лежит по линии углубленного изучения торгового районирования.

Таким образом, организация торгово-расчетных и финансовых отношений между промышленностью и торговлей (в основном—потребительской кооперации) и внутри каждой из них и соответствующее построение торговой работы, с одной стороны, организация техники товаропродвижения (транспортно-складского хозяйства и розничной сети) под углом зрения качественных задач — улучшения составления ассортимента, качества обслуживания, дешевизны и быстроты обращения, с другой стороны, — таковы основные задачи рационализации товаропроводящей сети. Так и только так следует ставить проблемы рационализации торговой сети в СССР. К сожалению, не всем нашим авторам ясны все значение и, главное, пути разрешения вопросов рационализации товаропроводящего аппарата. Мы имеем в данном случае в виду статью тов. С. Зака „Торговая сеть СССР и ее рационализация“, напечатанную в № 5 „Плановое Хозяйство“.

„До тех пор пока исходным моментом в торговом плане не станет торговый аппарат, в частности (?) торговая сеть,— пишет указанный автор, — мы в торговом планировании не выберемся из импрессионистского тумана, имеющего весьма мало общего с торговым планированием, как таковым“.[1] „Интересы народного хозяйства... требуют от торговли сжимания рыночного оборота в одних случаях и его расширения в других, определенного воздействия на потребление, известной трансформации связей между производством и потреблением и между отдельными отраслями первого“. Для этого „в центре (?) торгового планирования, его базой и его орудием должен быть торговый аппарат, как сила, строящая торговлю, и следовательно, как сила, разрешающая торговую проблему, соответственно задачам, выполняемым в ту или другую историческую эпоху народным хозяйством в целом. И только на почве такого планирования разрешается также проблема рационализации торговли, мы бы сказали, экономической рационализации торговли, в отличие от технической ее рационализации, рационализации отдельных торговых отправлений (?), не увязанных в единую систему народнохозяйственного строительства торговли“.

[1] Кстати сказать, туман, да еще импрессионистский, ни с каким планированием, в том числе и торговым, ничего общего не имеет.

Золотые слова, даже при некоторой излишней высокопарности стиля! Как же разрешает сам автор задачу „экономической рационализации торговли“, задачу такого планирования, которое делает торговый аппарат „базой и орудием“ торгового планирования? К сожалению, положительные реценты автора очень ограничены, но зато его критика существующего положения вещей весьма сокрушительна и убийственна. В самом деле:

1. „Наш опыт многозвенен не только формально, но и по существу. И если звенность его (учитываемая торгово-расчетная звенность ЦК) не только не сокращается, но еще растет, то этот факт требует серьезнейшего к себе внимания“.

2. „У нас, как и в капиталистических странах, существует обратная зависимость между густотой (в отношении территории) розничной сети и числом жителей на одну лавку... С точки зрения коммерческих интересов этот факт совершенно понятен“, но это означает, что „розничная сеть СССР в своем географическом построении не связана с теми плановыми задачами, которые на нее возлагаются переходным временем“.

3. Отсутствует „всякий намек на план в деле снабжения розницы в разных районах товарами со стороны увязанного с нею опта“. Доказательство — сумма оборотов частной (?!) оптовой торговли на 1.000 руб. розничного оборота.

4. „Розничная торговля (обобществленная) просто копирует у нас беспланову анархию капиталистических стран“, что доказывается низким удельным весом ее в районах со слабо развитой розницей вообще. „Потребительская кооперация вообще недостаточно еще осознала возлагаемую на нее переходным временем задачу... Капиталистическая многолавка в Соед. Штатах, постепенно забираясь в глухие углы страны, делает больше, чем наша кооперация, для которой советская экономика создает все условия, необходимые для превращения ее в единую многолавку в народнохозяйственном масштабе“.

Что, прежде всего, поражает в доводах автора, исходящего из цитированных выше качественных задач торговли, это — их чисто статистический метод решения. Ни одна из качественных проблем конкретному анализу в условиях нашей экономики не подвергнута; автор, несмотря на всю решительность выводов, не уделяет им в данной связи никакого внимания. К большому сожалению, и статистический материал, на котором основывается автор, недостаточно проработан. В частности, всем известно, что растущая торгово-счетная звенность означает не рост звенности „по существу“, противоречащий идее рационализации товаропродвижения, а бухгалтерское отражение того факта, что в сделке участвуют и синдикат, и кооперативный дольщик, и что тот же товар—в основном проходящий транзитом мимо этих двух участников сбыта—снова попадает в учет у райсоюза и сельпо. Решение проблемы рационализации оптовой

торговли лежит сейчас не в подсчетах этой расчетной звенности, а в тех моментах, о которых мы говорили в нашей статье.

Совсем оригинальны рассуждения автора о плотности торговой сети. Он сам приводит данные, что в Казакстане на 1 жителя приходится оборот в 15,1 руб. в год; если на 1 лавку пришлось бы не 456 жителей, а, скажем, 265 (среднее число по СССР), то на 1 лавку оборот составил бы не 6.840 руб. в год, а 3.975 руб., т.-е. 330 руб. в месяц. Едва ли может лавка себя оправдать с таким оборотом. Дело не в коммерческой заинтересованности, а в элементарной рентабельности, ибо единой многолавки у нас еще нет и в пятилетнем плане она (увы, тов. Зак!) в такой постановке не предусмотрена. Но вообще оперировать средними данными по району, суммирующими все виды и типы розничной торговли, притом и в городе и в деревне—это значит, оперировать ничего неговорящими цифрами. И на таком анализе делаются громкие выводы!

Не менее наивны и бессодержательны рассуждения автора о соотношениях оборотов оптовой и розничной торговли. Автору как-будто вообще не известно о существовании проблемы торгового районирования, о проблеме пространственного размещения оптовой и розничной сети, о типах торговых заведений и т. д., словом, о наличии ряда вопросов, имеющих прямое отношение к проблеме рационализации торговой сети даже в том суженном об'еме, в котором фактически ставит вопрос автор.

Мы не остановились бы на выступлении С. Зака, если бы не считали его характерным для рассуждения многих, даже серьезных экономистов по этим вопросам. При той популярности, которую вопросы товаропродвижения приобретают не только у нас, но и за границей, правильная постановка вопроса является необходимой. Статьи, в роде статьи С. Зака, не раз'ясняют, а только затемняют вопрос.

Мы полагаем, что вопросы торгового аппарата и в частности проблема рационализации размещения торговой сети являются действительно очень существенными для народного хозяйства. Проделанный нами анализ показал, как много больных мест имеется в этом деле, как дефектно—с точки зрения качественных результатов—работает наш торговый аппарат. Мы ограничились лишь рынком промышленных товаров личного потребления, но и перед другими отраслями товарооборота, в частности, сел.-хоз. товаров, остаются аналогичные задачи; они приобретают под углом зрения предстоящего в пятилетнем плане увеличения товаризации сельского хозяйства еще большее значение. В области рационализации товаропродвижения приходится еще много и много работать.

Ш. Я. Турецкий

К вопросу о процессах ценообразования в сельском хозяйстве

1. Основные теоретические и методологические предпосылки

В изучении процессов ценообразования сложнейшим и запутанным клубком являются цены на сельскохозяйственные продукты. Если изучение ценообразования на промтовары облегчается сконцентрированностью основного и крупного производства в социалистическом секторе нашего хозяйства, то производство сельхозпродуктов, базирующееся пока еще на распыленной индивидуальной основе частного сектора, усложняет познание в большей мере стихийных процессов ценообразования на сельхозтовары. Проследить связь ценообразования с производственными факторами, выявить подчиненную, функциональную роль цен в отношении производственного базиса на промышленные продукты несравненно проще, нежели на сельхозпродукты. Темпы и размеры расширенного воспроизводства всецело определяются соотношением цен издержек производства. Поэтому политика цен, не увязанная с производственными затратами, действует вслепую, приводя иногда к нежелательному результату.

Методология исчисления „издержек производства" в сельском хозяйстве и экономическая установка представляют собою в отдельных, имеющихся работах на эту тему пеструю картину. Во всяком случае марксистская мысль еще в очень незначительной мере коснулась этой области исследования. Здесь и теория предельной полезности, и лассалевский „железный закон заработной платы", и пр., только не четкая марксова установка по вопросу об издержках производства. До сих пор связь между ценами и издержками производства нащупывалась фрагментарно, движение цен рассматривалось в свете движения посевных площадей, товарности и т. д. Вполне понятно, что прямой зависимости их вне производственных затрат, здесь не существует и, конечно, такой анализ зачастую обнаруживал обратное: снижение цен сопровождалось ростом основных производственных показателей.

Прежде чем перейти к анализу ценообразования на сельхозпродукты, необходимо остановиться на вопросе: о каких, собственно говоря, „издержках производства" в сельском хозяйстве может итти речь? Если мы условно применяем категорию издержек производ-

ства в отношении промтоваров, изготовляемых в крупном социалистическом производстве, так же условно (в большей или меньшей мере), как целый ряд других категорий политической экономии, то в отношении полунатурального хозяйства, основанного, главным образом, на личном (а не наемном) труде, применима ли вообще категория издержек производства? Категория издержек производства, анализируемая К. Марксом в III томе „Капитала", предполагает капиталистическое производство. Эта категория не мыслится вне цен производства и нормы прибыли. Специальных указаний об издержках производства в сельском хозяйстве мы в трудах Маркса не находим. В критике Джон Стюарт Милля („Теории прибавочной ценности", т. III) по вопросу о прибыли и издержках производства Маркс, касаясь издержек производства сельского хозяйства, имеет в виду крупное фермерское хозяйство. В учении Маркса о ренте [1] мы находим некоторые указания на издержки производства в сельском хозяйстве.

Говоря о переходе от натуральной к денежной ренте, Маркс указывает: „Под денежной рентой мы разумеем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей лишь избыток над средней прибылью — земельную ренту, возникшую из простой метаморфозы ренты в продуктах, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой". Таким образом, здесь речь идет не о капиталистическом производстве и не о производстве исключительно на рынок. „Хотя непосредственный производитель по-прежнему продолжает производить сам по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако, часть его продукта должна быть превращена в товар, произведена как товар". И далее: „О т н о ш е н и е и з д е р ж е к п р о и з в о д с т в а [2], в состав которых теперь входят в большей или меньшей мере и денежные затраты, п р и о б р е т а е т р е ш а ю щ е е з н а ч е н и е". В этих условиях рента есть „неоплаченный выполняемый без эквивалента труд, принимающий форму п р и б а в о ч н о г о п р о д у к т а, превращенного в деньги". В этих же условиях средства и орудия производства являются собственностью непосредственного производителя — крестьянина-земледельца; земля же является собственностью феодала-помещика. „Оно предполагает далее рыночную цену и что они продаются более или менее близко к своей стоимости". В другом месте (там же, глава 37), касаясь мелкого крестьянского хозяйства, где фермер фактически — мелкий крестьянин-земледелец, Маркс указывает: „То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, т.-е. его собственного п р и б а в о ч н о г о т р у д а, на который он имеет право, как владелец своих собственных орудий труда, но и часть той нормальной заработной платы, которую он получил бы при других условиях за такое же количество труда".

[1] „Капитал", т. III, ч. 2, ГИЗ, изд. 1928 г.

[2] Всюду подчеркнуто нами. Ш. Т.

Мы привели ряд цитат для того, чтобы показать, что термин „издержки производства" в отношении полунатурального хозяйства на ряду с „прибавочным продуктом" и „прибавочным трудом" применен Марксом условно. Под издержками производства Маркс понимает затраченный авансированный капитал в отличие от цены производства, включающей прибавочную стоимость. Здесь же так называемые „издержки производства" включают в себя затраты преимущественно натурального порядка плюс некоторую долю денежных затрат, отнюдь не являющуюся по своей природе капиталом. То, что здесь называется „издержками производства", слагается из двух частей, определяемых размером средств (вернее — продуктов), необходимых для хозяйственного и личного воспроизводства, при чем размер этого последнего зачастую бывает „ниже размеров нормальной заработной платы, которую он (т.-е. крестьянин. Ш. Т.) получил бы в других условиях за то же количество труда."

Если капиталистическая земельная рента определяется соотношением стоимости земледельческого продукта (которая выше цен производства) и его издержками производства (вернее, излишком прибавочной стоимости над средней прибылью), то во всяком случае она не может быть выше реализуемой прибавочной стоимости, т.-е. включать в себя часть издержек производства. „Издержки производства", о которых Маркс говорит в условиях полунатурального хозяйства, ничего общего не имеют с упоминаемыми издержками производства; здесь рента „зачастую поглощает не только часть его прибыли... но и часть нормальной заработной платы", что в капиталистических условиях означает поглощение рентой составной части (переменный капитал) издержек производства, а это является безусловным нонсенсом. Подобно тому как понятие „рента", употребляемая Марксом в данном случае в смысле земельной платы, ничего общего не имеет с капиталистической рентой, „издержки производства" являются здесь не чем иным, как суммой материальных и денежных затрат, расходуемых земледельцем на производстве тех или иных продуктов. И, конечно, эти затраты ничего общего не имеют с „первоначально-авансированным капиталом", категорией общественно-капиталистического порядка. Условность эта применена Марксом для вскрытия природы так называемой „денежной ренты" и это отнюдь не противоречит марксовой теории издержек производства, как феномену чисто капиталистическому.

Если в условиях земельной собственности условное применение этого термина возможно, то в СССР „издержки производства" в сельском хозяйстве теряют свой какой бы то ни был экономический смысл и содержание. Нельзя, конечно, отрицать наличия в деревне капиталистических (кулацких) хозяйств, но по своему удельному весу они играют столь незначительную роль, что общей

природы нашего полунатурального некапиталистического сельского хозяйства они не меняют. И если говорить о перспективах товаризации сельского хозяйства, то здесь лежит один путь: укрупнение его через коллективизацию индивидуальных крестьянских хозяйств с извлечением выгод от применения машинной техники и крупного хозяйства вообще, а отсюда и снижение затрат на единицу продукции. Большую роль здесь должно сыграть чисто товарное крупное государственное хозяйство — совхозы. Если капиталистическое фермерское хозяйство, давимое рентой и погоней за большей прибылью, искало выхода в снижении издержек производства за счет ухудшения благосостояния земледельцев, то всякое снижение затрат (или себестоимости), идущее за счет извлечения выгод укрупненного коллективизированного хозяйства, должно сопровождаться ростом благосостояния „акционеров" колхоза и интенсификацией самого хозяйства.

Говорить о полунатуральном состоянии нашего сельского хозяйства можно лишь, если брать его в целом, где процент товарности в среднем невелик. Степень товарности отдельных культур колеблется от (ниже) 20 до 100% (хлопок, свекла), и поэтому анализ затрат на единицу продукции на различные культуры должен учитывать степень „натуральности" или „товарности" ее. В пределах данной культуры товарность резко колеблется в географическом разрезе; от нуля до весьма солидного процента.

Изучая затраты или себестоимость сельскохозяйственных культур с точки зрения ценообразования за истекший период, нас в первую очередь должны интересовать затраты на товары, а не на продукты. Однако, с точки зрения денатурализации важно знать и учитывать затраты на нетоварные продукты. Если первые должны отразить в себе роль себестоимости в ценообразовании и рентабельности производства, то вторые должны вскрыть условия денатурализации как в отношении техники производства, так и в рыночном отношении (уровень цен).

В дальнейшем мы так называемые „издержки производства" будем обозначать терминами „затраты" или „себестоимость" производства, при чем последняя может быть: 1) чисто производственная, куда включаются только затраты, связанные с простым воспроизводством, и 2) полная себестоимость, включающая в себя затраты, являющиеся вычетом из прибавочного продукта (валовой прибыли). Сюда относятся налоги, сборы и пр. Если первая определяет организацию и технику производства, то на основании соотношения рыночных цен и полной себестоимости можно судить о рентабельности производства. Полная себестоимость является чисто технической счетной категорией, ничего общего не имеющей с элементами издержек производства.

Прежде чем перейти к анализу эмпирических материалов, необходимо еще осветить некоторые весьма важные методологические

вопросы. Прежде всего, встает вопрос, должна ли воспроизводить каждая культура самое себя или должно воспроизводить себя каждое хозяйство? Иначе говоря, должно ли соотношение цен и себестоимости каждого данного продукта обеспечивать рентабельность его воспроизводства или же в силу комплексности крестьянского хозяйства — соотношение суммы цен (отдельные культуры) и общей суммы затрат—должно обеспечивать воспроизводство хозяйства в целом?

Если в анализе издержек производства на промтовары социалистического сектора [1] мы указывали, что в силу отсутствия единой нормы прибыли и цен производства мы исходим из воспроизводства всей социалистической промышленности в целом, из так называемой промышленной (и даже народнохозяйственной) себестоимости, то в отношении индивидуального сельского хозяйства принцип хозяйственного воспроизводства не применим. Некоторые экономисты [2] склонны вообще отрицать роль и значение себестоимости отдельных культур, исходя из комплексности крестьянского хозяйства. Говоря о конкурентоспособности отдельных культур (о заменимости, о вытеснении) обычно имеют в виду их ценностное соотношение. При этом совершенно упускают из виду, что повышение или понижение конкурентоспособности, связанное с изменением в соотношении цен этих культур, может быть также связано с изменением уровней суммы затрат на эти культуры, и улучшение эквивалентности зачастую может означать снижение рентабельности. В таком случае, конкурентоспособность будет определяться не соотношением цен отдельных культур, а соотношением цен и себестоимостью этих культур, т.-е. рентабельностью производства. Если в пределах крестьянского хозяйства цены на одну воспроизводимую культуру будут резко превышать себестоимость, а на другую не будут покрывать затрат, то именно по этой линии будет лежать конкурентоспособность и вытеснение ее. Теория комплексности, в сущности говоря, реакционная теория, ничего общего не имеющая с интенсификацией сельского хозяйства. „Какой, мол, крестьянин калькулятор. Ему важно пропитать себя, семью, лошадку и коровку, хотя бы за счет отхожего и кустарного промысла, если сельское хозяйство нерентабельно". К этому собственно и сводится так называемая теория комплексности — чисто-патриархальная теория воспроизводства. Крестьянин превосходно учитывает количество затрачиваемых средств производства и труда на один гектар и пшеницы и ржи, и еще лучше знает сумму, вырученную за продукты и той и другой. Невыгодность в соотношении будет способствовать либо вытеснению менее интенсивной культуры, либо интенсификации техники ее воспроизводства. Проблема себестоимости отдельных культур приобретает особое значение в коллективных хозяйствах и совхозах, во внутренней природе

[1] См. наши статьи в „План. Хоз", №№ 11 и 12 за 1928 г.

[2] С. С. Зак. „План. Хоз.", № 9 за 1928 г.; Сборник статей под ред. Н. П. Макарова „Себестоимость продуктов сельского хозяйства", изд. 1929 г.„Новый Агроном".

которых заложена интенсификация сельского хозяйства, получающая свое отражение в первую очередь в уровне себестоимости отдельных культур. Конечно, на ряду с себестоимостью отдельных культур имеет важное значение и себестоимость и рентабельность отдельных сел.-хоз. отраслей (зерновое хозяйство, технические культуры и т. д.) и всего сельского хозяйства в целом.

При изучении себестоимости сельскохозяйственного производства, основанного на личном крестьянском (а не наемном) труде, обычно сталкиваются с методологическим „затруднением“ в отношении оценки этого „натурального труда“. Размер себестоимости труда, падающий на единицу продукции, как известно, определяется количеством затрачиваемого времени на производство единицы продукции и стоимостью рабочей силы. Труд как элемент себестоимости имеет гораздо большее значение по своему удельному весу в сельском хозяйстве, нежели в промышленности. Стоимость рабочей силы промышленности и сельского хозяйства различна, исходя из разницы в уровне благосостояния города и деревни. Для нас вопрос оценки крестьянского труда в изучении себестоимости особой проблемы не представляет—во всяком случае он должен быть не ниже существующей в данном районе стоимости наемной рабочей силы в сельском хозяйстве (т.-е. не ниже зарплаты батрака).

Касаясь условий воспроизводства труда в крестьянском хозяйстве, Маркс всегда имел в виду, как минимум, „нормальную заработную плату, которую он получил бы в других условиях“, т.-е. став наемным рабочим. Эксплоатация мелких крестьянских хозяйств связана с низведением непосредственного производителя к физиологическому минимуму средств существования.[1] Этот „физиологический“ минимум связан с „серьезной угрозой воспроизводства условий труда“ и невозможностью воспроизводства своего хозяйства. Оказывается, что столь простая истина не для всех является убедительной. В опубликованной недавно работе Л. Литошенко[2] по себестоимости хлебов в крестьянском хозяйстве мы находим весьма оригинальный способ оценки крестьянского труда. В основу кладется стоимость потребленных крестьянином (на основе бюджетного обследования) средств существования; эта стоимость делится на количество затраченных часов труда, и таким образом получается стоимость „часа труда“. И оказывается, что эта „оплата“ труда процентов на 30 ниже батрацкого труда. Это нечто, напоминающее лассалевский „железный закон заработной платы“, основанный, так сказать, на „жратвенной теории“ (не в прямом, конечно, смысле). В основе своей подобная оценка труда путает все карты в отношении рентабельности отдельных культур и способна сослужить плохую службу в отношении интенсификации сельского хозяйства.

[1] К. Маркс, т. III, ч. 2, изд. 3, 1928 г., стр. 271.
[2] См. „Статист. Обозрение“, № 10 за 1928 г.

В настоящем исследовании мы касаемся анализа себестоимости главнейших культур зернового хозяйства (рожь, пшеница, овес и ячмень), представляющего в настоящее время наиболее актуальный интерес. В основу этого исследования положено бюджетное обследование ЦСУ за 1925 г., охватывающее все главнейшие районы (17) СССР. Динамические ряды по районам и СССР в целом с 1925 по 1929 гг. нами построены на основе изменения урожайности и весов отдельных районов. Отсюда и известная условность этих рядов. Помимо того, мы считали необходимым на основании выведенной нами районной себестоимости получить среднюю себестоимость по СССР, с одной стороны, по весам посевных площадей и с другой—по весам товарной продукции (об этом подробнее см. ниже). На ряду с этим для ориентировочного представления о рентабельности зернового хозяйства в целом (отнюдь не став не точку зрения комплексности) мы вывели среднюю для каждого района и СССР себестоимость 4 хлебов (правда, не вполне характеризующих зерновое хозяйство в целом). Нужно подчеркнуть, что важнейшим и основным дефектом приводимых исчислений является отсутствие социального разреза, отсюда и сужение сферы анализа и качества выводов Однако, это в некоторой мере искупается тем, что помимо средних данных по всем обследованным хозяйствам района приводятся данные по типичным для данного района хозяйствам, т.-е. условно (сугубо) середняцким хозяйствам. Приводя и те и другие данные, мы для выводов будем пользоваться, главным образом, этими последними (т.-е. типичными). Ценами мы пользовались заготовительными (плановыми, неплановыми и частными).

На ряду с этим материалом нами использован и обработан обширный материал (по районам РСФСР) о себестоимости тех же культур в совхозах Госсельсиндиката (отчетные данные) за 1925/26 и 1926/27 гг. Здесь мы столкнулись с большими затруднениями в обработке материалов по озимым культурам в связи с нерасшифрованной статьей „Затраты прошлых лет“. Лишь продолжительный кропотливый анализ позволил привести эти материалы в „христианский вид“. Благодаря этому мы имели возможность, правда, довольно условного сопоставления размера себестоимости и рентабельности в индивидуальных хозяйствах и государственных хозяйствах.

2. Факторы и структура себестоимости

На ряду с социальным признаком одним из основных моментов определяющих размеры затрат на единицу посевной площади, является техника полеводства, которую нужно рассматривать не только как функцию природно-географических условий, но и как социальную функцию. Размер затрат на единицу посева зачастую обратно-пропорционален себестоимости единицы продукции. С точки зрения ценообразования нас должна интересовать, главным обра-

зом, себестоимость единицы продукции, а не единицы площади посева. Однако, поскольку себестоимость единицы продукции является лишь производной в отношении затрат на единицу площади, постольку познание природы себестоимости связано и с анализом так называемой себестоимости единицы площади посева. Следующим основным условием, определяющим размер себестоимости, являются существующие цены как на рабочие руки, так и на средства производства. Если первое условие (техника полеводства) является качественным показателем производства, т.-е. фактором, так или иначе „зависящим", то второй фактор может быть назван условно „независящим". Правда, эта „зависимость" в сельском хозяйстве не та, о которой может итти речь в промышленности. Если в последней „технические коэфициенты" определяются исключительно или, главным образом, внутрипроизводственными условиями, то в сельском хозяйстве еще примешивается природно-географическое влияние. Но отсюда основное определение размера себестоимости не меняется.[1] В сельском хозяйстве, как и в промышленности, размер себестоимости единицы продукции является равнодействующей материальных и ценностных факторов.

В основу изучения техники полеводства мы положили данные урочного положения ЦСУ (в среднем за три года) отдельно для озимых и яровых хлебов.

В то время как на Украине (степь), в Крыму, Поволжьи и Сев. Кавказе в среднем свыше 70% (от 62 до 87%) озимого поля вспахивается лишь один раз; в ЦЧО, Центр.-Промышл., Западном уральском и башкирском районах и в сев.-вост. Сибири около 70% (56—84%) вспахивается два раза, а на севере—94% поля вспахиваются три раза и в Северо-Западном районе — 36%—2 раза и 62%—3 раза. Процент посева ни разу не пахавшегося на Украине (степь) достигает 20%, а в Поволжьи — 14%. На Украине (степь), Сев. Кавказе, Крыму, Поволжьи и Башкирии процент посева, вовсе не бороновавшегося, достигает 40—50 и выше, в то же время как на севере процент поля, бороновавшегося 3 раза, достигает 66, а в Сев.-Западном районе — 23. Если проанализировать технику пахоты в отношении применяемых орудий производства, то мы и здесь имеем довольно пеструю картину. Если принять за 100% посев каждого района, то выше 80% поля вспахивается плугом в следующих районах — Западном, ЦПР, Ленинградском, Башкирии, Сев. Кавказе и Сев.-Вост. Сибири; выше 60% — в Крыму и Поволжьи, выше 50% — в ЦЧО и на Украине. В Уральской области лишь 33% вспахивается плугом. Как видим, соха занимает еще солидное положение на Урале, Севере, ЦЧО, Поволжьи. Удельный вес такого „орудия производства", как буккер, доходит на Украине до 48% и в Крыму до 38%.

[1] См. нашу статью „Издержки производства в процессе ценообразования", „План. Хоз.", №№ 11 и 12, за 1928 г.

Если обратиться к средствам производства по посеву, то в преобладающем большинстве районов они представлены таким „высокотехническим орудием", как руки. Более или менее значительную роль сеялка играет на Украине (30%) и на Сев. Кавказе (45% засевается сеялкой). Небольшую роль (до 15%) сеялка играет в Поволжьи и ЦЧО. При всем географическом разнообразии техники полеводства мы имеем в целом ряде так наз. интенсивных районов довольно примитивную технику при благоприятных природных условиях. Орудия производства сплошь и рядом не соответствуют степени интенсивности района. Такая пестрота в технике и способе производства тесно связана с громадными интервалами в сумме материальных и, в особенности, трудовых затрат на единицу посева между отдельными районами.

Так, затраты часов труда на 1 гектар по ржи озимой (см. таблицу 1 и 2) колеблются по типичным посевным группам от 218 до 1.033 часов, т.-е. отношение от минимума к максимуму равно 1:5. При чем, как мы видим, последовательность районов по возрастанию затрат труда находится в тесной зависимости от техники полеводства. Украина (степь), Поволжье, Сев. Кавказ, ЦЧО и др. занимают „минимальные" места так же, как и по количеству вспашек и бороновок, вся же потребляющая полоса стоит в „максимуме". По затрате тяговой силы на 1 *га* озимой ржи мы имеем аналогичную, примерно, картину с пределами колебания: от 81 до 334 часов, т.-е. отношения 1:4. Пределы колебания затрат часов труда и тяги по яровой пшенице в два раза меньше: по труду 203 — 490, т.-е. 1:2,5 и по тяге от 82 до 166 часов, т.-е. 1:2. Это об'ясняется небольшой сравнительно распространенностью по районам производства пшеницы, ограничивающейся, примерно, шестью товарными районами. Аналогичное с рожью колебание мы имеем по ячменю, а с пшеницей (яровой) — по овсу.

Однако, гораздо больший интерес, чем географические колебания затрат, представляют колебания затрат труда по посевным группам (условно по социальному признаку). Данные приводимой ниже табл. 3 нами заимствованы из материалов Минца.[1] Как правило, можно сказать, что затраты на единицу посева увеличиваются при переходе от высшей посевной группы к низшей. Если принять затраты в высшей группе за 100%, то затраты низшей составят: по ржи — 417%, по пшенице озимой — 353%, по яровой—290%, по овсу — 318%, ячменю — 610%. Из хлебных культур наибольшие отклонения (как и в районном разрезе) по посевным группам мы имеем по ржи и ячменю. Наименьшие отклонения в сельском хозяйстве наблюдаются по огородничеству, где техника производства для всех групп примерно монотипна. Садоводство по тем же причинам дает обратное отклонение. Обращают на себя внимание две последние

[1] См. „План. Хоз.", № 8 за 1927 г.

Таблица 1

Часы труда, затрачиваемые на 1 га
(От минимума к максимуму)

Районы	Ржи	Наименов. террит. един.	Пшеницы	Наименов террит. един.	Овса	Наименов террит. един.	Ячменя.
Нижне-Волжск.	218,0	Сибирь юго-зап. . . .	203,7	Уральская обл.	240,6	Украина степь	234,8
Украина степь	244,8					Средне-Волжский . . .	257,2
Север. Кавказ	260,5	Сев. Кавказ (степ. окр.)	219,6	Сибирь юго-зап.	278,5	Украинская ССР	261,0
Центр.-Черноз. обл. . .	295,5					Сев. Кавказ	265,3
Башкирская АССР . . .	304,4	Нижне-Волжск.	240,9	Центр.-Черноземн. . . .	288,7	Уральская обл.	279,3
Средне-Волжский . . .	326,9					Центр.-Черноземн. . . .	289,4
Уральская обл.	363,9	Средне-Волжск.	242,6	Башкирия	299,4	Украина правобер. . . .	294,5
Украина вся	368,4					СССР	304,5
Украина левобережн. .	374,6	СССР	243,8	Средне-Волжск.	306,1	Сибирь юго-зап.	307,9
СССР	404,6					Нижне-Волжск.	311,6
Белорусская ССР . . .	442,8	Украина степь (с Днепр. Пром. и Гор. Пр. Окр.)	247,7	СССР	336,8	Украина левобережн. . .	333,4
Украина правобережн. .	471,1					Вятский район	357,4
Сибирь юго-зап. с Том.ок.	481,2	Уральская обл.	262,3	Западный район	346,8	Украина полесье . . .	413,7
Украина полесье . . .	483,6					Западный район	419,7
Западный район	501,0	Украинская ССР . . .	275,1	Центр.-Пром. район . .	375,6	Центр.-Пром. район . .	468,7
Вятский „	535,0					Белорусская ССР . . .	506,2
Центр.-Пром. район . .	553,1	Украина левобережн. . .	342,0	Вятский район	380,7	Ленинград. обл.	556,8
Ленинградская обл. . .	719,8					Северный район	643,9
Северный район	1.033,4	„ правобережн. .	349,5	Белорусская	386,0	Башкирия	—
		„ полесье	490,1	Ленинградская обл. . .	504,3		
				Северный район	566,2		

Таблица 2

Часы тяги, затрачиваемые на 1 га
(От минимума к максимуму)

Районы (по районам Статплана ЦСУ)	Рожь	Наименов. террит. един.	Пшеница	Наименов. террит. един.	Овес	Наименов. террит. един.	Ячмень
Нижне-Волжский . . .	80,9	Нижне-Волжский . . .	85,1	Вятский район	81,1	Центр.-Черноземн. . . .	87,2
Средне-Волжский . .	103,5					Вятский район	93,8
Центр.-Черноземн. . . .	105,1	Сев. Кавказ	89,2	Средне-Волжский . . .	85,4	Уральская обл.	98,9
Украина степь	113,3					Украина полесье . . .	103,7
Башкирия	115,6	Украина правобережн. .	93,0	Центр.-Черноземн. . . .	100,5	„ левобережн. . .	107,7
Украина левобережн. . .	117,9	Средне-Волжский . . .	108,1	Башкирия	104,6	„ степь	108,0
Сев. Кавказ	122,9					„ вся	111,1
Украина полесье . . .	124,8	Украина степь	109,8	Западный район	108,4	Средне-Волжск.	112,8
Украина вся	126,1					Нижне-Волжск.	124,5
СССР	141,6	Украина ССР	113,4	СССР	114,1	СССР	128,1
Украина правобережн.	150,8	СССР	118,4	Уральская обл.	117,3	Украина правобережн. .	138,0
Белоруссия	152,2					Западный район	144,2
Вятский район	158,7	Украина левобережн. . .	124,6	Центр.-Пром. район .	123,4	Центр.-Пром. район . .	145,3
Западный „	162,0					Сев. Кавказ	147,2
Уральская обл.	171,2	Украина полесье . . .	128,1	Белоруссия	130,6	Белоруссия	171,8
Центр.-Пром. район . .	197,6					Северный район	191,8
Сибирь юго-зап.	210,9	Сибирь юго-зап. . . .	134,5	Северный район	132,6	Сибирь юго-зап.	200,2
Ленинградская обл. . .	247,3			Ленинград. обл.	152,9	Ленинград. обл.	203,8
Северный район	334,0	Уральская обл.	166,0				
				Сибирь юго-зап.	159,7	Башкирия	—

Таблица 3

Нормы затрат труда на 1 гектар по отдельным видам работ в сельском хозяйстве
(Сводная по 11 районам. Низшая и высшая группы)

Посевные группы	Всего посева	Рожь	Пшеница озимая	Пшеница яровая	Овес	Ячмень	Кукуруза	Лен	Конопля	Картофель	Свекла	Подсолнух
Низшая	50,355	45,658	37,138	33,970	38,798	56,398	63,776	118,940	115,582	94,185	98,230	43,825
Высшая	14,343	10,939	10,519	11,699	12,207	9,250	23,430	67,737	156,172	61,506	57,119	28,798
Всего	29,398	28,289	18,308	17,830	24,472	20,393	28,609	91,782	109,367	76,185	81,355	32,838
%% отношение низшей группы к высшей группе . . .	351,1	417,4	353,1	290,4	317,8	609,7	272,3	175,6	74,0	153,1	172,0	152,2

Посевные группы	Травосеян.	Табак	Огороды	Бахчи	Сад	Виноградники	Сенокос	На одну голову скота в перев. на взр.рог.скот	На возвед. построек стоимостью в 100 руб.	На ремонт инвентаря стоимостью в 100 руб.	Возведение построек на 1 душу	Ремонт инвентаря на одно хоз.
Низшая	30,681	170,000	186,695	74,576	100,831	—	12,849	41,106	2,798	3,498	2,593	2,388
Высшая	10,219	—	145,494	32,878	111,084	—	4,698	22,676	2,769	1,293	2,764	7,397
Всего	15,984	100,793	182,312	45,504	102,915	122,423	10,976	39,141	2,698	2,362	2,312	3,308
%% отношение низшей группы к высшей группе . . .	300,2	—	128,3	226,8	90,8	—	273,5	181,3	101,0	270,5	93,8	32,3

графы таблицы. Это — расходы, связанные со статьей „амортизация" в себестоимости. Вполне понятно, что затраты на ремонт инвентаря на 1 хозяйство меньше в низших группах (32% в отношении к высшей группе), нежели в высших. В то время как затраты связанные с трудом в низших группах выше, затраты, связанные с орудиями производства — ниже; т.-е. мы имеем обратно-пропорциональные явления.

Одним из основных факторов, определяющих размер себестоимости на ряду с качественными показателями, имеет стоимость рабочей силы. Однако, со стороны этого фактора мы не имеем таких влияний на себестоимость, которые создали бы резкие пределы колебания между отдельными районами. Ниже мы приводим данные (табл. 4) о поденной оплате сел.-хоз. рабочих по основным видам работ по ряду районов СССР. Данные по каждому виду работ разбиты на оплату с харчами нанимателя или с харчами рабочего. Нас, с точки зрения „стоимости рабочей силы", интересует последняя оплата, т.-е. оплата с харчами рабочего. Максимальные границы колебания в пределах каждого вида работ относятся к 1925/26 г. и равняются 1—1,8 — 1,9; в среднем же по различным видам работ эта пропорция (отношения минимальной оплаты к максимальной) составляет 1 : 1,5, при чем амплитуда колебания в следующие годы имеет некоторую тенденцию к сжатию, т.-е. мы имеем, по всей вероятности, дело как с „подтягиванием" отсталых районов, так и „отсталых" видов работ. В среднем по всем районам и по всем видам работ мы сколько-нибудь резкого повышения (10—15%) зарплаты из года в год не наблюдаем. Некоторые районы дают на ряду со значительным повышением оплаты труда, некоторое понижение последней.

Структура себестоимости (см. табл. 5) по отдельным зерновым культурам по районам СССР [1] находится в тесной связи как с техникой полеводства, так и с уровнем оплаты труда в каждом районе. В среднем по СССР (взвешенной по посевным площадям районов) удельный вес в себестоимости „стоимости труда", как это видно из таблицы, почти одинаков для всех основных хлебов. Удельный вес „труда" в среднем по СССР — около 63%, при чем по отдельным культурам он колеблется от 61,3% до 69,5%. В то время как амплитуда колебания затрат труда на единицу посева в пределах каждой культуры чрезмерно велика по отдельным районам, колебание удельного веса „стоимости труда" в себестоимости относительно меньшее. Так, по ржи при амплитуде колебания затрат труда на 1 гектар 1 : 5, амплитуда колебания удельного веса „стоимости труда" в себестоимости 1 гектара за тот же год составляет примерно 1 : 1,5. При удельном весе „труда" в среднем по СССР себе-

[1] По линии структуры речь идет о крестьянских хозяйствах с типичными для данного района размерами посевов.

Таблица 4

Поденная оплата сел.хоз. рабочих в 1925/26, 1926/27 и 1927/28 гг.
(По различным видам работы)

Районы	Весенняя вспашка и сев яровых						Вывозка навоза		
	На харчах рабоч.			На харчах наним.			На харчах рабоч.		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Северный район . . .	147	167	165	118	131	131	136	174	—
II. Ленинград. обл. и авт. Кар. район	152	161	—	116	124	113	154	174	—
III. Западный район . . .	125	131	136	98	106	110	118	143	144
IV. Центр.-Промышл. район	166	163	171	127	123	133	173	178	185
V. Центр.-Черн.	89	86	93	67	67	74	89	193	108
VI. Уральская обл.	119	114	—	94	92	—	123	121	—
VII. Средне-Волжск. . . .	95	104	98	68	80	72	106	100	100
VIII. Сев. Кавказ	112	118	110	87	89	86	—	—	135
IX. Сибкрай	98	113	117	81	84	90	115	119	130
X. УССР (средняя) . . .	87	—	—	67	—	—	—	—	—
XI. БССР „ . . .	113	—	—	91	—	—	113	—	—

Районы	Жнитва и уборка озимых			Жнитва и уборка яровых					
	На харчах наним.			На харчах рабоч.			На харчах наним.		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
	22	23	24	25	26	27	28	29	30
I. Северный район . . .	104	124	146	131	160	167	107	128	140
II. Ленинград. обл. и авт. Кар. район	117	138	—	124	176	—	106	125	—
III. Западный край . . .	125	132	128	132	143	—	104	123	—
IV. Центр.-Пром. район .	150	160	179	169	189	189	126	146	155
V. Центр. чернозем. . .	109	124	—	131	142	—	105	115	—
VI. Уральская обл. . . .	99	102	—	126	125	—	101	105	—
VII. Средне-Волжск. . . .	108	98	—	134	116	—	104	92	—
VIII. Сев. Кавказ	134	126	123	165	127	—	128	95	—
IX. Сибкрай	105	106	111	122	138	138	103	108	111
X. УССР (средняя) . . .	135	—	—	157	—	—	127	—	—
XI. БССР „ . . .	116	—	—	110	—	—	90	—	—

и взмет пара			Сев озимых						Жнитва и уборка озимых		
На харчах наним.			На харчах рабочих			На харчах нанимат.			На харчах рабочих		
1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
112	136	133	149	157	—	120	127	151	130	158	170
118	127	—	120	173	—	110	126	—	143	190	—
96	110	122	125	141	—	110	113	115	153	163	164
128	136	152	168	183	—	128	144	—	193	203	207
68	73	84	98	112	122	83	88	95	142	151	—
95	101	—	128	128	—	100	104	—	121	124	—
80	74	78	121	103	98	93	80	79	138	120	107
—	—	103	114	122	132	97	100	102	167	152	154
90	96	103	111	124	128	93	96	102	134	142	134
—	—	—	102	—	—	81	—	—	167	—	—
92	—	—	113	—	—	91	—	—	145	—	—

Сенокос						Осенняя молотьба хлебов					
На харчах рабоч.			На харчах нанимат.			На харчах рабочих			На харчах нанимат.		
1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
181	218	218	149	171	184	102	108	117	79	87	94
189	184	218	150	159	231	80	95	—	61	79	—
153	172	172	139	146	147	112	113	110	91	92	94
197	215	237	158	176	193	151	147	—	113	111	—
117	132	143	94	103	117	102	107	—	82	87	97
142	138	—	114	110	—	116	114	—	91	90	—
130	132	132	103	104	110	100	98	83	83	78	—
150	150	144	116	121	119	—	—	151	—	—	119
132	140	142	102	110	114	116	129	—	90	100	—
157	—	—	126	—	—	—	—	—	—	—	—
159	—	—	130	—	—	89	—	—	73	—	—

Структура затрат на 1 гектар по основным зерновым культурам по типичным посевным группам
(По данным ЦСУ за 1925/26 г.)

Таблица 5

Районы	Рожь								
	Семена	Тяга	Удобрение	Стоимость пользования амортизацией	Общехозяйст. и проч. расходы	Итого матер. затрат	Стоим. труда	Сельскохоз. налог	Всего
СССР	10,82	11,80	4,62	2,85	3,41	33,50	65 45	1,06	100
Северный район	7,47	10,82	3,56	1,41	5,15	28,42	70,83	0,75	100
Ленинград. „	8,41	13,40	9,04	2,12	4 55	37,52	61,91	0,56	100
Западный „	10,31	11,64	7,35	2,75	4,29	36 24	62,63	1.13	100
Центр.-Промыш. район	8,43	13,69	8,29	2,30	3,53	36,24	63,08	0,68	100
Центр.-Черн.обл.	18.92	11,58	1,16	3,82	3,09	38,56	60,45	0,98	100
Вятский район	11,46	11,97	5,01	2,32	6 24	37,00	61 85	1,15	100
Уральская обл.	12,43	14,55	5,42	2,76	3,97	39,14	58,72	2,14	100
Башкирскзя АССР	11,47	7,12	—	2,27	3,95	24,80	72,83	2,35	100
Средне-Волжский	12,75	11,66	0,53	3,48	3,64	32,05	66,67	1,27	100
Нижне-Волжский	10,30	12,61	0,32	3,76	2,52	29,50	69,19	1,30	100
Сев. Кавказ	8,57	13,14	—	3,37	3,05	28,12	70,42	1,47	100
Сибирь юго-зап.	5,38	6 60	—	3,00	2,83	17,81	81,61	0,58	100
УССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Украина полесье	9,32	8,53	1,57	2,17	1,35	22,94	76,01	1,06	100
„ правобережн.	13,50	10,69	2,00	3,90	2,67	32,77	65,47	1,76	100
„ левобережн.	10,07	10,21	1,01	3.35	1,77	26,42	71,93	1,65	100
„ степь	12,28	11,34	0,30	4,19	1.66	29,77	68,92	1,30	100
БССР	11,91	8,85	12,37	2,87	1,82	37,82	61,29	0,81	100

Районы	Овес								
	Семена	Тяга	Удобрение	Стоимость пользования амортизацией	Общехозяйст. и проч. расходы	Итого матер. затрат	Стоим. труда	Сельскохоз. налог	Всего
СССР	16,42	10,54	3,42	2,55	4,52	37,45	61.33	1,22	100
Северный район	13,99	7,53	2,15	1,32	6,81	31,80	67,51	0,69	100
Ленинград. „	17,26	11,09	5,25	2,08	5,59	41,27	58,03	0,70	100
Западный „	16,07	10,67	4,48	2,71	5,14	39 06	59,82	1,12	100
Центр.-Пром. район	14,70	11,90	5,80	2.28	4,26	38,94	59,94	1,11	100
Центр.-Черн. обл.	17,45	11,57	0,75	3,84	3,25	36.85	62,09	1.06	100
Вятский район	16,66	8,40	3,78	2,11	7,84	38,80	60,23	0,97	100
Уральская обл.	20,56	13,89	1,44	2,80	4,63	43,32	54,36	2,32	100
Башкирская АССР	19,20	5,91	—	2,27	4,06	31,44	66,88	1,68	100
Средне-Волжский	20,02	9,56	0,52	3,28	3,61	36,99	61,83	1,17	100
Нижне-Волжский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сев. Кавказ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сибирь юго-зап.	10,57	7,82	—	3,17	2,96	24,52	74,17	1,31	100
УССР	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Украина полесье	—	—	—	—	—	—	—	—	100
„ правобережн.	—	—	—	—	—	—	—	—	100
„ левобережн.	—	—	—	—	—	—	—	—	100
„ степь	—	—	—	—	—	—	—	—	100
БССР	17,36	8,68	6,99	2,81	1,94	37,78	61,00	1,22	100

Пшеница яровая								
Семена	Тяга	Удобрение	Стоимость пользования амортизацией	Общехозяйств. и проч. расходы	Итого матер. затрат	Стоим. труда	Сельскохоз. налог	Всего
16,48	11,50	1,55	3,41	2,87	35,81	62,14	2,05	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
14,27	17,39	6,73	2,84	4,10	45,33	52,50	2,17	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
19,23	14,00	0,61	3,74	3,76	41,34	56,78	1,88	100
14.81	7,69	0,29	3,54	2,31	28,64	69,97	1,38	100
12,69	10,75	—	3,27	3,23	29,93	67,04	3.03	100
15,83	8,18	—	3,17	3.17	30,34	67,73	1,93	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
15,86	8,95	0,94	1,77	1,02	28.53	69,76	1,71	100
22,40	8,26	1,29	3,91	2,38	38,24	57,74	4,02	100
19,01	10,49	0,58	2,99	1,70	34,77	63,21	2,02	100
18,78	9,99	0,28	4,00	1,67	34,72	63,60	1,67	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—

Ячмень								
Семена	Тяга	Удобрение	Стоимость пользования амортизацией	Общехозяйств. и проч. расходы	Итого матер. затрат	Стоим. труда	Сельскохоз. налог	Всего
12,78	12,14	1,52	3,40	3,07	32,91	65,53	1,55	100
20,38	8,44	1,67	1,42	6,35	38,27	59,76	1,97	100
10,63	14,33	5,07	2,09	5,31	37,43	61,87	0,69	100
10,45	12,68	3,99	2,70	4,70	34,52	64,56	0,92	100
9,15	12,48	5,13	2,52	3,93	33.21	66,12	0,67	100
15,75	10,29	0.78	3,72	3,36	33.89	64,41	1,70	100
19,85	9,52	3,54	2,18	7,61	42,70	54,92	2,38	100
24,30	10,07	1,25	2,53	4,32	42,47	54,47	3,05	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
15,89	14,63	0,61	3,83	3,76	38,71	60,22	1.07	100
5,98	14,10	0,23	3,65	2,14	26,09	72,08	1,82	100
9,20	14,51	—	3,40	2,83	29,93	66,64	3,43	100
9,74	8,78	—	3,26	2,86	24,65	74,07	1,28	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
11,30	10,05	0,92	2,27	1,38	25,92	72,73	1,36	100
19,64	13,53	2,22	3,89	2,78	42 07	56,76	1,17	100
10,58	10,43	0,44	3,39	1,81	26,65	71,07	2,27	100
12,17	11,18	0,32	4,11	1,62	29,40	69,83	0,78	100
10,86	9,66	5,93	2,85	1,76	31,06	67,78	1,16	100

стоимость в 65,45%, минимальный удельный вес составляет 58,7% (Урал), а максимальный — 81,61% (Юго-Зап. Сибирь). Последнее об'ясняется, главным образом, тем, что во многих районах низкие технические коэфициенты (обусловливаемые техникой полеводства) сочетаются с относительно низкой оплатой труда. Таким образом, себестоимость (равно и ее отдельные элементы) как результирующая качественных и ценностных показателей, имеет относительно отличный уровень как от качественных (производственных), так и ценностных показателей. Правда, здесь нужно иметь также в виду всю структуру в целом, где удельный вес того или иного элемента находится в определенном сочетании с другими составными элементами, и при его абсолютной значительной величине он может занимать в структуре сравнительно меньший удельный вес.

В структуре себестоимости прочих хлебных культур пределы колебания удельного веса „труда" по районам еще меньшие, чем по ржи. По пшенице яровой при среднем удельном весе „труда" по СССР в 62,14%, колебания по районам составляют 52,5 — 69,97%, т.-е. 1 : 1,3; по овсу при средней удельном весе в 61,33% колебания равны 54,36—74,17%, т.-е. 1 : 1,37, и по ячменю при 65,53% колебания определяются 54,47—74,07% т.-е. 1 : 1,35.

Материальные затраты в себестоимости в среднем по всем районам и всем культурам составляют около 35%; свыше одной трети материальных затрат приходится на тягу. Если затраты труда мы считали необходимым оценивать по рыночной поденной оплате рабочего в сельском хозяйстве, то оценку таких элементов материальных затрат, как тяга, семена и удобрения, мы допускаем возможным принять не по их рыночной цене, а по себестоимости производства, поскольку они потребляются in natura, а не как товары. Аналогично тому, как в промышленном производстве в калькуляцию себестоимости продукты собственного производства включаются не по их рыночной цене а по их себестоимости (например, каменный уголь, употребляемый как средство производства в пределах той же производственной единицы, где он и произведен).

„Там, где развит капиталистический способ производства, а с ним разделение общественного труда — семя и даже часть удобрения входят в процесс воспроизводства, как товары, следовательно, должны быть куплены для возмещения; чтобы добыть денег на это опять-таки приходится продать часть квартера (пшеницы. Ш. Т.). Если же их в действительности не приходится покупать, как товары, если они, напротив, могут быть взяты из самого продукта in natura, после чего снова входят, как условия производства и его воспроизводства — как это случается не только в земледелии, но и во многих отраслях производства, которые производят постоянный капитал, — то они вносятся в счет выраженные, как счетные деньги и вычитаются как составные части издержек производства[1]. Здесь,

[1] К. Маркс, „Капитал", т. III, ч. 2, изд. 3, 1928 г.

как видно, мы не имеем прямых указаний на то, должны ли они „вноситься в счет" по рыночным ценам или по себестоимости. В то же время Маркс разграничивает элементы себестоимости, потребляемые как товары и потребляемые in natura.

В значительной мере вследствие оценки по себестоимости мы имеем более резкие колебания удельного веса тяги в пределах различных районов (в среднем отношение минимума к максимуму 1 : 2), при чем наименьший удельный вес тяги в себестоимости по всем культурам приходится на Сибирь, а наивысший — на Урал. Таким образом, мы имеем явление совершенно противоположное тому, что мы установили по удельному весу „труда" в себестоимости: в максимуме здесь Сибирь, а в минимуме—Урал (по всем культурам). По количеству часов тяги на один гектар ржи Урал и Сибирь находятся на довольно близком положении (171 и 210 часов), в Сибири затрачивается даже больше часов тяги на один гектар (на 39 часов). Однако, значительно меньшая оценка лошадиного часа в Сибири и сравнительно большая оплата труда наемного рабочего при гораздо большей затрате на один гектар труда (чем тяги) в Сибири по сравнению с Уралом (364 и 481 час) создает указанные структурные соотношения. По пшенице эти соотношения слагаются вследствие комбинаций ценностных и натуральных факторов. Здесь Урал по затрате часов труда (262 часа), по затрате часов тяги (166) превышает Сибирь (соответственно 204 и 134,5), тогда как по удельному весу труда Сибирь стоит в максимуме и Урал—в минимуме, а по тяге — наоборот, т.-е. здесь структурная картина себестоимости совершенно противоположна абсолютным (натуральным) затратам на единицу посева; и, конечно, вся разгадка заключается в ценностном моменте. При оценке часа тяги[1] (речь идет о типичных хозяйствах) в Уральской области в 6,4 коп., в Сибири он оценивается в 2,3 коп. т.-е. почти в три раза меньше, в то время как поденная оплата с.-х. рабочего в Сибири на 4 коп. выше уральской оплаты.

Удельный вес „семян" в себестоимости различен в среднем по отдельным культурам: рожь 10,8%, пшеница (яровая) 16,5% и ячмень 12,8%. Здесь опять-таки влияет не столько количество затраченных семян, сколько размер их стоимости. Еще более резкие колебания по культурам дает удельный вес „удобрения": рожь—4,6%, пшеница — 1,5%, овес — 3,4% и ячмень — 1,5%. В пределах же отдельных культур по районам эти отклонения разительны (от 0 до 12,5%). Некоторые районы вовсе не употребляют или почти не употребляют удобрений. Здесь помимо разницы в затратах имеет также некоторое значение структурное соотношение с другими элементами. Таким образом, соотношение (по СССР) затрат основных элементов на 1 гектар с удельным весом в себестоимости представляется (по типичным посевным группам) в следующем виде:

[1] В тягу „включены" исключительно материальные затраты по тяге (главным образом, работа лошади); труд же при тяговой силе отнесен в графу „оплата труда".

	Затраты на 1 гектар			Удельный вес в себестоимости		
	часов труда	часов тяги	центнер. семян	труд	тяга	семя
Рожь	404,6	141,6	1,3	65,45	11,80	10,82
Пшеница	243,8	118,4	1,3	62,14	11,50	16,48
Овес	336,8	114,1	2,0	61,33	10,54	16,42
Ячмень	304,5	128,1	1,4	65,53	12,14	12,78

Следующим элементом материальных затрат в себестоимости является амортизация, составляющая в среднем около трех процентов. По отдельным районам, в зависимости от размеров хозяйства, интенсивности, степени благосостояния мы имеем резкие отклонения затрат по этой статье расхода. Прочие общехозяйственные расходы составляют также примерно 3% в общей сумме затрат. Для получения всей суммы затрат, что важно в нашем выявлении рентабельности, мы сюда включили также сел.-хоз. налог, получив, таким образом, так называемую „коммерческую себестоимость". Во избежание недоразумений, мы должны подчеркнуть, что всякие налоги и из'ятия, как элементы „прибавочного продукта", сюда не входят и принципиально резко разнятся от затрат, связанных с процессом производства. Ни в коем случае нельзя отождествлять в данном анализе „издержек производства" с „себестоимостью". Имея в виду, с одной стороны, затраты, связанные с процессом производства данного продукта (так называемая „производственная себестоимость"), а с другой и затраты, вычитываемые из прибылей, связанные с доходностью (налоги и прочие из'ятия), мы считали возможным в структуру затрат (а в дальнейшем и в полную себестоимость) включить сельхозналог. Повторяем, такой технический прием необходим лишь для выявления рентабельности производства (чистой прибыли[1]) или убытка. Если принять за 100% сумму всех затрат, то сельхозналог составит по ржи — 1,06%, пшенице — 2,05%, овсу — 1,22% и ячменю — 1,55%. По районам мы имеем резкие колебания, связанные, главным образом, с доходностью крестьянского хозяйства в каждом отдельном районе.

Для того чтобы покончить с анализом структуры себестоимости в крестьянском хозяйстве, мы исчислили (по типичным посевным группам) соотношение между материальными и трудовыми затратами (см. табл. 6). В среднем на СССР на 1 руб. материальных затрат в среднем по 4 хлебам приходится 14 часов труда. При чем по таким культурам как пшеница яровая и овес это выражается в 13 (пшеница яровая) и 12,3 часов (овес), а по ржи — 14,7 и ячменю —

[1] Правда, не совсем „чистой" прибыли, поскольку сельхозналог не перекрывает собою все из'ятия, падающие на данные культуры; они в сумме затрат не учтены.

15,0 час. труда на 1 руб. материальных затрат. По всем культурам Сибирь стоит на первом месте по величине затрат труда, приходящихся на 1 рубль материальных затрат. Такое соотношение по районам и культурам в известной мере характеризует органическое строение затрат (по аналогии: „органическое строение капитала") с точки зрения интенсивности хозяйствования. В некоторой мере

Таблица 6

Органическое строение затрат и вооруженность труда

Районы	Рожь		Пшеница				Овес		Ячмень	
			яровая		озимая					
	На 100 часов труда приход. — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда	На 100 час. труда приходится — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда	На 100 час. труда приходится — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда	На 100 часов труда приход. — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда	На 100 часов труда приход. — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда
Средн. взвеш. по СССР	35,0	14,7	48,6	13,0	46,6	13,3	33,9	12,3	42,1	15,0
Северный край .	32,3	18,7	—	—	—	—	23,4	16,0	29,8	11,8
Ленингр. обл. . .	34,4	12,0	—	—	—	—	30,3	10,2	36,6	12,0
Западный район .	32,3	13,2	—	—	—	—	31,3	11,7	34,4	14,3
Центр.-Пром. . .	35,7	10,6	—	—	—	—	32,9	9,3	31,0	12,1
Центр.-Черноозем.	35,6	14,8	—	—	—	—	34,8	15,9	30,1	17,9
Вятский район . .	29,7	14,7	—	—	—	—	21,3	13,8	26,3	11,4
Уральская обл. .	47,0	12,3	63,3	9,5	—	—	48,8	10,3	35,4	10,5
Башкирская АССР	38,0	24,3	—	—	—	—	34,9	17,6	—	—
Средне-Волжский	31,7	18,6	44,6	12,3	—	—	27,9	14,9	43,9	13,9
Нижне-Волжский	37,1	15,6	35,3	16,1	—	—	—	—	40,0	18,3
Сев. Кавказ . . .	47,2	17,6	40,6	15,8	54,3	12,7	—	—	55,5	15,6
Юго-Зап. Сибирь	43,8	36,6	66,0	17,8	—	—	57,4	24,2	65,0	23,7
УССР	34,4	13,3	—	—	—	—	33,8	13,3	33,9	17,9
Украина вся (средняя взвеш.) . .	34,2	18,5	41,2	12,5	42,0	13,6	—	—	42,6	16,2
Украина полесье	25,8	23,6	26,1	17,4	30,1	18,7	—	—	25,1	20,1
„ правобер.	32,1	19,2	26,6	14,5	38,1	13,9	—	—	46,9	12,9
„ левобер. .	31,5	19,2	36,4	13,3	34,4	14,6	—	—	32,3	18,9
„ степь .	46,3	15,6	44,3	12,3	48,2	12 8	—	—	46,0	15,8

техническое вооружение труда в крестьянском хозяйстве характеризуется соотношением затрат часов тяги на 100 часов труда. В среднем по СССР на 100 часов труда падает 34—48 часов тяги в зависимости от культуры (наибольшее по пшенице и наименьшее по овсу). По ржи наименьшее количество тяги в отношении труда приходится на потребляющие районы (где преобладает, главным обра-

зом, относительно дешевый женский труд), а наибольшее относится к так называемым товарным районам. Аналогичную картину мы имеем по овсу и ячменю. Здесь опять-таки „выпячивает" на первое место Сибирь, что об'ясняется в значительной мере сравнительно большим количеством рабочего скота (в частности лошади) в Сибири. По степени обеспеченности рабочим скотом (см. табл. 7) на первом

Таблица 7

Степень обеспеченности рабочим скотом

Удельный вес отдельных групп (все хозяйства района = 100)

	Годы	Без рабоч. скота	2 головы	3 головы
УССР	1925	40,6	18,7	1,9
	1926	38,6	22,0	2,0
БССР	1925	14,6	13,5	1,1
	1926	13,1	12,9	1,0
Северн.	1925	33,2	5,5	0,2
	1926	32,4	5,2	0,2
Сев.-Западн.	1925	25,4	8,0	0,4
	1926	25,1	8,3	0,4
Западн.	1925	10,5	18,7	1,3
	1926	10,2	18,2	1,0
Москов. Промышл.	1925	35,0	3,1	0,2
	1926	36,1	0,2	0,1
Рязано-Тульск.	1925	33,7	7,0	0,5
	1926	33,9	8,6	0,7
Центр.-Черноземн.	1925	37,8	6,3	0,5
	1926	36,5	6,9	0,5
Вятский	1925	31,3	5,8	0,3
	1926	29,6	6,1	0,4
Урал	1925	23,4	22,9	6,0
	1926	22,3	24,0	6,3
Башкирия	1925	30,2	15,2	2,0
	1926	25,6	18,7	2,3
Средне-Волжский	1925	41,3	6,7	1,3
	1926	37,1	8,9	2,0
Нижне-Волжский	1925	40,1	11,1	3,0
	1926	37,0	13,0	3,7
Крым	1925	57,9	14,4	5,0
	1926	52,8	16,2	5,8
Сев. Кавказ	1925	49,0	17,8	4,5
	1926	43,6	20,8	6,1
Сибирь	1925	13,2	32,4	15,8
	1926	13,3	33,1	16,0

месте стоит Сибирь. При среднем проценте по СССР хозяйств без рабочего скота в 35—38%, в Сибири последние составляют 13% (а на Сев. Кавказе 45%, Крыму 59% и т. д.), в то время как процент хозяйств с 2 головами рабочего скота — 33%, в среднем по СССР — 10—15% и свыше 4 голов — 12% (при среднем проценте в 2—3). На размеры затрат по отдельным районам влияет в значительной

мере также величина хозяйств (см. табл. 8). Наибольший удельный вес более крупных хозяйств (по посевной площади) приходится последовательно на: ЦЧО, Башкирию, Нижне-Волжский, Украина и т. д.

Таблица 8

Размеры хозяйств по посевным площадям

Удельный вес отдельных групп (все хозяйства = 100)

	От 2 га	3—4 га	4—6 га
УССР	17,8	15,5	19,2
БССР	26,6	20,6	19,3
Северный	19,3	7,7	4,4
Сев.-Западный	20,8	10,9	7,9
Западный	25,6	18,9	18,5
Московск.-Промышлен.	22,4	12,6	8,8
Рязано-Тульский	15,3	15,7	23,3
ЦЧО	17,7	18,5	27,1
Вятский	16,4	11,7	16,3
Урал	16,3	13,7	16,8
Башкирия	16,8	16,9	26,5
Средне-Волжский	14,3	13,6	21,0
Нижне-Волжский	12,7	12,2	20,9
Крым	7,7	5,8	8,4
Сев. Кавказ	8,9	8,6	15,5
Сибирь	14,3	12,2	17,1

Наибольший удельный вес менее крупных хозяйств приходится на потребляющие районы.

Большой интерес представляет структурное сопоставление затрат в СССР с соответствующими данными по Канаде.[1] Структура „себестоимости" пшеницы в Канаде представляется в следующем виде:

	1910 г.	1920 г.
Рента (плата за землю)	14,8	17,5
Труд	25,3	26,8
Тяга: лошади	25,0	19,3
Тяга: машины	7,4	7,3
Семена	14,8	15,5
Страхования от градобития	14,8	9,9
Итого	100	100

Прежде всего обращает на себя внимание небольшой сравнительно удельный вес труда. Однако, для сопоставимости с нашими данными, необходимо вычесть ренту и последнюю статью — страхо-

[1] На основании данных Н. Макарова „Зерновое хозяйство Сев. Америки", изд. 1924 г.

вание от градобития, тогда удельный вес труда в так называемой производственной себестоимости подымется до 35%, при его удельном весе у нас свыше 60%. Тяга занимает в себестоимости канадской пшеницы такое же положение, как и труд (около 35%), в то время как в СССР тяга составляет 1/5 в отношении к труду — около 12%. В канадской послевоенной себестоимости удельный вес ренты резко повысился за счет снижения удельного веса материальных затрат. В то время как в среднем по пшенице в СССР на 100 час. труда приходится 47 часов тяги, в С.-А. С. Ш. это соотношение в зависимости от района колеблется от 175 до 169 часов тяги на 100 часов труда, т.-е. соотношение совершенно обратное нашему. Если затрата труда на 1 гектар пшеницы у нас в среднем составляет около 245 часов, то в С.-А. С. Ш, соответствующая величина колеблется от 17—22 до 65—70 (в зависимости от „возраста" и структуры района).

Структура себестоимости по тем же зерновым культурам по совхозам Госсельсиндиката, в среднем, и РСФСР представляется за 1925/26 и 1926/27 гг. в следующем виде:

Таблица 8а

	Годы	Зарплата с накл. расх.	Тяговая сила			Материал				Общие расходы	Техн. ремонт и амортизация	Сельскохоз. налог
			Вся	Живая	Механ.	Семена	Удобр.	Проч.	Всего			
Рожь	1925/26	24,0	21,1	12,4	8,8	12,5	8,1	1,4	21,9	24,8	5,3	2,8
	1926/27	24,4	23,6	11,6	12,0	14,2	6,9	1,4	22,5	21,9	5,4	1,2
Пшеница яровая	1925/26	21,4	19,9	12,8	7,1	17,3	1,4	1,5	20,3	21,1	8,2	4,2
	1926/27	22,4	25,0	10,2	14,8	21,3	2,7	1,1	25,1	18,8	7,4	1,3
Овес	1925/26	28,5	16,4	12,9	3,5	18,8	0,8	2,1	21,7	23,8	5,2	4,3
	1926/27	24,4	21,5	11,1	10,4	21,5	0,4	1,9	24,4	20,6	6,8	2,2
Ячмень	1925/26	33,0	19,8	14,3	5,5	12,6	1,0	1,3	14,9	18,8	6,1	7,2

Здесь мы, прежде всего, имеем структуру совершенно отличную от индивидуальных крестьянских хозяйств, т.-е. структуру себестоимости крупного интенсивного хозяйства в отличие от хозяйства мелкого с низкой производительностью труда. При этом важно установить, что изменение структуры себестоимости в 1926/27 г. в сравнении с 1925/26 г. идет под знаком машинизации и роста технической вооруженности совхозов. Удельный вес механической тяговой силы резко увеличивается при сокращении удельного веса живой тяги. Заметно растет также удельный вес амортизации при некотором росте материальных затрат за счет семян; удельный вес зарплаты с накладными расходами примерно стабилен, при резком снижении удельного веса налогов. Рост затрат по тяговой силе в 1926/27 г. вне соответствующего под'ема урожайности и явился одной из причин (на ряду с ростом зарплаты) роста себестоимости в 1926/27 г. Удельный вес отдельных элементов в себестоимости различных культур не колеблется резко. Наибольшие колебания относятся к удобрению, механической тяге и амортизации, что связано, главным образом, с различной техникой полеводства. Удельный вес отдельных элементов в пределах каждой культуры по районам Советского Союза претерпевает довольно резкие колебания. Однако здесь необходимо заметить, что статья себестоимости „общие и прочие расходы", занимающие в среднем свыше 1/5 всех затрат, в значительной степени путает структуру по районам: в отдельных районах (трестах) сюда вносились (вернее „сваливались") различные затраты. В результате этого по ржи, например, эта статья по Сибири составляет 47,75%, в то время как зарплата занимает лишь 12,88%, т.-е. явно несуразная картина. Конечно, большая доля заработной платы где-то, в этой „свалочной" нерасшифрованной статье скрыта. Кроме того, если в статье „тяга" в себестоимости крестьянских хозяйств фигурировали лишь материальные затраты по тяге (корм скота и т. п.), то здесь (в совхозах) в этой статье фигурирует и труд, обслуживающий тягу (живую и механическую), в то время как в индивидуальных крестьянских хозяйствах этот труд отнесен к статье „оплата труда". Таким образом мы в калькуляциях совхозов имеем явно преуменьшенный удельный вес труда при преувеличенном размере затрат на тягу. Поэтому в таком виде эти данные с индивидуальными крестьянскими хозяйствами не сопоставимы. Расшифровать и „очистить" отдельные статьи представилось возможным по „счету производства" совхозов (по земледелию в целом). В результате такой „очистки" получается совершенно иная картина. Так, удельный вес всей зарплаты с накладными расходами вместо 25—27% подымается до 40—42% против 60—62% в крестьянских хозяйствах, „тяга" (за вычетом зарплаты, оставляя лишь материальные затраты) снижается примерно с 20% до 15—17% против 10—11% в крестьянских хозяйствах. Амортизация в совхозах значительно выше, чем в крестьянских хозяйствах, несколько выше также расходы на семена. При всей условности этого сопоставления мы имеем в совхозах безусловно более высокое „органическое строение" затрат, однако, оно все же еще ниже канадского и северо-американского сельского хозяйства.

(Продолжение следует)

Б. А. Гухман

На рубеже [1]

II. Производство

Сложная картина динамики производства за последние годы может быть понята только на фоне общих социальных и экономических условий, которые в основном определяли всю хозяйственную жизнь страны. Та социальная и хозяйственная ломка старого порядка, то строительство нового общества, которое в ней происходит с огромным упорством и энергией,— не должны упускаться ни на один момент и при анализе явлений производства.

1. Промышленность

Фабрично-заводская промышленность. После долгих восьми лет депрессии, в последнем перед войной пятилетии начиная с 1909 г., а особенно с 1910 г., промышленность вступила в полосу под'ема. Улучшаясь из года в год, своего апогея эта кон'юнктура достигла непосредственно перед войной: 1913 г. должен быть отмечен, как год максимального производства почти во всех отраслях промышленности. Разумеется, нельзя говорить об „американских темпах" развития русской промышленности даже и в те годы ее сравнительно быстрого роста, но, несомненно, что после восьми лет столь продолжительной и глубокой депрессии это оживление должно было казаться весьма значительным. Если за годы депрессии (1900—1908 гг.) средний годовой (геометрический) прирост производства крупной промышленности равен был всего $+3{,}4\%$ то в последующее пятилетие он подымается до $11{,}4\%$. [2] Эта резкая смена темпов роста производства, разумеется, должна была создать впечатление огромного расцвета промышленности. Но целый ряд признаков говорил за то, что этот под'ем в ближайшем будущем должен был смениться новым кризисом. В частности, М. И. Туган-Барановский ожидал его не позднее конца 1914 г. К тому времени, однако, разразилась война и создала совершенно новые условия специфической военной кон'юнктуры.

[1] См. „План. Хоз.", №№ 7 и 8 за 1928 г.

[2] См. „Промышленность и народное хозяйство", стр. 84, сборник изд. „Экономжизнь", исчислено по С. Г. Струмилину (см. его „Проблема промышленного капитала в СССР").

Перед русской промышленностью была поставлена задача чрезвычайной трудности — обеспечить военные требования; в то же время в обстановке почти полной изоляции от внешнего мира, удовлетворять мирные потребности страны и в первую очередь возросший спрос деревни, получившей огромный приток денежных средств — по военным поставкам, по пособиям и т. д. К решению таких задач всей предшествовавшей историей своего развития русская промышленность подготовлена не была. Непропорциональность, слабость и устарелость ее производственного скелета сказались со всей силой и на движении производства, и на его условиях, и на его структуре.

На протяжении последних перед войной пятидесяти лет, т. е на протяжении всего, в сущности, обозримого периода развития русской капиталистической промышленности, она испытывала ряд последовательных смен развития кризисов, периодов депрессий и оживлений, под'ема. При этом с 1870 г. С. А. Первушин, напр., насчитывает всего 19 лет хорошей кон'юнктуры („оживлений" либо „под'емов"). [1] За последнюю же треть века, с 1885 г. едва ли можно насчитать более дюжины таких „хороших" лет. [2] В настоящей работе не место подвергать специальному анализу динамику промышленности довоенной России, но необходимо отметить, что эти частые смены хорошей кон'юнктуры длительными периодами депрессии, а особенно то обстоятельство, что именно начало XX века, бывшее на Западе периодом промышленного расцета (с 1895 г. по 1901 г. и с 1904 г. по 1907 г.), было в России периодом длительной депрессии (с 1901 г. по 1908 г. с небольшим оживлением в 1903 г.), сыграло огромную роль в том, что уже ко второму десятилетию XX века русская промышленность „отстала от века"; что большая часть предприятий была основана или реорганизована в конце 80-х и начале 90-х годов и с тех пор не подвергалась значительной реконструкции. С другой стороны, надо иметь в виду, что эти колебания кон'юнктуры нельзя рассматривать слишком схематично. Не во всех отраслях они совпадают во времени и не всеми отраслями испытывались с одинаковой силой. Русская промышленность на всем протяжении этого периода испытывала могущественное воздействие трех факторов: роста емкости внутреннего рынка, казенных — военных и железнодорожных—заказов и системы покровительственного тарифа. Различное влияние этих факторов, кон'юнктурных колебаний, инвестиций извне,— равным образом отражалось на динамике тех или иных отраслей русской промышленности. Поэтому для последней характерна непропорциональность в развитии различных ее отраслей, несвязанность различных производств. Эти обстоятельства

[1] С. А. Первушин, „Хозяйственная кон'юнктура", стр. 186 и сл.

[2] Там же; ср. у А. Финн-Енотаевского—„Капитализм в России"; В. М. Штейн.— „Теория и политика экономич. кон'юнктуры". Б. Гухман — „Динамика промышл. России" в сб. „Промышленность и народное хозяйство".

имели огромное значение для всего последующего развития русской промышленности — и во время войны и после революции.

Три крупных группы производств — горное и горнозаводское дело (каменноугольное, нефтяное, золото-платиновое, рудное и металлургическое производства), текстильная промышленность и пищевкусовые производства (сахарное, мукомольное, спирто-водочное)— составляли основной костяк крупной промышленности довоенной России. Металлообрабатывающая промышленность, кроме отдельных производств, была развита сравнительно слабо. За исключением паровозо- и вагоностроения, производства швейных и отчасти сельскохозяйственных машин,—машиностроение, в особенности производство точных и сложных машин, электротехническая промышленность, химическая (опять-таки за исключением отдельных производств, например, резинового),— были в зачаточном состоянии и не могли удовлетворять требованиям рынка. Весьма трудно привести достаточно доброкачественные данные, которые позволили бы надлежащим образом характеризовать структуру крупного промышленного производства довоенной России. Использованные В. И. Гриневецким для этой цели прекрасные работы В. Е. Варзара [1] относятся к слишком отдаленному периоду (1900—1908 гг.); между тем, именно последние перед войной годы существенно изменили структуру русской промышленности. Обследование б. Мин. Торг. и Пром. за 1910—1912 гг. [2] страдает как неполнотой, так и недостаточной доброкачественностью собранных им данных. Предпринятое при ВСНХ коллективное исследование динамики русской промышленности за 40 лет (1885—1925 гг.), вероятно, даст возможность с большим правом оперировать довоенными данными. Но до его опубликования приходится использовывать указанные источники и исчисления Н. Я. Воробьева (основанные на разработанных ЦСУ Союза данных промышленной переписи 1918 г.). [3]

По этим данным в горном и горнозаводском деле занято было 25% всех рабочих, в текстильной промышленности —28% и в пищевкусовой —16%. Во всех трех группах было занято две трети общего числа рабочих крупной промышленности. Все эти отрасли производили до 75% всей валовой и 65% чистой продукции промышленности. Эти данные относятся к искусственному в довоенных условиях образованию: современной территории Союза. Впрочем, в действительности на всей территории б. империи эти три группы производств играли еще большую роль в структуре промышленного производства довоенной России: в отошедших областях основную массу

[1] „Статистические сведения о фабриках и заводах", 1900 и 1908 гг.

[2] „Фабр.-зав. пром. Европ. России". Птгр. 1915 г.

[3] „Фабр.-зав. промышленность в период 1913—1918 гг." „Труды ЦСУ, т. XX, VI, вв. и II, М. 1926 г. В эти исчисления Н. Я. Воробьевым внесены дополнительные, поправки. Ниже приводятся последние, любезно предоставленные Н. Я. Воробьевым исчисления.

предприятий составляли текстильные и каменноугольные. [1] Таким образом, ко времени начала мировой войны крупная русская промышленность была по преимуществу добывающей, либо производством предметов непосредственного потребления населения, основанном по преимуществу на переработке продуктов сельского хозяйства и развертывавшимся на базе обширного внутреннего рынка.

Эту характеристику надо еще больше усилить, если учесть существование и мелкого промышленного производства и отнести ее не только к фабрично-заводской промышленности, но ко всему промышленному производству страны. Ниже анализу отношений фабрично-заводской и всевозможных видов мелкой промышленности уделяется специальное внимание. Здесь же, предвосхищая последний, надо отметить, что во всем промышленном производстве страны производство предметов непосредственного потребления населения и переработка сел.-хоз. продуктов имели решающее значение. Отрасли же квалифицированной обрабатывающей промышленности были слабо развиты. После под'ема 80-х и 90-х годов, когда было в сущности положено основание этих отраслей промышленности в течение всего периода депрессии первых восьми лет XX века рост их производства был весьма умеренным: при общем под'еме производства обрабатывающей промышленности (без подакцизных производств) с 1900 г. по 1908 г. на 65%, обработка металлов и машиностроение увеличили свое производство всего на 40%. [2] Только в последние перед войной годы общего промышленного под'ема эти отрасли получили гораздо более резкое развитие. Если за эти годы общая сумма производства (условно-чистой продукции) всей промышленности возросла на 80%, то обработка металлов и машиностроение—на 120%, производство строительных материалов—на 103% и химическая промышленность — на 93%. Только в этот последний период, как видим, указанные отрасли промышленности развертывали свое производство интенсивнее остальных производств. Совершенно естественно, что производство этих отраслей и, в первую очередь, машиностроения не могло покрывать внутренний спрос в особенности на огромное большинство видов фабрично-заводского оборудования — машин и сложных инструментов. По данным обследования 1900 г. в фабрично-заводской промышленности до 63% всей стоимости оборудования было заграничного происхождения. [3] В последующие годы это соотношение не изменилось: несмотря на рост внутреннего производства потребность промышленности в оборудо-

[1] См. „Продукция фабр.-заводской промышленности за 1910, 1911 и 1912 гг.", стр. XI, Труды ЦСУ, т. X, в. 2, 1922 г.

[2] См. Б. А. Гухман, „Произв. труда и зар. плата в промышленности СССР", стр. 54—55.

[3] Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам не обложенных акцизом", за 1900 г. в обраб. В. Е. Варзара.

вании возрастала еще больше, и из-за границы и в последние перед войной годы ввозилось, примерно, две трети общей суммы необходимого промышленности оборудования; по подсчетам С. Г. Струмилина в последние перед войной годы снабжение промышленности машинами складывалось следующим образом (в млн. руб.).[1]

Годы	Ввоз (с пошлиной)	Своя продукция (реализованная)	Итого	Ввоз в % к общей сумме
1910	93,6	54,8	148,4	63,1
1911	118,3	70,6	188,9	62,6
1912	117,8	82,2	200,0	59,0
1913	156.3	(82,5)	238,8	65,2
Итого за 4-летие	486,0	290,1	776,1	62,6

Таким образом, и в последние перед войной годы ввоз машин и оборудования достигал двух третей общей суммы снабжения ими промышленности. При этом наиболее сложные и дорогие машины внутри страны вовсе не производились, и вся потребность в них покрывалась ввозом извне. Значительно лучше удовлетворялась внутренним производством потребность в сел.-хоз. машинах; из-за границы ввозилась в последние перед войной годы всего одна треть общей ее суммы. Наконец, потребность страны в железнодорожном оборудовании, несмотря на быстрый рост железнодорожного хозяйства, в швейных машинах, несмотря на огромный на них спрос, в подавляющей своей части покрывалась внутренним производством.

Как в свое время отметил уже В. И. Гриневецкий, замедленный темп развития металлургической и каменноугольной промышленности имел своим следствием недостаточную подготовленность этих важнейших производств к удовлетворению повышенных требований народного хозяйства в металле и каменном угле в последовавший период под'ема. В эти годы обозначился в стране определенный недостаток металла и явный топливный голод; для удовлетворения этих требований приходилось ввозить из-за границы значительные контингенты этих продуктов. [2]

Нижеследующие данные определяют движение добычи каменного угля и производства черных металлов за последнее перед войной пятилетие в сравнении с чистым их ввозом (за вычетом вывоза) (в млн. тонн). (см. табл. на след. стр.).

Несмотря на значительный рост производства металла и добычи каменного угля потребность в них возрастала еще больше, и импортом приходилось покрывать все более значительную ее долю. В то

[1] С. Г. Струмилин, „Проблема пром. капитала в СССР“, стр. 49.

[2] В. И. Гриневецкий, „Послевоенные перспективы русской промышленности“, стр. 14, изд. 2-е, 1922 г. Не может подлежать сомнению, что этот недостаток топлива и металла был связан также и с сознательной политикой об'единений фабрикантов и заводчиков искусственной задержки роста производства для поддержания цен на высоком уровне.

Годы	Каменный уголь			Металл		
	Добыча	Ввоз		Производство	Ввоз	
		Абсол.	В %% к добыче		Абсол.	В %% к производству
1909	28,6	4,3	16,0	2,88	0,06	2,1
1910	25,4	4,6	18,1	3,03	0,07	2,3
1911	28,5	5,2	18,3	3,58	0,13	3,6
1912	31,2	5,9	18,9	4,17	0,18	4,2
1913	35,7	8,6	24,0	4,61	0,14	3,1
Всего за пятилетие.	147,6	28,6	19,3	18,27	0,58	3,2
То же за 1905—1909 гг..	119,0	20,8	17,5	13,95	0,34	2,4

же время рост промышленного производства увеличивал потребность и в промышленном сырье и в полуфабрикатах; импорт покрывал всю потребность в непроизводившихся внутри страны алюминии, никеле, олове, каучуке и большую часть потребности в цинке и свинце. За 5 лет — с 1909 по 1913 гг. — импорт олова возрос на 40% (с 4,2 тыс. тонн до 6 тыс. тонн), никеля — в 3,1 раза (с 0,96 тыс. тонн до 3 тыс. тонн), алюминия в 3 раза (с 0,62 тыс. тонн до 1,85 тыс. тонн.); импорт каучука и сырой резины вырос с 7,1 тыс. тонн в 1909 г. до 11,8 тыс. тонн в 1913 г., т.-е. на 66%. Если в 1909 г. импорт цинка составил 11,5 тыс. тонн, что к внутреннему производству в 9,6 тыс. тонн составило 120%, то в 1913 г. импорт его составил уже 28,2 тыс. тонн, что к внутреннему производству в 11,1 тыс. тонн составило более 250%; наконец, несмотря на быстрый рост добычи меди — с 18,4 тыс. тонн в 1909 г. до 33,6 тыс. тонн в 1913 г., — импорт ее вырос еще сильнее — с 3,4 тыс. тонн до 6,5 тыс. тонн; в 1909 г. он составил 18,5% добычи внутри страны, а в 1913 г. — 19,3%. Даже тот рост промышленного производства, который имел место в последние перед войной годы, не был обеспечен ни развитием топливной, ни горнодобывающей базы страны. К этому надо прибавить, что и сел.-хоз. сырьевая база довоенной России не могла обеспечить легкой индустрии, и ввоз хлопка и шерсти покрывал весьма значительную часть потребности в них.

С началом военных действий внешняя торговля почти совершенно прекратилась. Это создало для промышленности величайшие затруднения в снабжении сырьем, и если в первое время они не ощущались еще так сильно, то только потому, что в предыдущие годы были накоплены большие запасы сырья и полуфабрикатов. Несомненно, в стране имелись запасы и неиспользованного оборудования. Необходимость снабжения фронта и армии колоссальным

количеством средств истребления и потребления пред'явила огромные требования к производству машиностроительной, металлообрабатывающей, электротехнической, химической, кожевенной промышленности в первую очередь, т.-е. к наиболее слабым отраслям. Целый ряд производств пришлось создать заново, другие значительно расширить. Такие производства, как машиностроительное, химическое, крупное кожевенное и одежно-обувное — словом, те производства, которые были связаны с работой непосредственно на оборону,— весьма расширили свое производство. Частично это достигалось путем максимальной нагрузки существовавших предприятий, а частично и путем их расширения и создания новых. К 1917 г. целый ряд предприятий был заново организован и не мало существовавших были в значительной степени реорганизованы. Перепись 1918 г. дает возможность судить о размерах этого военного роста производства. [1]

Динамика числа рабочих и продукции пром. предприятий (1913 г. = 100)

Группы производств	Число рабочих в среднем за год				Валовая продукция			
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
А. Участвовавшие в работе на оборону	103,4	111,5	123,9	132,8	102,7	126,0	148,1	107,4
Предметы вооружения	112,1	136,1	167,6	185,6	106,5	160,6	210,1	153,6
„ снаряжения	103,6	127,6	135,1	126,5	108,1	123,9	121,2	90,4
„ питания	102,0	108,4	109,5	113,7	112,0	120,1	89,6	48,8
Ткани	99,8	97,7	96,1	97,5	97,0	97,3	84,7	59,6
Б. Неучаствовавшие непосредственно в обороне	99,4	91,1	91,3	95,2	102,1	101,1	91,4	65,2
В среднем	102,9	106,6	112,6	117,8	102,3	117,5	119,6	84,7

В эти годы войны весь рост промышленного производства обусловливался именно непосредственно участвовавшими в работе на оборону предприятиями и производствами; наоборот, не связанные непосредственно с последней предприятия сократили свое производство. При этом своего максимума производство достигло в 1916 г., когда была закончена организация работ „оборонных" отраслей промышленности. В соответствии с этим от 1913 к 1916 г. резко повысилась в общей сумме производства доля последних (в %% к общему итогу): (см. табл. на сл. стр.).

Все большая доля вырабатывавшейся крупной промышленностью продукции падала на средства истребления и предметы потребления

[1] „Фабр.-заводская промышленность в 1913—1918 гг.", стр. 39.

Группы	Число рабочих		Валовая продукция	
	1913 г.	1916 г.	1913 г.	1916 г.
А. Участвовавшие в обороне:				
Производство предметов вооружения	21,0	31,2	26,0	45,6
Производство предметов снаряжения	2,6	3,2	2,9	3,0
Производство предметов питания	8,2	8,0	13,3	10,0
Производство тканей	54,2	46,2	48,2	34,1
Итого по А	86,0	88,6	90,4	92,7
Б. Неучаствовавшие непосредственно в обороне	14,0	11,4	9,6	7,3

армии. Особенно ярко эта картина характеризуется по данным о движении числа рабочих и производства машиностроительной и химической промышленности (1916 г. в %% к 1913 г.): [1]

Производство	Число рабочих	Валовая продукция
Взрывчатых веществ	449	1.045
Оружия	308	609
Электротехническое	181	350
Подвижного состава, рельс и проволочных путей	178	216
Дубителей и красителей	95	211
Специальных машин	136	143
Арматурное	123	120
Неорган. кислот и щелочей	140	102
Мыловарен. и стеаринов	107	77
Спичечное	92	67
Сел.-хоз. машин	88	48

За эти годы во много раз увеличилось производство взрывчатых веществ и оружия и значительно уменьшилось производство предметов широкого потребления. Надо иметь в виду, что этот процесс захватил не только крупную, но и мелкую промышленность. Целый ряд металлообрабатывающих, кожевенных, швейно-пошивочных производств был привлечен к работе на оборону, значительно расширив свое производство и улучшив оборудование. В то же время экспортные производства и вообще несвязанные с военными заказами резко сократились. В годы войны и крупные и мелкие предприятия могли расширять свое производство только для нужд обороны и только на базе военных заказов. Тем с большей силой ска-

[1] Там же.

залось на них прекращение этих заказов. Уже начиная с 1917 г., а особенно со второй его половины, после неудачи июньского наступления, стало очевидным близкое окончание войны. Военные заказы начали прекращаться, и производство на оборону не замедлило свертыванием.

Октябрьская революция национализировала крупные промышленные предприятия, кредитные и торговые организации. Взамен старых, разрушенных революцией, организационных форм на ходу создавались новые, принципиально от них отличные. Эта ломка старого и создание нового происходила в обстановке тяжелой вооруженной борьбы с контр-революцией и интервентами, борьбы, на которую были отвлечены лучшие и квалифицированные рабочие. Источники сырья и топлива — Туркестан, Сибирь, Урал, Донбасс, Закавказье — были непосредственными театрами гражданской войны и оказались отрезанными от центральной России. Блокада внешних границ и портов препятствовала возможности подвоза сырья и топлива извне. При этих условиях промышленность неминуемо должна была резко сократить свое производство. В годы 1918—1921 промышленное производство почти прекратилось, свелось к совершенно ничтожным величинам. Те приблизительные исчисления, которые в свое время производились и в Госплане и в ЦСУ, определяли максимальное падение промышленного производства в 1920/21 г. до 15% довоенного уровня. [1] Несмотря на такое падение об'ема производства, производственная база крупной промышленности в очень небольшой своей части потерпела существенный, непоправимый ущерб. Основная масса предприятий не подверглась сколько-нибудь значительному разрушению. Поэтому когда закончилась гражданская война, топливная и сырьевая базы были воссоединены с районами перерабатывающей промышленности; транспортное сообщение, товарооборот, организация управления производства установлены — крупная промышленность получила возможность весьма быстрого роста об'ема производства путем простой нагрузки существовавшего и бездействовавшего оборудования. Такие огромные „восстановительные" коэфициенты роста производства и обнаружились, начиная с 1922 г. Общая динамика производства крупной промышленности определяется следующим приблизительным исчислением. [2]

[1] См. „Сборник статистических сведений по СССР 1918 — 1923 гг.", стр. 168—169. Труды ЦСУ, т. XVIII; „Продукция и потребление СССР", стр. 114, Труды Госплана кн. 6, в. III; В. Г. Громан, „Нар. хоз. СССР", стр. 47.

[2] См. указанную работу, а также „Итоги десятилетия советской власти в цифрах", стр. 242; последние годы—по „Контр. цифрам народного хозяйства". Эти данные весьма приблизительны. В частности, по методу счета они не учитывают происходивших в эти годы изменений ассортимента и качества изделий. Судя по всему, сравнительно с современными, довоенные данные преуменьшены процентов на 10.

Динамика валовой продукции крупной промышленности

Годы	Валовая продукция в млн. руб. по дов. ценам по отраслям			В процентах к 1913 г.			В процентах к предыд. году
	Произв. средств произв.	Произв. предмет. потребл.	Итого	Произв. средств произв.	Произв. предмет. потребл.	Итого	
1913	2.582	3.809	6.391	100	100	100	—
1914	2.726	3.703	6.429	105,6	97,2	100,6	100,6
1915	3.359	3.697	7.056	130,1	97,1	110,4	109,8
1916	4.170	3.250	7.420	161,5	85,3	116,7	105,2
1917	2.667	2.113	4.780	103,3	55,5	74,8	64,4
1918	980	1.180	2.160	38,0	31,0	33,8	45,2
1919	551	404	955	21,3	10,6	14,9	44,2
1920	396	422	818	15,3	11,1	12,8	85,7
1920/21	416	664	1.080	16,1	17,4	16,9	132,0
1921/22	629	806	1.435	24,4	21,2	22,5	132,9
1922/23	991	1.135	2.126	38,4	29,8	33,3	148,2
1923/24	1.216	1.370	2.586	47,1	36,0	40,5	121,6
1924/25	1.788	2.172	3.960	69,2	57,0	62,0	153,1
1925/26	2.513	3.960	5.722	97,3	84,2	89,5	144,5
1926/27	3.178	3.545	6.723	123,1	93,1	105,2	117,5
1927/28	3.779	4.364	8.143	146,4	114,6	127,4	121,1

Военный рост производства, его падение в годы гражданской войны и затем бурный под'ем — этими данными характеризуется достаточно выпукло. Огромные темпы роста производства, которые имели место, начиная с 1921 г., не могли бы осуществиться, если бы их нельзя было достигнуть, загружая стоявшее в бездействии оборудование. При этом огромный, никем в свое время непредвиденный рост его в 1924/25 г.,— вдвое больше предыдущих лет,— несомненно, был достигнут благодаря тому, что этот процесс активизации оборудования удалось резко усилить и ускорить благодаря известным успехам в организации самого промышленного хозяйства. Если судить по этим данным, уже с 1926 г. об'ем производства крупной промышленности превысил довоенный уровень. Можно было бы наметить периодизацию этого ряда: 1914—1916 гг.— период военного роста промышленности, 1917—1920/21 гг.— период ее упадка, 1921/22—1925/26 гг.— период восстановления об'ема производства и, наконец, начало нового периода на более высоком уровне об'ема производства, чем начальный— 1913 г. Эти периоды статистического ряда грубо совпадают, конечно, с периодами этой исторической эпохи. Война 1914—1916 гг., переходный 1917 г., 1918—1921 гг.—годы гражданской войны, 1922—1925 гг.— первые годы мирного труда и восстановления разрушений и, наконец, первые годы развернутой реконструкции производственной базы промышленности. Однако,

Производство главнейших продуктов в крупной (цензовой) промышленности СССР (1913—1928 гг.)

Продукты	Единица счета	1913 г.	Война			1917 г.	I период революции — гражданская война			1921 г.	II период — восстановительный				1925/26	XIII период — реконструкция	
			1914 г.	1915 г.	1916 г.		1918 г.	1919 г.	1920 г.		1922 г.	1922/23	1923/24	1925/25		1926/27	1927/28
А. Средства производства																	
I. Топливо																	
1. Каменный уголь	тыс. тонн	28870	31915	31430	34514	31145	12958	9238	8483	9823	10375	11467	16189	16613	25586	32180	36130
2. Нефть	„ „	9543	9024	9324	9876	8711	3638	4437	3837	4031	4912	5297	6065	7185	8525	10437	11600
3. Торф	„ „	1550	1753	1550	1425	1275	1088	1188	1509	2385	2250	2583	3133	3430	4260	6080	6910
4. Дрова	млн. куб. метр.	70,0	69,0	67,0	69,0	60,0	43,7	40,8	94,3	89,6	55,0	54,6	53,7	43,4	50,5	60,4	51,3
II. Руда																	
5. Железная руда	тыс. тонн	9214	6540	5250	6645	4954	772	183	164	129	245	481	1043	2084	3318	4802	5800
III. Металл																	
6. Чугун	тыс тонн	4207	4082	3685	3814	3023	515	113	115	116	188	300	661	1192	2203	2964	3328
7. Сталь	„ „	4247	4400	4106	4274	3080	402	199	162	182	(330)	615	993	1868	2900	3629	4175
8. Прокат	„ „	3509	3582	3257	3372	2444	357	179	147	180	(270)	474	690	1418	2255	2752	3194
9. Медь (штыковая)	„ „	32	31	26	24	18	4	—	—	—	1	2	3	8	12	22	27
IV. Машины и оборудование																	
10. Паровозы	млн. руб. по довоен. цен.	14,2	?	?	?	6,3	2,5	1,5	1,8	1,6	(2,0)	2,5	7,8	6,5	12,0	22,0	32,0
11. Двигатели внутр. сгорания	1000 HP	26,5	?	?	?	?	12,5	6,3	1,9	5,3	(8,0)	13,9	17,4	35,0	63,7	82,4	106,9
12. Сел.-хоз. машины	млн. руб. по довоен. цен.	67,0	?	?	?	6,4	4,2	2,8	3,1	(5,0)	(8,4)	11,8	16,4	40,0	70,0	99,0	125,0
V. Строит. материалы																	
13. Цемент	тыс. бочек	12340	12050	9220	7900	5880	1120	40	120	385	860	1390	2250	4454	8500	10068	11900
14. Кирпич	млн. штук	2144	2354	1374	922	674	315	189	190	94	130	216	304	474	918	1398	1785
15. Пиленые материалы	тыс. куб. метр.	11129	11875	10061	7657	5580	2755	2008	1485	(1710)	3057	4670	5725	8524	9942	15778	—
VI. Химия																	
16. Сода	тыс. тонн	154	?	?	?	36	86	49	27	11	49	63	106	134	180	222	(270)
17. Суперфосфат	„ „	55	?	?	?	12	29	16	9	5	8	16	28	54	92	96	159
18. Кислоты	„ „	150	?	?	?	192	201	114	63	38	50	76	133	176	236	313	(465)
Б. Предметы потребления																	
19. Хлопч.-бум. пряжа	тыс. тонн	271	270	298	298	210	118	19	15	22	72	75	112	189	243	284	330
20. Хлопч.-бум. ткань (сур.)	млн. метр	(1625)	(1625)	(1795)	(1795)	(1265)	(979)	(161)	(126)	105	349	667	930	1631	2209	2834	3100
21. Шерстяная пряжа	тыс. тонн	46	45	47	44	32	25	10	8	7	14	16	20	29	36	44	54
22. „ ткань	млн. метр	(89)	(87)	(89)	(87)	(68)	(48)	(17)	(14	9	21	27	35	55	70	80	97
23. Льняная пряжа	тыс. тонн	(65)	(82)	(86)	(75)	52	28	15	10	8	21	34	45	48	68	67	—
24. „ ткань	млн. кв. метр.	(173)	(219)	(230)	(200)	(139)	(75)	(42)	(27)	20	81	80	119	135	176	—	188
25. Галоши	млн. пар	28	23	24	20	17	6	3	—	1	9	10	6	16	25	30	37
26. Сахарный песок	тыс. тонн	960	1287	1621	1496	915	335	79	90	50	186	196	374	466	1076	873	1342
27. Соль	„ „	1978	1933	2003	2602	1804	1320	610	765	983	743	1173	1243	1331	1537	2061	2223
28. Спички	тыс. ящиков	3757	4092	2940	2900	2279	1019	1008	633	782	899	1399	1923	3190	4035	4254	5500

нельзя рассматривать эти периоды слишком схематично. Эти общие данные не вскрывают еще тех качественных изменений, которые совершались в народном хозяйстве одновременно и на общем фоне этих суммарных сдвигов. Военный рост промышленного производства был в то же время связан с его сокращением в ряде отраслей; развертывание одних из них шло одновременно со свертыванием других. Если бы „восстановительный" рост производства после его падения об'яснялся только одним увеличением нагрузки существовавших предприятий, без изменений в организации самой производственной базы, этот процесс восстановления об'ема производства был бы процессом восстановления и его структуры. Однако, это-то условие и не имело места. Каким бы своеобразием ни отличалась экономика отошедших от императорской России после войны государств,—в частности, Польши,—от остальной части страны, но до войны это был единый хозяйственный организм, с одной внешней границей, единым таможенным тарифом, валютой и т. д. Внутри этой хозяйственной системы существовало определенное размещение и промышленности. Потери последней в результате распада старой России были весьма чувствительны, в особенности по некоторым производствам. По данным обследования 1912 г. (в обработке ЦСУ) потери промышленности, в связи с образованием лимитрофных государств, определяются следующим образом: [1]

Число рабочих и продукция крупной промышленности России в 1912 г.

Отрасли промышл.	Рабочих (тыс. чел.)			Валовая продукция (млн. руб.)			Отошло в % %	
	СССР	Проч. террит.	Всего	СССР	Проч. террит.	Всего	Рабочих	Валов. продукции
Всего	1.917	408	2.325	6.059	1.383	7.442	17,3	18,6
В том числе:								
Шерст. пром.	80	63	143	345	297	642	44,4	46,2
Кожевен. „	28	8	36	76	45	121	23,4	36,9
Бумажн. „	33	11	44	61	33	94	24,7	35,0
Пенька и джут. пром.	15	10	25	29	14	43	40,0	33,4
Обраб. дерева	78	23	101	163	53	216	22,7	24,4
Химпромышл.	51	14	65	223	64	287	22,2	22,5
Добыча и обраб. минералов.	138	37	175	133	37	170	20,8	20,3
Хлопч.-бум. промышл.	430	80	510	1.389	364	1.753	16,5	20,3
Металлич. „	339	87	426	1.138	258	1.396	19,3	18,5
Горная и горнозавод. пром.	388	24	412	716	36	752	5,9	4,8

[1] „Продукция фабрично-заводской промышленности за 1912, 1920 и 1921 гг.", стр. IX, Труды ЦСУ, т. X, в. 2.

С отошедшими территориями страна потеряла высококвалифицированную часть обрабатывающей промышленности в шерстяном, мебельном, обувном, бумажном, химическом производствах. В подавляющей части эти предприятия работали на сырье, подвозившемся из районов, оставшихся в СССР. Выпадение этих производств не может не ощущаться достаточно болезненно во всем народном хозяйстве Союза.

С другой стороны, выше были отмечены те усилия в организации производственной базы ряда отраслей производств, в том числе и таких, которые понесли значительный ущерб с отходом части территории, во время войны. В эти годы была укреплена производственная база отраслей квалифицированной переработки и, несомненно, чрезвычайно пострадала хищнически эксплоатировавшаяся топливная и сырьевая.

Наконец, выше были характеризованы и те реконструкционные процессы, которые имели место уже в первые годы восстановления производства в организации всей производственной базы промышленности. Начиная же с 1924 г., эти процессы были чрезвычайно усилены капитальными работами. Реконструкция производственной базы должна была технически обусловить и реконструкцию производства. Социальная же революция, изменившая условия потребления и распределения внутри страны, условия связей с внешним миром, требовала этой реконструкции тем решительнее, чем энергичнее она развертывалась. Отражения этих процессов реорганизации производственного скелета промышленности можно видеть уже и по приведенным выше общим данным: огромный рост производства средств производства во время войны, его гораздо более высокий (сравнительно с довоенным) современный уровень, несомненно, связаны именно с этими процессами. Но наиболее правильно и удобно проследить реконструкцию производства по данным о движении производства конкретных фабрикатов (см. табл. на стр. 175).

В этих частных, но конкретных показателях не трудно заметить ту же периодизацию, что и в приведенных выше общих данных. Однако, анализируя их, можно вскрыть и ряд чрезвычайно важных структурных особенностей. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что несмотря на отмеченный выше, весьма значительный рост машиностроения и металлообработки в годы войны, ни металлургия, ни тем более рудная промышленность не обнаруживали сколько-нибудь значительного прироста производства. С другой стороны, и рост добычи топлива был весьма умеренным и не мог удовлетворить колоссальный на него спрос. Уже в первые годы войны, поэтому, обнаружился недостаток этих двух основных предметов производственного потребления.

Не было ни одного производства, которое не испытало бы резкого сокращения, начиная с 1918 г., но степень падения была далеко не одинаковой во всех случаях. Наименьшим это сокращение

производства было в торфе, наибольшим—в рудной, металлической, машиностроении, производстве галош. Эти особенности связаны с целым рядом обстоятельств. Кризис топлива в центральной России, в связи с ее изоляцией от угольных районов, заставил обратить усиленное внимание на эксплоатацию местных видов топлива и, в первую очередь, торфа.

Поэтому еще в 1919 г., когда производство остальных отраслей промышленности продолжало сокращаться, добыча торфа начала увеличиваться и в дальнейшем продолжала неизменно расти. Наоборот, на территории железорудных и железоделательных районов (Урал, Кривой Рог) развертывалась гражданская война. Если производственная база этих отраслей и не пострадала, то текущее производство, разумеется, в таких условиях не могло не притти в упадок. Точно также отсутствие импорта сырья (каучук) явилось причиной почти полной приостановки резинового производства. Не может подлежать сомнению, что кризис топлива и сырья, явившись непосредственным следствием гражданской войны, был основной причиной этого повсеместного и всеобщего паралича производства, даже и тех производств, которые сосредоточены на менее всего подвергшейся опустошениям гражданской войны территории (текстильная, машиностроительная отрасли). Именно поэтому процесс восстановления производства начался с топлива.

Одновременно, уже в 1921 г., обнаружили первые признаки роста производства металлургия и те предметы потребления, которые меньше других зависели от сырья (хлопчатобумажное, сахарное, спичечное). Добыча предмета первейшей необходимости — соли — начала расти еще раньше, в 1920 г. Чем настоятельнее была необходимость в производстве того или иного продукта с точки зрения удовлетворения потребностей в нем всего народного хозяйства, тем (при прочих равных условиях) раньше начинался процесс восстановления его производства. С другой стороны, отсутствие сырья было таким абсолютным лимитом, который значительно задержал рост производства некоторых продуктов (резиновое, шерстяное). Легко заметить, что чем более резким было падение производства тех или иных продуктов, тем рост его в период восстановления был более бурным. Это и вполне понятно. При условии, что основным фактором роста производства в этот период было увеличение нагрузки, — тем большие возможности в этом направлении имелись, чем эта нагрузка была меньше. Наоборот, по мере ее роста и уменьшения остатка неиспользованного оборудования, темп роста производства естественно должен был замедляться. Такого типа кривая развития производства явилась неизбежным следствием того, что падение производства в годы гражданской войны, как это неоднократно выше подчеркивалось, было следствием не разрушений фабрик и заводов, а преимущественно функционального расстройства процессов производства и обращения.

Общий уровень промышленного производства достиг довоенных размеров в 1926/27 г. Однако, к этому же времени целый ряд производств еще отставал, а другие оставили его далеко позади. Отчасти в результате тех преобразований, которые были произведены во время войны, а главным образом, вследствие осуществления за последние годы значительных капитальных затрат, чрезвычайно усилились отрасли квалифицированной переработки и, прежде всего, машиностроение, электротехническая и химическая промышленность. Производство этих отраслей в три — четыре раза превышает довоенное и продолжает расти. Точно также ряд отраслей легкой индустрии оставил далеко позади довоенный уровень производства. В особенности это относится к кожевенно-обувной, швейной, льняной отраслям промышленности. Этот рост производства перерабатывающих отраслей промышленности, естественно, чрезвычайно усилил потребление сырья и топлива. В особенности, огромный рост машиностроения и металлообрабатывающей промышленности соответственно повысил требования народного хозяйства в металле. Между тем, добыча руд и выплавка черных и цветных металлов продолжает оставаться еще много ниже довоенного. И до войны недостаток металла ощущался весьма тяжело народным хозяйством. В настоящее время он относительно и абсолютно усилился. Если последние годы этот недостаток металла и не ощущался столь болезненно народным хозяйством, как можно было этого ожидать, то только вследствие наличия в стране сравнительно значительных запасов лома. Между тем, ближайшие годы развернутой реконструкции производственной базы будут годами все возрастающей потребности страны в металле; слабость металлической базы может оказаться одним из наиболее серьезных препятствий для развертывания этого процесса.

Горнорудная промышленность всегда была одной из наиболее слабо развитых и организованных отраслей дореволюционной России. В настоящее же время те потери, которые понесло это производство во время гражданской войны, далеко еще не ликвидированы. Несмотря на возрастающую потребность, железнорудная и медная промышленность еще значительно отстали от довоенного уровня добычи. Добыча прочих цветных металлов и нерудных ископаемых значительно возросла, и здесь можно констатировать несомненные успехи в развертывании совершенно новых производств и значительном увеличении добычи ряда ископаемых. Однако, самые размеры добычи, сравнительно с той нуждой, которую ощущает в этих продуктах все народное хозяйство, крайне незначительны. Форсирование же их добычи связано с производством горных разведок и изысканий, требует времени и труда. И в ближайшие годы, очевидно, горнорудная промышленность будет одним из наиболее слабых мест советской промышленности.

Общий под'ем хозяйственной жизни страны пред'явил повышенные требования к снабжению топливом. Затруднения в топливо-

снабжении страны, имевшие место и до войны, предвоенный топливный кризис, перешедший с войной в топливный голод, полное отсутствие топлива в годы гражданской войны — совершенно исказили структуру топливного баланса страны. В последние годы, с ростом добычи минерального топлива, топливный режим значительно улучшился: могут быть отмечены положительные тенденции минерализации его, большей эксплоатации новых районов, замены невозобновляемых источников энергии возобновляемыми. Однако, рост топливоемких производств обрабатывающей промышленности, транспортного грузооборота и т. д. пред'явил такие огромные требования к топливоснабжению, что, несмотря на огромный рост добычи, топливный баланс страны продолжает быть напряженным (в млн. тонн условного топлива):

Годы	Валовая добыча	Потребл. индустрии, транспорта и т. д.	Запасы к концу года	Запасы в месяцах годового расхода	
				Действительные	Нормативные
1923/24	32,0	28,2	18,9	7,0	6,0
1924/25	34,8	32,4	16,9	5,9	6,0
1925/26	44,4	44,5	17,0	4,6	5,9
1926/27	55,6	49,9	22,7	4,9	5,8
1927/28	58,0	56,4	24,3	5,08	5,7

Запасы топлива в стране все еще ниже нормы.

На ряду с ростом потребления топлива, в связи с ростом работы различных отраслей народного хозяйства, не последнюю роль играют и повышенные нормы его расходования вследствие отмеченного выше крайне неудовлетворительного состояния всего паротеплового, в частности, котлового хозяйства. Рационализация топливного режима страны находится в прямой зависимости от реконструкции этого элемента промышленного хозяйства. Электрификация промышленности, сделавшая за последние годы столь значительные успехи, является одним из основных методов этой реконструкции и уже в настоящее время является одним из существеннейших факторов ослабления топливного напряжения.

Создание и расширение за последние годы сети фабрично-заводских и районных электрических станций позволило чрезвычайно увеличить производство электрической энергии. (См. табл. на сл. стр.).

Не может подлежать сомнению, что электрификация значительно смягчила, особенно в последние годы, топливное напряжение в стране. В отдельных случаях создание новых станций и расширение старых сыграло совершенно исключительную роль для развер-

Производство электроэнергии в СССР (млн. квтч.)

Годы	Всего	В том числе		В %% к 1913 году		
		Фабр.-зав. станции	Районные	Всего	В том числе	
					Фабричн. станц.	Районные
1913	1.945	1.255	690	100	100	100
1925/26	3.250	1.660	1.110	167,1	132,3	160,9
1926/27	3.920	1.920	1.430	201,5	153,0	207,2
1927/28	5.140	2.600	1.370	264,3	207,2	271,0

тывания реконструкции промышленности. Без Волховской гидростанции не могло бы быть осуществлено развертывание ленинградской промышленности; без Шатурской и МОГЭС — московской; и основной процесс реконструкции бакинской нефтяной промышленности — механизация и герметизация всех процессов добычи нефти—не мог бы быть осуществлен без имевшего место значительного расширения мощности Бакинской станции. Таких примеров можно было бы привести очень много.

Несмотря на совершенно исключительный рост производства машиностроительной промышленности, в частности, сложных и точных машин,— их внутреннее производство не покрывает еще потребности в них реконструирующегося народного хозяйства. Весьма приблизительные расчеты ВСНХ определяют движение импорта и внутреннего производства оборудования промышленности следующим образом (млн. руб.):

Годы	Внутр. производ.	Импорт		Все снабжение	Импорт в %% к снабжению
		Весь	В том числе освоено		
1925/26	ок. 250	93	80	ок. 345	27
1926/27	315	145	120	„ 460	31
1927/28	417	225	175	„ 640	35

Несмотря на огромный рост машиностроения, развертывающийся процесс реконструкции пред'являет такие повышенные требования к снабжению оборудованием промышленности, что ввоз оборудования извне приходится увеличивать в еще большей степени. Однако, доля импортного оборудования в общем снабжении им промышленности в настоящее время вдвое меньше, чем была до войны, хотя самый его размер не меньше. Созданная за эти годы машиностроительная промышленность является, таким образом, основным усло-

вием, позволяющим вести переоборудование производственного скелета промышленности такими значительными темпами, как это имело место в последние годы.

В области сельскохозяйственного машиностроения путем полной реконструкции ряда заводов достигнуты огромные успехи. С каждым годом расширяется производство не только простых, но и сложных машин и тракторов.

Виды машин	1925/26	1926/27	1927/28
Плуги (тыс. штук)	582	953	1.130
Сеялки „ „	59	57	40
Уборочн. машин (тыс. штук)	106	168	237
Тракторы (штук)	878	993	1.400

Несмотря на такой значительный рост производства сел.-хоз. машин,— в несколько раз превышающий довоенный,— потребность страны в них растет, и до сих пор небольшую ее часть приходится покрывать ввозом (в млн. руб. по довоенным прейс-курантным ценам).

Годы	Внутр. произв.	Импорт	Всего	Импорт в % ко всему снабжению
1913	67,0	41,0	103,0	62,0
1927/28	125,0	5,8	130,8	4,4

Крупнейшие, наконец, успехи достигнуты в развертывании электротехнической и химической промышленности. Эти производства наново созданы и получили огромное, до войны совершенно невиданное развитие.

Таким образом, в развертывании производства средств производства, в частности, орудий производства, достигнуты огромные успехи. Современная советская промышленность в этих ее отраслях оставила далеко позади довоенные масштабы производства. Однако, именно эти отрасли были наименее развиты в дореволюционной России; потребность индустриализирующегося народного хозяйства в их изделиях чрезвычайно велика и все возрастает. Поэтому надо признать эти несомненные достижения относительно еще далеко недостаточными. В то же время надо подчеркнуть факт значительного отставания в развертывании горной, металлической и топливной базы Союза, не обеспечивающих даже такого развития перерабатывающих отраслей производства.

Производство предметов широкого потребления за последние годы получило большое развитие и в общем оно значительно выше, чем было до войны. Однако, сильный рост численности населения умеряет достигнутые в этом отношении успехи.

По самому методу эти данные не учитывают и изменения ассортимента и качества изделий. В особенности это относится к производству хлопчатобумажных тканей: в то время как современное производство пряжи всего на 22% выше довоенного, производство тканей почти вдвое выше; иначе говоря, на метр ткани в настоящее

Годы	Производство на душу населения						В % к 1913 г.					
	Хл.-бум. ткани (метр.)	Льнян. ткан. (метр.)	Шерст. ткани (метр.)	Галоши (штук)	Сахар (кг)	Соли (кг)	Хл.-бум. ткани	Льняные ткани	Шерст. ткани	Галоши	Сахара	Соль
1913	11,6	1,24	0,64	0,2	9,21[1]	14,2	100	100	100	100	100	100
1924/25	11,6	0,96	0,39	0,11	3,3	9,5	100	77,4	60,0	55,0	35,8	66,9
1925/26	15,4	1,11	0,46	0,17	7,40	10,7	132,7	89,5	71,9	85,0	80,3	75,8
1926/27	19,3	1,19	0,57	0,20	5,99	14,0	166,4	96,0	89,1	100,0	65,0	98,6
1927/28	20,6	1,10	0,64	0,25	8,90	14,9	177,6	88,7	100,0	125,0	96,6	104,9

время вырабатывается пряжи на 36% меньше. Такое изменение ассортимента и качества изделий, разумеется, делает эти данные сопоставимыми лишь с оговорками.

Помимо этого надо учесть, что по целому ряду товаров до войны имел место значительный импорт как из отошедших областей, так и из-за границы. В частности, снабжение территории Союза шерстяными тканями в большой мере совершалось за счет ввоза их из Польши. Наконец, надо учесть, что и мелкая промышность в настоящее время в ряде производств не достигла еще довоенных размеров. Между тем, роль ее в снабжении населения предметами потребления отнюдь не маловажна. Таким образом, среднее душевое снабжение страны этими промышленными товарами в настоящее время вряд ли на много выше довоенного. Разумеется, это еще не означает, что и душевое потребление рабочих и крестьян также не выше довоенного. Выпадение потребления буржуазии, резкое сокращение потребления более имущих слоев города освободили значительное число товаров. Этому вопросу должно быть уделено специальное внимание.

В результате всех этих обстоятельств современная структура промышленности резко отличается от довоенной (см. табл. на стр. 184.)

Сравнительно с довоенной структурой производства крупной промышленности резко возросло значение производства средств производства, отраслей по добыче и обработке промышленного сырья и отраслей квалифицированной переработки. При этом, на протяжении всех последних лет тенденция к росту значения этих отраслей в общем промышленном производстве не только не ослабевает, но усиливается от года к году. Это изменение структуры промышленного производства является основным следствием и в то же время фактором происходящего в стране процесса ее индустриализации. В этом процессе получили наибольшее усиление именно те производства, которые были наиболее слабыми в довоенной России. Развитие этих производств требует форсированного развертывания

[1] Производство 1914 г.

Структура крупной промышленности СССР

Группы отраслей	Число рабочих (тыс. чел.)		Валов. продукц. в млн. руб. по дов. ценам		Чистая продукция в млн. руб.		В %% к итогу					
							Число рабочих		Валовая прод.		Чистая продукц.	
	1913	1926/27	1913	1926/27	1913	1926/27	1913	1926/27	1913	1926/27	1913	1926/27
А. По назначен. продук.												
I. Произв. средств производства	1.347	1.370	2.540	3.036	1.275	1.530	51,7	55,6	39,8	45,2	50,7	56,1
Орудий произв.	295	341	580	679	300	350	11,3	13,9	9,1	10,1	12,0	12,8
Топлива	245	342	572	725	375	475	10,5	13,9	9,0	10,8	14,9	17,4
Прочих	777	687	1.388	1.632	600	705	29,8	27,8	21,7	24,3	23,7	25,9
II. Произв. предм. потребл.	1.260	1.098	3.851	3.686	1.235	1.195	48,3	44,4	60,2	54,8	49,3	43,9
Одежды и обуви	743	796	1.843	1.884	575	580	28,4	32,2	28,8	28,0	22,9	21,3
Питания	398	185	1.662	1.401	480	405	15,3	7,5	26,0	20,8	19,2	14,9
Прочих	119	116	346	401	180	210	4,6	4,7	5,4	6,0	7,2	7,7
Б. По техническ. признаку												
I. Добыв. промышл.	642	779	1.219	1.370	750	856	24,6	31,3	19,0	20,4	29,9	31,4
II. Обрабат. „	1.965	1.695	5.172	5.352	1.760	1.830	75,4	68,7	81,0	79,6	70,1	68,6
Сел.-хоз. сырье	1.276	1.112	3.961	3.750	1.190	1.105	48,9	45,1	62,0	55,8	47,4	40,6
Промышл. „	689	583	1.211	1.602	570	765	26,5	23,6	19,0	23,8	22,7	28,0
Вся промышл.	2.607	2.468	6.391	6.722	2.510	2.725	100	100	100	100	100	100

сырьевой и топливной базы промышленности. Между тем, достигнутые до сих пор успехи еще недостаточны, и одной из основных задач ближайших лет является — преодоление этого слабого звена советской промышленности.

2. Мелкая промышленность

Промышленное производство страны не исчерпывается предприятиями так называемой „цензовой", крупной промышленности. Помимо этих предприятий, достаточно крупных, чтобы обладать определенными регистрационными признаками, существует огромное количество более мелких, такими признаками не обладающих и поэтому остающихся за полем наблюдения. Это разделение всей массы промышленных предприятий на „крупные" и „мелкие" совершенно условно; критерием для отнесения того или иного предприятия к одной из этих категорий является наличие или отсутствие формальных внешних признаков (число занятых лиц, размер производства, наличие двигателя и т. д.): обладающие этим регистрационным цензом предприятия являются „крупными", не обладающие — „мелкими". Условность, искусственность такого разделения совершенно очевидна. Ограниченная, с одной стороны, формальным понятием крупной цензовой промышленности, а с другой—домашним производством для собственных нужд,— „мелкая" промышленность является конгломератом самых разнообразных по социальной, экономической и технической структуре предприятий, самых различных форм производства. От мельчайших ремесленных заведений до сравнительно значительных капиталистических предприятий со всей гаммой промежуточных форм,—все это об'единяется в понятии „мелкой" промышленности; ненаучность, условность, искусственность его бесспорна, но в данном случае, как и весьма часто, требования научного анализа находятся в противоречии со статистической практикой. Большая часть тех упреков и уничтожающей критики, которые были В. И. Лениным сделаны земским исследователям „кустарной" промышленности 30 лет тому назад[1], могли бы быть ныне повторены и по адрессу современной промышленной статистики; успехи последней в исследовании „мелкой" промышленности еще весьма скромны. Между тем, не приходится недооценивать хотя и падающей, но все же пока еще существенной роли и значения во всей системе народного хозяйства промышленных предприятий и промысловой деятельности, которые скрываются за понятием мелкой промышленности.

Приблизительное исчисление определяет следующим образом число занятых лиц и об'ем производства мелкой промышленности в довоенной России (для 1913 г.).[2]

[1] В. И. Ленин, „Кустарная перепись в 1894/95 г. в Пермской губ.", Собр. соч., т. II, стр. 218.

[2] Все приводимые ниже данные заимствованы из печатающейся моей работы в общем коллективном исследовании „Динамика российской и советской промышленности за 40 лет".

Численность занятых лиц и продукция мелкой промышленности России до войны (вероятное исчисление)

Производства	Число занятых лиц (в тысячах)			Сумма валовой продукц. (млн. р.)			Условно-чистая продукция (млн.р.)		
	Городская	Сельская	Итого	Городская	Сельская	Итого	Городская	Сельская	Итого
А. СССР									
Обработка минеральных веществ	79	110	189	26	14	40	24	7	31
Обработка дерева	189	800	989	101	89	190	63	51	114
„ металл	165	280	445	79	98	177	54	53	107
„ живот. прод.	38	100	138	13	50	63	7	18	25
„ пищевые и вкусов. вещ.	105	500	605	76	801	877	41	64	105
„ волокн. „	21	700	721	12	79	91	8	32	40
Одежда и туалет	664	970	1.634	329	241	570	210	63	273
Прочие	59	40	99	19	10	29	18	5	23
Итого	1.320	3.500	4.820	655	1.382	2 037	425	293	718
Империя	1.560	4.450	6.010	775	1.660	2.375	500	373	873

Таким образом, до войны во всевозможных формах и видах мелких предприятий занято было на территории Союза до 4,8 млн. чел., перерабатывавших более чем на 2 мрд. руб. различных продуктов и производивших более 700 млн. руб. чистой продукции. При этом в городских предприятиях было занято всего немногим больше $^1/_4$ общего числа занятых лиц, но производили они около 60% всех ценностей. Это об'ясняется тем, что в городах были сосредоточены по преимуществу квалифицированные ремесла, с высокой производительностью труда и с сезоном работ в круглый год, в то время как в деревнях — неквалифицированные промысла всего с двадцатипятинедельным сезоном работ. В четырех группах производств — по обработке дерева, металла, пищевых и вкусовых веществ и одежды и туалета была сосредоточена основная масса производителей и в них же производилась большая часть ценностей. Производства по переработке сырья сел.-хоз. происхождения и выработке предметов широкого потребления являлись, таким образом, преобладающими.

Валовые суммы производства и числа занятых лиц в этих „мелких" предприятиях, как видим, были и сами по себе весьма значительны, но в сопоставл[illegible]с соответствующими данными по „крупной" промышленности они приобретают особую значимость (продукция в млн. руб. за 1913 г., на территории Союза):

Отрасли	Валовая продукция			Условно чистая			„Мелкое" производство в %	
	Крупная	Мелкая	Вся пром.	Крупная	Мелкая	Вся пром.	По валовой прод.	По чистой
Вся промышленность	6.391	2.037	8.428	2.760	720	3.480	24,9	20,7
В том числе:								
Обраб. минер. веществ	148	40	188	97	31	128	21,2	24,2
„ дерева	189	190	379	77	114	191	50,2	59,7
„ металла	580	177	757	312	107	419	23,3	25,6
„ пищевых и вкусовых веществ	1.761	877	2.638	580	105	685	33,3	15,3
Одежда и туалет	47	570	617	24	273	297	92,4	91,7

„Мелкие" предприятия производили до 20 — 25% всей промышленной продукции страны. При этом в производствах по обработке дерева сумма их продукции превышала производство „крупной" промышленности, а в производстве одежды и туалета последняя почти не участвовала. Огромная сфера производства предметов непосредственного потребления населения, предметов домашнего обихода, всевозможного мелкого инвентаря и инструментов в подавляющей своей части обслуживалась именно „мелким" производством.

Как выше было указано, понятием мелкой промышленности об'единяются самые различные формы производства. Нет никаких данных, которые позволили бы определить экономическую структуру мелкой промышленности до войны. Частичной иллюстрацией лишь могут служить известные замечания В. И. Ленина по поводу материалов кустарной переписи в Пермской губ.; эти материалы позволили В. И. Ленину сделать заключение, что под так называемой „кустарной" промышленностью понимались „самые разнообразные формы промышленности, мы вправе даже сказать: почти все формы, какие только знает наука"...[1]

Перепись населения 1897 г. в сопоставлении с данными налоговой статистики позволила С. Г. Струмилину составить таблицу, являющуюся массовой иллюстрацией этого утверждения. [2]

Такии образом, и сравнительно крупные предприятия, применяющие наемный труд в значительных масштабах, и мельчайшие заведения и даже единоличные промышленники, только часть времени в году занятые промысловой деятельностью, — об'единяются в этом понятии „мелкой" промышленности. При этом, если в предприятиях с наемным трудом было занято по этим данным лишь 23% всего числа занятых в мелкой промышленности лиц, то ими производилось

[1] „Кустарная перепись 1894/95 г. в Пермской губ.", Собр. соч. т. II.
[2] „План. Хоз.", № 1, 1925 г., стр. 104 и след.

Группы предприятий	Число предприятий.	Число занятых лиц (в тыс.)				В %% к итогу
		По найму	Хозяев	Пом. член. семьи	Всего	
А. Применяющие наемный труд						
1. С числом рабочих 10—16	12.875	161	12	8	181	4,5
2. „ „ „ 5—9	23.394	140	22	15	177	4,4
3. „ „ „ 2—4	60.215	150	60	40	250	6,2
4. „ 1 наемным рабочим	120.430	120	120	81	321	7,9
Всего по А . . .	216.914	571	214	144	929	23,0
Б. Без наемных рабочих						
1. По основн. занятию	1.084.000	—	1.084	726	1.810	44,5
2. „ подсобному занятию	1.325.000	—	1.325	—	1.325	32 5
Итого по Б . . .	2.409.000	—	2.409	726	3.135	77,0
Итого по А + Б . . .	2.625.914	571	2.623	870	4.064	100

не менее половины всей продукции, а наиболее крупными из них, — с числом рабочих более 10,—до 14%.[1] Разумеется, размер предприятий, даже с выделением наемных рабочих, не является сколько-нибудь достаточным критерием для дифференцированной их классификации по экономическим формам. Но, во всяком случае, даже эта крайне несовершенная их классификация позволяет сделать замечание, что в „мелкой“ промышленности довоенной России имелось значительное количество относительно крупных капиталистических предприятий, производивших значительные массы товаров. Однако, и мельчайшие предприятия, как видим, применявшие наемный труд в весьма ограниченных размерах или даже вовсе его не применявшие, одиночки, работающие не полный год, а часто даже меньшую его часть — были также втянуты в орбиту капиталистического хозяйства. Тысячью нитей, сложной системой экономических, социальных и технических отношений мелкие предприятия и „самостоятельные“ товаропроизводители были связаны и с крупной промышленностью и с торговым капиталом. В форме ли непосредственной работы на крупное предприятие на дому из сырья последнего и с обязательной сдачей ему готового продукта (в этом случае товаропроизводитель являлся рабочим на дому), в форме ли только получения от предприятия непосредственно или через посредника только сырья или только сбыта готового продукта, в форме ли, наконец, получения торгового и производственного кредита, — все без исключения формы мелкой промышленности были теснейшим образом связаны с капи-

[1] Там же.

талистическим хозяйством, являлись составной частью его системы. Эти так называемые „самостоятельные“ производители были, в сущности, капиталистически употребляемыми рабочими у себя на дому, с той разницей по сравнению с наемными рабочими, что последние работали в лучших условиях, подвергались меньшей эксплоатации и имели какие-то нормы рабочего времени, в то время как „ремесленники“ или „кустари“ последних не имели. Кооперативное движение было крайне слабо развито, и истинным хозяином мелкой промышленности, руку которого она тяжко ощущала, был капитал.

Насколько примитивным было производственное оборудование мелкой промышленности, настолько сложными были ее торговые связи. Мелкий производитель мог получать сырье или сбывать готовый продукт только через десятки рук, по самым извилистым каналам обращения. Этот сложный механизм, обслуживавшийся многочисленными посредниками, присвоивавшими львиную долю дохода производителя,—был наилучшим орудием закабаления последнего и полного его подчинения представителю капитала — скупщику, кулаку.

Годы империалистической войны были для большинства мелких производств периодом расцвета. Деревообрабатывающие, металлические, кожевенные, швейные промысла получали большие военные заказы, и целые промысловые районы были ими заняты. Союз городов, военно-промышленные комитеты и другие организации по снабжению фронта привлекли кустарные промысла для производства всевозможных предметов амуниции в весьма значительных размерах. При этом, так как иметь дело с многочисленными мелкими производителями этим организациям было крайне затруднительно, под их влиянием в большинстве случаев организовывались артели, кооперации, общие мастерские. В ряде случаев последние оборудовались за счет заказчиков. Несмотря на полное почти прекращение производства в экспортных промыслах, резкое сокращение во всевозможных отраслях по обслуживанию непосредственных нужд населения,—в общем в период войны мелкая промышленность во всяком случае не уменьшила общих размеров производства, усилила свой производственный аппарат и организационно укрепилась.

С прекращением военных заказов, с распадом организаций, стимулировавших работу мелкой промышленности на оборону, начали с большой быстротой ликвидироваться и возникшие за эти годы об'единения. Распад же хозяйственных связей и рынка, отсутствие сырья и топлива в период гражданской войны и ликвидация частнохозяйственных отношений чрезвычайно разрушительно отразились на мелкой промышленности. Наиболее организованные ее формы деградировали, переходя на обслуживание мелких местных рынков. Возникновение огромного количества мельчайших заведений ремесленного, полунатурального типа так же, как и переход существовавших сравнительно организованных и крупных предприятий на ремесленное производство, не могли восполнить резкого сокращения

продукции кустарной промышленности, в целом ряде отраслей и районов совершенно его прекратившей. В то же время крупные национализированные предприятия в ряде случаев перешли также на обслуживание местного рынка, изготовляя из государственных материалов на принадлежащих государству станках всевозможные поделки (знаменитые „зажигалки“ и т. п.) и конкурируя с мелкими предприятиями, с целью легализации возникали многочисленные промысловые об'единения, с такой же легкостью и ликвидировавшиеся.

С прекращением гражданской войны, с восстановлением рыночных отношений и связей началось восстановление мелкого производства. Годы 1922—1924 были периодом его значительного роста. Высокие промышленные и низкие сельскохозяйственные цены, низкий еще уровень производства крупной промышленности и недостаточное снабжение страны ее изделиями создали в эти годы благоприятную кон'юнктуру для мелкой промышленности. В то же время, под влиянием советского законодательства периода новой экономической политики, начала развиваться кустарно-промысловая кооперация, основанная на хозяйственной заинтересованности мелкого производителя. И в последующие годы, вплоть до 1927/28 г., несмотря на ухудшавшуюся кон'юнктуру, несмотря на затруднения в получении сырья, все в большей мере перерабатывавшегося крупной промышленностью, — мелкое производство, в особенности кустарно-промысловая кооперация, расширялось. Однако, этот процесс восстановления об'ема производства мелкой промышленности не был процессом восстановления ее экономики и социальной структуры.

В целом ряде отраслей, в которых до революции мелкое производство почти не испытывало конкуренции крупного,— в швейном, кожевенно-обувном, пищевкусовом,— в настоящее время существуют крупные фабрики и заводы. С этими предприятиями мелкие не могут конкурировать не только потому, что их продукт хуже или дороже (качество продукта при ремесленном типе производства в целом ряде случаев не хуже машинного продукта, а безмерная эксплоатация и крайняя дешевизна труда в мелком производстве позволяет ему свой продукт выпускать на рынок не дороже фабричного),— но и вследствие того, что ограниченные ресурсы сырья в первую очередь использовываются, поступают для переработки в крупную промышленность. Таким образом, в послереволюционной экономике мелкое производство испытывает конкуренцию крупного и в тех отраслях, где до войны оно ее почти не знало. В то же время система планового хозяйства,— государственной индустрии, торговли и кредита, оказывает на мелкую промышленность огромное влияние, стимулируя ее кооперацию, установление нового типа отношений с крупной промышленностью на основах не конкуренции, но разделения труда. Революция разрушила сложный аппарат посредников, связывавший мелкого производителя с потребителем. Социальные условия и законодательство нового общества не способствуют восстановлению этого аппарата, и на смену его приходит кооперация, во всех ее видах и формах,— производственной, сбытовой, снабженческой. Из ничтожных отдельных кооперативов возникает огромный аппарат кустарно-промысловой кооперации, об'единяющей сотни тысяч производителей с сотнями миллионов оборота. Все эти обстоятельства ведут к постепенному освобождению мелкого производителя из кабалы скупщиков, посредников, ростовщиков. Зарождающаяся новая техника, базирующаяся на дешевой электрической энергии, открывает перед целым рядом мелких производств новые перспективы развития, позволяя осуществлять законченное производственное кооперирование (общие мастерские и т. п.), либо организуя вокруг электрической станции сотни и тысячи мелких производителей (металлические, деревообрабатывающие промысла ЦПР). Социальная, экономическая и техническая структура современной мелкой промышленности чрезвычайно отличается от довоенной, создавая в ряде районов и производств новые условия для ее прогресса и развития.

Вероятное движение валовой продукции мелкого производства, как можно его воспроизвести на основании отдельных отрывочных статистических показаний, качественных характеристик и экспертных оценок, может быть представлено следующим образом в сопоставлении с приведенными выше соответствующими данными о крупной промышленности (в мрд. руб. по довоенным ценам и в %%):

Годы	Мелкая промышл.	Фабр.-завод. промышл.	Вся промышл.	Мелкая промышл. в %%	
				к 1913 г.	к всему производству
1913	2,04	6,39	8,43	100,0	24,2
1914	2,00	6,43	8,43	98,0	23,7
1915	1,60	7,06	8,66	78,4	18,5
1916	1,80	7,42	9,22	88,2	19,5
1917	1,60	4,78	6,38	78,4	25,2
1918	1,50	2,16	3,66	73,5	41,0
1919	1,00	0,95	1,95	49,0	51,3
1920	0,90	0,82	1,72	44,1	52,3
1920/21	1,00	1,08	2,08	49,0	48,1
1921/22	1,10	1,44	2,54	53,9	43,3
1922/23	1,20	2,13	3,33	58,8	36,1
1923/24	1,46	2,59	4,05	71,6	36,1
1924/25	1,69	3,96	5,65	82,9	29,9
1925/26	1,86	5,72	7,58	91,1	24,5
1926/27	2,04	6,72	8,76	100,0	23,6
1927/28	1,94	8,14	10,08	95,1	19,2

Таким образом, эта цифровая иллюстрация к выше сделанным замечаниям о характере динамики мелкой промышленности за время войны и революции позволяет сделать общее заключение, что, повидимому, в настоящее время доля мелкого производства в общем снабжении страны промышленными изделиями меньше, чем была до войны. Однако, те замечания, которые были выше сделаны о структурных изменениях, вызванных революцией в мелкой промышленности, с достаточной резкостью подчеркивают, в сущности, несопоставимость, несравнимость этих данных. Тот круг явлений, производственных форм, отношений, который характеризуется понятием „мелкого" производства до войны и общая сумма валового производства которого определяется в 2 миллиарда рублей, и тот круг явлений, который определяется этим же понятием и этой же цифровой характеристикой,— далеко не одни и те же. Даже самые общие данные, которыми возможно располагать по этому вопросу, весьма наглядно это иллюстрируют:[1]

Показатели	1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1926/27 г. в % % к 1913 г.
1. Общее число занят. лиц (в тыс.)	4.820	2.200	2.600	2.950	3.300	3.640	76,5
В том числе:							
а) город	1.320	465	600	650	—	—	—
б) село	3.500	1.735	2.000	2.350	—	—	—
2. Число наемн. рабочих (в тыс.)	1.020	326	326	326	350	395	38,7
3. Валовая продукция (млн. руб. по дов. ценам)	2.037	1.200	1.455	1.690	1.860	2.040	100
4. Усл.-чистая продукция (млн. руб. по дов. ценам)	720	295	360	430	475	525	73,0
5. Усл. чистая прод. в % % к валовой	35,3	24,6	24,8	25,4	25,5	25,7	—

Таким образом, число занятых в мелкой промышленности лиц, в особенности же число наемных рабочих, далеко еще не достигло довоенного уровня так же, как и сумма условно-чистой продукции, в то время как сумма валовой продукции его достигла. Это может об'ясняться только весьма резкими смещениями в структуре производства: наиболее крупные предприятия с наемным трудом ликвидированы; особенно резко сократилась городская мелкая промышленность, в которой были сосредоточены наиболее квалифицированные

[1] Данные за 1913 г. и 1922/23 г. заимствованы из указанной выше моей работы; данные за 1924/25—1926/27 гг.— по исчислениям ЦСУ СССР, по переписи мелкой промышленности с поправкой на недоучет переписи 1924/25 г. сравнительно с переписью 1926/27 г. в соответствии с исчислениями „Контрольных цифр нар. хозяйства".

ее отрасли. Сельское же мелкое производство, с производствами по переработке сел.-хоз. сырья, по преимуществу, с низкой квалификацией, восстановлено в гораздо большей степени.

Эти же сдвиги могут быть констатированы и из сопоставления производственной структуры довоенной и современной мелкой промышленности.[1]

Но основным отличием современной мелкой промышленности является не территориальное ее размещение или иной производственный состав, чем до войны, но совершенно новая экономическая и социальная организация. А. И. Агибалов-Ларин в Госплане СССР произвел следующий расчет, определяющий социальную структуру мелкой промышленности в 1926/27 г.

	Валовая продукция Млн. черв. руб.	% %
Государственный сектор	54	2,0
Кооперативный „	588	21,3
В том числе:		
а) предприятия потреб. кооперации	32	1,2
б) предприятия сел.-хоз. кооперации	50	1,7
в) куст.-промышл. кооперация	421	15,2
г) инвалидная „	83	3,0
д) охотничья „	1	0,2
Частный сектор	2.117	76,7
Всего	2.759	100

Это, разумеется, еще крайне недостаточная дифференциация мелкой промышленности, ибо в группе „частный" можно найти все формы производства — от ремесленной до капиталистической. Но самый факт существования огромной промысловой кооперации, чего не знала до революции мелкая промышленность, имеет решающее значение для ее судеб и кладет на нее совершенно особый отпечаток.

Техническая, экономическая и социальная организация советской промышленности во всех ее отраслях и формах иная, чем она была в капиталистической России. Плановое хозяйство с величайшей энергией и напряжением преодолевает унаследованные им от старого общества диспропорции, и те структурные изменения, которые уже в настоящее время, в начале эпохи развернутой реконструкции производительных сил, могут быть констатированы, являются и результатом и показателем этой огромной преобразовательной работы.

[1] См. „Союзная промышленность в цифрах", стр. 121 и сл., изд. ЦСУ СССР.

М. Спектатор

Противоречия послевоенного капитализма

Исходной точкой в выяснении своеобразия послевоенного развития капитализма следует принять создавшееся резкое противоречие между производственным аппаратом и рыночным спросом. Капиталистическое хозяйство редко в состоянии использовать весь аппарат производства, все производительные силы страны. По мере роста основного капитала происходит его связывание с вещественными элементами. Построив шахту, доменную печь и т. д., предприниматель надолго связывает свой капитал и не может освободить его даже в том случае, если эти предприятия оказываются невыгодными. Точно также, нельзя до времени бросать старые предприятия даже в том случае, когда новые более выгодны, так как нельзя выручить обратно вложенный капитал пока он не амортизируется. Отсюда и происходит, что к старым предприятиям прибавляются новые, только отчасти заменяющие старые, в большинстве случаев работающие одновременно со старыми, конкурирующие с ними и понижающие тем самым общую нагрузку всех предприятий. Другими словами, когда создаются новые предприятия, которые по своей производительной способности в состоянии покрыть весь спрос, они не целиком вытесняют существующие предприятия, а только отчасти, отнимая у старых часть заказов, понижая их нагрузку и работая в свою очередь с неполной нагрузкой.

В период свободной торговли всякое увеличение производственного аппарата вызывало обостренную конкурентную борьбу, понижение цен и доходности и заставляло медлить с постройками новых предприятий. Развитие техники все же регулярно опережало процесс расширения рынка. Техника требует постройки предприятий больших размеров, которые способны сразу произвести переворот в условиях рынка. Отсюда стремление предпринимателей к ограничению конкуренции и к созданию монополистических организаций, распределяющих рынок между существующими предприятиями. Цель таких организаций заключается в консервировании существующих предприятий и сохранении за старым капиталом, по крайней мере, его прежней доходности. Это достигается неполным использованием как старых, так и новых предприятий. Но так как хорошо оборудованные предприятия должны работать с известным минимумом нагрузки, чтобы себя оплачивать, то они постепенно вытесняют старые предприятия, скупая их и прекращая на них работу. Однако, этот процесс концентрации производства внутри монополистических организаций идет относительно медленно, так как дальнейшее производство лучших предприятий отягощается выкупной суммой и может быть выгодным только при определенном состоянии цен. Высокие же цены вообще не дают возможности значительно расширить продукцию. Вот почему одновременно с процессом концентрации, который при существовании монополистических организаций происходит не только за счет аутсейдеров, неорганизованных предприятий, но и внутри самих картелей, путем выкупа долей участия слабых предприятий более сильными, отмечается также постоянное и значительное расхождение между производственной способностью и размерами ее исполь-

зования. Это особенно сказывается в кризисные годы, когда сильно сокращается спрос. Так, в Соед. Штатах в 1911 г. только 50,6% доменных печей было в действии, а в 1914 г. даже только 44,5%. Но даже в относительно хорошие годы — 1909, 1910 и 1913 — число действовавших доменных печей не превышало 65%. Это число считается в Соед. Штатах нормальным, между тем в Германии использование доменных печей в 1909 и 1910 гг. составило 83,5% и 87,3% всех существовавших печей. Чез («Трагедия расточительства» англ. изд. стр. 187) приводит уже совсем невероятный пример расточительства. Использование в Америке лесопилен перед войной составляло только ⅓!

После войны это противоречие между производительной возможностью и покупательной способностью рынка еще значительнее обострилось. Война произвела огромные разрушения. Она обошлась всем участникам в 80 миллардов долл., т.-е. больше всего предвоенного состояния Франции и Италии вместе взятых, на 20 миллиардов долл. выше стоимости всей мировой железнодорожной сети со всем оборудованием и т. д. Тем не менее, война поглощала только 15,5% годового дохода Соед. Штатов, 25,6% дохода Франции, 19,2% дохода Италии, 31,6% дохода Германии и 36,9% годового дохода Англии.

Принимая во внимание слабое использование производственного аппарата в этих странах, не трудно было повышением нагрузки заполнить часть пробела, произведенного войной. Если к этому присоединить, что потребление народных масс, в части даже самых основных продуктов, сильно сократилось (в Германии, например, сокращение определяется в 50% и больше), то станет ясным, что несмотря на те разрушения, которые война произвела, она все-таки почти совсем не затронула производственного аппарата капиталистически развитых стран. Более того, вызвав большой спрос для военных целей и создав небывало благоприятную кон'юнктуру для предпринимателей, она содействовала значительному расширению производственного аппарата во всех основных отраслях народного хозяйства.

Теперь этот факт считается уже установленным. О нем много говорилось в послевоенной экономической литературе,[1] и мы на нем не будем останавливаться. Приведем только несколько примеров: английская угольная промышленность работала в 1928 году с нагрузкой в 75%. Из 427 доменных печей в июне 1928 г. работали всего 141, или 33%. В Соед. Штатах из 343 доменных печей работали 190, или 55,4%. В Германии из всего числа в 185 дом. печей в действии находилось 103, или 55%.

Союз германских паровозостроителей в своей докладной записке в августе 1928 г. так характеризовал положение этой отрасли промышленности в Германии.

До войны ежегодная потребность Германии в новых паровозах составляла 1.600—1.800 шт. Экспорт в 1912 и 1913 г.г. составил 1.355 и 1.457 шт. Общая стоимость продукции составила тогда сумму в 200 млн. марок. Средняя же годовая продукция за годы 1924—1927 не превышала 120 паровозов. Заказы германских железных дорог не превышали 7% довоенных. В 1927 г. были сделаны заказы на 100 паровозов, а в 1928 — на один. Число имеющихся паровозов на германских железных дорогах составляет 24.500, в то время, как максимальная потребность в них составляет 22.500. Так как паровоз может служить в течение 25 лет, то ежегодно необходимы 900 новых для замены выбывающих. Однако, тяжелое финансовое положение железных дорог заставляет отказаться от новых

[1] См., например, книгу „Женевская экономическая конференция", Изд. „Моск. Рабочий", 1926 г.

заказов. Для спасения этой стратегически важной отрасли хозяйства записка считает необходимым, чтобы правительство предоставило железным дорогам кредит в размере 50 млн. марок, предприняло меры для рационализации и концентрации производства, дав заказы только наиболее крупным предприятиям, с оказанием известной поддержки остальным с целью облегчения их перехода к производству других продуктов.

Производители стали высокого качества жалуются («Берлинер Тагеблат» от 28 марта 1929 г.) в свою очередь на слишком разросшийся производственный аппарат, который за время войны вырос в три раза, а сбыт мало увеличился. Несмотря на то, что спрос на эту сталь в промышленности увеличился, вследствие уменьшения потребности в ней со стороны военного ведомства, а также уменьшения вывоза (с 40% до 10% общей продукции), получается переполнение рынка. Создание крупного концерна «Германские заводы благородной стали» мало изменило положение, так как одновременно продолжают существовать и мелкие предприятия, и такой крупный производитель, как Крупп, и специальное крупное общество Баккер, отделение которого по производству «благородной стали» работает с нагрузкой на 60%.

Этот факт расхождения между производительной способностью предприятий и рыночными возможностями придает послевоенной кон'юнктуре особый отпечаток. Не то, чтобы хозяйство находилось в положении перманентного кризиса: такого положения вообще не бывает. Кон'юнктурные колебания отмечаются и после войны. Положение хозяйства то улучшается, то ухудшается, переход от под'емов к кризисам и депрессии даже участился по сравнению с довоенным периодом капиталистического развития, что констатируется, между прочим, и Бальфуровской комиссией, исследовавшей положение английской промышленности на мировом рынке. В Соед. Штатах уже накануне мировой войны можно было отметить более частые кризисы. Кризисными годами там считались: 1873, 1884, 1890, 1893, 1903, 1907, 1910 и 1913. До 1903 года кризисный цикл продолжался 10 лет, а после него — около 3 лет. После войны мы имеем следующие кризисные годы: 1921, 1924 и 1927. Так, если судить по проценту использованных доменных печей, мы имели в 1911 г. 50,6% (в июле 47,1%), в 1921 г. — 25,1%, 1924 г. — 50,1% (в июле 35,7%) и в 1927 г. — 54% (в декабре 48%). Максимальное сокращение выплавки чугуна между январем 1910 г. и январем 1911 г. составило 32,5%. Между июлем 1923 г. и июлем 1924 г. — 51,3%, а между октябрем 1926 и октябрем 1927 г. — 46%. Таким образом, темп колебаний капиталистической кон'юнктуры участился. Более того, он стал гораздо более резким, по крайней мере, в области производства основных элементов средств производства. Даже «сезонные колебания» продукции после войны стали более резкими, чем перед ней. В относительно благоприятный 1927 г. разница между предукцией чугуна в апреле и в августе (дневная выплавка 115 тыс. и 103,2 тыс. тонн) составила 10%, в то время как в 1912 г. она составила меньше 2%. Таким образом, мы имеем в общем более частые и более резкие колебания кон'юнктуры.

К этому надо прибавить, что движение цен, по крайней мере на железо и сталь, показывает продолжительную тенденцию к падению. Вместо цикличных колебаний цен вверх и вниз, цены после 1923 г. упорно падают. Так, цены на чугун падали после 1909 до 1911, затем стали подниматься до 1913 г., но после 1923 г. они все время идут вниз. Такое движение цен хотя и может быть вызвано значительным ростом производительности труда, все же свидетельствует о том, что хозяйство находится в относительно депрессивном состоянии: рост цен с дной стороны, указывает на нормальный рост прибылей, а с другой—вызывает ажи-

отаж; падение же цен даже тогда, когда оно не означает и падение нормы прибыли, действует угнетающе на торговцев, не знающих, по каким ценам им придется продавать покупаемые товары, и вместе с тем придает рынку характер депрессии.

Кризис, как известно, есть временное разрешение противоречий капиталистического развития. Отсюда — частые кризисные явления и резкий характер «кон'юнктурных» колебаний свидетельствуют о том, что противоречия в развитии послевоенного капитализма особенно обострились, стали более напряженными.

II

Из того основного факта, что производственный аппарат значительно превышает рыночные потребности, вытекает не только то, что послевоенный капитализм еще подвергается более частым и более резким колебаниям и потрясениям, но и замедление в темпе роста основного капитала. Продукция в основном либо достигла, либо превысила довоенные размеры. Например, мировая выплавка чугуна в 1928 г. превысила довоенный уровень на 12% (в 1927 г. на 1%), а стали даже на 41% (в 1927 г.—на 6%). Это свидетельствует о том, что за этот период времени вырос основной капитал. Но ведь с 1913 г. прошло 15 лет, а за 13 лет до войны т. е. с 1900 по 1913 гг. мировая продукция стали увеличилась с 28,3 до 76,2 млн. тонн, или в 2,7 раза.

Средний годовой прирост продукции стали составлял в годы 1900—1910—7,5%, за годы 1910—25—4,0%. С 1925 г. по 1928 г. продукция увеличилась следующим образом: 3,1% + 9,3% + 6,1%, т. е. довоенный темп еще не достигнут.

Это об'ясняется именно тем обстоятельством, что расширяется продукция, но не растет строительство и мало расширяется основной капитал в сферах производства средств производства. В общем и целом, число предприятий и число отдельных заводов и фабрик не растет, а уменьшается.

До войны значительный промышленный под'ем обычно сопровождался и увеличением числа предприятий. Процесс концентрации производства совершался при быстром темпе развития и путем поглощения мелких предприятий крупными, но одновременно строились новые средние и крупные предприятия, так что процесс концентрации шел за счет более быстрого роста крупных предприятий. Абсолютно росли и мелкие и средние, хотя удельный вес их в общей продукции падал.

Так, в американской промышленности насчитывали предприятий (включая ремесленные и т. п.):

Год переписи	Число предпр. в тыс.
1849	123
1859	140
1869	252
1879	254
1889	355
1899	512

а без ремесленных и т. п. предприятий:

1899	208
1904	216
1909	248
1914	276

Таким образом, число предприятий от одной переписи к другой увеличивалось. Совсем другую картину мы замечаем после войны, когда число

предприятий показывает явную тенденцию к сокращению. Так, их было в 1914 г.— 176 тыс., 1919 г.— 214 тыс., 1921 г.— 196 тыс., 1923 г.— 196 тыс., 1925 г. — 187 тыс. и в 1927 г. — 192 тыс. предприятий.

Надо оговориться, что данные о числе предприятий после войны не совсем правильно отражают действительное положение вещей. Дело в том, что цензы считают только предприятия, продукция которых составляет 5.000 долл., так как цены за годы 1919—1927 упали (индекс цен в 1919 г. составил 206,4, 1921—146,9, 1923—153,7, 1925—158, 7 и 1927—146,3) почти на 29%, то уменьшение числа предприятий на 10% могло явиться именно в результате выключения мелких, продукция которых не составляла больше 5.000 долл. Важно, однако, что не произошло роста числа предприятий и что мало строятся новые.

В частности, была слабой постройка новых доменных печей, о чем свидетельствуют данные, Ежегодника Департамента Торговли США на 1928 г. Так, в 1920 г. их насчитывали 450, а к концу 1927 г.—359. В действии было в 1920 г. 216, а к середине 1928 г. — 189.

Между тем, перед войной мы имели регулярный рост числа этих печей: в 1900 г. их насчитывалось 406, в 1910 г.—473, в 1915 г.—445. В действии было соответственно: 232, 206, 310.

Относительно Германии мы имеем в докладной записке Союза угольных предприятий в Эссене следующие характерные данные о постройке новых шахт:

Увеличение числа шахт в %% к имеющемуся числу (в среднем)

Годы	%%
1903—13	8,5
1914—18	1,8
1919—23	5,4
1923—28	1,4
1914—28	2,9

Темп новых построек значительно замедлился. Авторы записки об'ясняют причину этого явления так: строить новую шахту приходится 10 лет, затратив 50 и более миллионов марок. При неопределенности теперешнего положения, кто решится затратить такой капитал? Одновременно идет процесс ликвидации мелких предприятий («рационализация»), при чем последние новыми постройками не возмещаются, так что, как констатируется в записке, общая производительная способность уменьшилась. Другими словами, идет процесс не расширенного воспроизводства основного капитала, а приспособления слишком разросшегося производственного аппарата к потребностям рынка, конечно, часто на улучшенной технической основе.[1]

Уменьшение числа предприятий свидетельствует о том, что процесс послевоенного капиталистического развития сильно стеснен и ограничен определенными рамками. Конечно, идет процесс концентрации и рационализации производства. Работа сосредоточивается на крупных и лучших предприятиях, которые в состоянии при полной нагрузке дать больше, чем раньше давали все предприятия вместе. Средняя выплавка одной печи в Германии составляла в 1913 г. — 1.127 тонн в неделю, в 1925 г.—1.866 тонн, в 1927 г.—2.252 тонны. Общая продукция 204 печей в 1913 г., при которых были заняты 27.078, составили 10.916 тыс., или 403 тонны на рабочего, а в 1927 г. 134 печи при 21.527 рабочих дали 13.089 тыс. тонн, т.-е. 654 тонны на 1 рабочего. Мы имеем повышение производительности труда на 60%.

---

[1] Это положение, которое мы констатировали еще в 1926 г. в ряде наших работ (см., например, „К вопросу о стабилизации капитализма"), подтверждается все новыми и новыми данными.

Рост производительности труда и укрупнение предприятий обычно сопутствуют развитию капитализма. За 9 лет между 1909 и 1910 гг. выплавка чугуна на 1 рабочего выросла на 32%, а на 1 печь — даже на 62,9%. Тем не менее, и общее число доменных печей и число действующих увеличилось, первое — с 309 до 347, а второе — с 263 до 303, а общая выплавка сильно выросла — с 7,88 до 14,8 млн. тонн, в то время как с 1913 по 1927 выплавка чугуна изменилась только с 10,9 до 13,1 млн. тонн. За указанные 9 лет перед войной продукция выросла на 87%, а за последние 14 лет — всего на 20%.

Надо оговориться, что чугун не совсем характерен для послевоенного периода, так как для выработки стали потребляют в больших размерах железный лом. Но и продукция стали выросла только с 11,58 до 15,9 млн. тонн, т. е. меньше чем на 40%. Такой рост продукции мог уложиться в рамках существующего аппарата. Более того, одни только наиболее крупные предприятия были уже в состоянии удовлетворить рыночный спрос. Необходимости не только в постройках новых предприятий, но и в использовании более мелких предприятий почти не ощущалось.

Одно весьма видное лицо в союзе немецких инженеров сказало нам буквально следующее:

— Я весьма часто раз'езжаю по Германии, исколесил страну вдоль и поперек, но почти нигде я не замечал новых крупных промышленных построек...

Один руководитель крупного банка об'яснил мне этот момент тем, что германская промышленность может конкурировать на мировом рынке благодаря тому, что основной ее капитал в значительной мере списан; при постройках новых предприятий себестоимость оказывается очень высокой.

Как бы то ни было, несомненно одно: устойчивость и продолжительность кон'юнктуры зависят именно от этих построек. Строительство домов было довольно значительным. Оно-то вместе с некоторым улучшением технического аппарата вызвало промышленное оживление 1927 г. Но, повидимому, этих моментов было недостаточно, чтобы благоприятная кон'юнктура в Германии продолжалась и в 1928 г.

III

В связи с указанным моментом — слишком большим основным капиталом по сравнению с рыночным спросом на него, общий темп развития капитализма после войны несколько замедлился. Мы это уже видели на примере железо-делательной промышленности, которая показывает гораздо более медленный рост, чем до войны. Точно также можно констатировать, что и потребление хлопка несколько замедлилось, не говоря уже о потреблении угля. В последней области замедление в темпе развития об'ясняется, между прочим, также конкуренцией, других видов топлива и двигательной силы, которая стала весьма ощутительной. В обычные периоды потребление угля, несмотря на улучшенный метод использования его и на применение других источников энергии, абсолютно возросло. После войны этот рост был весьма слабым. По данным Германского Угольного Совета общая мировая продукция угля в 1927 г. превысила на 9,4% продукцию 1913 г., в 1928 г. она несколько понизилась, приблизительно на 3%. Но если даже сравнивать только продукцию 1927 г. с продукцией 1913 г., то повышение на 9% представляется весьма незначительным. Между 1900 годом и 1913 годом продукция каменного угля повысилась с 700 млн. до 1.230 млн. тонн, т. е. на 75%, несмотря на то, что одновременно увеличилась продукция бурого угля — с 70 до 135 млн. тонн, нефти — с 20 до 52,3 млн. тонн. Продукция нефти после войны тоже не так быстро увеличилась, как это кажется на первый взгляд. В 1927 г. она составляла

1.248 млн. бареллей, против 385 млн. в 1913 г., т. е. она увеличилась в 3,2 раза. Перед войной — с 1899 по 1913 гг.—она выросла в 3 раза, т. е. даже в этой области, в которой темп развития был особенно значителен, она только немного превысила довоенный темп развития.

Важнее, однако, относительно медленный темп применения новой техники. Нет сомнения, что так называемая рационализация сказывается также и в техническом улучшении условий производства. Однако, это улучшение идет далеко не таким быстрым темпом, как это многим кажется. Так, если взять темп применения первичных двигателей в Соед. Штатах, то мы имеем следующие весьма характерные цифры: между 1899 и 1904 гг. оно увеличилось на 33,6%, между 1904 и 1909 гг.—на 38,5%, в следующие 5 лет—на 20% (понижение об'ясняется уже кризисными 1913—1914 гг.). За время войны применение первичных двигателей увеличилось на 31,5%, с 1919 по 1923 год — на 12,8%, между 1923 и 1925 годом — на 8,2%, между 1925 и 1927 годом — на 8%, а между 1919 и 1927 г. — на 32%. За 8 лет применение первичных двигателей увеличилось в таком же размере, сколько за пять лет во время войны, и в меньшем размере, чем за пять лет, с 1904 г. по 1909 г.

Точно также применение машин в германском хозяйстве шло в последние годы менее быстро, чем это кажется на первый взгляд. По крайней мере, до 1927 года, по данным Союза машиностроительных предприятий, сбыт машин на внутреннем рынке в Германии составил в миллионах марок: в 1913 г. — 2800, в 1927 г. — 2440 и в 1928 г. — 2830.

Если принять во внимание, что цены на машины повысились на 41%, то потребление машин в 1928 году в его реальном выражении еще было ниже, чем до войны, а именно — на 22%.

Относительно других стран имеются только данные по 1925 году, отчасти также для 1926 года, которые мы уже привели в нашей работе о Женевской экономической конференции. Общее потребление машин Центральной и Средней Европы, не считая Германии и Англии, составило в 1926 г. 1,2—1,3 мрд. марок против 1,3—1,4 перед войной. В Восточной Европе употребление машин уменьшилось, по вычислению директора Германского союза машиностроительных заводов — Ланге, на 50%. Общий ввоз машин в Европу в 1925 году составил только $^2/_3$ довоенного ввоза. Возможно, что в последние годы положение несколько улучшилось, что подтверждают данные об экспорте машин из Англии, а также из некоторых других стран. Вывоз машин из Англии, который составил в 1925 году 505,9 тысяч англ. тонн, поднялся в 1928 году до 566,2 тыс. англ. тонн. 1926 и 1927 годы дают некоторое понижение экспорта машин из Англии. Однако, этот экспорт еще значительно ниже довоенного экспорта, который составлял 719,4 тыс. тонн. Сильно уменьшился также экспорт машин из Германии, составлявший до войны 706,9 тыс. тонн, а в 1926 году только 482,4 тыс. тонн.

Все эти данные, как и многие другие, свидетельствуют, несомненно, о том, что, несмотря на процесс рационализации, темп улучшения техники и расширения основного капитала был после войны, если взять весь период как таковой, а не какой-нибудь один год, значительно более медленным, чем до войны. Это совершенно понятно. Ибо, как мы уже говорили несколько раз, война оставила капиталистическим странам в наследство значительный производственный аппарат, правда, во многих отношениях непригодный для промышленности мирного времени, но, тем не менее, давящий на дальнейшее развитие хозяйства и замедляющий его темп.

Другим моментом, замедляющим темп развития послевоенного хозяйства, является усиление конкуренции со стороны заокеанских стран, в частности, со стороны Соединенных Штатов, отчасти Японии и других

стран. Проблема перенесения центра мирового хозяйства к заокеанским странам уже много раз обсуждалась в нашей прессе, и нам не приходится специально на ней останавливаться. Огромная роль, которую Соединенные Штаты играют в мировом хозяйстве, достаточно уже уяснена. Приведем только несколько иллюстраций для характеристики происшедших изменений.

Так, продукция стали западно-европейских стран составляла в 1913 г. 32,3 млн. тонн из общей мировой продукции в 75 млн. тонн, в 1925 г. она составляла 32,82 млн. из общей продукции в 89,15 млн., а в 1928 г. 40,05 млн. из общей продукции в 106,63 млн. тонн. Доля Западной Европы в мировой продукции упала с 43% до 37%. Продукция Соед. Штатов в это время поднялась с 31,30 до 51 млн. тонн, значительно обогнав продукцию всей Западной Европы.

Доля Соединенных Штатов в продукции и потреблении основных видов сырья хотя и показывает некоторое уменьшение в последние годы, все же по сравнению с довоенным временем значительно выросла. Так, в процентах к мировому итогу доля Соед. Штатов была:

Продукция Соед. Штатов в процентном отношении к мировой продукции

Годы	Уголь	Нефть	Чугун	Сталь	Медь	Цинк	Свинец	Алюмин.	Пшеница	Хлопок
1913	42,5	64,5	39,8	41,6	59	31,4	34	32,1	18,9	65,7
1927	42,5	71,4	42,8	44,7	55	40,7	38,7	36,4	20,5	56,1

Потребление основных видов сырья в Соед. Штатов в %% к мировому потреблению

Годы	Уголь	Нефть	Каучук	Медь	Цинк	Олово	Свинец	Алюмин.	Хлопок
1913	39,4	—	43,3	36,6	27,9	34,9	33,4	47,2	25,2
1927	40,1	66,3	66,1	41,7	36,5	44,7	39,2	48,8	27,6

Большинство данных имеется у нас за 1927 и предыдущие годы. Но 1927 год был для Соед. Штатов кризисным, а для других частей света относительно благоприятным годом. Поэтому доля Соед. Штатов показывает некоторое понижение. В 1928 году, поскольку имеются уже соответственные данные, доля Соед. Штатов опять повышается. Так, в 1928 г. продукция стали в Соед. Штатах составляла 50,9 млн. тонн, достигла почти половины (47%) всей мировой продукции, которая выразилась цифрой в 107,8 млн. тонн. Продукция Соед. Штатов превысила довоенный уровень на 60%, в то время как общая мировая продукция поднялась над довоенным уровнем на 41%, а продукция главных европейских стран даже только на 21%. По экспорту готовых изделий, считая и готовые пищевые продукты, Соед. Штаты быстро догоняют Англию. В 1927 г. вывоз фабричных изделий из Англии составил 564 млн. фунтов стерлингов, или 2,7 мрд. долл., а из Соед. Штатов — 2,4 мрд. При этом Соед. Штаты только развертывают свои экспортные возможности. В 1925 г. они вывозят всего 10% своей продукции и 7,8 — 8,3% всей промышленной продукции, в то время как Англия вывозит больше 25% своего производства.

Еще более характерным является то обстоятельство, что о б щ а я м и р о в а я т о р г о в л я показывает сравнительно слабое развитие. Европейский экспорт в ценах 1913 (по индексу цен Соед. Штатов) еще в 1927 г. составлял только 87% довоенного, если считать и экспорт из СССР, или 95% без экспорта из СССР. Общий мировой экспорт в 1927 году превышает довоенный уровень на 10%, предыдущие 2 года он держался на

уровне довоенном, не считая экспорта из СССР. Мировой импорт, не считая ввоза СССР, повысился в 1927 году на 10%, а европейский, без СССР, составил 96,2% довоенного. Приходится при этом отметить более быстрый темп развития торговли других частей света: экспорт из Азии увеличился по сравнению с довоенным уровнем на 52%, ввоз — на 38%. Экспорт из Австралии увеличился на 33%, а ввоз — на 39%. Следует, однако, заметить, что в последние годы замечается некоторая задержка в торговле этих частей света. Это связано, отчасти, с событиями в Китае, отчасти, также с возрастающей конкуренцией европейских стран, которые путем бросового экспорта пытаются задушить возросшую конкуренцию индустриализирующихся стран. В результате довоенный темп развития мировой торговли был гораздо более быстрым, чем послевоенный. Общемировой экспорт в 1900 году составил 40,4 мрд. марок, а в 1913 г. — 78,5, т.-е. почти удвоился, тогда как движение цен на мировом рынке за это время поднялось относительно незначительно: в Англии — с 102 до 116, а в Соединенных Штатах с 91 до 112, в Германии с 87,3 до 100.[1]

Отсюда ясно, что мы имели перед войной гораздо более быстрый темп расширения внешнего рынка чем после нее. В этом отношении можно констатировать еще более резкое сокращение рамок развития капитализма, чем по отношению к внутреннему рынку. Годы после войны характеризуются углублением внутреннего и весьма слабым расширением внешнего рынка, между тем, как выход на внешний рынок является для капитализма одним из наиболее удобных способов ликвидации кризиса. И именно тот факт, что этот выход был в значительной степени затруднен, что общие рамки мирового рынка были относительно сужены, при резко возросшем основном капитале, который не мог быть целиком использован, делает борьбу за мировой рынок особенно острой, особенно тяжелой. На почве относительно падающих цен и медленного развития основного капитала внешний рынок был бы действительно спасением для капиталистического мира. Отсюда постоянные международные конференции, которые занимаются проблемой упорядочения мировой торговли с целью улучшения экспортных возможностей, отсюда борьба против таможенных пошлин, которые применяют молодые индустриализирующиеся страны для защиты своей промышленности, отсюда борьба и против монополии внешней торговли СССР, но отсюда также все обостряющаяся конкуренция между отдельными капиталистическими государствами.

IV

Выше мы показали, как изменялись взаимоотношения различных стран на мировом рынке. Однако, численный показатель еще недостаточен для характеристики того положения, которое создалось после войны. Качественное различие между теперешним положением и довоенным следует искать в том факте, что изменились финансовые взаимоотношения между Европой и остальными частями света. До войны, как известно, Европа была почти единственной частью света, которая предоставляла значительный капитал остальным странам и извлекала таким образом большой доход. Как известно, современная торговля следует не за флагом, а за капиталом, и господствовали на мировом рынке европейские индустриальные страны. В настоящее время положение изменилось в том смысле, что сама Европа в значительной мере еще нуждается в импорте капитала, при чем главнейшей страной, экспортирующей капитал, стали Соединенные Штаты.

За последние три года баланс ввоза и вывоза капитала из Европы, правда, уменьшился в ее пользу, но она все еще ввозит капитала больше,

[1] Общий мировой индекс оптовых цен увеличился с 86,4 до 100 в 1911 г.

чем вывозит. Об общем движении капитала в Европу и из нее можно судить последующим цифрам (в млн. долл.):

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Ввоз в Европу из Соед. Штатов	524,8	659,0	508,2	657,0
Вывоз из Европы в др. части света	474,2	364,1	457,2	648,3
Результат	50,6	295,0	51,1	8,7

В последние годы, следовательно, зависимость Европы от новых притоков капитала уменьшилась. В 1930 г. или, во всяком случае, в ближайшие годы, когда экспортером капитала выступит также Франция, положение Европы возможно несколько улучшится.

Общая инвестиция Соед. Штатов за границей, не считая военных государственных займов, выразилась следующими цифрами (мрд. долл.):

	1928 г.	1927 г.	1913 г.
Европа	4,8	4,3	0,35
Канада	4,1	3,9	0,75
Южн. Америка	2,5	2,2	0,1
Центр. Америка	2,9	2,9	1,4
Австралия	0,8	0,7	0,17
Разн. страны	0,4	0,4	0,05
Всего	15,6	14,5	2,62

Отсюда судя по этим данным Уинклера, Европа должна Америке по частным займам 4,8 млрд. марок. Ежегодные платежи, считая в среднем по 8%, составляют около 400.000.000 долларов. До войны Европа получала из-за границы от 4½ до 5 миллиардов марок в год; теперь, за исключением Англии, доходы которой от заграничных инвестиций составляли 285 миллионов фунтов, а из-за океанских стран, вероятно, около 200 миллионов, другие страны получают из внеевропейских стран весьма незначительные суммы, в общем, вероятно, вместе с доходами Англии, не больше миллиарда долларов. До сих пор, следовательно, европейские страны, специально Англия, еще получают больше от заграничных вложений в внеевропейских странах, чем Америка от европейских стран[1]. Общий доход Англии от заграничных вложений еще тоже значительно превышает доход Соединенных Штатов от заграничных вложений, который составлял в 1927 г. 795 млн. долл. Из них, однако, надо вычесть 281 млн., которые Америка должна была платить в свою очередь своим кредиторам, так что чистыми осталось только 514 млн., в то время как Англия получала 270 миллионов фунтов, т.-е. в два раза больше той суммы, которую получили Соед. Штаты. В этом смысле Англия еще имеет значительные виды на дальнейшее укрепление своего положения на мировом рынке. Когда английское народное хозяйство приспособится несколько больше к современному положению мирового рынка, оно сумеет благодаря экспорту капитала удержать некоторые рынки в своих руках.

Процесс развития накопления американского капитала за границей идет гораздо более быстрым темпом, чем в Англии, и вместе с тем они, конечно, займут господствующее положение. Если платежный баланс Англии в 1927 году был заключен в пользу Англии на 96 млн. фунтов стерл., а в 1928 г. на 148 млн., то платежный баланс Соед. Штатов, если не считать нового экспорта капитала был заключен в пользу Соед. Штатов больше чем на 1 миллиард долларов, что дает этой стране, несомненно, огромное преимущество на мировом рынке. Обычно это преимущество

[1] В этих подсчетах не приняты во внимание платежи европейских стран американскому правительству по военной задолженности, которые в 1927 г. составили сумму в 206 млн. долл.

сводят к тому, что они стали обладателями значительной части мирового золота. Однако, поскольку проблема стабилизации валюты в Европе более или менее разрешена, вопрос о движении золота играет весьма незначительную роль. Более важным является то обстоятельство, что Соед. Штаты обладают такими товарами, в которых европейская промышленность нуждается, как, например, хлопок и хлеб. Это дает Соединенным Штатам возможность до сих пор иметь активный торговый баланс, в то время как Англия и другие страны имеют чрезвычайно пассивный торговый баланс и весьма незначительный активный платежный баланс. Это обстоятельство и обеспечивает Соед. Штатам преобладание на мировых рынках...

V

В ряде статей Гильфердинг проводил ту мысль, что повысить прибыль можно двумя путями: или победой над своим конкурентом, т. е. уничтожив его, или, если такая победа трудна, путем соглашения и повышения цен. Так как Англия и Соед. Штаты, как ему кажется, равные противники на мировом рынке, то дальнейшее развитие мирового хозяйства он себе мыслит в виде соглашения между предпринимателями отдельных стран, образующими международные картели и тресты. Развитие последних лет, богатое образованием таких международных картелей и трестов, как будто доказывает справедливость такого положения вещей. Однако, контроль всей мировой продукции «совершенно несовместим с законами капиталистического производства, а потому всегда остается платоническим благопожеланием» (Маркс). Несомненно прав был Ленин, когда говорил, что «не чистая монополия, а монополия рядом с конкуренцией, вот существенная особенность империализма... Устранить конкуренцию... империализм не может». На самом деле, мы замечаем, что несмотря на бесчисленные монополистические образования после войны как на внутреннем, так и на внешнем рынках, борьба обострилась, а не уменьшилась.

Тот факт, что создался огромный производственный аппарат, который значительно превышает рыночное потребление, с одной стороны, чрезвычайно обостряет конкуренцию, а с другой, заставляет во многих случаях прибегать к об'единению для возможного ослабления остроты этой конкуренции, так как она является разорительной для всех участников. А так как общая производительная мощь аппарата значительно превышает рыночный спрос, то естественным результатом является резкое падение цен. Во многих случаях капитал, вложенный в производство, уже списан, и предприниматели могут вести конкуренцию на самом деле очень долго, разоряя не столько себя, сколько своих противников. Это мы видим на примере угольной промышленности, которая работает в Англии и в Германии уже в течение нескольких лет с убытком, и тем не менее борьба еще продолжается. Поэтому предприниматели и стремятся к соглашению и устранению конкуренции. То обстоятельство, что производственные возможности значительно превышают спрос, казалось бы диктует необходимость значительного сокращения продукции для того, чтобы приспособить существующий аппарат к рыночным возможностям. Однако, такое сокращение бьет по лучше организованным предприятиям сильнее, чем по слабым, и по этой причине образование таких монопольных организаций идет относительно медленно: возникая в одном месте, монополии лопаются в другом.

В общем прав Гармс, указывая, что в настоящее время мы наблюдаем более сильную конкуренцию на рынке, чем когда бы то ни было. Несмотря на то, что в последние годы возникли многочисленные монополистические организации, цены все же показывают тенденцию к падению, кризисы стали более частыми и сезонные колебания, как мы уже говорили, приняли осо-

бенно резкий характер. Несмотря на все потуги организации капитала, плановости в послевоенном капиталистическом хозяйстве не больше, а гораздо меньше, чем в довоенном. Хотя монополия и охватила большое число отраслей хозяйства, проникла и в обрабатывающую промышленность, а международные монополистические организации охватили весьма важные отрасли народного хозяйства, тем не менее мы имеем резкие колебания цен и гораздо менее устойчивое положение на мировом рынке, чем до войны. Если, например, сопоставить движение общего мирового индекса цен в 1913 году с движением его в послевоенные годы, то мы видим, что в 1913 году колебание между высшим и низшим уровнем составляло максимально 7%, между тем как амплитуда колебаний цен в 1927 году представляет собою довольно значительную величину: между 149,2 и 133,1, т.-е. больше чем на 12% по отношению к низшему уровню.

Гильфердинг в своей конструкции исходит из своей любимой идеи о возможности мирового картеля, который регулировал бы все хозяйство капиталистических стран. Он даже договорился до того, что считает современное хозяйство уже организованным, социалистическим, и весь вопрос заключается только в формах власти. На самом деле существование частной собственности на средства производства исключает возможность полного регулирования народного хозяйства, и до тех пор, пока капитал остается, его стремлением будет увеличение нормы прибыли, т. е. желание оторвать от своих конкурентов большую часть прибавочной стоимости в свою пользу. Таким образом, борьба за разделение прибавочной стоимости не может прекратиться как в национальном, так и в международном масштабе до тех пор пока будет существовать капиталистическое хозяйство, и, поэтому, как показывает современная действительность, монополия не может уничтожить конкуренции. Наоборот, развитие капиталистического хозяйства идет диалектически: на одном полюсе создается монополия, а на другом усиливается конкуренция, обостряются противоречия как между неорганизованными предприятиями, так и между монополиями, между последними и неорганизованными предприятиями и, наконец, в среде самих этих монополий, в виде борьбы из-за доли участия в их прибылях.

Таким образом, не организованность, не мирное соглашение характерно для послевоенного капитализма, а, наоборот, резко обостряющаяся конкурентная борьба которая является следствием сильно возросшего производственного аппарата, слабого развития покупательной способности населения и усиливающейся конкуренции других стран. Все эти моменты, приведшие к сокращению об'ема мировой торговли, к затруднению выхода на внешний рынок и вместе с тем к замедленному темпу использования и обновления производственного аппарата в Европе, вызывают обостренную борьбу как на свободном рынке, так и внутри самих картелей. И именно это обстоятельство делает современное положение чреватым большими опасностями: обостряющаяся борьба на международных рынках сопровождается обычно и политическими конфликтами...

VI

Указанным относительно медленным темпом развития капиталистического хозяйства об'ясняется и огромная безработица, господствующая почти во всех странах. До войны она редко превышала несколько процентов. Как констатирует отчет Бальфуровской комиссии, свыше 10% безработных членов профсоюза в Англии имело место только в 1886 году; во время кризиса 1893 г. безработица достигла 7,5%, а в 1908—1909 гг.— свыше — 7%. В 1913 г. она составляла 3,7%. За годы 1921—24 она составила в среднем 12,3%, в 1926 г. — 12,6%, в 1927 г. — 9,8%, а в 1928 г. — 10,9%. Если до войны высокий уровень безработицы держался

нормально только несколько месяцев, то теперь он уже в течение 7 лет почти не понижается.

Немногим лучше положение и в Германии. Среднее число безработных членов профсоюзов составило (в %%):

1907—13	2,3
1924—26	12,7
1927	8,7
1928	10,3

По Соединенным Штатам мы располагаем данными о числе занятых. По данным промышленных цензов число занятых в фабричной промышленности с производством в 5 тысяч долларов в год составляло, начиная с 1914 года, следующие величины:

Годы	В тысячах	Изменение в %%
1914	7.015	—
1919	9.031	+ 28,7
1921	6.938	— 23,2
1923	8.768	— 26,4
1925	8.381	— 4,4
1927	8.351	— 0,3

Таким образом, мы здесь замечаем, что после 1919 г. общее число занятых не только не показывает увеличения по сравнению с 1919 г., но даже уменьшилось — на 7%.

Вопросу о количестве занятых рабочих в Соед. Штатах посвящена статья Шлихтера в журнале Американского Экономического Общества American Economic Review, март 1929 г. По данным, приводимым в этой статье, число занятых между 1920 и 1927 гг. уменьшилось на 10% — в фабричной промышленности и на 15% — в железнодорожном транспорте. В горной промышленности число занятых не изменилось, в сельском хозяйстве — сократилось до 1928 г. на 1.300.000. Общее число занятых уменьшилось, по его подсчетам, на 2.300.000. Так как население одновременно увеличилось на 13,6 млн., то, повидимому, значительное число рабочих ушло в разные обслуживающие отрасли народного хозяйства, не занятые материальным производством. Как нам кажется, все эти подсчеты грешат тем, что они не принимают во внимание изменение индекса цен, которое было весьма значительным за этот период, как мы уже отметили выше. Так как между 1919 и 1927 годами изменение цен составляло 29%, то не удивительно, что понизилось количество занятых, составляющее 7% (или 10%),[1] так как вследствие понижения цен предприятия, которые производили раньше продукцию на 5.000 долларов, производят ее теперь на 3.500 долларов, и, следовательно, не были включены в подсчет ценза. Другими словами, из подсчета выпало значительное количество мелких предприятий, в которых занято относительно большее число рабочих. Затем весь этот подсчет не принял во внимание, что в 1919 году промышленность еще в значительной мере работала на потребности военного времени. Очень большое число рабочих было занято, напр., в кораблестроительной промышленности. В судостроении было занято в 1919 году 387.000, в то время как в 1925 году их было всего 38.000, т. е. за это время число занятых в судостроении уменьшилось приблизительно на 350.000, что составило больше половины всего сократившегося числа занятых в промышленности рабочих.

Основной причиной некоторого сокращения числа занятых следует считать относительно замедленный темп развития продукции. Цитирован-

[1] Между 1925 и 1927 гг. цены на промизделия упали на 6%, а число занятых — всего на 0,3%.

ный нами автор отрицает связь между развитием производительности труда и сокращением количества занятых рабочих. Им устанавливается, что в некоторых отраслях промышленности, в которых производительность труда быстро развилась, число занятых в то же время увеличилось, а в других, где производительность труда поднялась меньше, сократилось одновременно и число занятых. Это указание подтверждает только, что все зависит от темпа развития продукции.

Какаво же положение в этой области?..

По данным, которые мы находим в том же журнале за март 1928 года, за 10 лет перед войной — между 1898—1900 гг. и 1908—1910 гг., — продукция промышленности увеличилась на 58%, число занятых на 45%, а выработка на одного рабочего на 10%. За годы 1918—20 по 1924—26, т. е. за 6 лет, продукция увеличилась на 28,5%, число занятых уменьшилось на 8,5%, а выработка на одного рабочего увеличилась на 40,5%. Производительность труда, следовательно, в последние годы после войны увеличилась быстрее чем перед войной. И так как общий размер продукции вырос относительно медленнее, чем до войны, то число занятых сократилось. Надо сказать, что и этот подсчет грешит неточностями, поскольку исходным пунктом являются первые годы после войны, когда производительность труда была особенно низкой, вследствие ряда моментов, которые были вызваны случайными обстоятельствами: общим расстройством аппарата, недостатком некоторых видов сырья, сильным сокращением продукции в 1919 г. Все эти моменты понижали среднюю выработку на рабочего, считая на весь год. Если бы подсчет был проведен с учетом указанных моментов — т. е. если бы принимался во внимание простой предприятий и временные потери за время забастовок, то производительность труда в промышленности не была бы такой низкой. Что это на самом деле так, можно судить на основании того, что производительность труда в 1918—20 гг. исчисляется на 5% ниже, чем 1900—10 гг. Очевидно, дело в расстройстве аппарата, которое мешало полному использованию производительности труда. Как только аппарат был исправлен, сразу выявился рост производительности труда, который наметился в прежние годы. Этим и об'ясняется, что эти годы дают значительный скачек в развитии производительности труда. На самом деле, если взять весь период 1898—1900 по 1924—26 гг., мы имеем правильную линию развития производительности труда во всех областях народного хозяйства: в промышленности производительность труда увеличилась на 47%, в сельском хозяйстве на 47%, в горной промышленности на 99%, что весьма естественно вследствие особого развития этих отраслей хозяйства.

Как бы то ни было, относительно замедленный темп развития продукции не подлежит никакому сомнению. Шлихтер указывает на то, что продукция между 1923 и 1927 годами увеличилась меньше чем на 4%, в то время как за годы 1899—1904 она увеличилась на 22%, а между 1904 и 1909 годами даже на 30%. Интересно сопоставить рост продукции, числа рабочих и применение первичного двигателя в промышленности. Первый послевоенный кризис дает уменьшение продукции на 20,6%, а число занятых на 22,8%. В следующие годы, с 1921 по 1923, продукция увеличивается на 53,7%, а число занятых увеличивается на 26,4%. С 1919 по 1923 гг., мы имеем увеличение продукции на 22% и уменьшение числа занятых на 2,5%. За пять лет, с 1899 по 1904, применение первичных двигателей увеличилось на 33,6%, продукция — на 22,2%, а число занятых — 16%. За следующие пять лет применение двигателей увеличилось на 38,15%, продукция — на 32%, а число занятых на 21%. За пять лет с 1909 по 1914, применение двигателей увеличилось на 20,1%, продукция — на 6,4%, а число занятых на 6,4%. За время войны применение

двигателей увеличилось на 31,5%, продукция — на 26,1%, число занятых — на 29,3%. Следовательно, за время войны произошел относительно быстрый рост числа занятых, более быстрый, чем увеличилась продукция, и почти в таком же размере как применение первичного двигателя, что совершенно ненормально с точки зрения развития техники и хозяйства, где рост постоянного капитала должен значительно превышать рост переменного капитала. Этим обстоятельством, вероятно, приходится об'яснять то, что в следующие годы мы имеем значительное замедление в росте числа занятых и, наоборот, усиленный темп применения первичных двигателей и развития продукции.

Полное представление о числе занятых в Соединенных Штатах мы получим только после того, как будет произведена общая перепись народонаселения и числа занятых во всех областях. Дело в том, что, как мы уже говорили, этот подсчет отдельных отраслей народного хозяйства, не дает ясной картины действительного положения вещей. В канадской промышленности число занятых, начиная с 1919 года, показывает в общем и целом картину, сходную с той, которая нам известна относительно Соединенных Штатов. Это видно из следующих данных: общее число занятых рабочих было: 1917 год — 622.000, 1918 год — 618.000, 1919 год — 611.000, 1920 год — 609.000, 1921 год — 456.000, 1922 год — 474.000, 1923 год — 525.000, 1924 год — 508.000, 1925 год — 544.000, 1926 год — 581.000. Таким образом, в 1926 году число занятых еще меньше, чем в 1919 году. Если присмотреться к тому, в каких отраслях народного хозяйства уменьшилось число занятых по сравнению с 1919—20 годами, то приходится констатировать, что больше всего оно уменьшилось в железоделательной промышленности (в 1919 г. число занятых составляло 129.000, в 1920 г. — 146.000, а в 1925 г. — всего 90.000, т. е. оно уменьшилось на 39.000). Это совершенно понятно, так как во время войны и в первые годы после войны, когда европейская и американская железоделательная промышленность была занята военными поставками, могла развиваться канадская, обслуживавшая отчасти военные потребности. Потом разразился кризис в железоделательной промышленности, который здесь оказался особенно сильным, вследствие ожившей конкуренции Соединенных Штатов и Англии.

Относительно Англии мы имеем различные данные. По подсчетам Войтинского, в журнале Die gesellchaft за июнь 1928 года, число занятых в английской промышленности было: в 1923 году — 8,2 млн., а 1924 году — 8,2 млн., в 1925 году — 8,3 млн., в 1926 году — 8,36 млн., в 1927 году — 8,32 млн. По подсчетам, которые приводятся в журнале английского статистического общества за январь 1929 года, число занятых в английской промышленности было в сентябре каждого года следующее (в тысячах):

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Текстильная промышленность . . .	905,2	993,7	103,6	849,6	1.034,1	920,3
Производство пищевых веществ, а также обуви	1.023,0	1.067,0	1.101,0	1.077,3	1.147,7	1.131,4
Железоделательная, машиностроительная и кораблестроительная промышленность	1.366	1.429	1.422	1.220	1.460	1.420
Железнодорожный транспорт	957,4	950,6	941,5	919,6	968,3	933,7
Строительство	1.555,0	1.631,7	1.720,5	1.683,9	1.846,5	1.833,1
Всего	5.806,6	6.072,0	6.188,6	5.750,4	6.456,6	6.238,5

Эти данные в общем подтверждают те, которые приводит Войтинский, давший, повидимому, общую сумму застрахованных за исключением безработных.

Относительно фабричной промышленности Германии после 1925 года нет полных данных, так как, начиная с 1925 года, метод исчисления количества фабричных предприятий и числа занятых в них изменен. Поэтому сопоставление с предыдущими годами, начиная с 1926 года, не представляется возможным. Однако, судя по тому, что 1927 год дал значительное повышение общего числа занятых, между тем, как в 1926 году оно относительно мало уменьшилось, можно предполагать, что общее число занятых в 1927 г. было значительно выше, чем в 1925 г. или в предыдущие годы. На самом деле число занятых в1926 г. по сравнению с 1925 г. уменьшилось на 4%, а в 1927 г. по сравнению с 1926 г. число занятых увеличилось на 17%, и хотя метод исчисления был иной, но различие было не настолько значительным, чтобы элиминировать это сильное повышение числа занятых в 1927 г. по сравнению с 1926 г.

Германская фабричная статистика впервые указывает, как изменилось и число предприятий между 1926 и 1927 гг. Оказывается, что в 1927 году, в год чрезвычайно высокой кон'юнктуры, число старых предприятий уменьшилось на 5,7%, а число вновь построенных увеличилось на 20,4%, при чем, несмотря на уменьшение количества старых предприятий на 5,7%, число занятых в старых предприятиях увеличилось все-таки на 11,2%; вследствие постройки новых предприятий число занятых увеличилось еще на 8,9%. Из этих данных видно, что годы промышленного под'ема дают постройку новых предприятий в размере 20% существующих. Так как нормально такое строительство не имеет места и постройка промышленных предприятий, как мы видели, в годы после войны была весьма незначительной, то мы могли сделать тот вывод, что общая кон'юнктура после войны, за исключением отдельных кратковременных периодов, была в общем и целом депрессивной. Таким образом, мы приходим к выводу, что мысль высказанная Марксом в первом томе «Капитала», что с возрастанием капитала увеличивается и переменный состав его или число занятых, но увеличивается оно по постоянно убывающей пропорции, оправдывается и послевоенным развитием капитализма. «Ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала становится условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих, или даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы постоянного капитала уже функционирующие рабочие сохранили работу». Поскольку такое ускорение темпа накопления всего капитала имело место, растет и число занятых рабочих; поскольку же оно замедляется, число занятых или мало растет или даже временно несколько уменьшается. Замедленный же темп увеличения числа занятых создает, несмотря на современный замедлившийся темп роста населения, угрозу постоянно растущей безработицы и вместе с тем усиливает ту неопределенность положения рабочих, которая составляет основное проклятие капиталистического хозяйства. Но если в довоенное время безработица, как правило, в общем была непродолжительной и если в течение одного или максимум двух производственных периодов, за исключением небольшой группы рабочих (в индустриальных странах около 300.000), все остальные безработные могли надеяться получить снова работу, то в настоящее время огромная безработица уже длится многие годы и создает, таким образом, особенно острый горючий материал для революционных взрывов.

А. И. Зак

Итоги плана Дауэса и перспективы плана Йонга

I. Итоги

Введение. Постановка вопроса

1 сентября 1928 г. закончился четвертый год действия плана Дауэса — последний год льготного переходного периода, когда общая сумма ежегодных платежей Германии была установлена ниже «нормального» аннуитета в 2.500 млн. марок. Текущий 1928/29 г. — первый год нормальных платежей. Сколько лет будут продолжаться эти платежи — планом Дауэса не предусмотрено, как не установлена и общая капитальная сумма репарационного долга Германии. 16 сентября в результате совместной инициативы германского правительства и генерального агента по репарациям, С. Паркера Джильберта, после дипломатической подготовки, продолжавшейся почти целый год, представителями пяти держав — кредиторов и Германии в Женеве было заключено соглашение «о необходимости полного и окончательного решения репарационной проблемы и об образовании для этой цели комиссии финансовых экспертов, подлежащих назначению каждым из шести правительств».

22 декабря истекшего года в один и тот же день был опубликован отчет генерального агента за четвертый 1927/28 год работы плана Дауэса, подводящий итоги всему четырехлетнему переходному периоду его применения, и было достигнуто практическое соглашение между заинтересованными правительствами о составе, задачах, программе работ и о сроке созыва новой комиссии экспертов. При этом Германии удалось настоять на том, чтобы назначенные в комиссию представители держав являлись независимыми экспертами, не связанными инструкциями своих правительств. 9 фе-

---

[1] Настоящая статья воспроизводит в основном доклад А. И. Зака в Секции мирового хозяйства Госплана СССР на ту же тему. Печатая эту статью, редакция считает необходимым отметить ряд моментов, определяющих как общий характер работы, так и постановку основных проблем, связанных с трактуемым автором вопросом.

Автор добросовестно и с большой тщательностью собрал значительный материал по вопросу о положении в Германии в связи с планом Дауэса. Однако, при освещении этих материалов, автор дал им одностороннее и, отсюда, неправильное толкование, а именно: 1) автор упустил из виду, что план Дауэса на данном этапе мирового капитализма должен рассматриваться как проблема соотношения сил в мировом хозяйстве. В данной же им трактовке плана Дауэса автор не выявил действительных международных противоречий, связанных с планом Дауэса; 2) автор свел проблему плана Дауэса к технически-финансовому анализу и совершенно оставил в тени политическое значение его; 3) выдвигая в своей работе, главным образом, положительную сторону плана Дауэса, с точки зрения нормализации экономического развития Германии после 1924 г., автор совершенно игнорирует задерживающее влияние репарационных платежей на развитие производительных сил германского хозяйства и вытекающие отсюда социально-экономические последствия.

Из всего связанного не трудно констатировать, что намечаемые автором перспективы дальнейшей судьбы плана Дауэса носят односторонний характер, что, кстати сказать, было констатировано и при обсуждении содержания настоящей статьи в Секции мирового хозяйства. Ред.

враля с. г. комиссия впервые собралась в Париже в здании Французского банка, а 11 приступила к практической работе. Каждая из шести стран представлена двумя делегатами-экспертами и двумя кандидатами, участвующими в работе комиссии наравне с делегатами, но без права решающего голоса. Кроме делегатов пяти стран — кредиторов и Германии, в состав комиссии привлечены эксперты — граждане Соед. Штатов, приглашенные совместно репарационной комиссией от имени держав — кредиторов и германским правительством с неофициального одобрения Вашингтонского правительства. Последнее официально занимает, как известно, позицию полной незаинтересованности в репарационной проблеме с тех пор, как сенат Соед. Штатов отказался ратифицировать Версальский мирный трактат. Американских экспертов также четверо: два делегата с решающим голосом — банкиры Оуэн Д. Йонг и Джон Пирпорт Морган, и два кандидата — Перкинс и Ламонт. Йонг, игравший в 1924 г. решающую роль в выработке так называемого, плана Дауэса, который по справедливости должен был бы носить его имя, избран председателем новой комиссии экспертов.

Опубликование четвертого и, повидимому, последнего годового отчета репарационного агента и одновременное вступление в решительную фазу окончательной кристаллизации всего обширного круга вопросов, об'единяемых понятием репарационной проблемы и имеющих первостепенное жизненное значение для хозяйственных и политических судеб Германии, Европы и всего мира на многие годы, естественно вновь всколыхнуло интерес мирового и, в первую очередь, европейского общественного мнения к этой многократно дебатировавшейся проблеме. Специальные экономические журналы и органы общей прессы посвящают ей многочисленные статьи. В оценке итогов опыта плана Дауэса за прошлые годы это новейшее обсуждение его не вносит по существу ничего нового по сравнению с тем, что было сказано и написано до сих пор. Противоречие интересов здесь настолько очевидно, противоположные позиции заинтересованных сторон определились с такой отчетливостью, что возобновление спора сводится к повторению и варьированию общеизвестных и давно успевших надоесть утверждений. По меткому определению англичанина Р. Лонга, репарационный вопрос успел породить свою мифологию. [1] Для того чтобы дать себе вполне об'ективный и точный отчет в том, каковы достигнутые результаты и как они отразились на экономическом положении Германии, Европы и всего мира, необходимо прежде всего рассеять эту мифологию.

Основная методологическая установка при анализе практических итогов опыта плана Дауэса за четыре года его применения вытекает из признания существенно-политического характера всей репарационной проблемы. От того, что план Дауэса передвинул порядок взыскания репарационных платежей из сферы политических и военных санкций в сферу нормальных финансово-экономических методов реализации и трансферта, сами платежи не перестали носить характер военной контрибуции, дани побежденных победителям. Никакая «коммерциализация», создающая фикцию наличия обычной внешней задолженности Германии державам — победительницам, не в состоянии стереть этой печати контрибуции ни в глазах побежденных — «должников», ни в глазах победителей — «кредиторов». А это естественно приводит к сугубой суб'ективности и пристрастности всех бесчисленных «об'ективных», «научных» экономических анализов и оценок функционирования плана Дауэса, исходящих от той и другой стороны. Все ходячие мнения и утверждения по этому вопросу должны приниматься с максимальной дозой критического и скептического отношения, с полным сознанием их величайшей условности. В основе этих оценок с германской стороны всегда лежит «подсознательное» нежелание платить и, во всяком случае, стремление платить как можно меньше. Равным образом, со стороны держав — кредиторов и, прежде всего, со стороны Франции, во всех анализах и оценках совершенно открыто проявляется стремление и надежда получить как можно больше. Противоречие претендующих на об'ективность оценок «платежеспособности» Германии с той и другой стороны лишь маскирует основное противоречие интересов. Поэтому для действительно беспристрастной оценки практических результатов опыта дауэсовского режима должны быть найдены не допускающие противоречивого истолкования точные об'ективные критерии, которые могут быть непосредственно приложены к фактам.

[1] R. Long, „The Mythology of Reparations", London, 1928.

Такие критерии могут быть установлены при условии отчетливого разграничения двух основных аспектов режима выполнения плана Дауэса: финансово-технической стороны его и экономической стороны в широком смысле. Смешение этих двух аспектов и лежит в основе большинства двусмысленных и противоречивых утверждений и оценок одних и тех же фактов, породивших туманные образы «мифологии репараций». Разграничение их поэтому позволит установить ту относительную и условную долю истины, которая, как правило, содержится в каждом из этих утверждений и придает им видимость убедительности и правдоподобия. Анализ финансово-технической стороны дауэсовского режима обнимает характеристику методов реализации репарационных платежей внутри страны и способов их трансферта за границу в непосредственное распоряжение репарационных кредиторов. Анализ экономической стороны функционирования плана Дауэса должен выяснить основные экономические предпосылки и экономический эффект реализации и трансферта репараций в пределах германского народного хозяйства и их влияние на европейское и мировое хозяйство.

Финансово-техническая сторона осуществления плана Дауэса

Исчерпывающая и точная характеристика финансово-технической стороны функционирования плана Дауэса содержится в ежегодных отчетах генерального агента по репарациям, включающим также отчеты отдельных репарационных комиссаров и доверенных (Trustees). Последний отчет за 1927/28 репарационный год (с 1 сентября по 31 августа), подводящий итоги начальному четырехлетнему периоду льготных платежей, дает основание констатировать бесспорную успешность осуществления плана во всех его отдельных частях. [1] Эта успешность является главным аргументом, выдвигаемым со стороны кредиторов Германии в доказательство того, что она в состоянии платить без нарушения народнохозяйственного равновесия в том размере, какой установлен план Дауэса, а со временем, по мере повышения благосостояния населения, сможет платить и больше. Мы вкратце остановимся на основных и решающих моментах финансово-технической стороны выполнения плана Дауэса до настоящего времени.

Как известно, план строго разграничивает реализацию ежегодных платежей внутри страны в германской валюте и трансферт этих платежей в распоряжение репарационных кредиторов, связанный с переводом их в иностранную валюту. Реализация платежей лежит на ответственности германского правительства, обязательство которого считается выполненным с того момента, когда соответствующие суммы в германской валюте внесены на текущий счет репарационного агента в Рейхсбанк. Трансферт этих сумм в распоряжение кредиторов как в форме материальных поставок и иных

[1] Report of the Agent-General for Reparation Payments (December 22, 1928), Berlin-London, 1929.

«безвалютных» расчетов, так и путем перевода в иностранную валюту, лежит всецело на ответственности репарационного агента. Последний обязан осуществлять трансферт, не нарушая равновесия платежного баланса Германии и устойчивости германской валюты. В случае невозможности трансферта по валютным соображениям, план предусматривает накопление на текущем счету репарационного агента остатка поступлений в размере до 2 мрд. марок. При дальнейшем увеличении этого остатка он должен помещаться в германские ценные бумаги. Крайний предел накопления установлен в 5 мрд. марок. Достижение этого предела влечет за собой снижение ежегодных платежей Германии.

Фактическое выполнение плана показывает, если воспользоваться словами самого отчета репарационного агента, что, с одной стороны, «Германия выполняла все платежи, предусмотренные планом, и осуществляла их лойяльно и пунктуально; с другой стороны, комитет по трансферту регулярно и непрерывно производил трансферт платежей, не нарушая устойчивости германской валюты, при чем совокупная сумма трансферта за год в общем соответствовала итогу поступления платежей» (стр. 1). Это соответствие явствует из следующего цифрового сопоставления (в млн. зол. марок):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Поступление платежей	1.000	1.220	1.500	1.750
Трансферт	893	1.176	1.382	1.739

Всего за четыре года переходного периода поступило 5.470 млн. марок, а было переведено за границу 5.190 млн. марок. Остаток на текущем счету репарационного агента, хотя и возрастает из года в год, но в итоге не достиг еще и 300 млн. марок. Состав отдельных аннуитетов по источникам поступлений виден из следующей таблицы (в млн. зол. марок):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Внешний „заем Дауэса“	800	—	—	—
Облигации германских жел. дорог .	200	595	550	660
Облигации германской промышленности	—	125	250	300
Транспортный налог	—	250	290	290
Государственный бюджет.	—	250	410	500
Итого.	1.000	1.200	1.500	1.750

Нормальный аннуитет в 2.500 млн., начиная с текущего 1928/29 г., предусматривает повышение доли государственного бюджета до 1.250 млн. при неизменности прочих составных частей, достигших окончательно фиксированного ежегодного размера уже в прошлом 1927/28 г. С прошлого же года началось погашение железнодорожных и промышленных облигаций, рассчитанное на 37 лет при общей сумме облигационного долга железных дорог в 11 мрд. и промышленности в 5 мрд. марок.

По вопросу об обеспеченности реализации репарационных поступлений в размере нормального аннуитета на будущее время генеральный агент в своем отчете весьма убедительно показывает, что не может быть ни малейшего сомнения в этой обеспеченности. Финансовое положение германского общества железных дорог чрезвычайно прочно, в особенности, после последнего повышения тарифов (осенью 1928 г.), и реализация нормального аннуитета по оплате процентов и погашения репарационных облигаций не представляет для него никаких трудностей. Репарационный «доверенный» по управлению промышленными облигациями оценивают чистую прибыль германских промышленных предприятий, оплачивающих репарационные

облигации, за 1927 г. в сумме 1.205 млн. марок, т.-е. в 4 раза больше соответствующего нормального аннуитета. Эта сумма дает среднюю норму прибыли в 14,56% на вложенный капитал против 10,95% в 1926 г. Дивиденды, выплаченные этими предприятиями за 1927 г., составляют в среднем 6,97% на капитал против 5,76% в 1926 г. Транспортный налог с каждым годом дает растущее превышение (поступающее в пользу германского правительства) против нормального аннуитета в 290 млн. марок. Наконец, рост доходных поступлений государственного бюджета за последние три года больше, чем вдвое, превышает одновременный рост репарационных платежей. При этом доходные статьи, обеспечивающие реализацию доли репараций, покрываемой за счет государственного бюджета, уже за последний 1927/28 репарационный год дали государству сумму дохода, более, чем в вдвое, превышающую соответствующую долю нормального аннуитета. Ниже приводится сопоставление дохода по этим статьям и репарационной доли бюджета за истекшие 4 репарационных года (в млн. марок):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Бюджетные поступления . . .	1.703	1.969	2.724	2.852
Репар. платежи за счет государственного бюджета . . .	—	250	400	500

Поступления по предназначенным в обеспечение репарационной доли бюджета доходным статьям за последний репарационный год составляют 228% нормальной доли бюджета в 1.250 млн. зол. марок, подлежащей уплате, начиная с текущего пятого 1928/29 репарационного года. Генеральный агент с полным основанием приходит к выводу, «что не может возникнуть вопроса относительно того, в состоянии ли германский государственный бюджет покрыть в полном об'еме приходящуюся на него по плану нормальную долю репараций» (стр. 3).

В своем последнем отчете агент вновь повторяет по адресу германского правительства советы и назидания, формулированные в его знаменитом меморандуме от 20 октября 1927 г., о необходимости установления твердого бюджетного равновесия на почве максимальной экономии расходов. Ныне он особенно подробно останавливается на необходимости окончательного размежевания между общегосударственным бюджетом и бюджетами отдельных германских автономных областей. Выступление агента по этому больному в настоящее время в Германии вопросу встретило оживленный и притом сочувственный отклик в германской прессе. Однако, эта проблема, сколь ни велика ее важность для улучшения структуры и обеспечения полной устойчивости германского бюджета, непосредственно совершенно не затрагивает обеспеченности репарационных платежей.

Обращаясь к методам трансферта репараций, следует отметить тенденцию относительного роста доли, переводимой в иностранной валюте, при соответственном сокращении доли, переводимой в германской валюте. В составе последней наибольшее значение имеют материальные поставки, расчеты по которым производятся путем оплаты покупателем в иностранной валюте, поступающей непосредственно в распоряжение правительства соответствующей страны — кредитора; одновременно германский поставщик получает от репарационного агента оплату в германской валюте. Таким образом, расчетные операции на многие сотни миллионов осуществляются без всякого перевода германской валюты в иностранную. Другой составной частью трасферта в германской валюте является оплата расходов оккупационной армии в Рейнской области. Эта статья снижается с каждым годом и скоро должна исчезнуть. Распределение трасферта по обоим основным методам его за истекшие 4 года видно из следующей таблицы:

Годы	Трансферт в герм. валюте		Трансферт в иностр. валюте		Итого
	В млн. зол. марок	В %% к итогу	В млн. зол. марок	В %% к итогу	В млн. зол. марок
1924/25	622	69,6	271	30,4	893
1925/26	760	64,7	416	35,3	1.176
1926/27	699	50,6	683	49,4	1.382
1927/28	796	45,8	943	54,2	1.739

Таким образом, при ежегодном росте общей суммы трансферта наблюдается одновременно повышение относительной доли, переводимой в иностранной валюте. За последний репарационный год эта доля перевалила уже за половину общего итога трансферта. Однако, в нарисованную в отчете картину распределения трансферта следует внести существенную поправку. В состав доли, переводимой в иностранной валюте, на ряду с платежами наличными, включены также платежи репараций Франции и Англии в порядке так наз. Reparation Recovery Acts. Эти платежи взыскиваются путем специального отчисления в размере 26% с ценности германского товарного импорта в эти страны. Германские экспортеры уплачивают это отчисление во французской или английской валюте с последующим возмещением в германской валюте за счет репарационного агента. Казалось бы, операция эта в финансово-техническом отношении и по своему влиянию на платежный баланс Германии и на устойчивость германской валюты вполне аналогична расчетам по оплате материальных поставок. Поэтому мы полагаем, что ее следует исключить из группы расчетов, связанных с переводом в иностранную валюту, и включить в группу расчетов, не связанных с таким переводом[1]. Удельный вес платежей в порядке Reparation Recovery Acts весьма значителен: абсолютная сумма их за истекшие четыре года составляет соответственно 180, 243, 290 и 351 млн. зол. марок. Если ввести в картину распределения трансферта требуемую поправку, то она примет следующий вид:

Годы	Трансферт без перевода в иностр. валюту		Трансферт в иностр. валюте		Итого
	В млн. зол. марок	В %% к итогу	В млн. зол. марок	В %% к итогу	В млн. зол. марок
1924/25	802	89,8	91	10,2	893
1925/26	1.003	85,3	173	14,7	1.176
1926/27	989	71,6	393	28,4	1.382
1927/28	1.147	66,0	592	34,0	1.739

Тенденция к относительному росту трансферта в иностранной валюте остается в силе и теперь, но все же удельный вес переводимой таким образом доли в действительности оказывается значительно ниже, и абсолютный размер ее даже и за последний год не достигает 600 млн. зол. мар. Такая сравнительно небольшая сумма, к тому же переводимая постепенно на протяжении целого года, не может сколько-нибудь ощутительно отразиться на равновесии международного расчетного баланса Германии, а тем самым и на устойчивости германской валюты. Действительно, за весь четырехлетний период с момента валютной реформы германская валюта является, пожалуй, самой устойчивой в мире. В течение большей части этого периода и, в частности, на протяжении последнего репарационного года марка котируется с премией по отношению к доллару. Это облегчает Рейхсбанку его политику систематического накопления золотого запаса, который за пять

[1] Мы впервые указали на необходимость такой поправки в нашей статье „Платежный баланс Германии за 1924—27 гг. и проблема трансферта репараций", „Вестник Финансов", № 7, июль 1928 г.

лет — с конца 1923 г. до конца 1928 г.— возрастает с 467 до 2.730 млн. марок против 1.170 млн. в 1913 г.

Правда, в текущем репарационном году рост общей суммы аннуитега на 750 млн. марок не может быть в полной мере покрыт повышением «безвалютного» трансферта, и платежи в иностранной валюте должны еще возрасти. За 8 истекших месяцев 1928/29 репарационного года (сентябрь — апрель) поступило платежей всего на сумму 1.806 млн. марок (с остатком от прошлого года). Трансферт был осуществлен на сумму 1.478 млн. марок, в том числе в иностранной валюте 605 млн., или 41%, и без перевода в иностранную валюту 873 млн., или 59% (включая 259 млн. в порядке Reparation Recovery Acts.

Несомненно также, что в последующие годы (все равно, сохранится ли существующий нормальный размер ежегодных платежей, предусмотренный планом Дауэса, или будет снижен) доля трансферта в иностранной валюте будет продолжать возрастать, так как державы — кредиторы с большой неохотой принимают германские поставки натурой, наносящие ущерб интересам их собственной промышленности.

Во всяком случае и в текущем 1928/29 репарационном году, как реализация, так и трансферт репараций осуществляется в полном соответствии с планом без всяких перебоев и не наблюдается никаких признаков затруднений финансово-технического характера на ближайшее будущее. Механизм плана Дауэса продолжает работать совершенно гладко и безупречно. С этим бесспорным фактическим положением должны согласиться обе стороны — и должники и кредиторы. Мы здесь ограничимся приведенной общей характеристикой работы финансово-технического механизма плана, не вдаваясь в детали.

Экономические условия осуществления плана Дауэса

Условия реализации репараций. Обратимся теперь к анализу экономических условий и экономических последствий практического выполнения плана Дауэса. Здесь начинается спор и высказываются взаимно исключающие друг друга положения, отражающие противоречие интересов спорящих сторон. Мы ограничим нашу задачу беспристрастным выяснением значения реализации репарационных платежей для германского народного хозяйства в сфере капиталонакопления и уровня жизни широких масс населения; далее, установлением роли и удельного веса трансферта, репараций, в германском платежном балансе на фоне хронической пассивности торгового баланса и непрерывного импорта капиталов. Выяснение этих двух основных аспектов экономического значения репарационной проблемы позволит правильно оценить тяжесть репарационного бремени для народного дохода Германии и установить специфическое влияние репарации на торговые и финансовые связи Германии с мировым хозяйством. Это позволит, наконец, дать достаточно обоснованный ответ на вопрос о том, действительно ли дальнейшее выполнение плана Дауэса при отсутствии всяких модификаций в сторону облегчения репарационного бремени рисковало бы зайти в безвыходный тупик (как это полагают все без исключения немецкие исследователи, а также многие иностранцы, в частности, Дж. М. Кейнс) или же правильное функционирование плана в измененном виде могло бы считаться обеспеченным на многие годы. Этим, разумеется, не отрицается возможность временных, преходящих затруднений конъюнктурного характера.

Основные количественные показатели капиталообразования в Германии за период после дауэсовской стабилизации допускают достаточно точное определение его об'ема как за счет накопления внутри страны, так

и путем импорта капиталов из-за границы. Различные имеющиеся оценки: германского статистического ведомства и кон'юнктурного института, банка Reichskreditgesellschaft, газеты „Frankfurter Zeitung", репарационного комиссара при Рейхсбанке, генерального агента по репарациям и др. — расходятся в деталях, но в общем достаточно близки между собой. Так как абсолютная точность здесь вообще недостижима, мы приведем округленные суммарные итоги, приблизительно совпадающие по всем оценкам.

Основной показатель «видимого» капиталообразования внутри страны — публичная эмиссия новых ценных бумаг (акционерная, государственные и муниципальные займы, ипотечные бумаги) в итоге за пятилетие 1924—1928 гг. дает свыше 15 мрд. марок. В том числе первые два года рассматриваемого периода дают всего 2 с небольшим мрд., а 13 мрд. приходится на 3 последних года, распределяясь по годам почти поровну. Приток долгосрочных инвестиций из-за границы за тот же период составляет свыше 7 мрд. марок. Из этой суммы на первые два года приходится 2,2 мрд., а около 5 мрд. получено за последние три годы, при чем импорт капиталов по годам также обнаруживает значительную устойчивость. Однако, из валовой суммы импорта капиталов следует вычесть 800 млн. марок займа Дауэса, так как оплата процентов и погашения по этому займу входит составной частью в репарационные платежи. Кроме того, следует вычесть имевший место в сравнительно незначительных размерах за истекшее пятилетие экспорт германских капиталов за границу, главным образом, в форме скупки и досрочного погашения выпущенных за границей германских займов, а также нормальное их погашение. Таким образом, мы приходим к выводу, что чистый приток долгосрочных инвестиций из-за границы за пятилетие после стабилизации составляет 5,5—6 мрд. марок.

К притоку долгосрочных инвестиций следует прибавить чистый импорт краткосрочных кредитов из-за границы, оцениваемый в итоге за 5 лет цифрой свыше 7,3 мрд. марок. Этот приток поощряется устойчивой разницей процентных ставок в пользу Германии, где учетный процент за последние годы держится на уровне выше всех других крупных кредитных рынков мира. Таким образом, в итоге чистый импорт средств из-за границы в Германию за пятилетие 1924—28 гг. составляет 13—14 мрд. марок. Однако, в этом импорте капиталов существенную часть составляет репатриация германских капиталов, ранее бежавших от инфляции. Она оценивается в сумме около 2,5—3 мрд. марок. Кроме того, в 1928 г. в Соед. Штатах был снят секвестр на германское имущество, наложенный во время войны. Общая сумма этого имущества оценивается в 1 мрд. марок и предполагается, что уже к концу года около 750 млн. вернулось в Германию. Следовательно, из общего притока средств из-за границы в 13—14 мрд. марок приток иностранных средств составляет 9—10 мрд.

Однако, сопоставление 13 мрд. импортированных капиталов с 15 мрд. внутренней публичной эмиссии за рассмартиваемый пятилетний период дает неверное представление о действительном соотношении внутреннего и внешнего источников капиталообразования. Существует несколько оценок общего итога внутреннего капиталообразования в Германии, основанных либо на возможном учете всех видов денежного накопления (публичной эмиссии, роста банковских и сберегательных вкладов, страховых фондов и др.), либо на учете материального прироста народного имущества. Так как оценки эти, естественно, носят весьма приближенный характер, то они расходятся между собой в значительно большей степени, чем приведенные выше данные, характеризующие «видимое» капиталообразование, в отношении которых наблюдается почти полное совпадение различных источников. По оценке Берлинского кон'юнктурного института, общая сумма кредита, вновь созданного в Германии за последние четыре года, составляет

40 мрд. марок, т.-е. средний прирост за год равен 10 мрд. Этот итог обнимает как внутренние источники кредита, так и импорт капиталов из-за границы. Таким образом 13 мрд. марок, импортированных извне (если отбросить заем Дауэса, то весь импорт капиталов за период после стабилизации приходится почти исключительно на последние 4 года — 1925—1928), составляют менее одной трети общего итога капиталообразования, а большее двух третей приходится на внутренние источники.

Другая оценка внутреннего капиталонакопления Германии, опубликованная банком Reichskreditgesellschaft и основанная на методе учета материального прироста народного имущества (разности между национальной продукцией и национальным потреблением), дает по годам следующие суммарные цифры: 1925 г.—6,4 мрд. марок, 1926 г.—6,3 мрд. марок, 1927 г.— 7,6 мрд. Оценка за 1928 г. еще не опубликована, но по данным за первое полугодие предполагается об'ем национального накопления, приблизительно равный 1927 г. Суммируя приведенные годовые итоги, мы получаем за четырехлетие цифру 27,9 мрд. марок. Итог чистого импорта капиталов по всем видам его за последние 4 года тот же источник определяет в 14 мрд. марок. При этом опять одна треть приходится на приток капикопления в 42 млрд. При этом опять одна треть приходится на приток капиталов из-за границы и две трети на внутреннее накопление.

Третий источник — газета „Frankfurter Zeitung"— оценивает внутреннее капиталонакопление в Германии по методу учета всех видов денежного накопления в следующих годовых величинах: за 1926 г.— 7,5 мрд. марок, за 1927 г.— 9 мрд., за 1928 г.— также 9 мрд. Принимая накопление в 1925 г. равным 1926 г., мы получаем итог за четырехлетие, равный 33 мрд. марок. Прибавляя 14 мрд. импорт капиталов, мы получаем общий итог капиталообразования в 47 мрд. Здесь на приток капиталов из-за границы приходится кругло 30% и 70% на внутреннее капиталонакопление. Мы считаем, однако, эту оценку внутреннего капиталонакопления преувеличенной и методологически менее заслуживающей доверия, чем оценка, Reichskreditgesellschaft.

Интересно проследить изменение относительного значения внутреннего и внешнего источников капиталообразования за последние 4 года. Основываясь на данных Reichskreditgesellschaft, мы получаем следующую картину движения аккумулированных итогов капиталообразования в Германии с начала 1925 г.:

К концу года	Внутреннее накопление		Импорт капиталов		Итого капиталообразование в мрд. марок
	В мрд. марок	В %% к итогу	В мрд. марок	В %% к итогу	
1925	6,4	62,1	3,9	37,9	10,3
1926	12,7	72.2	4,9	27,8	17,6
1927	20,3	68,1	9,5	31,9	29,8
1928	27,9	66,6	14,0	33,4	41,9

После резкого сокращения относительной доли притока капиталов из-за границы в 1926 г. (обусловленного отливом за границу германских и иностранных краткосрочных кредитов в период кризиса) мы наблюдаем новое нарастание значения импорта капиталов на протяжении двух последних лет. Все же относительная доля притока капиталов извне к концу четырехлетия достигает только одной трети общего итога капиталообразования, тогда как в начале послестабилизационного периода — в 1925 г., она составляла 38%.[1]

[1] С. А. Фалькнер в весьма ценной и содержательной статье „Германия на мировом рынке капиталов" („Торгово-Промышленная Газета" от 14 марта 1929 г.) производит аналогичный нашему расчет и приходит к выводу, что, „если отвлечься от кризисного 1926 г., то мы получим плавно убывающее отношение общего итога капиталов,

Для того чтобы оценить влияние реализации репарационных платежей, представляющих чистый вычет из ежегодного народного дохода Германии, на капиталонакопление, лучше всего исходить из сопоставления с довоенными соотношениями. Народный доход Германии в последние годы перед войной, по известной оценке Карла Гельфферихa,[1] составлял 43 мрд. марок в год. Ежегодный размер капиталонакопления, по той же оценке, составлял около 8 мрд. марок. Если взять поправку на уменьшение германской территории после войны, то довоенный народный доход и накопление в пределах современной территории страны составляют соответственно 38,7 мрд. и 7,2 мрд марок по довоенным ценам (мы скинули, по грубой оценке, 10% на отошедшие территории). По современным ценам (индекс 140 по отношению к 1913 г.) довоенный народный доход Германии в современных границах составляет 54,2 мрд., а накопление — 10,1 мрд. марок. Послевоенный народный доход Германии, по наиболее компетентным оценкам, в 1925 г. определялся (с учетом сокращения территории) в 85% довоенного. Можно с полным основанием считать, что в 1927 и 1928 гг. он достиг довоенного уровня. В то же время внутреннее капиталонакопление Германии за последние два года, как мы видели, составляет, по наиболее достоверной оценке Reichskreditgesellschaft, 7,6 мрд. марок в год. Дефицит накопления по сравнению с довоенным равняется, таким образом, 2,5 мрд. (25%), т.-е. в точности соответствует нормальной ежегодной цифре репарационных платежей.[2] Этот дефицит с избытком покрывается импортом капиталов на сумму 4,5 мрд. в год и общий годовой итог капиталообразования ныне, таким образом, на 2 мрд., или на 20%, превышает довоенную норму.

Дефицит внутреннего капиталонакопления против довоенного в известной мере об'ясняется почти полным отпадением дохода от помещения германских капиталов за границей, который до войны притекал в страну на сумму свыше 1 мрд. марок в год. Но главная причина сокращения накопления заключается в повышении налогового бремени (реальное повышение — в довоенных денежных единицах — более, чем вдвое против довоенной нормы), транспортных издержек населения и цен промышленных товаров — в той мере, в какой именно фиск, железные дороги и промышленность являются тремя источниками реализации репарационных платежей. Мы можем, таким образом, с уверенностью утверждать, что при уровне народного дохода и национального потребления (см. ниже), в общем соответствующем довоенному, сокращение внутреннего капиталонакопления за истекшие годы, главным образом, об'ясняется из'ятием из народного дохода ежегодно уплачиваемых репарационных взносов. Известное, из года

импортированных после стабилизации валюты, к сумме внутреннего накопления". Фалькнер в основу своего расчета кладет (с незначительными поправками) оценку внутреннего накопления „Frankfurter Zeitung" и оценку импорта капиталов Reichskreditgesellschaft, что приводит к существенному повышению удельного веса внутреннего накопления. Он получает следующие процентные отношения импорта капиталов к внутреннему (а не к общему) капиталообразованию: к концу 1925 г.—51%; 1926 г.—32%; 1927 г.—39%; 1928 г.—33%. Однако, процент к концу 1928 г. (в итоге за четырехлетие) исчислен неверно, вследствие арифметической ошибки (или описки) при подсчете итога внутреннего капиталонакопления. Правильная цифра составляет не 39,1 мрд. марок, приведенные у Фалькнера, а 33,1 мрд. (7,6 + 7,5 + 9,0 + 9,0), и 13,5 мрд. импорта капиталов составляют не 33%, а 41% к внутреннему капиталонакоплению. Таким образом, динамика относительного значения импорта капиталов получается такая же, как и у нас, и вывод Фалькнера оказывается несостоятельным и об'ясняется исключительно арифметической ошибкой.

[1] Karl Helfferich „Deutschlands Volkswohlstand 1888/1913".

[2] Точное совпадение, разумеется, является случайным, так как репарационный аннуитет за последние два года еще не достиг нормального размера; однако, как показано ниже, репарационные платежи представляют основной фактор дефицита накопления.

в год возрастающее значение получают также проценты и погашение по коммерческим внешним займам, но ежегодный размер этих платежей до сих пор еще относительно невелик, достигая в 1928 г. цифры около 750 млн. марок. При оценке дальнейшего роста этих платежей в последующие годы необходимо иметь в виду, что из общей суммы притока капиталов из-за границы, достигшей к настоящему времени, как мы видели, 14 мрд. марок, 3—3,5 мрд. приходится на возвратившиеся в отечество в обличьи иностранных девиз беглые германские капиталы. Поскольку эти средства не были вновь накоплены германским народным хозяйством, их нельзя причислять к внутреннему накоплению за последние годы. Но это и не чужие средства, и платежи процентов и погашения по ним, если не произойдет какой-либо непредвиденной хозяйственной катастрофы, не будут утрачены германским народным хозяйством.

В германской экономической прессе чрезвычайной популярностью пользуется явно тенденциозная теория, основанная на поверхностном сопоставлении итогов импорта, капиталов и репарационных платежей. Германия получила за 5 лет после стабилизации на 6,3 мрд. марок долгосрочных займов из-за границы и в то же время уплатила заграницe 6,1 мрд. марок репарационных платежей. Отсюда как-будто сам собой напрашивается вывод, что платила она отнюдь не из своего дохода, а всю сумму платежей сама одолжила, т.-е. наложила соответствующую ипотеку на свой национальный капитал. Даже такой выдающийся экономист-теоретик, как Г. Кассель, поддался соблазну этой теории, и в своих газетных статьях защищает то положение, что платежи по плану Дауэса выполняются лишь за счет иностранных займов и поэтому являются фиктивными. Из собственных средств Германия ничего уплачивать не может и ежегодно получает от заграницы взаймы все те средства, которые возвращает ей в счет репараций. По этой концепции план Дауэса, естественно, через 10—15 лет должен зайти в безнадежный тупик, так как у Германии накопится такой огромный внешний долг, что она не в состоянии будет покрывать дальнейшими займами репарации плюс проценты и погашение по коммерческому долгу.

Изложенная теория совершенно несостоятельна и в критике ее мы должны в полной мере солидаризироваться с проф. Л. Яснопольским,[1] который совершенно справедливо утверждает, что иностранные кредиты служат Германии не для уплаты репараций, а только для их трансферта за границу. Получатели внешних займов вовсе не обращают их на покрытие репарационной задолженности Германии, а инвестируют в народное хозяйство страны. Создаваемый, таким образом, прирост национального капитала приносит доход, как правило, с избытком покрывающий стоимость ежегодного процентирования и погашения займов, и получаемая разница представляет чистый доход германских предпринимателей. Репарации же оплачивают, как сказано выше, германские плательщики налогов, потребители транспортных услуг и промышленных товаров в порядке соответствующего отчисления из ежегодного национального дохода, а не путем фиктивного увеличения национального капитала, как утверждает критикуемая теория. На вопросе о роли импорта капиталов в осуществлении ежегодного трансферта репараций мы специально остановимся ниже.

Резюмируем полученные выводы: импорт капиталов создает реальный, а не фиктивный рост ежегодного капиталообразования Германии. Репарации Германия уплачивает из собственных средств за счет национального дохода, а не за счет ввоза иностранного капитала. Уплата репараций создает ежегодный дефицит внутреннего капиталонакопления, но этот де-

[1] Проф. Л. Яснопольский, „Германия накануне консолидации репарационных платежей". „Вестник Финансов", № 2, февраль 1929 г.

фицит с избытком перекрывается притоком капиталов из-за границы, и общий итог ежегодного капиталообразования за последние два года превышает довоенную норму, примерно на 20%.

Обратимся к вопросу об уровне жизни широких масс населения. Решающим показателем в высоко-индустриальной стране, где промышленный пролетариат представляет абсолютное большинство самодеятельного населения, является уровень заработной платы промышленных рабочих. Мы приведем цифровые данные, характеризующие динамику этого уровня за пятилетие 1924—1928 гг. в сопоставлении с довоенной нормой:

Средние месячные	Номин. зарплата в марках в неделю		Индекс Номин. зарпл. 1913 г. = 100		Индекс стоим. жизни	Индекс реальной зарплаты 1913 г. = 100	
Годы	Квал. раб.	Неквал. раб.	Квал. раб.	Неквал. раб.	1913/14 г. = 100	Квал. раб.	Неквал. раб.
1913	35,3	23,5	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1924	33,9	25,6	96,0	10[illegible],6	127,6	75,1	85,0
1925	42,9	31,8	121,4	135,0	140,0	86,8	96,6
1926	46,1	34,2	130,5	145,3	141,1	92,5	103,0
1927 [1]	47,8	36,5	135,4	155,0	147,6	91,7	105,0
1928 [1]	51,3	39,4	145,3	167,7	151,7	95,8	110,5

Мы наблюдаем непрерывный рост реальной заработной платы на протяжении всего пятилетия после стабилизации, и если заработная плата квалифицированных рабочих к настоящему времени еще не достигла довоенного уровня, она все же находится в непосредственной близости к нему. В то же время реальная заработная плата неквалифицированных рабочих на 10,5% выше довоенного уровня. Для сравнения можно указать, что уровень реальной заработной платы промышленных рабочих в настоящее время составляет в Англии 108,4, во Франции (углекопы)—110,3 и в Соед. Штатах — 138,1 по сравнению с довоенным. Жизненный уровень германского рабочего ныне относительно, во всяком случае, не ниже уровня английского или французского. Обнищание эпохи инфляции сменилось устойчивым ростом благосостояния. Об этом свидетельствует быстрый рост сберегательных вкладов, по темпу вдвое превосходящий возрастание их за последнее пятилетие перед войной: за период с середины 1925 г. до конца 1928 г. общая сумма вкладов в сберегательных кассах выросла с 1,3 мрд. почти до 7 мрд. марок. Правда, существенным, фактором, понижающим благосостояние рабочего класса, является рост безработицы, которая с минимального уровня 462 тыс. в октябре 1927 г. выросла до 2,2 млн. в январе 1929 г. Однако, рост безработицы носит отчасти кон'юнктурный характер, а отчасти отражает устойчивую тенденцию вытеснения рабочей силы из производства вследствие успехов рационализации германской промышленности и быстрого повышения производительности труда. В этой тенденции, характерной для послевоенного капитализма во всех передовых промышленных странах, никак нельзя усматривать влияния репарационного бремени.

В относительно худшем положении, чем рабочий класс (по сравнению с довоенной нормой), находится мелкая и средняя буржуазия, разоренная обесценением государственных процентных бумаг в эпоху инфляции. Однако, разорение класса рантье общая участь воевавших стран, и во Франции, например, это явление имеет гораздо большее народнохозяйственное значение. Насколько можно судить по об'ему продукции и сбыта на внутреннем рынке основных предметов широкого потребления, уровень национального потребления Германии в настоящее время можно считать в общем очень близким к довоенному.

[1] Новое исчисление, см. „Wirtschaft und Statistik", № 2, 1929.

Мы видим, что ни в сфере капиталообразования, ни в отношении жизненного уровня широких масс населения специфическое влияние репараций до настоящего времени не проявилось в сколько-нибудь существенном ухудшении общего экономического положения Германии по сравнению с довоенным и по сравнению с положением соседних европейских стран—победительниц. Нет поэтому никаких об'ективных оснований для утверждения, что репарационные платежи превышают «платежеспособность» Германии, поскольку единственным бесспорным пределом этой платежеспособности является нарушение основных условий экономического благосостояния и нормального роста народного хозяйства страны. Этот предел превзойден не был, и ничто не позволяет ожидать его нарушения в дальнейшем при неизменном функционировании плана Дауэса. Мы ограничимся приведенными выше соображениями, так как они имеют решающее значение, тогда как, напр., весьма популярные в экономической прессе стран — кредиторов сопоставления налогового бремени на душу населения или доли репараций в государственном бюджете Германии и военных долгов в бюджетах союзных стран представляются весьма условными и приемлемыми лишь с существенными оговорками.

б) Условия трансферта репараций. Обратимся теперь к проблеме трансферта репараций. Быть может, именно в этой сфере с роковой неизбежностью должна обнаружиться экономическая невыполнимость плана Дауэса, здесь — тот тупик, в который он должен в конце концов упереться? Это мнение чрезвычайно широко распространено, оно, можно сказать, является господствующим в «репарационной мифологии». Мы посвятили критическому разбору этой популярной теории специальную статью (цит. выше) и поэтому можем ограничиться здесь приведением лишь окончательных выводов.

Основная пассивная статья германского платежного баланса за период со времени стабилизации это — дефицит товарной торговли; основная активная статья — импорт иностранных капиталов. Относительное значение и удельный вес трансферта репараций определяется именно по отношению к этим двум решающим статьям баланса. Мы приведем обобщенную схему платежного баланса Германии за период с 1924 по 1927 гг. (за 1928 г. данные еще не опубликованы) в составе конечных сальдо по главным его статьям. В основу нашего расчета положено официальное исчисление платежного баланса, обуликованное германским статистическим ведомством [1]. Мы ввели единственную поправку на покрытие репарационных платежей в порядке Reparation Recovery Acts, перенеся соответствующие годовые цифры из актива баланса вольной товарной торговли в актив баланса репарационных платежей. Это повлекло за собой соответствующее повышение пассивного сальдо товарной торговли и компенсирующее понижение пассива баланса репараций. Обоснование правомерности этой операции см. выше (см. также нашу цит. статью в № 7 «Вестник Финансов» за 1928 г.).

Мы имеем возможность установить с достаточной точностью основные статьи платежного баланса Германии и за 1928 г. Для определения сальдо по внешней торговле мы вносим следующую поправку в данные официальной таможенной статистики: повышаем сумму экспорта на 1,5% и понижаем сумму импорта на 3%, руководствуясь методом германского статистического ведомства, применявшимся за предшествующие два года для того, чтобы выравнять преувеличение импорта и преуменьшение экспорта, обусловленное особенностями первичной таможенной регистрации (см. отчет генерального агента, стр. 132—133). Цифры репарационного баланса за 1928 календарный год могут быть установлены с полной точностью по еже-

[1] „Wirtschaft und Statistik", № 5, 1928, стр. 158—159.

месячным отчетам ген. агента, публикуемым в прессе. Платежи в порядке Reparation Recovery Acts мы и здесь прибавляем к пассивному сальдо вольной товарной торговли и одновременно — к активу баланса репарационных платежей. Основные статьи оборота капиталов и второстепенные статьи оборота текущих платежей мы оцениваем на основании имеющихся статистических материалов по соотношению с сответствующими цифрами за прошлые годы. Мы получаем, таким образом, следующую картину динамики платежного баланса Германии за пятилетие 1924—1928 гг. (активные — + и пассивные — сальдо, в млн. рейхсмарок):

Статьи	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
А. Оборот текущих платежей					
Вольная товарная торговля	— 1.973	— 3.126	— 70	— 3.747	— 2.137
Репарационные платежи:					
а) валовая сумма	— 281	— 1.057	— 1.191	— 1.584	— 2.006
б) покрыто без трансферта в иностранной валюте	+ 259	+ 949	+ 1.019	+ 1.126	+ 1.285
Сальдо: трансферт в иностр. валюте	— 22	— 108	— 172	— 458	— 721
Процентные платежи по коммерч. задолженности	+ 80	— 90	— 200	— 430	— 660[1]
Все прочие статьи	— 488	— 547	+ 148	— 197	+ 250[1]
Сальдо А	— 2.403	— 3.871	— 294	— 4.438	— 3 268[1]
Б. Оборот капиталов					
Сальдо Б	+ 2.403	+ 3.871	+ 294	+ 4.438	+ 3.268[1]
Сальдо движения иностранных долгосрочных капиталовложений в Германии и германских за границей	+ 2.000	+ 1.224	+ 1.376	+ 1.245	+ 1.200[1]
Сальдо движения коммерческих краткосрочных помещений капиталов	— 219	+ 462	— 450	— 533	+ 2.068[1]
Неразложимый остаток перемещения капиталов (исчислен как конечное сальдо)	+ 622	+ 2 185	— 632	+ 2.660	

Схема баланса, принятая Германским статистическим ведомством, дает чрезвычайно наглядное представление об основной структуре международных расчетов Германии за пятилетие со времени стабилизации: активное сальдо оборота капиталов уравновешивает пассив, получающийся по обороту текущих платежей. Интересующая нас статья — пассивное сальдо репарационного баланса (трансферт в иностранной валюте) — по своему

[1] Приближенная оценка.

относительному значению в составе общего пассива по группе статей А занимает второе место после дефицита баланса вольной товарной торговли. Однако, удельный вес трансферта репараций хотя и возрастает непрерывно (если отвлечься от кризисного 1926 г.) с 0,9% общего пассива в 1924 г. и 2,8% в 1925 г. до 10,3% в 1927 г. и 22,1% в 1928 г., все же далеко уступает значению сальдо торгового баланса и лишь немногим превышает вес процентных платежей по коммерческой задолженности, которые растут из года в год приблизительно тем же темпом, что и трансферт репараций. Совершенно очевидно, что проблема пассивности текущего оборота германского платежного баланса есть прежде всего проблема пассивности торгового баланса Германии, и компенсационная функция импорта капиталов в международных расчетах покрывает прежде всего дефицит торгового баланса. Доля же репарационного баланса представляется относительно незначительной.

1928 год в связи с понижением внутренней кон'юнктуры германского народного хозяйства и одновременно хорошим урожаем в Германии характеризуется некоторым снижением импорта, на $^5/_6$ состоящего из сырых материалов для промышленности и пищевых продуктов. Одновременно наблюдается продолжающийся значительный рост экспорта, на 70% состоящего из готовых промышленных фабрикатов. В то время как колебания импорта за последнее пятилетие в точности отражают колебания хозяйственной кон'юнктуры внутри страны, экспорт обнаруживает устойчивую повышательную тенденцию, как это можно видеть из следующей таблицы (в млн. рейхсмарок):[1]

Годы	Импорт	Экспорт	Сальдо
1924	9.618	7.696	— 1.922
1925	11.978	9.058	— 2.920
1926	9.865	10.071	+ 206
1927	13.813	10.381	— 3.432
1928	13.575	11.816	— 1.759

Генеральный агент, анализируя эволюцию германской внешней торговли (цит. отчет, стр. 130—131), показывает, как кривая импорта колеблется в отношении значительно более устойчивой и непрерывно повышающейся кривой экспорта. Он сопоставляет два момента, когда обе кривых пересекались и имело место временное равновесие торгового баланса. Первый раз это произошло осенью 1925 года, в самом начале послестабилизационной депрессии. Равновесие торгового баланса в точке пересечения кривых импорта и экспорта было тогда достигнуто на уровне около 800 млн. марок в месяц. С этого момента приблизительное равновесие импорта и экспорта сохранялось в течение почти целого года — до осени 1926 г. Затем оно было утрачено, вследствие кон'юнктурного повышения импорта, на два года — до сентября 1928 г. Здесь наблюдается новое сближение кривых импорта и экспорта под влиянием кон'юнктурного падения импорта, но на уровне уже в 1.100 млн. марок в месяц. Разница в 300 млн. марок в уровнях равновесия торгового баланса за три года отражает устойчивую повышательную тенденцию экспорта, тенденцию активизации торгового баланса Германии. Излишек импорта и в дальнейшем будет временно увеличиваться в периоды кон'юнктурного под'ема, но наблюдается устойчивая эволюционная тенденция в направлении сжатия этого излишка с каждым годом. Активизация торгового баланса уменьшает зависимость Германии от иностранных кредитов для закупки необходимых ей сырых материалов и

[1] Исправленные цифры Германского статистического ведомства; экспорт без материальных репарационных поставок, но со включением платежей в порядке Reparation Recovery Acts.

пищевых продуктов на внешних рынках. Вместе с тем, эта тенденция облегчает и сальдирование репарационного баланса.

Репарационные платежи, без сомнения, оказывают влияние в направлении форсирования германского товарного экспорта, как непосредственно — в форме репарационных поставок натурой, так и косвенно — в виду необходимости реализации дополнительных валютных излишков. С другой стороны, как мы видели выше, реализация репараций, представляющая чистый вычет из ежегодного народного дохода и внутреннего капиталонакопления Германии, повышает процент на капитал внутри страны по сравнению с мировой нормой и привлекает, таким образом, дополнительный импорт капиталов из-за границы. Однако, относительное значение специфического влияния репараций и в том и в другом направлении далеко не является решающим. И форсирование товарного экспорта и необходимость постоянного импорта капиталов не могут считаться обусловленными репарационной задолженностью Германии. Значение репараций, следовательно, сводится к роли дополнительного, осложняющего, усиливающего, но отнюдь не основного, конституирующего фактора.

Наши конечные выводы сводятся, таким образом, к следующему: опыт плана Дауэса за истекший период его осуществления с несомненностью показал, что бесперебойное его функционирование в дальнейшем может считаться вполне обеспеченным как в сфере реализации, так и в сфере трансферта репарационных платежей, как в финансово-техническом отношении, так и с точки зрения экономических критериев «платежеспособности» и «трансфертоспособности» Германии. Разумеется, в будущем могут иметь место временные затруднения кон'юнктурного характера, но план достаточно эластичен для того, чтобы возможно было всегда найти из них выход. Говорить о каком-либо неизбежном тупике, в который рано или поздно должно в дальнейшем упереться выполнение плана Дауэса, не приходится. Удельный вес репараций по общему масштабу хозяйственной жизни Германии не представляется столь значительным, чтобы регулярное поступление платежей не могло считаться безусловно обеспеченным при нормальных условиях даже в периоды кон'юнктурных депрессий. В крайнем случае вероятна временная задержка трансферта сальдо репарационного баланса, подлежащего переводу в иностранной валюте. Однако, здесь всегда есть возможность маневрирования либо путем увеличения относительной доли «безвалютного» трансферта, либо путем временного увеличения остатка на текущем счету репарационного агента в Рейхсбанке, впредь до более благоприятной кон'юнктуры на валютном рынке. При этом, по мере общего хозяйственного роста Германии и по мере прогрессирующей активизации германского торгового баланса, относительная тяжесть репарационного бремени, как в сфере реализации, так и в сфере трансферта платежей будет снижаться с каждым годом.

Возникает вопрос, какие же факторы обусловили осуществляемый ныне пересмотр плана, откуда исходила инициатива этого пересмотра и каковы позиции основных заинтересованных сторон. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо перевести обсуждение репарационной проблемы из сферы финансово-технических и народнохозяйственных соображений в сферу анализа международно-политических взаимоотношений, столкновений интересов и соотношения сил, т.-е. в ту сферу, откуда возник самый репарационный вопрос и где единственно надлежит искать его окончательного разрешения.

(Окончание следует).

В. В. Лепешинский

Основы энергетического хозяйства транспорта по пятилетнему плану[1]

Если вопрос энергетики в целом имеет крупнейшее значение в народном хозяйстве вообще, то в транспорте, особенно в области передвигающих средств, энергетическое вооружение определяет весь рабочий процесс этой отрасли хозяйства, а тип двигателей и методы использования энергетических ресурсов (топлива) в значительной мере решают вопрос о затратах народного хозяйства на совершение перевозок.

Удельный вес энергетического вооружения транспорта характеризуется его долей в общем силовом хозяйстве Союза, определяемой в 1927/28 г. примерно в 30%.

Самый крупный вид силового вооружения транспорта заключается в движущих средствах—локомотивах.

Основная установка пятилетнего плана заключается в пополнении паровозного парка новыми паровозами исключительно мощных серий как в товарном, так и в пассажирском парке.

Парк в течение пятилетия пополняется 2.765 штуками паровозов серий „Э", „М" и „П". Кроме того, в конце пятилетия в товарный парк вводятся 35 паровозов серии „Т" — на 25% более мощные, нежели паровозы серии „Э"; таким образом, кладется начало переходу в следующем пятилетии еще на более мощные двигатели.

Результатом такого пополнения парка паровозов является повышение средней мощности в 1932/33 г. до 13.852 *км* тяговой силы на крюке вместо 12.194 *км* на 1/X 1928 г., т.-е. средняя мощность парка в этом выражении к концу пятилетия увеличивается на 13,6%.

Сложным и суммарным показателем эффективности повышения мощности паровозов может служить сопоставление увеличения работы в тонно-километрах на 47% за пятилетие, с увеличением паровозо-километров всего лишь на 21%.

Вновь включаемые единицы, конечно, будут снабжены всеми современными элементами модернизации, каковая за пятилетие интенсивно вводится и в ныне существующем парке. Темп этой модернизации характеризуется следующими цифрами: процент паровозов с пароперегревателями повышается к 1932/33 г. до 69, вместо 41 для 1927/28 г.; с водоперегревателями—до 74, вместо 4 для 1927/28 г.; со сводами в топках—47, вместо 28, и с золотниками Трофимова 51, вместо 4.

Влияние указанной модернизации особенно ярко сказывается в снижении удельной нормы расхода топлива. Оно определяется для пароперегревателей в 10%, для водоперегревателей — в 8%, для сводов — 5%, для золотников Трофимова — в 20%.

---

[1] По предварительным данным отправного варианта НКПСа, претерпевшим в настоящее время незначительные изменения.

Планируемое пятилетие в отношении внедрения новых типов локомотивов может быть названо переходным, так как намеченное сооружение и включение в эксплоатацию 51 тепловоза,[1] 240 локотракторов для маневров на сравнительно малых станциях и 210 автомотрисс для спорадического пассажирского движения на сравнительно коротких расстояниях носят больше характер расширенных опытов, нежели введения новых видов тяги.

Отсутствие в плане определенных титульных ассигнований на турбовозы, на паровозы с давлением пара свыше 60 атмосфер и т. д. свидетельствует, что эти виды модернизации тяговых средств намечаются пока лишь как об'екты опытов лабораторного характера.

Таким образом, в этой области лишь следующее пятилетие может принести коренные сдвиги, в зависимости от результатов планируемого пятилетия.

Нынешнее состояние питания жел.-дор. транспорта электрической энергией характеризуется в основном числом собственных электростанций, в 523 пунктах, с общей мощностью около 55,5 тыс. квт. и мощностью приемников тока около 66.670 квт., кроме того, в 479 пунктах транспорт получает извне энергию с мощностью приемников около 22 тыс. квт.

По источникам энергии собственные электростанции имеют определенный паровой уклон, при чем паросиловое хозяйство на жел.-дор. транспорте имеет до 30% поверхности нагрева с возрастом свыше 25 лет, при аналогичной цифре для электростанций общего пользования СССР — по данным 1927 г. — 22,7%. В отношении моральной изношенности положение еще хуже, так как 32% всей поверхности нагрева приходится на котлы снятые с паровозов, 69% машин, также, как и 7,5% локомобилей, работает на выхлоп. Примитивное оборудование и недочеты топливного режима дополняют общую картину электросилового хозяйства.

Насыщенность железнодорожной сети электроэнергией вырисовывается из размера мощности приемников тока, приходящихся на 1 километр приведенной длины сети. Распределение этой мощности весьма неравномерно по всей сети и колеблется от 2,38 квт. на 1 километр приведенной длины Октябрьской жел. дор. до 0,20 по Забайкальской, со средней по сети—0,9 квт.

Перспективы в этой области намечаются как в устранении дефектов и введении совершенствований, так и в расширении использования электроэнергии в стационарных установках, при чем, главным образом, намечается присоединение и переход на энергию более мощных станций, без различия принадлежности этих станций.

Основное применение электроэнергии на транспорте намечается в направлении вытеснения мускульной энергии в ряде рабочих процессов и освещения пунктов сосредоточенной работы.

Исходя из темпа роста за период 1923 — 1927 гг., рост мощности токоприемников на предстоящее пятилетие намечается с таким расчетом, чтобы средняя насыщенность в 1932/33 г. составила около 1,8 квт. на 1 километр приведенной длины, т.-е. намечается удвоение электровооружения в области стационарных силовых установок.

Рост мощности приемников тока энергии намечается, главным образом, из источников посторонних транспорту — с 22 тыс. квт. в 1927/28 г. до 70 тыс., т.-е. на 220%, тогда как мощность транспортных станций увеличивается с 77 тыс. до 133, т.-е. на 73%.

[1] Для этой цели намечается перевод на тепловозную тягу участков Сталинград—Тихорецкая и Торговая—Батайск., Сев.-Кавк. жел. дор.

В области стационарных механических установок план предусматривает, кроме значительного расширения оборудования мастерских для ремонта подвижного состава, с одновременным сокращением числа пунктов этого ремонта, дальнейшее расширение погрузочно-разгрузочных устройств в складах различного рода и механизацию внутрискладского транспортного процесса. По строительным работам и работам ремонта пути намечается использование экскаваторов, пневматических установок, тракторов как источников механической энергии и как средств транспорта и т. д.

Средняя мощность буксиров в речном транспорте за пятилетие возрастает в силу определившейся тенденции к укрупнению барж (по наливным уже заказываются 6 барж по 12.000 тонн каждая) и сильного роста средней скорости движения (против течения до 140 *км* вместо 110 *км* по наливным и до 125 *км* вместо 80—90 *км* по сухогрузам). Таким образом, средняя мощность с 400 индикаторных сил поднимается до 500 индикаторных сил, при чем под'ем будет продолжаться и в дальнейшем. Максимальная мощность поднимается до 1500 индикаторных сил против 1200 современных.

Расход на совершение транспортной работы рисуется следующим образом на 1 млн. тонно-*км*:

	1929 г.	1933 г.	%%
Рабочих (средне-годовой контингент) . . .	2,24	1,80	—19,7
Индикаторных силосуток	2107	1963	— 6,8

Количество силосуток падает, т.-е. выигрыш от перехода к более крупным судам и к стальным баржам в пределах пятилетия больше, чем рост затрат на тягу от повышения скорости буксирных возов. Однако, в дальнейшем следует ожидать повышения энергетических затрат, так как реализовать полностью увеличение скорости буксиров в пределах пятилетия нельзя (в основном ядре судов остается еще 36,3% старых).

По товаро-пассажирским судам также предвидится укрупнение судов: так, на Волге будут строиться 3-этажные теплоходы мощностью до 2.000 лош. сил. Общая мощность судов на пятилетие характеризуется следующими крупными цифрами на 1/X 1928 г.—358.000 индикаторных сил, на 1/X 1933 г. намечается 525.000, т.-е. увеличение на 47%.

Типы самоходных судов в течение пятилетия претерпят следующие изменения:

1) По бассейнам, где имеется дешевый натурал (Волга, Днепр, Дон), товаро-пассажирские суда перейдут на дизельмоторы полностью в тех плесах, где глубины превышают 1,5 метра, и условно все остальные. Эта последняя условность связана с технической возможностью сопрягать дизельмотор с гребными колесами (а не винтами) без чувствительного падения коэфициента полезного действия, т.-е. с вопросом о возможности строить на союзных заводах зубчатые передачи с большим передаточным числом и коэфициентом полезного действия не ниже 0,92.

2) По буксирам применение дизельмоторов вообще возможно лишь в случае, если их можно будет сопрягать с гребными колесами; в противном случае они на 100% останутся паровыми.

3) Тип дизельмотора будет применяться бескомпрессорный Манна.

4) По паровым установкам будет широко применяться перегрев пара до 350° и подогрев воздуха отходящими газами.

5) С постройкой Волго-Дона следует ожидать перехода силоустановок на каменный уголь в той части, которая сохранит паровое хозяйство.

В морском транспорте период 1928/29—1932/33 гг. характеризуется резким увеличением как грузоподъемности, так и мощности судов. Средняя мощность судовой установки в Совторгфлоте в 1928 г. составляет 840 сил, а в 1933 г. она достигает 1.270 сил.

Главной характеристикой реконструкции теплового хозяйства является переход на двигатели внутреннего сгорания, последние от полной мощности двигательных установок составляют (в %%):

	1928 г.	1933 г.
Совторгфлот	7	57
Каспар	21	80

Учитывая, что (как указано дальше, в энергобалансе) число тонно-миль на одну силу установки за пятилетний период остается постоянным, можно рассчитывать, что в процессе дизелизации за это время в расходе топлива на одну тонно-милю будет получена экономия в 31% в Совторгфлоте и 40% в Каспаре.

Основной задачей теплотехники на период плана явится дальнейшее снижение удельных норм расхода топлива на транспорте в обстановке расширяющегося применения принципа обезличенной езды, удлиненных пробегов паровозов на железнодорожном транспорте и повышения технических скоростей движения по всем видам транспорта.

Проблема всемерного сокращения пробега весотеряющего груза, каковым является топливо, в частности, для нужд транспорта, ставит задачу использования низкосортных углей, отсюда вытекает необходимость дальнейшего углубления и расширения опытов и практики использования смесей различных углей и создания в отдельных случаях соответственной обстановки экономически оправдываемого расходования топлива в повышенной весовой норме. Эта же обстановка заставляет выдвинуть идею использования подмосковных углей в порошкообразном виде, хотя пятилетний план в части топливного режима эту проблему не отражает.

Растущее внедрение парафинистых мазутов в топливный режим дорог и речного транспорта выдвигает перед теплотехникой задачи дальнейшей разработки и опытных исследований различных методов экономически выгодного приспособления передвижных и стационарных устройств для перевозки, слива и использования этого застывающего жидкого топлива.

Как указывалось выше, система рационализирующих и реконструкционных мероприятий оказывает сложное по взаимодействию влияние на снижение нормы расхода топлива, при чем влияние отдельных элементов оценивается различными коэфициентами.

Крупное влияние на снижение расхода топлива имеет введение в товарный парк большегрузных вагонов, значительно снижающее сопротивление поезда движению при следовании последнего со скоростью свыше 10 *км* в час. Опытные данные указывают на возможность вообще значительных достижений от использования большегрузных вагонов. Планируемое пятилетие, по производственным возможностям заказов ВСНХ, не дает в этом отношении значительного движения вперед, так как за пять лет намечается повышение процентного участия большегрузных вагонов в товарном парке с 9,5% только до 20%.

Суммированное влияние указанных основных факторов, упорядочение топливного режима транспорта и эксплоатации его средств и, самое главное, повышение мощности паровозного парка дают основание наметить следующую динамику расходования топлива в условном 7.000 калорийном счете на 10.000 тонно-километров брутто:

Наименование	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Расход в тоннах условн. топлива на 10.000 тонно-*км* брутто	0,316	0,313	0,302	0,294	0,284	0,275
Процент снижения от 1927/28 г.	—	0,95	4,44	6,96	10,13	12,97

Для некоторой, несколько условной характеристики положения с расходом топлива на дорогах СССР, по сравнению с заграничными дорогами, могут служить следующие цифры: в 1927 г. расход натурального угля в тоннах на ряде дорог СССР изменяется в пределах от 0,451 тонн (кузнецкий уголь) до 0,556 тонны (донуголь); наименьший же расход за границей, в Германии, определяется цифрой 0,538 тонны на 10.000 тонно-*км* брутто. Хотя в нашем распоряжении не имеется данных для полного сопоставления теплотворной способности указанных видов топлива, тем не менее можно отметить в общем близость наших норм к нормам германских железных дорог.

Основные принципы построения топливного плана для транспорта, конечно, вытекают из общей установки топливоснабжения и использования естественных ресурсов в Союзе, но имеют также и некоторые специфические черты.

По видам топлива пятилетний план топливного режима железных дорог характеризуется снижением удельного веса дровяного и нефтяного топлива с 7% в 1928/29 г. по дровам до 6,8% в 1932/33 г. и для нефти с 21,3% до 19,1%, с одновременным повышением каменноугольного топлива с 71,68% до 74,14%. План, построенный с учетом основной идеи сокращения пробега топлива, диктует определенные изменения топливного режима. Эти изменения в основном заключаются в форсировании снабжения соответственных частей Моск.-Казанской и Самаро-Златоустовской железных дорог, а также Пермской дороги кизеловским углем вместо кузнецкого. Такая установка должна найти соответственное отражение в плане капитального строительства по угольной промышленности.

Сооружение ряда угольных ветвей на Дальнем Востоке и в Средней Азии, включенное в план, обслуживает дальнейшее углубление идеи использования местных углей и постепенного ограничения зоны распространения черемховского и черновского угля для восточной части Союза и кузнецкого угля, являющегося в пятилетие основной базой топливоснабжения Туркестано-Сибирской магистрали.

Электрификация Сурамского перевала освобождает к концу пятилетия 10% потребляемой Закавказской жел.-дор. нефти; электрификация пригородного движения на Северных жел. дор. даст возможность вытеснить донецкий уголь с Ивановского участка тех же железных дорог, с заменой угля нефтью, освобождающейся с пригородного участка. Потребление донугля на Мурманской дороге намечается снизить за счет расширения дровяного снабжения.

Расширение потребления парафинистого мазута марки „Г“ отражено в плане соответственными устройствами для слива и налива на Закавказской, Средне-Азиатской и Ташкентской жел. дор.

Для водного транспорта установки топливного снабжения приведены выше.

Переходя от общей характеристики энергетического хозяйства транспорта к энергетическому балансу, необходимо отметить, что задача выяснения этого вида вооружения транспорта представляет значительные трудности в выражении этого вооружения в общепринятой единице мощности двигателей — в лошадиных силах (*НР*). Эта трудность определяется преимущественным участием в энергетическом вооружении транспорта передвигающихся механизмов — локомотивов и паро-тепловозов.

Из приводимой ниже таблицы видно, что в общем балансе по жел.-дор. транспорту мощность локомотивов представляет для 1928/29 г.— 98,5%, в дальнейшем к 1932/33 г. эта цифра изменяется по 97,8%, что по существу не меняет указанного выше положения.

Особенности использования локомотива, как движущего и движущегося источника энергии, самый процесс перевода топливной энергии в работу дает возможность весьма условного расчета теоретической мощности локомотива. Имеющиеся формулы для такого расчета (по котлу) дают значительно отличающиеся друг от друга выражения мощности для различных типов паровозов, и приходится оперировать с некоторыми достаточно условными средними величинами.

Влияние этой условности сказывается в главнейшем на общем итоге энергетического вооружения транспорта, но динамика этого вооружения, что представляется наиболее интересным для характеристики основного процесса на транспорте за пятилетие, в общем локализирует эту условность и дает возможность сделать некоторые основные выводы.[1]

Изменение мощности двигателей (в лош. силах) на жел.-дор. транспорте за пятилетие 1928/29—1932/33 гг.

Род двигателей	Мощность двигателей в лош. силах		Нарастание мощности в %
	На 1/X 1928	На 1/X 1938	
Пассажирские паровозы	3.214.280	3.907.890	21,58
Товарные паровозы	10.136.900	13.924.000	37,3
Тепловозы	2.500	22.500	9,00
Локотракторы и автомотриссы[2]	5.000	62.500	—
Электровозы и моторвагоны	—	220.000	—
Паровозы узкой колеи	56.000	56.000	—
Итого	13.414.680	18.192.890	35,6
Двигатели мастерских и силовых станций	101.600	177.600	74,8
Двигатели водокачек и нефтекачек	67.200	97.200	44,64
Двигатели в распор. Отд. Пути[1]	20.000	99.840	—
„ Центр. Отд. Сооружения[1]	9.000	26.880	—
„ Центр. Хоз. Отдела[1]	1.200	6.050	—
Итого	97.400	229.970	—
Итого	13.613.680	18.600.460	36,60

[1] Приводимая таблица по выявлению энергетической мощности механических средств транспорта представляет результат исследования и работы инж. Страутмана, при чем автор этих расчетов сам отмечает условность некоторых принятых величин.

[2] Данные приблизительные, в частности, в последующих материалах НКПС цифра 62.500 заменена цифрой 110.000 по п. 4, что не меняет общих выводов.

Сами по себе цифры, приведенные в таблице, характеризуют и современное положение в этой отрасли хозяйства железных дорог и динамику, намеченную для предстоящего пятилетия. Один основной вывод из таблицы можно сделать без каких-либо дополнительных выкладок, а именно, что динамика мощности передвижных средств значительно отстает от динамики стационарных установок; это обстоятельство об'ясняется отсталостью железных дорог в области механизации вспомогательных операций, некоторое изживание которой и намечается планом.

Этот общий суммарный вывод не исчерпывает, конечно, возможностей анализа положения и динамики энергетического хозяйства железных дорог.

Если выявить отношение работы транспорта, выраженной в приведенных тонно-*км* перевозки груза (включая пассажиров по условному переводному коэфициенту) к мощности передвижных средств, то окажется, что на каждый миллион тонно-километров в 1928/29 г. расходуется 111,2 *НР*, тогда как в 1932/33 г. этот расход составит 102,3 *НР*, или 92% от цифры 1928/29 г. Это соотношение характеризует определенную установку на рационализацию использования двигателя, при чем анализ плана указывает, что рационализация достигается и организационными мероприятиями и реконструктивными изменениями устройств и механизмов жел.-дор. транспорта, эти мероприятия в том или ином виде выявлены в соответственной части пятилетнего плана.

Диференциация указанной только что данности по видам движения, обслуживаемого различными паровозами, дает следующие цифры: по пассажирским паровозам на 1.000.000 пассажиро-километров приходится в 1928/29 г. 131 *НР* и в 1932/33 г. — 128 *НР*, что составляет снижение мощности всего на 2%; соответственные цифры по товарным паровозам 106 *НР* и 97 *НР*, т.-е. снижение на 10%. Эти цифры указывают, что реконструкция, рационализация и модернизация в плане затрагивают преимущественно парк товарных паровозов, и действительно удельная мощность по тяговой силе на крюке товарного паровоза повышается за пятилетие на 13,6%, маршрутизация и прочие организационные мероприятия намечены по товарному движению и все это соединяется с значительным повышением веса товарных поездов, т.-е. соединяется с форсированием использования паровоза, как двигателя.

Цифры, указанные выше в таблице, также дают возможность ответить с некоторым приближением и на вопрос о силовом вооружении транспорта в отношении ремонтных средств: число лошадиных сил передвижных средств (по п.п. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 таблицы) для 1928/29 г., приходящихся на 1 *НР* двигателей в мастерских и силовых станциях (п. 7), определяется цифрой в 132,3 *НР*, а для 1932/33 г. — 102,4 *НР*, т.-е. динамика характеризуется 23% снижением за 5 лет, иначе говоря, определенным увеличением силового оборудования транспорта по ремонтным средствам.

Прочее энергетическое перевооружение транспорта по стационарным силовым установкам (за исключением мастерских и силовых станций) определяется на 1 *км* эксплоатационной длины сети в 1928/29 г.— 1,25 *НР*, а в 1932/33 г.—2,63 *НР*, т.-е. удельная мощность этой отрасли силового хозяйства за пятилетие удваивается.

Если выделить перевооружение электроэнергией,[1] то в этой области также намечается двукратное увеличение удельной мощности, отнесенной к единице энерговооружения живой силы на железнодорожном транс-

[1] Без электрификации тяги поездов.

порте. Показателем степени этого энерговооружения и намечаемой динамики являются следующие цифры: на одного работника основного контингента железнодорожников, работающих по эксплоатации в 1928/29 г., приходится около 14,6 лош. сил всех двигателей железнодорожной сети; в 1932/33 г. эта цифра повышается до 19,8, следовательно, использование механической силы возрастает за пятилетие больше чем на $^1/_3$. Это обстоятельство представляет результат, с одной стороны, расширения силовой базы на жел. дорогах, а с другой—организационной рационализации использования живой силы, характеризуемой почти стабильным об'емом основного контингента за пятилетие около 940 тыс. человек в год.

Приведенное перевооружение жел.-дорожного транспорта находит себе соответственное выражение в динамике измерителей использования средств транспорта, находящегося в сложной и недифференцированной зависимости и от указанного энергетического перевооружения.

В целях выявления масштаба энерговооружения и его показателей мы приводим сравнительную таблицу некоторых данных для железных дорог СССР, Франции, Италии и Германии.

Хотя сопоставления между данными различных стран относятся к различным годам, но, тем не менее, эти сопоставления не утрачивают ни показательности, ни интереса, так как в таблице приведены удельные величины по различным измерителям, а даты указываемых данных достаточно близки между собой.

Насколько данности по Франции и Германии достаточно определены, настолько по Италии данности в области пассажирского движения внушают некоторые сомнения в исчерпывающей полноте. В самом переводе пассажиро-километров в тонно-*км* по коэфициенту, равному единице, принятому для составления таблицы, заключается вообще условность, возрастающая при сопоставлении для различных стран, в которых характер и удельный вес пассажирского движения весьма различны.

В силу приведенного выше, некоторые выводы, делаемые далее, имеют несколько ориентировочный характер и служат целям сравнения в основных моментах.

Данные по вопросу вооружения железнодорожного транспорта живой рабочей силой (см. п. 5), отнесенной на единицу работы, указывают на более экономное расходование этой силы в Союзе по сравнению с Францией и особенно с Италией, а намеченная динамика нашей пятилетки значительно опережает динамику французских дорог по датам 1913—1926 гг. Учитывая, что обслуживание пассажирского движения занимает значительную рабочую силу и что расход последней зависит также от размера силового механического вооружения, приходится этими факторами в основном (см. пп. 6 и 11) об'яснить превышение расходования живой рабочей силы по Франции. Это об'яснение, только в свете второго фактора, применимо к Италии.

Данности по пунктам от 7 и до 14, в их сопоставлении с Францией и Германией и частично с Италией, открывают для нас перспективу следования за опытом Запада в отношении дальнейшего усиления нашего энергетического вооружения.

Темп нарастания во времени общего об'ема этого вооружения для пятилетки увязывается как будто с темпом нарастания во Франции за период с 1913 г. по 1926 г., с учетом параллельного нарастания тонно-километровой работы (за пять лет в СССР силовое вооружение вырастет примерно на 40%, и для Франции за 13 лет на 100%, при примерно одинаковом нарастании перевозочной работы). Интенсивность же намеченного роста мощности передвижных средств у нас отстает от таковой

Сравнительная таблица

№№ по пор.	Наименование данных	СССР		Франция		Италия	Германия
		1928/29 г.	1932/33 г.	1913 г.	1926 г.	1926/27 г.	1925 г.
1	Работа в приведен. тонно-*км* (в мрд.)	120,5	177,9	44,52	70,8	14,0	108,58
2	Длина сети (*км*)	77.678	87.314	40.933	43.172	16.499	53.227
3	Число служащих и рабочих (человек)	935.900	938.700	359.308	515.982	169.702	732.961
4	То же на 1 *км*	12,05	10,75	8,81	12,11	10,3	13,77
5	То же на 1 млн. приведен. тонно-*км*	7,77	5,28	8,07	7,29	12,09	6,75
6	Процент пассажир. движен. по пробегу от общего приведен. пробега	20,3	17,2	43,6	40	11,8	45
7	Мощность паровозов в тыс. лош. сил	13.410	17.832	11.414	21.570	4 594	27.004
8	То же прочих передвижн. средств в тыс. лош. сил	5	361	73,8	537	—	335
9	Всего мощность передвижн. средств *НР*	13.415	18.193	11.488	22.107	4.594	27.339
10	Средняя мощность одного паровоза *НР* (норм. колеи)	860	976	816	1.052	723	944
11	Мощность передвижн. сред., приход. на 1 млн. тонно-*км* приведен. работы *НР*	111,2	102,3	258	310,8	327	251,8
12	Число паровозо-*км* на 1 млн. тонно-*км*	3.924	3.269	11.642	7.962	—	8.779
13	Мощность на 1 служ. *НР*	14,3	19,5	32	43	27	37,3
14	То же на 1 *км* эксплоатац. длины *НР*	173	208	279	512	278	511

Характеристика технических качеств профилей

СССР (по данным 1913 г.) %%

Горизонтальная площадка	36,9 всей сети		
Под'ем до 5‰	25,4 „ „	97,8	
„ от 5‰ до 10‰	35,5 „ „		
„ „ 10‰ до 15‰	1,19 „ „	2,2	
„ > 15‰	0,40 „ „		
Итого . . .	100		

Франция (по данным 1926 г.) %%

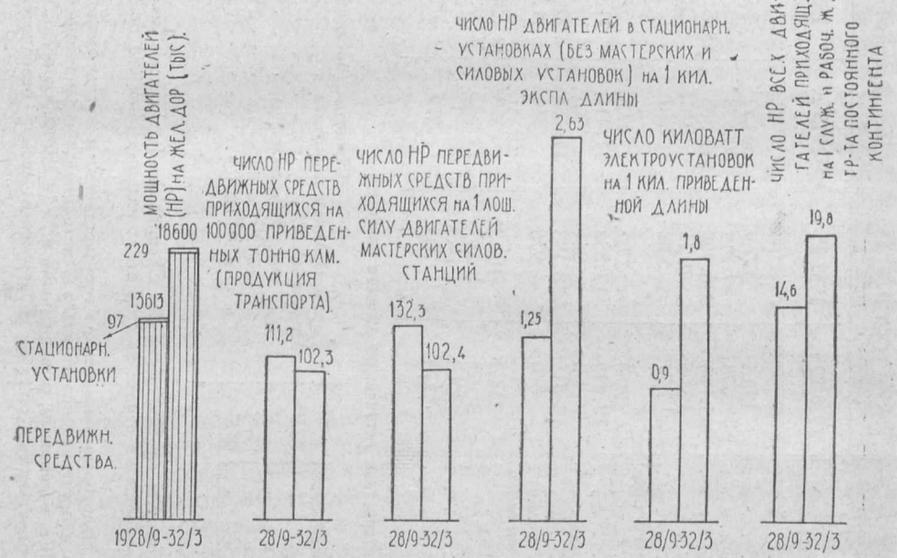
Горизонтальная площадка	23		
Под'ем до 5‰	29,7	77,2	
„ от 5‰ до 10‰	24,5		
„ „ 10‰ до 25‰	21,4	22,8	до 25‰
„ „ 25‰	1,4		> 25‰
Итого . . .	100		

[1] Данные для французских железных дорог почерпнуты из „Statistique des Chemins des fer Francais" на 31 декабря 1926 г., издание 1928 г. Министерства публичных работ. По Италии сведения получены из отчета за 1926/27 г., издания Ministero delle Communicazioni Amministrazione delle Ferrovie dello Stato.

Кроме Франции и Италии, в таблице приведены некоторые данности по государственным железным дорогам Германии, при чем в сводном виде точно согласованных во времени данных не было и пришлось пользоваться 2 источниками: официальной статистикой за 1925 г., заимствованной из „Статистического Сборника" № 67 ЦСК НКПСа, и данными, помещенными в № 12 1926 г. журнала „Wirtchaft und Statistik", на 16 июня 1925 г. Перекрестная проверка данных по отдельным сопоставимым об'ектам обнаружила весьма незначительные расхождения, не влияющие на конечные результаты и выводы.

во Франции. В какой мере на общем положении в этом вопросе отразились натуральные компенсации, полученные Францией от Германии после войны, трудно сказать, но во всяком случае можно отметить, что за последние годы имело место строительство мощных паровозов новейших систем для французских жел. дорог. Это строительство идет по пути дальнейшего повышения мощности единиц паровозного парка и продолжает динамику предшествующих лет (см. п. 10).

Хотя это повышение удельной мощности в значительной степени об'ясняется, вероятно, особенностями пассажирского движения с увеличенной скоростью и особенностями профиля [1] (см. характеристику в конце таблицы), тем не менее такая тенденция подходит и для Союза (по особенностям массового продвижения тяжелых грузов на большие рас-



Динамика Энерговооружения ж.-д. транспорта за пятилетие 1928/29—1932/33.

стояния), а намечаемая динамика пятилетия указывает на наше отставание от данностей французских железных дорог и близость к данным Германии 1925 г.

Приведенное заключение базируется, конечно, на предположении об одинаковом методе выражения мощности паровозов в лошадиных силах.

Указанное в п.п. 11, 13 и 14 выражение мощности передвижных средств на одного работника и на единицу длины свидетельствует о свыше чем двукратном превышении энерговооружения транспорта во Франции в 1926 г. и Германии для 1925 г. по сравнению с намеченным нами к концу пятилетия. Такое же вооружение Италии также значительно превосходит наши предположения по пятилетнему плану.

В какой мере наличие такого мощного энергетического вооружения жел. дорог Франции и Германии диктуется соображениями обороны страны, конечно, не представляется возможным выяснить, но надо полагать, что этот фактор оказывает свое несомненное влияние.

[1] Более тяжелого для дорог Франции.

Мощность указанного вооружения, трудные профильные условия (см. характеристику) по сравнению с условиями СССР, значительный удельный вес пассажирского движения с повышенными скоростями и очевидно сложный комплекс экономических причин (короткие пробеги, высокоценный груз и т. д.), все это обусловило щедрое расходование движущих средств на передвижение грузов и пассажиров во Франции (см. п. 12). В этом отношении измеритель Франции для 1926 г. в $2^1/_2$ раза превышает намеченный по Союзу для 1932/33 г. и в 2 раза уже нащупываемый нами измеритель для 1928/29 г. Жел. дор. Германии в этом отношении также близки к указанным данностям Франции.

Так же как и у нас, на французских железных дорогах наметилась динамика снижения этого измерителя, определяющего в значительной степени себестоимость расходов по совершению перевозок.

Суммируя все приведенное выше, поскольку представилось возможным по сухому и ограниченному отчетному материалу сделать некоторые сопоставления с заграничной практикой, получаем следующие основные выводы:

1) В энерговооружении мы значительно отстаем и абсолютно и относительно от Франции и Германии.

2) Тенденции, намечаемые в пятилетнем плане в этой области, в основном не находятся в противоречии с таковыми, ориентировочно выявившимися по отчетности французских жел. дор.

3) Имеет место в прошлом и намечается в будущем относительно более форсированное использование нами живой и механической рабочей силы, нежели во Франции и Италии.

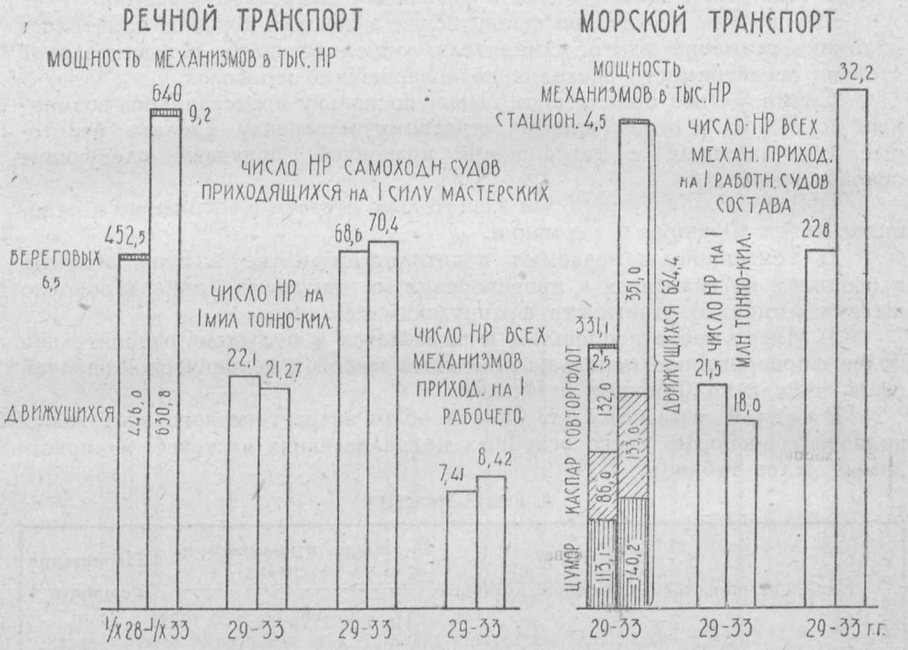
Водный транспорт. Общий об'ем энергетического вооружения водного транспорта в его основных подразделениях явствует из приводимых далее таблиц:

А. Речной транспорт

№№ п.п.	Наименование отраслей водного хозяйства	Мощн. в индикаторн. силах		Нарастание мощности в % %
		На 1/X 1928	На 1/X 1933	
1	Центрорека—движущиеся средства:			
	а) паровые	332.700	435.300	30,7 } 47
	б) внутренн. сгоуания	25.400	90.000	254,3 }
2	То же берегов. установ.:			
	а) паровые	3.600	4.500	25
	б) внутренн. сгорания	1.500	2.700	80
	Итого по Центрореке	363.200	532.500	47
3	Цуводпуть—движущиеся средства:			
	а) паровые	83.460	98.310	18
	б) внутренн. сгорания	4.450	7.203	60
4	То же береговые установ.:			
	а) паровые	760	1.100	45
	б) внутренн. сгорания	650	877	35
	Итого по Цуводпути	89.320	107.490	20,3
	Итого	452.520	639.990	41,5
	В том числе:			
	Движущихся средств	446.010	630.813	41,5
	Берегов. установ.	6.510	9.177	41

Из этой таблицы видно, что мощность механизмов Центрореки возрастает значительно скорее, нежели Цуводпути, обслуживающего водные пути; это обстоятельство свидетельствует об определенной установке — расширении перевозочных операций на базе существующих водных путей.

Общее нарастание мощности определяется ростом мощности движущихся средств. Процент дизельных двигателей значительно опережает рост паровых двигателей, что также выявляет определенную плановую установку.



Динамика энерговооружения водного транспорта за пятилетие 1928/29—1932/33.

На 1 млн. тонно-*км* (считая условно и пассажиро-*км*) приходится следующее число индикаторных сил (всех) по начальному и конечному году пятилетки:

Годы	Центрорека	Цуводпуть	Вместе
1929	17,4	4.36	22,1
1933	17,41	3,51	21,27

Сравнительно малое снижение затрат энерговооружения об'ясняется тем, что в пятилетие, на ряду с улучшением использования и обновлением самоходного флота, проводится неуклонное повышение скорости движения буксирных судов. Улучшение в этом случае измерителей по барже за счет ухудшения по буксиру оправдывается соотношением затрат по этим двум видам движущихся средств.

Число индикаторных сил самоходных судов, приходящееся на 1 силу мастерских, характеризующее динамику ремонтных средств, видно из следующего ряда цифр:

Годы	Центрорека	Цуводпуть	Вместе
1929	70,4	62,5	68,6
1933	74,1	63,7	70,4

Удельное падение энерговооружения в этой области об'ясняется рационализацией и продолжающейся концентрацией мастерских.

Энерговооружение живой рабочей силы обрисовывается следующим рядом цифр, выражающих число индикаторных сил всех установок, приходящихся на 1 рабочего:

Годы	Центрорека	Цуводпуть	Вместе
1929	8,1	5,53	7,41
1933	9,75	5,00	8,42

Рост этого энерговооружения выражается за пятилетие скромной цифрой для Центрореки в 19% и для всего речного транспорта в 14%.

Снижение для Цуводпути об'ясняется развитием в этом пятилетии пионерной работы по первоначальному освоению новых естественных путей (обстановка), что требует увеличения рабочей силы без параллельного значительного увеличения механических средств для сравнительно малых перевозок.

Б. Морской транспорт

№ п.п.	Наименование отраслей водного хозяйства	Мощность в индикаторных силах		Нарастание мощности в %%
		На 1/X 1928	На 1/X 1933	
1	Совторгфлот — движущиеся средства:			
	а) паровые	122.850	151.810	23,6
	б) внутренн. сгорания	9.150	199.400	2.079
2	Каспар — движущиеся средства:			
	а) паровые	68.000	27.400	—60
	б) внутренн. сгорания	18.000	106.100	490
3	Цумор — движущиеся средства:			
	а) паровые	106.900	132.950	24,4
	б) внутренн. сгорания	6.180	7.250	17,3
	Итого	331.080	624.910	88,6
4	То же — стационарные установки:			
	а) паровые	1.678	2.700	60
	б) внутренн. сгорания	815	1.815	122,7
	Итого	333.593	629.425	88,7

Примечание: Флот Нефтесиндиката не учтен, а также совершенно незначительный частновладельческий флот.

Из приведенной таблицы видно, что в морском транспорте, также как и в речном, нарастание мощности определяется ростом мощности флота.

Процесс перехода на дизеля ярко выражен в морском транспорте (двадцати и шестикратное увеличение мощности этих установок).

В общем рост мощности стационарных установок идет параллельно росту морского флота.

На 1 млн. тонно-*км*, в виду намечаемого увеличения скорости движения, число сил остается, примерно, стабильным на протяжении пятилетия и определяется цифрами: по Каспару —21,5 *HP* и Совторгфлоту—18,0.

Энерговооружение живой рабочей силы характеризуется следующим числом сил на одного работника плавающего состава:

Годы	Каспар.	Совторгфлот
1928	17,8	22,8
1933	27,1	32,2

Общий об'ем и динамика энерговооружения водного транспорта определяются следующими суммарными цифрами:

В 1928 г.	786.113 инд. сил
„ 1933 „	1.269.415 „ „

При неполной равноценности исчисления энерговооружения по железнодорожному и водному транспорту интересно отметить, что это энерговооружение составляло для водного транспорта в 1928 г. 5,87%, а для 1933 г.—6,94% от вооружения жел.-дор. транспорта.

Сопоставление этих процентов указывает на относительно большее внимание, уделяемое в плане вооружению именно водного транспорта, что соответствует и основным заданиям правительства в этом отношении.

Н. М. Мильштейн

Организационные проблемы электропромышленности[1]

(Надо ли реорганизовывать электропромышленность?)

Вопрос о работе союзной электропромышленности, в частности ее сильноточной ветви, находится в сфере коллективного обсуждения. Можно без преувеличения сказать, что ни одной хозяйственной организации не уделяется столько внимания со стороны печати и советской общественности, сколько уделяется, напр., ГЭТу.

Это исключительное внимание является вполне естественным, если учесть роль электропромышленности, как промышленности ведущей, от размеров и качества работы которой зависит развертывание и темп индустриализации страны.

Резолюция по докладу ГЭТа на IV пленуме ВСНХ СССР отмечает, что «реконструкция всего нашего народного хозяйства, осуществляемая на базе электрификации, и внедрение электроэнергии во все отрасли народной жизни пред'являет особые требования к союзной электропромышленности». «Рост и темп развития электропромышленности должны полностью соответствовать и обеспечивать выполнение все возрастающего темпа индустриализации страны».

В настоящее время этого соответствия пока еще нет, и в этом обстоятельстве, а отнюдь не только в отдельных недочетах деятельности заключается, по нашему мнению, главная причина отрицательного отношения некоторых хозяйственников к работе ГЭТа.

Отставание электротехнической промышленности от потребностей рынка, диспропорция между нуждами страны в электропродукции и производственными возможностями электропромышленности об'ективно стимулируют это неудовольствие.

Неудовлетворенность рынка электроизделиями вызывает раздражение некоторых хозяйственников и регулирующих организаций и на фоне этого раздражения внимание некоторых хозяйственников в первую очередь обращается в сторону реорганизации. Надо реоганизовать электропромышленность, надо создать более четкие организационные формы, и тогда электропромышленность перестанет существовать как факт, тормозящий темп развертывания индустриализации страны.

Для того чтобы об'ективно подойти к практическому разрешению вопросов, затрагиваемых сторонниками реорганизации, необходимо проследить весьма поучительный путь, пройденный электропромышленностью сильного тока прежде чем она достигла той организационной структуры, в которой она находится в настоящее время.

---

[1] Статья Н. М. Мильштейна, являющаяся откликам на статью тов. Коросташевского „Об организационных формах электропромышленности“ в журнале „План. Хоз.“, № 1 за 1929 г., печатается в порядке обсуждения.

Национализация в 1919 г. электротехнических предприятий Союза является началом советской электропромышленности, как самостоятельной отрасли народного хозяйства.

В первое время после национализации сохранились фирменные особенности: электропромышленность руководилась Электроотделом ВСНХ через правление Электротреста, в состав которого входили секции: Всеобщая компания электричества, Сименс-Шуккерт, Кабельная, Аккумуляторная.

Период времени до новой экономической политики характеризуется сохранением этого наследия, которое получила Октябрьская революция, и распределением запасов электропроизводства. Иностранный капитал — фактический владелец довоенной русской электропромышленности — не давал возможности ей развиваться и проводил в отношении русского электротехнического рынка чисто колониальную политику.

Питание русских электротехнических заводов разрабатываемыми за границей готовыми конструкциями, расчетами и чертежами искусственно задерживало развитие на этих заводах живой технической мысли и их производственный рост.

Война и интервенция, истощившие производственные силы страны, сильно дезорганизовали электропромышленность, и к 1920/21 г. выпуск ее не достигает и 10% скудного довоенного производства.

В этот момент наибольшего потрясения всей хозяйственной жизни республики, ВЦИК VII созыва, по почину В. И. Ленина, выносит постановление о последовательном проведении в жизнь плана восстановления и реконструкции народного хозяйства на базе электрификации. «При помощи всех электротехников России и ряда лучших передовых ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян мы электрификацию страны создадим»,—так писал Владимир Ильич VIII электротехническому с'езду.

Этот момент почти совпадает с моментом организации 4 трестов электропромышленности: Электромашиностроительного в Ленинграде, Электротехнического Центрального района (ЭТЦР), Слабого тока и Аккумуляторного. С этого времени начинается новый этап развития советской электропромышленности, характеризующийся совершенно исключительным по темпу развитием в связи с общим под'емом всего народного хозяйства. Первые два—три года этого периода были периодом налаживания и развертывания производства, постановки и организации производственного и монтажно-торгового дела, а также постепенного накапливания сырьевых ресурсов.

Бурный темп развития всего нашего народного хозяйства потребовал от нашей сильноточной электропромышленности перехода на специализацию заводов, стандартизации типов, перехода на массовое изготовление электроизделий и единого научно-исследовательского обслуживания.

Осуществление этих требований стало возможным при полном хозяйственном об'единении существовавших до этого времени раздельно ЭТЦР и ЭМТа, что и было сделано 1 октября 1925 г. путем создания единого Государственного электротехнического треста (ГЭТ).

ГЭТ, об'единивший все заводы сильноточной промышленности, расширил также сеть монтажно-торговых отделений и инженерных бюро, которые в количестве 34, расположены от Архангельска до Ташкента и от Минска до Владивостока, а также находящимися при правлении специальными отделами, на обязанности которых лежит проектировка и производство крупных электросооружений. В настоящем своем виде ГЭТ представляет собой хозяйственную организацию, охватывающую весь электротехнический ассортимент и перерабатывающую сырье (металлы и диэлектрики) в готовое электрическое предприятие. Электропромышленность как сильного, так и

слабого тока, моментом выпуска изделий с завода не заканчивает своей задачи. Продолжение производственного процесса происходит в факте доведения продукции до потребителя и установки ее для условий эксплоатации. Сильноточный электротехнический ассортимент включает в себя очень большое количество наименований, которое может быть сведено к следующим основным группам:

1) машиностроение (генераторы, моторы, умформеры);
2) трансформатостроение;
3) аппаратуростроение (масляные выключатели, пусковые приборы);
4) кабельное производство;
5) стекольно-ламповое производство;
6) электроугольное производство;
7) арматурное и установочных материалов;
8) производство диэлектриков.

В активе трестированной сильноточной электропромышленности имеются весьма значительные достижения по всем указанным группам, безоговорочно признаваемые всеми, даже сторонниками необходимости изменения ее организационных форм.

Эти достижения общеизвестны. Достаточно отметить, что в течение семи лет, прошедших с момента трестирования сильноточной промышленности, и трех лет работы ГЭТа мы добились уже создания своей электропромышленности, на которую в настоящее время в значительной мере опирается основной фактор энергетики — плановая электрификация.

Основные задачи, стоявшие во все эти годы перед сильноточной промышленностью сводились к лучшей организации производства, специализации заводов, стандартизации и типизации изделий, нормализации деталей, выработке технических условий на материалы, улучшению качества и максимальному снижению себестоимости.

Эти задачи продолжают, конечно, стоять в центре внимания нашей электропромышленности и сейчас, но уже проделанная работа, в частности, достигнутое снижение себестоимости, как это принимает и сторонник реорганизации тов. Коросташевский, значительно превосходит снижение, достигнутое за эти уже годы другими отраслями промышленности.

Вся эта большая работа, проделанная ГЭТом, протекала в условиях постоянных импортных затруднений (цветные металлы) и постоянного финансового напряжения, вызываемого резким недостатком оборотных средств. Только благодаря систематически проводимому ускорению оборачиваемости капитала, вложенного в основные отрасли, только благодаря систематической работе над мобилизацией внутренних ресурсов, ГЭТу удавалось выходить из финансового кризиса без потрясений.

Сопоставление запасов материальных ценностей (в тыс. руб.) на 1/X 1928 г. с таковыми в предыдущие годы, приводимое в нижеследующей таблице, показывает успехи ГЭТа и в этом направлении: (см. таб. на 4 стр.).

Рост проектно-монтажной деятельности ГЭТа за три года его существования определился следующими цифрами: 1925/26 г.—20.679 тыс. руб., 1926/27 г.— 29.508 тыс. руб., 1927/28 г.— 41.596 тыс. руб.

Таким образом, и технические, и экономические показатели работы ГЭТа должны были, казалось бы, свидетельствовать о целесообразности его организационной структуры.

Между тем, именно за последнее время опять появились тенденции пересмотреть структуру ГЭТа с целью изменить его организационные формы.

В этом отношении следует остановиться на статье тов. Коросташевского «Об организационных формах электропромышленности» («План Хоз.», № 1, январь 1929 г., стр. 229—244).

	1/X 1925 г.	1/X 1926 г.	1/X 1927 г.	1 X 1928 г.
Материалы, топливо и незаконч. произв.	20.537	25.087	20.765	22.683
Валовой выпуск готов. изделий по себестоимости	57.221	74.151	91.432	122.380
На 1 рубль выпуска последующего года (в коп.)	34,1	33,8	22,7	18,6
Запас в месяцах	4,1	4,05	2,73	2,23
Полуфабрикаты и неоконченное произв.	20.597	29.807	26.703	30.413
На 1 рубль выпуска последующего года (в коп.)	35,9	40,2	29,2	24,8
Запас (в месяцах)	4,33	4,82	3,5	2,93
Товары и готов. изделия	28.985	29.259	25.912	27.136
Реализация по себестоимости	59.844	79.776	100.198	121.921
На 1 рубль реализации послед. года по себестоимости (в коп.)	48,3	36,5	25,4	22,2
Запас (в месяцах)	5,8	4,38	3,05	2,66
Незаконченные монтажи	4.584	7.678	8.086	8.213
На 1 рубль реализации последнего выпуска (в коп.)	7,7	9.6	7,9	6,7
Запас (в месяцах)	0,93	1,16	0,95	0,80
Дебиторы-покупатели	16.211	12.274	12.637	16.018
Реализация	77.509	91.018	106.844	131.582
Отношение к среднему месяцу реализ. предыд. года	2.59	1,6	1,42	1,45

Тов. Коросташевский признает значительные достижения ГЭТа как в области производства, так и в области торговли; он отвергает тенденцию уничтожения электропромышленности, как основной отрасли, равно и мысль об Электросиндикате, но все же, на основании ряда выдвигаемых им недочетов в работе, главным образом, ГЭТа, приходит к выводу о необходимости реорганизации электропромышленности путем создания единого электротехнического центра — Всесоюзного электротехнического концерна (ВЭК). Этот концерн должен об'единить производственно-техническую и монтажно-торговую деятельность существующих электротехнических трестов и соответствующую часть Главэлектро, планирующую и регулирующую электропромышленность.

Первое и основное соображение следующее: «подразделение электропромышленности на две части, силноточную и слаботочную является больше историческим, нежели вызываемым характером самой промышленности». Нам думается, что уже это соображение, толкающее тов. Коросташевского на вывод о необходимости организационно слить эти обе отрасли электропромышленности, в корне неверно.

Уже давно вся электротехническая промышленность делится на две большие области: технику сильных токов и технику слабых токов. В технике сильных токов речь идет об образовании электрической энергии, передаче и преобразовании ее в другие виды энергии: механическую, химическую, тепловую. Техника слабых токов имеет дело с преобразованием электрической энергии в сигналы и знаки.[1]

Эти две области как в производственно-техническом отношении, так и в проектно-монтажном, между собой резко отличаются, и питаются они совершенно различными техническими идеями и конструкциями. Это различие подтверждается хотя бы и тем, что совершенно отсутствуют случаи

[1] За последние годы получила большое развитие специальная область слабого тока — радиотелеграфная и радиотелефонная, основанная на токах большой частоты и высокого напряжения.

работы специалистов сильноточников в слаботочной промышленности и наоборот.

Совершенно различные технические идеи, различные производственные процессы предопределяют и различную научно-исследовательскую работу, которую об'единить, конечно, ни при каких условиях не представляется возможным.

Хотя ссылка на практику капиталистических предприятий не всегда является для наших условий убедительной, но все же ссылка тов. Коросташевского, например, на Сименс-Шуккерт, говорит не в пользу его мысли, так как Сименс-Шуккерт совсем не занимается слаботочной электропродукцией. Этим занимается акц. общ. «Сименс и Гальске» (Вернерверке), правда, фирма родственная Сименс-Шуккерт, но все же представляющая собою совершенно самостоятельную хозяйственную организацию.

Приемы реализации продукции сильноточной и слаботочной промышленности совершенно различны, как различен и характер их потребления. В то время как вся продукция слаботочной промышленности, если не считать радиоаппаратуру, предназначается для 3—4 наркоматов, и «Электросвязь» почти не имеет дела с обслуживанием промышленности, сильноточная промышленность целиком обслуживает всю нашу промышленность и электрификацию.

Указание тов. Коросташевского на некоторый параллелизм в производстве обоих трестов, сводящийся к параллельному изготовлению измерительных приборов, катодных ламп, действительно имеет место, но эта параллельная работа может быть в любой момент прекращена не только без рекомендуемой реорганизации, но путем простого соглашения между обоими трестами. В частности, изготовление катодных ламп обоими трестами об'ясняется при существующих условиях интересами наилучшего удовлетворения рынка и специальными указаниями.

Итак, с точки зрения производственно-технической об'единение обеих ветвей электропромышленности нецелесообразно, так как в случае об'единения, возникала бы необходимость выделить обе эти отрасли в совершенно самостоятельные единицы.

Это слияние также излишне и с точки зрения монтажно-торговой, так как монтаж слаботочный электропродукции резко отличается от такового сильноточной как по характеру, так и по приемам, а реализация слаботочной продукции без монтажа, идущей для широкого потребления, уже проводится торговым аппаратом ГЭТа путем непосредственного соглашения между обоими трестами.

Наконец, это слияние излишне также с точки зрения обслуживания треста слабых токов ГЭТовской сильноточной электропродукцией, так как урегулирование этого вопроса исчерпывающе возможно путем заключения соответствующих генеральных договоров между обоими трестами, что уже в настоящее время имеет место.

Уже теперь обслуживание треста слабого тока сильноточной электропромышленностью приравнивается ГЭТом к обслуживанию собственных заводов, и если в этом деле имеются еще недочеты, то безусловно легко устранимые.

Тов. Коросташевский указывает на целый ряд недочетов в работе электромышленности, главным образом, ГЭТа, не указывая, однако, почему эти недочеты могут быть устранены только при наличии новой организационной формы электропромышленности (ВЭК), а не при существующей организации управления.

Почему, например, недочеты изучения вопросов емкости рынка могут быть устранены при концерне, а не в ГЭТе? Ведь для этого надо, по словам тов. Коросташевского, иметь торговые щупальцы по всей стране, близко

соприкасающиеся с отдельными отраслями народного хозяйства. Это, конечно, верно. Но разве, по определению самого тов. Коросташевского, «достаточно развернутый и разветвленный по всему Союзу торговый аппарат ГЭТа» не соприкасается с отдельными отраслями народного хозяйства?

Изучение вопросов емкости рынка поставлено в настоящее время в ГЭТе весьма серьезно. От просчетов и возможных оплошностей, которые имеют место в процессе работы, не всегда можно уберечься, особенно потому, что ошибки не всегда являются результатом просчета. Примером в данном случае может служить емкость в отношении трамвайных моторов, на который ссылается тов. Коросташевский.

Переоборудование завода «Динамо» и приспособление его к нуждам тяги было выполнено после тщательного учета потребности страны в тяговом оборудовании. В частности, потребность трамваев в новом строительстве и расширении огромна. Эта потребность зависит от количественного и качественного состояния установленного и эксплоатируемого электроимущества, и, с другой стороны, от степени износа и от коэфициента здорового роста.

Влияние событий военного и послевоенного периодов чрезвычайно вредно отразилось на состоянии всех без исключения трамвайных предприятий. Изношенность оборудования достигла значительных размеров. Так, по данным Постоянного бюро всесоюзных трамвайных с'ездов при Главном управлении коммунальным хозяйством средний процент использования вагонного инвентаря составлял в 1923/24 г. — 50,9%, в 1924/25 г. — 57,9%, в 1925/26 г. — 64%, падая по некоторым городам до 30—40% против довоенного использования инвентаря в 75%. На крайнюю изношенность подвижного состава указывает еще и то обстоятельство, что вновь заказанные вагоны не увеличивают собою инвентарное количества вагонов, но, главным образом, идут на замену совершенно выбывающих из строя.

Так, по данным ГУКХ на 1/X 1927 г. инвентарное число моторных вагонов по всему Союзу было 3.012, против 2.985 на 1/X 1926 г., т.-е. инвентарное число увеличилось на 27 вагонов, в то время как новых моторных вагонов на предприятия поступило 250 штук.

Таким образом, несмотря на то, что ряд наших трамвайных предприятий привел в порядок свое хозяйство, нужда в трамвайном оборудовании велика не только в отношении расширения, но и в отношении восстановления подвижного состава. Это обстоятельство является причиной того, что в значительном количестве трамвайных хозяйств коэфициент эксплоатации чрезвычайно высок и эксплоатационные расходы превышают валовой доход.

Между тем, потребность в передвижении со стороны населения городов, благодаря изменившимся социальным условиям и укладу городской жизни, значительно возросла. Транспортная политика коммунальных хозяйств, сводящаяся к обслуживанию транспортными средствами рабочих окраин, настоятельно требует расширения рельсового пути и нужного оборудования. Эта потребность настолько велика, что нормальное ее удовлетворение могло бы загрузить электропромышленность и вагоностроительные заводы заказами на ряд лет.

Однако, стремление к замене изношенного трамвайного подвижного состава и расширению предприятий наталкивается на недостаток средств.

В довоенное время капитальный и восстановительный ремонт, расширение хозяйства в размере, требуемом нуждами и техническим состоянием сооружений трамвайных предприятий производились, как правило, за счет заемных средств, в настоящее же время эти работы производятся, главным образом, за счет оборотных средств предприятий. Если финансовое состояние крупных предприятий в силу большой рентабельности их позволяет эти работы производить, то по подавляющему числу предприятий изношенность оборудования и вызываемые этим значительные эксплоатационные расходы, а также общий недостаток оборотных средств исключают такую возможность.

Таким образом, в данном случае не емкость, как уверяет тов. Коросташевский, оказалась преувеличенной, а установленная более или менее правильно потребность нашего Союза в трамвайных моторах не может быть реализована вследствие финансовой слабости наших коммунхозов, не имеющих средств, несмотря на вопиющую нужду, закупить новые вагоны хотя бы только для замены старого, изношенного инвентаря.

Конечно, в обслуживании ГЭТом потребителей имеются еще и перебои и недочеты, но они лежат отнюдь не в организационных формах: эти недочеты являются в подавляющем большинстве случаев результатом чисто об'ективных причин.

Тов. Коросташевский не прав, когда утверждает, что электропромышленностью совершенно обойден вопрос экспорта. Еще два года назад, когда только наметилась возможность экспортировать ряд электроизделий, ГЭТом был в соответствующих организациях поставлен вопрос об экспорте и о формах работы, при которых последний имел бы успех. Кое-что уже сделано, но, к сожалению, по независящим от ГЭТа причинам, вопрос этот до сих пор не получил надлежащего своего разрешения.

Возьмем следующий чрезвычайно важный вопрос снижения себестоимости. Тов. Коросташевский сравнивает цены ГЭТа с заграничными ценами и приходит к выводу, что мы работаем в два раза дороже. Однако, простое сопоставление цен на основное сырье у нас и за границей, приводимое ниже, в значительной мере об'ясняет это положение.

	В СССР (в рублях)	В Германии [1] (при цене марки 47 к.)
Чугун (в зависимости от сорта) стоим. 1 тонны	61,76	39,42
Сортовое железо	от 145 ф-ко-Москва	65
Шинное железо	170	77
Динамо-железо	290 ф-ко Урал	143,5—160
Трансформаторное железо (ввозимое из-за границы).		
Чугунные отливки (1 тонна)	213 ф-ко Берлин	400 ф-ко Ленинград
Стальное литье (мелкое) до 15 кг	442	800
„ „ выше 50 кг	350	600

Если к этому прибавить, что выпуск на одного рабочего за границей тоже приблизительно в 2 раза больше, то вопрос о дороговизне нашей электропродукции по сравнению с заграничной становится во всяком случае уже вопросом не организационного порядка.

В поисках лучшей организационной формы работы электропромышленности некоторые работники Главэлектро выдвигают мысль об из'ятии из электропромышленности торговых и проектно-монтажных функций и создании специальной организации в виде синдиката.

Тов. Коросташевский, отвергая эту форму организации, как и ряд других, совершенно правильно указывает, что торговые сети ГЭТа и ЭТзСТ являются одновременно проектно-монтажными организациями, а отделять

[1] Вышеуказанные цены взяты из № 36 «D. I.» от 5 сентября прошл. года.

монтажные работы от торговли невозможно. Точно также трудно отделять монтажные работы от производственных.

Вопросами проектирования, монтажа и безмонтажного отпуска электроизделий как в ГЭТе, так и в Электросвязи занимаются особые управления, сосредоточивающие все свое внимание на этих вопросах.

Имеющие место недочеты в работе электропромышленности (главным образом, просрочка заказов) лежат не в плоскости неудовлетворительных организационных форм работы. Эти вопросы упираются в постоянный острый недостаток оборотных средств (которые, кстати сказать, сами по себе в результате одной только реорганизации не увеличатся), в недостаток и дороговизну сырья, перебои в импортном снабжении, испытываемые электропромышленностью, в недостаточно четком, планировании, производства и т. д.

На последнем пленуме ВСНХ Союза тов. Коросташевский указал, что в Главэлектро вопросы энергетики и электрификации подавляют вопросы электропромышленности. Такая установка в корне неправильна и не приведет к цели, так как никакая электрификация не может развиваться на базе маломощной отечественной электропромышленности.

Если это положение будет иметь место и впредь, то никаким пересаживанием, никакими изменениями организационных форм недочетов не изжить.

Безусловно, актуальными являются указанные тов. Коросташевским задачи, стоящие перед электропромышленностью на ближайший период, а именно: «Наиболее целесообразная организация производства, окончательная разработка плана и фактическое проведение в жизнь специализации заводов, переход на изготовление массового стандартного оборудования, организация новых производств с целью максимального освобождения от необходимости импортировать электроизделия, широкие лабораторно-изыскательные работы в целях замены дефицитных и дорогих материалов более дешевыми». По пути решения этих задач и идет наша электропромышленность.

Мы считаем, что те организационные формы, в которых работает в настоящее время союзная электропромышленность, являются наиболее целесообразными и на ближайший ряд лет не требующими реорганизации.

В пределах существующей структуры надо максимально развить рационализаторскую работу, главным образом, усилить количественно и качественно темп развития производственных возможностей электропромышленности. Тогда устранится разрыв между спросом и предложением на электропродукцию и тогда электропромышленность перестанет тормозить реконструкцию нашего народного хозяйства.

К. И. Козьмин

Дробное районирование[1]

Район в системе пролетарского государства

Районирование и план народного хозяйства находятся в определенной связи и составляют одно целое, ставящее своей задачей плановое развитие производительных сил на социалистической основе. И в этом смысле дробное районирование должно явиться составной частью этого целого; оно должно проходить по общему плану, увязанному в одной государственной системе построения админ.-территориальных образований снизу доверху, с сельсоветов до областей и республик. Оно должно покоиться на основах и предпосылках построения генерального плана народного хозяйства, и не только построения, но и проведения его в жизнь. В этих условиях должна быть прежде всего установлена природа самого района, не только как территориальной ячейки, локализирующейся в определенных границах, но и как производственной ячейки, занимающей определенное место в плане народного хозяйства и принимающей на себя определенные функции в проведении этого плана в системе прочих государственных образований. Именно так должен быть поставлен вопрос о районе.

В непосредственном ведении района сосредоточивается огромная часть народного хозяйства, обнимающая мелкое хозяйство, мелкого и пока разрозненного производителя: крестьянское хозяйство, кустарную промышленность, сельское коммунальное хзяйство и всю низовую огромную сеть социально-культурных учреждений и мероприятий.

Несомненно, что исследование строительства районов и сравнение их мощности на основе совокупности производственно-экономических признаков, естественно-исторических условий и перспектив развития должно бы явиться более совершенным и правильным разрешением этого вопроса. Однако, даже такое частичное исследование сейчас является очень затруднительным, поскольку еще не выявлены ни хозяйственная физиономия отдельных районов, ни их типы. Что касается методов подхода к этому вопросу в имеющихся попытках, то таковые столь различны, что почти исключают возможность обобщения и сравнения мощности районов с точки зрения их естественных богатств и хозяйственно-культурных ценностей.

Районирование, как система планирования в территориальных границах пока только-что спускается от республик и областей через округа к районам, преодолевая трудности по изучению естественно-исторических условий и экономических факторов в более дробных разрезах. Не удивительно после этого, что до сих пор в дробном районировании преобладали методы статистических расчетов, а не способы рассмотрения и оценки элементов народного хозяйства. И не удивительно, что необходимость более глубокого подхода к району временами даже оспаривается.

Северо-Кавказский край в книге «Северный Кавказ после районирования», издания 1925 г. (том I), так формулирует принципы положенных в основу строения районов: «Если при построении окружной сетки

[1] В порядке обсуждения. *Ред.*

края экономические факторы играют еще преобладающую, если не исключительную роль, а статистические моменты—площадь территории и численность населения — имеют лишь подчиненное, подсобное значение, то при разбивке округов на районы, не имеющие столь значительного удельного веса в общей хозяйственной системе края, упомянутые статистические моменты получают уже большее значение и зачастую определяют необходимость образования района. Благодаря этому, размеры районов в той части территории Северо-Кавказского края, в которой реформа районирования была проведена полностью, определяются в зависимости: от плотности населения, от характера его расселения, от наличия культурных и промышленных городских центров, от степени насыщенности района улучшенными путями сообщения и, отчасти, от этнографического национального момента».

В основу построения районов Урала была положена, главным образом, точка зрения создания финансово-мощных районов вокруг определенных центров, с сочетанием численности населения района с обширностью пространства, которое необходимо преодолевать. «Предварительная бюджетная наметка показала, что для среднего уральского района надо иметь 25 тыс. населения. С другой стороны, нежелательно загружать райисполкомы больше, чем 20 сельсоветами, или иметь в земледельческой полосе сельсоветы на расстоянии более 30 *км* от центра. Район с большим радиусом плохо охватывает периферию; неудобства большого района особенно скажутся на крестьянской бедноте. Для слабонаселенных районов все эти нормы отпадают...» Очень крупный район, как мыслит Урал, «начинает походить на уезд, теряет свое наиболее желательное свойство — быть маленьким, но крепким административно-хозяйственным органом, прилегающим почти непосредственно к населению; его удаленные сельсоветы получают сходство с волостями и развивается штат уполномоченных, с которыми и имеет дело население». [1]

В Нижне-Волжском крае учитывалось об'единение территории с возможно меньшей пестротой, с определением центров, исходя из административно-экономической и культурной значимости их, учета необходимости выделения административно-целесообразной, с точки зрения управления районом и удобств населения, территории — средний размер района 50—60 тыс. населения, конечно, с исключением для районов, расположенных вокруг крупных центров, обязательным совмещением ведомственного районирования с границами районов и учета бюджетной мощности. Далее, в труде «Нижне-Волжский край» сообщается, что 93,1% районных центров НВК совпадает с центрами важнейших торговых пунктов, а в границах самих районов имеется почти полное совмещение с границами сельскохозяйственными, за немногим исключением.

Сомневаясь в последнем утверждении НВК о возможности такого полного совмещения административных и производственных границ в условиях одного района, не следует, конечно, упускать из виду, что моменты торгово-экономического тяготения в определении границ района будут всегда превалировать над всеми попытками к совмещению его административных границ с границами сельскохозяйственными; потому такое совмещение их возможно разве только как исключение. По существу же такой задачи и не следует ставить, ибо даже и в областном районировании разрешение ее не всегда достигается. Познание всей экономики и естественно-исторических условий района важно не для того, чтобы по этим признакам целиком определять его границы, а для того, чтобы на основе этих

[1] „Районирование Урала“, 1924 г., „Урал после районирования“, 1926 г. Свердловск.

моментов была проведена оценка мощности района и перспектив развития его, чтобы таким образом избежать создания слабых или сверхмощных районов; наконец, это необходимо также и для планового регулирования и развития хозяйства района. И если сейчас от этого полного учета всех моментов, имеющих значение в строении районов, приходится иногда отказываться, то не потому, что это не важно или не нужно, а потому что это сейчас почти невозможно, за недостатком материалов по дробному районированию, соответствующе обработанных и сведенных в одну систему. В силу этого в строительстве районов и приходится пользоваться преимущественно статистическими и бюджетными показателями. При сравнении же уже образованных районов разных областей и республик, указанные признаки оказываются пока не только единственно доступными, но и может быть первыми по значению. Поэтому эти признаки и взяты здесь в основу при сравнении типов разных районов.

Значения этих признаков не следует смешивать. Необходимо различать размер района по его территории и, отчасти, по числу населения (главным образом сельского) и мощность района по размерам территориального местного бюджета. [1] Таким образом, местный бюджет здесь будет служить приближенным показателем степени развития народного хозяйства района, определяя вместе с тем наличие в нем хозяйственных ресурсов. Менее совершенным показателем степени развития хозяйства является процент городского населения.

Район, в смысле его размеров и мощности, показателями чего являются площадь, число населения и размер территориального местного бюджета, можно рассматривать как определенную функцию от ряда переменных величин (факторов) — плотности населения и дорог на единицу площади, доходности местного бюджета на душу населения и характера расселенности, определяемого числом сельского населения, приходящегося на одно сельское поселение.

Ограничиваясь таким кратким введением, перейдем к конкретному освещению затронутой нами темы.

Строение районов по республикам СССР

Рассматривая плотность населения, как один из основных факторов, определяющих размер района по пространственным признакам и числу населения, и располагая районированные республики в порядке возрастающей плотности населения, можно установить, что пространственные признаки районов дают соответствующий убывающий ряд. (См. табл. на сл. стр.).

Возрастающая плотность населения (табл. 1, гр. 2) позволяет создать район с меньшей площадью (гр. 3) и поэтому площадь района от 15.846 *кв. км.* Туркменской ССР уменьшается до 723 *кв. км* площади района УССР.

Казалось бы, что с возрастанием плотности населения должно расти и число населения района (гр. 5). Однако, на самом деле, этот рост имеется только от района Туркменской ССР (28,8 тыс. чел.) к району РСФСР (44,7 тыс. чел.); далее же число населения района уже спадает: БССР — 42 тыс. и УССР — 40,7 тыс. чел. Это об'ясняется тем, что площади районов последних двух республик, как видно из таблицы, уменьшаются довольно резкими скачками. Если принять за оптимальный отправной размер района РСФСР, то для доведения средней численности населения в рай-

[1] Под „территориальным“ местным бюджетом мы понимаем сумму доходов, получаемую с данной территории.

Таблица 1

Название республик	Плотность сельского населения на 1 *кв. км*	Пространственные признаки района: Площадь района (в *кв. км*)	Пространственные признаки района: Геометр. радиус района в *км* [1]	Среднее число сельск. насел. в районе по переписи 1926 г. в тыс.	Число районов
1	2	3	4	5	6
Турк. ССР	1,8 [2]	15.845	71,0	28,8	31
РСФСР (6 областей [3] без автон. республ, автон. областей и 4 округов. слабо обжитых) . . .	21,0	2.132	26,1	44,7	814
БССР	34,7	1.209	19,6	42,0	104
УССР	56,1	723	15,2	40,6	625

онах БССР и УССР до этих размеров оказалось бы необходимым устанавливать районы первой площадью в 1.288 *кв. км*, а районы второй — в 797 *кв. км*, при чем общее число районов должно было быть в БССР 97, а в УССР — 567. Эти расчеты приведены только для того, чтобы показать каковы размеры отставания районов БССР и УССР от районов РСФСР.

Геометрический радиус площади района (гр. 4) дает представление об удаленности окраин района от его административного центра. В действительности даже приближенное совпадение административного центра района с его геометрическим центром является исключением. Тем не менее, прибегая к помощи этог радиуса, мы получаем все-таки наилучший, можно сказать, единственный способ определения удаленности периферии района от его центра. Оказывается, что в этом отношении районы УССР с радиусом в 15,2 *км* должны иметь наиболее близкие к населению центры.

Местный бюджет Украины — 10 р. 59 к. на душу населения — значительно мощнее местного бюджета районированных областей РСФСР — 9 р. 70 к. на душу населения (табл. 2, гр. 2) и в этом обстоятельстве можно найти одно из об'яснений — почему по населению районы УССР отстают от районов РСФСР. Потому, что более мощный местный бюджет позволяет создать мощный район при меньшем числе населения. И действительно, по графе 3 этой таблицы видно, что территориальные местные бюджеты районов РСФСР и УССР почти одинаковые: первые — 433 тыс. руб. и вторые — 430 тыс. руб. Если иметь в виду, что здесь взято сравнение не по размерам реального местного бюджета, а по всей сумме доходов его, получаемой с территории районов, что является, как уже условно принято, приближенным показателем степени развития народного хозяйства

[1] Производная величина от площади района, понимаемой, как площадь круга — $C = \pi R^2$, откуда $R = \sqrt{\frac{C}{\pi}}$.

[2] В виду того, что в изданных трудах ЦСУ СССР о результатах разработки данных всеобщей переписи не учтены последовавшие потом некоторые адм.-территориальн. изменения, пришлось все данные о площадях и числе населения как по всем республикам, так и по областям РСФСР взять из предварительных итогов всеобщей переписи по справочнику „Территориальное и административное деление Союза ССР", НКВД, Москва, 1928 г., где эти изменения учтены.

[3] Ленинградск., СКК, Урал, ЦЧО, СрВО и НВК.

Таблица 2

Местный бюджет и плотность дорог

Название республик	Приходится из всего об'ема доходов местного бюджета—нетто за 1927/28 г. с госпособиями: На душу населения в руб. и коп.	Приходится из всего об'ема доходов местного бюджета—нетто за 1927/28 г. с госпособиями: На район в тыс. руб.	Дорог в километрах на 100 *кв. км* площади: Рельсовых	Дорог в километрах на 100 *кв. км* площади: Гужевых (госуд.)	Дорог в километрах на 100 *кв. км* площади: Всего
1	2	3	4	5	6
РСФСР (по тем же областям, но в полном составе) . .	9—70 [1]	433,6	0,77	0,36	1,02 [3]
БССР	8—22	345,2 [2]	2,05	1,74	3,97 [4]
УССР	10—59	430,0 [2]	3,80	1,39	5,19 [5]

районов, можно констатировать, что совокупность хозяйственных ресурсов территориально более крупного района РСФСР равна такой же совокупности хозяйственных ресурсов территориально более слабого района УССР.

Более слабый местный бюджет заставляет строить более крупный территориально и по населению район. И в этом смысле значение местного бюджета здесь оказалось так велико, что и более высокая плотность дорог УССР (гр. 6), и более крупные селения ее (табл. 3, гр. 2), позволяющие строить более крупный район, были игнорированы. И только этим следует об'яснить решение по этому вопросу III Сессии ВУЦИК, установившей 15 октября 1922 г. размер района в 25—40 тыс. человек.

Таблица 3

Характер расселенности сельского населения

Название республик	На один сельский населенный пункт приходится сельского населения	Процент селений имеющих: от 1.000 до 5.000 душ	Процент селений имеющих: свыше 5.000 душ
1	2	3	4
РСФСР (6 район. областей)	323	5,1	0,3
БССР.	115	0,8	—
УССР.	460	11 9	0,8

БССР из этих республик имеет самый слабый местный бюджет при далеко не малой плотности ее населения; это характерные показатели, определяющие более крупный район. Между прочим, районы БССР, с 42,0 тыс. населения, при плотности населения в 34,7 чел. при сравнении их с рай-

[1] По данным „Местные бюджеты РСФСР на 1927/28 б. г.", НКФ РСФСР, 1928 г.

[2] По данным журнала „Вестник Финансов" за 1928 г.

[3] Из статьи Н. М. Тоцкого в „План. Хоз." за январь 1928 г.

[4] Б. Д. Архангельский, „Укрупненная БССР". Минск, 1927 г.

[5] „Календар-довідник на 1926 рік районового статистика и кореспондента". Харків 1926 рік.

онами РСФСР и УССР нельзя назвать крупными. Однако, в условиях БССР, т.-е. при дробности ее селений и в силу природных условиях Белоруссии с ее лесными массивами и значительными заболоченными пространствами, они все же являются крупными. Если в 6 районированных областях РСФСР на один сельский населенный пункт приходится 323 чел., а в УССР еще больше—460, то в БССР приходится только 115 чел. Все это, разумеется, затрудняет строительство крупных районов.

Таким образом, уже на опыте организации районов по республикам приходится убедиться, что плотность населения, доходность местного бюджета, обеспеченность дорогами, размеры деревни, а кроме того, и природные условия — оказываются факторами большого значения при определении того или иного размера района и что эти факторы при организации районов были республиками учтены.

Строение районов РСФСР

В строении районов РСФСР несомненно сказывается определенная закономерность и почти все исключения из этой закономерности имеют безусловно свое оправдание.

Для подтверждения высказанного положения приведем следующую таблицу. (См. табл. на сл. стр.).

Уже при поверхностном ознакомлении с этой таблицей можно видеть, что показатели размеров районов (гр. 4 и 6), несмотря на ряд исключений, строятся соответственно показателям плотности населения (гр. 2) и дорог (гр. 3).

Исключая из рассмотрения Карельскую АССР, районы которой чрезмерно малы, в перечне остальных можно заметить, что в ряду убывающих площадей районов из определенной закономерности исключение составляют Нижне-Волжский край, АССР немцев Поволжья и Северо-Кавказский край. В ряду возрастающей численности населения районов исключением будут: Уральская область, Ленинградская область, АССР немцев Поволжья и Чувашская АССР. Из всех этих исключений — более существенным на данной стадии рассмотрения вопроса надлежит признать несоответствие между районами Уральской области и Ленинградской, с одной стороны, и НКВ—с другой, что легко можно обнаружить в следующей группировке областей:

	I группа	II группа	III группа
Плотность населения	0,8— 3,4	10,0—18,7	24,3—54,3
Число населения в районе . .	18,7—30,3	29,1—49,9	50,1—58,5

Обнаруживаем, что наибольшие колебания показателя численности населения разных районов приходятся на II группу областей. Если в I группе разница в числе населения разных районов составила 11,6 тыс. чел., с ростом от минимума к максимуму в 61%, и в III группе районов разница составила еще меньше — 8,4 тыс. чел., с ростом от минимума к максимуму в 17%, то во II группе районов разница уже составляет 20,8 тыс. человек, с ростом от минимума к максимуму в 69%. В этой группе на разных полюсах оказываются Уральская область и НВК, при чем первая дала в этой группе минимум числа населения в районе—29,1 тыс. чел. при плотности 10,0 чел. на *кв. км*, а НВК — максимум — 49,9 тыс. чел. при плотности 16,3 чел. на *кв. км*. Разница в числе населения районов до некоторой степени не совсем соответствует разнице в плотности населения. На первый взгляд отсюда напрашивается тот вывод, что или районы НВК велики.

Таблица 4

Название областей	Плотность		Показатели размеров районов РСФСР			Число районов
	Сельского населения на *кв. км*	Дорог на 100 *кв. км* площади (рельсовых и гуж. в *км*)	Пространств. признаки среднего района		Среднее число сельского население района по переписи 1926 г. в тысячах	
			Площ. района в *кв. км*	Геометр. радиус района в *км*		
1	2	3	4	5	6	7
I группа						
Дальне-Вост. край	0,78	0,26	24.085	87,6	18,8	77
Карельская АССР	1,6	—	5.627	42,3	9,0	26
Сибирский край без Красноярского округа	3,3	0,22	9.051	53,7	30,2	245
II группа						
Уральская область без Тобольского округа	10,0	0,41	2.913	30,3	29,1	199
Крымская АССР	15,0	4,50	2.578	28,6	40,8	10
Нижне-Волжский край без автономий	16,3	1,20	3.064	31,2	49,9	76
Ленинградская обл. без Мурманского округа	18,6	1,98	1.720	23,4	32,1	134
АССР Немцев поволжья	18,7	—	1.939	24,9	36,6	14
III группа						
Северо-Кавказск. край без автономий	24,3	1,92	2.195	26,4	53,5	111
Средне-Волжская область	26,5	1,30	1.999	25,0	53,0	116
Чувашская АССР	46,3	—	1.083	18,6	50,1	17
Центрально-Черноземная область . .	54,3	2,73	1.076	18,5	58,5	178

или районы Урала малы. Но ведь помимо плотности населения, более слабой на Урале, приходится учитывать и в три раза меньшую обеспеченность дорогами, чем в НВК, а в дальнейшем рассмотрении на стороне обеих областей окажутся новые факторы, оправдывающие эту несоразмерность.

Следует отметить, что по некоторому несоответствию размеров районов с НВК рядом с Уральской областью стоит и Ленинградская. Последняя имеет плотность населения даже большую, чем НВК и лучшую обеспеченность дорогами и все-таки районы резко различны: площадь района Ленинградской области — 1.720, а НВК — 3.064 *кв. км*, число населения районов первой области — 32,1 тыс. чел., а второй — 49,9 тыс. чел. Об'яснение этого можно будет найти в дальнейшем изложении.

Наиболее короткий радиус района (гр. 5) оказывается в группе III при чем ЦЧО и Чувашская АССР дают наиболее короткий радиус — около 19 километров. Во II группе радиус района не превышает 30 км, за исключением районов НВК, радиус которых даже длиннее, чем в Уральской области. Высокая плотность насления ЦЧО и Чувашской АССР позволила им построить районы с меньшей территорией, а отсюда и наименьший радиус.

Другой по степени важности фактор, имеющий большое значение в определении размеров района, будет местный бюджет.

Иллюстрацией этого фактора может служить нижеследующая таблица:

Таблица 5

Название областей	Приходится доходов местн.[1] бюджета-нетто на 1927/28 г.			Средний объем реальн местн. район. бюдж. за тот же год в тыс. руб. вместе с сел. бюджет.	Число сельского населения в районе
	На район без госпособий (в тыс. руб.)	На душу населения (в руб. и коп.)	В том числе госпособ. (в руб. и коп.)		
1	2	3	4	5	6
Крымская АССР	869,0	22—23	0—93	508,0	40,8
Сев.-Кав. край	708,3	13—24	0—00	251,6	53,5
Нижне-Волжский край	504,5	11—04	0—93	—[2]	49,9
Средне-Волжск. область	377,9	7—84	0—71	—[2]	53,0
АССР Немцев Поволжья	374,1	11—40	1—18	237,0	36,6
ЦЧО	358,1	7—23	1—11	—[2]	58,5
Ленинградск. область	310,7	9—90	0—22	159,0	32,1
Уральская область	275,9	10—12	0—64	148,3	29,1
Дальне-Восточный край	272,8	15—34	0—75	120,0	18,7
Чувашская АССР	226,5	7—92	3—40	300,0	50,1
Сибирский край	216,3	7—94	0—80	113,0	30,3

Падающий на каждый район размер местного бюджета (гр. 2) показывает сравнительный вес каждого района. Действительным же показателем мощности самого местного бюджета является доходность его на душу населения (гр. 3). Для определения, как это обстоятельство учитывалось областями в построении районов, следует для наглядности изменить строение рядов этой таблицы, расположив на первом месте число населения районов в убывающем значении и на втором — доходность местного бюджета с госпособиями.

[1] По данным „Местный бюджет РСФСР за 1927/28 г.“ НКФ РСФСР, Москва, 1928 г.
[2] Районов в 1927/28 г. еще не было.

I группа	Население районов	Местный бюджет	II группа	Население районов	Местный бюджет
ЦЧО	58,5	7—23	Крым. АССР	40,8	22—23
СКК	53,5	13—24	АССР НП	36,6	11—40
СВО	53,0	7—84	Ленинградск. обл.	32,1	9—90
Чувашск. АССР	50,1	7—92	Сиб. край	30,3	7—94
НВК	49,9	11—04	Уральская обл.	29,1	10—12
			Д.-В. край	18,7	15—34

Как видим, все области с доходностью местного бюджета на душу населения ниже 8 руб., кроме одной (Сибкрай) оказывается в I группе, с наибольшим числом жителей в районе (около 50 тыс. чел. и выше). Далее, из 7 областей с более лучшим местным бюджетом, с доходностью его выше 8 руб. — все оказываются во второй группе, с меньшим числом населения в районах, кроме СКК и НВК, с доходностью местного бюджета в первом — 13 р. 24 к. и во втором — 11 р. 04 к.

В табл. 6 в качестве факторов, влияющих на размер района, приведены данные о характере расселенности, при чем области расположены в порядке убывающего размера среднего селения.

Таблица 6

Название областей	Строение населенн. пунктов[1]			Средн. число сельск. насел. в районе
	Приходится насел. на 1 населенный пункт	% селений		
		от 1.000 до 5.000 душ	свыше 5.000 душ	
1	2	3	4	5
I группа:				
АССР Немцев Поволжья	874	22,4	1,0	36,6
Ср.-Волжск. обл.	567	13,8	0,1	53,0
Нижне-Волжск. край без автоном.	484	9,7	0,5	49,9
Сев.-Кав. край без автоном.	463	6,0	1,9	53,5
Чувашская АССР	447	5,8	—	50,1
ЦЧО	418	9,7	0,6	58,5
II группа:				
Сибирский край без Красноярского окр.	383	5,4	0,1	30,3
Дальне-Вост. край	310	3,4	—	18,7
Уральск. обл. без Тобольского окр.	234	5,0	0,2	29,1
Крымская АССР	153	1,9	—	40,8
Ленинградская обл.	137	0,1	—	32,1

В этом ряду оказывается определенная зависимость размера района (гр. 5) от характера расселенности (гр. 2). На первую группу областей, с более крупными селениями (в среднем от 418 до 874 чел. на селение), приходятся самые крупные районы — от 36,6 тыс. до 58,5 тыс. чел. На вторую группу областей, с более мелкими селениями — от 137 до 383 человек на селение приходятся районы, с числом населения меньшим от 18,7 тыс. до 32,1 тыс. чел., если не принимать во внимание Крымскую АССР, представляющую в этом ряду исключение. Во второй группе Сибирский край по величине своей деревни стоит на первом месте в этом ряду и размер его района, учитывая слабую плотность населения, соответственно не мал — 30,3 тыс. человек.

Ленинградская деревня оказывается на последнем месте — это самая дробная, самая мелкая деревня и в этих условиях выясняется, отчасти,

[1] По данным ЦСУ СССР.

почему районы Ленинградской области так отстали от районов НВК, о чем говорилось раньше: Ленинградская деревня в 3½ раза мельче деревни НВК. При таком строении своей деревни, Ленинградской области было трудно создать такой же район, как НВК. Это же обстоятельство, конечно, играло роль в определении того или иного размера района и в Уральской области: Уральская деревня более чем в два раза мельче деревни НВК.

Сравнительная оценка размеров и мощности районов

Рассматривая таким образом мощность районов разных областей, как определенную функцию от ряда переменных величин (факторов), относя к показателям этой мощности района: 1) его площадь, 2) число сельского населения в нем, и 3) размер местного бюджета, приходящегося на район из всего областного по числу населения, и, беря в качестве переменных величин (факторов), определяющих эту мощность: 1) плотность населения на единицу площади области, 2) плотность дорог — также на единицу площади области, 3) размер местного бюджета на душу населения и 4) число сельского населения, приходящегося на один населенный пункт, как показатель характера расселенности, принимая как первые (функции), так и вторые (переменные величины) показатели по Уральской области за 100%, мы можем проследить сравнительную мощность отдельных районов и зависимость ее от совокупности разных факторов.

Таблица 7

Названия областей	Функции (мощность района)			Переменн. велич. (факторы)			
	Площадь	Число населения	Террит. местн. бюджет.	Плотн. населения	Плотн. дорог	Мощн. местн. бюдж.	Характер расселения
1	2	3	4	5	6	7	8
Уральская обл.	100	100	100	100	100	100	100
Ленинградск. обл. . .	59	110	113	186	483	98	59
НВК	105	171	183	163	293	109	207
СВО	69	182	173	265	317	77	242
СКК	75	184	257	243	468	131	198
ЦЧО	37	201	130	543	666	71	179

Говоря о мощности района (гр. 2, 3 и 4), довольно хорошо заметно, что только по пространственным признакам районы Уральской области крупнее прочих, а по двум остальным признакам они — самые слабые. Районы Ленинградской области немногим сильнее районов Уральской области, а если принять во внимание соотношение их площадей (районы Ленинградской области составляют 59% от районов Уральской области), то окажется, что собственно никаких преимуществ у них нет. Районы НВК составляют по отношению районов Уральской области по площади 105%, т.-е. почти равновелики, по населению 171% и по бюджету 183%, т.-е. по последним двум показателям они сильнее больше, чем в полтора раза. Прочие районы Сев.-Вост. области, Сев-Кавказск. края и ЦЧО, уступая по площади районам Уральской области, по числу населения и местному бюджету они значительно их превышают, уравниваясь до некоторой степени с районами НВК.

Судя по размерам территориального местного бюджета, как по сводному универсальному показателю мощности района, можно сказать, что в сравнении с другими районами районы СКК оказываются самыми мощными: они составляют 257% по отношению к районам Уральской области; на втором месте следуют районы НВК — 183%, на третьем — СВО — 173%, на четвертом ЦЧО — 130%, на пятом — Ленинградской области — 113% и на последнем месте районы Уральской области — 100%.

Показатели переменных величин-факторов (гр. 5—8), влиявших на размеры района, дают наглядную картину степени этого воздействия, степени значения каждого фактора или совокупности их в определении мощности района. И вот оказывается, что районы Уральской и Ленинградской областей потому слабее всех прочих, что и по плотности населения, и по плотности дорог, кроме Ленинградского района, и по характеру расселенности (самая мелкая деревня) эти области уступают всем прочим, и только по доходности местного бюджета они оказываются занимающими среднее место. Но, собственно говоря, и этого было достаточно, чтобы со стороны последнего не было необходимых стимулов к созданию более крупного района (правда, эти стимулы могли и быть, но они парализовались первыми тремя факторами). Следующие четыре области и по плотности населения, и по плотности дорог, и по характеру расселенности (крупные деревни) имели огромные преимущества перед первыми областями и потому они имели все предпосылки к созданию более крупных районов, а СВО и ЦЧО к тому же имели побудительные причины и со стороны слабого местного бюджета.

При рассмотрении вопроса о строительстве районов по разным областям приходится отметить, что на одной стороне лежат районы Уральской и Ленинградской областей, а на другой — районы НВК, СВО, СКК и ЦЧО. Районы первой группы областей отличаются от районов второй группы их потому, что естественно-исторические условия и народное хозяйство этих групп областей различны. Первая группа областей лежит в северной лесной зоне, определяющей и более сложное народное хозяйство, развитие промышленности и промысловости, интенсивное земледелие, меньшую плотность населения и характер дробного расселения. Вторая группа областей лежит в южной, степной зоне, безлесной, преобладающего сельского хозяйства, зернового экстенсивного хозяйства, перенаселенности и избыточности сельского труда, с многолюдными селами. Поэтому тип района северной лесной зоны и оказался совершенно иной; по тем же причинам и перспективы развития и построение планов народного хозяйства районов северной зоны должны быть совершенно другие, чем районов южной зоны.

Говоря о перспективах развития районов, следовало бы остановиться на условиях построения районов Уральской области.

Показатели мощности района по числу населения в нем и по размерам местного бюджета, приходящегося на район, есть до некоторой степени статические показатели (показатели состояния этой мощности в данный момент); они ставят район Уральской области в числе других рассматриваемых здесь на последнее место; показатели мощности по площади есть грубые динамические показатели, т. е. показатели потенциальных возможностей района к развитию. Эти последние показатели ставят район Уральской области, наоборот, почти на первое место. Конечно, территория может быть и пустыней, с отсутствием всяких возможностей к развитию хозяйства, и поэтому не всегда относительные размеры территории могут быть показателями хороших перспектив. Вместе с этим надлежит учитывать естественные богатства и условия данной территории, позволяющие использовывать эти богатства. Уральская область по богатству и ценности своих ископаемых, по наличию других естественных богатств и по наличию возможностей к их использованию — стоит на одном из первых мест в числе других областей и республик Союза. Поэтому призывая районы Уральской области на основании ряда показателей, в данное время самыми слабыми, нужно в

то же время признать, учитывая естественные богатства области, что эти районы будут развиваться, вероятно, быстрее прочих. Динамика хозяйства районов Уральской области и самой области, в сравнении с динамикой хозяйства других районов и областей могла бы показать, как в действительности оправдываются изложенные предположения.

Говоря о возможности суб'ективного подхода на местах к строению определенного размера района, нельзя не отметить, что если он и имел в некоторых случаях место, то значение его так или иначе было ничтожно, ибо в строении разного типа районов по разным областям, собственно, не оказалось ни одного выделяющегося теми или иными размерами, которые не оправдывались бы наличием тех или иных факторов, определяющих этот размер. И такой задачи, собственно, и не ставилось. Имелось в виду раскрыть те об'ективные причины, которые действовали на создание определенного размера районов. Эти причины, конечно, не были полностью исчерпаны. Здесь не было более полного анализа элементов народного хозяйства, а природные условия, в смысле значения их в строительстве районов, были взяты частично. Цельное и более полное подытожение вопроса о строительстве районов еще ждет своего исследователя.

Дробное районирование новых областей

Несомненно, что взоры всех работников, занимающихся сейчас дробным районированием, обращены на оформившиеся области и в настоящее время проводится соответствующая оценка правильности создания тех или иных районов, проводится отбор типовых районов, устанавливается ставка на район определенных размеров. Поэтому в этих условиях все изложенное должно иметь некоторое путеводное значение в этом вопросе.

Не отрицая необходимости создания безусловно мощного района, все-таки нужно учитывать те факторы, которые в одних областях будут ставить определенный предел этой мощности и не позволят создать более крупного района, а в других, наоборот, потребуют создания такового.

Опыт строительства районов позволяет заключить, что в организации крупных районов в оформившихся в прошлом году областях нельзя видеть какое-либо «новое откровение» в создании особо мощных районов. Это — те нормальные размеры районов, которые отвечают условиям степной зоны. А все новые области, подлежащие оформлению в текущем 1929 году, лежат в лесной зоне, в которой расположены и Уральская и Ленинградская области. Но это, конечно, не значит, что районы новых областей должны целиком ориентироваться на размеры районов Уральской и Ленинградской областей. И если характер расселенности новых областей почти совершенно одинаков с указанными двумя областями, то зато плотность населения в них выше: она колеблется от 24,3 чел. сельского населения в Нижегородской области до 45,0 чел. в ЦПО, если не считать Северного края.

Повышенная плотность населения говорит за более крупный район по числу населения. Но в областях с мощным местным бюджетом необходимо учитывать сравнительно высокое развитие народного хозяйства, которое позволяет создать мощный район при меньших территориальных размерах. ЦПО и Иваново-Вознесенская области имеют наибольшую доходность местного бюджета на душу населения — 18 р. 86 коп. и 16 р. 57 коп. бюджета — нетто за 1927/28 г. По доходности местного бюджета эти области не имеют себе равных в составе оформившихся областей; из последних наибольшую доходность местного бюджета имеют только СКК — 13 р. 24 коп.

Учитывая все это, можно с достаточным основанием предполагать, что в общем районы в новых областях, кроме Северного края, должны быть крупнее районов Уральской и Ленинградской областей, но меньше районов

степной зоны. В среднем они должны иметь около 45 тыс. сельского населения, с колебаниями по отдельным губерниям.

Наибольшую пестроту в строении районов нужно ожидать в ЦПО; в ней должны оказаться наибольшие трудности в проведении правильного дробного районирования. В этой области на одном полюсе оказывается Московская промышленная губерния, с высоко развитым народным хозяйством, и на другом полюсе Рязанская губерния — аграрно-переселенная, крестьянская, с отставшим сельским хозяйством, которое тянет ее южную половину в ЦЧО. Несмотря на то, что ЦПО, конечно, придется учитывать в строении районов и то перераспределение доходных источников, которое последует внутри областей в результате районирования, районы Рязанской губернии все же должны быть построены с числом населения, несколько превышающим 45 тыс. жителей.

В Иваново-Вознесенской области значительных колебаний в размерах районов, группирующихся у более развитого центра области, в сравнении с расположенными на периферии, едва ли будет иметь место, так как несмотря на такое же хозяйственное отставание этой периферии, которое требует создания в ней более крупных районов, здесь окажется необходимым считаться с другим фактором — особой дробностью селений этой области, которая не позволит создать крупных районов.

Таким образом в ЦПО и Ив.-Вознесен. областях дробное районирование будет наиболее осложненным.

Заканчивая рассмотрение вопроса о дробном районировании и перенося опыт его на последний и наиболее ответственный участок предстоящего районирования центра РСФСР, нельзя не отметить всей сложности и важности этих работ, имеющих целью создать основные предпосылки к планированию хозяйством в дробных разрезах.

Значение района, как основного на периферии области звена, колоссально. Его организующее и руководящее влияние в гигантском творчестве рабоче-крестьянских масс, напор его инициативы в развитии производительных сил — будут в значительной степени зависеть от того, на сколько правильной будет его организация. Все это должно заставить с особой осторожностью подходить к проектировке последних районов на территории РСФСР.

Здесь рассмотрена только некоторая и может быть небольшая часть тех условий, которые имеют значение в дробном районировании. Но в предстоящей сложной и ответственной работе должны быть с особой тщательностью взвешены не только плотность населения, дорог, местный бюджет, характер расселенности, рассмотрение которых было возможно здесь, но и целый ряд других признаков, могущих иметь несомненное значение в формировании района, а именно: развитие промышленности и промысловости, характер сельского хозяйства, уровень его интенсивности, отхожие промыслы, наконец, естественно-исторические условия и перспективы развития и дальнейшее членение самих районов, т.-е. сеть сельсоветов.

Вместе с этим, избегая построения слабых районов, которые бы оказались без перспектив развития, и, избегая построения сверхмощных, которые «давили» бы прочие районы, необходимо, так сказать, выдерживать определенный тип, но так, чтобы не оказалось искусственно созданных районов, не связанных единством экономического тяготения.

Все это нужно предусмотрительно учесть и продумать с тем, чтобы организация последних областей, округов и районов могла быть последней на этом этапе социалистического строительства крупной ломкой административно-территориальных границ. Новые районы должны войти стройной системой в организацию их по республике.

П. Плеханов

Колхозное строительство и его перспективы в Туркмении

Не станем повторять общих мест о задачах коллективизации аула и необходимости всемерного развития работ в этой области. Теперь все это уже вошло в кооперативную азбуку. Отметим лишь наши особенности как содействующие, так и задерживающие рост колхозного движения.

Несомненно, что самым больным местом в колхозном движении Туркмении является организационный вопрос. Кадры из коренного населения еще не образовались, культурных сил в ауле — ничтожное количество. Аул почти обнажен. На наших глазах едва не произошла реставрация в земельно-водных отношениях, установленных земводреформой. И не без труда ликвидировано это очередное наступление эксплоататорской верхушки аула. Такие вещи происходили в Ашхабадском и Мервском округах, так сказать, старожильческих, наиболее советизированных; вблизи республиканского центра! В районах же по р. Аму-Дарье почти полностью сохранились родовые начала, значительно еще влияние эмировского чиновничества, мулл и баев. Слишком слаба культурная прослойка. Не только местных кадров, но и пришлого культурного элемента до смешного мало.

На самом деле в 1927/28 г. насчитывалось едва 7 агрономов-инструкторов в Колхозцентре, да и те в основном были заняты «по письменной части». Вся работа по коллективизации ложилась на плечи агрономов-общественников. Между тем, они до отказа загружены и показательными участками и заданиями от Хлопкома по сортоиспытанию, а также обычной общественно-агрономической работой.

Правда, теперь институт агрономов-колхозников сильно увеличивается, но все это — молодежь, не знающая достаточно хорошо местных, иногда очень сложных особенностей, не знающая языка, а с переводчиком, как известно, в таком тонком деле, как организация живого труда в колхозах, многого не сделаешь.

Успешно существовать колхоз может только на базе механизации сел.-хоз. производства; только укрупненное механизированное производство освободит дехканина от рабской зависимости от живой тяговой силы. Это совершенно ясно для организаторов колхозов, но далеко неясно для непосредственных участников — для дехкан. При 5.000 плугов и 1.000 сеялок на 160.000 земледельческих хозяйств ТССР — надо еще пропагандировать европейский инвентарь, надо доказать его полную, несомненную рентабельность. При страшной бедности дехканства (по бюджетам сел.-хоз. инвентарь оценивается меньше чем в 15 руб. на хозяйство), трудно расстаться с дешевым омачем — выбросить его даром, заменив плугом, стоящим в 4 раза дороже!

Украинский или русский крестьянин давно пригляделись и к плугу, и к сеялке, и к жатке; польза от их применения для них несомненна. И если единоличнику русскому или украинцу не под силу иметь машину, то они

сами об'единятся в машинное товарищество для совместного использования сложной и дорогой машины. Крестьяне понимают, что от введения машин у них освобождаются рабочие руки, которые могут быть использованы на кустарные или отхожие промысла или на фабрике. Ничего подобного нет в Туркмении.

Поле для применения излишней рабочей силы в ТССР крайне ограничено; промышленность находится еще в зачаточном состоянии, а сел.-хоз. индустрии и вовсе нет; развитию кустарных промыслов также положен предел, так как для государства невыгодно, если основное сырье — хлопок, шерсть, шелк будут перерабатываться кустарным способом с недовыходом продукции.

В отношении же использования на стороне, особенно избыточного в ТССР женского труда следует отметить, что пока бытовые условия крепко держат женщину в ауле, в кибитке мужа. Отход женщин для работы на сторону — явление невиданное, и, вероятно, потребуется еще довольно продолжительное время для преодоления прадедовских обычаев.

Вместе с тем, развитие сел.-хоз. индустрии и поглощение его избыточного труда будет сравнительно невелико.

Реальные выгоды освобождения рабочих рук при вступлении в колхоз дехканина не понятны еще при данном уровне развития. Сейчас он загружает членов семьи каторжной работой в поле, на арыках (для их очистки) или на чигирях и других водопод'емных сооружениях, и не видит особой надобности в уменьшении этой трудовой нагрузки.

Но и теперь, когда все делается руками и сохою-матушкою, все же дехканство располагает излишком рабочей силы.

Вот какие цифры дает нам обследование ЦСУ:

Таблица 1

Группы хоз. по стоим. сред. производ.	Без средств производства	Со стоимостью до 100 р.	Со стоимостью от 101 до 200 р.	Со стоимостью от 201 до 400 р.	Со стоимостью от 401 до 800 р.	Со стоим. от 801 до 1.600 р.	Со стоимостью свыше 1.600 р.
Число хозяйств	5.215	23.614	26.879	47.016	37.548	13.347	5.481
То же в процентах	3,3	14,8	16,9	29,5	23,6	8,4	3,5
На одно хоз. рабдней в год — отчуждение	76,0	41,0	24,5	17,0	14,3	13,0	13,5
На одно хоз. рабдней в год — наем	3,6	2,9	4,7	9,22	20,2	55,4	154,0
Земли на 1 хоз. га	1,16	1,28	1,48	1,91	2,54	3,20	3,60
Число хоз. без рабскота в год		32.000					
Хоз. с 1 гол. рабскота в год			15.000				

Из таблицы видно, что только три высшие группы имеют по найму рабсилы положительное сальдо: для V группы 5,9 дней в году, для VI — 42,4 дня и для VII — 140,5 дней на одно хозяйство.

Все вместе эти три группы нанимают 1.558 тыс. человеко-дней или 5.540 годовых рабочих; отчуждение же рабочей силы в первых четырех группах составляет 2.043 тыс. человеко-дней или 7.300 годовых рабочих. Отсюда получаем, что за пределы аула в настоящее время уходит незначительное число работников. Приведенные цифры, конечно, не могут претендовать на точность, но они достаточны для характеристики использования рабсилы внутри аула. Эти подсчеты были проверены нами другим методом, при исчислении общего баланса труда в сельском хозяйстве, и результаты оказались весьма близкими к данным ЦСУ.

В ближайшее время в ТССР предстоят и землеустроительные работы с поравнением земельных норм, и проведение земельно-водной реформы, в результате чего должно произойти ослабление верхушечной части аула. После этого, естественно, спрос на рабсилу уменьшится и низшие группы, получив приращение своих наделов как за счет земреформы, так и нового ирригационного строительства, уменьшат отчуждение рабсилы. В среднем отчуждение и наем примерно сбалансируются. Отсюда мы и делаем вывод, что колхозы, как средство более полного использования, имеющегося запаса рабсилы, не смогут привлечь дехканство.

Иное дело со средствами производства, особенно с рабочим скотом. Та же таблица показывает нам крайне недостаточное обеспечение инвентарем и скотом первых трех групп (55.700 хоз.). Среди них насчитывается 32.000 безлошадных хозяйств (57,5%) и до 10.000, имеющих по 1 гол. рабскота. Тяговая сила в Туркмении, по преимуществу, представлена волом, при чем обычная запряжка — парная. Таким образом, 32.000 безрабскотных хозяйств и 10.000 с одной головою не могут самостоятельно обрабатывать своих наделов и вынуждены прибегать к найму скота. Создается зависимость таких хозяйств от зажиточных, т.-е. возникает эксплоатация. Но даже и те маломощные хозяйства, которые имеют хотя бы и полную запряжку, но недостаточный надел — ниже 2,5 *га*, — с трудом прокармливают свой рабочий скот, так как при большом хлопковом клине кормовых ресурсов в редких случаях хватает, а покупные корма обходятся слишком дорого.

Всего в группе беднейшего дехканства мы насчитываем не менее 42.000 хозяйств, которые и составляют естественный контингент для будущих колхозов.

Если подсчитать условно-чистую доходность таких маломощных хозяйств, то окажется, что в среднем она не превышает 180 руб. на хозяйство, или около 10 коп. в день на едока, т.-е. далеко ниже прожиточного минимума.

Увеличить доходность можно только уменьшением производственных расходов и повышением урожайности. Добиться же этого в условиях мелкого индивидуального хозяйства невозможно и только коллективизация, при которой трактор, сеялка с культиватором и прочий европейский сел.-хоз. инвентарь смогут появиться на дехканских полях, в состоянии изменить положение.

По общесоюзному опыту считается доказанным, что только укрупненный, механизированный колхоз даст для его членов все преимущества перед индивидуальным мелким хозяйством. Это положение сохраняет свою силу и для Туркмении. Но если и недопустим шаблон в определении размеров такого хозяйства, то все же какая-то «придержка» должна существовать.

Решающим моментом здесь является полная нагрузка машин, обслуживающих коллективное хозяйство, полное использование живой и механической тяговой силы колхоза. Вместе с тем, надо обеспечить и бесперебойное действие машин, главным образом, трактора, являющегося основным источником механической энергии в сельском хозяйстве.

Обслуживание тракторов, разбросанных по одному на колхоз, затруднительно и обходится дорого, ложась подчас прямо непомерным расходом на хозяйство колхоза, да и производство ремонта на месте возможно лишь при наличии надлежаще оборудованной мастерской. Содержание же последней может окупиться при наличии целой группы (15—30 штук) тракторов в одном пункте.

При годовой нагрузке трактора в 120 *га* пахоты, площадь для коллективных хозяйств определяется минимум в 1.800 *га*. Нужно иметь в виду, что землеобеспеченность в Туркмении настолько низка, что придется охватить почти полрайона для организации крупного колхоза площадью в 1.800 *га*.

К числу технических затруднений в деле колхозстроительства надо отнести наличие подворно-хуторского землепользования в трех приамударьинских округах. Там усадьба зачастую представляет тип крепостного сооружения со стенами в метр — полтора толщиной, при высоте в 6 и более метров. При отводе колхозу земли сплошным участком наличие подобных усадеб является большим тормозом.

Нельзя также забывать и о том, что в ТССР поливное хозяйство, а при нем заливаемые водою поля должны быть строго пронивелированы. Последнее обстоятельство в условиях пересеченной местности и даже небольшого рельефа делает невозможным отвод больших участков, пригодных для успешной работы не только группы, но даже одного трактора. Необходимая для полива плоскость участка сильно суживает его размер.

Сказанное позволяет нам утверждать, что в условиях ТССР следует предъявлять несколько меньше требований к трактору, чем на Северном Кавказе и Украине.

Надо исправить ту линию, которой до сего времени придерживался Колхозцентр Туркмении, сосредоточивая внимание только на батраке и бедняке. Что это так — подтверждают цифры доклада, опубликованного на январском с'езде колхозов в Ашхабаде.

Оказывается, что по материалам на 1 января 1929 г. в колхозах числится 41,1% батраков; 46,1% бедняков; 12,1% середняков и 0,9% зажиточных. Середняк явно обойден: Колхозцентру следует признать свою ошибку и выправить организационную работу.

Это тем более необходимо, что одна ошибка повлекла за собою и другую — соцобесовский уклон. Случилось так, что, вследствие соревнования отдельных районов, ставка была на количество колхозов. Немного истории. Началом возникновения колхозов в ТССР можно считать конец 1926 г., когда в Сарахском районе местным агрономом были об'единены 134 хозяйства в четыре машинных товарищества; им же были организованы 2 машинных товарищества в Каахкинском районе. Инспекция НКЗема по поводу этих об'единений сообщает, что в первый год работа их была малопоказательна по таким причинам: «Слабое представление у членов колхоза о его значении и о своей роли в нем; отсутствие интереса к колхозам со стороны местных организаций; отсутствие опыта по колхозстроительству в ТССР вообще и многое другое».

Из того же доклада мы узнаем, что агроном обрабатывал землю колхозников инвентарем агропункта, заложил показательные участки и вел агитацию за превращение машинного товарищества в товарищество по совместной обработке земли. Таким образом, члены машинного товарищества, не имевшие представления о том, что такое вообще колхоз (в широком смысле) сразу приглашались перейти на высшую форму работы, несмотря

на то, что у них ничего не было обобществлено (инвентарь казенный), а труд не был организован.

Аналогичную картину можно было наблюдать и в других об'единениях, возникших в начале 1927 г. Никто не знал как вести работу, а руководящих указаний не имелось.

Оживление начинается с лета 1927 г., когда республиканским центром были разосланы на места инструкции и раз'яснения. После получения местами директив началась организация машинных товариществ и товариществ по совместной обработке. Движение шло сверху, так как места хотели «отличиться». В результате на ряду с здоровыми колхозами организовались и лжеколхоз и артели, превратившиеся впоследствии просто в машинные товарищества.

Каковы же результаты такой работы? Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют материалы как обследования ЦСУ (на 1 мая 1928 г.), так и самого Колхозцентра (на 1 октября 1928 г. и на 1 января 1929 г.). Они расходятся в деталях, но по основным показателям вполне сходятся. Воспользуемся теми и другими, а также материалами Госплана ТССР по средней землеобеспеченности и приведем основные элементы в нижепомещенных таблицах 2, 3, 4.

Таблица 2

Обеспеченность средствами производства (данные ЦСУ на 1/V 1928 г.)

Наименование округов	Число кол.	Число хоз.	Число душ	Скот		В том числе коров	Тракторов	Оруд. обр. европейск.	То же мести.	Убор. маш.	Стоим. всех средств производ.	Выдано кредита
				рабоч.	польз.							
б. Ашхабадский	9	135	670	19	8	1	6	30	—	7	19.800	23.700
б. Мервский	9	252	882	15	6	2	8	139	—	—	25.000	41.000
Керкинский	29	371	1.519	286	189	2	—	107	167	—	67.000	82.900
Чарджуйский	7	76	288	37	143	—	1	41	5	—	14.100	24.200
Ташаузский	10	113	380	88	17	4	1	9	29	2	17.700	30.700
Итого . . .	64	947	3.739	445	363	9	16	326	201	9	143.600	202.500

Таблица 3

Землепользование и посевная площадь (данные ЦСУ на 1/V 1928 г.)

Наименование округов	Число колхозов	Удобрен. земли	Хлопок	Люцерна	Огороды	Бахчи масличные	Зерновые и проч.	Итого	Недосев	Посев вне колхозов
б. Ашхабадский .	9	108	89	2	5	—	62	103	5	190
б. Мервский .	9	526	329	2	4	—	127	462	64	106
Керкинский . . .	29	1.021	208	10	19	50	80	367	654	150
Чарджуйский . .	7	263	72	5	16	7	24	124	139	26
Ташаузский . . .	10	610	94	63	8	55	67	287	323	24
Итого . . .	64	2.528	792	82	52	113	304	1.343	1.185	490
В %%%	—	100	31,5	3,2	2,1	4,5	12,0	53,3	46,7	19,5
В %%% к фактич. посевн. площ.	—	—	59,1	6,1	3,8	8,4	22,6	100	—	—
То же в среднем по ТССР . . .	—	—	34,1	7,7	3,7	1,7	52,8	—	—	100

Порайонно и из расчета на 1 хозяйство землепользование и посевы в колхозах приводятся ниже.

Таблица 4

Землепользование и посевы в среднем по ТССР и в колхозах (данные ЦСУ на 1/V 1928 г.)

№№ по порядку	Районы	Среднее землеобесп. в районах на 1 хоз. га	Фактическ. землеполь. в колхозах на 1 хоз. га	% недосева в колхозах	Индивид. посевы колхозников в %%% к обобществ. земле
1	Ашхабадский	0,93	0,78	10	64
2	Каахкинский	2,20	0,91	—	22
3	Тедженский	3,20	4,35	—	—
4	Мервский	2,36	4,45	52	—
5	б. Алийский	4,10	0,87	—	78
6	Керкинский	1,03	2,57	68	17
7	Чаршангин	0,88	4,71	69	7
8	Саят и Карабек	1,87	2,53	31	4
9	Фарабский	2,10	5,14	71	—
10	Ташаузский	3,30	20,10	77	3
11	Куня-Ургенч	1,70	4,45	62	—
12	Порсинский	2,53	5,27	61	—

Даже при беглом взгляде на последнюю таблицу бросается в глаза полное соответствие между размерами обобществленной земли и процентом недосева: последний тем выше, чем больше приходится земли из расчета на 1 хозяйство.

Зажиточных хозяйств в колхозах почти нет, поэтому повышенная против средней земельная площадь может быть об'яснена только дополнительным наделением. Однако, для нас не ясно, за счет каких земель могло произойти такое наделение при отсутствии свободных поливных земель в республике, как об этом согласно говорят данные УВХ и НКЗема. Далее, доклад НКЗ о колхозстроительстве определенно указывает на замедление его роста из-за неземлеустроенности, обследования же рабоче-дехканской инспекции подтверждают, что землеустройством да и то неполным охвачено едва 20% колхозов. Каким же образом без землеустройства колхозам удалось получить столь большие площади? Совершенно непонятно.

При расчетах проектируемого крупного ирригационного строительства оптимальным наделом принимается на 1 хозяйство 3 *га* с возможным повышением в отдельных случаях до 4 *га*. Между тем, из табл. 4 видно, что наделение произведено из расчета более высокой нормы. Такое повышенное наделение явилось главным моментом для привлечения в колхозы.

Табл. 2 показывает нам, что 64 колхоза получили 202,5 тыс. руб. производственных кредитов; стоимость же имеющихся у них всех обобществленных средств производства составляет только 143,6 тыс. руб. Следовательно, около 60 тыс. руб. или проедены или пошли в частный сектор и возможно на поддержку тех зажиточных и крепких хозяйств, которые поспешили заблаговременно примазаться к колхозному движению.

Возможность проедания кредитов вполне допустима при большом числе вошедших в колхозы батраков. Они ведь пришли в колхоз без всяких

запасов, и прожить до урожая с наделенной землей могли только за счет пособия, кредитного.

К тому же выводу можно притти, если обратим внимание на средний размер кредита. Фактическая посевная площадь в колхозах 1.343 *га*, выдано 202,5 тыс. руб., или по 150 руб. на гектар и это только на производство и без учета тех сумм, которые получены некоторыми хозяйствами до вступления в колхоз. Между тем, по союзным данным, полная инвентаризация и землеустройство одного гектара колхозной площади обходятся около 60 руб.

Громадная площадь недосева несомненно об'ясняется тем, что колхозникам были не под силу данные им наделы, что их труд не был организован и у м е л о вооружен. Об'яснить же недосев недостатком средств производства никак нельзя. Вот примеры. Ташаузские колхозы (п.п. 10, 11 и 12 табл. 4) недосеяли более $^2/_3$ своей земли, а в их распоряжении имелся 1 трактор, 11 плугов, местные омачи и плуги, 42 лошади, 3 верблюда, 97 быков. Колхозы получили 20,9 тыс. руб. ссуды, а стоимость средств производства только 11 тыс. руб. (53% от ссуды).

Чаршангинские колхозы (п. 7 табл. 4). Недосев 64%, обеспеченность средствами производства — 43 плуга и борон, 47 омачей и мал, 76 голов рабскота; все это оценивается в 10.700 руб. при ссуде в 22.300 руб.

Наконец, фарабские колхозы, имея свыше 5 *га* на хозяйство (против среднего надела по району в 2 *га*), недосеяли 71%! Стоимость средств производства у них 5.700 руб., или только 34% от полученной ссуды. Они получили ссуды по 200 руб. на 1 *га*, имели трактор и 9 плугов, а посеяли всего 42 *га*!

Таким образом, можно констатировать, что в первый период образования колхозов ни наделение землею, ни раздача кредитов не соответствовали производственным возможностям возникающих об'единений. Давали кредиты лишь бы создать колхозы и не отстать от среднего процента обобществления.

Насколько скороспелой и непродуманной была работа по организации, видно также из того, что не обратили внимания на правильное вооружение, механизирование колхозов. Обобществляли даже сохи и деревянные бороны (омач и мала). При наличии 16 тракторов поголовье рабскота должно быть в колхозах снижено по крайней мере в три раза (имеется 445 голов), потому, что шестнадцатью тракторами при сколько-нибудь правильной нагрузке следовало обработать все 1.343 *га* посевной площади и рабскоту остались бы только дополнительные работы (окучка, транспортирование). Между тем, работа не была налажена как следует и в результате колхозы оказались почти без пользовательного скота — коров приходится всего по 0,01 головы на хозяйство, а овец — по 3,7 головы.

Отсутствие организации труда является тем большим упущением, что состав семей колхозников значительно ниже среднего по республике. Так, в 64 колхозах при 947 семьях насчитывается всего 3.739 душ, или по 3,9 души на хозяйство, тогда как в земледельческих хозяйствах средний состав 4,9 души (см. ЦСУ ТССР, сборник № 12). Это обстоятельство наводит нас также на мысль, что в колхозы иногда входили не хозяйства, как таковые, а отдельные члены двора (сыновья, братья главы семьи) в расчете: «если здесь сорвется, то вернемся назад». Вследствие такого отношения вполне понятно, что вступающие н и ч е г о н е в н о с и л и с в о е г о, а обобществляли «получаемый кредит».

Обращаясь к распределению посевной площади по отдельным культурам (см. табл. 3), мы не находим особых достижений в развитии товарных культур в колхозах.

Если процентировать только фактически засеянную площадь, то оказывается, что хлопка было (в процентах): 59,1; люцерны 6,1; огородов и бахчей 3,8; масличн. 8,4; зерновых 22,6. На первый взгляд распределение очень хорошее, хлопка почти 60%, только слишком мало люцерны — всего $^1/_{10}$ от хлопка. Но эта благоприятная картина резко меняется, если более детально рассмотрим величину хлопкового клина в колхозах по отдельным округам. Оказывается, по Ашхабаду хлопка целых 86,5% — цифра совершенно невероятная, так как в этом округе средний процент хлопка только 26,2%, достигая даже к концу пятилетия, в соответствии с водными возможности, только 31,8%.

В чем же здесь дело? Об'ясняется все просто — в том же Ашхабаде колхозники имеют 64% собственных посевов (190 *га* против 103 *га* обобществленных!); ясно, что на своей земле посеяны зерновые, а в колхозы «записали» хлопчатник, так как он наиболее льготится по сельхозналогу. Нечто подобное наблюдаем и по Мерву. Здесь колхозники имеют хлопковой клин в 71%, что для Мургабского бассейна является абсолютно недопустимым; процент этот не может быть выше 50—55%, он в действительности таков и будет, если опять таки принять во внимание «собственные», главным образом, зерновые посевы колхозников (22% к обобществленным посевам).

Поэтому при вычислении процентажа правильнее считать всю площадь, включая и недосев. Не засевали худшие, нехлопковые земли, так что, при освоении всей площади, пустующие теперь площади были бы заняты зерновыми, а распределение культур явилось бы близким к средним вообще по республике с обычным хлопковым клином. Таким образом, пока о высокой товарности обследованных 64 колхозов говорить нельзя.

Недостатком и весьма существенным являются также мелкие размеры колхозов. По Аму-Дарье их состав определяется всего в 11—12 членов. С таким колхозом много не «намеханизируешь»; крайне затруднено также агротехническое обслуживание и нельзя поставить счетоводство, за невозможностью иметь платного работника.

Вопрос об укрупнении поставлен теперь в порядке дня, это признано и колхозным с'ездом. Укрупнение должно пойти как по линии слияния мелких колхозов, так и привлечения новых членов.

Вместе с тем, должно быть обращено особенное внимание на обобществление уже имеющихся средств производства и изжитие основного нездорового явления — «об'единения кредита».

Несомненно, что при энергичной работе организаторов и советской общественности обнаруженные недостатки удастся изжить. Перспективы же для развертывания колхозного движения в ТССР большие. Взять хотя бы мелиоративные товарищества, организуемые для получения новых поливных земель. Необходимо с самого момента образования такого товарищества обусловить переход его, после окончания ирригационного строительства, в колхоз, внеся соответствующий пункт в устав мелиоративного товарищества. И только при таком добавлении открывать кредиты на строительство и производить изыскания.

Точно также и при проектировке ирригационного строительства необходимо предусмотреть полное преобразование старых земельно-водных отношений. Там, где приросты новых земель будут столь значительны, что дехканство получит двойные и тройные наделы, процент коллективизации должен быть максимальным, достигая может быть и 100%. Во всяком случае, с т о п р о ц е н т н о е в х о ж д е н и е в к о л х о з ы д о л ж н о б ы т ь в о в с е х т е х с л у ч а я х, к о г д а н а м е ч а е т с я п е р е с е л е н и е н а н о в ы е з е м л и, и л и ж е б у д у т н а д е л я т ь с я п о л н ы м и н а д е-

лами батраки. Здесь ни о каком отступлении от 100% и речи быть не должно.

Имея в виду, что крупное ирригационное строительство по Аму-Дарье будет весьма значительно, необходимо сосредоточить здесь заранее внимание, подготовив кадры для организационной работы.

Вообще сейчас же следует уделить максимум внимания вопросу кадров и уже начиная с аульных школ повести подготовку колхозников. Также должно быть полностью использовано учительство, избачи, низший советский аппарат. Везде необходимо начать с районных курсов и довести до центральных с переподготовкою низовых работников специально по коллективизации. Надо помнить, что без кадров из коренного населения нам не удастся осуществить повышенную программу колхозстроительства.

Самым больным и трудным местом всюду будет организация труда. Европейцам одними речами ничего не сделать; необходимо найти организаторов среди самого коллективизируемого населения. Колхоз не может оплачивать, например, наемного тракториста или счетовода и пр.; всех квалифицированных рабочих надо готовить уже сейчас, и только в таком случае мы снизим расходы на сел.-хоз. производство до минимума.

При мелких наделах, даже при значительном повышении урожайности, не удастся сильно повысить благосостояние колхозников. Требуется форсированное развитие подсобных отраслей (шелководство, ковроделие, молочное дело, первичная переработка прочего сел.-хоз. сырья). Все эти отрасли в первую очередь требуют квалифицированных рабочих обязательно из членов колхоза.

Нельзя также ограничиваться теперешним ничтожным агротехническим аппаратом Колхозцентра; сеть агрономов, зоотехников и инструкторов следует в ближайшее же время развернуть полностью. Через нее мы сможем подготовить кадры и из коренного населения.

Вооружив колхозников знаниями, подкрепляя все время инструктажем и агропомощью, несомненно быстро добьемся повышения продукции по всем отраслям сельского хозяйства.

Взять хотя бы одно шелководство. Каких успехов в ТССР добились за 4 года, даже в условиях индивидуального хозяйства: выход продукции с 1 коробки грены увеличился более, чем на 30%, но он может еще возрасти на 50%! Для этого совсем не требуется чуда, а только хорошая грена, умелая выкормка и подходящее помещение.

Индивидуальное хозяйство не сможет затратить средств на постройку и оборудование особого помещения, тогда как колхоз в состоянии это сделать.

При овощном, молочном и яичном голоде в Туркмении — для колхозов в этой области также открываются самые соблазнительные перспективы.

Работа колхозов должна итти не только в сторону организации производства, но также и сбыта продукции. Последнее может оказаться слабым местом, но при помощи потребительской кооперации можно сильно развить сбыт дефицитной продукции.

Сейчас в колхозном деле замечена масса отрицательных моментов, но здоровые ростки прут снизу; дехканство зашевелилось: раскачали «посулы», расширяется оздоровленное движение; чистка колхозных рядов также сделала свое дело.

За полгода количество колхозов возросло с 64 до 103, при чем увеличилось и число членов на один колхоз; часть колхозов перешла на устав артелей; возникло новых 50 машинных товариществ. Увеличивается прилив партийцев и комсомольцев. Состав правлений значительно улучшился и социально и по культурному уровню. Руководящий республиканский центр также полностью обновлен.

Эти показатели при все возрастающей активности дехканства и усилении руководства центральных органов позволяют надеяться на полное изменение прежнего направления в колхозном движении. 1928/29 г. должен явиться в этом отношении переломным.

В последующие годы колхозное строительство должно получить значительное развитие, особенно в районах, где ожидается расширение удобных земель за счет ирригационных работ. Увеличение поливных земель подчас составляет 50 и больше процентов по отношению в существующей площади, вследствие чего является возможным не только наделить местное население до оптимальной нормы, но и переселить на новые земли безземельных и бедняков из соседних районов.

Имея в виду, что крупные ирригационные работы производятся почти на 100% за счет государства, последнее имеет право и обязано пред'явить к засельщикам новых земель такие требования, которыми была бы обеспечена в полной мере реконструкция сел.-хоз. производства.

В дальнейшем недопустимо «разбазаривание» получаемого прироста поливных земель; использовать последние следует путем организации крупных коллективных хозяйств. Так, если в настоящее время колхозы в среднем имеют только по 40—50 *га* удобной земли при желательной норме в 100—120 *га*, то для районов нового орошения размер колхоза можно определить в 300—400 *га* поливной земли с соответствующим, понятно, увеличением числа входящих в колхоз хозяйств. Вместе с тем, придется предусмотреть и кустование более мелких колхозов в целях повышения рационального использования тракторов.

По левому берегу р. Аму-Дарьи можно использовать таким образом не менее 12 тыс. *га*, устроив на них 30—40 укрупненных колхозов с 4.000 хозяйств. Еще больших успехов можно добиться в аулах по р. Теджену, где засеваются на 80% зерновые культуры; здесь совместная обработка трактором сравнительно легко доступна и можно ожидать организации тоже до 3.000 хозяйств с 12 тыс. *га*.

Значительно труднее организация укрупненных колхозов в основном хлопководческом районе по р. Мургабу, где имеется большой процент хлопка в типично-середняцких хозяйствах; сорганизовать из них большой колхоз не так-то легко. Такое же положение и в районах по правому берегу реки Аму-Дарьи, где ирригационное строительство в течение пятилетки почти не развивается и больших массивов вновь орошенных земель не ожидается. Малоземелье по Копет-Дагу и разбросанность аулов также являются препятствием к охвату колхозами больших групп населения. Насколько здесь дробны и мелки владения, показывает следующее: в план землеустройства на 1928/29 г. по Кара-Калинскому району внесено устройство 78 аулов на площади менее 5.000 *га*! Таким образом, в это пятилетие в большинстве районов предрешается организация сравнительно мелких колхозов, для которых уже 100-гектарная площадь явится достижением. Учитывая это обстоятельство, перспективным планом намечается довести число хозяйств, об'единенных в товарищества по совместной обработке и в сель-хоз. артели до 25 тыс., что составит около 15% всех земледельческих хозяйств республики. Число же об'единений достигнет примерно 700; из них укрупненных должно быть около 70 с 7.000 членов и остальные 630 с 18.000 членов (из расчета по 25—30 на об'единение). Укрупненные колхозы удастся устроить на примерно оптимальном наделе, т.-е. из расчета по 3—4 *га* на хозяйство; тогда как в остальных колхозах из-за недостатка свободных земель едва ли удастся перейти за средне-республиканскую норму в 2½ *га* на хозяйство. Упоминаемые нами нормы касаются поливных зе-

мель, так как на богарных участках, вследствие неустойчивости там урожаев, строить колхозы в это пятилетие еще не предполагается. При указанной норме, в конце пятилетия, колхозы ТССР будут располагать фондом поливных земель примерно в 67 тыс. *га*, или 16% всех поливных земель Туркмении.

Кроме колхозов, значительное развитие должны получить простейшие коллективные формы, а именно машинные и машинотракторные т-ва, которых за один год организовано до сотни. Вполне реально предположение, что в 1932/33 г. в простейшие об'единения будет вовлечено до 15—18 тыс. хозяйств, или 9—10% всех хозяйств. Эти об'единения, считая по средне-республиканской землеобеспеченности, будут иметь около 35—43 тыс. *га*. Всего, таким образом, в обобществленном секторе (без совхозов) будет 102—110 тыс. *га*, или свыше 25% всех удобных поливных земель.

Имея в виду, что в колхозах будут применяться комплексные мероприятия по поднятию урожайности, а в простейших об'единениях большую роль в этом направлении сыграют сел.-хоз. машины (главным образом, трактор и хлопковая сеялка с культиватором), то безусловно следует ждать большего, чем в индивидуальных хозяйствах повышения урожайности. Если средний по республике урожай хлопчатника достигнет 13,0 центнера с 1 *га*, то в колхозах он должен быть 14,0—14,5 центнера, а в машинных товариществах 13,5 центнера. Вместе с тем, и процент хлопкового клина для колхозов будет выше — до 50% против 39% среднего по республике. Введение в колхозы тракторной обработки сильно сократит потребность в лошадях и волах, а за счет их сокращения представится возможным расширить поголовье пользовательного скота — коров и овец, а также домашней птицы. Принимается в среднем, что при наличии в 1932/33 году 1 коровы и 20 овец на одно хозяйство удастся примерно половину этого скота обобществить.

С развитием в довольно значительных размерах с.-х. индустриализации, — подсобные отрасли в колхозах — ковроделие, шелководство, шелкоткачество, переработка животного сырья должны получить особо сильное развитие, потому что большинство кредитов направляется в обобществленный сектор.

Большой процент хлопка, его повышенная урожайность, а также повышение качества и количества пользовательного скота дадут увеличение продукции колхозов по сравнению с единоличными хозяйствами. Так, при 25% обобществленных хозяйств они дадут до 30% всей продукции, при чем валовая доходность, падающая на 1 хозяйство, входящее в колхоз, должна составить от 800 до 900 руб., тогда как средне-республиканская валовая доходность одного хозяйства в 1932/33 г. достигнет 700 руб. Однако, не одна только валовая доходность от продукции будет в колхозах больше, но и товарная часть в обобществленном секторе предполагается в значительно больших размерах по сравнению с единоличниками, так как и по хлопку и по животноводству в колхозах выхода будут выше и тем усилится отчуждаемая часть продукции.

В общем, если товарная часть продукции сельского хозяйства составит по всей Туркмении 42,2%, то в колхозах она будет 77,0%.

В настоящее время в неделимом капитале колхозов на 1 мая 1928 г. насчитывается менее 150 тыс. руб., тогда как в конце пятилетия капиталы должны составить до 15,0 млн. руб., из коих около 8,0 млн. руб. образуются за счет внутрихозяйственного накопления и 7,0 млн. руб. от займов. В среднем на 1 хозяйство, об'единенное в колхоз, придется около 600 руб. обобществленного капитала против 150 руб., имеющихся теперь. Если к концу 1927/28 г. каждый колхозник обобществлял 30—40% своего капитала, то в 1932/33 г. положение резко изменится и обобществление достигнет 75%.

Вследствие развития подсобных отраслей, значительная часть продукции колхозов подвергнется переработке на месте. Так, из всей продукции колхозов в сумме 22 млн. руб., около 14 млн. руб. падает на хлопок, а из остальных 8 млн. руб. — на 2 млн. руб. переработается на собственных предприятиях об'единений.

Следует также отметить, что, помимо повышения благосостояния и культурного уровня своих членов, колхозы окажут сильное влияние и на окружающее их население аулов. Помощь будет оказана, главным образом, по линии агротехнического обслуживания и постепенной ликвидации агрономической безграмотности.

Агрикультурную деятельность колхозов на последний год пятилетки можно охарактеризовать такими цифрами. В колхозах будет сосредоточено до 100 случных пунктов с 300 производителей; ежегодный отпуск племенного скота составит 500 голов крупного и до 10 тыс. мелкого. При колхозах будет действовать до 50 зерноочистительных пунктов с пропуском ежегодно, кроме зерна колхозов, еще до 2.500 тонн посевного материала для прочего аульного населения; последнему же тракторами колхозов будет запахано 30—40 тыс. *га*, т.-е. не менее 12—15% площади, остающейся у индивидуальных хозяйств.

Несомненно, что эти мероприятия колхозников окажут сильнейшее воздействие на остальную массу населения, подготовив этим почву для широкой коллективизации в последующее пятилетие.

А. П. Яхонтов

Колонизационное значение Томско-Енисейской железной дороги

(Промышленный комбинат)

Всякое переселение в современных условиях заключается в рационально-плановой комбинации мер экономической политики, землеустройства, мелиорации и дорожного строительства. Наши переселенческие мероприятия уже вступают на «зеленый ковер» сибирских лесов, идут в дальневосточные дебри, в медленно орошаемую средне-азиатскую пустыню. Здесь решающую роль будут играть вопросы дорожного строительства и, в частности, парового транспорта. Без него нет никаких оснований думать об эксплоатации сельскохозяйственных площадей, недр, вод и лесов и о заселении края в наиболее отдаленных его частях. Поэтому невольно приходится обратить особое внимание на американскую систему железнодорожной колонизации, при которой железная дорога не только идет вглубь, но и ведет за собой колонизацию, сама мелиорирует землю, отводя ее колонистам и устраивая их быт на новых землях.

Опыт Соед. Штатов, Аргентины и Канады достаточно свидетельствует о том, что колонизация через железную дорогу есть наилучший и наиболее экономный способ. Вот, например, какие результаты достигнуты Канадой, проводившей колонизацию по этому методу. Проводили его главнейшие железнные дороги: Общество Канадской Тихоокеанской железной дороги и Общество Канадской Северной железной дороги. В области одного голько земледелия за 15 лет, с 1901 по 1916 год, достигнуто то, что урожай Канады, ценностью в 200 млн. долл., возрос до 850 млн. долл. Общество Канадской Тихоокеанской железной дороги получило для своей колонизационной работы 12,5 млн. *га* земли, а Общество Канадской Северной железной дороги—4,6 млн. *га*. Оба общества, размежевав свои земли на отдельные участки, продают их переселенцам с совершенно готовыми фермами, хозяйственными постройками и орудиями с рассрочкой на 20 лет из 6% годовых. За 30 лет, с 1885 г. по 1915 г., из 12,5 млн. *га* общество Канадской Тихоокеанской железной дороги продало 8,7 миллионов гектаров земли, колонизовав таким образом $^3/_4$ земель, расположенных в 100-километровой полосе вдоль железной дороги. Не ограничиваясь этим, общество производит мелиоративные работы, обслуживает колонистов почтой, телеграфом и проч.

При своей колонизации дорога применяет особую форму земельного законодательства для колонистов, называемую «гом-стэд». Сущность «гом-стэда» состоит, во-первых, в особом праве всякого гражданина на приобретение в личное пользование участка из фонда государственных свободных земель, а во-вторых, в целой системе мероприятий, направленных к сохранению этих участков в руках мелких владельцев, как-то: освобождение от налогов на первые годы, запрещение дробления, продажи и прочее.

По этому методу канадских железных дорог с внесением в него коррективов в соответствии с правовыми и природными условиями была проделена работа в течение пяти лет Мурманской железной дорогой. Об'ектом ее деятельности является Карело-Мурманский край. В отличие от канадской практики, Мурманская дорога не получила никакого оборотного капитала. Ей представлена была на определенных условиях лишь лесная территория в 3,3 млн. *га*, эксплоатируемая к моменту передачи ее дороге всего в размере 20%. В пределах этой территории Мурманской дороге предоставлено право эксплоатации лесов, недр, воды и других природных богатств. Из положения о колонизации Карело-Мурманского края, утвержденного Советом Труда и Обороны 25 мая 1923 г., видно, что на дорогу была возложена обязанность, путем экономических группировок и разнообразных мероприятий, организации в крае возможных промышленных предприятий путем их комбинирования с хозяйством самой дороги. Это создавало для самой дороги грузооборот, пробуждало край к промышленно-культурной жизни и вело к его заселению. Из всего этого вытекало неизбежное следствие—превращение Мурманской дороги в транспортно-промышленно-переселенческий комбинат. Такой комбинат и был создан в составе следующих звеньев: а) дороги, как транспортного предприятия; б) желлеса — отдела ведущего лесопромышленную работу; в) желрыбы — предприятия ведущего рыбопромышленную работу и снабжающего продовольствием другие отделы дороги; г) желсиликата — предприятия, ведущего добычу и обработку ископаемых и кирпичное производство; д) технического отдела, ведущего все работы по обслуживанию строительством дороги и ее предприятий; е) колонизационного отдела, выполняющего колонизационно-переселенческие функции и ж) Мурманского порта, находящегося еще в стадии постройки и являющегося большим потребителем строительных материлов желлеса.[1]

Вторым опытом применения канадского метода железнодорожной колонизации должна явиться намечаемая к постройке в наступающем пятилетии Томско-Енисейская железная дорога.

Эта железная дорога при своем окончании вовлечет в сферу своего влияния следующие административные районы: по Томскому округу — Ишимский, Зыряновский, Зачулымский, Коларовский, Мало-песчанский и Томский; по Ачинскому округу — Бириллюсский и Тюхтенский; по Красноярскому округу — Енисейский, Казачинский и Пировский; по Канскому округу — Приангарский и Тасеевский.

Начало постройки этой железной дороги НКПС намечает 1930 г. Длина ее 437 *км*. По годам ассигнования на постройку распределяются так: 1930 г. — 8 млн. руб., 1931 г. — 12 млн. руб., 1932 г. — 16 млн. руб. и 1933 г. 12 млн. руб., а всего 48 млн. руб. Первым годом эксплоатации намечен 1933 г., когда грузооборот ожидается 418,5 тыс. тонн. К этому же году определяется зона обслуживания с населением в 383.500 человек.

Территорию обслуживания железной дороги можно разбить на три части: 1) колонизационные районы, малообжитые и необжитые, которые непосредственно пересекаются трассой железной дороги; 2) колонизационные районы, тяготеющие к железной дороге и начатые заселением ранее постройки железной дороги 3) колонизационные районы, тяготеющие к железной дороге, которые начнут заселяться только после ее проведения.

К первой группе можно отнести: Улу-Юльский колонизационный район, расположенный по р. Улу-Юл; Чичка-Юльско-Чулымский, расположенный между р.р. Чичка-Юл и Чулым; Причулымский

[1] Итоги этой интересной деятельности Мурманской железной дороги можно найти в томе IX трудов Государственного научно-исследовательского института землеустройства и переселения, к которому мы и отсылаем интересующихся этим вопросом.

по среднему течению р. Чулыма; Кетьско-Сочурский, расположенный по верховьях рек Кеть и Сочур, а на северо-востоке по Енисею. Общая площадь этого массива равняется 77.031 *кв. км*, считая в том числе и лесные дачи и неудобные земли.

Весь этот массив входит полностью в состав Западно-Сибирской низменности. Местность носит равнинный характер со слабо выраженным рельефом. Равнинность нарушается только в приречных частях, где рельеф местности принимает характер увалистый. Высота над уровнем моря колеблется от 112 до 200 метров.

Климат этого района резко континентальный. Преобладающими почвами в массиве являются суглинки различной степени оподзоленности до подзолов включительно. Встречаются и болотно-подзолистые почвы. Лучшие почвы расположены на увалистых местах. Заболоченность колеблется от 10 до 20% в западной части и от 30 до 40% в восточной части массива. Залесенность достигает 70 — 80%. Основными насаждениями являются пихта, ель, кедр, сосна; по старым гарям—березняки. Гарей от 30% в западной части до 2% — в восточной части массива.

Население района исчисляется в размере 30.830 человек. Распределяется оно довольно неравномерно. Наиболее густо заселен Чичка-Юльско-Чулымский район, который насчитывает 16.310 человек и имеет плотность 1,96 человека на 1 кв. километр. Следующим районом по абсолютным размерам и плотности является самый восточный — Кетьско-Сочурский (Приенисейский). Он имеет 10.944 чел. населения и 0,3 чел. плотность. Затем идет Причулымский: в нем 3.324 человека населения, 0,2 чел. плотность. И наконец, Улу-Юльский с 242 чел. населения и 0,03 чел. плотности на 1 кв. километр. Таким образом, средне-географическую плотность всего массива можно считать в 0,4 чел. на 1 кв. километр.

Тип существующего хозяйства — промыслово-земледельческий и промыслово-скотоводческо-земледельческий. Данные весеннего опроса (1928 г.) Сибстатуправления говорят о том, что площадь посева в этом массиве колеблется от 2,12 до 2,5 *га* на хозяйство. Наличие всего скота на 100 *га* посева — от 552 до 662 голов, а коров — от 84 до 88. Лесные пространства дают возможность иметь постоянные внеземледельческие заработки. Бюджетные обследования определяют их размер в среднем в 203 руб. на хозяйство, при чем в денежном балансе удельный вес промыслов определяется в размере 49,7%. В общем, валовая продуктивность хозяйства может быть определена в 750 — 900 руб. Товарный же остаток, в виде зернопродукта, льна, масла, мяса, кедрового ореха, продукции охоты и рыболовства, можно исчислять в 100 — 300 рублей.

Что же касается обычного переселенческого хозяйства, то мы возьмем данные обследования Красноярской переселенческой партии. В первые два года своего существования оно характеризуется следующими данными:

Площадь посева	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы	Свиньи	На сумму (руб.)
	всего	раб.	всего	коров			
0,53	0,91	0,82	1,88	0,91	0,82	0,72	103,30
Хозяйство с преобладающим значением промыслов и животноводства имеет:							
2,5	2,31	1,61	3,21	1,7	0,25	2,88	300,60

Некоторое отступление от этих показателей дает Чичка-Юльско-Чулымский район, в котором, при общем понижении количества крупного рогатого скота, повышается коровность хозяйства.

К второй группе можно отнести Центральный Томский колонизационный район с площадью в 44.897 *кв. км*, населением в 346.608 душ и плотностью в 7,72 чел, на 1 кв. километр; Мариинско-Чебулинский — площадь его равняется 18.586 *кв. км*, с населением в 153.292 человека и плотностью в 8,25 чел. на 1 кв. километр; Четско-Чулымский с площадью в 8.272 *кв. км*, населением в 45.137 чел. и плотностью в 5.5 чел. на 1 кв. километр; Кемчугский с площадью 14.670 *кв км*, населением 47.524 чел. и плотностью в 3,2 чел. на 1кв. километр; Кемско-Кетьский с площадью 16.748 *кв. км*, населением в 42.118 чел. и плотностью на 1 кв. километр в 2,5 чел. Для этой группы колонизационных районов мы не будем здесь приводить даже краткой характеристики естественных условий, а ограничимся только описанием существующих крестьянских хозяйств.

Тип хозяйства по Центрально-Томскому и Мариинско-Чебулинскому районам — замледельческо-скотоводческий. По данным 10% переписи, хозяйства района имеют среднюю площадь посева 3,24 *га*. Средняя обеспеченность капиталами видна из такой таблицы:

Лошади		Крупный рог. скот		Овцы	Свиньи	На сумму (руб.)	Инвентарь и постройки (руб.)	Всего капитала (руб.)
всего	раб.	всего	коров					
2,05	1,33	4,23	1,96	10,04	3,14	270,90	275,90	546,80

Валовой доход от сельского хозяйства определяется в 500 руб. и текущие расходы на сельское хозяйство в 272,8 руб. Условно-чистый доход от сельского хозяйства определяется в 227,2 руб. Продажа продуктов сельского хозяйства дает хозяйству 96,8 руб; покупка их и скота — 27,9 руб. Таким образом, товарность сельского хозяйства определяется цифрой 68,9 руб.

По данным обследования Томской переселенческой партии, переселенческое хозяйство на второй год своего существования имеет такие показатели роста:

Площадь посева	Лошади		Крупный рог. скот		Овцы	Свиньи	На сумму (руб.)	Инвентарь и постройки (руб.)	Всего капитала (руб.)
	всего	рабоч.	всего	коров					
1,9	1,3	1,0	3,0	1,6	0,6	1,7	188,70	185,30	374,00

По Кемчугскому району тип хозяйства земледельческо-животноводческо-промысловый. Обследованием Красноярской переселенческой партии выявлено, что хозяйства в первый год имеют следующее обеспечение:

Площадь посева	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы	Свиньи
	всего	раб.	всего	коров		
1,1	2,85	2,24	2,24	1,56	6,28	2,08

Среднее крестьянское хозяйство района, по данным 10% переписи, имеет площадь посева 3,28 *га* при следующем обеспечении капиталами.

Площадь посева	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы.	Свиньи
	всего	раб.	всего	коров		
1,1	1,35	1,15	1,54	1,04	1,52	0,8

По данным бюджетных обследований статорганов валовой доход такого хозяйства составляет 364,7 руб., при величине всех текущих затрат на сельское хозяйство в 210,3 руб. Товарный остаток продуктов сельского хозяйства составляет 65 руб., при чем полеводство является дефицитным. Доходность от внеземледельческих заработков бюджетными обследованиями устанавливается в смежных таежных районах Казачинского и Пировского в сумме 135 руб.

Характеристика же сторожильческих и переселенческих хозяйств Кемско-Кетьского района может быть приравнена к хозяйствам первой группы, т.-е. района, непосредственно примыкающего к полосе Томско-Енисейской железной дороги.

Наконец, к третьей группе колонизационных фондов, которые будут вскрыты Томско-Енисейской железной дорогой следует отнести: Приангарский колонизационный район и Золотоприисковый, которые расположены по правому побережью р.р. Ангары и Енисея, а также по ним протекают р.р. Большой Пит, Малый Пит и Каменка. Общая площадь этого массива равняется 33.108,8 *кв. км*, считая в том числе и лесные площади и неудобные земли.

Тип хозяйства в этих двух районах промыслово-скотоводческо-земледельческий. Имеющиеся данные об этих районах не позволяют дать исчерпывающих перспектив относительно развития земледелия. Наличие же лесов открывает широкие, промысловые перспективы.

Постройка Томско-Енисейской железной дороги преследует такие цели: колонизация района, развитие лесопромышленности и связь с Северным морским путем.

В отношении колонизационных фондов Томско-Енисейская железная дорога вскрывает 11 млн. *га* земельного фонда. Из этих 11 млн. *га* можно выделить колонизационный фонд емкостью в 761.210 душевых долей. Иными словами, население этого района увеличивается в 20 — 25 раз. Такое заселение района, естественно, будет продолжаться не один десяток лет. Мы здесь остановимся на колонизационных мероприятиях двух пятилетий. Об'ем заселения в пятилетие 1928/29 — 1932/33 г.г. мы определяем в 43.400 человек и во второе пятилетие 1933/34 — 1937/38 гг. — в 126.600 человек. В первое пятилетие будет итти постройка самой дороги, и заселение этого массива по годам и районам будет таковым: (си. табл. А и Б на след. стр.)

Во втором пятилетии заселение районов непосредственного влияния Томско-Енисейской железной дороги, по годам, будет таковым: 1934 г.— 22.000 чел., 1935 г. — 23.700 чел., 1936 г. — 25.000 чел., 1937 г. — 27.400 чел., 1938 г. — 28.500 чел. Таким образом, за десять лет в район будет вселено 31.000 хозяйств, из которых 30% будут организованы в коллективы.

Статистико-экономические обследования переселенческих хозяйств до и после революции в таежных районах говорят о том, что полное развертывание хозяйства наступает на 6 — 7 году своего существования. Темп же развертывания коллектива в этих районах можно принять в 5 — 6 лет. При таких условиях к концу десятилетия мы будем иметь в районе развернутых хозяйств: единоличных — 4.500 и коллективов — 52 (по 30 семей в каждом). Что же касается остальных 18.200 единоличных хозяйств и 286 коллективов, то они будут находиться в различных стадиях своего развития, начиная от одного года. К этому моменту можно считать в среднем на каждую семью 4 *га* пахотной земли.

При правильном севообороте и чередовании культур: рожь, пшеница, овес, лен, конопля, картофель и проч., общая посевная площадь во всех хозяйствах единоличных будет 52.210 *га*, а в коллективных 16.120 *га*. Распределение посевной площади, валового сбора, потребления и товарного остатка по культурам дает следующая таблица:

А. Районы непосредственного влияния дороги

Название районов	Годы заселения					Итого за пятилетие
	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932 33	
Улу-Юльский	Заселения еще не будет	400	550	700	850	2.500
Чичка-Юльско-Чулымский		700	1.050	—	—	1.750
Причулымский.		—	1.050	1.400	—	2.450
Кетьско-Сочурский . .		—	—	1.400	2.300	3.700
Четско-Чулымский . .		1.400	2.400	3.000	3.000	9.800
Кемско-Кетьский . . .		1.400	4.300	6.800	8.800	21.300
Золотоприисковый. . .		—	—	400	550	950
Приангарский		—	—	400	550	950
Итого по А . .	—	3.900	9.350	14.100	16.050	43.400

Б. Районы, втягиваемые в сферу влияния уже во время постройки железной дороги.

Название районов	Годы заселения					Итого за пятилетие
	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33	
Центрально-Томский. .	7.500	4.000	5.000	5.500	5.900	27.900
Мариинско-Чебулинский	9.900	4.200	2.900	2.900	—	19.900
Кемчугский	4.600	11.600	6.500	4.900	5.800	32.400
Итого по Б .	22.000	19.800	14.400	13.300	11.700	80.200

Наименование полеводств. культур	Площадь посева (*га*)	Валовой сбор	Потребление	Товарный остаток
		(в центнерах)		
Рожь	33.891,6	338.916	465.000	4.178
Пшеница	14.212,6	130.262		
Овес	12.299,4	133.243	152.675	—
Лен (семена)	1.913,2	7.589	2.836	4.753
„ (волокно)		5.037	1.909	3.128
Конопля (семена)	1.366,6	6.149	3.694	2.455
„ (волокно)		3.961	2.169	1.792
Прочие	4.646,6	31.674	26.799	4.875
Итого	68.330,0	656.831	655.082	21.181

Животноводство в заселяемом районе тоже может дать товарную продукцию, размеры которой видны из следующей таблицы:

Названис продуктов животноводства	Валовой сбор	Потребление	Товарный остаток
	(в центнерах)		
Молоко	782.053	425.000	357.053
Мясо	29.719	26.916	2.803
Кож крупных	1.808	—	1.808
„ мелких	382	—	382
Шерсть	2.554	—	2.554
Яйца	15.361	6.800	8.561
Битая птица	8.666	4.400	4.266
Перо и пух	6.432	2.232	4.200
Бэконная свинья	1.066	—	1.066
Итого	846.041	465.348	383.693

Таким образом, товарная продукция сельского хозяйства района Томско-Енисейской дороги к концу второго пятилетия дает груза около 7.340 тонн (переведя молоко в масло) на сумму примерно 2 — 2,5 млн. руб.

Помимо этих грузов, наличие товарных остатков полеводства и животноводства, естественно, должно вызвать к жизни ряд предприятий по переработке сельскохозяйственых продуктов. Так, для переработки на муку всего зерна, предназначаемого для питания местного населения, потребуется постройка 50 мельниц; для переработки льна — 30 льно-заводов; для переработки молока на масло — 70 маслодельных заводов; для переработки обезжиренного молока (обрата) — 70 казеиновых заводов, и, наконец, для переработки шерсти в валеную обувь потребуется один пимокатный завод производительностью в 122 тыс. пар пим в год.

Затраты государства в течение десятилетия для этой части народного хозяйства района Томско-Енисейской дороги определяются в 29.027 тыс. руб., в том числе:

а) подготовка фонда для 31.000 хозяйств или для 170.000 чел., считая по 80,16 руб. на человека, — 13.627 тыс. руб.

б) ссуды на домообзаводство, считая выдачу на каждую семью переселенца по 350 руб., — 10.850 тыс. руб.

в) ссуды на общеполезные надобности, считая по 50 руб. на каждую семью переселенца, — 1.650 тыс. руб.

г) на постройку различных заводов и предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства потребуется 2.900 тыс. руб.

Обыкновенно при проведении новых железных дорог по лесистой местности (примером может служить район, прилегающий к Сибирской магистали) край наводняется лесопромышленниками, которые вырывают из леса строевой ассортимент, засоряют лесные дачи и обращают местность в море пней. Такое хищническое хозяйство нельзя ни в коем случае допускать при постройке и заселении района Томско-Енисейской железной дороги. Ведь попенные сборы с одного гектара леса могут вполне покрыть расходы по выкорчевке пней на этой площади и по превращению ее в пашню.

При проведении Томско-Енисейской железной дороги необходимо будет путем правильной административно-хозяйственной организации переселения предупредить самую возможность обращения придорожной полосы в море пней. Уже при самой подготовке фонда переселенческими партиями лес должен вырубаться и обращаться прямо в пашню или покос с утилизацией всего снятого леса в пиленый лес, древесный уголь, лесохимические продукты, писчую бумагу и т. п.

В первую очередь необходимо произвести вырубку полосы вдоль полотна железной дороги. Мы считаем, что достаточно захватить полосу в 5 *км* по обе стороны полотна. Полученная полоса будет иметь площадь земли в 4.370 *кв. км* или 437.000 *га* земли, при чем около $^1/_3$ площади занято будет болотами, требующими мелиорации, а $^2/_3$ — вполне пригодной земли для ведения сельского хозяйства.

Такое бережное отношение к лесу даст заработок переселенцу по расчистке его участка не на один десяток лет. По прошествии этого времени, вся линия железной дороги обратится в сплошную полосу культурных земель. Будет таким образом создана прочная база для более глубокого хозяйственного завоевания тайги. К этому моменту уже будут созданы и культурные форпосты для этого завоевания. Появятся новые культурные центры: по р. Улу-Юлу у заимки Мерзлякова (Улу-Юльский колонизационный район), поселок Зимовский (Чичка-Юльско-Чулымский), село Поваренкино (Четско-Чулымский), дер. Шуточкина (Кемчугский), село Ворожейка (Кетьско-Сочурский) и новый поселок при пересечении Томско-Енисейской жел. дор. с судоходной рекой Чулымом.

Однако, для такой хозяйственной постановки дела совершеннно не нужно вводить стеснительных для переселенцев и их об'единения (колхозы) правил и ограничений. Необходимо только одновременно с расчисткой лесных участков построить лесопильные заводы, углевыжигательные, спирто-порошковые, смоло-скипидарные, пихто-масленные и другие предпри-

ятия по переработке как механической, так и химической лесных продуктов. При таком положении переселенцы не станут пускать по лесу палов, а начнут систематически расчищать свой участок и обращать его в пашни и покосы.

Вырубка только полосы леса вдоль полотна железной дороги дает значительное количество лесных продуктов. Каждые 10 *кв. км.* леса дадут около 194.250 куб. метров древесины. Следовательно, на протяжении всей линии мы будем иметь общий запас древесной массы в 85.000.000 куб. метров (84.879.410). Наличие свободных рабочих рук среди переселенцев и привлечение в первые годы населения на заработки из ближайших районов (Центрально-Томского, Мариинско-Чебулинского и других) позволят всю эту работу выполнить в течение 20 лет. Следовательно, в год будет заготавливаться 4.250.000 куб. метров древесины. Эта заготовка выразится в таком количестве грузов в год (в центн.):

5% пиленого леса — 212.229 *куб. м*	728.333
Древесного угля по 10 центн. на 9,7 *куб. м*	4.370.000
Лесохимических продуктов по 1,6 центн. на 9,7 *куб. м* . .	728.333
Итого . . .	5.826.666

Помимо этой разработки лесов вдоль полотна железной дороги должна начаться разработка громадных сосновых лесных массивов, расположенных на низовьях р. Ангары (Приангарский район). Возможный отпуск сосновой древесины составляет почти 29.138 тыс. куб. метров в год. Древесина может быть сплавлена по р. Ангаре и Енисею до удобного пункта (с. Маклаково) вблизи Енисейска, переработана в полуфабрикаты на лесопильном заводе и отправлена по железной дороге в пункты потребления.

Таким образом, при полной нормальной работе дороги одних лесных грузов будет свыше 15.826 тыс. центн, что при пробеге их по линии и тарифе $^1/_{100}$ коп. даст доходность 4.150.000 руб. или 9.500 руб. на один километр.

Естественно, что заселяемый район не может в течение десятилетия дать полный эффект на основе развития одной только лесной промышленности. По мере заселения будет итти развертывание и лесных промыслов. По линии лесных промыслов возможна постройка: спирто-порошковых заводов, смоло-скипидарных заводов, пихтомасленных заводов и скипидаро-канифольных заводов. По линии промышленности: переделочные спирто-ацетоновые заводы, переделочные заводы для спирта и уксусной кислоты, скипидарно-очистные заводы, лесопильные заводы и писчебумажная фабрика.

Спирто-порошковые заводы по условиям района заселения целесообразно рассчитывать на ежегодную переработку 1.000 *куб м* березовых дров. Это будет завод на 2 реторты, стоимостью в 1.400 руб. Производительность его будет (в тоннах):

Порошка древесного 62%	30
Спирта „ 40%	6
Товарного дегтя	6
Березовой смолы	10
Угля березового	100

Стоимость всей продукции определяется в 7.100 рублей. Такой спирто-порошковый завод рассчитывается на поглощение труда 20 семей, или 46 рабочих единиц в переводе на мужскую рабсилу. Наличие березовых насаждений (до 25%) как в 10-километровой полосе вдоль полотна железной дороги, так и в более отдаленных от железной дороги местах, дает возможность широко развить этот кустарный промысел среди переселенцев.

Гонка смолы обычно производится из соснового пня. 9.713 *куб. м* соснового пня среднего качества даст 1,6 центн. скипидара, 5,5 центн. смолы и 6,6 центн. угля. Постройки смоло-скипидарных заводов следует вести из расчета поглащения одним заводом рабочей силы 15 семей. Стоимость такого завода определяется нами в 800 руб., а производительность его в 5.670 руб. Этот вид кустарного промысла располагает также значительным фондом сырья, так как в лесах этого района сосновые насаждения составляют 20%.

Производительность хвойных эфирных масел также должна войти в программу развития химической промышленности. Нижеследующая таблица показывает — какое количество масла получается из 16,6 центн. хвои различных пород (в *кг*):

Пихты	41,0
Сосны	8 2
Лиственницы	3,3
Ели	4,1
Можжевельника ягодн.	8,2
„ хвойн.	2,5

Из таблицы явствует, что выгоднее всего получать эфирные масла из пихты. Для производства 0,16 центн. масла требуется от 6,6 до 8,3 центн. хвои, которая перегоняется в течение суток. Большое количество сырья, потребного для этого промысла, заставляет нас остановиться на небольших заводах с потребностью труда всего 5 семей. Производительность такого завода нами определяется в 37 центн. масла в год на сумму 2.100 руб. Стоимость такого завода определяется проф. Пехтеревым в 320 руб. Сырьевая база и здесь достаточна — пихта составляет 14% всех лесных насаждений.

Наконец, завод скипидарно-канифольный с производительностью, рассчитанной на использование живицы в количестве 1,5 тыс. в день, требует для обеспечения производительности труда 200 сборщиков и вздымщиков. Каждый из сборщиков обслуживает от 800 до 1000 деревьев и собирает за сезон до 1,5 тыс. живицы на сумму 300 руб.

Темп заселения района Томско-Енисейской железной дороги позволит к концу десятого года построить 294 спирто-порошковых завода, 331 смоло-скипидарных завода, 30 заводов по изготовлению эфирных масел и 15 заводов по скипидарно-канифольному производству.

Что же касается лесной промышленности, то наличие древесины позволяет построить лесозаводы: один 6-рамный на р. Енисее стоимостью в 2.000.000 руб., два 3-рамных на р. Кеть (с проведением к нему лесовозной железной дороги) и в районе междуречья Ула-Юла и Чичка-Юла — в 1.686.000 руб. При пересечении железной дороги с рекой Чулымом возможна постройка бумажной фабрики стоимостью около 9 млн. рублей. Снабжаться она будет сырьем из елово-пихтовых насаждений лесов, тяготеющих к р. Чулыму. Топливо — дровяное из находящихся в непосредственной близости переселенческих участков по средней стоимости 10—12 руб. за каждые 9.713 куб. метров.

Для переработки продукции кустарной лесной промышленности необходима постройка 29 заводов переделочных спирто-ацетоновых и 33 заводов скипидарно-очистных.

Таким образом, все капиталовложения по лесной промышленности и лесным промыслам будут выражаться за десятилетие в сумме 16 млн. руб., считая в том числе 447.000 руб. на рабочее жилищное строительство.

Мы не будем здесь определять размеры и стоимость всей продукции от лесной промышленности. Приведем только небольшую иллюстрацию выгодности этого дела. Постройка всех кустарных заводов будет стоить 686.000 руб., а их валовая продукция будет выражаться в 4.195.000 руб. в год.

Заграничная кон'юктура, высокое качество сибирского леса гарантируют крупный и выгодный сбыт. Постройка Томско-Енисейской железной дороги и развитие благодаря этому лесной промышленности в состоянии будут уничтожить первое затруднение и удовлетворить запросы краевых экспортеров. Второе затруднение для развития экспорта — это недостаток тоннажа для обслуживания Северного морского пути. Здесь путь только один — это увеличение шлихтерного флота по рр. Оби и Енисею.

Все переселенческие мероприятия, постройка железной дороги, развитие промышленности по переработке продуктов сельского хозяйства, усиление роста лесной промышленности, развитие лесных кустарных промыслов и постройка шлихтерного флота должны быть между собой организационно увязаны. Нами эта увязка мыслится путем создания промышленного комбината — Томско-Енисейский промышленно-транспортно-переселенческий комбинат.

Сущность этой формы комбината, взаимное сцепление его частей, функции каждой из этих частей, примерно таковы. Первым звеном этого комбината должен быть колонизационный отдел. Он ведает отведенным дороге фондом, лесоустройством и землеустройством, отводом переселенческих участков, их мелиорацией, дорожным строительством, водворением переселенцев и оказанием им содействия к их хозяйственному устройству. Работа этого отдела ведется во время постройки железной дороги на средства, отпускаемые по госбюджету на переселенческие мероприятия, на банковский кредит и 25% от попенной платы (корневой стоимости леса) за отпускаемую древесину. По окончании постройки желдороги средствами должны быть: 10% от попенной платы и банковский кредит.

Остальная часть попенной платы (75% и 90%) используется вторым звеном этого комбината — желлесом, который в период строительства железной дороги получает средства по госбюджету на постройку лесопильных заводов. В дальнейшем желлес, при помощи отделов дороги: пути тяги и движения, будет в состоянии быстро и успешно строить лесовозные ветки широкой и узкой колеи, использовать тупики для погрузочных и разгрузочных работ, производить постройки своих лесопильных заводов и деревообделочных мастерских, организовать пароходную тягу лесоматериалов на водных путях (шлихтерный флот по рр. Оби и Енисею) и прочее.

Третьим звеном комбината будет желсельхозпродукт, который в период строительства дороги получает средства из сумм, отпускаемых по госбюджету на строительство культурных центров. Материалы лесные строительные приобретаются желсельхозпродуктом от желлеса, а остальные на стороне. Это звено комбината строит паровые мельницы, маслобойные заводы, льнообделочные, казеиновые и пимокатные заводы, организует закупку у переселенцев и сбыт сельскохозяйственных продуктов, снабжает продуктами питания все остальные звенья комбината.

Четвертым звеном комбината должен явиться желхимпром, который сосредоточивает свое внимание на лесохимической кустарной и фабричной промышленности. Он широко развивает все виды химической переработки древесины, строит свои спирто-порошковые, смоло-скипидарные заводы, организует производство эфирных масел, главным образом, из пихтовой хвои, содействует созданию специальных артелей по химической переработке дерева. Это же звено организует и способствует широкому распространению кедрового промысла. Постройка первых заводов производится за счет кредитов, отпущенных для этой цели, по общей смете государства на развитие сибирской промышленности. Одним из первоочередных заданий этого звена является постройка писчебумажной фабрики.

Пятым звеном комбината будет желохота. Организация артелей охотников, снабжение их необходимыми принадлежностями, закупка, сбыт и обработка звериных шкур, создание питомников наиболее ценных пушных зверей должны составлять круг деятельности этого звена. Основным капиталом должно явиться специальное ассигнование из сумм по госбюджету на развитие охотничьего промысла Сибирского края.

Шестым и последним звеном является сама железная дорога, действующая как транспортное предприятие. Это звено перевозит все грузы, которые создаются отдельными частями комбината или требуются для их развития и существования. Средства на ее постройку отпускаются государством по специальной смете на железнодорожное строительство.

Заселение Томско-Енисейского района является поворотным этапом в переселенческом деле. Переселенческие мероприятия переходят на лесные просторы Сибири. В дальнейшем они пойдут замедленным темпом, потребуют значительных затрат государства, вызовут постройку ряда транзитных, лесных и лесовозных железных дорог, прикуют к себе внимание многих ведомств и учреждений. В то же самое время их, рентабельность для государства так велика, как обширна та территория, которая будет заселяться, и ее естественные богатства. Для финансирования этих мероприятий и их координирования при проведении целесообразно было бы сейчас же приступить к созданию акционерного общества под названием Жилколонизация, главными пайщиками которого должны стать НКПС, ВСНХ, НКЗ и Сибрайисполком.

Е. Л. Грановский. „Монополистический капитализм в России". Изд. „Прибой", Ленингр. Научно-исследов. институт марксизма. 1929 г.

Работа Е. Л. Грановского посвящена вопросу, по которому за последние годы появилось уже несколько аналогичных исследований — Ванага, Гиндина, Ронина, Гольмана и др.,— вопросу о типе и об организационной структуре дореволюционного капитализма в России. Не только тема, но и материал, привлеченный автором для выяснения этого вопроса, является в значительной степени общим для всей этой серии работ. Правда, в рецензируемой книге сильнее представлен архивный материал, заимствованный из отчетов банков и акционерных кампаний. Эта фактическая часть работы Грановского, свидетельствующая о том, что автор внимательно отнесся к задаче возможно более конкретного анализа довоенного капитализма, вызывает наименьшие сомнения. К сожалению, далеко не так обстоит дело с выводами, с историческими, а отчасти и теоретическими обобщениями автора. Е. Л. Грановский задался целью радикально пересмотреть результаты, добытые его предшественниками в области изучения довоенной экономики. Этот пересмотр идет по нескольким линиям. Первая часть работы сосредоточивает главное внимание на периодизации. Полемизируя с Ванагом, считающим, что система финансового капитала была установлена в России в период депрессии 1906—1909 гг., Грановский пытается доказать, что „вступление России в фазу финансового напитализма относится не к 1906—1910 гг., а к иному периоду"— именно 1894—1900 гг. Вторая линия пересмотра касается форм и масштабов взаимоотношений русского и иностранного капитала в области банкового дела и финансирования промышленности. Е. Л. Грановский категорически оспаривает мнение о решающем влиянии иностранного капитала в русской системе финансового капитализма, о подчинении русских банков иностранному контролю, и выставляет другой тезис — за два десятилетия, предшествовавшие революции, позиции „национального" капитала непрерывно укреплялись, финансовый капитал накануне войны играл в России в основном роль самостоятельного фактора, определявшего и экономическую эволюцию страны, и направление империалистической политики царизма. Третья группа вопросов, выдвигаемых автором—это различные детали историко-экономического хариктера: выяснение влияния экономической депрессии начала XX века на развитие форм финансового капитала (здесь автор опять-таки в противоречии с предыдущими исследованиями — подчеркивает, что эта депрессия не усилила, а ослабила связь промышленности с банками), выяснение типа этой связи на протяжении изучаемого периода, группировки банков и промышленных монополий по удельному весу в них национального и иностранного капитала и т. п. Наконец, в последней главе делается попытка связать добытые результаты с актуальными проблемами строительства социализма, взаимоотношениями СССР с капиталистическим миром, перспективами самостоятельного экономического развития и пр.

Остановимся прежде всего на той странной идее автора, согласно которой система монополистического и финансового капитализма, т.-е. новейший империализм, сложилась в России в 90-х годах прошлого столетия. Для доказательства этой мысли автору следовало бы опрокинуть гораздо более серьезные барьеры, чем утверждения Ванага, Ронина и др. 90-е годы были периодом выработки программы российской соц.-демократии, в которой центральное место занимал вопрос о судьбах и формах капитализма в России. Эта программа была окончательно принята в 1903 г. Если бы к этому времени сложилась в стране система монопольно-финансового капитализма, т.-е. „новейший этап капитализма", то неужели это прошло бы незамеченным для революционного марксизма в России? Между тем, программа 1903 г. об этом не говорит ни слова. Может быть, это об'ясняется тем, что в то время не существовало еще „Финансового Капитала" Гильфердинга? Но во-первых, финансовый капитализм существовал еще до Гильфердинга и был предметом оживленного обсуждения и исследования на Западе задолго до того, как Гильфердинг выпустил свою книгу, подводившую итоги, а не открывавшую новые эпохи. Во-вторых, не вредно вспомнить, что в 1919 г., когда на VIII с'езде партии пересматривалась партийная программа, характеристика капитализма, данная в старой программе, была признана правильной именно для того времени, к которому наш автор считает возможным применить термин финансо-

вого капитализма. VIII с'езд дополнил эту характеристику анализом империализма, но возникновение этого империализма с'езд отнес не к 90-м годам прошлого века, а к началу XX в. „Процесс концентрации и централизации капитала, уничтожая свободную конкуренцию, привел в начале XX века к созданию могучих монополистических союзов капиталистов,— синдикатов, картелей, трестов, получивших решающее значение во всей экономической жизни, к слиянию банкового капитала с промышленным капиталом“ и т. д. Наконец, у Ленина в его основной работе об империализме мы находим прямые указания насчет сроков:

„Вот основные этапы истории монополий: 1) 1860—70 гг.— высшая предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии — лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение, еще не прочны. Они — еще преходящее явление. 3) Под'ем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превращается в империализм“ (Ленин, т. XIII, стр. 251). Добавим, что и программа, и Ленин говорили о капиталистически-развитых странах. Россия, несмотря на быстрый темп промышленного развития и усвоение передовых организационных форм, несомненно позже Зап. Европы и Америки вступила в новейший этап капитализма. Против этого, надеемся, Е. Л. Грановский спорить не станет. Наши справки свидетельствуют о том, что для молодых, да и для старых авторов бывает иной раз полезно, на ряду с изучением архивных материалов, заглядывать и в популярные (и потому часто забываемые) документы. Это могло бы их избавить от труда затрачиваемого на всевозможные „открытия“. А если их уже очень одолевает жажда ниспровержения установленных взглядов и мнений, то надо по крайней мере делать это открыто, не маскируя этого полемикой против Ванага. Какую же, однако, аргументацию развивает Е. Л. Грановский в подкрепление своего сногсшибательного тезиса. Довольно жалкую. Во первых из системы монополистического капитализма наш автор исключает важнейший признак — признак монополий. Важнейшие русские монополии были, как известно, созданы в 900-х годах. В 90-х годах их не было, за исключением сахарного синдиката и еще пары второстепенных об'единений. Но для Грановского существование монополий—дело десятое. Он зарылся в банковские архивы и кроме балансов, контокоррентов, онколей и пр. для него ничего не существует. По этим балансам видно, что банки играли крупную роль в финансировании промышленности. Сращивание банков и предприятий — вот звено, уцепившись за которое, он тянет цепь трафаретных умозаключений. Раз сращивание — значит, финансовый капитал, значит финансовый капитализм, значит империализм. Следуя этому методу Е. Л. Грановский мог бы установить наличие финансового капитализма в 70-годах, в период жел.-дор. строительства, к которому были довольно близко причастны банки иностранные и русские. Эпоху финансового капитала можно было бы на Западе начинать со времен учреждения Credit mobilier, деятельности братьев Перейра и железных дорог.

За организационной формой Е. Л. Грановский не видит масштабов, и потому с легким сердцем принимает зародыши за развитые формы. Отсюда— его совершенно дикие преувеличения. Банковскую группу с основным капиталом в 29 млн., которая могла бы уместиться в жилетном кармане какого-нибудь современного банкира средней руки, он считает „мощным об'единением“. К концу 90-х годов, когда весь капитал всех банков составлял каких нибудь 180 млн., он полагает, что „русская банковская система достигла такой степени концентрации ($4^1/_2$ — 5 млн. в среднем на крупнейшие банки?), когда для нее стало возможным в широких размерах финансировать крупные концентрированные промышленные предприятия, сращиваясь с ними“. В качестве признаков сращивания автор приводит ряд таблиц, доказывающих существование личной унии между большинством крупных акционерных предприятий и банками. К сожалению, трудно определить значение приведенных материалов, поскольку автор не дает точных указаний об источниках. Но независимо от этого, личная уния сама по себе не решает дела. Во-первых, необходимо еще проследить, насколько она была длительной и прочной (непрочная связь, как указывает Ленин, не составляет характерного признака империалистической эпохи). Во вторых — для финансового капитализма характерна не личная уния банков с промышленными предприятиями вообще, а об'единение в этой форме банковских и промышленных монополий. Между тем, именно такая форма связи отсутствовала в 90-х годах, за неимением промышленных монополий. Что касается прочности связей, то сам автор указывает, что в период депрессии, наступившей в 1900 г. об'ем взаимоотношений банков и промышленности сократился и относительно и абсолютно.

О финансовом капитализме в России нельзя говорить серьезно не только по отношению к 90 м годам, но даже по отношению к периоду депрессии 1900—1908 гг. 90-е годы были эпохой создания русского промышленного капитализма, создания тяжелой индустрии. Что касается банковой системы, то настоящее ее развитие можно отнести лишь к периоду 1909 — 1914 гг. Пара цифр может служить в этом отношении достаточной иллюстрацией. За период 1894 — 1899 гг. акционерный капитал увеличился со 114 млн. до 185 млн., т.-е. примерно на 60%. С 1900 по 1905 гг. увеличение составило всего 2%, 1905 — 1910 гг. — 23%, 1910 — 1914 гг. — 203%. Рост вкладов (соответственные периоды): 100%, 40%, 55%, 100%. (В 1914 г. вклады составляли 2.542 млн. против 320 млн. в 1895 г.). Счет корреспондентов в 1895 г. составлял 101 млн., а в 1910 г.—318 млн., в 1914 г.— 1.264 млн. Этих цифр достаточно, чтобы показать, что именно последнее предвоенное десятилетие по темпу роста и по абсолютной величине мобилизуемых капиталов дает право говорить об изменении организационной структуры капитализма, о финансовом капитализме. Темпы роста промышленности при сопоставлении тех же периодов дают обратную картину. По большинству отраслей период под'ема 1910 — 1914 гг. дает более низкие показатели движения, чем период 1894 — 1899 гг. Такие же выводы можно получить и при сопоставлении степени концентрации капиталов в 90-х и 900-х годах, монополистического движения и пр.

Не будем останавливаться на других периодах, затрагиваемых автором. Заметим лишь, что его полемика против Гиндина, утверждающего с полным основанием, что во время войны роль банков несколько ослабела, столь же неудачна, как и полемика с Ванагом о роли банков в 90-х годах. Здесь опять-таки с нашим автором злую шутку сыграли организационный фетишизм и неумение рассматривать вещи в их реальных количественных соотношениях. Все факты, приводимые им в доказательство своей мысли, свидетельствуют только о том, что в период войны усилилась банковская спекуляция промышленными ценными бумагами, но спекуляция свидетельствует не об усилении контроля банков, а скорее об обратном (в этом отношении Ф. Енотаевский правильно критикует ходячие представления о роли банков).

Курьезно, что когда Е. Л. Грановский переходит к рассмотрению вопроса о взаимоотношениях русских и иностранных финансовых групп, он сам вспоминает об этой роли спекуляции, правда, невпопад, пытаясь доказать, что усиление доли иностранного капитала в русских промышленных фондах не тождественно с усилением влияния иностранного капитала. Не будем останавливаться здесь на многочисленных сомнениях, возникающих почти на каждой странице этой части работы. Общее утверждение Грановского, что иностранные банки при эмиссии ценных бумаг преследовали главным образом спекулятивные цели, а русские банки — цели контроля и руководства промышленным грюндерством ровно ничем не доказано и является просто плодом фантазии. Русские банки отнюдь не были „благороднее“ иностранных и учредительской прибылью отнюдь не брезговали. А повышение доли иностранного капитала в акционерных предприятиях за период с 1894 — 1913 гг. (с 23% до 40%) настолько несомненный факт, что при всем желании отмахнуться от него организационными схемами и ссылками на национальный состав правлений акционерных обществ, автор вынужден в конце-концов, с ним считаться.

К сожалению, место не позволяет нам остановиться на анализе автором тенденций „национализации“ или „денационализации“ русского капитализма, тем более, что вопрос сам по себе довольно сложен. Отметим лишь курьезный способ аргументации автора: признание русского империализма не самостоятельным фактором, Грановский считает равносильным отожествлению России с колонией. Это совмещается с довольно своеобразным пониманием сущности колониальных отношений. Так, высокий удельный вес иностранного капитала в туземной промышленности есть признак колониальной зависимости, а эксплоатация страны при помощи государственных займов (Франция — Россия) отнюдь не причисляется к важнейшим признакам колониальных отношений. Трафаретное приложение ленинской формулы империализма, без уменья вникнуть в особые условия времени и места, лишает автора возможности понять, что в дореволюционной России (которая по Ленину принадлежала столько же Европе, сколько и Азии) совмещались черты колониальной и империалистической страны при чем русский империализм только отчасти вытекал из стремлений монополистического капитала. Борьба между Россией и Англией, на которую ссылается автор, носила по Ленину вековой характер, равно как вопрос о Константинополе и проливах, тогда как в монополистическую стадию Россия вступила лишь в XX веке.

Отвергая концепции автора, основанные на теоретических ошибках и исторических преувеличениях, мы тем не менее, считаем ценной конкретную часть работы Е. Л. Грановского и в этом смысле рекомендуем ее читателю.

А. Светлов.

А. Гордон. „Система плановых органов СССР". Под редакцией и с предисловием Г. М. Кржижановского. Изд. Комм. Академии, 1929 г., стр. 65, цена 70 к.

Плановые органы находятся на пороге своего десятилетнего юбилея. Десять лет борьбы за план вписали в актив плановых органов не мало серьезных достижений. От анализа, разработки отдельных „ударных" вопросов, выдвигавшихся текущим хозяйственным днем, от отдельных экспертиз до синтетического охвата перспектив хозяйственного развития страны в пятилетнем плане,— таковы начальная и конечная (на сей день!) точки развития деятельности системы плановых органов. Еще недавно — годовой план народного хозяйства был только почти литературным документом, слабо используемым для повседневного руководства в практической работе; ныне же пятилетний перспективный план, утвержденный V с'ездом советов Союза ССР — обязательная директива, производственная программа для всего трудового коллектива страны.

Опыт планирования народного хозяйства за истекшее время начинает служить предметом исследований, теория и практика планирования входит в учебные планы вузов как научная дисциплина, создаются специальные отделения планирования, готовящие кадры для плановой системы. Между тем, мы до сих пор не имеем еще даже попыток подытожить хотя бы в сжатом очерке историю борьбы за план.

Рецензируемая работа А. С. Гордона, является первой попыткой дать очерк эволюции системы плановых органов и уже по одному этому она представляет интерес. Книга дает очерк эволюции организационных форм работы по планированию народного хозяйства с первых дней Октябрьской революции до настоящего времени, причем в основу очерка положен, главным образом, законодательный материал, вышедший за это время.

Практические попытки планового ведения народного хозяйства начинаются с первых дней Октябрьской революции и они находят свое организационное выражение в создании Высшего совета народного хозяйства, который, по мысли своих основателей „вырабатывает общие нормы и планы регулирования экономической жизни страны, согласует и об'единяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений (совещание по топливу, металлу, транспорту, центральный продовольственный комитет и проч.) соответствующих народных комиссариатов".

Фактическое же развитие системы органов ВСНХ пошло по иному пути, ВСНХ не сложился в единый хозяйственный центр планового регулирования народного хозяйства, впоследствии эти функции с него были в законодательном порядке сняты.

„Непосредственным преемником плановых функций ВСНХ, как хозяйственного центра, следует считать Госплан, Совет Труда и Обороны, но между ВСНХ и Госпланом стоит орган, ныне почти совершенно забытый — Комиссия использования". Это был также орган, ставивший задачи планового характера, притом не в ограниченной ведомственной области, а с точки зрения народнохозяйственного целого — задачи установления и рационализации связей между оказавшимися разрозненными клеточками народнохозяйственного организма" (стр. 16). Но и опыт работ „Комиссии использования" в построении плана был неудачным.

Причина неудачи планирования народнохозяйственного процесса периода военного коммунизма кроется, конечно, не в несовершенстве организационных форм, а в хозяйственной обстановке того времени. Страна, превращенная в осажденный лагерь, в период гражданской войны, отбиваясь от многочисленных врагов, не могла осуществить никакого хозяйственного плана. Этому периоду соответствовали ударные методы хозяйствования, отдельные независимые друг от друга задания в том или ином направлении. Да и не было необходимых предпосылок для того, чтобы сделать какую-либо сводную работу, в которой можно было бы предвидеть хозяйственное развитие.

„В военное время поневоле пришлось отбросить всякие поползновения провести в жизнь стройные государственные хозяйственные планы, вытекающие из существа хозяйственной обстановки всей той громадной территории, границы которой надо было еще утверждать огнем и мечом",— так характеризует Г. М. Кржижановский в своей работе „Хозяйственные проблемы РСФСР" тот период жизни страны.

Но если, однако, период военного коммунизма был периодом неудачных попыток практического планирования народного хозяйства, все же именно в этот период намечена была генеральная веха последующей великой работы по восстановлению производительных сил страны на основах новой техники. В марте 1920 г. IX с'езд ВКП (б) выносит решения о едином хозяйственном плане хозяйственного возрождения страны, намечающий ряд очередных, последовательных друг друга обусловливающих задач. Этот план в основе должен иметь опору на новую технику. „Надлежит", читаем мы в резолюции с'езда,—„во главу угла технической стороны дела поставить широкое использование электрической энергии", при этом с'езд дал указания в какой именно последовательности.

Вслед за этим на VIII с'езде советов был доложен „План электрификации РСФСР", оцененный с'ездом как „первый план великого хозяйственного начинания". Это был по сути дела, правильно замечает тов. Гордон —„первый опыт генерального плана народного хозяйства и первый опыт синтетической плановой мысли" (стр. 27).

„Новая экономическая политика" создала „резкий отрыв в преемственности хозяйственного опыта военной фазы нашей революции" [1]. Однако этот отрыв касается лишь методов хозяйственного строительства, а не целевых установок. Интенсивная работа плановой мысли в предыдущий период была теперь с переходом к мирному строительству подхвачена практически и легла в основу плановой работы.

В начале 1921 г. следует целый ряд правительственных актов, положивших начало системе плановых органов страны. 22 февраля утверждается Общегосударственная плановая комиссия, „для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе одобренного VIII с'ездом советов плана электрификации", в марте создаются центральные и ведомственные плановые комиссии „для устранения параллелизма и несогласованности, для увеличения стройности и упрощения экономического аппарата и для создания правильной соподчиненности его частей", в июне создаются местные экономические совещания, на которые возлагаются и плановые функции, а впоследствии из них вырастают местные плановые органы. Так в основном создалась та система плановых органов, которая действует до настоящего времени.

В дальнейшем тов. Гордон отмечает такие этапы в организации плановой системы: „1) 1921—1924 гг. первоначальный период создания материальных и организационных предпосылок планового охвата хозяйства, 2) 1924—1926 гг.—период интенсивного, так называемого „восстановительного процесса" и усиления наркоматского регулирования, 3) 1926—1927 г.— начальный период так называемого „реконструктивного процесса" и организации обобщающей работы плановых органов, 4) период после XV с'езда партии — незаконченный еще переломный период в организации плановых органов и методов их работы".

Такое разграничение, как признает и сам тов. Гордон, весьма условно, и мы бы сказали, в известной мере надумано. Эта надуманность видна из того, что тов. Гордону не удалось в последующем изложении четко (хотя бы в основном) отделить один этап от другого. Вместе с тем и сам очерк работы плановой системы за этот период времени страдает неполнотой и несистематичностью. В основе же все-таки эволюция показана верно. Первое время после НЭПа Госплану не удалось приступить к созданию единого хозяйственного плана. Обстановка первых годов НЭПа заставляла бросить почти все силы, все внимание на текущие вопросы. Погоня за „цельным, целым, настоящим планом" в тот период времени была бы бюрократической затеей. Через два года только Госплан впервые приступил к синтетическому анализу хозяйства. Путем организации кон'юнктурных наблюдений и лишь через четыре года дал первый опыт единого хозяйственного плана на год вперед, ввиде „контрольных цифр" на 1925/26 хоз. год. Масштаб плановой работы постепенно вырастал „в меру создания материальных для нее предпосылок в самом растущем хозяйстве". В период 1921 — 1924 г. созданы были эти основные предпосылки—перевод предприятий на хозрасчет, трестирование, разбивка их на союзные, республиканские и местные, реорганизация кооперативной системы, введение твердой валюты, организация бюджета и создание системы кредита и сети кредитных учреждений и т. п., без чего хозяйственный план не был бы возможен.

К тому же предстояло преодолеть широко распространенные „вреднейшие остатки административной партизанщины", вытекавшие из хозяйственной обстановки первых лет НЭПа и частично унаследованные от военного коммунизма". Еще сейчас это порою чувствуется и за план приходится вести в практической действительности основательную борьбу. Происходившие плановые совещания, с'езды неизменно отмечали недостаточную согласованность плановой системы Госплана с наркоматскими органами, что затрудняет плановую работу. XV с'езд партии, отмечая „значительный шаг вперед в деле составления плановых заданий", признал необходимым „усиление плановой дисциплины, укрепление плановых органов и улучшение планового руководства". Состоявшийся после XV с'езда ВКП(б) III с'езд президиумов госпланов также отмечает в своей резолюции что „единство народного хозяйства Союза ССР диктует необходимость такой организационно - методологической увязки работ Госплана СССР с отдельными республиками и областями, союзными ведомствами, которая полностью обеспечила бы за Госпланом СССР возможность построения проекта единого общесоюзного пятилетнего плана развития народного хозяйства" (курсив мой А. П.).

Если за истекший период построение единого общехозяйственного плана было

[1] Г. Кржижановский, „Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Госплана", стр. 25.

основным содержанием плановой работы, нашедшей свое завершение в построении пятилетки, то важнейшей организационной проблемой этого периода была борьба за единство плановой системы, за укрепление аппарата плановых органов работающего на основе единого директивно-методологического руководства. Одновременно шла большая работа по созданию кадров плановой системы, и методов коллективной работы, которые дали бы возможность плановой системе впитать в себя опыт многочисленного коллектива хозяйственников, научных работников и общественных организаций страны. В этой части плановая система имеет существенные достижения, но впереди еще предстоит большая работа.

Мы отметили выше, что вторая часть работы тов. Гордона (гл. V — VIII) страдает неполнотой и не систематична. В частности, тов. Гордон совсем мало уделил внимания работе Госплана над контрольными цифрами и перспективным планом. Этому посвящены буквально немногие строки. Глава VIII „Синтетическая работа системы плановых органов“ пожалуй наиболее бледная из всей книги. Между тем организационные вопросы усугублялись и выпирали именно по мере развертывания синтетических работ. Тов. Гордон совершенно обошел вопросы связи плановых органов с наукой и научными учреждениями, с кооперацией и общественными организациями — а это тоже характерная для последнего этапа плановых органов задача. Без приводов к этим организациям плановая система не сможет быть вооружена должным образом для своей работы.

Наконец, мы считаем недостатком книги чрезмерную перегруженность всякого рода справками из законодательного материала. Многочисленные ссылки, цитаты, тщательно датированные, свидетельствуют о большой кропотливости и научной добросовестности автора, но они иногда идут за счет экономического анализа и обусловливают трудность изложения. Читателю нелегко выбрать основное и существенное, книга страдает сухостью изложения, трудно воспринимаема, в некоторых местах походит скорее на юридические комментарии к собранию узаконений и распоряжений. Если бы автор не увлекся этой стороной работы, книга значительно была бы четче, проще и доступнее.

Несмотря на эти шероховатости все же книга тов. Гордона заслуживает внимания и найдет читателя, желающего ознакомиться с историей борьбы за план.

А. П.

А. М. Маркевич, „Межселенные машинотракторные станции“. Предисловие Кржижановского. Изд. „Плановое Хоз.“ 5 издание, Москва, 1929 г. стр. 304, ц. 1 руб.

За последнее время внимание нашей партии и всей советской общественности приковано к вопросу коренной реконструкции наиболее отсталой отрасли народного хозяйства, — сельскому хозяйству. Не случайно вопросам сельского хозяйства уделяется такое исключительное внимание на всех наших партийных С'ездах, Пленумах, Конференциях.

По существу дела мы стоим сейчас накануне перелома, который открывает огромные перспективы развития социалистических форм сельского хозяйства. Надвигается новая эпоха в строительстве сельского хозяйства, дающая возможность разрешения одной из основных проблем, тесно связанной с построением бесклассового общества, а именно: уничтожение противоречий между городом и деревней. В этой области встречаются и величайшие затруднения. Трудности строительства крупного сельского хозяйства на высокой технической базе, усугубляется тем, что эта отрасль народного хозяйства менее всего изучена и почти не имеют опыта в прошлом.

Работа тов. Маркевича представляет огромную ценность, именно потому, что она пытается теоретически обобщить опыт организации „крупного механизированного производства из сотен и тысяч единоличных мелких хозяйств“. Выход из противоречивого положения, которое создают современные формы мелкого сельского хозяйства тов. Маркевич видит в создании крупных энергетических машинотракторных станций, где будут сосредоточены и выработка двигательной энергии и усовершенствованные орудия производства и где может быть решен вопрос о преодолении современной интегральной усадьбы.

Основная задача, которая стоит перед машинотракторной станцией — это „необходимость найти те приводные ремни, через которые станция должна привести в движение тысячи окружающих крестьянских хозяйств“.

Говоря о деятельности первой машинотракторной станции тов. Маркевич подчеркивает со всей решительностью необходимость организации не тракторных колонн, а именно машинотракторных станций, исходя из экономии наших технических ресурсов. В доказательство последнего автор дает подробную картину

деятельности совхоза им. Шевченко, обслуживающего в настоящий момент 26 сел с общей площадью в 24 тыс. *га*. Во всех этих 26 селах земельная площадь обезличена, стерты межи и установлен правильный севооборот. Распределение продукции установлено пропорционально числящимся за крестьянами земельным наделам. По такому же принципу установлено и распределение труда между отдельными дворами. Подчеркивая затруднения в организации машинотракторных станций тов. Маркевич указывает, что „решающими факторами преодоления всех трудностей являются создание выгодности обобществленного механизированного производства плюс огромное культурное воспитательное действие машин“.

Но автор разбирает не только вопросы плановой организационно-технической работы станции, он специально останавливается на социальной проблеме, отмечая трудности, идущие со стороны противодействующего работе станции кулачества, считая, что станция не должна стоять в стороне от классовой борьбы, происходящей в деревне, а должна быть активным организатором бедняцко-середняцкого актива.

Рисуя перед читателем путь машинотракторной станции тов. Маркевич устанавливает то исключительно важное положение, что крестьянин переходит на высшую производственную форму без необходимости немедленной ломки своего быта.

„Не через новый быт к высшей технике, а через высшую технику к новому быту“.

Давая технико-экономический анализ производства машинотракторной станции, тов. Маркевич пользуется в своих расчетах с одной стороны материалами механизированных совхозов, с другой материалами механизированного хозяйства С.-А. С. Ш., корректируя этими данными расчеты по машинотракторной станции. Рассчеты эти сделаны в отношении района экстенсивного парового зернового полеводства степной Украины, но тем не менее основные принципы построения МТС могут быть образцом и для других районов, которым применительно к своим условиям придется строить свои конкретные расчеты.

Что же дают детальные расчеты агронома не только теоретика, но и практика, черпающего из своего опытного поля все эти колонки цифр при оптимуме сельскохозяйственного производства в 50 тысяч *га* пахотной земли, учитывая 20 — 25% неудобных земель, при охвате всех расположенных вокруг станции сел радиусом 14—15 *км*, капитальные затраты, оказывается, составляют 30 р. на гектар, а оперативные расходы составляют 9 р. 30 к. на гектар, при чем 47,4% всех оперативных расходов составляют ремонт и амортизация тракторов и сел.-хоз. инвентаря.

Сравнительный анализ основных результатов нового производства с индивидуальным сельским хозяйством показывает повышение урожайности в первый же год существования МТС в 40% по сравнению со средней крестьянской урожайностью. Улучшается также и качество зерновой продукции. Значительно изменяется себестоимость зерновой продукции. Если в условиях крестьянского хозяйства себестоимость центнера зерновой продукции равняется 5 р. 36 к., то в условиях МТС она понижается до 1 р. 86 к. Все приведенные расчеты касаются лишь полеводства в части его зерновой продукции.

Обобществление в первые годы работы МТС полеводства, на основе крупной механизации не дает еще полного эффекта и в дальнейшем неизбежно должны быть включены в процесс обобществления и животноводство и интенсивные отрасли сельского хозяйства. Но и приведенные данные в отношении полеводства являются ярким показателем того переворота, который вносит МТС не только в технику, но и в экономику сельского хозяйства.

В главе об оптимальных размерах сельхоз. производства, автор блестяще показывает всю несостоятельность установок проф. Чаянова по этому вопросу. Тов. Маркевич доказывает путем тщательного анализа, что даже и в пределах взятых им для расчетов размеров станций 5.000—100.000 *га* нет еще оптимального размера производства, в том смысле как это принято у Чаянова. Оптимальным размером производства в районе зернового хозяйства автор считает площадь 40—50 тыс. *га*. „Но при всей яркости результативных цифровых данных, решающее значение имеет качественная сторона всего производства“.

Рисуя перспективы развития МТС, тов. Маркевич отмечает, что со стороны крестьянства, т.-е. его бедняцко-середняцких слоев, организация встречает исключительно сочувственное отношение, неизбежно встречая резкое сопротивление со стороны кулацкой его верхушки. Это является лучшим ответом тем скептикам, которые высказывали опасение, что организация эта не сумеет захватить массы крестьянства. Доказательством популярности идеи создания МТС является так же и то обстоятельство, что Шевченковская станция теперь не является уже единичным случаем, а имеет своих последователей. Следуя шевченковскому опыту, хлебоцентр развивает аналогичную работу в ЦЧО. „В этом отношении произведенный опыт имеет для нас — как говорит тов. Маркевич — историческое значение“.

Приводя все преимущества организации МТС в смысле наиболее рационального использования наших организационно-технических и финансовых рессурсов

автор отнюдь не противопоставляет эти организации колхозным формам движения. Напротив он говорит, что если бы организация станций ослабила темп развития существующих колхозных форм, то вместо положительных мы достигли бы отрицательных результатов, ибо „перевод всего нашего сельского хозяйства на высшую техническую базу потребует более или менее длительного периода".

Подробно останавливаясь на производстве МТС тов. Маркевич говорит, что коренной принципиальной разницы между этой формой организации и колхозами нет и что „МТС является высшей производственной формой коллективного строительства", которая в конце концов должна стать „технической базой ленинского кооперативного плана".

МТС применяющие сейчас тракторную двигательную энергию, двигатели внутреннего сгорания, должны перейти в дальнейшем на применение электрической двигательной энергии.

Показывая нам первый опыт строительства сел.-хоз. производства на высокой технической базе, придавая очень большое значение организационному вопросу, автор сигнализирует опасность стихийного неорганизованного строительства машинотракторных станций. „Эта опасность имеется по той простой причине, говорит тов. Маркевич, что недостаточно еще осознано отсутствие принципиального отличия между крупным производством в сел. хозяйстве и промышленности".

Этот организационный момент необходимо особенно подчеркнуть в связи с тем, что на страницах нашей прессы обсуждается вопрос об организации центра, который мог бы об'единить работу МТС. Требуется сугубая четкость в организационных формах, иначе смелое, революционное начинание перестройки сельского хозяйства может пострадать.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на всех вопросах разбираемых автором в связи с организацией машинотракторной станции, как например, на вопросах землеустройства и аграрного перенаселения и др. Отметим лишь, что правильно было указано на страницах „Правды" что можно и должно внести целый ряд поправок к установкам тов. Маркевича в области технического оборудования МТС, например, относительно мощности применяемых тракторов, целесообразности применения комбайнов, наконец целый ряд поправок в калькуляционные подсчеты себестоимости обработки гектара, но все это ни в какой степени не умаляет значения проделанной громадной работы.

Лучшим образом данную работу характеризует тов. Кржижановский в своем предисловии к ней. „Труд Маркевича,— пишет он,— новый шаг, шаг вперед для конкретного и синтетического охвата всех мероприятий, до сих пор развивавшихся нами в области сельского хозяйства и при том такого охвата, которым завершается диалектический подход к самым трудным вопросам социалистической реконструкции сельского хозяйства".

М. К.

К. Розенталь. „В защиту индустриализации СССР". Изд. „Моск. Рабочий" 1928, стр. 135, ц. 35 к.

Сама необходимость писать на такую тему в 1928 г. может показаться странной. Не лучше ли писать как проводить индустриализацию, чем доказывать необходимость индустриализации. Задача пропагандирования идей индустриализации не только не отпала, но становится все более настоятельной. Брошюра тов. Розенталя и служит хорошо этой задаче, давая ясно и популярно изложенную сводку взглядов в защиту индустриализации. Рецензируемая книжка правильно знакомит средний актив с нашей политикой индустриализации, удачно вскрывая как правые, так и „левые" ошибки. Тов. Розенталь ставит вопрос на правильные теоретико-экономические рельсы, рассматривая проблемы индустриализации на фоне анализа зависимости между производством и потреблением, производством средств производства и производством средств потребления, между промышленностью и сельским хозяйством. В этом смысле его „промышленная" концепция является народнохозяйственной.

Автор приводит следующую цепь аргументаций. Капитализму присущ закон перепроизводства. Расширять платежеспособный спрос, увеличивая зарплату, для него так же невозможно, как невозможно ему поднимать самого себя за уши. Ведь непосредственным стимулом для капиталистического производства служит не удовлетворение потребностей, а мотив прибыли.

У нас же основной закон воспроизводства трансформируется. Подобно тому как капиталистическая индустриализация не разгружает от перепроизводства предметов личного потребителя, так и социалистическая индустриализация не является основной и, во всяком случае, единственной причиной товарного голода. Наш спрос становится более массовым и квалифицированным. Потребление и потребности растут с неимоверной быстротой.

Направить основные ресурсы на удовлетворение потребностей, на легкую индустрию, значило бы лишить себя возможности расширенного воспроизводства, потребления. Начав с крестьянского конца, мы все равно почувствовали бы лимит, узкое место в состоянии тяжелой индустрии. На данном этапе борьбы за урожайность смычка не может ограничиваться „ситцевым характером". Само развитие группы *Б* без группы *А* невозможно (длительно, скажем от себя).

Тов. Розенталь совершенно правильно указывает, что ликвидировать структурные аномалии нашей экономики методом равномерного развития для нас невозможно. Также верно и указание на вульгаризацию балансового метода, за которым скрывается „равнение направо" по минимуму, по узким местам. Надо отметить, что роль баланса, как средства вскрыть степень пропорциональности в нашей экономике, измерить закон цепной связи совершенно не утрачивает своей роли при политике ведущего звена, проводимой в отличие от идеи равновесия, an und für sich, прикрывающей неправильные экономические и политические взгляды. Баланс должен составляться для каждого уровня развития; баланс должен иначе выглядеть на каждой фазе движения народного хозяйства.

Народнохозяйственный подход должен сказаться в расшифровке понятия оптимального сочетания развития промышленности и сельского хозяйства. Методами этой расшифровки должны служить анализ соотношения товарных масс уровней цен, проблемы аграрного перенаселения и безработицы, сырьевых ресурсов страны. Этой стороне дела тов. Розенталь уделяет мало внимания.

Вторым, более существенным дефектом является недостаточно определенная трактовка ведущего начала. Тов. Розенталь подчеркивает все время два звена: металл, химию. Но единое и основное ведущее звено, синтетически об'единяющее все народнохозяйственные рычаги — это электрификация. Автор несколько раз, правда, упоминает об электрификации, но делает это вскользь, бегло, без придания энергетической проблеме того огромного технического, экономического и социально-организационного значения, которое справедливо придается ей, в особенности Госпланом. Получается такое представление, что металл (и химия) являются предварительными предпосылками электрификации, реконструкции. Это верно в общей форме, поскольку каждая новая хозяйственная фаза должна иметь определенную среду вокруг себя. Но сама электрификация создает эту среду в значительной мере и помогает опустить целый ряд этапов развития, ставя народное хозяйство сразу на более высокую основу.

Наша индустриализация должна носить с технической стороны такой же преимущественный характер, какой она носит со стороны социальной. Вопрос об электрификации не занимает того органического места в его расчетах, как металл. Проблема темпа самым тесным образом связана с этой проблемой. К ней же примыкает и проблема благосостояния и товарного голода. Все подсчеты баланса труда и баланса спроса и предложенья показывают, что вопрос о занятии избыточной рабочей силы не может быть решен просто индустриализацией, а такой лишь индустриализацией, которая резко увеличивая производительность народного труда и вовлекая новые контингенты в производственный процесс, вместе с тем увеличила бы массу производимой продукции. А это и есть путь „поднятия тяжелой промышленности на базе электрификации, энергетического перевооруженья". (Кржижановский).

У нас накопление составляет в народном доходе около 22%, т.-е. оно выше чем в любой капиталистической стране. Основываясь на преимуществах новой социальной, плановой системы, мы растем быстрее передовых стран капитализма в $2\frac{1}{2}$ раза. Этому благоприятствует то, что мы поднимаемся с низкого уровня, но не с низкого уровня „китайского", с которого как раз трудно быстро подниматься в виду отсутствия организационных условий, при отсутствии более или менее развитой промышленности. Мы быстро двигаемся от низкого уровня, в котором уже начат процесс машинизации народнохозяйственного труда. Сохранить надолго этот темп, перекрывая задачи удовлетворения потребительского спроса можно лишь при привлечении внимания широких масс к энергетической стороне дела.

Попутно надо отметить некоторую неточность, или оговорку, называющую СССР страной „преимущественно аграрной". При оценке Октябрьской революции как пролетарской и при формулировке тов. Сталиным задачи превращения СССР в страну промышленно-аграрную — наша экономика все время квалифицируется как аграрно-промышленная.

При этих замечаниях работа тов. Розенталя очень толково выполняет цель углубленной пропаганды индустриализации. Мы все еще не умеем выпускать такие брошюры в большом числе экземпляров.

М. Персиц.

Бюджеты горно-заводского населения Урала в 1926/27 г. Уральское областное статистич. управление. Серия III. Вып. 6. изд. Уралстатуправления. Свердловск. 1928 г. Цена 1 р. 50 к. Стр. 117 + XV.

Развитие советской статистики труда имеет на своем пути одно препятствие, малое проявление местной инициативы, направленной к исследованию местных же проблем. Этот дефект нельзя отнести целиком за счет недостаточной активности или малой подготовленности местных статистических сил. Местные статорганы бывают обычно загружены и перегружены плановыми заданиями центра, не предусматривающими никаких специальных местных исследований и никаких на это дело ассигнований. В этом деле, можно сказать, дает себя знать обратная сторона той крайней централизации статистического аппарата и статистической деятельности, которая свойственна всей системе нашей государственной статистики. С тем большим интересом и вниманием приходится встречать всякое исследование, освещающее какую-либо наболевшую местную проблему. Рецензируемая книга и является одной из таких работ. Она освещает специфическую проблему Уральской области — вопрос о собственном производительном хозяйстве горнозаводского населения, особенно рабочей его части.

Здесь уместно напомнить в самых общих чертах сущность проблемы.

Уральские заводы, как известно, имеют большую историю. Горная промышленность Урала вся выросла на крепостном труде посессионных рабочих. Местное население горнозаводского Урала это — потомки тех, которые в свое время, в качестве крепостных крестьян селились вокруг возникавших заводов. Вся рабочая политика владельцев посессий была направлена к тому, чтобы иметь в постоянном резерве достаточный запас рабочей силы с минимальным расходом на его содержание.

Отсюда наделение посессионных рабочих земельным наделом (покос, огород, усадьба и иногда даже пашня), достаточным для полуголодного существования. Заводчик убивал таким образом сразу двух зайцев: он закреплял за собою максимальное количество живой рабочей силы людей, беря на себя ее оплату лишь в той мере, в какой она привлекалась для работы на заводе. Вместе с этим он всей своей земельной политикой поощрял ведение лишь такого хозяйства, которое стимулировало тягу на завод и делало связь с заводом крепче, чем простой договор найма. Уральский заводчик использовал не только живую силу своего рабочего, но также и его скот — лошадей, разведению которого он содействовал, предоставляя рабочему покос и лишая его пашни. По меньшей мере двухсотлетняя история уральских рабочих не могла не положить своего отпечатка и на их современный быт, как, впрочем, и на уклад жизни всего населения горнозаводского Урала. Задаче — вскрыть все своеобразие этого быта и посвящена рецензируемая работа. Надо считать, что форма, в какой сделана эта попытка, весьма удачна. Именно массовое бюджетное обследование, охватывающее производство и потребление населения горнозаводского Урала, способно дать достаточно полную и всестороннюю характеристику изучаемого вопроса.

В какой же мере рецензируемая работа удовлетворяет поставленной задаче? Вся работа разбивается на три далеко не равноценных по своему значению части. Общее методологическое введение, составленное автором работы, тов. Д. Л. Майзельсом, как и пояснения к таблицам, в краткой и сжатой форме знакомят нас с принципами и методами обследования и разработки собранного статистического материала. Вторая часть работы публикует основные показатели о производстве и потреблении каждого из 419 обследованных хозяйств. Наконец, в третьей части даны сводки статистической разработки всего собранного материала. Таким образом рецензируемое издание дает по существу материалы к изучаемой проблеме, а не самое ее рассмотрение. В этом и сильная и слабая сторона работы. Сильная потому, что дает возможность продолжать исследование, используя всю ту массу данных, которые приводятся в публикациях индивидуальных бюджетов; слабая потому, что эти публикации не охватывают всего того огромного материала, который собрали организаторы обследования. В публикациях индивидуальных бюджетов, например, отсутствуют имеющиеся по половине обследованных бюджетов данные о затратах времени на ведение хозяйства; отсутствуют также данные о натуральном составе потребления. Не приходится, конечно, доказывать, насколько ограничивает возможности исследования отсутствие этих кардинальнейших сведений. Указанный недостаток, впрочем, только лишний раз подчеркивает достоинства имеющихся в рецензируемой работе публикаций. То громадное количество данностей, которые в них приведены о каждом из обследованных хозяйств, дают исследователю, хотя и ограниченное, но достаточно большое поле для суждения не только о специфических проблемах Урала, но и о вопросах, выходящих далеко за пределы этих местных проблем. Надо принять во внимание, что основную массу обследованных хозяйств составляют рабочие семьи, связанные всеми своими нитями с заводом. И поскольку указанные публикации индивидуальных бюджетов охватывают всякое проявление хозяйственной деятельности такой семьи, поскольку они говорят о составе семьи, об имеющихся в ее распоряжении материальных ресурсах (в частности, о средствах производства), поскольку, далее, они достаточно полно характеризуют результаты ее деятельности как в пределах своего хозяйства, так и вне его (преимущественно на заводе), постольку они дают возможность, минуя специфические проблемы Урала, поставить вопрос вообще о причинах связанности фабричного и заводского рабочего с собственным сельским хозяйством и о путях ликвидации этой связи. В этом отношении рецензируемая работа дает громадной ценности материал, еще ждущий своего использователя.

Третья часть публикаций дает, как уже указывалось, ряд статистических сводок (собственно сводки, результаты исчисления средних, комбинационные таблицы) всего материала исследования, включая в значительной мере и ту часть — о бюджете времени, которая не приведена в индивидуальных бюджетах. Все эти сводки (исключая комбинационные) даны в разрезе социального состава горнозаводского населения: выделены группы рабочих, имеющих и не имеющих собственного хозяйства, выделены крестьяне, выделена типичная для горнозаводского Урала группа возчиков и, наконец, группа „прочих“ хозяйств — преимущественно ремесленников кустарей. Такая система разработки, помимо того, что она знакомит нас с бюджетами всех этих групп населения горнозаводского Урала, оттеняет специфические черты хозяйства основной части этого населения—рабочих.

Все названные группы населения в той или иной мере связаны, с одной стороны, с заводом, с другой — с собственным производительным хозяйством. Даже рабочие, собственное хозяйство которых не удовлетворяет установленному обследованием цензу (наличие одного из следующих 4 признаков: пашни, покоса, коровы, лошади), имеют часто свое производительное хозяйство, выходящее, впрочем, за пределы обычного домашнего хозяйства для собственного потребления. С другой стороны, и крестьянские хозяйства связаны с заводом, ибо продают туда рабочую силу своих членов, либо их рабочую силу вместе с живым и мертвым инвентарем (извоз). В первой из названных групп основная подавляющая масса средств существования добывается путем продажи рабочей силы на завод, во второй — сельским хозяйством.

Между этими двумя полюсами стоят остальные социальные группы. Наиболее интересной из них являются рабочие, имеющие хозяйство, установленного обследованием ценза.

В чем же заключается в настоящее время собственное хозяйство рабочих Урала?

Материалы рецензируемого исследования дают обстоятельный ответ на этот вопрос. В центре собственного производительного хозяйства уральских рабочих стоит молочное хозяйство, с одной стороны, и приусадебное хозяйство — с другой. Карликовый огород и корова встречаются почти во всех обследованных хозяйствах этой группы. И если бы собственное хозяйство уральских рабочих ограничивалось только этими часто встречающимися элементами расширенного пролетарского домашнего хозяйства, то по существу не было бы и никакой проблемы. Для уральских рабочих, однако, типично не то, что составляет основу и цель их хозяйствования, а тот антураж, которым это хозяйство обставлено. Наличие у громадного большинства (83,4%) рабочих земельного надела делает музыку всей проблемы. При ближайшем рассмотрении оказывается, что в большинстве случаев этот надел составляется из одного покоса (60,5% хозяйств имеющих надел). Далее материал сводок совершенно недвусмысленно показывает, что даже в той части, в какой имеется полевой посев, он используется преимущественно для производства зерновых кормов для скота. Наконец, наличие в большинстве (64,5%) хозяйств лошади довершает картину собственного хозяйства уральских рабочих. Это не полноценное крестьянское хозяйство, но и не обычное пролетарское домашнее хозяйство.

Как видно из этого элементарного описания и в еще большей мере — из приводимых в рецензируемых бюджетах данных о товарности продукции и натуральности потребления, основная цель этого хозяйства — производство для собственных нужд. К сожалению, материалы „Бюджетов“ не освещают с достаточной степенью полноты вопрос о рентабельности этого хозяйствования. Но кой-какие и весьма интересные данные все же имеются и в этой части: условно-чистый доход, от собственного производительного хозяйства оплачивает труд, затраченный членами рабочей семьи в среднем в 7,2 коп. в час, т.-е., примерно, по цене срокового с.-х. найма. Однако, эта средняя удовлетворительная норма оплаты скрывает самые различные варианты последней. Во-первых, исследование отмечает наличие некоторой части (8,7%) абсолютно убыточных хозяйств, т.-е. таких, в которых материальные издержки, кроме вложенного в хозяйство труда его членов, превышают размеры валовой продукции. Далее, как показывает специальная приведенная в „Бюджетах“ комбинационная группировка, значительная часть хозяйств с валовой продукцией ниже 400 рубл., (а таких хозяйств около половины) оплачи-

вают в среднем час затраченной рабочей силы по цене много меньшей, нежели рыночная. Подобного рода хозяйства могут держаться лишь избытком рабочей силы, не находящей себе применения на рынке труда. Эта мысль, впрочем, не находит прямого подтверждения в опубликованных сводках. Ее доказательство требует еще специального исследования. Надо полагать, что в виду исключительного интереса проблемы, это исследование не заставит себя долго ждать. „Бюджеты" дают для этого достаточный материал.

В. Львов.

„Водное хозяйство". Сборник статей под редакц. проф. Е. Л. Кенига изд. „Плановое хозяйство", М. Госплан СССР. 1929 г. Цена 2 р. 75 к.

Кроме „Вестника ирригации", издаваемого в Ташкенте и отражающего только часть вопросов водного хозяйства, в нашей печати нет места, где бы дискуссировались серьезные вопросы водного хозяйства; Известия же научно-исследовательских институтов в этой области посвящены исключительно результатам их собственных работ. Появление рецензируемого сборника статей составляет целое событие на фоне нашей скудной „водной" периодики.

Вступительная статья проф. Е. Л. Кенига еще раз подчеркивает значение водного хозяйства в народом хозяйстве СССР и определяет отрасли, входящие в его состав: 1) создание необходимых условий для санитарно-хозяйственного использования вод, 2) водно-земельные мелиорации, 3) обеспечение нужд водного транспорта, 4) использование водных сил, 5) обеспечение потребностей в отношении использования полезного содержимого вод.

Анализируя значение каждой из них, автор указывает на тесную связь между собой всех этих отраслей и на ошибки, проистекающие при разрешении какого-либо одного вопроса без общей гидрологической технической и финансово-экономической связи с другими отраслями Водного Хозяйства.

Отсутствие в настоящее время разрешения организационной проблемы крайне неблагоприятно отзывается на технических и экономическо-финансовых мероприятиях в области водного хозяйства и поэтому этим вопросам на ряду с целым рядом конкретных и реальных предложений автора надо заняться совершенно безотлагательно.

Мы присоединяемся полностью к предложениям Е. Л. Кенига и скажем, что он ими наметил для следующих выпусков „Водного Хозяйства" ряд животрепещущих тем, которые он не смог детально осветить в своей руководящей статье.

Остальные статьи сборника лишний раз подчеркивают идею водного хозяйства, освещая отдельные ее отрасли, намечаемые Е. Л. Кенигом: водная энергия, комплекс Нижнего Днепра, Волга, Дон, Ирригационное строительство, водно-земельные мелиорации и т. д.

В то же время некоторые из них, представляя собой статьи руководящего характера, лишний раз подчеркивают отсутствие хозяина в водном хозяйстве. Так, например, В. В. Гаврилов хорошо осветил водно-энергетические запасы европейской части СССР, а по части Средней Азии, Сибири, Кавказа, едва ли кто-либо сможет это сделать в той же степени приближения. Происходит это от того, что, например, Управление водным хозяйством Средней Азии занимается только ирригационными вопросами и, не имея на это заданий, иногда только попутно принимает на себя разрешение того или иного вопроса в области использования гидроэнергии.

Тема, освещенная А. В. Чаплыгиным о самоокупаемости ирригации, по своему значению вполне заслуживает предоставления в следующих книгах не менее 3—4 листов или даже выпуска отдельной брошюры. Материал по этому вопросу на местах имеется большой и требуется широкое его освещение.

Проблема использования Нижнего Днепра, освещенная Г. А. Черниловым, предусматривает затраты из общей стоимости в 82,75 млн. руб. почти в равной доле на судоходную часть, энергетическую часть и мелиорацию.

Дальнейшая проработка этого вопроса поставит нас перед необходимостью приступить уже к строительным работам, так как полный народнохозяйственный доход всего предприятия определяется в 23,5 млн. руб., а при ее дальнейшем развитии 30—35 млн. руб.

Волго-Балтийский водный путь, соединяющий Астрахань и Ленинград, должен получить определенное место в плане нашего народного хозяйства, так как проделанная технико-экономическая работа, как ее описывает П. В. Цейдлер, уже дает чрезвычайно ценный материал, дающий возможность оценить его громадное экономическое влияние на развитие всего нашего народного хозяйства.

Статья Д. А. Волжина „Основные народнохозяйственные проблемы ирригационного ст-ва в хлопковых районах", повидимому, если судить по примечанию к ней, даже несколько смутила и редакцию „Водного Хозяйства". Это и понятно;

именно эта статья вызовет большую дискуссию, так как до сих пор все наши прогнозы в области хлопководства были чрезвычайно неудачны. Первая треть этой статьи посвящена обзору, главным образом, американского хлопководства и содержит большой фактический материал, позволяющий автору установить некоторые недочеты прогноза тов. Сокольникова в 1926/27 г., полагавшего, что понижение стоимости американского хлопка, является звеном общего процесса снижения мировых цен довоенному уровню. Установив зависимость между ценами хлопка, автор указывает, что нормальное соотношение цен, вызвавшее повышение стоимости хлопка, естественно должно было восстановиться. У нас произошел новый поворот на расширение отечественного хлопководства, от которого мы ошибочно отказались и благодаря этому потеряли темп ирригационного строительства. Излишне доказывать, что развитие советского хлопка имеет для нас огромное значение еще и в смысле освобождения от иностранной зависимости. Некоторые из выводов Волжина могут вызвать возражения главным образом из-за краткости изложения. Турк.-Сиб. ж. д., конечно, окажет существенное влияние на развитие хлопководства в Средней Азии, дав возможность некоторого вытеснения рисовых и зерновых культур, но, как указывает Волжин, освобожденные площади, будучи связаны с водным режимом, могут быть использованы под хлопок и только при соответственной реконструкции ирригационных систем.

Обзорные статьи В. С. Ильина, М. М. Потапова, А. С. Пампулова, М. Я. Власова, А. Н. Ахутина, П. В. Цейдлера по вопросам водных мелиораций, водных сил и водных путей сообщения (без Средней Азии) интересны и показывают только лишний раз, что при правильной постановке организационного вопроса в области водного хозяйства можно было бы достигнуть более четких результатов.

В общем, „Водное Хозяйство" надо признать интересным вкладом в нашу литературу и необходимо продолжать периодический выпуск статей, освещающих водное хозяйство, как отдельную отрасль народного хозяйства.

Необходимо вовлечь в эту работу и наши ВУЗ'ы, которые, к сожалению, не всегда отчетливо выявляют у себя в учебных планах и программах значение водного хозяйства и поставить вопрос о правильной подготовке наших специалистов с точки зрения комплексного значения водного хозяйства. Будет хозяин в водном хозяйстве, будет необходимая увязка всех вопросов, содействующая правильному развитию его.

Б. Шлегель.

Б. Л. Шифринсон. „Теплофикация городов". Под ред. проф. Н. А. Артемьева, с пред. Ж. Л. Танер-Таненбаума, изд. НКВД, 1929 г. 75 стр., ц. 1 р. 50 к.

Несмотря на небольшой об'ем книги и сжатость изложения, она несколько восполняет крайнюю бедность нашей литературы и нашей технической практики по данному вопросу. Вопрос о теплофикации наших городов становится актуальной проблемой и стал уже темой довольно широкой дискуссии. До некоторой степени решение этого вопроса требуется немедленное, так как это определяет план и характер нового энергетического строительства, напр., пункты создания новых электроцентралей в крупных городах, род топлива, типы котлов и турбин и проч.

Помимо чисто экономического значения, централизованное снабжение теплом потребителей должно иметь и известное социально-бытовое значение как один из способов, так сказать, „технического обобществления" городской жизни и быта.

Экономическая роль теплофикации состоит, главным образом, в комбинировании производства электроэнергии с централизованным теплоснабжением (для целей домового отопления, бань, прачечных, больниц и т. п.). Работа тепловых двигателей, производящих энергию, связана всегда с потерей значительной части этой энергии в тепловой форме; кроме того, так как во всех таких двигателях рабочий процесс связан с преорбазованием работающего вещества в газообразную форму, то неизбежны значительные потери энергии, принимающие форму „скрытой" внутренней энергии отработавшего газа или пара. Особенно велик этот род потерь в паровых двигателях, где отработавший пар уносит с собою из турбины или машины колоссальные количества энергии в форме „теплоты испарения". Если в двигателях внутреннего сгорания коэфициент использования энергии топлива достигает 35% (для дизелей), то на лучших паро-турбинных установках он обычно не выше 15—20%, в исключительных случаях до 25%, при работе на паре очень высокого давления. Потерянная энергия „мятого" пара возвращается при его конденсации, принимая форму тепла обычно уносимого без всякой пользы вместе с охлаждающей водою. Регенерация этой „теплоты испарения" (отчасти и использование других тепловых потерь) и есть главный метод теплофикации, позволяющий значительно повысить общий коэфициент использования топлива на

теплосиловой установке. Тот же характер имеет и комбинированное получение энергии и пара для технологических заводских целей, где электроэнергия является как бы отбросом производства.

Практическое осуществление теплофикации наталкивается на ряд затруднений, из коих важнейшие: необходимость сооружения теплопроводной сети, что требует значительных капитальных затрат; некоторое ухудшение чисто энергетического режима станции, хотя и щедро компенсируемое значительным использованием отбросового тепла; неравномерность потребления тепла по сезонам, дням и часам, при чем график спроса на тепло может находиться в самых причудливых соотношениях с графиком потребления электрической энергии.

Книга Б. Л. Шифринсона трактует все эти вопросы энергетического и теплового режима таких централей, ссылаясь на примеры из практики С.-А.С.Ш. и Германии и освещая техническую и экономическую стороны их эксплоатации. На ряде примеров автор показывает, что теплофикация во многих случаях дала экономическую возможность дальнейшей рентабельной эксплоатации технически устарелых („морально" изношенных) электростанций, обреченных вне этого на ликвидацию задолго до их реального физического износа. Впрочем, автор приводит доводы и примеры и в пользу того, что часто и теплофикация сама по себе, вне комбинирования с производством электроэнергии, сводящаяся следовательно к централизованному питанию острым паром, может быть и экономичнее, и гигиеничнее индивидуального отопления.

Интересны указания на „кустование" теплоцентралей в американских городах, напоминающее кольцевание электроэнергии и подобно ему дающее некоторое выравнивание нагрузки и экономию в топливе.

Написана книга простым языком и снабжена большим числом графиков и рисунков. Книгу надо признать бесспорно полезной. Однако, вопреки мнению Ж. Л. Танер-Таненбаума (в предисловии), книга почти не дает материала для конкретного решения вопроса о своевременности и экономической целесообразности теплофикации наших крупных городов, в частности Москвы, если не ограничиваться „априорными" доводами в пользу теплофикации Москвы, как крупного и промышленного центра, питающегося дорогим топливом поневоле.

А. С-ль

„Советское строительство" Ежемесячный политико-экономический журнал №№ 1—12 за 1928 год. Издание Госплана БССР. Минск.

На страницах нашего журнала уже отмечалось, что „Советское Строительство" главное внимание фиксирует на хозяйственных проблемах своего района—Белорусской Социалистической Советской Республики, и что в этом заключается его главное достоинство.[1] Другой положительной чертой журнала следует признать то, что благодаря хорошему подбору материала ему на протяжении года вновь удалось всесторонне осветить хозяйственное и культурное положение БССР.

Если бы попытаться все изобилие материала, помещенного в журнале, свести к некоторым группам, то грубо это можно было бы сделать так. Центральный группой пришлось бы признать темы, освещающие специфические элементы белорусского хозяйства. Сюда следует отнести: мелиоративные вопросы, вопросы лесного хозяйства со всем разнообразием видов деятельности, вытекающей из этой отрасли, вопросы торфяного хозяйства, вопросы мелкой промышленности, особо развитой в БССР благодаря распространенному местечковому расположению населения, местечки, как самостоятельная экономическая проблема, наконец, вопросы экспорта, значение которого в БССР особо важно, благодаря непосредственной близости Польши и Латвии. Следующей не менее важной группой пришлось бы признать темы, затрагивающие культурное строительство БССР. Их значение в Белоруссии особо увеличивается благодаря сожительству нескольких национальностей на сравнительно небольшой территории, с одной стороны, и непосредственной близости этих же национальностей за рубежом,—с другой.

По всей этой линии тем целый ряд авторов бесспорно правильно ставят задачи перед хозяйством БССР и также правильно намечают их разрешение.

На фоне этого узко-местного материала журнал дает ряд статей общеэкономического характера, в которых затрагивается или вообще экономическое положение БССР, или хозяйство республики в связи с построением пятилетнего плана. Не останавливаясь на содержании последних — оно в целом вполне правильно отражает и нашу общую хозяйственную политику и в данном случае политику БССР — отметим только отдельные моменты в этом материале, которые, как нам кажется, недостаточно верны.

Тов. М. Карклин в статье „Основные установки развития народного хозяйства

[1] См. „Плановое хозяйство" № 5 за 1928 г.

и культуры БССР за пятилетие" (№ 8—9 журнала) считает возможным выставить лозунг усиленного темпа развития промышленного строительства БССР на основе местной и завозной сырьевой базы. Другой автор тов. С. Карп в статье „Об уточнении 5-летнего плана промышленности" (№ 10) говорит о твердой целевой установке на индустриализацию и усилении ведущей роли промышленности в БССР.

Ставка на завозное сырье имеет в основе попытку развивать в данной республике все или почти все отрасли промышленности, не считаясь с наиболее рациональным распределением промышленности по Союзу ССР. Индустриализация СССР в данный период — это не значит, что все районы одновременно и пропорционально усиливают и обзаводятся по возможности всеми видами промышленности. Последнюю следует мыслить несомненно только как такое распределение труда в СССР, которое при усилении индустриального труда в общем балансе последнего в то же время давало бы максимум экономических эффектов. А это возможно только в том случае, когда каждый отдельный район Союза оптимально выявит свое хозяйственное своеобразие. Так именно и понимал дело Совнарком Союза, когда по докладу председателя СНК БССР тов. Голоседа постановлял: „Поручить ВСНХ СССР и СНК Белорусской ССР наметить конкретные меры по усилению роли промышленности в народном хозяйстве БССР, главным образом тех отраслей, которые базируются на местном сельско-хозяйственном, минеральном и лесном сырье". Совнарком Союза в полной мере учитывал все моменты хозяйственного положения БССР, в частности и то, что 80 с лишним процентов населения БССР, занято с.-х. трудом и что в промышленности — только около 3%.

Совершенно неверной представляется трактовка задач плановых органов в статье тов. Балабанова П. „Новый этап плановой работы" (№ 8 — 9). Автор пишет, что задачей последних (плановых органов) является научное предвидение экономических событий и явлений на основе изучения конъюнктуры народного хозяйства изо-дня в день, из года в год, анализа статистических и динамических коэфициентов его развития и т. д. По существу Балабанов повторяет буржуазные взгляды господина Кондратьева на вопросы планирования. Странным представляется, почему редакция журнала солидаризуется с автором, когда в других статьях этого журнала о вопросах планирования придается значение и элементу целевых установок. Здесь налицо в лучшем случае неувязка в редакционной работе.

Несмотря на три года своего существования, журналом как будто все еще не найдены свои рамки. Это видно из того, что на ряду с очень краткими статьями практически и теоретически важного значения, помещаются относительно огромные статьи мало интересного содержания. Сюда, например, можно отнести статью тов. Гречико „Уравнительный сбор в 1927/28 г." размером в 28 страниц. Нужно заметить, что даже специальный общесоюзный орган по финансам никогда так много не уделял внимания уравнительному сбору. Затем, совершенно непозволительной роскошью следует признать такую разностороннюю разработку, в сущности говоря, одного и того же налогового статистического материала. А именно, рядом с только что отмеченной статьей по уравнительному сбору журнал дает еще статью тов. Загачина „Сокращение частноторговой сети г. Минска и основные причины этого" (№ 11) и статью тт. А. Милесицкого и В. Рогинского „Динамика и структура товарооборота БССР" (№ 10). Без ущерба для дела все эти три статьи можно было бы об'единить в одной общей теме.

Размер журнала (около 15 листов) заставляет отнести его к категории „толстых". Цена за отдельный номер в 1 рубль и 1 р. 50 к. за двойной. В то же время, если принять во внимание, что средний тираж его 600 экземпляров, приходится заключить, что издание это достаточно убыточно. Думается, поскольку Госплан БССР этот убыток уже несет, в интересах культуры и хозяйства республики представлялось бы правильным этот журнал глубже двинуть в толщу народных масс, соответствующим образом реорганизовав его.

А. Неусыпин

„Северное хозяйство" — журнал Архангельского губисполкома и кооперации. №№ 1—12 за 1928 г.

„Северное Хозяйство" уже шестой год освещает вопросы нашей северной экономики и заслуживает большого внимания, особенно в связи с предстоящим оформлением Северо Восточной Области. Хозяйство севера отличается большим своеобразием. Северо-Восточная Область имеющая плотность населения 3,2 человека на 1 кв. километр, характеризуется значительным развитием животноводства, занимающего по продукции в довоенном исчислении 15,5%, растениеводства — 38,2% и лесоводства — 17% всей продукции народного хозяйства. Являясь основ-

ной экспортной базой, северный район в то же время имеет громадное значение для удовлетворения потребностей в лесе нашего внутреннего рынка. Рецензируемый журнал вполне учел это своеобразие северной экономики и ее роль в экономике союзной. Останавливаясь на общих вопросах лесного хозяйства и перспективах его развития, журнал пытается дать ряд углубленных обследований из области рационализации лесного хозяйства и промышленности, связанной с лесным сырьем.

И. Анофриев в ст. „Леса севера и их роль на заграничном рынке и в СССР“ (№№ 10—12) отмечает, что еще в довоенное время, экспорт русского леса шел, главным образом, в Англию, Германию и Францию. Экспортной базой по преимуществу являлся и является Северо-Восточный район, обладающий 27% лесной площади европейской части РСФСР (с Уралом) или 78,2 мил. *га*.

Это обстоятельство ставит леса северо-востока в центр внимания, не только местных органов, но и общегосударственных. Автор правильно отмечает, что наряду с проведением жел.-дор. линий и под'ездных путей, которые могут утроить размер пользовательного лесосечного фонда, необходимо заняться правильным целесообразным лесоиспользованием и сохранением ценных пород (сосна). На ряду с этим должны быть произведены крупные качественные сдвиги в нашем лесном хозяйстве севера. Это уже выдвигает в перспективном плане задачу выработки целлюлозы и ее экспорта и требует усиления работы по лесопилению, деревообделочному, бумажному и лесохимическому производству, т.-е. усиления таких производств, которые давали бы возможность использовать труд внутри страны с максимальной выгодой. Интересная статья И. Анофриева хотя и дала широкую постановку одного из важнейших в Северо-Восточной Области вопросов, все же недостаточно затронула те реконструктивные последствия, которые должны произойти в связи с этим в народном хозяйстве области. Автору следовало бы остановиться на вопросах труда, на вопросах лесных промыслов и на сдвигах в сельском хозяйстве.

Большой интерес представляет статья А. Ларионова „Первые итоги работы лесопильного завода № 8“ (№№ 8—9), дающая характерные штрихи эффективности капитальных вложений. Завод № 8, полностью переоборудованный в начале 1928 года, стал давать такие качественные показатели производства, которые заслуживают большого внимания. Его работа показывает, какого эффекта могут ждать наши лесопильные заводы после переоборудования. Автор констатирует, что „производительность переоборудованного завода за первые 3 месяца работы за счет технических факторов повысилась в $1^1/_2$ раза и за счет уплотнения рабочего времени на 30,7%“. В то время, как на 1 выработанный стандарт в 1925/26 году тратилось 8,54 человеко-дней и в 1926/27 году — 8,35, за три месяца после переоборудования завода на 1 стандарт затрачено 5,6 человеко-дней, т.-е. на 35% меньше по сравнению с предыдущими годами. Автор, к сожалению, не мог до конца осветить проблему эффективности вложений, т. к. не имел возможности проследить внимательно снижение себестоимости. Однако, общие данные говорят, что стоимость стандарта после переоборудования выразилась в 110 руб. против 120 в 1926/27 году.

В Северо-Восточной Области большое значение имеет кустарная промышленность. И совершенно прав Ив. Иванов (ст. „О забытом хозяйственном участке“ № 8—9), когда отмечает индиферентное отношение хозяйственных и планирующих органов к кустарной промышленности. Развитие кустарной промышленности и ее охват куст.-пром. кооперацией способствует изжитию товарного голода, способствует созданию квалифицированной рабочей силы и росту индустриализации края.

На ряду с этими вопросами, журнал уделил достаточное внимание промыслам и проблемам, связанным с ним, а также ряду вопросов, связанных с местным хозяйством. Гораздо хуже дело обстоит с транспортом, земледелием, финансами и торговлей. Хотя в отделе „Хроника“ эти вопросы освещаются в сжатых информациях, однако, постановки острых проблем эти информации не дают.

В условиях Северо-Востока, доминирующее значение имеет транспортная проблема. Сократить расстояние от места производства до места потребления не только для продукции лесного хозяйства, но и для продукции земледелия — это одна из важнейших задач. Журнал не достаточно останавливается на этом, хотя его положение обязывает быть выразителем интересов Области. Журнал не использует возможности печатного периодического органа, который издается в будущем областном городе и теряет значительную долю организационных нитей, которые начали бы связывать область. В пределах Северо-Восточной Области по перспективному плану предположено построить 1657 километров железных дорог и провести Лаче-Кубенский канал. Канал, а также дороги Котлас-Сорока, Усть-Сысольск-Котлас и Галич-Котлас должны произвести крупнейшие сдвиги в народном хозяйстве Северо-Восточного Края.

Этому вопросу посвящена лишь одна полемическая статья С. Н. Пругавина „Железные дороги Обь-Беломорская и Обь-Котлас-Сорока“ (№ 6), заслуживающая серьезного внимания. Полемизируя с В. М. Воблым, изложившим свою точку зрения в „Известиях“ (№№ 1, 6, 21 и 25) и с А. А. Борисовым (№№ 59, 65 и 74), защищавшим, как и В. М. Воблый, необходимость постройки дороги Обь-Котлас-Сорока, С. Н. Пругавин приходит к выводам о большей экономической целесообразности постройки Обь-Беломорской дороги вместо проектируемой Обь-Котлас-Сорока.

Уделяя большое внимание лесному хозяйству, промышленности на лесном сырье и промыслам, журнал очень мало останавливается на земледелии, которое дает не более, не менее, как 54% в довоенной оценке всей продукции народного хозяйства Области. Проблемы животноводства и его интенсификации, кормовая проблема, льноводство проблемы урожайности остались вне поля зрения рецензируемого журнала. Не затронуты также вопросы социально-культурного строительства. В следующих номерах следовало бы заняться освещением этих вопросов и проблем, связанных с ними. Это тем более нужно сделать за счет формы изложения и громоздскости многих статей. Нельзя, например, не отметить, что ст. А. П. Орлова „Рабочая жилищно-строительная кооперация в Архангельске“ (№ 8—9), трактующая на 15 страницах о жилищной кооперации, насчитывающей 8 кооперативов при 348 членах и не могущей похвастать большими строительными достижениями — эта статья значительно больше выиграла бы, если бы основные мысли автор уложил на нескольких страницах. Указанная статья ничем не хуже многих других, но метод формирования журнала при помощи таких громоздких статей, нельзя признать правильным. Редакции журнала будет трудно выбраться из плена громоздких обзорных статей, если она не будет следить за тем, чтобы основные отрасли и проблемы хозяйства находили освещение, соответствующее их значению в народном хозяйстве. Давая общую оценку журнала, следует сказать, что журнал дает богатый, обработанный экономический и краеведческий материал по северному хозяйству и является ценным журналом. Грядущее оформление Северо-Восточной Области ставит перед журналом задачу — принять ярко-выраженный областной характер и вместе с тем, четко отражать генеральные политические линии хозяйственного развития.

П. Горшечников.

НОВЫЕ КНИГИ

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Том II, часть I-я, стр. 493, цена 4 руб.; часть 2-я, стр. 410, цена 3 руб. 50 коп., том III, стр. 568, ц. 5р. 25 коп. Изд. „План. Хоз.“ М. 1929.

Все три книги являются составными частями трехтомника, подготовленного Госпланом СССР и посвященного пятилетнему плану народного хозяйства СССР на период 1928/29—1932/33 гг. В первой части второго тома дана строительная и производственная программы плана, во второй части — социальные проблемы, проблемы распределения, труд и культура, а в третьем томе — районный разрез пятилетнего плана.

Эм. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР 1917—1927 гг. ГИЗ, 1929 г., стр. 231, ц. 2 р. 25 к.

Цель настоящей работы — подвести важнейшие итоги первого десятилетия советской промышленности на основе анализа главных этапов ее развития. Разделы этой книги посвящены периоду военного коммунизма, общим итогам нэпа, характеристике планового хозяйства, кризисным явлениям (кризис сбыта 1923 г. и товарный голод), сезонным колебаниям и т. д. Завершается работа главой, посвященной перспективам пятилетия 1927/28—1931/32 гг.

Пути под'ема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Сборник статей под редакцией М. И. Лациса и И. И. Литвинова. ГИЗ, 1929 г., стр. 319, ц. 1 р. 50 к.

Настоящий сборник включает статьи тт. Милютина, Лациса, Биценко, Шефлера, Дубровского, Беленького, Лискуна, Лежнева-Финьковского, Владимирского, акад. Вавилова и др., всесторонне освещающие основные вопросы сельского хозяйства Союза, в том числе пути его развития, проблему совхозов и колхозов, проблему коллективизации деревни, пути химизации в сельском хозяйстве, сортового семеноводства, животноводства и т. д.

С. Ужанский. Урожай и народное хозяйство. ГИЗ, 1929 г., стр. 140, ц. 50 к.

Автор анализирует проблему урожайности в связи с индустриализацией страны и социалистическим переустройством сельского хозяйства Союза. На ряду с освещением этой проблемы применительно к СССР, автор дает характеристику ее в довоенной России, а также в иностранных государствах.

Колхозы на Урале в 1928 г. Изд. Уральского областного статистического управления. Свердловск, 1929 г., стр. 124, ц. 2 руб.

Разработка материалов сплошного обследования колхозов Урала произведенного в июне—августе в 1928 г. статистическими органами области.

Проф. Г. А. Студенский. Организация крупных сел.-хоз. предприятий в Германии (Международный Аграрный Институт). Изд. „Новый агроном", М., 1929 г., стр. 443, ц. 4 р. 50 к.

Приведенное издание является результатом обследования, произведенного автором по поручению Международного Аграрного Института, и освещает, главным образом, постановку организационно-технической стороны крупно-капиталистических сел.-хоз. предприятий.

И. Златоцветов. Социалистическое накопление в СССР и его источники. ГИЗ, 1929 г., стр. 111, ц. 50 к.

Систематизированное популярное изложение директив партии и других материалов по вопросу об источниках, путях и методах социалистического накопления в СССР.

А. Эссен. Пути строительства СССР. ГИЗ, 1929 г., стр. 240, ц. 2 р. 10 к.

Настоящая работа представляет очерк советского и хозяйственного строительства Союза за первое десятилетие. Ряд глав этой книги посвящен экономике СССР.

Инж. В. Борц и инж. В. Умблия. Рабочая сила на жел.-дор. транспорте. Изд. Транспечать НКПС., М., 1929 г., стр. 124, ц. 2 р.

Авторы настоящей работы задались целью осветить основные проблемы, связанные с регулированием, нормированием и оплатой труда на жел.-дор. транспорте, имея в виду дать основные вехи для составления перспективного плана в области рабочей силы и зарплаты на транспорте.

В. Реймес. Введение в историю хозяйства. Перевод с немецкого под общей редакцией и с предисловием И. И. Рубина, с предисловием к нему изд. Генриха Кунова. ГИЗ, 1929 г., стр. 189, ц. 1 р. 35 к.

Популярное введение в историю капиталистического хозяйства. Автор дает картину экономического развития человечества от первобытных времен до настоящего времени.

С. А. Гурвич и В. К. Позняков. Заработная плата. Теоретические основы и современные проблемы. ГИЗ, 1929 г., стр. 140, ц. 1 руб.

Попытка освещения современных теоретических проблем заработной платы на основе конкретного материала с критическим изложением новейших систем в этой области.

Модест Рубинштейн. Противоречия американского капитализма. Изд. „Моск. Рабочий", М., 1929 г., стр. 160, ц. 1 р. 50 к

Работа М. Рубинштейна посвящена выявлению основных противоречий в современном американском капитализме и несоответствия между производственным аппаратом и платежеспособностью страны, в первую очередь, покупательной способности широких трудящихся масс.

У. Рандольф Бэрджес. Банковская организация американского капитализма. Перевод с английского Б. Б. Соловейчика. Предисловие Г. Я. Сокольникова. ГИЗ, 1929 г., стр. 279, ц. 3 р.

Книга Бэрджеса знакомит с одной стороны, с устройством и ходом работ федеральных резервных банков, с другой, с американской системой регулирования денежного и кредитного рынков, осуществляемой банковской системой. Книга снабжена большим количеством графиков.

Г. Деборин, Г. Сраговичи М. Черник. Теория и практика планирования народного хозяйства СССР. Библиография. Под ред. и с предисловием А. С. Мендельсона. ГИЗ, 1929 г., стр. 244, ц. 5 руб.

Настоящий библиографический сборник включает весь книжный и журнальный материал по вопросам теории и практики планирования народного хозяйства СССР, напечатанный на русском языке за 1917/1927 гг. и первое полугодие 1928 г. Работа является частью задуманной кабинетом планирования экономич. факультета института им. Плеханова серии работ.

В. В. Покшишевский. Центрально-Черноземная область. ГИЗ, 1929 г., стр. 192, ц. 1 р. 40 к.

И. И. Татарчуков. Центрально-Черноземная область. Изд. ЦЧОбластной плановой комиссии. Воронеж, 1929 г., ц. 90 коп.

Центрально-Черноземная Область. Статистический справочник. Изд. Статотдела ЦЧО. Воронеж, 1929 г., стр. 463, цена не указана.

Первые две книжки являются экономгеографическими очерками ЦЧО, построенными примерно по одному плану и освещающими основные моменты, определяющие экономическое положение Области. Третья книжка представляет собой первую публикацию официальных статистических материалов и показателей, применительно к районированию ЦЧО.

А. Морин и Н. Хрулев

Непроизводительный пробег грузов

Железнодорожный грузооборот в 1926/27 г. определился в 135,9 млн. перевезенных (отправленных) тонн против 132,4 млн. тонн довоенной России, взятой в границах СССР. Следовательно, прирост по числу отправленных тонн составил 2,6%. Но тот показатель, которым определяется продукция работы железнодорожного аппарата, а именно пробеги этих грузов, выполненные железными дорогам,—дали увеличение на 24,2%, составив в абсолютном выражении 81,6 мрд. тонно-километров для 1926/27 г. против 65,7 мрд. 1913 г. Другими словами, дальность пеервозки возросла в среднем для всех грузов на 21,2%.

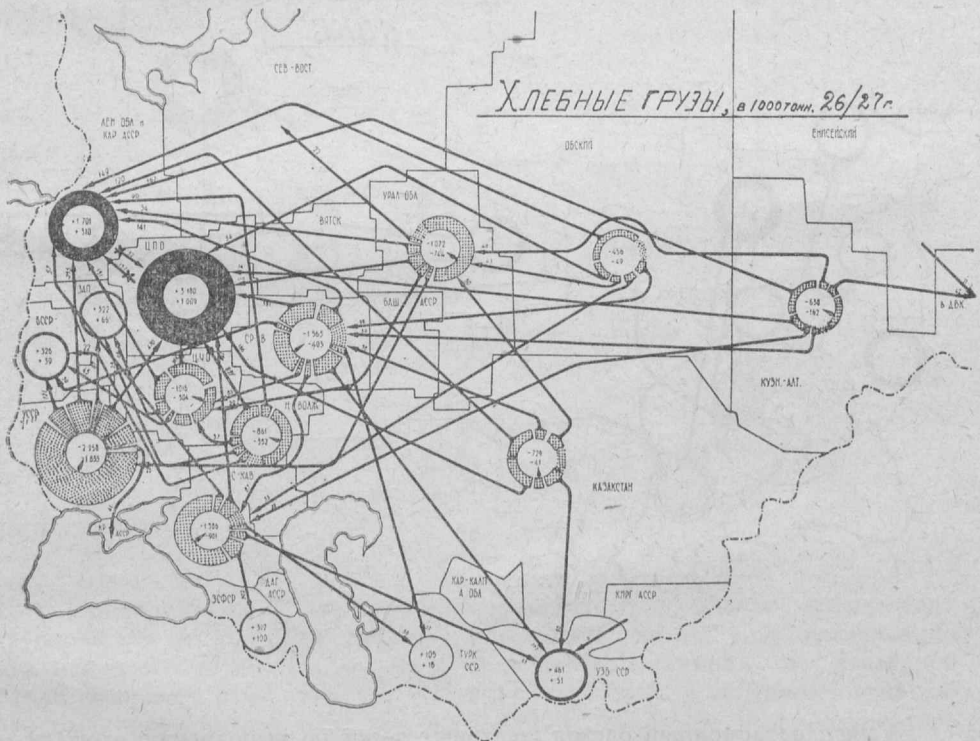


График 1.

С точки зрения экономики страны, увеличение дальности переброски, грузов, т.-е. увеличение транспортных расходов ее товарооборота, нельзя принять безоговорочно, как положительный фактор народного хозяйства, тем более, что современная дальность перевозки грузов не может быть оправдана зависимостью от величины пространства, как такового, ибо и в том, и в другом случаях сравнивается грузооборот одной и той же территории.

Колебания дальности перевозки грузов за годы 1925/26, 1926/27 и 1927/28 очень незначительны: в среднем она держалась на уровне около 590 километров.

Сметой НКПС на 1928/29 год эта дальность намечена и принята также в 590 *км* и, на основе предварительных сведений о ходе работы за первые пять месяцев этого года, можно предполагать, что фактическая дальность перевозки, т.-е. средний пробег тонны грузов за весь 1928/29 г. будет близок к сметному и во всяком случае не ниже его.

На пятилетие 1928/29—1932/33 гг. пробег этот намечен с очень небольшим снижением (до 584 *км*, т.-е. по существу дела оставляется стабильным до конца пятилетия.

При 165 млн. тонн груза, намеченного к перевозке (отправлению) в 1928/29 г. весь грузовой перепробег против 1913 г. определяется в 17 с лишним миллиардов тонно-километров.

Этот перепробег требует на его выполнение по существующим измерителям работы подвижного состава около 1.000 паровозов и 70.000 товарных двухосных вагонов.

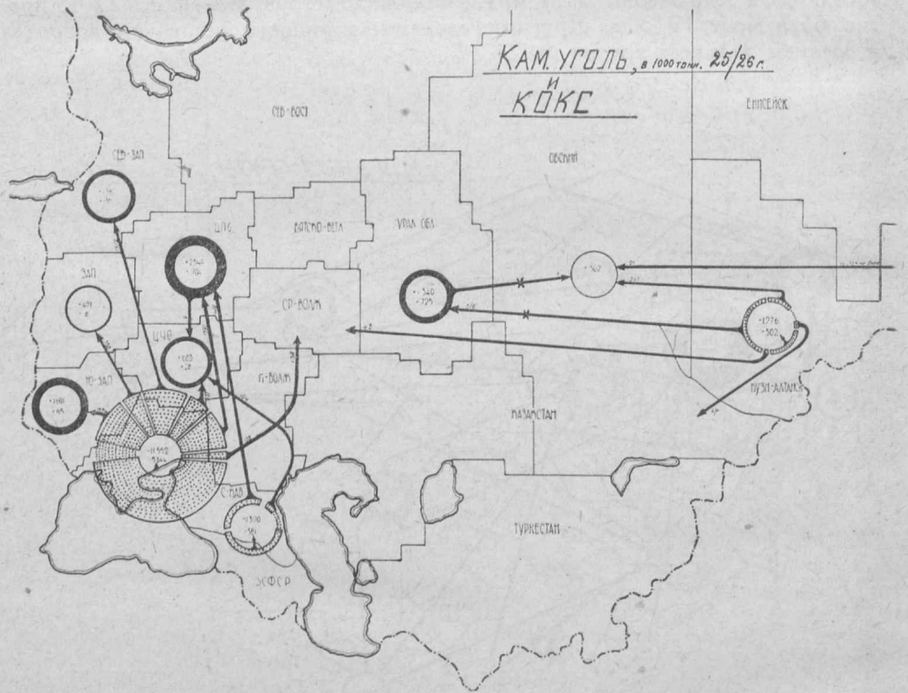


График 2.

Эксплоатационный расход железных дорог по выполнению этого перепробега для одного 1928/29 г., в соответствии с удельным весом его во всей работе сети, определяется в 200 млн. руб., увеличиваясь с каждым годом пятилетки в зависимости от роста грузооборота.

Перепробег, ныне совершаемый грузом на железных дорогах, в некоторой и безусловно большой части, несомненно приемлем в силу целого ряда общеизвестных факторов, но громадная трата средств народного хозяйства обязывает принять меры к тому, чтобы установить конкретные размеры допустимого перепробега, тем более, что есть основания предполагать, базируясь на материалах транспортной статистики, что некоторая доля этого

перепробега не оправдывается изменениями хозяйственной обстановки и, следовательно, неприемлема в условиях планового хозяйства.

Как велика эта доля, сказать трудно, но, как выше указано, весь перепробег требует таких громадных расходов, что и доля эта, возможно, стоит народному хозяйству также больших средств, растрачиваемых непроизводительно.

Попытка подойти вплотную к решению конкретной задачи о размерах того или иного влияния отдельного фактора на увеличение дальности перевозки грузов упирается в отсутствие соответственно обработанных статистических материалов, каковая обработка не может быть сделана парой — двумя рук, вооруженных карандашом.

Между тем, в условиях планового хозяйства выявление причин роста дальности перевозки грузов в конкретных формах и борьба за снижение этой дальности нами мыслятся по линии планово-регулирующего воздействия самого Советского государства.

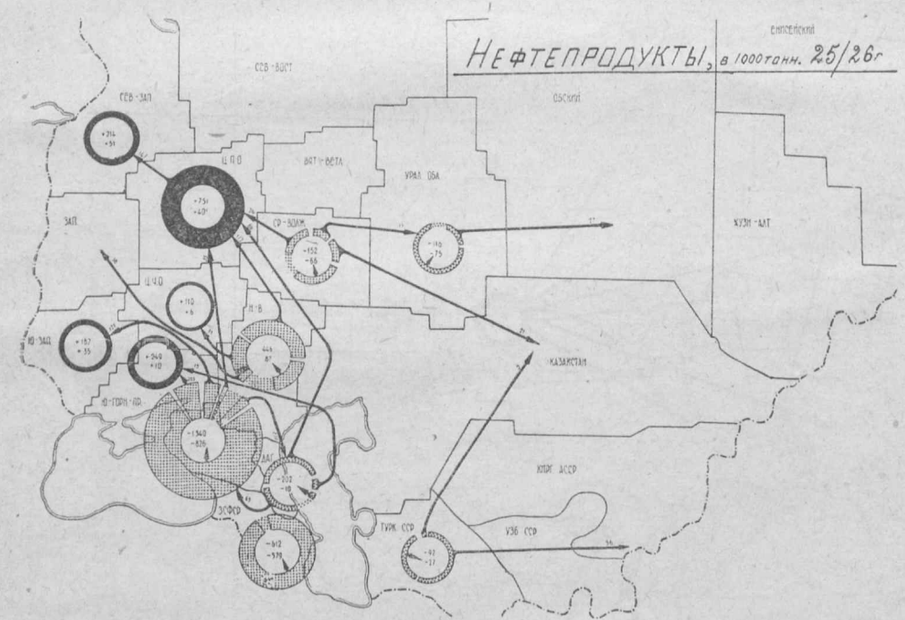


График 3.

Одновременно с необходимостью постановки задачи определения грузооборота в райнном разрезе желательно, чтобы при организации аналитических работ, о необходимости каковых говорил на последнем с'езде госпланов зам. пред. ЦПУ А. С. Андрейчик, в программе этих работ был предусмотрен и вопрос о дальности перевозки отдельных грузов в наше время, как основе к построению рационального грузооборота.

В работах по изучению современного грузооборота, конечно, будут использованы богатейшие статистические материалы НКПС'а.

Каждый хозяйственник может и должен изучить дело транспортирования грузов порученной ему отрасли хозяйства по отчетным данным сводной статистики НКПС'а, дающей прекрасную фотографию хозяйственной жизни страны в транспортном отношении. В этих материалах он найдет отражение действительного положения перевозок интересующих его грузов. Составление планов снабжения страны своей продукцией отдельными трестами, синдикатами, наркоматами не может быть выполнено достаточно

полно без изучения действительного выполнения перевозок этой продукции за предшествующие годы.

Совершенно ясно что такое изучение должно обнимать собою период ряда лет. Вопросы определения и установления закономерности межрайонных обменов; выявления хронических изломов грузооборота; конъюнктурных влияний на него; роста и колебаний дальности перевозки; встречности и повторности, — все это может быть освещено путем изучения материалов сводной статистики НКПС'а.

В настоящее время с большой долей вероятности можно допустить, что изучение этих материалов хозяйственниками не ведется. Причиной этого, может быть, служит запаздывание в опубликовании материалов этой статистики, некоторая незаконченность разработки в смысле отсутствия выпукло и кратко резюмированных результатов многотомных за каждый год трудов и малая популяризация этих работ среди хозяйственников, где есть, к сожалению, и не помышлявшие о существовании этих материалов.

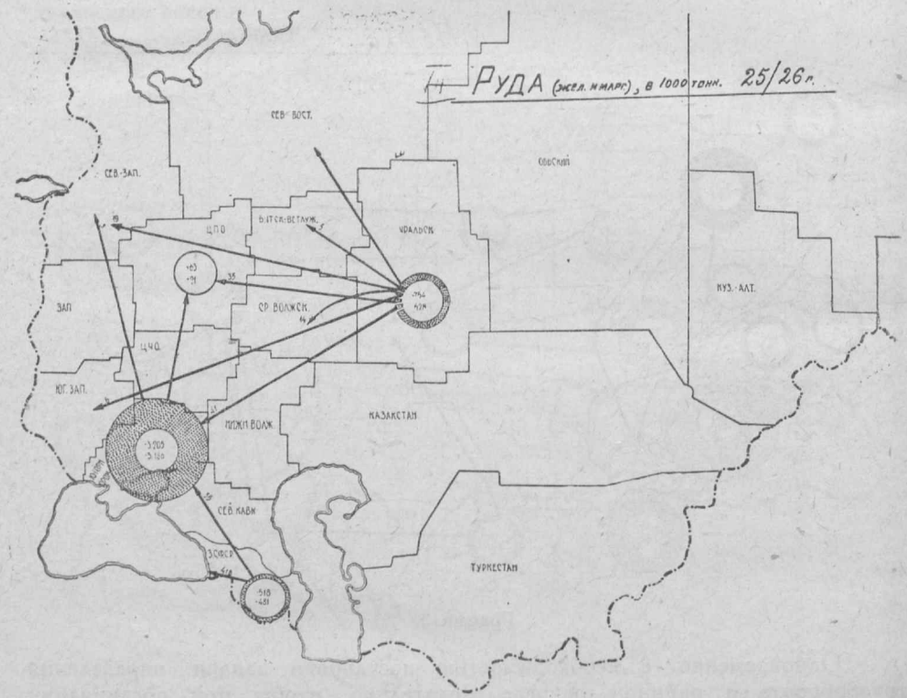


График 4.

Отсутствие кратко и выпукло выполненной результативной части статистических материалов нами предлагается восполнить схематическим графическим отображением содержания таблиц межрайонного обмена по примерному образцу, ниже прилагаемому.

Удобство этого способа заключается в максимальной простоте и выразительности громадного статистического материала перевозок.

В нашей статистической практике способ этот еще не применялся. Существующее схематическое отображение грузооборота, даваемое НКПС'ом при материалах о густоте движения, ни в какой мере не будет повторено нашим предложением, ибо существующие схемы не отвечают задачам освещения грузооборота в межрайонном разрезе, а лишь дают

наглядную картину направлений и величины грузопотоков в союзном масштабе.

На приведенных схемах потоки межрайонного грузооборота даны на основе статистических материалов сводной статистики не полностью. Допущение это сделано нами, как первая попытка осуществить идею графического оформления межрайонного грузооборота. В дальнейшем совершенно необходимо полностью отображать данности таблиц межрайонного обмена, тем более, что % недоучета перевозок в этих таблицах и без того высок. Кроме того, при полном фиксировании всех перевозок на схемах отчетливо выступят встречные, излишне-дальние и повторные перевозки, т.-е. те перевозки, рациональность существования которых в дальнейшем будет взята под сомнение в первую очередь. Графическое отображение таких массовых перевозок, как хлебные, каменноугольные, нефтяные должно быть дано по отдельным видам их, например, зерновые (рожь, пшеница и др.) и продукты перемола; уголь и кокс, светлые и темные продукты нефтяной промышленности и т. д.

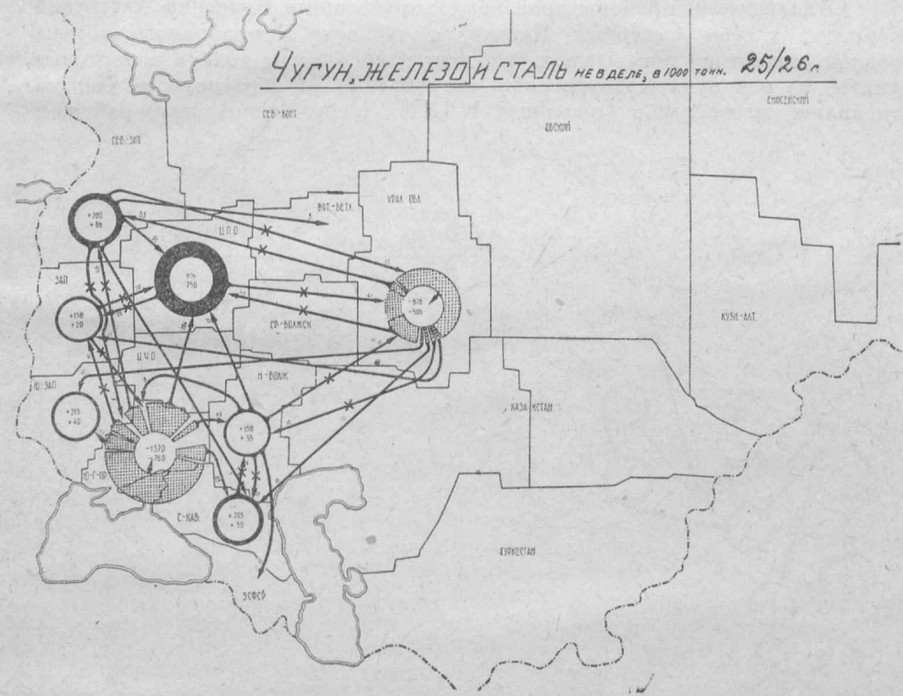


График 5.

Выдвигая идею графического отображения межрайонного грузооборота, мы не претендуем на законченность оформления предлагаемой идеи в том виде, как это сделано нами. Более того, например, схема хлебного межрайонного грузооборота убеждает нас в необходимости отмечать особо поступления хлебов в портовые (экспортные) пункты, а также и обратное отправление ими тех же хлебов. Грузопотоки следует наносить на схему, придерживаясь путей ж.-д. сообщения и в этом случае встречные перевозки будут отражены с максимальной наглядностью.

В прилагаемых примерных схемах грузооборот района потребителя обозначен кольцом, закрашенным сплошной черной краской (район, в котором преобладает прибытие извне), а грузооборот района производителя,

с преобладанием отправления за границы района, показан кольцом, заштрихованным точками.

Стрелки вне колец и цифры при них показывают направление грузопотока и величину его в тысячах тонн.

Цифры внутри колец обозначают (в тыс. тонн): числитель — суммарное отправление со знаком минус или прибытие со знаком плюс, а знаменатель — в том числе отправление по своему же району (если стоит знак минус и стрелка внутри кольца) или прибытие из своего же района (если стоит знак плюс).

Выход из района или поступление в него из прочих районов равны разнице между числителем и знаменателем.

Встречные перевозки отмечены знаком х.

При ближайшем рассмотрении прилагаемых схем по отдельным грузам, можно констатировать следующие, характерные для современного грузооборота, моменты.

По хлебным перевозкам 1926/27 года.

Отдаленнейшие районы производители Обский и Кузнецко-Алтайский снабжают хлебом Северный Кавказ, а таблицы межрайонного обмена сводной статистики показывают, что этот хлеб идет не только в портовые пункты, но и в пункты внутреннего потребления. И обратно, Сев. Кавказ отправляет те же хлеба (пшеницу) в ЦПО, Цент.-Черноземный район, в

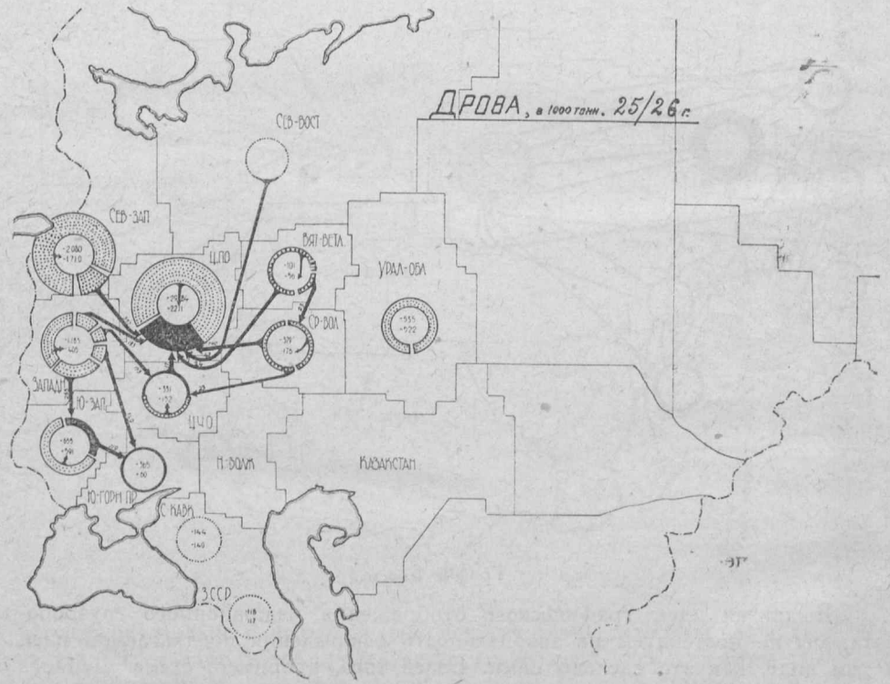


График 6.

район Средней Волги и на ст. ст. Ташкентской дороги, т.-е. в обратном направлении. Ленинградский узел обменивается однородными хлебами с Центр.-Черноземным районом. Урал снабжает пшеницей Украину и получает ее обратно. Характерно, что выявленные ненормальные грузопотоки при обзоре хлебных перевозок за 1925/26 г.[1] почти целиком повторились.

[1] См. „Плановое Хозяйство“ № 5 за 1928 г., статья Н. Хрулева.

Например, Черноморские порты шлют хлеб в Ленинград и обмениваются хлебом между собою. Сибирь шлет пшеницу через Кинель за Ташкент, а станции Ташкентской дороги — за Кинель на внутренние рынки. Омская с участка Тюмень — Омск шлет пшеницу за Байкал, а Томская от Тулуна ее же отправляет за Урал, т.-е. на громадном в 2000 км протяжении идут встречные потоки однородных хлебов. Так же, как и в 1925/26 г., станции Ташкентской дороги шлют пшено адресом на ст. ст. Омской, Томской и Забайкальской дорог навстречу мощному вывозу пшена из Сибири. Другими словами, картина хлебоперевозок 1925/26 г. повторилась и вместе с усиленной отгрузкой сибирского хлеба в порты Черного моря (Николаев и Новороссийск) и Мурманск 1926/27 г. дал рекордную дальность перевозки хлеба за все время существования наших железных дорог.

Большинство отмеченных здесь перевозок неестественных направлений в прилагаемой схеме отражения не нашло только потому, как выше отме-

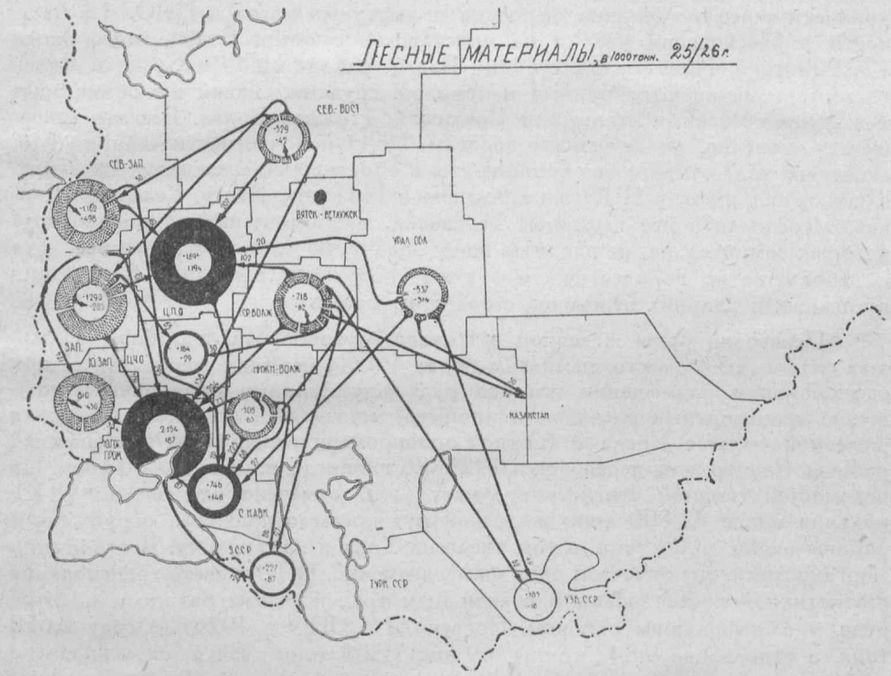


График 7.

чалось, что первая попытка наша осуществления статистической графики в таком виде требует, конечно, прежде чем вылиться в окончательные формы, соответствующей проработки.

В заключение следует отметить, что львиная доля перепробега падает на хлеб, следовательно, в первую очередь необходимо обратить внимание на урегулирование хлебооборота в стране.

На схеме каменноугольных потоков может быть отмечен мощный поток в 43 тыс. тонн кузнецкого угля в район Ср. Волги; большие переадресовки угля и кокса в пределах Ленинградского узла (94.000 тонн), Московского (10.000 тонн), Харьковского, Одесского, Бакинского. Переадресовки эти, кроме отрицательной их ценности с эксплоатационной точки зрения, снижают действительный средний пробег груза; увеличивают удельный вес повторных перевозок. Район ЦПО, и в частности Москов-

ский узел, шлет уголь и кокс в ЦЧО. Кроме этих, отмеченных на схеме моментов, следует указать, что ведомости межрайонного обмена по каменному углю и коксу рисуют картину снабжения углем и коксом из ЦПО всех районов Европейской части Союза за исключением Крыма. То же следует отметить о Западном районе, вывозящем уголь в 8 отдаленных от его районов. Южно-Горнопромышленный район снабжает углем все районы Европейской части, Средней Азии, Кавказа и Закавказья. Угли Донбасса докатываются до Обского района включительно. Навстречу донецкому углю, идущему в восточном направлении, идет уголь Кузбасса, докатываясь до Москвы и Ленинграда.

Грузооборот нефтепродуктов, данный на прилагаемой схеме, замечаний не вызывает, но содержание таблиц сводной статистики НКПС позволяет отметить следующие перевозки, требующие обоснования их появления. Например, пристанские пункты Нижней Волги отправляют большое количество нефти, бензина, керосина и нефтяных масел в ЦПО, а в частности в Московский узел и на пристанские станции Волги, всего около 170.000 тонн. Пристанские станции Волги, района ЦПО и Средней Волги взаимно обмениваются одними и теми же грузами. Такой же обмен идет между пристанскими станциями Средней и Нижней Волги. Все это совершается, конечно, по железным дорогам. ЦПО и в частности станции Московского узла отправляют те же грузы в обратных естественному их направлению, например, в ЦЧО, на Среднюю и Нижнюю Волгу, Северный Кавказ. Перечислить все нефтяные перевозки, экономическая рациональность которых сомнительна, не входит в нашу задачу, но если собрать их все, хотя и небольшие по количеству, то в сумме получится несколько тысяч тонн встречных и дальних перевозок с большим пробегом.

Перевозки руды железной в составе грузооборота занимают небольшое сравнительно место, немногим более 4%. И все-таки, перевозки ее при рациональном размещении потоков руд дадут видимо порядочное сокращение транспортных расходов. Например, могут быть отмечены перевозки железной руды с Урала в Южно-Горнопромышленный и Юго-Западный районы. Размер этих перевозок в 1925/26 г. определился в 41.000 тонн. Из ведомостей сводной статистики может быть отмечено следующее: ЦПО, получив извне 42.000 тонн железной руды, сам отправил в окружающие районы около 5.000 тонн, в том числе на Урал и на Украину. В отношении марганцевой руды отмечаем один факт, а именно, ЦПО в свете транспортной статистики является районом с активным транспортным балансом по этой руде, т.-е. вывозящим районом. Поступило в ЦПО в 1925/26 году 2.650 тонн, а отправлено 9.842 тонны, из них 7.500 тонн этой руды отправлено на Украину.

Схема межрайонного обмена черными металлами: чугун, железо и сталь не в деле, особенно ярко оттенила неблагополучие с этими перевозками. Вся страна покрыта встречными перевозками. Взаимно обмениваются одними и теми же металлами районы потребляющие и производящие, или первые между собой. Северо-Западный район, получая металл из Южно-Горнопромышленного, сам шлет этот же металл на Кавказ. Западный район, снабжаясь с Урала, сам вывозит на Украину и в ЦПО. Нижняя Волга отправляет в Уральский район, получая обратно те же металлы (чугун). Конечно, не все встречные перевозки металла сомнительны: здесь, видимо, играет роль разнообразный ассортимент одной и той же группы, но все же те, кому ведать надлежит, хозяйственники из ВМС, должны анализировать картину грузопотоков металлических грузов. Анализ этот облегчит им труд по составлению плана районного снабжения и такого же плана перевозок.

Схематическое отображение межрайонного грузооборота дров в его главнейших чертах никаких замечаний не вызывает, хотя ЦЧО, район ввозящий из всех районов производящих, все же отправил за границы своего района 25% ввоза, что составляет около 50.000 тонн. Часть этого вывоза шла в районы вывозящие: ЦПО, Западный и Юго-Западный. Таблица межрайонного обмена сводной статистики НКПС'а по дровам дает большой материал для изучения и устранения большого количества тех мелких шероховатостей дровяного грузооборота, которые, как и единицы, складываясь, составляют большие числа.

Обозрение схематического отображения грузооборота лесных материалов, первым долгом убеждает нас в том, что в громадных количествах лес всех видов идет по железной дороге даже и в том случае, когда рядом имеется дешевый, по течению, водный речной путь. Например, Северо-Западный, Северо-Восточный, Уральский, Средне-Волжский отгрузили на Северный Кавказ за Ростов по железным дорогам свыше 80.000 тонн разных лесных материалов, в том числе бревна, сваи, кряжи и т. п. Далее может быть отмечена аналогичная для многих грузов картина грузооборота, когда район с большим активным транспортным балансом, т.-е. вывозящий лес во все районы, сам получает большое количество из отдаленных районов лесного материала одной и той же группы. Например, многовывозящий Западный район получил в 1925/26 году из Северо-Восточного 34.000 тонн леса тех же групп. Лес после хлеба дал максимальный рост дальности своей перевозки против 1913 г., а именно, средний пробег его вырос по отчетным данным за 1925/26 г. на 60,8% (коммерческие с прочими хозяйственными). Картина районного обмена лесоматериалами четко подчеркивает возможность солидного снижения этого перепробега путем организационных мероприятий.

Еще с 1925/26 года НКПС со страниц своих статистических изданий и своего органа («Вестника путей сообщения», ныне «Транспортной Газеты») заявлял, что грузооборот железных дорог отражает собою организационные недостатки дела транспортировки грузов. Росли излишне дальние, встречные, повторные перевозки и переадресовки. В течение ряда лет, дальность перевозки грузов не падала. Наконец, постановлением СТО от 16/I 1928 г. предложено всем хозяйственным и государственным организациям приступить к составлению планов перевозок своих грузов. Вторично, 23/VIII 1928 г., это постановление было подтверждено, при чем СТО уже вменил в обязанность хозорганам, на ряду с промышленными и торговыми планами, составление на их основе плана перевозок в районном разрезе. До сих пор известно о составленных планах Сахаротрестом и ВМС'ом — этого мало. Нужны планы перевозок той отрасли хозяйства, чьи перевозки составляют 65—70% грузооборота и дали максимум перепробега против 1913 г., определенного выше в 17 миллиардов тонн-километров. Каждое начинание по определению районного грузооборота следует приветствовать, но после того, как гиганты нашего грузооборота: хлеб, топливо, лесные и другие строительные материалы, черные металлы и руды, будут надлежаще спланированы, надо надеяться, что после этого «прочие» грузы в некоторой доле автоматически утратят часть своих излишних пробегов, увеличившихся к тому же против 1913 г. только на 10%. Поэтому необходимо теперь же приступить к выполнению августовского постановления СТО и в отношении массовых грузов: хлеба, топлива, леса, стройматериалов и т. п.

На ряду с научно-исследовательскими работами НКПС'а по изучению грузооборота, о которых мы говорили выше, и хозорганы, клиентура НКПС'а, должны поставить работы у себя по определению грузооборота своих товаров в межрайонном разрезе.

Резюмируя приведенные соображения, отмечаем следующие выводы:

1) Необходимость аннулирования непроизводительных затрат, вызываемых увеличением средней дальности пробега грузов и встречными перевозками, заставляет, в первую очередь, широко поставить дело изучения этих явлений и причин их.

2) Это изучение следует направить: а) в сторону точного установления сравнимости средних пробегов грузов довоенного и настоящего времени и б) в сторону проработки клиентурой транспорта соответствующих статистических материалов НКПС межрайонных перевозок. [1]

Для облегчения работы последней является необходимым уменьшение отставания изданий статистических материалов НКПС и выпуск их результативной части в графическом, более компактном изображении.

3) Следующей (основной) стадией работы по изживанию непроизводительных пробегов грузов является периодическое составление клиентурой транспорта планов снабжения, а на основе их составление планов межрайонных перевозок (переход на следующую ступень планирования перевозок).

Правильное решение этой задачи мыслимо лишь при таком сочетании работы НКПС'а и клиентуры транспорта, когда самое построение планов межрайонных перевозок будет обнимать собою сумму коррективов к отчетным данным по перевозкам предшествующих лет на основе планов снабжения наркоматов и, равным образом, когда построение планов снабжения будет произведено с учетом коррективов в деле постановки отчетности по перевозкам грузов.

4) Такая постановка дела построения межрайонных перевозок заставляет НКПС расширить свою роль технического перевозчика до роли экономического планирующего и регулирующего органа (помощью междуведомственного аппарата ЦКП), во время останавливающего нерациональные перевозки.

---

[1] См. „Сводную статистику перевозок по жел. дор." № 75 (продукты горной промышл.), № 76 (металл), № 79 (продукты растительного происхождения), № 82 (продукты животного происхождения), № 86 (продукты лесного хозяйства), № 87 (хлебные грузы). В ближайшее время выходят материалы по таким же грузам и за 1926/27 г. (вып. № 87 относится уже к 1926/27 г.).

Г. М. Кржижановский

Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР[1]

План ГОЭЛРО и пятилетка

Товарищи, если просмотреть мировую литературу о плане, о плановом строительстве хозяйства, о том или ином подходе к построению социализма, то вы увидите, что написаны целые горы. Но есть, товарищи, литература и литература. Лига Наций по поводу разоружения написала 14.000 листов, но эти листы, эта литература подвергнется только грызущей критике мышей. А есть такие творения лучших человеческих умов, есть работы коллективов, которые вырублены из жизни, которые двигают и толкают жизнь. Так вот, товарищи, то, что сейчас демонстрируется перед вами, не относится к простой литературе. Это создано громадным коллективом, это выросло на почве работы лучших умов человечества, восприняло в себя руководящие идеи творцов коммунизма, марксизма, выросло на громадном хозяйственном опыте нашей страны, на совершенно своеобразном опыте, в котором нет для нас препятствий для использования работников любых квалификаций, для использования самого многостороннего опыта практического строительства, в громадном, неслыханном для истории масштабе.

Мы только что выпустили из печати полторы тысячи страниц нашего коллективного труда. А мы уже чувствуем, что основные ставки того строительства, которое мы развертываем на страницах этих трактатов, уже широко известны стране. Пройдет еще короткий срок и каждый рабочий, каждый крестьянин будут знать, что означают эти ставки нашего строительства. Эти основные цифры будут стоять твердо в памяти, как основные вехи, на которых должно быть сосредоточено все внимание нашего актива, потому что от выполнения этих ставок зависит все наше грядущее.

Рабочие и крестьяне будут твердо помнить, что, исполняя заветы Ленина, мы хотим нашу страну сделать электрической, что 22 миллиарда киловатт-часов производства электроэнергии к 1932/33 г., это—основная ставка нашего пятилетнего плана и что ее нужно во чтобы то ни стало выполнить. Рабочие и крестьяне будут знать, что мы даем громадный под'ем тому, что мы называем хлебом про-

[1] Полный текст доклада на V с'езде советов СССР.

мышленности — топливу; они будут помнить, что мы хотим поднять продукцию нашего каменного угля с 35 млн. тонн до 75 млн. тонн ежегодной продукции. Отчетливо будут знать рабочие и крестьяне, что нефть, то, что называется черным золотом, не забыта нами, что мы хотим поднять продукцию этой нефти с нынешних 11—12 млн. тонн почти вдвое — на 22 млн. тонн. Также отчетливо будут они помнить и знать, что в одной из самых сложных производственных задач — в черном металле — продукция должна быть поднята не менее, чем до 10 млн. тонн.

С такой же отчетливостью страна будет знать, что мы идем навстречу нуждам химизации, что мы поднимаемся от ничтожного уровня — 500 тыс. тонн разнообразных химических туковых удобрений до 8 и более млн. тонн. Также отчетливо и твердо будет знать страна, что для того, чтобы освободиться от кабальной зависимости от опередивших нас индустриальных стран, мы будем создавать собственные машины и поднимем продукцию общего машиностроения до стоимости в 2 миллиарда рублей. Одно из крыльев этого машиностроения, быть может решающее, — производство сельскохозяйственных машин, будет поднято до годичной продукции, по стоимости равной 610 млн. руб., т.-е. будет почти утроена современная продукция.

И по другой линии, не менее важной, товарное производство хлебов, дающее ныне всего около 8 млн. тонн, будет поднято не менее, как до 20 млн. тонн.

Рабочие и крестьяне уже знают громадность задуманного хозяйственного строительства; цемент — основа строительства. Его производство будет доведено до 40 млн. бочек в год.

Наконец, по линии транспорта мы пойдем с такой постройкой новых железных дорог, которая, примерно, равна созданной за все революционное прошлое; мы дадим нашей сети еще около 18—20 тыс. *км* новой железнодорожной сети. Эти основные ставки и цифры должны быть и скоро будут крепким достоянием сознания каждого активного работника нашей страны.

Товарищи, заранее можно знать, что многие, особенно за нашим рубежем, об'явят эти ставки неслыханными, будут говорить, что это фантазия, измышление. По масштабу буржуазных государств, по всему их прошлому, по всему тому, что знала человеческая история в области хозяйственного строительства, таких темпов, такого движения, такого броска вперед никто не делал, никто им и не задавался.

Но, товарищи, нам не привыкать-стать к насмешкам, к недоверию тех, которые не видят нашей действительности, не желают видеть ее, для которых вся наша действительность представляется фантастикой. Мне вспоминается такое же недоверие 8 лет тому назад, когда мне пришлось впервые выступать здесь же, с этой трибуны с планом электрификации страны, планом государственной комиссии по электрификации (сокращенно — планом ГОЭЛРО). Вы помните, какое это было время. Страна еще находилась под военной грозой, мы еще продолжали скатываться вниз, в бездну глубочайшей экономической разрухи. И вот, по директивам партии, был составлен первый перспективный хозяйственный план. Мы собрали тогда горстку лиц, научно-технических работников, и под непосредственным руководством Владимира Ильича, по прямым директивам нашей партии попробовали разобраться в том хозяйственном хаосе, который нас окружал, попробовали апеллировать к завоеваниям науки и техники и к тому рабоче-крестьянскому активу, созидательную силу которого мы, вопреки разрухе и войне, видели и ощущали. В этом плане мы смело набросали очерк нашего будущего, рисунок того строительства, которое мы, с нашей точки зрения, могли и должны были осуществить. И немедленно раздались насмешки: говорили, что это не план электрификации, а план „электрофикции", говорили, что это поэзия, творчество, далекое от действительности.

21 декабря 1921 г. этот план ГОЭЛРО был утвержден Совнаркомом. Минимальный срок его выполнения был намечен в 10 лет. Теперь, говоря вам о пятилетке, я подвожу итоги возможного по нашим новым нынешним расчетам строительства, как-раз к тому же сроку, к которому, как и минимальному, был приурочен весь план ГОЭЛРО. И вот посмотрите, как теперь, умудренные опытом, с большими фактическими достижениями, опираясь не только на творчество группы научных работников, не только на работу „сверху", но опираясь на действительный опыт жизни, на работу многомиллионного „низового" коллектива, мы в целом ряде решающих направлений в сущности только воспроизводим ставки того же плана ГОЭЛРО. Мы это сейчас подтвердим.

Прежде всего, пару слов, чтобы об'яснить смелость ставок плана, больших цифр его строительной программы. Мы держим в своих руках хозяйственный механизм, исполненный таких сил, которых человеческое общество не знало. Мы живем в стране, которою, впервые в мире, управляет диктатура пролетариата. Мы живем в стране, в которой не имеется никаких препятствий для того, чтобы воплощать в жизнь наиболее развернутый фронт знания, не считаясь ни с какими перегородками, которые может ставить частная собственность или корысть капиталиста.

Что показывают нам простые, точные, научные расчеты? Уже один факт перехода в общественную собственность орудий и средств производства дает нам громадную экономию. Простые и многоговорящие цифры: крестьянство в ипотечных платежах, арендных и банковских, вследствие устранения помещиков и землевладельцев, экономит из года в год свыше 300 млн. руб. Устранение непроизводительного потребления верхней части общества, буржуазной верхушки тузов-капиталистов, по самым осторожным подсчетам, дает не менее

600 млн. руб. годичной экономии. Освободившись от грандиозной зависимости по уплате военных и всяческих других иностранных долгов, в которых запуталось царское правительство, мы будем иметь из года в год экономию не менее 500 млн. руб. Уничтожив огромную пиявку военного хозяйства царской России, где хищения господствовали как ни в одной другой хозяйственной области, поставив нашу оборону на совершенно иные рельсы, мы экономим не менее 500 млн. руб. из года в год. Подсчитайте общую сумму — это не менее двух миллиардов рублей в год, это—около одной седьмой части всего годичного довоенного народного дохода. Вот что дала нам Октябрьская революция, вот, какие огромные материальные средства мы получили, как добавочные средства для развертывания хозяйства, при чем для развертывания на новой более совершенной основе, на основе планового режима.

И вот, товарищи, действительность показала, что вопреки трудностям налаживания планового хозяйства, ибо оно не дается сверху, а завоевывается всем нашим трудовым коллективом в процессе непрестанной борьбы за план, эти огромные завоевания, которые возможны лишь при победе диктатуры пролетариата, мощно дали себя знать. Действительный ход хозяйственных событий показал, что эти плюсы, при наличности встрепенувшейся воли к труду у рабочих и крестьян, дают возможность ставить такие большие ставки в наших перспективных хозяйственных планах. Вспомним эти основные ставки. План ГОЭЛРО был планом электрификации. Тов. Рыков приводил уже справку, что по этому плану намечалось построить 30 районных электростанций общей мощностью в 1.750 тыс. киловатт. В пятилетке мы идем уже не с 30 электрическими станциями, а с 40. Мощность их значительно превосходит мощность, намеченную раньше (от 2.500 до 3.000 тыс. киловатт).

Что это означает?

Действительность показала, что нажим ГОЭЛРО на электрификацию был правилен, что он не только не был преувеличен, а как-раз наоборот. Не рассуждения, а прямые ответы на запросы по электроснабжению мест, важнейших районов, важнейших отраслей народного хозяйства вынуждают нас теперь итти в этом деле далее и решительней. В общем и целом, однако, мы идем по строительству районных станций как-раз в тех местах, которые были намечены по плану ГОЭЛРО. Новые станции пятилетки лишь уточняют этот проект, ограничиваясь в большинстве случаев лишь увеличением первоначально намеченных мощностей.

А вот другая важнейшая строительная хозяйственная линия — металл. Я прямо прочту вам, каким образом мы рассматривали программу черного металла в плане ГОЭЛРО. Вы увидите, как сейчас новая проработка вопроса поразительно близко подвела нас к тем же величинам, какие мы намечали в 1920 г.: „В программу производительности ближайшего десятилетия должно быть поставлено увеличение выплавки Южного района до 5 млн. тонн. Это увеличение может быть достигнуто полным использованием оборудования существующих заводов, расширением таковых (между прочим Керченского) и устройством нового крупного завода на 670—750 тыс. тонн около Александровска. Урал может дать при добавочном снабжении донецким и кузнецким углем до 25 млн. тонн, Центральный район— до 417 тыс. тонн и Северный такое же количество. Для обслуживания Сибири следовало бы развить металлургическую промышленность в Кузнецком бассейне. В сумме выплавка чугуна должна быть доведена в ближайший срок до 8.400 тыс. тонн в год, при чем придется прилагать все усилия для дальнейшего увеличения этой нормы".

Десять миллионов тонн чугуна пятилетки — это 600 млн. пудов. Вы видите полное совпадение ставки нашей пятилетки с планом ГОЭЛРО, ибо в ГОЭЛРО говорилось, что 8.400 тыс. тонн чугуна будет мало. По пятилетке Украина должна дать 6 млн. тонн чугуна, и сличая разверстку по местам и по характеру строительства в обоих планах, вы увидите полное совпадение.

Посмотрим дальше, что мы говорили о топливном центре — Донецком бассейне. Мы говорили в 1920 году, что надо довести добычу Донбасса с опорой на крупные шахты до 47—50 млн. тонн. Посмотрите, как сейчас намечаем: 54 млн. тонн угледобычи Донбасса по пятилетке — это в переводе на пуды соответствует задаче поднять угледобычу Донецкого бассейна — до 3 миллиардов пудов.

По добыче торфа намечалось получить не менее 1 миллиарда пудов (около 17 млн. тонн). Мы делаем в нашей пятилетке ставку на 16—18 млн. тонн торфа. Также поразительно совпадение и по черной руде — в обоих планах 20 млн. тонн. Уже эти справки показывают, что ставки нашей пятилетки в общем и целом близки к наметкам плана ГОЭЛРО. А их можно было бы значительно продолжить.

По плану ГОЭЛРО предвиделось громаднейшее расширение туковой удобрительной промышленности, фосфоритной муки, фосфоритных и азотистых удобрений. Там говорилось о большом строительстве государственных совхозов, при чем предвиделся длительный путь для выправки их хозяйства. О чем это говорит? Над этим следует задуматься. Это говорит о том, что мы имеем поразительное совпадение научного анализа, того анализа, который был нашим преимущественным средством в ту пору, когда мы писали план ГОЭЛРО с данными тех больших и сложных расчетов, которые мы могли пустить в ход при выработке пятилетки. Изучая ее полторы тысячи страниц, вы увидите, какая работа на этот раз проделывалась, работа по преимуществу учета фактического хозяйственного опыта, учета дискуссий с работниками мест, опиравшимися прежде всего на то, что свидетельствует им сама их хозяйственная деятельность.

Ставки пятилетки вырублены из самой жизни. Поразительное совпадение творчества научной мысли, ее предвидения, с тем опытом, который фактически проделывался нами за эти поучительные великие годы нашей хозяйственной жизни! Пусть маловеры призадумаются над этим обстоятельством. Оно должно показать им, что мы были правы, когда были уверены, что сможем, опираясь на особые условия нашей страны, создать такую необычайную спайку между работой теоретической научной мысли и фактической хозяйственной работой на местах, которой еще мир не знал и не мог знать,— мир, живший в условиях противоположения труда и капитала, мир, знавший науку, направленную на служение интересам лишь горстки верхов, — мир капиталистический. Все это вселяет в нас бодрую уверенность, что мы идем по правильному пути.

Товарищи, Владимир Ильич назвал план ГОЭЛРО второй программой партии. Это мы с еще большим правом можем сказать относительно пятилетки. Здесь еще более достоверности в прощупывании, в опытной проверке строительства хозяйственных основ социалистического общества.

Совпадение пятилетки по основным решающим вехам с планом ГОЭЛРО, который не без основания назывался планом Ленина, говорит, что в хозяйственном разрезе мы идем по ленинским вехам. На ряду с этим как зеницу ока мы будем блюсти основную программу партии, партии, созданной тем же Лениным. Мы идем по пути, который как бы с двух сторон огражден вехами, поставленными гениальной и твердой рукой Владимира Ильича. С тем большей уверенностью мы пойдем по этому пути в дальнейшем, какие бы трудности и препятствия нам не встретились, какие бы насмешки на нас не сыпались. Мы знаем, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мы все твердо будем стоять у хозяйственного руля и великим показом докажем, что в нашей стране впервые строится не теоретический, а подлинный социализм— строится действительное господство трудящихся над всеми стихиями, обеспеченное мощным материальным базисом.

Энергетические ресурсы

Товарищи, по соглашению с тов. Куйбышевым, наши доклады распадаются на две части. На мою долю из области промышленной приходится и энергетика, т.-е. топливо и электрическая энергия, иными словами все то, что обеспечивает работоспособность промышленности. Энергетика, сказать попросту, это — работоспособность. Громаднейший раздел промышленности будет докладывать тов. Куйбышев, и мне надо быть очень осторожным, чтобы не затронуть его темы. Все остальные части хозяйства по условиям времени мною должны быть доложены в самой краткой форме.

Итак, позвольте мне начать прежде всего с основного, с хлеба промышленности — топлива.

Товарищи, если мы посмотрим, как развивалась наша промышленность то мы, прежде всего, увидим, что пути ее развития шли как бы по линиям топливных ресурсов, в меру того, как мы могли развивать использование природных ресурсов топлива. Первая промышленность нашей страны была развита в Центрально-Промышленном районе и на Урале потому, что здесь были огромные лесные богатства.

Громадное развитие нефтедобычи в период конца 80-х и начала 90-х годов повлекло развитие промышленности на Волге до ее верховьев. Ленинград шел на иностранном импортном угле. Нечего говорить, что вся промышленность нашего Юга базировалась на громадной базе Донецкого бассейна.

Не надо забывать, что в грядущее пятилетие как-раз в этой области наступают решительные сдвиги. Теперь, более, чем когда либо, для того, чтобы проследить судьбы индустриализации, мы должны отдавать себе ясный отчет в развитии базы индустриализации, в производстве хлеба для промышленности — топлива. Какие же это сдвиги? Прежде всего широкое получение импортного угля для нас исключается, по понятным для вас соображениям. Леса наши для дровяного использования мы должны щадить. У нас огромная строительная программа, и требования деловой древесины громадны. Мы должны поднять годичную продукцию одной деловой древесины с 60 млн. куб. метров вдвое, а лесные районы, находящиеся вблизи, сильно вырублены. Мы должны найти специальные транспортные средства для развертывания новых лесных районов, крайне необходимых не только для внутренних строительных надобностей, но и для мощного под'ема лесного экспорта.

Я еще не сказал, что теперь мы идем в наши леса с задачами крупной, специально лесной, химической и механической промышленностями. Должен еще подчеркнуть, что движение современной технологии показывает нам, что древесина и в дальнейшем будет играть главную роль не как топливо, а как предмет самой разнообразной, многообещающей механической и химической переработки.

Наконец, нефть. Мы должны всячески беречь ее от грубого топливного использования, как продукт, необходимый для разнообразных переработок, как основу экспортных товаров величайшей важности. Донецкий бассейн со своим углем уже 4—5 лет находится в таком напряжении, когда мы с величайшей осторожностью должны намечать этапы его дальнейшего развития, чтобы это напряжение не перешло в перенапряжение.

Как видите, товарищи, топливные предпосылки у нас другие, чем были прежде. Вопросы топлива приобретают колоссальную, быть может решающую, роль для успехов всей задуманной нами хозяйственной программы.

Можно ли вообще считать, что эта программа реалистична в том смысле, что наши основные топливные ресурсы обеспечат на-

меченные темпы индустриализации. Имейте в виду, что мы сравниваем одно топливо с другим по его теплотворным способностям. Мы переводим одно топливо в другое, приравнивая его примерно к среднему донецкому углю. Донецкий уголь определяется в 7.000 теплотворных (калорий) в килограмме. Этими условными единицами мы измеряем мощность всех наших топливных ресурсов, переводя их в одно измерение.

Каков же наш природный запас всего топлива в этих условных единицах? Он определяется огромной цифрой в 600 мрд. тонн. Мы подходим с такими скромными по отношению к этому запасу потребностями топлива из года в год, что страховка и перестраховка здесь колоссальные.

По пятилетке, к концу ее, мы будем расходовать в год для всех производственных надобностей всего около 100 млн. тонн условного топлива.

Но как распределяются по родам топлива наши природные ресурсы? Почти 90% приходится на разные каменные угли, 8% падает на торф, 1% падает на нефть и немногим более 1,5% приходится на дрова. Таким образом, решающее значение имеют угли: 90% всего природного топливного запаса. Но когда мы переходим от общей разведки природных ресурсов к таким ресурсам, которые мы уже нащупали более основательно, которые мы можем назвать промышленными ресурсами,— потому что по расчетам наших техников и экономистов наличность их прочно установлена и они расположены выгодно для промышленного использования,— то тут перед нами развертывается поразительная картина. Оказывается, что как каменный уголь, так и торф, так и нефть — эти основные части нашего топливного баланса,— мы знаем по промышленно разведанным ресурсам только в трех процентах их естественных богатств. Только леса — наше старейшее топливо — разведано промышленно в одну треть, а во всех остальных частях промышленная разведка охватывает только 3%. Это сразу показывает, где самое слабое место на топливном фронте. Это говорит о том, что одна из важнейших задач предстоящего пятилетия — закрыть эти „ножницы" между общей и промышленной разведкой, броситься с величайшей энергией на такую разведку, которая бы нам позволила проектировать развитие топливной промышленности, постановку наших фабрик и заводов в расчете на твердые источники топлива, их хлеба, их основного хлеба. Оказывается, например, что в Донецком бассейне, который, казалось бы, должен быть хорошо разведан, что в этом Донецком бассейне мы сейчас еще принуждены ставить шахты не так, как этого требует горнозаводское дело, не с такой степенью достоверности в смысле разведанности каменноугольных пластов, как этого требуют наука и практика. А что же сказать про нефть? При ставке на 22 млн. тонн ежегодной добычи мы для 6 млн. тонн должны будем искать новых месторождений.

Сейчас я попрошу на карте осветить топливодобычу.[1] Зеленым светом здесь освещено то, что связано с торфом. Особенно ясно вы видите эти большие белые блестки угольных шахт. В Европейской части это — Донецкий бассейн, в Сибири — Кузнецкий бассейн. Внизу в трех черных квадратах изображена относительная мощность трех главных по мощности угольных бассейнов. Первый в 64 миллиарда тонн (а некоторые утверждают в 66 мрд. тонн). Это — наш Донбасс. Второй громадный квадрат графически сопоставляет 400 мрд. тонн угля Кузнецкого бассейна. И третий квадрат — это Прибайкальский Иркутский угольный район, который определяется по мощности ресурсов в 50 мрд. тонн.

Я останавливаюсь сразу на угле, ибо, как я уже об'яснял, уголь составляет 90% всех наших топливных ресурсов. На что же мы здесь должны обратить особое внимание? Вы видите, что соотношение сил по природным ресурсам Кузнецкого и Донецкого бассейнов таково, что Донецкий бассейн, примерно, в 6—7 раз меньше, чем Кузнецкий бассейн. Тем не менее всесоюзной кочегаркой и на это пятилетие остается Донецкий бассейн, ибо это бассейн освоенный, стоит на прочных рельсах, тогда как Кузнецкий бассейн, этот молодой мощный гигант, мы вновь должны развертывать, раскрывать. Вы видите, что этими сигналами с особенной яркостью освещается Донецкий бассейн.

Какова же программа работ в Донецком бассейне? Я в беглых чертах остановлюсь на ней, чтобы вы представили себе размеры наших строительных работ здесь, в этом важнейшем индустриальном пункте.

Нынешняя продукция Донбасса — 27 млн. тонн, а нам нужно для того, чтобы свести концы с концами, при 30-процентной экономии топлива, отсюда получить не менее 53 млн. тонн — почти удвоение. Что это значит? Капиталисты строили старый Донбасс в течение 40 лет. Ныне мы уже превзошли довоенную угледобычу Донбасса. Теперь мы хотим ее удвоить. Стало быть, в течение 5 лет мы хотим здесь сделать то, что капиталисты сделали в течение 40 лет. Это огромнейшее, напряженное задание. Вы знаете, как напряженно работает наша всесоюзная кочегарка теперь, как трудно дается ей осуществление очередной строительной программы, по которой мы за последние 3 года вложили здесь около 300 млн. руб. Мы должны были по Донуглю построить 13 новых крупных шахт, 4 крупнейших шахты сильно переоборудовать. Пока что мы еще не развернулись здесь с крупной реконструкцией. Нам трудно было развернуть неокрепшим индустриальным механизмом ту строительную программу, которую мы разработали, как вы слышали, уже 8 лет тому назад.

В это пятилетие мы должны будем так развернуть программу нового крупного шахтного строительства, чтобы поднять угледобычу,

[1] См. прилагаемую карту.

обеспеченную прежней программой работ лишь до уровня в 41 млн. тонн, — до 53—54 млн. тонн. Каждый год нам нужно закладывать от 10 до 12 новых крупных шахт. Мы одновременно должны будем приступить к программе большой реконструкции существующих шахт, по крайней мере, 40—50 крупнейших шахт. А ведь крупная шахта строится $3^1/_2$ —5 лет, переоборудуется —2—3 года. Вот какое крупное шахтное строительство необходимо здесь. На одни жилища придется израсходовать около 300 млн.— вы знаете, как остра здесь жилищная нужда. Нам нужно покончить также с электрическим голодом в Донбассе — до сих пор электрическое снабжение здесь находится в тисках. По-новому, крупнейшим строительством, придется разрешить и водный вопрос, от которого задыхается все хозяйство и все население Донбасса. Программа строительных работ потребует от нас свыше одного миллиарда рублей. Но не в этом миллиарде дело. Дело в том, что до сих пор мы еще никогда на столь ограниченной территории не развертывали такого грандиозного строительства с таким срочным и ответственным заданием. Труженики Донбасса должны помнить, что от их работы в это пятилетие буквально зависят судьбы основных индустриальных центров. Донбасс по прежнему останется главным питающим топливным центром. Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы облегчить нагрузку Донбасса, развивая местное топливо, рационализируя потребление топлива. Однако, если мы и сведем Донбасс по процентной доле среди угольных районов на 7 пунктов ниже, то тем не менее для Центрального и Ленинградского районов много больше половины промышленного топлива попрежнему будет углем Донбасса.

Вы должны знать, что природные условия залегания угольных пластов Донецкого бассейна неблагоприятны. Отношение породы пустой к угольным пластам плохое:—0,13% угленосности. В бассейне— 200 угольных пластов и „пропласток“, но пласты тонкие, часто выклиниваются (там мы считаем промышленными пластами полуметровые пласты).

Казалось бы, что легче всего, скорее всего разгрузиться переходом на Кузнецкий бассейн. В нем громадные природные преимущества: сумма угленосных пластов Донбасса —28 метров, сумма угленосных пластов Кузбасса — 100 метров. В 10 раз больше угленосность (1,3%), значительная часть пластов имеет среднюю мощность 2 метра с колебанием от половины до 16 метров, залегания пологие, ближе к поверхности земли. Калорийность 8.000 против 7.000 Донбасса. Угли, приближающиеся к лучшему английскому углю „кардиф“, чистые, не выветриваются. Есть замечательнейшие угли в Кузнецком бассейне — „томиты“. Это почти концентрированная нефть, такое огромнейшее богатство в них летучих веществ. Есть великолепные коксующиеся угли.

И, тем не менее, мы не можем рискнуть довести за пять лет угледобычу Кузнецкого бассейна до размеров, превышающих

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН
НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
С. С. С. Р.

(ВАЖНЕЙШИЕ ОБЪЕКТЫ КРУПНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ С. С. С. Р.

Масштаб
100 0 100 200 300 км.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Электростанции

- существующие и расширяющиеся
- вновь строящиеся

красный цвет — теплоэлектроцентрали
желтый — на угле и др. топливе
зеленый — на торфе
голубой — гидростанции

Металлопромышленность

- Заводы черной металлургии
- -„-„- цветной -„-„-
- -„-„- общего машиностроения
- -„-„- сель-хоз. машиностроения
- Химические комбинаты и разн. химзаводы
- Разные заводы

Топливо

- Районы постройки каменноугольн. шахт
- Нефтеперегонные заводы
- Торфобрикетные заводы
- Заводы текстильной промышленности
- -„-„- строительных материалов
- -„-„- бумажн. промышленности
- -„-„- лесопильные и деревообделочн
- Районы расположения совхозов
- Новые жел.-дорожн. линии
- Нефтепроводы

ЗАПАСЫ УГЛЯ (В МИЛЛИАРДАХ ТОНН)

ДОНБАСС	КУЗБАСС	ЛЕНСКО-БАЙКАЛЬСКИЙ БАСС.
64,6	408,3	45,5

АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ С. С. С. Р.

МАСШТАБ
300 0 300 600 900 км.

Главлит № А-40538. Тираж 35.000

ГОСПЛАН СССР ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО"

„ГЕОКАРТПРОМ" Типо-Литография им. т. Д. УНАЕВА Москва, Б. Полянка 9.

утроение нынешнего уровня, равного 2,5 млн. тонн. Мы наметили здесь угледобычу всего в 8 млн. тонн. К этой цифре мы пришли при некотором сопротивлении практических работников, которые утверждали, что и это невозможно. Только тогда, когда мы их убедили в том, что Кузнецкий бассейн при своем развертывании будет центром внимания всего Союза, что сам Донбасс об'явит свое шефство над этим своим растущим преемником, только тогда работники мест и эксперты согласились, что эта программа в 8 млн. необходима и возможна.

На третье место надо поставить не Иркутский район, а то, что сверкает сейчас на карте в центре под Москвой — это так называемый Подмосковный бассейн. Этот Подмосковный бассейн испытывал странные судьбы. Расположение его, как вы видите, в смысле близости к основному индустриальному центру идеально — он в непосредственной близости к красной пролетарской столице Союза. Разведки его, которые охватывают ничтожную долю бассейна (из 25.000 *км* всего только 500 *км*) показывает, что хотя залегание подмосковного угля не является сплошным (он лежит гнездами) тем не менее, есть и большие гнезда. Общая мощность его определяется, примерно, в 8 мрд. тонн. Но свойства угля таковы, т.-е. считались при прежней технике таковыми, что этот уголь относился к породам самого дурного угля — калорийность в 3.200 калорий, он выветривается на воздухе, сернист. Техники не умели подойти к его использованию так, как подходили к благонадежным сортам донецкого топлива. Однако, современная техника, работы Теплотехнического института и Каширской станции показали, что мы должны по иному расценивать достоинства и возможности использования этого подмосковного угля. Мы научились его прекрасно сжигать, и те исследования, которые мы сделали в заграничных лабораториях, в заграничных производственных центрах, показали, что с этим углем мы пойдем той же дорогой, какой Германия идет с бурым углем. Мы располагаем теперь возможностью для раскрытия Подмосковного бассейна действовать и рычагом электрификации и рычагом химии. Огромнейшее значение Подмосковного бассейна вырастает сейчас особенно потому, что навстречу идут те современные завоевания науки и техники, которые и вообще, по всему хозяйственному строительству, чрезвычайно облегчают наше положение, создают, если можно так выразиться, нам попутный ветер. Подмосковный бассейн — великая страховка на случай всяких осложнений. Отдаленность Кузбасса, напряженность транспортных условий для вывоза из Донбасса угля всякий раз, в случае каких-либо внешних осложнений, заставляют нас особо ценить это огромное страхующее значение Подмосковного бассейна, расположенного вблизи основного политического и экономического центра Союза.

На Урале явственно выделяется Кизел на севере и Челябинский бурый уголь — на юге. Кизеловские угли идут узкой 100-километро-

вой лентой по западному склону Урала. Угли коксующиеся; они, повидимому, имеют неразведанную площадь залегания в ширь своей ленты.

На развитие Подмосковного бассейна раза в 4—5, на переход к крупным шахтам от теперешних кустарных мы должны будем затратить свыше 50 млн. руб. Под'ем уральской угледобычи до 6—7 млн. тонн потребует закладки новых 20 шахт и расходов около 100 млн. руб. Общие вложения в каменноугольное дело за пять лет — 1.300—1.400 млн. руб.

Я не останавливаюсь на других, менее важных угольных бассейнах. Время, возможное для доклада, не позволяет мне развертывать полную картину строительства, и поэтому я останавливаюсь только на самом основном и существенном.

Перехожу от углей к другим видам топлива, но отмечу одно обстоятельство. Мы знаем, что территория нашего Союза превосходит территорию Соед. Штатов не менее, чем в три раза; в геологическом отношении она близка к Соед. Штатам; а между тем оказывается, что мы обладаем 7% мировых запасов угля, а Соед. Штаты обладают 50%. О чем это говорит? Если вы вспомните, что наши угольные богатства, промышленно разведаны только на 3%, то дело становится ясным. Дело в том, что мы просто не знаем наших угольных сокровищ. И действительно, в нашей памяти проходит ряд событий за эти годы, когда мы неожиданно натыкались на новые угольные бассейны (Печора, Минуса), когда мы должны были заново расценивать известные залежи, поднимать их значение. Это говорит о том, что мы должны будем очень сильно спешить с угольной геологической и промышленной разведкой и если мы израсходуем за пять лет на эту надобность около 100 млн. руб., то этой суммы жалеть не приходится. Надо только, чтобы она с толком и во-время пошла на это важное дело.

Что же может притти нам на помощь для того, чтобы по возможности скорее избавиться от напряжения и перенапряжения Донбасса? Конечно, рост Кузнецкого бассейна, особенно в грядущем, даст громадное облегчение. Если мы сумеем подмосковный уголь вскрыть по другому, чем это делалось до сих пор, то мы также получим большую помощь.

Но есть еще, товарищи, огромные топливные богатства,— богатства торфа. Вы слышали, что он занимает после угля второе место среди наших природных топливных ресурсов. Мы — первая страна в мире по нашим торфяным богатствам. Мы считаем, при грубой прикидке, что наш Союз обладает в его европейской части, примерно, 20 мрд. тонн торфа—в переводе на условное топливо, а в части азиатской — еще 30 мрд. тонн. В сумме около 50 мрд. тонн в условных единицах. Вот какую мощь представляет наши торфяные ресурсы.

Что это означает? Это означает, что если бы мы все наше промышленное хозяйство перевели на торф, то мы в течение 350 лет

могли бы питаться этими богатствами. Вся Европа и вся Америка определяют мощность своих торфов всего в 30 мрд. тонн. Отсюда мы видим, какое значение может иметь надлежащее использование наших торфяных богатств.

За это время мы прошли по торфодобыче очень значительный путь, мы упятерили добычу сравнительно с довоенным временем. Ныне мы хотим еще утроить ее. Мы сейчас, следовательно, делаем ставку на увеличение в 15 раз того, что мы добывали в довоенное время. Такую же, примерно, ставку мы ставим и на подмосковный уголь, т.-е. увеличиваем его добычу минимум в 15 раз.

Итак, если кто-нибудь скажет, что в плане у нас есть просчет в основном пункте, что мы слишком налегаем на Донецкий бассейн, не считаясь с тем, что по линии перевозок мы должны будем еще вложить миллионы для того, чтобы уголь из Донецкого бассейна доставить в центр, то это будет не верно. Мы все сделали для того, чтобы послать на подмогу и торф и подмосковный уголь и другие местные угли. Большего сдвига мы сделать пока не можем. Однако, в виду того, что по дровам, по тем соображениям, о которых я говорил выше, мы даем малое движение вперед, создается такое положение, при котором Донбасс продолжает оставаться основным центром топливоснабжения, решающим судьбы всей индустриализации.

На следующее место надо поставить в этом беглом обзоре нефть. Обратите внимание, прежде всего, на своеобразие судьбы нашей нефтедобычи. Было время, когда мы были первой страной мира по нефтедобыче. Сейчас Америка перегнала нас в 10 раз: 125 млн. тонн против наших 12 млн. тонн. В последние годы нас быстро перегнала Венецуэла, которая имеет сейчас уже 14 млн. тонн. Но чаша весов колеблется. Мы считаем наше нефтяное хозяйство наиболее благоустроенным в нашей индустрии. Этим оно обязано тому, что почти все перешло на электрические „рельсы". В 1921 г. мы были в 10 раз более отсталыми по отношению к Мексике: она была над нами, ныне мы сильно перегнали Мексику. Сейчас перед нами серьезной силой стоит только такой мировой гигант, как Соед. Штаты. И вот является вопрос: каковы же судьбы дальнейшей конкуренции двух основных властителей нефтяных ресурсов: нас и Соед. Штатов?

Отметим прежде всего, что промышленно разведанные ресурсы нефти у нас весьма не велики: 145 млн. тонн в переводе на условное топливо. Это не устраивает нас даже на ближайшее пятилетие. А по геологическим предположениям — каковы эти богатства. Свыше $4^1/_2$ мрд. тонн. Где можно искать нефть? Нефть можно искать везде, где нет отказа в известных осадочных залеганиях, где мы не натыкаемся прямо на кристаллические породы, где есть подходящие изгибы земной поверхности. Наша территория по этим условиям чрезвычайно близка к Соед. Штатам. А между тем, мы сейчас имеем всего 25 хороших нефтяных месторождений, из которых только 10

являются благонадежными. Америка за это время, за время конкуренции с нами, открыла тысячу месторождений. Америка движется с бешеным темпом, с бешеной энергией в области разведок. Скважины нефти используются там в 5—8 лет. Наши старые районы нефтедобычи, как, например, Балахно-Сабунчино-Романинская площадь Баку, работают более полувека. Американцы идут с бурением на глубину до 2 километров, наши скважины в среднем около 400 метров. Следовательно, мы и на старых площадях имеем некоторые резервы на больших глубинах. Убежденность в том, что у нас должны быть громаднейшие, еще неизвестные запасы нефти, заставила наметить в нашей пятилетке громадную нефтяную разведку. Мы наметили в пятилетие — 200 новых геологических структур для исследования. И вот сейчас то, что вы слышали об уральской нефти, это как раз подтверждает одну из важнейших наметок пятилетнего плана; подтверждает соображения, что на всем протяжении от западного Урала до Средней Волги мы должны искать нефть. Открытие проф. Преображенским нефти в 40 *км* от Перми свидетельствует о том, что эта наметка была правильной. Если будет так, что при этих разведках, как в довоенное время, будет 5% удачи, то мы дадим в это пятилетие уже 10 новых благонадежных нефтяных районов. Здесь не следует бояться риска. Американцы щедро бросают громадные деньги и не смущаются малым процентом удачных скважин. Риск неизбежен, но нефть удачных скважин, столь необходимая нам и для экспорта и для внутреннего использования (а мы хотим удвоить мощность нефтеперегонных заводов, довести их до 19 млн. тонн продукции, соорудить свыше 60 штук американских, так называемых „крэкингов", превращающих тяжелый мазут в легкие погоны бензинов), с лихвой вознаградит все потери.

Вот справка, которая ярко иллюстрирует, как смело идут американцы на разведку. В Калифорнии в 1925/26 г. было пробурено 390 разведочных скважин. Обошлось это в 35 млн. долларов, т.-е. 70 млн. руб., а в результате было открыто только два нефтяных района и один из них оказался неважным. Это показывает, что и нам нужно всю обстановку разведок поставить на новые рельсы, для того, чтобы здесь работники не боялись попасть в какую-нибудь переделку, если процент удачи небольшой, не тот, который могут ожидать люди, недостаточно осведомленные в этой специальной области.

Мы идем дальше, товарищи, для того, чтобы облегчить транспорт нефти с громадным строительством нефтепроводов. Мы сейчас уже осуществили огромный нефтепровод Грозный — Туапсе. Он здесь изображен на карте. Затем, строим нефтепровод Баку — Батум. Есть предположение пойти с нефтепроводом от Каспия к Москве. Показательно, что, например, Венецуэла обогнала нас после того, как она для облегчения транспорта нефти пошла по пути огромного строительства нефтепроводов. Итак, шансы догона Америки у нас большие и верные. Бешеная погоня за нефтью в С.-А.С.-Ш. привела к значительному истощению тех скважин, которые там эксплоатируют. В то время как там наблюдается падающая линия на целом ряде недавно благонадежных мест, когда разведка там напряжена до отказа, мы только подходим к новым разведочным и производственным возможностям. Есть все шансы считать, что успешность в разведках будет не 5% а все 10—12%. Если это оправдается, то уже в это пятилетие мы более чем вдвое уменьшим нашу отсталость от С.-А.С.Ш., а в следующее пятилетие начнем борьбу за мировое первенство. На все нефтяное дело мы намечаем по пятилетке около 1½ мрд. руб.

В двух словах о дровоснабжении. Наш топливный баланс рассчитывает сохранить на все пятилетие, примерно, 50—60 млн. куб. метров дров годичной продукции для промышленного использования Здесь особенно трудная задача падает на Урал, на который накладывается большая нагрузка по производству древесно-угольного чугуна, дающего особо высококачественный металл. Поэтому уральские дровозаготовки надо поднять с 11 млн. до 15 млн. куб. метров. Здесь большие трудности. Чрезвычайно важно для Урала развитие его собственных местных углей и, конечно, особо необходима связь уральской металлургии с Кузнецким бассейном, мощная „минерализация" кузнецким углем топливного баланса Урала. Во всяком случае, на ряду с огромной задачей по программе дровоснабжения на Урал падает чрезвычайно важная задача — поскорее связать свою массовую выплавку чугуна с каменным углем, с топливом, которое именуется минеральным топливом.

Мы видели, что несмотря на большую программу топливодобычи, от напряжения в Донбассе не уйти, разные виды местных топлив на смену ему быстро не придут. А ведь в общей сложности мы затратим в пятилетие на топливное дело до 3 мрд. руб. Это заставляет думать и о других источниках энергии и, в первую очередь, о водной энергии. Здесь — та же, знакомая нам картина. Мы не знаем своих собственных водных богатств. В то время как писался план ГОЭЛРО мы считали природную мощность наших водных сил, таких, которые давали бы возможность делать в одном месте гидравлические установки величиной в 10.000 лош. сил,— всего в 20 млн. лош. сил. За эти годы, на наших глазах, эта оценка поднялась до 40 млн. лош. сил. Теперь есть возможность говорить, что на самом деле ресурсы нашей водной энергии превосходят 60 млн. лош. сил. Конкурировать с нами, вероятно, может лишь одна Америка, со своими 128 млн. лош. сил. Сейчас во всем мире энергично строятся гидравлические станции, т.-е. электростанции, использующие водную энергию. Целый ряд таких стран, как Швеция, Норвегия, Италия, все свое хозяйство базируют на использовании водной энергии. Это использование у нас сейчас, если взять его по отношению к природным ресурсам — ничтожно: едва 1,5%. Но мы разви-

ваем большую программу постройки гидравлических станций, которые более чем в 3 раза повышают процент этого использования. Когда я буду говорить о программе электрификации, я вернусь к этому вопросу.

Пару слов еще об одном источнике энергии, который мы не должны упускать из вида и который в будущем будет играть колоссальнейшую роль; это — энергия ветра. Следует отметить, что в довоенное время было вложено 140 млн. руб. на различные ветровые установки. Главный недуг этой энергии — это ее непостоянство. Сейчас старые ветродвигатели находятся в плохом состоянии. Только 35—40% из них действуют, а между тем, силы новой техники и здесь далеко ушли вперед. Новый ветродвигатель нашего института ЦАГИ дает возможность при любом ветре получать практически постоянное количество оборотов. Его число оборотов меняется лишь на 3 с небольшим процента. Это — подлинная техническая революция в этом деле. Двигатель ЦАГИ может при любом ветре параллельно работать с любой электростанцией. Есть различные способы использовать эти возможности параллельной работы. Ветровой двигатель может сопрягаться с самыми различными тепловыми установками постоянного действия. Ветровой двигатель может качать во время ветров воду на некоторую возвышенность, а в безветрие использовать эту воду для вспомогательной гидравлической установки. Но самое благонадежное решение вопроса — иметь развитую сеть электропередач, прямо включая в нее разнообразные ветровые установки. Получается как бы огромный собиратель (аккумулятор) ветровой энергии, который в виде электрической энергии то получает, то отдает энергию, покрывая своим постоянством изменчивость стихии — ветра. Грубые прикидки наших ученых говорят, что мы можем с одной поверхности Европейской части СССР получить в течение года 3.000 мрд. квтч. т.-е. мощность, далеко превосходящую все мыслимые мировые потребности в энергии. Предстоит вплотную подойти к этому великому источнику, и пятилетка ВСНХ правильно намечает поднять установленную мощность ветродвигателей до 500 тыс. лош. сил. Мы должны пойти с ветровыми двигателями технически совершенной конструкции в деревню на смену старых ветряков, которые, как они ни были плохи, давали общую мощность до 800 тыс. лош. сил. Эти ветряки могут быть и пионерами сельской электрификации, могут служить и для мельничных и для других механических приводов, для качки воды в оросительных целях и т. д., и т. п. А со временем мы их включим в сеть электропередач и они заживут новой жизнью.

Каковы же общие итоги нашего топливного очерка? Напряженнейшая программа работ, которую мы ставим перед Кузнецким бассейном, перед Уралом, перед Донецким бассейном, перед другими местными топливными ресурсами показывает, что топливное положение в ближайшие годы будет очень трудным, что четыре истекшие года напряженной работы в Донецком бассейне сменятся для него не менее напряженным пятилетием. Свести концы с концами в топливном балансе возможно будет лишь при величайшей экономии в расходах топлива. Поэтому мы и ставим перед промышленностью жесткое требование отказаться от неряшливого потребления топлива, сэкономить его расходы по меньшей мере на 30%. Другой пожиратель топлива — транспорт — должен сэкономить не менее 12—13% потребления топлива. Это — одно из важнейших требований всего нашего хозяйственного плана. Рабочие и технические работники должны смотреть зорко за этим делом. Иначе мы будем иметь перебои и срывы на важнейшем участке индустриального строительства. Если эта экономия будет проведена, мы сможем подкрепить на будущее наши топливные резервы. Будем помнить, что резервы топлива, которые мы должны довести до установленных многолетней практикой норм, следует считать не менее важными, чем хлебные запасы, как для нужд мирного времени, так и в особенности для оборонных надобностей. Не имея резервов топлива и хлеба, мы не сможем обеспечить доброкачественного планового хозяйства.

Электрификация

Подходим ли мы к Донбассу, подходим ли мы к Кузбассу, подходим ли мы к торфу или к подмосковному углю, везде и всюду строительство топливодобычи будет опираться на более совершенные технические процессы, более совершенное оборудование. А каковы те решающие рельсы, которые наиболее прочно обеспечивают нам благоустроенную техническую работу? Эти рельсы — электрификация. Мы не могли бы подойти к торфу, если бы пионером раскрытия торфа не была торфяная районная электростанция. Мы не могли бы раскрыть подмосковного угля, если бы мы не шли туда с испытанным орудием в руках — с устройством соответствующей электростанции. Мы не могли бы использовать запасов Донбасса, если бы не рассчитывали быстро покончить там с теми терзаниями, которые испытывает все хозяйство Донбасса из-за недостатка электроэнергии. В Кузнецком бассейне мы будем итти тем же путем: мы начнем с того, что построим там 2 мощных электростанции, опираясь на которые мы сможем строить и здесь те гиганты — шахты, хорошо электрооборудованные, которые раскроют перед нами громаднейшие богатства этого, в будущем решающего, угольного района.

Поэтому так естественен теперь переход к плану электрификации в предстоящем пятилетии.

Прошу осветить на карте станции как существующие, так и те, которые уже находятся в постройке.

Вы видите, на карте зажглись огоньки существующих и строящихся электростанций. Их пока немного, это только пионеры нашей будущей огромной работы в этой области. Вы видите, около Ленин-

града освещается голубым светом известный вам Волховстрой (гидроэлектростанции освещены на карте голубым светом). Вы видите как далеко, далеко на юге осветилась голубым светом Земо-Авчальская электростанция. Только две больших гидростанции пока у нас в ходу. Вы видите как горят белые огоньки в центре — в Москве и Ленинграде. Что мы сделали здесь за это время? Здесь проделана огромная работа, может быть не бросающаяся сразу в глаза, но весьма существенная. В плане электрификации, в плане ГОЭЛРО мы говорили, что нам в ближайшее время придется начинать работу по электрификации с того, чтобы подкрепить существующие большие электростанции, связать их сетями с другими станциями. Мы знали, как истрепаны станции наших центров — Москвы и Ленинграда, как быстро надо их переоборудовать. Здесь как раз светятся четыре белых огонька, четыре городских электростанции Ленинграда. В Москве выделяются две электростанции: бывш. трамвайная и I МОГЭС, а рядом с ними зеленым светом горит наша первая торфяная станция — бывшая „Электропередача", а теперь — станция имени инж. Классона. На юге, в Баку, светятся две городские электростанции. Все эти станции не только переоборудованы нами заново, не только увеличены по мощности, но и превращены в подлинные станции районного значения. Мы связали их сетями электропередач, развили эти сети за городской чертой, связали их с районными станциями. „Красный Октябрь", Торфоцентраль Ленинграда и Волховстрой работают в одну сеть с бывшими городскими здешними станциями. Еще мощнее об'единение МОГЭСа. Это — работа крупнейшего хозяйственного значения. Но не менее большое начало мы имеем и в работе тех немногих районных станций, которые сейчас уже идут полным ходом. Вот около Москвы вы видите светится поодаль Каширская станция. Она разрешила огромной трудности задачу и сейчас быстрейшим образом перестраивается так, чтобы мощность ее была увеличена многократно. Она превосходно разрешила задачу — использования подмосковного угля, дала нам возможность считать этот уголь хорошим топливом электростанций. Не менее большую работу сделала Шатурская торфостанция. Эта станция дала нам на топке инженера Макарьева мировой рекорд в использовании торфа для целей непосредственного сжигания. Штеровская станция, в Донбассе, несмотря на то, что она имела большие детские болезни в строительстве, также разрешила громадной важности задачу. Нигде еще в мире антрацитовый штыб чистоганом не сжигался на таких огромных районных централях. Штеровская станция разрешила эту задачу. Антрацитовый штыб накапливается при добыче антрацита в громаднейших количествах и прежде пропадал даром. Он теперь взят нами в руки и мы знаем, как надо его сжигать. Вот известная торфоцентраль на Волге — Балахна — около Нижнего Новгорода. Но для того чтобы можно было очертить всю работу в области электростроительства, я попрошу включить все станции, намеченные к постройке в это пятилетие (карта освещается; бурные аплодисменты).

Товарищи, те станции, которые я указывал вначале, были только пионерами. Вы видите наглядно, сколькими единицами они пополняются. Мы должны были прожить некоторый испытательный период, наши строительные кадры еще не испытаны, строительные ресурсы — не накоплены. Вы знаете, какие на этом пути были трудности. Вспомните про Волховстрой. Вспомните, сколько клевет сыпалось по адресу этой станции. А что оказывается теперь? Сейчас Волховстрой несет на своих плечах половину нагрузки Ленинграда. Сейчас он дает энергию себестоимостью в $3^1/_2$ коп. против 5 коп. себестоимости ленинградской энергии на других станциях. Вы знаете, что эта станция является такой, что мы с гордостью ее показываем иностранцам, что она экономит в год 200 тыс. тонн привозного угля. Ее строительный опыт — школа для наших строителей гидроцентралей, — уже сильно помогающий нам в новом строительстве этого рода.

Здесь, на Днепре, вы видите, освещается голубым светом будущий мировой гигант — Днепрострой. Товарищи, которые там работают, прошли школу Волховстроя, и имея их опыт и опыт тов. Винтера, строителя Шатурской станции, мы можем быть уверены, что постройка этой громадной станции будет на должной высоте. Нет никакого сомнения, что иностранные эксперты, которых мы пригласили, будут использованы при таком руководстве надлежащим образом. Но кое-что свое новое и полезное мы дадим здесь и мировой технике.

Товарищи, вы видите, как силен на юге, на Кавказе, этот голубой свет гидростанции. И это вполне понятно. Здесь как раз мы имеем громадный запас высоконапорной горной водной энергии, которая в дальнейшем будет конкурировать с энергией наших равнинных рек. К ним, кстати сказать, мы могли подойти также в силу только последних завоеваний техники, потому что раньше использование таких равнинных потоков было весьма затруднительным. Гораздо дешевле и проще использовать высоконапорную энергию горных водопадов и рек. Такова энергия целого ряда кавказских рек. Недавно считали, что Земо-Авчальская станция построена преждевременно и будет долго работать с малой нагрузкой. Опыт показал как не надо торопиться с оценкой значения таких станций-пионеров. Спрос на электрическую энергию так быстро опережает наши предположения, что ни в одном разрезе хозяйства не сказывается так ярко закон, что в наши времена предложение создает спрос, а не спрос предложение. Эта станция уже скоро не будет справляться со всерастущей нагрузкой, придется ее расширять, что, по счастью, и было предусмотрено.

Не буду перечислять вам всех станций, остановлюсь только на самых важнейших. Конечно, на первое место нужно поставить Дне-

прострой. Чем особенно поучительно это строительство? Тем, что сейчас на Днепрострое мы имеем подтверждение того основного закона крупного строительства, который нигде не имеет такой благоприятной арены для развертывания, как у нас, в нашей социалистической стране. Технико-экономический расчет показывает, что при постройке крупнейших предприятий их не должно рассматривать обособленно: нужно думать не об отдельном предприятии, а о целом комбинате предприятий. Все промышленное строительство надо собирать в определенные узлы и рассчитывать, как можно комбинировать различные производства, создавая их внутреннюю увязку таким образом, чтобы отбросы одного производства служили питательной пищей другому, чтобы суммарная работоспособность (энергетика) таких предприятий была максимальной. Днепрострой как-раз служит примером такого комбината. Это не просто громадная гидроэлектрическая станция, которая по величине будет конкурировать с мировыми гигантами. Мы хотим там строить тот самый металлургический завод, который мы предвидели по плану ГОЭЛРО, большой Александровский металлургический завод, товарищ Криворожского завода по мощности — с 660 до 750 тыс. тонн продукции черного металла. Там мы имеем в виду поставить, кроме того, завод различных сплавов металлов и завод электростали. Мы рассчитываем поставить здесь же целый ряд химических производств, при чем особенно большую нагрузку мы имеем в виду дать заводу по получению алюминия. Мы рассчитываем, что вероятно товарищи—украинцы и работники Днепростроя озаботятся быстро включить в свой электро-металлургическо-химический комбинат и значительную нагрузку сел.-хоз. характера. Было бы неправильно не воспользоваться 40-метровым под'емом Днепра, не оросить окружающий засушливый район. Надо использовать наличность громадной механической энергии, благоустроенных мастерских, наличие техников, чтобы поставить здесь гигантский образцово-показательный совхоз, опирающийся и на мелиорацию, и на тракторы, и на электрический привод. В итоге здесь мы имеем превосходное поле грандиозных работ, на котором наши лучшие работники держат экзамен зрелости на службу социалистической стране. Нам ничто не препятствует так рассчитать этот комбинат заводов, чтобы получить максимальную его выгодность. Никакая группа капиталистов не может своекорыстно тормозить это великое строительство, которое мы можем развивать по последнему слову техники и экономики. За границей нет таких предпосылок полного успеха, потому что на пути там могут встать корыстные интересы владельцев различных предприятий, жестокая конкурентная борьба с ее игрой случайностей.

Товарищи—украинцы очень обеспокоились, когда мы заявили, что в ближайшее время нам придется сочетать работу Днепростроя с работой тех электрических станций, которые будут в Донецком бассейне. Они думали, что мы таким образом сильно сократим строительство электрических станций самого Донбасса. Они могут быть совершенно спокойны: мы идем здесь с твердой программой. Будут построены кроме мощной Штеровской станции и Зуевской станции — соседки Штеровской — станция Тошковская, которая соответствует Лисичанской станции по плану ГОЭЛРО. Мы достроим Чугуевскую станцию близ Харькова и будем строить, кроме станции Донсоды, еще целый ряд заводских электроустановок. Однако, все они будут работать в общую сеть. По всей вероятности, однако, в это же пятилетие придется связать электрическую сеть станций Донбасса с Днепростроем. Расположение нагрузки чрезвычайно выгодно для этого: весной при многоводье Днепра на всех угольных шахтах начинается большая работа по водоотливу. Днепрострой как-раз поможет в это время своей избыточной весенней энергией. Связь с Днепростроем облегчит переоборудование устаревших электроустановок заводов и шахт Донбасса. Наконец, на случай опозданий строительства Днепровского комбината выручит нагрузка самого Донбасса. Мы уже не говорим об общей выгодности самой широкой связи гидравлических и тепловых станций.

Затем, из крупных станций я бы хотел отметить в Подмосковном районе Бобриковскую станцию. Эта станция мощная—мы предполагаем развить ее до 300 тыс. киловатт. Она будет отличаться той особенностью, что здесь мы впервые подведем под одну крышу два рода использования подмосковного угля: тепловое и химическое. Мы одновременно будем стараться всячески преобразовать этот уголь в такое топливо, которое выдерживал бы транспорт, будем его газифицировать, получая остатки, которые тоже будут употреблены в дело. Газ мы поведем в Москву. Памятуя, что Подмосковный бассейн включает Егорьевские и Брянские фосфориты, мы приложим все усилия к тому, чтобы получить такие химические продукты, которые необходимы для фосфорно-кислых и азотно-кислых удобрений. Программа такого комбината потребует большого искусства, больших вложений, но эта программа по новому вскрывает богатства Подмосковного бассейна и поможет нам в дальнейшем сильно облегчить нагрузку Донбасса. Поэтому значение Бобриковского комбината огромно.

Дальше вы видите освещенную ярким светом Шатурскую станцию, а вот здесь, рядом, освещенный зеленым светом торфобрикетный завод. Такой же завод светится и под Ленинградом. Это свидетельствует о новых попытках подойти к торфу. На торфе мы строим в Московском и Ленинградском районах целый ряд станций, но сейчас мы ставим по отношению к торфу новые задачи. Нужно такое использование торфа, чтобы он не только грубо сжигался в топке, но чтобы он „облагораживался“, превращался в транспортабельное топливо. Торфобрикетные заводы будут, с одной стороны, посылать газ для тепловых надобностей, а с другой — давать удобный для перевозок торфяной брикет. Есть целый ряд возможностей

получать разнообразные продукты смол торфа и подмосковного угля, создавать комбинированные производства, в которых электрическая энергия будет получаться почти как побочный продукт. Наконец, большая будущность предстоит тем теплоэлектроцентралям, которые вишневым цветом горят на карте в Москве и Ленинграде. Они посылают одновременно электричество по проводам и насыщенный пар по длинным трубопроводам для экономного отопления. Здесь громадные перспективы самой большой экономии в привозном топливе для этих центров.

На Урале вы видите свой яркий букет станций. Челябинская строящаяся станция, Кизеловская станция. А рядом — голубая точка на севере и зеленая в центре говорят о новых постройках на Урале весьма большого значения. На севере голубым светом зажглась гидростанция на канале Кама-Печора. Здесь есть все шансы получить свыше 100 тыс. квт. энергии, при устройстве этого водного пути, столь необходимого для развития уральского транспорта, для лесного хозяйства Урала и для его химических продуктов. Зеленая точка — это электростанция центрального Урала (мы еще не решили, где она будет построена; есть два конкурента — Нижне-Салдинский и Егоршинский заводы). Весь Урал будет снабжен, как мы видим, опорными пунктами электростанций. Электропередача, связывающая эти станции, рядом с магистралью железных дорог, проходящих в меридианальном направлении,—эти два огромных энергетических хребта — создадут для Урала могучую опору его индустриализации. А на выручку и подмогу подойдет еще и уральская нефть.

Дальше, товарищи, вы видите по линии Волги протянулись те станции, которые намечались еще по плану ГОЭЛРО. Вот Сталинградская станция, значение которой, в виду развития Сталинграда, как громадного индустриального центра, ясно. Саратовская станция, и, наконец, Самарская—Средне-Волжская.

В Центрально-Промышленном районе мы имеем Иваново-Вознесенскую станцию, Балахну, Каширскую и Бобриковскую, Ляпинскую и Ярославскую станции — самый большой букет станций.

На западе Бугская станция, а на юге большой букет кавказских станций, на которых я, за неимением времени, не буду останавливаться, но которые в общем и целом сделают Закавказье наиболее богато электрифицированным районом.

Добыча всей электроэнергии в стране по своим источникам распределится следующим образом: до 25% будут давать вода и торф, от 12 до 15% даст подмосковный уголь и антрацитный штыб, уральский и кузнецкий угли дадут 5%, привозной донецкий уголь — 4,4%, а на отбросы нефти — на парафинистый мазут—падают 12%. Из 22 мрд квтч. 14 будут итти с районных станций. Удельный вес их чрезвычайно возрастет; они будут составлять больше половины всех электрических станций, а сейчас они составляют приблизительно одну четверть.

Мы должны будем всячески блюсти такой закон, по которому вся выработка электрической энергии, все энергетическое хозяйство должно считаться единым. Будем развивать электрическую сеть, включая, как правило, в нее установку отдельных фабрик и заводов. Только таким путем, собирая под одну крышу все энергетическое хозяйство, мы сможем обеспечить наиболее высокий технико-экономический показатель работы промышленности, что даст возможность быстро догнать и перегнать опередившие нас индустриально страны.

Когда мы писали план ГОЭЛРО, электротехника не развернула еще тех возможностей, которые мы имеем ныне. Мы тогда говорили о 100 тыс. вольт напряжения, как о максимальном. Теперь мы уже проектируем по Днепрострою двойное напряжение —200 тыс. вольт. А что это означает? С под'емом напряжения нам легче перекрывать пространства. Это означает, что станции, находящиеся на расстоянии 500 *км* друг от друга, легко протягивают руки одна другой. Электрическая сеть за пятилетие проектируется с под'емом от 3 до 12 тыс. *км* протяжения. Она имеет у нас все шансы также богато развиться, как и в Америке. В Америке сеть электропередач конкурирует с сетью железных дорог; 400 тыс. *км* электрической сети конкурируют с 440 тыс. *км* железнодорожной сети. Все это обеспечит такие экономические возможности, которые трудно оценить.

Если бы мы оставили все наше теплосиловое хозяйство на уровне 1925/26 г., не имея возможности его электрифицировать по нашей программе, то мы из года в год тратили бы лишних 500 млн. руб. Мы сэкономим, благодаря развитию энергетической сети, не менее 500 млн. руб. в год, если, конечно, одновременно и другая сторона энергетики — освежение и упорядочение машин-двигателей—будет итти нога в ногу с работами по общей электрификации. Энерговооруженность труда тех 4 млн. рабочих, которые будут работать в цензовой промышленности, возрастет за пятилетие более чем вдвое. Подсчеты показывают, что те 4.600 квтч. механической энергии в год, которые придутся в конце пятилетия на каждого работника, означают то же самое, как если бы около него стояло более 60 механических рабочих. Это означает, что в комбинате Днепростроя, где на 15 тыс. рабочих в общей сложности будет приходиться огромная мощность в 300 тыс. квт., каждый работник будет работать так, как будто бы около него стояло 700 чел. с дружной помощью. Это громадное вооружение труда, которое мы можем обеспечить исполнением программы электрификации, является основной предпосылкой для того, чтобы нам не сдрейфить во всем нашем строительстве. Будем крепко держаться за электровооруженность, о которой старик Энгельс говорил с такой удивительной прозорливостью, что она как бы замыкает круг полезных превращений энергий, что она в единое целое соединяет все виды энергий и дает

возможность так комбинировать производительные силы, что они неслыханно разрастутся и перерастут рамки буржуазного общества. Это она—электрическая энергия, переброска и передача ее на расстояние, радикально разрешит, по его словам, противоречия между городом и деревней. Таким образом, в электричестве мы действительно имеем красное орудие социализма. Зарево огней, которое горит на карте, говорит не просто о технической работе, а о работе глубоко социалистической. В грядущие 5 лет мы должны будем зорко следить за тем, чтобы эти ленинские электрические вехи строительства не были нарушены. Тогда мы имеем много шансов, что мы всю нашу строительную хозяйственную программу поставим на такие пути, которые неведомы по масштабам возможной успешности другим странам.

Сельское хозяйство

Товарищи, мы только что говорили о хлебе для промышленности. Но кроме материальных ресурсов, решающих судьбы нашего производства, есть еще другой важнейший ресурс, стоящий над этими материальными ресурсами, это живая сила людей. И мы не разрешим правильно строительства нашего хозяйства, если не разрешим другого громадной важности энергетического вопроса, вопроса о питании живой энергетики, хлебного вопроса. Вы уже слышали здесь от тов. Рыкова целый ряд указаний относительно того пути, по которому мы пойдем в развитии нашего сельского хозяйства. Вы услышите еще специальный доклад тов. Калинина, так что разрешите мне при обрисовке этого вопроса остановиться только на немногих решающих пунктах.

Товарищи, чтобы вы сказали о предприятии крупного масштаба, которое решило бы устраиваться так, что стало бы разбиваться на ряд мелких кустарных небольших ячеек, поставило бы эти маленькие кустарные ячейки отвратительно в смысле техники, без всякого опытного технического руководства, снабдило бы их скверным обслуживанием транспорта? Каковы были бы судьбы такого предприятия? Эти судьбы были бы плачевными. Между тем, преобладающая масса нашего крестьянского хозяйства находится именно в таких условиях. Она раздроблена на 25—27 млн. мелких и мельчайших единиц, находящихся по уровню своей техники далеко ниже того технического уровня, который известен в настоящее время мировой сельскохозяйственной технике, она находится в отвратительных транспортных условиях. Следовательно, не приходится удивляться, что темп роста такого производства не удовлетворяет бурному развитию нашей промышленности, что сейчас важнейшим заданием всего нашего народнохозяйственного плана является — покончить с этим разрывом в темпах и создать новые рельсы для всего сельского хозяйства.

Каковы же эти рельсы? Они станут особенно ясными, если мы подойдем в социальном разрезе к проблеме нашего сельского хозяйства.

В самом деле, вспомните, что в 1927/28 г. мы имели зерновую продукцию в 73 млн. тонн против 81 млн. тонн 1913 г. Восстановительный процесс по валовой продукции дошел до 90%, а между тем, в 1913 г. товарная продукция была 20 млн. тонн, а в 1927/28 г. всего только 8 млн., т.-е. по товарной продукции мы имеем всего 40% довоенного уровня. Вот где основная беда. В самом деле, даже при этой продукции в $4^1/_2$ мрд. тонн, если бы товарность зернового хозяйства была довоенной, то не было бы тех гигантских затруднений в продовольственном вопросе, которые мы испытываем в настоящее время. В чем же здесь дело? При всем несовершенстве нашей статистики мы знаем, что, например, в таких решающих продовольственных районах, как Сев. Кавказ и Украина, 10% верхушечной группы крестьянства (из которой 4% можно отнести к кулакам, а остальные—тяготеющая к ним группа подкулачников и зажиточных слоев) держит в своих руках почти $^1/_3$ инвентаря и земли, тогда как 20% имущественных низов деревни держит в своих руках 5—7% инвентаря и является, в большинстве случаев, безлошадной. Вот эти 40% товарного хлеба, которые держит зажиточная верхушка в решающих наших районах, дают возможность для тех контр революционных маневров этой зажиточной верхушки, которые срывают государственные цены на сельскохозяйственные продукты и подрывают всю нашу работу в области хлебозаготовок. Отсюда ясная и простая задача: противопоставить этой части крестьянства, кулацкой и подкулацкой, наш социалистический сектор, противопоставить так, чтобы к концу пятилетия иметь 40% товарного зерна от нашей опоры на селе, от той бедняцко-середняцкой массы, которую мы вовлечем в наши колхозы и совхозы. Интересы этой бедняцко-середняцкой массы совпадают с интересами всего трудящегося населения, живущего покупным хлебом.

Это основная, генеральная линия и если мы ее проведем, мы положим конец маневрированию кулацкой верхушки на рынке и будем иметь тот хлебный резерв, который позволит нам упорядочить все хлебозаготовительное дело и быть господами на всем огромном хлебном рынке. Но для того чтобы это сделать, надо иметь, повидимому, какие то особые средства. В самом деле, разве эта идея строительства совхозов и колхозов совершенно новая идея? Нет она развита еще в плане ГОЭЛРО. Почему же мы рассчитываем, что мы именно за это пятилетие эту программу осуществим? А потому, что 1927/28 г. является, в известном смысле, переломным годом. В каком смысле? В том смысле, что впервые в этом году, на плечах окрепшей индустрии, наше крестьянство свой общий сел.-хоз. инвентарь подняло до довоенного уровня. Сельскохозяйственный инвентарь по стоимости превосходит теперь уже цифру в 1 мрд. руб., т.-е. то, что соответствует стоимости сельскохозяйственного инвентаря в довоен-

ное время. Правда, на 350 млн. руб. этот инвентарь находится в руках деревенской верхушки, но, тем не менее, ныне мы уже смогли бросить для бедняцко-середняцкой массы значительное количество сельскохозяйственных орудий, а в будущем сделаем это еще основательней. Есть еще другой момент, который предрешает события на великом поле сел.-хоз. труда. Мы имеем свыше 350 тыс. *га* механизированных хозяйств. Мы уже не теоретически, а практически взвешиваем силу трактора, силу нового энергетического опорного орудия деревни, скажем, универсального 3-корпусного трактора типа „Интернационал". Мы знаем, по опыту, а не по расчету, что такой трактор заменяет 20—30 лошадей. Мы знаем, что наш сел.-хоз. инвентарь один, без двигателя поможет мало под'ему крестьянского хозяйства. Почему? Потому, что есть большой разрыв между возможностью использования вот этого инвентаря и той силой рабочего скота, которой наша деревня располагает.

Мы не можем рабочий скот поднять по нашему произволу. Наши специалисты говорят, что мы сможем увеличить за 5 лет численность рабочего скота всего на 20%. Вот здесь-то и придут на помощь тракторы. Наш фактический опыт показывает, что, если трактор оперирует на достаточно сплошном массиве, он увеличивает чрезвычайно выгодность хозяйства. Зернотрест, который имеет огромнейшее задание добиться за пятилетие 16 млн. центн. продукции зерна, говорит, что по первым шагам видно, что цена отборного зерна пшеницы будет стоить не более чем 5—6 руб. за центнер. Это уже значительно дешевле по сравнению с теми ценами, которые мы имеем в настоящее время в наших хлебозаготовках.

Но, товарищи, есть один момент, который вы должны твердо подчеркнуть в вашем сознании. Какой это момент? Для того чтобы развернуть наши государственные совхозы по тем прикидкам, которые мы сделали, выходит, что расходы должны быть сделаны в расчете 150 руб. на один гектар посева. Это — огромная сумма. Мы бросаем сотни миллионов для того, чтобы создать наши совхозы и естественно наталкиваемся на известный предел такого строительства по ограниченности наших денежных ресурсов. Нельзя ли, опираясь на наши совхозы, на опыт механизированных хозяйств, привлечь к этому огромному строительству само крестьянство? Вот, товарищи, сейчас на карте освещаются совхозы, с которыми мы пойдем в эту пятилетку. Вы видите, как мощно они идут усиливающейся на восток лентой. Вы видите, как красной звездой отмечен, около Одессы, особый пункт. Что это такое? Это межселенно-машинотракторная станция совхоза имени Шевченко, которая при героических усилиях тов. Маркевича показала нам ту дорогу, по которой мы пойдем для того, чтобы с помощью нового энергетического двигателя охватить громадные массы крестьянства и преодолеть те затруднения, которые мы встретили бы на пути, если бы ограничились одними государственными совхозами.

В чем дело, товарищи? А дело в том, что не по книжным расчетам, а действительным опытом, в горниле труда, тов. Маркевич вместе со своими соработниками разрешил величайшую, исторической важности задачу. Он показал, что такая межселенно-тракторная станция в условиях юга, в условиях Одессы, может разворачивать свое действие на десяток и десятки деревень, охватывая 40 и 50 тыс. *га*. Он нам показал, как постепенно правильным подходом к нуждам трудового крестьянства, учитывая всю естественную инерцию прошлого, то недоверие, которое еще есть в крестьянстве к решительному переходу на позиции обобществленного, технически благоустроенного хозяйства, к новому строю, как можно практически с боя брать эти позиции. Как вести войну против засилия кулака, в корне подрывая значение его инвентаря, при помощи которого он накидывает петлю эксплоатации на окружающее крестьянство; как можно постепенно втягивать крестьянство в такие формы об'единения, которые будут иметь завершением более глубокое об'единение всего крестьянского хозяйства в целом. Мы рассчитываем в это пятилетие проектировать эти тракторные станции совершенно так же, как мы проектируем электростанции. Основываясь на опыте Маркевича, основываясь на том богатом уже опыте, который имеет сейчас другой, чрезвычайно эффективно работающий центр — наш Хлебоцентр со своими тракторными колоннами, мы думаем, что мы охватим межселенными тракторными станциями в это пятилетие от 2 до 3 млн. *га*. А если мы дальше разовьем производство тракторов, то в следующем пятилетии дело это пойдет еще шире.

В пятилетке мы наметили, кроме Сталинградского завода на 40—50 тыс. тракторов в год, еще один новый завод в одном из наиболее удобных экономических центров, о котором мы будем еще много толковать, ибо каждый район хочет иметь его у себя: и украинцы, и уральцы, и ленинградцы. Мы рассчитываем, что поднимем производство Харьковского завода и так разовьем это дело, чтобы к концу пятилетия на наших полях было не менее 150 тыс. тракторов в ходу, из которых свыше 80 тыс. будет собственного производства. Мы рассчитываем, что к концу пятилетки мы будем иметь такую продукцию тракторов, что в каждый год следующего пятилетия мы сможем механизировать до 10 млн. *га*. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что, начав программу строительства межселенных тракторных станций с охватом 3 млн. *га*, в следующее пятилетие мы войдем с программой охвата уже 20 млн. *га*. И тогда следов от старого крестьянского быта, от отдельных крестьянских разрозненных единиц, следов от отсталой примитивной техники, от подчинения стихиям природы не останется, и крестьянство наше вздохнет облегченно. А вместе с ним вздохнет свободно и вся наша страна, которая и на этом поприще труда — в сельском хозяйстве — подчинит стихию воле (аплодисменты).

Товарищи, за неимением времени я не могу дольше останавливаться на этой теме и отсылаю вас к книге Маркевича „Межселенные тракторные станции", которая вся проникнута энтузиазмом социалистического строительства и вся дышет плотью и кровью самой жизни. Там вы увидите богатые страницы, которые лучше моих слов покажут вам, в каких условиях, при какой отчаянной борьбе, при каком сопротивлении кулацкой верхушки осуществляется программа строительства социалистического сектора.

Как мы рассчитываем поднять продукцию наших совхозов и колхозов? Вы видите на этой карте, что они идут на восток. Они разрешают хлебный вопрос, самый основной вопрос зернового хозяйства. Ясно, что только разрешив хлебный вопрос, мы сможем подойти к разрешению других вопросов сельского хозяйства. Вы знаете, как на вопросы зерна натыкается наше животноводство, наши технические культуры и т. д. Вы знаете, что происходит, какие скачки, какие колебания наблюдаются в производстве льна, хлопка и других технических культур. Специальные районы наши, в которых должно преобладать животноводство или технические культуры, могут развиваться только тогда, когда они будут уверены в том, что за ними стоит прочная хлебная основа, когда они будут уверены, что будут удовлетворены их потребности в зерне.

Ясно, что мы можем проектировать такую сеть совхозов, которая охватывает 5 млн. *га* в это пятилетие, только опираясь на силы поднявшейся индустрии.

Механический рычаг, который необходим нам в виде тракторного производства, в виде сел.-хоз. машин, которые мы будем вырабатывать в год на 610 млн. руб., является решающим для успеха этого великого похода. Товарищи, но здесь, на наших глазах развернется весьма любопытная картина некоторой борьбы между двумя могучими силами, которые мы бросаем в наше сельское хозяйство, на наши сельскохозяйственные угодья за пятилетие — б о р ь б ы х и м и и и м е х а н и к и. Если это движение зерновых совхозов в восточном направлении предрешается развитием механизации, то, не забывайте, что в центре, как-раз в районах индустриальных, потребляющих, мы имеем до 3 млн. *га* бросовых земель. В чем дело? Ведь здесь, в этих районах почва такая же, как и в Германии, не хуже. Они находятся бок о бок с важнейшими индустриальными центрами, а мы продолжаем иметь рост этих бросовых земель. Как покончить с этим? Наши химики, наши агрономы показывают нам ясную дорогу, по которой можем мы здесь пойти. Они говорят о том, что мы можем здесь путем сравнительно элементарных мер, путем употребления фосфорной муки, известкования и т. д. создать ту европейскую обстановку и н т е н с и в н о г о сельского хозяйства, которая соответствует важности этих центров по их политическому и географическому положению, создать на манер Германии интенсивное хозяйство путем применения усиленного удобрения, правильного многополья и т. п. Отсюда важность этой программы — 8 млн. тонн удобрительных туков, отсюда важность всей той химической промышленности, о которой вам будет подробно докладывать тов. Куйбышев. Этим путем разрешается не менее важный вопрос для сельского хозяйства, вопрос об интенсивном сельском хозяйстве, вопрос о правильном использовании земель потребляющих районов.

Только теперь создались условия, когда силы подрастающей индустрии, механической и химической, дадут возможность правильного подхода к нуждам сельского хозяйства и только теперь огромная масса трудящегося крестьянства ясно увидит, что их товарищи рабочие, там, в своих индустриальных центрах, действительно за это время сделали величайшую работу и могут ныне бросить на поле их крестьянского труда все, что нужно как по линии химии, так и по линии механики.

Как только мы нашупали возможность работы с тракторами, как только мы наметили первые вехи обобществленного сел.-хоз. сектора, так сейчас же поднялась такая волна крестьянского движения в колхозы, которая обеспечивает нам встречный поток живой энергии, небывалый, невозможный прежде, который в соединении с материальными силами индустриального государства поможет нам реализовать сел.-хоз. программу в целом. Отсюда создалась у нас такая уверенность, что это — реальная программа, что она ныне отвечает самой нашей живой действительности. Наблюдения показывают, что колхозное движение, как бы еще много ни было в нем отрицательного, сколько бы ни было в нем недостатков в смысле глубины обобществления, в смысле вредной мелкости колхозных единиц, что оно период детских болезней пережило, что оно быстро изживет все недостатки, если мы сумеем правильно наладить государственные организационные приводы, чтобы помочь встать ему быстрей на рациональные рельсы. Нет сомнений, что эта гигантская программа строительства сел.-хоз. социалистического сектора — не менее 27 млн. *га* [1] — будет выполнена. Имейте в виду, товарищи, что и Германия и Франция имеют посевной площади все по 20 млн. *га*. Это одно уже свидетельствует о громадности программы 27 млн. *га* обобществленного сектора. Мы будем поддерживать его и впредь всей мощью индустриального организма страны, оживим его надлежаще подготовленными силами, которые создаются из людей, по классовому своему признаку склонных к боевому союзу с городским пролетариатом. Эти силы выросли из нашего прошлого, благодаря правильно намеченным нашей партией вехам, учету всех действующих в экономике и технике сел.-хоз. труда сил и средств.

Что же нам в конце пятилетия дадут эти 27 млн. *га* земли? Они дадут нам свыше 43% всей товарной продукции хлеба, т.-е. как-

[1] Из них 22 млн. *га* приходится на колхозы и 5 млн. *га*, как минимум, на совхозы.

раз будут противостоять теперешним 40%, находящимся во враждебных руках. Они сделают нас в это же пятилетие господами положения на хлебном рынке. Они не допустят на нем контр-революционных маневров враждебных нам сил.

Но, товарищи, если взять всю сельскохозяйственную продукцию, то все-таки свыше 70% в это пятилетие останется в руках индивидуальных крестьянских хозяйств. Но и эти индивидуальные хозяйства к концу пятилетия не будут уже такими, как сейчас. Вспомните только один момент, который стоит подчеркнуть, чтобы вам было ясно то изменение, которое произойдет в обстановке и жизни индивидуальных крестьянских хозяйств. Вспомните то, что мы называем контрактацией. Это, в последнем счете, заключение генерального договора с крестьянами, с целыми районами, по которому кооперация получает в свои руки возможность производственного воздействия на целые сельскохозяйственные массивы, при котором мы гарантированы в приобретении хлеба от всяких случайностей рынка. А крестьянство гарантировано необходимыми денежными и материальными авансами, в своевременном удовлетворении своих производственных нужд. Вы знаете, что Хлебоцентр уже в нынешнем году празднует большую победу. При нынешних, крайне трудных условиях, когда далеко не налажен аппарат Хлебоцентра и когда наши возможности пойти навстречу крестьянству в его производственной работе не так широки, как нам хотелось бы, тем не менее, по справке от 1 января 1929 г. мы имеем следующие данные. По плану всего предполагалось заарендовать по яровым посевам в весенней посевной кампании 4.630 тыс. *га*, а фактически первоначальная программа уже превзойдена почти втрое. Что это показывает? Это показывает, что здесь перед нами новый огромный рычаг, который мы только что пускаем в ход и который, конечно, в системе этих генеральных договоров, в системе новой производственной спайки пролетариата и крестьянства по линии сел.-хоз. кооперации даст возможность исключительно мощного воздействия на огромный индивидуальный крестьянский сектор. Если мы еще вспомним про те 20 млн. населения, которые будут сконцентрированы к концу пятилетия в колхозах и совхозах, то придем к заключению, что рост крестьянских индивидуальных хозяйств, крестьянских дворов, не только не увеличится, а сократится на 1 млн. с лишним. Таким образом, вы видите, что впредь это противопоставление частного сектора и сектора обобществленного совершенно изменится и в смысле численности, а ведь тут важна не только численность. Тут важно то, что от этого обобществленного сектора идет, помимо непосредственного втягивания в свою собственную округу, целый ряд воздействий, при которых в глазах самых широких масс крестьянства померкнут надежды жить по старинке, устраивать свое благополучие так, как устраивают его кулаки. Заметьте, что постановление Центрального исполнительного комитета, где намечается огромный сдвиг урожайности путем простейших агрономических мероприятий, в значительной степени рассчитано на эти новые растущие силы в сельском хозяйстве, в его социалистическом секторе. Для того чтобы обеспечить программу этого декрета относительно чистосортных семян, нужно не больше, не меньше, как 120 млн. центн. А где могли бы мы заготовить эти чистосортные семена, если бы не росло хозяйство совхозов и колхозов, если бы не были в будущем развернуты огромные операции строительства Зернотреста, если бы мы не знали, что по следам Зернотреста идет Сахаротрест, если бы мы не были уверены, что крестьянство вблизи наших совхозов и колхозов, даже не будучи втянуто в непосредственную их работу, будет получать от них огромную материальную и агрономическую помощь. В последнем счете, товарищи, мы рассчитываем, что всеми этими мероприятиями как по технике, так и по социальному строительству, мы проведем всю нашу сел.-хоз. программу в жизнь. Мы надеемся, что увеличим нашу посевную площадь на 22%, что сумеем за пять лет увеличить урожайность не менее чем на 35%. Это означает, что к концу пятилетия, в последние годы его, мы будем иметь не только большой хлебный резерв в руках государства, но сможем восстановить и наш сел.-хоз. экспорт, что он будет определяться весьма приличной цифрой от 8 до 5 млн. тонн возможного к вывозу хлеба. Для того чтобы осуществить эту программу, мы намечаем неукоснительно следовать тем кооперативным вехам, о значении которых так прекрасно сказал в свое время тов. Ленин, развивая свой великий кооперативный план.

Трудно переоценить значение сел.-хоз. кооперации, на которую как-раз обрушатся главные заботы не только по линии контрактации, но и вообще по линии широчайшего производственного воздействия на крестьянское хозяйство. Мы поднимаем промышленность по переработке сел.-хоз. сырья так, что к концу пятилетки ее продукция будет свыше 3,5 млн. руб. Если мы прикинем стоимость нужного для этого сел.-хоз. сырья, то окажется, что это даст около двух миллиардов рублей. Такая переработка в значительной степени пойдет по ячейкам первичных заводов сел.-хоз. кооперации. Эти два миллиарда рублей составляют 40% всей товарной продукции сельского хозяйства. Так мощно скажется работа сахарных заводов, всевозможных предприятий по переработке текстильного сырья — льна, хлопка и т. д. Здесь новые рычаги, для того, чтобы индивидуальное крестьянство почувствовало всю мощь, все значение развития индустриализации для непосредственного решения его собственных хозяйственных судеб.

Эта сел.-хоз. программа в общем потребует 23 миллиарда рублей. Из них около 7 мрд. пойдут на жилищное строительство, а из остальных 16 мрд.— 9 мрд. находятся как-раз в таком обороте, на который государство, кооперация или хозорганы так или иначе воздействуют, так или иначе его регулируют. Таким образом, и с этой

стороны видна мощная спайка сельского хозяйства с индустриальным и государственным или, вообще говоря, советским социалистическим приводом.

Разрешите мне не останавливаться на том громадном сдвиге, который мы намечаем по техническим культурам: хлопководству, свекловодству и льну. Здесь мы рассчитываем обеспечить высокие темпы легкой промышленности и свести зависимость от иностранного хлопка к минимальным размерам. Таким образом, товарищи, в сумме этих мероприятий пятилетие покажет воочию, не словами, а делом, как в единственной свободной от капитализма рабоче-крестьянской стране мира, смело, четко, безбоязненно подходят к решению такого вопроса, решить который не дерзала ни одна власть в мире. Ленин говорил, что это выведение многих и многих миллионов трудящихся из деревенского тупика под силу только диктатуре пролетариата. Посмотрите на опыт Северного Кавказа. Уже сейчас этот опыт показывает нам — через море производственных совещаний, через быструю стройку обобществленного сектора, через совхозы типа „Гигант", через борьбу за агроминимум, — как быстро этот уголок, который недавно еще был опорой контр-революции, который был казацкой Вандеей, как он делается все более мощным соратником пролетариата, как пролетариат, пришедший туда на великую работу, быстро становится умелым руководителем огромных масс крестьянства, проснувшихся к новой жизни (аплодисменты).

Товарищи, я должен очень сокращать свое изложение, потому что программа пятилетнего плана, даже в таких условиях, когда промышленность будет излагать другой товарищ, настолько велика, что можно, только отчасти пройдясь по ней, уложиться в часы, допустимые для устного доклада.

Транспорт

Мы говорили об энергетике, о топливе, об электрической энергии, говорили о разрешении хлебного вопроса. Но есть еще великая задача, не разрешив которую мы в этой огромной стране, занимающей одну седьмую часть поверхности земной суши, будем беспомощны. Это — транспортный вопрос. Вот вам на карте сеть железных дорог, которые мы будем строить в это пятилетие (аплодисменты). Карта говорит без моих слов. Дело в том, что работа тружеников транспорта за прошлое пятилетие показала нам, какой мощный отряд имеем мы в их лице. Вспомните, как враги наши надеялись, что рядом с топливной и хлебной разрухой транспортная разруха сорвет наше хозяйство. Вспомните, как многие ученые работники сомневались в том, чтобы можно было быстро поставить на рельсы, быстро поставить в нормальные условия разрушенный после войны транспортный механизм. И, однако, уже сейчас мы можем сказать, что за истекшее время мы не только восстановили нашу железнодорожную сеть — этот важнейший член транспортной

семьи, — но увеличили ее мощность на 18 тыс. *км*. Задачи строительства таковы, что мы должны в это пятилетие дать новых железных дорог не менее 18—20 тыс. *км*. Вы видите, как расположены эти дороги, какие задачи они разрешают. Я бегло вам их охарактеризую.

Здесь, прежде всего, обращают на себя внимание лесовозные и, частично, колонизационные дороги; их будет около 3 тыс. *км*. Наиболее крупная лесовозная дорога соединяет ЦПО с Печорским краем. Средний участок ее (Усть-Сысольск — Котласская дорога) должен быть закончен в течение пятилетия. Должны быть закончены также отдельные участки лесовозной магистрали Сорока—Котлас. В Сибири преимущественное значение будет иметь дорога Томск — Енисейск. На Урале две лесовозных магистрали: Тавда — Тобольск и Надеждинский завод — Ивдель.

Сельскохозяйственные и частично линии переселенческого значения намечены протяжением около 7.800 *км*. Наибольшее развитие получает Казакстан, где, кроме Туркестано-Сибирской магистрали, намечены железные дороги: Боровое — Акмолинск, Орск—Актюбинск, Кустанай — Акмолинск и ветви. Далее следует юго-восток: линии Троицк—Орск, Оренбург — Уральск и Саратов—Миллерово. Крупное сельскохозяйственное значение будет иметь большая магистраль западного Урала на участках Пермь — Уфа и Уфа — Оренбург. На Украине строительство линий сельскохозяйственного значения развивается довольно широко: Федоровка — Скадовск, Армянск — Херсон. Большая часть проектируемых в Закавказьи линий, на ряду с другими задачами, имеет и сельскохозяйственное значение. Таковы: Черноморская, Баку — Джульфа, Евлах — Нуха.

В Средней Азии линии: Чарджуй — Нов. Ургенч (б. Хива), Термез — Дюшамбе.

Горнопромышленные и промышленные дороги: около — 2.000 *км*. Сюда, прежде всего, приходится отнести ж.-д. строительство в Донбассе, обслуживание Ткварчельских копей на Кавказе, сооружение Магнитогорской линии, сооружение линии Рубцовка — Риддер, линии от станции Яр, Пермской дороги, к вятским фосфоритам.

Наконец, 3.000 *км* составят так называемые разгружающие и спрямляющие линии. Из них 1.000 *км* мы будем держать в беститульном резерве, чтобы бросить их по определенному назначению в случае дальнейших конкретных нужд железнодорожного строительства.

Основная и величайшая транспортная проблема, которую мы должны будем решительно пройти, — это проблема сверхмагистрализации Великого Сибирского пути. Осуществление нашей сельскохозяйственной программы приведет к значительному изменению нынешнего удельного веса сельскохозяйственных районов. Для снабжения потребляющих районов особое значение приобретут хлеба Сибири и Казакстана, тогда как хлеба Украины и Северного Кавказа будут иметь, по преимуществу, экспортное назначение. Таким

образом, важнейшие хлебные грузы требуют дальнейшего упорядочения Великого Сибирского пути. Ни одна дорога не растет так быстро по своей нагрузке, как Сибирская магистраль. Сравнительно элементарными средствами мы можем так изменить тип этой дороги, чтобы себестоимость перевозок по ней уменьшить в 2—2½ раза. Это означает, что мы приблизим к себе Сибирь с ее новыми развертывающимися великими хозяйственными возможностями экономически в 2½—3 раза. Это означает, что мы попутно разрешим не только проблему подачи кузнецкого угля на Урал, но и сможем сделать его конкурентоспособным с донецким углем в подходах к железнодорожному московскому узлу. Это гигантский шаг вперед для будущей разгрузки Донбасса от непосильной работы.

Исследования хлебного производства в Сибири показывают, что быстрый сельскохозяйственный под'ем ее об'ясняется благоприятными условиями себестоимости хлебопродукции. Проведением великой Сибирской сверхмагистрали мы произведем новую сельскохозяйственную революцию в Сибири. Осуществление этого грандиозного строительного задания пойдет осторожными, последовательными этапами. В течение первых трех лет должна быть закончена постройка новой дороги Курган—Свердловск с переустройством существующего участка Синарская—Шадринск. Это новое направление проводится с пологими уклонами, каковая работа производится и на участке Сибирской магистрали Курган—Новосибирск. К западу от Урала, на Казанской дороге, строится второй путь от Свердловска до Шемардана и новая линия от Шемардана до Нижнего Новгорода с двухпутным мостом через Волгу.

Общая стоимость работ по осуществлению Сибирской сверхмагистрали определяется суммой порядка 220 млн. рублей.

Значение этой работы для всего нашего хозяйства трудно переоценить, и мы должны это великое дело дело во что бы то ни стало осуществить (аплодисменты).

Товарищи, другая задача большой важности — это упорядочение транспорта донецкого угля. Пока что мы спасаемся от перегрузки дорог этим угольным потоком, направляя его веерно по четырем дорогам. Вместе с работниками НКПС нам предстоит разрешить задачу удешевления углеперевозок из Донбасса и обеспечения их бесперебойности. Здесь перед нами тот же вопрос о сверхмагистрализации, при чем много шансов за ту электрификацию Московско-Курской железной дороги, которой, по плану ГОЭЛРО, обеспечивалась связь Донбасса с северными индустриальными центрами.

Пару слов о речном транспорте. На карте освещается синяя линия Волго-Донского канала. Проекты этого сооружения, детальные и тщательные, мы уже выработали и даже демонстрировали их в Берлине и Париже. Вспомните, что Владимир Ильич говорил о Волго-Донском канале, называя его таким транспортным рычагом, который перевернет всю энергетику юго-востока. Сейчас мы

с особой ясностью видим, насколько он был прав. Подсчеты показывают, что при осуществлении Волго-Донского соединения водный транспорт донецкого угля по Волге на расстоянии около 2.500 *км* от Сталинграда будет обходиться столько же, сколько будет стоить перевозка по железной дороге на 250 *км*. Это значит, что мы таким путем включаем все Поволжье в непосредственную округу Донбасса. Это значит, что мы подойдем к волжскому хозяйству с новым решающим орудием его под'ема. Таким путем мы быстро излечим основной недуг Поволжья — бедность собственными энергетическими ресурсами. Таким образом, великая крестьянская река прошлого превратится в могучий индустриальный хребет. Вот когда волжская промышленность сможет расцвести и наше индустриальное движение на восток сделает громадный шаг вперед. Не забудьте, что запасы топлива и хлеба на этой артерии имеют, кроме того, и особое оборонное значение.

Если сравнивать наши расходы на новое железнодорожное строительство с расходами на преобразование и улучшение существующей железнодорожной сети, то мы увидим, что последние расходы значительно выше и составляют более 3 мрд. руб. за пятилетие. Разрешите мне не останавливаться подробно на работах этого рода. Реконструкция железнодорожного транспорта в намеченном нами масштабе возможна только потому, что мы предварительно уже подправили нашу тяжелую индустрию и так развиваем ее дальнейший темп, что она, по нашим расчетам, полностью может удовлетворить все нужды транспорта в паровозах, вагонах, рельсах и вообще по металлу. Тов. Куйбышев подробно расскажет вам о транспортных работах в промышленности. Отмечу кратко, что реконструкция транспорта, между прочим, основана на введении тяжелых паровозов серии „Э“ (80-тонных), большегрузных вагонов, автоматической блокировки железнодорожных постов, автоторможении товарных поездов и т. д. Мы рассчитываем, что в результате себестоимость транспортных услуг понизится на 30%, расходы топлива упадут на 13%, а производительность труда транспортников возрастет на 60%.

Следует с особой силой подчеркнуть громадное значение в предстоящем пятилетии упорядочения местного безрельсового транспорта. Увеличение грузооборота железных дорог вдвое дает огромную сумму тоннажа перевозок, но еще больше возрастет грузооборот безрельсового транспорта, который, по нашим расчетам, должен превзойти 1 мрд. тонн.

Если в довоенное время наше бездорожье причиняло нам ежегодно убытки, оценивавшиеся примерно в 400 млн. руб., то в грядущее пятилетие, при нашем нынешнем безрельсовом транспорте, эти убытки возросли бы многократно. Отсюда задача — дать решительный сдвиг в строительстве и эксплоатации наших дорог с земельным полотном. Пятилетка предвидит расходы для этой цели в сумме свыше

1 мрд. рублей. Однако, это — лишь скромное начало. Америка нам показывает, как в настоящее время автотранспорт борется с паровым транспортом. Постройка автозавода в 100 тысяч машин в Нижнем Новгороде, усиление работы других наших автозаводов, намеченное по пятилетке, все это еще в далекой степени не позволяет нам догонять столь опередивший нас в этом отношении Запад. К пересмотру этих программ, к новой организации наблюдения за всеми безрельсовыми путяти, привлечению в это дело материальных и трудовых ресурсов самого населения нам, очевидно, предстоит еще не раз возвращаться.

Столь же важно дать надлежащий сдвиг нашему речному хозяйству, которое даже не прошло всех стадий восстановительного периода. А между тем, наша богатая речная сеть по своей будущей роли в нашем хозяйстве заслуживает сугубого внимания.

За ограниченностью времени я не могу входить в дальнейшую характеристику наших транспортных задач.

Вопросы социально-экономические

Перейдем теперь к вопросам социально-экономического порядка. Отметим, прежде всего, что страна наша имеет такие приросты народонаселения, каких не знает капиталистический Запад. При населении в 150 млн. душ наш ежегодный прирост исчисляется в $3^1/_2$ млн., тогда как все население Европы в 370 млн. душ дает годичный прирост всего в $2^1/_2$ млн. душ. Уже этот гигантский рост населения затрудняет реализацию основного права советских граждан—права на производительный труд. Вспомним, что неиспользованный резерв сельской рабочей силы определяется нашими статистиками в 9 млн. человек. Число работоспособных возрастет за пятилетие также на 9 млн., да, кроме того, число безработных в настоящее время надо считать свыше 1 млн. Итак, пятилетний план, прежде всего, должен посчитаться с необходимостью дать этой огромной массе трудящихся постоянное занятие.

Чтобы правильно подойти к решению вопросов борьбы с безработицей, надо, прежде всего, тщательно исследовать ее корни. Сейчас же станет видно, что эти корни, прежде всего, связаны с вековой отсталостью нашего сельского хозяйства, порождающей так называемое аграрное перенаселение. Оно чрезвычайно своеобразно. В страдную пору деревне нехватает рабочих рук, там вынуждены пускать в ход работу стариков и детей, а в обычное время—миллионы незанятых людей. Механизация земледелия, прежде всего, позволяет смягчить эти скачки по сезонам сельскохозяйственной работы, более равномерно распределить ее на длительные сроки. А затем, с помощью механизации, мы, как это мы видели выше, расширяем самое поле сельскохозяйственного труда и изменяем самое техническое лицо нашего сельского хозяйства, интенсифицируя земледелие, вводя переработку сельскохозяйственных культур

и целый ряд новых агрономических работ самых разнообразных разделов сельского хозяйства. Среди них под'ем зернового хозяйства облегчает специализацию районов, дает возможность усиленного развертывания животноводства и сосредоточения усилий на возделывании трудоемких технических культур.

Мы подвели некоторые балансы тех общих результатов по использованию деревенской рабочей силы, которые в цифровом выражении показывают нам хотя и с грубой приближенностью, но достаточно отчетливо, что получится в результате. В результате мы дадим за пятилетие таким путем добавочную работу более чем 8 млн. полновозрастных работников. Тем самым мы нанесем решительный удар самым корням нашей безработицы, ее деревенским истокам. Затем тот под'ем в промышленности, в городах, который намечается в нашей пятилетке, дает возможность использовать в разных областях приложения наемного труда еще до $2^1/_2$ млн. работников. В последнем счете мы рассчитываем, таким образом, уменьшить нашу армию городских безработных почти вдвое, снижая ее к концу пятилетки до наличности всего около 500 тыс. человек.

Не так дело идет на капиталистическом Западе. Здесь безработица на наших глазах растет из года в год. Заметьте, что в Соед. Штатах число безработных в определенные периоды доходит до 4 млн. и более. В Германии число безработных насчитывается до 2 млн. и т. д.

В передовых индустриальных странах, товарищи, бешеная конкуренция приводит к необходимости сильнейшей технической реконструкции в промышленности. С трудящимися там при этом не считаются. Быть может, вы читали о тех автоматах, механических людях, которыми тамошние конструкторы думают нажать на живых людей. Такой автомат может стоять у распределительного щита на электрической станции и по словесному приказу производить те или иные операции на этом щите. Таков идеал современной капиталистической цивилизации,— куклой заменить человека.

Мы тоже решительно улучшаем техническое оборудование нашей промышленности, вооружаем наших рабочих новыми машинами, новым энергетическим вооружением. Но одновременно мы намечаем увеличение за пятилетие армии наших индустриальных рабочих на целых 38%. Социалистическая реконструкция промышленности, как видим, не похожа на капиталистическую ее реконструкцию.

Наши подсчеты показывают, что в то время как население страны возрастет на 11,8%, численность лиц наемного труда возрастет на 21%.

Большую роль в борьбе с безработицей будет играть перевод в это пятилетие всех рабочих на 7-часовой рабочий день. Сокращение годичного срока работы на 159 часов, получающееся от этого перевода, уже одно даст нам возможность дать работу новым 300 тыс. рабочих фабрик и заводов. Следует подчеркнуть, что в то

время как продолжительность нашей рабочей недели в настоящее время 44,6 часа и будет доведена до 40,2 часа, за границей она колеблется от 47 до 49½ час.

Интересно проследить, как будет обстоять за пятилетку дело с нашим народным доходом, основным источником нашего накопления. Ведь мы, товарищи, живем и будем жить не за счет американских дядюшек. По расчетам пятилетки, народный доход дойдет до 170 мрд. руб., т.-е. примерно удвоится. Чтобы получить такой неслыханный в истории капиталистических государств результат, нам нужно только сохранить тот прирост душевого дохода, который мы имеем за последнее трехлетие. А ведь мы имеем шансы значительно поднять его вверх, ибо сильно поднимаем производительность труда во всех отраслях нашего народного хозяйства. Какова будет структура этого народного дохода? Вследствие сильного под'ема промышленности доля в нем сельского хозяйства падет с 46% до 39%. Роль частного сектора снизится с 47% до 33%. Продукция цензовой промышленности уже в 1927/28 г. была обобществлена на 98,3%. Частный сектор падает в ней за 5 лет с 1,7% всего до 1%. Паровой транспорт обобществлен уже на все 100%. Частный торговый оборот в рознице падает с 25% до 9%. Весь частный товарооборот в опте и рознице падал с 14% до 3,2%. Социалистический сектор сельского хозяйства за пять лет возрастет в 8 раз: с 1,8% до 15%.

Не менее интересно распределение дохода по социальным классам. Средний темп роста доходов для всех групп населения — 62%. Доход пролетариата возрастает вдвое. Прирост реального душевого дохода в городе 66%, в деревне 67%, т.-е. примерно эти приросты одинаковы. Однако, как в городе, так и в деревне пролетарские и бедняцкие группы будут иметь особо высокий процент прироста душевого дохода. Беднота, об'единенная в колхозы, повысит свой душевой доход на целых 79%.

В пятилетке мы проследили, как пойдут по разным группам деревенского населения из'ятия из деревни налогами и займами и поступления от бюджета и кредита. Затем мы учли то, что эти группы населения выиграют на изменении цен городских и сельских товаров. В последнем счете оказывается, что деревенская верхушка приплатит из своих средств государству около 1,5 мрд., тогда как бедняцко-середняцкая масса получит на 2 мрд. больше, чем отдаст.

Отдельно мы сделали расчет в изменениях того, что мы называем основными фондами страны. Это все ее капитальное имущество, весь ее производственный инвентарь. Теперь в этих фондах средства наполовину принадлежат частному сектору — так дает себя знать громадная наличность у нас индивидуального крестьянского хозяйства. Однако, к концу пятилетки социалистический сектор будет уже составлять две трети этих основных фондов.

Как будет у нас обстоять дело с заработной платой? Номинальная заработная плата индустриального рабочего возрастет примерно на 47%. Но так как одновременно падет цена товаров, необходимых для содержания рабочего, или, как мы говорим, понизится бюджетный индекс, то реальная заработная плата возрастет не менее чем на 70%. Повышенный заработок рабочего, с нашей точки зрения, основа производительности его труда. Пятилетка предусматривает под'ем производительности индустриального труда на целых 110%. Только такой под'ем производительности труда сможет оправдать те наши расчеты, которые позволили нам сделать такие крупные ставки фактического под'ема заработных плат.

Как изменится рыночная обстановка к концу пятилетки? Те главные трудности, которые мы наблюдаем ныне в обороте сельскохозяйственных продуктов, очевидно, могут быть изжиты проведением той сельскохозяйственной программы, которую мы обрисовывали раньше. Мы показывали, каким путем мы устраним прорывы спекулятивных цен на сельскохозяйственные продукты. Это задача нелегкая, и мы сможем ее осуществить лишь напряжнейшей работой ряда лет. С другой стороны, надо учесть, что предложение промышленных товаров, при увеличении всей продукции промышленности более чем в 2½ раза, будет чрезвычайно мощно подкреплено. Учет соотношения спроса и предложения, конечно, весьма сложная задача. Чашки весов будут колебаться и от политики цен, и от роста заработков и доходов, и от всей суммы тех мероприятий, которыми советская власть воздействует на товарный и денежный рынок. Однако, не подлежит сомнению, что под'ем всех наших производственных отраслей дает нам в руки громадные средства для необходимого урегулирования рынка. Чтобы не быть голословным, приведу несколько цифр: предложение сахара на рынке к концу пятилетки примерно удвоится; по сукну и шерстяным товарам увеличение примерно в 2½ раза, по выработке подсолнечного масла в 2½ раза, снабжение чаем намечается поднять в 4 раза. Особые усилия, как это мы видели раньше, мы будем прилагать для удовлетворения производственного спроса крестьянства: предложение сельскохозяйственных машин возрастет в 4 раза, химических удобрений в 30 раз.

Подчеркнем, кстати, еще раз, что жилищное положение индустриальных рабочих резко изменится к лучшему: ведь мы вкладываем в это дело за пятилетие около 5 мрд. рублей.

Ограничусь этим беглым очерком основных социально-экономических сдвигов в пятилетие.

Кадры и культура

Спросим себя, какой дальнейший вопрос является для нас решающим для стопроцентного выполнения заданий нашей пятилетки? Это, товарищи, несомненно, вопрос о кадрах живой силы, о подготовке ее в различных по квалификации разрядах, о подготовке для нее над-

лежащей расширенной смены. При проработке пятилетки в разных коллективах и в разных органах везде эти вопросы выдвигались, как важнейшие. Кто и как будет работать? Подготовлен ли наш живой труд к той сложной машинной технике, которой мы его окружаем, к тем огромным задачам как строительного, так и эксплоатационного порядка, которые стоят перед нами во всех хозяйственных областях? Вы знаете, как много детских болезней во всем нашем капитальном строительстве. Только вооружившись везде и всюду наллежащими кадрами, можем мы быстро справиться с нашей неопытностью в предстоящих задачах огромного строительства и преобразования хозяйства.

Но вопрос о кадрах теснейшим образом сплетается с вопросами всей нашей культурной работы. Владимир Ильич не даром говорил: „Победить с народом темным, неграмотным нельзя", и поэтому, прежде всего, приходится себе задать вопрос: как мы поведем в это пятилетие борьбу за грамотность и за элементарное обучение.

В тех томах пятилетки, которые вам розданы, намечено ассигнование на дело просвещения целых 15 мрд. Но когда мы вновь начали прощупывать вопрос всеобщего обучения, ликвидации неграмотности, вопросы о школах I ступени, об их педагогическом персонале, вопросы использования новых гигантских рычагов современной культуры — кино и радио, могущие дать нам исключительные средства для культурного общения с широчайшими массами трудящихся, когда еще и еще раз продумали необходимость быстрейшего сжатия культурных „ножниц" между нами и Западом, то мы пришли к выводу о необходимости добавочной ассигновки на дело просвещения дополнительно 1 мрд. руб.

Как же расширена наша строительная культурная программа? Мы хотим добиться, чтобы к концу пятилетия в активном рабочем возрасте не осталось ни одного неграмотного в нашей стране (аплодисменты). Мы хотим, начиная с 1929/30 г., приступить к введению всеобщего обязательного начального обучения, охватить школой всех детей в возрасте от 8 до 11 лет, пропуская через особые школы всех переростков в количестве 3 млн. человек (12—15 лет). Мы хотим ликвидировать неграмотность среди всего городского и сельского мужского и женского населения в возрасте до 40 лет, а среди рабочих — в возрасте до 50 лет. Отступления могут быть только для особо отсталых районов при особо неблагоприятных обстоятельствах. Контингент начальных школ придется поднять до 16 млн. человек. Ликвидацию неграмотности придется связать в селах с обучением известному минимуму сельскохозяйственных знаний, а в городах — с некоторым техническим обучением. Через школы ликбеза мы предполагаем за пятилетие провести 18 или 19 млн. человек. При таких условиях процент грамотности по всему Союзу к 1932/33 г. поднимется выше 80%.

Придется широко развить сеть изб-читален, народных домов и клубов. Надо поставить дело так, чтобы среди широких кругов рабочих и крестьян создалась большая тяга к этим учреждениям. В частности, я думаю, что пропаганда нашего пятилетнего плана должна также найти себе место и во всей школьной сети и в главнейших просветительных учреждениях. Мы предполагаем громадный под'ем тиража наших газет, более чем удвоение этого тиража, и мощный под'ем всей нашей печати, который потребует заново пересмотреть и ставки нашего полиграфического дела и всего писчебумажного производства. Учебники, популярные технические книги — вот что должно быть выдвинуто на первый план. Число киноустановок должно быть поднято с нынешних 8 тысяч по всему Союзу до 50 с лишним тысяч к концу пятилетки. Число кинопосещений должно перевалить за 1,5 мрд.

В этом деле мы должны поставить перед собой определенную задачу: изжить за пятилетие иностранные отравляющие трудящихся кинофильмы, дать им такие картины, которые поднимали бы их культурно и воспитывали бы их в нашем социалистическом духе (аплодисменты).

Один из главнейших вопросов—это вопрос о школьных учителях. Армия наших учителей составляет в настоящее время свыше 200 тыс., к концу пятилетия она более чем удвоится. Будем помнить все то, что говорил Владимир Ильич о значении для нас школьного учителя. Доведем его заработок до заработка квалифицированного рабочего. В городах это будет составлять около 100 рублей. Будем помнить, что в селах нам необходим учитель, как первый помощник агронома и всего производственного актива деревни.

Мы более, чем удваиваем бюджет здравоохранения, изменяя его первоначальные цифры и ставя перед собой задачу увеличить в $1^1/_2$ раза нынешнее количество врачей. Их заработок должен быть доведен до довоенного уровня. Более всего придется обратить внимание на отсталость медицинского обслуживания нашей деревни.

Вопрос особой важности — вопрос о выработке новых инженеров, техников и агрономов. Нам требуется совсем иной тип этих работников, чем тот, которым довольствовались в довоенное время. Вы знаете, что мы намечаем для студентов наших вузов работу на фабриках и заводах еще в период обучения. Надо, чтобы наша техническая молодежь варилась в самом фабричном котле, чтобы она дышала его воздухом. Придется организовать широкую переквалификацию действующих кадров индустриальных рабочих. Здесь задача двойного порядка: современная техника чревата быстрыми изменениями обстановки труда. Необходимо поэтому поднять общие политехнические навыки рабочих, их предварительное общее обучение. Но одновременно приходится думать и о быстрых технических навыках определенного профессионального характера. Потребуются боль-

шие средства и большое организационное педагогическое искусство, чтобы с толком переквалифицировать свыше 1 млн. индустриальных рабочих на фабриках и заводах и создать огромнейший пятимиллионный крестьянский актив обученных таким образом, чтобы не растеряться при трудностях строительства социалистического сектора деревни. Должна быть пущена в ход система всевозможных краткосрочных курсов, система заочного обучения живой и разнообразной практики. Сеть радио предполагается мощно развить. Радио должно быть доступно 50% рабочих квартир. Надо стремиться к тому, чтобы по крайней мере треть крестьянских дворов имела возможность слушать радио. (Аплодисменты.) Это—огромная программа. Но если вспомнить, какие надежды Владимир Ильич возлагал на радио, то жалеть здесь средств не приходится.

Я позволю себе прервать на этом мою краткою информацию по культурно-социальному строительству.

Финансовый план

Товарищи, подводя общие итоги, вы, наверное, задаете себе вопрос, откуда же возьмутся средства для осуществления этого громадного хозяйственного плана, продумана ли финансовая сторона дела в пятилетке?

Не так давно Госплан посетил один американский исследователь. Он собрал большую литературу по нашему бюджету, засел за ее изучение, но вынужден был сознаться, что он ничего не может понять в наших бюджетных расчетах. По форме наш бюджет как-будто бы такой, как в иностранных государствах, но связать в нем концы с концами по тем приемам, как это делается за границей, он никак не мог. Это вполне понятно. Наш бюджет только по форме походит на бюджет капиталистических государств, по существу же он не имеет с ним ничего общего. У нас нет такой пропасти между ресурсами государства и его хозяйственным и общественным окружением, какая неизбежна при частной собственности на средства и орудия производства. Наши соцстрах, профсоюзы и кооперация совершенно своеобразно смыкаются с нашей финансовой системой и в последнем счете наш бюджет может быть расшифрован лишь, как часть гораздо более широкого финансового плана.

В нашей пятилетке вы найдете достаточно материалов, могущих вам осветить характер того финансового плана, который учитывается нами во всем нашем хозяйственном плане. Вы увидите, что мы были достаточно осторожны с подсчетом наших финансовых ресурсов и весьма считались со всей нашей предшествовавшей в этом отношении практикой. За пятилетие нам приходится мобилизовать 86 мрд. руб. денежных ресурсов. Эти средства мы можем почерпнуть только из нашего собственного народного дохода. Этот народный доход исчисляется нами в 170 мрд. руб. Таким образом, мы хотим мобилизовать 50% всего дохода. Такая мобилизация средств обычно

наблюдается в условиях военного времени. Но в таком случае эти средства бросаются в жерло войны, в результате чего всегда наступает послевоенное хозяйственное расстройство. Мы же мобилизуем их прежде всего для подкрепления действующего производственного механизма. Они идут на оплодотворение нашего производственного труда, и мы настолько уверены в положительных качествах нашей хозяйственной программы, что к концу пятилетия ожидаем не падения, а повышения покупательной способности труда. В пользу этого говорит также уже практика нашего прошлого. Уже в 1928/29 г. нам удалось мобилизовать 38% народного дохода. Остается пройти только 12 точек в испытанном направлении. Рост бюджета намечен гораздо более медленный, он охватит только 30% народного дохода. Это потому, что заметно растут и крепнут средства самих наших производственных организаций. Главные составные части нашего финансового плана таковы, что свыше половины приходится на бюджетную систему, около пятой доли — на собственные средства хозяйственных организаций, десятую часть составляет соцстрах, а остальное приходится на кредитную систему и прочие источники.

Наша уверенность в доходных статьях финансового плана такова, что мы идем почти на стабилизацию сел. хоз. налога и теряем целые миллиарды на снижение выработки водочных напитков. Если теперь на душу населения приходится 5,9 литра, — а это в два раза меньше, чем было в довоенное время, то к концу пятилетия мы сокращаем потребление хлебного вина в городах на 70% и значительно сокращаем его потребление в деревне. Общее потребление хлебного вина падает до 2,04 литра на душу. Если же удастся удачно повести борьбу с самогоном, опираясь на новые силы культурного под'ема масс, то мы пойдем в этом отношении и далее.

Какова структура расходов по финансовому плану? Примерно две трети мобилизуемых средств идут на финансирование народного хозяйства. Резко выдвигается вперед расход на социально-культурные потребности. Они составят огромную сумму свыше 23 мрд. руб.— более одной четверти всех мобилизуемых нами средств. Зато с величайшей осторожностью намечены расходы по содержанию административно-государственного аппарата. Не приходится сомневаться, что финансовый план сведет концы с концами, если будет выполнена вся основная производственная программа пятилетки. В ней, несомненно, центр тяжести. Вот иллюстрация. Мы намечаем снизить себестоимость промышленной продукции на 35%, а отпускные цены товаров — на 24%. Что дает этот разрыв в 11 точек? Он дает в финансовом плане огромную сумму свыше 7 мрд. руб. Каждый процент снижения себестоимости промышленной продукции в разрезе пятилетки выражается в сумме 600 млн. руб. Каждый процент снижения себестоимости строительства в финансовом плане составляет 400 млн. руб. Здесь должен быть центр вашего внимания. Грудью боритесь за эти достижения! Не менее 35% снижения промышленной

себестоимости! Не менее 50% снижения стоимости строительства, не менее 20% снижения себестоимости транспортных услуг! Вот что должно быть перед вашими глазами. Этим мы покажем, что мы — страна, рассчитывающая на силу своих собственных мышц. В нашем финансовом плане иностранные займы дают прирост на сумму меньше 1 мрд. руб., а наша кооперативная система, только что выпрямляющаяся во весь свой могучий рост, учитывает в финансовом плане паевые взносы на целых 3 мрд.

Этот финансовый план показывает, что, обращаясь к зарубежному миру с некоторыми кредитными запросами, мы идем к нему не как нищие, а в твердой уверенности, что эти кредиты обоюдовыгодны (аплодисменты).

Я должен оговориться, товарищи, что при обрисовке наших культурных задач я не коснулся нужд, громадных нужд нашего научно-исследовательского фронта. Я говорил вам, как нуждаемся мы в разнообразных геологических разведках. Так же велика наша нужда и по самым разнообразным направлениям научно-исследовательских работ. Грубые подсчеты показывают, что за это пятилетие мы должны будем здесь вложить целых 2 мрд. руб. Уже неразбериха с нашими экспедициями показывает нам, каким рассыпным является весь наш научно-исследовательский фронт. Нет никакого сомнения, что плановые рельсы здесь необходимы столь же остро, как и в самых ответственных областях нашего хозяйства.

Вехи пятилетнего плана должны помочь нам и в этом отношении.

Заключение

Товарищи, нет никакой возможности даже и в таком длинном докладе с достаточной полнотой исчерпать основные темы нашей пятилетки. Вам придется самим затратить огромный труд для того, чтобы по ее подлиннику продумать основные наметки. Здесь на помощь нам должна прийти мощная сила печати. Уже сейчас наша экономическая печать наполнена темами пятилетки. Не подлежит сомнению, что этот пятилетний план по другому будет принят страной, чем план ГОЭЛРО. Вы помните, как Владимир Ильич был озабочен, чтобы этот план по возможности скорее довести до сознания широких масс трудящихся. Как он мечтал о том, чтобы каждая школа, каждая электрическая станция были орудиями его пропаганды. Так, товарищи, не вышло. Тому же Владимиру Ильичу пришлось указать мне, когда я при первом открытии работ Госплана в 1921 году хотел центральным сделать вопрос о дальнейшей разработке и уточнении плана, что по обстоятельствам того времени, прежде всего, приходится вступать в непосредственную борьбу с надвигающейся разрухой. Конечно, план ГОЭЛРО был настоящей путеводной звездой для наших хозяйственных работников. Но для какой их части? Для их штаба. А вот теперь, товарищи, когда мы кончали пятилетку, мы все были поражены новым обстоятельством:

мы чувствовали, что материалы пятилетки уже рвут из наших рук, что страна, как будто вся мобилизована для восприятия и выполнения этого плана. На последнем V плановом с'езде я отмечал, что то воодушевление, которое нас всех охватывает, идет к нам от тех колонн трудящихся, железная поступь которых нам слышна. Они идут сейчас на хозяйственном поле на свой последний и решительный бой (аплодисменты). (Голоса: правильно!)

Товарищи, газеты со всех сторон сейчас сообщают о великой волне социалистического соревнования трудящихся. Когда пробегаешь эти предложения рабочих—жертвовать своим заработком, своим праздничным досугом для того, чтобы быстрее осуществить грандиознейшую задачу создания нового строя промышленности и сельского хозяйства, то проникаешься горячей уверенностью в благоприятных судьбах настоящего плана.

В предисловии к плану ГОЭЛРО я писал: „Наша работа только началась. Она может служить лишь материалом для составления нового плана народного хозяйства, который необходим трудящимся, чтобы великие жертвы, понесенные ими на военном фронте, поскорее оправдались на фронте экономическом. Но мы спокойны за наше строительство. Оно находится в крепких руках истинных строителей жизни, в стране освобожденного от корыстной эксплоатации труда".

Эти слова сбылись. Такой план хозяйства находится в распоряжении актива нашей страны, актива крепких мозолистых рук. Я надеюсь, что вы утвердите его в основном и целом, как мощное орудие нашей дальнейшей борьбы. Вы вместе со мной скажете, что уже сейчас действительность говорит за то, что он подхвачен мощными руками истинных строителей новой жизни.

Конечно, мы не должны самообольщаться. Конечно, перед нами большие трудности. Мы знаем, что параллельно росту наших хозяйственных достижений мы самим нашим успехом обличаем неправду старого мира, ясно показываем, что он костлявыми пальцами полумертвеца впивается в горло новой жизни.

Антагонизм капиталистического мира к нам неизбежно растет. Это создает в рядах наших попутчиков шатания, доходящие до измены. Шахтинские события имеют большое охвостье. Вы знаете, какие вероломные удары направлялись против нас нашими врагами. Но сами же шахтинцы должны были признать, что что-то перекрывало коварные замыслы. Откуда-то шла гигантская сила, которая делала тщетными все их усилия. Где эта сила? Эта сила в уверенной поступи пролетарских колонн, которые уже видят лицо новой жизни, которые уже знают, что они борются за великое мировое дело, которые не боятся никаких измен и мощно их преодолевают (аплодисменты).

Там, где великие достижения, там не может не быть великих трудностей. Те, кто боится этих трудностей, кто чрезмерно опасается

перебоев, те за деревьями не видят леса. Мы растем и крепнем. Передовые работники всего хозяйственного фронта уже убеждены в том, что старые довоенные масштабы нам не подходят. Мы уже с пристальным вниманием смотрим на рекорды передовых индустриальных стран, на рекорды Америки и Германии, мы видим, что с каждым годом крепнем для борьбы на мировом рынке.

Мы убеждены в том, что и другая надежда шахтинцев — надежда посеять разрыв между пролетариатом и крестьянством — иллюзорная надежда. С каждым последующим годом широкие крестьянские массы все отчетливее будут видеть, что им нет выхода в формах кулацкого благополучия, что единственный решающий выход — это спайка с пролетарским государством, скорейшее осуществление огромных работ по строительству социалистического сектора в деревне.

Накануне составления плана ГОЭЛРО Владимир Ильич писал мне:

„Нельзя ли добавить план не технический (это, конечно, дело многих и не скоропалительное), а политический или государственный, т.-е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20—30 (30—50?) станций чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (примерно перебрать Россию всю, с грубым приближением). Начнем-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию „электрической".

Я думаю, подобный „план" — повторяю, не технический, а государственный — проект плана, вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической. Доработаемся до стольких-то (тыс. или миллионов лош. сил или к. у.?? чорт его знает) машинных рабов и проч.

Если бы еще примерную карту России с центрами и кругами, или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных великой программой на 10—20 лет.

Поговорим по телефону. Ваш Ленин.

Красин говорит, что электрификация желдорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то может быть будет возможна через 5—10 лет? Может быть, на Урале возможна?

Не сделать ли особой статьи о „государственном плане", сети электрических станций, с картой или с примерным их перечнем (числом), с перспективами, способными централизовать энергию всей страны?

Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо и мы поговорим".

Как ни несовершенно изложение мною плана, думаю, что я все же показал вам, что такой политический план, о котором говорил Владимир Ильич и который действительно может мобилизовать около себя миллионы, вы теперь имеете в своих руках. Прошу осветить карту. Дайте электростроительство, дайте топливо, транспорт, металл, текстиль, химию, дайте всю строительную программу пятилетия. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, работая большим коллективом, памятуя те указания, которые делал нам наш великий вождь, руководствуясь прямыми директивами нашей партии, обращаясь ко всем доступным нам достояниям научной мысли, мы старались честно исполнить задачи разработки пятилетнего плана. Мы думаем, что в нем мы идем по ленинским вехам, что мы помогаем, таким образом, разуму и воле рабочих и крестьян подняться до высот строительной мысли их великого вождя. Владимир Ильич говорил, что только одно условие необходимо для полной победы на экономическом фронте. Он говорил, что для этого нужно создать здесь такое же единство мысли и воли, какое создавалось у нас во время войны. Мы надеемся, что этот план поможет создать такое единство воли. Творческая мысль рабочих и крестьян поднимется по ленинским вехам на огромную высоту, и оттуда, как могучий энергетический поток, она будет мчаться на гигантское поле нашего труда, на подобие великой энергетической установки, своей организованной работой сокрушающей все препятствия.

Она доведет дело строительства социализма до победоносного конца! (Бурные аплодисменты. С'езд поет „Интернационал".)

А. Мендельсон

Кон'юнктура народного хозяйства СССР в первой половине 1928|29 г.

1. Предварительные замечания

Истекшее полугодие является первым полугодием принятого и в настоящее время осуществляемого пятилетнего плана хозяйственного развития СССР. В хозяйственном плане на 1928/29 г. конкретизирован первый год пятилетки. Анализ истекшего полугодия должен дать ответ на вопрос о том, как развертывался процесс воспроизводства на протяжении первой половины первого годового отрезка пятилетки.

Критерием для оценки кон'юнктуры в условиях СССР является реализация социалистического строительства. Поскольку решение задач социалистического строительства находит свое конкретное выражение в планах, в частности, годовых, постольку оценка кон'юнктуры за тот или иной период должна строиться на сопоставлении фактического развертывания хозяйственного процесса с плановыми заданиями — проектировками.

В зависимости от того, имеем ли мы совпадение по всей линии с планом, полное ли расхождение, либо — что всего вероятнее — частичное расхождение, анализ должен дать об'яснение этим явлениям: должны быть вскрыты причины, вызвавшие ускорение либо замедление темпов развертывания тех или иных элементов народнохозяйственного целого; с точки зрения пропорций частей системы — так называемого принципа равновесия — должны быть проверены складывающиеся — в рассматриваемый период времени — отношения элементов народного хозяйства. Кон'юнктурный анализ, являясь проверкой выполнения плана, в то же время есть способ проверки и критической оценки самого плана.

При тесном переплетении экономических и социальных процессов в условиях переходного периода, когда проблемам социальной реконструкции должно быть отведено центральное место на ряду с реконструкцией технической и экономической, оценка кон'юнктуры за более или менее длительный период должна включать также и оценку социальных сдвигов, находящих свое отражение во взаимоотношениях классов, в расстановке их и в соотношении классовых сил.

2. Основные моменты кон'юнктуры в I полугодии 1928/29 г.

Развертывание народного хозяйства на протяжении истекшего полугодия носило различный характер по линии обобществленного сектора и частно-капиталистических элементов необобществленного сектора. Работа промышленности — продукция — и транспорта в общем шла в рамках, намеченных планом. Намечавшиеся при составлении контрольных цифр затруднения по линии сельского хозяйства по своей интенсивности оказались значительнее, чем предполагалось.

В дальнейшем мы остановимся на основных моментах, которыми характеризуется хозяйственный процесс за рассматриваемый период.

1. Основные фонды. С точки зрения процесса воспроизводства существеннейшее значение имеет рост и реконструкция так называемых основных фондов народного хозяйства. Процесс увеличения и технической реконструкции производственного аппарата продолжался и на протяжении истекшего полугодия как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

По данным ВСНХ на протяжении I квартала текущего года пущено в дополнение к действовавшим еще 12 домен; в среднем за полугодие текущего года число работавших домен на 12% выше, чем в I полугодии прошлого года. Число мартенов на 5,1% больше, чем в первой половине 1927/28 г. Число врубовых машин в каменноугольной промышленности поднялось с 680 на 1/X 1928 г. до 757 на 1/I 1929 г. и доля угля, добываемого механическим способом, достигла к концу полугодия 29%. За I квартал число прядильных веретен в хлопчатобумажной промышленности превосходит число их за I квартал прошлого года на 8%; число ткацких станков соответственно больше на 8,8%. Число действующих рам в лесопильном производстве увеличилось на 5%; количество самочерпок в бумажной промышленности достигло 122 против 110 прошлого года и т. д.

На ряду с вводом в действие новых производственных единиц и реконструкцией старых, улучшается использование оборудования: на протяжении первого полугодия текущего года производительность домны возросла на 8,0% по сравнению с первым полугодием прошлого года и на 7,0% — по сравнению с средне-годовой. Производительность тяжелой врубовой машины за 1927/28 г. составляла 1.052 тонны; производительность той же машины в I квартале текущего года ориентировочно достигла 1.240 тонн, что составляет +7,6%.

Вместе с тем, растущие потребности народного хозяйства диктуют — на ряду с вводом в действие новых предприятий — пуск старых, с изношенным оборудованием. В результате — при напряженной работе производственного аппарата — имели место в ряде предприятий аварии.

Первое полугодие текущего года отмечено также значительным шагом вперед в области расширения и реконструкции производственного аппарата в сельском хозяйстве. Сельское хозяйство

получило значительно больше сел.-хоз. машин и тракторов, чем в прошлом году. Увеличение рабочего скота, по данным ЦСУ СССР, к началу текущего года составило +3%. Насыщение сельского хозяйства машинами и тракторами идет в первую очередь по линии обобществленного сектора. Рост количества рабочего скота при одновременном сокращении продуктивного сопровождается перераспределением его между группами крестьянских хозяйств: по данным осенней кон'юнктурной анкеты ЦСУ, при снижении количества рабочего скота во всех группах, начиная с тех, которые имели 2 и больше единиц, количество рабочего скота возросло в группе с одной головой [и он появился в группе первой — без рабочего скота. Нужно отметить, что темп прироста рабочего скота к началу текущего года по Союзу в целом (+3%) в 1½—2 раза ниже, чем в предыдущие годы.

Перераспределение скота между группами индивидуальных крестьянских хозяйств дано в следующей таблице:

Распределение скота по группам крестьянских хозяйств осенью 1928 г. в %% к итогам осени 1927 г.

Наименование	Без раб. скота	С 1 гол. раб. скота	С 2 гол. раб. скота	С 3 гол. раб. скота	С 4 и более гол. раб. скота
Лошадей	145,7	108,0	98,7	97,9	93,4
В том числе раб.	(282,8)	105,5	94,3	92,3	88,7
Крупн. рог. скота	101,3	98,3	92,8	89,5	84,8
В том числе коров	(104,0)	98,5	91,7	89,1	86,0
Овец и коз . . .	89,4	91,5	89,4	87,6	83,0
Свиней	101,0	100,1	95,9	97,4	88,0
Единиц раб. скота	(300,4)	103,5	93,5	90,2	86,1

2. Промышленность. Работа промышленности за полугодие дала в итоге по валовой продукции +19,7% по сравнению с первым полугодием 1927/28 г.; соответственно средства производства +22,9%, предметы потребления +17,3%. Валовая продукция по довоенным ценам в аккумулированных итогах за полугодие из расчета на 1 календарный день дает прирост на 23,90%. При этом март дал прирост валовой продукции на 1 календарный рабочий день по сравнению с февралем на 4,6%, по средствам производства +5,7%, по предметам потребления +4%; месячная продукция в марте соответственно поднялась на 6,9%, 10,4% и 4,0%.

Число рабочих увеличилось за полугодие на 8,8% по сравнению с I полугодием прошлого года и на 6,5% по сравнению с среднегодовым числом их в 1927/28 г. При чем март впервые за последние 1½ года дал некоторое снижение занятой рабочей силы — на 0,7%, вследствие выполнения, вернее, начала выполнения директивы о приведении в соответствие количества рабочих с потребностью предприятий.

Выработка на 1 человеко-день — по аккумулированным итогам, за полугодие — на 11,7% выше соответственного итога в 1927/28 г. и на 10,9% выше средне-годового итога. Средне-месячная номинальная заработная плата за шесть месяцев текущего года превышает на 7,1% заработную плату за соответствующий период прошлого года и дает +4,6% по отношению к средне-годовому итогу 1927/28 г. Дневная номинальная зарплата на те же сроки соответственно +9,1% и +5,9%. Месячная реальная зарплата за полугодие текущего года — в аккумулированных итогах — по отношению к первому полугодию прошлого года почти стабилька; дневная реальная зарплата выше на 1,4%. Себестоимость снизилась за I квартал — по расчетам ВСНХ — на 1,6%; итоги за II квартал и полугодие в целом пока не выяснены. На протяжении всего полугодия ощущались затруднения в снабжении сырьем отдельных отраслей промышленности.

Второй квартал прошел под знаком подготовки к строительному сезону. При значительных достижениях в этой области по сравнению с прошлым годом имеется все же ряд дефектов как в области подготовки проектов, так и обеспечения стройматериалами. На протяжении полугодия усилились жалобы на качество продукции как предметов широкого потребления (галоши, спички и т. д.), так и, в отдельных случаях, на сел.-хоз. сырье (лен), промышленное сырье и полуфабрикаты. Должно быть отмечено, в частности, крайне низкое качество продукции кустарной промышленности вследствие низкого качества сырья и полуфабрикатов, отпускаемых для кустарной промышленности.

Финансовое положение обнаруживает к концу полугодия некоторое нарастание напряжения в связи с недостаточным снижением себестоимости.

3. Труд. В области труда — в дополнение к приведенным в предыдущем пункте данным — нужно отметить на 1/IV 1929 г. увеличение числа безработных, работавших ранее по найму, на 52,8%. В прошлом году рост числа безработных на тот же период выразился в +57,1%; число безработных, не работавших ранее по найму, увеличилось за полугодие на 17,9%; в прошлом году это увеличение составило 31,4%. Продолжался перевод ряда предприятий на 7-часовой рабочий день. К настоящему моменту имеются сведения о переводе ¾ числа рабочих из 191,6 тыс. намеченных к переводу на сокращенный рабочий день в рассматриваемом полугодии. Общее число рабочих, переведенных на 7-часовой рабочий день, составило к концу полугодия 278 тыс. человек. Имеющиеся сведения о трудовой дисциплине говорят о некотором улучшении в этой области. В этом же полугодии, к концу его, началось и развертывается в широком масштабе социалистическое соревнование, захватывая широкие круги рабочих и перебрасываясь с предприятия на предприятие.

4. Сельское хозяйство. На протяжении рассматриваемого полугодия уточнены были итоги производства 1928 г. По расче-

там Экспертного совета ЦСУ, общий сбор зерновых составляет 7.332.000 декатонн.

Посевная площадь в озимую кампанию дала в целом по Союзу снижение около 3%, в том числе по индивидуальному сектору снижение на 4,5% и удвоение по обобществленному сектору. Причины снижения посевных площадей: недостаток семян, особенно в пострадавших в прошлом году районах, плохие метеорологические условия и экономическая реакция верхушечной части деревни на мероприятия социального характера.

По данным осенней кон'юнктурной анкеты, произведенной ЦСУ, положение скотоводства к моменту постановки скота в стойло осенью 1928 г. изменилось по сравнению с осенью 1927 г. следующим образом (%%):

Весь рабочий скот	+ 3
Крупный рог. скот	— 4,4
Овцы и козы	—10,3
Свиньи	— 1,5

Сокращение крупного рогатого скота, более значительное в районах рыночного молочного хозяйства, и сокращение свиного стада должно быть учтено, как неблагоприятный момент для заготовок масла и мясозаготовок. Положение с последними осложняется, кроме того, волной эпизоотий в восточных районах и весьма напряженным состоянием кормовых ресурсов в ряде районов Европейской части Союза.

Итоги рассматриваемого периода в области взимания сел.-хоз. налога — в связи с влиянием на производство — сводятся к превышению намеченной суммы (вместо намеченных к сбору около 400 млн. руб. фактически собрано около 430 млн.); к некоторому переобложению в отдельных районах маломощных и к уже отмечавшимся в печати перегибам при индивидуальном обложении. Все это в связи с необходимостью стимулировать продукцию зерновых учтено декретом о сельхозналоге на предстоящий период.

Итог реализации сел.-хоз. продукции плановыми заготовителями с начала кампании по сравнению с прошлым годом представляется в следующем виде (см. табл. на след. странице).

Первое полугодие — особенно второй квартал — прошло под знаком подготовки к весенней кампании. И по линии материального содействия деревне машинами, тракторами, посевным материалом и по линии общественного содействия мобилизацией внимания широких кругов к посевной кампании — к расширению площади и повышению урожайности, — сделан большой шаг вперед. Большие массивы бедняцко-середняцких слоев вовлечены в производственные совещания, создан и получил широкое распространение институт агроуполномоченных. Посевные планы прорабатываются сельсоветами, принимается значительным числом селений агроминимум. Недостаточно интенсивно проводился ремонт сел.-хоз. инвентаря.

Общий размер плановых заготовок в довоенных и современных ценах
(В млн. руб.)

Товарные группы	По довоен. ценам (млн. руб.)				По соврем. ценам (млн. руб.)	
	1927/28 г.		1928/29 г.		1927/28 г.	
	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III
Хлебопродукты . . .	473,7	333,8	365,6	264,6	559,5	377,0
Технич. культуры . . .	279,7	268,7	301,7	295,6	381,5	366,3
Маслосемена	75,0	50,4	82,1	64,0	85,4	57,8
Прод. животнов.	176,6	116,2	259,4	166,0	307,5	202,2
Итого сел. хозяйства . .	1005,0	769,1	1008,8	790,2	1313,9	1003,3

Товарные группы	По соврем. ценам (млн. руб.)		В %% соотв. период. прошл. года			
	1928/29 г.		Довоен. оценка		Соврем. оценка	
			1928/29г. к 1927/28 г.		1928/29г. к 1927/28 г.	
	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III	За 9 мес. VII—III	За 6 мес. X—III
Хлебопродукты	489,1	346,9	77,2	78,6	90,6	92,0
Технич. культуры . . .	427,1	417,6	107,9	110,0	111,9	113,9
Маслосемена	105,9	80,9	109,5	127,0	121,5	140,0
Прод. животнов.	488,3	288,8	146,9	146,7	145,8	142,8
Итого сел. хозяйства . .	1468,4	1134,2	100,4	102,8	111,7	113,0

В количественном выражении подготовка к весенней кампании выразилась в следующем: план снабжения рядовыми семенами выполнен почти на 100%, сортовыми семенами — с превышением на 15%, в яровых посевах удельный вес сортовых семян должен возрасти с 4,2% в прошлом году до 8,3% в текущем году, интенсивно прошла мобилизация местных семян — 2,3 млн. центн.; слабее с семенами трав. По зерноочистке выполнено на 1/IV около 72% плана — 11,7 млн. центнеров.

По данным „Сельмашконвенции", производственная программа на 1928/29 г. определена в 208,6 млн. руб., в том числе — почвообрабатывающих машин на 51 млн. руб., посевных на 15 млн. руб., уборочных — на 47,5 млн. руб., зерноочистительных — на 13,8 млн. руб., молотилок на 21 млн. руб. Производство запасных частей намечено на 6,5 млн. руб. Исполнение производственной программы за первое

полугодие дает, примерно, 47 — 49% годового задания. С некоторым запозданием выполняется программа производства зерноочистительных машин, особенно производства запасных частей.

Трактороснабжение на год определено в размере 7.250 тракторов. На весеннюю посевную кампанию по данным отдела машиноснабжения НКЗ РСФСР назначено 3.200 штук тракторов (6,4 млн. руб.). Машиноснабжение на весеннюю посевную кампанию, по данным НКЗ РСФСР, определенно в 28 млн. руб. Завоз сел.-хоз. машин идет в рамках плана, по плугам — с превышением.

Минеральных удобрений отгружено 84 тыс.

Контрактация в весеннюю посевную кампанию, по данным НКТорга СССР на 15/IV', охватила 11,8 млн. *га*, в том числе сортовая контрактация 2,7 млн. *га*, авансовая рядовая 4,8 млн. *га*, безавансовая 4,3 млн. *га*. По зерновым культурам имеет место превышение плановых заданий, по техническим культурам — отставание от плана.

Значительно расширилось колхозное движение при совершенно ясно выявленном противодействии кулацких элементов, пытающихся сорвать и планы коллективизации и подготовку к весенней кампании. За этот период вновь организовано — по неполным данным — около 8 тыс. колхозов. Новыми моментами в колхозном движении являются: переход на коллективные формы хозяйствования целых селений и об'единение крупных земельных массивов. Земельная площадь колхозов возрастает с 1,9 до 4 млн. *га*.

Наступление весны запоздало в сел.-хоз. производстве недели на три, что будет иметь ряд неблагоприятных последствий и в частности: а) увеличение расхода зерновых продуктов на стойловое кормление скота в виду более позднего выпуска его в поле, б) сокращение периода сева зерновых культур, что в наибольшей степени может отразиться на ранних яровых — пшенице и ячмене и в) возможное дальнейшее сокращение скота благодаря бескормице.

Для обеспечения развертывания сел.-хоз. производства на будущий год необходимо обеспечить контрактацию озимых посевов денежными средствами и принять меры к сосредоточению в руках государства максимального количества зимостойких сортов озимой пшеницы урожая 1929 г. Особого внимания требует вопрос об увеличении мясной и молочной продукции.

Особо должен быть поставлен вопрос о мероприятиях по быстрейшему под'ему сельского хозяйства в степной части УССР и Северо-Западной области, пострадавших от неурожая 1928 г.

Финансирование сельского хозяйства, в частности, по системе сел.-хоз. кредита, в первом полугодии протекало соответственно плану, и виды на второе полугодие пока тоже благоприятны для выполнения плана, но затруднения могут быть в связи с выполнением новых заданий сверх плана, в частности, по старым совхозам.

5. Хлебозаготовки. В связи с производственными итогами прошлого года в области зерновых и обострившимися классовыми

отношениями рассматриваемый период отмечен значительными затруднениями в области хлебозаготовок. После значительного под'ема в сентябре и октябре заготовки дали резкое снижение в ноябре и все остальное время держатся на пониженном уровне.

Основные причины слабого хода заготовок сводятся к следующему: сниженный сбор зерновых при пестроте урожая; нехватки в силу этого хлеба, особенно в потребляющих районах; мешечничество; рост цен на хлеб, спекуляция на этом кулацких элементов деревни; сдерживающе также действовало перенасыщение деревни деньгами, как следствие повышенных заготовительных и вольных цен (в частности, в восточных районах), при продолжающейся нехватке промышленных товаров. Именно отсюда — из сельского хозяйства, из его зернового сектора, исходит толчок, положивший начало целому ряду неблагоприятных моментов в других областях народного хозяйства.

Напряженное положение, создавшееся с хлебозаготовками, привело к необходимости применения общественных методов воздействия для извлечения хлеба. Комплекс мер общественного воздействия на держателей хлеба — кулацкую верхушку и наиболее сильную середняцкую часть — был совершенно необходим в условиях отказа от применения чрезвычайных мер и нежелания зажиточных слоев продавать хлеб по заготовительным ценам. При некоторых отрицательных моментах (перегибы) в практике применения общественных методов воздействия, положительной стороной их является активное выступление широких масс бедняцко-середняцкой общественности: в борьбе за хлеб заострились и отчетливее откристаллизовались классовые взаимоотношения.

6. Продовольственное снабжение. Положение, создавшееся с хлебозаготовками, поставило вопрос о регулировании потребления. Начавшись в декабре, оно получило широкое распространение в последующие месяцы.

Регулирование применяется в городах; снабжается также бедняцкое население потребляющей полосы. Нормы — в небольших пределах — варьируют по районам. На ряду с хлебом нормируется также продажа ряда других продовольственных продуктов.

Недостаточность снабжения, особенно сельского населения потребляющей полосы, хлебом привела к закупкам хлеба на вольном рынке, к значительному мешечничеству и росту цен.

7. Цены. Явления в области сел.-хоз. сектора обусловили рост цен на вольном рынке на хлеб, в первую очередь, а затем на продовольственные товары вообще, особенно в частной торговле. Базарные цены на ржаную муку на 1/IV 1929 г. составляют в процентах к той же цене на 1/IV 1928 г. в среднем по Европейской части СССР 324,4%; цены на рожь соответственно 330%. За один только март цены на пшеницу в среднем по Европейской части СССР выросли на 23,6%. [1]

[1] Во второй половине мая в движении цен начался перелом. Снижение в отдельных районах достигает значительных размеров.

Оптовый индекс дает на 1/IV 1929 г. по отношению к среднегодовому уровню 1927/28 г. рост на 4,1%, в том числе по сел.-хоз. товарам + 8,5%, по промтоварам — 0,1%. Розничный общеторговый соответственно + 12,7%, в том числе по сел.-хоз. товарам + 25%, по промтоварам + 4,9%, при этом обобществленная торговля повысила на 4,3%, по сел.-хоз. товарам на 7,9%, по промтоварам на 2,1%; частная торговля на 28,3%, в том числе сел.-хоз. товары 53,6%, промтовары 10,7%.

Изменение индексов на протяжении полугодия выразилось в таких величинах:

Изменение индексов за I полугодие 1928/29 хоз. года в %% (по крайним точкам)

	Оптовый индекс ЦСУ	Всесоюзный розничный индекс Кон'юнктурного института			Бюджетный
		Частн. торг.	Обобществ. торг.	Общеторг.	
Общий индекс . .	101,4	118,9	103,6	108,9	107,9
Сел.-хоз. „ . .	102,7	133,6	106,5	117,0	111,9
Пром. „ . .	100,2	108,7	102,0	104,3	102,4

Рост цен в частном секторе вызвал значительный рост накидки, а также был причиной резкого разрыва между заготовительными и вольными ценами. Значительный разрыв образовался между ценами на одни и те же товары в разных районах.

Интенсивный рост цен сказался на повышении бюджетного индекса, давшего на 1/IV 1929 г. годовой прирост по 39 товарам на 7,7%, в том числе по сел.-хоз. товарам на 10,6%, по промтоварам на 3,1%. Результатом этого была отмеченная выше стабильность реальной заработной платы и систематическое снижение покупательной силы рубля, выразившееся за год в 8% по общеторговому розничному индексу и в 1,4% по оптовому.

Анализ движения цен ясно показывает источник повышения их и огромную сдерживающую и регулирующую роль обобществленного сектора, который все же оказался задетым повышательной тенденцией.

8. Товарооборот. В связи с ростом производства в народном хозяйстве растет и товарооборот, отражая в структуре своей и специфическую структуру производства (недостаточную продукцию зерновых) и социальные сдвиги последнего периода. Фактический отпуск промтоваров за полугодие на 19,3% превысил отпуск за тот же период в прошлом году, в том числе по предметам производственно-технического назначения на 20,2%, по предметам непосредственного потребления на 18,9%. Индекс розничных продаж (промышленных и сел.-хоз. товаров) на соответственные сроки

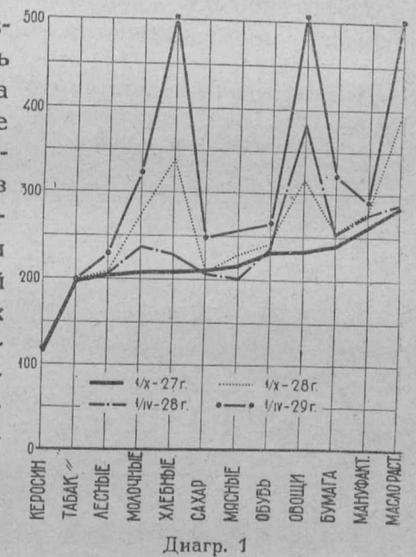
дал + 16,7%, при повышении индекса продаж по государственной и кооперативной торговле на 19,1%, в том числе городской на 17%, сельской на 21,8% и при снижении индекса продаж частной — на 16,1%. Если учесть весьма значительный рост цен в частной торговле, то сокращение ее оборотов фактически окажется еще больше — до 30%.

Хотя на протяжении года и намечается смягчение товарного голода, но в течение истекшего полугодия не произошло сколько-нибудь существенного смягчения его.

В связи с необходимостью насытить деревню промтоварами на протяжении истекшего полугодия, распределение между городом и деревней основных 6 промтоваров производилось таким образом, что на долю города приходится около 30%; остальное же шло в деревню. При значительно большем темпе роста денежных доходов деревни, чем города, и это распределение оказалось недостаточным. При порайонном рассмотрении явлений товарного голода в отдельных районах выступают в качестве моментов, влиявших в сторону усиления его нарастание спроса на предметы продовольствия и несоответствие структуры предложения структуре спроса.

Явления раздвоения рынка, отмечавшиеся при анализе кон'юнктуры за I квартал, на протяжении II квартала не обозначились сколько-нибудь заметно, во всяком случае не дали дальнейшего усиления.

Расположение уровней индексов по уровню на 1/X 1927 г. (огива) (по розничным индексам в частной торговле)



Диагр. 1

Товарные остатки в верхнем звене (синдикаты) имеют тенденцию к снижению; в низовой кооперативной сети они возросли к концу полугодия как по сравнению с началом полугодия, так и с соответствующим полугодием прошлого года. Полугодие к полугодию дает рост остатков по сельпо + 39,3%, по горпо + 27%. Причины роста остатков: интенсивное продвижение товаров на низы, ограничение в отпуске товаров, рост цен и отвлечение средств на покупку продовольствия на вольном рынке. Сравнительно слабо протекал процесс паенакопления в кооперации.

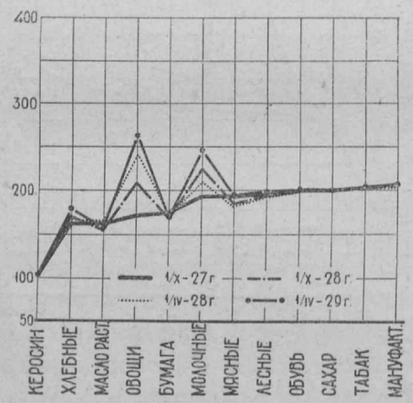
9. Грузооборот. Динамика грузооборота дает рост на 10,3% за первое полугодие текущего года по отношению к первому полугодию прошлого года, в том числе прочие грузы + 15,4%, руда, металлы, лесостроительные материалы + 14,0%, топливо + 9,7% и хлебные грузы со жмыхами — 0,4%. Структура товарной продукции

нашла свое отражение в структуре грузооборота. Работа транспорта на протяжении всего полугодия оказалась вполне удовлетворительной, несмотря на сложные задачи, поставленные перед ним специфической географией урожая прошлого года.

10. Бюджет. В ходе исполнения бюджета на протяжении полугодия — при сравнительно высоких темпах роста и доходов и расходов — обнаружилось недовыполнение по некоторым статьям доходов и необходимость увеличения расходной части

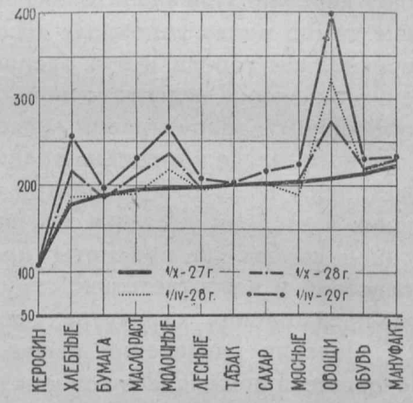
Недопоступления в I полугодии имели место по промналогу и подоходному (свертывание частного сектора), по акцизам (затруднения с сырьем и тяжелое финансовое положение Центроспирта в связи с новыми заданиями — контрактация), по отчислениям от прибылей промышленности. Финансовые затруднения промышленности в связи с недовыполнением директивы о снижении себестоимости и недостатком оборотных средств привели к недовыполнению некоторыми отраслями их обязательств по отношению к бюджету (взносы отчислений от прибылей). Одновременно имело место усиленное финансирование народного хозяйства.

Расположение уровней индексов по уровню на 1/X 1927 г. (огива). (Розничный индекс в обобществленной торговле)



Диагр. 2

Расположение уровней индексов по уровню на 1/X 1927 г. (огива). (По общеторговому розничному индексу)



Диагр. 3

11. Кредит и денежное обращение. Кредитные операции за первое полугодие текущего года дают следующие темпы роста по отношению к соответствующему периоду прошлого года: вклады и текущие счета +18,9%, учетно-ссудные операции +36,6%.

Все расчеты кредитной системы с народным хозяйством сложились значительно благоприятнее, чем это было в прошлом году и чем ожидалось по плану. Сальдо текущих счетов и краткосрочного кредита по 6 банкам дало в этом году в пользу банков 43,9, млн. руб., тогда как в прошлом году оно было в пользу клиентуры банков в размере 204,9 млн. руб. Размеры денежного обращения и значительное недоиз'ятие денег из обращения в этих условиях об'ясняется невыполнением обязательств бюджета к Госбанку.

Пред'явленные народным хозяйством требования финансирования к бюджету и кредиту за первое полугодие превысили эти требования в прошлом году. Совокупность этих обстоятельств привела к невыполнению плана из'ятия, и денежная масса вместо снижения (в 1926/27 г. на 7 млн. руб., в 1927/28 г. на 110 млн. руб.) повысилась на 26,3 млн. руб., составив в среднем за полугодие 1.990,7 млн. руб. и превысив в среднем денежную массу за первое полугодие 1927/28 г. на 23,1%. В связи со снижением покупательной силы рубля при номинальном росте денежной массы ее реальная величина снизилась (по обще-торговому розничному индексу).

Расположение уровней индексов по уровню на март 1928 г. (огива). (Заготовительный индекс

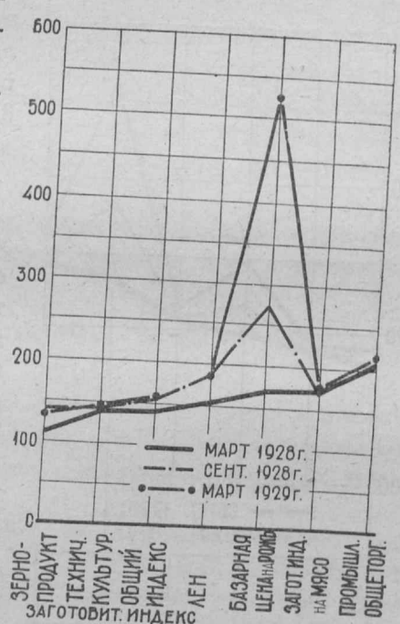


Диаграмма № 4

В области фондовых операций должно быть отмечено выполнение плана реализации II займа индустриализации при довольно интенсивной сброске I займа индустриализации. Сброска займов имела место и со стороны обобществленного сектора — со стороны банков и кооперации.

По линии сберкасс должно быть отмечено увеличение числа вкладчиков на 1,995 тыс., в том числе городских +1.006 тыс., сельских +929 тыс. Остатки вкладов за полугодие возросли на 104,1 млн. руб., в том числе в городских сберкассах на 56,8 млн. руб., в сельских — на 47,3 млн. руб.

12. Внешняя торговля. Итог внешней торговли за полугодие дал положительное сальдо около 30 млн. руб. против отрицательного сальдо в 51 млн. руб. в прошлом году, при превышении по экспорту первого полугодия прошлого года на 13,4% и недостижение величины прошлогоднего импорта на 11,9%. Изменение структуры экспорта выражается в повышении доли промэкспорта с 38,8%

в прошлом году до 44,4% в текущем при снижении доли сел.-хоз. экспорта с 66,2% до 56,6%. В структуре импорта произошло изменение в сторону повышения доли всего производственного импорта за счет, главным образом, сокращения доли потребительского импорта и импорта сырья. Удельный вес сел.-хоз. оборудования в общем импорте поднялся с 5,4% во II полугодии прошлого года до 9,6% в I полугодии текущего года, при чем число импортированных тракторов за этот же период соответственно увеличилось с 4.786 тыс. руб. до 11.525 тыс. руб.

Расположение уровней индексов по уровню на март 1928 г. (огива). Розничный индекс (частный, обобществленный, общеторговый)

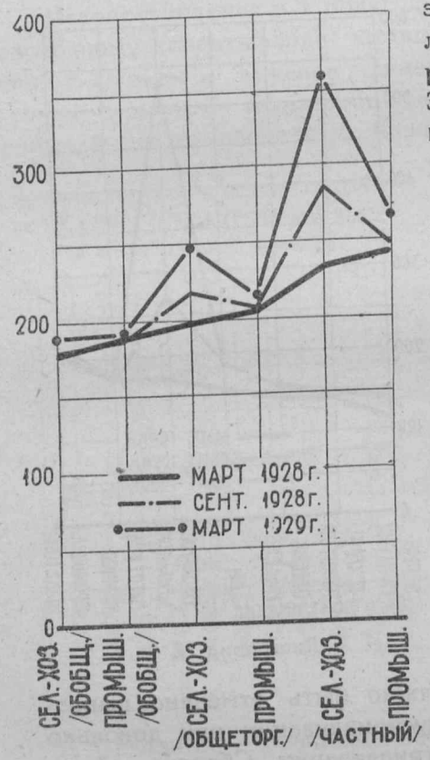


Диаграмма № 5

3. Итоги полугодия с точки зрения пропорционального развития элементов народного хозяйства

До сих пор мы рассматривали итоги первого полугодия, главным образом, под углом зрения достигнутых темпов в развертывании отдельных элементов народного хозяйства. Оценка кон'юнктуры должна опираться на анализе этих темпов в контексте комплексного рассмотрения элементов, как частей единой сложной народнохозяйственной системы. При отсутствии народнохозяйственного баланса соотношения элементов приходится анализировать на основе имеющихся частных балансов.

Универсальной формой, в которой происходит движение товаров и весь экономический процесс, и в наших условиях является ценностная форма. Отсюда то большое значение, которое приобретают изменения цен и ценностных соотношений при анализе процесса воспроизводства.

Если за основу взять систему цен, как она сложилась к апрелю прошлого года, то к началу текущего хозяйственного года и на протяжении полугодия помимо повышения общего уровня имели место весьма существенные изменения. Благодаря резкому росту цен на сел.-хоз. товары, особенно в частном секторе, при небольшом сравнительно повышении в обобществленном, даже при учете удельного веса частного сектора качественное значение сдвигов велико — и в области влияния на заработную плату и тем самым в области перераспределения национального дохода. Эти моменты наглядно представлены в диаграммах 1—5.

По оптовому индексу происходит сближение уровней цен промышленных и сел.-хоз. товаров: при снижении на протяжении года — от апреля 1928 г. к апрелю 1929 г. — индекса оптово-промышленных цен на 0,1% индекс сел.-хоз. цен дал повышение на 8,5%. По линии розничных цен мы имеем однотипное движение в сторону повышения как по основным группам товаров, так и по обоим секторам — обобществленному и частному, но интенсивность процессов разная: как отмечалось, индекс промтоваров по общеторговому розничному индексу дал за год повышение на 4,9%, индекс сел.-хоз. товаров + 25,0% в обобществленной торговле соответственно + 2,1% и + 7,9%; в частной + 10,7% и + 53,6%. „Кон'юнктура" первого полугодия текущего хозяйственного года активно используется частным сектором: средние надбавки в частной розничной торговле в Москве составляли в 1927/28 г. 73,9%, в том числе по промтоварам — 67,8%, по сел.-хоз. товарам — 85,7%; в текущем полугодии соответственно 111,8%, 74,9% и 175,4%.

В связи с этими явлениями имеет место сжатие раствора „ножниц" между индексом заготовительных сел.-хоз. цен и розничным индексом промцен.

	I полугодие		
	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
„Ножницы" (среднее за полугод.) . . .	162	145	137

Отрицательное значение имеет форма, в которой сближение осуществляется: вместо общего снижения цен с более интенсивным снижением промцен — повышение их с более интенсивным повышением сел.-хоз. цен.

При всех этих смещениях ценностных соотношений особое внимание должно привлечь изменение соотношений цен на продукцию внутри сельского хозяйства — ухудшение эквивалентов технических культур.

Отношение индексов льноволокна, льносемени и свеклы к индексу всех производимых сел.-хоз. товаров

	Лен-волокно в льноводн. районе	Льносемя в льноводн. районе	Свекла в Курской губернии	Свекла в Правобережной Украине
I полугодие 1927/28 г.	0,71	0,81	0,72	0,72
I „ 1928/29 г.	0,55	0,59	0,51	0,47

Изменение соотношений цен нашло свое отражение в соотношении платежеспособного спроса и предложения. Запроектированный в контрольных цифрах баланс спроса и предложения намечает смягчение товарного голода в годовом разрезе. Благодаря ценностным сдвигам, значительно изменившим систему цен по сравнению с тем, что было намечено в контрольных цифрах и в связи с порайонным перераспределением ресурсов, на протяжении истекшего полугодия

не произошло сколько-нибудь существенного смягчения товарного голода. В том же направлении будет действовать недовыполнение программ — в связи с нехваткой сырья — по некоторым отраслям легкой индустрии (сахарной, хлопчатобумажной, жировой).

Ряд соотношений запроектирован в контрольных цифрах в натуральном выражении. На протяжении полугодия внесены уточнения в первоначальные расчеты. В итоге: балансовые расчеты в области продовольственных продуктов свидетельствуют о напряженности в этой области в связи с итогами хлебозаготовок и перспективами в области снабжения мясом. По линии сырьевых ресурсов недовыполнение планов имеет место в области свеклы, хлопка. По линии баланса стройматериалов наибольший дефицит имеет место по лесу, металлу и цементу. При обеспеченности строительства промышленности — угроза строительству в других отраслях. Топливный баланс сверстан с большим напряжением. Для смягчения его намечено было усиление дровозаготовок. Ход дровозаготовок и выполнение программы по каменноугольной промышленности ставит большие задачи в области сведения топливного баланса во II полугодии.

О соотношениях элементов в нашей финансовой системе, поскольку они находят свое отражение в бюджете и кредите, было сказано выше.

Движение системы народного хозяйства предполагает определенные пропорции в соотношении элементов для того, чтобы развертывание носило бескризисный характер. В условиях капиталистического хозяйства эти соотношения устанавливаются и нарушаются стихийно на основе действия закона стоимости. В условиях планового хозяйства задача планирования—заранее намечать, в каких пропорциях должны развиваться отдельные части системы — с учетом социальной сущности экономических категорий—для скорейшего достижения основной цели. Сложившиеся в итоге полугодового развития соотношения ставят вопрос о мероприятиях в разных областях для недопущения усиления, либо смягчения уже выявившихся диспропорций частей.

4. Итоги полугодия и контрольные цифры

Сопоставление контрольных цифр и итогов развертывания хозяйственного процесса на протяжении рассматриваемого полугодия дано в приложениях I — IV.

Полугодие по итогам работы в разных областях характеризуется следующими чертами.

Промышленность. Удельный вес итогов I полугодия по валовой продукции в годовом плане составляет 48,9%; в прошлом году — 49,9%. Работа промышленности развертывается, примерно, в рамках плана, с некоторым, весьма незначительным отставанием. Значительное отставание наметилось по суперфосфату — доля продукции за полугодие в годовом плане составила 30% к годовому

плану. Отставание вызвано было нехваткой серной кислоты; в настоящее время этот дефект устранен и есть возможность пополнить недовыработку I полугодия. С хорошим выполнением плановых заданий развертываются шерстяная (55,3%) и резиновая (по галошам) (53,5%). Показатели по числу рабочих и по номинальной заработной плате несколько превышают плановые задания; по выработке на 1 рабочего не достигают их.

Сельское хозяйство. При недовыполнении плана хлебозаготовок и сравнительно удовлетворительном выполнении плана подготовки к весенней посевной кампании (некоторые итоги в этой области см. выше), по линии сырьевых культур и продуктов животноводства мы имеем некоторое отставание — при сниженных по сравнению с прошлым годом планах — по табаку, махорке, маслу коровьему; недостаточное выполнение — при увеличенных по сравнению с прошлым годом планах — отмечается по пеньке, яйцам. Определилось недовыполнение плана по хлопку и свекле. В пределах плана и с превышением идут заготовки льна—волокна, мяса, кож — крупных и мелких.

Товарооборот. Весь торгово-посреднический оборот дал рост в %% к I кварталу прошлого года на 16—17%, при наметке контрольных цифр на год + 25%. Причины: уменьшение против плана хлебооборота, снижение некоторых видов сырья, значительное сжатие частной торговли.

По кооперативной торговле план выполнен с превышением:

	Райсоюзы	Горпо	Сельпо
План на I полугодие . . .	118,9	112,6	124,7
Фактически	127,4	125,0	127,2

По паенакоплению: по числу пайщиков план выполнен на 77%, по сумме вкладов — на 51%, при задании выполнить в первом полугодии план по вкладам на 65%.

Грузооборот. По перевозкам полугодовой план превышен на 0,4%, по выручке — на 9,6% в связи с увеличением пробегов, в частности, хлебных грузов.

Бюджет. По доходам план за полугодие выполнен в размере 47,8%, примерно так же как и в прошлом году; по расходам — 48,7%, несколько выше, чем в прошлом году (47,3%).

Из показателей заданий, не приведенных в таблицах, должны быть отмечены: задание снизить по промышленности себестоимость на 7% и фактическое снижение в пределах 2—2½%; задание расширить посевные площади за год на 7%, необходимость в связи с этим добиться стабильности посевных площадей в озимую кампанию 1928 г. и фактическое снижение посевных площадей на 3%, что значительно увеличивает плановые задания для весенней кампании, и, наконец, установка на стабильность цен либо некоторое их повышение и фактически значительное превышение этой установки, особенно, по ценам на сел.-хоз. продукцию со всеми вытекающими

отсюда следствиями для других установок контрольных цифр (бюджетный индекс, реальная заработная плата, покупательная сила рубля).

5. Выводы

Анализ развертывания народного хозяйства на протяжении истекшего полугодия на фоне предшествующего периода приводит к следующим выводам.

1. Рассмотрение контрольных цифр и их выполнения говорит о том, что на протяжении истекшего полугодия, примерно, в рамках плана протекало развертывание производства промышленностн и выполнение бюджета. Превышала план работа транспорта. Недовыполнение плановых заданий должно быть отмечено по качественным заданиям в области промышленности, по ряду наметок в области сельского хозяйства и связанных с промышленностью и сельским хозяйством областях.

Конкретный анализ в каждом отдельном случае, по отдельным показателям вскрывает непосредственные причины, обусловившие расхождение между плановыми проектировками и фактически создавшимся положением вещей.

Наиболее общие основные причины выявившихся в первом полугодии расхождений между плановыми наметками и их выполнением сводятся к следующему:

а) Неблагоприятные итоги производства зерновых.

б) Более сильная, чем учитывалась в контрольных цифрах реакция частно-капиталистических элементов на плановые мероприятия — контр-наступление кулацких элементов деревни, выразившееся в задержке сдачи хлеба, более значительное свертывание частного капитала.

в) Недостаточно энергичное осуществление в промышленности заданий в области достижения качественных показателей.

Анализ контрольных цифр и их выполнения свидетельствует о том, что генеральные, основные установки плана — индустриализация и мероприятия по подтягиванию сельского хозяйства — осуществляются. Расхождения между заданиями контрольных цифр и их выполнением в различных случаях имеют разное значение для развертывания народного хозяйства: расхождения эти в одном случае создают значительные трудности для осуществления народнохозяйственного плана (хлебозаготовки) и требуют большого напряжения сил для преодоления возникающих затруднений; имеют место такие расхождения, которые могут быть изжиты, либо значительно смягчены во II полугодии; недовыработка по некоторым отраслям промышленности, недовыполнение по некоторым статьям бюджета; наконец, некоторые расхождения имеются по таким элементам, удельный вес которых в системе народного хозяйства не таков, чтобы они (эти расхождения) в данной обстановке могли привести к срыву основных установок (цены).

2. Мы можем констатировать дальнейшее укрепление обобществленного сектора, напряженную, интенсивную работу его, достижение ряда показателей, заданных проектировками годового плана, при недовыполнении некоторых заданий качественного порядка (промышленностью).

3. На протяжении рассматриваемого полугодия имело место обострение ряда затруднений, лежащих по линии работы необобществленного сектора, в первую очередь, сельского хозяйства.

При быстром развертывании промышленности уже в предшествующие годы наметилось недостаточное развертывание сельского хозяйства. На протяжении 1928 г. это осложнилось гибелью озимых. В 1928/29 г. мы вошли с ограниченной продукцией зерновых.

В этих условиях проблема хлеба, проблема продовольствия в целом выдвинулась на первый план. Задача обеспечения хлебом продиктовала усиленное внимание к хлебозаготовкам и применение ряда мер общественного воздействия для получения его. На почве опасений за будущий урожай имело место сдержанное предложение хлеба: обычное в такой обстановке создание страховых запасов в индивидуальном порядке и в деревне и в городе способствовало дальнейшему сокращению предложения хлеба и, наконец, кулацкая, верхушечная часть крестьянства совершенно сознательно задерживала хлеб в порядке наступления на обобществленный сектор, в порядке использования — в классовых интересах — создавшегося положения.

4. Целый ряд отрицательных явлений — с точки зрения поставленных в плане на 1928/29 г. задач — причиной своей имеет положение, создавшееся с хлебом, с продовольствием в целом: рост цен, в первую очередь, на сельскохозяйственную продукцию, обратная сторона этого — падение покупательной силы рубля — угроза денежному обращению, недостижение намеченного уровня реальной заработной платы и т. п.

5. Для того чтобы парализовать, ослабить действие создавшихся отрицательных условий, пришлось прибегнуть к классовому регулированию потребления, к плановому распределению заготовляемого хлеба (и других продовольственных продуктов).

На ряду с плановыми мероприятиями по непосредственному смягчению трудностей текущего момента первое полугодие характеризуется передвижкой значительных материальных ресурсов в сельское хозяйство, сосредоточением огромных сил и общественного внимания на вопросах реконструкции — производственной и социальной — этого сектора.

Дифференцированная политика в отношении разных групп крестьянства при применении общественных методов воздействия при заготовках хлеба, дифференцированная классовая политика в области продовольственного снабжения, построенный на том же принципе декрет о сел.-хоз. налоге, систематически осуществляемая коллективизация сельского хозяйства, создание огромного актива вокруг

проведения мероприятий по поднятию сельского хозяйства,— все это должно обеспечить значительный шаг вперед в этой области уже в ближайшее время.

6. Обострение классовых противоречий усиливало на протяжении истекшего полугодия хозяйственные затруднения; с другой стороны, благодаря хозяйственным затруднениям яснее обозначался водораздел между классами. Столкновение противоречивых интересов явственно обнаружилось по линии распределения национального дохода. На спекулятивном повышении цен на сел.-хоз. продукты верхушечная часть деревни, на уклонении от налогового обложения, частники урвали из национального дохода известную долю при систематической борьбе обобществленного сектора за улучшение условий жизни трудящихся и в первую очередь рабочего класса.

7. Наиболее общая формула, которой можно было бы характеризовать первое полугодие, сводится к следующему: обострение классовых противоречий в условиях укрепления обобществленного сектора и нарастающего сопротивления капиталистических элементов; некоторое обострение хозяйственных затруднений в связи с усилением классовых противоречий и неблагоприятными метеорологическими условиями, сократившими продукцию сельского хозяйства; осуществление центральной идеи контрольных цифр на 1928/29 г.— развертывание индустриализации с подтягиванием сельского хозяйства на путях производственной и социальной реконструкции его.

8. К рассматриваемому полугодию — к концу его — относится начало социалистического соревнования. Результаты соревнования не могли еще сказаться в рассматриваемом полугодии, но их влияние уже заметно в области трудовой дисциплины — ее улучшении. По характеру и размаху, которые приняло социалистическое соревнование, уже сейчас можно сказать, что мы получили новый источник исключительных возможностей в области социалистического строительства.

В связи с условиями, сложившимися к концу первого полугодия, выполнение контрольных цифр на 1928/29 г. требует особенного внимания к следующим вопросам на протяжении второго полугодия как с точки зрения выполнения плана текущего года, так и с точки зрения подготовки к 1929/30 г.— второму году пятилетки: выполнение, заданий в области капитального строительства, организация продовольственного снабжения, подготовка к следующей озимой кампании, снижение себестоимости промышленной продукции.

Крупная госпромышленность *Приложение 1*[1].

Удельные веса аккумулятивных итогов в годовом итоге соответствующего года
(Для отчетного года в плане)

Показатели	Годы	X (1 мес.)	X—XI (2 мес.)	X—XII (3 мес.)	X—I (4 мес.)	X—II (5 мес.)	X—III (6 мес.)	X—IV (7 мес.)	X—V (8 мес.)	X—VI (9 мес.)	X—VII (10 мес.)	X—VIII (11 мес.)	X—IX (12 мес.)
Валовая продукция по довоен. ценам	1924/25	7,4	14,4	22,1	30,2	38,4	47,1	53,5	64,1	73,0	80,8	89,6	100,0
	1925/26	7,9	15,6	24,1	32,2	40,7	49,6	58,6	66,2	74,4	81,8	90,3	100,0
	1926/27	8,1	16,5	25,4	33,7	42,1	50,8	59,1	67,7	75,5	82,3	90,5	100,0
Итого	1927/28	7,7	15,4	33,8	32,4	40,8	49,9	58,0	66,7	74,9	82,2	90,7	100,0
	1928/29	8,0	15,7	23,8	32,3	40,3	48,9	—	—	—	—	—	—
Валовая продукция по довоен. ценам	1924/25	7,2	14,2	21,7	29,4	37,4	46,0	54,1	62,7	71,8	80,4	89,5	100,0
	1925/26	7,6	14,9	22,8	30,5	38,4	47,0	55,8	64,0	72,6	81,0	89,9	100,0
	1926/27	7,8	15,8	24,2	32,1	40,2	49,0	57,2	66,0	74,1	81,8	90,3	100,0
	1927/28	7,6	15,0	23,1	31,3	39,4	48,2	56,2	64,7	73,3	81,3	90,1	100,0
	1928/29	7,7	15,1	23,1	31,7	38,7	47,2	—	—	—	—	—	—
Средства производ.	1924/25	7,5	14,5	22,5	30,8	39,2	47,9	56.6	65,2	73,9	81,2	89,8	100,0
	1925/26	8,1	16,1	25,0	33,6	42,5	51,6	60,8	68,2	75,9	82,4	90,6	100.0
Валовая продукция по довоен. ценам	1926/27	8,2	17,1	26,3	34,9	43,6	52,4	60,6	69,1	76,6	82,8	90,6	100.0
	1927/28	7,9	15,7	24,4	33,3	42,0	51,4	59,4	68,4	76,2	82.8	91,2	100,0
	1928/29	8,3	16,2	24,5	33,1	41,6	50,5	—	—	—	—	—	—
Предм. шир. потреб.	1924/25	7,9	15,7	23,6	31,6	39,7	47,9	55,1	64,4	72,9	81,7	90,7	100,0
	1925/26	7,8	15,8	24,1	32,5	40,9	49,5	58,0	66,4	74,7	83,1	91,5	100.0
Число рабочих (число человеко-месяцев)	1926/27	8,1	16,3	24,6	32,9	41,4	49,8	58,1	66 4	74,8	83,2	91,5	100,0
	1927/28	8,0	16,1	24,2	32,3	40,6	48,9	57,2	65,6	74,2	82,5	91,3	100,0
	1928/29	8,4	16,8	25,3	33,8	42,4	51,0	—	—	—	—	—	—
Месячная выраб. 1 рабоч. по довоен. ценам	1924/25	7,8	15,2	23,5	31,9	40,4	49,1	57,7	66,4	75.1	82,5	90,6	100,0
	1925/26	8,4	16,4	25,0	33,1	41,4	50,1	58,9	66,6	74,7	81,9	90,4	100,0
	1926/27	8,3	16,9	25,8	34,1	42,4	51,1	59,3	67,9	75,7	82,5	90,6	100,0
	1927/28	8,0	16,1	24,6	33,3	41,9	51,0	59,1	67,8	75,7	82,8	91,0	100,0
	1928/29	8,0	15,6	23,6	31,7	39,5	48,0	—	—	—	—	—	—
Месячн. зарплата 1 рабочего	1924/25	8,1	15,5	23,1	30,8	38,4	46,4	54,4	62,7	71,4	81,0	90,2	100,0
	1925/26	8 3	16,0	24,1	31,9	39,7	47,9	56,7	64,7	73,1	88,2	90,9	100,0
	1926/27	8,1	16,1	24,2	32,0	39,9	48.8	56,4	65,0	73,4	88,3	91,0	100,0
	1927/28	8,1	15,8	24,0	32,2	40,2	48,8	56,6	65,1	73,7	82,5	91,4	100,0
	1928/29	8,6	16,5	24,5	32,8	40,8	48,9	—	—	—	—	—	—
Номинальная	1924/25	8,5	16,0	23,8	31,6	39,1	46,8	54,1	62,2	70,5	80,2	89,9	100,0
	1925/26	9,0	17,2	25,7	33,6	41,4	49,4	57,6	65,3	73,5	82,2	90,8	100,0
Месячн. зарплата рабочего	1926/27	8,0	15,9	23,9	31,4	39,2	47,4	55,5	64,3	72,9	82,8	90,8	100.0
	1927/28	8,3	16,1	24,3	32,6	40,7	49,1	57,3	65,9	74,2	82,9	91,6	100,0
	1928/29	8,4	16,0	23,5	31,4	38,9	—	—	—	—	—	—	—
Реальная	1924/25	6,8	14,2	21,7	30,4	38,9	47,5	56,5	65,4	74,1	81,5	90,3	100.0
	1925/26	7,4	15,6	24,1	32,5	41,4	50,3	59,0	75,4	75,4	82,0	90,5	100,0
Продукция на 1 календарный день	1926/27	7,8	16,1	24,7	33,3	42,2	51,2	59,9	76,3	76,3	82,9	91,0	100,0
	1927/28	7,5	15,4	23,5	31,8	40,3	49,2	58,6	75,5	75,5	82,4	90,6	100,0
	1928/29	7,7	15,2	23,4	31,7	40,0	48,8	—	—	—	—	—	—

[1] Одной из основных задач кон'юнктурной работы в СССР является анализ выполнения народнохозяйственного плана. Тем самым ставятся вопросы о сопоставимости показателей плана и кон'юнктуры, о развертывании годового плана во времени — в полугодовом, квартальном разрезе и т. д. Достаточно совершенные методы пока еще не выработаны в этой области. Для сопоставления плана и его выполнения в Секции внутренней кон'юнктуры Госплана СССР — по предложению тов. Р. Я. Брайтмана — применяется метод расчета доли выполнения плана за рассматриваемый период в отношении к годовому заданию и сопоставление получаемых результатов с долей фактического выполнения за тот же период в предшествующие годы. При всей относительности этих расчетов они все же дают некоторую точку опоры для оценки показателей народнохозяйственного процесса под углом зрения плановых заданий.

Крупная госпромышленность *Приложение II*

Удельный вес 6 мес. (X—III) в годовом итоге
(Для 1928/29 г. в годовом плане)

Показатели \ Годы	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Каменный уголь	53,5	50,5	51,9	54,2	50,1
Нефть	46,7	46,1	48,8	46,9	48,1
Железная руда	36,8	45,6	44,4	46,9	45,3
Чугун	40,5	46,1	49,3	49,5	49,0
Мартен	45,2	47,8	49,9	50,8	49,2
Прокат	44,7	47,8	50,9	50,8	51,7
Суперфосфат	48,5	56,0	48,0	50,5	30,0
Цемент	33,6	39,4	45,2	45,4	44,4
Хлоп.-бум. пряжа	46,4	51,6	50,0	50,7	50,0
„ „ ткани	47,4	50,2	51,3	51,5	50,9
Шерстяные „	47,7	48,9	49,6	49,7	55,3
Льняные „	50,5	48,3	56,5	57,7	51,1
Галоши	41,8	50,8	50,8	51,7	53,5
Спички	51,5	52,0	55,1	49,7	49,7
Валовая прод. (по довоенным ценам)	47,1	49,6	50,8	49,9	48,9
Валовая прод. средств произв.	46,9	47,0	49,0	48,2	47,2
„ „ предметов широк. потребл.	47,9	51,6	52,4	51,4	50,5
Число рабочих	47,9	49,5	49,8	48,9	51,0
Мес. выработка 1 рабоч.	49,1	50,1	51,1	51,0	48,0
„ зарпл. 1 рабоч. реальн.	—	—	—	—	—
„ „ 1 „ номин.	46,4	47,9	48,3	48,8	48,9
Продукция на 1 календарный день	47,5	50,3	51,2	49,2	48,8

Приложение III

Плановые заготовки технических культур и продуктов животноводства в сопоставлении с годовыми планами

За 1926/27, 1927/28 и 1928/29 гг. (за 1 полугодие)

Наименование товаров	Единица измерения	Годы	Годовой план	Заготов. за I полугодие X—III	Заготовка в % к предыд. периоду прош. года	Заготовка в % к соответствующ. годов. плану
Лен — волокно	декатонн	1926/27	13.930	10.108	67,5	72,6
		1927/28	13.500	11.028	109,1	81,6
Пенька	„	1926/27	5.410	1.016	90,9	18,8
		1927/28	6.000	1.514	154,9	26,2
		1928/29	7.240	1.519	96,5	21,0
Хлопок	„	1926/27	53.960	48.829	97,1	90,5
		1927/28	63.280	63.092	129,2	99,7
		1928/29	84.200	75.001	118,9	89,2
Маслосемена [1]	„	1926/27	81.970	64.257	65,0	78,4
		1927/28	122.960	111.844	174,1	91,0
		1928/29	144.650	102.494	91,6	70,8
Табак	„	1926/27	3.024	2.086	132,0	69,0
		1927/28	3.740	2.998	143,7	80,2
		1928/29	2.648	2.110	70,4	79,8
Махорка	„	1926/27	11.180	9.552	141,7	85,4
		1927/28	9.150	7.483	78,3	81,8
		1928/29	8.845	7.480	100,0	84,6
Сахарная свекла	„	1926/27	764.170	603.298	81,2	78,9
		1927/28	1.055.000	986.988	163,6	93,6
		1928/29	1.090.000	947.172	96 0	86,9
Масло коровье	„	1926/27	7.270	1.736	138,9	23,9
		1927/28	9.100	2.013	115,9	22,2
Яйца	тыс. ящ.	1926/27	1.100	196	89,4	17,8
		1927/28	1.832	263	134,2	14,4
Мясо	декатонн	1926/27	9.610	4.261	148,1	44,3
		1927/28	21.730	12.411	291,3	57,0
		1928/29	47.630	22.174	178,7	46,5
Кожи крупные	тыс. штук	1926/27	6.000	4.669	128,9	77,8
		1927/28	8.450	5.781	123,8	68,4
Кожи мелкие	„	1926/27	17.280	8.070	102,8	46,7
		1927/28	21.420	11.128	137,9	51,9
Шерсть весен.	декатонн	1926/27	2.459	—	—	—
		1927/28	3.934	—	—	—
		1928/29	—	—	—	—
Шерсть осен.	„	1926/27	475	424	—	89,4
		1927/28	598	613	144,4	102,6
		1928/29	868	797	130,1	91,9

[1] Все данные по маслосеменам исчислены за сельскохозяйственный год (VII—III).

Приложение IV

Исполнение единого госбюджета за I полугодие
(В %% к годовому итогу)

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	В %% к годовому назначен. 1928/29 г.
Доходы					
1. Прямые налоги	74,3	58,0	60,3	46,0	46,9
В том числе:					
Сельхозналог	94,0	76,1	83,4	70,0	78,4
Промналог	47,1	43,4	44,1	39,8	32,8
Подоходн. налог	52,6	51,6	50,1	51,1	54,9
2. Косвенные налоги	39,5	45,4	48,2	46,7	47,0
В том числе акцизы	38,7	44,7	50,4	46,4	47,0
3. Таможен. доход	44,0	51,5	35,4	48,6	47,1
4. Пошлины	44,9	50,1	50,2	43,2	52,7
5. Все налоговые доходы	55,8	50,3	52,9	46,2	47,2
6. Все неналоговые доходы	42,5	33,0	39,8	40,9	39,3
7. Займы	45,4	36,2	39,6	52,0	56,8
8. Итого доходов	52,7	45,7	49,1	46,3	47,3
9. Доходы от НКПС	46,1	48,6	47,8	50,9	52,1
10. „ „ НКПиТ	45,8	49,4	49,6	50,6	48,6
11. Всего доходов	50,4	46,7	48,7	47,5	47,8
Расходы					
1. Финансирование народного хозяйства	—	48,1	47,7	40,6	48,5
В том числе:					
Промышленность	—	50,1	50,2	41,2	49,1
Сельское хозяйство	—	40,2	44,1	46,8	60,4
2. Все прочие расходы без финансирования	—	45,6	48,0	48,0	46,4
В том числе займы	—	28,5	37,5	59,8	34,0
3. Итого расходов	—	46,1	47,8	44,4	47,5
4. Расходы НКПС	—	48,6	49,2	51,6	52,5
5. „ НКПиТ	—	49,6	47,9	51,2	49,0
6. Всего расходов	—	47,1	48,3	46,9	48,7
Чистый доход от займов	—	44,9	40,8	46,2	70,0

Д. Лежнин

За революцию в переселенческом деле

Машинотракторные станции — основной метод в советском переселении [1]

То, что происходит в настоящее время с переселением в Дальне-Восточный край, заслуживает самого серьезного внимания.

Учитывая острый недостаток рабочих рук, значительные площади земель, возможных для сельскохозяйственного освоения в ДВК, необходимость разгрузки излишнего населения аграрно-переселенных районов Европейской части Союза было намечено, как минимум, водворение в край в течение пятилетия 1928/29—1932/33 гг. 687 тыс. переселенцев, с распределением этого водворения по годам пятилетки 63 тыс., 109 тыс., 146 тыс., 171 тыс. и 198 тыс. чел.

Водворение за 1925/26 г. составило 10.484, за 1926/27 г.—25.389, за 1927/28 г.—28.872 чел.

Так как водворение требует по прибытии переселенца в край оформления, занимающего от 1 до 3 месяцев, то наилучшим показателем движения переселенцев в ДВК надо считать переход переселенцами г. Иркутска, где все переселенцы, как идущие в край, так и возвращающиеся обратно, регистрируются.

Так вот, обращаясь к данным Иркутского регистрационного пункта, мы получаем за последние три года следующие цифры прямого и обратного движения переселенцев, результат (прямое минус обратное движение) и процент обратничества (все движение, включая переселенцев и ходоков, плановых и неплановых): (см. табл. на следующ. стр.)

Как мы видим из таблицы, движение переселенцев через Иркутский пункт в прямом направлении за первое полугодие 1928/29 г. меньше, чем за два предыдущих года, а обратное движение почти вдвое больше чем за 1927/28 г., количество же оставшихся в 1928/29 г. в ДВК переселенцев составляет всего 3,5% к годовому плану против 21,2% в отчетном году, т.-е. в семь раз менее.

---

[1] Ставя на очередь дня этот важнейший вопрос в деле освоения новых территорий и разгрузки старых, аграрно-перенаселенных, редакция призывает к всестороннему обсуждению его на страницах журнала „Плановое Хозяйство".

Редакция считает, что назрела необходимость в коренной ломке переселенческого дела. Коллективная мысль страны должна найти для него новые стороны, отвечающие периоду социалистического похода в деревню.

Ред.

Движение переселенцев через Иркутский регистрационный пункт

Годы		Прошло в ДВК	Вернулось обратно	% обратничества	Осталось в ДВК: переселенцев	Осталось в ДВК: % к годовому итогу
1926/27	I квартал	2.276	1.019	44,5	1.257	4,2
1927/28	I квартал	5.312	2.512	47,3	2.800	7,6
1928/29	I квартал	4.302	4.335	100,5	33	—
1926/27	II квартал	5.493	1.445	26,4	4.048	13,5
1927/28	II квартал	7.237	2.257	31,2	4.980	13,6
1928/29	II квартал	3.101	2.804	91,7	297	3,9
1926/27	I полугодие	7.769	2.464	31,7	5.305	17,7
1927/28	I полугодие	12.549	4.769	38,2	7.780	21,2
1928/29	I полугодие	7.403	7.139	96,5	264	3,5
1926/27	апрель	16.831	1.136	6,8	15.695	52,4
1927/28	апрель	14.215	1.177	8,3	13.038	35,5
1928/29	апрель	11.393	2.006	17,6	9.487	12,5
1926/27	за год	41.619	11.532	27,7	30.087	100,0
1927/28	за год	50.590	13.866	27,4	36.724	100,0
1928/29	за год	?	?	?	план 76.000	100,0

Решающий годовое переселение апрель дал в 1926/27 г. 52,4% всех оставшихся в крае переселенцев и 35,5% — в прошлом 1927/28 г.; в нынешнем же году апрель дал только 12,5%, т.-е. в четыре раза менее 1926/27 г. Между тем, только прошедшие Иркутский пункт до 1 мая могут заняться посевом в том же году, а переселенцы, прошедшие Иркутский пункт после 1 мая, являются для края только лишними ртами.

Если движение переселенцев и далее так пойдет, то вместо намеченных к водворению в 1928/29 г. 63 тыс. переселенцев (при остающихся в ДВК по Иркутскому пункту 76.000 переселенцев) мы будем иметь в ДВК водворение около 15—20 тыс. переселенцев за год. Ряд обстоятельств — передвижение промысловых переселенцев, водворение переселенцев, об'единенных в колхозы, и другие — увеличит приведенную цифру до 30—35 тыс. переселенцев, но не более. Таким образом, план 1928/29 г. по водворению будет выполнен примерно на 40—50%, а абсолютно будет даже менее предыдущих двух лет.

Процент обратничества за первое полугодие 1928/29 г. достиг, как мы видим из таблицы, дикой цифры, составляющей

92—100%, т.-е. неслыханного процента за весь период переселенческого дела. Если комиссия НК РКИ СССР, обследовавшая переселенческое дело в 1927/28 г., когда не было таких „диких“ цифр, признала, что переселенческое дело в ДВК поставлено неудовлетворительно, то что можно будет сказать в 1928/29 г.

Но нас, в конечном счете, в настоящей статье интересует не то, что мы имеем недовыполнение плана за первое полугодие 1928/29 г., не то, что процент обратничества „дикий“. Нас интересует другой вопрос — мы беспомощны и не можем хотя бы приблизительно сказать, сколько же придет переселенцев в 1928/29 г. Может быть, вопреки всем нашим выводам, хлынет стихийная волна в конце апреля, в мае, в августе, сентябре. Но даже независимо от стихийной волны мы не знаем, сколько из плановых (т.-е. предварительно зачислившихся уже в прошлом 1927/28 г. на переселенческие участки 108.296 переселенцев) переселенцев прибудет и водворится в 1928/29 г. Ориентировочно нами намечено водворение 63 тыс. переселенцев, т.-е. около 60% от зачислившихся. Но опыт предыдущих лет дает нам водворение зачислившихся переселенцев 19—29%. Получается колоссальный — в 70—80% разрыв между зачислением и водворением. Между тем, для всех зачислившихся должны подготовляться переселенческие участки (производится отграничение, строятся дороги, колодцы). Составленные нами планы по водворению переселенцев выполнялись за предыдущие годы всего на 24—53% и то отчасти за счет неплановых переселенцев, число которых из общего числа водворенных составляет около четверти всех водворенных переселенцев.

Дальше мы не знаем, когда придут в ДВК переселенцы, в каком месяце, в какой округ, в какой район, сколько прибудет. Это не дает нам возможности рассчитывать вместимость переселенческих пунктов, особенно высадочных.

Мы ничего не можем сказать о количестве переселенцев, которые водворятся на том или другом переселенческом участке вплоть до окончания года. Между тем, мы твердим, что надо дать каждому переселенцу распаханную землю в год его прибытия в ДВК, делаем ставку на товарность переселенческого хозяйства, если не в первый, то обязательно на второй год. А где пахать, а главное, сколько пахать на каждом переселенческом участке — не знаем, так как неизвестно, сколько переселенцев осядет на данном участке. Кроме того, неизвестность времени прибытия переселенцев может повести к тому, что вновь прибывший переселенец не сможет посеять хлеба даже при наличии распашек, если переселенец прибудет после весенней посевной кампании, так как посевы озимых хлебов в ДВК составляют всего 5% общей посевной площади.

Благодаря тому, что водворение составляет всего 19—29% от зачисления, переселенцы раскидываются по всему краю на пространстве четырех тысяч километров. Количество участков, на кото-

рые водворились переселенцы в 1926/27 г., составило 772, в 1927/28г.— 892 участка, разбросанных маленькими клочками на всем указанном протяжении. Ко всем этим участкам надо строить дороги, а между тем, как мы видим из приведенных цифр, на каждый участок падает в среднем водворение 30—35 едоков или 5—7 семей (хозяйств). Поэтому ассигнований на дороги нехватает даже для постройки каких-либо дорог, тогда как для создания товарных хозяйств надо, прежде всего, обеспечить переселенческие участки хорошими дорогами.

При такой раскиданности участков распашка на одном переселенческом участке по 10—15 *га* и перебросках трактора на 30—60 *км* от участка к участку помимо того, что удорожает стоимость гектара распашки, еще снижает до ничтожных размеров производительность трактора, что при нашей бедности на них является недопустимой роскошью.

Кроме того, около 50% переселенцев приходит после весенней посевной кампании и полтора года являются лишними ртами для края, вместо того чтобы стать производителями.

Можно бесконечно перечислять недостатки переселенческого дела в ДВК (хотя указанные недостатки общие и одни почти для всех заселяемых районов), но и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод: мы не руководим переселенческим делом — в переселенческом деле господствует стихия.

Эта стихия бьет нас в крае, который нуждается в людях— в новых переселенцах.

Но пока в переселенческом деле господствует стихия, говорить о широких перспективах заселения края не приходится. За все последние четыре года, т.-е. с начала послереволюционной колонизации, наши планы заселения края выполняются на 25—50%.

Может ли так продолжаться далее? Нет, конечно, не может! Есть ли выход из положения? Да, выход есть и он заключается в изменении в корне старой дореволюционной системы переселенческого дела, которая фактически существует и в настоящее время.

Что же для этого нужно сделать в первую очередь? В статье конечно, немыслимо подробно осветить этот вопрос. Поэтому мы по возможности кратко остановимся на основных мероприятиях.

В чем заключается основная причина недостатков переселенческого дела? В разрыве водворения и зачисления переселенцев, в неорганизованности основного и главнейшего момента — передвижения переселенцев с места выхода, нахождения в пути и полной беспомощности первых шагов устройства переселенцев на местах водворения в ДВК.

Коллективизация переселенцев, намечаемая для ДВК в размере 15% от всей массы водворяемых в 1928/29 г., разрешает вопрос только частично. Во-первых, часть коллективов организуется уже по приходе в ДВК, и момент организованного передвижения и подбора на месте выхода переселенцев выпадает. Кроме того, остается 85% индивидуальных переселенцев, которые благодаря своей неорганизованности и создают хаос, тормозящий все дело переселения.

Как же подойти к упорядочению дела, с чего начать?

Приходящие в край ходоки для зачисления земли в ДВК за своими доверителями имеют право выбрать участок в любой местности края.

Какие у ходока предпосылки для выбора подходящего участка?

Как общее правило, ходок края не знает, как не знает и особенностей его отдельных районов. Край громаден и даже для приехавших работников советского аппарата требует полтора—два года для ознакомления. Поэтому ходок выбирает в первую очередь старожильческий поселок, где можно иметь готовые пашни или же участок, на который ходок случайно (не может же он осматривать весь край) наткнется и он ему „понравится“: „веселое место“ — река, бор и т. д.

А в результате мытарства и обратничество, и выживание переселенцев, лишь осевших на готовых пашнях в старожильческих селениях и на небольшом числе новых участков, где также случайно сложились весьма благоприятные условия. Этой случайности выбора участков по всему краю надо положить конец.

Точно определенные группы переселенческих участков в ДВК должны быть прикреплены, в зависимости от климатических, почвенных и других условий, к определенным районам (губерниям, округам) Европейской части Союза. Емкость обособленной группы переселенческих участков должна составлять примерно десять тысяч долей, общей площадью около 100 тыс. *га* (часть переселенческих участков предполагается занятой прежде пришедшими переселенцами, часть площади — занятой старожильческими селениями и часть — неудобных земель) или чистой пахотной площади до 35—40 тыс. *га*.

В районе выхода (прикрепленном к данной группе переселенческих участков в ДВК) организуется одно переселенческое товарищество, в задачу которого входит: 1) персональный подбор переселенцев на местах выхода с учетом особенностей района водворения (в определенном проценте землеробы, кустари, ремесленники, строители—(плотники, столяры, каменщики),—трактористы и т. д.); 2) подготовка фонда, заготовка леса и возведение построек на предназначенных для водворения участках в ДВК; 3) заготовка скота, семян для членов товарищества к моменту водворения в ДВК; 4) организованная перевозка членов товарищества с мест выхода до предназначенных для водворения переселенческих участков в ДВК и 5) в течение трех лет обязательная распашка не менее 15 *га* в среднем

на хозяйство и засев на второй год пребывания в крае не менее 10 *га* на хозяйство путем перехода этого товарищества на общественную обработку земли.

Товариществу предоставляется Дальне-восточным переселенческим управлением выдаваемая и в настоящее время колхозам ссуда, из расчета 660 руб. на семью, и, кроме того, предоставляется краткосрочный (на 3 года) банковский кредит в размере 340 руб. на хозяйство.

В районе водворения переселенцев в ДВК на эти средства организуется на одно товарищество одна машинотракторная станция с одной центральной мастерской, складом сельскохозяйственных машин и орудий, складом промтоваров потребительского и производственного (для кустарей и ремесленников и пр.) значения, базой для снабжения лошадьми, рогатым скотом, временной лесопилки для подготовки лесного строительного материала и склада других строительных материалов, соответствующим штатом агрономического, ветеринарного персонала, механиков и трактористов. Основной задачей машинотракторной станции является распашка переселенческих земель тракторами, подготовка трактористов из среды переселенцев, организация переселенческого хозяйства на территории района, снятие урожая и обмолот его, снабжение мелким сельскохозяйственным инвентарем (продажа и прокат) и ремонт его, улучшение породы скота (случные пункты, снабжение племенным скотом и т. д.), снабжение переселенцев в первые два года (или впредь до создания кооперативных организаций из переселенцев) товарами потребительского и производственного значения, организация переработки сел.-хоз. продуктов. В этих целях при МТС создаются продовольственные лавки, склады, организуется развоз товаров по переселенческим участкам.

Реализация продукции отдельных членов товарищества производится правлением товарищества, с которым, в порядке контрактации, заключаются договоры заготовителями сельскохозяйственных продуктов. Кроме того, в возмещение расходов машинотракторной станции, амортизации сел.-хоз. инвентаря и построек МТС за предоставление в пользование переселенцев машин и орудий и руководство организацией хозяйства взимается $^1/_4$ часть валового сбора.

В виду того что при раззертывании переселения в ДВК в размерах, намеченных пятилеткой, при отводе мелких земельных участков потребуется большое количество землемеров, нужда в которых вряд ли будет удовлетворена, земельная площадь для товарищества отводится в одном участке. При этом, в порядке межселенного землеустройства, выделяются существующие селения по установленной нарме с разбивкой на месте для членов товарищества лишь усадебных участков, с расчетом на максимальное приближение распашек к усадебным участкам. Все товарищество рассматривается как одно земельное общество, независимо от того, что в него войдут крестьяне,

об'единенные в несколько сельсоветов, так как земельный кодекс не ограничивает числа сельсоветов, входящих в земельное общество. Упрощение землеотводных работ должно итти еще далее. Необходимо отказаться от детальной обязательной с'емки, а там где это возможно, использовать существующую с'емку, дореволюционных лет, при чем в случае необходимости ограничиться упрощенной с'емкой (параллельные хода, укрупнение масштаба с'емки и т. д.). Это упрощение землеотводных работ диктуется не только недостатком землемерно-технического персонала, но и необходимостью снижения колоссальных расходов, которые потребуются при развертывании заселения ДВК в указанных выше размерах.

Если землеотводные работы, таким образом, упрощаются, то, наоборот, район должен быть обеспечен наилучшей связью с рынками сбыта и снабжения, а внутри района должны быть проведены дороги, допускающие легкость снабжения поселков между собою, а также с МТС. Колодцы строятся при каждом поселке в обычных принятых в настоящее время нормах. Раскорчевка проводится лишь после использования всех удобных для распашек земель и едва ли будет применяться в первые три года, за исключением расчисток площадей, поросших кустарником и мелким редким лесом, силами самих переселенцев.

Представителем Краевого переселенческого управления в районе водворения товарищества является заведующий переселенческим районом. Границы района определяются границами административного района (рик), в котором разместилось товарищество. Заведующий районом является представителем ДВКПУ при рике, увязывая с ним работу.

Заведующий районом имеет трех помощников: 1) заведующего передвижением, осуществляющим все вопросы приема прибывающих переселенцев, подготовки для них помещения, организации питания и распределения переселенцев по усадебным участкам; 2) заведующего машинотракторной станцией и 3) производителя дорожно-мелиоративных и землеотводных работ, осуществляющего через специально подобранный техперсонал, при посредстве переселенцев данного товарищества в качестве рабочей силы, все работы по подготовке колонизационного фонда.

Заведующий районом является ответственным перед Краевым переселенческим управлением за все дело подготовки фонда и хозяйственного устройства переселенцев, об'единенных в товарищество.

Число машинотракторных станций и количество производителей работ в административном районе может быть несколько, подчиненные одному заведующему районом.

Самая техника дела переселения товарищества мыслится следующим образом.

На ряду с тем, как Краевым переселенческим управлением будут намечены районы водворения товариществ в ДВК, им же прораба-

тывается вопрос о районах выхода этих товариществ, с точки зрения однородности (или близости) климатических, почвенных, экономических условий района водворения с районом выхода.

Районом выхода для одного товарищества устанавливается одна губерния (по РСФСР) или округ (в Украине и Белоруссии). Состав товарищества в 8—10 тыс. едоков для отдельных округов районов выхода определяется 1—1,5% всего наличного сельского населения, что при избыточном труде перенаселенных районов выхода в 30—60% хотя и не является большой величиной, но все же при применении гнездового метода при выселении будет весьма ощутителен для мест выхода и для наиболее перенаселенных районов округа дает возможность значительного расширения распашек оставшимся населением.

В настоящее время вопросы реконструкции хозяйства отдельных районов Европейской части Союза почти ни в какой мере не увязывались с вопросами переселения, хотя даже при том минимальном темпе водворения, какой был за последние четыре года (1924/25—1927/28 гг.) переселилось 350 тыс. человек. При намеченном же темпе заселения в течение ближайших пяти лет, когда переселение достигает двух миллионов человек, значение его для районов выхода будет уже весьма существенным стимулом для рассасывания аграрного перенаселения Европейской части Союза.

Если будет продолжаться та же система организации выхода переселенцев, какая существовала и существует до самого последнего времени — ни к чему не обязывающая разнорядка контингента переселенцев по губерниям и округам выхода индивидуальных переселенцев с небольшим вкрапливанием коллективов, или даже значительного числа, но карликовых колхозов, — говорить о включении в план реорганизации хозяйств районов выхода вопросов переселения и ориентировки на него, как на нечто устойчивое, конечно, не приходится. Индивидуальные хозяйства (хотя бы и зачислившиеся в районах водворения) в любой момент могут отказаться от переселения и все намеченные планы рухнут. В 1928/29 г. были случаи ухода обратно из Иркутска целых коллективов, не захотевших даже посмотреть предназначенные им участки в ДВК. Это приходится об'яснить лишь карликовыми размерами колхозов, которые, как и индивидуальные переселенцы, предоставлены сами себе.

Поэтому только путем об'единения в крупные товарищества (колхозы) желающих переселиться в районах выхода возможно добиться плановости в разрешении аграрно-перенаселенных районов и форсирования заселения ДВК нуждающегося как в воздухе, в добавочных для промышленности ДВК рабочих и создания в крае товарных хозяйств.

Это об'единение переселенцев в местах выхода происходит уже (правда, только с 1928/29 г. вопрос как будто упорядочивается в районах выхода) в виде об'единения переселенцев в колхозы. Но разрастающееся движение в районах выхода, вызванное ростом коллективизации, не может не отразиться на переселенческом деле. Оно, это движение, не может не вызвать стремления к переселению, к выходу из районов, где коллективизация не может быть проведена в силу малоземелья, в районы, где она может быть проведена в широких масштабах.

мах этого об'единения пока недостаточен (10—15%), а размер колхозов (в среднем 7 семей) прямо недопустим. Массовый переход к сложным колхозам (собственно колхозам — коммунам, артелям, товариществам по совместной обработке земли с полным проведением устава) представляет еще значительные трудности. Машинные, мелиоративные и прочие простейшие об'единения, создающиеся за последнее время, мелки, быстро хиреют и распадаются.

Поэтому предлагаемые нами товарищества — назовем их „переселенческими товариществами" (приближающиеся к товариществу по совместной обработке земли), цель которых, как мы уже ранее указывали, персональный подбор переселенцев на местах выхода в соответствии с потребностью будущей деятельности в районах водворения (земледельцы, ремесленники, кустари, лесорубы, плотники, столяры, каменщики, землекопы, механики, трактористы и т. д.), организованное переселение, совместное хозяйственное устройство в районах водворения (включая и подготовку фонда) и взаимная помощь в организации хозяйства на первые три года по водворении, с обязательством распашки в товарно-зерновых районах 15 *га* и посева на второй год 10 *га* на семью — дали бы возможность бедняцкому и середняцкому хозяйству достигнуть на местах водворения лучшего существования и явиться производителями товарного хлеба, а на местах выхода дать возможность улучшения положения оставшихся крестьян. Надо сказать, что в условиях Дальне-Восточного края, при обширности его территории, переселенческие хозяйства, намечаемые нами к организации в переселенческие товарищества должны будут первые годы вести экстенсивное хозяйство, которое на целинных землях будет давать значительные урожаи в течение первых 10—15 лет.

Эти переселенческие товарищества во главе с машинотракторной станцией, вместе с мелкими колхозами (путь к организации которых мы не собираемся закрывать, лишь ограничив снабжение их сложными сельскохозяйственными машинами и тракторами), смогли бы охватить на сто процентов всю переселенческую массу, что позволило бы уничтожить разрывы между водворением и зачислением, в настоящее время гибельно отражающихся на всех сторонах переселенческого дела и вносящих в него хаос.

Переселенческим товариществам отводятся участки новой и прежней дореволюционной заготовки и свободный госфонд по возможности в одном сплошном массиве, при чем в первую очередь земля отпускается в наиболее товарных районах края — общей емкостью до 400—500 тысяч долей, т.-е. для 30—40 переселенческих товариществ. Ханкайский, Черниговский, Спасский, Шмаковский районы Владивостокского округа и Иманский район Хабаровского округа используются для совхозов, коллективов и индивидуальных хозяйств в порядке особого подбора. Екатерино-Никольский и Михайло-Семеновский районы идут под переселение трудящихся

евреев. Все остальные районы ДВК (за исключением Забайкалья—Читинского и Сретенского округов, которые мы пока не затрагиваем) заселяются в порядке промышленно-промысловой колонизации путем организации промышленно-транспортно-торгово-переселенческих комбинатов.

Таким образом, переселенческие товарищества в общем контингенте примерно в 600 тысяч переселенцев, намеченных к переселению в течение пятилетия займут более двух третей.

Территории, на которых намечается организация переселенческих товариществ, открывают возможность водворения на них по естественно-историческим и экономическим признакам выходцев почти из всех аграрно-переселенческих районов. Но для этого должен быть составлен единый пятилетний план колонизации ДВК, в котором необходимо точно установить очередность заселения территорий, предназначенных в ДВК для переселенческих товариществ, районы выхода и очередность переселения из них, увязанная с очередностью водворения. Это, повторяем, необходимо потому, что переселенческое товарищество состоит из переселенцев только одного округа или губернии Европейской части Союза (может быть два и более переселенческих товарищества из одного округа или губернии, но не наоборот). Кроме того, на основе этого плана должна быть составлена смета, предусматривающая на все пятилетие в целом и на отдельные годы расходы, необходимые для переселения и хозяйственного устройства переселенцев. План переселения в районах выхода увязывается с общим планом реконструкции сельского хозяйства районов выхода.

Средства ассигнуются на все пятилетие и выдаются по мере расходования Дальне-Восточному краевому переселенческому управлению, так как все устройство переселенческих товариществ составляет единое мероприятие, длящееся несколько лет, и по аналогии должно быть приравнено к строительству какого-либо крупного завода, предприятия, но только гораздо более сложного, так как ставится на карту участь 500—600 тыс. чел. и дальнейшее развитие или задержка роста богатейшего в Союзе Дальне-Восточного края.

На места выхода товарищества выезжают представители Дальне-Восточного краевого переселенческого управления (ДВКПУ), по два человека на каждое товарищество, со всеми материалами по району водворения товарищества (карты, планы, описание, образцы растений, почва, фотоснимки, киноленты и т. п.). По приезде на места представители ДВКПУ связываются с местными земельными и кооперативными организациями и создают инициативную группу из крестьян для сформирования товарищества и затем при посредстве этих местных организаций виков, риков и сельсоветов—персонально подбирают членов товарищества, выбирая в каждом селении или на ряд селений одного уполномоченного.

Этот подбор заканчивается к 1 января следующего года, после чего переселенческое товарищество регистрируется, созывает губернский (окружной) с'езд уполномоченных товарищества, на котором составляются списки и выбираются уполномоченные для заготовки леса для построек временных бараков и машинотракторной станции, в количестве 100 человек. В начале лета, до от'езда уполномоченных, ДВКПУ намечаются камерально границы участков для переселенческих товариществ, предназначенных к переселению в первую очередь, с проектированием места для машинотракторной станции и ориентировочной наметки поселков для товарищества. В течение полевого периода производится специальное обследование намеченных участков для товариществ в целях установления емкости участка, производства упрощенных изысканий и обследований на воду, на строительство и ремонт дорог, наметки площадей для под'ема целины и выявляются наличные мягкие пашни, возможные к засеву с весны будущего года, распланирования поселков и установления в натуре проектных границ участка; кроме того, производится выбор места для машинотракторной станции.

В течение зимнего периода производится составление проектов и смет на дорожное строительство, постройку колодцев, постройку машинотракторной станции и под'ема целины. Заготовляется нужное количество сел.-хоз. машин и транспортного инвентаря. К 1 апреля следующего года прибывает на участок рабочая дружина от товарищества с закупленными по дороге (в Сибири) лошадьми. Рабочая дружина по прибытии в край будет занята частью на строительстве дорог и колодцев, частью на строительстве зданий для машинотракторной станции. Другая группа будет занята распашкой и посевом на имеющихся мягких пашнях участка, строительством временных жилищ для себя. Машинотракторная станция к моменту начала работ на участке строит временные помещения для машин и жилья служащих и с началом полевого периода ставит распашку целинных земель, имеющимися в ее распоряжении тракторами. Землеустроителями производится отвод усадебных участков в натуре. Количество рабочей дружины определяется из расчета один человек в рабочем возрасте от каждых трех семей.

Еще с первой партией переселенцев (в 100 человек) прибывает в ДВК председатель правления переселенческого товарищества и товарищ председателя. На местах выхода остается заместитель председателя правления и остальные члены правления.

Вопросы мест под'ема целины, отвода усадебных участков и другие согласуются с правлением товарищества и последнее заключает договор с машинотракторной станцией.

Вся рабочая сила на участках, отведенных для переселенческого товарищества, для подготовки фонда и всех строительных работ комплектуется, как общее правило, из числа членов товарищества (за исключением специалистов, отсутствующих в товариществе).

Все работы по подготовке фонда, в которых принимают участие члены товарищества, оплачиваются по ставкам не ниже ставок, существующих на других работах ДВКПУ. Выплата денег за работы производится правлению товарищества, которое устанавливает порядок расходования этих денег (оплата участников, отчисление на общие нужды товарищества и т. д.). Распределение членов рабочей дружины на работы по подготовке фонда, посев, постройку жилищ для себя и другие работы производится распоряжением правления товарищества.

При вступлении в члены товарищества каждый член товарищества (один от семьи) вносит пай в размере 50 руб. и стоимость льготного билета на свой и членов семьи проезд. Взносы пая и стоимость проезда могут, в особо уважительных случаях быть рассрочены на сроки, определяемые правлением товарищества. В случае выбытия из членов товарищества выбывающие получают обратно только стоимость проезда, а внесенный пай не возвращается.

Остальные члены товарищества и семьи членов товарищества приезжают (после постройки на участках жилищ рабочими дружинами) в сроки, точно установленные в договоре с ДВКПУ.

Один из представителей ДВКПУ, находящийся в районе выхода переселенцев, возвращается обратно вместе с рабочей дружиной. Второй представитель приезжает с остальными переселенцами при выезде семей. Выезд того и другого представителя производится с последними эшелонами первой и второй части, организовав предварительно выход из районов и посадку в эшелоны всей партии переселенцев.

Отвод участков для переселенческого товарищества производится в таких районах, где имеются свободные, не занятые никем переселенческие участки прежней дореволюционной заготовки или вновь отводимые из свободного госфонда. Переселенческие участки, занятые не более чем на 25% их емкости, включаются в территорию переселенческого товарищества и входят автоматически в его члены. Участки, занятые более 25% их емкости, выделяются и на них производится дополнительное из других групп переселенцев в размере до 100% их емкости.

Что же даст государству организация таких переселенческих товариществ?

Во-первых, так необходимый ДВК хлеб. Ведь дикое обратничество переселенцев в нынешнем году и отсутствие большого наплыва переселенцев в ДВК вообще и за предыдущие три года в частности,—вызвано, главным образом, хроническим хлебным дефицитом края, особенно усилившимся в нынешнем 1928/29 г.

Между тем, при переселенческих мероприятиях в настоящее время расчет на продукцию индивидуальных хозяйств ведется таким образом, что к концу пятого года по водворении переселенец

будет иметь до 5 *га* посева. Для колхозов ведется расчет к концу пятилетия, исходя из посева, примерно, в восемь гектаров на семью. Да и эти цифры при существующих методах обслуживания переселенцев и дальнейшем массовом их вселении должны быть поставлены под сомнение. Результаты обследования переселенческих хозяйств в декабре 1927 г., давшие по Амурскому округу на второй год водворения переселенца свыше 4 *га* посева на 1 хозяйство, ни в каком случае нельзя учитывать в дальнейшем как правило, так как такой посев получен в результате отбора переселенцами только лучших земель (как водворение 15—20% от зачисливших за собой участки).

Следовательно, при выдвигаемой нами системе „переселенческих товариществ" мы будем иметь уже на второй год по водворении вдвое больший посев, чем при водворении индивидуальных хозяйств к концу пятого года и также вдвое более, чем у теперешних колхозов на третий год по водворении. Это одно уже имеет колоссальное значение для края.

Но с организацией машинотракторных станций при переселенческих товариществах открывается другая, еще более важная перспектива.

Переселенческое дело требует весьма значительных затрат, из которых примерно 60% безвозвратных и 40% возвратных (ссуды). Но возврат ссуд производится переселенцем после пяти льготных лет с шестого года в течение пятнадцати лет, т.-е. фактически окончательно ссуда погашается через двадцать лет.

При организации переселенческих товариществ, возглавляемых машинотракторными станциями, ссуда должна выдаваться только на постройки жилищ (покупку гвоздей, дверной, печной арматуры, стекла и прочих строительных материалов, при бесплатном отпуске леса на корню и строительстве жилищ силами и средствами самих переселенцев) в 150 руб. и на скот (лошадей и коров, которых потребуется менее чем в настоящее время для колхозов) в 100 руб. Вся остальная госбюджетная ссуда и банковский кредит выдается машинотракторной станции на приобретение сельскозяйственных машин, тракторов, строительство и прочие капитальные затраты, что при 1.000 руб. общей суммы ссуды и кредита и 750 рублях на долю машинотракторной станции дало бы при 10.000 долях на МТС—1.500.000 руб., т.-е. столько, сколько нужно для организации полутора—двух машинотракторных станций. При первых шагах организации МТС в ДВК стоимость затрат на одну станцию можно было бы снизить до 500.000 руб., так как уже одно наличие при переселенческом товариществе МТС, вне зависимости от наличия ее оборудования, сыграло бы громадную роль в смысле организации хозяйств переселенцев и усиления посевной площади товарищества.

Таким образом, на те же средства, которые фактически расходуются в настоящее время на карликовые колхозы с весьма

малым производственным эффектом, мы могли бы иметь при машинотракторных станциях в три раза большее число переселенцев, обеспеченных при этом в общем подборе машинами и инструментами в два—три раза лучше чем теперешние колхозы и вдобавок снабженные прекрасной ремонтной мастерской. Это — во-первых.

Во-вторых, при амортизации и операционных расходах на каждой станции на второй год в 200 тыс. руб. и третий год в 300 тыс. руб., даже одна четверть урожая, получаемого машинотракторной станцией дало бы 450 тыс. руб. в первый год и 700 тыс. руб. во второй год, а при наличии при машинотракторной станции мельницы — 700 тыс. и 1.000 тыс. руб. (при увеличении амортизации и операционных расходов на 70—100 тыс. руб.).

Таким образом, каждая машинотракторная станция дала бы чистого дохода в год — 250—430 тыс. руб. во второй год и 400—600 тыс. руб.— в третий год. При наличии десяти станций (100 тыс. едоков) это составило бы 3.400 тыс. руб. во второй год и 5.000 тыс. руб. в третий год, т.-е. обеспечило бы организацию новых десяти машинотракторных станций, без копейки затрат со стороны государства. Кроме того, контрактация зерна у десяти переселенческих товариществ (в количестве до 80 тыс. тонн), проводимая машинотракторной станцией, дала бы до одного миллиона рублей дохода для станции — деньги, которые также могут быть обращены на переселенческое дело. Затем вместо весьма проблематичной в настоящее время надежды на возврат ссуды переселенцами через пять льготных лет, в течение пятнадцати следующих лет государство со второго года существования машинотракторной станции в течение десяти лет было бы обеспечено возвратом затрат на станцию в виде аккуратных амортизационных отчислений.

Но самое главное это то, что деньги на организацию машинотракторных станций у нас имеются в виде ссуд, которые мы сейчас выдаем переселенцам без всякой почти надежды на возврат и ничтожной эффективности этих средств с точки зрения продукции переселенческих хозяйств.

Машинотракторные станции в переселенческом деле открывают колоссальные перспективы.

И мы зовем к этим станциям руководителей переселенческого дела, требуем, наконец, на двенадцатом году революции перехода от архаических — дореволюционных форм „зачисления“ и „водворения“ — к социалистическому переселению.

Клич „к машинотракторным станциям“ не голый лозунг — это простой хозяйственный расчет. Не воспользоваться этим призывом было бы преступлением.

Л. Кессель

Пути производственного кооперирования крестьянских хозяйств

Сельскохозяйственная кооперация, до последнего времени замкнутая в пределах товарного и денежного оборота крестьянского хозяйства, уже переросла себя. Перед ней встала новая задача неизмеримо более сложная и трудная—задача непосредственного воздействия на производственные процессы крестьянского хозяйства и его реконструкции на основе производственного кооперирования. От организации оборота к организации производства, „от амбара к полю" — таково направление сдвига в работе хлебной кооперации.

Задача переключения работы хлебной кооперации в сторону массовой реорганизации крестьянского зернового производства была властно продиктована напряженным состоянием хлебозаготовительного фронта и необходимостью найти наиболее быстрые и в то же время наиболее доступные для крестьянских масс пути преодоления основных причин отставания зернового хозяйства и сомкнуть разрыв между промышленностью и его продовольственной базой.

Оформить самодеятельность крестьянства, ввести ее в организационные рамки, внести в нее начала плановости — задача сел.-хоз. кооперации как единственной массовой общественной организации в деревне, выросшей из самых недр крестьянства и своими щупальцами проникающей во все поры его хозяйственной жизни.

Наиболее эффективным и вместе с тем наиболее доступным и приемлемым для масс методом кооперативно-производственного воздействия на крестьянское хозяйство является контрактация посевов.

Контрактация в практике хлебной кооперации приобретает содержание, глубоко отличное от того, какое вкладывалось в нее в прежние годы. От контрактации, носившей характер коммерческой договорной заготовки сел.-хоз. продукции, к контрактации, превращающейся в могучий фактор организации сел.-хоз. производства и сбыта, в фактор регулирования баланса между промышленностью и сельским хозяйством, — такова эволюция, произошедшая в этой форме производственных взаимотношений между городом и деревней.

Производственное значение контрактации посевов сводится к двум основным моментам: во-первых, договор на контрактацию

выдвигает перед посевщиком условие обязательного проведения определенного цикла агротехнических мероприятий (проведение зяблевой вспашки, культурная подготовка пашни, поднятие раннего пара, применение рядового посева, посев отсортированными семенами, протравливание семян, мотыжение, полка и проч.); во-вторых, хлебная кооперация решительно проводит курс на заключение договоров по контрактации посевов не с отдельными хозяйствами, а с об'единениями их, и преимущественно с такими, которые охватывают целые земельные общества.

Массовая контрактация зерновых посевов, на которой построена вся производственная работа хлебной системы сел.-хоз. кооперации, была впервые предпринята весной 1928 г. Первые две кампании по контрактации в ее новом, производственном содержании выявили огромное значение ее, как способа преодоления дробности крестьянского хозяйства и сведения разрозненных наделов в гигантские массивы на основе производственного кооперирования целых земельных обществ, селений и групп селений. В массовой контрактации посевов нащупаны совершенно новые возможности производственного охвата широчайших крестьянских масс в форме простейших производственных об'единений посевных товариществ. Производственные об'единения этого вида при минимальном пае и минимальных обязанностях, возлагаемых на их членов, являются наиболее приемлемыми для крестьянства формами производственного кооперирования, допускающими, вместе с тем, постепенный переход их к сложным коллективным формам хозяйства. Этим обеспечивается массовый характер контрактации. Даже при создании крупных кооперативных зерновых хозяйств, строящихся на основе долголетней контрактации, сел.-хоз. кооперация не стремится к немедленному стопроцентному обобществлению всех производственных процессов и ограничивается на первых порах некоторым обязательным минимумом: обобществлением пахотной земли и сложных сел.-хоз. орудий.

Кооперативная практика с непреложной ясностью доказывает каждым шагом своей повседневной работы, что в наших условиях именно этим путем быстрей и верней достижимо массовое производственное кооперирование крестьянских хозяйств, вторжение кооперации в стихию крестьянского производства, создание огромных производственных об'единений, постепенно накапливающих элементы подлинно крупного и устойчивого коллективного зернового хозяйства. В наших условиях нет более доступного и надежного способа организации хозяйственной среды, которая исключает распыляемость средств сел.-хоз. производства и обеспечивает наиболее эффективное их использование. В этом сочетании технического и социального начала переустройства крестьянского хозяйства весь смысл, вся ценность метода контрактации посевов.

Итоги первых двух кампаний по заключению договоров с посевщиками на контрактацию зерновых посевов, несомненно, значительны. Но мы не получим достаточно полного представления о достигнутых результатах, если не учтем, что контрактация зерновых посевов до сих пор протекала в условиях организационных перестроек, запаздывания правительственных директив по ряду основных вопросов практики хлебной кооперации, несвоевременного перевода на места необходимых кредитов для контрактации и вызванной этим обстоятельством многократной перекройки первоначальных планов, несомненно оказавшей свое дезорганизующее влияние. Следует также принять во внимание неопытность и крайнюю скудость материальных и технических средств, имевшихся в распоряжении хлебной системы сел.-хоз. кооперации к началу ее производственной деятельности. Достаточно отметить, что хлебная кооперация весной 1928 г. насчитывала всего лишь пару десятков специалистов и почти не имела своего агроперсонала. В озимой кампании 1928 г. ко всем этим трудностям присоединились общие неблагоприятные атмосферические условия прошлого года.

* * *

В яровую кампанию 1928 г. хлебная кооперация проводила контрактацию посевов чистосортными семенами, контрактацию посевов рядовыми крестьянскими семенами в районах недовосстановленных посевных площадей, затем контрактацию посевов технических культур для промышленности и, наконец, контрактацию посевов бобовых культур для экспорта.

План весенней контрактации чистосортных посевов был намечен в 1928 г. в 600 тыс. *га*, рядовых в 600 тыс. *га*, промышленных культур в 309 тыс. *га* и бобовых в 18,5 тыс. *га*. Весь план контрактации должен был, следовательно, охватить посевную площадь в 1.527 тыс. *га*. Фактически же план был выполнен с огромным превышением. Сортовых посевов было законтрактовано 619 тыс. *га*, рядовых 1.072,3 тыс. *га*, промышленных культур 827 тыс. *га* и бобовых 42,1 тыс. *га*. Законтрактованная площадь в общей сложности составила 2.323,6 тыс. *га*. План, следовательно, был выполнен по контрактации сортовых посевов на 103,2%, рядовых на 178,7%, промышленных культур на 267,5% и бобовых на 227,6%. Выполнение в общем превысило план больше, чем на 52%.

По категориям посевщиков выполнение плана контрактации чистосортных посевов распределилось следующим образом.

В колхозах было законтрактовано 116.397 *га* (21,0%), в зерновых (посевных) товариществах—61.034 *га* (11,0%), в прочих кооперативных организациях (машинные и другие товарищества)—188.002 *га* (33,9%), через договорные об'единения—130.885 *га* (23,6%), в неорганизованных крестьянских хозяйствах законтрактовано 57.593 *га*, т.-е. 10,5%.

Контрактация чистосортных посевов преследовала цель создания сплошных массивов односортного и высококачественного зерна.

Поэтому контрактация проводилась так называемым гнездовым методом путем сплошного охвата целых земельных обществ, а там, где это представлялось возможным, групп смежных земельных обществ. Контрактация чистосортных посевов в яровую кампанию 1928 г. создала ряд сплошных массивов односортного высококачественного зерна: в Немреспублике — 34.000 *га*; в Тульской губ.— 45.000 *га*; в Орловской — 82.000 *га*; Сев. Кавказ: в Армавирском округе — 27.000 *га*; Кубанском — 36.000 *га*. Терский округ почти сплошь обсеменен сортовыми семенами подсолнуха. Договоры на контрактацию сортовых посевов, заключавшиеся обычно лишь с производственными об'единениями, обусловливали обязательное со стороны посевщиков проведение посева сплошным массивом, посев по зяблевой вспашке, уничтожение межников, отсортирование и протравливание семян, посев рядовой сеялкой и выполнение ряда условий, гарантирующих сохранение сортовой чистоты. Посевщики снабжались сортовыми семенами, а бедняцким хозяйствам выдавались помимо семян еще денежные авансы. Договор устанавливал надбавку к обычной заготовительной цене в размере 10—15% за сдачу зерна, соответствующего определенным нормам чистосортности.

При контрактации рядовых посевов также предусматривался обязательный минимум агрикультурных мероприятий: посев по зяблевой вспашке, отсортировка и протравливание семян, посев рядовой сеялкой, борьба с сорняками и т. д. Посевщикам выдавался при заключении договора на контрактацию аванс, в среднем достигавший суммы в 9—10 руб. на гектар и увеличивавшийся на 50% для бедняцких хозяйств. В отношении распределения законтрактованных рядовых посевов по категориям посевщиков картина несколько разнится от предыдущей: удельный вес посевных товариществ здесь значительно выше.

В колхозах законтрактовано 146.342 *га* (20%), в зерновых товариществах — 124.022 *га* (17%), в прочих кооперативных организациях — 153.588 *га* (21%) и в неорганизованных крестьянских хозяйствах — 309.743 *га* (42%).

Первая кампания по контрактации посевов вызвала к жизни 4.000 новых колхозов и около 5.000 зерновых товариществ, из которых 170 организованы целыми земельными обществами, и 1.400 машинных товариществ. В эти об'единения было вовлечено около одного миллиона крестьянских хозяйств.

Таковы суммарные итоги контрактации, проведенной системой Хлебоцентра весной 1928 г.

* * *

В озимую кампанию 1928 г. контрактация приняла более широкий размах. Общий план контрактации был определен в 3.489.700 *га*, из которых сортовой — 317.200 *га* и рядовой — 3.172.500 *га*. В отличие от весенней кампании план не был полностью осуществлен. Законтрактовано было 3.304.984 *га*, из которых сортовых посевов — 378.755 *га* и рядовых — 2.926.229 *га*. План контрактации сортовых посевов был выполнен, как видно из этих цифр, на 119,4%, план рядовой контрактации, наоборот, дал всего лишь 92,2% выполнения. Весь же план оказался выполненным на 94,7%.

Некоторое недовыполнение общего плана осенней контрактации в значительной мере об'ясняется запозданием в разрешении правительственными органами основных вопросов этой кампании, несвоевременным переводом на места кредитов по контрактации и, наконец, метеорологическими условиями кампании. И все же производственный эффект несомненен.

В озимую кампанию 46,7% всей контрактации рядовых и 46,5% сортовых посевов падают на целые земельные общества, сплошь охваченные контрактационными договорами. Это — несомненные показатели углубления практики производственного кооперирования. Число посевных товариществ достигло 8.000, при чем число целых земельных обществ, перешедших на устав зерновых товариществ, повысилось до 3.800. В производственные об'единения было вовлечено 2,7 миллиона крестьянских хозяйств, т.-е. в два с половиной раза большее число, чем в весенней кампании.

Свыше 14.000 селений целиком, всеми дворами, подписали договоры на контрактацию посевов в озимую кампанию. Весьма характерно изменилось и распределение законтрактованной площади по категориям посевщиков. По сортовой контрактации на долю колхозов пришлось 33,9%, а по посевным товариществам, включая сюда земельные общества, целиком законтрактовавшие свои посевы, но еще не перешедшие в уставное об'единение, мы имеем уже больше половины всей контрактуемой площади — 51,7%. По рядовой контрактации удельный вес колхозов равен 13,1%, посевных товариществ и целых земельных обществ — 53,1% и неорганизованного крестьянского населения — 14,4%. Хлебная кооперация в озимую кампанию 1928 г. большую половину своей производственной работы строила на об'единениях, организуемых в связи с контрактацией.

Одно из важнейших достижений минувших двух кампаний по контрактации зерновых посевов заключалось в том, что контрактация охватывала, главным образом, середняцкие и бедняцкие слои крестьянства. В виду того что для бедноты были установлены при контрактации специальные денежные авансы на чистосортные посевы (из собственных средств Хлебоцентра по 5 рублей на гектар) и повышенные авансы по рядовым посевам, эти слои крестьянства получили возможность самостоятельно обработать и засеять свои поля, освободившись от кулацкой эксплоатации на почве проката и арендных отношений. Этим путем были созданы условия для под'ема и кооперативного охвата маломощных групп крестьянства, т.-е. тех слоев его, которые должны служить опорной базой в деле кооперирования крестьянских хозяйств.

У нас нет еще достаточно полных и разработанных статистических данных по всем районам о влиянии контрактации на расширение посевов. Но уже собранные материалы дают все основания признать за контрактацией огромную роль в деле расширения посевных площадей. Особенно показательны в этом отношении материалы НК РКИ по обследованию районов контрактации и посева на Сев. Кавказе. В яровую кампанию 1928 г. законтрактованная площадь составляла по Сев. Кавказу 15,2% всей посевной площади яровых; в озимую же площадь озимого клина достигла уже 39,8% всей посевной площади.

Расширение зерновых посевов в результате контрактации имеет место как в колхозах, так и в индивидуальных хозяйствах.

В яровую и озимую кампанию 1928 г. помощь посевщикам, содержащаяся в методе контрактации, позволила бедняцким элементам и слабым колхозам не сдавать в аренду своих земель и засеять их собственными средствами.

Пять с половиной миллионов гектаров законтрактованных посевов зерна; создание на основе контрактации сплошных массивов чистосортного зерна в десятки тысяч гектаров, в общей сложности охвативших площадь в миллион гектаров; образование десятка тысяч новых колхозов и посевных товариществ; сплошной охват контрактацией 14 тысяч селений,— таков внушительный баланс первого года проводимой хлебной кооперацией контрактации зерновых посевов.

* * *

Наиболее мощное развитие контрактационных посевов получило в яровой кампании 1929 г. По плану в яровую кампанию должна была быть законтрактована площадь в 4.645 тыс. *га*. Фактически же контрактация охватила площадь в 12.212 тыс. *га*, т.-е. почти в три раза превысила первоначальный план.

В яровой кампании текущего года хлебная кооперация впервые применила новую форму контрактации, так называемую, безавансовую контрактацию. Предыдущие две кампании по контрактации зерновых посевов, проводились почти исключительно на основе выдачи авансов хозяйствам, законтрактовавших свои посевы. Авансы являлись главным устоем, на котором держалась контрактация. Но опыт двух первых кампаний показал, что авансы не могут обеспечить контрактации необходимый размах. Во-первых, авансы сами по себе были невелики и не могли иметь большого значения для контрактующего хозяйства. Во-вторых, авансы создавали для хлебной кооперации постоянные трудности, вытекающие из необходимости переброски на места значительных сумм сверх общего государственного плана финансирования сельского хозяйства. В этом и таился постоянный источник финансового затруднения, который сел.-хоз. кооперации приходилось испытывать при развертывании контрактации. Именно поэтому хлебная кооперация в истекшую

яровую кампанию должна была сократить свой первоначальный план контрактации, который был определен в $5^1/_2$ млн. *га* до 4,6 млн. *га*.

Перед хлебной кооперацией встала вследствие этого задача расширить план контрактации, заменив денежные авансы другими, более вескими выгодами для посевщиков. Эти выгоды были прежде всего даны в виде особых надбавок к государственной заготовительной цене, которые хлебный кооператор обязывался уплатить контрактующим хозяйствам за сдачу их продукции. Надбавки были определены в размере 30 коп. на центнер за сдачу законтрактованного зерна в обусловленный договором срок, затем в 18—24 коп. за центнер за сдачу зерна крупными партиями (80—160 центн.) и, наконец, особая надбавка установлена за сортность сданного зерна в размере 10—15% с рядового зерна. Вся сумма надбавок, при чистосортных посевах достигает 1 р. 50 к. сверх цены рядового незаконтрактованного зерна.

К этим выгодам присоединялась еще целая система льгот и преимуществ, которые предоставлялись контрактующим хозяйствам по сельхозналогу, по кредитованию, снабжению семенами и машинами и по агропомощи. На основе всех этих выгод и надбавок к цене строилась так называемая безавансовая контрактация.

Этот новый вид контрактации сыграл решающую роль в настоящей кампании. За счет развертывания безавансовой контрактации удалось весьма значительно превзойти правительственный план.

Можно совершенно определенно сказать, что все огромное превышение плана контрактации зерновых посевов должно быть отнесено за счет успехов безавансовой контрактации. В этом основной успех яровой контрактации этого года. И это определяет то направление, по которому в дальнейшем должна развиваться контрактация. Контрактация авансовая должна постепенно уступать место контрактации безавансовой. Авансовая контрактация проводится только в бедняцких хозяйствах. Авансы по контрактации используются исключительно для производственной помощи бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам.

Озимая контрактация 1928 г. и яровая контрактация 1929 г. охватит в общей сложности по РСФСР свыше 15,5 млн. *га* зерновых посевов. В результате обеих этих кампаний в распоряжении государства поступит по контрактации 37,5 млн. центн. зерна, из которых около 14 млн. чистосортного зерна.

* * *

В сложной системе агромероприятий, которыми хлебная кооперация обставила контрактацию посевов, первое место занимают тракторные колонны. В тракторной колонне найден один из наиболее мощных факторов социально-технического переустройства крестьянского хозяйства. Нигде сочетание обоих начал реконструкции — технического и социального — не сказалось с такой полнотой и с такой

эффективностью, как в практике тракторных колонн. Тракторные колонны захлестывают индивидуальные межи, устраняют мелкополосицу, чересполосицу, охватывая гигантские массивы, на которых расположены целые земельные общества, целые селения. Молодая практика работы тракторных колонн в сочетании с контрактацией показала, что здесь заложен наиболее доступный и наиболее эффективный путь постепенной коллективизации крестьянского хозяйства. Живые примеры опыта учат, что посредством тракторных колонн переход к общественной обработке земли на сплошной территории в несколько тысяч гектаров в настоящих условиях более реален и приносит большой хозяйственный эффект, чем создание обычных колхозов. Что отличает этот путь коллективизации от того колхозного движения, которое мы знали до сих пор? В практике тракторных колонн мы идем от техники к организации хозяйства. В создании же колхозов не новая или более высокая техника предопределяла чаще всего структуру хозяйства. Об'единялись в колхозы в большинстве случаев хозяйства безынвентарные, маломощные, лишенные необходимой технической базы. В этом основная причина того, что практика колхозного строительства в последнее время дарит нам такие красоты, как карликовые колхозы в 45—50 *га*. Гигантское революцинизирующее значение тракторных колонн в том и состоит, что они создают охватом крупнейших массивов необходимую социальную среду и питаются силами этой среды. Массовый характер производственного кооперирования, который достигается на практике тракторных колонн, позволяет, с одной стороны, мобилизовать силы и средства широчайших слоев крестьянства, а с другой — создает условия для наиболее рациональной нагрузки машинно-тракторной базы. Развитие этой последней в свою очередь способствует дальнейшему расширению производственных об'единений, вырастающих на основе контрактации. Именно в этом теснейшем, органическом сочетании технической базы с соответствующей хозяйственной конфигурацией и заключается вся ценность тракторных колонн и их революционное будущее.

Тракторные колонны в практике хлебной кооперации были сначала созданы по образу и подобию ставшего ныне знаменитым совхоза Тараса Шевченко и опыта работ Одесской сел.-хоз. кооперации. Однако, опыт Украины подвергся существенным изменениям, которые в основном сводятся к следующему. Обслуживаемые колонной земельные общества организуются в производственные об'единения — посевные товарищества, товарищества по общественной обработке земли и пр. Взаимоотношения между производственными зерновыми об'единениями и тракторными колоннами, организуемыми при районных об'единениях хлебной кооперации (Коопхлеб), определяются договорами и долголетней контрактацией посевов. Договор о долголетней контрактации обусловливает: уничтожение межей и об'единение крестьянских наделов в один сплошной массив; введение многополья и правильного севооборота; переход к чистосортным посевам; применение улучшенных агротехнических приемов (зяблевая вспашка, очистка семян, протравливание семян и т. д.); обобществление всех процессов производства, выполняемых тракторной колонной; организованный сбыт через хлебную систему сел.-хоз. кооперации всех товарных излишков зерновой продукции; отчисление в натуре определенного процента от валового урожая (обычно 25—30%) на покрытие расходов тракторных колонн и на образование общественных капиталов; вовлечение сил и средств населения и местных органов в работу колонн.

Система хлебной сел.-хоз. кооперации насчитывает в настоящее время 45 тракторных колонн с 1.182 тракторами. Эти 1.182 трактора обслуживают площадь в 300.660 *га*. В районе действия этих тракторных колонн расположены 219 земельных обществ. В процессе организации тракторных колонн созданы 193 зерновых товарищества и товарищества по общественной обработке земли, об'единивших 16.037 крестьянских хозяйств. По районам тракторные колонны распределяются следующим образом: на Северном Кавказе—8, в Средне-Волжском районе—7, в ЦЧО—12, в Нижне-Волжском—8, в Крыму—2, в Центр.-Пром. районе—1, в Сибири—3, в Татреспублике—1 и в Казакстане—3 тракторных колонны. Практика кооперативных тракторных колонн, развернутая на основе долголетней контрактации зерновых посевов, имела своим непосредственным следствием перевод целых деревень, целых районов в 10—15 и больше земельных обществ (Ахтырская колонна об'единила даже 23 земельных общества) на общественную обработку земли, ликвидацию трехполья, введение рационального севооборота, сведение всей обслуживаемой земельной площади в сплошной крупный массив, создание базы для построения подлинно крупного коллективного зернового хозяйства. О мощном влиянии тракторных колонн на расширение посевной площади можно судить по тому факту, что даже в Козловском округе, в котором совершенно нет свободных земель, распашка колонной межников обещает расширение ярового клина в 1929 г. на 10%. Выбор массивов для тракторной обработки определялся процентом безлошадных и безынвентарных хозяйств, степенью распространенности кулацкой аренды и размером неосвоенных земель.

В среднем на каждый массив приходится около 5.000 *га* земли, а на каждое земельное общество (отдельный севооборот) 1.060 *га*. Минимальный размер массивов 2.500 *га*, максимальный—8.024 *га*.

Нагрузка на 1 трактор составляет около 200 *га*.

По предварительным данным себестоимость вспашки одного гектара колеблется по району от 7 до 9 рублей.

Договоры о долголетней контрактации с тракторной обработкой земли заключались, обычно на срок полного севооборота (от 4 до 12 лет).

Согласно договорам, рабочая сила для всех видов работ предоставляется населением. Одной из важнейших проблем тракторных колонн является использование освобождающихся в связи с переходом на тракторную обработку тягловой силы и рабочих рук. Эта проблема должна найти свое разрешение в введении технических и пропашных культур, увеличивающих трудоемкость хозяйств, затем в насаждении подсобных отраслей хозяйства (молочное хозяйство, садоводство) и, наконец, в организации перерабатывающих предприятий: маслодельных заводов, крахмало-паточных предприятий, фосфоритных мельниц, кирпичных и черепичных заводов и ряда кустарных промыслов. Совершенно очевидно, что разрешение этой сложной проблемы, требующее огромной организации работы и активного участия обслуживаемого населения, по плечу лишь кооперации. Это лишний довод в пользу сосредоточения машинно-тракторной наличности в ведении сел.-хоз. кооперации.

Появление тракторных колонн на первых порах естественно вызовет ожесточенное сопротивление капиталистической верхушки деревни. Но огромные хозяйственные выгоды, связанные с переходом к тракторной обработке земли, в сочетании с налоговыми льготами и прочими преимуществами, предоставляемыми об'единениям контрактантов, раньше или позже сломят сопротивление кулаков. Этот новый метод производственной работы, направленный на охват всех слоев крестьянства, приобретает не только огромное производственное значение, но и призван занять крупнейшее место в системе нашей борьбы с кулацкими элементами крестьянства. Подводя под основную массу крестьянства высокотехническую базу, поднимая их на высшую форму коллективизации, мы тем самым организуем их для борьбы с кулачеством, вырываем корни капиталистической эксплоатации в деревне и подчиняем кулацкую верхушку государственному контролю и регулированию.

Но интересы создания массового обобществленного хозяйства в границах целого селения могут иногда, при наличии злостного сопротивления кулака, вызывать необходимость выделения его за пределы земельного общества.

* * *

Задачу социально-технической реконструкции крестьянского хозяйства тракторные колонны смогут выполнить лишь на основе охвата обслуживаемого населения договорами на долголетнюю контрактацию.

Применявшаяся до последнего времени форма однолетней контрактации явно не соответствует тому об'ему и характеру работ, которые встали перед хлебной системой сел.-хоз. кооперации. Контрактация в своем новом производственном содержании требует более длительной и прочной связи с посевщиком. Нет ни одного более или менее крупного агрикультурного мероприятия, действие

которого целиком сказалось бы на урожае данного года. Ценность всякой агротехнической меры не только в ее непосредственном действии, а в тех „последействиях", которые она оказывает на последующие урожаи. Но эти „последействия" только тогда смогут полностью проявиться, когда агрикультурные меры укоренятся в результате последовательного, в течение ряда лет, применения их на одной и той же территории. Уже один этот момент настойчиво говорит о нерациональности метода однолетней контрактации. Необходимость беспрерывного, из сезона в сезон, возобновления контрактации в одних и тех же хозяйствах осознана хлебной кооперацией, и практика ее фактически идет по этому пути. Но ведь это только лишний раз подчеркивает недостаточность метода однолетней контрактации.

Эти соображения приложимы в отношении даже сравнительно простых технических улучшений и еще больше верны в отношении хозяйственно-организационных мероприятий, проведение которых рассчитано на ряд лет. Основная задача хлебной кооперации сводится к поднятию зерновой продукции путем реконструкции хозяйства, перевода его на рациональную систему севооборота и создания тех социальных форм хозяйства, которые, с одной стороны, обеспечили бы эффективное использование средств производства и, с другой, плановую организацию производства и сбыта.

Излишне доказывать, что четкое проведение сложного организационно-производственного плана хозяйства нельзя обеспечить договором с посевщиками на один лишь сезон, что налагать на контрактантов в порядке одногоднего договора обязательства на выполнение мероприятий, требующих целого ряда лет, является хозяйственной и юридической бессмыслицей. Контрактационные договоры должны заключаться по меньшей мере на срок, равный длительности севооборота.

Долголетняя контрактация строится на следующих принципах. Посевщики обязуются организовать производственный коллектив, который берет на себя задачу планового перехода к общественной обработке земли и общественной уборке урожая; введения севооборота с наибольшей площадью засева зерновых культур за счет сокращения парового клина и травопольного севооборота; применения агрикультурных приемов обработки пашни, улучшения семенного материала (сортирование, протравливание семян и пр.), введения рядовых посевов и, наконец, машинизации основных производственных процессов. Весь товарный остаток зерновой продукции подлежит обязательной сдаче через систему хлебной сел.-хоз. кооперации.

Хлебная кооперация с своей стороны снабжает законтрактованные хозяйства инвентарем, чистосортными семенами, искусственными удобрениями и другими средствами производства, оказывает агропомощь, содействует их землеустройству; обслуживает их тракторными колоннами; там, где хозяйства входят в район их действия

гарантирует надбавки к заготовительным ценам за сортность, партионность и срочность сдачи законтрактованного зерна и открывает посевщикам долгосрочный кредит сел.-хоз. инвентарем и деньгами.

Комплекс обусловленных договором на долголетнюю контрактацию обязательных для посевщиков агрикультурных и хозяйственно-организационных мероприятий предопределяет характер об'ектов, т.-е. размер и род тех посевных об'единений, которые были бы в состоянии провести договор в жизнь.

Система хлебной кооперации уже при однолетней контрактации решила отказаться от заключения договоров с индивидуальными хозяйствами. При долголетней контрактации эта линия должна быть еще более жесткой. Договоры о долголетней контрактации должны заключаться исключительно с крупными производственными об'единениями, с земельными обществами, селениями обладающими площадью в размере, обеспечивающем полную нагрузку сложных машин. Минимальный размер этих об'единений определен в 2.000 *га* пахотной земли.

Дело реконструкции крестьянского хозяйства методом долголетней контрактации само по себе требует солидных капиталовложений. Средства на проведение долголетней контрактации в основной своей массе должны быть почерпнуты из общих кредитов, направляемых государством по различным каналам в сельское хозяйство и, кроме того, при помощи вовлечения средств самого населения. Больше того, сел.-хоз. кооперация должна получить уверенность, что все эти кредиты пойдут прежде всего туда, где проводится долголетняя контрактация.

* * *

Метод долголетней контрактации положен хлебной кооперацией в основу строительства крупных зерновых хозяйств. Это строительство идет тремя путями: по линии укрупнения мелких коллективных хозяйств, по линии об'единения окрепших коммун и колхозов со смежными колхозами и вовлечения в них окрестного населения и, наконец, по линии использования новых крестьянских земель и переселенческих фондов.

Во всех этих трех видах организации крупных зерновых хозяйств хлебная кооперация отнюдь не стремится к одинаковой уставной форме. Нам выше уже пришлось отметить, что на первых порах хлебная кооперация не ставит себе цели полного обобществления всех производственных процессов, допуская сохранение внутри каждого об'единения их прежних уставных форм. Из об'единений с различными элементами обобществления нельзя сразу же построить одно целостное крупное зерновое хозяйство с заранее данным уставом. Но постепенно создаваемые технические предпосылки, перестраивающие хозяйственный быт, позволят в течение ряда ближайших лет превратить простейший вид коллективного зернового хозяйства

в более совершенный колхоз с полным обобществлением всех элементов хозяйства. И это, несомненно, наиболее приемлемый для масс путь коллективизации сельского хозяйства.

Но на ряду с этой основной предпосылкой хлебная кооперация вводит для организуемых этим методом крупных хозяйств обязательный минимум обобществления, состоящий из следующих трех элементов: обязательного обобществления пахотной земли, обязательного обобществления машин и орудий и обязательного совместного сбыта товарной продукции сел.-хоз. кооперации.

Организуемое на базе долголетней контрактации крупное хозяйство имеет в основном зерновое направление. Это, конечно, не исключает возможности развития внутри крупного зернового хозяйства других отраслей хозяйства — животноводческой, маслодельной, птицеводной и др. Для обслуживания этих отраслей сел.-хоз. производства могут привлекаться другие системы сел.-хоз. кооперации, напр., Маслоцентр, животноводческая или птицеводная кооперация и т. д.

С другой стороны, строительство крупных хозяйств хлебная кооперация должна производит совместно с Колхозцентром на основе определенного разграничения функций, обеспечивающего за хлебной кооперацией руководство организацией зернового производства. Таковы общие принципы строительства крупных коллективных зерновых хозяйств.

В 1929 г. хлебная кооперация поставила себе задачей провести строительство крупных зерновых хозяйств на общей площади в 1 млн. *га*.

* * *

В системе агромероприятий, проводимых хлебной кооперацией, особое место отведено задаче организации показательных районов.

Цель показательных районов—поставить осуществление основных агромероприятий, проводимых на основе контрактации посевов, как подлинно массовую работу. В разрешении этой задачи должна участвовать вся партийная, советская и кооперативная общественность.

В этих районах все средства, отпускаемые на дело поднятия сельского хозяйства, вся материальная помощь, идущая в деревню, сливается в одно русло и направляется на осуществление комплексного минимума агротехнических мероприятий на посевных площадях целого административного района.

В показательном районе дается сгусток всех мероприятий по переустройству сельского хозяйства. Здесь одновременно проводится сплошное землеустройство, многополье, засев посевной площади района чистосортными семенами, очистка и протравливание семян, зяблевая вспашка, плужная обработка и т. д.

В селениях, входящих в показательные районы проводится сплошная контрактация посевов и максимальное производственное кооперирование крестьянских хозяйств.

Комбинированные усилия, концентрированное использование всех наличных средств преследуют двоякую цель: с одной стороны, выявить методом комплексного воздействия фактические возможности в области переустройства крестьянского хозяйства, а с другой — дать наглядный пример эффективности проводимых мероприятий, направляющий хозяйственную инициативу широких крестьянских масс к переустройству своего хозяйства на более высокой технической основе в коллективных формах. Организация показательных районов поэтому совершенно правильно оценивается хлебной кооперацией, как подготовительная ступень к организации крупных коллективных зерновых хозяйств.

В 1928 г. хлебная кооперация организовала шесть показательных районов: в ЦЧО — Ржаксинский и Инжавинский районы Тамбовского округа; по Средне-Волжской области — Кинельский район Самарского округа; по Нижне-Волжской области — Краснокутский район Немреспублики; в Тульской губернии — Воловский район; по Северн. Кавказу — Кущевский район.

В настоящее время в системе хлебной кооперации имеется уже 19 показательных районов, следующим образом распределяемых по районам: Северный Кавказ — 6, ЦЧО — 4, Крым — 2, Урал — 1, Татреспублика — 1, Башреспублика — 1, Средне-Волжский район — 1, Нижне-Волжский район — 3 показательных района.

В настоящее время выделены, по соглашению с местными органами, в качестве показательных следующие районы:

1) По ЦЧО — Ржаксинский и Инжавинский районы Тамбовского округа.

2) По Средне-Волжской области — Кинельский район Самарского округа.

3) По Нижне-Волжской области — Краснокутский район Немреспублики.

4) По Северному Кавказу — Воловский район.

В двух районах Тамбовского округа, которые были выделены, в первую очередь осенью прошлого года зяблевая вспашка была проведена почти на 90%, также заканчивается поселенное и внутри хозяйственное землеустройство.

* * *

Результаты трех первых кампаний по контрактации зерновых посевов, несомненно, огромны. В последней яровой кампании в районах контрактации хлебная кооперация охватили от 40 до 50 проц., а в некоторых районах даже до 90% всего ярового клина под хлебами. Но можно с полной ответственностью утверждать, что итоги были бы гораздо значительнее, если б было

усвоено, наконец, что контрактацию нельзя проводить, не распоряжаясь кредитом и снабжением крестьянских хозяйств, что контрактация только тогда сможет принять подлинно производственный и подлинно массовый характер, когда она будет опираться на всю массу материальных средств, направляемых в деревню.

Мы выше уже показали, что авансы становятся слишком шаткой базой для здорового развития контрактации. Контрактация, построенная на одном лишь принципе авансирования может превратиться в колосс на глиняных ногах.

Принцип специального авансирования уже превзойден в процессе развития контрактации, он уже не соответствует той огромной роли, которую контрактация призвана сыграть в развитии нашего сельского хозяйства. Необходимы иные хозяйственные стимулы, способные побудить крестьянство контрактовать свои посевы и оставить авансы, главным образом, для помощи, наиболее неимущим, безынвентарным, бедняцким хозяйствам.

Вместе с тем чисто рыночный стимул, содержащийся в надбавках к заготовительной цене и легший в основу безавансовой контрактации, несмотря на всю свою ценность, в настоящих условиях разрыва между заготовительными и рыночными ценами уже может оказаться недостаточным. Необходимо изыскать более веские, более действенные побудительные моменты.

В резерве хлебной кооперации частично имеется другой источник средств для развертывания контрактации, источник, мощность которого трудно определить, но который, несомненно, призван сыграть решающую роль в дальнейшем развитии контрактации. Это — область производственного кредитования и снабжения, открывающая богатейший арсенал средств хозяйственного стимулирования контрактации зерновых посевов. Этот источник должен быть целиком в ее распоряжении, за исключением той части, которая идет в распоряжение совхозов.

Вряд ли придется долго доказывать, что одним из наиболее вопиющих дефектов нашей работы в деревне до сих пор заключался в том, что мы не задавались целью все производственные кредиты, все машиноснабжение, агрообслуживание, снабжение чистосортными семенами и проч. теснейшим образом увязать с плановым воздействием на производственные процессы крестьянских хозяйств, что мы оставляли совершенно неиспользованным этот могучий рычаг производственного воздействия на крестьянское хозяйство.

Кроме обычных 6—7% годовых, отпуск производственных кредитов, по существу говоря, не обусловливался ничем. Снабжение средствами сел.-хоз. производства в подавляющем большинстве случаев не обставлялось никакими обязательствами рационального использования их посевщиками. Кредиты и средства пускались в море

крестьянских хозяйств „без руля и без ветрил". Это — темнейшая сторона финансирования и машиноснабжения нашего сельского хозяйства. На это зло нельзя переставать указывать, ибо здесь коренится одна из важнейших причин того хаотического и расточительного использования средств сел.-хоз. производства, о котором так ярко говорят недавно опубликованные материалы НК РКИ по обследованию советских органов, работающих в деревне.

По этим материалам не менее $^2/_3$ чистосортного семенного материала в 1927 г. уходило или на продовольственные нужды или же распылялось по случайным индивидуальным хозяйствам и, таким образом, теряло свои селекционные достоинства и обесценивались.

В высокой степени характерны цифры о степени нагрузки сел.-хоз. машин и орудий. По этим же данным земельных органов у нас на один триер приходится 250 центн. зерна в год, между тем как при надлежащем использовании машины за то же время можно пропустить до 2.500 центн. Иными словами, имеющиеся в настоящее время в сельском хозяйстве 30.000 триеров производят у нас ту же работу, какую могли бы выполнить 3.000 триеров. Та же картина в отношении тракторов. Опыт тракторных колонн показал, что один трактор в переводе на пахоту может обработать в среднем до 200 центн. Наши же тракторы, вследствие их распыленности и неполной нагрузки (нагрузка в 30—35%) едва выполняют $^1/_3$ нормальной производственной работы. В результате наши наличные тракторы (около 30.000 штук) достигают того же производственного эффекта, какой могла бы при правильном использовании достигнуть треть этого числа. „Иначе говоря,—читаем мы в материалах НК РКИ,—мы можем втрое против нынешнего увеличить значение тракторов и впятеро увеличить значение триеров, совершенно не увеличивая даже количества тракторов и триеров, а только полностью их нагружая". Не менее скверно используются и наши прокатные пункты.

Вот несколько поистине скандальных фактов.

По материалам обследования 32 прокатных пунктов в Саратовской губ. орудия по под'ему почвы работали в среднем 4 дня в году, сеялки—6 дней, уборочные машины—4 дня, молотилки—23 дня, зерноочистительные машины—6 дней. По Белоруссии на проверенном инспектором РКИ прокатном пункте сеялки были использованы на территории 9 *га* в 1926 г. и на 7 – в 1927 г. В Воронежской губ. одна сеялка прокатного пункта работала в среднем 3 дня, уборочная машина—4 дня, пахотное орудие – 1,8 дня (Бобровский уезд) и т. д.

Нужны ли более яркие доказательства нашей расточительности в использовании тех скудных средств сел.-хоз. производства, которые у нас имеются, расточительности, вызываемой полнейшим отсутствием плана расходования и распределения наличных средств.

Бесплановости в финансировании и снабжении крестьянских хозяйств средствами производства нужно решительно положить конец. Этот вопрос со всей остротой ставится ныне сел.-хоз. кооперацией.

Создание солидного специального фонда контрактации было бы и чрезвычайно затруднительным и нецелесообразным. Это означало бы разбить всю массу средств, направляемых в деревню, на два русла и тем ослабить силу каждого из них в отдельности. Это значило бы заранее сузить размах контрактации очертить вокруг нее предел, кои не преидеши, обречь контрактацию на роль островка в безбрежной стихии крестьянских хозяйств.

Огромное революционизирующее значение контрактации, долженствующей стать основным стержнем нашей работы в деревне, требует большего. Постепенно „вгрызаясь" в толщу крестьянства, охватывая массив за массивом, об'единяя на почве производственного кооперирования миллионы индивидуальных крестьянских хозяйств, контрактация должна стать главнейшей организующей силой сельского хозяйства. И это обязывает подчинить весь план производственного кредитования сельского хозяйства плану контрактации, весь поток производственной помощи крестьянству, направляемый по всем основным каналам—по линии землеустройства, мелиорации, в фонд реконструкции ЦЧО, в фонд бедноты, все машинное и семенное снабжение и пр., пустить, прежде всего, в районы контрактуемых хозяйств. И, наоборот, нужно проводить массовую контрактацию в тех районах, куда эта помощь земорганами направляется. Каждая копейка, направляемая нами в деревню, должна быть обставлена обязательством со стороны посевщика вступить в производственное об'единение (посевное товарищество, товарищество по совместной обработке земли и др.), проводить строго определенный минимум агротехнических улучшений и сдавать определенную часть товарного зерна в кооперацию. Разумеется, это ни в коей мере не должно внести какого-либо изменения в нашу классовую политику распределения производственных кредитов и средств производства. Все кредиты и машины должны направляться исключительно в бедняцко-середняцкие хозяйства.

Все производственное кредитование и снабжение, идущее в деревню, должно рассматриваться как своего рода „аванс" под обязательство посевщика выполнить договор на контрактацию посевов. И только тогда контрактация станет подлинным орудием переустройства деревни, только тогда она превратится в надежное средство развития зернового хозяйства на социалистических началах.

В контрактации посевов должны быть живейшим образом заинтересованы и наши кредитующие и снабженческие организации. Элементарная хозяйственная целесообразность должна диктовать

им необходимость теснейшим образом увязывать все машиноснабжение и кредитование сельского хозяйства с контрактацией. Пора перейти к расчетливому использованию наших скудных технических средств, к сосредоточению их, главным образом, на тех участках сельскохозяйственного фронта, которые обеспечивают им наибольшую эффективность. На развернутом фронте борьбы с отсталостью нашего зернового хозяйства самые надежные в этом отношении позиции находятся в руках хлебной кооперации, строящей всю свою работу на контрактации посевов.

Вопрос об увязке производственного кредитования и снабжения с планом контрактации, несмотря на его совершенную ясность, до сих пор еще полностью не разрешен. До сих пор хлебная кооперация все еще гоняется за ясным и безоговорочным ответом и не получает его. А всякое колебание, всякая половинчатость в этом основном, кардинальном вопросе хлебной кооперации грозит свести на-нет значение контрактации, сломать это ценнейшее орудие реконструкции крестьянского хозяйства. К этому вопросу сводятся все больные вопросы хлебной кооперации. Всякие иные меры, кроме указанных, были бы лишь паллиативами и отдалили бы цель, к которой идет сел.-хоз. кооперация,— к последовательно социалистическому переустройству деревни на основе производственного кооперирования крестьянских хозяйств.

М. Аронович

Задачи стандартизации в реконструкции промышленности

В разрешении проблем реконструкции промышленности, поднятия ее на более высокую техническую базу чрезвычайно важно правильно выбрать основные факторы, которые приводят кратчайшим путем к решению этих проблем. По пятилетнему плану развития промышленности общая сумма капитальных вложений в промышленность на протяжении пятилетия должна составить около 18 миллиардов рублей (в ценах 1927 г.), которые в значительной степени должны быть взяты из накоплений самой промышленности за счет ее рационализации. Достаточно сказать, что директивное снижение себестоимости на пятилетие составляет 35% (37,5% по группе *А* и 32% по группе *Б*), по строительству же — 47%. Выполнение этих задач, от которых зависит успех всего нашего социалистического строительства, возможно только при максимальном использовании в промышленности последних идей и достижений в области науки, техники и организации, которые должны изменить полностью физиономию промышленности, поставив ее на ряду с наиболее передовыми капиталистическими странами. В частности, для ближайших лет образцовыми для нас должны быть методы и, в особенности, организация производства С.-А.С.Ш.

Характерной чертой современной американской промышленности, выдвигающей ее по количеству и по дешевизне продукции на первое место, несомненно является массовость производства стандартных изделий. Стоимость автомобиля на предприятиях Форда и Дженераль Моторс, при выпуске тысяч штук в день, составляет 300 долл., на европейских заводах при выпуске сотен автомобилей они в 5 раз дороже, на нашем заводе „АМО“ при выпуске единиц — в 10 раз дороже. Постановление III пленума ЦКК о рационализации производства прямо указывает, что „необходимо поставить главной задачей для всех отраслей промышленности переход от универсального производства к массовому обеспечивающему повышенный выпуск продукции, на базе пониженной себестоимости и повышенного качества изделий“. Обязательным условием для проведения массового производства является предварительная стандартизация и в этом смысле роль последней в реконструкции является исключительной.

Реконструкция нашей промышленности в основном протекает в двух направлениях: 1) по линии рационализации, представляющей собой перестройку технико-производственного и организационного аппарата в пределах существующего основного капитала и 2) по линии реконструкции, не ограничиваемой прежними рамками, а проводимой на основе максимального и наиболее эффективного использования наших производственных преимуществ (естественных богатств СССР, возможностей заимствования мировых технических достижений нашего планового хозяйства и т. д.).

Каковы задачи и возможности стандартизации при ее проведении на существующих предприятиях? Устанавливая ассортиментные и типовые стандарты изделий, мы облегчаем возможность проведения всех рационализаторских мероприятий, сопутствующих массовому производству. При наличии стандарта изделия, раньше всего становится возможной специализация предприятия. При этом, даже при отсутствии какого-либо переоборудования, возрастают все технические и экономические показатели производства. При наличии стандарта продукции становится возможной полная стандартизация всего производства, наблюдаемая сейчас на многих американских предприятиях[1] (стандартизация сырья, поступающего на завод, полуфабрикатов при их переходе из цеха в цех, многих технологических процессов, методов контроля и учета и т. д.). Таким образом, стандартизация продукции облегчает возможности нормализации всего производства, изучение его, нахождение наиболее рациональных методов, устранение всех потерь в производстве, во времени, в материале, в человеческом труде. В этом направлении в нашей промышленности, как известно, имеются громадные резервы как по поднятию производительности труда, так и по удешевлению продукции.

Стандартизация дает возможность провести и более широкие мероприятия по рационализации. При наличии стандарта оправдывается установка специальных автоматов, приспособленных только для данного изделия, что несет с собою громадное повышение производительности труда. Только при наличии специализированного массового производства становится возможной поточная система, представляющая собой жестоко стандартизованное во времени и пространстве, да и во всех остальных деталях, производство. При наличии стандарта изделий облегчается кооперирование нескольких предприятий, где каждое изготовляет детали изделия, подлежащие сборке на специальных сборочных заводах.

В мировой рационализаторской практике имеется не мало примеров, служащих подтверждением сказанному. Американская автомобильная промышленность идет именно по пути предварительной

[1] Такую работу уже производят и некоторые наши наиболее передовые заводы — Харьковский электр.-механ. завод, завод „Динамо“ в Москве, некоторые ленинградские металлозаводы и др.

стандартизации, что и привело ее к значительным достижениям в области себестоимости. Здесь речь идет не об общеамериканских стандартах, которых очень немного и которые охватывают только некоторые общие детали машин, а о стандартах отдельных фирм.

Преимущества нашего планового хозяйства, позволяющие устанавливать обязательные стандарты, дают также и большие возможности по повышению эффективности стандартизации. Необходимо только, чтобы вслед за установлением стандартов в промышленности действительно проводились бы те рационализаторские мероприятия, которые стандартизация вызывает, иначе все ее значение будет сведено к нулю. Так, например, в ближайшее время вводится единая система допусков, дающая громадные возможности по кооперированию предприятий машиностроения. Но если мероприятия по специализации и кооперированию не будут осуществляться, значение нашего нового стандарта будет значительно снижено. В этом отношении у нас наравне с благоприятными фактами имеются также и весьма неблагоприятные. Так, на наших заводах имеются чрезвычайно широкие ассортименты болтовых изделий и инструментов, далеко не соответствующие установленным стандартами сокращенным сортаментам (в частности, на некоторых заводах применяются наборы сверл с изменениями через 0,1 *мм*). В результате излишне больших и произвольных ассортиментов почти все заводы сами заготовляют для себя болтовые изделия и инструмент. Проведение установленных стандартов в жизнь, централизация производства на специальных заводах, что вполне возможно благодаря стандартизации, могли бы сэкономить металло- и электропромышленности большие средства. То же можно сказать и в отношении стандартизуемых чистых резьбовых изделий, валиков, шпонок и т. п., которые в настоящее время изготовляются для собственных надобностей всеми нашими заводами совершенно кустарными способами. Необходимо централизовать изготовление чистых изделий и снабжение ими заводов, что может быть осуществлено только при выпуске чисто-тянутых металлов, которые, однако, теперь почти не производятся.

На ряду с этим мы имели случаи очень эффективного проведения стандартов в промышленности. Так, при сокращении ассортимента хлопчато.-бумажн. тканей, произведенном ВСНХ, из 2.626 сортов тканей, производившихся в 1924 г., к 1927 г. оставлено в производстве лишь 187. В дальнейшем текстильными трестами была проведена специализация фабрик по немногим сортам этих тканей; на ф-ке „Пролетарская“ в Твери число сортов готового товара снижено с 500 до 42, Саввинская мануфактура в количестве 538 станков вырабатывает только один сорт товара; ее прядильная фабрика заготовляет только два номера пряжи. Точно также после сокращения сортамента черных прокатных изделий ряд металлургических заводов специализировал свои цеха. На завое им. Дзержинского число прокатываемых размеров в 1927/28 г. составляло только 4% от числа их в

1913 г. (56 размеров вместо 1.312); на завод им. Томского соответственно 6% (93 и 1.592 размера). По некоторым прокатным цехам удалось достигнуть того, что прокатка идет по 10 дней и более без перерыва, тогда как раньше перевалка производилась почти ежедневно. По мелкосортному стану № 6 завода им. Петровского в результате сокращения ассортимента и специализации цеха среднемесячная производительность с 1.745 тонн в 1924/25 г. возросла до 3.360 тонн в 1927/28 г., что составляет 192% от первоначальной цифры.

Имеющиеся немногие примеры выявленной эффективности наших стандартов указывают на большие возможности в этом направлении. Так, по данным Ленинградского спичечного треста экономия от введения нового стандарта спичек дала снижение себестоимости ящика спичек на 20 коп. При выпуске годовой продукции свыше 5 млн. ящиков экономия должна составить около одного миллиона рублей. Введение стандарта на гильзы и упаковку папирос по одному только Ленинградскому тресту уже дало около 600 тыс. экономии. По всем фабрикам экономия от этого стандарта (несмотря на то что он еще не подлежит проведению полностью) должна составить в текущем году свыше 5 млн. руб. По линии маслобойной промышленности введение стандартной нормы содержания масла в жмыхах увеличило выход масла, годовая стоимость которого оценивается в сумме около 800 тыс. руб. (к сожалению, на практике мелкой промышленности имеются отступления от этого стандарта). В результате введения нового стандарта кирпича стоимость кирпичных зданий должна снизиться не меньше чем на 2%.

Подсчеты эффективности стандартов очень трудны, но многие факты позволяют утверждать о громадном рационализирующем влиянии, какое имеют наши стандарты в существующей промышленности. Еще большую значимость приобретают задачи, которые стоят перед стандартизацией при реконструкции промышленности, в смысле обновления ее основного капитала.

При постройке новых предприятий, при коренной перестройке старых (как это намечается, например, по заводам Гомзы и Югостали) мы уже должны обязательно ориентироваться на массовые способы производства, на обязательную стандартизацию продукции. Для машиностроительных заводов это, в частности, обозначает выбор определенного типа изделий с минимальными вариациями, ибо в современном машиностроении вся техническая и организационная структура предприятия, расположение его зданий, специальное оборудование и т. д.,—все должно быть рассчитано только на этот единый тип, выбранный еще до составления проекта. Только при выполнении этих условий можно рассчитывать на постройку современного предприятия массового и дешевого производства. В настоящее время это уже осознано, и для вновь строящегося автомобильного завода во всех инстанциях совершенно правильно ведется спор

о типе машин. В недавнее же время, при постройке сталинградского тракторного завода, этот вопрос не был обсужден с достаточной полнотой и в тип трактора были внесены изменения тогда, когда строительство уже началось. Несомненно, что изменение обойдется в значительную сумму, и единственным утешением здесь может быть только то, что вновь выбранный тип будет действительно отвечать нуждам сельского хозяйства и основным линиям политики в данном вопросе.

Но вот пример, который относится к более ранним временам (1926 г.). При постройке Ростовского комбината сел.-хоз. машин, который должен обойтись в 45 млн. руб., не были твердо установлены типы машин подлежащих изготовлению на заводе. Производственные программы и типы менялись уже в момент постройки, и можно заранее сказать, что, в результате, технико-экономические показатели вновь строящегося завода далеко не достигнут тех цифр, какие можно было бы ожидать при рациональном выборе типов машин до проектирования завода.

При имеющихся тяжелых уроках тем более недопустимым является отсутствие до последнего времени окончательного типа большегрузного вагона, который должен быть предложен нашими транспортными органами. Несомненно, строительство новых заводов большегрузных вагонов при отсутствии типа этих вагонов — недопустимо.

В одинаковой мере все сказанное о предварительном выборе типа продукции, который должен служить основой массового производства, может быть отнесено к реконструкции любого производства. Стандарт изделия представляет в настоящее время для каждого вновь строящегося предприятия генеральное задание, по технико-экономическим показателям которого должно вестись проектирование.

Установление до начала проектирования научно-обоснованного стандарта могло бы избавить нас от многих из тех ошибок, какие имеются в нашем капитальном строительстве. Так, тщательная проработка вопроса о стандарте продукции для реконструируемого Керченского металлургического завода не могла бы быть произведена без стандартизации сырья — руды, флюсов и т. д. При этом стало бы ясно, что керченская руда не может быть пущена в доменное производство без предварительной агломерации в специальных печах; точно также выяснилось бы высокое содержание кремния, что требует дополнительного устройства так называемых форфришеров. Но эти обстоятельства были почему-то выяснены уже после пуска завода в ход. В результате всех недосмотров Керченский завод обойдется во много раз дороже первоначально намеченной цифры, пуск его может быть произведен только при условии прибавки к керченской руде 50% дефицитной криворожской руды и временном пропуске всего чугуна перед томасов-

скими конвертерами через вагранки. Чтобы устранить все эти ненормальности, понадобятся специальные устройства и, несомненно, стоимость керченского чугуна в ближайшие годы будет выше, нежели на старых предприятиях Югостали. Пример керченского завода является отличным показателем того, как не надо проектировать при капитальном строительстве. Точно так же, как в свое время понадобилось специальное постановление правительственных органов о воспрещении строительства без наличия проекта, теперь назрела необходимость издания нового постановления, воспрещающего проектирование без наличия стандарта продукции.

Все сказанное о значении стандартизации в капитальном строительстве далеко не исчерпывает всех задач в реконструкции промышленности, ибо они значительно шире. Стандартизация должна вмешаться в самую глубь реконструктивных процессов, поставить вехи для этих процессов в виде стандартов, при чем самое главное—заблаговременно расставить их в перспективных планах промышленности. Эта задача определяет и очередность работ по стандартизации, ибо если мы, например, принимаем, что в основу всей реконструкции промышленности ставится электрификация, то необходима, в первую очередь, разработка стандартов в этой области. И в самом деле, о каком широком плане электрификации можно говорить не имея стандартов напряжений для электропередач или основных стандартов для электромашин и трансформаторов, для сельских агрегатов и т. п.?

Связываясь с проблемой реконструкции, стандартизация не может пройти, например, мимо проблемы сырья, которая в продолжение всего ближайшего пятилетия будет стоять весьма остро. Проблема использования новых видов сырья, увеличения процента суррогатов, замена органических видов сырья неорганическими, над чем работает вся современная техника, должна получить свое отражение в стандартизации. Замена нефти продуктами каменноугольной перегонки, натурального шелка, шерсти, каучука, кожи — искусственными продуктами, замена дефицитных цветных металлов другими,— все эти вопросы должны войти в программы нашей стандартизации.

Еще пример. Реконструкция горнорудного дела и металлургии для ближайшего времени будет протекать под знаком широкого применения обогатительных устройств всякого рода — аггломерационных, флотационных и т. д. Стандартизация должна обслужить эти новые устройства. Точно также, учитывая постройку новых тракторного и автомобильного заводов, необходимо в первую очередь разработать стандарты для специальных сталей, крайне важных для этих машин.

В связи с задачами, стоящими перед стандартизацией при реконструкции промышленности, понадобится изменение всей методики работ. В настоящее время наши стандарты, созданные

для текущих потребностей народного хозяйства, как и в заграничной практике стандартизации, отражают производственные возможности существующих предприятий и настоящего дня. Для нужд же реконструируемой промышленности нам нужны другие стандарты, соответствующие основным задачам реконструкции в данной отрасли.

Если в настоящее время нами установлен стандарт суперфосфата, соответствующий возможностям наших суперфосфатных заводов, то для реконструируемой на новых принципах фосфоритной промышленности нужны особые стандарты. Эти стандарты должны служить как бы заданием при проектировании новых предприятий. То же в области нефтепродуктов, где нужны специальные исследования по свойствам наших нефтей и их использованию, благодаря появлению в последнее время новых факторов — тракторных потребителей, газовых и крэкинговых бензинов и т. д. То же для многих химических продуктов, для которых уже нами установлены технические стандарты; однако, для нужд реконструирующейся промышленности, возможно, понадобятся иные стандарты, так называемые „рациональные". В этом смысле необходима теснейшая увязка стандартизации с нашими научно-исследовательскими институтами. Последние должны получать задание по обследованию разных вопросов, относящихся к стандартизации, и наоборот—достижения научно-технических институтов, проверенные на практике, должны вводиться в стандарты и, таким образом, передаваться в промышленность. Это в равной степени относится к стандартам машин, орудий и двигателей, улучшенные типы которых должны изыскиваться в особых научно-исследовательских институтах, еще отсутствующих в настоящее время.

Таковы те огромные задачи, которые стоят перед стандартизацией при рационализации нашей промышленности и всей ее реконструкции. Для правильного решения этих задач, для достижения той эффективности, которую мы в праве ожидать в обстановке нашего планового хозяйства, необходимо проведение стандартизации по определенному плану. Проблема плановости и очередности, проблема увязки с перспективными планами промышленности становится основной.

Известное постановление ЦКК ВКП(б) о рационализации, отмечая наличие определенных достижений в области стандартизации, указывает в то же время, как на основной дефект, на отсутствие достаточной плановости работ по стандартизации и связи их с перспективными планами развития промышленности. Постановление ЦКК дает определенные директивы к составлению этих планов стандартизации.

Необходимость и важность составления такого перспективного плана чувствуется всеми участниками работ по стандартизации. Работы эти получили в последнее время значительное развитие, количество стандартов, утвержденных к обязательному применению уже

достигает 560, количество проектов находящихся в разработке превышает 1.000. Но, несомненно, благодаря отсутствию плановости в этих работах, а главное отсутствию достаточной увязки с планами промышленности, эффективность этих больших работ значительно снижается.

В работах по промышленной стандартизации до последнего времени этого общего плана не было. Работы производились по годичным программам, стремившимся удовлетворить текущие и срочные нужды народного хозяйства по сокращению безобразно больших ассортиментов (текстиль, прокат), по установлению качественных стандартов на наиболее употребительные материалы и изделия. В число первых об'ектов стандартизации попали все, имеющие наибольший рыночный удельный вес, и вот почему при наличии 560 стандартов стоимость стандартизованной продукции составляет не менее 40% всей продукции промышленности. Подобное направление работ на первых порах было вполне естественно, но в настоящее время оно уже не удовлетворяет запросам народного хозяйства, основным задачам той технической революции, которая происходит в промышленности на наших глазах. С удовлетворением первых нужд (а в настоящее время можно говорить о значительном удовлетворении стандартами целых отраслей, в первую очередь, химической, пищевкусовой, топливной, частично текстильной и металлической), необходима разработка общего плана дальнейших работ по стандартизации. Этот план должен быть теснейшим образом увязан с пятилетним планом самой промышленности, ибо как самостоятельный план он не имеет никакого значения и смысла. План стандартизации, наравне с остальными мероприятиями по рационализации, должен входить в планы промышленности, находя отражение в элементах себестоимости, качества, характера производства (специализация, кооперирование предприятий).

Основной проблемой в нашем плане стандартизации является проблема об'ема и темпа работ. В настоящее время работы в ВСНХ СССР производятся в 120 комиссиях и все же имеются еще отрасли промышленности, до сих пор не охваченные работой по стандартизации. Из таких отраслей можно назвать прежде всего горнорудную со многими ее разделами, как железорудную, золото и серебро-рудную, азбестовую, графитную, озокеритовую и многие другие. Стандартизация во всех этих областях крайне важна. Так, обследование доменного хозяйства Югостали показало, что отсутствие стандарта железных руд отрицательно отзывается на качестве и себестоимости металла; по нашему азбесту, несмотря на его высокое качество, мы в результате отсутствия стандарта при экспорте недовыручаем большие суммы. В области металлопромышленности некоторые значительные отрасли, как, например, производство металлотоваров для широкого рынка — скобяных, железной, посуды и т. д., также остаются вне стандартизации. По всем этим отставшим отраслям работы должны быть начаты уже в ближайшее время.

Что касается общего темпа работ, то он несомненно может быть значительно усилен. Если количество стандартных листов, выпускаемых в Германии в настоящее время, превышает 500—600 в год, то в наших, исключительно благоприятных условиях имеются все данные за то, чтобы это число превысить уже в ближайшие годы. До настоящего времени количество утверждаемых у нас стандартов ежегодно составляло: в 1925/26 г.—30; в 1926/27—100; в 1927/28—220. По расчетам число утверждаемых стандартов в годы ближайшего пятилетия должно составить: в 1928/29 г.—350; в 1929/30 г.—500; в 1930/31 г.—700; в 1931/32 г.—900 и в 1932/33 г.—1.300. Таким образом, к концу пятилетия общее количество стандартов должно составить не менее 4.000.

Проблема темпа в нашей работе по стандартизации остается основной и она должна найти свое отражение в пятилетнем плане, как минимум в приведенных цифрах.

Намечая для промышленной стандартизации „контрольные" цифры такого порядка, мы должны при этом правильно разрешить проблему последовательности и первоочередности, чтобы итти вровень с запросами реконструирующейся промышленности. Раньше всего здесь возникает проблема капитального строительства и новых производств, о которой мы уже говорили выше. Соответственно планам нового строительства, планы стандартизации должны быть построены таким образом, что бы ни одно предприятие не приступало к постройке и проектированию, не имея необходимого стандарта. Введение новых методов в производство на основе как иностранной практики, так и достижений наших научно-технических институтов, должны быть равно учтены при составлении планов стандартизации. Последнее обстоятельство требует поэтому тесной увязки не только с пятилетними планами промышленного развития, но и с пятилетками научно-исследовательской работы в Союзе.

Установление стандартов для новых производств, повидимому, не только потребует составления новых стандартов, но и пересмотра старых, что обязательно должно быть учтено при составлении плана. Можно приблизительно считать, что все стандарты должны обязательно пересматриваться один раз в 4—5 лет и, следовательно, в ближайшем пятилетии должно быть пересмотрено не менее 25% всех стандартов от намечаемых нашими „контрольными" цифрами.

Наравне с проблемой новых производств очередность в выборе об'ектов должна решаться соображениями экспорта и импорта. Развитие народного хозяйства Союза в сильнейшей степени зависит от развития промышленного экспорта, поэтому удовлетворение экспорта стандартами является неотложной задачей.

У нас есть не мало примеров убыточности наших выступлений на заграничных рынках без товарных стандартов, как это было при экспорте щетины, костяного клея и др. Что касается импорта, то здесь важна стандартизация ввозимого оборудования, дабы не засорять попрежнему рынка разнородными и неподходящими типами, как это сейчас происходит. В той же степени важны технические условия приема импортных материалов и оборудования, которые должны служить для защиты потребителей СССР от возможности ввоза недоброкачественных товаров.

Максимальное отражение в перспективном плане работ по стандартизации должна найти проблема энергетики, поскольку последняя представляет базу для всей работы по реконструкции промышленности. Необходима выработка стандарта для основных видов топлива, что могло бы разрешить важнейшую задачу по правильному районированию топлива и топливоиспользования.

Необходима также выработка стандарта для предметов оборудования энергохозяйства — паровых котлов, двигателей и т. д.

К приведенным основным задачам построения пятилетних планов по своей важности примыкает проблема стандарта машиностроения и оборудования для всех отраслей промышленности. Можно считать несомненным, что основным показателем индустриализации всякой страны в настоящее время надо считать степень развития в ней машиностроения. Это легко видеть на примерах Соед. Штатов и Германии и, в особенности, Франции, чрезвычайно развившей в последние годы свою промышленность, именно на почве собственного машиностроения. Проблема машиностроения важна для нас и потому, что она решает также проблему независимости в развитии всех отраслей промышленности.

До настоящего времени работы по стандартизации оборудования развивались у нас сравнительно слабо, — кроме небольшого числа рабочих по текстильному и нефтяному оборудованию, а также известных работ, проделанных машиностроительными трестами (Гомзы, Ленмаштреста, Укрсельмаш, ГЭТ) в порядке специализации своих предприятий, у нас ничего не сделано. Между тем, здесь возможны особенно большие достижения, которые должны иметь исключительное значение как для потребителей оборудования, обеспечивая получение массовой, дешевой и испытанной машины, так и в особенности облегчить постановку машиностроения по целому ряду отраслей, оборудование для которых у нас в прошлом не производилось, как-то для химической, пищевкусовой, текстильной, кожевенной, бумажной, для строительства и других отраслей. Работа по стандартизации оборудования слишком велика, чтобы ее можно было выполнить в центре; повидимому, задачей центральных органов стандартизации должно быть установление типовых машин, разработка же нормализованных деталей должна быть всецело работой соответствующих заводов. Так или иначе, работа по стандартизации

оборудования должна обязательно войти в планы всех отраслей промышленности и притом в планы ближайших лет, тем более, что по целому ряду отраслей стандартизация продукции закончена. Первая работа ВСНХ в области текстильного и нефтяного оборудования указывает на широкие возможности в этом направлении.

Работа по стандартизации машиностроения должна войти в планы всех отраслей, но все же имеется ряд отраслей, в которых эти работы особенно важны и должны получить особое место в общем плане стандартизации промышленности. Сюда относится в первую очередь сел.-хоз. машиностроение всю важность которого для реконструкции сельского хозяйства трудно переоценить. Далее особое внимание в пятилетнем плане должно быть уделено проблеме, станкостроения, являющегося основой всего машиностроения. Кроме того, авто-и авиостроение по своему особому значению для нашей страны должны также найти специальное отражение в пятилетнем плане. Как общая проблема для всего машиностроения, стоит проблема введения в практику нашего машиностроения производства по калибрам, что только и может обеспечить переход на систему массового производства. Последнее требует скорейшего введения в практику единообразной системы допусков.

Вопрос о стандартизации в области строительства, в частности промышленного, необычайно актуален. Стандартизация в строительстве должна и может, в наших условиях, охватить не только строительные детали — окна, двери, лестницы, перекрытия и др., которые могут в дальнейшем заготовляться массовым путем на специальных заводах. Несомненно, введение в практику жилищного и промышленного строительства жестко нормализованных деталей будет служить источником значительной экономии. Стандартизация в наших условиях может быть распространена на огромную массу подсобных зданий и сооружений для промышленности — склады, кочегарки, баки и т. п., которые проектируются и строятся при каждом тресте и предприятии. Наконец, в последнее время становится ясным, что задачи стандартизации в новом строительстве еще шире и могут быть распространены на целые цеха и предприятия промышленности.

Внимание советской общественности обращено большей частью на строительство гигантов нашей индустрии—Днепрострой, Магнитострой и т. п. Значительно меньше внимания обращено на громадное строительство в промышленности среднего и мелкого масштаба, проходящего, главным образом, по легкой индустрии (группе *Б*) в отраслях пищевкусовой промышленности — консервной. маслобойной, крахмало-паточной и т. п., в кожевенной, швейной, льно- и хлопкообрабатывающей, деревообрабатывающей, спичечной и т. д. Частично это мелкое строительство захватывает и промышленность строительных материалов — заводы (кирпичные, черепичные и т. п.). Новые

предприятия в этих отраслях строятся по индивидуальным проектам, изготовлямым каждый раз для данного случая, проектируются во многих случаях нерационально, дорого, с ошибками и опозданием. Между тем, здесь в огромном большинстве случаев может быть проведено типовое проектирование, где в центре разрабатываются совершенно рациональные типовые проекты кирпичных, консервных и т. п. заводов, которые в дальнейшем аппробируются нашими научно-техническими организациями и издаются в виде стандартов. Типовое проектирование уже давно существует на железных дорогах, где типовые здания, мосты, мастерские и т. д. стали обычным делом.

При ознакомлении с возможностями типового проектирования можно было убедиться, что здесь заложены источники громадной экономии, до сих пор еще мало использованные в нашем строительстве. На последней сессии Гипромеза было обращено внимание что в капитальном строительстве такой отрасли, как тяжелая металлургия, вполне возможно типовое проектирование и строительство домен и их деталей, мартеновских и генераторных печей и т. д. То же можно сказать и о строительстве шахтном, нефтеперерабатывающих заводах и т. д.

Практика нашего капитального строительства и проектирования указывает, кроме того, на значительную разницу в технико-экономических коэфициентах, существующую в различных проектах. Так, на той же сессии Гипромеза выяснилось, что при проектировании двух мартеновских устройств в почти одинаковых условиях взяты были различные расчетные коэфициенты, что и привело к значительной разнице в стоимости сооружения и себестоимости продукции. В другом случае по одному проекту кирпичного завода, рассчитанного для производства в год от $3^1/_2$ до 4 млн. штук кирпича (Чувашская АССР), стоимость завода исчислена в 342 тыс. руб. и эффективность капитальных затрат на 1.000 штук кирпича определяется суммой 90 руб. По другому проекту кирпичного завода, с производством 3 млн. штук кирпича в год (Марийская автономная область), стоимость завода исчислена в 212 тыс. руб. и эффективность затрат на 1.000 штук кирпича в 70 руб. По третьему же проекту кирпичного завода для производства 2,7 млн. штук кирпича в год (Северо-Двинский ГСНХ), стоимость завода исчислена в 263 тыс. руб., а эффективность затрат в 97 руб.

Мы видим, таким образом, что первый проект превышает по производственной мощности второй на 25%, по стоимости же он оказывается дороже второго на 60%. Что же касается третьего проекта, то он по своей мощности меньше второго проекта на 10%, а по стоимости превышает на 24%.

Такую разницу можно было бы еще понять, если бы проектирование этих заводов осуществлялось разными организациями. Но все дело в том, что названные три проекта разработаны одной и той же проектной конторой „Стромстрой".

Необходима работа по стандартизации методов проектирования, установлению стандартных расчетных формул и коэфициентов. Все указанные мероприятия должны иметь своим следствием жесткую нормализацию всего процесса нашего капитального строительства от начала проектирования до конца постройки, короче, нормализацию всего дела технической реконструкции промышленности.

Можно думать, что с проведением этих мероприятий мы вернее всего приблизимся к разрешению труднейшей задачи, поставленной перед строительством — снизить стоимость к концу пятилетия на 47% (по отношению к 1927 г.).

В области стандартизации сырья, — сел.-хоз. и промышленного, — мы имеем уже некоторое достижение, но все же мы еще далеки от завершения этих работ. Правильная стандартизация сырья должна иметь не малое значение в вопросе его заготовки и эффективного использования, почему стандартизация сырья, увязанная с соответствующими стандартами продукции, должна найти свое место в перспективных планах стандартизации.

Наконец, соответствующее место в планах стандартизации должен занять вопрос о таре и упаковке товаров. Внимание наших хозорганов и советской общественности в последнее время привлечено к вопросу о крупных потерях, которые несет наша промышленность в связи с отсутствием рациональных стандартов упаковки, первые же работы, проведенные в этой области, указывают на их значительную эффективность. Вот почему вопросы стандартизации тары и упаковки должны получить свое отражение в планах стандартизации на протяжении всех лет ближайшего пятилетия.

Основные направления стандартизации в пятилетнем плане, которые мы приводили до сих пор, определяют очередность работ по соображениям, главным образом, экономического порядка. Наряду с этим, с так называемой размерной стандартизацией существует еще проблема технического внутреннего порядка, которая в значительной мере обусловливает порядок работ и влияет на принципы составления плана; это — внутренняя зависимость между стандартами, которая в интересах эффективности всей работы обязательно должна приниматься во внимание. В металлопромышленности, например, этой зависимостью определяется порядок, по которому в первую очередь должны быть выработаны так называемые основные стандарты (таблицы предпочтительных чисел, нормальные диаметры, измерительные стандарты, системы резьб и т. д.), затем основные стандарты обработанных полуфабрикатов (прокатные и тянутые изделия), нормы основных деталей (болтовые, заклепочные изделия), нормы инструментов (сверла, шпонки и т. п.) и более сложных изделий. При стандартизации обширной группы труб всякого рода — арматуры, котлов, парового оборудования и т. п., необходимо предварительное установление основной классификации давлений. В электротехнике немыслим приступ

к стандартизации машин, проводов и т. д., не имея основного стандарта напряжений; в строительстве нельзя начать стандартизацию строений, не имея основных норм освещенности нормальной кубатуры и т. п., в дальнейшем здесь должны итти общие детали — окна, двери, лестницы и т. д.

Внутренняя зависимость существует не только между стандартами в одной области, но и разных отраслей. Так, размеры окон зависят от размеров оконного стекла, от размеров лесоматериалов (и обратно) и т. д. Особенно значительна эта зависимость между стандартами металло-и электропромышленности, ибо нельзя установить стандартов моторов, не имея стандартов болтов, проводов, валов, подшипников, режущего инструмента и т. д. Основные размеры генераторов не могут быть установлены без основных размеров двигателей и обратно и т. д. Задача составителей сводного плана стандартизации — увязать все эти зависящие друг от друга стандарты с тем, чтобы работа нигде не тормозилась.

Наконец, основная организационная проблема, которая должна найти свое обязательное отражение в плане, это — проблема контроля выполнения стандартов. Вся работа по стандартизации может повиснуть в воздухе, если за стандартами, имеющими в условиях СССР характер обязательных законов, не будет установлен постоянный контроль.

Вопрос об установлении стандартов для реконструируемой промышленности затрагивает крупную проблему, которой в общем, уделяется немного внимания, а именно, проблему качества. Надо сказать, что еще в кампании 1925 г. по поднятию качества продукции чувствовалась неопределенность самого понятия о качестве, ибо о нем нельзя говорить, не имея мерила — качественного стандарта. Несомненно, проблемы качества как таковой не существует, она может быть заменена проблемой правильного („диалектического") установления качественных стандартов. Для поддержания определенного качества продукции, для устранения недоразумений между потребителями и производственниками нам необходимы стандарты, содержащие цифровые нормы и рационально соответствующие интересам потребителей и производства. В виду того, что в условиях Советского Союза нельзя противопоставлять и считать разнородными интересы потребителей и советской промышленности, необходимо правильное разрешение задачи о нормах качества.

В настоящее время, в начале выполнения широкого плана реконструкции, необходимо разрешить довольно сложную проблему — на какой уровень качества или на какие стандарты держать равнение? В этом смысле возможны два пути: путь английской промышленности, производящей дорогие изделия особенно высокого качества и путь американской промышленности, равняющейся на упрощенную продукцию массового потребления. Председатель Автотреста, тов. Сорокин, знакомившийся с американской промышленностью

считает наиболее характерным в ней массовое изготовление стандартных изделий не особенно высокого качества, но зато очень низкой цены; в частности, успехи автомобильной промышленности и массового распространения автомобилей в Соед. Штатах надо именно отнести за счет производства дешевого массового автомобиля, в противоположность европейской промышленности, поставившей производство дорогих машин. То же в отношении других американских изделий (часы, обувь, текстильные изделия и т. д.).

Решение задачи о надлежащем выборе норм в качественном стандарте для советского народного хозяйства возможно только при условии общего подсчета в каждом отдельном случае стоимости изделия в производстве и потреблении. Однако, учитывая общие задачи индустриализации страны, недостаток капиталов и необходимость максимальной экономии средств, а также быстрый темп технического прогресса, при котором срок моральный износа вещей крайне непродолжителен, можно считать, что в данном вопросе нам необходимо избрать именно американскую линию. В настоящее время мы имеем много случаев крайнего потребительского консерватизма, который, к сожалению, наблюдается и в обобществленном секторе; технические условия, пред'являемые некоторыми ведомствами к продукции, несообразно высоки и, главное, не соответствуют действительной необходимости. Так, НКПС пред'являет слишком высокие требования к качеству дефицитных в настоящее время лесоматериалов: для транспортного строительства наравне с вагоностроением НКПС требует лесоматериалов не рыночного, а специального качества, для шпал он не допускает приема ели, требуя дефицитную сосну, в то время как применение еловых шпал в размере до 50% не отзывается на качествах ж.-д. полотна. Интересно отметить, что когда несколько лет тому назад Научно-технический комитет НКПС'а принял процент допускаемых еловых шпал в 20 вместо 10, то это постановление не было утверждено высшими органами НКПС'а. То же в отношении телеграфных столбов, многих металлоизделий, в частности — рельс, где процент брака при приеме в результате излишних строгостей достигает 20 и т. д. Можно также указать на случаи стандартизации топочного мазута, где одно ведомство отказывалось от внесения в стандарт 0,3% примеси серы, требуя не более 0,2%, в то время как соответствующие американские стандарты допускают норму в 1,5% серы.

Многие ведомственные технические условия, часто довоенного происхождения, устарели и требуют своего пересмотра Весь же вопрос об уровне качества в наших стандартах должен каждый раз разрешаться не путем слепого и неограниченного поднятия его, а путем приведения его в соответствие с действительными потребностями. В этом смысле задачи стандартизации при реконструкции промышленности очень велики и призваны во многом произвести реконструкцию и рационализацию всего потребления. Здесь придется

преодолеть значительную косность и консерватизм наших потребительских организаций, во многих случаях и наших специалистов, с их российскими традициями высоких коэфициентов при расчетах, чрезмерных запасов прочности и монументальности, которых нигде на Западе нет.

Мы изложили в основном те огромные задачи, которые стоят перед стандартизацией при осуществлении планов реконструкции промышленности. Несомненно, однако, то, что несмотря на некоторые достижения в области стандартизации мы при всех усилиях не можем, да и не сумеем впредь удовлетворить полностью запросов нашей промышленности, находящейся в полосе рационализации. Поэтому на ряду с работой по внедрению в производство общесоюзных стандартов, перед промышленностью стоит задача максимально развить работу по стандартизации внутри себя. Необходимо сокращать ассортименты продукции, изгоняя малоупотребительное и неходкое. Подобную работу, широко пропагандируемую в Соед. Штатах как метод „упрощения практики“ и как верный способ борьбы с потерями в производстве, надлежит всемерно рекомендовать промышленности. Кроме того, в промышленности должна протекать работа по нормализации производства, о котором говорилось выше. Наличие на наших заводах и фабриках специальных органов стандартизации, обычных на всех западно-европейских предприятиях, будет иметь огромное значение в деле рационализации нашей промышленности.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что стандартизация, как и все наши мероприятия по реконструкции, будет успешно осуществляться лишь тогда, когда в ее проведении примут участие широчайшие массы участников нашего производства. Для этого задачи стандартизации и ее значение надо сделать понятными для всей рабочей массы; для этого же необходимо всемерное усиление работы по популяризации стандартизации, в области чего до последнего времени сделано еще очень мало.

Ц. М. Крон

К итогам рационализации товаропроводящего аппарата

I

Последние $2^1/_2$ года, протекшие с начала работ Комиссии СТО по рационализации товаропроводящего аппарата, внесли в организацию товарооборота, под непосредственным руководством и воздействием самой комиссии, решительные изменения. Почти полный охват обобществленным сектором оптового оборота, 80% охвата розничного оборота, 72,2% сбыта через синдикаты охваченной ими (по 21 отрасли) товарной продукции госпромышленности,[1] 71,1% охвата генеральными и типовыми договорами розничного оборота промтоваров в потребительской кооперации,[2] 67,6% охвата сел. хоз. рынка плановыми заготовками (по 14 основным сел.-хоз. продуктам)[1], — такими данными по контрольным цифрам характеризуются на 1928/29 г. достижения обобществленного сектора товарооборота.

Эти достижения говорят о новой стадии товарооборота, о росте и укреплении базы для превращения аппарата обмена в аппарат распределения. Вместо стихийных разрозненных взаимоотношений между промышленностью и кооперацией, вместо взаимной их борьбы на рынке, что имело место еще два—три года тому назад, мы имеем сейчас твердую систему взаимоотношений, построенную на учете наличного предложения, на максимальной нагрузке торгового аппарата, на размежевании функций между ним и промышленностью и, вместе с тем, систему, дающую возможность целеустремленного распределения товарных масс по стране, в соответствии с потребностями отдельных районов и кварталов. В условиях товарного голода эти успехи нельзя не рассматривать, как особенно положительные, и нет нужды подробней развивать доводы в пользу этого утверждения.

При наличии этих достижений нельзя все же считать современную систему организации товаропродвижения вполне удовлетворительной. Если даже отрешиться от всех моментов конъюнктурного порядка, нервирующих рынок, создающих резкие переброски товаров, нарушающих обычные договорные отношения, нельзя все же не

---

[1] По контр. цифрам НКТорга СССР на 1928/29 г.

[2] По контр. цифрам Центросоюза на 1928/29 г.

констатировать некоторых более глубоких организационных дефектов.

Рассматривая только рынок промышленных товаров личного потребления,—а мы только им здесь и ограничимся,—мы наблюдаем такие дефекты товароснабжения, такое состояние ассортимента на рынке, которое заставляет искать более глубоких корней. Приходится констатировать какое-то несоответствие между концентрируемым и регулируемым предложением в истоках промтоваров и состоянием ассортимента в торговой сети. Перебои в снабжении избыточными товарами, затруднения в проведении достаточных товаров при явно ненасыщенном рынке, — все это говорит о том, что количественными результатами концентрации удовлетвориться мы не можем, что надо глубже взглянуть в организацию рынка.

Современная организация рынка промышленных товаров сложилась под влиянием ряда мероприятий, которые строились, исходя из недопустимости параллельного существования ряда перекрещивавшихся торговых систем (синдикаты, торговый аппарат трестов, потребкооперация, торги), при недостаточности самой товарной массы и необеспеченности их достаточной нагрузкой; эти мероприятия выдвинуты были еще из-за необходимости решительного преодоления опасных тенденций осложнения товаропродвижения, роста звенности и издержек обращения. Перед народным хозяйством стояла задача решения ряда торгово-технических проблем, вытекавших из этих установок. Отсюда — размежевание функций между госпромышленностью и торговлей (потребкооперацией и торгами), введение транзита, задачи реорганизации системы потребкооперации и т. д. Эти мероприятия и дали те количественные результаты, которые мы отмечали в самом начале.

Все ли задачи товаропродвижения были, однако, при этом разрешены? Товаропроводящий аппарат, в неизжитых условиях товарно-денежного хозяйства, есть не только технический аппарат по продвижению товаров; он выполняет одновременно и ряд народнохозяйственных функций экономического порядка; связывая производство и потребление, он в процессе самого товарного обращения воздействует, с одной стороны, на направление производства не только сельскохозяйственного, но и промышленного, и, с другой стороны, на народнохозяйственное потребление. И при товарном голоде, когда не приходится заботиться об изыскании путей сбыта, не ослабляется значение товаропроводящего аппарата, как орудия взаимодействия между производством и потреблением. Прежде всего, следует напомнить, что круг остро-дефицитных товаров в общем ограничен и, как показывает опыт каждого года, задача проведения не только избыточных, но и достаточных товаров далеко еще не разрешена. Аппарат обращения должен быть активным проводником этих товаров, должен уметь и в наших условиях быть не менее, если не более, действенным орудием влияния промышленности на потребление, чем в капиталистических странах; с другой стороны, в условиях советского планового хозяйства он должен ставить себе задачу такого учета потребительского спроса, который дал бы возможность „планомерного покрытия этого спроса путем своевременного предъявления промышленности заявок через систему заказов“ (резолюция XV с'езда партии. В условиях товарного голода, с тем большей ответственностью приходится следить за осуществлением этих народнохозяйственных задач, которые лежат на аппарате обращения.

Вот под каким углом зрения следует, прежде всего, рассматривать современную систему организации товаропродвижения и итоги ее рационализации. Как же обстоит в этом отношении дело на рынке промтоваров?

Приходится констатировать, что как синдикаты, так и потребительская кооперация не добились в этом отношении необходимых успехов, несмотря на почти полную концентрацию продукции у синдикатов и на их возросшее влияние на производство, также на рост гендоговоров. Чрезвычайно характерен пример с фарфоро-фаянсовой промышленностью, где под воздействием требований кооперации и благодаря давлению Продасиликата, промышленность резко перестроила свой ассортимент, увеличив выработку хозяйственного фаянса, дешевых сортов хозяйственного фарфора и сортовой посуды (при стабильности производства фарфоровой посуды рост фаянсового производства за вычетом экспорта: с 10,6 млн. в 1926/27 г до 16,3 млн. в 1927/28 г. и 17,5 млн. в 1928/29 г.). Между тем, спрос кооперации при заключении гендоговоров на 1928/29 г. оказался далеко не в соответствии с возросшей дешевой продукцией: из продукции сортовой посуды на 20 млн. договор заключен всего на 10 млн. руб. Материалы обследований торготделов почти по всем районам РСФСР говорят о совершенно недостаточном внимании потребкооперации к силикатным товарам (Ленинградский облторготдел: „значительная часть кооперативов вовсе не торгует силикатными товарами“, Севкавкрайторготдел: „Крайрабсекция даже уменьшила оборот по сравнению с 1926/27 г.“, Облторготдел ЦЧО: „деревенская торговля силикатными изделиями поставлена из рук вон плохо; значительная часть ЕПО этим товаром не уделяет никакого внимания“ и т. д.; особенно оголена Сибирь). Незнание рынка отмечается по всем отраслям промышленности. Если учесть, кроме того, перебои в снабжении достаточными товарами и очень ограниченный ассортимент в отношении неснабжаемых по гендоговорам товаров, то станут ясными недостатки аппарата потребкооперации как с точки зрения обслуживания потребителя, так и с точки зрения смычки между промышленностью и рынком.

В условиях товарного голода и государственного регулирования рынка дефицитных промтоваров чрезвычайно трудно и опасно возлагать непосредственную ответственность за указанные недостатки рынка на одну какую-либо торговую систему. Вот пример: ВТС дол-

жен был перейти на эту систему с 1 января 1928 г. на 50%, с 1 июля 1928 г.—на все 100%. „Однако, это постановление синдикату выполнить не удалось,— сообщает НКТорг СССР в докладе правительству,— так как в связи с замедлением хлебозаготовок в кампанию 1927/28 г. на синдикат была возложена обязанность производить усиленную отгрузку товаров в хлебозаготовительные районы вне зависимости от данных ранее занарядок по системе заказов. Поэтому к выполнению системы предварительных заказов было приступлено лишь с 1/III 1928 г. Полного перехода на эту систему не достигнуто до настоящего времени, так как наличие голода на текстильном рынке и вытекающая отсюда необходимость создания маневренных фондов в период развертывания хлебозаготовок исключают возможность стопроцентного ее осуществления. В настоящее время системой предварительных заказов охвачено около 70% сбыта по гендоговорам". Но даже и в этих пределах осуществление системы предварительных заказов носит скорее формальный характер, чем решение проблемы по существу.

В чем же причины такого состояния товаропроведения? Мы укажем несколько важнейших причин: 1) неудовлетворительность качества работы системы потребительской кооперации по учету спроса, 2) дефекты организации и регулирования хозяйственной работы системы товаропроводящей сети, 3) дефекты во взаимоотношениях госпромышленности и потребкооперации.

Последние годы были периодом решительного перехода торгово-технических функций по сбыту промтоваров от синдикатов к кооперации. Решая эту задачу, притом в условиях товарного голода, и регулирующие органы и сам торговый аппарат недостаточно учли тот факт, что при почти монопольном положении потребкооперации на рынке вопросы качества ее работы в области учета спроса окажут серьезнейшее влияние на все состояние рынка. На потребительскую кооперацию пала огромная задача народнохозяйственного значения: стать единственным аппаратом смычки между производством и потреблением. Между тем, внутренняя сторона работы по учету и организации спроса, по передаче заявок и заказов, по всему тому сложному процессу, который носит название—организация рынка—осталась на крайне низком уровне. Обследование НК РКИ СССР с большой убедительностью показало, как бюрократически ведется учет спроса, как механически двигаются снизу вверх заявки и заказы, как их составляют — правление ЕПО — без опроса работников ЕПО (завмагов, работников прилавка, заведующих складами и т. д.), не говоря уже о самом активе общества; аппарат райсоюзов — без учета заявок низовой сети и т. д. Торговая работа заменяется официальной перепиской; гендоговоры обеспечивают — сверху вниз — нагрузку торговой сети при любом качестве этой работы; обстановка товарного голода обеспечивает сбыт любого дефицитного товара. Вышеприведенный пример с стекольно-фарфоровой промышленностью, когда при далеко ненасыщенном спросе создаются значительные затруднения в сбыте, является достаточной иллюстрацией положения вещей.

Было бы, однако, большой несправедливостью и ошибкой все беды приписывать „суб'ективным" недостаткам работы потребкооперации. Недостатки самой работы по подбору ассортимента, по учету спроса, многочисленные факты неравномерного распределения ассортимента по районам, перебоев в снабжении и т. д. имеют одну из существенных причин несоответствие системы фактически децентрализованного, распыленного финансового хозяйства и капиталоуправления потребкооперации сложившейся системе централизованного товарного снабжения.

Вся система гендоговоров имеет своей задачей плановое маневрирование товарными массами. Между тем, создалось следующее положение: в то время как в отношении товарных масс система потребительской кооперации рассматривается, как единое целое, и распределение товаров и их переброска производится как будто в пределах единого хозяйственного организма, на деле, однако, каждая торговая единица (райсоюз, ЕПО) в своем основном хозяйственном нерве — финансах—остается совершенно самостоятельной величиной. Происходит резкий разрыв между формами товарной и финансовой работы, между единством товарного снабжения и распыленностью финансового хозяйства. 41 собрание уполномоченных Центросоюза совершенно правильно формулировало, „что необходимо создать такие условия, при наличии которых вся сумма средств, находящихся в товарообороте, поддавалась бы более легкому маневрированию, чем это имеет место в настоящее время. Необходимо, чтобы сумма всех ресурсов могла быть в каждое данное время направлена по системе в полном соответствии с направляемыми в отдельные участки системы товарными массами".

Не останавливаясь на формах необходимой централизации финансового хозяйства и капиталоуправления,— этот вопрос, поднятый по инициативе Центросоюза, накануне своего окончательного решения,—мы должны лишь отметить, что здесь один из основных узлов действительной рационализации товаропроводящего аппарата, открывающий широкие горизонты и в дальнейшем. Решение задачи должно лежать по линии действительного укрепления единства системы потребительской кооперации в ее наиболее существенном участке— финансах; гендоговора же сами по себе являются лишь первым шагом, притом взятым изолированно, в отношении лишь товарных масс — недостаточно эффективным.

Мы здесь подходим к третьему вопросу — к взаимоотношениям госпромышленности и кооперации. Мы считаем, что основная установка, взятая комиссией СТО и легшая в основу всех дальнейших решений — установка на передачу торгово-технических функций по-

требкооперации—была совершенно правильна и не требует пересмотра. И если правильны жалобы на отрыв промышленности и рынка, то не потому, что была допущена ошибка в ликвидации синдикатских филиалов, а потому—как это ясно из всего вышеизложенного,—что ни система организации, ни об'ем и качество работы потребкооперации по учету спроса не находились в соответствии с новыми задачами, возложенными на кооперацию. С этой точки зрения недостатком нынешней системы организации товаропродвижения следует признать то обстоятельство, что при отсутствии достаточного руководства центрами потребительской кооперации своей периферией, в силу децентрализации системы регулирования финансовым хозяйством, сложившиеся отношения не могли не страдать излишней бюрократизацией, формалистикой. Отсюда те острые споры, которые имеют место снова между госпромышленностью и кооперацией. Вновь раздаются голоса о дефективности самой системы гендоговоров, о необходимости перехода на непосредственные связи синдикатской периферии с низовой сетью на основе генеральных (типовых) соглашений в центре и т. д. Совершенно очевидно, как неправильна эта установка. Нельзя дефектами торгово-технического порядка (техника собирания заказов, расчетов и т. д.) опровергать основы планового построения товаропродвижения, пытаться такими доводами опрокинуть ту генеральную линию взаимоотношений между госпромышленностью и кооперацией, которая единственно ведет к плановому разрешению проблем товарооборота.

Такова современная стадия взаимоотношений госпромышленности и кооперации, ее болезни и достижения.

II

Как же обстоит дело с другой важнейшей качественной задачей—сокращением издержек обращения? Ответ на этот вопрос должен быть связан с другим вопросом — о качестве обслуживания потребителя, ибо народнохозяйственное разрешение должно лежать по линии двух задач — удешевления товарооборота при одновременном улучшении качества обслуживания. Важнейшей проблемой является вопрос о том, совместимы ли обе задачи в нашей конкретной обстановке, ибо решение одной задачи за счет другой означает недостижение (с народнохозяйственной точки зрения) реального сокращения издержек обращения.

Приходится признать, что реальное снижение издержек обращения (даже не касаясь вопроса о частно-торговом секторе и возросшем за последнее время спекулятивном рынке), если и имело место, то в недостаточной степени и происходило за счет переложения части издержек на потребителя.

Ухудшение обслуживания имело место, во-первых, в виде сокращения и ухудшения ассортимента, предлагаемого потребителю, и,

во-вторых, в виде невнимательного отношения к покупателю в розничном магазине (режим экономии на количестве продавцов за счет „неэкономии“ в отношении времени потребителя). Необходимо отметить, что одной из форм такого „режима экономии“ явилась и нынешняя практика транзита, которая, будучи применена без достаточной подготовки экспедиционного аппарата промышленности, приводила нередко к ухудшению ассортимента в розничном звене и к непроизводительному накоплению запасов в нем и мелкооптовом звене. Это подтверждается рядом фактов (6-месячные запасы посуды в райсоюзах и т. д.).

Несомненно, однако, что нынешняя система концентрации предложения и спроса, приводит, на ряду с отмеченными только что дефектами, к сокращению издержек внутри обобществленного сектора, освобождая производство от несения функций обращения. Дело здесь не в самом факте даже абсолютного (а не только относительного) сокращения торговых (а тем более накладных) расходов у синдикатов,— так как часть уходящих из синдикатов расходов (в связи с транзитом) переносится на плечи покупателей—торговых организаций,— дело здесь в сокращении расходов у самой промышленности, в связи с отмежеванием торговых функций.

Подсчет всех элементов (сокращение издержек в сфере промышленности, общий подсчет учитываемых издержек во всем товаропроводящем аппарате, показывающий несомненное снижение, и, наконец, рост „невидимых“ издержек покупателя) не может быть, по состоянию материалов, проделан; экспертная оценка, однако, такова, что народнохозяйственная экономия, если и была, то незначительная.

Два обстоятельства способствовали указанному неудовлетворительному положению вещей: во-первых, недостаточный темп рационализации товаропроводящего аппарата и, во-вторых, низкий уровень накопления в розничных звеньях потребкооперации. Материалы НКТорга СССР[1] с достаточной полнотой характеризуют неудовлетворительное проведение потребительской кооперацией директив КомСТО по реорганизации системы. Верхушечные органы потребительской кооперации отстают от движения, растущего снизу, в частности, в отношении многолавки. Рост не просто многолавок, а крупных многолавок (по данным Центросоюза по всем районам РСФСР, кроме Сев. Кавказа, с 1/X 1927 г. по 1/VII 1928 г. количество многолавок с 2 и 3 лавками сократилось на 32%, с 4 лавками показало рост на 35% и свыше 4 лавок — на 200%), наличие последних с миллионными оборотами, организация пристанционных многолавок в Сибири, цитадели однолавки; директива о доведении транзита на селе в Сибири на 1928/29 г. до 25% (циркулярное письмо Сибкрайсоюза),— все это делает лозунг укрупнения райсоюзов уже отжившим. Жизнь

[1] См. доклад НКТорга СССР, Совет Труда и Обороны („Сов. Торг.“, № 7 за 1928 г.).

перешагнула через решения КомСТО. С этой точки зрения можно признать несколько ошибочными нормы КомСТО, установившие для райсоюзов слишком высокие нормы наложения (5,32% против фактических, за первое полугодие 1927/28 г., 4,82%) при повышенной прибыли (фактически 1,6% против нормы в 1,32%), что стимулировало сохранение складских операций райсоюзов, а не рост транзита. КомСТО не предусмотрела возможного эффекта в рационализации оптовых звеньев даже в темпе, имевшем фактически место, и тем более в темпе, который мог бы быть при более активном проведении директив.

Отсюда должен быть сделан вывод, что КомСТО не совсем правильно распределила издержки между оптовыми и розничными звеньями; так как в рабочей кооперации проведение предложенных норм действительно встретило затруднения, то это, несомненно, повлияло на ухудшение обслуживания потребителей.

Однако, не в этом одном лежит причина ухудшения обслуживания потребителя. Одной своевременной рационализацией оптовых звеньев нельзя было бы преодолеть те факторы, которые действуют на розничном рынке. И, прежде всего, здесь надо констатировать необычайно быстро растущий темп как количественных, так и качественных требований, пред'являемых обобществленному сектору в связи с резким выпадением частной торговли. Из года в год наблюдается одна и та же картина: регулирующие органы в контрольных цифрах устанавливают стабильность оборотов частной торговли и соответственно строят рост оборотов обобществленного сектора; на деле частник не слушается разумных советов контрольных цифр и стремительно свертывается (за первые месяцы 1928/29 гг. на 40 %), а обобществленный сектор вынужден за ним спешить в развертывании своей работы, но явно отстает от требований жизни. Здесь — добавочные затруднения, которые испытывает обобществленная розничная торговля, в частности, потребительская кооперация. Перед лицом новых заданий ей не до „качества"; растущая волна требований перехлестывает ее качественные возможности.

И, вместе с тем, приходится признать, что сделано слишком мало даже в пределах тех возможностей, которые имели место. Проблема замещения частно-торговой сети всерьез не поставлена; типы розничной сети,—а вопрос о замещении частника есть прежде всего вопрос не количественный, а именно типа сети,—до сих пор окончательно еще не намечены; с большим запозданием приняты элементарные меры по улучшению техники розничной торговли,—а опыт показал, как много здесь можно сделать; отношения между продавцами и покупателями стали новым фронтом бытовой борьбы, при совершенно недостаточном внимании кооперативной сети к нуждам и интересам обслуживаемых ею потребителей. Несомненно, что в последнее время начата уже большая работа по улучшению качества работы низовой сети, и, надо надеяться, многое будет сделано, но много времени уже зря потеряно.

Потребительская кооперация обычно всю вину сваливает на низкую рентабельность системы и ищет разрешения вопроса в увеличении наценки, в специальном начислении на капитальное строительство и т. д. Но это — путь наименьшего сопротивления, отвлекающий от активной борьбы с действительными недостатками системы. Все же следует указать, что норма рентабельности, установленная НКТоргом СССР на 1928/29 г., особенно для рабочей кооперации, является очень низкой (0,95% против 1,8% за I половину 1927/28 г. и 1,9%—по нормам КомСТО), почти приближающейся к положению в 1926/27 г. (0,7%). В чем причины этой низкой рентабельности?

Калькуляция НКТорга СССР показывает следующую картину (по горпо, в %% к обороту):

	I пол. 1927/28 г.	Нормы на 1928/29 г.
Все торгов.-орг. расходы	9,58	11,50
В том числе:		
а) налоги	2,63	4,03
б) содержание персонала	3,22	3,50
в) прочие расходы	3,73	3,52
Прибыль	1,80	0,95
Все наложение	11,38	12,00

Если исключить рост налогов, то расходы покажут рост всего на 0,07% (9,65% против 9,58%), т.-е. даже при понижении нагрузки на одного продавца, вызвавшем рост доли зарплаты, что само по себе является вполне целесообразным,—налицо стабильность расходов. Таким образом, сокращение нормы прибыли установлено НКТоргом вследствие роста налогового обложения в целях недопущения дальнейшего повышения цен; некоторое повышение против норм КомСТО (1,1%) НКТоргом было допущено путем сокращения числа регулируемых товаров.

Вопросы рационализации товаропроводящего аппарата, таким образом, переходят в новую стадию, когда качество работы становится одним из основных элементов самой рационализации. Рационализация товаропроводящего аппарата, это — вопрос не только удешевления работы, уменьшения издержек и ускорения оборачиваемости, не только путей товаропродвижения, но и вопрос о состоянии ассортимента, об обслуживании потребителя и т. д. В частности, проблема розничной сети становится сейчас одной из центральных.

Здесь, прежде всего, приходится снова ставить вопрос о госрознице. Нет нужды повторять, что решение проблемы розничной торговли лежит только в организации розницы потребительской кооперации, что всякое иное решение вопроса было бы неправильным и с точки зрения социальной и с точки зрения хозяйственной. Но при том темпе выпадения частника, при тех пустотах, которые имеются,

[1] См. „Сов. Торг.", № 7 за 1929 г., стр. 19 (из матер. к докл. в СТО).

было бы странным доктринерством отказывать госторговле в праве развертывать свою сеть в дополнение, в помощь кооперации. Места очень живо реагируют на эту потребность; НКТорг РСФСР дал директиву об усилении госрозницы, и ее следует только приветствовать.

Из других вопросов розничной торговли мы хотели бы остановиться лишь на вопросе о типе розничной сети; выше мы уже говорили о большом значении этого вопроса с точки зрения замещения частника. Не только наша, но и заграничная практика учат, что принцип сочетания крупных закупок и мелких продаж дает максимальный эффект в розничном сбыте, обеспечивая все преимущества крупного хозяйства при одновременном приближении сети к населению. Исходя не только из этого, но и из максимальной дешевизны в развертывании сети и использования наличного лавочного фонда, следует стремиться к созданию в основном мелкого и среднего типа лавок. Само собою разумеется, что здесь требуется дифференциация. Розничная сеть имеет свои закономерности размещения, свой „штандорт". Товары ежедневного частого спроса, товары быстрого оборота, требуют близости к потребителю, к месту его жительства, к месту службы; это — „соседская", по американскому выражению, лавка. Отделение многолавки, продуктовый магазин в городе, — вот тот тип, который требует своего развития. Наоборот, товары „выбора" ищут концентрации, они группируются в центральном магазине многолавки, в универмаге нашего типа в центре городского района. Особого поощрения заслуживают специальные магазины, торгующие товарами „выбора" (хозяйственной посудой и т. д.) и не столько по товарному признаку, сколько по признаку обслуживания (магазины матери и ребенка, спорта, культурного обихода и т. д.). Придавая огромное значение вопросам техники розничной торговли — выбору помещения, расположению отделов и товаров, технике отпуска и т. д., — мы все же хотели бы основное внимание сосредоточить именно на этом вопросе о типе лавки.

III

Весь предыдущий анализ показал, что за огромными количественными достижениями в области обобществления и концентрации товаропродвижения на рынке промышленных товаров скрываются значительные дефекты, препятствующие осуществлению народнохозяйственных задач, лежащих на аппарате обращения, в отношении воздействия на производство и потребление, качества обслуживания промышленности и индивидуального потребителя, дешевизны (с народнохозяйственной точки зрения) процесса обращения. Каковы же пути дальнейшей рационализации товаропроводящего аппарата в целях устранения отмеченных дефектов? И возможно ли решение указанных задач при одновременном удешевлении товаропродвижения?

Как вытекает из изложенного выше, дальнейшая работа по рационализации продвижения промышленных товаров личного потребления (а лишь в плоскости последних шла все время речь) должна лежать по линии: а) реорганизации системы регулирования и управления финансами потребительской кооперации в целях создания единого гибкого маневренноспособного хозяйственного организма, б) активизации работы торгового аппарата по учету и организации потребительского спроса, в) дальнейшей рационализации системы путей товаропродвижения и торгового аппарата, в частности оптовых звеньев, г) рационализации размещения торгового аппарата и техники торговой работы, в частности, розничной сети и увеличения накопления в розничной торговле.

Решение этих проблем является задачей пятилетнего плана реконструкции товаропроводящего аппарата, и мы на них в развернутом виде здесь останавливаться не будем. Укажем лишь, что возможности решения формулированной не раз выше двойной задачи в области издержек обращения лежат не только в реконструкции оптовых звеньев. Точнее говоря, сама реконструкция оптовых звеньев не может быть произведена и не может быть эффективной без решения другой задачи: использования всех возможностей планового советского хозяйства в деле взаимного приспособления производства, торгового аппарата (с его техническим костяком — складским хозяйством) и транспорта. Рациональное использование транспорта (планы перевозок, маршрутные отправки), решение проблемы комбинирования транзита и полногрузных вагонных отправок (решение, найденное в форме „веерных" отправок), создание системы (точнее систем) концентрированного складского хозяйства, дающее экономию в самом складском деле, рационализирующее потребление (нормы запасов) и дающее возможность построить технически цельный по всей линии товаропродвижения (чего лишено капиталистическое хозяйство) порядок составления торгового ассортимента, вытекающее отсюда размежевание торговых и транспортно-складских функций, размещение сети на началах торгового районирования, — все те проблемы, которые могут быть разрешены только в плановом хозяйстве, открывают новые, доселе совершенно неиспользованные возможности удешевления и ускорения товарооборота при одновременном разрешении ряда качественных задач (ассортимента, рационализации потребления и т. д.); сокращая издержки обращения здесь, эта система дает возможность улучшить качество работы без повышения и даже, наоборот, со снижением конечной цены в розничном звене.

С этой точки зрения актуальное значение имеет вопрос об ассортировочных базах промышленности. Районирование и специализация производства все острее ставят вопрос о концентрации экспедиционного дела в промышленности с одновременным составлением на базах торгового ассортимента. Не для всех отраслей возможны

эти базы в районах производства (напр., стекольно-фарфоровая промышленность). Выбор местонахождения базы является сложным практическим вопросом рационализации товаропродвижения, при котором должны быть учтены многосторонние интересы (промышленности, транспорта, торговли, потребителя). Решение этого вопроса, являющегося одним из существенных элементов планирования торговой сети, лежит по линии углубленного изучения торгового районирования.

Таким образом, организация торгово-расчетных и финансовых отношений между промышленностью и торговлей (в основном—потребительской кооперации) и внутри каждой из них и соответствующее построение торговой работы, с одной стороны, организация техники товаропродвижения (транспортно-складского хозяйства и розничной сети) под углом зрения качественных задач — улучшения составления ассортимента, качества обслуживания, дешевизны и быстроты обращения, с другой стороны, — таковы основные задачи рационализации товаропроводящей сети. Так и только так следует ставить проблемы рационализации торговой сети в СССР. К сожалению, не всем нашим авторам ясны все значение и, главное, пути разрешения вопросов рационализации товаропроводящего аппарата. Мы имеем в данном случае в виду статью тов. С. Зака „Торговая сеть СССР и ее рационализация“, напечатанную в № 5 „Плановое Хозяйство“.

„До тех пор пока исходным моментом в торговом плане не станет торговый аппарат, в частности (?) торговая сеть,— пишет указанный автор, — мы в торговом планировании не выберемся из импрессионистского тумана, имеющего весьма мало общего с торговым планированием, как таковым“.[1] „Интересы народного хозяйства... требуют от торговли сжимания рыночного оборота в одних случаях и его расширения в других, определенного воздействия на потребление, известной трансформации связей между производством и потреблением и между отдельными отраслями первого“. Для этого „в центре (?) торгового планирования, его базой и его орудием должен быть торговый аппарат, как сила, строящая торговлю, и следовательно, как сила, разрешающая торговую проблему, соответственно задачам, выполняемым в ту или другую историческую эпоху народным хозяйством в целом. И только на почве такого планирования разрешается также проблема рационализации торговли, мы бы сказали, экономической рационализации торговли, в отличие от технической ее рационализации, рационализации отдельных торговых отправлений (?), не увязанных в единую систему народнохозяйственного строительства торговли“.

[1] Кстати сказать, туман, да еще импрессионистский, ни с каким планированием, в том числе и торговым, ничего общего не имеет.

Золотые слова, даже при некоторой излишней высокопарности стиля! Как же разрешает сам автор задачу „экономической рационализации торговли“, задачу такого планирования, которое делает торговый аппарат „базой и орудием“ торгового планирования? К сожалению, положительные реценты автора очень ограничены, но зато его критика существующего положения вещей весьма сокрушительна и убийственна. В самом деле:

1. „Наш опыт многозвенен не только формально, но и по существу. И если звенность его (учитываемая торгово-расчетная звенность ЦК) не только не сокращается, но еще растет, то этот факт требует серьезнейшего к себе внимания“.

2. „У нас, как и в капиталистических странах, существует обратная зависимость между густотой (в отношении территории) розничной сети и числом жителей на одну лавку... С точки зрения коммерческих интересов этот факт совершенно понятен“, но это означает, что „розничная сеть СССР в своем географическом построении не связана с теми плановыми задачами, которые на нее возлагаются переходным временем“.

3. Отсутствует „всякий намек на план в деле снабжения розницы в разных районах товарами со стороны увязанного с нею опта“. Доказательство — сумма оборотов частной (?!) оптовой торговли на 1.000 руб. розничного оборота.

4. „Розничная торговля (обобществленная) просто копирует у нас беспланову анархию капиталистических стран“, что доказывается низким удельным весом ее в районах со слабо развитой розницей вообще. „Потребительская кооперация вообще недостаточно еще осознала возлагаемую на нее переходным временем задачу... Капиталистическая многолавка в Соед. Штатах, постепенно забираясь в глухие углы страны, делает больше, чем наша кооперация, для которой советская экономика создает все условия, необходимые для превращения ее в единую многолавку в народнохозяйственном масштабе“.

Что, прежде всего, поражает в доводах автора, исходящего из цитированных выше качественных задач торговли, это — их чисто статистический метод решения. Ни одна из качественных проблем конкретному анализу в условиях нашей экономики не подвергнута; автор, несмотря на всю решительность выводов, не уделяет им в данной связи никакого внимания. К большому сожалению, и статистический материал, на котором основывается автор, недостаточно проработан. В частности, всем известно, что растущая торгово-счетная звенность означает не рост звенности „по существу“, противоречащий идее рационализации товаропродвижения, а бухгалтерское отражение того факта, что в сделке участвуют и синдикат, и кооперативный дольщик, и что тот же товар—в основном проходящий транзитом мимо этих двух участников сбыта—снова попадает в учет у райсоюза и сельпо. Решение проблемы рационализации оптовой

торговли лежит сейчас не в подсчетах этой расчетной звенности, а в тех моментах, о которых мы говорили в нашей статье.

Совсем оригинальны рассуждения автора о плотности торговой сети. Он сам приводит данные, что в Казакстане на 1 жителя приходится оборот в 15,1 руб. в год; если на 1 лавку пришлось бы не 456 жителей, а, скажем, 265 (среднее число по СССР), то на 1 лавку оборот составил бы не 6.840 руб. в год, а 3.975 руб., т.-е. 330 руб. в месяц. Едва ли может лавка себя оправдать с таким оборотом. Дело не в коммерческой заинтересованности, а в элементарной рентабельности, ибо единой многолавки у нас еще нет и в пятилетнем плане она (увы, тов. Зак!) в такой постановке не предусмотрена. Но вообще оперировать средними данными по району, суммирующими все виды и типы розничной торговли, притом и в городе и в деревне—это значит, оперировать ничего неговорящими цифрами. И на таком анализе делаются громкие выводы!

Не менее наивны и бессодержательны рассуждения автора о соотношениях оборотов оптовой и розничной торговли. Автору как-будто вообще не известно о существовании проблемы торгового районирования, о проблеме пространственного размещения оптовой и розничной сети, о типах торговых заведений и т. д., словом, о наличии ряда вопросов, имеющих прямое отношение к проблеме рационализации торговой сети даже в том суженном об'еме, в котором фактически ставит вопрос автор.

Мы не остановились бы на выступлении С. Зака, если бы не считали его характерным для рассуждения многих, даже серьезных экономистов по этим вопросам. При той популярности, которую вопросы товаропродвижения приобретают не только у нас, но и за границей, правильная постановка вопроса является необходимой. Статьи, в роде статьи С. Зака, не раз'ясняют, а только затемняют вопрос.

Мы полагаем, что вопросы торгового аппарата и в частности проблема рационализации размещения торговой сети являются действительно очень существенными для народного хозяйства. Проделанный нами анализ показал, как много больных мест имеется в этом деле, как дефектно—с точки зрения качественных результатов—работает наш торговый аппарат. Мы ограничились лишь рынком промышленных товаров личного потребления, но и перед другими отраслями товарооборота, в частности, сел.-хоз. товаров, остаются аналогичные задачи; они приобретают под углом зрения предстоящего в пятилетнем плане увеличения товаризации сельского хозяйства еще большее значение. В области рационализации товаропродвижения приходится еще много и много работать.

Ш. Я. Турецкий

К вопросу о процессах ценообразования в сельском хозяйстве

1. Основные теоретические и методологические предпосылки

В изучении процессов ценообразования сложнейшим и запутанным клубком являются цены на сельскохозяйственные продукты. Если изучение ценообразования на промтовары облегчается сконцентрированностью основного и крупного производства в социалистическом секторе нашего хозяйства, то производство сельхозпродуктов, базирующееся пока еще на распыленной индивидуальной основе частного сектора, усложняет познание в большей мере стихийных процессов ценообразования на сельхозтовары. Проследить связь ценообразования с производственными факторами, выявить подчиненную, функциональную роль цен в отношении производственного базиса на промышленные продукты несравненно проще, нежели на сельхозпродукты. Темпы и размеры расширенного воспроизводства всецело определяются соотношением цен издержек производства. Поэтому политика цен, не увязанная с производственными затратами, действует вслепую, приводя иногда к нежелательному результату.

Методология исчисления „издержек производства" в сельском хозяйстве и экономическая установка представляют собою в отдельных, имеющихся работах на эту тему пеструю картину. Во всяком случае марксистская мысль еще в очень незначительной мере коснулась этой области исследования. Здесь и теория предельной полезности, и лассалевский „железный закон заработной платы", и пр., только не четкая марксова установка по вопросу об издержках производства. До сих пор связь между ценами и издержками производства нащупывалась фрагментарно, движение цен рассматривалось в свете движения посевных площадей, товарности и т. д. Вполне понятно, что прямой зависимости их вне производственных затрат, здесь не существует и, конечно, такой анализ зачастую обнаруживал обратное: снижение цен сопровождалось ростом основных производственных показателей.

Прежде чем перейти к анализу ценообразования на сельхозпродукты, необходимо остановиться на вопросе: о каких, собственно говоря, „издержках производства" в сельском хозяйстве может итти речь? Если мы условно применяем категорию издержек производ-

ства в отношении промтоваров, изготовляемых в крупном социалистическом производстве, так же условно (в большей или меньшей мере), как целый ряд других категорий политической экономии, то в отношении полунатурального хозяйства, основанного, главным образом, на личном (а не наемном) труде, применима ли вообще категория издержек производства? Категория издержек производства, анализируемая К. Марксом в III томе „Капитала", предполагает капиталистическое производство. Эта категория не мыслится вне цен производства и нормы прибыли. Специальных указаний об издержках производства в сельском хозяйстве мы в трудах Маркса не находим. В критике Джон Стюарт Милля („Теории прибавочной ценности", т. III) по вопросу о прибыли и издержках производства Маркс, касаясь издержек производства сельского хозяйства, имеет в виду крупное фермерское хозяйство. В учении Маркса о ренте [1] мы находим некоторые указания на издержки производства в сельском хозяйстве.

Говоря о переходе от натуральной к денежной ренте, Маркс указывает: „Под денежной рентой мы разумеем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей лишь избыток над средней прибылью — земельную ренту, возникшую из простой метаморфозы ренты в продуктах, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой". Таким образом, здесь речь идет не о капиталистическом производстве и не о производстве исключительно на рынок. „Хотя непосредственный производитель по-прежнему продолжает производить сам по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако, часть его продукта должна быть превращена в товар, произведена как товар". И далее: „О т н о ш е н и е и з д е р ж е к п р о и з в о д с т в а [2], в состав которых теперь входят в большей или меньшей мере и денежные затраты, п р и о б р е т а е т р е ш а ю щ е е з н а ч е н и е". В этих условиях рента есть „неоплаченный выполняемый без эквивалента труд, принимающий форму п р и б а в о ч н о г о п р о д у к т а, превращенного в деньги". В этих же условиях средства и орудия производства являются собственностью непосредственного производителя — крестьянина-земледельца; земля же является собственностью феодала-помещика. „Оно предполагает далее рыночную цену и что они продаются более или менее близко к своей стоимости". В другом месте (там же, глава 37), касаясь мелкого крестьянского хозяйства, где фермер фактически — мелкий крестьянин-земледелец, Маркс указывает: „То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, т.-е. его собственного п р и б а в о ч н о г о т р у д а, на который он имеет право, как владелец своих собственных орудий труда, но и часть той нормальной заработной платы, которую он получил бы при других условиях за такое же количество труда".

[1] „Капитал", т. III, ч. 2, ГИЗ, изд. 1928 г.

[2] Всюду подчеркнуто нами. Ш. Т.

Мы привели ряд цитат для того, чтобы показать, что термин „издержки производства" в отношении полунатурального хозяйства на ряду с „прибавочным продуктом" и „прибавочным трудом" применен Марксом условно. Под издержками производства Маркс понимает затраченный авансированный капитал в отличие от цены производства, включающей прибавочную стоимость. Здесь же так называемые „издержки производства" включают в себя затраты преимущественно натурального порядка плюс некоторую долю денежных затрат, отнюдь не являющуюся по своей природе капиталом. То, что здесь называется „издержками производства", слагается из двух частей, определяемых размером средств (вернее — продуктов), необходимых для хозяйственного и личного воспроизводства, при чем размер этого последнего зачастую бывает „ниже размеров нормальной заработной платы, которую он (т.-е. крестьянин. Ш. Т.) получил бы в других условиях за то же количество труда."

Если капиталистическая земельная рента определяется соотношением стоимости земледельческого продукта (которая выше цен производства) и его издержками производства (вернее, излишком прибавочной стоимости над средней прибылью), то во всяком случае она не может быть выше реализуемой прибавочной стоимости, т.-е. включать в себя часть издержек производства. „Издержки производства", о которых Маркс говорит в условиях полунатурального хозяйства, ничего общего не имеют с упоминаемыми издержками производства; здесь рента „зачастую поглощает не только часть его прибыли... но и часть нормальной заработной платы", что в капиталистических условиях означает поглощение рентой составной части (переменный капитал) издержек производства, а это является безусловным нонсенсом. Подобно тому как понятие „рента", употребляемая Марксом в данном случае в смысле земельной платы, ничего общего не имеет с капиталистической рентой, „издержки производства" являются здесь не чем иным, как суммой материальных и денежных затрат, расходуемых земледельцем на производстве тех или иных продуктов. И, конечно, эти затраты ничего общего не имеют с „первоначально-авансированным капиталом", категорией общественно-капиталистического порядка. Условность эта применена Марксом для вскрытия природы так называемой „денежной ренты" и это отнюдь не противоречит марксовой теории издержек производства, как феномену чисто капиталистическому.

Если в условиях земельной собственности условное применение этого термина возможно, то в СССР „издержки производства" в сельском хозяйстве теряют свой какой бы то ни был экономический смысл и содержание. Нельзя, конечно, отрицать наличия в деревне капиталистических (кулацких) хозяйств, но по своему удельному весу они играют столь незначительную роль, что общей

природы нашего полунатурального некапиталистического сельского хозяйства они не меняют. И если говорить о перспективах товаризации сельского хозяйства, то здесь лежит один путь: укрупнение его через коллективизацию индивидуальных крестьянских хозяйств с извлечением выгод от применения машинной техники и крупного хозяйства вообще, а отсюда и снижение затрат на единицу продукции. Большую роль здесь должно сыграть чисто товарное крупное государственное хозяйство — совхозы. Если капиталистическое фермерское хозяйство, давимое рентой и погоней за большей прибылью, искало выхода в снижении издержек производства за счет ухудшения благосостояния земледельцев, то всякое снижение затрат (или себестоимости), идущее за счет извлечения выгод укрупненного коллективизированного хозяйства, должно сопровождаться ростом благосостояния „акционеров" колхоза и интенсификацией самого хозяйства.

Говорить о полунатуральном состоянии нашего сельского хозяйства можно лишь, если брать его в целом, где процент товарности в среднем невелик. Степень товарности отдельных культур колеблется от (ниже) 20 до 100% (хлопок, свекла), и поэтому анализ затрат на единицу продукции на различные культуры должен учитывать степень „натуральности" или „товарности" ее. В пределах данной культуры товарность резко колеблется в географическом разрезе; от нуля до весьма солидного процента.

Изучая затраты или себестоимость сельскохозяйственных культур с точки зрения ценообразования за истекший период, нас в первую очередь должны интересовать затраты на товары, а не на продукты. Однако, с точки зрения денатурализации важно знать и учитывать затраты на нетоварные продукты. Если первые должны отразить в себе роль себестоимости в ценообразовании и рентабельности производства, то вторые должны вскрыть условия денатурализации как в отношении техники производства, так и в рыночном отношении (уровень цен).

В дальнейшем мы так называемые „издержки производства" будем обозначать терминами „затраты" или „себестоимость" производства, при чем последняя может быть: 1) чисто производственная, куда включаются только затраты, связанные с простым воспроизводством, и 2) полная себестоимость, включающая в себя затраты, являющиеся вычетом из прибавочного продукта (валовой прибыли). Сюда относятся налоги, сборы и пр. Если первая определяет организацию и технику производства, то на основании соотношения рыночных цен и полной себестоимости можно судить о рентабельности производства. Полная себестоимость является чисто технической счетной категорией, ничего общего не имеющей с элементами издержек производства.

Прежде чем перейти к анализу эмпирических материалов, необходимо еще осветить некоторые весьма важные методологические

вопросы. Прежде всего, встает вопрос, должна ли воспроизводить каждая культура самое себя или должно воспроизводить себя каждое хозяйство? Иначе говоря, должно ли соотношение цен и себестоимости каждого данного продукта обеспечивать рентабельность его воспроизводства или же в силу комплексности крестьянского хозяйства — соотношение суммы цен (отдельные культуры) и общей суммы затрат—должно обеспечивать воспроизводство хозяйства в целом?

Если в анализе издержек производства на промтовары социалистического сектора [1] мы указывали, что в силу отсутствия единой нормы прибыли и цен производства мы исходим из воспроизводства всей социалистической промышленности в целом, из так называемой промышленной (и даже народнохозяйственной) себестоимости, то в отношении индивидуального сельского хозяйства принцип хозяйственного воспроизводства не применим. Некоторые экономисты [2] склонны вообще отрицать роль и значение себестоимости отдельных культур, исходя из комплексности крестьянского хозяйства. Говоря о конкурентоспособности отдельных культур (о заменимости, о вытеснении) обычно имеют в виду их ценностное соотношение. При этом совершенно упускают из виду, что повышение или понижение конкурентоспособности, связанное с изменением в соотношении цен этих культур, может быть также связано с изменением уровней суммы затрат на эти культуры, и улучшение эквивалентности зачастую может означать снижение рентабельности. В таком случае, конкурентоспособность будет определяться не соотношением цен отдельных культур, а соотношением цен и себестоимостью этих культур, т.-е. рентабельностью производства. Если в пределах крестьянского хозяйства цены на одну воспроизводимую культуру будут резко превышать себестоимость, а на другую не будут покрывать затрат, то именно по этой линии будет лежать конкурентоспособность и вытеснение ее. Теория комплексности, в сущности говоря, реакционная теория, ничего общего не имеющая с интенсификацией сельского хозяйства. „Какой, мол, крестьянин калькулятор. Ему важно пропитать себя, семью, лошадку и коровку, хотя бы за счет отхожего и кустарного промысла, если сельское хозяйство нерентабельно". К этому собственно и сводится так называемая теория комплексности — чисто-патриархальная теория воспроизводства. Крестьянин превосходно учитывает количество затрачиваемых средств производства и труда на один гектар и пшеницы и ржи, и еще лучше знает сумму, вырученную за продукты и той и другой. Невыгодность в соотношении будет способствовать либо вытеснению менее интенсивной культуры, либо интенсификации техники ее воспроизводства. Проблема себестоимости отдельных культур приобретает особое значение в коллективных хозяйствах и совхозах, во внутренней природе

[1] См. наши статьи в „План. Хоз", №№ 11 и 12 за 1928 г.

[2] С. С. Зак. „План. Хоз.", № 9 за 1928 г.; Сборник статей под ред. Н. П. Макарова „Себестоимость продуктов сельского хозяйства", изд. 1929 г.„Новый Агроном".

которых заложена интенсификация сельского хозяйства, получающая свое отражение в первую очередь в уровне себестоимости отдельных культур. Конечно, на ряду с себестоимостью отдельных культур имеет важное значение и себестоимость и рентабельность отдельных сел.-хоз. отраслей (зерновое хозяйство, технические культуры и т. д.) и всего сельского хозяйства в целом.

При изучении себестоимости сельскохозяйственного производства, основанного на личном крестьянском (а не наемном) труде, обычно сталкиваются с методологическим „затруднением“ в отношении оценки этого „натурального труда“. Размер себестоимости труда, падающий на единицу продукции, как известно, определяется количеством затрачиваемого времени на производство единицы продукции и стоимостью рабочей силы. Труд как элемент себестоимости имеет гораздо большее значение по своему удельному весу в сельском хозяйстве, нежели в промышленности. Стоимость рабочей силы промышленности и сельского хозяйства различна, исходя из разницы в уровне благосостояния города и деревни. Для нас вопрос оценки крестьянского труда в изучении себестоимости особой проблемы не представляет—во всяком случае он должен быть не ниже существующей в данном районе стоимости наемной рабочей силы в сельском хозяйстве (т.-е. не ниже зарплаты батрака).

Касаясь условий воспроизводства труда в крестьянском хозяйстве, Маркс всегда имел в виду, как минимум, „нормальную заработную плату, которую он получил бы в других условиях“, т.-е. став наемным рабочим. Эксплоатация мелких крестьянских хозяйств связана с низведением непосредственного производителя к физиологическому минимуму средств существования.[1] Этот „физиологический“ минимум связан с „серьезной угрозой воспроизводства условий труда“ и невозможностью воспроизводства своего хозяйства. Оказывается, что столь простая истина не для всех является убедительной. В опубликованной недавно работе Л. Литошенко[2] по себестоимости хлебов в крестьянском хозяйстве мы находим весьма оригинальный способ оценки крестьянского труда. В основу кладется стоимость потребленных крестьянином (на основе бюджетного обследования) средств существования; эта стоимость делится на количество затраченных часов труда, и таким образом получается стоимость „часа труда“. И оказывается, что эта „оплата“ труда процентов на 30 ниже батрацкого труда. Это нечто, напоминающее лассалевский „железный закон заработной платы“, основанный, так сказать, на „жратвенной теории“ (не в прямом, конечно, смысле). В основе своей подобная оценка труда путает все карты в отношении рентабельности отдельных культур и способна сослужить плохую службу в отношении интенсификации сельского хозяйства.

[1] К. Маркс, т. III, ч. 2, изд. 3, 1928 г., стр. 271.
[2] См. „Статист. Обозрение“, № 10 за 1928 г.

В настоящем исследовании мы касаемся анализа себестоимости главнейших культур зернового хозяйства (рожь, пшеница, овес и ячмень), представляющего в настоящее время наиболее актуальный интерес. В основу этого исследования положено бюджетное обследование ЦСУ за 1925 г., охватывающее все главнейшие районы (17) СССР. Динамические ряды по районам и СССР в целом с 1925 по 1929 гг. нами построены на основе изменения урожайности и весов отдельных районов. Отсюда и известная условность этих рядов. Помимо того, мы считали необходимым на основании выведенной нами районной себестоимости получить среднюю себестоимость по СССР, с одной стороны, по весам посевных площадей и с другой—по весам товарной продукции (об этом подробнее см. ниже). На ряду с этим для ориентировочного представления о рентабельности зернового хозяйства в целом (отнюдь не став не точку зрения комплексности) мы вывели среднюю для каждого района и СССР себестоимость 4 хлебов (правда, не вполне характеризующих зерновое хозяйство в целом). Нужно подчеркнуть, что важнейшим и основным дефектом приводимых исчислений является отсутствие социального разреза, отсюда и сужение сферы анализа и качества выводов Однако, это в некоторой мере искупается тем, что помимо средних данных по всем обследованным хозяйствам района приводятся данные по типичным для данного района хозяйствам, т.-е. условно (сугубо) середняцким хозяйствам. Приводя и те и другие данные, мы для выводов будем пользоваться, главным образом, этими последними (т.-е. типичными). Ценами мы пользовались заготовительными (плановыми, неплановыми и частными).

На ряду с этим материалом нами использован и обработан обширный материал (по районам РСФСР) о себестоимости тех же культур в совхозах Госсельсиндиката (отчетные данные) за 1925/26 и 1926/27 гг. Здесь мы столкнулись с большими затруднениями в обработке материалов по озимым культурам в связи с нерасшифрованной статьей „Затраты прошлых лет“. Лишь продолжительный кропотливый анализ позволил привести эти материалы в „христианский вид“. Благодаря этому мы имели возможность, правда, довольно условного сопоставления размера себестоимости и рентабельности в индивидуальных хозяйствах и государственных хозяйствах.

2. Факторы и структура себестоимости

На ряду с социальным признаком одним из основных моментов определяющих размеры затрат на единицу посевной площади, является техника полеводства, которую нужно рассматривать не только как функцию природно-географических условий, но и как социальную функцию. Размер затрат на единицу посева зачастую обратно-пропорционален себестоимости единицы продукции. С точки зрения ценообразования нас должна интересовать, главным обра-

зом, себестоимость единицы продукции, а не единицы площади посева. Однако, поскольку себестоимость единицы продукции является лишь производной в отношении затрат на единицу площади, постольку познание природы себестоимости связано и с анализом так называемой себестоимости единицы площади посева. Следующим основным условием, определяющим размер себестоимости, являются существующие цены как на рабочие руки, так и на средства производства. Если первое условие (техника полеводства) является качественным показателем производства, т.-е. фактором, так или иначе „зависящим", то второй фактор может быть назван условно „независящим". Правда, эта „зависимость" в сельском хозяйстве не та, о которой может итти речь в промышленности. Если в последней „технические коэфициенты" определяются исключительно или, главным образом, внутрипроизводственными условиями, то в сельском хозяйстве еще примешивается природно-географическое влияние. Но отсюда основное определение размера себестоимости не меняется.[1] В сельском хозяйстве, как и в промышленности, размер себестоимости единицы продукции является равнодействующей материальных и ценностных факторов.

В основу изучения техники полеводства мы положили данные урочного положения ЦСУ (в среднем за три года) отдельно для озимых и яровых хлебов.

В то время как на Украине (степь), в Крыму, Поволжьи и Сев. Кавказе в среднем свыше 70% (от 62 до 87%) озимого поля вспахивается лишь один раз; в ЦЧО, Центр.-Промышл., Западном уральском и башкирском районах и в сев.-вост. Сибири около 70% (56—84%) вспахивается два раза, а на севере—94% поля вспахиваются три раза и в Северо-Западном районе — 36%—2 раза и 62%—3 раза. Процент посева ни разу не пахавшегося на Украине (степь) достигает 20%, а в Поволжьи — 14%. На Украине (степь), Сев. Кавказе, Крыму, Поволжьи и Башкирии процент посева, вовсе не бороновавшегося, достигает 40—50 и выше, в то же время как на севере процент поля, бороновавшегося 3 раза, достигает 66, а в Сев.-Западном районе — 23. Если проанализировать технику пахоты в отношении применяемых орудий производства, то мы и здесь имеем довольно пеструю картину. Если принять за 100% посев каждого района, то выше 80% поля вспахивается плугом в следующих районах — Западном, ЦПР, Ленинградском, Башкирии, Сев. Кавказе и Сев.-Вост. Сибири; выше 60% — в Крыму и Поволжьи, выше 50% — в ЦЧО и на Украине. В Уральской области лишь 33% вспахивается плугом. Как видим, соха занимает еще солидное положение на Урале, Севере, ЦЧО, Поволжьи. Удельный вес такого „орудия производства", как буккер, доходит на Украине до 48% и в Крыму до 38%.

[1] См. нашу статью „Издержки производства в процессе ценообразования", „План. Хоз.", №№ 11 и 12, за 1928 г.

Если обратиться к средствам производства по посеву, то в преобладающем большинстве районов они представлены таким „высокотехническим орудием", как руки. Более или менее значительную роль сеялка играет на Украине (30%) и на Сев. Кавказе (45% засевается сеялкой). Небольшую роль (до 15%) сеялка играет в Поволжьи и ЦЧО. При всем географическом разнообразии техники полеводства мы имеем в целом ряде так наз. интенсивных районов довольно примитивную технику при благоприятных природных условиях. Орудия производства сплошь и рядом не соответствуют степени интенсивности района. Такая пестрота в технике и способе производства тесно связана с громадными интервалами в сумме материальных и, в особенности, трудовых затрат на единицу посева между отдельными районами.

Так, затраты часов труда на 1 гектар по ржи озимой (см. таблицу 1 и 2) колеблются по типичным посевным группам от 218 до 1.033 часов, т.-е. отношение от минимума к максимуму равно 1:5. При чем, как мы видим, последовательность районов по возрастанию затрат труда находится в тесной зависимости от техники полеводства. Украина (степь), Поволжье, Сев. Кавказ, ЦЧО и др. занимают „минимальные" места так же, как и по количеству вспашек и бороновок, вся же потребляющая полоса стоит в „максимуме". По затрате тяговой силы на 1 *га* озимой ржи мы имеем аналогичную, примерно, картину с пределами колебания: от 81 до 334 часов, т.-е. отношения 1:4. Пределы колебания затрат часов труда и тяги по яровой пшенице в два раза меньше: по труду 203 — 490, т.-е. 1:2,5 и по тяге от 82 до 166 часов, т.-е. 1:2. Это об'ясняется небольшой сравнительно распространенностью по районам производства пшеницы, ограничивающейся, примерно, шестью товарными районами. Аналогичное с рожью колебание мы имеем по ячменю, а с пшеницей (яровой) — по овсу.

Однако, гораздо больший интерес, чем географические колебания затрат, представляют колебания затрат труда по посевным группам (условно по социальному признаку). Данные приводимой ниже табл. 3 нами заимствованы из материалов Минца.[1] Как правило, можно сказать, что затраты на единицу посева увеличиваются при переходе от высшей посевной группы к низшей. Если принять затраты в высшей группе за 100%, то затраты низшей составят: по ржи — 417%, по пшенице озимой — 353%, по яровой—290%, по овсу — 318%, ячменю — 610%. Из хлебных культур наибольшие отклонения (как и в районном разрезе) по посевным группам мы имеем по ржи и ячменю. Наименьшие отклонения в сельском хозяйстве наблюдаются по огородничеству, где техника производства для всех групп примерно монотипна. Садоводство по тем же причинам дает обратное отклонение. Обращают на себя внимание две последние

[1] См. „План. Хоз.", № 8 за 1927 г.

Таблица 1

Часы труда, затрачиваемые на 1 га
(От минимума к максимуму)

Районы	Ржи	Наименов. террит. един.	Пшеницы	Наименов террит. един.	Овса	Наименов террит. един.	Ячменя.
Нижне-Волжск.	218,0	Сибирь юго-зап. . . .	203,7	Уральская обл.	240,6	Украина степь	234,8
Украина степь	244,8					Средне-Волжский . . .	257,2
Север. Кавказ	260,5	Сев. Кавказ (степ. окр.)	219,6	Сибирь юго-зап.	278,5	Украинская ССР	261,0
Центр.-Черноз. обл. . .	295,5					Сев. Кавказ	265,3
Башкирская АССР . . .	304,4	Нижне-Волжск.	240,9	Центр.-Черноземн. . . .	288,7	Уральская обл.	279,3
Средне-Волжский . . .	326,9					Центр.-Черноземн. . . .	289,4
Уральская обл.	363,9	Средне-Волжск.	242,6	Башкирия	299,4	Украина правобер. . . .	294,5
Украина вся	368,4					СССР	304,5
Украина левобережн. .	374,6	СССР	243,8	Средне-Волжск.	306,1	Сибирь юго-зап.	307,9
СССР	404,6					Нижне-Волжск.	311,6
Белорусская ССР . . .	442,8	Украина степь (с Днепр. Пром. и Гор. Пр. Окр.)	247,7	СССР	336,8	Украина левобережн. . .	333,4
Украина правобережн. .	471,1					Вятский район	357,4
Сибирь юго-зап. с Том.ок.	481,2	Уральская обл.	262,3	Западный район	346,8	Украина полесье . . .	413,7
Украина полесье . . .	483,6					Западный район	419,7
Западный район	501,0	Украинская ССР . . .	275,1	Центр.-Пром. район . .	375,6	Центр.-Пром. район . .	468,7
Вятский „	535,0					Белорусская ССР . . .	506,2
Центр.-Пром. район . .	553,1	Украина левобережн. . .	342,0	Вятский район	380,7	Ленинград. обл.	556,8
Ленинградская обл. . .	719,8					Северный район	643,9
Северный район	1.033,4	„ правобережн. .	349,5	Белорусская	386,0	Башкирия	—
		„ полесье	490,1	Ленинградская обл. . .	504,3		
				Северный район	566,2		

Таблица 2

Часы тяги, затрачиваемые на 1 га
(От минимума к максимуму)

Районы (по районам Статплана ЦСУ)	Рожь	Наименов. террит. един.	Пшеница	Наименов. террит. един.	Овес	Наименов. террит. един.	Ячмень
Нижне-Волжский . . .	80,9	Нижне-Волжский . . .	85,1	Вятский район	81,1	Центр.-Черноземн. . . .	87,2
Средне-Волжский . .	103,5					Вятский район	93,8
Центр.-Черноземн. . . .	105,1	Сев. Кавказ	89,2	Средне-Волжский . . .	85,4	Уральская обл.	98,9
Украина степь	113,3					Украина полесье . . .	103,7
Башкирия	115,6	Украина правобережн. .	93,0	Центр.-Черноземн. . . .	100,5	„ левобережн. . .	107,7
Украина левобережн. . .	117,9	Средне-Волжский . . .	108,1	Башкирия	104,6	„ степь	108,0
Сев. Кавказ	122,9					„ вся	111,1
Украина полесье . . .	124,8	Украина степь	109,8	Западный район	108,4	Средне-Волжск.	112,8
Украина вся	126,1					Нижне-Волжск.	124,5
СССР	141,6	Украина ССР	113,4	СССР	114,1	СССР	128,1
Украина правобережн.	150,8	СССР	118,4	Уральская обл.	117,3	Украина правобережн. .	138,0
Белоруссия	152,2					Западный район	144,2
Вятский район	158,7	Украина левобережн. . .	124,6	Центр.-Пром. район .	123,4	Центр.-Пром. район . .	145,3
Западный „	162,0					Сев. Кавказ	147,2
Уральская обл.	171,2	Украина полесье . . .	128,1	Белоруссия	130,6	Белоруссия	171,8
Центр.-Пром. район . .	197,6					Северный район	191,8
Сибирь юго-зап.	210,9	Сибирь юго-зап. . . .	134,5	Северный район	132,6	Сибирь юго-зап.	200,2
Ленинградская обл. . .	247,3			Ленинград. обл.	152,9	Ленинград. обл.	203,8
Северный район	334,0	Уральская обл.	166,0				
				Сибирь юго-зап.	159,7	Башкирия	—

Таблица 3

Нормы затрат труда на 1 гектар по отдельным видам работ в сельском хозяйстве
(Сводная по 11 районам. Низшая и высшая группы)

Посевные группы	Всего посева	Рожь	Пшеница озимая	Пшеница яровая	Овес	Ячмень	Кукуруза	Лен	Конопля	Картофель	Свекла	Подсолнух
Низшая	50,355	45,658	37,138	33,970	38,798	56,398	63,776	118,940	115,582	94,185	98,230	43,825
Высшая	14,343	10,939	10,519	11,699	12,207	9,250	23,430	67,737	156,172	61,506	57,119	28,798
Всего	29,398	28,289	18,308	17,830	24,472	20,393	28,609	91,782	109,367	76,185	81,355	32,838
%% отношение низшей группы к высшей группе . . .	351,1	417,4	353,1	290,4	317,8	609,7	272,3	175,6	74,0	153,1	172,0	152,2

Посевные группы	Травосеян.	Табак	Огороды	Бахчи	Сад	Виноградники	Сенокос	На одну голову скота в перев. на взр.рог.скот	На возвед. построек стоимостью в 100 руб.	На ремонт инвентаря стоимостью в 100 руб.	Возведение построек на 1 душу	Ремонт инвентаря на одно хоз.
Низшая	30,681	170,000	186,695	74,576	100,831	—	12,849	41,106	2,798	3,498	2,593	2,388
Высшая	10,219	—	145,494	32,878	111,084	—	4,698	22,676	2,769	1,293	2,764	7,397
Всего	15,984	100,793	182,312	45,504	102,915	122,423	10,976	39,141	2,698	2,362	2,312	3,308
%% отношение низшей группы к высшей группе . . .	300,2	—	128,3	226,8	90,8	—	273,5	181,3	101,0	270,5	93,8	32,3

графы таблицы. Это — расходы, связанные со статьей „амортизация" в себестоимости. Вполне понятно, что затраты на ремонт инвентаря на 1 хозяйство меньше в низших группах (32% в отношении к высшей группе), нежели в высших. В то время как затраты связанные с трудом в низших группах выше, затраты, связанные с орудиями производства — ниже; т.-е. мы имеем обратно-пропорциональные явления.

Одним из основных факторов, определяющих размер себестоимости на ряду с качественными показателями, имеет стоимость рабочей силы. Однако, со стороны этого фактора мы не имеем таких влияний на себестоимость, которые создали бы резкие пределы колебания между отдельными районами. Ниже мы приводим данные (табл. 4) о поденной оплате сел.-хоз. рабочих по основным видам работ по ряду районов СССР. Данные по каждому виду работ разбиты на оплату с харчами нанимателя или с харчами рабочего. Нас, с точки зрения „стоимости рабочей силы", интересует последняя оплата, т.-е. оплата с харчами рабочего. Максимальные границы колебания в пределах каждого вида работ относятся к 1925/26 г. и равняются 1—1,8 — 1,9; в среднем же по различным видам работ эта пропорция (отношения минимальной оплаты к максимальной) составляет 1 : 1,5, при чем амплитуда колебания в следующие годы имеет некоторую тенденцию к сжатию, т.-е. мы имеем, по всей вероятности, дело как с „подтягиванием" отсталых районов, так и „отсталых" видов работ. В среднем по всем районам и по всем видам работ мы сколько-нибудь резкого повышения (10—15%) зарплаты из года в год не наблюдаем. Некоторые районы дают на ряду со значительным повышением оплаты труда, некоторое понижение последней.

Структура себестоимости (см. табл. 5) по отдельным зерновым культурам по районам СССР [1] находится в тесной связи как с техникой полеводства, так и с уровнем оплаты труда в каждом районе. В среднем по СССР (взвешенной по посевным площадям районов) удельный вес в себестоимости „стоимости труда", как это видно из таблицы, почти одинаков для всех основных хлебов. Удельный вес „труда" в среднем по СССР — около 63%, при чем по отдельным культурам он колеблется от 61,3% до 69,5%. В то время как амплитуда колебания затрат труда на единицу посева в пределах каждой культуры чрезмерно велика по отдельным районам, колебание удельного веса „стоимости труда" в себестоимости относительно меньшее. Так, по ржи при амплитуде колебания затрат труда на 1 гектар 1 : 5, амплитуда колебания удельного веса „стоимости труда" в себестоимости 1 гектара за тот же год составляет примерно 1 : 1,5. При удельном весе „труда" в среднем по СССР себе-

[1] По линии структуры речь идет о крестьянских хозяйствах с типичными для данного района размерами посевов.

Таблица 4

Поденная оплата сел.хоз. рабочих в 1925/26, 1926/27 и 1927/28 гг.
(По различным видам работы)

Районы	Весенняя вспашка и сев яровых						Вывозка навоза		
	На харчах рабоч.			На харчах наним.			На харчах рабоч.		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Северный район . . .	147	167	165	118	131	131	136	174	—
II. Ленинград. обл. и авт. Кар. район	152	161	—	116	124	113	154	174	—
III. Западный район . . .	125	131	136	98	106	110	118	143	144
IV. Центр.-Промышл. район	166	163	171	127	123	133	173	178	185
V. Центр.-Черн.	89	86	93	67	67	74	89	193	108
VI. Уральская обл.	119	114	—	94	92	—	123	121	—
VII. Средне-Волжск. . . .	95	104	98	68	80	72	106	100	100
VIII. Сев. Кавказ	112	118	110	87	89	86	—	—	135
IX. Сибкрай	98	113	117	81	84	90	115	119	130
X. УССР (средняя) . . .	87	—	—	67	—	—	—	—	—
XI. БССР „ . . .	113	—	—	91	—	—	113	—	—

Районы	Жнитва и уборка озимых			Жнитва и уборка яровых					
	На харчах наним.			На харчах рабоч.			На харчах наним.		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
	22	23	24	25	26	27	28	29	30
I. Северный район . . .	104	124	146	131	160	167	107	128	140
II. Ленинград. обл. и авт. Кар. район	117	138	—	124	176	—	106	125	—
III. Западный край . . .	125	132	128	132	143	—	104	123	—
IV. Центр.-Пром. район .	150	160	179	169	189	189	126	146	155
V. Центр. чернозем. . .	109	124	—	131	142	—	105	115	—
VI. Уральская обл. . . .	99	102	—	126	125	—	101	105	—
VII. Средне-Волжск. . . .	108	98	—	134	116	—	104	92	—
VIII. Сев. Кавказ	134	126	123	165	127	—	128	95	—
IX. Сибкрай	105	106	111	122	138	138	103	108	111
X. УССР (средняя) . . .	135	—	—	157	—	—	127	—	—
XI. БССР „ . . .	116	—	—	110	—	—	90	—	—

и взмет пара			Сев озимых						Жнитва и уборка озимых		
На харчах наним.			На харчах рабочих			На харчах нанимат.			На харчах рабочих		
1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
112	136	133	149	157	—	120	127	151	130	158	170
118	127	—	120	173	—	110	126	—	143	190	—
96	110	122	125	141	—	110	113	115	153	163	164
128	136	152	168	183	—	128	144	—	193	203	207
68	73	84	98	112	122	83	88	95	142	151	—
95	101	—	128	128	—	100	104	—	121	124	—
80	74	78	121	103	98	93	80	79	138	120	107
—	—	103	114	122	132	97	100	102	167	152	154
90	96	103	111	124	128	93	96	102	134	142	134
—	—	—	102	—	—	81	—	—	167	—	—
92	—	—	113	—	—	91	—	—	145	—	—

Сенокос						Осенняя молотьба хлебов					
На харчах рабоч.			На харчах нанимат.			На харчах рабочих			На харчах нанимат.		
1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
181	218	218	149	171	184	102	108	117	79	87	94
189	184	218	150	159	231	80	95	—	61	79	—
153	172	172	139	146	147	112	113	110	91	92	94
197	215	237	158	176	193	151	147	—	113	111	—
117	132	143	94	103	117	102	107	—	82	87	97
142	138	—	114	110	—	116	114	—	91	90	—
130	132	132	103	104	110	100	98	83	83	78	—
150	150	144	116	121	119	—	—	151	—	—	119
132	140	142	102	110	114	116	129	—	90	100	—
157	—	—	126	—	—	—	—	—	—	—	—
159	—	—	130	—	—	89	—	—	73	—	—

Структура затрат на 1 гектар по основным зерновым культурам по типичным посевным группам
(По данным ЦСУ за 1925/26 г.)

Таблица 5

Районы	Рожь								
	Семена	Тяга	Удобрение	Стоимость пользования амортизацией	Общехозяйст. и проч. расходы	Итого матер. затрат	Стоим. труда	Сельскохоз. налог	Всего
СССР	10,82	11,80	4,62	2,85	3,41	33,50	65 45	1,06	100
Северный район	7,47	10,82	3,56	1,41	5,15	28,42	70,83	0,75	100
Ленинград. „	8,41	13,40	9,04	2,12	4 55	37,52	61,91	0,56	100
Западный „	10,31	11,64	7,35	2,75	4,29	36 24	62,63	1.13	100
Центр.-Промыш. район	8,43	13,69	8,29	2,30	3,53	36,24	63,08	0,68	100
Центр.-Черн.обл.	18.92	11,58	1,16	3,82	3,09	38,56	60,45	0,98	100
Вятский район	11,46	11,97	5,01	2,32	6 24	37,00	61 85	1,15	100
Уральская обл.	12,43	14,55	5,42	2,76	3,97	39,14	58,72	2,14	100
Башкирскзя АССР	11,47	7,12	—	2,27	3,95	24,80	72,83	2,35	100
Средне-Волжский	12,75	11,66	0,53	3,48	3,64	32,05	66,67	1,27	100
Нижне-Волжский	10,30	12,61	0,32	3,76	2,52	29,50	69,19	1,30	100
Сев. Кавказ	8,57	13,14	—	3,37	3,05	28,12	70,42	1,47	100
Сибирь юго-зап.	5,38	6 60	—	3,00	2,83	17,81	81,61	0,58	100
УССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Украина полесье	9,32	8,53	1,57	2,17	1,35	22,94	76,01	1,06	100
„ правобережн.	13,50	10,69	2,00	3,90	2,67	32,77	65,47	1,76	100
„ левобережн.	10,07	10,21	1,01	3.35	1,77	26,42	71,93	1,65	100
„ степь	12,28	11,34	0,30	4,19	1.66	29,77	68,92	1,30	100
БССР	11,91	8,85	12,37	2,87	1,82	37,82	61,29	0,81	100

Районы	Овес								
	Семена	Тяга	Удобрение	Стоимость пользования амортизацией	Общехозяйст. и проч. расходы	Итого матер. затрат	Стоим. труда	Сельскохоз. налог	Всего
СССР	16,42	10,54	3,42	2,55	4,52	37,45	61.33	1,22	100
Северный район	13,99	7,53	2,15	1,32	6,81	31,80	67,51	0,69	100
Ленинград. „	17,26	11,09	5,25	2,08	5,59	41,27	58,03	0,70	100
Западный „	16,07	10,67	4,48	2,71	5,14	39 06	59,82	1,12	100
Центр.-Пром. район	14,70	11,90	5,80	2.28	4,26	38,94	59,94	1,11	100
Центр.-Черн. обл.	17,45	11,57	0,75	3,84	3,25	36.85	62,09	1.06	100
Вятский район	16,66	8,40	3,78	2,11	7,84	38,80	60,23	0,97	100
Уральская обл.	20,56	13,89	1,44	2,80	4,63	43,32	54,36	2,32	100
Башкирская АССР	19,20	5,91	—	2,27	4,06	31,44	66,88	1,68	100
Средне-Волжский	20,02	9,56	0,52	3,28	3,61	36,99	61,83	1,17	100
Нижне-Волжский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сев. Кавказ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сибирь юго-зап.	10,57	7,82	—	3,17	2,96	24,52	74,17	1,31	100
УССР	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Украина полесье	—	—	—	—	—	—	—	—	100
„ правобережн.	—	—	—	—	—	—	—	—	100
„ левобережн.	—	—	—	—	—	—	—	—	100
„ степь	—	—	—	—	—	—	—	—	100
БССР	17,36	8,68	6,99	2,81	1,94	37,78	61,00	1,22	100

Пшеница яровая								
Семена	Тяга	Удобрение	Стоимость пользования амортизацией	Общехозяйств. и проч. расходы	Итого матер. затрат	Стоим. труда	Сельскохоз. налог	Всего
16,48	11,50	1,55	3,41	2,87	35,81	62,14	2,05	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
14,27	17,39	6,73	2,84	4,10	45,33	52,50	2,17	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
19,23	14,00	0,61	3,74	3,76	41,34	56,78	1,88	100
14.81	7,69	0,29	3,54	2,31	28,64	69,97	1,38	100
12,69	10,75	—	3,27	3,23	29,93	67,04	3.03	100
15,83	8,18	—	3,17	3.17	30,34	67,73	1,93	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
15,86	8,95	0,94	1,77	1,02	28.53	69,76	1,71	100
22,40	8,26	1,29	3,91	2,38	38,24	57,74	4,02	100
19,01	10,49	0,58	2,99	1,70	34,77	63,21	2,02	100
18,78	9,99	0,28	4,00	1,67	34,72	63,60	1,67	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—

Ячмень								
Семена	Тяга	Удобрение	Стоимость пользования амортизацией	Общехозяйств. и проч. расходы	Итого матер. затрат	Стоим. труда	Сельскохоз. налог	Всего
12,78	12,14	1,52	3,40	3,07	32,91	65,53	1,55	100
20,38	8,44	1,67	1,42	6,35	38,27	59,76	1,97	100
10,63	14,33	5,07	2,09	5,31	37,43	61,87	0,69	100
10,45	12,68	3,99	2,70	4,70	34,52	64,56	0,92	100
9,15	12,48	5,13	2,52	3,93	33.21	66,12	0,67	100
15,75	10,29	0.78	3,72	3,36	33.89	64,41	1,70	100
19,85	9,52	3,54	2,18	7,61	42,70	54,92	2,38	100
24,30	10,07	1,25	2,53	4,32	42,47	54,47	3,05	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
15,89	14,63	0,61	3,83	3,76	38,71	60,22	1.07	100
5,98	14,10	0,23	3,65	2,14	26,09	72,08	1,82	100
9,20	14,51	—	3,40	2,83	29,93	66,64	3,43	100
9,74	8,78	—	3,26	2,86	24,65	74,07	1,28	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
11,30	10,05	0,92	2,27	1,38	25,92	72,73	1,36	100
19,64	13,53	2,22	3,89	2,78	42 07	56,76	1,17	100
10,58	10,43	0,44	3,39	1,81	26,65	71,07	2,27	100
12,17	11,18	0,32	4,11	1,62	29,40	69,83	0,78	100
10,86	9,66	5,93	2,85	1,76	31,06	67,78	1,16	100

стоимость в 65,45%, минимальный удельный вес составляет 58,7% (Урал), а максимальный — 81,61% (Юго-Зап. Сибирь). Последнее об'ясняется, главным образом, тем, что во многих районах низкие технические коэфициенты (обусловливаемые техникой полеводства) сочетаются с относительно низкой оплатой труда. Таким образом, себестоимость (равно и ее отдельные элементы) как результирующая качественных и ценностных показателей, имеет относительно отличный уровень как от качественных (производственных), так и ценностных показателей. Правда, здесь нужно иметь также в виду всю структуру в целом, где удельный вес того или иного элемента находится в определенном сочетании с другими составными элементами, и при его абсолютной значительной величине он может занимать в структуре сравнительно меньший удельный вес.

В структуре себестоимости прочих хлебных культур пределы колебания удельного веса „труда" по районам еще меньшие, чем по ржи. По пшенице яровой при среднем удельном весе „труда" по СССР в 62,14%, колебания по районам составляют 52,5 — 69,97%, т.-е. 1 : 1,3; по овсу при средней удельном весе в 61,33% колебания равны 54,36—74,17%, т.-е. 1 : 1,37, и по ячменю при 65,53% колебания определяются 54,47—74,07% т.-е. 1 : 1,35.

Материальные затраты в себестоимости в среднем по всем районам и всем культурам составляют около 35%; свыше одной трети материальных затрат приходится на тягу. Если затраты труда мы считали необходимым оценивать по рыночной поденной оплате рабочего в сельском хозяйстве, то оценку таких элементов материальных затрат, как тяга, семена и удобрения, мы допускаем возможным принять не по их рыночной цене, а по себестоимости производства, поскольку они потребляются in natura, а не как товары. Аналогично тому, как в промышленном производстве в калькуляцию себестоимости продукты собственного производства включаются не по их рыночной цене а по их себестоимости (например, каменный уголь, употребляемый как средство производства в пределах той же производственной единицы, где он и произведен).

„Там, где развит капиталистический способ производства, а с ним разделение общественного труда — семя и даже часть удобрения входят в процесс воспроизводства, как товары, следовательно, должны быть куплены для возмещения; чтобы добыть денег на это опять-таки приходится продать часть квартера (пшеницы. Ш. Т.). Если же их в действительности не приходится покупать, как товары, если они, напротив, могут быть взяты из самого продукта in natura, после чего снова входят, как условия производства и его воспроизводства — как это случается не только в земледелии, но и во многих отраслях производства, которые производят постоянный капитал, — то они вносятся в счет выраженные, как счетные деньги и вычитаются как составные части издержек производства[1]. Здесь,

[1] К. Маркс, „Капитал", т. III, ч. 2, изд. 3, 1928 г.

как видно, мы не имеем прямых указаний на то, должны ли они „вноситься в счет" по рыночным ценам или по себестоимости. В то же время Маркс разграничивает элементы себестоимости, потребляемые как товары и потребляемые in natura.

В значительной мере вследствие оценки по себестоимости мы имеем более резкие колебания удельного веса тяги в пределах различных районов (в среднем отношение минимума к максимуму 1 : 2), при чем наименьший удельный вес тяги в себестоимости по всем культурам приходится на Сибирь, а наивысший — на Урал. Таким образом, мы имеем явление совершенно противоположное тому, что мы установили по удельному весу „труда" в себестоимости: в максимуме здесь Сибирь, а в минимуме—Урал (по всем культурам). По количеству часов тяги на один гектар ржи Урал и Сибирь находятся на довольно близком положении (171 и 210 часов), в Сибири затрачивается даже больше часов тяги на один гектар (на 39 часов). Однако, значительно меньшая оценка лошадиного часа в Сибири и сравнительно большая оплата труда наемного рабочего при гораздо большей затрате на один гектар труда (чем тяги) в Сибири по сравнению с Уралом (364 и 481 час) создает указанные структурные соотношения. По пшенице эти соотношения слагаются вследствие комбинаций ценностных и натуральных факторов. Здесь Урал по затрате часов труда (262 часа), по затрате часов тяги (166) превышает Сибирь (соответственно 204 и 134,5), тогда как по удельному весу труда Сибирь стоит в максимуме и Урал—в минимуме, а по тяге — наоборот, т.-е. здесь структурная картина себестоимости совершенно противоположна абсолютным (натуральным) затратам на единицу посева; и, конечно, вся разгадка заключается в ценностном моменте. При оценке часа тяги[1] (речь идет о типичных хозяйствах) в Уральской области в 6,4 коп., в Сибири он оценивается в 2,3 коп. т.-е. почти в три раза меньше, в то время как поденная оплата с.-х. рабочего в Сибири на 4 коп. выше уральской оплаты.

Удельный вес „семян" в себестоимости различен в среднем по отдельным культурам: рожь 10,8%, пшеница (яровая) 16,5% и ячмень 12,8%. Здесь опять-таки влияет не столько количество затраченных семян, сколько размер их стоимости. Еще более резкие колебания по культурам дает удельный вес „удобрения": рожь—4,6%, пшеница — 1,5%, овес — 3,4% и ячмень — 1,5%. В пределах же отдельных культур по районам эти отклонения разительны (от 0 до 12,5%). Некоторые районы вовсе не употребляют или почти не употребляют удобрений. Здесь помимо разницы в затратах имеет также некоторое значение структурное соотношение с другими элементами. Таким образом, соотношение (по СССР) затрат основных элементов на 1 гектар с удельным весом в себестоимости представляется (по типичным посевным группам) в следующем виде:

[1] В тягу „включены" исключительно материальные затраты по тяге (главным образом, работа лошади); труд же при тяговой силе отнесен в графу „оплата труда".

	Затраты на 1 гектар			Удельный вес в себестоимости		
	часов труда	часов тяги	центнер. семян	труд	тяга	семя
Рожь	404,6	141,6	1,3	65,45	11,80	10,82
Пшеница	243,8	118,4	1,3	62,14	11,50	16,48
Овес	336,8	114,1	2,0	61,33	10,54	16,42
Ячмень	304,5	128,1	1,4	65,53	12,14	12,78

Следующим элементом материальных затрат в себестоимости является амортизация, составляющая в среднем около трех процентов. По отдельным районам, в зависимости от размеров хозяйства, интенсивности, степени благосостояния мы имеем резкие отклонения затрат по этой статье расхода. Прочие общехозяйственные расходы составляют также примерно 3% в общей сумме затрат. Для получения всей суммы затрат, что важно в нашем выявлении рентабельности, мы сюда включили также сел.-хоз. налог, получив, таким образом, так называемую „коммерческую себестоимость". Во избежание недоразумений, мы должны подчеркнуть, что всякие налоги и из'ятия, как элементы „прибавочного продукта", сюда не входят и принципиально резко разнятся от затрат, связанных с процессом производства. Ни в коем случае нельзя отождествлять в данном анализе „издержек производства" с „себестоимостью". Имея в виду, с одной стороны, затраты, связанные с процессом производства данного продукта (так называемая „производственная себестоимость"), а с другой и затраты, вычитываемые из прибылей, связанные с доходностью (налоги и прочие из'ятия), мы считали возможным в структуру затрат (а в дальнейшем и в полную себестоимость) включить сельхозналог. Повторяем, такой технический прием необходим лишь для выявления рентабельности производства (чистой прибыли[1]) или убытка. Если принять за 100% сумму всех затрат, то сельхозналог составит по ржи — 1,06%, пшенице — 2,05%, овсу — 1,22% и ячменю — 1,55%. По районам мы имеем резкие колебания, связанные, главным образом, с доходностью крестьянского хозяйства в каждом отдельном районе.

Для того чтобы покончить с анализом структуры себестоимости в крестьянском хозяйстве, мы исчислили (по типичным посевным группам) соотношение между материальными и трудовыми затратами (см. табл. 6). В среднем на СССР на 1 руб. материальных затрат в среднем по 4 хлебам приходится 14 часов труда. При чем по таким культурам как пшеница яровая и овес это выражается в 13 (пшеница яровая) и 12,3 часов (овес), а по ржи — 14,7 и ячменю —

[1] Правда, не совсем „чистой" прибыли, поскольку сельхозналог не перекрывает собою все из'ятия, падающие на данные культуры; они в сумме затрат не учтены.

15,0 час. труда на 1 руб. материальных затрат. По всем культурам Сибирь стоит на первом месте по величине затрат труда, приходящихся на 1 рубль материальных затрат. Такое соотношение по районам и культурам в известной мере характеризует органическое строение затрат (по аналогии: „органическое строение капитала") с точки зрения интенсивности хозяйствования. В некоторой мере

Таблица 6

Органическое строение затрат и вооруженность труда

Районы	Рожь		Пшеница				Овес		Ячмень	
			яровая		озимая					
	На 100 часов труда приход. — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда	На 100 час. труда приходится — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда	На 100 час. труда приходится — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда	На 100 часов труда приход. — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда	На 100 часов труда приход. — час. тяги	На 1 руб. материальн. затрат — час. труда
Средн. взвеш. по СССР	35,0	14,7	48,6	13,0	46,6	13,3	33,9	12,3	42,1	15,0
Северный край .	32,3	18,7	—	—	—	—	23,4	16,0	29,8	11,8
Ленингр. обл. . .	34,4	12,0	—	—	—	—	30,3	10,2	36,6	12,0
Западный район .	32,3	13,2	—	—	—	—	31,3	11,7	34,4	14,3
Центр.-Пром. . .	35,7	10,6	—	—	—	—	32,9	9,3	31,0	12,1
Центр.-Черноозем.	35,6	14,8	—	—	—	—	34,8	15,9	30,1	17,9
Вятский район . .	29,7	14,7	—	—	—	—	21,3	13,8	26,3	11,4
Уральская обл. .	47,0	12,3	63,3	9,5	—	—	48,8	10,3	35,4	10,5
Башкирская АССР	38,0	24,3	—	—	—	—	34,9	17,6	—	—
Средне-Волжский	31,7	18,6	44,6	12,3	—	—	27,9	14,9	43,9	13,9
Нижне-Волжский	37,1	15,6	35,3	16,1	—	—	—	—	40,0	18,3
Сев. Кавказ . . .	47,2	17,6	40,6	15,8	54,3	12,7	—	—	55,5	15,6
Юго-Зап. Сибирь	43,8	36,6	66,0	17,8	—	—	57,4	24,2	65,0	23,7
УССР	34,4	13,3	—	—	—	—	33,8	13,3	33,9	17,9
Украина вся (средняя взвеш.) . .	34,2	18,5	41,2	12,5	42,0	13,6	—	—	42,6	16,2
Украина полесье	25,8	23,6	26,1	17,4	30,1	18,7	—	—	25,1	20,1
„ правобер.	32,1	19,2	26,6	14,5	38,1	13,9	—	—	46,9	12,9
„ левобер. .	31,5	19,2	36,4	13,3	34,4	14,6	—	—	32,3	18,9
„ степь .	46,3	15,6	44,3	12,3	48,2	12 8	—	—	46,0	15,8

техническое вооружение труда в крестьянском хозяйстве характеризуется соотношением затрат часов тяги на 100 часов труда. В среднем по СССР на 100 часов труда падает 34—48 часов тяги в зависимости от культуры (наибольшее по пшенице и наименьшее по овсу). По ржи наименьшее количество тяги в отношении труда приходится на потребляющие районы (где преобладает, главным обра-

зом, относительно дешевый женский труд), а наибольшее относится к так называемым товарным районам. Аналогичную картину мы имеем по овсу и ячменю. Здесь опять-таки „выпячивает" на первое место Сибирь, что об'ясняется в значительной мере сравнительно большим количеством рабочего скота (в частности лошади) в Сибири. По степени обеспеченности рабочим скотом (см. табл. 7) на первом

Таблица 7

Степень обеспеченности рабочим скотом

Удельный вес отдельных групп (все хозяйства района = 100)

	Годы	Без рабоч. скота	2 головы	3 головы
УССР	1925	40,6	18,7	1,9
	1926	38,6	22,0	2,0
БССР	1925	14,6	13,5	1,1
	1926	13,1	12,9	1,0
Северн.	1925	33,2	5,5	0,2
	1926	32,4	5,2	0,2
Сев.-Западн.	1925	25,4	8,0	0,4
	1926	25,1	8,3	0,4
Западн.	1925	10,5	18,7	1,3
	1926	10,2	18,2	1,0
Москов. Промышл.	1925	35,0	3,1	0,2
	1926	36,1	0,2	0,1
Рязано-Тульск.	1925	33,7	7,0	0,5
	1926	33,9	8,6	0,7
Центр.-Черноземн.	1925	37,8	6,3	0,5
	1926	36,5	6,9	0,5
Вятский	1925	31,3	5,8	0,3
	1926	29,6	6,1	0,4
Урал	1925	23,4	22,9	6,0
	1926	22,3	24,0	6,3
Башкирия	1925	30,2	15,2	2,0
	1926	25,6	18,7	2,3
Средне-Волжский	1925	41,3	6,7	1,3
	1926	37,1	8,9	2,0
Нижне-Волжский	1925	40,1	11,1	3,0
	1926	37,0	13,0	3,7
Крым	1925	57,9	14,4	5,0
	1926	52,8	16,2	5,8
Сев. Кавказ	1925	49,0	17,8	4,5
	1926	43,6	20,8	6,1
Сибирь	1925	13,2	32,4	15,8
	1926	13,3	33,1	16,0

месте стоит Сибирь. При среднем проценте по СССР хозяйств без рабочего скота в 35—38%, в Сибири последние составляют 13% (а на Сев. Кавказе 45%, Крыму 59% и т. д.), в то время как процент хозяйств с 2 головами рабочего скота — 33%, в среднем по СССР — 10—15% и свыше 4 голов — 12% (при среднем проценте в 2—3). На размеры затрат по отдельным районам влияет в значительной

мере также величина хозяйств (см. табл. 8). Наибольший удельный вес более крупных хозяйств (по посевной площади) приходится последовательно на: ЦЧО, Башкирию, Нижне-Волжский, Украина и т. д.

Таблица 8

Размеры хозяйств по посевным площадям

Удельный вес отдельных групп (все хозяйства = 100)

	От 2 га	3—4 га	4—6 га
УССР	17,8	15,5	19,2
БССР	26,6	20,6	19,3
Северный	19,3	7,7	4,4
Сев.-Западный	20,8	10,9	7,9
Западный	25,6	18,9	18,5
Московск.-Промышлен.	22,4	12,6	8,8
Рязано-Тульский	15,3	15,7	23,3
ЦЧО	17,7	18,5	27,1
Вятский	16,4	11,7	16,3
Урал	16,3	13,7	16,8
Башкирия	16,8	16,9	26,5
Средне-Волжский	14,3	13,6	21,0
Нижне-Волжский	12,7	12,2	20,9
Крым	7,7	5,8	8,4
Сев. Кавказ	8,9	8,6	15,5
Сибирь	14,3	12,2	17,1

Наибольший удельный вес менее крупных хозяйств приходится на потребляющие районы.

Большой интерес представляет структурное сопоставление затрат в СССР с соответствующими данными по Канаде.[1] Структура „себестоимости" пшеницы в Канаде представляется в следующем виде:

	1910 г.	1920 г.
Рента (плата за землю)	14,8	17,5
Труд	25,3	26,8
Тяга: лошади	25,0	19,3
Тяга: машины	7,4	7,3
Семена	14,8	15,5
Страхования от градобития	14,8	9,9
Итого	100	100

Прежде всего обращает на себя внимание небольшой сравнительно удельный вес труда. Однако, для сопоставимости с нашими данными, необходимо вычесть ренту и последнюю статью — страхо-

[1] На основании данных Н. Макарова „Зерновое хозяйство Сев. Америки", изд. 1924 г.

вание от градобития, тогда удельный вес труда в так называемой производственной себестоимости подымется до 35%, при его удельном весе у нас свыше 60%. Тяга занимает в себестоимости канадской пшеницы такое же положение, как и труд (около 35%), в то время как в СССР тяга составляет 1/5 в отношении к труду — около 12%. В канадской послевоенной себестоимости удельный вес ренты резко повысился за счет снижения удельного веса материальных затрат. В то время как в среднем по пшенице в СССР на 100 час. труда приходится 47 часов тяги, в С.-А. С. Ш. это соотношение в зависимости от района колеблется от 175 до 169 часов тяги на 100 часов труда, т.-е. соотношение совершенно обратное нашему. Если затрата труда на 1 гектар пшеницы у нас в среднем составляет около 245 часов, то в С.-А. С. Ш, соответствующая величина колеблется от 17—22 до 65—70 (в зависимости от „возраста" и структуры района).

Структура себестоимости по тем же зерновым культурам по совхозам Госсельсиндиката, в среднем, и РСФСР представляется за 1925/26 и 1926/27 гг. в следующем виде:

Таблица 8а

	Годы	Зарплата с накл. расх.	Тяговая сила			Материал				Общие расходы	Техн. ремонт и амортизация	Сельскохоз. налог
			Вся	Живая	Механ.	Семена	Удобр.	Проч.	Всего			
Рожь	1925/26	24,0	21,1	12,4	8,8	12,5	8,1	1,4	21,9	24,8	5,3	2,8
	1926/27	24,4	23,6	11,6	12,0	14,2	6,9	1,4	22,5	21,9	5,4	1,2
Пшеница яровая	1925/26	21,4	19,9	12,8	7,1	17,3	1,4	1,5	20,3	21,1	8,2	4,2
	1926/27	22,4	25,0	10,2	14,8	21,3	2,7	1,1	25,1	18,8	7,4	1,3
Овес	1925/26	28,5	16,4	12,9	3,5	18,8	0,8	2,1	21,7	23,8	5,2	4,3
	1926/27	24,4	21,5	11,1	10,4	21,5	0,4	1,9	24,4	20,6	6,8	2,2
Ячмень	1925/26	33,0	19,8	14,3	5,5	12,6	1,0	1,3	14,9	18,8	6,1	7,2

Здесь мы, прежде всего, имеем структуру совершенно отличную от индивидуальных крестьянских хозяйств, т.-е. структуру себестоимости крупного интенсивного хозяйства в отличие от хозяйства мелкого с низкой производительностью труда. При этом важно установить, что изменение структуры себестоимости в 1926/27 г. в сравнении с 1925/26 г. идет под знаком машинизации и роста технической вооруженности совхозов. Удельный вес механической тяговой силы резко увеличивается при сокращении удельного веса живой тяги. Заметно растет также удельный вес амортизации при некотором росте материальных затрат за счет семян; удельный вес зарплаты с накладными расходами примерно стабилен, при резком снижении удельного веса налогов. Рост затрат по тяговой силе в 1926/27 г. вне соответствующего под'ема урожайности и явился одной из причин (на ряду с ростом зарплаты) роста себестоимости в 1926/27 г. Удельный вес отдельных элементов в себестоимости различных культур не колеблется резко. Наибольшие колебания относятся к удобрению, механической тяге и амортизации, что связано, главным образом, с различной техникой полеводства. Удельный вес отдельных элементов в пределах каждой культуры по районам Советского Союза претерпевает довольно резкие колебания. Однако здесь необходимо заметить, что статья себестоимости „общие и прочие расходы", занимающие в среднем свыше 1/5 всех затрат, в значительной степени путает структуру по районам: в отдельных районах (трестах) сюда вносились (вернее „сваливались") различные затраты. В результате этого по ржи, например, эта статья по Сибири составляет 47,75%, в то время как зарплата занимает лишь 12,88%, т.-е. явно несуразная картина. Конечно, большая доля заработной платы где-то, в этой „свалочной" нерасшифрованной статье скрыта. Кроме того, если в статье „тяга" в себестоимости крестьянских хозяйств фигурировали лишь материальные затраты по тяге (корм скота и т. п.), то здесь (в совхозах) в этой статье фигурирует и труд, обслуживающий тягу (живую и механическую), в то время как в индивидуальных крестьянских хозяйствах этот труд отнесен к статье „оплата труда". Таким образом мы в калькуляциях совхозов имеем явно преуменьшенный удельный вес труда при преувеличенном размере затрат на тягу. Поэтому в таком виде эти данные с индивидуальными крестьянскими хозяйствами не сопоставимы. Расшифровать и „очистить" отдельные статьи представилось возможным по „счету производства" совхозов (по земледелию в целом). В результате такой „очистки" получается совершенно иная картина. Так, удельный вес всей зарплаты с накладными расходами вместо 25—27% подымается до 40—42% против 60—62% в крестьянских хозяйствах, „тяга" (за вычетом зарплаты, оставляя лишь материальные затраты) снижается примерно с 20% до 15—17% против 10—11% в крестьянских хозяйствах. Амортизация в совхозах значительно выше, чем в крестьянских хозяйствах, несколько выше также расходы на семена. При всей условности этого сопоставления мы имеем в совхозах безусловно более высокое „органическое строение" затрат, однако, оно все же еще ниже канадского и северо-американского сельского хозяйства.

(Продолжение следует)

Б. А. Гухман

На рубеже [1]

II. Производство

Сложная картина динамики производства за последние годы может быть понята только на фоне общих социальных и экономических условий, которые в основном определяли всю хозяйственную жизнь страны. Та социальная и хозяйственная ломка старого порядка, то строительство нового общества, которое в ней происходит с огромным упорством и энергией,— не должны упускаться ни на один момент и при анализе явлений производства.

1. Промышленность

Фабрично-заводская промышленность. После долгих восьми лет депрессии, в последнем перед войной пятилетии начиная с 1909 г., а особенно с 1910 г., промышленность вступила в полосу под'ема. Улучшаясь из года в год, своего апогея эта кон'юнктура достигла непосредственно перед войной: 1913 г. должен быть отмечен, как год максимального производства почти во всех отраслях промышленности. Разумеется, нельзя говорить об „американских темпах" развития русской промышленности даже и в те годы ее сравнительно быстрого роста, но, несомненно, что после восьми лет столь продолжительной и глубокой депрессии это оживление должно было казаться весьма значительным. Если за годы депрессии (1900—1908 гг.) средний годовой (геометрический) прирост производства крупной промышленности равен был всего $+3{,}4\%$ то в последующее пятилетие он подымается до $11{,}4\%$. [2] Эта резкая смена темпов роста производства, разумеется, должна была создать впечатление огромного расцвета промышленности. Но целый ряд признаков говорил за то, что этот под'ем в ближайшем будущем должен был смениться новым кризисом. В частности, М. И. Туган-Барановский ожидал его не позднее конца 1914 г. К тому времени, однако, разразилась война и создала совершенно новые условия специфической военной кон'юнктуры.

[1] См. „План. Хоз.", №№ 7 и 8 за 1928 г.

[2] См. „Промышленность и народное хозяйство", стр. 84, сборник изд. „Экономжизнь", исчислено по С. Г. Струмилину (см. его „Проблема промышленного капитала в СССР").

Перед русской промышленностью была поставлена задача чрезвычайной трудности — обеспечить военные требования; в то же время в обстановке почти полной изоляции от внешнего мира, удовлетворять мирные потребности страны и в первую очередь возросший спрос деревни, получившей огромный приток денежных средств — по военным поставкам, по пособиям и т. д. К решению таких задач всей предшествовавшей историей своего развития русская промышленность подготовлена не была. Непропорциональность, слабость и устарелость ее производственного скелета сказались со всей силой и на движении производства, и на его условиях, и на его структуре.

На протяжении последних перед войной пятидесяти лет, т. е на протяжении всего, в сущности, обозримого периода развития русской капиталистической промышленности, она испытывала ряд последовательных смен развития кризисов, периодов депрессий и оживлений, под'ема. При этом с 1870 г. С. А. Первушин, напр., насчитывает всего 19 лет хорошей кон'юнктуры („оживлений" либо „под'емов"). [1] За последнюю же треть века, с 1885 г. едва ли можно насчитать более дюжины таких „хороших" лет. [2] В настоящей работе не место подвергать специальному анализу динамику промышленности довоенной России, но необходимо отметить, что эти частые смены хорошей кон'юнктуры длительными периодами депрессии, а особенно то обстоятельство, что именно начало XX века, бывшее на Западе периодом промышленного расцета (с 1895 г. по 1901 г. и с 1904 г. по 1907 г.), было в России периодом длительной депрессии (с 1901 г. по 1908 г. с небольшим оживлением в 1903 г.), сыграло огромную роль в том, что уже ко второму десятилетию XX века русская промышленность „отстала от века"; что большая часть предприятий была основана или реорганизована в конце 80-х и начале 90-х годов и с тех пор не подвергалась значительной реконструкции. С другой стороны, надо иметь в виду, что эти колебания кон'юнктуры нельзя рассматривать слишком схематично. Не во всех отраслях они совпадают во времени и не всеми отраслями испытывались с одинаковой силой. Русская промышленность на всем протяжении этого периода испытывала могущественное воздействие трех факторов: роста емкости внутреннего рынка, казенных — военных и железнодорожных—заказов и системы покровительственного тарифа. Различное влияние этих факторов, кон'юнктурных колебаний, инвестиций извне,— равным образом отражалось на динамике тех или иных отраслей русской промышленности. Поэтому для последней характерна непропорциональность в развитии различных ее отраслей, несвязанность различных производств. Эти обстоятельства

[1] С. А. Первушин, „Хозяйственная кон'юнктура", стр. 186 и сл.

[2] Там же; ср. у А. Финн-Енотаевского—„Капитализм в России"; В. М. Штейн.— „Теория и политика экономич. кон'юнктуры". Б. Гухман — „Динамика промышл. России" в сб. „Промышленность и народное хозяйство".

имели огромное значение для всего последующего развития русской промышленности — и во время войны и после революции.

Три крупных группы производств — горное и горнозаводское дело (каменноугольное, нефтяное, золото-платиновое, рудное и металлургическое производства), текстильная промышленность и пищевкусовые производства (сахарное, мукомольное, спирто-водочное)— составляли основной костяк крупной промышленности довоенной России. Металлообрабатывающая промышленность, кроме отдельных производств, была развита сравнительно слабо. За исключением паровозо- и вагоностроения, производства швейных и отчасти сельскохозяйственных машин,—машиностроение, в особенности производство точных и сложных машин, электротехническая промышленность, химическая (опять-таки за исключением отдельных производств, например, резинового),— были в зачаточном состоянии и не могли удовлетворять требованиям рынка. Весьма трудно привести достаточно доброкачественные данные, которые позволили бы надлежащим образом характеризовать структуру крупного промышленного производства довоенной России. Использованные В. И. Гриневецким для этой цели прекрасные работы В. Е. Варзара [1] относятся к слишком отдаленному периоду (1900—1908 гг.); между тем, именно последние перед войной годы существенно изменили структуру русской промышленности. Обследование б. Мин. Торг. и Пром. за 1910—1912 гг. [2] страдает как неполнотой, так и недостаточной доброкачественностью собранных им данных. Предпринятое при ВСНХ коллективное исследование динамики русской промышленности за 40 лет (1885—1925 гг.), вероятно, даст возможность с большим правом оперировать довоенными данными. Но до его опубликования приходится использовывать указанные источники и исчисления Н. Я. Воробьева (основанные на разработанных ЦСУ Союза данных промышленной переписи 1918 г.). [3]

По этим данным в горном и горнозаводском деле занято было 25% всех рабочих, в текстильной промышленности —28% и в пищевкусовой —16%. Во всех трех группах было занято две трети общего числа рабочих крупной промышленности. Все эти отрасли производили до 75% всей валовой и 65% чистой продукции промышленности. Эти данные относятся к искусственному в довоенных условиях образованию: современной территории Союза. Впрочем, в действительности на всей территории б. империи эти три группы производств играли еще большую роль в структуре промышленного производства довоенной России: в отошедших областях основную массу

[1] „Статистические сведения о фабриках и заводах", 1900 и 1908 гг.

[2] „Фабр.-зав. пром. Европ. России". Птгр. 1915 г.

[3] „Фабр.-зав. промышленность в период 1913—1918 гг." „Труды ЦСУ, т. XX, VI, вв. и II, М. 1926 г. В эти исчисления Н. Я. Воробьевым внесены дополнительные, поправки. Ниже приводятся последние, любезно предоставленные Н. Я. Воробьевым исчисления.

предприятий составляли текстильные и каменноугольные. [1] Таким образом, ко времени начала мировой войны крупная русская промышленность была по преимуществу добывающей, либо производством предметов непосредственного потребления населения, основанном по преимуществу на переработке продуктов сельского хозяйства и развертывавшимся на базе обширного внутреннего рынка.

Эту характеристику надо еще больше усилить, если учесть существование и мелкого промышленного производства и отнести ее не только к фабрично-заводской промышленности, но ко всему промышленному производству страны. Ниже анализу отношений фабрично-заводской и всевозможных видов мелкой промышленности уделяется специальное внимание. Здесь же, предвосхищая последний, надо отметить, что во всем промышленном производстве страны производство предметов непосредственного потребления населения и переработка сел.-хоз. продуктов имели решающее значение. Отрасли же квалифицированной обрабатывающей промышленности были слабо развиты. После под'ема 80-х и 90-х годов, когда было в сущности положено основание этих отраслей промышленности в течение всего периода депрессии первых восьми лет XX века рост их производства был весьма умеренным: при общем под'еме производства обрабатывающей промышленности (без подакцизных производств) с 1900 г. по 1908 г. на 65%, обработка металлов и машиностроение увеличили свое производство всего на 40%. [2] Только в последние перед войной годы общего промышленного под'ема эти отрасли получили гораздо более резкое развитие. Если за эти годы общая сумма производства (условно-чистой продукции) всей промышленности возросла на 80%, то обработка металлов и машиностроение—на 120%, производство строительных материалов—на 103% и химическая промышленность — на 93%. Только в этот последний период, как видим, указанные отрасли промышленности развертывали свое производство интенсивнее остальных производств. Совершенно естественно, что производство этих отраслей и, в первую очередь, машиностроения не могло покрывать внутренний спрос в особенности на огромное большинство видов фабрично-заводского оборудования — машин и сложных инструментов. По данным обследования 1900 г. в фабрично-заводской промышленности до 63% всей стоимости оборудования было заграничного происхождения. [3] В последующие годы это соотношение не изменилось: несмотря на рост внутреннего производства потребность промышленности в оборудо-

[1] См. „Продукция фабр.-заводской промышленности за 1910, 1911 и 1912 гг.", стр. XI, Труды ЦСУ, т. X, в. 2, 1922 г.

[2] См. Б. А. Гухман, „Произв. труда и зар. плата в промышленности СССР", стр. 54—55.

[3] Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам не обложенных акцизом", за 1900 г. в обраб. В. Е. Варзара.

вании возрастала еще больше, и из-за границы и в последние перед войной годы ввозилось, примерно, две трети общей суммы необходимого промышленности оборудования; по подсчетам С. Г. Струмилина в последние перед войной годы снабжение промышленности машинами складывалось следующим образом (в млн. руб.).[1]

Годы	Ввоз (с пошлиной)	Своя продукция (реализованная)	Итого	Ввоз в % к общей сумме
1910	93,6	54,8	148,4	63,1
1911	118,3	70,6	188,9	62,6
1912	117,8	82,2	200,0	59,0
1913	156.3	(82,5)	238,8	65,2
Итого за 4-летие	486,0	290,1	776,1	62,6

Таким образом, и в последние перед войной годы ввоз машин и оборудования достигал двух третей общей суммы снабжения ими промышленности. При этом наиболее сложные и дорогие машины внутри страны вовсе не производились, и вся потребность в них покрывалась ввозом извне. Значительно лучше удовлетворялась внутренним производством потребность в сел.-хоз. машинах; из-за границы ввозилась в последние перед войной годы всего одна треть общей ее суммы. Наконец, потребность страны в железнодорожном оборудовании, несмотря на быстрый рост железнодорожного хозяйства, в швейных машинах, несмотря на огромный на них спрос, в подавляющей своей части покрывалась внутренним производством.

Как в свое время отметил уже В. И. Гриневецкий, замедленный темп развития металлургической и каменноугольной промышленности имел своим следствием недостаточную подготовленность этих важнейших производств к удовлетворению повышенных требований народного хозяйства в металле и каменном угле в последовавший период под'ема. В эти годы обозначился в стране определенный недостаток металла и явный топливный голод; для удовлетворения этих требований приходилось ввозить из-за границы значительные контингенты этих продуктов. [2]

Нижеследующие данные определяют движение добычи каменного угля и производства черных металлов за последнее перед войной пятилетие в сравнении с чистым их ввозом (за вычетом вывоза) (в млн. тонн). (см. табл. на след. стр.).

Несмотря на значительный рост производства металла и добычи каменного угля потребность в них возрастала еще больше, и импортом приходилось покрывать все более значительную ее долю. В то

[1] С. Г. Струмилин, „Проблема пром. капитала в СССР“, стр. 49.

[2] В. И. Гриневецкий, „Послевоенные перспективы русской промышленности“, стр. 14, изд. 2-е, 1922 г. Не может подлежать сомнению, что этот недостаток топлива и металла был связан также и с сознательной политикой об'единений фабрикантов и заводчиков искусственной задержки роста производства для поддержания цен на высоком уровне.

Годы	Каменный уголь			Металл		
	Добыча	Ввоз		Производство	Ввоз	
		Абсол.	В %% к добыче		Абсол.	В %% к производству
1909	28,6	4,3	16,0	2,88	0,06	2,1
1910	25,4	4,6	18,1	3,03	0,07	2,3
1911	28,5	5,2	18,3	3,58	0,13	3,6
1912	31,2	5,9	18,9	4,17	0,18	4,2
1913	35,7	8,6	24,0	4,61	0,14	3,1
Всего за пятилетие.	147,6	28,6	19,3	18,27	0,58	3,2
То же за 1905—1909 гг..	119,0	20,8	17,5	13,95	0,34	2,4

же время рост промышленного производства увеличивал потребность и в промышленном сырье и в полуфабрикатах; импорт покрывал всю потребность в непроизводившихся внутри страны алюминии, никеле, олове, каучуке и большую часть потребности в цинке и свинце. За 5 лет — с 1909 по 1913 гг. — импорт олова возрос на 40% (с 4,2 тыс. тонн до 6 тыс. тонн), никеля — в 3,1 раза (с 0,96 тыс. тонн до 3 тыс. тонн), алюминия в 3 раза (с 0,62 тыс. тонн до 1,85 тыс. тонн.); импорт каучука и сырой резины вырос с 7,1 тыс. тонн в 1909 г. до 11,8 тыс. тонн в 1913 г., т.-е. на 66%. Если в 1909 г. импорт цинка составил 11,5 тыс. тонн, что к внутреннему производству в 9,6 тыс. тонн составило 120%, то в 1913 г. импорт его составил уже 28,2 тыс. тонн, что к внутреннему производству в 11,1 тыс. тонн составило более 250%; наконец, несмотря на быстрый рост добычи меди — с 18,4 тыс. тонн в 1909 г. до 33,6 тыс. тонн в 1913 г., — импорт ее вырос еще сильнее — с 3,4 тыс. тонн до 6,5 тыс. тонн; в 1909 г. он составил 18,5% добычи внутри страны, а в 1913 г. — 19,3%. Даже тот рост промышленного производства, который имел место в последние перед войной годы, не был обеспечен ни развитием топливной, ни горнодобывающей базы страны. К этому надо прибавить, что и сел.-хоз. сырьевая база довоенной России не могла обеспечить легкой индустрии, и ввоз хлопка и шерсти покрывал весьма значительную часть потребности в них.

С началом военных действий внешняя торговля почти совершенно прекратилась. Это создало для промышленности величайшие затруднения в снабжении сырьем, и если в первое время они не ощущались еще так сильно, то только потому, что в предыдущие годы были накоплены большие запасы сырья и полуфабрикатов. Несомненно, в стране имелись запасы и неиспользованного оборудования. Необходимость снабжения фронта и армии колоссальным

количеством средств истребления и потребления пред'явила огромные требования к производству машиностроительной, металлообрабатывающей, электротехнической, химической, кожевенной промышленности в первую очередь, т.-е. к наиболее слабым отраслям. Целый ряд производств пришлось создать заново, другие значительно расширить. Такие производства, как машиностроительное, химическое, крупное кожевенное и одежно-обувное — словом, те производства, которые были связаны с работой непосредственно на оборону,— весьма расширили свое производство. Частично это достигалось путем максимальной нагрузки существовавших предприятий, а частично и путем их расширения и создания новых. К 1917 г. целый ряд предприятий был заново организован и не мало существовавших были в значительной степени реорганизованы. Перепись 1918 г. дает возможность судить о размерах этого военного роста производства. [1]

Динамика числа рабочих и продукции пром. предприятий (1913 г. = 100)

Группы производств	Число рабочих в среднем за год				Валовая продукция			
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
А. Участвовавшие в работе на оборону	103,4	111,5	123,9	132,8	102,7	126,0	148,1	107,4
Предметы вооружения	112,1	136,1	167,6	185,6	106,5	160,6	210,1	153,6
„ снаряжения	103,6	127,6	135,1	126,5	108,1	123,9	121,2	90,4
„ питания	102,0	108,4	109,5	113,7	112,0	120,1	89,6	48,8
Ткани	99,8	97,7	96,1	97,5	97,0	97,3	84,7	59,6
Б. Неучаствовавшие непосредственно в обороне	99,4	91,1	91,3	95,2	102,1	101,1	91,4	65,2
В среднем	102,9	106,6	112,6	117,8	102,3	117,5	119,6	84,7

В эти годы войны весь рост промышленного производства обусловливался именно непосредственно участвовавшими в работе на оборону предприятиями и производствами; наоборот, не связанные непосредственно с последней предприятия сократили свое производство. При этом своего максимума производство достигло в 1916 г., когда была закончена организация работ „оборонных" отраслей промышленности. В соответствии с этим от 1913 к 1916 г. резко повысилась в общей сумме производства доля последних (в %% к общему итогу): (см. табл. на сл. стр.).

Все большая доля вырабатывавшейся крупной промышленностью продукции падала на средства истребления и предметы потребления

[1] „Фабр.-заводская промышленность в 1913—1918 гг.", стр. 39.

Группы	Число рабочих		Валовая продукция	
	1913 г.	1916 г.	1913 г.	1916 г.
А. Участвовавшие в обороне:				
Производство предметов вооружения	21,0	31,2	26,0	45,6
Производство предметов снаряжения	2,6	3,2	2,9	3,0
Производство предметов питания	8,2	8,0	13,3	10,0
Производство тканей	54,2	46,2	48,2	34,1
Итого по А	86,0	88,6	90,4	92,7
Б. Неучаствовавшие непосредственно в обороне	14,0	11,4	9,6	7,3

армии. Особенно ярко эта картина характеризуется по данным о движении числа рабочих и производства машиностроительной и химической промышленности (1916 г. в %% к 1913 г.): [1]

Производство	Число рабочих	Валовая продукция
Взрывчатых веществ	449	1.045
Оружия	308	609
Электротехническое	181	350
Подвижного состава, рельс и проволочных путей	178	216
Дубителей и красителей	95	211
Специальных машин	136	143
Арматурное	123	120
Неорган. кислот и щелочей	140	102
Мыловарен. и стеаринов	107	77
Спичечное	92	67
Сел.-хоз. машин	88	48

За эти годы во много раз увеличилось производство взрывчатых веществ и оружия и значительно уменьшилось производство предметов широкого потребления. Надо иметь в виду, что этот процесс захватил не только крупную, но и мелкую промышленность. Целый ряд металлообрабатывающих, кожевенных, швейно-пошивочных производств был привлечен к работе на оборону, значительно расширив свое производство и улучшив оборудование. В то же время экспортные производства и вообще несвязанные с военными заказами резко сократились. В годы войны и крупные и мелкие предприятия могли расширять свое производство только для нужд обороны и только на базе военных заказов. Тем с большей силой ска-

[1] Там же.

залось на них прекращение этих заказов. Уже начиная с 1917 г., а особенно со второй его половины, после неудачи июньского наступления, стало очевидным близкое окончание войны. Военные заказы начали прекращаться, и производство на оборону не замедлило свертыванием.

Октябрьская революция национализировала крупные промышленные предприятия, кредитные и торговые организации. Взамен старых, разрушенных революцией, организационных форм на ходу создавались новые, принципиально от них отличные. Эта ломка старого и создание нового происходила в обстановке тяжелой вооруженной борьбы с контр-революцией и интервентами, борьбы, на которую были отвлечены лучшие и квалифицированные рабочие. Источники сырья и топлива — Туркестан, Сибирь, Урал, Донбасс, Закавказье — были непосредственными театрами гражданской войны и оказались отрезанными от центральной России. Блокада внешних границ и портов препятствовала возможности подвоза сырья и топлива извне. При этих условиях промышленность неминуемо должна была резко сократить свое производство. В годы 1918—1921 промышленное производство почти прекратилось, свелось к совершенно ничтожным величинам. Те приблизительные исчисления, которые в свое время производились и в Госплане и в ЦСУ, определяли максимальное падение промышленного производства в 1920/21 г. до 15% довоенного уровня. [1] Несмотря на такое падение об'ема производства, производственная база крупной промышленности в очень небольшой своей части потерпела существенный, непоправимый ущерб. Основная масса предприятий не подверглась сколько-нибудь значительному разрушению. Поэтому когда закончилась гражданская война, топливная и сырьевая базы были воссоединены с районами перерабатывающей промышленности; транспортное сообщение, товарооборот, организация управления производства установлены — крупная промышленность получила возможность весьма быстрого роста об'ема производства путем простой нагрузки существовавшего и бездействовавшего оборудования. Такие огромные „восстановительные" коэфициенты роста производства и обнаружились, начиная с 1922 г. Общая динамика производства крупной промышленности определяется следующим приблизительным исчислением. [2]

[1] См. „Сборник статистических сведений по СССР 1918 — 1923 гг.", стр. 168—169. Труды ЦСУ, т. XVIII; „Продукция и потребление СССР", стр. 114, Труды Госплана кн. 6, в. III; В. Г. Громан, „Нар. хоз. СССР", стр. 47.

[2] См. указанную работу, а также „Итоги десятилетия советской власти в цифрах", стр. 242; последние годы—по „Контр. цифрам народного хозяйства". Эти данные весьма приблизительны. В частности, по методу счета они не учитывают происходивших в эти годы изменений ассортимента и качества изделий. Судя по всему, сравнительно с современными, довоенные данные преуменьшены процентов на 10.

Динамика валовой продукции крупной промышленности

Годы	Валовая продукция в млн. руб. по дов. ценам по отраслям			В процентах к 1913 г.			В процентах к предыд. году
	Произв. средств произв.	Произв. предмет. потребл.	Итого	Произв. средств произв.	Произв. предмет. потребл.	Итого	
1913	2.582	3.809	6.391	100	100	100	—
1914	2.726	3.703	6.429	105,6	97,2	100,6	100,6
1915	3.359	3.697	7.056	130,1	97,1	110,4	109,8
1916	4.170	3.250	7.420	161,5	85,3	116,7	105,2
1917	2.667	2.113	4.780	103,3	55,5	74,8	64,4
1918	980	1.180	2.160	38,0	31,0	33,8	45,2
1919	551	404	955	21,3	10,6	14,9	44,2
1920	396	422	818	15,3	11,1	12,8	85,7
1920/21	416	664	1.080	16,1	17,4	16,9	132,0
1921/22	629	806	1.435	24,4	21,2	22,5	132,9
1922/23	991	1.135	2.126	38,4	29,8	33,3	148,2
1923/24	1.216	1.370	2.586	47,1	36,0	40,5	121,6
1924/25	1.788	2.172	3.960	69,2	57,0	62,0	153,1
1925/26	2.513	3.960	5.722	97,3	84,2	89,5	144,5
1926/27	3.178	3.545	6.723	123,1	93,1	105,2	117,5
1927/28	3.779	4.364	8.143	146,4	114,6	127,4	121,1

Военный рост производства, его падение в годы гражданской войны и затем бурный под'ем — этими данными характеризуется достаточно выпукло. Огромные темпы роста производства, которые имели место, начиная с 1921 г., не могли бы осуществиться, если бы их нельзя было достигнуть, загружая стоявшее в бездействии оборудование. При этом огромный, никем в свое время непредвиденный рост его в 1924/25 г.,— вдвое больше предыдущих лет,— несомненно, был достигнут благодаря тому, что этот процесс активизации оборудования удалось резко усилить и ускорить благодаря известным успехам в организации самого промышленного хозяйства. Если судить по этим данным, уже с 1926 г. об'ем производства крупной промышленности превысил довоенный уровень. Можно было бы наметить периодизацию этого ряда: 1914—1916 гг.— период военного роста промышленности, 1917—1920/21 гг.— период ее упадка, 1921/22—1925/26 гг.— период восстановления об'ема производства и, наконец, начало нового периода на более высоком уровне об'ема производства, чем начальный— 1913 г. Эти периоды статистического ряда грубо совпадают, конечно, с периодами этой исторической эпохи. Война 1914—1916 гг., переходный 1917 г., 1918—1921 гг.—годы гражданской войны, 1922—1925 гг.— первые годы мирного труда и восстановления разрушений и, наконец, первые годы развернутой реконструкции производственной базы промышленности. Однако,

Производство главнейших продуктов в крупной (цензовой) промышленности СССР (1913—1928 гг.)

Продукты	Единица счета	1913 г.	Война			1917 г.	I период революции — гражданская война			1921 г.	II период — восстановительный				1925/26	XIII период — реконструкция	
			1914 г.	1915 г.	1916 г.		1918 г.	1919 г.	1920 г.		1922 г.	1922/23	1923/24	1925/25		1926/27	1927/28
А. Средства производства																	
I. Топливо																	
1. Каменный уголь	тыс. тонн	28870	31915	31430	34514	31145	12958	9238	8483	9823	10375	11467	16189	16613	25586	32180	36130
2. Нефть	„ „	9543	9024	9324	9876	8711	3638	4437	3837	4031	4912	5297	6065	7185	8525	10437	11600
3. Торф	„ „	1550	1753	1550	1425	1275	1088	1188	1509	2385	2250	2583	3133	3430	4260	6080	6910
4. Дрова	млн. куб. метр.	70,0	69,0	67,0	69,0	60,0	43,7	40,8	94,3	89,6	55,0	54,6	53,7	43,4	50,5	60,4	51,3
II. Руда																	
5. Железная руда	тыс. тонн	9214	6540	5250	6645	4954	772	183	164	129	245	481	1043	2084	3318	4802	5800
III. Металл																	
6. Чугун	тыс тонн	4207	4082	3685	3814	3023	515	113	115	116	188	300	661	1192	2203	2964	3328
7. Сталь	„ „	4247	4400	4106	4274	3080	402	199	162	182	(330)	615	993	1868	2900	3629	4175
8. Прокат	„ „	3509	3582	3257	3372	2444	357	179	147	180	(270)	474	690	1418	2255	2752	3194
9. Медь (штыковая)	„ „	32	31	26	24	18	4	—	—	—	1	2	3	8	12	22	27
IV. Машины и оборудование																	
10. Паровозы	млн. руб. по довоен. цен.	14,2	?	?	?	6,3	2,5	1,5	1,8	1,6	(2,0)	2,5	7,8	6,5	12,0	22,0	32,0
11. Двигатели внутр. сгорания	1000 HP	26,5	?	?	?	?	12,5	6,3	1,9	5,3	(8,0)	13,9	17,4	35,0	63,7	82,4	106,9
12. Сел.-хоз. машины	млн. руб. по довоен. цен.	67,0	?	?	?	6,4	4,2	2,8	3,1	(5,0)	(8,4)	11,8	16,4	40,0	70,0	99,0	125,0
V. Строит. материалы																	
13. Цемент	тыс. бочек	12340	12050	9220	7900	5880	1120	40	120	385	860	1390	2250	4454	8500	10068	11900
14. Кирпич	млн. штук	2144	2354	1374	922	674	315	189	190	94	130	216	304	474	918	1398	1785
15. Пиленые материалы	тыс. куб. метр.	11129	11875	10061	7657	5580	2755	2008	1485	(1710)	3057	4670	5725	8524	9942	15778	—
VI. Химия																	
16. Сода	тыс. тонн	154	?	?	?	36	86	49	27	11	49	63	106	134	180	222	(270)
17. Суперфосфат	„ „	55	?	?	?	12	29	16	9	5	8	16	28	54	92	96	159
18. Кислоты	„ „	150	?	?	?	192	201	114	63	38	50	76	133	176	236	313	(465)
Б. Предметы потребления																	
19. Хлопч.-бум. пряжа	тыс. тонн	271	270	298	298	210	118	19	15	22	72	75	112	189	243	284	330
20. Хлопч.-бум. ткань (сур.)	млн. метр	(1625)	(1625)	(1795)	(1795)	(1265)	(979)	(161)	(126)	105	349	667	930	1631	2209	2834	3100
21. Шерстяная пряжа	тыс. тонн	46	45	47	44	32	25	10	8	7	14	16	20	29	36	44	54
22. „ ткань	млн. метр	(89)	(87)	(89)	(87)	(68)	(48)	(17)	(14	9	21	27	35	55	70	80	97
23. Льняная пряжа	тыс. тонн	(65)	(82)	(86)	(75)	52	28	15	10	8	21	34	45	48	68	67	—
24. „ ткань	млн. кв. метр.	(173)	(219)	(230)	(200)	(139)	(75)	(42)	(27)	20	81	80	119	135	176	—	188
25. Галоши	млн. пар	28	23	24	20	17	6	3	—	1	9	10	6	16	25	30	37
26. Сахарный песок	тыс. тонн	960	1287	1621	1496	915	335	79	90	50	186	196	374	466	1076	873	1342
27. Соль	„ „	1978	1933	2003	2602	1804	1320	610	765	983	743	1173	1243	1331	1537	2061	2223
28. Спички	тыс. ящиков	3757	4092	2940	2900	2279	1019	1008	633	782	899	1399	1923	3190	4035	4254	5500

нельзя рассматривать эти периоды слишком схематично. Эти общие данные не вскрывают еще тех качественных изменений, которые совершались в народном хозяйстве одновременно и на общем фоне этих суммарных сдвигов. Военный рост промышленного производства был в то же время связан с его сокращением в ряде отраслей; развертывание одних из них шло одновременно со свертыванием других. Если бы „восстановительный" рост производства после его падения об'яснялся только одним увеличением нагрузки существовавших предприятий, без изменений в организации самой производственной базы, этот процесс восстановления об'ема производства был бы процессом восстановления и его структуры. Однако, это-то условие и не имело места. Каким бы своеобразием ни отличалась экономика отошедших от императорской России после войны государств,—в частности, Польши,—от остальной части страны, но до войны это был единый хозяйственный организм, с одной внешней границей, единым таможенным тарифом, валютой и т. д. Внутри этой хозяйственной системы существовало определенное размещение и промышленности. Потери последней в результате распада старой России были весьма чувствительны, в особенности по некоторым производствам. По данным обследования 1912 г. (в обработке ЦСУ) потери промышленности, в связи с образованием лимитрофных государств, определяются следующим образом: [1]

Число рабочих и продукция крупной промышленности России в 1912 г.

Отрасли промышл.	Рабочих (тыс. чел.)			Валовая продукция (млн. руб.)			Отошло в % %	
	СССР	Проч. террит.	Всего	СССР	Проч. террит.	Всего	Рабочих	Валов. продукции
Всего	1.917	408	2.325	6.059	1.383	7.442	17,3	18,6
В том числе:								
Шерст. пром.	80	63	143	345	297	642	44,4	46,2
Кожевен. „	28	8	36	76	45	121	23,4	36,9
Бумажн. „	33	11	44	61	33	94	24,7	35,0
Пенька и джут. пром.	15	10	25	29	14	43	40,0	33,4
Обраб. дерева	78	23	101	163	53	216	22,7	24,4
Химпромышл.	51	14	65	223	64	287	22,2	22,5
Добыча и обраб. минералов.	138	37	175	133	37	170	20,8	20,3
Хлопч.-бум. промышл.	430	80	510	1.389	364	1.753	16,5	20,3
Металлич. „	339	87	426	1.138	258	1.396	19,3	18,5
Горная и горнозавод. пром.	388	24	412	716	36	752	5,9	4,8

[1] „Продукция фабрично-заводской промышленности за 1912, 1920 и 1921 гг.", стр. IX, Труды ЦСУ, т. X, в. 2.

С отошедшими территориями страна потеряла высококвалифицированную часть обрабатывающей промышленности в шерстяном, мебельном, обувном, бумажном, химическом производствах. В подавляющей части эти предприятия работали на сырье, подвозившемся из районов, оставшихся в СССР. Выпадение этих производств не может не ощущаться достаточно болезненно во всем народном хозяйстве Союза.

С другой стороны, выше были отмечены те усилия в организации производственной базы ряда отраслей производств, в том числе и таких, которые понесли значительный ущерб с отходом части территории, во время войны. В эти годы была укреплена производственная база отраслей квалифицированной переработки и, несомненно, чрезвычайно пострадала хищнически эксплоатировавшаяся топливная и сырьевая.

Наконец, выше были характеризованы и те реконструкционные процессы, которые имели место уже в первые годы восстановления производства в организации всей производственной базы промышленности. Начиная же с 1924 г., эти процессы были чрезвычайно усилены капитальными работами. Реконструкция производственной базы должна была технически обусловить и реконструкцию производства. Социальная же революция, изменившая условия потребления и распределения внутри страны, условия связей с внешним миром, требовала этой реконструкции тем решительнее, чем энергичнее она развертывалась. Отражения этих процессов реорганизации производственного скелета промышленности можно видеть уже и по приведенным выше общим данным: огромный рост производства средств производства во время войны, его гораздо более высокий (сравнительно с довоенным) современный уровень, несомненно, связаны именно с этими процессами. Но наиболее правильно и удобно проследить реконструкцию производства по данным о движении производства конкретных фабрикатов (см. табл. на стр. 175).

В этих частных, но конкретных показателях не трудно заметить ту же периодизацию, что и в приведенных выше общих данных. Однако, анализируя их, можно вскрыть и ряд чрезвычайно важных структурных особенностей. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что несмотря на отмеченный выше, весьма значительный рост машиностроения и металлообработки в годы войны, ни металлургия, ни тем более рудная промышленность не обнаруживали сколько-нибудь значительного прироста производства. С другой стороны, и рост добычи топлива был весьма умеренным и не мог удовлетворить колоссальный на него спрос. Уже в первые годы войны, поэтому, обнаружился недостаток этих двух основных предметов производственного потребления.

Не было ни одного производства, которое не испытало бы резкого сокращения, начиная с 1918 г., но степень падения была далеко не одинаковой во всех случаях. Наименьшим это сокращение

производства было в торфе, наибольшим—в рудной, металлической, машиностроении, производстве галош. Эти особенности связаны с целым рядом обстоятельств. Кризис топлива в центральной России, в связи с ее изоляцией от угольных районов, заставил обратить усиленное внимание на эксплоатацию местных видов топлива и, в первую очередь, торфа.

Поэтому еще в 1919 г., когда производство остальных отраслей промышленности продолжало сокращаться, добыча торфа начала увеличиваться и в дальнейшем продолжала неизменно расти. Наоборот, на территории железорудных и железоделательных районов (Урал, Кривой Рог) развертывалась гражданская война. Если производственная база этих отраслей и не пострадала, то текущее производство, разумеется, в таких условиях не могло не притти в упадок. Точно также отсутствие импорта сырья (каучук) явилось причиной почти полной приостановки резинового производства. Не может подлежать сомнению, что кризис топлива и сырья, явившись непосредственным следствием гражданской войны, был основной причиной этого повсеместного и всеобщего паралича производства, даже и тех производств, которые сосредоточены на менее всего подвергшейся опустошениям гражданской войны территории (текстильная, машиностроительная отрасли). Именно поэтому процесс восстановления производства начался с топлива.

Одновременно, уже в 1921 г., обнаружили первые признаки роста производства металлургия и те предметы потребления, которые меньше других зависели от сырья (хлопчатобумажное, сахарное, спичечное). Добыча предмета первейшей необходимости — соли — начала расти еще раньше, в 1920 г. Чем настоятельнее была необходимость в производстве того или иного продукта с точки зрения удовлетворения потребностей в нем всего народного хозяйства, тем (при прочих равных условиях) раньше начинался процесс восстановления его производства. С другой стороны, отсутствие сырья было таким абсолютным лимитом, который значительно задержал рост производства некоторых продуктов (резиновое, шерстяное). Легко заметить, что чем более резким было падение производства тех или иных продуктов, тем рост его в период восстановления был более бурным. Это и вполне понятно. При условии, что основным фактором роста производства в этот период было увеличение нагрузки, — тем большие возможности в этом направлении имелись, чем эта нагрузка была меньше. Наоборот, по мере ее роста и уменьшения остатка неиспользованного оборудования, темп роста производства естественно должен был замедляться. Такого типа кривая развития производства явилась неизбежным следствием того, что падение производства в годы гражданской войны, как это неоднократно выше подчеркивалось, было следствием не разрушений фабрик и заводов, а преимущественно функционального расстройства процессов производства и обращения.

Общий уровень промышленного производства достиг довоенных размеров в 1926/27 г. Однако, к этому же времени целый ряд производств еще отставал, а другие оставили его далеко позади. Отчасти в результате тех преобразований, которые были произведены во время войны, а главным образом, вследствие осуществления за последние годы значительных капитальных затрат, чрезвычайно усилились отрасли квалифицированной переработки и, прежде всего, машиностроение, электротехническая и химическая промышленность. Производство этих отраслей в три — четыре раза превышает довоенное и продолжает расти. Точно также ряд отраслей легкой индустрии оставил далеко позади довоенный уровень производства. В особенности это относится к кожевенно-обувной, швейной, льняной отраслям промышленности. Этот рост производства перерабатывающих отраслей промышленности, естественно, чрезвычайно усилил потребление сырья и топлива. В особенности, огромный рост машиностроения и металлообрабатывающей промышленности соответственно повысил требования народного хозяйства в металле. Между тем, добыча руд и выплавка черных и цветных металлов продолжает оставаться еще много ниже довоенного. И до войны недостаток металла ощущался весьма тяжело народным хозяйством. В настоящее время он относительно и абсолютно усилился. Если последние годы этот недостаток металла и не ощущался столь болезненно народным хозяйством, как можно было этого ожидать, то только вследствие наличия в стране сравнительно значительных запасов лома. Между тем, ближайшие годы развернутой реконструкции производственной базы будут годами все возрастающей потребности страны в металле; слабость металлической базы может оказаться одним из наиболее серьезных препятствий для развертывания этого процесса.

Горнорудная промышленность всегда была одной из наиболее слабо развитых и организованных отраслей дореволюционной России. В настоящее же время те потери, которые понесло это производство во время гражданской войны, далеко еще не ликвидированы. Несмотря на возрастающую потребность, железнорудная и медная промышленность еще значительно отстали от довоенного уровня добычи. Добыча прочих цветных металлов и нерудных ископаемых значительно возросла, и здесь можно констатировать несомненные успехи в развертывании совершенно новых производств и значительном увеличении добычи ряда ископаемых. Однако, самые размеры добычи, сравнительно с той нуждой, которую ощущает в этих продуктах все народное хозяйство, крайне незначительны. Форсирование же их добычи связано с производством горных разведок и изысканий, требует времени и труда. И в ближайшие годы, очевидно, горнорудная промышленность будет одним из наиболее слабых мест советской промышленности.

Общий под'ем хозяйственной жизни страны пред'явил повышенные требования к снабжению топливом. Затруднения в топливо-

снабжении страны, имевшие место и до войны, предвоенный топливный кризис, перешедший с войной в топливный голод, полное отсутствие топлива в годы гражданской войны — совершенно исказили структуру топливного баланса страны. В последние годы, с ростом добычи минерального топлива, топливный режим значительно улучшился: могут быть отмечены положительные тенденции минерализации его, большей эксплоатации новых районов, замены невозобновляемых источников энергии возобновляемыми. Однако, рост топливоемких производств обрабатывающей промышленности, транспортного грузооборота и т. д. пред'явил такие огромные требования к топливоснабжению, что, несмотря на огромный рост добычи, топливный баланс страны продолжает быть напряженным (в млн. тонн условного топлива):

Годы	Валовая добыча	Потребл. индустрии, транспорта и т. д.	Запасы к концу года	Запасы в месяцах годового расхода	
				Действительные	Нормативные
1923/24	32,0	28,2	18,9	7,0	6,0
1924/25	34,8	32,4	16,9	5,9	6,0
1925/26	44,4	44,5	17,0	4,6	5,9
1926/27	55,6	49,9	22,7	4,9	5,8
1927/28	58,0	56,4	24,3	5,08	5,7

Запасы топлива в стране все еще ниже нормы.

На ряду с ростом потребления топлива, в связи с ростом работы различных отраслей народного хозяйства, не последнюю роль играют и повышенные нормы его расходования вследствие отмеченного выше крайне неудовлетворительного состояния всего паротеплового, в частности, котлового хозяйства. Рационализация топливного режима страны находится в прямой зависимости от реконструкции этого элемента промышленного хозяйства. Электрификация промышленности, сделавшая за последние годы столь значительные успехи, является одним из основных методов этой реконструкции и уже в настоящее время является одним из существеннейших факторов ослабления топливного напряжения.

Создание и расширение за последние годы сети фабрично-заводских и районных электрических станций позволило чрезвычайно увеличить производство электрической энергии. (См. табл. на сл. стр.).

Не может подлежать сомнению, что электрификация значительно смягчила, особенно в последние годы, топливное напряжение в стране. В отдельных случаях создание новых станций и расширение старых сыграло совершенно исключительную роль для развер-

Производство электроэнергии в СССР (млн. квтч.)

Годы	Всего	В том числе		В %% к 1913 году		
		Фабр.-зав. станции	Районные	Всего	В том числе	
					Фабричн. станц.	Районные
1913	1.945	1.255	690	100	100	100
1925/26	3.250	1.660	1.110	167,1	132,3	160,9
1926/27	3.920	1.920	1.430	201,5	153,0	207,2
1927/28	5.140	2.600	1.370	264,3	207,2	271,0

тывания реконструкции промышленности. Без Волховской гидростанции не могло бы быть осуществлено развертывание ленинградской промышленности; без Шатурской и МОГЭС — московской; и основной процесс реконструкции бакинской нефтяной промышленности — механизация и герметизация всех процессов добычи нефти—не мог бы быть осуществлен без имевшего место значительного расширения мощности Бакинской станции. Таких примеров можно было бы привести очень много.

Несмотря на совершенно исключительный рост производства машиностроительной промышленности, в частности, сложных и точных машин,— их внутреннее производство не покрывает еще потребности в них реконструирующегося народного хозяйства. Весьма приблизительные расчеты ВСНХ определяют движение импорта и внутреннего производства оборудования промышленности следующим образом (млн. руб.):

Годы	Внутр. производ.	Импорт		Все снабжение	Импорт в %% к снабжению
		Весь	В том числе освоено		
1925/26	ок. 250	93	80	ок. 345	27
1926/27	315	145	120	„ 460	31
1927/28	417	225	175	„ 640	35

Несмотря на огромный рост машиностроения, развертывающийся процесс реконструкции пред'являет такие повышенные требования к снабжению оборудованием промышленности, что ввоз оборудования извне приходится увеличивать в еще большей степени. Однако, доля импортного оборудования в общем снабжении им промышленности в настоящее время вдвое меньше, чем была до войны, хотя самый его размер не меньше. Созданная за эти годы машиностроительная промышленность является, таким образом, основным усло-

вием, позволяющим вести переоборудование производственного скелета промышленности такими значительными темпами, как это имело место в последние годы.

В области сельскохозяйственного машиностроения путем полной реконструкции ряда заводов достигнуты огромные успехи. С каждым годом расширяется производство не только простых, но и сложных машин и тракторов.

Виды машин	1925/26	1926/27	1927/28
Плуги (тыс. штук)	582	953	1.130
Сеялки „ „	59	57	40
Уборочн. машин (тыс. штук)	106	168	237
Тракторы (штук)	878	993	1.400

Несмотря на такой значительный рост производства сел.-хоз. машин,— в несколько раз превышающий довоенный,— потребность страны в них растет, и до сих пор небольшую ее часть приходится покрывать ввозом (в млн. руб. по довоенным прейс-курантным ценам).

Годы	Внутр. произв.	Импорт	Всего	Импорт в % ко всему снабжению
1913	67,0	41,0	103,0	62,0
1927/28	125,0	5,8	130,8	4,4

Крупнейшие, наконец, успехи достигнуты в развертывании электротехнической и химической промышленности. Эти производства наново созданы и получили огромное, до войны совершенно невиданное развитие.

Таким образом, в развертывании производства средств производства, в частности, орудий производства, достигнуты огромные успехи. Современная советская промышленность в этих ее отраслях оставила далеко позади довоенные масштабы производства. Однако, именно эти отрасли были наименее развиты в дореволюционной России; потребность индустриализирующегося народного хозяйства в их изделиях чрезвычайно велика и все возрастает. Поэтому надо признать эти несомненные достижения относительно еще далеко недостаточными. В то же время надо подчеркнуть факт значительного отставания в развертывании горной, металлической и топливной базы Союза, не обеспечивающих даже такого развития перерабатывающих отраслей производства.

Производство предметов широкого потребления за последние годы получило большое развитие и в общем оно значительно выше, чем было до войны. Однако, сильный рост численности населения умеряет достигнутые в этом отношении успехи.

По самому методу эти данные не учитывают и изменения ассортимента и качества изделий. В особенности это относится к производству хлопчатобумажных тканей: в то время как современное производство пряжи всего на 22% выше довоенного, производство тканей почти вдвое выше; иначе говоря, на метр ткани в настоящее

Годы	Производство на душу населения						В % к 1913 г.					
	Хл.-бум. ткани (метр.)	Льнян. ткан. (метр.)	Шерст. ткани (метр.)	Галоши (штук)	Сахар (кг)	Соли (кг)	Хл.-бум. ткани	Льняные ткани	Шерст. ткани	Галоши	Сахара	Соль
1913	11,6	1,24	0,64	0,2	9,21[1]	14,2	100	100	100	100	100	100
1924/25	11,6	0,96	0,39	0,11	3,3	9,5	100	77,4	60,0	55,0	35,8	66,9
1925/26	15,4	1,11	0,46	0,17	7,40	10,7	132,7	89,5	71,9	85,0	80,3	75,8
1926/27	19,3	1,19	0,57	0,20	5,99	14,0	166,4	96,0	89,1	100,0	65,0	98,6
1927/28	20,6	1,10	0,64	0,25	8,90	14,9	177,6	88,7	100,0	125,0	96,6	104,9

время вырабатывается пряжи на 36% меньше. Такое изменение ассортимента и качества изделий, разумеется, делает эти данные сопоставимыми лишь с оговорками.

Помимо этого надо учесть, что по целому ряду товаров до войны имел место значительный импорт как из отошедших областей, так и из-за границы. В частности, снабжение территории Союза шерстяными тканями в большой мере совершалось за счет ввоза их из Польши. Наконец, надо учесть, что и мелкая промышность в настоящее время в ряде производств не достигла еще довоенных размеров. Между тем, роль ее в снабжении населения предметами потребления отнюдь не маловажна. Таким образом, среднее душевое снабжение страны этими промышленными товарами в настоящее время вряд ли на много выше довоенного. Разумеется, это еще не означает, что и душевое потребление рабочих и крестьян также не выше довоенного. Выпадение потребления буржуазии, резкое сокращение потребления более имущих слоев города освободили значительное число товаров. Этому вопросу должно быть уделено специальное внимание.

В результате всех этих обстоятельств современная структура промышленности резко отличается от довоенной (см. табл. на стр. 184.)

Сравнительно с довоенной структурой производства крупной промышленности резко возросло значение производства средств производства, отраслей по добыче и обработке промышленного сырья и отраслей квалифицированной переработки. При этом, на протяжении всех последних лет тенденция к росту значения этих отраслей в общем промышленном производстве не только не ослабевает, но усиливается от года к году. Это изменение структуры промышленного производства является основным следствием и в то же время фактором происходящего в стране процесса ее индустриализации. В этом процессе получили наибольшее усиление именно те производства, которые были наиболее слабыми в довоенной России. Развитие этих производств требует форсированного развертывания

[1] Производство 1914 г.

Структура крупной промышленности СССР

Группы отраслей	Число рабочих (тыс. чел.)		Валов. продукц. в млн. руб. по дов. ценам		Чистая продукция в млн. руб.		В %% к итогу					
							Число рабочих		Валовая прод.		Чистая продукц.	
	1913	1926/27	1913	1926/27	1913	1926/27	1913	1926/27	1913	1926/27	1913	1926/27
А. По назначен. продук.												
I. Произв. средств производства	1.347	1.370	2.540	3.036	1.275	1.530	51,7	55,6	39,8	45,2	50,7	56,1
Орудий произв.	295	341	580	679	300	350	11,3	13,9	9,1	10,1	12,0	12,8
Топлива	245	342	572	725	375	475	10,5	13,9	9,0	10,8	14,9	17,4
Прочих	777	687	1.388	1.632	600	705	29,8	27,8	21,7	24,3	23,7	25,9
II. Произв. предм. потребл.	1.260	1.098	3.851	3.686	1.235	1.195	48,3	44,4	60,2	54,8	49,3	43,9
Одежды и обуви	743	796	1.843	1.884	575	580	28,4	32,2	28,8	28,0	22,9	21,3
Питания	398	185	1.662	1.401	480	405	15,3	7,5	26,0	20,8	19,2	14,9
Прочих	119	116	346	401	180	210	4,6	4,7	5,4	6,0	7,2	7,7
Б. По техническ. признаку												
I. Добыв. промышл.	642	779	1.219	1.370	750	856	24,6	31,3	19,0	20,4	29,9	31,4
II. Обрабат. „	1.965	1.695	5.172	5.352	1.760	1.830	75,4	68,7	81,0	79,6	70,1	68,6
Сел.-хоз. сырье	1.276	1.112	3.961	3.750	1.190	1.105	48,9	45,1	62,0	55,8	47,4	40,6
Промышл. „	689	583	1.211	1.602	570	765	26,5	23,6	19,0	23,8	22,7	28,0
Вся промышл.	2.607	2.468	6.391	6.722	2.510	2.725	100	100	100	100	100	100

сырьевой и топливной базы промышленности. Между тем, достигнутые до сих пор успехи еще недостаточны, и одной из основных задач ближайших лет является — преодоление этого слабого звена советской промышленности.

2. Мелкая промышленность

Промышленное производство страны не исчерпывается предприятиями так называемой „цензовой", крупной промышленности. Помимо этих предприятий, достаточно крупных, чтобы обладать определенными регистрационными признаками, существует огромное количество более мелких, такими признаками не обладающих и поэтому остающихся за полем наблюдения. Это разделение всей массы промышленных предприятий на „крупные" и „мелкие" совершенно условно; критерием для отнесения того или иного предприятия к одной из этих категорий является наличие или отсутствие формальных внешних признаков (число занятых лиц, размер производства, наличие двигателя и т. д.): обладающие этим регистрационным цензом предприятия являются „крупными", не обладающие — „мелкими". Условность, искусственность такого разделения совершенно очевидна. Ограниченная, с одной стороны, формальным понятием крупной цензовой промышленности, а с другой—домашним производством для собственных нужд,— „мелкая" промышленность является конгломератом самых разнообразных по социальной, экономической и технической структуре предприятий, самых различных форм производства. От мельчайших ремесленных заведений до сравнительно значительных капиталистических предприятий со всей гаммой промежуточных форм,—все это об'единяется в понятии „мелкой" промышленности; ненаучность, условность, искусственность его бесспорна, но в данном случае, как и весьма часто, требования научного анализа находятся в противоречии со статистической практикой. Большая часть тех упреков и уничтожающей критики, которые были В. И. Лениным сделаны земским исследователям „кустарной" промышленности 30 лет тому назад[1], могли бы быть ныне повторены и по адрессу современной промышленной статистики; успехи последней в исследовании „мелкой" промышленности еще весьма скромны. Между тем, не приходится недооценивать хотя и падающей, но все же пока еще существенной роли и значения во всей системе народного хозяйства промышленных предприятий и промысловой деятельности, которые скрываются за понятием мелкой промышленности.

Приблизительное исчисление определяет следующим образом число занятых лиц и об'ем производства мелкой промышленности в довоенной России (для 1913 г.).[2]

[1] В. И. Ленин, „Кустарная перепись в 1894/95 г. в Пермской губ.", Собр. соч., т. II, стр. 218.

[2] Все приводимые ниже данные заимствованы из печатающейся моей работы в общем коллективном исследовании „Динамика российской и советской промышленности за 40 лет".

Численность занятых лиц и продукция мелкой промышленности России до войны (вероятное исчисление)

Производства	Число занятых лиц (в тысячах)			Сумма валовой продукц. (млн. р.)			Условно-чистая продукция (млн.р.)		
	Городская	Сельская	Итого	Городская	Сельская	Итого	Городская	Сельская	Итого
А. СССР									
Обработка минеральных веществ	79	110	189	26	14	40	24	7	31
Обработка дерева	189	800	989	101	89	190	63	51	114
„ металл	165	280	445	79	98	177	54	53	107
„ живот. прод.	38	100	138	13	50	63	7	18	25
„ пищевые и вкусов. вещ.	105	500	605	76	801	877	41	64	105
„ волокн. „	21	700	721	12	79	91	8	32	40
Одежда и туалет	664	970	1.634	329	241	570	210	63	273
Прочие	59	40	99	19	10	29	18	5	23
Итого	1.320	3.500	4.820	655	1.382	2 037	425	293	718
Империя	1.560	4.450	6.010	775	1.660	2.375	500	373	873

Таким образом, до войны во всевозможных формах и видах мелких предприятий занято было на территории Союза до 4,8 млн. чел., перерабатывавших более чем на 2 мрд. руб. различных продуктов и производивших более 700 млн. руб. чистой продукции. При этом в городских предприятиях было занято всего немногим больше $^1/_4$ общего числа занятых лиц, но производили они около 60% всех ценностей. Это об'ясняется тем, что в городах были сосредоточены по преимуществу квалифицированные ремесла, с высокой производительностью труда и с сезоном работ в круглый год, в то время как в деревнях — неквалифицированные промысла всего с двадцатипятинедельным сезоном работ. В четырех группах производств — по обработке дерева, металла, пищевых и вкусовых веществ и одежды и туалета была сосредоточена основная масса производителей и в них же производилась большая часть ценностей. Производства по переработке сырья сел.-хоз. происхождения и выработке предметов широкого потребления являлись, таким образом, преобладающими.

Валовые суммы производства и числа занятых лиц в этих „мелких" предприятиях, как видим, были и сами по себе весьма значительны, но в сопоставл[illegible]с соответствующими данными по „крупной" промышленности они приобретают особую значимость (продукция в млн. руб. за 1913 г., на территории Союза):

Отрасли	Валовая продукция			Условно чистая			„Мелкое" производство в %	
	Крупная	Мелкая	Вся пром.	Крупная	Мелкая	Вся пром.	По валовой прод.	По чистой
Вся промышленность	6.391	2.037	8.428	2.760	720	3.480	24,9	20,7
В том числе:								
Обраб. минер. веществ	148	40	188	97	31	128	21,2	24,2
„ дерева	189	190	379	77	114	191	50,2	59,7
„ металла	580	177	757	312	107	419	23,3	25,6
„ пищевых и вкусовых веществ	1.761	877	2.638	580	105	685	33,3	15,3
Одежда и туалет	47	570	617	24	273	297	92,4	91,7

„Мелкие" предприятия производили до 20 — 25% всей промышленной продукции страны. При этом в производствах по обработке дерева сумма их продукции превышала производство „крупной" промышленности, а в производстве одежды и туалета последняя почти не участвовала. Огромная сфера производства предметов непосредственного потребления населения, предметов домашнего обихода, всевозможного мелкого инвентаря и инструментов в подавляющей своей части обслуживалась именно „мелким" производством.

Как выше было указано, понятием мелкой промышленности об'единяются самые различные формы производства. Нет никаких данных, которые позволили бы определить экономическую структуру мелкой промышленности до войны. Частичной иллюстрацией лишь могут служить известные замечания В. И. Ленина по поводу материалов кустарной переписи в Пермской губ.; эти материалы позволили В. И. Ленину сделать заключение, что под так называемой „кустарной" промышленностью понимались „самые разнообразные формы промышленности, мы вправе даже сказать: почти все формы, какие только знает наука"...[1]

Перепись населения 1897 г. в сопоставлении с данными налоговой статистики позволила С. Г. Струмилину составить таблицу, являющуюся массовой иллюстрацией этого утверждения. [2]

Такии образом, и сравнительно крупные предприятия, применяющие наемный труд в значительных масштабах, и мельчайшие заведения и даже единоличные промышленники, только часть времени в году занятые промысловой деятельностью, — об'единяются в этом понятии „мелкой" промышленности. При этом, если в предприятиях с наемным трудом было занято по этим данным лишь 23% всего числа занятых в мелкой промышленности лиц, то ими производилось

[1] „Кустарная перепись 1894/95 г. в Пермской губ.", Собр. соч. т. II.
[2] „План. Хоз.", № 1, 1925 г., стр. 104 и след.

Группы предприятий	Число предприятий.	Число занятых лиц (в тыс.)				В %% к итогу
		По найму	Хозяев	Пом. член. семьи	Всего	
А. Применяющие наемный труд						
1. С числом рабочих 10—16	12.875	161	12	8	181	4,5
2. „ „ „ 5—9	23.394	140	22	15	177	4,4
3. „ „ „ 2—4	60.215	150	60	40	250	6,2
4. „ 1 наемным рабочим	120.430	120	120	81	321	7,9
Всего по А . . .	216.914	571	214	144	929	23,0
Б. Без наемных рабочих						
1. По основн. занятию	1.084.000	—	1.084	726	1.810	44,5
2. „ подсобному занятию	1.325.000	—	1.325	—	1.325	32 5
Итого по Б . . .	2.409.000	—	2.409	726	3.135	77,0
Итого по А + Б . . .	2.625.914	571	2.623	870	4.064	100

не менее половины всей продукции, а наиболее крупными из них, — с числом рабочих более 10,—до 14%.[1] Разумеется, размер предприятий, даже с выделением наемных рабочих, не является сколько-нибудь достаточным критерием для дифференцированной их классификации по экономическим формам. Но, во всяком случае, даже эта крайне несовершенная их классификация позволяет сделать замечание, что в „мелкой“ промышленности довоенной России имелось значительное количество относительно крупных капиталистических предприятий, производивших значительные массы товаров. Однако, и мельчайшие предприятия, как видим, применявшие наемный труд в весьма ограниченных размерах или даже вовсе его не применявшие, одиночки, работающие не полный год, а часто даже меньшую его часть — были также втянуты в орбиту капиталистического хозяйства. Тысячью нитей, сложной системой экономических, социальных и технических отношений мелкие предприятия и „самостоятельные“ товаропроизводители были связаны и с крупной промышленностью и с торговым капиталом. В форме ли непосредственной работы на крупное предприятие на дому из сырья последнего и с обязательной сдачей ему готового продукта (в этом случае товаропроизводитель являлся рабочим на дому), в форме ли только получения от предприятия непосредственно или через посредника только сырья или только сбыта готового продукта, в форме ли, наконец, получения торгового и производственного кредита, — все без исключения формы мелкой промышленности были теснейшим образом связаны с капи-

[1] Там же.

талистическим хозяйством, являлись составной частью его системы. Эти так называемые „самостоятельные“ производители были, в сущности, капиталистически употребляемыми рабочими у себя на дому, с той разницей по сравнению с наемными рабочими, что последние работали в лучших условиях, подвергались меньшей эксплоатации и имели какие-то нормы рабочего времени, в то время как „ремесленники“ или „кустари“ последних не имели. Кооперативное движение было крайне слабо развито, и истинным хозяином мелкой промышленности, руку которого она тяжко ощущала, был капитал.

Насколько примитивным было производственное оборудование мелкой промышленности, настолько сложными были ее торговые связи. Мелкий производитель мог получать сырье или сбывать готовый продукт только через десятки рук, по самым извилистым каналам обращения. Этот сложный механизм, обслуживавшийся многочисленными посредниками, присвоивавшими львиную долю дохода производителя,—был наилучшим орудием закабаления последнего и полного его подчинения представителю капитала — скупщику, кулаку.

Годы империалистической войны были для большинства мелких производств периодом расцвета. Деревообрабатывающие, металлические, кожевенные, швейные промысла получали большие военные заказы, и целые промысловые районы были ими заняты. Союз городов, военно-промышленные комитеты и другие организации по снабжению фронта привлекли кустарные промысла для производства всевозможных предметов амуниции в весьма значительных размерах. При этом, так как иметь дело с многочисленными мелкими производителями этим организациям было крайне затруднительно, под их влиянием в большинстве случаев организовывались артели, кооперации, общие мастерские. В ряде случаев последние оборудовались за счет заказчиков. Несмотря на полное почти прекращение производства в экспортных промыслах, резкое сокращение во всевозможных отраслях по обслуживанию непосредственных нужд населения,—в общем в период войны мелкая промышленность во всяком случае не уменьшила общих размеров производства, усилила свой производственный аппарат и организационно укрепилась.

С прекращением военных заказов, с распадом организаций, стимулировавших работу мелкой промышленности на оборону, начали с большой быстротой ликвидироваться и возникшие за эти годы об'единения. Распад же хозяйственных связей и рынка, отсутствие сырья и топлива в период гражданской войны и ликвидация частнохозяйственных отношений чрезвычайно разрушительно отразились на мелкой промышленности. Наиболее организованные ее формы деградировали, переходя на обслуживание мелких местных рынков. Возникновение огромного количества мельчайших заведений ремесленного, полунатурального типа так же, как и переход существовавших сравнительно организованных и крупных предприятий на ремесленное производство, не могли восполнить резкого сокращения

продукции кустарной промышленности, в целом ряде отраслей и районов совершенно его прекратившей. В то же время крупные национализированные предприятия в ряде случаев перешли также на обслуживание местного рынка, изготовляя из государственных материалов на принадлежащих государству станках всевозможные поделки (знаменитые „зажигалки“ и т. п.) и конкурируя с мелкими предприятиями, с целью легализации возникали многочисленные промысловые об'единения, с такой же легкостью и ликвидировавшиеся.

С прекращением гражданской войны, с восстановлением рыночных отношений и связей началось восстановление мелкого производства. Годы 1922—1924 были периодом его значительного роста. Высокие промышленные и низкие сельскохозяйственные цены, низкий еще уровень производства крупной промышленности и недостаточное снабжение страны ее изделиями создали в эти годы благоприятную кон'юнктуру для мелкой промышленности. В то же время, под влиянием советского законодательства периода новой экономической политики, начала развиваться кустарно-промысловая кооперация, основанная на хозяйственной заинтересованности мелкого производителя. И в последующие годы, вплоть до 1927/28 г., несмотря на ухудшавшуюся кон'юнктуру, несмотря на затруднения в получении сырья, все в большей мере перерабатывавшегося крупной промышленностью, — мелкое производство, в особенности кустарно-промысловая кооперация, расширялось. Однако, этот процесс восстановления об'ема производства мелкой промышленности не был процессом восстановления ее экономики и социальной структуры.

В целом ряде отраслей, в которых до революции мелкое производство почти не испытывало конкуренции крупного,— в швейном, кожевенно-обувном, пищевкусовом,— в настоящее время существуют крупные фабрики и заводы. С этими предприятиями мелкие не могут конкурировать не только потому, что их продукт хуже или дороже (качество продукта при ремесленном типе производства в целом ряде случаев не хуже машинного продукта, а безмерная эксплоатация и крайняя дешевизна труда в мелком производстве позволяет ему свой продукт выпускать на рынок не дороже фабричного),— но и вследствие того, что ограниченные ресурсы сырья в первую очередь использовываются, поступают для переработки в крупную промышленность. Таким образом, в послереволюционной экономике мелкое производство испытывает конкуренцию крупного и в тех отраслях, где до войны оно ее почти не знало. В то же время система планового хозяйства,— государственной индустрии, торговли и кредита, оказывает на мелкую промышленность огромное влияние, стимулируя ее кооперацию, установление нового типа отношений с крупной промышленностью на основах не конкуренции, но разделения труда. Революция разрушила сложный аппарат посредников, связывавший мелкого производителя с потребителем. Социальные условия и законодательство нового общества не способствуют восстановлению этого аппарата, и на смену его приходит кооперация, во всех ее видах и формах,— производственной, сбытовой, снабженческой. Из ничтожных отдельных кооперативов возникает огромный аппарат кустарно-промысловой кооперации, об'единяющей сотни тысяч производителей с сотнями миллионов оборота. Все эти обстоятельства ведут к постепенному освобождению мелкого производителя из кабалы скупщиков, посредников, ростовщиков. Зарождающаяся новая техника, базирующаяся на дешевой электрической энергии, открывает перед целым рядом мелких производств новые перспективы развития, позволяя осуществлять законченное производственное кооперирование (общие мастерские и т. п.), либо организуя вокруг электрической станции сотни и тысячи мелких производителей (металлические, деревообрабатывающие промысла ЦПР). Социальная, экономическая и техническая структура современной мелкой промышленности чрезвычайно отличается от довоенной, создавая в ряде районов и производств новые условия для ее прогресса и развития.

Вероятное движение валовой продукции мелкого производства, как можно его воспроизвести на основании отдельных отрывочных статистических показаний, качественных характеристик и экспертных оценок, может быть представлено следующим образом в сопоставлении с приведенными выше соответствующими данными о крупной промышленности (в мрд. руб. по довоенным ценам и в %%):

Годы	Мелкая промышл.	Фабр.-завод. промышл.	Вся промышл.	Мелкая промышл. в %%	
				к 1913 г.	к всему производству
1913	2,04	6,39	8,43	100,0	24,2
1914	2,00	6,43	8,43	98,0	23,7
1915	1,60	7,06	8,66	78,4	18,5
1916	1,80	7,42	9,22	88,2	19,5
1917	1,60	4,78	6,38	78,4	25,2
1918	1,50	2,16	3,66	73,5	41,0
1919	1,00	0,95	1,95	49,0	51,3
1920	0,90	0,82	1,72	44,1	52,3
1920/21	1,00	1,08	2,08	49,0	48,1
1921/22	1,10	1,44	2,54	53,9	43,3
1922/23	1,20	2,13	3,33	58,8	36,1
1923/24	1,46	2,59	4,05	71,6	36,1
1924/25	1,69	3,96	5,65	82,9	29,9
1925/26	1,86	5,72	7,58	91,1	24,5
1926/27	2,04	6,72	8,76	100,0	23,6
1927/28	1,94	8,14	10,08	95,1	19,2

Таким образом, эта цифровая иллюстрация к выше сделанным замечаниям о характере динамики мелкой промышленности за время войны и революции позволяет сделать общее заключение, что, повидимому, в настоящее время доля мелкого производства в общем снабжении страны промышленными изделиями меньше, чем была до войны. Однако, те замечания, которые были выше сделаны о структурных изменениях, вызванных революцией в мелкой промышленности, с достаточной резкостью подчеркивают, в сущности, несопоставимость, несравнимость этих данных. Тот круг явлений, производственных форм, отношений, который характеризуется понятием „мелкого" производства до войны и общая сумма валового производства которого определяется в 2 миллиарда рублей, и тот круг явлений, который определяется этим же понятием и этой же цифровой характеристикой,— далеко не одни и те же. Даже самые общие данные, которыми возможно располагать по этому вопросу, весьма наглядно это иллюстрируют:[1]

Показатели	1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1926/27 г. в % % к 1913 г.
1. Общее число занят. лиц (в тыс.)	4.820	2.200	2.600	2.950	3.300	3.640	76,5
В том числе:							
а) город	1.320	465	600	650	—	—	—
б) село	3.500	1.735	2.000	2.350	—	—	—
2. Число наемн. рабочих (в тыс.)	1.020	326	326	326	350	395	38,7
3. Валовая продукция (млн. руб. по дов. ценам)	2.037	1.200	1.455	1.690	1.860	2.040	100
4. Усл.-чистая продукция (млн. руб. по дов. ценам)	720	295	360	430	475	525	73,0
5. Усл. чистая прод. в % % к валовой	35,3	24,6	24,8	25,4	25,5	25,7	—

Таким образом, число занятых в мелкой промышленности лиц, в особенности же число наемных рабочих, далеко еще не достигло довоенного уровня так же, как и сумма условно-чистой продукции, в то время как сумма валовой продукции его достигла. Это может об'ясняться только весьма резкими смещениями в структуре производства: наиболее крупные предприятия с наемным трудом ликвидированы; особенно резко сократилась городская мелкая промышленность, в которой были сосредоточены наиболее квалифицированные

[1] Данные за 1913 г. и 1922/23 г. заимствованы из указанной выше моей работы; данные за 1924/25—1926/27 гг.— по исчислениям ЦСУ СССР, по переписи мелкой промышленности с поправкой на недоучет переписи 1924/25 г. сравнительно с переписью 1926/27 г. в соответствии с исчислениями „Контрольных цифр нар. хозяйства".

ее отрасли. Сельское же мелкое производство, с производствами по переработке сел.-хоз. сырья, по преимуществу, с низкой квалификацией, восстановлено в гораздо большей степени.

Эти же сдвиги могут быть констатированы и из сопоставления производственной структуры довоенной и современной мелкой промышленности.[1]

Но основным отличием современной мелкой промышленности является не территориальное ее размещение или иной производственный состав, чем до войны, но совершенно новая экономическая и социальная организация. А. И. Агибалов-Ларин в Госплане СССР произвел следующий расчет, определяющий социальную структуру мелкой промышленности в 1926/27 г.

	Валовая продукция Млн. черв. руб.	% %
Государственный сектор	54	2,0
Кооперативный „	588	21,3
В том числе:		
а) предприятия потреб. кооперации	32	1,2
б) предприятия сел.-хоз. кооперации	50	1,7
в) куст.-промышл. кооперация	421	15,2
г) инвалидная „	83	3,0
д) охотничья „	1	0,2
Частный сектор	2.117	76,7
Всего	2.759	100

Это, разумеется, еще крайне недостаточная дифференциация мелкой промышленности, ибо в группе „частный" можно найти все формы производства — от ремесленной до капиталистической. Но самый факт существования огромной промысловой кооперации, чего не знала до революции мелкая промышленность, имеет решающее значение для ее судеб и кладет на нее совершенно особый отпечаток.

Техническая, экономическая и социальная организация советской промышленности во всех ее отраслях и формах иная, чем она была в капиталистической России. Плановое хозяйство с величайшей энергией и напряжением преодолевает унаследованные им от старого общества диспропорции, и те структурные изменения, которые уже в настоящее время, в начале эпохи развернутой реконструкции производительных сил, могут быть констатированы, являются и результатом и показателем этой огромной преобразовательной работы.

[1] См. „Союзная промышленность в цифрах", стр. 121 и сл., изд. ЦСУ СССР.

М. Спектатор

Противоречия послевоенного капитализма

Исходной точкой в выяснении своеобразия послевоенного развития капитализма следует принять создавшееся резкое противоречие между производственным аппаратом и рыночным спросом. Капиталистическое хозяйство редко в состоянии использовать весь аппарат производства, все производительные силы страны. По мере роста основного капитала происходит его связывание с вещественными элементами. Построив шахту, доменную печь и т. д., предприниматель надолго связывает свой капитал и не может освободить его даже в том случае, если эти предприятия оказываются невыгодными. Точно также, нельзя до времени бросать старые предприятия даже в том случае, когда новые более выгодны, так как нельзя выручить обратно вложенный капитал пока он не амортизируется. Отсюда и происходит, что к старым предприятиям прибавляются новые, только отчасти заменяющие старые, в большинстве случаев работающие одновременно со старыми, конкурирующие с ними и понижающие тем самым общую нагрузку всех предприятий. Другими словами, когда создаются новые предприятия, которые по своей производительной способности в состоянии покрыть весь спрос, они не целиком вытесняют существующие предприятия, а только отчасти, отнимая у старых часть заказов, понижая их нагрузку и работая в свою очередь с неполной нагрузкой.

В период свободной торговли всякое увеличение производственного аппарата вызывало обостренную конкурентную борьбу, понижение цен и доходности и заставляло медлить с постройками новых предприятий. Развитие техники все же регулярно опережало процесс расширения рынка. Техника требует постройки предприятий больших размеров, которые способны сразу произвести переворот в условиях рынка. Отсюда стремление предпринимателей к ограничению конкуренции и к созданию монополистических организаций, распределяющих рынок между существующими предприятиями. Цель таких организаций заключается в консервировании существующих предприятий и сохранении за старым капиталом, по крайней мере, его прежней доходности. Это достигается неполным использованием как старых, так и новых предприятий. Но так как хорошо оборудованные предприятия должны работать с известным минимумом нагрузки, чтобы себя оплачивать, то они постепенно вытесняют старые предприятия, скупая их и прекращая на них работу. Однако, этот процесс концентрации производства внутри монополистических организаций идет относительно медленно, так как дальнейшее производство лучших предприятий отягощается выкупной суммой и может быть выгодным только при определенном состоянии цен. Высокие же цены вообще не дают возможности значительно расширить продукцию. Вот почему одновременно с процессом концентрации, который при существовании монополистических организаций происходит не только за счет аутсейдеров, неорганизованных предприятий, но и внутри самих картелей, путем выкупа долей участия слабых предприятий более сильными, отмечается также постоянное и значительное расхождение между производственной способностью и размерами ее исполь-

зования. Это особенно сказывается в кризисные годы, когда сильно сокращается спрос. Так, в Соед. Штатах в 1911 г. только 50,6% доменных печей было в действии, а в 1914 г. даже только 44,5%. Но даже в относительно хорошие годы — 1909, 1910 и 1913 — число действовавших доменных печей не превышало 65%. Это число считается в Соед. Штатах нормальным, между тем в Германии использование доменных печей в 1909 и 1910 гг. составило 83,5% и 87,3% всех существовавших печей. Чез («Трагедия расточительства» англ. изд. стр. 187) приводит уже совсем невероятный пример расточительства. Использование в Америке лесопилен перед войной составляло только ⅓!

После войны это противоречие между производительной возможностью и покупательной способностью рынка еще значительнее обострилось. Война произвела огромные разрушения. Она обошлась всем участникам в 80 миллардов долл., т.-е. больше всего предвоенного состояния Франции и Италии вместе взятых, на 20 миллиардов долл. выше стоимости всей мировой железнодорожной сети со всем оборудованием и т. д. Тем не менее, война поглощала только 15,5% годового дохода Соед. Штатов, 25,6% дохода Франции, 19,2% дохода Италии, 31,6% дохода Германии и 36,9% годового дохода Англии.

Принимая во внимание слабое использование производственного аппарата в этих странах, не трудно было повышением нагрузки заполнить часть пробела, произведенного войной. Если к этому присоединить, что потребление народных масс, в части даже самых основных продуктов, сильно сократилось (в Германии, например, сокращение определяется в 50% и больше), то станет ясным, что несмотря на те разрушения, которые война произвела, она все-таки почти совсем не затронула производственного аппарата капиталистически развитых стран. Более того, вызвав большой спрос для военных целей и создав небывало благоприятную кон'юнктуру для предпринимателей, она содействовала значительному расширению производственного аппарата во всех основных отраслях народного хозяйства.

Теперь этот факт считается уже установленным. О нем много говорилось в послевоенной экономической литературе,[1] и мы на нем не будем останавливаться. Приведем только несколько примеров: английская угольная промышленность работала в 1928 году с нагрузкой в 75%. Из 427 доменных печей в июне 1928 г. работали всего 141, или 33%. В Соед. Штатах из 343 доменных печей работали 190, или 55,4%. В Германии из всего числа в 185 дом. печей в действии находилось 103, или 55%.

Союз германских паровозостроителей в своей докладной записке в августе 1928 г. так характеризовал положение этой отрасли промышленности в Германии.

До войны ежегодная потребность Германии в новых паровозах составляла 1.600—1.800 шт. Экспорт в 1912 и 1913 г.г. составил 1.355 и 1.457 шт. Общая стоимость продукции составила тогда сумму в 200 млн. марок. Средняя же годовая продукция за годы 1924—1927 не превышала 120 паровозов. Заказы германских железных дорог не превышали 7% довоенных. В 1927 г. были сделаны заказы на 100 паровозов, а в 1928 — на один. Число имеющихся паровозов на германских железных дорогах составляет 24.500, в то время, как максимальная потребность в них составляет 22.500. Так как паровоз может служить в течение 25 лет, то ежегодно необходимы 900 новых для замены выбывающих. Однако, тяжелое финансовое положение железных дорог заставляет отказаться от новых

[1] См., например, книгу „Женевская экономическая конференция", Изд. „Моск. Рабочий", 1926 г.

заказов. Для спасения этой стратегически важной отрасли хозяйства записка считает необходимым, чтобы правительство предоставило железным дорогам кредит в размере 50 млн. марок, предприняло меры для рационализации и концентрации производства, дав заказы только наиболее крупным предприятиям, с оказанием известной поддержки остальным с целью облегчения их перехода к производству других продуктов.

Производители стали высокого качества жалуются («Берлинер Тагеблат» от 28 марта 1929 г.) в свою очередь на слишком разросшийся производственный аппарат, который за время войны вырос в три раза, а сбыт мало увеличился. Несмотря на то, что спрос на эту сталь в промышленности увеличился, вследствие уменьшения потребности в ней со стороны военного ведомства, а также уменьшения вывоза (с 40% до 10% общей продукции), получается переполнение рынка. Создание крупного концерна «Германские заводы благородной стали» мало изменило положение, так как одновременно продолжают существовать и мелкие предприятия, и такой крупный производитель, как Крупп, и специальное крупное общество Баккер, отделение которого по производству «благородной стали» работает с нагрузкой на 60%.

Этот факт расхождения между производительной способностью предприятий и рыночными возможностями придает послевоенной кон'юнктуре особый отпечаток. Не то, чтобы хозяйство находилось в положении перманентного кризиса: такого положения вообще не бывает. Кон'юнктурные колебания отмечаются и после войны. Положение хозяйства то улучшается, то ухудшается, переход от под'емов к кризисам и депрессии даже участился по сравнению с довоенным периодом капиталистического развития, что констатируется, между прочим, и Бальфуровской комиссией, исследовавшей положение английской промышленности на мировом рынке. В Соед. Штатах уже накануне мировой войны можно было отметить более частые кризисы. Кризисными годами там считались: 1873, 1884, 1890, 1893, 1903, 1907, 1910 и 1913. До 1903 года кризисный цикл продолжался 10 лет, а после него — около 3 лет. После войны мы имеем следующие кризисные годы: 1921, 1924 и 1927. Так, если судить по проценту использованных доменных печей, мы имели в 1911 г. 50,6% (в июле 47,1%), в 1921 г. — 25,1%, 1924 г. — 50,1% (в июле 35,7%) и в 1927 г. — 54% (в декабре 48%). Максимальное сокращение выплавки чугуна между январем 1910 г. и январем 1911 г. составило 32,5%. Между июлем 1923 г. и июлем 1924 г. — 51,3%, а между октябрем 1926 и октябрем 1927 г. — 46%. Таким образом, темп колебаний капиталистической кон'юнктуры участился. Более того, он стал гораздо более резким, по крайней мере, в области производства основных элементов средств производства. Даже «сезонные колебания» продукции после войны стали более резкими, чем перед ней. В относительно благоприятный 1927 г. разница между предукцией чугуна в апреле и в августе (дневная выплавка 115 тыс. и 103,2 тыс. тонн) составила 10%, в то время как в 1912 г. она составила меньше 2%. Таким образом, мы имеем в общем более частые и более резкие колебания кон'юнктуры.

К этому надо прибавить, что движение цен, по крайней мере на железо и сталь, показывает продолжительную тенденцию к падению. Вместо цикличных колебаний цен вверх и вниз, цены после 1923 г. упорно падают. Так, цены на чугун падали после 1909 до 1911, затем стали подниматься до 1913 г., но после 1923 г. они все время идут вниз. Такое движение цен хотя и может быть вызвано значительным ростом производительности труда, все же свидетельствует о том, что хозяйство находится в относительно депрессивном состоянии: рост цен с дной стороны, указывает на нормальный рост прибылей, а с другой—вызывает ажи-

отаж; падение же цен даже тогда, когда оно не означает и падение нормы прибыли, действует угнетающе на торговцев, не знающих, по каким ценам им придется продавать покупаемые товары, и вместе с тем придает рынку характер депрессии.

Кризис, как известно, есть временное разрешение противоречий капиталистического развития. Отсюда — частые кризисные явления и резкий характер «кон'юнктурных» колебаний свидетельствуют о том, что противоречия в развитии послевоенного капитализма особенно обострились, стали более напряженными.

II

Из того основного факта, что производственный аппарат значительно превышает рыночные потребности, вытекает не только то, что послевоенный капитализм еще подвергается более частым и более резким колебаниям и потрясениям, но и замедление в темпе роста основного капитала. Продукция в основном либо достигла, либо превысила довоенные размеры. Например, мировая выплавка чугуна в 1928 г. превысила довоенный уровень на 12% (в 1927 г. на 1%), а стали даже на 41% (в 1927 г.—на 6%). Это свидетельствует о том, что за этот период времени вырос основной капитал. Но ведь с 1913 г. прошло 15 лет, а за 13 лет до войны т. е. с 1900 по 1913 гг. мировая продукция стали увеличилась с 28,3 до 76,2 млн. тонн, или в 2,7 раза.

Средний годовой прирост продукции стали составлял в годы 1900—1910—7,5%, за годы 1910—25—4,0%. С 1925 г. по 1928 г. продукция увеличилась следующим образом: 3,1% + 9,3% + 6,1%, т. е. довоенный темп еще не достигнут.

Это об'ясняется именно тем обстоятельством, что расширяется продукция, но не растет строительство и мало расширяется основной капитал в сферах производства средств производства. В общем и целом, число предприятий и число отдельных заводов и фабрик не растет, а уменьшается.

До войны значительный промышленный под'ем обычно сопровождался и увеличением числа предприятий. Процесс концентрации производства совершался при быстром темпе развития и путем поглощения мелких предприятий крупными, но одновременно строились новые средние и крупные предприятия, так что процесс концентрации шел за счет более быстрого роста крупных предприятий. Абсолютно росли и мелкие и средние, хотя удельный вес их в общей продукции падал.

Так, в американской промышленности насчитывали предприятий (включая ремесленные и т. п.):

Год переписи	Число предпр. в тыс.
1849	123
1859	140
1869	252
1879	254
1889	355
1899	512

а без ремесленных и т. п. предприятий:

1899	208
1904	216
1909	248
1914	276

Таким образом, число предприятий от одной переписи к другой увеличивалось. Совсем другую картину мы замечаем после войны, когда число

предприятий показывает явную тенденцию к сокращению. Так, их было в 1914 г.— 176 тыс., 1919 г.— 214 тыс., 1921 г.— 196 тыс., 1923 г.— 196 тыс., 1925 г. — 187 тыс. и в 1927 г. — 192 тыс. предприятий.

Надо оговориться, что данные о числе предприятий после войны не совсем правильно отражают действительное положение вещей. Дело в том, что цензы считают только предприятия, продукция которых составляет 5.000 долл., так как цены за годы 1919—1927 упали (индекс цен в 1919 г. составил 206,4, 1921—146,9, 1923—153,7, 1925—158, 7 и 1927—146,3) почти на 29%, то уменьшение числа предприятий на 10% могло явиться именно в результате выключения мелких, продукция которых не составляла больше 5.000 долл. Важно, однако, что не произошло роста числа предприятий и что мало строятся новые.

В частности, была слабой постройка новых доменных печей, о чем свидетельствуют данные, Ежегодника Департамента Торговли США на 1928 г. Так, в 1920 г. их насчитывали 450, а к концу 1927 г.—359. В действии было в 1920 г. 216, а к середине 1928 г. — 189.

Между тем, перед войной мы имели регулярный рост числа этих печей: в 1900 г. их насчитывалось 406, в 1910 г.—473, в 1915 г.—445. В действии было соответственно: 232, 206, 310.

Относительно Германии мы имеем в докладной записке Союза угольных предприятий в Эссене следующие характерные данные о постройке новых шахт:

Увеличение числа шахт в %% к имеющемуся числу (в среднем)

Годы	%%
1903—13	8,5
1914—18	1,8
1919—23	5,4
1923—28	1,4
1914—28	2,9

Темп новых построек значительно замедлился. Авторы записки об'ясняют причину этого явления так: строить новую шахту приходится 10 лет, затратив 50 и более миллионов марок. При неопределенности теперешнего положения, кто решится затратить такой капитал? Одновременно идет процесс ликвидации мелких предприятий («рационализация»), при чем последние новыми постройками не возмещаются, так что, как констатируется в записке, общая производительная способность уменьшилась. Другими словами, идет процесс не расширенного воспроизводства основного капитала, а приспособления слишком разросшегося производственного аппарата к потребностям рынка, конечно, часто на улучшенной технической основе.[1]

Уменьшение числа предприятий свидетельствует о том, что процесс послевоенного капиталистического развития сильно стеснен и ограничен определенными рамками. Конечно, идет процесс концентрации и рационализации производства. Работа сосредоточивается на крупных и лучших предприятиях, которые в состоянии при полной нагрузке дать больше, чем раньше давали все предприятия вместе. Средняя выплавка одной печи в Германии составляла в 1913 г. — 1.127 тонн в неделю, в 1925 г.—1.866 тонн, в 1927 г.—2.252 тонны. Общая продукция 204 печей в 1913 г., при которых были заняты 27.078, составили 10.916 тыс., или 403 тонны на рабочего, а в 1927 г. 134 печи при 21.527 рабочих дали 13.089 тыс. тонн, т.-е. 654 тонны на 1 рабочего. Мы имеем повышение производительности труда на 60%.

---

[1] Это положение, которое мы констатировали еще в 1926 г. в ряде наших работ (см., например, „К вопросу о стабилизации капитализма"), подтверждается все новыми и новыми данными.

Рост производительности труда и укрупнение предприятий обычно сопутствуют развитию капитализма. За 9 лет между 1909 и 1910 гг. выплавка чугуна на 1 рабочего выросла на 32%, а на 1 печь — даже на 62,9%. Тем не менее, и общее число доменных печей и число действующих увеличилось, первое — с 309 до 347, а второе — с 263 до 303, а общая выплавка сильно выросла — с 7,88 до 14,8 млн. тонн, в то время как с 1913 по 1927 выплавка чугуна изменилась только с 10,9 до 13,1 млн. тонн. За указанные 9 лет перед войной продукция выросла на 87%, а за последние 14 лет — всего на 20%.

Надо оговориться, что чугун не совсем характерен для послевоенного периода, так как для выработки стали потребляют в больших размерах железный лом. Но и продукция стали выросла только с 11,58 до 15,9 млн. тонн, т. е. меньше чем на 40%. Такой рост продукции мог уложиться в рамках существующего аппарата. Более того, одни только наиболее крупные предприятия были уже в состоянии удовлетворить рыночный спрос. Необходимости не только в постройках новых предприятий, но и в использовании более мелких предприятий почти не ощущалось.

Одно весьма видное лицо в союзе немецких инженеров сказало нам буквально следующее:

— Я весьма часто раз'езжаю по Германии, исколесил страну вдоль и поперек, но почти нигде я не замечал новых крупных промышленных построек...

Один руководитель крупного банка об'яснил мне этот момент тем, что германская промышленность может конкурировать на мировом рынке благодаря тому, что основной ее капитал в значительной мере списан; при постройках новых предприятий себестоимость оказывается очень высокой.

Как бы то ни было, несомненно одно: устойчивость и продолжительность кон'юнктуры зависят именно от этих построек. Строительство домов было довольно значительным. Оно-то вместе с некоторым улучшением технического аппарата вызвало промышленное оживление 1927 г. Но, повидимому, этих моментов было недостаточно, чтобы благоприятная кон'юнктура в Германии продолжалась и в 1928 г.

III

В связи с указанным моментом — слишком большим основным капиталом по сравнению с рыночным спросом на него, общий темп развития капитализма после войны несколько замедлился. Мы это уже видели на примере железо-делательной промышленности, которая показывает гораздо более медленный рост, чем до войны. Точно также можно констатировать, что и потребление хлопка несколько замедлилось, не говоря уже о потреблении угля. В последней области замедление в темпе развития об'ясняется, между прочим, также конкуренцией, других видов топлива и двигательной силы, которая стала весьма ощутительной. В обычные периоды потребление угля, несмотря на улучшенный метод использования его и на применение других источников энергии, абсолютно возросло. После войны этот рост был весьма слабым. По данным Германского Угольного Совета общая мировая продукция угля в 1927 г. превысила на 9,4% продукцию 1913 г., в 1928 г. она несколько понизилась, приблизительно на 3%. Но если даже сравнивать только продукцию 1927 г. с продукцией 1913 г., то повышение на 9% представляется весьма незначительным. Между 1900 годом и 1913 годом продукция каменного угля повысилась с 700 млн. до 1.230 млн. тонн, т. е. на 75%, несмотря на то, что одновременно увеличилась продукция бурого угля — с 70 до 135 млн. тонн, нефти — с 20 до 52,3 млн. тонн. Продукция нефти после войны тоже не так быстро увеличилась, как это кажется на первый взгляд. В 1927 г. она составляла

1.248 млн. бареллей, против 385 млн. в 1913 г., т. е. она увеличилась в 3,2 раза. Перед войной — с 1899 по 1913 гг.—она выросла в 3 раза, т. е. даже в этой области, в которой темп развития был особенно значителен, она только немного превысила довоенный темп развития.

Важнее, однако, относительно медленный темп применения новой техники. Нет сомнения, что так называемая рационализация сказывается также и в техническом улучшении условий производства. Однако, это улучшение идет далеко не таким быстрым темпом, как это многим кажется. Так, если взять темп применения первичных двигателей в Соед. Штатах, то мы имеем следующие весьма характерные цифры: между 1899 и 1904 гг. оно увеличилось на 33,6%, между 1904 и 1909 гг.—на 38,5%, в следующие 5 лет—на 20% (понижение об'ясняется уже кризисными 1913—1914 гг.). За время войны применение первичных двигателей увеличилось на 31,5%, с 1919 по 1923 год — на 12,8%, между 1923 и 1925 годом — на 8,2%, между 1925 и 1927 годом — на 8%, а между 1919 и 1927 г. — на 32%. За 8 лет применение первичных двигателей увеличилось в таком же размере, сколько за пять лет во время войны, и в меньшем размере, чем за пять лет, с 1904 г. по 1909 г.

Точно также применение машин в германском хозяйстве шло в последние годы менее быстро, чем это кажется на первый взгляд. По крайней мере, до 1927 года, по данным Союза машиностроительных предприятий, сбыт машин на внутреннем рынке в Германии составил в миллионах марок: в 1913 г. — 2800, в 1927 г. — 2440 и в 1928 г. — 2830.

Если принять во внимание, что цены на машины повысились на 41%, то потребление машин в 1928 году в его реальном выражении еще было ниже, чем до войны, а именно — на 22%.

Относительно других стран имеются только данные по 1925 году, отчасти также для 1926 года, которые мы уже привели в нашей работе о Женевской экономической конференции. Общее потребление машин Центральной и Средней Европы, не считая Германии и Англии, составило в 1926 г. 1,2—1,3 мрд. марок против 1,3—1,4 перед войной. В Восточной Европе употребление машин уменьшилось, по вычислению директора Германского союза машиностроительных заводов — Ланге, на 50%. Общий ввоз машин в Европу в 1925 году составил только $^2/_3$ довоенного ввоза. Возможно, что в последние годы положение несколько улучшилось, что подтверждают данные об экспорте машин из Англии, а также из некоторых других стран. Вывоз машин из Англии, который составил в 1925 году 505,9 тысяч англ. тонн, поднялся в 1928 году до 566,2 тыс. англ. тонн. 1926 и 1927 годы дают некоторое понижение экспорта машин из Англии. Однако, этот экспорт еще значительно ниже довоенного экспорта, который составлял 719,4 тыс. тонн. Сильно уменьшился также экспорт машин из Германии, составлявший до войны 706,9 тыс. тонн, а в 1926 году только 482,4 тыс. тонн.

Все эти данные, как и многие другие, свидетельствуют, несомненно, о том, что, несмотря на процесс рационализации, темп улучшения техники и расширения основного капитала был после войны, если взять весь период как таковой, а не какой-нибудь один год, значительно более медленным, чем до войны. Это совершенно понятно. Ибо, как мы уже говорили несколько раз, война оставила капиталистическим странам в наследство значительный производственный аппарат, правда, во многих отношениях непригодный для промышленности мирного времени, но, тем не менее, давящий на дальнейшее развитие хозяйства и замедляющий его темп.

Другим моментом, замедляющим темп развития послевоенного хозяйства, является усиление конкуренции со стороны заокеанских стран, в частности, со стороны Соединенных Штатов, отчасти Японии и других

стран. Проблема перенесения центра мирового хозяйства к заокеанским странам уже много раз обсуждалась в нашей прессе, и нам не приходится специально на ней останавливаться. Огромная роль, которую Соединенные Штаты играют в мировом хозяйстве, достаточно уже уяснена. Приведем только несколько иллюстраций для характеристики происшедших изменений.

Так, продукция стали западно-европейских стран составляла в 1913 г. 32,3 млн. тонн из общей мировой продукции в 75 млн. тонн, в 1925 г. она составляла 32,82 млн. из общей продукции в 89,15 млн., а в 1928 г. 40,05 млн. из общей продукции в 106,63 млн. тонн. Доля Западной Европы в мировой продукции упала с 43% до 37%. Продукция Соед. Штатов в это время поднялась с 31,30 до 51 млн. тонн, значительно обогнав продукцию всей Западной Европы.

Доля Соединенных Штатов в продукции и потреблении основных видов сырья хотя и показывает некоторое уменьшение в последние годы, все же по сравнению с довоенным временем значительно выросла. Так, в процентах к мировому итогу доля Соед. Штатов была:

Продукция Соед. Штатов в процентном отношении к мировой продукции

Годы	Уголь	Нефть	Чугун	Сталь	Медь	Цинк	Свинец	Алюмин.	Пшеница	Хлопок
1913	42,5	64,5	39,8	41,6	59	31,4	34	32,1	18,9	65,7
1927	42,5	71,4	42,8	44,7	55	40,7	38,7	36,4	20,5	56,1

Потребление основных видов сырья в Соед. Штатов в %% к мировому потреблению

Годы	Уголь	Нефть	Каучук	Медь	Цинк	Олово	Свинец	Алюмин.	Хлопок
1913	39,4	—	43,3	36,6	27,9	34,9	33,4	47,2	25,2
1927	40,1	66,3	66,1	41,7	36,5	44,7	39,2	48,8	27,6

Большинство данных имеется у нас за 1927 и предыдущие годы. Но 1927 год был для Соед. Штатов кризисным, а для других частей света относительно благоприятным годом. Поэтому доля Соед. Штатов показывает некоторое понижение. В 1928 году, поскольку имеются уже соответственные данные, доля Соед. Штатов опять повышается. Так, в 1928 г. продукция стали в Соед. Штатах составляла 50,9 млн. тонн, достигла почти половины (47%) всей мировой продукции, которая выразилась цифрой в 107,8 млн. тонн. Продукция Соед. Штатов превысила довоенный уровень на 60%, в то время как общая мировая продукция поднялась над довоенным уровнем на 41%, а продукция главных европейских стран даже только на 21%. По экспорту готовых изделий, считая и готовые пищевые продукты, Соед. Штаты быстро догоняют Англию. В 1927 г. вывоз фабричных изделий из Англии составил 564 млн. фунтов стерлингов, или 2,7 мрд. долл., а из Соед. Штатов — 2,4 мрд. При этом Соед. Штаты только развертывают свои экспортные возможности. В 1925 г. они вывозят всего 10% своей продукции и 7,8 — 8,3% всей промышленной продукции, в то время как Англия вывозит больше 25% своего производства.

Еще более характерным является то обстоятельство, что о б щ а я м и р о в а я т о р г о в л я показывает сравнительно слабое развитие. Европейский экспорт в ценах 1913 (по индексу цен Соед. Штатов) еще в 1927 г. составлял только 87% довоенного, если считать и экспорт из СССР, или 95% без экспорта из СССР. Общий мировой экспорт в 1927 году превышает довоенный уровень на 10%, предыдущие 2 года он держался на

уровне довоенном, не считая экспорта из СССР. Мировой импорт, не считая ввоза СССР, повысился в 1927 году на 10%, а европейский, без СССР, составил 96,2% довоенного. Приходится при этом отметить более быстрый темп развития торговли других частей света: экспорт из Азии увеличился по сравнению с довоенным уровнем на 52%, ввоз — на 38%. Экспорт из Австралии увеличился на 33%, а ввоз — на 39%. Следует, однако, заметить, что в последние годы замечается некоторая задержка в торговле этих частей света. Это связано, отчасти, с событиями в Китае, отчасти, также с возрастающей конкуренцией европейских стран, которые путем бросового экспорта пытаются задушить возросшую конкуренцию индустриализирующихся стран. В результате довоенный темп развития мировой торговли был гораздо более быстрым, чем послевоенный. Общемировой экспорт в 1900 году составил 40,4 мрд. марок, а в 1913 г. — 78,5, т.-е. почти удвоился, тогда как движение цен на мировом рынке за это время поднялось относительно незначительно: в Англии — с 102 до 116, а в Соединенных Штатах с 91 до 112, в Германии с 87,3 до 100.[1]

Отсюда ясно, что мы имели перед войной гораздо более быстрый темп расширения внешнего рынка чем после нее. В этом отношении можно констатировать еще более резкое сокращение рамок развития капитализма, чем по отношению к внутреннему рынку. Годы после войны характеризуются углублением внутреннего и весьма слабым расширением внешнего рынка, между тем, как выход на внешний рынок является для капитализма одним из наиболее удобных способов ликвидации кризиса. И именно тот факт, что этот выход был в значительной степени затруднен, что общие рамки мирового рынка были относительно сужены, при резко возросшем основном капитале, который не мог быть целиком использован, делает борьбу за мировой рынок особенно острой, особенно тяжелой. На почве относительно падающих цен и медленного развития основного капитала внешний рынок был бы действительно спасением для капиталистического мира. Отсюда постоянные международные конференции, которые занимаются проблемой упорядочения мировой торговли с целью улучшения экспортных возможностей, отсюда борьба против таможенных пошлин, которые применяют молодые индустриализирующиеся страны для защиты своей промышленности, отсюда борьба и против монополии внешней торговли СССР, но отсюда также все обостряющаяся конкуренция между отдельными капиталистическими государствами.

IV

Выше мы показали, как изменялись взаимоотношения различных стран на мировом рынке. Однако, численный показатель еще недостаточен для характеристики того положения, которое создалось после войны. Качественное различие между теперешним положением и довоенным следует искать в том факте, что изменились финансовые взаимоотношения между Европой и остальными частями света. До войны, как известно, Европа была почти единственной частью света, которая предоставляла значительный капитал остальным странам и извлекала таким образом большой доход. Как известно, современная торговля следует не за флагом, а за капиталом, и господствовали на мировом рынке европейские индустриальные страны. В настоящее время положение изменилось в том смысле, что сама Европа в значительной мере еще нуждается в импорте капитала, при чем главнейшей страной, экспортирующей капитал, стали Соединенные Штаты.

За последние три года баланс ввоза и вывоза капитала из Европы, правда, уменьшился в ее пользу, но она все еще ввозит капитала больше,

[1] Общий мировой индекс оптовых цен увеличился с 86,4 до 100 в 1911 г.

чем вывозит. Об общем движении капитала в Европу и из нее можно судить последующим цифрам (в млн. долл.):

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Ввоз в Европу из Соед. Штатов	524,8	659,0	508,2	657,0
Вывоз из Европы в др. части света	474,2	364,1	457,2	648,3
Результат	50,6	295,0	51,1	8,7

В последние годы, следовательно, зависимость Европы от новых притоков капитала уменьшилась. В 1930 г. или, во всяком случае, в ближайшие годы, когда экспортером капитала выступит также Франция, положение Европы возможно несколько улучшится.

Общая инвестиция Соед. Штатов за границей, не считая военных государственных займов, выразилась следующими цифрами (мрд. долл.):

	1928 г.	1927 г.	1913 г.
Европа	4,8	4,3	0,35
Канада	4,1	3,9	0,75
Южн. Америка	2,5	2,2	0,1
Центр. Америка	2,9	2,9	1,4
Австралия	0,8	0,7	0,17
Разн. страны	0,4	0,4	0,05
Всего	15,6	14,5	2,62

Отсюда судя по этим данным Уинклера, Европа должна Америке по частным займам 4,8 млрд. марок. Ежегодные платежи, считая в среднем по 8%, составляют около 400.000.000 долларов. До войны Европа получала из-за границы от 4½ до 5 миллиардов марок в год; теперь, за исключением Англии, доходы которой от заграничных инвестиций составляли 285 миллионов фунтов, а из-за океанских стран, вероятно, около 200 миллионов, другие страны получают из внеевропейских стран весьма незначительные суммы, в общем, вероятно, вместе с доходами Англии, не больше миллиарда долларов. До сих пор, следовательно, европейские страны, специально Англия, еще получают больше от заграничных вложений в внеевропейских странах, чем Америка от европейских стран[1]. Общий доход Англии от заграничных вложений еще тоже значительно превышает доход Соединенных Штатов от заграничных вложений, который составлял в 1927 г. 795 млн. долл. Из них, однако, надо вычесть 281 млн., которые Америка должна была платить в свою очередь своим кредиторам, так что чистыми осталось только 514 млн., в то время как Англия получала 270 миллионов фунтов, т.-е. в два раза больше той суммы, которую получили Соед. Штаты. В этом смысле Англия еще имеет значительные виды на дальнейшее укрепление своего положения на мировом рынке. Когда английское народное хозяйство приспособится несколько больше к современному положению мирового рынка, оно сумеет благодаря экспорту капитала удержать некоторые рынки в своих руках.

Процесс развития накопления американского капитала за границей идет гораздо более быстрым темпом, чем в Англии, и вместе с тем они, конечно, займут господствующее положение. Если платежный баланс Англии в 1927 году был заключен в пользу Англии на 96 млн. фунтов стерл., а в 1928 г. на 148 млн., то платежный баланс Соед. Штатов, если не считать нового экспорта капитала был заключен в пользу Соед. Штатов больше чем на 1 миллиард долларов, что дает этой стране, несомненно, огромное преимущество на мировом рынке. Обычно это преимущество

[1] В этих подсчетах не приняты во внимание платежи европейских стран американскому правительству по военной задолженности, которые в 1927 г. составили сумму в 206 млн. долл.

сводят к тому, что они стали обладателями значительной части мирового золота. Однако, поскольку проблема стабилизации валюты в Европе более или менее разрешена, вопрос о движении золота играет весьма незначительную роль. Более важным является то обстоятельство, что Соед. Штаты обладают такими товарами, в которых европейская промышленность нуждается, как, например, хлопок и хлеб. Это дает Соединенным Штатам возможность до сих пор иметь активный торговый баланс, в то время как Англия и другие страны имеют чрезвычайно пассивный торговый баланс и весьма незначительный активный платежный баланс. Это обстоятельство и обеспечивает Соед. Штатам преобладание на мировых рынках...

V

В ряде статей Гильфердинг проводил ту мысль, что повысить прибыль можно двумя путями: или победой над своим конкурентом, т. е. уничтожив его, или, если такая победа трудна, путем соглашения и повышения цен. Так как Англия и Соед. Штаты, как ему кажется, равные противники на мировом рынке, то дальнейшее развитие мирового хозяйства он себе мыслит в виде соглашения между предпринимателями отдельных стран, образующими международные картели и тресты. Развитие последних лет, богатое образованием таких международных картелей и трестов, как будто доказывает справедливость такого положения вещей. Однако, контроль всей мировой продукции «совершенно несовместим с законами капиталистического производства, а потому всегда остается платоническим благопожеланием» (Маркс). Несомненно прав был Ленин, когда говорил, что «не чистая монополия, а монополия рядом с конкуренцией, вот существенная особенность империализма... Устранить конкуренцию... империализм не может». На самом деле, мы замечаем, что несмотря на бесчисленные монополистические образования после войны как на внутреннем, так и на внешнем рынках, борьба обострилась, а не уменьшилась.

Тот факт, что создался огромный производственный аппарат, который значительно превышает рыночное потребление, с одной стороны, чрезвычайно обостряет конкуренцию, а с другой, заставляет во многих случаях прибегать к об'единению для возможного ослабления остроты этой конкуренции, так как она является разорительной для всех участников. А так как общая производительная мощь аппарата значительно превышает рыночный спрос, то естественным результатом является резкое падение цен. Во многих случаях капитал, вложенный в производство, уже списан, и предприниматели могут вести конкуренцию на самом деле очень долго, разоряя не столько себя, сколько своих противников. Это мы видим на примере угольной промышленности, которая работает в Англии и в Германии уже в течение нескольких лет с убытком, и тем не менее борьба еще продолжается. Поэтому предприниматели и стремятся к соглашению и устранению конкуренции. То обстоятельство, что производственные возможности значительно превышают спрос, казалось бы диктует необходимость значительного сокращения продукции для того, чтобы приспособить существующий аппарат к рыночным возможностям. Однако, такое сокращение бьет по лучше организованным предприятиям сильнее, чем по слабым, и по этой причине образование таких монопольных организаций идет относительно медленно: возникая в одном месте, монополии лопаются в другом.

В общем прав Гармс, указывая, что в настоящее время мы наблюдаем более сильную конкуренцию на рынке, чем когда бы то ни было. Несмотря на то, что в последние годы возникли многочисленные монополистические организации, цены все же показывают тенденцию к падению, кризисы стали более частыми и сезонные колебания, как мы уже говорили, приняли осо-

бенно резкий характер. Несмотря на все потуги организации капитала, плановости в послевоенном капиталистическом хозяйстве не больше, а гораздо меньше, чем в довоенном. Хотя монополия и охватила большое число отраслей хозяйства, проникла и в обрабатывающую промышленность, а международные монополистические организации охватили весьма важные отрасли народного хозяйства, тем не менее мы имеем резкие колебания цен и гораздо менее устойчивое положение на мировом рынке, чем до войны. Если, например, сопоставить движение общего мирового индекса цен в 1913 году с движением его в послевоенные годы, то мы видим, что в 1913 году колебание между высшим и низшим уровнем составляло максимально 7%, между тем как амплитуда колебаний цен в 1927 году представляет собою довольно значительную величину: между 149,2 и 133,1, т.-е. больше чем на 12% по отношению к низшему уровню.

Гильфердинг в своей конструкции исходит из своей любимой идеи о возможности мирового картеля, который регулировал бы все хозяйство капиталистических стран. Он даже договорился до того, что считает современное хозяйство уже организованным, социалистическим, и весь вопрос заключается только в формах власти. На самом деле существование частной собственности на средства производства исключает возможность полного регулирования народного хозяйства, и до тех пор, пока капитал остается, его стремлением будет увеличение нормы прибыли, т. е. желание оторвать от своих конкурентов большую часть прибавочной стоимости в свою пользу. Таким образом, борьба за разделение прибавочной стоимости не может прекратиться как в национальном, так и в международном масштабе до тех пор пока будет существовать капиталистическое хозяйство, и, поэтому, как показывает современная действительность, монополия не может уничтожить конкуренции. Наоборот, развитие капиталистического хозяйства идет диалектически: на одном полюсе создается монополия, а на другом усиливается конкуренция, обостряются противоречия как между неорганизованными предприятиями, так и между монополиями, между последними и неорганизованными предприятиями и, наконец, в среде самих этих монополий, в виде борьбы из-за доли участия в их прибылях.

Таким образом, не организованность, не мирное соглашение характерно для послевоенного капитализма, а, наоборот, резко обостряющаяся конкурентная борьба которая является следствием сильно возросшего производственного аппарата, слабого развития покупательной способности населения и усиливающейся конкуренции других стран. Все эти моменты, приведшие к сокращению об'ема мировой торговли, к затруднению выхода на внешний рынок и вместе с тем к замедленному темпу использования и обновления производственного аппарата в Европе, вызывают обостренную борьбу как на свободном рынке, так и внутри самих картелей. И именно это обстоятельство делает современное положение чреватым большими опасностями: обостряющаяся борьба на международных рынках сопровождается обычно и политическими конфликтами...

VI

Указанным относительно медленным темпом развития капиталистического хозяйства об'ясняется и огромная безработица, господствующая почти во всех странах. До войны она редко превышала несколько процентов. Как констатирует отчет Бальфуровской комиссии, свыше 10% безработных членов профсоюза в Англии имело место только в 1886 году; во время кризиса 1893 г. безработица достигла 7,5%, а в 1908—1909 гг.— свыше — 7%. В 1913 г. она составляла 3,7%. За годы 1921—24 она составила в среднем 12,3%, в 1926 г. — 12,6%, в 1927 г. — 9,8%, а в 1928 г. — 10,9%. Если до войны высокий уровень безработицы держался

нормально только несколько месяцев, то теперь он уже в течение 7 лет почти не понижается.

Немногим лучше положение и в Германии. Среднее число безработных членов профсоюзов составило (в %%):

1907—13	2,3
1924—26	12,7
1927	8,7
1928	10,3

По Соединенным Штатам мы располагаем данными о числе занятых. По данным промышленных цензов число занятых в фабричной промышленности с производством в 5 тысяч долларов в год составляло, начиная с 1914 года, следующие величины:

Годы	В тысячах	Изменение в %%
1914	7.015	—
1919	9.031	+ 28,7
1921	6.938	— 23,2
1923	8.768	— 26,4
1925	8.381	— 4,4
1927	8.351	— 0,3

Таким образом, мы здесь замечаем, что после 1919 г. общее число занятых не только не показывает увеличения по сравнению с 1919 г., но даже уменьшилось — на 7%.

Вопросу о количестве занятых рабочих в Соед. Штатах посвящена статья Шлихтера в журнале Американского Экономического Общества American Economic Review, март 1929 г. По данным, приводимым в этой статье, число занятых между 1920 и 1927 гг. уменьшилось на 10% — в фабричной промышленности и на 15% — в железнодорожном транспорте. В горной промышленности число занятых не изменилось, в сельском хозяйстве — сократилось до 1928 г. на 1.300.000. Общее число занятых уменьшилось, по его подсчетам, на 2.300.000. Так как население одновременно увеличилось на 13,6 млн., то, повидимому, значительное число рабочих ушло в разные обслуживающие отрасли народного хозяйства, не занятые материальным производством. Как нам кажется, все эти подсчеты грешат тем, что они не принимают во внимание изменение индекса цен, которое было весьма значительным за этот период, как мы уже отметили выше. Так как между 1919 и 1927 годами изменение цен составляло 29%, то не удивительно, что понизилось количество занятых, составляющее 7% (или 10%),[1] так как вследствие понижения цен предприятия, которые производили раньше продукцию на 5.000 долларов, производят ее теперь на 3.500 долларов, и, следовательно, не были включены в подсчет ценза. Другими словами, из подсчета выпало значительное количество мелких предприятий, в которых занято относительно большее число рабочих. Затем весь этот подсчет не принял во внимание, что в 1919 году промышленность еще в значительной мере работала на потребности военного времени. Очень большое число рабочих было занято, напр., в кораблестроительной промышленности. В судостроении было занято в 1919 году 387.000, в то время как в 1925 году их было всего 38.000, т. е. за это время число занятых в судостроении уменьшилось приблизительно на 350.000, что составило больше половины всего сократившегося числа занятых в промышленности рабочих.

Основной причиной некоторого сокращения числа занятых следует считать относительно замедленный темп развития продукции. Цитирован-

[1] Между 1925 и 1927 гг. цены на промизделия упали на 6%, а число занятых — всего на 0,3%.

ный нами автор отрицает связь между развитием производительности труда и сокращением количества занятых рабочих. Им устанавливается, что в некоторых отраслях промышленности, в которых производительность труда быстро развилась, число занятых в то же время увеличилось, а в других, где производительность труда поднялась меньше, сократилось одновременно и число занятых. Это указание подтверждает только, что все зависит от темпа развития продукции.

Какаво же положение в этой области?..

По данным, которые мы находим в том же журнале за март 1928 года, за 10 лет перед войной — между 1898—1900 гг. и 1908—1910 гг., — продукция промышленности увеличилась на 58%, число занятых на 45%, а выработка на одного рабочего на 10%. За годы 1918—20 по 1924—26, т. е. за 6 лет, продукция увеличилась на 28,5%, число занятых уменьшилось на 8,5%, а выработка на одного рабочего увеличилась на 40,5%. Производительность труда, следовательно, в последние годы после войны увеличилась быстрее чем перед войной. И так как общий размер продукции вырос относительно медленнее, чем до войны, то число занятых сократилось. Надо сказать, что и этот подсчет грешит неточностями, поскольку исходным пунктом являются первые годы после войны, когда производительность труда была особенно низкой, вследствие ряда моментов, которые были вызваны случайными обстоятельствами: общим расстройством аппарата, недостатком некоторых видов сырья, сильным сокращением продукции в 1919 г. Все эти моменты понижали среднюю выработку на рабочего, считая на весь год. Если бы подсчет был проведен с учетом указанных моментов — т. е. если бы принимался во внимание простой предприятий и временные потери за время забастовок, то производительность труда в промышленности не была бы такой низкой. Что это на самом деле так, можно судить на основании того, что производительность труда в 1918—20 гг. исчисляется на 5% ниже, чем 1900—10 гг. Очевидно, дело в расстройстве аппарата, которое мешало полному использованию производительности труда. Как только аппарат был исправлен, сразу выявился рост производительности труда, который наметился в прежние годы. Этим и об'ясняется, что эти годы дают значительный скачек в развитии производительности труда. На самом деле, если взять весь период 1898—1900 по 1924—26 гг., мы имеем правильную линию развития производительности труда во всех областях народного хозяйства: в промышленности производительность труда увеличилась на 47%, в сельском хозяйстве на 47%, в горной промышленности на 99%, что весьма естественно вследствие особого развития этих отраслей хозяйства.

Как бы то ни было, относительно замедленный темп развития продукции не подлежит никакому сомнению. Шлихтер указывает на то, что продукция между 1923 и 1927 годами увеличилась меньше чем на 4%, в то время как за годы 1899—1904 она увеличилась на 22%, а между 1904 и 1909 годами даже на 30%. Интересно сопоставить рост продукции, числа рабочих и применение первичного двигателя в промышленности. Первый послевоенный кризис дает уменьшение продукции на 20,6%, а число занятых на 22,8%. В следующие годы, с 1921 по 1923, продукция увеличивается на 53,7%, а число занятых увеличивается на 26,4%. С 1919 по 1923 гг., мы имеем увеличение продукции на 22% и уменьшение числа занятых на 2,5%. За пять лет, с 1899 по 1904, применение первичных двигателей увеличилось на 33,6%, продукция — на 22,2%, а число занятых — 16%. За следующие пять лет применение двигателей увеличилось на 38,15%, продукция — на 32%, а число занятых на 21%. За пять лет с 1909 по 1914, применение двигателей увеличилось на 20,1%, продукция — на 6,4%, а число занятых на 6,4%. За время войны применение

двигателей увеличилось на 31,5%, продукция — на 26,1%, число занятых — на 29,3%. Следовательно, за время войны произошел относительно быстрый рост числа занятых, более быстрый, чем увеличилась продукция, и почти в таком же размере как применение первичного двигателя, что совершенно ненормально с точки зрения развития техники и хозяйства, где рост постоянного капитала должен значительно превышать рост переменного капитала. Этим обстоятельством, вероятно, приходится об'яснять то, что в следующие годы мы имеем значительное замедление в росте числа занятых и, наоборот, усиленный темп применения первичных двигателей и развития продукции.

Полное представление о числе занятых в Соединенных Штатах мы получим только после того, как будет произведена общая перепись народонаселения и числа занятых во всех областях. Дело в том, что, как мы уже говорили, этот подсчет отдельных отраслей народного хозяйства, не дает ясной картины действительного положения вещей. В канадской промышленности число занятых, начиная с 1919 года, показывает в общем и целом картину, сходную с той, которая нам известна относительно Соединенных Штатов. Это видно из следующих данных: общее число занятых рабочих было: 1917 год — 622.000, 1918 год — 618.000, 1919 год — 611.000, 1920 год — 609.000, 1921 год — 456.000, 1922 год — 474.000, 1923 год — 525.000, 1924 год — 508.000, 1925 год — 544.000, 1926 год — 581.000. Таким образом, в 1926 году число занятых еще меньше, чем в 1919 году. Если присмотреться к тому, в каких отраслях народного хозяйства уменьшилось число занятых по сравнению с 1919—20 годами, то приходится констатировать, что больше всего оно уменьшилось в железоделательной промышленности (в 1919 г. число занятых составляло 129.000, в 1920 г. — 146.000, а в 1925 г. — всего 90.000, т. е. оно уменьшилось на 39.000). Это совершенно понятно, так как во время войны и в первые годы после войны, когда европейская и американская железоделательная промышленность была занята военными поставками, могла развиваться канадская, обслуживавшая отчасти военные потребности. Потом разразился кризис в железоделательной промышленности, который здесь оказался особенно сильным, вследствие ожившей конкуренции Соединенных Штатов и Англии.

Относительно Англии мы имеем различные данные. По подсчетам Войтинского, в журнале Die gesellchaft за июнь 1928 года, число занятых в английской промышленности было: в 1923 году — 8,2 млн., а 1924 году — 8,2 млн., в 1925 году — 8,3 млн., в 1926 году — 8,36 млн., в 1927 году — 8,32 млн. По подсчетам, которые приводятся в журнале английского статистического общества за январь 1929 года, число занятых в английской промышленности было в сентябре каждого года следующее (в тысячах):

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Текстильная промышленность . . .	905,2	993,7	103,6	849,6	1.034,1	920,3
Производство пищевых веществ, а также обуви	1.023,0	1.067,0	1.101,0	1.077,3	1.147,7	1.131,4
Железоделательная, машиностроительная и кораблестроительная промышленность	1.366	1.429	1.422	1.220	1.460	1.420
Железнодорожный транспорт	957,4	950,6	941,5	919,6	968,3	933,7
Строительство	1.555,0	1.631,7	1.720,5	1.683,9	1.846,5	1.833,1
Всего	5.806,6	6.072,0	6.188,6	5.750,4	6.456,6	6.238,5

Эти данные в общем подтверждают те, которые приводит Войтинский, давший, повидимому, общую сумму застрахованных за исключением безработных.

Относительно фабричной промышленности Германии после 1925 года нет полных данных, так как, начиная с 1925 года, метод исчисления количества фабричных предприятий и числа занятых в них изменен. Поэтому сопоставление с предыдущими годами, начиная с 1926 года, не представляется возможным. Однако, судя по тому, что 1927 год дал значительное повышение общего числа занятых, между тем, как в 1926 году оно относительно мало уменьшилось, можно предполагать, что общее число занятых в 1927 г. было значительно выше, чем в 1925 г. или в предыдущие годы. На самом деле число занятых в1926 г. по сравнению с 1925 г. уменьшилось на 4%, а в 1927 г. по сравнению с 1926 г. число занятых увеличилось на 17%, и хотя метод исчисления был иной, но различие было не настолько значительным, чтобы элиминировать это сильное повышение числа занятых в 1927 г. по сравнению с 1926 г.

Германская фабричная статистика впервые указывает, как изменилось и число предприятий между 1926 и 1927 гг. Оказывается, что в 1927 году, в год чрезвычайно высокой кон'юнктуры, число старых предприятий уменьшилось на 5,7%, а число вновь построенных увеличилось на 20,4%, при чем, несмотря на уменьшение количества старых предприятий на 5,7%, число занятых в старых предприятиях увеличилось все-таки на 11,2%; вследствие постройки новых предприятий число занятых увеличилось еще на 8,9%. Из этих данных видно, что годы промышленного под'ема дают постройку новых предприятий в размере 20% существующих. Так как нормально такое строительство не имеет места и постройка промышленных предприятий, как мы видели, в годы после войны была весьма незначительной, то мы могли сделать тот вывод, что общая кон'юнктура после войны, за исключением отдельных кратковременных периодов, была в общем и целом депрессивной. Таким образом, мы приходим к выводу, что мысль высказанная Марксом в первом томе «Капитала», что с возрастанием капитала увеличивается и переменный состав его или число занятых, но увеличивается оно по постоянно убывающей пропорции, оправдывается и послевоенным развитием капитализма. «Ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала становится условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих, или даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы постоянного капитала уже функционирующие рабочие сохранили работу». Поскольку такое ускорение темпа накопления всего капитала имело место, растет и число занятых рабочих; поскольку же оно замедляется, число занятых или мало растет или даже временно несколько уменьшается. Замедленный же темп увеличения числа занятых создает, несмотря на современный замедлившийся темп роста населения, угрозу постоянно растущей безработицы и вместе с тем усиливает ту неопределенность положения рабочих, которая составляет основное проклятие капиталистического хозяйства. Но если в довоенное время безработица, как правило, в общем была непродолжительной и если в течение одного или максимум двух производственных периодов, за исключением небольшой группы рабочих (в индустриальных странах около 300.000), все остальные безработные могли надеяться получить снова работу, то в настоящее время огромная безработица уже длится многие годы и создает, таким образом, особенно острый горючий материал для революционных взрывов.

А. И. Зак

Итоги плана Дауэса и перспективы плана Йонга

I. Итоги

Введение. Постановка вопроса

1 сентября 1928 г. закончился четвертый год действия плана Дауэса — последний год льготного переходного периода, когда общая сумма ежегодных платежей Германии была установлена ниже «нормального» аннуитета в 2.500 млн. марок. Текущий 1928/29 г. — первый год нормальных платежей. Сколько лет будут продолжаться эти платежи — планом Дауэса не предусмотрено, как не установлена и общая капитальная сумма репарационного долга Германии. 16 сентября в результате совместной инициативы германского правительства и генерального агента по репарациям, С. Паркера Джильберта, после дипломатической подготовки, продолжавшейся почти целый год, представителями пяти держав — кредиторов и Германии в Женеве было заключено соглашение «о необходимости полного и окончательного решения репарационной проблемы и об образовании для этой цели комиссии финансовых экспертов, подлежащих назначению каждым из шести правительств».

22 декабря истекшего года в один и тот же день был опубликован отчет генерального агента за четвертый 1927/28 год работы плана Дауэса, подводящий итоги всему четырехлетнему переходному периоду его применения, и было достигнуто практическое соглашение между заинтересованными правительствами о составе, задачах, программе работ и о сроке созыва новой комиссии экспертов. При этом Германии удалось настоять на том, чтобы назначенные в комиссию представители держав являлись независимыми экспертами, не связанными инструкциями своих правительств. 9 фе-

---

[1] Настоящая статья воспроизводит в основном доклад А. И. Зака в Секции мирового хозяйства Госплана СССР на ту же тему. Печатая эту статью, редакция считает необходимым отметить ряд моментов, определяющих как общий характер работы, так и постановку основных проблем, связанных с трактуемым автором вопросом.

Автор добросовестно и с большой тщательностью собрал значительный материал по вопросу о положении в Германии в связи с планом Дауэса. Однако, при освещении этих материалов, автор дал им одностороннее и, отсюда, неправильное толкование, а именно: 1) автор упустил из виду, что план Дауэса на данном этапе мирового капитализма должен рассматриваться как проблема соотношения сил в мировом хозяйстве. В данной же им трактовке плана Дауэса автор не выявил действительных международных противоречий, связанных с планом Дауэса; 2) автор свел проблему плана Дауэса к технически-финансовому анализу и совершенно оставил в тени политическое значение его; 3) выдвигая в своей работе, главным образом, положительную сторону плана Дауэса, с точки зрения нормализации экономического развития Германии после 1924 г., автор совершенно игнорирует задерживающее влияние репарационных платежей на развитие производительных сил германского хозяйства и вытекающие отсюда социально-экономические последствия.

Из всего связанного не трудно констатировать, что намечаемые автором перспективы дальнейшей судьбы плана Дауэса носят односторонний характер, что, кстати сказать, было констатировано и при обсуждении содержания настоящей статьи в Секции мирового хозяйства. Ред.

враля с. г. комиссия впервые собралась в Париже в здании Французского банка, а 11 приступила к практической работе. Каждая из шести стран представлена двумя делегатами-экспертами и двумя кандидатами, участвующими в работе комиссии наравне с делегатами, но без права решающего голоса. Кроме делегатов пяти стран — кредиторов и Германии, в состав комиссии привлечены эксперты — граждане Соед. Штатов, приглашенные совместно репарационной комиссией от имени держав — кредиторов и германским правительством с неофициального одобрения Вашингтонского правительства. Последнее официально занимает, как известно, позицию полной незаинтересованности в репарационной проблеме с тех пор, как сенат Соед. Штатов отказался ратифицировать Версальский мирный трактат. Американских экспертов также четверо: два делегата с решающим голосом — банкиры Оуэн Д. Йонг и Джон Пирпорт Морган, и два кандидата — Перкинс и Ламонт. Йонг, игравший в 1924 г. решающую роль в выработке так называемого, плана Дауэса, который по справедливости должен был бы носить его имя, избран председателем новой комиссии экспертов.

Опубликование четвертого и, повидимому, последнего годового отчета репарационного агента и одновременное вступление в решительную фазу окончательной кристаллизации всего обширного круга вопросов, об'единяемых понятием репарационной проблемы и имеющих первостепенное жизненное значение для хозяйственных и политических судеб Германии, Европы и всего мира на многие годы, естественно вновь всколыхнуло интерес мирового и, в первую очередь, европейского общественного мнения к этой многократно дебатировавшейся проблеме. Специальные экономические журналы и органы общей прессы посвящают ей многочисленные статьи. В оценке итогов опыта плана Дауэса за прошлые годы это новейшее обсуждение его не вносит по существу ничего нового по сравнению с тем, что было сказано и написано до сих пор. Противоречие интересов здесь настолько очевидно, противоположные позиции заинтересованных сторон определились с такой отчетливостью, что возобновление спора сводится к повторению и варьированию общеизвестных и давно успевших надоесть утверждений. По меткому определению англичанина Р. Лонга, репарационный вопрос успел породить свою мифологию. [1] Для того чтобы дать себе вполне об'ективный и точный отчет в том, каковы достигнутые результаты и как они отразились на экономическом положении Германии, Европы и всего мира, необходимо прежде всего рассеять эту мифологию.

Основная методологическая установка при анализе практических итогов опыта плана Дауэса за четыре года его применения вытекает из признания существенно-политического характера всей репарационной проблемы. От того, что план Дауэса передвинул порядок взыскания репарационных платежей из сферы политических и военных санкций в сферу нормальных финансово-экономических методов реализации и трансферта, сами платежи не перестали носить характер военной контрибуции, дани побежденных победителям. Никакая «коммерциализация», создающая фикцию наличия обычной внешней задолженности Германии державам — победительницам, не в состоянии стереть этой печати контрибуции ни в глазах побежденных — «должников», ни в глазах победителей — «кредиторов». А это естественно приводит к сугубой суб'ективности и пристрастности всех бесчисленных «об'ективных», «научных» экономических анализов и оценок функционирования плана Дауэса, исходящих от той и другой стороны. Все ходячие мнения и утверждения по этому вопросу должны приниматься с максимальной дозой критического и скептического отношения, с полным сознанием их величайшей условности. В основе этих оценок с германской стороны всегда лежит «подсознательное» нежелание платить и, во всяком случае, стремление платить как можно меньше. Равным образом, со стороны держав — кредиторов и, прежде всего, со стороны Франции, во всех анализах и оценках совершенно открыто проявляется стремление и надежда получить как можно больше. Противоречие претендующих на об'ективность оценок «платежеспособности» Германии с той и другой стороны лишь маскирует основное противоречие интересов. Поэтому для действительно беспристрастной оценки практических результатов опыта дауэсовского режима должны быть найдены не допускающие противоречивого истолкования точные об'ективные критерии, которые могут быть непосредственно приложены к фактам.

[1] R. Long, „The Mythology of Reparations", London, 1928.

Такие критерии могут быть установлены при условии отчетливого разграничения двух основных аспектов режима выполнения плана Дауэса: финансово-технической стороны его и экономической стороны в широком смысле. Смешение этих двух аспектов и лежит в основе большинства двусмысленных и противоречивых утверждений и оценок одних и тех же фактов, породивших туманные образы «мифологии репараций». Разграничение их поэтому позволит установить ту относительную и условную долю истины, которая, как правило, содержится в каждом из этих утверждений и придает им видимость убедительности и правдоподобия. Анализ финансово-технической стороны дауэсовского режима обнимает характеристику методов реализации репарационных платежей внутри страны и способов их трансферта за границу в непосредственное распоряжение репарационных кредиторов. Анализ экономической стороны функционирования плана Дауэса должен выяснить основные экономические предпосылки и экономический эффект реализации и трансферта репараций в пределах германского народного хозяйства и их влияние на европейское и мировое хозяйство.

Финансово-техническая сторона осуществления плана Дауэса

Исчерпывающая и точная характеристика финансово-технической стороны функционирования плана Дауэса содержится в ежегодных отчетах генерального агента по репарациям, включающим также отчеты отдельных репарационных комиссаров и доверенных (Trustees). Последний отчет за 1927/28 репарационный год (с 1 сентября по 31 августа), подводящий итоги начальному четырехлетнему периоду льготных платежей, дает основание констатировать бесспорную успешность осуществления плана во всех его отдельных частях. [1] Эта успешность является главным аргументом, выдвигаемым со стороны кредиторов Германии в доказательство того, что она в состоянии платить без нарушения народнохозяйственного равновесия в том размере, какой установлен план Дауэса, а со временем, по мере повышения благосостояния населения, сможет платить и больше. Мы вкратце остановимся на основных и решающих моментах финансово-технической стороны выполнения плана Дауэса до настоящего времени.

Как известно, план строго разграничивает реализацию ежегодных платежей внутри страны в германской валюте и трансферт этих платежей в распоряжение репарационных кредиторов, связанный с переводом их в иностранную валюту. Реализация платежей лежит на ответственности германского правительства, обязательство которого считается выполненным с того момента, когда соответствующие суммы в германской валюте внесены на текущий счет репарационного агента в Рейхсбанк. Трансферт этих сумм в распоряжение кредиторов как в форме материальных поставок и иных

[1] Report of the Agent-General for Reparation Payments (December 22, 1928), Berlin-London, 1929.

«безвалютных» расчетов, так и путем перевода в иностранную валюту, лежит всецело на ответственности репарационного агента. Последний обязан осуществлять трансферт, не нарушая равновесия платежного баланса Германии и устойчивости германской валюты. В случае невозможности трансферта по валютным соображениям, план предусматривает накопление на текущем счету репарационного агента остатка поступлений в размере до 2 мрд. марок. При дальнейшем увеличении этого остатка он должен помещаться в германские ценные бумаги. Крайний предел накопления установлен в 5 мрд. марок. Достижение этого предела влечет за собой снижение ежегодных платежей Германии.

Фактическое выполнение плана показывает, если воспользоваться словами самого отчета репарационного агента, что, с одной стороны, «Германия выполняла все платежи, предусмотренные планом, и осуществляла их лойяльно и пунктуально; с другой стороны, комитет по трансферту регулярно и непрерывно производил трансферт платежей, не нарушая устойчивости германской валюты, при чем совокупная сумма трансферта за год в общем соответствовала итогу поступления платежей» (стр. 1). Это соответствие явствует из следующего цифрового сопоставления (в млн. зол. марок):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Поступление платежей	1.000	1.220	1.500	1.750
Трансферт	893	1.176	1.382	1.739

Всего за четыре года переходного периода поступило 5.470 млн. марок, а было переведено за границу 5.190 млн. марок. Остаток на текущем счету репарационного агента, хотя и возрастает из года в год, но в итоге не достиг еще и 300 млн. марок. Состав отдельных аннуитетов по источникам поступлений виден из следующей таблицы (в млн. зол. марок):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Внешний „заем Дауэса“	800	—	—	—
Облигации германских жел. дорог .	200	595	550	660
Облигации германской промышленности	—	125	250	300
Транспортный налог	—	250	290	290
Государственный бюджет.	—	250	410	500
Итого.	1.000	1.200	1.500	1.750

Нормальный аннуитет в 2.500 млн., начиная с текущего 1928/29 г., предусматривает повышение доли государственного бюджета до 1.250 млн. при неизменности прочих составных частей, достигших окончательно фиксированного ежегодного размера уже в прошлом 1927/28 г. С прошлого же года началось погашение железнодорожных и промышленных облигаций, рассчитанное на 37 лет при общей сумме облигационного долга железных дорог в 11 мрд. и промышленности в 5 мрд. марок.

По вопросу об обеспеченности реализации репарационных поступлений в размере нормального аннуитета на будущее время генеральный агент в своем отчете весьма убедительно показывает, что не может быть ни малейшего сомнения в этой обеспеченности. Финансовое положение германского общества железных дорог чрезвычайно прочно, в особенности, после последнего повышения тарифов (осенью 1928 г.), и реализация нормального аннуитета по оплате процентов и погашения репарационных облигаций не представляет для него никаких трудностей. Репарационный «доверенный» по управлению промышленными облигациями оценивают чистую прибыль германских промышленных предприятий, оплачивающих репарационные

облигации, за 1927 г. в сумме 1.205 млн. марок, т.-е. в 4 раза больше соответствующего нормального аннуитета. Эта сумма дает среднюю норму прибыли в 14,56% на вложенный капитал против 10,95% в 1926 г. Дивиденды, выплаченные этими предприятиями за 1927 г., составляют в среднем 6,97% на капитал против 5,76% в 1926 г. Транспортный налог с каждым годом дает растущее превышение (поступающее в пользу германского правительства) против нормального аннуитета в 290 млн. марок. Наконец, рост доходных поступлений государственного бюджета за последние три года больше, чем вдвое, превышает одновременный рост репарационных платежей. При этом доходные статьи, обеспечивающие реализацию доли репараций, покрываемой за счет государственного бюджета, уже за последний 1927/28 репарационный год дали государству сумму дохода, более, чем в вдвое, превышающую соответствующую долю нормального аннуитета. Ниже приводится сопоставление дохода по этим статьям и репарационной доли бюджета за истекшие 4 репарационных года (в млн. марок):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Бюджетные поступления . . .	1.703	1.969	2.724	2.852
Репар. платежи за счет государственного бюджета . . .	—	250	400	500

Поступления по предназначенным в обеспечение репарационной доли бюджета доходным статьям за последний репарационный год составляют 228% нормальной доли бюджета в 1.250 млн. зол. марок, подлежащей уплате, начиная с текущего пятого 1928/29 репарационного года. Генеральный агент с полным основанием приходит к выводу, «что не может возникнуть вопроса относительно того, в состоянии ли германский государственный бюджет покрыть в полном об'еме приходящуюся на него по плану нормальную долю репараций» (стр. 3).

В своем последнем отчете агент вновь повторяет по адресу германского правительства советы и назидания, формулированные в его знаменитом меморандуме от 20 октября 1927 г., о необходимости установления твердого бюджетного равновесия на почве максимальной экономии расходов. Ныне он особенно подробно останавливается на необходимости окончательного размежевания между общегосударственным бюджетом и бюджетами отдельных германских автономных областей. Выступление агента по этому больному в настоящее время в Германии вопросу встретило оживленный и притом сочувственный отклик в германской прессе. Однако, эта проблема, сколь ни велика ее важность для улучшения структуры и обеспечения полной устойчивости германского бюджета, непосредственно совершенно не затрагивает обеспеченности репарационных платежей.

Обращаясь к методам трансферта репараций, следует отметить тенденцию относительного роста доли, переводимой в иностранной валюте, при соответственном сокращении доли, переводимой в германской валюте. В составе последней наибольшее значение имеют материальные поставки, расчеты по которым производятся путем оплаты покупателем в иностранной валюте, поступающей непосредственно в распоряжение правительства соответствующей страны — кредитора; одновременно германский поставщик получает от репарационного агента оплату в германской валюте. Таким образом, расчетные операции на многие сотни миллионов осуществляются без всякого перевода германской валюты в иностранную. Другой составной частью трасферта в германской валюте является оплата расходов оккупационной армии в Рейнской области. Эта статья снижается с каждым годом и скоро должна исчезнуть. Распределение трасферта по обоим основным методам его за истекшие 4 года видно из следующей таблицы:

Годы	Трансферт в герм. валюте		Трансферт в иностр. валюте		Итого
	В млн. зол. марок	В %% к итогу	В млн. зол. марок	В %% к итогу	В млн. зол. марок
1924/25	622	69,6	271	30,4	893
1925/26	760	64,7	416	35,3	1.176
1926/27	699	50,6	683	49,4	1.382
1927/28	796	45,8	943	54,2	1.739

Таким образом, при ежегодном росте общей суммы трансферта наблюдается одновременно повышение относительной доли, переводимой в иностранной валюте. За последний репарационный год эта доля перевалила уже за половину общего итога трансферта. Однако, в нарисованную в отчете картину распределения трансферта следует внести существенную поправку. В состав доли, переводимой в иностранной валюте, на ряду с платежами наличными, включены также платежи репараций Франции и Англии в порядке так наз. Reparation Recovery Acts. Эти платежи взыскиваются путем специального отчисления в размере 26% с ценности германского товарного импорта в эти страны. Германские экспортеры уплачивают это отчисление во французской или английской валюте с последующим возмещением в германской валюте за счет репарационного агента. Казалось бы, операция эта в финансово-техническом отношении и по своему влиянию на платежный баланс Германии и на устойчивость германской валюты вполне аналогична расчетам по оплате материальных поставок. Поэтому мы полагаем, что ее следует исключить из группы расчетов, связанных с переводом в иностранную валюту, и включить в группу расчетов, не связанных с таким переводом[1]. Удельный вес платежей в порядке Reparation Recovery Acts весьма значителен: абсолютная сумма их за истекшие четыре года составляет соответственно 180, 243, 290 и 351 млн. зол. марок. Если ввести в картину распределения трансферта требуемую поправку, то она примет следующий вид:

Годы	Трансферт без перевода в иностр. валюту		Трансферт в иностр. валюте		Итого
	В млн. зол. марок	В %% к итогу	В млн. зол. марок	В %% к итогу	В млн. зол. марок
1924/25	802	89,8	91	10,2	893
1925/26	1.003	85,3	173	14,7	1.176
1926/27	989	71,6	393	28,4	1.382
1927/28	1.147	66,0	592	34,0	1.739

Тенденция к относительному росту трансферта в иностранной валюте остается в силе и теперь, но все же удельный вес переводимой таким образом доли в действительности оказывается значительно ниже, и абсолютный размер ее даже и за последний год не достигает 600 млн. зол. мар. Такая сравнительно небольшая сумма, к тому же переводимая постепенно на протяжении целого года, не может сколько-нибудь ощутительно отразиться на равновесии международного расчетного баланса Германии, а тем самым и на устойчивости германской валюты. Действительно, за весь четырехлетний период с момента валютной реформы германская валюта является, пожалуй, самой устойчивой в мире. В течение большей части этого периода и, в частности, на протяжении последнего репарационного года марка котируется с премией по отношению к доллару. Это облегчает Рейхсбанку его политику систематического накопления золотого запаса, который за пять

[1] Мы впервые указали на необходимость такой поправки в нашей статье „Платежный баланс Германии за 1924—27 гг. и проблема трансферта репараций", „Вестник Финансов", № 7, июль 1928 г.

лет — с конца 1923 г. до конца 1928 г.— возрастает с 467 до 2.730 млн. марок против 1.170 млн. в 1913 г.

Правда, в текущем репарационном году рост общей суммы аннуитега на 750 млн. марок не может быть в полной мере покрыт повышением «безвалютного» трансферта, и платежи в иностранной валюте должны еще возрасти. За 8 истекших месяцев 1928/29 репарационного года (сентябрь — апрель) поступило платежей всего на сумму 1.806 млн. марок (с остатком от прошлого года). Трансферт был осуществлен на сумму 1.478 млн. марок, в том числе в иностранной валюте 605 млн., или 41%, и без перевода в иностранную валюту 873 млн., или 59% (включая 259 млн. в порядке Reparation Recovery Acts.

Несомненно также, что в последующие годы (все равно, сохранится ли существующий нормальный размер ежегодных платежей, предусмотренный планом Дауэса, или будет снижен) доля трансферта в иностранной валюте будет продолжать возрастать, так как державы — кредиторы с большой неохотой принимают германские поставки натурой, наносящие ущерб интересам их собственной промышленности.

Во всяком случае и в текущем 1928/29 репарационном году, как реализация, так и трансферт репараций осуществляется в полном соответствии с планом без всяких перебоев и не наблюдается никаких признаков затруднений финансово-технического характера на ближайшее будущее. Механизм плана Дауэса продолжает работать совершенно гладко и безупречно. С этим бесспорным фактическим положением должны согласиться обе стороны — и должники и кредиторы. Мы здесь ограничимся приведенной общей характеристикой работы финансово-технического механизма плана, не вдаваясь в детали.

Экономические условия осуществления плана Дауэса

Условия реализации репараций. Обратимся теперь к анализу экономических условий и экономических последствий практического выполнения плана Дауэса. Здесь начинается спор и высказываются взаимно исключающие друг друга положения, отражающие противоречие интересов спорящих сторон. Мы ограничим нашу задачу беспристрастным выяснением значения реализации репарационных платежей для германского народного хозяйства в сфере капиталонакопления и уровня жизни широких масс населения; далее, установлением роли и удельного веса трансферта, репараций, в германском платежном балансе на фоне хронической пассивности торгового баланса и непрерывного импорта капиталов. Выяснение этих двух основных аспектов экономического значения репарационной проблемы позволит правильно оценить тяжесть репарационного бремени для народного дохода Германии и установить специфическое влияние репарации на торговые и финансовые связи Германии с мировым хозяйством. Это позволит, наконец, дать достаточно обоснованный ответ на вопрос о том, действительно ли дальнейшее выполнение плана Дауэса при отсутствии всяких модификаций в сторону облегчения репарационного бремени рисковало бы зайти в безвыходный тупик (как это полагают все без исключения немецкие исследователи, а также многие иностранцы, в частности, Дж. М. Кейнс) или же правильное функционирование плана в измененном виде могло бы считаться обеспеченным на многие годы. Этим, разумеется, не отрицается возможность временных, преходящих затруднений конъюнктурного характера.

Основные количественные показатели капиталообразования в Германии за период после дауэсовской стабилизации допускают достаточно точное определение его об'ема как за счет накопления внутри страны, так

и путем импорта капиталов из-за границы. Различные имеющиеся оценки: германского статистического ведомства и кон'юнктурного института, банка Reichskreditgesellschaft, газеты „Frankfurter Zeitung", репарационного комиссара при Рейхсбанке, генерального агента по репарациям и др. — расходятся в деталях, но в общем достаточно близки между собой. Так как абсолютная точность здесь вообще недостижима, мы приведем округленные суммарные итоги, приблизительно совпадающие по всем оценкам.

Основной показатель «видимого» капиталообразования внутри страны — публичная эмиссия новых ценных бумаг (акционерная, государственные и муниципальные займы, ипотечные бумаги) в итоге за пятилетие 1924—1928 гг. дает свыше 15 мрд. марок. В том числе первые два года рассматриваемого периода дают всего 2 с небольшим мрд., а 13 мрд. приходится на 3 последних года, распределяясь по годам почти поровну. Приток долгосрочных инвестиций из-за границы за тот же период составляет свыше 7 мрд. марок. Из этой суммы на первые два года приходится 2,2 мрд., а около 5 мрд. получено за последние три годы, при чем импорт капиталов по годам также обнаруживает значительную устойчивость. Однако, из валовой суммы импорта капиталов следует вычесть 800 млн. марок займа Дауэса, так как оплата процентов и погашения по этому займу входит составной частью в репарационные платежи. Кроме того, следует вычесть имевший место в сравнительно незначительных размерах за истекшее пятилетие экспорт германских капиталов за границу, главным образом, в форме скупки и досрочного погашения выпущенных за границей германских займов, а также нормальное их погашение. Таким образом, мы приходим к выводу, что чистый приток долгосрочных инвестиций из-за границы за пятилетие после стабилизации составляет 5,5—6 мрд. марок.

К притоку долгосрочных инвестиций следует прибавить чистый импорт краткосрочных кредитов из-за границы, оцениваемый в итоге за 5 лет цифрой свыше 7,3 мрд. марок. Этот приток поощряется устойчивой разницей процентных ставок в пользу Германии, где учетный процент за последние годы держится на уровне выше всех других крупных кредитных рынков мира. Таким образом, в итоге чистый импорт средств из-за границы в Германию за пятилетие 1924—28 гг. составляет 13—14 мрд. марок. Однако, в этом импорте капиталов существенную часть составляет репатриация германских капиталов, ранее бежавших от инфляции. Она оценивается в сумме около 2,5—3 мрд. марок. Кроме того, в 1928 г. в Соед. Штатах был снят секвестр на германское имущество, наложенный во время войны. Общая сумма этого имущества оценивается в 1 мрд. марок и предполагается, что уже к концу года около 750 млн. вернулось в Германию. Следовательно, из общего притока средств из-за границы в 13—14 мрд. марок приток иностранных средств составляет 9—10 мрд.

Однако, сопоставление 13 мрд. импортированных капиталов с 15 мрд. внутренней публичной эмиссии за рассмартиваемый пятилетний период дает неверное представление о действительном соотношении внутреннего и внешнего источников капиталообразования. Существует несколько оценок общего итога внутреннего капиталообразования в Германии, основанных либо на возможном учете всех видов денежного накопления (публичной эмиссии, роста банковских и сберегательных вкладов, страховых фондов и др.), либо на учете материального прироста народного имущества. Так как оценки эти, естественно, носят весьма приближенный характер, то они расходятся между собой в значительно большей степени, чем приведенные выше данные, характеризующие «видимое» капиталообразование, в отношении которых наблюдается почти полное совпадение различных источников. По оценке Берлинского кон'юнктурного института, общая сумма кредита, вновь созданного в Германии за последние четыре года, составляет

40 мрд. марок, т.-е. средний прирост за год равен 10 мрд. Этот итог обнимает как внутренние источники кредита, так и импорт капиталов из-за границы. Таким образом 13 мрд. марок, импортированных извне (если отбросить заем Дауэса, то весь импорт капиталов за период после стабилизации приходится почти исключительно на последние 4 года — 1925—1928), составляют менее одной трети общего итога капиталообразования, а большее двух третей приходится на внутренние источники.

Другая оценка внутреннего капиталонакопления Германии, опубликованная банком Reichskreditgesellschaft и основанная на методе учета материального прироста народного имущества (разности между национальной продукцией и национальным потреблением), дает по годам следующие суммарные цифры: 1925 г.—6,4 мрд. марок, 1926 г.—6,3 мрд. марок, 1927 г.— 7,6 мрд. Оценка за 1928 г. еще не опубликована, но по данным за первое полугодие предполагается об'ем национального накопления, приблизительно равный 1927 г. Суммируя приведенные годовые итоги, мы получаем за четырехлетие цифру 27,9 мрд. марок. Итог чистого импорта капиталов по всем видам его за последние 4 года тот же источник определяет в 14 мрд. марок. При этом опять одна треть приходится на приток капикопления в 42 млрд. При этом опять одна треть приходится на приток капиталов из-за границы и две трети на внутреннее накопление.

Третий источник — газета „Frankfurter Zeitung"— оценивает внутреннее капиталонакопление в Германии по методу учета всех видов денежного накопления в следующих годовых величинах: за 1926 г.— 7,5 мрд. марок, за 1927 г.— 9 мрд., за 1928 г.— также 9 мрд. Принимая накопление в 1925 г. равным 1926 г., мы получаем итог за четырехлетие, равный 33 мрд. марок. Прибавляя 14 мрд. импорт капиталов, мы получаем общий итог капиталообразования в 47 мрд. Здесь на приток капиталов из-за границы приходится кругло 30% и 70% на внутреннее капиталонакопление. Мы считаем, однако, эту оценку внутреннего капиталонакопления преувеличенной и методологически менее заслуживающей доверия, чем оценка, Reichskreditgesellschaft.

Интересно проследить изменение относительного значения внутреннего и внешнего источников капиталообразования за последние 4 года. Основываясь на данных Reichskreditgesellschaft, мы получаем следующую картину движения аккумулированных итогов капиталообразования в Германии с начала 1925 г.:

К концу года	Внутреннее накопление		Импорт капиталов		Итого капиталообразование в мрд. марок
	В мрд. марок	В %% к итогу	В мрд. марок	В %% к итогу	
1925	6,4	62,1	3,9	37,9	10,3
1926	12,7	72.2	4,9	27,8	17,6
1927	20,3	68,1	9,5	31,9	29,8
1928	27,9	66,6	14,0	33,4	41,9

После резкого сокращения относительной доли притока капиталов из-за границы в 1926 г. (обусловленного отливом за границу германских и иностранных краткосрочных кредитов в период кризиса) мы наблюдаем новое нарастание значения импорта капиталов на протяжении двух последних лет. Все же относительная доля притока капиталов извне к концу четырехлетия достигает только одной трети общего итога капиталообразования, тогда как в начале послестабилизационного периода — в 1925 г., она составляла 38%.[1]

[1] С. А. Фалькнер в весьма ценной и содержательной статье „Германия на мировом рынке капиталов" („Торгово-Промышленная Газета" от 14 марта 1929 г.) производит аналогичный нашему расчет и приходит к выводу, что, „если отвлечься от кризисного 1926 г., то мы получим плавно убывающее отношение общего итога капиталов,

Для того чтобы оценить влияние реализации репарационных платежей, представляющих чистый вычет из ежегодного народного дохода Германии, на капиталонакопление, лучше всего исходить из сопоставления с довоенными соотношениями. Народный доход Германии в последние годы перед войной, по известной оценке Карла Гельфферихa,[1] составлял 43 мрд. марок в год. Ежегодный размер капиталонакопления, по той же оценке, составлял около 8 мрд. марок. Если взять поправку на уменьшение германской территории после войны, то довоенный народный доход и накопление в пределах современной территории страны составляют соответственно 38,7 мрд. и 7,2 мрд марок по довоенным ценам (мы скинули, по грубой оценке, 10% на отошедшие территории). По современным ценам (индекс 140 по отношению к 1913 г.) довоенный народный доход Германии в современных границах составляет 54,2 мрд., а накопление — 10,1 мрд. марок. Послевоенный народный доход Германии, по наиболее компетентным оценкам, в 1925 г. определялся (с учетом сокращения территории) в 85% довоенного. Можно с полным основанием считать, что в 1927 и 1928 гг. он достиг довоенного уровня. В то же время внутреннее капиталонакопление Германии за последние два года, как мы видели, составляет, по наиболее достоверной оценке Reichskreditgesellschaft, 7,6 мрд. марок в год. Дефицит накопления по сравнению с довоенным равняется, таким образом, 2,5 мрд. (25%), т.-е. в точности соответствует нормальной ежегодной цифре репарационных платежей.[2] Этот дефицит с избытком покрывается импортом капиталов на сумму 4,5 мрд. в год и общий годовой итог капиталообразования ныне, таким образом, на 2 мрд., или на 20%, превышает довоенную норму.

Дефицит внутреннего капиталонакопления против довоенного в известной мере об'ясняется почти полным отпадением дохода от помещения германских капиталов за границей, который до войны притекал в страну на сумму свыше 1 мрд. марок в год. Но главная причина сокращения накопления заключается в повышении налогового бремени (реальное повышение — в довоенных денежных единицах — более, чем вдвое против довоенной нормы), транспортных издержек населения и цен промышленных товаров — в той мере, в какой именно фиск, железные дороги и промышленность являются тремя источниками реализации репарационных платежей. Мы можем, таким образом, с уверенностью утверждать, что при уровне народного дохода и национального потребления (см. ниже), в общем соответствующем довоенному, сокращение внутреннего капиталонакопления за истекшие годы, главным образом, об'ясняется из'ятием из народного дохода ежегодно уплачиваемых репарационных взносов. Известное, из года

импортированных после стабилизации валюты, к сумме внутреннего накопления". Фалькнер в основу своего расчета кладет (с незначительными поправками) оценку внутреннего накопления „Frankfurter Zeitung" и оценку импорта капиталов Reichskreditgesellschaft, что приводит к существенному повышению удельного веса внутреннего накопления. Он получает следующие процентные отношения импорта капиталов к внутреннему (а не к общему) капиталообразованию: к концу 1925 г.—51%; 1926 г.—32%; 1927 г.—39%; 1928 г.—33%. Однако, процент к концу 1928 г. (в итоге за четырехлетие) исчислен неверно, вследствие арифметической ошибки (или описки) при подсчете итога внутреннего капиталонакопления. Правильная цифра составляет не 39,1 мрд. марок, приведенные у Фалькнера, а 33,1 мрд. (7,6 + 7,5 + 9,0 + 9,0), и 13,5 мрд. импорта капиталов составляют не 33%, а 41% к внутреннему капиталонакоплению. Таким образом, динамика относительного значения импорта капиталов получается такая же, как и у нас, и вывод Фалькнера оказывается несостоятельным и об'ясняется исключительно арифметической ошибкой.

[1] Karl Helfferich „Deutschlands Volkswohlstand 1888/1913".

[2] Точное совпадение, разумеется, является случайным, так как репарационный аннуитет за последние два года еще не достиг нормального размера; однако, как показано ниже, репарационные платежи представляют основной фактор дефицита накопления.

в год возрастающее значение получают также проценты и погашение по коммерческим внешним займам, но ежегодный размер этих платежей до сих пор еще относительно невелик, достигая в 1928 г. цифры около 750 млн. марок. При оценке дальнейшего роста этих платежей в последующие годы необходимо иметь в виду, что из общей суммы притока капиталов из-за границы, достигшей к настоящему времени, как мы видели, 14 мрд. марок, 3—3,5 мрд. приходится на возвратившиеся в отечество в обличьи иностранных девиз беглые германские капиталы. Поскольку эти средства не были вновь накоплены германским народным хозяйством, их нельзя причислять к внутреннему накоплению за последние годы. Но это и не чужие средства, и платежи процентов и погашения по ним, если не произойдет какой-либо непредвиденной хозяйственной катастрофы, не будут утрачены германским народным хозяйством.

В германской экономической прессе чрезвычайной популярностью пользуется явно тенденциозная теория, основанная на поверхностном сопоставлении итогов импорта, капиталов и репарационных платежей. Германия получила за 5 лет после стабилизации на 6,3 мрд. марок долгосрочных займов из-за границы и в то же время уплатила заграницe 6,1 мрд. марок репарационных платежей. Отсюда как-будто сам собой напрашивается вывод, что платила она отнюдь не из своего дохода, а всю сумму платежей сама одолжила, т.-е. наложила соответствующую ипотеку на свой национальный капитал. Даже такой выдающийся экономист-теоретик, как Г. Кассель, поддался соблазну этой теории, и в своих газетных статьях защищает то положение, что платежи по плану Дауэса выполняются лишь за счет иностранных займов и поэтому являются фиктивными. Из собственных средств Германия ничего уплачивать не может и ежегодно получает от заграницы взаймы все те средства, которые возвращает ей в счет репараций. По этой концепции план Дауэса, естественно, через 10—15 лет должен зайти в безнадежный тупик, так как у Германии накопится такой огромный внешний долг, что она не в состоянии будет покрывать дальнейшими займами репарации плюс проценты и погашение по коммерческому долгу.

Изложенная теория совершенно несостоятельна и в критике ее мы должны в полной мере солидаризироваться с проф. Л. Яснопольским,[1] который совершенно справедливо утверждает, что иностранные кредиты служат Германии не для уплаты репараций, а только для их трансферта за границу. Получатели внешних займов вовсе не обращают их на покрытие репарационной задолженности Германии, а инвестируют в народное хозяйство страны. Создаваемый, таким образом, прирост национального капитала приносит доход, как правило, с избытком покрывающий стоимость ежегодного процентирования и погашения займов, и получаемая разница представляет чистый доход германских предпринимателей. Репарации же оплачивают, как сказано выше, германские плательщики налогов, потребители транспортных услуг и промышленных товаров в порядке соответствующего отчисления из ежегодного национального дохода, а не путем фиктивного увеличения национального капитала, как утверждает критикуемая теория. На вопросе о роли импорта капиталов в осуществлении ежегодного трансферта репараций мы специально остановимся ниже.

Резюмируем полученные выводы: импорт капиталов создает реальный, а не фиктивный рост ежегодного капиталообразования Германии. Репарации Германия уплачивает из собственных средств за счет национального дохода, а не за счет ввоза иностранного капитала. Уплата репараций создает ежегодный дефицит внутреннего капиталонакопления, но этот де-

[1] Проф. Л. Яснопольский, „Германия накануне консолидации репарационных платежей". „Вестник Финансов", № 2, февраль 1929 г.

фицит с избытком перекрывается притоком капиталов из-за границы, и общий итог ежегодного капиталообразования за последние два года превышает довоенную норму, примерно на 20%.

Обратимся к вопросу об уровне жизни широких масс населения. Решающим показателем в высоко-индустриальной стране, где промышленный пролетариат представляет абсолютное большинство самодеятельного населения, является уровень заработной платы промышленных рабочих. Мы приведем цифровые данные, характеризующие динамику этого уровня за пятилетие 1924—1928 гг. в сопоставлении с довоенной нормой:

Средние месячные	Номин. зарплата в марках в неделю		Индекс Номин. зарпл. 1913 г. = 100		Индекс стоим. жизни	Индекс реальной зарплаты 1913 г. = 100	
Годы	Квал. раб.	Неквал. раб.	Квал. раб.	Неквал. раб.	1913/14 г. = 100	Квал. раб.	Неквал. раб.
1913	35,3	23,5	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1924	33,9	25,6	96,0	10[illegible],6	127,6	75,1	85,0
1925	42,9	31,8	121,4	135,0	140,0	86,8	96,6
1926	46,1	34,2	130,5	145,3	141,1	92,5	103,0
1927 [1]	47,8	36,5	135,4	155,0	147,6	91,7	105,0
1928 [1]	51,3	39,4	145,3	167,7	151,7	95,8	110,5

Мы наблюдаем непрерывный рост реальной заработной платы на протяжении всего пятилетия после стабилизации, и если заработная плата квалифицированных рабочих к настоящему времени еще не достигла довоенного уровня, она все же находится в непосредственной близости к нему. В то же время реальная заработная плата неквалифицированных рабочих на 10,5% выше довоенного уровня. Для сравнения можно указать, что уровень реальной заработной платы промышленных рабочих в настоящее время составляет в Англии 108,4, во Франции (углекопы)—110,3 и в Соед. Штатах — 138,1 по сравнению с довоенным. Жизненный уровень германского рабочего ныне относительно, во всяком случае, не ниже уровня английского или французского. Обнищание эпохи инфляции сменилось устойчивым ростом благосостояния. Об этом свидетельствует быстрый рост сберегательных вкладов, по темпу вдвое превосходящий возрастание их за последнее пятилетие перед войной: за период с середины 1925 г. до конца 1928 г. общая сумма вкладов в сберегательных кассах выросла с 1,3 мрд. почти до 7 мрд. марок. Правда, существенным, фактором, понижающим благосостояние рабочего класса, является рост безработицы, которая с минимального уровня 462 тыс. в октябре 1927 г. выросла до 2,2 млн. в январе 1929 г. Однако, рост безработицы носит отчасти кон'юнктурный характер, а отчасти отражает устойчивую тенденцию вытеснения рабочей силы из производства вследствие успехов рационализации германской промышленности и быстрого повышения производительности труда. В этой тенденции, характерной для послевоенного капитализма во всех передовых промышленных странах, никак нельзя усматривать влияния репарационного бремени.

В относительно худшем положении, чем рабочий класс (по сравнению с довоенной нормой), находится мелкая и средняя буржуазия, разоренная обесценением государственных процентных бумаг в эпоху инфляции. Однако, разорение класса рантье общая участь воевавших стран, и во Франции, например, это явление имеет гораздо большее народнохозяйственное значение. Насколько можно судить по об'ему продукции и сбыта на внутреннем рынке основных предметов широкого потребления, уровень национального потребления Германии в настоящее время можно считать в общем очень близким к довоенному.

[1] Новое исчисление, см. „Wirtschaft und Statistik", № 2, 1929.

Мы видим, что ни в сфере капиталообразования, ни в отношении жизненного уровня широких масс населения специфическое влияние репараций до настоящего времени не проявилось в сколько-нибудь существенном ухудшении общего экономического положения Германии по сравнению с довоенным и по сравнению с положением соседних европейских стран—победительниц. Нет поэтому никаких об'ективных оснований для утверждения, что репарационные платежи превышают «платежеспособность» Германии, поскольку единственным бесспорным пределом этой платежеспособности является нарушение основных условий экономического благосостояния и нормального роста народного хозяйства страны. Этот предел превзойден не был, и ничто не позволяет ожидать его нарушения в дальнейшем при неизменном функционировании плана Дауэса. Мы ограничимся приведенными выше соображениями, так как они имеют решающее значение, тогда как, напр., весьма популярные в экономической прессе стран — кредиторов сопоставления налогового бремени на душу населения или доли репараций в государственном бюджете Германии и военных долгов в бюджетах союзных стран представляются весьма условными и приемлемыми лишь с существенными оговорками.

б) Условия трансферта репараций. Обратимся теперь к проблеме трансферта репараций. Быть может, именно в этой сфере с роковой неизбежностью должна обнаружиться экономическая невыполнимость плана Дауэса, здесь — тот тупик, в который он должен в конце концов упереться? Это мнение чрезвычайно широко распространено, оно, можно сказать, является господствующим в «репарационной мифологии». Мы посвятили критическому разбору этой популярной теории специальную статью (цит. выше) и поэтому можем ограничиться здесь приведением лишь окончательных выводов.

Основная пассивная статья германского платежного баланса за период со времени стабилизации это — дефицит товарной торговли; основная активная статья — импорт иностранных капиталов. Относительное значение и удельный вес трансферта репараций определяется именно по отношению к этим двум решающим статьям баланса. Мы приведем обобщенную схему платежного баланса Германии за период с 1924 по 1927 гг. (за 1928 г. данные еще не опубликованы) в составе конечных сальдо по главным его статьям. В основу нашего расчета положено официальное исчисление платежного баланса, обуликованное германским статистическим ведомством [1]. Мы ввели единственную поправку на покрытие репарационных платежей в порядке Reparation Recovery Acts, перенеся соответствующие годовые цифры из актива баланса вольной товарной торговли в актив баланса репарационных платежей. Это повлекло за собой соответствующее повышение пассивного сальдо товарной торговли и компенсирующее понижение пассива баланса репараций. Обоснование правомерности этой операции см. выше (см. также нашу цит. статью в № 7 «Вестник Финансов» за 1928 г.).

Мы имеем возможность установить с достаточной точностью основные статьи платежного баланса Германии и за 1928 г. Для определения сальдо по внешней торговле мы вносим следующую поправку в данные официальной таможенной статистики: повышаем сумму экспорта на 1,5% и понижаем сумму импорта на 3%, руководствуясь методом германского статистического ведомства, применявшимся за предшествующие два года для того, чтобы выравнять преувеличение импорта и преуменьшение экспорта, обусловленное особенностями первичной таможенной регистрации (см. отчет генерального агента, стр. 132—133). Цифры репарационного баланса за 1928 календарный год могут быть установлены с полной точностью по еже-

[1] „Wirtschaft und Statistik", № 5, 1928, стр. 158—159.

месячным отчетам ген. агента, публикуемым в прессе. Платежи в порядке Reparation Recovery Acts мы и здесь прибавляем к пассивному сальдо вольной товарной торговли и одновременно — к активу баланса репарационных платежей. Основные статьи оборота капиталов и второстепенные статьи оборота текущих платежей мы оцениваем на основании имеющихся статистических материалов по соотношению с сответствующими цифрами за прошлые годы. Мы получаем, таким образом, следующую картину динамики платежного баланса Германии за пятилетие 1924—1928 гг. (активные — + и пассивные — сальдо, в млн. рейхсмарок):

Статьи	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
А. Оборот текущих платежей					
Вольная товарная торговля	— 1.973	— 3.126	— 70	— 3.747	— 2.137
Репарационные платежи:					
а) валовая сумма	— 281	— 1.057	— 1.191	— 1.584	— 2.006
б) покрыто без трансферта в иностранной валюте	+ 259	+ 949	+ 1.019	+ 1.126	+ 1.285
Сальдо: трансферт в иностр. валюте	— 22	— 108	— 172	— 458	— 721
Процентные платежи по коммерч. задолженности	+ 80	— 90	— 200	— 430	— 660[1]
Все прочие статьи	— 488	— 547	+ 148	— 197	+ 250[1]
Сальдо А	— 2.403	— 3.871	— 294	— 4.438	— 3 268[1]
Б. Оборот капиталов					
Сальдо Б	+ 2.403	+ 3.871	+ 294	+ 4.438	+ 3.268[1]
Сальдо движения иностранных долгосрочных капиталовложений в Германии и германских за границей	+ 2.000	+ 1.224	+ 1.376	+ 1.245	+ 1.200[1]
Сальдо движения коммерческих краткосрочных помещений капиталов	— 219	+ 462	— 450	— 533	+ 2.068[1]
Неразложимый остаток перемещения капиталов (исчислен как конечное сальдо)	+ 622	+ 2 185	— 632	+ 2.660	

Схема баланса, принятая Германским статистическим ведомством, дает чрезвычайно наглядное представление об основной структуре международных расчетов Германии за пятилетие со времени стабилизации: активное сальдо оборота капиталов уравновешивает пассив, получающийся по обороту текущих платежей. Интересующая нас статья — пассивное сальдо репарационного баланса (трансферт в иностранной валюте) — по своему

[1] Приближенная оценка.

относительному значению в составе общего пассива по группе статей А занимает второе место после дефицита баланса вольной товарной торговли. Однако, удельный вес трансферта репараций хотя и возрастает непрерывно (если отвлечься от кризисного 1926 г.) с 0,9% общего пассива в 1924 г. и 2,8% в 1925 г. до 10,3% в 1927 г. и 22,1% в 1928 г., все же далеко уступает значению сальдо торгового баланса и лишь немногим превышает вес процентных платежей по коммерческой задолженности, которые растут из года в год приблизительно тем же темпом, что и трансферт репараций. Совершенно очевидно, что проблема пассивности текущего оборота германского платежного баланса есть прежде всего проблема пассивности торгового баланса Германии, и компенсационная функция импорта капиталов в международных расчетах покрывает прежде всего дефицит торгового баланса. Доля же репарационного баланса представляется относительно незначительной.

1928 год в связи с понижением внутренней кон'юнктуры германского народного хозяйства и одновременно хорошим урожаем в Германии характеризуется некоторым снижением импорта, на $^5/_6$ состоящего из сырых материалов для промышленности и пищевых продуктов. Одновременно наблюдается продолжающийся значительный рост экспорта, на 70% состоящего из готовых промышленных фабрикатов. В то время как колебания импорта за последнее пятилетие в точности отражают колебания хозяйственной кон'юнктуры внутри страны, экспорт обнаруживает устойчивую повышательную тенденцию, как это можно видеть из следующей таблицы (в млн. рейхсмарок):[1]

Годы	Импорт	Экспорт	Сальдо
1924	9.618	7.696	— 1.922
1925	11.978	9.058	— 2.920
1926	9.865	10.071	+ 206
1927	13.813	10.381	— 3.432
1928	13.575	11.816	— 1.759

Генеральный агент, анализируя эволюцию германской внешней торговли (цит. отчет, стр. 130—131), показывает, как кривая импорта колеблется в отношении значительно более устойчивой и непрерывно повышающейся кривой экспорта. Он сопоставляет два момента, когда обе кривых пересекались и имело место временное равновесие торгового баланса. Первый раз это произошло осенью 1925 года, в самом начале послестабилизационной депрессии. Равновесие торгового баланса в точке пересечения кривых импорта и экспорта было тогда достигнуто на уровне около 800 млн. марок в месяц. С этого момента приблизительное равновесие импорта и экспорта сохранялось в течение почти целого года — до осени 1926 г. Затем оно было утрачено, вследствие кон'юнктурного повышения импорта, на два года — до сентября 1928 г. Здесь наблюдается новое сближение кривых импорта и экспорта под влиянием кон'юнктурного падения импорта, но на уровне уже в 1.100 млн. марок в месяц. Разница в 300 млн. марок в уровнях равновесия торгового баланса за три года отражает устойчивую повышательную тенденцию экспорта, тенденцию активизации торгового баланса Германии. Излишек импорта и в дальнейшем будет временно увеличиваться в периоды кон'юнктурного под'ема, но наблюдается устойчивая эволюционная тенденция в направлении сжатия этого излишка с каждым годом. Активизация торгового баланса уменьшает зависимость Германии от иностранных кредитов для закупки необходимых ей сырых материалов и

[1] Исправленные цифры Германского статистического ведомства; экспорт без материальных репарационных поставок, но со включением платежей в порядке Reparation Recovery Acts.

пищевых продуктов на внешних рынках. Вместе с тем, эта тенденция облегчает и сальдирование репарационного баланса.

Репарационные платежи, без сомнения, оказывают влияние в направлении форсирования германского товарного экспорта, как непосредственно — в форме репарационных поставок натурой, так и косвенно — в виду необходимости реализации дополнительных валютных излишков. С другой стороны, как мы видели выше, реализация репараций, представляющая чистый вычет из ежегодного народного дохода и внутреннего капиталонакопления Германии, повышает процент на капитал внутри страны по сравнению с мировой нормой и привлекает, таким образом, дополнительный импорт капиталов из-за границы. Однако, относительное значение специфического влияния репараций и в том и в другом направлении далеко не является решающим. И форсирование товарного экспорта и необходимость постоянного импорта капиталов не могут считаться обусловленными репарационной задолженностью Германии. Значение репараций, следовательно, сводится к роли дополнительного, осложняющего, усиливающего, но отнюдь не основного, конституирующего фактора.

Наши конечные выводы сводятся, таким образом, к следующему: опыт плана Дауэса за истекший период его осуществления с несомненностью показал, что бесперебойное его функционирование в дальнейшем может считаться вполне обеспеченным как в сфере реализации, так и в сфере трансферта репарационных платежей, как в финансово-техническом отношении, так и с точки зрения экономических критериев «платежеспособности» и «трансфертоспособности» Германии. Разумеется, в будущем могут иметь место временные затруднения кон'юнктурного характера, но план достаточно эластичен для того, чтобы возможно было всегда найти из них выход. Говорить о каком-либо неизбежном тупике, в который рано или поздно должно в дальнейшем упереться выполнение плана Дауэса, не приходится. Удельный вес репараций по общему масштабу хозяйственной жизни Германии не представляется столь значительным, чтобы регулярное поступление платежей не могло считаться безусловно обеспеченным при нормальных условиях даже в периоды кон'юнктурных депрессий. В крайнем случае вероятна временная задержка трансферта сальдо репарационного баланса, подлежащего переводу в иностранной валюте. Однако, здесь всегда есть возможность маневрирования либо путем увеличения относительной доли «безвалютного» трансферта, либо путем временного увеличения остатка на текущем счету репарационного агента в Рейхсбанке, впредь до более благоприятной кон'юнктуры на валютном рынке. При этом, по мере общего хозяйственного роста Германии и по мере прогрессирующей активизации германского торгового баланса, относительная тяжесть репарационного бремени, как в сфере реализации, так и в сфере трансферта платежей будет снижаться с каждым годом.

Возникает вопрос, какие же факторы обусловили осуществляемый ныне пересмотр плана, откуда исходила инициатива этого пересмотра и каковы позиции основных заинтересованных сторон. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо перевести обсуждение репарационной проблемы из сферы финансово-технических и народнохозяйственных соображений в сферу анализа международно-политических взаимоотношений, столкновений интересов и соотношения сил, т.-е. в ту сферу, откуда возник самый репарационный вопрос и где единственно надлежит искать его окончательного разрешения.

(Окончание следует).

В. В. Лепешинский

Основы энергетического хозяйства транспорта по пятилетнему плану[1]

Если вопрос энергетики в целом имеет крупнейшее значение в народном хозяйстве вообще, то в транспорте, особенно в области передвигающих средств, энергетическое вооружение определяет весь рабочий процесс этой отрасли хозяйства, а тип двигателей и методы использования энергетических ресурсов (топлива) в значительной мере решают вопрос о затратах народного хозяйства на совершение перевозок.

Удельный вес энергетического вооружения транспорта характеризуется его долей в общем силовом хозяйстве Союза, определяемой в 1927/28 г. примерно в 30%.

Самый крупный вид силового вооружения транспорта заключается в движущих средствах—локомотивах.

Основная установка пятилетнего плана заключается в пополнении паровозного парка новыми паровозами исключительно мощных серий как в товарном, так и в пассажирском парке.

Парк в течение пятилетия пополняется 2.765 штуками паровозов серий „Э", „М" и „П". Кроме того, в конце пятилетия в товарный парк вводятся 35 паровозов серии „Т" — на 25% более мощные, нежели паровозы серии „Э"; таким образом, кладется начало переходу в следующем пятилетии еще на более мощные двигатели.

Результатом такого пополнения парка паровозов является повышение средней мощности в 1932/33 г. до 13.852 *км* тяговой силы на крюке вместо 12.194 *км* на 1/X 1928 г., т.-е. средняя мощность парка в этом выражении к концу пятилетия увеличивается на 13,6%.

Сложным и суммарным показателем эффективности повышения мощности паровозов может служить сопоставление увеличения работы в тонно-километрах на 47% за пятилетие, с увеличением паровозо-километров всего лишь на 21%.

Вновь включаемые единицы, конечно, будут снабжены всеми современными элементами модернизации, каковая за пятилетие интенсивно вводится и в ныне существующем парке. Темп этой модернизации характеризуется следующими цифрами: процент паровозов с пароперегревателями повышается к 1932/33 г. до 69, вместо 41 для 1927/28 г.; с водоперегревателями—до 74, вместо 4 для 1927/28 г.; со сводами в топках—47, вместо 28, и с золотниками Трофимова 51, вместо 4.

Влияние указанной модернизации особенно ярко сказывается в снижении удельной нормы расхода топлива. Оно определяется для пароперегревателей в 10%, для водоперегревателей — в 8%, для сводов — 5%, для золотников Трофимова — в 20%.

---

[1] По предварительным данным отправного варианта НКПСа, претерпевшим в настоящее время незначительные изменения.

Планируемое пятилетие в отношении внедрения новых типов локомотивов может быть названо переходным, так как намеченное сооружение и включение в эксплоатацию 51 тепловоза,[1] 240 локотракторов для маневров на сравнительно малых станциях и 210 автомотрисс для спорадического пассажирского движения на сравнительно коротких расстояниях носят больше характер расширенных опытов, нежели введения новых видов тяги.

Отсутствие в плане определенных титульных ассигнований на турбовозы, на паровозы с давлением пара свыше 60 атмосфер и т. д. свидетельствует, что эти виды модернизации тяговых средств намечаются пока лишь как об'екты опытов лабораторного характера.

Таким образом, в этой области лишь следующее пятилетие может принести коренные сдвиги, в зависимости от результатов планируемого пятилетия.

Нынешнее состояние питания жел.-дор. транспорта электрической энергией характеризуется в основном числом собственных электростанций, в 523 пунктах, с общей мощностью около 55,5 тыс. квт. и мощностью приемников тока около 66.670 квт., кроме того, в 479 пунктах транспорт получает извне энергию с мощностью приемников около 22 тыс. квт.

По источникам энергии собственные электростанции имеют определенный паровой уклон, при чем паросиловое хозяйство на жел.-дор. транспорте имеет до 30% поверхности нагрева с возрастом свыше 25 лет, при аналогичной цифре для электростанций общего пользования СССР — по данным 1927 г. — 22,7%. В отношении моральной изношенности положение еще хуже, так как 32% всей поверхности нагрева приходится на котлы снятые с паровозов, 69% машин, также, как и 7,5% локомобилей, работает на выхлоп. Примитивное оборудование и недочеты топливного режима дополняют общую картину электросилового хозяйства.

Насыщенность железнодорожной сети электроэнергией вырисовывается из размера мощности приемников тока, приходящихся на 1 километр приведенной длины сети. Распределение этой мощности весьма неравномерно по всей сети и колеблется от 2,38 квт. на 1 километр приведенной длины Октябрьской жел. дор. до 0,20 по Забайкальской, со средней по сети—0,9 квт.

Перспективы в этой области намечаются как в устранении дефектов и введении совершенствований, так и в расширении использования электроэнергии в стационарных установках, при чем, главным образом, намечается присоединение и переход на энергию более мощных станций, без различия принадлежности этих станций.

Основное применение электроэнергии на транспорте намечается в направлении вытеснения мускульной энергии в ряде рабочих процессов и освещения пунктов сосредоточенной работы.

Исходя из темпа роста за период 1923 — 1927 гг., рост мощности токоприемников на предстоящее пятилетие намечается с таким расчетом, чтобы средняя насыщенность в 1932/33 г. составила около 1,8 квт. на 1 километр приведенной длины, т.-е. намечается удвоение электровооружения в области стационарных силовых установок.

Рост мощности приемников тока энергии намечается, главным образом, из источников посторонних транспорту — с 22 тыс. квт. в 1927/28 г. до 70 тыс., т.-е. на 220%, тогда как мощность транспортных станций увеличивается с 77 тыс. до 133, т.-е. на 73%.

[1] Для этой цели намечается перевод на тепловозную тягу участков Сталинград—Тихорецкая и Торговая—Батайск., Сев.-Кавк. жел. дор.

В области стационарных механических установок план предусматривает, кроме значительного расширения оборудования мастерских для ремонта подвижного состава, с одновременным сокращением числа пунктов этого ремонта, дальнейшее расширение погрузочно-разгрузочных устройств в складах различного рода и механизацию внутрискладского транспортного процесса. По строительным работам и работам ремонта пути намечается использование экскаваторов, пневматических установок, тракторов как источников механической энергии и как средств транспорта и т. д.

Средняя мощность буксиров в речном транспорте за пятилетие возрастает в силу определившейся тенденции к укрупнению барж (по наливным уже заказываются 6 барж по 12.000 тонн каждая) и сильного роста средней скорости движения (против течения до 140 *км* вместо 110 *км* по наливным и до 125 *км* вместо 80—90 *км* по сухогрузам). Таким образом, средняя мощность с 400 индикаторных сил поднимается до 500 индикаторных сил, при чем под'ем будет продолжаться и в дальнейшем. Максимальная мощность поднимается до 1500 индикаторных сил против 1200 современных.

Расход на совершение транспортной работы рисуется следующим образом на 1 млн. тонно-*км*:

	1929 г.	1933 г.	%%
Рабочих (средне-годовой контингент) . . .	2,24	1,80	—19,7
Индикаторных силосуток	2107	1963	— 6,8

Количество силосуток падает, т.-е. выигрыш от перехода к более крупным судам и к стальным баржам в пределах пятилетия больше, чем рост затрат на тягу от повышения скорости буксирных возов. Однако, в дальнейшем следует ожидать повышения энергетических затрат, так как реализовать полностью увеличение скорости буксиров в пределах пятилетия нельзя (в основном ядре судов остается еще 36,3% старых).

По товаро-пассажирским судам также предвидится укрупнение судов: так, на Волге будут строиться 3-этажные теплоходы мощностью до 2.000 лош. сил. Общая мощность судов на пятилетие характеризуется следующими крупными цифрами на 1/X 1928 г.—358.000 индикаторных сил, на 1/X 1933 г. намечается 525.000, т.-е. увеличение на 47%.

Типы самоходных судов в течение пятилетия претерпят следующие изменения:

1) По бассейнам, где имеется дешевый натурал (Волга, Днепр, Дон), товаро-пассажирские суда перейдут на дизельмоторы полностью в тех плесах, где глубины превышают 1,5 метра, и условно все остальные. Эта последняя условность связана с технической возможностью сопрягать дизельмотор с гребными колесами (а не винтами) без чувствительного падения коэфициента полезного действия, т.-е. с вопросом о возможности строить на союзных заводах зубчатые передачи с большим передаточным числом и коэфициентом полезного действия не ниже 0,92.

2) По буксирам применение дизельмоторов вообще возможно лишь в случае, если их можно будет сопрягать с гребными колесами; в противном случае они на 100% останутся паровыми.

3) Тип дизельмотора будет применяться бескомпрессорный Манна.

4) По паровым установкам будет широко применяться перегрев пара до 350° и подогрев воздуха отходящими газами.

5) С постройкой Волго-Дона следует ожидать перехода силоустановок на каменный уголь в той части, которая сохранит паровое хозяйство.

В морском транспорте период 1928/29—1932/33 гг. характеризуется резким увеличением как грузоподъемности, так и мощности судов. Средняя мощность судовой установки в Совторгфлоте в 1928 г. составляет 840 сил, а в 1933 г. она достигает 1.270 сил.

Главной характеристикой реконструкции теплового хозяйства является переход на двигатели внутреннего сгорания, последние от полной мощности двигательных установок составляют (в %%):

	1928 г.	1933 г.
Совторгфлот	7	57
Каспар	21	80

Учитывая, что (как указано дальше, в энергобалансе) число тонно-миль на одну силу установки за пятилетний период остается постоянным, можно рассчитывать, что в процессе дизелизации за это время в расходе топлива на одну тонно-милю будет получена экономия в 31% в Совторгфлоте и 40% в Каспаре.

Основной задачей теплотехники на период плана явится дальнейшее снижение удельных норм расхода топлива на транспорте в обстановке расширяющегося применения принципа обезличенной езды, удлиненных пробегов паровозов на железнодорожном транспорте и повышения технических скоростей движения по всем видам транспорта.

Проблема всемерного сокращения пробега весотеряющего груза, каковым является топливо, в частности, для нужд транспорта, ставит задачу использования низкосортных углей, отсюда вытекает необходимость дальнейшего углубления и расширения опытов и практики использования смесей различных углей и создания в отдельных случаях соответственной обстановки экономически оправдываемого расходования топлива в повышенной весовой норме. Эта же обстановка заставляет выдвинуть идею использования подмосковных углей в порошкообразном виде, хотя пятилетний план в части топливного режима эту проблему не отражает.

Растущее внедрение парафинистых мазутов в топливный режим дорог и речного транспорта выдвигает перед теплотехникой задачи дальнейшей разработки и опытных исследований различных методов экономически выгодного приспособления передвижных и стационарных устройств для перевозки, слива и использования этого застывающего жидкого топлива.

Как указывалось выше, система рационализирующих и реконструкционных мероприятий оказывает сложное по взаимодействию влияние на снижение нормы расхода топлива, при чем влияние отдельных элементов оценивается различными коэфициентами.

Крупное влияние на снижение расхода топлива имеет введение в товарный парк большегрузных вагонов, значительно снижающее сопротивление поезда движению при следовании последнего со скоростью свыше 10 *км* в час. Опытные данные указывают на возможность вообще значительных достижений от использования большегрузных вагонов. Планируемое пятилетие, по производственным возможностям заказов ВСНХ, не дает в этом отношении значительного движения вперед, так как за пять лет намечается повышение процентного участия большегрузных вагонов в товарном парке с 9,5% только до 20%.

Суммированное влияние указанных основных факторов, упорядочение топливного режима транспорта и эксплоатации его средств и, самое главное, повышение мощности паровозного парка дают основание наметить следующую динамику расходования топлива в условном 7.000 калорийном счете на 10.000 тонно-километров брутто:

Наименование	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Расход в тоннах условн. топлива на 10.000 тонно-*км* брутто	0,316	0,313	0,302	0,294	0,284	0,275
Процент снижения от 1927/28 г.	—	0,95	4,44	6,96	10,13	12,97

Для некоторой, несколько условной характеристики положения с расходом топлива на дорогах СССР, по сравнению с заграничными дорогами, могут служить следующие цифры: в 1927 г. расход натурального угля в тоннах на ряде дорог СССР изменяется в пределах от 0,451 тонн (кузнецкий уголь) до 0,556 тонны (донуголь); наименьший же расход за границей, в Германии, определяется цифрой 0,538 тонны на 10.000 тонно-*км* брутто. Хотя в нашем распоряжении не имеется данных для полного сопоставления теплотворной способности указанных видов топлива, тем не менее можно отметить в общем близость наших норм к нормам германских железных дорог.

Основные принципы построения топливного плана для транспорта, конечно, вытекают из общей установки топливоснабжения и использования естественных ресурсов в Союзе, но имеют также и некоторые специфические черты.

По видам топлива пятилетний план топливного режима железных дорог характеризуется снижением удельного веса дровяного и нефтяного топлива с 7% в 1928/29 г. по дровам до 6,8% в 1932/33 г. и для нефти с 21,3% до 19,1%, с одновременным повышением каменноугольного топлива с 71,68% до 74,14%. План, построенный с учетом основной идеи сокращения пробега топлива, диктует определенные изменения топливного режима. Эти изменения в основном заключаются в форсировании снабжения соответственных частей Моск.-Казанской и Самаро-Златоустовской железных дорог, а также Пермской дороги кизеловским углем вместо кузнецкого. Такая установка должна найти соответственное отражение в плане капитального строительства по угольной промышленности.

Сооружение ряда угольных ветвей на Дальнем Востоке и в Средней Азии, включенное в план, обслуживает дальнейшее углубление идеи использования местных углей и постепенного ограничения зоны распространения черемховского и черновского угля для восточной части Союза и кузнецкого угля, являющегося в пятилетие основной базой топливоснабжения Туркестано-Сибирской магистрали.

Электрификация Сурамского перевала освобождает к концу пятилетия 10% потребляемой Закавказской жел.-дор. нефти; электрификация пригородного движения на Северных жел. дор. даст возможность вытеснить донецкий уголь с Ивановского участка тех же железных дорог, с заменой угля нефтью, освобождающейся с пригородного участка. Потребление донугля на Мурманской дороге намечается снизить за счет расширения дровяного снабжения.

Расширение потребления парафинистого мазута марки „Г“ отражено в плане соответственными устройствами для слива и налива на Закавказской, Средне-Азиатской и Ташкентской жел. дор.

Для водного транспорта установки топливного снабжения приведены выше.

Переходя от общей характеристики энергетического хозяйства транспорта к энергетическому балансу, необходимо отметить, что задача выяснения этого вида вооружения транспорта представляет значительные трудности в выражении этого вооружения в общепринятой единице мощности двигателей — в лошадиных силах (*НР*). Эта трудность определяется преимущественным участием в энергетическом вооружении транспорта передвигающихся механизмов — локомотивов и паро-тепловозов.

Из приводимой ниже таблицы видно, что в общем балансе по жел.-дор. транспорту мощность локомотивов представляет для 1928/29 г.— 98,5%, в дальнейшем к 1932/33 г. эта цифра изменяется по 97,8%, что по существу не меняет указанного выше положения.

Особенности использования локомотива, как движущего и движущегося источника энергии, самый процесс перевода топливной энергии в работу дает возможность весьма условного расчета теоретической мощности локомотива. Имеющиеся формулы для такого расчета (по котлу) дают значительно отличающиеся друг от друга выражения мощности для различных типов паровозов, и приходится оперировать с некоторыми достаточно условными средними величинами.

Влияние этой условности сказывается в главнейшем на общем итоге энергетического вооружения транспорта, но динамика этого вооружения, что представляется наиболее интересным для характеристики основного процесса на транспорте за пятилетие, в общем локализирует эту условность и дает возможность сделать некоторые основные выводы.[1]

Изменение мощности двигателей (в лош. силах) на жел.-дор. транспорте за пятилетие 1928/29—1932/33 гг.

Род двигателей	Мощность двигателей в лош. силах		Нарастание мощности в %
	На 1/X 1928	На 1/X 1938	
Пассажирские паровозы	3.214.280	3.907.890	21,58
Товарные паровозы	10.136.900	13.924.000	37,3
Тепловозы	2.500	22.500	9,00
Локотракторы и автомотриссы[2]	5.000	62.500	—
Электровозы и моторвагоны	—	220.000	—
Паровозы узкой колеи	56.000	56.000	—
Итого	13.414.680	18.192.890	35,6
Двигатели мастерских и силовых станций	101.600	177.600	74,8
Двигатели водокачек и нефтекачек	67.200	97.200	44,64
Двигатели в распор. Отд. Пути[1]	20.000	99.840	—
„ Центр. Отд. Сооружения[1]	9.000	26.880	—
„ Центр. Хоз. Отдела[1]	1.200	6.050	—
Итого	97.400	229.970	—
Итого	13.613.680	18.600.460	36,60

[1] Приводимая таблица по выявлению энергетической мощности механических средств транспорта представляет результат исследования и работы инж. Страутмана, при чем автор этих расчетов сам отмечает условность некоторых принятых величин.

[2] Данные приблизительные, в частности, в последующих материалах НКПС цифра 62.500 заменена цифрой 110.000 по п. 4, что не меняет общих выводов.

Сами по себе цифры, приведенные в таблице, характеризуют и современное положение в этой отрасли хозяйства железных дорог и динамику, намеченную для предстоящего пятилетия. Один основной вывод из таблицы можно сделать без каких-либо дополнительных выкладок, а именно, что динамика мощности передвижных средств значительно отстает от динамики стационарных установок; это обстоятельство об'ясняется отсталостью железных дорог в области механизации вспомогательных операций, некоторое изживание которой и намечается планом.

Этот общий суммарный вывод не исчерпывает, конечно, возможностей анализа положения и динамики энергетического хозяйства железных дорог.

Если выявить отношение работы транспорта, выраженной в приведенных тонно-*км* перевозки груза (включая пассажиров по условному переводному коэфициенту) к мощности передвижных средств, то окажется, что на каждый миллион тонно-километров в 1928/29 г. расходуется 111,2 *НР*, тогда как в 1932/33 г. этот расход составит 102,3 *НР*, или 92% от цифры 1928/29 г. Это соотношение характеризует определенную установку на рационализацию использования двигателя, при чем анализ плана указывает, что рационализация достигается и организационными мероприятиями и реконструктивными изменениями устройств и механизмов жел.-дор. транспорта, эти мероприятия в том или ином виде выявлены в соответственной части пятилетнего плана.

Диференциация указанной только что данности по видам движения, обслуживаемого различными паровозами, дает следующие цифры: по пассажирским паровозам на 1.000.000 пассажиро-километров приходится в 1928/29 г. 131 *НР* и в 1932/33 г. — 128 *НР*, что составляет снижение мощности всего на 2%; соответственные цифры по товарным паровозам 106 *НР* и 97 *НР*, т.-е. снижение на 10%. Эти цифры указывают, что реконструкция, рационализация и модернизация в плане затрагивают преимущественно парк товарных паровозов, и действительно удельная мощность по тяговой силе на крюке товарного паровоза повышается за пятилетие на 13,6%, маршрутизация и прочие организационные мероприятия намечены по товарному движению и все это соединяется с значительным повышением веса товарных поездов, т.-е. соединяется с форсированием использования паровоза, как двигателя.

Цифры, указанные выше в таблице, также дают возможность ответить с некоторым приближением и на вопрос о силовом вооружении транспорта в отношении ремонтных средств: число лошадиных сил передвижных средств (по п.п. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 таблицы) для 1928/29 г., приходящихся на 1 *НР* двигателей в мастерских и силовых станциях (п. 7), определяется цифрой в 132,3 *НР*, а для 1932/33 г. — 102,4 *НР*, т.-е. динамика характеризуется 23% снижением за 5 лет, иначе говоря, определенным увеличением силового оборудования транспорта по ремонтным средствам.

Прочее энергетическое перевооружение транспорта по стационарным силовым установкам (за исключением мастерских и силовых станций) определяется на 1 *км* эксплоатационной длины сети в 1928/29 г.— 1,25 *НР*, а в 1932/33 г.—2,63 *НР*, т.-е. удельная мощность этой отрасли силового хозяйства за пятилетие удваивается.

Если выделить перевооружение электроэнергией,[1] то в этой области также намечается двукратное увеличение удельной мощности, отнесенной к единице энерговооружения живой силы на железнодорожном транс-

[1] Без электрификации тяги поездов.

порте. Показателем степени этого энерговооружения и намечаемой динамики являются следующие цифры: на одного работника основного контингента железнодорожников, работающих по эксплоатации в 1928/29 г., приходится около 14,6 лош. сил всех двигателей железнодорожной сети; в 1932/33 г. эта цифра повышается до 19,8, следовательно, использование механической силы возрастает за пятилетие больше чем на $^1/_3$. Это обстоятельство представляет результат, с одной стороны, расширения силовой базы на жел. дорогах, а с другой—организационной рационализации использования живой силы, характеризуемой почти стабильным об'емом основного контингента за пятилетие около 940 тыс. человек в год.

Приведенное перевооружение жел.-дорожного транспорта находит себе соответственное выражение в динамике измерителей использования средств транспорта, находящегося в сложной и недифференцированной зависимости и от указанного энергетического перевооружения.

В целях выявления масштаба энерговооружения и его показателей мы приводим сравнительную таблицу некоторых данных для железных дорог СССР, Франции, Италии и Германии.

Хотя сопоставления между данными различных стран относятся к различным годам, но, тем не менее, эти сопоставления не утрачивают ни показательности, ни интереса, так как в таблице приведены удельные величины по различным измерителям, а даты указываемых данных достаточно близки между собой.

Насколько данности по Франции и Германии достаточно определены, настолько по Италии данности в области пассажирского движения внушают некоторые сомнения в исчерпывающей полноте. В самом переводе пассажиро-километров в тонно-*км* по коэфициенту, равному единице, принятому для составления таблицы, заключается вообще условность, возрастающая при сопоставлении для различных стран, в которых характер и удельный вес пассажирского движения весьма различны.

В силу приведенного выше, некоторые выводы, делаемые далее, имеют несколько ориентировочный характер и служат целям сравнения в основных моментах.

Данные по вопросу вооружения железнодорожного транспорта живой рабочей силой (см. п. 5), отнесенной на единицу работы, указывают на более экономное расходование этой силы в Союзе по сравнению с Францией и особенно с Италией, а намеченная динамика нашей пятилетки значительно опережает динамику французских дорог по датам 1913—1926 гг. Учитывая, что обслуживание пассажирского движения занимает значительную рабочую силу и что расход последней зависит также от размера силового механического вооружения, приходится этими факторами в основном (см. пп. 6 и 11) об'яснить превышение расходования живой рабочей силы по Франции. Это об'яснение, только в свете второго фактора, применимо к Италии.

Данности по пунктам от 7 и до 14, в их сопоставлении с Францией и Германией и частично с Италией, открывают для нас перспективу следования за опытом Запада в отношении дальнейшего усиления нашего энергетического вооружения.

Темп нарастания во времени общего об'ема этого вооружения для пятилетки увязывается как будто с темпом нарастания во Франции за период с 1913 г. по 1926 г., с учетом параллельного нарастания тонно-километровой работы (за пять лет в СССР силовое вооружение вырастет примерно на 40%, и для Франции за 13 лет на 100%, при примерно одинаковом нарастании перевозочной работы). Интенсивность же намеченного роста мощности передвижных средств у нас отстает от таковой

Сравнительная таблица

№№ по пор.	Наименование данных	СССР		Франция		Италия	Германия
		1928/29 г.	1932/33 г.	1913 г.	1926 г.	1926/27 г.	1925 г.
1	Работа в приведен. тонно-*км* (в мрд.)	120,5	177,9	44,52	70,8	14,0	108,58
2	Длина сети (*км*)	77.678	87.314	40.933	43.172	16.499	53.227
3	Число служащих и рабочих (человек)	935.900	938.700	359.308	515.982	169.702	732.961
4	То же на 1 *км*	12,05	10,75	8,81	12,11	10,3	13,77
5	То же на 1 млн. приведен. тонно-*км*	7,77	5,28	8,07	7,29	12,09	6,75
6	Процент пассажир. движен. по пробегу от общего приведен. пробега	20,3	17,2	43,6	40	11,8	45
7	Мощность паровозов в тыс. лош. сил	13.410	17.832	11.414	21.570	4 594	27.004
8	То же прочих передвижн. средств в тыс. лош. сил	5	361	73,8	537	—	335
9	Всего мощность передвижн. средств *НР*	13.415	18.193	11.488	22.107	4.594	27.339
10	Средняя мощность одного паровоза *НР* (норм. колеи)	860	976	816	1.052	723	944
11	Мощность передвижн. сред., приход. на 1 млн. тонно-*км* приведен. работы *НР*	111,2	102,3	258	310,8	327	251,8
12	Число паровозо-*км* на 1 млн. тонно-*км*	3.924	3.269	11.642	7.962	—	8.779
13	Мощность на 1 служ. *НР*	14,3	19,5	32	43	27	37,3
14	То же на 1 *км* эксплоатац. длины *НР*	173	208	279	512	278	511

Характеристика технических качеств профилей

СССР (по данным 1913 г.) %%

Горизонтальная площадка	36,9 всей сети		
Под'ем до 5‰	25,4 „ „	97,8	
„ от 5‰ до 10‰	35,5 „ „		
„ „ 10‰ до 15‰	1,19 „ „	2,2	
„ > 15‰	0,40 „ „		
Итого . . .	100		

Франция (по данным 1926 г.) %%

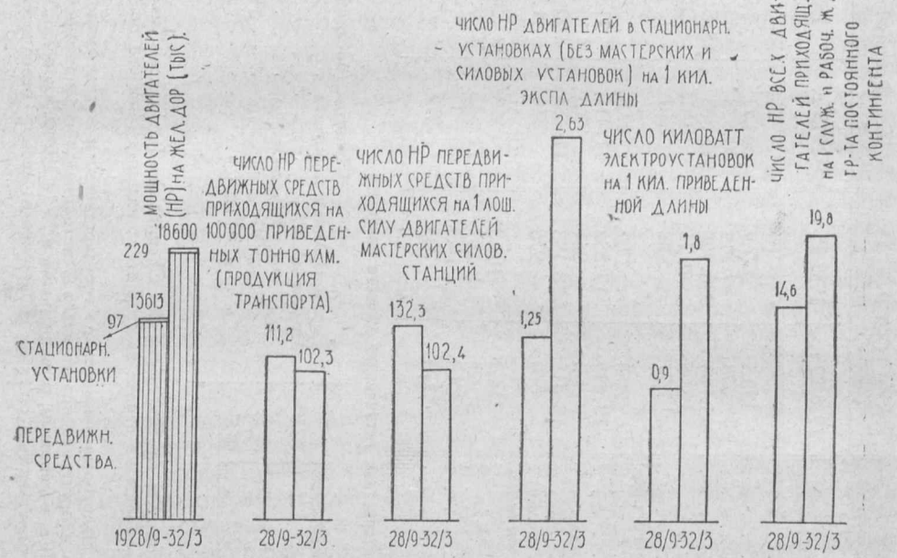
Горизонтальная площадка	23		
Под'ем до 5‰	29,7	77,2	
„ от 5‰ до 10‰	24,5		
„ „ 10‰ до 25‰	21,4	22,8	до 25‰
„ „ 25‰	1,4		> 25‰
Итого . . .	100		

[1] Данные для французских железных дорог почерпнуты из „Statistique des Chemins des fer Francais" на 31 декабря 1926 г., издание 1928 г. Министерства публичных работ. По Италии сведения получены из отчета за 1926/27 г., издания Ministero delle Communicazioni Amministrazione delle Ferrovie dello Stato.

Кроме Франции и Италии, в таблице приведены некоторые данности по государственным железным дорогам Германии, при чем в сводном виде точно согласованных во времени данных не было и пришлось пользоваться 2 источниками: официальной статистикой за 1925 г., заимствованной из „Статистического Сборника" № 67 ЦСК НКПСа, и данными, помещенными в № 12 1926 г. журнала „Wirtchaft und Statistik", на 16 июня 1925 г. Перекрестная проверка данных по отдельным сопоставимым об'ектам обнаружила весьма незначительные расхождения, не влияющие на конечные результаты и выводы.

во Франции. В какой мере на общем положении в этом вопросе отразились натуральные компенсации, полученные Францией от Германии после войны, трудно сказать, но во всяком случае можно отметить, что за последние годы имело место строительство мощных паровозов новейших систем для французских жел. дорог. Это строительство идет по пути дальнейшего повышения мощности единиц паровозного парка и продолжает динамику предшествующих лет (см. п. 10).

Хотя это повышение удельной мощности в значительной степени об'ясняется, вероятно, особенностями пассажирского движения с увеличенной скоростью и особенностями профиля [1] (см. характеристику в конце таблицы), тем не менее такая тенденция подходит и для Союза (по особенностям массового продвижения тяжелых грузов на большие рас-



Динамика Энерговооружения ж.-д. транспорта за пятилетие 1928/29—1932/33.

стояния), а намечаемая динамика пятилетия указывает на наше отставание от данностей французских железных дорог и близость к данным Германии 1925 г.

Приведенное заключение базируется, конечно, на предположении об одинаковом методе выражения мощности паровозов в лошадиных силах.

Указанное в п.п. 11, 13 и 14 выражение мощности передвижных средств на одного работника и на единицу длины свидетельствует о свыше чем двукратном превышении энерговооружения транспорта во Франции в 1926 г. и Германии для 1925 г. по сравнению с намеченным нами к концу пятилетия. Такое же вооружение Италии также значительно превосходит наши предположения по пятилетнему плану.

В какой мере наличие такого мощного энергетического вооружения жел. дорог Франции и Германии диктуется соображениями обороны страны, конечно, не представляется возможным выяснить, но надо полагать, что этот фактор оказывает свое несомненное влияние.

[1] Более тяжелого для дорог Франции.

Мощность указанного вооружения, трудные профильные условия (см. характеристику) по сравнению с условиями СССР, значительный удельный вес пассажирского движения с повышенными скоростями и очевидно сложный комплекс экономических причин (короткие пробеги, высокоценный груз и т. д.), все это обусловило щедрое расходование движущих средств на передвижение грузов и пассажиров во Франции (см. п. 12). В этом отношении измеритель Франции для 1926 г. в $2^1/_2$ раза превышает намеченный по Союзу для 1932/33 г. и в 2 раза уже нащупываемый нами измеритель для 1928/29 г. Жел. дор. Германии в этом отношении также близки к указанным данностям Франции.

Так же как и у нас, на французских железных дорогах наметилась динамика снижения этого измерителя, определяющего в значительной степени себестоимость расходов по совершению перевозок.

Суммируя все приведенное выше, поскольку представилось возможным по сухому и ограниченному отчетному материалу сделать некоторые сопоставления с заграничной практикой, получаем следующие основные выводы:

1) В энерговооружении мы значительно отстаем и абсолютно и относительно от Франции и Германии.

2) Тенденции, намечаемые в пятилетнем плане в этой области, в основном не находятся в противоречии с таковыми, ориентировочно выявившимися по отчетности французских жел. дор.

3) Имеет место в прошлом и намечается в будущем относительно более форсированное использование нами живой и механической рабочей силы, нежели во Франции и Италии.

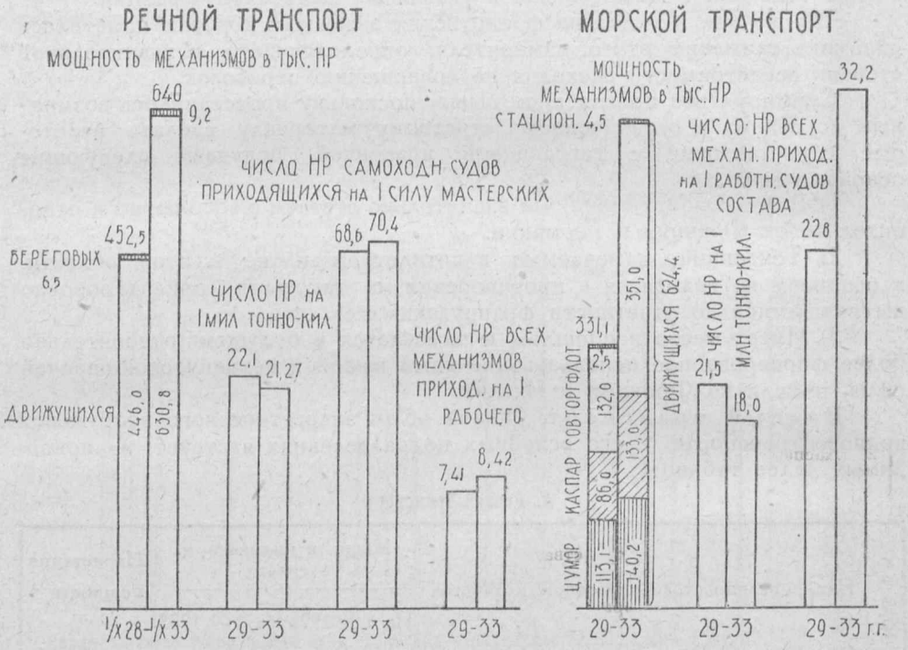
Водный транспорт. Общий об'ем энергетического вооружения водного транспорта в его основных подразделениях явствует из приводимых далее таблиц:

А. Речной транспорт

№№ п.п.	Наименование отраслей водного хозяйства	Мощн. в индикаторн. силах		Нарастание мощности в % %
		На 1/X 1928	На 1/X 1933	
1	Центрорека—движущиеся средства:			
	а) паровые	332.700	435.300	30,7 } 47
	б) внутренн. сгоуания	25.400	90.000	254,3 }
2	То же берегов. установ.:			
	а) паровые	3.600	4.500	25
	б) внутренн. сгорания	1.500	2.700	80
	Итого по Центрореке	363.200	532.500	47
3	Цуводпуть—движущиеся средства:			
	а) паровые	83.460	98.310	18
	б) внутренн. сгорания	4.450	7.203	60
4	То же береговые установ.:			
	а) паровые	760	1.100	45
	б) внутренн. сгорания	650	877	35
	Итого по Цуводпути	89.320	107.490	20,3
	Итого	452.520	639.990	41,5
	В том числе:			
	Движущихся средств	446.010	630.813	41,5
	Берегов. установ.	6.510	9.177	41

Из этой таблицы видно, что мощность механизмов Центрореки возрастает значительно скорее, нежели Цуводпути, обслуживающего водные пути; это обстоятельство свидетельствует об определенной установке — расширении перевозочных операций на базе существующих водных путей.

Общее нарастание мощности определяется ростом мощности движущихся средств. Процент дизельных двигателей значительно опережает рост паровых двигателей, что также выявляет определенную плановую установку.



Динамика энерговооружения водного транспорта за пятилетие 1928/29—1932/33.

На 1 млн. тонно-*км* (считая условно и пассажиро-*км*) приходится следующее число индикаторных сил (всех) по начальному и конечному году пятилетки:

Годы	Центрорека	Цуводпуть	Вместе
1929	17,4	4.36	22,1
1933	17,41	3,51	21,27

Сравнительно малое снижение затрат энерговооружения об'ясняется тем, что в пятилетие, на ряду с улучшением использования и обновлением самоходного флота, проводится неуклонное повышение скорости движения буксирных судов. Улучшение в этом случае измерителей по барже за счет ухудшения по буксиру оправдывается соотношением затрат по этим двум видам движущихся средств.

Число индикаторных сил самоходных судов, приходящееся на 1 силу мастерских, характеризующее динамику ремонтных средств, видно из следующего ряда цифр:

Годы	Центрорека	Цуводпуть	Вместе
1929	70,4	62,5	68,6
1933	74,1	63,7	70,4

Удельное падение энерговооружения в этой области об'ясняется рационализацией и продолжающейся концентрацией мастерских.

Энерговооружение живой рабочей силы обрисовывается следующим рядом цифр, выражающих число индикаторных сил всех установок, приходящихся на 1 рабочего:

Годы	Центрорека	Цуводпуть	Вместе
1929	8,1	5,53	7,41
1933	9,75	5,00	8,42

Рост этого энерговооружения выражается за пятилетие скромной цифрой для Центрореки в 19% и для всего речного транспорта в 14%.

Снижение для Цуводпути об'ясняется развитием в этом пятилетии пионерной работы по первоначальному освоению новых естественных путей (обстановка), что требует увеличения рабочей силы без параллельного значительного увеличения механических средств для сравнительно малых перевозок.

Б. Морской транспорт

№ п.п.	Наименование отраслей водного хозяйства	Мощность в индикаторных силах		Нарастание мощности в %%
		На 1/X 1928	На 1/X 1933	
1	Совторгфлот — движущиеся средства:			
	а) паровые	122.850	151.810	23,6
	б) внутренн. сгорания	9.150	199.400	2.079
2	Каспар — движущиеся средства:			
	а) паровые	68.000	27.400	—60
	б) внутренн. сгорания	18.000	106.100	490
3	Цумор — движущиеся средства:			
	а) паровые	106.900	132.950	24,4
	б) внутренн. сгорания	6.180	7.250	17,3
	Итого	331.080	624.910	88,6
4	То же — стационарные установки:			
	а) паровые	1.678	2.700	60
	б) внутренн. сгорания	815	1.815	122,7
	Итого	333.593	629.425	88,7

Примечание: Флот Нефтесиндиката не учтен, а также совершенно незначительный частновладельческий флот.

Из приведенной таблицы видно, что в морском транспорте, также как и в речном, нарастание мощности определяется ростом мощности флота.

Процесс перехода на дизеля ярко выражен в морском транспорте (двадцати и шестикратное увеличение мощности этих установок).

В общем рост мощности стационарных установок идет параллельно росту морского флота.

На 1 млн. тонно-*км*, в виду намечаемого увеличения скорости движения, число сил остается, примерно, стабильным на протяжении пятилетия и определяется цифрами: по Каспару —21,5 *HP* и Совторгфлоту—18,0.

Энерговооружение живой рабочей силы характеризуется следующим числом сил на одного работника плавающего состава:

Годы	Каспар.	Совторгфлот
1928	17,8	22,8
1933	27,1	32,2

Общий об'ем и динамика энерговооружения водного транспорта определяются следующими суммарными цифрами:

В 1928 г.	786.113 инд. сил
„ 1933 „	1.269.415 „ „

При неполной равноценности исчисления энерговооружения по железнодорожному и водному транспорту интересно отметить, что это энерговооружение составляло для водного транспорта в 1928 г. 5,87%, а для 1933 г.—6,94% от вооружения жел.-дор. транспорта.

Сопоставление этих процентов указывает на относительно большее внимание, уделяемое в плане вооружению именно водного транспорта, что соответствует и основным заданиям правительства в этом отношении.

Н. М. Мильштейн

Организационные проблемы электропромышленности[1]

(Надо ли реорганизовывать электропромышленность?)

Вопрос о работе союзной электропромышленности, в частности ее сильноточной ветви, находится в сфере коллективного обсуждения. Можно без преувеличения сказать, что ни одной хозяйственной организации не уделяется столько внимания со стороны печати и советской общественности, сколько уделяется, напр., ГЭТу.

Это исключительное внимание является вполне естественным, если учесть роль электропромышленности, как промышленности ведущей, от размеров и качества работы которой зависит развертывание и темп индустриализации страны.

Резолюция по докладу ГЭТа на IV пленуме ВСНХ СССР отмечает, что «реконструкция всего нашего народного хозяйства, осуществляемая на базе электрификации, и внедрение электроэнергии во все отрасли народной жизни пред'являет особые требования к союзной электропромышленности». «Рост и темп развития электропромышленности должны полностью соответствовать и обеспечивать выполнение все возрастающего темпа индустриализации страны».

В настоящее время этого соответствия пока еще нет, и в этом обстоятельстве, а отнюдь не только в отдельных недочетах деятельности заключается, по нашему мнению, главная причина отрицательного отношения некоторых хозяйственников к работе ГЭТа.

Отставание электротехнической промышленности от потребностей рынка, диспропорция между нуждами страны в электропродукции и производственными возможностями электропромышленности об'ективно стимулируют это неудовольствие.

Неудовлетворенность рынка электроизделиями вызывает раздражение некоторых хозяйственников и регулирующих организаций и на фоне этого раздражения внимание некоторых хозяйственников в первую очередь обращается в сторону реорганизации. Надо реоганизовать электропромышленность, надо создать более четкие организационные формы, и тогда электропромышленность перестанет существовать как факт, тормозящий темп развертывания индустриализации страны.

Для того чтобы об'ективно подойти к практическому разрешению вопросов, затрагиваемых сторонниками реорганизации, необходимо проследить весьма поучительный путь, пройденный электропромышленностью сильного тока прежде чем она достигла той организационной структуры, в которой она находится в настоящее время.

---

[1] Статья Н. М. Мильштейна, являющаяся откликам на статью тов. Коросташевского „Об организационных формах электропромышленности“ в журнале „План. Хоз.“, № 1 за 1929 г., печатается в порядке обсуждения.

Национализация в 1919 г. электротехнических предприятий Союза является началом советской электропромышленности, как самостоятельной отрасли народного хозяйства.

В первое время после национализации сохранились фирменные особенности: электропромышленность руководилась Электроотделом ВСНХ через правление Электротреста, в состав которого входили секции: Всеобщая компания электричества, Сименс-Шуккерт, Кабельная, Аккумуляторная.

Период времени до новой экономической политики характеризуется сохранением этого наследия, которое получила Октябрьская революция, и распределением запасов электропроизводства. Иностранный капитал — фактический владелец довоенной русской электропромышленности — не давал возможности ей развиваться и проводил в отношении русского электротехнического рынка чисто колониальную политику.

Питание русских электротехнических заводов разрабатываемыми за границей готовыми конструкциями, расчетами и чертежами искусственно задерживало развитие на этих заводах живой технической мысли и их производственный рост.

Война и интервенция, истощившие производственные силы страны, сильно дезорганизовали электропромышленность, и к 1920/21 г. выпуск ее не достигает и 10% скудного довоенного производства.

В этот момент наибольшего потрясения всей хозяйственной жизни республики, ВЦИК VII созыва, по почину В. И. Ленина, выносит постановление о последовательном проведении в жизнь плана восстановления и реконструкции народного хозяйства на базе электрификации. «При помощи всех электротехников России и ряда лучших передовых ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян мы электрификацию страны создадим»,—так писал Владимир Ильич VIII электротехническому с'езду.

Этот момент почти совпадает с моментом организации 4 трестов электропромышленности: Электромашиностроительного в Ленинграде, Электротехнического Центрального района (ЭТЦР), Слабого тока и Аккумуляторного. С этого времени начинается новый этап развития советской электропромышленности, характеризующийся совершенно исключительным по темпу развитием в связи с общим под'емом всего народного хозяйства. Первые два—три года этого периода были периодом налаживания и развертывания производства, постановки и организации производственного и монтажно-торгового дела, а также постепенного накапливания сырьевых ресурсов.

Бурный темп развития всего нашего народного хозяйства потребовал от нашей сильноточной электропромышленности перехода на специализацию заводов, стандартизации типов, перехода на массовое изготовление электроизделий и единого научно-исследовательского обслуживания.

Осуществление этих требований стало возможным при полном хозяйственном об'единении существовавших до этого времени раздельно ЭТЦР и ЭМТа, что и было сделано 1 октября 1925 г. путем создания единого Государственного электротехнического треста (ГЭТ).

ГЭТ, об'единивший все заводы сильноточной промышленности, расширил также сеть монтажно-торговых отделений и инженерных бюро, которые в количестве 34, расположены от Архангельска до Ташкента и от Минска до Владивостока, а также находящимися при правлении специальными отделами, на обязанности которых лежит проектировка и производство крупных электросооружений. В настоящем своем виде ГЭТ представляет собой хозяйственную организацию, охватывающую весь электротехнический ассортимент и перерабатывающую сырье (металлы и диэлектрики) в готовое электрическое предприятие. Электропромышленность как сильного, так и

слабого тока, моментом выпуска изделий с завода не заканчивает своей задачи. Продолжение производственного процесса происходит в факте доведения продукции до потребителя и установки ее для условий эксплоатации. Сильноточный электротехнический ассортимент включает в себя очень большое количество наименований, которое может быть сведено к следующим основным группам:

1) машиностроение (генераторы, моторы, умформеры);
2) трансформатостроение;
3) аппаратуростроение (масляные выключатели, пусковые приборы);
4) кабельное производство;
5) стекольно-ламповое производство;
6) электроугольное производство;
7) арматурное и установочных материалов;
8) производство диэлектриков.

В активе трестированной сильноточной электропромышленности имеются весьма значительные достижения по всем указанным группам, безоговорочно признаваемые всеми, даже сторонниками необходимости изменения ее организационных форм.

Эти достижения общеизвестны. Достаточно отметить, что в течение семи лет, прошедших с момента трестирования сильноточной промышленности, и трех лет работы ГЭТа мы добились уже создания своей электропромышленности, на которую в настоящее время в значительной мере опирается основной фактор энергетики — плановая электрификация.

Основные задачи, стоявшие во все эти годы перед сильноточной промышленностью сводились к лучшей организации производства, специализации заводов, стандартизации и типизации изделий, нормализации деталей, выработке технических условий на материалы, улучшению качества и максимальному снижению себестоимости.

Эти задачи продолжают, конечно, стоять в центре внимания нашей электропромышленности и сейчас, но уже проделанная работа, в частности, достигнутое снижение себестоимости, как это принимает и сторонник реорганизации тов. Коросташевский, значительно превосходит снижение, достигнутое за эти уже годы другими отраслями промышленности.

Вся эта большая работа, проделанная ГЭТом, протекала в условиях постоянных импортных затруднений (цветные металлы) и постоянного финансового напряжения, вызываемого резким недостатком оборотных средств. Только благодаря систематически проводимому ускорению оборачиваемости капитала, вложенного в основные отрасли, только благодаря систематической работе над мобилизацией внутренних ресурсов, ГЭТу удавалось выходить из финансового кризиса без потрясений.

Сопоставление запасов материальных ценностей (в тыс. руб.) на 1/X 1928 г. с таковыми в предыдущие годы, приводимое в нижеследующей таблице, показывает успехи ГЭТа и в этом направлении: (см. таб. на 4 стр.).

Рост проектно-монтажной деятельности ГЭТа за три года его существования определился следующими цифрами: 1925/26 г.—20.679 тыс. руб., 1926/27 г.— 29.508 тыс. руб., 1927/28 г.— 41.596 тыс. руб.

Таким образом, и технические, и экономические показатели работы ГЭТа должны были, казалось бы, свидетельствовать о целесообразности его организационной структуры.

Между тем, именно за последнее время опять появились тенденции пересмотреть структуру ГЭТа с целью изменить его организационные формы.

В этом отношении следует остановиться на статье тов. Коросташевского «Об организационных формах электропромышленности» («План Хоз.», № 1, январь 1929 г., стр. 229—244).

	1/X 1925 г.	1/X 1926 г.	1/X 1927 г.	1 X 1928 г.
Материалы, топливо и незаконч. произв.	20.537	25.087	20.765	22.683
Валовой выпуск готов. изделий по себестоимости	57.221	74.151	91.432	122.380
На 1 рубль выпуска последующего года (в коп.)	34,1	33,8	22,7	18,6
Запас в месяцах	4,1	4,05	2,73	2,23
Полуфабрикаты и неоконченное произв.	20.597	29.807	26.703	30.413
На 1 рубль выпуска последующего года (в коп.)	35,9	40,2	29,2	24,8
Запас (в месяцах)	4,33	4,82	3,5	2,93
Товары и готов. изделия	28.985	29.259	25.912	27.136
Реализация по себестоимости	59.844	79.776	100.198	121.921
На 1 рубль реализации послед. года по себестоимости (в коп.)	48,3	36,5	25,4	22,2
Запас (в месяцах)	5,8	4,38	3,05	2,66
Незаконченные монтажи	4.584	7.678	8.086	8.213
На 1 рубль реализации последнего выпуска (в коп.)	7,7	9.6	7,9	6,7
Запас (в месяцах)	0,93	1,16	0,95	0,80
Дебиторы-покупатели	16.211	12.274	12.637	16.018
Реализация	77.509	91.018	106.844	131.582
Отношение к среднему месяцу реализ. предыд. года	2.59	1,6	1,42	1,45

Тов. Коросташевский признает значительные достижения ГЭТа как в области производства, так и в области торговли; он отвергает тенденцию уничтожения электропромышленности, как основной отрасли, равно и мысль об Электросиндикате, но все же, на основании ряда выдвигаемых им недочетов в работе, главным образом, ГЭТа, приходит к выводу о необходимости реорганизации электропромышленности путем создания единого электротехнического центра — Всесоюзного электротехнического концерна (ВЭК). Этот концерн должен об'единить производственно-техническую и монтажно-торговую деятельность существующих электротехнических трестов и соответствующую часть Главэлектро, планирующую и регулирующую электропромышленность.

Первое и основное соображение следующее: «подразделение электропромышленности на две части, силноточную и слаботочную является больше историческим, нежели вызываемым характером самой промышленности». Нам думается, что уже это соображение, толкающее тов. Коросташевского на вывод о необходимости организационно слить эти обе отрасли электропромышленности, в корне неверно.

Уже давно вся электротехническая промышленность делится на две большие области: технику сильных токов и технику слабых токов. В технике сильных токов речь идет об образовании электрической энергии, передаче и преобразовании ее в другие виды энергии: механическую, химическую, тепловую. Техника слабых токов имеет дело с преобразованием электрической энергии в сигналы и знаки.[1]

Эти две области как в производственно-техническом отношении, так и в проектно-монтажном, между собой резко отличаются, и питаются они совершенно различными техническими идеями и конструкциями. Это различие подтверждается хотя бы и тем, что совершенно отсутствуют случаи

[1] За последние годы получила большое развитие специальная область слабого тока — радиотелеграфная и радиотелефонная, основанная на токах большой частоты и высокого напряжения.

работы специалистов сильноточников в слаботочной промышленности и наоборот.

Совершенно различные технические идеи, различные производственные процессы предопределяют и различную научно-исследовательскую работу, которую об'единить, конечно, ни при каких условиях не представляется возможным.

Хотя ссылка на практику капиталистических предприятий не всегда является для наших условий убедительной, но все же ссылка тов. Коросташевского, например, на Сименс-Шуккерт, говорит не в пользу его мысли, так как Сименс-Шуккерт совсем не занимается слаботочной электропродукцией. Этим занимается акц. общ. «Сименс и Гальске» (Вернерверке), правда, фирма родственная Сименс-Шуккерт, но все же представляющая собою совершенно самостоятельную хозяйственную организацию.

Приемы реализации продукции сильноточной и слаботочной промышленности совершенно различны, как различен и характер их потребления. В то время как вся продукция слаботочной промышленности, если не считать радиоаппаратуру, предназначается для 3—4 наркоматов, и «Электросвязь» почти не имеет дела с обслуживанием промышленности, сильноточная промышленность целиком обслуживает всю нашу промышленность и электрификацию.

Указание тов. Коросташевского на некоторый параллелизм в производстве обоих трестов, сводящийся к параллельному изготовлению измерительных приборов, катодных ламп, действительно имеет место, но эта параллельная работа может быть в любой момент прекращена не только без рекомендуемой реорганизации, но путем простого соглашения между обоими трестами. В частности, изготовление катодных ламп обоими трестами об'ясняется при существующих условиях интересами наилучшего удовлетворения рынка и специальными указаниями.

Итак, с точки зрения производственно-технической об'единение обеих ветвей электропромышленности нецелесообразно, так как в случае об'единения, возникала бы необходимость выделить обе эти отрасли в совершенно самостоятельные единицы.

Это слияние также излишне и с точки зрения монтажно-торговой, так как монтаж слаботочный электропродукции резко отличается от такового сильноточной как по характеру, так и по приемам, а реализация слаботочной продукции без монтажа, идущей для широкого потребления, уже проводится торговым аппаратом ГЭТа путем непосредственного соглашения между обоими трестами.

Наконец, это слияние излишне также с точки зрения обслуживания треста слабых токов ГЭТовской сильноточной электропродукцией, так как урегулирование этого вопроса исчерпывающе возможно путем заключения соответствующих генеральных договоров между обоими трестами, что уже в настоящее время имеет место.

Уже теперь обслуживание треста слабого тока сильноточной электропромышленностью приравнивается ГЭТом к обслуживанию собственных заводов, и если в этом деле имеются еще недочеты, то безусловно легко устранимые.

Тов. Коросташевский указывает на целый ряд недочетов в работе электромышленности, главным образом, ГЭТа, не указывая, однако, почему эти недочеты могут быть устранены только при наличии новой организационной формы электропромышленности (ВЭК), а не при существующей организации управления.

Почему, например, недочеты изучения вопросов емкости рынка могут быть устранены при концерне, а не в ГЭТе? Ведь для этого надо, по словам тов. Коросташевского, иметь торговые щупальцы по всей стране, близко

соприкасающиеся с отдельными отраслями народного хозяйства. Это, конечно, верно. Но разве, по определению самого тов. Коросташевского, «достаточно развернутый и разветвленный по всему Союзу торговый аппарат ГЭТа» не соприкасается с отдельными отраслями народного хозяйства?

Изучение вопросов емкости рынка поставлено в настоящее время в ГЭТе весьма серьезно. От просчетов и возможных оплошностей, которые имеют место в процессе работы, не всегда можно уберечься, особенно потому, что ошибки не всегда являются результатом просчета. Примером в данном случае может служить емкость в отношении трамвайных моторов, на который ссылается тов. Коросташевский.

Переоборудование завода «Динамо» и приспособление его к нуждам тяги было выполнено после тщательного учета потребности страны в тяговом оборудовании. В частности, потребность трамваев в новом строительстве и расширении огромна. Эта потребность зависит от количественного и качественного состояния установленного и эксплоатируемого электроимущества, и, с другой стороны, от степени износа и от коэфициента здорового роста.

Влияние событий военного и послевоенного периодов чрезвычайно вредно отразилось на состоянии всех без исключения трамвайных предприятий. Изношенность оборудования достигла значительных размеров. Так, по данным Постоянного бюро всесоюзных трамвайных с'ездов при Главном управлении коммунальным хозяйством средний процент использования вагонного инвентаря составлял в 1923/24 г. — 50,9%, в 1924/25 г. — 57,9%, в 1925/26 г. — 64%, падая по некоторым городам до 30—40% против довоенного использования инвентаря в 75%. На крайнюю изношенность подвижного состава указывает еще и то обстоятельство, что вновь заказанные вагоны не увеличивают собою инвентарное количества вагонов, но, главным образом, идут на замену совершенно выбывающих из строя.

Так, по данным ГУКХ на 1/X 1927 г. инвентарное число моторных вагонов по всему Союзу было 3.012, против 2.985 на 1/X 1926 г., т.-е. инвентарное число увеличилось на 27 вагонов, в то время как новых моторных вагонов на предприятия поступило 250 штук.

Таким образом, несмотря на то, что ряд наших трамвайных предприятий привел в порядок свое хозяйство, нужда в трамвайном оборудовании велика не только в отношении расширения, но и в отношении восстановления подвижного состава. Это обстоятельство является причиной того, что в значительном количестве трамвайных хозяйств коэфициент эксплоатации чрезвычайно высок и эксплоатационные расходы превышают валовой доход.

Между тем, потребность в передвижении со стороны населения городов, благодаря изменившимся социальным условиям и укладу городской жизни, значительно возросла. Транспортная политика коммунальных хозяйств, сводящаяся к обслуживанию транспортными средствами рабочих окраин, настоятельно требует расширения рельсового пути и нужного оборудования. Эта потребность настолько велика, что нормальное ее удовлетворение могло бы загрузить электропромышленность и вагоностроительные заводы заказами на ряд лет.

Однако, стремление к замене изношенного трамвайного подвижного состава и расширению предприятий наталкивается на недостаток средств.

В довоенное время капитальный и восстановительный ремонт, расширение хозяйства в размере, требуемом нуждами и техническим состоянием сооружений трамвайных предприятий производились, как правило, за счет заемных средств, в настоящее же время эти работы производятся, главным образом, за счет оборотных средств предприятий. Если финансовое состояние крупных предприятий в силу большой рентабельности их позволяет эти работы производить, то по подавляющему числу предприятий изношенность оборудования и вызываемые этим значительные эксплоатационные расходы, а также общий недостаток оборотных средств исключают такую возможность.

Таким образом, в данном случае не емкость, как уверяет тов. Коросташевский, оказалась преувеличенной, а установленная более или менее правильно потребность нашего Союза в трамвайных моторах не может быть реализована вследствие финансовой слабости наших коммунхозов, не имеющих средств, несмотря на вопиющую нужду, закупить новые вагоны хотя бы только для замены старого, изношенного инвентаря.

Конечно, в обслуживании ГЭТом потребителей имеются еще и перебои и недочеты, но они лежат отнюдь не в организационных формах: эти недочеты являются в подавляющем большинстве случаев результатом чисто об'ективных причин.

Тов. Коросташевский не прав, когда утверждает, что электропромышленностью совершенно обойден вопрос экспорта. Еще два года назад, когда только наметилась возможность экспортировать ряд электроизделий, ГЭТом был в соответствующих организациях поставлен вопрос об экспорте и о формах работы, при которых последний имел бы успех. Кое-что уже сделано, но, к сожалению, по независящим от ГЭТа причинам, вопрос этот до сих пор не получил надлежащего своего разрешения.

Возьмем следующий чрезвычайно важный вопрос снижения себестоимости. Тов. Коросташевский сравнивает цены ГЭТа с заграничными ценами и приходит к выводу, что мы работаем в два раза дороже. Однако, простое сопоставление цен на основное сырье у нас и за границей, приводимое ниже, в значительной мере об'ясняет это положение.

	В СССР (в рублях)	В Германии [1] (при цене марки 47 к.)
Чугун (в зависимости от сорта) стоим. 1 тонны	61,76	39,42
Сортовое железо	от 145 ф-ко-Москва	65
Шинное железо	170	77
Динамо-железо	290 ф-ко Урал	143,5—160
Трансформаторное железо (ввозимое из-за границы).		
Чугунные отливки (1 тонна)	213 ф-ко Берлин	400 ф-ко Ленинград
Стальное литье (мелкое) до 15 кг	442	800
„ „ выше 50 кг	350	600

Если к этому прибавить, что выпуск на одного рабочего за границей тоже приблизительно в 2 раза больше, то вопрос о дороговизне нашей электропродукции по сравнению с заграничной становится во всяком случае уже вопросом не организационного порядка.

В поисках лучшей организационной формы работы электропромышленности некоторые работники Главэлектро выдвигают мысль об из'ятии из электропромышленности торговых и проектно-монтажных функций и создании специальной организации в виде синдиката.

Тов. Коросташевский, отвергая эту форму организации, как и ряд других, совершенно правильно указывает, что торговые сети ГЭТа и ЭТзСТ являются одновременно проектно-монтажными организациями, а отделять

[1] Вышеуказанные цены взяты из № 36 «D. I.» от 5 сентября прошл. года.

монтажные работы от торговли невозможно. Точно также трудно отделять монтажные работы от производственных.

Вопросами проектирования, монтажа и безмонтажного отпуска электроизделий как в ГЭТе, так и в Электросвязи занимаются особые управления, сосредоточивающие все свое внимание на этих вопросах.

Имеющие место недочеты в работе электропромышленности (главным образом, просрочка заказов) лежат не в плоскости неудовлетворительных организационных форм работы. Эти вопросы упираются в постоянный острый недостаток оборотных средств (которые, кстати сказать, сами по себе в результате одной только реорганизации не увеличатся), в недостаток и дороговизну сырья, перебои в импортном снабжении, испытываемые электропромышленностью, в недостаточно четком, планировании, производства и т. д.

На последнем пленуме ВСНХ Союза тов. Коросташевский указал, что в Главэлектро вопросы энергетики и электрификации подавляют вопросы электропромышленности. Такая установка в корне неправильна и не приведет к цели, так как никакая электрификация не может развиваться на базе маломощной отечественной электропромышленности.

Если это положение будет иметь место и впредь, то никаким пересаживанием, никакими изменениями организационных форм недочетов не изжить.

Безусловно, актуальными являются указанные тов. Коросташевским задачи, стоящие перед электропромышленностью на ближайший период, а именно: «Наиболее целесообразная организация производства, окончательная разработка плана и фактическое проведение в жизнь специализации заводов, переход на изготовление массового стандартного оборудования, организация новых производств с целью максимального освобождения от необходимости импортировать электроизделия, широкие лабораторно-изыскательные работы в целях замены дефицитных и дорогих материалов более дешевыми». По пути решения этих задач и идет наша электропромышленность.

Мы считаем, что те организационные формы, в которых работает в настоящее время союзная электропромышленность, являются наиболее целесообразными и на ближайший ряд лет не требующими реорганизации.

В пределах существующей структуры надо максимально развить рационализаторскую работу, главным образом, усилить количественно и качественно темп развития производственных возможностей электропромышленности. Тогда устранится разрыв между спросом и предложением на электропродукцию и тогда электропромышленность перестанет тормозить реконструкцию нашего народного хозяйства.

К. И. Козьмин

Дробное районирование[1]

Район в системе пролетарского государства

Районирование и план народного хозяйства находятся в определенной связи и составляют одно целое, ставящее своей задачей плановое развитие производительных сил на социалистической основе. И в этом смысле дробное районирование должно явиться составной частью этого целого; оно должно проходить по общему плану, увязанному в одной государственной системе построения админ.-территориальных образований снизу доверху, с сельсоветов до областей и республик. Оно должно покоиться на основах и предпосылках построения генерального плана народного хозяйства, и не только построения, но и проведения его в жизнь. В этих условиях должна быть прежде всего установлена природа самого района, не только как территориальной ячейки, локализирующейся в определенных границах, но и как производственной ячейки, занимающей определенное место в плане народного хозяйства и принимающей на себя определенные функции в проведении этого плана в системе прочих государственных образований. Именно так должен быть поставлен вопрос о районе.

В непосредственном ведении района сосредоточивается огромная часть народного хозяйства, обнимающая мелкое хозяйство, мелкого и пока разрозненного производителя: крестьянское хозяйство, кустарную промышленность, сельское коммунальное хзяйство и всю низовую огромную сеть социально-культурных учреждений и мероприятий.

Несомненно, что исследование строительства районов и сравнение их мощности на основе совокупности производственно-экономических признаков, естественно-исторических условий и перспектив развития должно бы явиться более совершенным и правильным разрешением этого вопроса. Однако, даже такое частичное исследование сейчас является очень затруднительным, поскольку еще не выявлены ни хозяйственная физиономия отдельных районов, ни их типы. Что касается методов подхода к этому вопросу в имеющихся попытках, то таковые столь различны, что почти исключают возможность обобщения и сравнения мощности районов с точки зрения их естественных богатств и хозяйственно-культурных ценностей.

Районирование, как система планирования в территориальных границах пока только-что спускается от республик и областей через округа к районам, преодолевая трудности по изучению естественно-исторических условий и экономических факторов в более дробных разрезах. Не удивительно после этого, что до сих пор в дробном районировании преобладали методы статистических расчетов, а не способы рассмотрения и оценки элементов народного хозяйства. И не удивительно, что необходимость более глубокого подхода к району временами даже оспаривается.

Северо-Кавказский край в книге «Северный Кавказ после районирования», издания 1925 г. (том I), так формулирует принципы положенных в основу строения районов: «Если при построении окружной сетки

[1] В порядке обсуждения. *Ред.*

края экономические факторы играют еще преобладающую, если не исключительную роль, а статистические моменты—площадь территории и численность населения — имеют лишь подчиненное, подсобное значение, то при разбивке округов на районы, не имеющие столь значительного удельного веса в общей хозяйственной системе края, упомянутые статистические моменты получают уже большее значение и зачастую определяют необходимость образования района. Благодаря этому, размеры районов в той части территории Северо-Кавказского края, в которой реформа районирования была проведена полностью, определяются в зависимости: от плотности населения, от характера его расселения, от наличия культурных и промышленных городских центров, от степени насыщенности района улучшенными путями сообщения и, отчасти, от этнографического национального момента».

В основу построения районов Урала была положена, главным образом, точка зрения создания финансово-мощных районов вокруг определенных центров, с сочетанием численности населения района с обширностью пространства, которое необходимо преодолевать. «Предварительная бюджетная наметка показала, что для среднего уральского района надо иметь 25 тыс. населения. С другой стороны, нежелательно загружать райисполкомы больше, чем 20 сельсоветами, или иметь в земледельческой полосе сельсоветы на расстоянии более 30 *км* от центра. Район с большим радиусом плохо охватывает периферию; неудобства большого района особенно скажутся на крестьянской бедноте. Для слабонаселенных районов все эти нормы отпадают...» Очень крупный район, как мыслит Урал, «начинает походить на уезд, теряет свое наиболее желательное свойство — быть маленьким, но крепким административно-хозяйственным органом, прилегающим почти непосредственно к населению; его удаленные сельсоветы получают сходство с волостями и развивается штат уполномоченных, с которыми и имеет дело население». [1]

В Нижне-Волжском крае учитывалось об'единение территории с возможно меньшей пестротой, с определением центров, исходя из административно-экономической и культурной значимости их, учета необходимости выделения административно-целесообразной, с точки зрения управления районом и удобств населения, территории — средний размер района 50—60 тыс. населения, конечно, с исключением для районов, расположенных вокруг крупных центров, обязательным совмещением ведомственного районирования с границами районов и учета бюджетной мощности. Далее, в труде «Нижне-Волжский край» сообщается, что 93,1% районных центров НВК совпадает с центрами важнейших торговых пунктов, а в границах самих районов имеется почти полное совмещение с границами сельскохозяйственными, за немногим исключением.

Сомневаясь в последнем утверждении НВК о возможности такого полного совмещения административных и производственных границ в условиях одного района, не следует, конечно, упускать из виду, что моменты торгово-экономического тяготения в определении границ района будут всегда превалировать над всеми попытками к совмещению его административных границ с границами сельскохозяйственными; потому такое совмещение их возможно разве только как исключение. По существу же такой задачи и не следует ставить, ибо даже и в областном районировании разрешение ее не всегда достигается. Познание всей экономики и естественно-исторических условий района важно не для того, чтобы по этим признакам целиком определять его границы, а для того, чтобы на основе этих

[1] „Районирование Урала“, 1924 г., „Урал после районирования“, 1926 г. Свердловск.

моментов была проведена оценка мощности района и перспектив развития его, чтобы таким образом избежать создания слабых или сверхмощных районов; наконец, это необходимо также и для планового регулирования и развития хозяйства района. И если сейчас от этого полного учета всех моментов, имеющих значение в строении районов, приходится иногда отказываться, то не потому, что это не важно или не нужно, а потому что это сейчас почти невозможно, за недостатком материалов по дробному районированию, соответствующе обработанных и сведенных в одну систему. В силу этого в строительстве районов и приходится пользоваться преимущественно статистическими и бюджетными показателями. При сравнении же уже образованных районов разных областей и республик, указанные признаки оказываются пока не только единственно доступными, но и может быть первыми по значению. Поэтому эти признаки и взяты здесь в основу при сравнении типов разных районов.

Значения этих признаков не следует смешивать. Необходимо различать размер района по его территории и, отчасти, по числу населения (главным образом сельского) и мощность района по размерам территориального местного бюджета. [1] Таким образом, местный бюджет здесь будет служить приближенным показателем степени развития народного хозяйства района, определяя вместе с тем наличие в нем хозяйственных ресурсов. Менее совершенным показателем степени развития хозяйства является процент городского населения.

Район, в смысле его размеров и мощности, показателями чего являются площадь, число населения и размер территориального местного бюджета, можно рассматривать как определенную функцию от ряда переменных величин (факторов) — плотности населения и дорог на единицу площади, доходности местного бюджета на душу населения и характера расселенности, определяемого числом сельского населения, приходящегося на одно сельское поселение.

Ограничиваясь таким кратким введением, перейдем к конкретному освещению затронутой нами темы.

Строение районов по республикам СССР

Рассматривая плотность населения, как один из основных факторов, определяющих размер района по пространственным признакам и числу населения, и располагая районированные республики в порядке возрастающей плотности населения, можно установить, что пространственные признаки районов дают соответствующий убывающий ряд. (См. табл. на сл. стр.).

Возрастающая плотность населения (табл. 1, гр. 2) позволяет создать район с меньшей площадью (гр. 3) и поэтому площадь района от 15.846 *кв. км.* Туркменской ССР уменьшается до 723 *кв. км* площади района УССР.

Казалось бы, что с возрастанием плотности населения должно расти и число населения района (гр. 5). Однако, на самом деле, этот рост имеется только от района Туркменской ССР (28,8 тыс. чел.) к району РСФСР (44,7 тыс. чел.); далее же число населения района уже спадает: БССР — 42 тыс. и УССР — 40,7 тыс. чел. Это об'ясняется тем, что площади районов последних двух республик, как видно из таблицы, уменьшаются довольно резкими скачками. Если принять за оптимальный отправной размер района РСФСР, то для доведения средней численности населения в рай-

[1] Под „территориальным“ местным бюджетом мы понимаем сумму доходов, получаемую с данной территории.

Таблица 1

Название республик	Плотность сельского населения на 1 *кв. км*	Пространственные признаки района: Площадь района (в *кв. км*)	Пространственные признаки района: Геометр. радиус района в *км* [1]	Среднее число сельск. насел. в районе по переписи 1926 г. в тыс.	Число районов
1	2	3	4	5	6
Турк. ССР	1,8 [2]	15.845	71,0	28,8	31
РСФСР (6 областей [3] без автон. республ, автон. областей и 4 округов. слабо обжитых) . . .	21,0	2.132	26,1	44,7	814
БССР	34,7	1.209	19,6	42,0	104
УССР	56,1	723	15,2	40,6	625

онах БССР и УССР до этих размеров оказалось бы необходимым устанавливать районы первой площадью в 1.288 *кв. км*, а районы второй — в 797 *кв. км*, при чем общее число районов должно было быть в БССР 97, а в УССР — 567. Эти расчеты приведены только для того, чтобы показать каковы размеры отставания районов БССР и УССР от районов РСФСР.

Геометрический радиус площади района (гр. 4) дает представление об удаленности окраин района от его административного центра. В действительности даже приближенное совпадение административного центра района с его геометрическим центром является исключением. Тем не менее, прибегая к помощи этог радиуса, мы получаем все-таки наилучший, можно сказать, единственный способ определения удаленности периферии района от его центра. Оказывается, что в этом отношении районы УССР с радиусом в 15,2 *км* должны иметь наиболее близкие к населению центры.

Местный бюджет Украины — 10 р. 59 к. на душу населения — значительно мощнее местного бюджета районированных областей РСФСР — 9 р. 70 к. на душу населения (табл. 2, гр. 2) и в этом обстоятельстве можно найти одно из об'яснений — почему по населению районы УССР отстают от районов РСФСР. Потому, что более мощный местный бюджет позволяет создать мощный район при меньшем числе населения. И действительно, по графе 3 этой таблицы видно, что территориальные местные бюджеты районов РСФСР и УССР почти одинаковые: первые — 433 тыс. руб. и вторые — 430 тыс. руб. Если иметь в виду, что здесь взято сравнение не по размерам реального местного бюджета, а по всей сумме доходов его, получаемой с территории районов, что является, как уже условно принято, приближенным показателем степени развития народного хозяйства

[1] Производная величина от площади района, понимаемой, как площадь круга — $C = \pi R^2$, откуда $R = \sqrt{\frac{C}{\pi}}$.

[2] В виду того, что в изданных трудах ЦСУ СССР о результатах разработки данных всеобщей переписи не учтены последовавшие потом некоторые адм.-территориальн. изменения, пришлось все данные о площадях и числе населения как по всем республикам, так и по областям РСФСР взять из предварительных итогов всеобщей переписи по справочнику „Территориальное и административное деление Союза ССР", НКВД, Москва, 1928 г., где эти изменения учтены.

[3] Ленинградск., СКК, Урал, ЦЧО, СрВО и НВК.

Таблица 2

Местный бюджет и плотность дорог

Название республик	Приходится из всего об'ема доходов местного бюджета—нетто за 1927/28 г. с госпособиями: На душу населения в руб. и коп.	Приходится из всего об'ема доходов местного бюджета—нетто за 1927/28 г. с госпособиями: На район в тыс. руб.	Дорог в километрах на 100 *кв. км* площади: Рельсовых	Дорог в километрах на 100 *кв. км* площади: Гужевых (госуд.)	Дорог в километрах на 100 *кв. км* площади: Всего
1	2	3	4	5	6
РСФСР (по тем же областям, но в полном составе) . .	9—70 [1]	433,6	0,77	0,36	1,02 [3]
БССР	8—22	345,2 [2]	2,05	1,74	3,97 [4]
УССР	10—59	430,0 [2]	3,80	1,39	5,19 [5]

районов, можно констатировать, что совокупность хозяйственных ресурсов территориально более крупного района РСФСР равна такой же совокупности хозяйственных ресурсов территориально более слабого района УССР.

Более слабый местный бюджет заставляет строить более крупный территориально и по населению район. И в этом смысле значение местного бюджета здесь оказалось так велико, что и более высокая плотность дорог УССР (гр. 6), и более крупные селения ее (табл. 3, гр. 2), позволяющие строить более крупный район, были игнорированы. И только этим следует об'яснить решение по этому вопросу III Сессии ВУЦИК, установившей 15 октября 1922 г. размер района в 25—40 тыс. человек.

Таблица 3

Характер расселенности сельского населения

Название республик	На один сельский населенный пункт приходится сельского населения	Процент селений имеющих: от 1.000 до 5.000 душ	Процент селений имеющих: свыше 5.000 душ
1	2	3	4
РСФСР (6 район. областей)	323	5,1	0,3
БССР.	115	0,8	—
УССР.	460	11 9	0,8

БССР из этих республик имеет самый слабый местный бюджет при далеко не малой плотности ее населения; это характерные показатели, определяющие более крупный район. Между прочим, районы БССР, с 42,0 тыс. населения, при плотности населения в 34,7 чел. при сравнении их с рай-

[1] По данным „Местные бюджеты РСФСР на 1927/28 б. г.", НКФ РСФСР, 1928 г.

[2] По данным журнала „Вестник Финансов" за 1928 г.

[3] Из статьи Н. М. Тоцкого в „План. Хоз." за январь 1928 г.

[4] Б. Д. Архангельский, „Укрупненная БССР". Минск, 1927 г.

[5] „Календар-довідник на 1926 рік районового статистика и кореспондента". Харків 1926 рік.

онами РСФСР и УССР нельзя назвать крупными. Однако, в условиях БССР, т.-е. при дробности ее селений и в силу природных условиях Белоруссии с ее лесными массивами и значительными заболоченными пространствами, они все же являются крупными. Если в 6 районированных областях РСФСР на один сельский населенный пункт приходится 323 чел., а в УССР еще больше—460, то в БССР приходится только 115 чел. Все это, разумеется, затрудняет строительство крупных районов.

Таким образом, уже на опыте организации районов по республикам приходится убедиться, что плотность населения, доходность местного бюджета, обеспеченность дорогами, размеры деревни, а кроме того, и природные условия — оказываются факторами большого значения при определении того или иного размера района и что эти факторы при организации районов были республиками учтены.

Строение районов РСФСР

В строении районов РСФСР несомненно сказывается определенная закономерность и почти все исключения из этой закономерности имеют безусловно свое оправдание.

Для подтверждения высказанного положения приведем следующую таблицу. (См. табл. на сл. стр.).

Уже при поверхностном ознакомлении с этой таблицей можно видеть, что показатели размеров районов (гр. 4 и 6), несмотря на ряд исключений, строятся соответственно показателям плотности населения (гр. 2) и дорог (гр. 3).

Исключая из рассмотрения Карельскую АССР, районы которой чрезмерно малы, в перечне остальных можно заметить, что в ряду убывающих площадей районов из определенной закономерности исключение составляют Нижне-Волжский край, АССР немцев Поволжья и Северо-Кавказский край. В ряду возрастающей численности населения районов исключением будут: Уральская область, Ленинградская область, АССР немцев Поволжья и Чувашская АССР. Из всех этих исключений — более существенным на данной стадии рассмотрения вопроса надлежит признать несоответствие между районами Уральской области и Ленинградской, с одной стороны, и НКВ—с другой, что легко можно обнаружить в следующей группировке областей:

	I группа	II группа	III группа
Плотность населения	0,8— 3,4	10,0—18,7	24,3—54,3
Число населения в районе . .	18,7—30,3	29,1—49,9	50,1—58,5

Обнаруживаем, что наибольшие колебания показателя численности населения разных районов приходятся на II группу областей. Если в I группе разница в числе населения разных районов составила 11,6 тыс. чел., с ростом от минимума к максимуму в 61%, и в III группе районов разница составила еще меньше — 8,4 тыс. чел., с ростом от минимума к максимуму в 17%, то во II группе районов разница уже составляет 20,8 тыс. человек, с ростом от минимума к максимуму в 69%. В этой группе на разных полюсах оказываются Уральская область и НВК, при чем первая дала в этой группе минимум числа населения в районе—29,1 тыс. чел. при плотности 10,0 чел. на *кв. км*, а НВК — максимум — 49,9 тыс. чел. при плотности 16,3 чел. на *кв. км*. Разница в числе населения районов до некоторой степени не совсем соответствует разнице в плотности населения. На первый взгляд отсюда напрашивается тот вывод, что или районы НВК велики.

Таблица 4

Название областей	Плотность		Показатели размеров районов РСФСР			Число районов
	Сельского населения на *кв. км*	Дорог на 100 *кв. км* площади (рельсовых и гуж. в *км*)	Пространств. признаки среднего района		Среднее число сельского население района по переписи 1926 г. в тысячах	
			Площ. района в *кв. км*	Геометр. радиус района в *км*		
1	2	3	4	5	6	7
I группа						
Дальне-Вост. край	0,78	0,26	24.085	87,6	18,8	77
Карельская АССР	1,6	—	5.627	42,3	9,0	26
Сибирский край без Красноярского округа	3,3	0,22	9.051	53,7	30,2	245
II группа						
Уральская область без Тобольского округа	10,0	0,41	2.913	30,3	29,1	199
Крымская АССР	15,0	4,50	2.578	28,6	40,8	10
Нижне-Волжский край без автономий	16,3	1,20	3.064	31,2	49,9	76
Ленинградская обл. без Мурманского округа	18,6	1,98	1.720	23,4	32,1	134
АССР Немцев поволжья	18,7	—	1.939	24,9	36,6	14
III группа						
Северо-Кавказск. край без автономий	24,3	1,92	2.195	26,4	53,5	111
Средне-Волжская область	26,5	1,30	1.999	25,0	53,0	116
Чувашская АССР	46,3	—	1.083	18,6	50,1	17
Центрально-Черноземная область . .	54,3	2,73	1.076	18,5	58,5	178

или районы Урала малы. Но ведь помимо плотности населения, более слабой на Урале, приходится учитывать и в три раза меньшую обеспеченность дорогами, чем в НВК, а в дальнейшем рассмотрении на стороне обеих областей окажутся новые факторы, оправдывающие эту несоразмерность.

Следует отметить, что по некоторому несоответствию размеров районов с НВК рядом с Уральской областью стоит и Ленинградская. Последняя имеет плотность населения даже большую, чем НВК и лучшую обеспеченность дорогами и все-таки районы резко различны: площадь района Ленинградской области — 1.720, а НВК — 3.064 *кв. км*, число населения районов первой области — 32,1 тыс. чел., а второй — 49,9 тыс. чел. Об'яснение этого можно будет найти в дальнейшем изложении.

Наиболее короткий радиус района (гр. 5) оказывается в группе III при чем ЦЧО и Чувашская АССР дают наиболее короткий радиус — около 19 километров. Во II группе радиус района не превышает 30 км, за исключением районов НВК, радиус которых даже длиннее, чем в Уральской области. Высокая плотность насления ЦЧО и Чувашской АССР позволила им построить районы с меньшей территорией, а отсюда и наименьший радиус.

Другой по степени важности фактор, имеющий большое значение в определении размеров района, будет местный бюджет.

Иллюстрацией этого фактора может служить нижеследующая таблица:

Таблица 5

Название областей	Приходится доходов местн.[1] бюджета-нетто на 1927/28 г.			Средний объем реальн местн. район. бюдж. за тот же год в тыс. руб. вместе с сел. бюджет.	Число сельского населения в районе
	На район без госпособий (в тыс. руб.)	На душу населения (в руб. и коп.)	В том числе госпособ. (в руб. и коп.)		
1	2	3	4	5	6
Крымская АССР	869,0	22—23	0—93	508,0	40,8
Сев.-Кав. край	708,3	13—24	0—00	251,6	53,5
Нижне-Волжский край	504,5	11—04	0—93	—[2]	49,9
Средне-Волжск. область	377,9	7—84	0—71	—[2]	53,0
АССР Немцев Поволжья	374,1	11—40	1—18	237,0	36,6
ЦЧО	358,1	7—23	1—11	—[2]	58,5
Ленинградск. область	310,7	9—90	0—22	159,0	32,1
Уральская область	275,9	10—12	0—64	148,3	29,1
Дальне-Восточный край	272,8	15—34	0—75	120,0	18,7
Чувашская АССР	226,5	7—92	3—40	300,0	50,1
Сибирский край	216,3	7—94	0—80	113,0	30,3

Падающий на каждый район размер местного бюджета (гр. 2) показывает сравнительный вес каждого района. Действительным же показателем мощности самого местного бюджета является доходность его на душу населения (гр. 3). Для определения, как это обстоятельство учитывалось областями в построении районов, следует для наглядности изменить строение рядов этой таблицы, расположив на первом месте число населения районов в убывающем значении и на втором — доходность местного бюджета с госпособиями.

[1] По данным „Местный бюджет РСФСР за 1927/28 г.“ НКФ РСФСР, Москва, 1928 г.
[2] Районов в 1927/28 г. еще не было.

I группа	Население районов	Местный бюджет	II группа	Население районов	Местный бюджет
ЦЧО	58,5	7—23	Крым. АССР	40,8	22—23
СКК	53,5	13—24	АССР НП	36,6	11—40
СВО	53,0	7—84	Ленинградск. обл.	32,1	9—90
Чувашск. АССР	50,1	7—92	Сиб. край	30,3	7—94
НВК	49,9	11—04	Уральская обл.	29,1	10—12
			Д.-В. край	18,7	15—34

Как видим, все области с доходностью местного бюджета на душу населения ниже 8 руб., кроме одной (Сибкрай) оказывается в I группе, с наибольшим числом жителей в районе (около 50 тыс. чел. и выше). Далее, из 7 областей с более лучшим местным бюджетом, с доходностью его выше 8 руб. — все оказываются во второй группе, с меньшим числом населения в районах, кроме СКК и НВК, с доходностью местного бюджета в первом — 13 р. 24 к. и во втором — 11 р. 04 к.

В табл. 6 в качестве факторов, влияющих на размер района, приведены данные о характере расселенности, при чем области расположены в порядке убывающего размера среднего селения.

Таблица 6

Название областей	Строение населенн. пунктов[1]			Средн. число сельск. насел. в районе
	Приходится насел. на 1 населенный пункт	% селений		
		от 1.000 до 5.000 душ	свыше 5.000 душ	
1	2	3	4	5
I группа:				
АССР Немцев Поволжья	874	22,4	1,0	36,6
Ср.-Волжск. обл.	567	13,8	0,1	53,0
Нижне-Волжск. край без автоном.	484	9,7	0,5	49,9
Сев.-Кав. край без автоном.	463	6,0	1,9	53,5
Чувашская АССР	447	5,8	—	50,1
ЦЧО	418	9,7	0,6	58,5
II группа:				
Сибирский край без Красноярского окр.	383	5,4	0,1	30,3
Дальне-Вост. край	310	3,4	—	18,7
Уральск. обл. без Тобольского окр.	234	5,0	0,2	29,1
Крымская АССР	153	1,9	—	40,8
Ленинградская обл.	137	0,1	—	32,1

В этом ряду оказывается определенная зависимость размера района (гр. 5) от характера расселенности (гр. 2). На первую группу областей, с более крупными селениями (в среднем от 418 до 874 чел. на селение), приходятся самые крупные районы — от 36,6 тыс. до 58,5 тыс. чел. На вторую группу областей, с более мелкими селениями — от 137 до 383 человек на селение приходятся районы, с числом населения меньшим от 18,7 тыс. до 32,1 тыс. чел., если не принимать во внимание Крымскую АССР, представляющую в этом ряду исключение. Во второй группе Сибирский край по величине своей деревни стоит на первом месте в этом ряду и размер его района, учитывая слабую плотность населения, соответственно не мал — 30,3 тыс. человек.

Ленинградская деревня оказывается на последнем месте — это самая дробная, самая мелкая деревня и в этих условиях выясняется, отчасти,

[1] По данным ЦСУ СССР.

почему районы Ленинградской области так отстали от районов НВК, о чем говорилось раньше: Ленинградская деревня в 3½ раза мельче деревни НВК. При таком строении своей деревни, Ленинградской области было трудно создать такой же район, как НВК. Это же обстоятельство, конечно, играло роль в определении того или иного размера района и в Уральской области: Уральская деревня более чем в два раза мельче деревни НВК.

Сравнительная оценка размеров и мощности районов

Рассматривая таким образом мощность районов разных областей, как определенную функцию от ряда переменных величин (факторов), относя к показателям этой мощности района: 1) его площадь, 2) число сельского населения в нем, и 3) размер местного бюджета, приходящегося на район из всего областного по числу населения, и, беря в качестве переменных величин (факторов), определяющих эту мощность: 1) плотность населения на единицу площади области, 2) плотность дорог — также на единицу площади области, 3) размер местного бюджета на душу населения и 4) число сельского населения, приходящегося на один населенный пункт, как показатель характера расселенности, принимая как первые (функции), так и вторые (переменные величины) показатели по Уральской области за 100%, мы можем проследить сравнительную мощность отдельных районов и зависимость ее от совокупности разных факторов.

Таблица 7

Названия областей	Функции (мощность района)			Переменн. велич. (факторы)			
	Площадь	Число населения	Террит. местн. бюджет.	Плотн. населения	Плотн. дорог	Мощн. местн. бюдж.	Характер расселения
1	2	3	4	5	6	7	8
Уральская обл.	100	100	100	100	100	100	100
Ленинградск. обл. . .	59	110	113	186	483	98	59
НВК	105	171	183	163	293	109	207
СВО	69	182	173	265	317	77	242
СКК	75	184	257	243	468	131	198
ЦЧО	37	201	130	543	666	71	179

Говоря о мощности района (гр. 2, 3 и 4), довольно хорошо заметно, что только по пространственным признакам районы Уральской области крупнее прочих, а по двум остальным признакам они — самые слабые. Районы Ленинградской области немногим сильнее районов Уральской области, а если принять во внимание соотношение их площадей (районы Ленинградской области составляют 59% от районов Уральской области), то окажется, что собственно никаких преимуществ у них нет. Районы НВК составляют по отношению районов Уральской области по площади 105%, т.-е. почти равновелики, по населению 171% и по бюджету 183%, т.-е. по последним двум показателям они сильнее больше, чем в полтора раза. Прочие районы Сев.-Вост. области, Сев-Кавказск. края и ЦЧО, уступая по площади районам Уральской области, по числу населения и местному бюджету они значительно их превышают, уравниваясь до некоторой степени с районами НВК.

Судя по размерам территориального местного бюджета, как по сводному универсальному показателю мощности района, можно сказать, что в сравнении с другими районами районы СКК оказываются самыми мощными: они составляют 257% по отношению к районам Уральской области; на втором месте следуют районы НВК — 183%, на третьем — СВО — 173%, на четвертом ЦЧО — 130%, на пятом — Ленинградской области — 113% и на последнем месте районы Уральской области — 100%.

Показатели переменных величин-факторов (гр. 5—8), влиявших на размеры района, дают наглядную картину степени этого воздействия, степени значения каждого фактора или совокупности их в определении мощности района. И вот оказывается, что районы Уральской и Ленинградской областей потому слабее всех прочих, что и по плотности населения, и по плотности дорог, кроме Ленинградского района, и по характеру расселенности (самая мелкая деревня) эти области уступают всем прочим, и только по доходности местного бюджета они оказываются занимающими среднее место. Но, собственно говоря, и этого было достаточно, чтобы со стороны последнего не было необходимых стимулов к созданию более крупного района (правда, эти стимулы могли и быть, но они парализовались первыми тремя факторами). Следующие четыре области и по плотности населения, и по плотности дорог, и по характеру расселенности (крупные деревни) имели огромные преимущества перед первыми областями и потому они имели все предпосылки к созданию более крупных районов, а СВО и ЦЧО к тому же имели побудительные причины и со стороны слабого местного бюджета.

При рассмотрении вопроса о строительстве районов по разным областям приходится отметить, что на одной стороне лежат районы Уральской и Ленинградской областей, а на другой — районы НВК, СВО, СКК и ЦЧО. Районы первой группы областей отличаются от районов второй группы их потому, что естественно-исторические условия и народное хозяйство этих групп областей различны. Первая группа областей лежит в северной лесной зоне, определяющей и более сложное народное хозяйство, развитие промышленности и промысловости, интенсивное земледелие, меньшую плотность населения и характер дробного расселения. Вторая группа областей лежит в южной, степной зоне, безлесной, преобладающего сельского хозяйства, зернового экстенсивного хозяйства, перенаселенности и избыточности сельского труда, с многолюдными селами. Поэтому тип района северной лесной зоны и оказался совершенно иной; по тем же причинам и перспективы развития и построение планов народного хозяйства районов северной зоны должны быть совершенно другие, чем районов южной зоны.

Говоря о перспективах развития районов, следовало бы остановиться на условиях построения районов Уральской области.

Показатели мощности района по числу населения в нем и по размерам местного бюджета, приходящегося на район, есть до некоторой степени статические показатели (показатели состояния этой мощности в данный момент); они ставят район Уральской области в числе других рассматриваемых здесь на последнее место; показатели мощности по площади есть грубые динамические показатели, т. е. показатели потенциальных возможностей района к развитию. Эти последние показатели ставят район Уральской области, наоборот, почти на первое место. Конечно, территория может быть и пустыней, с отсутствием всяких возможностей к развитию хозяйства, и поэтому не всегда относительные размеры территории могут быть показателями хороших перспектив. Вместе с этим надлежит учитывать естественные богатства и условия данной территории, позволяющие использовывать эти богатства. Уральская область по богатству и ценности своих ископаемых, по наличию других естественных богатств и по наличию возможностей к их использованию — стоит на одном из первых мест в числе других областей и республик Союза. Поэтому призывая районы Уральской области на основании ряда показателей, в данное время самыми слабыми, нужно в

то же время признать, учитывая естественные богатства области, что эти районы будут развиваться, вероятно, быстрее прочих. Динамика хозяйства районов Уральской области и самой области, в сравнении с динамикой хозяйства других районов и областей могла бы показать, как в действительности оправдываются изложенные предположения.

Говоря о возможности суб'ективного подхода на местах к строению определенного размера района, нельзя не отметить, что если он и имел в некоторых случаях место, то значение его так или иначе было ничтожно, ибо в строении разного типа районов по разным областям, собственно, не оказалось ни одного выделяющегося теми или иными размерами, которые не оправдывались бы наличием тех или иных факторов, определяющих этот размер. И такой задачи, собственно, и не ставилось. Имелось в виду раскрыть те об'ективные причины, которые действовали на создание определенного размера районов. Эти причины, конечно, не были полностью исчерпаны. Здесь не было более полного анализа элементов народного хозяйства, а природные условия, в смысле значения их в строительстве районов, были взяты частично. Цельное и более полное подытожение вопроса о строительстве районов еще ждет своего исследователя.

Дробное районирование новых областей

Несомненно, что взоры всех работников, занимающихся сейчас дробным районированием, обращены на оформившиеся области и в настоящее время проводится соответствующая оценка правильности создания тех или иных районов, проводится отбор типовых районов, устанавливается ставка на район определенных размеров. Поэтому в этих условиях все изложенное должно иметь некоторое путеводное значение в этом вопросе.

Не отрицая необходимости создания безусловно мощного района, все-таки нужно учитывать те факторы, которые в одних областях будут ставить определенный предел этой мощности и не позволят создать более крупного района, а в других, наоборот, потребуют создания такового.

Опыт строительства районов позволяет заключить, что в организации крупных районов в оформившихся в прошлом году областях нельзя видеть какое-либо «новое откровение» в создании особо мощных районов. Это — те нормальные размеры районов, которые отвечают условиям степной зоны. А все новые области, подлежащие оформлению в текущем 1929 году, лежат в лесной зоне, в которой расположены и Уральская и Ленинградская области. Но это, конечно, не значит, что районы новых областей должны целиком ориентироваться на размеры районов Уральской и Ленинградской областей. И если характер расселенности новых областей почти совершенно одинаков с указанными двумя областями, то зато плотность населения в них выше: она колеблется от 24,3 чел. сельского населения в Нижегородской области до 45,0 чел. в ЦПО, если не считать Северного края.

Повышенная плотность населения говорит за более крупный район по числу населения. Но в областях с мощным местным бюджетом необходимо учитывать сравнительно высокое развитие народного хозяйства, которое позволяет создать мощный район при меньших территориальных размерах. ЦПО и Иваново-Вознесенская области имеют наибольшую доходность местного бюджета на душу населения — 18 р. 86 коп. и 16 р. 57 коп. бюджета — нетто за 1927/28 г. По доходности местного бюджета эти области не имеют себе равных в составе оформившихся областей; из последних наибольшую доходность местного бюджета имеют только СКК — 13 р. 24 коп.

Учитывая все это, можно с достаточным основанием предполагать, что в общем районы в новых областях, кроме Северного края, должны быть крупнее районов Уральской и Ленинградской областей, но меньше районов

степной зоны. В среднем они должны иметь около 45 тыс. сельского населения, с колебаниями по отдельным губерниям.

Наибольшую пестроту в строении районов нужно ожидать в ЦПО; в ней должны оказаться наибольшие трудности в проведении правильного дробного районирования. В этой области на одном полюсе оказывается Московская промышленная губерния, с высоко развитым народным хозяйством, и на другом полюсе Рязанская губерния — аграрно-переселенная, крестьянская, с отставшим сельским хозяйством, которое тянет ее южную половину в ЦЧО. Несмотря на то, что ЦПО, конечно, придется учитывать в строении районов и то перераспределение доходных источников, которое последует внутри областей в результате районирования, районы Рязанской губернии все же должны быть построены с числом населения, несколько превышающим 45 тыс. жителей.

В Иваново-Вознесенской области значительных колебаний в размерах районов, группирующихся у более развитого центра области, в сравнении с расположенными на периферии, едва ли будет иметь место, так как несмотря на такое же хозяйственное отставание этой периферии, которое требует создания в ней более крупных районов, здесь окажется необходимым считаться с другим фактором — особой дробностью селений этой области, которая не позволит создать крупных районов.

Таким образом в ЦПО и Ив.-Вознесен. областях дробное районирование будет наиболее осложненным.

Заканчивая рассмотрение вопроса о дробном районировании и перенося опыт его на последний и наиболее ответственный участок предстоящего районирования центра РСФСР, нельзя не отметить всей сложности и важности этих работ, имеющих целью создать основные предпосылки к планированию хозяйством в дробных разрезах.

Значение района, как основного на периферии области звена, колоссально. Его организующее и руководящее влияние в гигантском творчестве рабоче-крестьянских масс, напор его инициативы в развитии производительных сил — будут в значительной степени зависеть от того, на сколько правильной будет его организация. Все это должно заставить с особой осторожностью подходить к проектировке последних районов на территории РСФСР.

Здесь рассмотрена только некоторая и может быть небольшая часть тех условий, которые имеют значение в дробном районировании. Но в предстоящей сложной и ответственной работе должны быть с особой тщательностью взвешены не только плотность населения, дорог, местный бюджет, характер расселенности, рассмотрение которых было возможно здесь, но и целый ряд других признаков, могущих иметь несомненное значение в формировании района, а именно: развитие промышленности и промысловости, характер сельского хозяйства, уровень его интенсивности, отхожие промыслы, наконец, естественно-исторические условия и перспективы развития и дальнейшее членение самих районов, т.-е. сеть сельсоветов.

Вместе с этим, избегая построения слабых районов, которые бы оказались без перспектив развития, и, избегая построения сверхмощных, которые «давили» бы прочие районы, необходимо, так сказать, выдерживать определенный тип, но так, чтобы не оказалось искусственно созданных районов, не связанных единством экономического тяготения.

Все это нужно предусмотрительно учесть и продумать с тем, чтобы организация последних областей, округов и районов могла быть последней на этом этапе социалистического строительства крупной ломкой административно-территориальных границ. Новые районы должны войти стройной системой в организацию их по республике.

П. Плеханов

Колхозное строительство и его перспективы в Туркмении

Не станем повторять общих мест о задачах коллективизации аула и необходимости всемерного развития работ в этой области. Теперь все это уже вошло в кооперативную азбуку. Отметим лишь наши особенности как содействующие, так и задерживающие рост колхозного движения.

Несомненно, что самым больным местом в колхозном движении Туркмении является организационный вопрос. Кадры из коренного населения еще не образовались, культурных сил в ауле — ничтожное количество. Аул почти обнажен. На наших глазах едва не произошла реставрация в земельно-водных отношениях, установленных земводреформой. И не без труда ликвидировано это очередное наступление эксплоататорской верхушки аула. Такие вещи происходили в Ашхабадском и Мервском округах, так сказать, старожильческих, наиболее советизированных; вблизи республиканского центра! В районах же по р. Аму-Дарье почти полностью сохранились родовые начала, значительно еще влияние эмировского чиновничества, мулл и баев. Слишком слаба культурная прослойка. Не только местных кадров, но и пришлого культурного элемента до смешного мало.

На самом деле в 1927/28 г. насчитывалось едва 7 агрономов-инструкторов в Колхозцентре, да и те в основном были заняты «по письменной части». Вся работа по коллективизации ложилась на плечи агрономов-общественников. Между тем, они до отказа загружены и показательными участками и заданиями от Хлопкома по сортоиспытанию, а также обычной общественно-агрономической работой.

Правда, теперь институт агрономов-колхозников сильно увеличивается, но все это — молодежь, не знающая достаточно хорошо местных, иногда очень сложных особенностей, не знающая языка, а с переводчиком, как известно, в таком тонком деле, как организация живого труда в колхозах, многого не сделаешь.

Успешно существовать колхоз может только на базе механизации сел.-хоз. производства; только укрупненное механизированное производство освободит дехканина от рабской зависимости от живой тяговой силы. Это совершенно ясно для организаторов колхозов, но далеко неясно для непосредственных участников — для дехкан. При 5.000 плугов и 1.000 сеялок на 160.000 земледельческих хозяйств ТССР — надо еще пропагандировать европейский инвентарь, надо доказать его полную, несомненную рентабельность. При страшной бедности дехканства (по бюджетам сел.-хоз. инвентарь оценивается меньше чем в 15 руб. на хозяйство), трудно расстаться с дешевым омачем — выбросить его даром, заменив плугом, стоящим в 4 раза дороже!

Украинский или русский крестьянин давно пригляделись и к плугу, и к сеялке, и к жатке; польза от их применения для них несомненна. И если единоличнику русскому или украинцу не под силу иметь машину, то они

сами об'единятся в машинное товарищество для совместного использования сложной и дорогой машины. Крестьяне понимают, что от введения машин у них освобождаются рабочие руки, которые могут быть использованы на кустарные или отхожие промысла или на фабрике. Ничего подобного нет в Туркмении.

Поле для применения излишней рабочей силы в ТССР крайне ограничено; промышленность находится еще в зачаточном состоянии, а сел.-хоз. индустрии и вовсе нет; развитию кустарных промыслов также положен предел, так как для государства невыгодно, если основное сырье — хлопок, шерсть, шелк будут перерабатываться кустарным способом с недовыходом продукции.

В отношении же использования на стороне, особенно избыточного в ТССР женского труда следует отметить, что пока бытовые условия крепко держат женщину в ауле, в кибитке мужа. Отход женщин для работы на сторону — явление невиданное, и, вероятно, потребуется еще довольно продолжительное время для преодоления прадедовских обычаев.

Вместе с тем, развитие сел.-хоз. индустрии и поглощение его избыточного труда будет сравнительно невелико.

Реальные выгоды освобождения рабочих рук при вступлении в колхоз дехканина не понятны еще при данном уровне развития. Сейчас он загружает членов семьи каторжной работой в поле, на арыках (для их очистки) или на чигирях и других водопод'емных сооружениях, и не видит особой надобности в уменьшении этой трудовой нагрузки.

Но и теперь, когда все делается руками и сохою-матушкою, все же дехканство располагает излишком рабочей силы.

Вот какие цифры дает нам обследование ЦСУ:

Таблица 1

Группы хоз. по стоим. сред. производ.	Без средств производства	Со стоимостью до 100 р.	Со стоимостью от 101 до 200 р.	Со стоимостью от 201 до 400 р.	Со стоимостью от 401 до 800 р.	Со стоим. от 801 до 1.600 р.	Со стоимостью свыше 1.600 р.
Число хозяйств	5.215	23.614	26.879	47.016	37.548	13.347	5.481
То же в процентах	3,3	14,8	16,9	29,5	23,6	8,4	3,5
На одно хоз. рабдней в год — отчуждение	76,0	41,0	24,5	17,0	14,3	13,0	13,5
На одно хоз. рабдней в год — наем	3,6	2,9	4,7	9,22	20,2	55,4	154,0
Земли на 1 хоз. га	1,16	1,28	1,48	1,91	2,54	3,20	3,60
Число хоз. без рабскота в год		32.000					
Хоз. с 1 гол. рабскота в год			15.000				

Из таблицы видно, что только три высшие группы имеют по найму рабсилы положительное сальдо: для V группы 5,9 дней в году, для VI — 42,4 дня и для VII — 140,5 дней на одно хозяйство.

Все вместе эти три группы нанимают 1.558 тыс. человеко-дней или 5.540 годовых рабочих; отчуждение же рабочей силы в первых четырех группах составляет 2.043 тыс. человеко-дней или 7.300 годовых рабочих. Отсюда получаем, что за пределы аула в настоящее время уходит незначительное число работников. Приведенные цифры, конечно, не могут претендовать на точность, но они достаточны для характеристики использования рабсилы внутри аула. Эти подсчеты были проверены нами другим методом, при исчислении общего баланса труда в сельском хозяйстве, и результаты оказались весьма близкими к данным ЦСУ.

В ближайшее время в ТССР предстоят и землеустроительные работы с поравнением земельных норм, и проведение земельно-водной реформы, в результате чего должно произойти ослабление верхушечной части аула. После этого, естественно, спрос на рабсилу уменьшится и низшие группы, получив приращение своих наделов как за счет земреформы, так и нового ирригационного строительства, уменьшат отчуждение рабсилы. В среднем отчуждение и наем примерно сбалансируются. Отсюда мы и делаем вывод, что колхозы, как средство более полного использования, имеющегося запаса рабсилы, не смогут привлечь дехканство.

Иное дело со средствами производства, особенно с рабочим скотом. Та же таблица показывает нам крайне недостаточное обеспечение инвентарем и скотом первых трех групп (55.700 хоз.). Среди них насчитывается 32.000 безлошадных хозяйств (57,5%) и до 10.000, имеющих по 1 гол. рабскота. Тяговая сила в Туркмении, по преимуществу, представлена волом, при чем обычная запряжка — парная. Таким образом, 32.000 безрабскотных хозяйств и 10.000 с одной головою не могут самостоятельно обрабатывать своих наделов и вынуждены прибегать к найму скота. Создается зависимость таких хозяйств от зажиточных, т.-е. возникает эксплоатация. Но даже и те маломощные хозяйства, которые имеют хотя бы и полную запряжку, но недостаточный надел — ниже 2,5 *га*, — с трудом прокармливают свой рабочий скот, так как при большом хлопковом клине кормовых ресурсов в редких случаях хватает, а покупные корма обходятся слишком дорого.

Всего в группе беднейшего дехканства мы насчитываем не менее 42.000 хозяйств, которые и составляют естественный контингент для будущих колхозов.

Если подсчитать условно-чистую доходность таких маломощных хозяйств, то окажется, что в среднем она не превышает 180 руб. на хозяйство, или около 10 коп. в день на едока, т.-е. далеко ниже прожиточного минимума.

Увеличить доходность можно только уменьшением производственных расходов и повышением урожайности. Добиться же этого в условиях мелкого индивидуального хозяйства невозможно и только коллективизация, при которой трактор, сеялка с культиватором и прочий европейский сел.-хоз. инвентарь смогут появиться на дехканских полях, в состоянии изменить положение.

По общесоюзному опыту считается доказанным, что только укрупненный, механизированный колхоз даст для его членов все преимущества перед индивидуальным мелким хозяйством. Это положение сохраняет свою силу и для Туркмении. Но если и недопустим шаблон в определении размеров такого хозяйства, то все же какая-то «придержка» должна существовать.

Решающим моментом здесь является полная нагрузка машин, обслуживающих коллективное хозяйство, полное использование живой и механической тяговой силы колхоза. Вместе с тем, надо обеспечить и бесперебойное действие машин, главным образом, трактора, являющегося основным источником механической энергии в сельском хозяйстве.

Обслуживание тракторов, разбросанных по одному на колхоз, затруднительно и обходится дорого, ложась подчас прямо непомерным расходом на хозяйство колхоза, да и производство ремонта на месте возможно лишь при наличии надлежаще оборудованной мастерской. Содержание же последней может окупиться при наличии целой группы (15—30 штук) тракторов в одном пункте.

При годовой нагрузке трактора в 120 *га* пахоты, площадь для коллективных хозяйств определяется минимум в 1.800 *га*. Нужно иметь в виду, что землеобеспеченность в Туркмении настолько низка, что придется охватить почти полрайона для организации крупного колхоза площадью в 1.800 *га*.

К числу технических затруднений в деле колхозстроительства надо отнести наличие подворно-хуторского землепользования в трех приамударьинских округах. Там усадьба зачастую представляет тип крепостного сооружения со стенами в метр — полтора толщиной, при высоте в 6 и более метров. При отводе колхозу земли сплошным участком наличие подобных усадеб является большим тормозом.

Нельзя также забывать и о том, что в ТССР поливное хозяйство, а при нем заливаемые водою поля должны быть строго пронивелированы. Последнее обстоятельство в условиях пересеченной местности и даже небольшого рельефа делает невозможным отвод больших участков, пригодных для успешной работы не только группы, но даже одного трактора. Необходимая для полива плоскость участка сильно суживает его размер.

Сказанное позволяет нам утверждать, что в условиях ТССР следует предъявлять несколько меньше требований к трактору, чем на Северном Кавказе и Украине.

Надо исправить ту линию, которой до сего времени придерживался Колхозцентр Туркмении, сосредоточивая внимание только на батраке и бедняке. Что это так — подтверждают цифры доклада, опубликованного на январском с'езде колхозов в Ашхабаде.

Оказывается, что по материалам на 1 января 1929 г. в колхозах числится 41,1% батраков; 46,1% бедняков; 12,1% середняков и 0,9% зажиточных. Середняк явно обойден: Колхозцентру следует признать свою ошибку и выправить организационную работу.

Это тем более необходимо, что одна ошибка повлекла за собою и другую — соцобесовский уклон. Случилось так, что, вследствие соревнования отдельных районов, ставка была на количество колхозов. Немного истории. Началом возникновения колхозов в ТССР можно считать конец 1926 г., когда в Сарахском районе местным агрономом были об'единены 134 хозяйства в четыре машинных товарищества; им же были организованы 2 машинных товарищества в Каахкинском районе. Инспекция НКЗема по поводу этих об'единений сообщает, что в первый год работа их была малопоказательна по таким причинам: «Слабое представление у членов колхоза о его значении и о своей роли в нем; отсутствие интереса к колхозам со стороны местных организаций; отсутствие опыта по колхозстроительству в ТССР вообще и многое другое».

Из того же доклада мы узнаем, что агроном обрабатывал землю колхозников инвентарем агропункта, заложил показательные участки и вел агитацию за превращение машинного товарищества в товарищество по совместной обработке земли. Таким образом, члены машинного товарищества, не имевшие представления о том, что такое вообще колхоз (в широком смысле) сразу приглашались перейти на высшую форму работы, несмотря

на то, что у них ничего не было обобществлено (инвентарь казенный), а труд не был организован.

Аналогичную картину можно было наблюдать и в других об'единениях, возникших в начале 1927 г. Никто не знал как вести работу, а руководящих указаний не имелось.

Оживление начинается с лета 1927 г., когда республиканским центром были разосланы на места инструкции и раз'яснения. После получения местами директив началась организация машинных товариществ и товариществ по совместной обработке. Движение шло сверху, так как места хотели «отличиться». В результате на ряду с здоровыми колхозами организовались и лжеколхоз и артели, превратившиеся впоследствии просто в машинные товарищества.

Каковы же результаты такой работы? Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют материалы как обследования ЦСУ (на 1 мая 1928 г.), так и самого Колхозцентра (на 1 октября 1928 г. и на 1 января 1929 г.). Они расходятся в деталях, но по основным показателям вполне сходятся. Воспользуемся теми и другими, а также материалами Госплана ТССР по средней землеобеспеченности и приведем основные элементы в нижепомещенных таблицах 2, 3, 4.

Таблица 2

Обеспеченность средствами производства (данные ЦСУ на 1/V 1928 г.)

Наименование округов	Число кол.	Число хоз.	Число душ	Скот		В том числе коров	Тракторов	Оруд. обр. европейск.	То же мести.	Убор. маш.	Стоим. всех средств производ.	Выдано кредита
				рабоч.	польз.							
б. Ашхабадский	9	135	670	19	8	1	6	30	—	7	19.800	23.700
б. Мервский	9	252	882	15	6	2	8	139	—	—	25.000	41.000
Керкинский	29	371	1.519	286	189	2	—	107	167	—	67.000	82.900
Чарджуйский	7	76	288	37	143	—	1	41	5	—	14.100	24.200
Ташаузский	10	113	380	88	17	4	1	9	29	2	17.700	30.700
Итого . . .	64	947	3.739	445	363	9	16	326	201	9	143.600	202.500

Таблица 3

Землепользование и посевная площадь (данные ЦСУ на 1/V 1928 г.)

Наименование округов	Число колхозов	Удобрен. земли	Хлопок	Люцерна	Огороды	Бахчи масличные	Зерновые и проч.	Итого	Недосев	Посев вне колхозов
б. Ашхабадский .	9	108	89	2	5	—	62	103	5	190
б. Мервский .	9	526	329	2	4	—	127	462	64	106
Керкинский . . .	29	1.021	208	10	19	50	80	367	654	150
Чарджуйский . .	7	263	72	5	16	7	24	124	139	26
Ташаузский . . .	10	610	94	63	8	55	67	287	323	24
Итого . . .	64	2.528	792	82	52	113	304	1.343	1.185	490
В %%%	—	100	31,5	3,2	2,1	4,5	12,0	53,3	46,7	19,5
В %%% к фактич. посевн. площ.	—	—	59,1	6,1	3,8	8,4	22,6	100	—	—
То же в среднем по ТССР . . .	—	—	34,1	7,7	3,7	1,7	52,8	—	—	100

Порайонно и из расчета на 1 хозяйство землепользование и посевы в колхозах приводятся ниже.

Таблица 4

Землепользование и посевы в среднем по ТССР и в колхозах (данные ЦСУ на 1/V 1928 г.)

№№ по порядку	Районы	Среднее землеобесп. в районах на 1 хоз. га	Фактическ. землеполь. в колхозах на 1 хоз. га	% недосева в колхозах	Индивид. посевы колхозников в %%% к обобществ. земле
1	Ашхабадский	0,93	0,78	10	64
2	Каахкинский	2,20	0,91	—	22
3	Тедженский	3,20	4,35	—	—
4	Мервский	2,36	4,45	52	—
5	б. Алийский	4,10	0,87	—	78
6	Керкинский	1,03	2,57	68	17
7	Чаршангин	0,88	4,71	69	7
8	Саят и Карабек	1,87	2,53	31	4
9	Фарабский	2,10	5,14	71	—
10	Ташаузский	3,30	20,10	77	3
11	Куня-Ургенч	1,70	4,45	62	—
12	Порсинский	2,53	5,27	61	—

Даже при беглом взгляде на последнюю таблицу бросается в глаза полное соответствие между размерами обобществленной земли и процентом недосева: последний тем выше, чем больше приходится земли из расчета на 1 хозяйство.

Зажиточных хозяйств в колхозах почти нет, поэтому повышенная против средней земельная площадь может быть об'яснена только дополнительным наделением. Однако, для нас не ясно, за счет каких земель могло произойти такое наделение при отсутствии свободных поливных земель в республике, как об этом согласно говорят данные УВХ и НКЗема. Далее, доклад НКЗ о колхозстроительстве определенно указывает на замедление его роста из-за неземлеустроенности, обследования же рабоче-дехканской инспекции подтверждают, что землеустройством да и то неполным охвачено едва 20% колхозов. Каким же образом без землеустройства колхозам удалось получить столь большие площади? Совершенно непонятно.

При расчетах проектируемого крупного ирригационного строительства оптимальным наделом принимается на 1 хозяйство 3 *га* с возможным повышением в отдельных случаях до 4 *га*. Между тем, из табл. 4 видно, что наделение произведено из расчета более высокой нормы. Такое повышенное наделение явилось главным моментом для привлечения в колхозы.

Табл. 2 показывает нам, что 64 колхоза получили 202,5 тыс. руб. производственных кредитов; стоимость же имеющихся у них всех обобществленных средств производства составляет только 143,6 тыс. руб. Следовательно, около 60 тыс. руб. или проедены или пошли в частный сектор и возможно на поддержку тех зажиточных и крепких хозяйств, которые поспешили заблаговременно примазаться к колхозному движению.

Возможность проедания кредитов вполне допустима при большом числе вошедших в колхозы батраков. Они ведь пришли в колхоз без всяких

запасов, и прожить до урожая с наделенной землей могли только за счет пособия, кредитного.

К тому же выводу можно притти, если обратим внимание на средний размер кредита. Фактическая посевная площадь в колхозах 1.343 *га*, выдано 202,5 тыс. руб., или по 150 руб. на гектар и это только на производство и без учета тех сумм, которые получены некоторыми хозяйствами до вступления в колхоз. Между тем, по союзным данным, полная инвентаризация и землеустройство одного гектара колхозной площади обходятся около 60 руб.

Громадная площадь недосева несомненно об'ясняется тем, что колхозникам были не под силу данные им наделы, что их труд не был организован и у м е л о вооружен. Об'яснить же недосев недостатком средств производства никак нельзя. Вот примеры. Ташаузские колхозы (п.п. 10, 11 и 12 табл. 4) недосеяли более $^2/_3$ своей земли, а в их распоряжении имелся 1 трактор, 11 плугов, местные омачи и плуги, 42 лошади, 3 верблюда, 97 быков. Колхозы получили 20,9 тыс. руб. ссуды, а стоимость средств производства только 11 тыс. руб. (53% от ссуды).

Чаршангинские колхозы (п. 7 табл. 4). Недосев 64%, обеспеченность средствами производства — 43 плуга и борон, 47 омачей и мал, 76 голов рабскота; все это оценивается в 10.700 руб. при ссуде в 22.300 руб.

Наконец, фарабские колхозы, имея свыше 5 *га* на хозяйство (против среднего надела по району в 2 *га*), недосеяли 71%! Стоимость средств производства у них 5.700 руб., или только 34% от полученной ссуды. Они получили ссуды по 200 руб. на 1 *га*, имели трактор и 9 плугов, а посеяли всего 42 *га*!

Таким образом, можно констатировать, что в первый период образования колхозов ни наделение землею, ни раздача кредитов не соответствовали производственным возможностям возникающих об'единений. Давали кредиты лишь бы создать колхозы и не отстать от среднего процента обобществления.

Насколько скороспелой и непродуманной была работа по организации, видно также из того, что не обратили внимания на правильное вооружение, механизирование колхозов. Обобществляли даже сохи и деревянные бороны (омач и мала). При наличии 16 тракторов поголовье рабскота должно быть в колхозах снижено по крайней мере в три раза (имеется 445 голов), потому, что шестнадцатью тракторами при сколько-нибудь правильной нагрузке следовало обработать все 1.343 *га* посевной площади и рабскоту остались бы только дополнительные работы (окучка, транспортирование). Между тем, работа не была налажена как следует и в результате колхозы оказались почти без пользовательного скота — коров приходится всего по 0,01 головы на хозяйство, а овец — по 3,7 головы.

Отсутствие организации труда является тем большим упущением, что состав семей колхозников значительно ниже среднего по республике. Так, в 64 колхозах при 947 семьях насчитывается всего 3.739 душ, или по 3,9 души на хозяйство, тогда как в земледельческих хозяйствах средний состав 4,9 души (см. ЦСУ ТССР, сборник № 12). Это обстоятельство наводит нас также на мысль, что в колхозы иногда входили не хозяйства, как таковые, а отдельные члены двора (сыновья, братья главы семьи) в расчете: «если здесь сорвется, то вернемся назад». Вследствие такого отношения вполне понятно, что вступающие н и ч е г о н е в н о с и л и с в о е г о, а обобществляли «получаемый кредит».

Обращаясь к распределению посевной площади по отдельным культурам (см. табл. 3), мы не находим особых достижений в развитии товарных культур в колхозах.

Если процентировать только фактически засеянную площадь, то оказывается, что хлопка было (в процентах): 59,1; люцерны 6,1; огородов и бахчей 3,8; масличн. 8,4; зерновых 22,6. На первый взгляд распределение очень хорошее, хлопка почти 60%, только слишком мало люцерны — всего $^1/_{10}$ от хлопка. Но эта благоприятная картина резко меняется, если более детально рассмотрим величину хлопкового клина в колхозах по отдельным округам. Оказывается, по Ашхабаду хлопка целых 86,5% — цифра совершенно невероятная, так как в этом округе средний процент хлопка только 26,2%, достигая даже к концу пятилетия, в соответствии с водными возможности, только 31,8%.

В чем же здесь дело? Об'ясняется все просто — в том же Ашхабаде колхозники имеют 64% собственных посевов (190 *га* против 103 *га* обобществленных!); ясно, что на своей земле посеяны зерновые, а в колхозы «записали» хлопчатник, так как он наиболее льготится по сельхозналогу. Нечто подобное наблюдаем и по Мерву. Здесь колхозники имеют хлопковой клин в 71%, что для Мургабского бассейна является абсолютно недопустимым; процент этот не может быть выше 50—55%, он в действительности таков и будет, если опять таки принять во внимание «собственные», главным образом, зерновые посевы колхозников (22% к обобществленным посевам).

Поэтому при вычислении процентажа правильнее считать всю площадь, включая и недосев. Не засевали худшие, нехлопковые земли, так что, при освоении всей площади, пустующие теперь площади были бы заняты зерновыми, а распределение культур явилось бы близким к средним вообще по республике с обычным хлопковым клином. Таким образом, пока о высокой товарности обследованных 64 колхозов говорить нельзя.

Недостатком и весьма существенным являются также мелкие размеры колхозов. По Аму-Дарье их состав определяется всего в 11—12 членов. С таким колхозом много не «намеханизируешь»; крайне затруднено также агротехническое обслуживание и нельзя поставить счетоводство, за невозможностью иметь платного работника.

Вопрос об укрупнении поставлен теперь в порядке дня, это признано и колхозным с'ездом. Укрупнение должно пойти как по линии слияния мелких колхозов, так и привлечения новых членов.

Вместе с тем, должно быть обращено особенное внимание на обобществление уже имеющихся средств производства и изжитие основного нездорового явления — «об'единения кредита».

Несомненно, что при энергичной работе организаторов и советской общественности обнаруженные недостатки удастся изжить. Перспективы же для развертывания колхозного движения в ТССР большие. Взять хотя бы мелиоративные товарищества, организуемые для получения новых поливных земель. Необходимо с самого момента образования такого товарищества обусловить переход его, после окончания ирригационного строительства, в колхоз, внеся соответствующий пункт в устав мелиоративного товарищества. И только при таком добавлении открывать кредиты на строительство и производить изыскания.

Точно также и при проектировке ирригационного строительства необходимо предусмотреть полное преобразование старых земельно-водных отношений. Там, где приросты новых земель будут столь значительны, что дехканство получит двойные и тройные наделы, процент коллективизации должен быть максимальным, достигая может быть и 100%. Во всяком случае, с т о п р о ц е н т н о е в х о ж д е н и е в к о л х о з ы д о л ж н о б ы т ь в о в с е х т е х с л у ч а я х, к о г д а н а м е ч а е т с я п е р е с е л е н и е н а н о в ы е з е м л и, и л и ж е б у д у т н а д е л я т ь с я п о л н ы м и н а д е-

лами батраки. Здесь ни о каком отступлении от 100% и речи быть не должно.

Имея в виду, что крупное ирригационное строительство по Аму-Дарье будет весьма значительно, необходимо сосредоточить здесь заранее внимание, подготовив кадры для организационной работы.

Вообще сейчас же следует уделить максимум внимания вопросу кадров и уже начиная с аульных школ повести подготовку колхозников. Также должно быть полностью использовано учительство, избачи, низший советский аппарат. Везде необходимо начать с районных курсов и довести до центральных с переподготовкою низовых работников специально по коллективизации. Надо помнить, что без кадров из коренного населения нам не удастся осуществить повышенную программу колхозстроительства.

Самым больным и трудным местом всюду будет организация труда. Европейцам одними речами ничего не сделать; необходимо найти организаторов среди самого коллективизируемого населения. Колхоз не может оплачивать, например, наемного тракториста или счетовода и пр.; всех квалифицированных рабочих надо готовить уже сейчас, и только в таком случае мы снизим расходы на сел.-хоз. производство до минимума.

При мелких наделах, даже при значительном повышении урожайности, не удастся сильно повысить благосостояние колхозников. Требуется форсированное развитие подсобных отраслей (шелководство, ковроделие, молочное дело, первичная переработка прочего сел.-хоз. сырья). Все эти отрасли в первую очередь требуют квалифицированных рабочих обязательно из членов колхоза.

Нельзя также ограничиваться теперешним ничтожным агротехническим аппаратом Колхозцентра; сеть агрономов, зоотехников и инструкторов следует в ближайшее же время развернуть полностью. Через нее мы сможем подготовить кадры и из коренного населения.

Вооружив колхозников знаниями, подкрепляя все время инструктажем и агропомощью, несомненно быстро добьемся повышения продукции по всем отраслям сельского хозяйства.

Взять хотя бы одно шелководство. Каких успехов в ТССР добились за 4 года, даже в условиях индивидуального хозяйства: выход продукции с 1 коробки грены увеличился более, чем на 30%, но он может еще возрасти на 50%! Для этого совсем не требуется чуда, а только хорошая грена, умелая выкормка и подходящее помещение.

Индивидуальное хозяйство не сможет затратить средств на постройку и оборудование особого помещения, тогда как колхоз в состоянии это сделать.

При овощном, молочном и яичном голоде в Туркмении — для колхозов в этой области также открываются самые соблазнительные перспективы.

Работа колхозов должна итти не только в сторону организации производства, но также и сбыта продукции. Последнее может оказаться слабым местом, но при помощи потребительской кооперации можно сильно развить сбыт дефицитной продукции.

Сейчас в колхозном деле замечена масса отрицательных моментов, но здоровые ростки прут снизу; дехканство зашевелилось: раскачали «посулы», расширяется оздоровленное движение; чистка колхозных рядов также сделала свое дело.

За полгода количество колхозов возросло с 64 до 103, при чем увеличилось и число членов на один колхоз; часть колхозов перешла на устав артелей; возникло новых 50 машинных товариществ. Увеличивается прилив партийцев и комсомольцев. Состав правлений значительно улучшился и социально и по культурному уровню. Руководящий республиканский центр также полностью обновлен.

Эти показатели при все возрастающей активности дехканства и усилении руководства центральных органов позволяют надеяться на полное изменение прежнего направления в колхозном движении. 1928/29 г. должен явиться в этом отношении переломным.

В последующие годы колхозное строительство должно получить значительное развитие, особенно в районах, где ожидается расширение удобных земель за счет ирригационных работ. Увеличение поливных земель подчас составляет 50 и больше процентов по отношению в существующей площади, вследствие чего является возможным не только наделить местное население до оптимальной нормы, но и переселить на новые земли безземельных и бедняков из соседних районов.

Имея в виду, что крупные ирригационные работы производятся почти на 100% за счет государства, последнее имеет право и обязано пред'явить к засельщикам новых земель такие требования, которыми была бы обеспечена в полной мере реконструкция сел.-хоз. производства.

В дальнейшем недопустимо «разбазаривание» получаемого прироста поливных земель; использовать последние следует путем организации крупных коллективных хозяйств. Так, если в настоящее время колхозы в среднем имеют только по 40—50 *га* удобной земли при желательной норме в 100—120 *га*, то для районов нового орошения размер колхоза можно определить в 300—400 *га* поливной земли с соответствующим, понятно, увеличением числа входящих в колхоз хозяйств. Вместе с тем, придется предусмотреть и кустование более мелких колхозов в целях повышения рационального использования тракторов.

По левому берегу р. Аму-Дарьи можно использовать таким образом не менее 12 тыс. *га*, устроив на них 30—40 укрупненных колхозов с 4.000 хозяйств. Еще больших успехов можно добиться в аулах по р. Теджену, где засеваются на 80% зерновые культуры; здесь совместная обработка трактором сравнительно легко доступна и можно ожидать организации тоже до 3.000 хозяйств с 12 тыс. *га*.

Значительно труднее организация укрупненных колхозов в основном хлопководческом районе по р. Мургабу, где имеется большой процент хлопка в типично-середняцких хозяйствах; сорганизовать из них большой колхоз не так-то легко. Такое же положение и в районах по правому берегу реки Аму-Дарьи, где ирригационное строительство в течение пятилетки почти не развивается и больших массивов вновь орошенных земель не ожидается. Малоземелье по Копет-Дагу и разбросанность аулов также являются препятствием к охвату колхозами больших групп населения. Насколько здесь дробны и мелки владения, показывает следующее: в план землеустройства на 1928/29 г. по Кара-Калинскому району внесено устройство 78 аулов на площади менее 5.000 *га*! Таким образом, в это пятилетие в большинстве районов предрешается организация сравнительно мелких колхозов, для которых уже 100-гектарная площадь явится достижением. Учитывая это обстоятельство, перспективным планом намечается довести число хозяйств, об'единенных в товарищества по совместной обработке и в сель-хоз. артели до 25 тыс., что составит около 15% всех земледельческих хозяйств республики. Число же об'единений достигнет примерно 700; из них укрупненных должно быть около 70 с 7.000 членов и остальные 630 с 18.000 членов (из расчета по 25—30 на об'единение). Укрупненные колхозы удастся устроить на примерно оптимальном наделе, т.-е. из расчета по 3—4 *га* на хозяйство; тогда как в остальных колхозах из-за недостатка свободных земель едва ли удастся перейти за средне-республиканскую норму в 2½ *га* на хозяйство. Упоминаемые нами нормы касаются поливных зе-

мель, так как на богарных участках, вследствие неустойчивости там урожаев, строить колхозы в это пятилетие еще не предполагается. При указанной норме, в конце пятилетия, колхозы ТССР будут располагать фондом поливных земель примерно в 67 тыс. *га*, или 16% всех поливных земель Туркмении.

Кроме колхозов, значительное развитие должны получить простейшие коллективные формы, а именно машинные и машинотракторные т-ва, которых за один год организовано до сотни. Вполне реально предположение, что в 1932/33 г. в простейшие об'единения будет вовлечено до 15—18 тыс. хозяйств, или 9—10% всех хозяйств. Эти об'единения, считая по средне-республиканской землеобеспеченности, будут иметь около 35—43 тыс. *га*. Всего, таким образом, в обобществленном секторе (без совхозов) будет 102—110 тыс. *га*, или свыше 25% всех удобных поливных земель.

Имея в виду, что в колхозах будут применяться комплексные мероприятия по поднятию урожайности, а в простейших об'единениях большую роль в этом направлении сыграют сел.-хоз. машины (главным образом, трактор и хлопковая сеялка с культиватором), то безусловно следует ждать большего, чем в индивидуальных хозяйствах повышения урожайности. Если средний по республике урожай хлопчатника достигнет 13,0 центнера с 1 *га*, то в колхозах он должен быть 14,0—14,5 центнера, а в машинных товариществах 13,5 центнера. Вместе с тем, и процент хлопкового клина для колхозов будет выше — до 50% против 39% среднего по республике. Введение в колхозы тракторной обработки сильно сократит потребность в лошадях и волах, а за счет их сокращения представится возможным расширить поголовье пользовательного скота — коров и овец, а также домашней птицы. Принимается в среднем, что при наличии в 1932/33 году 1 коровы и 20 овец на одно хозяйство удастся примерно половину этого скота обобществить.

С развитием в довольно значительных размерах с.-х. индустриализации, — подсобные отрасли в колхозах — ковроделие, шелководство, шелкоткачество, переработка животного сырья должны получить особо сильное развитие, потому что большинство кредитов направляется в обобществленный сектор.

Большой процент хлопка, его повышенная урожайность, а также повышение качества и количества пользовательного скота дадут увеличение продукции колхозов по сравнению с единоличными хозяйствами. Так, при 25% обобществленных хозяйств они дадут до 30% всей продукции, при чем валовая доходность, падающая на 1 хозяйство, входящее в колхоз, должна составить от 800 до 900 руб., тогда как средне-республиканская валовая доходность одного хозяйства в 1932/33 г. достигнет 700 руб. Однако, не одна только валовая доходность от продукции будет в колхозах больше, но и товарная часть в обобществленном секторе предполагается в значительно больших размерах по сравнению с единоличниками, так как и по хлопку и по животноводству в колхозах выхода будут выше и тем усилится отчуждаемая часть продукции.

В общем, если товарная часть продукции сельского хозяйства составит по всей Туркмении 42,2%, то в колхозах она будет 77,0%.

В настоящее время в неделимом капитале колхозов на 1 мая 1928 г. насчитывается менее 150 тыс. руб., тогда как в конце пятилетия капиталы должны составить до 15,0 млн. руб., из коих около 8,0 млн. руб. образуются за счет внутрихозяйственного накопления и 7,0 млн. руб. от займов. В среднем на 1 хозяйство, об'единенное в колхоз, придется около 600 руб. обобществленного капитала против 150 руб., имеющихся теперь. Если к концу 1927/28 г. каждый колхозник обобществлял 30—40% своего капитала, то в 1932/33 г. положение резко изменится и обобществление достигнет 75%.

Вследствие развития подсобных отраслей, значительная часть продукции колхозов подвергнется переработке на месте. Так, из всей продукции колхозов в сумме 22 млн. руб., около 14 млн. руб. падает на хлопок, а из остальных 8 млн. руб. — на 2 млн. руб. переработается на собственных предприятиях об'единений.

Следует также отметить, что, помимо повышения благосостояния и культурного уровня своих членов, колхозы окажут сильное влияние и на окружающее их население аулов. Помощь будет оказана, главным образом, по линии агротехнического обслуживания и постепенной ликвидации агрономической безграмотности.

Агрикультурную деятельность колхозов на последний год пятилетки можно охарактеризовать такими цифрами. В колхозах будет сосредоточено до 100 случных пунктов с 300 производителей; ежегодный отпуск племенного скота составит 500 голов крупного и до 10 тыс. мелкого. При колхозах будет действовать до 50 зерноочистительных пунктов с пропуском ежегодно, кроме зерна колхозов, еще до 2.500 тонн посевного материала для прочего аульного населения; последнему же тракторами колхозов будет запахано 30—40 тыс. *га*, т.-е. не менее 12—15% площади, остающейся у индивидуальных хозяйств.

Несомненно, что эти мероприятия колхозников окажут сильнейшее воздействие на остальную массу населения, подготовив этим почву для широкой коллективизации в последующее пятилетие.

А. П. Яхонтов

Колонизационное значение Томско-Енисейской железной дороги

(Промышленный комбинат)

Всякое переселение в современных условиях заключается в рационально-плановой комбинации мер экономической политики, землеустройства, мелиорации и дорожного строительства. Наши переселенческие мероприятия уже вступают на «зеленый ковер» сибирских лесов, идут в дальневосточные дебри, в медленно орошаемую средне-азиатскую пустыню. Здесь решающую роль будут играть вопросы дорожного строительства и, в частности, парового транспорта. Без него нет никаких оснований думать об эксплоатации сельскохозяйственных площадей, недр, вод и лесов и о заселении края в наиболее отдаленных его частях. Поэтому невольно приходится обратить особое внимание на американскую систему железнодорожной колонизации, при которой железная дорога не только идет вглубь, но и ведет за собой колонизацию, сама мелиорирует землю, отводя ее колонистам и устраивая их быт на новых землях.

Опыт Соед. Штатов, Аргентины и Канады достаточно свидетельствует о том, что колонизация через железную дорогу есть наилучший и наиболее экономный способ. Вот, например, какие результаты достигнуты Канадой, проводившей колонизацию по этому методу. Проводили его главнейшие железнные дороги: Общество Канадской Тихоокеанской железной дороги и Общество Канадской Северной железной дороги. В области одного голько земледелия за 15 лет, с 1901 по 1916 год, достигнуто то, что урожай Канады, ценностью в 200 млн. долл., возрос до 850 млн. долл. Общество Канадской Тихоокеанской железной дороги получило для своей колонизационной работы 12,5 млн. *га* земли, а Общество Канадской Северной железной дороги—4,6 млн. *га*. Оба общества, размежевав свои земли на отдельные участки, продают их переселенцам с совершенно готовыми фермами, хозяйственными постройками и орудиями с рассрочкой на 20 лет из 6% годовых. За 30 лет, с 1885 г. по 1915 г., из 12,5 млн. *га* общество Канадской Тихоокеанской железной дороги продало 8,7 миллионов гектаров земли, колонизовав таким образом $^3/_4$ земель, расположенных в 100-километровой полосе вдоль железной дороги. Не ограничиваясь этим, общество производит мелиоративные работы, обслуживает колонистов почтой, телеграфом и проч.

При своей колонизации дорога применяет особую форму земельного законодательства для колонистов, называемую «гом-стэд». Сущность «гом-стэда» состоит, во-первых, в особом праве всякого гражданина на приобретение в личное пользование участка из фонда государственных свободных земель, а во-вторых, в целой системе мероприятий, направленных к сохранению этих участков в руках мелких владельцев, как-то: освобождение от налогов на первые годы, запрещение дробления, продажи и прочее.

По этому методу канадских железных дорог с внесением в него коррективов в соответствии с правовыми и природными условиями была проделена работа в течение пяти лет Мурманской железной дорогой. Об'ектом ее деятельности является Карело-Мурманский край. В отличие от канадской практики, Мурманская дорога не получила никакого оборотного капитала. Ей представлена была на определенных условиях лишь лесная территория в 3,3 млн. *га*, эксплоатируемая к моменту передачи ее дороге всего в размере 20%. В пределах этой территории Мурманской дороге предоставлено право эксплоатации лесов, недр, воды и других природных богатств. Из положения о колонизации Карело-Мурманского края, утвержденного Советом Труда и Обороны 25 мая 1923 г., видно, что на дорогу была возложена обязанность, путем экономических группировок и разнообразных мероприятий, организации в крае возможных промышленных предприятий путем их комбинирования с хозяйством самой дороги. Это создавало для самой дороги грузооборот, пробуждало край к промышленно-культурной жизни и вело к его заселению. Из всего этого вытекало неизбежное следствие—превращение Мурманской дороги в транспортно-промышленно-переселенческий комбинат. Такой комбинат и был создан в составе следующих звеньев: а) дороги, как транспортного предприятия; б) желлеса — отдела ведущего лесопромышленную работу; в) желрыбы — предприятия ведущего рыбопромышленную работу и снабжающего продовольствием другие отделы дороги; г) желсиликата — предприятия, ведущего добычу и обработку ископаемых и кирпичное производство; д) технического отдела, ведущего все работы по обслуживанию строительством дороги и ее предприятий; е) колонизационного отдела, выполняющего колонизационно-переселенческие функции и ж) Мурманского порта, находящегося еще в стадии постройки и являющегося большим потребителем строительных материлов желлеса.[1]

Вторым опытом применения канадского метода железнодорожной колонизации должна явиться намечаемая к постройке в наступающем пятилетии Томско-Енисейская железная дорога.

Эта железная дорога при своем окончании вовлечет в сферу своего влияния следующие административные районы: по Томскому округу — Ишимский, Зыряновский, Зачулымский, Коларовский, Мало-песчанский и Томский; по Ачинскому округу — Бириллюсский и Тюхтенский; по Красноярскому округу — Енисейский, Казачинский и Пировский; по Канскому округу — Приангарский и Тасеевский.

Начало постройки этой железной дороги НКПС намечает 1930 г. Длина ее 437 *км*. По годам ассигнования на постройку распределяются так: 1930 г. — 8 млн. руб., 1931 г. — 12 млн. руб., 1932 г. — 16 млн. руб. и 1933 г. 12 млн. руб., а всего 48 млн. руб. Первым годом эксплоатации намечен 1933 г., когда грузооборот ожидается 418,5 тыс. тонн. К этому же году определяется зона обслуживания с населением в 383.500 человек.

Территорию обслуживания железной дороги можно разбить на три части: 1) колонизационные районы, малообжитые и необжитые, которые непосредственно пересекаются трассой железной дороги; 2) колонизационные районы, тяготеющие к железной дороге и начатые заселением ранее постройки железной дороги 3) колонизационные районы, тяготеющие к железной дороге, которые начнут заселяться только после ее проведения.

К первой группе можно отнести: Улу-Юльский колонизационный район, расположенный по р. Улу-Юл; Чичка-Юльско-Чулымский, расположенный между р.р. Чичка-Юл и Чулым; Причулымский

[1] Итоги этой интересной деятельности Мурманской железной дороги можно найти в томе IX трудов Государственного научно-исследовательского института землеустройства и переселения, к которому мы и отсылаем интересующихся этим вопросом.

по среднему течению р. Чулыма; Кетьско-Сочурский, расположенный по верховьях рек Кеть и Сочур, а на северо-востоке по Енисею. Общая площадь этого массива равняется 77.031 *кв. км*, считая в том числе и лесные дачи и неудобные земли.

Весь этот массив входит полностью в состав Западно-Сибирской низменности. Местность носит равнинный характер со слабо выраженным рельефом. Равнинность нарушается только в приречных частях, где рельеф местности принимает характер увалистый. Высота над уровнем моря колеблется от 112 до 200 метров.

Климат этого района резко континентальный. Преобладающими почвами в массиве являются суглинки различной степени оподзоленности до подзолов включительно. Встречаются и болотно-подзолистые почвы. Лучшие почвы расположены на увалистых местах. Заболоченность колеблется от 10 до 20% в западной части и от 30 до 40% в восточной части массива. Залесенность достигает 70 — 80%. Основными насаждениями являются пихта, ель, кедр, сосна; по старым гарям—березняки. Гарей от 30% в западной части до 2% — в восточной части массива.

Население района исчисляется в размере 30.830 человек. Распределяется оно довольно неравномерно. Наиболее густо заселен Чичка-Юльско-Чулымский район, который насчитывает 16.310 человек и имеет плотность 1,96 человека на 1 кв. километр. Следующим районом по абсолютным размерам и плотности является самый восточный — Кетьско-Сочурский (Приенисейский). Он имеет 10.944 чел. населения и 0,3 чел. плотность. Затем идет Причулымский: в нем 3.324 человека населения, 0,2 чел. плотность. И наконец, Улу-Юльский с 242 чел. населения и 0,03 чел. плотности на 1 кв. километр. Таким образом, средне-географическую плотность всего массива можно считать в 0,4 чел. на 1 кв. километр.

Тип существующего хозяйства — промыслово-земледельческий и промыслово-скотоводческо-земледельческий. Данные весеннего опроса (1928 г.) Сибстатуправления говорят о том, что площадь посева в этом массиве колеблется от 2,12 до 2,5 *га* на хозяйство. Наличие всего скота на 100 *га* посева — от 552 до 662 голов, а коров — от 84 до 88. Лесные пространства дают возможность иметь постоянные внеземледельческие заработки. Бюджетные обследования определяют их размер в среднем в 203 руб. на хозяйство, при чем в денежном балансе удельный вес промыслов определяется в размере 49,7%. В общем, валовая продуктивность хозяйства может быть определена в 750 — 900 руб. Товарный же остаток, в виде зернопродукта, льна, масла, мяса, кедрового ореха, продукции охоты и рыболовства, можно исчислять в 100 — 300 рублей.

Что же касается обычного переселенческого хозяйства, то мы возьмем данные обследования Красноярской переселенческой партии. В первые два года своего существования оно характеризуется следующими данными:

Площадь посева	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы	Свиньи	На сумму (руб.)
	всего	раб.	всего	коров			
0,53	0,91	0,82	1,88	0,91	0,82	0,72	103,30
Хозяйство с преобладающим значением промыслов и животноводства имеет:							
2,5	2,31	1,61	3,21	1,7	0,25	2,88	300,60

Некоторое отступление от этих показателей дает Чичка-Юльско-Чулымский район, в котором, при общем понижении количества крупного рогатого скота, повышается коровность хозяйства.

К второй группе можно отнести Центральный Томский колонизационный район с площадью в 44.897 *кв. км*, населением в 346.608 душ и плотностью в 7,72 чел, на 1 кв. километр; Мариинско-Чебулинский — площадь его равняется 18.586 *кв. км*, с населением в 153.292 человека и плотностью в 8,25 чел. на 1 кв. километр; Четско-Чулымский с площадью в 8.272 *кв. км*, населением в 45.137 чел. и плотностью в 5.5 чел. на 1 кв. километр; Кемчугский с площадью 14.670 *кв км*, населением 47.524 чел. и плотностью в 3,2 чел. на 1кв. километр; Кемско-Кетьский с площадью 16.748 *кв. км*, населением в 42.118 чел. и плотностью на 1 кв. километр в 2,5 чел. Для этой группы колонизационных районов мы не будем здесь приводить даже краткой характеристики естественных условий, а ограничимся только описанием существующих крестьянских хозяйств.

Тип хозяйства по Центрально-Томскому и Мариинско-Чебулинскому районам — замледельческо-скотоводческий. По данным 10% переписи, хозяйства района имеют среднюю площадь посева 3,24 *га*. Средняя обеспеченность капиталами видна из такой таблицы:

Лошади		Крупный рог. скот		Овцы	Свиньи	На сумму (руб.)	Инвентарь и постройки (руб.)	Всего капитала (руб.)
всего	раб.	всего	коров					
2,05	1,33	4,23	1,96	10,04	3,14	270,90	275,90	546,80

Валовой доход от сельского хозяйства определяется в 500 руб. и текущие расходы на сельское хозяйство в 272,8 руб. Условно-чистый доход от сельского хозяйства определяется в 227,2 руб. Продажа продуктов сельского хозяйства дает хозяйству 96,8 руб; покупка их и скота — 27,9 руб. Таким образом, товарность сельского хозяйства определяется цифрой 68,9 руб.

По данным обследования Томской переселенческой партии, переселенческое хозяйство на второй год своего существования имеет такие показатели роста:

Площадь посева	Лошади		Крупный рог. скот		Овцы	Свиньи	На сумму (руб.)	Инвентарь и постройки (руб.)	Всего капитала (руб.)
	всего	рабоч.	всего	коров					
1,9	1,3	1,0	3,0	1,6	0,6	1,7	188,70	185,30	374,00

По Кемчугскому району тип хозяйства земледельческо-животноводческо-промысловый. Обследованием Красноярской переселенческой партии выявлено, что хозяйства в первый год имеют следующее обеспечение:

Площадь посева	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы	Свиньи
	всего	раб.	всего	коров		
1,1	2,85	2,24	2,24	1,56	6,28	2,08

Среднее крестьянское хозяйство района, по данным 10% переписи, имеет площадь посева 3,28 *га* при следующем обеспечении капиталами.

Площадь посева	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы.	Свиньи
	всего	раб.	всего	коров		
1,1	1,35	1,15	1,54	1,04	1,52	0,8

По данным бюджетных обследований статорганов валовой доход такого хозяйства составляет 364,7 руб., при величине всех текущих затрат на сельское хозяйство в 210,3 руб. Товарный остаток продуктов сельского хозяйства составляет 65 руб., при чем полеводство является дефицитным. Доходность от внеземледельческих заработков бюджетными обследованиями устанавливается в смежных таежных районах Казачинского и Пировского в сумме 135 руб.

Характеристика же сторожильческих и переселенческих хозяйств Кемско-Кетьского района может быть приравнена к хозяйствам первой группы, т.-е. района, непосредственно примыкающего к полосе Томско-Енисейской железной дороги.

Наконец, к третьей группе колонизационных фондов, которые будут вскрыты Томско-Енисейской железной дорогой следует отнести: Приангарский колонизационный район и Золотоприисковый, которые расположены по правому побережью р.р. Ангары и Енисея, а также по ним протекают р.р. Большой Пит, Малый Пит и Каменка. Общая площадь этого массива равняется 33.108,8 *кв. км*, считая в том числе и лесные площади и неудобные земли.

Тип хозяйства в этих двух районах промыслово-скотоводческо-земледельческий. Имеющиеся данные об этих районах не позволяют дать исчерпывающих перспектив относительно развития земледелия. Наличие же лесов открывает широкие, промысловые перспективы.

Постройка Томско-Енисейской железной дороги преследует такие цели: колонизация района, развитие лесопромышленности и связь с Северным морским путем.

В отношении колонизационных фондов Томско-Енисейская железная дорога вскрывает 11 млн. *га* земельного фонда. Из этих 11 млн. *га* можно выделить колонизационный фонд емкостью в 761.210 душевых долей. Иными словами, население этого района увеличивается в 20 — 25 раз. Такое заселение района, естественно, будет продолжаться не один десяток лет. Мы здесь остановимся на колонизационных мероприятиях двух пятилетий. Об'ем заселения в пятилетие 1928/29 — 1932/33 г.г. мы определяем в 43.400 человек и во второе пятилетие 1933/34 — 1937/38 гг. — в 126.600 человек. В первое пятилетие будет итти постройка самой дороги, и заселение этого массива по годам и районам будет таковым: (си. табл. А и Б на след. стр.)

Во втором пятилетии заселение районов непосредственного влияния Томско-Енисейской железной дороги, по годам, будет таковым: 1934 г.— 22.000 чел., 1935 г. — 23.700 чел., 1936 г. — 25.000 чел., 1937 г. — 27.400 чел., 1938 г. — 28.500 чел. Таким образом, за десять лет в район будет вселено 31.000 хозяйств, из которых 30% будут организованы в коллективы.

Статистико-экономические обследования переселенческих хозяйств до и после революции в таежных районах говорят о том, что полное развертывание хозяйства наступает на 6 — 7 году своего существования. Темп же развертывания коллектива в этих районах можно принять в 5 — 6 лет. При таких условиях к концу десятилетия мы будем иметь в районе развернутых хозяйств: единоличных — 4.500 и коллективов — 52 (по 30 семей в каждом). Что же касается остальных 18.200 единоличных хозяйств и 286 коллективов, то они будут находиться в различных стадиях своего развития, начиная от одного года. К этому моменту можно считать в среднем на каждую семью 4 *га* пахотной земли.

При правильном севообороте и чередовании культур: рожь, пшеница, овес, лен, конопля, картофель и проч., общая посевная площадь во всех хозяйствах единоличных будет 52.210 *га*, а в коллективных 16.120 *га*. Распределение посевной площади, валового сбора, потребления и товарного остатка по культурам дает следующая таблица:

А. Районы непосредственного влияния дороги

Название районов	Годы заселения					Итого за пятилетие
	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932 33	
Улу-Юльский	Заселения еще не будет	400	550	700	850	2.500
Чичка-Юльско-Чулымский		700	1.050	—	—	1.750
Причулымский.		—	1.050	1.400	—	2.450
Кетьско-Сочурский . .		—	—	1.400	2.300	3.700
Четско-Чулымский . .		1.400	2.400	3.000	3.000	9.800
Кемско-Кетьский . . .		1.400	4.300	6.800	8.800	21.300
Золотоприисковый. . .		—	—	400	550	950
Приангарский		—	—	400	550	950
Итого по А . .	—	3.900	9.350	14.100	16.050	43.400

Б. Районы, втягиваемые в сферу влияния уже во время постройки железной дороги.

Название районов	Годы заселения					Итого за пятилетие
	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33	
Центрально-Томский. .	7.500	4.000	5.000	5.500	5.900	27.900
Мариинско-Чебулинский	9.900	4.200	2.900	2.900	—	19.900
Кемчугский	4.600	11.600	6.500	4.900	5.800	32.400
Итого по Б .	22.000	19.800	14.400	13.300	11.700	80.200

Наименование полеводств. культур	Площадь посева (*га*)	Валовой сбор	Потребление	Товарный остаток
		(в центнерах)		
Рожь	33.891,6	338.916	465.000	4.178
Пшеница	14.212,6	130.262		
Овес	12.299,4	133.243	152.675	—
Лен (семена)	1.913,2	7.589	2.836	4.753
„ (волокно)		5.037	1.909	3.128
Конопля (семена)	1.366,6	6.149	3.694	2.455
„ (волокно)		3.961	2.169	1.792
Прочие	4.646,6	31.674	26.799	4.875
Итого	68.330,0	656.831	655.082	21.181

Животноводство в заселяемом районе тоже может дать товарную продукцию, размеры которой видны из следующей таблицы:

Названис продуктов животноводства	Валовой сбор	Потребление	Товарный остаток
	(в центнерах)		
Молоко	782.053	425.000	357.053
Мясо	29.719	26.916	2.803
Кож крупных	1.808	—	1.808
„ мелких	382	—	382
Шерсть	2.554	—	2.554
Яйца	15.361	6.800	8.561
Битая птица	8.666	4.400	4.266
Перо и пух	6.432	2.232	4.200
Бэконная свинья	1.066	—	1.066
Итого	846.041	465.348	383.693

Таким образом, товарная продукция сельского хозяйства района Томско-Енисейской дороги к концу второго пятилетия дает груза около 7.340 тонн (переведя молоко в масло) на сумму примерно 2 — 2,5 млн. руб.

Помимо этих грузов, наличие товарных остатков полеводства и животноводства, естественно, должно вызвать к жизни ряд предприятий по переработке сельскохозяйственых продуктов. Так, для переработки на муку всего зерна, предназначаемого для питания местного населения, потребуется постройка 50 мельниц; для переработки льна — 30 льно-заводов; для переработки молока на масло — 70 маслодельных заводов; для переработки обезжиренного молока (обрата) — 70 казеиновых заводов, и, наконец, для переработки шерсти в валеную обувь потребуется один пимокатный завод производительностью в 122 тыс. пар пим в год.

Затраты государства в течение десятилетия для этой части народного хозяйства района Томско-Енисейской дороги определяются в 29.027 тыс. руб., в том числе:

а) подготовка фонда для 31.000 хозяйств или для 170.000 чел., считая по 80,16 руб. на человека, — 13.627 тыс. руб.

б) ссуды на домообзаводство, считая выдачу на каждую семью переселенца по 350 руб., — 10.850 тыс. руб.

в) ссуды на общеполезные надобности, считая по 50 руб. на каждую семью переселенца, — 1.650 тыс. руб.

г) на постройку различных заводов и предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства потребуется 2.900 тыс. руб.

Обыкновенно при проведении новых железных дорог по лесистой местности (примером может служить район, прилегающий к Сибирской магистали) край наводняется лесопромышленниками, которые вырывают из леса строевой ассортимент, засоряют лесные дачи и обращают местность в море пней. Такое хищническое хозяйство нельзя ни в коем случае допускать при постройке и заселении района Томско-Енисейской железной дороги. Ведь попенные сборы с одного гектара леса могут вполне покрыть расходы по выкорчевке пней на этой площади и по превращению ее в пашню.

При проведении Томско-Енисейской железной дороги необходимо будет путем правильной административно-хозяйственной организации переселения предупредить самую возможность обращения придорожной полосы в море пней. Уже при самой подготовке фонда переселенческими партиями лес должен вырубаться и обращаться прямо в пашню или покос с утилизацией всего снятого леса в пиленый лес, древесный уголь, лесохимические продукты, писчую бумагу и т. п.

В первую очередь необходимо произвести вырубку полосы вдоль полотна железной дороги. Мы считаем, что достаточно захватить полосу в 5 *км* по обе стороны полотна. Полученная полоса будет иметь площадь земли в 4.370 *кв. км* или 437.000 *га* земли, при чем около $^1/_3$ площади занято будет болотами, требующими мелиорации, а $^2/_3$ — вполне пригодной земли для ведения сельского хозяйства.

Такое бережное отношение к лесу даст заработок переселенцу по расчистке его участка не на один десяток лет. По прошествии этого времени, вся линия железной дороги обратится в сплошную полосу культурных земель. Будет таким образом создана прочная база для более глубокого хозяйственного завоевания тайги. К этому моменту уже будут созданы и культурные форпосты для этого завоевания. Появятся новые культурные центры: по р. Улу-Юлу у заимки Мерзлякова (Улу-Юльский колонизационный район), поселок Зимовский (Чичка-Юльско-Чулымский), село Поваренкино (Четско-Чулымский), дер. Шуточкина (Кемчугский), село Ворожейка (Кетьско-Сочурский) и новый поселок при пересечении Томско-Енисейской жел. дор. с судоходной рекой Чулымом.

Однако, для такой хозяйственной постановки дела совершеннно не нужно вводить стеснительных для переселенцев и их об'единения (колхозы) правил и ограничений. Необходимо только одновременно с расчисткой лесных участков построить лесопильные заводы, углевыжигательные, спирто-порошковые, смоло-скипидарные, пихто-масленные и другие предпри-

ятия по переработке как механической, так и химической лесных продуктов. При таком положении переселенцы не станут пускать по лесу палов, а начнут систематически расчищать свой участок и обращать его в пашни и покосы.

Вырубка только полосы леса вдоль полотна железной дороги дает значительное количество лесных продуктов. Каждые 10 *кв. км.* леса дадут около 194.250 куб. метров древесины. Следовательно, на протяжении всей линии мы будем иметь общий запас древесной массы в 85.000.000 куб. метров (84.879.410). Наличие свободных рабочих рук среди переселенцев и привлечение в первые годы населения на заработки из ближайших районов (Центрально-Томского, Мариинско-Чебулинского и других) позволят всю эту работу выполнить в течение 20 лет. Следовательно, в год будет заготавливаться 4.250.000 куб. метров древесины. Эта заготовка выразится в таком количестве грузов в год (в центн.):

5% пиленого леса — 212.229 *куб. м*	728.333
Древесного угля по 10 центн. на 9,7 *куб. м*	4.370.000
Лесохимических продуктов по 1,6 центн. на 9,7 *куб. м* . .	728.333
Итого . . .	5.826.666

Помимо этой разработки лесов вдоль полотна железной дороги должна начаться разработка громадных сосновых лесных массивов, расположенных на низовьях р. Ангары (Приангарский район). Возможный отпуск сосновой древесины составляет почти 29.138 тыс. куб. метров в год. Древесина может быть сплавлена по р. Ангаре и Енисею до удобного пункта (с. Маклаково) вблизи Енисейска, переработана в полуфабрикаты на лесопильном заводе и отправлена по железной дороге в пункты потребления.

Таким образом, при полной нормальной работе дороги одних лесных грузов будет свыше 15.826 тыс. центн, что при пробеге их по линии и тарифе $^1/_{100}$ коп. даст доходность 4.150.000 руб. или 9.500 руб. на один километр.

Естественно, что заселяемый район не может в течение десятилетия дать полный эффект на основе развития одной только лесной промышленности. По мере заселения будет итти развертывание и лесных промыслов. По линии лесных промыслов возможна постройка: спирто-порошковых заводов, смоло-скипидарных заводов, пихтомасленных заводов и скипидаро-канифольных заводов. По линии промышленности: переделочные спирто-ацетоновые заводы, переделочные заводы для спирта и уксусной кислоты, скипидарно-очистные заводы, лесопильные заводы и писчебумажная фабрика.

Спирто-порошковые заводы по условиям района заселения целесообразно рассчитывать на ежегодную переработку 1.000 *куб м* березовых дров. Это будет завод на 2 реторты, стоимостью в 1.400 руб. Производительность его будет (в тоннах):

Порошка древесного 62%	30
Спирта „ 40%	6
Товарного дегтя	6
Березовой смолы	10
Угля березового	100

Стоимость всей продукции определяется в 7.100 рублей. Такой спирто-порошковый завод рассчитывается на поглощение труда 20 семей, или 46 рабочих единиц в переводе на мужскую рабсилу. Наличие березовых насаждений (до 25%) как в 10-километровой полосе вдоль полотна железной дороги, так и в более отдаленных от железной дороги местах, дает возможность широко развить этот кустарный промысел среди переселенцев.

Гонка смолы обычно производится из соснового пня. 9.713 *куб. м* соснового пня среднего качества даст 1,6 центн. скипидара, 5,5 центн. смолы и 6,6 центн. угля. Постройки смоло-скипидарных заводов следует вести из расчета поглащения одним заводом рабочей силы 15 семей. Стоимость такого завода определяется нами в 800 руб., а производительность его в 5.670 руб. Этот вид кустарного промысла располагает также значительным фондом сырья, так как в лесах этого района сосновые насаждения составляют 20%.

Производительность хвойных эфирных масел также должна войти в программу развития химической промышленности. Нижеследующая таблица показывает — какое количество масла получается из 16,6 центн. хвои различных пород (в *кг*):

Пихты	41,0
Сосны	8 2
Лиственницы	3,3
Ели	4,1
Можжевельника ягодн.	8,2
„ хвойн.	2,5

Из таблицы явствует, что выгоднее всего получать эфирные масла из пихты. Для производства 0,16 центн. масла требуется от 6,6 до 8,3 центн. хвои, которая перегоняется в течение суток. Большое количество сырья, потребного для этого промысла, заставляет нас остановиться на небольших заводах с потребностью труда всего 5 семей. Производительность такого завода нами определяется в 37 центн. масла в год на сумму 2.100 руб. Стоимость такого завода определяется проф. Пехтеревым в 320 руб. Сырьевая база и здесь достаточна — пихта составляет 14% всех лесных насаждений.

Наконец, завод скипидарно-канифольный с производительностью, рассчитанной на использование живицы в количестве 1,5 тыс. в день, требует для обеспечения производительности труда 200 сборщиков и вздымщиков. Каждый из сборщиков обслуживает от 800 до 1000 деревьев и собирает за сезон до 1,5 тыс. живицы на сумму 300 руб.

Темп заселения района Томско-Енисейской железной дороги позволит к концу десятого года построить 294 спирто-порошковых завода, 331 смоло-скипидарных завода, 30 заводов по изготовлению эфирных масел и 15 заводов по скипидарно-канифольному производству.

Что же касается лесной промышленности, то наличие древесины позволяет построить лесозаводы: один 6-рамный на р. Енисее стоимостью в 2.000.000 руб., два 3-рамных на р. Кеть (с проведением к нему лесовозной железной дороги) и в районе междуречья Ула-Юла и Чичка-Юла — в 1.686.000 руб. При пересечении железной дороги с рекой Чулымом возможна постройка бумажной фабрики стоимостью около 9 млн. рублей. Снабжаться она будет сырьем из елово-пихтовых насаждений лесов, тяготеющих к р. Чулыму. Топливо — дровяное из находящихся в непосредственной близости переселенческих участков по средней стоимости 10—12 руб. за каждые 9.713 куб. метров.

Для переработки продукции кустарной лесной промышленности необходима постройка 29 заводов переделочных спирто-ацетоновых и 33 заводов скипидарно-очистных.

Таким образом, все капиталовложения по лесной промышленности и лесным промыслам будут выражаться за десятилетие в сумме 16 млн. руб., считая в том числе 447.000 руб. на рабочее жилищное строительство.

Мы не будем здесь определять размеры и стоимость всей продукции от лесной промышленности. Приведем только небольшую иллюстрацию выгодности этого дела. Постройка всех кустарных заводов будет стоить 686.000 руб., а их валовая продукция будет выражаться в 4.195.000 руб. в год.

Заграничная кон'юктура, высокое качество сибирского леса гарантируют крупный и выгодный сбыт. Постройка Томско-Енисейской железной дороги и развитие благодаря этому лесной промышленности в состоянии будут уничтожить первое затруднение и удовлетворить запросы краевых экспортеров. Второе затруднение для развития экспорта — это недостаток тоннажа для обслуживания Северного морского пути. Здесь путь только один — это увеличение шлихтерного флота по рр. Оби и Енисею.

Все переселенческие мероприятия, постройка железной дороги, развитие промышленности по переработке продуктов сельского хозяйства, усиление роста лесной промышленности, развитие лесных кустарных промыслов и постройка шлихтерного флота должны быть между собой организационно увязаны. Нами эта увязка мыслится путем создания промышленного комбината — Томско-Енисейский промышленно-транспортно-переселенческий комбинат.

Сущность этой формы комбината, взаимное сцепление его частей, функции каждой из этих частей, примерно таковы. Первым звеном этого комбината должен быть колонизационный отдел. Он ведает отведенным дороге фондом, лесоустройством и землеустройством, отводом переселенческих участков, их мелиорацией, дорожным строительством, водворением переселенцев и оказанием им содействия к их хозяйственному устройству. Работа этого отдела ведется во время постройки железной дороги на средства, отпускаемые по госбюджету на переселенческие мероприятия, на банковский кредит и 25% от попенной платы (корневой стоимости леса) за отпускаемую древесину. По окончании постройки желдороги средствами должны быть: 10% от попенной платы и банковский кредит.

Остальная часть попенной платы (75% и 90%) используется вторым звеном этого комбината — желлесом, который в период строительства железной дороги получает средства по госбюджету на постройку лесопильных заводов. В дальнейшем желлес, при помощи отделов дороги: пути тяги и движения, будет в состоянии быстро и успешно строить лесовозные ветки широкой и узкой колеи, использовать тупики для погрузочных и разгрузочных работ, производить постройки своих лесопильных заводов и деревообделочных мастерских, организовать пароходную тягу лесоматериалов на водных путях (шлихтерный флот по рр. Оби и Енисею) и прочее.

Третьим звеном комбината будет желсельхозпродукт, который в период строительства дороги получает средства из сумм, отпускаемых по госбюджету на строительство культурных центров. Материалы лесные строительные приобретаются желсельхозпродуктом от желлеса, а остальные на стороне. Это звено комбината строит паровые мельницы, маслобойные заводы, льнообделочные, казеиновые и пимокатные заводы, организует закупку у переселенцев и сбыт сельскохозяйственных продуктов, снабжает продуктами питания все остальные звенья комбината.

Четвертым звеном комбината должен явиться желхимпром, который сосредоточивает свое внимание на лесохимической кустарной и фабричной промышленности. Он широко развивает все виды химической переработки древесины, строит свои спирто-порошковые, смоло-скипидарные заводы, организует производство эфирных масел, главным образом, из пихтовой хвои, содействует созданию специальных артелей по химической переработке дерева. Это же звено организует и способствует широкому распространению кедрового промысла. Постройка первых заводов производится за счет кредитов, отпущенных для этой цели, по общей смете государства на развитие сибирской промышленности. Одним из первоочередных заданий этого звена является постройка писчебумажной фабрики.

Пятым звеном комбината будет желохота. Организация артелей охотников, снабжение их необходимыми принадлежностями, закупка, сбыт и обработка звериных шкур, создание питомников наиболее ценных пушных зверей должны составлять круг деятельности этого звена. Основным капиталом должно явиться специальное ассигнование из сумм по госбюджету на развитие охотничьего промысла Сибирского края.

Шестым и последним звеном является сама железная дорога, действующая как транспортное предприятие. Это звено перевозит все грузы, которые создаются отдельными частями комбината или требуются для их развития и существования. Средства на ее постройку отпускаются государством по специальной смете на железнодорожное строительство.

Заселение Томско-Енисейского района является поворотным этапом в переселенческом деле. Переселенческие мероприятия переходят на лесные просторы Сибири. В дальнейшем они пойдут замедленным темпом, потребуют значительных затрат государства, вызовут постройку ряда транзитных, лесных и лесовозных железных дорог, прикуют к себе внимание многих ведомств и учреждений. В то же самое время их, рентабельность для государства так велика, как обширна та территория, которая будет заселяться, и ее естественные богатства. Для финансирования этих мероприятий и их координирования при проведении целесообразно было бы сейчас же приступить к созданию акционерного общества под названием Жилколонизация, главными пайщиками которого должны стать НКПС, ВСНХ, НКЗ и Сибрайисполком.

Е. Л. Грановский. „Монополистический капитализм в России". Изд. „Прибой", Ленингр. Научно-исследов. институт марксизма. 1929 г.

Работа Е. Л. Грановского посвящена вопросу, по которому за последние годы появилось уже несколько аналогичных исследований — Ванага, Гиндина, Ронина, Гольмана и др.,— вопросу о типе и об организационной структуре дореволюционного капитализма в России. Не только тема, но и материал, привлеченный автором для выяснения этого вопроса, является в значительной степени общим для всей этой серии работ. Правда, в рецензируемой книге сильнее представлен архивный материал, заимствованный из отчетов банков и акционерных кампаний. Эта фактическая часть работы Грановского, свидетельствующая о том, что автор внимательно отнесся к задаче возможно более конкретного анализа довоенного капитализма, вызывает наименьшие сомнения. К сожалению, далеко не так обстоит дело с выводами, с историческими, а отчасти и теоретическими обобщениями автора. Е. Л. Грановский задался целью радикально пересмотреть результаты, добытые его предшественниками в области изучения довоенной экономики. Этот пересмотр идет по нескольким линиям. Первая часть работы сосредоточивает главное внимание на периодизации. Полемизируя с Ванагом, считающим, что система финансового капитала была установлена в России в период депрессии 1906—1909 гг., Грановский пытается доказать, что „вступление России в фазу финансового напитализма относится не к 1906—1910 гг., а к иному периоду"— именно 1894—1900 гг. Вторая линия пересмотра касается форм и масштабов взаимоотношений русского и иностранного капитала в области банкового дела и финансирования промышленности. Е. Л. Грановский категорически оспаривает мнение о решающем влиянии иностранного капитала в русской системе финансового капитализма, о подчинении русских банков иностранному контролю, и выставляет другой тезис — за два десятилетия, предшествовавшие революции, позиции „национального" капитала непрерывно укреплялись, финансовый капитал накануне войны играл в России в основном роль самостоятельного фактора, определявшего и экономическую эволюцию страны, и направление империалистической политики царизма. Третья группа вопросов, выдвигаемых автором—это различные детали историко-экономического хариктера: выяснение влияния экономической депрессии начала XX века на развитие форм финансового капитала (здесь автор опять-таки в противоречии с предыдущими исследованиями — подчеркивает, что эта депрессия не усилила, а ослабила связь промышленности с банками), выяснение типа этой связи на протяжении изучаемого периода, группировки банков и промышленных монополий по удельному весу в них национального и иностранного капитала и т. п. Наконец, в последней главе делается попытка связать добытые результаты с актуальными проблемами строительства социализма, взаимоотношениями СССР с капиталистическим миром, перспективами самостоятельного экономического развития и пр.

Остановимся прежде всего на той странной идее автора, согласно которой система монополистического и финансового капитализма, т.-е. новейший империализм, сложилась в России в 90-х годах прошлого столетия. Для доказательства этой мысли автору следовало бы опрокинуть гораздо более серьезные барьеры, чем утверждения Ванага, Ронина и др. 90-е годы были периодом выработки программы российской соц.-демократии, в которой центральное место занимал вопрос о судьбах и формах капитализма в России. Эта программа была окончательно принята в 1903 г. Если бы к этому времени сложилась в стране система монопольно-финансового капитализма, т.-е. „новейший этап капитализма", то неужели это прошло бы незамеченным для революционного марксизма в России? Между тем, программа 1903 г. об этом не говорит ни слова. Может быть, это об'ясняется тем, что в то время не существовало еще „Финансового Капитала" Гильфердинга? Но во-первых, финансовый капитализм существовал еще до Гильфердинга и был предметом оживленного обсуждения и исследования на Западе задолго до того, как Гильфердинг выпустил свою книгу, подводившую итоги, а не открывавшую новые эпохи. Во-вторых, не вредно вспомнить, что в 1919 г., когда на VIII с'езде партии пересматривалась партийная программа, характеристика капитализма, данная в старой программе, была признана правильной именно для того времени, к которому наш автор считает возможным применить термин финансо-

вого капитализма. VIII с'езд дополнил эту характеристику анализом империализма, но возникновение этого империализма с'езд отнес не к 90-м годам прошлого века, а к началу XX в. „Процесс концентрации и централизации капитала, уничтожая свободную конкуренцию, привел в начале XX века к созданию могучих монополистических союзов капиталистов,— синдикатов, картелей, трестов, получивших решающее значение во всей экономической жизни, к слиянию банкового капитала с промышленным капиталом“ и т. д. Наконец, у Ленина в его основной работе об империализме мы находим прямые указания насчет сроков:

„Вот основные этапы истории монополий: 1) 1860—70 гг.— высшая предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии — лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение, еще не прочны. Они — еще преходящее явление. 3) Под'ем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превращается в империализм“ (Ленин, т. XIII, стр. 251). Добавим, что и программа, и Ленин говорили о капиталистически-развитых странах. Россия, несмотря на быстрый темп промышленного развития и усвоение передовых организационных форм, несомненно позже Зап. Европы и Америки вступила в новейший этап капитализма. Против этого, надеемся, Е. Л. Грановский спорить не станет. Наши справки свидетельствуют о том, что для молодых, да и для старых авторов бывает иной раз полезно, на ряду с изучением архивных материалов, заглядывать и в популярные (и потому часто забываемые) документы. Это могло бы их избавить от труда затрачиваемого на всевозможные „открытия“. А если их уже очень одолевает жажда ниспровержения установленных взглядов и мнений, то надо по крайней мере делать это открыто, не маскируя этого полемикой против Ванага. Какую же, однако, аргументацию развивает Е. Л. Грановский в подкрепление своего сногсшибательного тезиса. Довольно жалкую. Во первых из системы монополистического капитализма наш автор исключает важнейший признак — признак монополий. Важнейшие русские монополии были, как известно, созданы в 900-х годах. В 90-х годах их не было, за исключением сахарного синдиката и еще пары второстепенных об'единений. Но для Грановского существование монополий—дело десятое. Он зарылся в банковские архивы и кроме балансов, контокоррентов, онколей и пр. для него ничего не существует. По этим балансам видно, что банки играли крупную роль в финансировании промышленности. Сращивание банков и предприятий — вот звено, уцепившись за которое, он тянет цепь трафаретных умозаключений. Раз сращивание — значит, финансовый капитал, значит финансовый капитализм, значит империализм. Следуя этому методу Е. Л. Грановский мог бы установить наличие финансового капитализма в 70-годах, в период жел.-дор. строительства, к которому были довольно близко причастны банки иностранные и русские. Эпоху финансового капитала можно было бы на Западе начинать со времен учреждения Credit mobilier, деятельности братьев Перейра и железных дорог.

За организационной формой Е. Л. Грановский не видит масштабов, и потому с легким сердцем принимает зародыши за развитые формы. Отсюда— его совершенно дикие преувеличения. Банковскую группу с основным капиталом в 29 млн., которая могла бы уместиться в жилетном кармане какого-нибудь современного банкира средней руки, он считает „мощным об'единением“. К концу 90-х годов, когда весь капитал всех банков составлял каких нибудь 180 млн., он полагает, что „русская банковская система достигла такой степени концентрации ($4^1/_2$ — 5 млн. в среднем на крупнейшие банки?), когда для нее стало возможным в широких размерах финансировать крупные концентрированные промышленные предприятия, сращиваясь с ними“. В качестве признаков сращивания автор приводит ряд таблиц, доказывающих существование личной унии между большинством крупных акционерных предприятий и банками. К сожалению, трудно определить значение приведенных материалов, поскольку автор не дает точных указаний об источниках. Но независимо от этого, личная уния сама по себе не решает дела. Во-первых, необходимо еще проследить, насколько она была длительной и прочной (непрочная связь, как указывает Ленин, не составляет характерного признака империалистической эпохи). Во вторых — для финансового капитализма характерна не личная уния банков с промышленными предприятиями вообще, а об'единение в этой форме банковских и промышленных монополий. Между тем, именно такая форма связи отсутствовала в 90-х годах, за неимением промышленных монополий. Что касается прочности связей, то сам автор указывает, что в период депрессии, наступившей в 1900 г. об'ем взаимоотношений банков и промышленности сократился и относительно и абсолютно.

О финансовом капитализме в России нельзя говорить серьезно не только по отношению к 90 м годам, но даже по отношению к периоду депрессии 1900—1908 гг. 90-е годы были эпохой создания русского промышленного капитализма, создания тяжелой индустрии. Что касается банковой системы, то настоящее ее развитие можно отнести лишь к периоду 1909 — 1914 гг. Пара цифр может служить в этом отношении достаточной иллюстрацией. За период 1894 — 1899 гг. акционерный капитал увеличился со 114 млн. до 185 млн., т.-е. примерно на 60%. С 1900 по 1905 гг. увеличение составило всего 2%, 1905 — 1910 гг. — 23%, 1910 — 1914 гг. — 203%. Рост вкладов (соответственные периоды): 100%, 40%, 55%, 100%. (В 1914 г. вклады составляли 2.542 млн. против 320 млн. в 1895 г.). Счет корреспондентов в 1895 г. составлял 101 млн., а в 1910 г.—318 млн., в 1914 г.— 1.264 млн. Этих цифр достаточно, чтобы показать, что именно последнее предвоенное десятилетие по темпу роста и по абсолютной величине мобилизуемых капиталов дает право говорить об изменении организационной структуры капитализма, о финансовом капитализме. Темпы роста промышленности при сопоставлении тех же периодов дают обратную картину. По большинству отраслей период под'ема 1910 — 1914 гг. дает более низкие показатели движения, чем период 1894 — 1899 гг. Такие же выводы можно получить и при сопоставлении степени концентрации капиталов в 90-х и 900-х годах, монополистического движения и пр.

Не будем останавливаться на других периодах, затрагиваемых автором. Заметим лишь, что его полемика против Гиндина, утверждающего с полным основанием, что во время войны роль банков несколько ослабела, столь же неудачна, как и полемика с Ванагом о роли банков в 90-х годах. Здесь опять-таки с нашим автором злую шутку сыграли организационный фетишизм и неумение рассматривать вещи в их реальных количественных соотношениях. Все факты, приводимые им в доказательство своей мысли, свидетельствуют только о том, что в период войны усилилась банковская спекуляция промышленными ценными бумагами, но спекуляция свидетельствует не об усилении контроля банков, а скорее об обратном (в этом отношении Ф. Енотаевский правильно критикует ходячие представления о роли банков).

Курьезно, что когда Е. Л. Грановский переходит к рассмотрению вопроса о взаимоотношениях русских и иностранных финансовых групп, он сам вспоминает об этой роли спекуляции, правда, невпопад, пытаясь доказать, что усиление доли иностранного капитала в русских промышленных фондах не тождественно с усилением влияния иностранного капитала. Не будем останавливаться здесь на многочисленных сомнениях, возникающих почти на каждой странице этой части работы. Общее утверждение Грановского, что иностранные банки при эмиссии ценных бумаг преследовали главным образом спекулятивные цели, а русские банки — цели контроля и руководства промышленным грюндерством ровно ничем не доказано и является просто плодом фантазии. Русские банки отнюдь не были „благороднее“ иностранных и учредительской прибылью отнюдь не брезговали. А повышение доли иностранного капитала в акционерных предприятиях за период с 1894 — 1913 гг. (с 23% до 40%) настолько несомненный факт, что при всем желании отмахнуться от него организационными схемами и ссылками на национальный состав правлений акционерных обществ, автор вынужден в конце-концов, с ним считаться.

К сожалению, место не позволяет нам остановиться на анализе автором тенденций „национализации“ или „денационализации“ русского капитализма, тем более, что вопрос сам по себе довольно сложен. Отметим лишь курьезный способ аргументации автора: признание русского империализма не самостоятельным фактором, Грановский считает равносильным отожествлению России с колонией. Это совмещается с довольно своеобразным пониманием сущности колониальных отношений. Так, высокий удельный вес иностранного капитала в туземной промышленности есть признак колониальной зависимости, а эксплоатация страны при помощи государственных займов (Франция — Россия) отнюдь не причисляется к важнейшим признакам колониальных отношений. Трафаретное приложение ленинской формулы империализма, без уменья вникнуть в особые условия времени и места, лишает автора возможности понять, что в дореволюционной России (которая по Ленину принадлежала столько же Европе, сколько и Азии) совмещались черты колониальной и империалистической страны при чем русский империализм только отчасти вытекал из стремлений монополистического капитала. Борьба между Россией и Англией, на которую ссылается автор, носила по Ленину вековой характер, равно как вопрос о Константинополе и проливах, тогда как в монополистическую стадию Россия вступила лишь в XX веке.

Отвергая концепции автора, основанные на теоретических ошибках и исторических преувеличениях, мы тем не менее, считаем ценной конкретную часть работы Е. Л. Грановского и в этом смысле рекомендуем ее читателю.

А. Светлов.

А. Гордон. „Система плановых органов СССР". Под редакцией и с предисловием Г. М. Кржижановского. Изд. Комм. Академии, 1929 г., стр. 65, цена 70 к.

Плановые органы находятся на пороге своего десятилетнего юбилея. Десять лет борьбы за план вписали в актив плановых органов не мало серьезных достижений. От анализа, разработки отдельных „ударных" вопросов, выдвигавшихся текущим хозяйственным днем, от отдельных экспертиз до синтетического охвата перспектив хозяйственного развития страны в пятилетнем плане,— таковы начальная и конечная (на сей день!) точки развития деятельности системы плановых органов. Еще недавно — годовой план народного хозяйства был только почти литературным документом, слабо используемым для повседневного руководства в практической работе; ныне же пятилетний перспективный план, утвержденный V с'ездом советов Союза ССР — обязательная директива, производственная программа для всего трудового коллектива страны.

Опыт планирования народного хозяйства за истекшее время начинает служить предметом исследований, теория и практика планирования входит в учебные планы вузов как научная дисциплина, создаются специальные отделения планирования, готовящие кадры для плановой системы. Между тем, мы до сих пор не имеем еще даже попыток подытожить хотя бы в сжатом очерке историю борьбы за план.

Рецензируемая работа А. С. Гордона, является первой попыткой дать очерк эволюции системы плановых органов и уже по одному этому она представляет интерес. Книга дает очерк эволюции организационных форм работы по планированию народного хозяйства с первых дней Октябрьской революции до настоящего времени, причем в основу очерка положен, главным образом, законодательный материал, вышедший за это время.

Практические попытки планового ведения народного хозяйства начинаются с первых дней Октябрьской революции и они находят свое организационное выражение в создании Высшего совета народного хозяйства, который, по мысли своих основателей „вырабатывает общие нормы и планы регулирования экономической жизни страны, согласует и об'единяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений (совещание по топливу, металлу, транспорту, центральный продовольственный комитет и проч.) соответствующих народных комиссариатов".

Фактическое же развитие системы органов ВСНХ пошло по иному пути, ВСНХ не сложился в единый хозяйственный центр планового регулирования народного хозяйства, впоследствии эти функции с него были в законодательном порядке сняты.

„Непосредственным преемником плановых функций ВСНХ, как хозяйственного центра, следует считать Госплан, Совет Труда и Обороны, но между ВСНХ и Госпланом стоит орган, ныне почти совершенно забытый — Комиссия использования". Это был также орган, ставивший задачи планового характера, притом не в ограниченной ведомственной области, а с точки зрения народнохозяйственного целого — задачи установления и рационализации связей между оказавшимися разрозненными клеточками народнохозяйственного организма" (стр. 16). Но и опыт работ „Комиссии использования" в построении плана был неудачным.

Причина неудачи планирования народнохозяйственного процесса периода военного коммунизма кроется, конечно, не в несовершенстве организационных форм, а в хозяйственной обстановке того времени. Страна, превращенная в осажденный лагерь, в период гражданской войны, отбиваясь от многочисленных врагов, не могла осуществить никакого хозяйственного плана. Этому периоду соответствовали ударные методы хозяйствования, отдельные независимые друг от друга задания в том или ином направлении. Да и не было необходимых предпосылок для того, чтобы сделать какую-либо сводную работу, в которой можно было бы предвидеть хозяйственное развитие.

„В военное время поневоле пришлось отбросить всякие поползновения провести в жизнь стройные государственные хозяйственные планы, вытекающие из существа хозяйственной обстановки всей той громадной территории, границы которой надо было еще утверждать огнем и мечом",— так характеризует Г. М. Кржижановский в своей работе „Хозяйственные проблемы РСФСР" тот период жизни страны.

Но если, однако, период военного коммунизма был периодом неудачных попыток практического планирования народного хозяйства, все же именно в этот период намечена была генеральная веха последующей великой работы по восстановлению производительных сил страны на основах новой техники. В марте 1920 г. IX с'езд ВКП (б) выносит решения о едином хозяйственном плане хозяйственного возрождения страны, намечающий ряд очередных, последовательных друг друга обусловливающих задач. Этот план в основе должен иметь опору на новую технику. „Надлежит", читаем мы в резолюции с'езда,—„во главу угла технической стороны дела поставить широкое использование электрической энергии", при этом с'езд дал указания в какой именно последовательности.

Вслед за этим на VIII с'езде советов был доложен „План электрификации РСФСР", оцененный с'ездом как „первый план великого хозяйственного начинания". Это был по сути дела, правильно замечает тов. Гордон —„первый опыт генерального плана народного хозяйства и первый опыт синтетической плановой мысли" (стр. 27).

„Новая экономическая политика" создала „резкий отрыв в преемственности хозяйственного опыта военной фазы нашей революции" [1]. Однако этот отрыв касается лишь методов хозяйственного строительства, а не целевых установок. Интенсивная работа плановой мысли в предыдущий период была теперь с переходом к мирному строительству подхвачена практически и легла в основу плановой работы.

В начале 1921 г. следует целый ряд правительственных актов, положивших начало системе плановых органов страны. 22 февраля утверждается Общегосударственная плановая комиссия, „для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе одобренного VIII с'ездом советов плана электрификации", в марте создаются центральные и ведомственные плановые комиссии „для устранения параллелизма и несогласованности, для увеличения стройности и упрощения экономического аппарата и для создания правильной соподчиненности его частей", в июне создаются местные экономические совещания, на которые возлагаются и плановые функции, а впоследствии из них вырастают местные плановые органы. Так в основном создалась та система плановых органов, которая действует до настоящего времени.

В дальнейшем тов. Гордон отмечает такие этапы в организации плановой системы: „1) 1921—1924 гг. первоначальный период создания материальных и организационных предпосылок планового охвата хозяйства, 2) 1924—1926 гг.—период интенсивного, так называемого „восстановительного процесса" и усиления наркоматского регулирования, 3) 1926—1927 г.— начальный период так называемого „реконструктивного процесса" и организации обобщающей работы плановых органов, 4) период после XV с'езда партии — незаконченный еще переломный период в организации плановых органов и методов их работы".

Такое разграничение, как признает и сам тов. Гордон, весьма условно, и мы бы сказали, в известной мере надумано. Эта надуманность видна из того, что тов. Гордону не удалось в последующем изложении четко (хотя бы в основном) отделить один этап от другого. Вместе с тем и сам очерк работы плановой системы за этот период времени страдает неполнотой и несистематичностью. В основе же все-таки эволюция показана верно. Первое время после НЭПа Госплану не удалось приступить к созданию единого хозяйственного плана. Обстановка первых годов НЭПа заставляла бросить почти все силы, все внимание на текущие вопросы. Погоня за „цельным, целым, настоящим планом" в тот период времени была бы бюрократической затеей. Через два года только Госплан впервые приступил к синтетическому анализу хозяйства. Путем организации кон'юнктурных наблюдений и лишь через четыре года дал первый опыт единого хозяйственного плана на год вперед, ввиде „контрольных цифр" на 1925/26 хоз. год. Масштаб плановой работы постепенно вырастал „в меру создания материальных для нее предпосылок в самом растущем хозяйстве". В период 1921 — 1924 г. созданы были эти основные предпосылки—перевод предприятий на хозрасчет, трестирование, разбивка их на союзные, республиканские и местные, реорганизация кооперативной системы, введение твердой валюты, организация бюджета и создание системы кредита и сети кредитных учреждений и т. п., без чего хозяйственный план не был бы возможен.

К тому же предстояло преодолеть широко распространенные „вреднейшие остатки административной партизанщины", вытекавшие из хозяйственной обстановки первых лет НЭПа и частично унаследованные от военного коммунизма". Еще сейчас это порою чувствуется и за план приходится вести в практической действительности основательную борьбу. Происходившие плановые совещания, с'езды неизменно отмечали недостаточную согласованность плановой системы Госплана с наркоматскими органами, что затрудняет плановую работу. XV с'езд партии, отмечая „значительный шаг вперед в деле составления плановых заданий", признал необходимым „усиление плановой дисциплины, укрепление плановых органов и улучшение планового руководства". Состоявшийся после XV с'езда ВКП(б) III с'езд президиумов госпланов также отмечает в своей резолюции что „единство народного хозяйства Союза ССР диктует необходимость такой организационно - методологической увязки работ Госплана СССР с отдельными республиками и областями, союзными ведомствами, которая полностью обеспечила бы за Госпланом СССР возможность построения проекта единого общесоюзного пятилетнего плана развития народного хозяйства" (курсив мой А. П.).

Если за истекший период построение единого общехозяйственного плана было

[1] Г. Кржижановский, „Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Госплана", стр. 25.

основным содержанием плановой работы, нашедшей свое завершение в построении пятилетки, то важнейшей организационной проблемой этого периода была борьба за единство плановой системы, за укрепление аппарата плановых органов работающего на основе единого директивно-методологического руководства. Одновременно шла большая работа по созданию кадров плановой системы, и методов коллективной работы, которые дали бы возможность плановой системе впитать в себя опыт многочисленного коллектива хозяйственников, научных работников и общественных организаций страны. В этой части плановая система имеет существенные достижения, но впереди еще предстоит большая работа.

Мы отметили выше, что вторая часть работы тов. Гордона (гл. V — VIII) страдает неполнотой и не систематична. В частности, тов. Гордон совсем мало уделил внимания работе Госплана над контрольными цифрами и перспективным планом. Этому посвящены буквально немногие строки. Глава VIII „Синтетическая работа системы плановых органов“ пожалуй наиболее бледная из всей книги. Между тем организационные вопросы усугублялись и выпирали именно по мере развертывания синтетических работ. Тов. Гордон совершенно обошел вопросы связи плановых органов с наукой и научными учреждениями, с кооперацией и общественными организациями — а это тоже характерная для последнего этапа плановых органов задача. Без приводов к этим организациям плановая система не сможет быть вооружена должным образом для своей работы.

Наконец, мы считаем недостатком книги чрезмерную перегруженность всякого рода справками из законодательного материала. Многочисленные ссылки, цитаты, тщательно датированные, свидетельствуют о большой кропотливости и научной добросовестности автора, но они иногда идут за счет экономического анализа и обусловливают трудность изложения. Читателю нелегко выбрать основное и существенное, книга страдает сухостью изложения, трудно воспринимаема, в некоторых местах походит скорее на юридические комментарии к собранию узаконений и распоряжений. Если бы автор не увлекся этой стороной работы, книга значительно была бы четче, проще и доступнее.

Несмотря на эти шероховатости все же книга тов. Гордона заслуживает внимания и найдет читателя, желающего ознакомиться с историей борьбы за план.

А. П.

А. М. Маркевич, „Межселенные машинотракторные станции“. Предисловие Кржижановского. Изд. „Плановое Хоз.“ 5 издание, Москва, 1929 г. стр. 304, ц. 1 руб.

За последнее время внимание нашей партии и всей советской общественности приковано к вопросу коренной реконструкции наиболее отсталой отрасли народного хозяйства, — сельскому хозяйству. Не случайно вопросам сельского хозяйства уделяется такое исключительное внимание на всех наших партийных С'ездах, Пленумах, Конференциях.

По существу дела мы стоим сейчас накануне перелома, который открывает огромные перспективы развития социалистических форм сельского хозяйства. Надвигается новая эпоха в строительстве сельского хозяйства, дающая возможность разрешения одной из основных проблем, тесно связанной с построением бесклассового общества, а именно: уничтожение противоречий между городом и деревней. В этой области встречаются и величайшие затруднения. Трудности строительства крупного сельского хозяйства на высокой технической базе, усугубляется тем, что эта отрасль народного хозяйства менее всего изучена и почти не имеют опыта в прошлом.

Работа тов. Маркевича представляет огромную ценность, именно потому, что она пытается теоретически обобщить опыт организации „крупного механизированного производства из сотен и тысяч единоличных мелких хозяйств“. Выход из противоречивого положения, которое создают современные формы мелкого сельского хозяйства тов. Маркевич видит в создании крупных энергетических машинотракторных станций, где будут сосредоточены и выработка двигательной энергии и усовершенствованные орудия производства и где может быть решен вопрос о преодолении современной интегральной усадьбы.

Основная задача, которая стоит перед машинотракторной станцией — это „необходимость найти те приводные ремни, через которые станция должна привести в движение тысячи окружающих крестьянских хозяйств“.

Говоря о деятельности первой машинотракторной станции тов. Маркевич подчеркивает со всей решительностью необходимость организации не тракторных колонн, а именно машинотракторных станций, исходя из экономии наших технических ресурсов. В доказательство последнего автор дает подробную картину

деятельности совхоза им. Шевченко, обслуживающего в настоящий момент 26 сел с общей площадью в 24 тыс. *га*. Во всех этих 26 селах земельная площадь обезличена, стерты межи и установлен правильный севооборот. Распределение продукции установлено пропорционально числящимся за крестьянами земельным наделам. По такому же принципу установлено и распределение труда между отдельными дворами. Подчеркивая затруднения в организации машинотракторных станций тов. Маркевич указывает, что „решающими факторами преодоления всех трудностей являются создание выгодности обобществленного механизированного производства плюс огромное культурное воспитательное действие машин“.

Но автор разбирает не только вопросы плановой организационно-технической работы станции, он специально останавливается на социальной проблеме, отмечая трудности, идущие со стороны противодействующего работе станции кулачества, считая, что станция не должна стоять в стороне от классовой борьбы, происходящей в деревне, а должна быть активным организатором бедняцко-середняцкого актива.

Рисуя перед читателем путь машинотракторной станции тов. Маркевич устанавливает то исключительно важное положение, что крестьянин переходит на высшую производственную форму без необходимости немедленной ломки своего быта.

„Не через новый быт к высшей технике, а через высшую технику к новому быту“.

Давая технико-экономический анализ производства машинотракторной станции, тов. Маркевич пользуется в своих расчетах с одной стороны материалами механизированных совхозов, с другой материалами механизированного хозяйства С.-А. С. Ш., корректируя этими данными расчеты по машинотракторной станции. Рассчеты эти сделаны в отношении района экстенсивного парового зернового полеводства степной Украины, но тем не менее основные принципы построения МТС могут быть образцом и для других районов, которым применительно к своим условиям придется строить свои конкретные расчеты.

Что же дают детальные расчеты агронома не только теоретика, но и практика, черпающего из своего опытного поля все эти колонки цифр при оптимуме сельскохозяйственного производства в 50 тысяч *га* пахотной земли, учитывая 20 — 25% неудобных земель, при охвате всех расположенных вокруг станции сел радиусом 14—15 *км*, капитальные затраты, оказывается, составляют 30 р. на гектар, а оперативные расходы составляют 9 р. 30 к. на гектар, при чем 47,4% всех оперативных расходов составляют ремонт и амортизация тракторов и сел.-хоз. инвентаря.

Сравнительный анализ основных результатов нового производства с индивидуальным сельским хозяйством показывает повышение урожайности в первый же год существования МТС в 40% по сравнению со средней крестьянской урожайностью. Улучшается также и качество зерновой продукции. Значительно изменяется себестоимость зерновой продукции. Если в условиях крестьянского хозяйства себестоимость центнера зерновой продукции равняется 5 р. 36 к., то в условиях МТС она понижается до 1 р. 86 к. Все приведенные расчеты касаются лишь полеводства в части его зерновой продукции.

Обобществление в первые годы работы МТС полеводства, на основе крупной механизации не дает еще полного эффекта и в дальнейшем неизбежно должны быть включены в процесс обобществления и животноводство и интенсивные отрасли сельского хозяйства. Но и приведенные данные в отношении полеводства являются ярким показателем того переворота, который вносит МТС не только в технику, но и в экономику сельского хозяйства.

В главе об оптимальных размерах сельхоз. производства, автор блестяще показывает всю несостоятельность установок проф. Чаянова по этому вопросу. Тов. Маркевич доказывает путем тщательного анализа, что даже и в пределах взятых им для расчетов размеров станций 5.000—100.000 *га* нет еще оптимального размера производства, в том смысле как это принято у Чаянова. Оптимальным размером производства в районе зернового хозяйства автор считает площадь 40—50 тыс. *га*. „Но при всей яркости результативных цифровых данных, решающее значение имеет качественная сторона всего производства“.

Рисуя перспективы развития МТС, тов. Маркевич отмечает, что со стороны крестьянства, т.-е. его бедняцко-середняцких слоев, организация встречает исключительно сочувственное отношение, неизбежно встречая резкое сопротивление со стороны кулацкой его верхушки. Это является лучшим ответом тем скептикам, которые высказывали опасение, что организация эта не сумеет захватить массы крестьянства. Доказательством популярности идеи создания МТС является так же и то обстоятельство, что Шевченковская станция теперь не является уже единичным случаем, а имеет своих последователей. Следуя шевченковскому опыту, хлебоцентр развивает аналогичную работу в ЦЧО. „В этом отношении произведенный опыт имеет для нас — как говорит тов. Маркевич — историческое значение“.

Приводя все преимущества организации МТС в смысле наиболее рационального использования наших организационно-технических и финансовых рессурсов

автор отнюдь не противопоставляет эти организации колхозным формам движения. Напротив он говорит, что если бы организация станций ослабила темп развития существующих колхозных форм, то вместо положительных мы достигли бы отрицательных результатов, ибо „перевод всего нашего сельского хозяйства на высшую техническую базу потребует более или менее длительного периода".

Подробно останавливаясь на производстве МТС тов. Маркевич говорит, что коренной принципиальной разницы между этой формой организации и колхозами нет и что „МТС является высшей производственной формой коллективного строительства", которая в конце концов должна стать „технической базой ленинского кооперативного плана".

МТС применяющие сейчас тракторную двигательную энергию, двигатели внутреннего сгорания, должны перейти в дальнейшем на применение электрической двигательной энергии.

Показывая нам первый опыт строительства сел.-хоз. производства на высокой технической базе, придавая очень большое значение организационному вопросу, автор сигнализирует опасность стихийного неорганизованного строительства машинотракторных станций. „Эта опасность имеется по той простой причине, говорит тов. Маркевич, что недостаточно еще осознано отсутствие принципиального отличия между крупным производством в сел. хозяйстве и промышленности".

Этот организационный момент необходимо особенно подчеркнуть в связи с тем, что на страницах нашей прессы обсуждается вопрос об организации центра, который мог бы об'единить работу МТС. Требуется сугубая четкость в организационных формах, иначе смелое, революционное начинание перестройки сельского хозяйства может пострадать.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на всех вопросах разбираемых автором в связи с организацией машинотракторной станции, как например, на вопросах землеустройства и аграрного перенаселения и др. Отметим лишь, что правильно было указано на страницах „Правды" что можно и должно внести целый ряд поправок к установкам тов. Маркевича в области технического оборудования МТС, например, относительно мощности применяемых тракторов, целесообразности применения комбайнов, наконец целый ряд поправок в калькуляционные подсчеты себестоимости обработки гектара, но все это ни в какой степени не умаляет значения проделанной громадной работы.

Лучшим образом данную работу характеризует тов. Кржижановский в своем предисловии к ней. „Труд Маркевича,— пишет он,— новый шаг, шаг вперед для конкретного и синтетического охвата всех мероприятий, до сих пор развивавшихся нами в области сельского хозяйства и при том такого охвата, которым завершается диалектический подход к самым трудным вопросам социалистической реконструкции сельского хозяйства".

М. К.

К. Розенталь. „В защиту индустриализации СССР". Изд. „Моск. Рабочий" 1928, стр. 135, ц. 35 к.

Сама необходимость писать на такую тему в 1928 г. может показаться странной. Не лучше ли писать как проводить индустриализацию, чем доказывать необходимость индустриализации. Задача пропагандирования идей индустриализации не только не отпала, но становится все более настоятельной. Брошюра тов. Розенталя и служит хорошо этой задаче, давая ясно и популярно изложенную сводку взглядов в защиту индустриализации. Рецензируемая книжка правильно знакомит средний актив с нашей политикой индустриализации, удачно вскрывая как правые, так и „левые" ошибки. Тов. Розенталь ставит вопрос на правильные теоретико-экономические рельсы, рассматривая проблемы индустриализации на фоне анализа зависимости между производством и потреблением, производством средств производства и производством средств потребления, между промышленностью и сельским хозяйством. В этом смысле его „промышленная" концепция является народнохозяйственной.

Автор приводит следующую цепь аргументаций. Капитализму присущ закон перепроизводства. Расширять платежеспособный спрос, увеличивая зарплату, для него так же невозможно, как невозможно ему поднимать самого себя за уши. Ведь непосредственным стимулом для капиталистического производства служит не удовлетворение потребностей, а мотив прибыли.

У нас же основной закон воспроизводства трансформируется. Подобно тому как капиталистическая индустриализация не разгружает от перепроизводства предметов личного потребителя, так и социалистическая индустриализация не является основной и, во всяком случае, единственной причиной товарного голода. Наш спрос становится более массовым и квалифицированным. Потребление и потребности растут с неимоверной быстротой.

Направить основные ресурсы на удовлетворение потребностей, на легкую индустрию, значило бы лишить себя возможности расширенного воспроизводства, потребления. Начав с крестьянского конца, мы все равно почувствовали бы лимит, узкое место в состоянии тяжелой индустрии. На данном этапе борьбы за урожайность смычка не может ограничиваться „ситцевым характером". Само развитие группы *Б* без группы *А* невозможно (длительно, скажем от себя).

Тов. Розенталь совершенно правильно указывает, что ликвидировать структурные аномалии нашей экономики методом равномерного развития для нас невозможно. Также верно и указание на вульгаризацию балансового метода, за которым скрывается „равнение направо" по минимуму, по узким местам. Надо отметить, что роль баланса, как средства вскрыть степень пропорциональности в нашей экономике, измерить закон цепной связи совершенно не утрачивает своей роли при политике ведущего звена, проводимой в отличие от идеи равновесия, an und für sich, прикрывающей неправильные экономические и политические взгляды. Баланс должен составляться для каждого уровня развития; баланс должен иначе выглядеть на каждой фазе движения народного хозяйства.

Народнохозяйственный подход должен сказаться в расшифровке понятия оптимального сочетания развития промышленности и сельского хозяйства. Методами этой расшифровки должны служить анализ соотношения товарных масс уровней цен, проблемы аграрного перенаселения и безработицы, сырьевых ресурсов страны. Этой стороне дела тов. Розенталь уделяет мало внимания.

Вторым, более существенным дефектом является недостаточно определенная трактовка ведущего начала. Тов. Розенталь подчеркивает все время два звена: металл, химию. Но единое и основное ведущее звено, синтетически об'единяющее все народнохозяйственные рычаги — это электрификация. Автор несколько раз, правда, упоминает об электрификации, но делает это вскользь, бегло, без придания энергетической проблеме того огромного технического, экономического и социально-организационного значения, которое справедливо придается ей, в особенности Госпланом. Получается такое представление, что металл (и химия) являются предварительными предпосылками электрификации, реконструкции. Это верно в общей форме, поскольку каждая новая хозяйственная фаза должна иметь определенную среду вокруг себя. Но сама электрификация создает эту среду в значительной мере и помогает опустить целый ряд этапов развития, ставя народное хозяйство сразу на более высокую основу.

Наша индустриализация должна носить с технической стороны такой же преимущественный характер, какой она носит со стороны социальной. Вопрос об электрификации не занимает того органического места в его расчетах, как металл. Проблема темпа самым тесным образом связана с этой проблемой. К ней же примыкает и проблема благосостояния и товарного голода. Все подсчеты баланса труда и баланса спроса и предложенья показывают, что вопрос о занятии избыточной рабочей силы не может быть решен просто индустриализацией, а такой лишь индустриализацией, которая резко увеличивая производительность народного труда и вовлекая новые контингенты в производственный процесс, вместе с тем увеличила бы массу производимой продукции. А это и есть путь „поднятия тяжелой промышленности на базе электрификации, энергетического перевооруженья". (Кржижановский).

У нас накопление составляет в народном доходе около 22%, т.-е. оно выше чем в любой капиталистической стране. Основываясь на преимуществах новой социальной, плановой системы, мы растем быстрее передовых стран капитализма в $2\frac{1}{2}$ раза. Этому благоприятствует то, что мы поднимаемся с низкого уровня, но не с низкого уровня „китайского", с которого как раз трудно быстро подниматься в виду отсутствия организационных условий, при отсутствии более или менее развитой промышленности. Мы быстро двигаемся от низкого уровня, в котором уже начат процесс машинизации народнохозяйственного труда. Сохранить надолго этот темп, перекрывая задачи удовлетворения потребительского спроса можно лишь при привлечении внимания широких масс к энергетической стороне дела.

Попутно надо отметить некоторую неточность, или оговорку, называющую СССР страной „преимущественно аграрной". При оценке Октябрьской революции как пролетарской и при формулировке тов. Сталиным задачи превращения СССР в страну промышленно-аграрную — наша экономика все время квалифицируется как аграрно-промышленная.

При этих замечаниях работа тов. Розенталя очень толково выполняет цель углубленной пропаганды индустриализации. Мы все еще не умеем выпускать такие брошюры в большом числе экземпляров.

М. Персиц.

Бюджеты горно-заводского населения Урала в 1926/27 г. Уральское областное статистич. управление. Серия III. Вып. 6. изд. Уралстатуправления. Свердловск. 1928 г. Цена 1 р. 50 к. Стр. 117 + XV.

Развитие советской статистики труда имеет на своем пути одно препятствие, малое проявление местной инициативы, направленной к исследованию местных же проблем. Этот дефект нельзя отнести целиком за счет недостаточной активности или малой подготовленности местных статистических сил. Местные статорганы бывают обычно загружены и перегружены плановыми заданиями центра, не предусматривающими никаких специальных местных исследований и никаких на это дело ассигнований. В этом деле, можно сказать, дает себя знать обратная сторона той крайней централизации статистического аппарата и статистической деятельности, которая свойственна всей системе нашей государственной статистики. С тем большим интересом и вниманием приходится встречать всякое исследование, освещающее какую-либо наболевшую местную проблему. Рецензируемая книга и является одной из таких работ. Она освещает специфическую проблему Уральской области — вопрос о собственном производительном хозяйстве горнозаводского населения, особенно рабочей его части.

Здесь уместно напомнить в самых общих чертах сущность проблемы.

Уральские заводы, как известно, имеют большую историю. Горная промышленность Урала вся выросла на крепостном труде посессионных рабочих. Местное население горнозаводского Урала это — потомки тех, которые в свое время, в качестве крепостных крестьян селились вокруг возникавших заводов. Вся рабочая политика владельцев посессий была направлена к тому, чтобы иметь в постоянном резерве достаточный запас рабочей силы с минимальным расходом на его содержание.

Отсюда наделение посессионных рабочих земельным наделом (покос, огород, усадьба и иногда даже пашня), достаточным для полуголодного существования. Заводчик убивал таким образом сразу двух зайцев: он закреплял за собою максимальное количество живой рабочей силы людей, беря на себя ее оплату лишь в той мере, в какой она привлекалась для работы на заводе. Вместе с этим он всей своей земельной политикой поощрял ведение лишь такого хозяйства, которое стимулировало тягу на завод и делало связь с заводом крепче, чем простой договор найма. Уральский заводчик использовал не только живую силу своего рабочего, но также и его скот — лошадей, разведению которого он содействовал, предоставляя рабочему покос и лишая его пашни. По меньшей мере двухсотлетняя история уральских рабочих не могла не положить своего отпечатка и на их современный быт, как, впрочем, и на уклад жизни всего населения горнозаводского Урала. Задаче — вскрыть все своеобразие этого быта и посвящена рецензируемая работа. Надо считать, что форма, в какой сделана эта попытка, весьма удачна. Именно массовое бюджетное обследование, охватывающее производство и потребление населения горнозаводского Урала, способно дать достаточно полную и всестороннюю характеристику изучаемого вопроса.

В какой же мере рецензируемая работа удовлетворяет поставленной задаче? Вся работа разбивается на три далеко не равноценных по своему значению части. Общее методологическое введение, составленное автором работы, тов. Д. Л. Майзельсом, как и пояснения к таблицам, в краткой и сжатой форме знакомят нас с принципами и методами обследования и разработки собранного статистического материала. Вторая часть работы публикует основные показатели о производстве и потреблении каждого из 419 обследованных хозяйств. Наконец, в третьей части даны сводки статистической разработки всего собранного материала. Таким образом рецензируемое издание дает по существу материалы к изучаемой проблеме, а не самое ее рассмотрение. В этом и сильная и слабая сторона работы. Сильная потому, что дает возможность продолжать исследование, используя всю ту массу данных, которые приводятся в публикациях индивидуальных бюджетов; слабая потому, что эти публикации не охватывают всего того огромного материала, который собрали организаторы обследования. В публикациях индивидуальных бюджетов, например, отсутствуют имеющиеся по половине обследованных бюджетов данные о затратах времени на ведение хозяйства; отсутствуют также данные о натуральном составе потребления. Не приходится, конечно, доказывать, насколько ограничивает возможности исследования отсутствие этих кардинальнейших сведений. Указанный недостаток, впрочем, только лишний раз подчеркивает достоинства имеющихся в рецензируемой работе публикаций. То громадное количество данностей, которые в них приведены о каждом из обследованных хозяйств, дают исследователю, хотя и ограниченное, но достаточно большое поле для суждения не только о специфических проблемах Урала, но и о вопросах, выходящих далеко за пределы этих местных проблем. Надо принять во внимание, что основную массу обследованных хозяйств составляют рабочие семьи, связанные всеми своими нитями с заводом. И поскольку указанные публикации индивидуальных бюджетов охватывают всякое проявление хозяйственной деятельности такой семьи, поскольку они говорят о составе семьи, об имеющихся в ее распоряжении материальных ресурсах (в частности, о средствах производства), поскольку, далее, они достаточно полно характеризуют результаты ее деятельности как в пределах своего хозяйства, так и вне его (преимущественно на заводе), постольку они дают возможность, минуя специфические проблемы Урала, поставить вопрос вообще о причинах связанности фабричного и заводского рабочего с собственным сельским хозяйством и о путях ликвидации этой связи. В этом отношении рецензируемая работа дает громадной ценности материал, еще ждущий своего использователя.

Третья часть публикаций дает, как уже указывалось, ряд статистических сводок (собственно сводки, результаты исчисления средних, комбинационные таблицы) всего материала исследования, включая в значительной мере и ту часть — о бюджете времени, которая не приведена в индивидуальных бюджетах. Все эти сводки (исключая комбинационные) даны в разрезе социального состава горнозаводского населения: выделены группы рабочих, имеющих и не имеющих собственного хозяйства, выделены крестьяне, выделена типичная для горнозаводского Урала группа возчиков и, наконец, группа „прочих“ хозяйств — преимущественно ремесленников кустарей. Такая система разработки, помимо того, что она знакомит нас с бюджетами всех этих групп населения горнозаводского Урала, оттеняет специфические черты хозяйства основной части этого населения—рабочих.

Все названные группы населения в той или иной мере связаны, с одной стороны, с заводом, с другой — с собственным производительным хозяйством. Даже рабочие, собственное хозяйство которых не удовлетворяет установленному обследованием цензу (наличие одного из следующих 4 признаков: пашни, покоса, коровы, лошади), имеют часто свое производительное хозяйство, выходящее, впрочем, за пределы обычного домашнего хозяйства для собственного потребления. С другой стороны, и крестьянские хозяйства связаны с заводом, ибо продают туда рабочую силу своих членов, либо их рабочую силу вместе с живым и мертвым инвентарем (извоз). В первой из названных групп основная подавляющая масса средств существования добывается путем продажи рабочей силы на завод, во второй — сельским хозяйством.

Между этими двумя полюсами стоят остальные социальные группы. Наиболее интересной из них являются рабочие, имеющие хозяйство, установленного обследованием ценза.

В чем же заключается в настоящее время собственное хозяйство рабочих Урала?

Материалы рецензируемого исследования дают обстоятельный ответ на этот вопрос. В центре собственного производительного хозяйства уральских рабочих стоит молочное хозяйство, с одной стороны, и приусадебное хозяйство — с другой. Карликовый огород и корова встречаются почти во всех обследованных хозяйствах этой группы. И если бы собственное хозяйство уральских рабочих ограничивалось только этими часто встречающимися элементами расширенного пролетарского домашнего хозяйства, то по существу не было бы и никакой проблемы. Для уральских рабочих, однако, типично не то, что составляет основу и цель их хозяйствования, а тот антураж, которым это хозяйство обставлено. Наличие у громадного большинства (83,4%) рабочих земельного надела делает музыку всей проблемы. При ближайшем рассмотрении оказывается, что в большинстве случаев этот надел составляется из одного покоса (60,5% хозяйств имеющих надел). Далее материал сводок совершенно недвусмысленно показывает, что даже в той части, в какой имеется полевой посев, он используется преимущественно для производства зерновых кормов для скота. Наконец, наличие в большинстве (64,5%) хозяйств лошади довершает картину собственного хозяйства уральских рабочих. Это не полноценное крестьянское хозяйство, но и не обычное пролетарское домашнее хозяйство.

Как видно из этого элементарного описания и в еще большей мере — из приводимых в рецензируемых бюджетах данных о товарности продукции и натуральности потребления, основная цель этого хозяйства — производство для собственных нужд. К сожалению, материалы „Бюджетов“ не освещают с достаточной степенью полноты вопрос о рентабельности этого хозяйствования. Но кой-какие и весьма интересные данные все же имеются и в этой части: условно-чистый доход, от собственного производительного хозяйства оплачивает труд, затраченный членами рабочей семьи в среднем в 7,2 коп. в час, т.-е., примерно, по цене срокового с.-х. найма. Однако, эта средняя удовлетворительная норма оплаты скрывает самые различные варианты последней. Во-первых, исследование отмечает наличие некоторой части (8,7%) абсолютно убыточных хозяйств, т.-е. таких, в которых материальные издержки, кроме вложенного в хозяйство труда его членов, превышают размеры валовой продукции. Далее, как показывает специальная приведенная в „Бюджетах“ комбинационная группировка, значительная часть хозяйств с валовой продукцией ниже 400 рубл., (а таких хозяйств около половины) оплачи-

вают в среднем час затраченной рабочей силы по цене много меньшей, нежели рыночная. Подобного рода хозяйства могут держаться лишь избытком рабочей силы, не находящей себе применения на рынке труда. Эта мысль, впрочем, не находит прямого подтверждения в опубликованных сводках. Ее доказательство требует еще специального исследования. Надо полагать, что в виду исключительного интереса проблемы, это исследование не заставит себя долго ждать. „Бюджеты" дают для этого достаточный материал.

В. Львов.

„Водное хозяйство". Сборник статей под редакц. проф. Е. Л. Кенига изд. „Плановое хозяйство", М. Госплан СССР. 1929 г. Цена 2 р. 75 к.

Кроме „Вестника ирригации", издаваемого в Ташкенте и отражающего только часть вопросов водного хозяйства, в нашей печати нет места, где бы дискуссировались серьезные вопросы водного хозяйства; Известия же научно-исследовательских институтов в этой области посвящены исключительно результатам их собственных работ. Появление рецензируемого сборника статей составляет целое событие на фоне нашей скудной „водной" периодики.

Вступительная статья проф. Е. Л. Кенига еще раз подчеркивает значение водного хозяйства в народом хозяйстве СССР и определяет отрасли, входящие в его состав: 1) создание необходимых условий для санитарно-хозяйственного использования вод, 2) водно-земельные мелиорации, 3) обеспечение нужд водного транспорта, 4) использование водных сил, 5) обеспечение потребностей в отношении использования полезного содержимого вод.

Анализируя значение каждой из них, автор указывает на тесную связь между собой всех этих отраслей и на ошибки, проистекающие при разрешении какого-либо одного вопроса без общей гидрологической технической и финансово-экономической связи с другими отраслями Водного Хозяйства.

Отсутствие в настоящее время разрешения организационной проблемы крайне неблагоприятно отзывается на технических и экономическо-финансовых мероприятиях в области водного хозяйства и поэтому этим вопросам на ряду с целым рядом конкретных и реальных предложений автора надо заняться совершенно безотлагательно.

Мы присоединяемся полностью к предложениям Е. Л. Кенига и скажем, что он ими наметил для следующих выпусков „Водного Хозяйства" ряд животрепещущих тем, которые он не смог детально осветить в своей руководящей статье.

Остальные статьи сборника лишний раз подчеркивают идею водного хозяйства, освещая отдельные ее отрасли, намечаемые Е. Л. Кенигом: водная энергия, комплекс Нижнего Днепра, Волга, Дон, Ирригационное строительство, водно-земельные мелиорации и т. д.

В то же время некоторые из них, представляя собой статьи руководящего характера, лишний раз подчеркивают отсутствие хозяина в водном хозяйстве. Так, например, В. В. Гаврилов хорошо осветил водно-энергетические запасы европейской части СССР, а по части Средней Азии, Сибири, Кавказа, едва ли кто-либо сможет это сделать в той же степени приближения. Происходит это от того, что, например, Управление водным хозяйством Средней Азии занимается только ирригационными вопросами и, не имея на это заданий, иногда только попутно принимает на себя разрешение того или иного вопроса в области использования гидроэнергии.

Тема, освещенная А. В. Чаплыгиным о самоокупаемости ирригации, по своему значению вполне заслуживает предоставления в следующих книгах не менее 3—4 листов или даже выпуска отдельной брошюры. Материал по этому вопросу на местах имеется большой и требуется широкое его освещение.

Проблема использования Нижнего Днепра, освещенная Г. А. Черниловым, предусматривает затраты из общей стоимости в 82,75 млн. руб. почти в равной доле на судоходную часть, энергетическую часть и мелиорацию.

Дальнейшая проработка этого вопроса поставит нас перед необходимостью приступить уже к строительным работам, так как полный народнохозяйственный доход всего предприятия определяется в 23,5 млн. руб., а при ее дальнейшем развитии 30—35 млн. руб.

Волго-Балтийский водный путь, соединяющий Астрахань и Ленинград, должен получить определенное место в плане нашего народного хозяйства, так как проделанная технико-экономическая работа, как ее описывает П. В. Цейдлер, уже дает чрезвычайно ценный материал, дающий возможность оценить его громадное экономическое влияние на развитие всего нашего народного хозяйства.

Статья Д. А. Волжина „Основные народнохозяйственные проблемы ирригационного ст-ва в хлопковых районах", повидимому, если судить по примечанию к ней, даже несколько смутила и редакцию „Водного Хозяйства". Это и понятно;

именно эта статья вызовет большую дискуссию, так как до сих пор все наши прогнозы в области хлопководства были чрезвычайно неудачны. Первая треть этой статьи посвящена обзору, главным образом, американского хлопководства и содержит большой фактический материал, позволяющий автору установить некоторые недочеты прогноза тов. Сокольникова в 1926/27 г., полагавшего, что понижение стоимости американского хлопка, является звеном общего процесса снижения мировых цен довоенному уровню. Установив зависимость между ценами хлопка, автор указывает, что нормальное соотношение цен, вызвавшее повышение стоимости хлопка, естественно должно было восстановиться. У нас произошел новый поворот на расширение отечественного хлопководства, от которого мы ошибочно отказались и благодаря этому потеряли темп ирригационного строительства. Излишне доказывать, что развитие советского хлопка имеет для нас огромное значение еще и в смысле освобождения от иностранной зависимости. Некоторые из выводов Волжина могут вызвать возражения главным образом из-за краткости изложения. Турк.-Сиб. ж. д., конечно, окажет существенное влияние на развитие хлопководства в Средней Азии, дав возможность некоторого вытеснения рисовых и зерновых культур, но, как указывает Волжин, освобожденные площади, будучи связаны с водным режимом, могут быть использованы под хлопок и только при соответственной реконструкции ирригационных систем.

Обзорные статьи В. С. Ильина, М. М. Потапова, А. С. Пампулова, М. Я. Власова, А. Н. Ахутина, П. В. Цейдлера по вопросам водных мелиораций, водных сил и водных путей сообщения (без Средней Азии) интересны и показывают только лишний раз, что при правильной постановке организационного вопроса в области водного хозяйства можно было бы достигнуть более четких результатов.

В общем, „Водное Хозяйство" надо признать интересным вкладом в нашу литературу и необходимо продолжать периодический выпуск статей, освещающих водное хозяйство, как отдельную отрасль народного хозяйства.

Необходимо вовлечь в эту работу и наши ВУЗ'ы, которые, к сожалению, не всегда отчетливо выявляют у себя в учебных планах и программах значение водного хозяйства и поставить вопрос о правильной подготовке наших специалистов с точки зрения комплексного значения водного хозяйства. Будет хозяин в водном хозяйстве, будет необходимая увязка всех вопросов, содействующая правильному развитию его.

Б. Шлегель.

Б. Л. Шифринсон. „Теплофикация городов". Под ред. проф. Н. А. Артемьева, с пред. Ж. Л. Танер-Таненбаума, изд. НКВД, 1929 г. 75 стр., ц. 1 р. 50 к.

Несмотря на небольшой об'ем книги и сжатость изложения, она несколько восполняет крайнюю бедность нашей литературы и нашей технической практики по данному вопросу. Вопрос о теплофикации наших городов становится актуальной проблемой и стал уже темой довольно широкой дискуссии. До некоторой степени решение этого вопроса требуется немедленное, так как это определяет план и характер нового энергетического строительства, напр., пункты создания новых электроцентралей в крупных городах, род топлива, типы котлов и турбин и проч.

Помимо чисто экономического значения, централизованное снабжение теплом потребителей должно иметь и известное социально-бытовое значение как один из способов, так сказать, „технического обобществления" городской жизни и быта.

Экономическая роль теплофикации состоит, главным образом, в комбинировании производства электроэнергии с централизованным теплоснабжением (для целей домового отопления, бань, прачечных, больниц и т. п.). Работа тепловых двигателей, производящих энергию, связана всегда с потерей значительной части этой энергии в тепловой форме; кроме того, так как во всех таких двигателях рабочий процесс связан с преорбазованием работающего вещества в газообразную форму, то неизбежны значительные потери энергии, принимающие форму „скрытой" внутренней энергии отработавшего газа или пара. Особенно велик этот род потерь в паровых двигателях, где отработавший пар уносит с собою из турбины или машины колоссальные количества энергии в форме „теплоты испарения". Если в двигателях внутреннего сгорания коэфициент использования энергии топлива достигает 35% (для дизелей), то на лучших паро-турбинных установках он обычно не выше 15—20%, в исключительных случаях до 25%, при работе на паре очень высокого давления. Потерянная энергия „мятого" пара возвращается при его конденсации, принимая форму тепла обычно уносимого без всякой пользы вместе с охлаждающей водою. Регенерация этой „теплоты испарения" (отчасти и использование других тепловых потерь) и есть главный метод теплофикации, позволяющий значительно повысить общий коэфициент использования топлива на

теплосиловой установке. Тот же характер имеет и комбинированное получение энергии и пара для технологических заводских целей, где электроэнергия является как бы отбросом производства.

Практическое осуществление теплофикации наталкивается на ряд затруднений, из коих важнейшие: необходимость сооружения теплопроводной сети, что требует значительных капитальных затрат; некоторое ухудшение чисто энергетического режима станции, хотя и щедро компенсируемое значительным использованием отбросового тепла; неравномерность потребления тепла по сезонам, дням и часам, при чем график спроса на тепло может находиться в самых причудливых соотношениях с графиком потребления электрической энергии.

Книга Б. Л. Шифринсона трактует все эти вопросы энергетического и теплового режима таких централей, ссылаясь на примеры из практики С.-А.С.Ш. и Германии и освещая техническую и экономическую стороны их эксплоатации. На ряде примеров автор показывает, что теплофикация во многих случаях дала экономическую возможность дальнейшей рентабельной эксплоатации технически устарелых („морально" изношенных) электростанций, обреченных вне этого на ликвидацию задолго до их реального физического износа. Впрочем, автор приводит доводы и примеры и в пользу того, что часто и теплофикация сама по себе, вне комбинирования с производством электроэнергии, сводящаяся следовательно к централизованному питанию острым паром, может быть и экономичнее, и гигиеничнее индивидуального отопления.

Интересны указания на „кустование" теплоцентралей в американских городах, напоминающее кольцевание электроэнергии и подобно ему дающее некоторое выравнивание нагрузки и экономию в топливе.

Написана книга простым языком и снабжена большим числом графиков и рисунков. Книгу надо признать бесспорно полезной. Однако, вопреки мнению Ж. Л. Танер-Таненбаума (в предисловии), книга почти не дает материала для конкретного решения вопроса о своевременности и экономической целесообразности теплофикации наших крупных городов, в частности Москвы, если не ограничиваться „априорными" доводами в пользу теплофикации Москвы, как крупного и промышленного центра, питающегося дорогим топливом поневоле.

А. С-ль

„Советское строительство" Ежемесячный политико-экономический журнал №№ 1—12 за 1928 год. Издание Госплана БССР. Минск.

На страницах нашего журнала уже отмечалось, что „Советское Строительство" главное внимание фиксирует на хозяйственных проблемах своего района—Белорусской Социалистической Советской Республики, и что в этом заключается его главное достоинство.[1] Другой положительной чертой журнала следует признать то, что благодаря хорошему подбору материала ему на протяжении года вновь удалось всесторонне осветить хозяйственное и культурное положение БССР.

Если бы попытаться все изобилие материала, помещенного в журнале, свести к некоторым группам, то грубо это можно было бы сделать так. Центральный группой пришлось бы признать темы, освещающие специфические элементы белорусского хозяйства. Сюда следует отнести: мелиоративные вопросы, вопросы лесного хозяйства со всем разнообразием видов деятельности, вытекающей из этой отрасли, вопросы торфяного хозяйства, вопросы мелкой промышленности, особо развитой в БССР благодаря распространенному местечковому расположению населения, местечки, как самостоятельная экономическая проблема, наконец, вопросы экспорта, значение которого в БССР особо важно, благодаря непосредственной близости Польши и Латвии. Следующей не менее важной группой пришлось бы признать темы, затрагивающие культурное строительство БССР. Их значение в Белоруссии особо увеличивается благодаря сожительству нескольких национальностей на сравнительно небольшой территории, с одной стороны, и непосредственной близости этих же национальностей за рубежом,—с другой.

По всей этой линии тем целый ряд авторов бесспорно правильно ставят задачи перед хозяйством БССР и также правильно намечают их разрешение.

На фоне этого узко-местного материала журнал дает ряд статей общеэкономического характера, в которых затрагивается или вообще экономическое положение БССР, или хозяйство республики в связи с построением пятилетнего плана. Не останавливаясь на содержании последних — оно в целом вполне правильно отражает и нашу общую хозяйственную политику и в данном случае политику БССР — отметим только отдельные моменты в этом материале, которые, как нам кажется, недостаточно верны.

Тов. М. Карклин в статье „Основные установки развития народного хозяйства

[1] См. „Плановое хозяйство" № 5 за 1928 г.

и культуры БССР за пятилетие" (№ 8—9 журнала) считает возможным выставить лозунг усиленного темпа развития промышленного строительства БССР на основе местной и завозной сырьевой базы. Другой автор тов. С. Карп в статье „Об уточнении 5-летнего плана промышленности" (№ 10) говорит о твердой целевой установке на индустриализацию и усилении ведущей роли промышленности в БССР.

Ставка на завозное сырье имеет в основе попытку развивать в данной республике все или почти все отрасли промышленности, не считаясь с наиболее рациональным распределением промышленности по Союзу ССР. Индустриализация СССР в данный период — это не значит, что все районы одновременно и пропорционально усиливают и обзаводятся по возможности всеми видами промышленности. Последнюю следует мыслить несомненно только как такое распределение труда в СССР, которое при усилении индустриального труда в общем балансе последнего в то же время давало бы максимум экономических эффектов. А это возможно только в том случае, когда каждый отдельный район Союза оптимально выявит свое хозяйственное своеобразие. Так именно и понимал дело Совнарком Союза, когда по докладу председателя СНК БССР тов. Голоседа постановлял: „Поручить ВСНХ СССР и СНК Белорусской ССР наметить конкретные меры по усилению роли промышленности в народном хозяйстве БССР, главным образом тех отраслей, которые базируются на местном сельско-хозяйственном, минеральном и лесном сырье". Совнарком Союза в полной мере учитывал все моменты хозяйственного положения БССР, в частности и то, что 80 с лишним процентов населения БССР, занято с.-х. трудом и что в промышленности — только около 3%.

Совершенно неверной представляется трактовка задач плановых органов в статье тов. Балабанова П. „Новый этап плановой работы" (№ 8 — 9). Автор пишет, что задачей последних (плановых органов) является научное предвидение экономических событий и явлений на основе изучения конъюнктуры народного хозяйства изо-дня в день, из года в год, анализа статистических и динамических коэфициентов его развития и т. д. По существу Балабанов повторяет буржуазные взгляды господина Кондратьева на вопросы планирования. Странным представляется, почему редакция журнала солидаризуется с автором, когда в других статьях этого журнала о вопросах планирования придается значение и элементу целевых установок. Здесь налицо в лучшем случае неувязка в редакционной работе.

Несмотря на три года своего существования, журналом как будто все еще не найдены свои рамки. Это видно из того, что на ряду с очень краткими статьями практически и теоретически важного значения, помещаются относительно огромные статьи мало интересного содержания. Сюда, например, можно отнести статью тов. Гречико „Уравнительный сбор в 1927/28 г." размером в 28 страниц. Нужно заметить, что даже специальный общесоюзный орган по финансам никогда так много не уделял внимания уравнительному сбору. Затем, совершенно непозволительной роскошью следует признать такую разностороннюю разработку, в сущности говоря, одного и того же налогового статистического материала. А именно, рядом с только что отмеченной статьей по уравнительному сбору журнал дает еще статью тов. Загачина „Сокращение частноторговой сети г. Минска и основные причины этого" (№ 11) и статью тт. А. Милесицкого и В. Рогинского „Динамика и структура товарооборота БССР" (№ 10). Без ущерба для дела все эти три статьи можно было бы об'единить в одной общей теме.

Размер журнала (около 15 листов) заставляет отнести его к категории „толстых". Цена за отдельный номер в 1 рубль и 1 р. 50 к. за двойной. В то же время, если принять во внимание, что средний тираж его 600 экземпляров, приходится заключить, что издание это достаточно убыточно. Думается, поскольку Госплан БССР этот убыток уже несет, в интересах культуры и хозяйства республики представлялось бы правильным этот журнал глубже двинуть в толщу народных масс, соответствующим образом реорганизовав его.

А. Неусыпин

„Северное хозяйство" — журнал Архангельского губисполкома и кооперации. №№ 1—12 за 1928 г.

„Северное Хозяйство" уже шестой год освещает вопросы нашей северной экономики и заслуживает большого внимания, особенно в связи с предстоящим оформлением Северо Восточной Области. Хозяйство севера отличается большим своеобразием. Северо-Восточная Область имеющая плотность населения 3,2 человека на 1 кв. километр, характеризуется значительным развитием животноводства, занимающего по продукции в довоенном исчислении 15,5%, растениеводства — 38,2% и лесоводства — 17% всей продукции народного хозяйства. Являясь основ-

ной экспортной базой, северный район в то же время имеет громадное значение для удовлетворения потребностей в лесе нашего внутреннего рынка. Рецензируемый журнал вполне учел это своеобразие северной экономики и ее роль в экономике союзной. Останавливаясь на общих вопросах лесного хозяйства и перспективах его развития, журнал пытается дать ряд углубленных обследований из области рационализации лесного хозяйства и промышленности, связанной с лесным сырьем.

И. Анофриев в ст. „Леса севера и их роль на заграничном рынке и в СССР“ (№№ 10—12) отмечает, что еще в довоенное время, экспорт русского леса шел, главным образом, в Англию, Германию и Францию. Экспортной базой по преимуществу являлся и является Северо-Восточный район, обладающий 27% лесной площади европейской части РСФСР (с Уралом) или 78,2 мил. *га*.

Это обстоятельство ставит леса северо-востока в центр внимания, не только местных органов, но и общегосударственных. Автор правильно отмечает, что наряду с проведением жел.-дор. линий и под'ездных путей, которые могут утроить размер пользовательного лесосечного фонда, необходимо заняться правильным целесообразным лесоиспользованием и сохранением ценных пород (сосна). На ряду с этим должны быть произведены крупные качественные сдвиги в нашем лесном хозяйстве севера. Это уже выдвигает в перспективном плане задачу выработки целлюлозы и ее экспорта и требует усиления работы по лесопилению, деревообделочному, бумажному и лесохимическому производству, т.-е. усиления таких производств, которые давали бы возможность использовать труд внутри страны с максимальной выгодой. Интересная статья И. Анофриева хотя и дала широкую постановку одного из важнейших в Северо-Восточной Области вопросов, все же недостаточно затронула те реконструктивные последствия, которые должны произойти в связи с этим в народном хозяйстве области. Автору следовало бы остановиться на вопросах труда, на вопросах лесных промыслов и на сдвигах в сельском хозяйстве.

Большой интерес представляет статья А. Ларионова „Первые итоги работы лесопильного завода № 8“ (№№ 8—9), дающая характерные штрихи эффективности капитальных вложений. Завод № 8, полностью переоборудованный в начале 1928 года, стал давать такие качественные показатели производства, которые заслуживают большого внимания. Его работа показывает, какого эффекта могут ждать наши лесопильные заводы после переоборудования. Автор констатирует, что „производительность переоборудованного завода за первые 3 месяца работы за счет технических факторов повысилась в $1^1/_2$ раза и за счет уплотнения рабочего времени на 30,7%“. В то время, как на 1 выработанный стандарт в 1925/26 году тратилось 8,54 человеко-дней и в 1926/27 году — 8,35, за три месяца после переоборудования завода на 1 стандарт затрачено 5,6 человеко-дней, т.-е. на 35% меньше по сравнению с предыдущими годами. Автор, к сожалению, не мог до конца осветить проблему эффективности вложений, т. к. не имел возможности проследить внимательно снижение себестоимости. Однако, общие данные говорят, что стоимость стандарта после переоборудования выразилась в 110 руб. против 120 в 1926/27 году.

В Северо-Восточной Области большое значение имеет кустарная промышленность. И совершенно прав Ив. Иванов (ст. „О забытом хозяйственном участке“ № 8—9), когда отмечает индиферентное отношение хозяйственных и планирующих органов к кустарной промышленности. Развитие кустарной промышленности и ее охват куст.-пром. кооперацией способствует изжитию товарного голода, способствует созданию квалифицированной рабочей силы и росту индустриализации края.

На ряду с этими вопросами, журнал уделил достаточное внимание промыслам и проблемам, связанным с ним, а также ряду вопросов, связанных с местным хозяйством. Гораздо хуже дело обстоит с транспортом, земледелием, финансами и торговлей. Хотя в отделе „Хроника“ эти вопросы освещаются в сжатых информациях, однако, постановки острых проблем эти информации не дают.

В условиях Северо-Востока, доминирующее значение имеет транспортная проблема. Сократить расстояние от места производства до места потребления не только для продукции лесного хозяйства, но и для продукции земледелия — это одна из важнейших задач. Журнал не достаточно останавливается на этом, хотя его положение обязывает быть выразителем интересов Области. Журнал не использует возможности печатного периодического органа, который издается в будущем областном городе и теряет значительную долю организационных нитей, которые начали бы связывать область. В пределах Северо-Восточной Области по перспективному плану предположено построить 1657 километров железных дорог и провести Лаче-Кубенский канал. Канал, а также дороги Котлас-Сорока, Усть-Сысольск-Котлас и Галич-Котлас должны произвести крупнейшие сдвиги в народном хозяйстве Северо-Восточного Края.

Этому вопросу посвящена лишь одна полемическая статья С. Н. Пругавина „Железные дороги Обь-Беломорская и Обь-Котлас-Сорока“ (№ 6), заслуживающая серьезного внимания. Полемизируя с В. М. Воблым, изложившим свою точку зрения в „Известиях“ (№№ 1, 6, 21 и 25) и с А. А. Борисовым (№№ 59, 65 и 74), защищавшим, как и В. М. Воблый, необходимость постройки дороги Обь-Котлас-Сорока, С. Н. Пругавин приходит к выводам о большей экономической целесообразности постройки Обь-Беломорской дороги вместо проектируемой Обь-Котлас-Сорока.

Уделяя большое внимание лесному хозяйству, промышленности на лесном сырье и промыслам, журнал очень мало останавливается на земледелии, которое дает не более, не менее, как 54% в довоенной оценке всей продукции народного хозяйства Области. Проблемы животноводства и его интенсификации, кормовая проблема, льноводство проблемы урожайности остались вне поля зрения рецензируемого журнала. Не затронуты также вопросы социально-культурного строительства. В следующих номерах следовало бы заняться освещением этих вопросов и проблем, связанных с ними. Это тем более нужно сделать за счет формы изложения и громоздскости многих статей. Нельзя, например, не отметить, что ст. А. П. Орлова „Рабочая жилищно-строительная кооперация в Архангельске“ (№ 8—9), трактующая на 15 страницах о жилищной кооперации, насчитывающей 8 кооперативов при 348 членах и не могущей похвастать большими строительными достижениями — эта статья значительно больше выиграла бы, если бы основные мысли автор уложил на нескольких страницах. Указанная статья ничем не хуже многих других, но метод формирования журнала при помощи таких громоздких статей, нельзя признать правильным. Редакции журнала будет трудно выбраться из плена громоздких обзорных статей, если она не будет следить за тем, чтобы основные отрасли и проблемы хозяйства находили освещение, соответствующее их значению в народном хозяйстве. Давая общую оценку журнала, следует сказать, что журнал дает богатый, обработанный экономический и краеведческий материал по северному хозяйству и является ценным журналом. Грядущее оформление Северо-Восточной Области ставит перед журналом задачу — принять ярко-выраженный областной характер и вместе с тем, четко отражать генеральные политические линии хозяйственного развития.

П. Горшечников.

НОВЫЕ КНИГИ

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Том II, часть I-я, стр. 493, цена 4 руб.; часть 2-я, стр. 410, цена 3 руб. 50 коп., том III, стр. 568, ц. 5р. 25 коп. Изд. „План. Хоз.“ М. 1929.

Все три книги являются составными частями трехтомника, подготовленного Госпланом СССР и посвященного пятилетнему плану народного хозяйства СССР на период 1928/29—1932/33 гг. В первой части второго тома дана строительная и производственная программы плана, во второй части — социальные проблемы, проблемы распределения, труд и культура, а в третьем томе — районный разрез пятилетнего плана.

Эм. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР 1917—1927 гг. ГИЗ, 1929 г., стр. 231, ц. 2 р. 25 к.

Цель настоящей работы — подвести важнейшие итоги первого десятилетия советской промышленности на основе анализа главных этапов ее развития. Разделы этой книги посвящены периоду военного коммунизма, общим итогам нэпа, характеристике планового хозяйства, кризисным явлениям (кризис сбыта 1923 г. и товарный голод), сезонным колебаниям и т. д. Завершается работа главой, посвященной перспективам пятилетия 1927/28—1931/32 гг.

Пути под'ема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Сборник статей под редакцией М. И. Лациса и И. И. Литвинова. ГИЗ, 1929 г., стр. 319, ц. 1 р. 50 к.

Настоящий сборник включает статьи тт. Милютина, Лациса, Биценко, Шефлера, Дубровского, Беленького, Лискуна, Лежнева-Финьковского, Владимирского, акад. Вавилова и др., всесторонне освещающие основные вопросы сельского хозяйства Союза, в том числе пути его развития, проблему совхозов и колхозов, проблему коллективизации деревни, пути химизации в сельском хозяйстве, сортового семеноводства, животноводства и т. д.

С. Ужанский. Урожай и народное хозяйство. ГИЗ, 1929 г., стр. 140, ц. 50 к.

Автор анализирует проблему урожайности в связи с индустриализацией страны и социалистическим переустройством сельского хозяйства Союза. На ряду с освещением этой проблемы применительно к СССР, автор дает характеристику ее в довоенной России, а также в иностранных государствах.

Колхозы на Урале в 1928 г. Изд. Уральского областного статистического управления. Свердловск, 1929 г., стр. 124, ц. 2 руб.

Разработка материалов сплошного обследования колхозов Урала произведенного в июне—августе в 1928 г. статистическими органами области.

Проф. Г. А. Студенский. Организация крупных сел.-хоз. предприятий в Германии (Международный Аграрный Институт). Изд. „Новый агроном", М., 1929 г., стр. 443, ц. 4 р. 50 к.

Приведенное издание является результатом обследования, произведенного автором по поручению Международного Аграрного Института, и освещает, главным образом, постановку организационно-технической стороны крупно-капиталистических сел.-хоз. предприятий.

И. Златоцветов. Социалистическое накопление в СССР и его источники. ГИЗ, 1929 г., стр. 111, ц. 50 к.

Систематизированное популярное изложение директив партии и других материалов по вопросу об источниках, путях и методах социалистического накопления в СССР.

А. Эссен. Пути строительства СССР. ГИЗ, 1929 г., стр. 240, ц. 2 р. 10 к.

Настоящая работа представляет очерк советского и хозяйственного строительства Союза за первое десятилетие. Ряд глав этой книги посвящен экономике СССР.

Инж. В. Борц и инж. В. Умблия. Рабочая сила на жел.-дор. транспорте. Изд. Транспечать НКПС., М., 1929 г., стр. 124, ц. 2 р.

Авторы настоящей работы задались целью осветить основные проблемы, связанные с регулированием, нормированием и оплатой труда на жел.-дор. транспорте, имея в виду дать основные вехи для составления перспективного плана в области рабочей силы и зарплаты на транспорте.

В. Реймес. Введение в историю хозяйства. Перевод с немецкого под общей редакцией и с предисловием И. И. Рубина, с предисловием к нему изд. Генриха Кунова. ГИЗ, 1929 г., стр. 189, ц. 1 р. 35 к.

Популярное введение в историю капиталистического хозяйства. Автор дает картину экономического развития человечества от первобытных времен до настоящего времени.

С. А. Гурвич и В. К. Позняков. Заработная плата. Теоретические основы и современные проблемы. ГИЗ, 1929 г., стр. 140, ц. 1 руб.

Попытка освещения современных теоретических проблем заработной платы на основе конкретного материала с критическим изложением новейших систем в этой области.

Модест Рубинштейн. Противоречия американского капитализма. Изд. „Моск. Рабочий", М., 1929 г., стр. 160, ц. 1 р. 50 к

Работа М. Рубинштейна посвящена выявлению основных противоречий в современном американском капитализме и несоответствия между производственным аппаратом и платежеспособностью страны, в первую очередь, покупательной способности широких трудящихся масс.

У. Рандольф Бэрджес. Банковская организация американского капитализма. Перевод с английского Б. Б. Соловейчика. Предисловие Г. Я. Сокольникова. ГИЗ, 1929 г., стр. 279, ц. 3 р.

Книга Бэрджеса знакомит с одной стороны, с устройством и ходом работ федеральных резервных банков, с другой, с американской системой регулирования денежного и кредитного рынков, осуществляемой банковской системой. Книга снабжена большим количеством графиков.

Г. Деборин, Г. Сраговичи М. Черник. Теория и практика планирования народного хозяйства СССР. Библиография. Под ред. и с предисловием А. С. Мендельсона. ГИЗ, 1929 г., стр. 244, ц. 5 руб.

Настоящий библиографический сборник включает весь книжный и журнальный материал по вопросам теории и практики планирования народного хозяйства СССР, напечатанный на русском языке за 1917/1927 гг. и первое полугодие 1928 г. Работа является частью задуманной кабинетом планирования экономич. факультета института им. Плеханова серии работ.

В. В. Покшишевский. Центрально-Черноземная область. ГИЗ, 1929 г., стр. 192, ц. 1 р. 40 к.

И. И. Татарчуков. Центрально-Черноземная область. Изд. ЦЧОбластной плановой комиссии. Воронеж, 1929 г., ц. 90 коп.

Центрально-Черноземная Область. Статистический справочник. Изд. Статотдела ЦЧО. Воронеж, 1929 г., стр. 463, цена не указана.

Первые две книжки являются экономгеографическими очерками ЦЧО, построенными примерно по одному плану и освещающими основные моменты, определяющие экономическое положение Области. Третья книжка представляет собой первую публикацию официальных статистических материалов и показателей, применительно к районированию ЦЧО.

А. Морин и Н. Хрулев

Непроизводительный пробег грузов

Железнодорожный грузооборот в 1926/27 г. определился в 135,9 млн. перевезенных (отправленных) тонн против 132,4 млн. тонн довоенной России, взятой в границах СССР. Следовательно, прирост по числу отправленных тонн составил 2,6%. Но тот показатель, которым определяется продукция работы железнодорожного аппарата, а именно пробеги этих грузов, выполненные железными дорогам,—дали увеличение на 24,2%, составив в абсолютном выражении 81,6 мрд. тонно-километров для 1926/27 г. против 65,7 мрд. 1913 г. Другими словами, дальность пеервозки возросла в среднем для всех грузов на 21,2%.

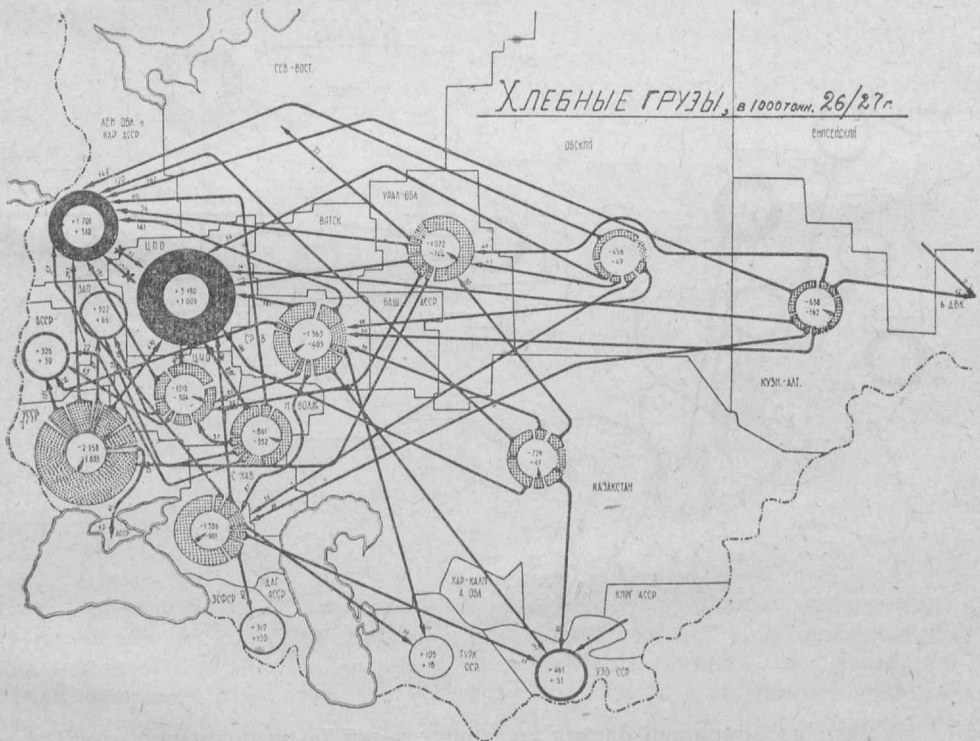


График 1.

С точки зрения экономики страны, увеличение дальности переброски, грузов, т.-е. увеличение транспортных расходов ее товарооборота, нельзя принять безоговорочно, как положительный фактор народного хозяйства, тем более, что современная дальность перевозки грузов не может быть оправдана зависимостью от величины пространства, как такового, ибо и в том, и в другом случаях сравнивается грузооборот одной и той же территории.

Колебания дальности перевозки грузов за годы 1925/26, 1926/27 и 1927/28 очень незначительны: в среднем она держалась на уровне около 590 километров.

Сметой НКПС на 1928/29 год эта дальность намечена и принята также в 590 *км* и, на основе предварительных сведений о ходе работы за первые пять месяцев этого года, можно предполагать, что фактическая дальность перевозки, т.-е. средний пробег тонны грузов за весь 1928/29 г. будет близок к сметному и во всяком случае не ниже его.

На пятилетие 1928/29—1932/33 гг. пробег этот намечен с очень небольшим снижением (до 584 *км*, т.-е. по существу дела оставляется стабильным до конца пятилетия.

При 165 млн. тонн груза, намеченного к перевозке (отправлению) в 1928/29 г. весь грузовой перепробег против 1913 г. определяется в 17 с лишним миллиардов тонно-километров.

Этот перепробег требует на его выполнение по существующим измерителям работы подвижного состава около 1.000 паровозов и 70.000 товарных двухосных вагонов.

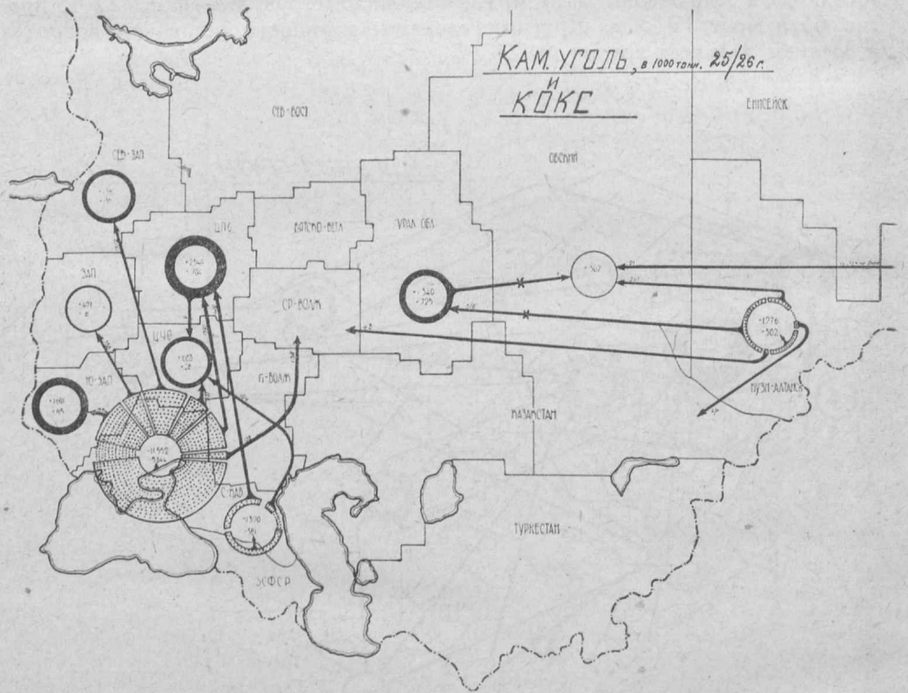


График 2.

Эксплоатационный расход железных дорог по выполнению этого перепробега для одного 1928/29 г., в соответствии с удельным весом его во всей работе сети, определяется в 200 млн. руб., увеличиваясь с каждым годом пятилетки в зависимости от роста грузооборота.

Перепробег, ныне совершаемый грузом на железных дорогах, в некоторой и безусловно большой части, несомненно приемлем в силу целого ряда общеизвестных факторов, но громадная трата средств народного хозяйства обязывает принять меры к тому, чтобы установить конкретные размеры допустимого перепробега, тем более, что есть основания предполагать, базируясь на материалах транспортной статистики, что некоторая доля этого

перепробега не оправдывается изменениями хозяйственной обстановки и, следовательно, неприемлема в условиях планового хозяйства.

Как велика эта доля, сказать трудно, но, как выше указано, весь перепробег требует таких громадных расходов, что и доля эта, возможно, стоит народному хозяйству также больших средств, растрачиваемых непроизводительно.

Попытка подойти вплотную к решению конкретной задачи о размерах того или иного влияния отдельного фактора на увеличение дальности перевозки грузов упирается в отсутствие соответственно обработанных статистических материалов, каковая обработка не может быть сделана парой — двумя рук, вооруженных карандашом.

Между тем, в условиях планового хозяйства выявление причин роста дальности перевозки грузов в конкретных формах и борьба за снижение этой дальности нами мыслятся по линии планово-регулирующего воздействия самого Советского государства.

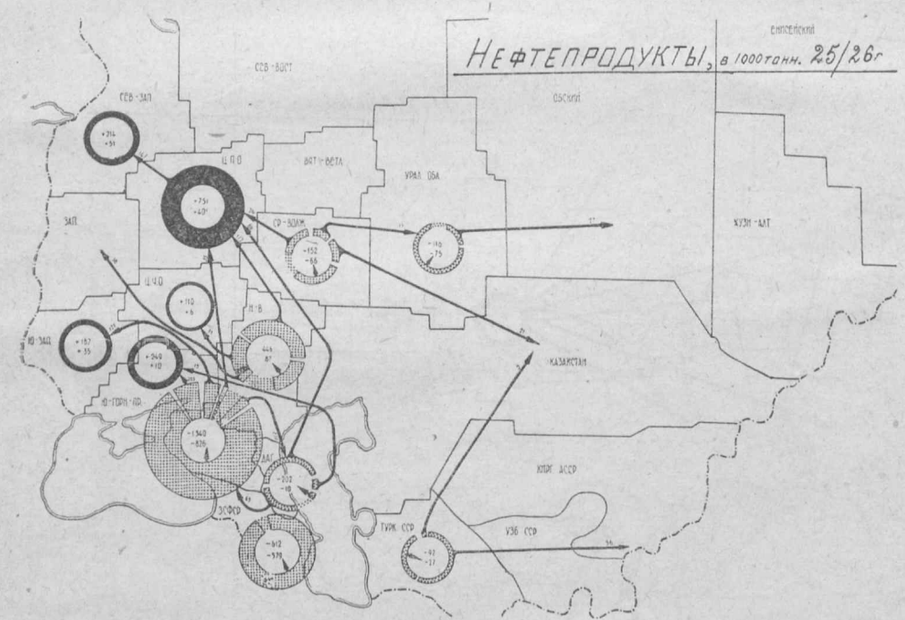


График 3.

Одновременно с необходимостью постановки задачи определения грузооборота в райнном разрезе желательно, чтобы при организации аналитических работ, о необходимости каковых говорил на последнем с'езде госпланов зам. пред. ЦПУ А. С. Андрейчик, в программе этих работ был предусмотрен и вопрос о дальности перевозки отдельных грузов в наше время, как основе к построению рационального грузооборота.

В работах по изучению современного грузооборота, конечно, будут использованы богатейшие статистические материалы НКПС'а.

Каждый хозяйственник может и должен изучить дело транспортирования грузов порученной ему отрасли хозяйства по отчетным данным сводной статистики НКПС'а, дающей прекрасную фотографию хозяйственной жизни страны в транспортном отношении. В этих материалах он найдет отражение действительного положения перевозок интересующих его грузов. Составление планов снабжения страны своей продукцией отдельными трестами, синдикатами, наркоматами не может быть выполнено достаточно

полно без изучения действительного выполнения перевозок этой продукции за предшествующие годы.

Совершенно ясно что такое изучение должно обнимать собою период ряда лет. Вопросы определения и установления закономерности межрайонных обменов; выявления хронических изломов грузооборота; конъюнктурных влияний на него; роста и колебаний дальности перевозки; встречности и повторности, — все это может быть освещено путем изучения материалов сводной статистики НКПС'а.

В настоящее время с большой долей вероятности можно допустить, что изучение этих материалов хозяйственниками не ведется. Причиной этого, может быть, служит запаздывание в опубликовании материалов этой статистики, некоторая незаконченность разработки в смысле отсутствия выпукло и кратко резюмированных результатов многотомных за каждый год трудов и малая популяризация этих работ среди хозяйственников, где есть, к сожалению, и не помышлявшие о существовании этих материалов.

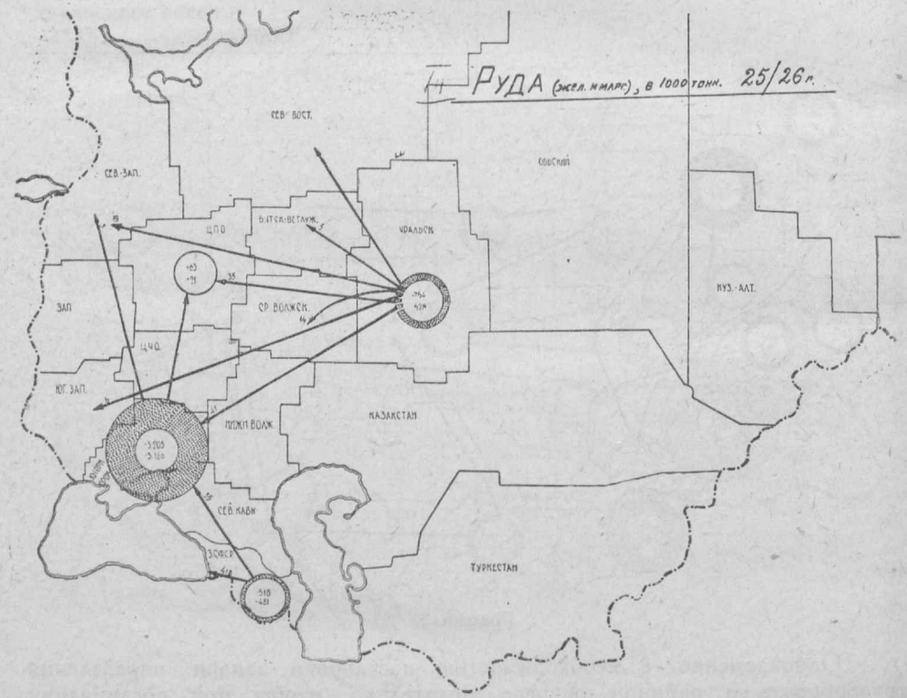


График 4.

Отсутствие кратко и выпукло выполненной результативной части статистических материалов нами предлагается восполнить схематическим графическим отображением содержания таблиц межрайонного обмена по примерному образцу, ниже прилагаемому.

Удобство этого способа заключается в максимальной простоте и выразительности громадного статистического материала перевозок.

В нашей статистической практике способ этот еще не применялся. Существующее схематическое отображение грузооборота, даваемое НКПС'ом при материалах о густоте движения, ни в какой мере не будет повторено нашим предложением, ибо существующие схемы не отвечают задачам освещения грузооборота в межрайонном разрезе, а лишь дают

наглядную картину направлений и величины грузопотоков в союзном масштабе.

На приведенных схемах потоки межрайонного грузооборота даны на основе статистических материалов сводной статистики не полностью. Допущение это сделано нами, как первая попытка осуществить идею графического оформления межрайонного грузооборота. В дальнейшем совершенно необходимо полностью отображать данности таблиц межрайонного обмена, тем более, что % недоучета перевозок в этих таблицах и без того высок. Кроме того, при полном фиксировании всех перевозок на схемах отчетливо выступят встречные, излишне-дальние и повторные перевозки, т.-е. те перевозки, рациональность существования которых в дальнейшем будет взята под сомнение в первую очередь. Графическое отображение таких массовых перевозок, как хлебные, каменноугольные, нефтяные должно быть дано по отдельным видам их, например, зерновые (рожь, пшеница и др.) и продукты перемола; уголь и кокс, светлые и темные продукты нефтяной промышленности и т. д.

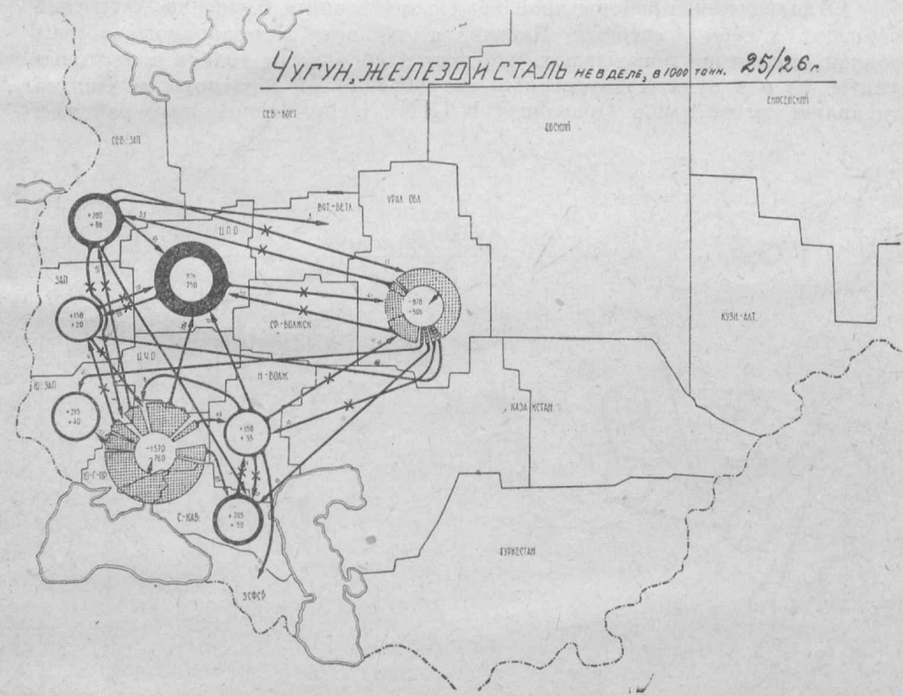


График 5.

Выдвигая идею графического отображения межрайонного грузооборота, мы не претендуем на законченность оформления предлагаемой идеи в том виде, как это сделано нами. Более того, например, схема хлебного межрайонного грузооборота убеждает нас в необходимости отмечать особо поступления хлебов в портовые (экспортные) пункты, а также и обратное отправление ими тех же хлебов. Грузопотоки следует наносить на схему, придерживаясь путей ж.-д. сообщения и в этом случае встречные перевозки будут отражены с максимальной наглядностью.

В прилагаемых примерных схемах грузооборот района потребителя обозначен кольцом, закрашенным сплошной черной краской (район, в котором преобладает прибытие извне), а грузооборот района производителя,

с преобладанием отправления за границы района, показан кольцом, заштрихованным точками.

Стрелки вне колец и цифры при них показывают направление грузопотока и величину его в тысячах тонн.

Цифры внутри колец обозначают (в тыс. тонн): числитель — суммарное отправление со знаком минус или прибытие со знаком плюс, а знаменатель — в том числе отправление по своему же району (если стоит знак минус и стрелка внутри кольца) или прибытие из своего же района (если стоит знак плюс).

Выход из района или поступление в него из прочих районов равны разнице между числителем и знаменателем.

Встречные перевозки отмечены знаком х.

При ближайшем рассмотрении прилагаемых схем по отдельным грузам, можно констатировать следующие, характерные для современного грузооборота, моменты.

По хлебным перевозкам 1926/27 года.

Отдаленнейшие районы производители Обский и Кузнецко-Алтайский снабжают хлебом Северный Кавказ, а таблицы межрайонного обмена сводной статистики показывают, что этот хлеб идет не только в портовые пункты, но и в пункты внутреннего потребления. И обратно, Сев. Кавказ отправляет те же хлеба (пшеницу) в ЦПО, Цент.-Черноземный район, в

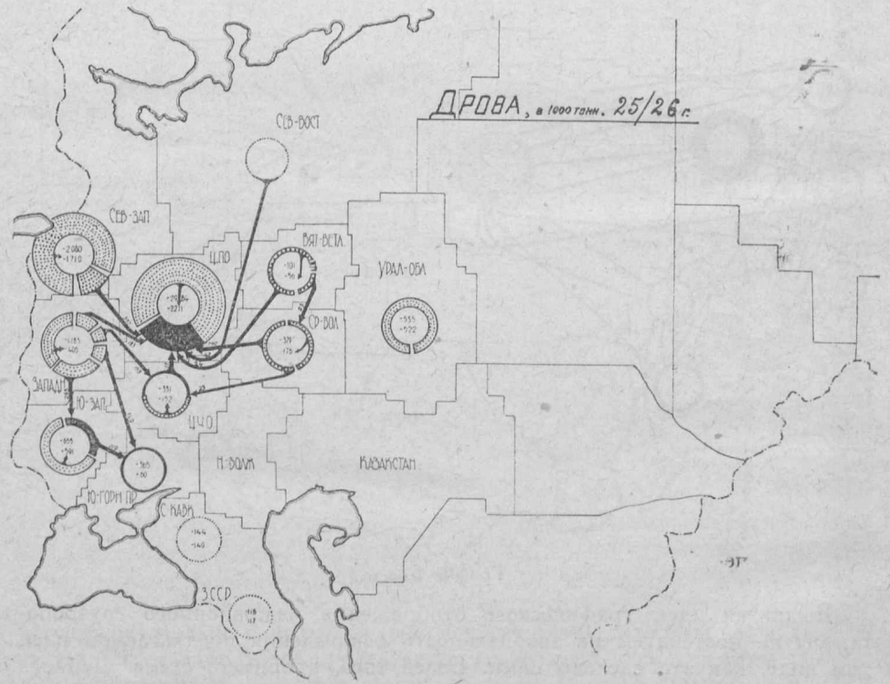


График 6.

район Средней Волги и на ст. ст. Ташкентской дороги, т.-е. в обратном направлении. Ленинградский узел обменивается однородными хлебами с Центр.-Черноземным районом. Урал снабжает пшеницей Украину и получает ее обратно. Характерно, что выявленные ненормальные грузопотоки при обзоре хлебных перевозок за 1925/26 г.[1] почти целиком повторились.

[1] См. „Плановое Хозяйство“ № 5 за 1928 г., статья Н. Хрулева.

Например, Черноморские порты шлют хлеб в Ленинград и обмениваются хлебом между собою. Сибирь шлет пшеницу через Кинель за Ташкент, а станции Ташкентской дороги — за Кинель на внутренние рынки. Омская с участка Тюмень — Омск шлет пшеницу за Байкал, а Томская от Тулуна ее же отправляет за Урал, т.-е. на громадном в 2000 км протяжении идут встречные потоки однородных хлебов. Так же, как и в 1925/26 г., станции Ташкентской дороги шлют пшено адресом на ст. ст. Омской, Томской и Забайкальской дорог навстречу мощному вывозу пшена из Сибири. Другими словами, картина хлебоперевозок 1925/26 г. повторилась и вместе с усиленной отгрузкой сибирского хлеба в порты Черного моря (Николаев и Новороссийск) и Мурманск 1926/27 г. дал рекордную дальность перевозки хлеба за все время существования наших железных дорог.

Большинство отмеченных здесь перевозок неестественных направлений в прилагаемой схеме отражения не нашло только потому, как выше отме-

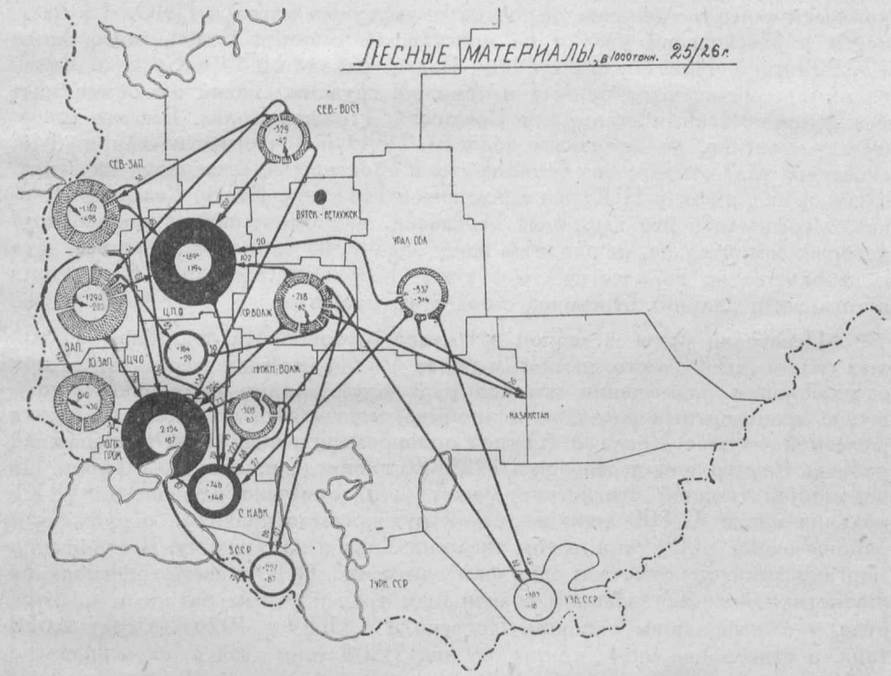


График 7.

чалось, что первая попытка наша осуществления статистической графики в таком виде требует, конечно, прежде чем вылиться в окончательные формы, соответствующей проработки.

В заключение следует отметить, что львиная доля перепробега падает на хлеб, следовательно, в первую очередь необходимо обратить внимание на урегулирование хлебооборота в стране.

На схеме каменноугольных потоков может быть отмечен мощный поток в 43 тыс. тонн кузнецкого угля в район Ср. Волги; большие переадресовки угля и кокса в пределах Ленинградского узла (94.000 тонн), Московского (10.000 тонн), Харьковского, Одесского, Бакинского. Переадресовки эти, кроме отрицательной их ценности с эксплоатационной точки зрения, снижают действительный средний пробег груза; увеличивают удельный вес повторных перевозок. Район ЦПО, и в частности Москов-

ский узел, шлет уголь и кокс в ЦЧО. Кроме этих, отмеченных на схеме моментов, следует указать, что ведомости межрайонного обмена по каменному углю и коксу рисуют картину снабжения углем и коксом из ЦПО всех районов Европейской части Союза за исключением Крыма. То же следует отметить о Западном районе, вывозящем уголь в 8 отдаленных от его районов. Южно-Горнопромышленный район снабжает углем все районы Европейской части, Средней Азии, Кавказа и Закавказья. Угли Донбасса докатываются до Обского района включительно. Навстречу донецкому углю, идущему в восточном направлении, идет уголь Кузбасса, докатываясь до Москвы и Ленинграда.

Грузооборот нефтепродуктов, данный на прилагаемой схеме, замечаний не вызывает, но содержание таблиц сводной статистики НКПС позволяет отметить следующие перевозки, требующие обоснования их появления. Например, пристанские пункты Нижней Волги отправляют большое количество нефти, бензина, керосина и нефтяных масел в ЦПО, а в частности в Московский узел и на пристанские станции Волги, всего около 170.000 тонн. Пристанские станции Волги, района ЦПО и Средней Волги взаимно обмениваются одними и теми же грузами. Такой же обмен идет между пристанскими станциями Средней и Нижней Волги. Все это совершается, конечно, по железным дорогам. ЦПО и в частности станции Московского узла отправляют те же грузы в обратных естественному их направлению, например, в ЦЧО, на Среднюю и Нижнюю Волгу, Северный Кавказ. Перечислить все нефтяные перевозки, экономическая рациональность которых сомнительна, не входит в нашу задачу, но если собрать их все, хотя и небольшие по количеству, то в сумме получится несколько тысяч тонн встречных и дальних перевозок с большим пробегом.

Перевозки руды железной в составе грузооборота занимают небольшое сравнительно место, немногим более 4%. И все-таки, перевозки ее при рациональном размещении потоков руд дадут видимо порядочное сокращение транспортных расходов. Например, могут быть отмечены перевозки железной руды с Урала в Южно-Горнопромышленный и Юго-Западный районы. Размер этих перевозок в 1925/26 г. определился в 41.000 тонн. Из ведомостей сводной статистики может быть отмечено следующее: ЦПО, получив извне 42.000 тонн железной руды, сам отправил в окружающие районы около 5.000 тонн, в том числе на Урал и на Украину. В отношении марганцевой руды отмечаем один факт, а именно, ЦПО в свете транспортной статистики является районом с активным транспортным балансом по этой руде, т.-е. вывозящим районом. Поступило в ЦПО в 1925/26 году 2.650 тонн, а отправлено 9.842 тонны, из них 7.500 тонн этой руды отправлено на Украину.

Схема межрайонного обмена черными металлами: чугун, железо и сталь не в деле, особенно ярко оттенила неблагополучие с этими перевозками. Вся страна покрыта встречными перевозками. Взаимно обмениваются одними и теми же металлами районы потребляющие и производящие, или первые между собой. Северо-Западный район, получая металл из Южно-Горнопромышленного, сам шлет этот же металл на Кавказ. Западный район, снабжаясь с Урала, сам вывозит на Украину и в ЦПО. Нижняя Волга отправляет в Уральский район, получая обратно те же металлы (чугун). Конечно, не все встречные перевозки металла сомнительны: здесь, видимо, играет роль разнообразный ассортимент одной и той же группы, но все же те, кому ведать надлежит, хозяйственники из ВМС, должны анализировать картину грузопотоков металлических грузов. Анализ этот облегчит им труд по составлению плана районного снабжения и такого же плана перевозок.

Схематическое отображение межрайонного грузооборота дров в его главнейших чертах никаких замечаний не вызывает, хотя ЦЧО, район ввозящий из всех районов производящих, все же отправил за границы своего района 25% ввоза, что составляет около 50.000 тонн. Часть этого вывоза шла в районы вывозящие: ЦПО, Западный и Юго-Западный. Таблица межрайонного обмена сводной статистики НКПС'а по дровам дает большой материал для изучения и устранения большого количества тех мелких шероховатостей дровяного грузооборота, которые, как и единицы, складываясь, составляют большие числа.

Обозрение схематического отображения грузооборота лесных материалов, первым долгом убеждает нас в том, что в громадных количествах лес всех видов идет по железной дороге даже и в том случае, когда рядом имеется дешевый, по течению, водный речной путь. Например, Северо-Западный, Северо-Восточный, Уральский, Средне-Волжский отгрузили на Северный Кавказ за Ростов по железным дорогам свыше 80.000 тонн разных лесных материалов, в том числе бревна, сваи, кряжи и т. п. Далее может быть отмечена аналогичная для многих грузов картина грузооборота, когда район с большим активным транспортным балансом, т.-е. вывозящий лес во все районы, сам получает большое количество из отдаленных районов лесного материала одной и той же группы. Например, многовывозящий Западный район получил в 1925/26 году из Северо-Восточного 34.000 тонн леса тех же групп. Лес после хлеба дал максимальный рост дальности своей перевозки против 1913 г., а именно, средний пробег его вырос по отчетным данным за 1925/26 г. на 60,8% (коммерческие с прочими хозяйственными). Картина районного обмена лесоматериалами четко подчеркивает возможность солидного снижения этого перепробега путем организационных мероприятий.

Еще с 1925/26 года НКПС со страниц своих статистических изданий и своего органа («Вестника путей сообщения», ныне «Транспортной Газеты») заявлял, что грузооборот железных дорог отражает собою организационные недостатки дела транспортировки грузов. Росли излишне дальние, встречные, повторные перевозки и переадресовки. В течение ряда лет, дальность перевозки грузов не падала. Наконец, постановлением СТО от 16/I 1928 г. предложено всем хозяйственным и государственным организациям приступить к составлению планов перевозок своих грузов. Вторично, 23/VIII 1928 г., это постановление было подтверждено, при чем СТО уже вменил в обязанность хозорганам, на ряду с промышленными и торговыми планами, составление на их основе плана перевозок в районном разрезе. До сих пор известно о составленных планах Сахаротрестом и ВМС'ом — этого мало. Нужны планы перевозок той отрасли хозяйства, чьи перевозки составляют 65—70% грузооборота и дали максимум перепробега против 1913 г., определенного выше в 17 миллиардов тонн-километров. Каждое начинание по определению районного грузооборота следует приветствовать, но после того, как гиганты нашего грузооборота: хлеб, топливо, лесные и другие строительные материалы, черные металлы и руды, будут надлежаще спланированы, надо надеяться, что после этого «прочие» грузы в некоторой доле автоматически утратят часть своих излишних пробегов, увеличившихся к тому же против 1913 г. только на 10%. Поэтому необходимо теперь же приступить к выполнению августовского постановления СТО и в отношении массовых грузов: хлеба, топлива, леса, стройматериалов и т. п.

На ряду с научно-исследовательскими работами НКПС'а по изучению грузооборота, о которых мы говорили выше, и хозорганы, клиентура НКПС'а, должны поставить работы у себя по определению грузооборота своих товаров в межрайонном разрезе.

Резюмируя приведенные соображения, отмечаем следующие выводы:

1) Необходимость аннулирования непроизводительных затрат, вызываемых увеличением средней дальности пробега грузов и встречными перевозками, заставляет, в первую очередь, широко поставить дело изучения этих явлений и причин их.

2) Это изучение следует направить: а) в сторону точного установления сравнимости средних пробегов грузов довоенного и настоящего времени и б) в сторону проработки клиентурой транспорта соответствующих статистических материалов НКПС межрайонных перевозок. [1]

Для облегчения работы последней является необходимым уменьшение отставания изданий статистических материалов НКПС и выпуск их результативной части в графическом, более компактном изображении.

3) Следующей (основной) стадией работы по изживанию непроизводительных пробегов грузов является периодическое составление клиентурой транспорта планов снабжения, а на основе их составление планов межрайонных перевозок (переход на следующую ступень планирования перевозок).

Правильное решение этой задачи мыслимо лишь при таком сочетании работы НКПС'а и клиентуры транспорта, когда самое построение планов межрайонных перевозок будет обнимать собою сумму коррективов к отчетным данным по перевозкам предшествующих лет на основе планов снабжения наркоматов и, равным образом, когда построение планов снабжения будет произведено с учетом коррективов в деле постановки отчетности по перевозкам грузов.

4) Такая постановка дела построения межрайонных перевозок заставляет НКПС расширить свою роль технического перевозчика до роли экономического планирующего и регулирующего органа (помощью междуведомственного аппарата ЦКП), во время останавливающего нерациональные перевозки.

---

[1] См. „Сводную статистику перевозок по жел. дор." № 75 (продукты горной промышл.), № 76 (металл), № 79 (продукты растительного происхождения), № 82 (продукты животного происхождения), № 86 (продукты лесного хозяйства), № 87 (хлебные грузы). В ближайшее время выходят материалы по таким же грузам и за 1926/27 г. (вып. № 87 относится уже к 1926/27 г.).